

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PSlav 176.25

B.d. May, 1895.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

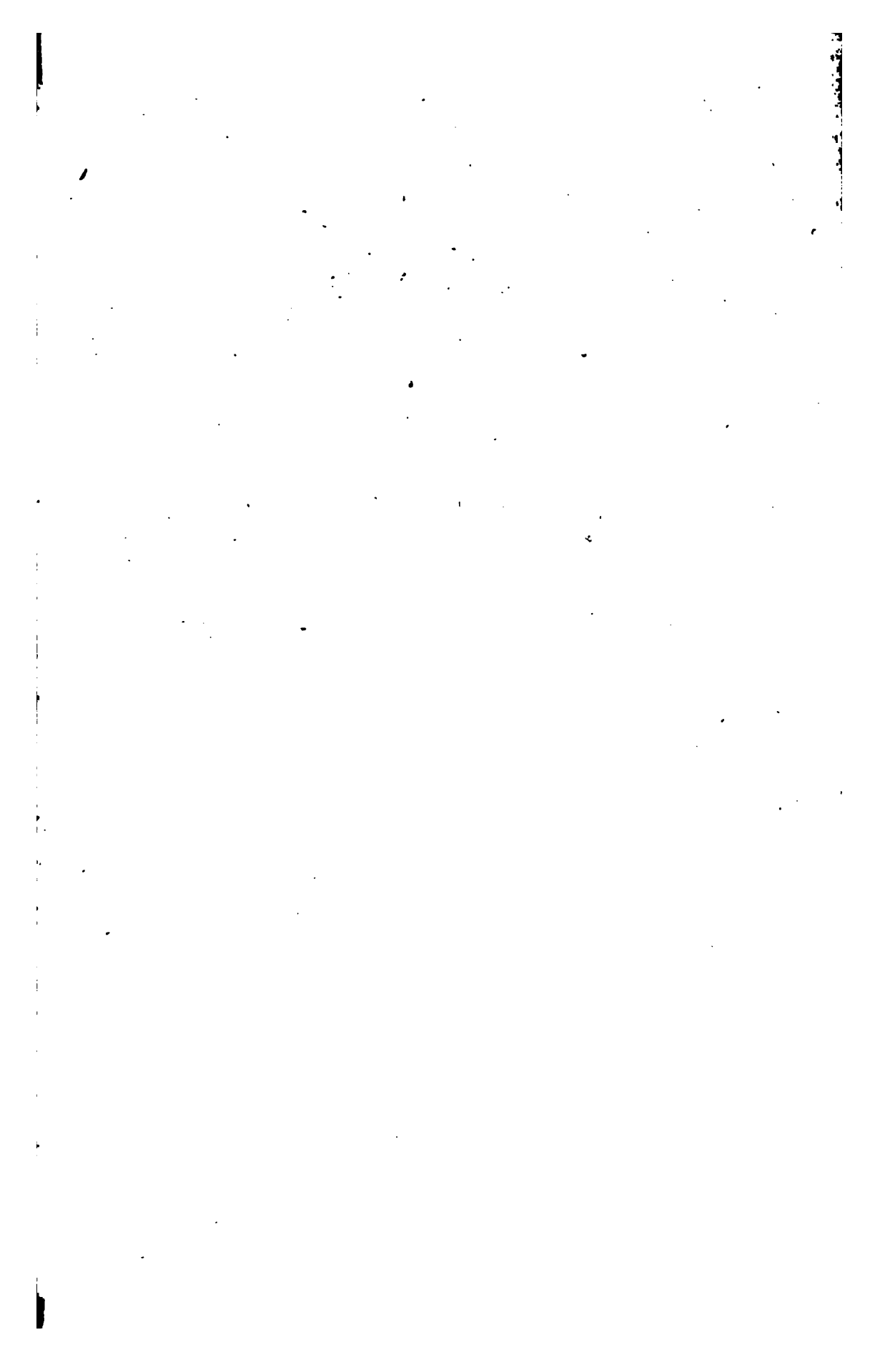
MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

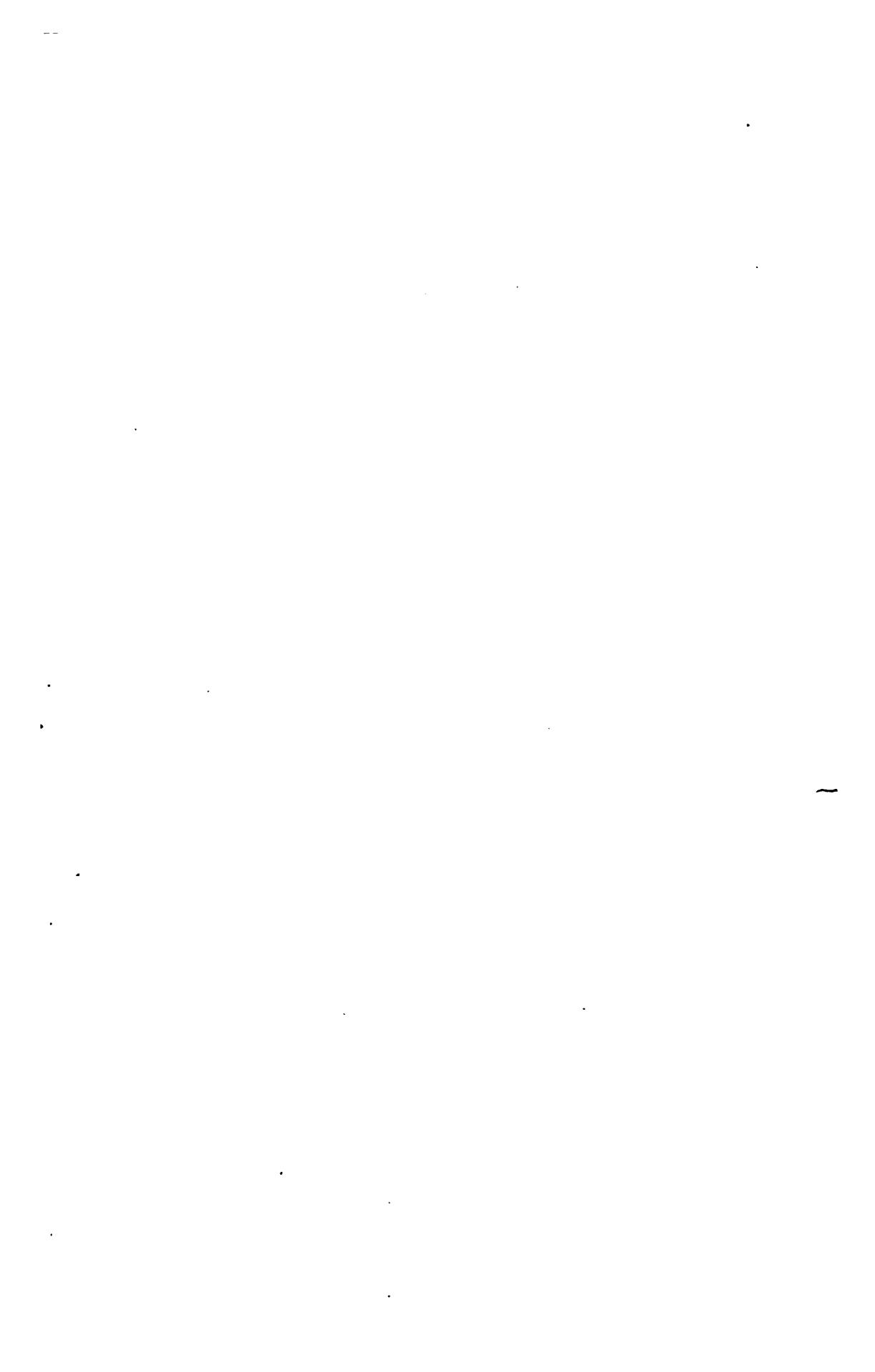
WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

7 Feb. - 4 Mar. 1895.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1895.

	Стр.
I.—СВЯТАЯ ПОРА.—Стих. А. М. Жемчужникова	5
II.—БЕРАНЖЕ И ЕГО ПЬЕСЫ.—Алексея Веселовского	7
III.—СВЯТЫЯ.—Повесть.—I.—С. Фойвизина	38
IV.—А. В. ДРУЖИНИНЪ.—1824-1884 гг.—I.—С. Венгерова	81
V.—ХОДОКЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая: I-XVI.—П. Д. Бибрикина	101
VI.—ИСКРА ВОЖИЯ.—Повесть, съ польскаго.—I.—Эд. Орешко	165
VII.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—I. Два павца.—II. Триумфаторъ.—Сергѣя Мамонтова	207
VIII.—ГОСТЬ ИЗЪ АЛТРУРИИ.—A Traveller from Altruria ² . A romance, by W. D. Howells.—I-VI.—А. Б-г	213
IX.—ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ПОСЛѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.—Феофанъ.—Авраамъ.—Кантемиръ.—Татищевъ.—Начатки русскаго псевдоклассицизма.—А. Н. Ильина	269
X.—ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЗАКОННОСТИ.—„Указъ и законъ“, исследование Н. М. Коркунова, въ двухъ томахъ.—I.—Д. З. Славинскаго	317
XI.—ИЗЪ „ROEMES TRAGIQUES“, Леконтъ-де-Лилъ.—1. Небесная лампада.—2. Умирившему поэту.—3. Безсмертное благоуханіе.—4. Альбатросъ.—5. Последний олимпіецъ.—6. Тайна батыя.—Ф. П. Михайловой	332
XII.—НАРОДНОСТЬ СЪ ПРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.—Вл. С. Соловьева	337
XIII.—ХРОНИКА.—Обороты и операціи казны въ 1893 г., по отчету государственнаго контроля.—Ф.	356
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый годъ.—Постановленіе о штудияхъ и отношеніе его къ закону 3 мая 1883 г.—Общій вопросъ о порядкѣ обсужденія и изданія законовъ.—Новыя предложенія относительно раскольниковъ.—Сфера примѣненія положенія 14 августа 1881 г.—Два циркуляра.—Постановленіе гжатскаго дворянства.—Приказъ ген. М. И. Драгомирова	374
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія событія истекшаго года.—Настоящее положеніе дѣлъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи	395
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Г. С. Сковороды, изд. проф. Д. И. Багадзевъ.—Критическіе очерки Н. К. Михайловскаго.—Описаніе Амурской области, Г. Е. Грумъ-Гржимайло.—Т.—Русскіе символисты, вып. 2.—Вл. С.—Новыя книги и брошюры	407
XVII.—ОБЪЯСНЕНІЕ на поправки къ статьѣ: „Последнія времена московской Руси“.—А. П.	427
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. The work of John Ruskin, its influence upon modern thought and life, by Charles Waldstein.—З. В.	429
XIX.—ЗАМѢТКА.—Изъ исторіи нашей „культуры“.—Поправка къ двумъ сообщеніямъ г. С. Южакова о погребеніи Н. С. Тургенева въ 1883 году	436
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новая организація общественнаго призрѣнія въ Москвѣ.—Странный взглядъ на благотворительность.—Значеніе благотворительности для самихъ благотворителей.—Характеристичныя процессы.—Земства гравировское и весьегонское.—Любопытныя статистическія данныя.—Забавныя недоразумѣнія въ печати	441
XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному воспитанію	456
XXII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Промышленныя спидкаты, Н. И. Анджуза.—Объ умѣ и познаніи, Ипп. Тана.—Всеобщая исторія литературы, В. Ф. Борша, вып. 1.—Путешествіе по Туркестану, Сиверцова и Федченки, излож. М. А. Лялиной.—Древняя исторія народовъ Востока, Ж. Масперо	
XXIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ТРИЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LIX. — ТОМЪ CCXLV. — 1/2 ЯНВАРЯ, 1865

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1895

~~131.84~~

~~687~~
50

1895, Dec. 1 - Mar. 4.

~~Star 302~~ Sever-fun. 1.

PSlav 176.25

(2274)

СВЯТАЯ ПОРА.

Есть пора святая въ жизни деревенской—
Осени прозрачной тихая пора.
Въ ясный день природа, это—храмъ вселенскій;
Въ немъ богослуженье—до ночи съ утра.
Лишь съ долинъ росистыхъ волны еиміама
Возлетятъ на встрѣчу утренней зари,
Для молитвъ открыты на просторѣ храма
Всюду алтари.

На холмѣ высокомъ, и подѣ скромной ивой,
И въ лугу безмолвномъ, гдѣ стоятъ стоги,—
Алтари повсюду, гдѣ благочестиво
Остановить путникъ взоры и шаги.
Паутиной чистой серебрятся жнѣвья;
Нивы въ изумрудный облеклись нарядъ;
Какъ панкадила, стройныя деревья
Золотомъ горять.

Время грозъ гремящихъ, время нѣги знойной
Отъ земли умчалось... Ей его не жаль.
Вся теперь объята думою спокойной,
Взоръ она возносить въ голубую даль;
Небу за бывшее шлетъ благодаренья;
Знаетъ, что ей нынѣ дни ужъ сочтены;
И готова къ смерти, чая воскресенья—
Отъ лучей весны.

Въ этотъ храмъ природный, храмъ нерукотворный
 Приходите, люди, бросивъ города!
 Въ немъ—пріютъ свободный мысли непокорной,
 Утѣшенье въ горѣ, отдыхъ отъ труда.
 Въ этотъ храмъ любовно распахнѹты двери;
 Всѣмъ умамъ широкимъ, всѣмъ благимъ сердцамъ,
 Всѣмъ людскимъ ученьямъ, и мечтамъ, и вѣрѣ—
 Входъ свободенъ въ храмъ.

Богомъ именуемъ, о, великій Зодчій!
 Осенью прозрачной, въ сельской тишинѣ
 Ты передъ природой мнѣ съ любовью очей
 Снялъ съ очей завѣсу и открылъ ихъ мнѣ.
 И Твой храмъ я вижу просвѣтленнымъ взоромъ,
 Храмъ, гдѣ вѣчно—служба въ славу бытія;
 И духовнымъ слухомъ слышу пѣнье хоромъ:
 Аллилуія!

Алексѣй Жемчужниковъ.

8-го октября 1894 года.

БЕРАНЖЕ

и

ЕГО ПЬСНИ.

Когда среди монотонныхъ, часто вымученныхъ мотивовъ новейшей поэзіи слышатся звуки свободныхъ пьсенъ старины, — давно не испытанное чувство душевной свѣжести и силы овладѣваетъ читателемъ. Такъ янтарная струя стараго вина, забытаго въ дѣдовскомъ подвалѣ, выйдя на волю изъ мшистой бутылки, все еще веселитъ сердца, зажигаетъ взоры, влечетъ къ жизни.

Это — участь пьсенъ Беранже. Когда-то ихъ любили и знали у насъ: гвардейцы, побывавшіе въ Парижѣ съ войсками, графъ Нулинъ и Онѣгинъ, записные остроумцы въ родѣ Вяземскаго, вѣчно юные энкуррейцы въ родѣ Вас. Льв. Пушкина, бойкіе куплетисты, А. Писаревъ, Ленскій, любители непечатной литературы. Потомъ серьезнѣе, глубже поняли того, въ комъ привыкли видѣть лишь веселаго *chansonnier*; его превосходно перелажалъ В. Курочкинъ, объяснял Добролюбовъ. Потомъ новыя теченія въ литературѣ и жизни далеко отодвинули прежняго любимца, — и его забыли. Нѣсколькихъ десятилѣтій со времени смерти поэта (род. 1780 г., ум. 1857 г.) было достаточно, чтобъ къ нему охладѣло и французское общество; ему много наговорили о томъ, что подобная поэзія отжила свой вѣкъ, что демократическое воодушевленіе Беранже граничило съ бонапартизмомъ, поклонялось военной славѣ, льстило шовинистамъ или заглушало тревожныя мысли безпечной хвалой любви и наслажденію. Одна только народная толпа осталась вѣрна своему старинному другу, стихотворцу-

плебею; его стихи, его припѣвы все еще держатся въ памяти народа; миниатюрные сборники ихъ, всегда — in-32°, любимый поэтомъ и воспѣтый въ стихотвореніи „L'in-8° et l'in-32°“ форматъ, потому что онъ можетъ удобно войти въ котомку или барманъ блузы рабочаго, — и теперь, по прежнему, находятся въ рукахъ тѣхъ, для кого были сложены эти пѣсни.

Но чуда символизма, острый аромать „дѣтвъ зла“, неувловимость поэтической мистики и ноющіе звуки поэзіи хандры не совсѣмъ еще заполонили современный вкусъ. Удрученный душевнымъ анализомъ, безвольными сѣтованіями и безплотными видѣніями, онъ не разучился цѣнить свободу и силу вдохновенія. Пора напомнить ему, что въ неприхотливыхъ куплетахъ старомоднаго „пѣсенника“ скрытъ родникъ истинной поэзіи, разнообразной, отзывчивой, искренней, способной освѣжить малокровное творчество потомковъ.

Это дѣлается теперь и на родинѣ поэта; возвратъ къ нему замѣтенъ и въ Англии, гдѣ послѣ мастерскихъ переводовъ Тэкверера прошла-было такая же полоса охлажденія. Если еще слышатся педантическія осужденія въ родѣ недавняго отзыва Брюнетьера, заявившаго въ Сорбоннѣ, что Беранже не поэтъ, а прозаикъ, у котораго иногда встрѣчаются приемованные концы строкъ ¹⁾, то все чаще и чаще появляются сочувственныя оцѣнки, воспоминанія о Беранже, какъ человѣкѣ, характеристики его роли въ новой литературѣ, и, послѣ того какъ его провозглашали образцомъ безнравственности и порочности, недавно сдѣлано предложеніе составить изъ его пѣсенъ сборникъ для народныхъ школъ, „le Béanger des écoles“, оставивъ въ сторонѣ все анакреонтическое и выдвинувъ на первый планъ то, что способно воспитывать молодежь въ любви къ людямъ, отечеству и свободѣ ²⁾.

Такая же попытка напомнить современникамъ о Беранже сдѣлана и въ русской литературѣ ³⁾. Болѣе четырехсотъ его пѣсенъ, въ прежнихъ и новыхъ переводахъ, составили первое собраніе его сочиненій; полнотѣ его помѣшали лишь „независящія причины“, побудившія кое-что ослабить, кое-что дать въ вольномъ переложеніи, а семнадцать пѣсенъ, изъ числа лучшихъ и наиболѣе смѣлыхъ, оставить совсѣмъ безъ перевода. Задача выполнена не всегда удачно; старые знатоки дѣла, Курочкинъ, Д. Ленскій, Михайловъ, и теперь съ честью выдѣляются изъ

¹⁾ Evolution de la poésie lyrique en France, 1894, p. 18.

²⁾ Статья Эрнеста Легувэ въ „Temps“, 8-го февраля 1894.

³⁾ Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакц. И. Ф. Тхоржевскаго. Тифлисъ, 1893.

числа переводчиковъ Беранже. Работѣ ихъ преемниковъ часто недостаетъ умѣнья соединить непринужденность съ изяществомъ, задорный, бьющій черезъ край юморъ съ искренностью чувства, — умѣнья, даже обрусивъ сюжетъ, сохранить типическія особенности поэта. Краски кое-гдѣ потускнѣли, демократическая простота перешла мѣстами въ вульгарность, и галльская соль — въ водевильную бойкость. Но муза Беранже „во всѣхъ нарядахъ хороша“, и съ тѣхъ поръ, какъ вмѣсто легкаго силуэта обрисовалась живая красота ея вдохновенной головки, русскому читателю становятся понятны и энтузіазмъ народнаго поэта, и власть его надъ людьми.

I.

„Простолюдинъ я, да — совсѣмъ простолюдинъ“ (je suis vilain, et très vilain), — съ гордостью восклицаетъ Беранже въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній ¹⁾, — и по всей его поэзіи проходитъ сознание тѣсной связи съ народною массою. Казалось, уже избалованный славой, онъ подѣ старость братски привѣтствовалъ „поэтовъ изъ рабочаго класса“ въ своей „Феѣ риѣмы“, благословляя ее за то, что она спустилась къ народу, „въ темноту лачугъ“, въ мастерскія, къ большой тревогѣ „вельможъ“, обезпвоенныхъ внезапно поднявшимися *говорожъ снизу*; какъ высшей чести, онъ желалъ, чтобы „самъ народъ вплелъ ему лавры въ вѣнокъ“. Поэзія Бёрнаса, наиболѣе однородная съ творчествомъ французскаго народнаго пѣвца — дочь полей и горъ; первую пѣсню онъ сложилъ, идя за плугомъ. Поэзія Беранже — дитя парижской толпы; родилась она на чердакѣ, среди бѣдности и труда, и понеслась оттуда по площадямъ, казармамъ, тюрьмамъ гигантскаго города. „Пой, бѣдный, пой“ — раздалось свыше, и скромный, „хилый и некрасивый“ новичокъ возвысилъ свой голосъ, понявъ, что „пѣть — его призваніе“ („Ma vocation“). Поэты-баловни любятъ рисоваться таинственнымъ даромъ вдохновенія; вкусы Беранже несравненно проще, — все же слишкомъ много необычнаго въ выборѣ судьбы, остановившемся именно на немъ, и, по своему, онъ тоже возвеличилъ пробужденіе поэтическаго дара („Le tailleur et la fée“). Въ бѣдной каморѣ старика портнаго явилось свѣтлое видѣніе; ласково склонившись надъ колыбелью, изъ которой послышался первый крикъ его внука, новаго гражданина вселенной, успокаивала его тревогу добрая волшебница. Но на

¹⁾ Пушкинъ подражалъ ему въ „Моей родословной“.

вопросъ старика, что за дары принесла она, каковы будутъ удѣлы ребенка, она отвѣчаетъ предсказаніемъ славы пѣвца ¹⁾).

Все пѣсни будутъ пѣть! Немного въ этомъ толку!
Сказалъ, задумавшись, мой дѣдушка портной:
Ужъ лучше день и ночь держать въ рукахъ иголку,
Чѣмъ безъ слѣда пропасть, какъ эхо, звукъ пустой...

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она, — безчисленными отголосками разнесутся его пѣсни повсюду; онѣ „очаруютъ сердца французовъ, онѣ утѣшатъ изгнанника“...

Шелли, въ своей извѣстной „Ode to a sky lark“, любуется жаворонкомъ, когда онъ рветъ въ поднебесья и поднимается все выше, въ царство безграничной свободы. Беранже „съ завистью глядѣлъ на крылья вольной птички“, но быстроту ея полета онъ усвоилъ бы своимъ пѣснямъ для того, чтобъ „съ неба, въ дни раздора, всѣмъ несчастнымъ, безъ разбора, въ звукахъ радость лить“; чтобъ „звонкій его голосъ огласилъ — базматы, и, мечтаньями объятый — о странѣ родной, — накануне приговора, — хоть на мигъ бы цѣпь позора — узникъ позабылъ“; чтобъ поэтъ могъ „чувать въ воздухѣ страданья и потоки слезъ, и на берегъ изгнанья могъ принести вѣтвь мира“ („Si j'étais petit oiseau“). Его призваніе стало для него, съ годами, и жизнерадостнымъ культамъ, и апостольскимъ служеніемъ. Стихотвореніе „l'Arôtge“ написано въ глубокой старости, но проникнуто юношескимъ духомъ Лермонтовскаго „Пророка“; друга людей влечетъ все впередъ „высшее велѣнье“; онъ несетъ имъ „миръ, истину и братство“, идетъ обличить „нравы дикіе тирановъ“, „сложить свою главу на эшафотъ“, и съ неудовольствіемъ отвергаетъ совѣты тѣхъ, кто желалъ бы, чтобъ онъ берегъ себя, „щадилъ души своей богатства, служилъ наукѣ, красотѣ, и тѣмъ „завоевалъ себѣ безсмертіе“.

Не на пьедесталѣ, не передъ треножникомъ мѣсто такого поэта, а въ толпѣ, среди житейскаго водоворота; для него нѣтъ „черни“; онъ самъ къ ней принадлежитъ, съ нею братается, говоритъ отъ ея имени, ведетъ ее впередъ, и боевой его кличъ — „vivent les gueux!“ Его личная жизнь совсѣмъ слилась съ жизнью народа. „Онъ видѣлъ вблизи (говоритъ онъ самъ въ предисловіи къ изданію 1833 года, посвященномъ „народу“) всѣ бѣдствія націй, испыталъ ихъ самъ, и если найдутся люди, которые упрекнутъ его въ томъ, что ему недоставало иногда веселости,

¹⁾ Въ 1831 г., тема этого стихотворенія была обработана въ пьесѣ: „Le tailleur et la fée“, которую Бёрне видѣлъ въ Пале-Роялѣ. Gesam. Schr. 1862, IX, 181.

добродушія, оживленія, то вѣдь они не знаютъ, сколько онъ страдалъ... Съ столичной и деревенской „голью“ у него одни желанія, одиѣ симпатіи, одинъ языкъ, всѣмъ понятный, въ которому совсѣмъ не пристали (правда, чрезвычайно рѣдкія у него) классическія украшенія. Это—народный языкъ политическихъ и обличительныхъ пѣсенокъ, въ которыхъ французскій народъ велъ сатирическую лѣтопись съ конца среднихъ вѣковъ до второй имперіи,—или застольныхъ вакхическихъ куплетовъ, сложившихся когда-то у крестьянъ Нормандіи за кружкой сидра, или на роднѣ Раблѣ за бокаломъ вина. Въ самомъ дѣлѣ, на пѣсняхъ Беранже лежитъ отпечатокъ ихъ народно-музыкальнаго происхожденія. Онъ слагалъ ихъ на готовый народный мотивъ или на импровизованную мелодію; онъ ихъ *пѣлъ*, прежде чѣмъ записать и выровнять слогъ, и только-что законченные куплеты раздавались прежде всего въ кругу друзей, за обѣдомъ, или на вечеринкѣ такихъ же, какъ онъ, стихотворцевъ въ *Порбекъ* (le Caveau), или подъ густою тѣнью лиственной арки въ саду, при звонѣ стакановъ и рукоплесканіяхъ. На другой день ихъ зналъ весь Парижъ, потому знала вся Франція.

Но эта извѣстность пришла сама къ безопасному поэту; онъ совсѣмъ случайно, для развлеченія опасно больного друга, у котораго проводилъ дни и ночи, записалъ свои первыя сорокъ пѣсень¹⁾. Когда онѣ уже были популярны, онъ скромно держался въ тѣни. Изъ окна мансарды шестого этажа, на boulevard Saint-Martin, онъ любовался видомъ громаднаго города, раскинувшася у его ногъ и покореннаго имъ, безвѣстнымъ новичкомъ, недавнимъ наборщикомъ, приказчикомъ въ библиотекѣ и конторскимъ писцомъ, безъ правильнаго образованія, безъ связей и поддержки. Потому его узнали ближе, полюбили; даже незнакомые разступались передъ нимъ и кланялись ему на улицѣ. Когда его преслѣдовали, толпы народа грозно бушевали вокругъ зданія суда; заточеніе его въ тюрьму вызывало всевозможныя выраженія симпатій,—а хоронить его пришло, по исчисленію наполеоновской полиціи, болѣе пятисотъ тысячъ человекъ.

„*Appelez-moi un chansonnier, c'est mon titre*“,—говорилъ Беранже, и его честолюбіе не поднималось выше роли „пѣсенника“, окруженнаго сочувствующими ему слушателями. Въ скромной провинціальной школѣ (въ Пероннѣ), гдѣ онъ началъ и кончилъ свое образованіе, не было избытка книжной мудрости, но зато школьники жили одною жизнью со всею страной и, слѣ-

¹⁾ Ma biographie, ouvrage posthume de P. J. de Béranger. 1857, p. 81.

домъ за своимъ педагогомъ, восторженнымъ поклонникомъ революціи, увлекались освободительнымъ движеніемъ, мечтали о подвигахъ добродѣтели и республиканскаго величія. Способность дѣлать съ своимъ народомъ и радости, и превратности судьбы, привитая школой, поддержанная первыми житейскими впечатлѣніями, осталась навсегда у Беранже, составила его главную силу, — и воспитала его лучше книгъ, совсѣмъ наперекоръ вліянію отца, непоколебимаго роялиста, выпустившаго изъ рукъ воспитаніе сына, чтобъ устремиться за химерой спасенія стараго порядка.

Глубоко должны были залечь въ душу ребенка первыя же всемірно-историческія событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Ему всего девять лѣтъ, и, забравшись на крышу, онъ видитъ взятіе Бастиліи; потомъ, мимо него, трепещущаго, испуганнаго, проходятъ вооруженныя толпы, и на пикахъ у нихъ видны оскоровавленные головы; потомъ, въ побѣдоносномъ шествіи, на колесницѣ, съ знаменемъ въ рукѣ, увидалъ онъ богиню Свободы въ образѣ прекрасной дѣвушки („La déesse“):

Тебя ль я видѣлъ въ блескѣ красоты,
 Когда толпа твой поѣздъ окружала,
 Когда безсмертною казалась ты,
 Какъ та, чье знамя ты въ рукѣ держала?
 Ты прелестью и славой цвѣла;
 Народъ кричалъ: „Хвала изъ рода въ роды!“
 Твой вворъ горѣлъ; богиней ты была,
 Богинею Свободы.

Онъ никогда не могъ забыть этой минуты, и впоследствии, часто видя свою богиню развѣнчанной, тосковалъ о грезахъ молодости, возставалъ противъ оскорбителей и отвѣчалъ тѣмъ, кто пытался доставить ему обезпеченное положеніе и богатство: „Я Свободу велъ къ вѣнцу, и буду вѣренъ ей до гроба“ („Le refus“).

Прологъ и первый актъ революціонной трагедіи онъ видѣлъ въ дѣтствѣ своими глазами; когда же, послѣ шестилѣтняго перерыва, житія въ Пероннѣ, ученія и типографской работы, Беранже юношей вернулся въ Парижъ, онъ засталъ вмѣсто главной пьесы плоскій фарсъ директоріи. Но издали онъ слѣдилъ за событіями, едва сдерживалъ гнѣвъ, когда мимо него проходили въ Пероннѣ войска коалиціи, собиравшіяся подавить, растоптать мятежную Францію; онъ мечталъ, волновался, произносилъ рѣчи въ клубахъ молодежи, съ болью сердца видѣлъ, какъ падаетъ значеніе отечества, ослабленное бездарными правителями, и какъ ликуетъ, сплотившаяся въ цѣлый заговоръ, старая монархическая Европа. „Патріотизмъ, — говоритъ онъ въ автобіографіи, — былъ самою

сильною, вѣрнѣе, единственною моею страстью“ (*cet amour de la patrie fut la grande, je devrais dire, l'unique passion de ma vie*),—но въ немъ не было воинственнаго, завоевательнаго духа. Кромѣ совсѣмъ необдуманнаго и мимолетнаго плана пойти волонтеромъ въ египетскій походъ, онъ только разъ въ жизни способенъ былъ, казалось, съ ружьемъ въ рукахъ, броситься на враговъ, — то было въ 1814 году, союзники вступали въ Парижъ. Когда вошла звѣзда Бонапарта, онъ радостно преклонился передъ нею не изъ благоговѣнія передъ диктаторомъ и блестящимъ полководцемъ, — хотя баснословная удача французскаго оружія способна была тогда ослѣпить и не такую страстную натуру. Онъ видѣлъ, какъ возрождается достоинство и слава французскаго имени, любовался геройствомъ народнаго войска, лихорадочно слѣдилъ за развертывавшеюся передъ встревоженною Европой богатырскою сцязкой, но въ дали будущаго ему чудилось торжество идей свободы и братства, въ которыхъ онъ воспитался, воцареніе разума, паденіе стараго порядка и всѣхъ его оплотовъ. Отъ Бонапарта онъ ожидалъ выполненія этой задачи, идеализировалъ его побѣды, — но искренно сочувствовалъ ему лишь до той поры, когда у „сына революціи“ выдвинулись честолюбивые замыслы властителя, грубыя замашки деспота. Возстановленіе трона вызвало у Беранже глубокую грусть; „онъ стоялъ за перваго консула, но не за императора“; „скорѣе человѣкъ истинноговъ, чѣмъ сторонникъ доктрины, онъ по природѣ былъ республиканцемъ“. Его своеобразный бонапартизмъ ¹⁾ нуждается, конечно, въ объясненіи, но прозвище шовиниста, не разъ безъ разбору прилагавшееся къ нему, совсѣмъ ему не пристало. У него, правда, былъ всегда неистощимый запасъ насмѣшекъ надъ „священнымъ союзомъ варваровъ“ (стихотв. „*La sainte alliance barbaresque*“), но лучше его мечтой было противопоставить ему „священный союзъ народовъ“;—стихотвореніе „*La sainte alliance des peuples*“ написано было въ 1818 году, когда послѣдній оккупационный корпусъ покидалъ Францію, и когда настоящій шовинистъ, задыхаясь отъ долго сдержанной злобы, провозгласилъ бы необходимость безпощадной *revanche*...

Беранже предвидѣлъ гибель своего любимца. „Увы! ничто не причиняетъ человѣку столько несчастій, — говорилъ онъ впоследствии, — какъ желаніе идти противъ новаго строя жизни. Наполеонъ погибъ подъ бременемъ этой борьбы“. Пѣсни Беранже

¹⁾ Коллэнъ, въ остроумномъ этюдѣ о Беранже, признается, что бонапартизмъ поэта всегда напоминалъ ему французскія монеты 1804 года, на которыхъ съ одной стороны надпись: „*Napoléon empereur*“, а на другой — „*République française*“.

обратились противъ всемогущаго повелителя. Въ 1813 г., наперекоръ блеску и шуму придворнаго и военнаго величія, онъ выдвигаетъ легендарный образъ добраго, доступнаго и любимаго короля-демократа, съ одного конца Франціи до другого разносится гѣсенка о Roi d'Yvetot, и популярность Беранже сразу создана. Разочарованія и горе народа находятъ въ немъ лучшаго выразителя; вмѣстѣ съ взволнованнымъ населеніемъ рабочихъ кварталовъ, онъ готовъ былъ драться на баррикадахъ наканунѣ каплитуляціи Парижа, не повѣрилъ обманчивымъ обѣщаніямъ возвратившагося императора, держался въ сторонѣ во время „Ста дней“, въ прелестномъ „Traité de politique à l'usage de Lise“, подъ видомъ совѣтовъ царицѣ своего сердца, убѣждалъ владыку „не быть тираномъ для подданныхъ своихъ, поставить предѣлы завоеваніямъ, править мягко, человѣчно, уважать народную вольность“, — и дожилъ до восстановленія того хилаго стараго порядка, который считалъ осужденнымъ на гибель. „Еслибъ императоръ могъ читать въ умахъ, онъ понялъ бы одну изъ величайшихъ своихъ ошибокъ. Онъ заставилъ печать онѣмѣть, отнялъ у народа всякую возможность свободнаго участія въ дѣлахъ и далъ изгладиться началамъ, вложеннымъ въ насъ революціей. Его личная удача долго замѣняла намъ патриотизмъ; собою онъ поглотилъ всю націю, и когда онъ палъ, погибла и она“¹⁾.

Настала томительная пора реставраціи. Вмѣстѣ съ дряхлымъ, неповоротливымъ, отъ всего отставшимъ Людовикомъ, которому лавействовавшіе клеветы придали некстати прозвище „Желаннаго“ (le Désiré), вернулись старое барство, монахи, обскуранты, весь штатъ неисправимаго и недогадливаго стараго королевства. Вернулся „на кобылѣ сивой“ въ свой феодальный замокъ маркизъ де-Караба и гордо прикрикнулъ на избаловавшихся безъ него бывшихъ крѣпостныхъ („Le marquis de Carabas“):

Слушать, поселяне!
 Къ вамъ, невѣждамъ, дрянн,
 Самъ держу я рѣчь!
 Я — опора трона;
 Царству оборона
 Мой дворянскій мечъ.

Вернулась веселая маркиза, мастерица соединять барскую спѣсь съ демократическою доступностью въ любовныхъ шапняхъ („La marquise de Prétintaille“). Явились изящные кавалеры, укра-

¹⁾ Ma biographie, p. 148.—O „Traité de politique“—Joseph Bernard, Béranger et ses chansons d'après les documents fournis par lui-même. 1868, p. 89—90.

шенные бѣлой ковардой, и, черезъ годъ послѣ взятія Парижа союзниками, праздновали это событіе, возвратившее имъ прежнюю роль, весело напѣвая: „День мира, день освобожденія! О, счастье! — мы побѣждены!“ („La cocarde blanche“). Церковные пѣвчіе затянули благодарственный гимнъ Конкордату 1817 года („Les chantres de la ragoisse“). Изъ „подземнаго царства“ вернулись іезуиты, чтобы взять въ свои руки просвѣщеніе, и эти „полу-волки, полу-лисицы“ впередъ уже ликуютъ. „Будутъ скоро, ради насъ, школы свѣтскія закрыты“, поетъ ихъ хоръ („Les révérends pères“, 1819), а имъ подтягиваетъ еще болѣе многочисленный хоръ всякихъ „миссіонеровъ“ („Les missionnaires“), напѣвая въ ригурнель:

Вы дуйте, дуйте посильнѣй!
Гасите просвѣщеніе,
Раздуйте огонь страстей.

Хотя духу вѣва по неволѣ сдѣлана была уступка, и рядомъ съ подновленнымъ дворцомъ засѣдала палата депутатовъ, но ее наполнили креатуры правительства, добродѣтельныя „улитки“ („Les escargots“), откормленные и самодовольные „каплуны“ („Eloge des charons“), которымъ вполне безразлично — „говорить: нѣтъ или да“, лишь бы имъ внушили, съ кѣмъ надо идти, и какого держаться пути, чтобы *правой* служить сторонѣ“. Когда имъ приходится давать отчетъ своимъ избирателямъ, они съ гордостью заявляютъ, что „и стѣсненіемъ прессы, и нарушеніемъ свободы суда, и изгнаніемъ уже пострадавшихъ противниковъ страна обязана имъ“; что отнынѣ все отлично пойдетъ, „ни назадъ, такъ сказать, ни впередъ!“ И эти охранители порядка — не все только обрюзгшіе и опустившіеся старики, — нѣтъ, среди нихъ много юношей, пришедшихъ къ мысли, что „намъ вѣдь міру не помочь“; что самое благоразумное — отречься поскорѣе отъ всякихъ химеръ („прочъ же наши — сразу прочъ — молодыя заблужденія!“), и что на свѣтѣ только и счастья, что каплунамъ!

А что за обѣды
Министры давали!
На эти обѣды
Всегда меня звали!

— съ блаженнымъ видомъ гастронома напѣваетъ, подводя итогъ минувшей парламентской сессіи, упитанный депутатъ-каплунъ („Le ventru ou compte rendu de la session de 1818“).

Среди такой повальной безгласности не было мѣста свободному слову; придворные поэты-льстецы взяли себѣ на откупъ поэзію;

установилось мнѣніе, что „родись второй Вольтеръ, — ей Богу, его бы вупили“ („Le poëte de soug“). Была ли какая-нибудь возможность высказаться? Въ самомъ невинномъ стихотвореніи прокуратура умѣла находить преступныя мысли и грозила вольнодумцу тюрьмою. „Онъ захотѣлъ бы, напр., послать молодой дѣвухкѣ нѣскольکو куплетовъ ко дню ея именинъ; ее зовуть Марію, — но такъ звали и мать Мессіи, — куплетъ опасенъ; у нея музыкальное дарованіе, она любитъ слушать народныя пѣсни о славномъ прошломъ, о герояхъ, — возбужденіе въ мятежу! — куплетъ преступенъ; два теплыхъ слова о ея сердечной добротѣ, готовности помогать бѣднякамъ, — подрывъ довѣрія къ властямъ, поощреніе общественной инициативы, — въ тюрьму! Скажешь, что нынче августъ, и какъ разъ число 15-е“, но уже это подслушали и донесли, что пѣвецъ чувствуетъ не Марію, а Наполеона; остается совсѣмъ умоленуть, и безъ стиховъ поднести именинницѣ букетъ, — о, это оказалось еще опаснѣе: букетъ вышелъ *трехцветный* („Halte-là! ou le système des interprétations“). Цѣлая система подглядыванья, подслушиванья и доносовъ опутала, точно тенетами, все общество, и въ числѣ удачнѣйшихъ созданій Беранже одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ живьемъ срисованный съ натуры „Monsieur Judas“ (или, какъ называлъ его въ своей мастерской передѣлѣ Курочкинъ, „господинъ Искаріотовъ“), способный „разстилаться, какъ кошка, выгибаться, какъ змѣй“, всюду вползать подъ личиной отъявленнаго либерала и патріота.

Но народную совѣсть не удалось усыпить или запугать. Старыя орудія ея протеста, политическая пѣсня и памфлетъ, на зло всѣмъ запретительнымъ мѣрамъ неуловимые и вездѣсущіе, выдвинулись противъ руководителей реакціи. Куплеты Беранже и „Письма винодѣла“, Поля-Луи Курьё, нанесли имъ больше вреда, чѣмъ оппозиціонныя рѣчи въ палатѣ или газетная полемика. Севозъ строй насмѣшливыхъ пѣсень прошли всѣ вліятельныя лица, привилегированныя общественныя группы, публицисты, министры, Талейранъ, наконецъ, одинъ за другимъ, два послѣднихъ Бурбона. Порою Беранже овладѣвала желчная шутовскость, его остроуміе становилось язвительнымъ, и вполѣдствіи онъ долго не хотѣлъ включать наиболѣе безцеремонныхъ пѣсень того времени въ собраніе своихъ сочиненій. Неистощимая фантазія и бойкій юморъ внушали ему самыя неожиданныя замыслы. То, сославшись на то, что „сюжетъ библейскій нынче въ модѣ“, онъ прославлялъ въ своемъ „Nabuchodonosor“ — вождя, который сталъ быкомъ, исправно ѣлъ въ конюшнѣ сѣно, глубокомысленно мычалъ и былъ осѣданъ жрецами, отъ его имени властвовавшими надъ народомъ:

Кто бы ни давил ихъ—вождь ли, биезь ли,
 Имъ все равно: они привыкли!
 И восклицалъ наемный хоръ:
 Ура, Навуходоносорь!

То, найдя въ исторіи подходящій образъ Карла III Простоватаго, онъ иронически восхвалялъ его ханжество и бездарность. Походъ французскихъ войскъ въ Испанію въ 1823 году вызвалъ у него „Новый приказъ по арміи“ („Nouvel ordre du jour“), который въ тысячахъ списковъ былъ распространенъ между солдатами передъ началомъ похода, когда войска стояли въ Пиренеяхъ; недостойно французовъ идти на помощь монахамъ и сеньерамъ противъ испанскаго народа, рвущагося на волю, помогать Фердинанду сковать несчастную страну; бесплодны побѣды, если онѣ безславны; завовывая другихъ, самъ очутишься въ цѣпяхъ, — такъ гласилъ этотъ призывъ поэта, обращенный къ народной чести и великодушію, и кончавшійся совѣтомъ, когда Франція станетъ изнемогать подъ слишкомъ тяжкимъ бременемъ, „поднять снова старое знамя“, — и это не было, конечно, для поэта символомъ Наполеоновскаго могущества, а той далеко отошедшей поры, когда „солдатъ былъ гражданиномъ“ и надъ нимъ развѣвалось „знамя свободы“ („Le vieux drapeau“, 1820). Напрасны всѣ старанія оправдать и освятить совершившійся поворотъ назадъ. На молебствіи при открытіи палаты архіепископъ, министры, подставные депутаты, финансисты, тщетно молятъ божество низойти и благословить ихъ дѣло; на всѣ мольбы слышится одинъ суровый отвѣтъ: „Non, je ne descends pas!“ („La Messe du Saint-Esprit“).

Но больше многихъ колкихъ насмѣшекъ дѣйствовала тогда хвала недавнему прошлому. Бываютъ времена, когда эти мысленные возвраты назадъ, отъ застоя къ жизни, служатъ ту же службу, какъ и проповѣдь прогресса. Беранже понялъ это и искусно воспользовался такимъ благодарнымъ средствомъ борьбы. Онъ никогда не бралъ назадъ строгаго своего суда надъ властолюбиемъ и тяжкими для народа ошибками Наполеона, но узникъ на о. св. Елены былъ въ его глазахъ неизмѣримо выше своихъ преемниковъ; съ нимъ связаны были когда-то великія надежды; онъ, казалось, готовъ былъ создать новый міръ на развалинахъ отжившаго строя, а теперь всѣ старанія направлены къ тому, чтобъ гальванизировать трупъ; его пора была временемъ славы и геройства; теперь бездарность и отсталость довели страну до того, что она сдѣлалась посмѣшищемъ Европы, и „подвиговъ прежнихъ молва—сказкой казарменной стала“ („Старый капраль“). Тотъ же ходъ идей, тотъ же контрастъ, невольнo приводившій къ возвеличенію На-

полеона надъ шайкой германскихъ деспотовъ, спокойно вернувшихся послѣ него въ своимъ крѣпостническимъ занятіямъ,—развилъ у Гейне его слабость къ императору-изгнаннику, на первый взглядъ идущую въ разрѣзъ съ лиризмомъ свободолюбія.

И на зло непопулярному правительству, Беранже изображалъ глубокую, неизгладимую память народа о Наполеонѣ. Гдѣ-нибудь въ глуши старуха-крестьянка собираетъ вокругъ себя кучку любопытствующей молодежи и своими разсказами о томъ, какъ она видѣла великаго человѣка, обруженнаго королями и старою гвардіей, передъ собой, у нихъ въ селѣ, какъ она угощала его въ своей хатѣ, и онъ сидѣлъ вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ,—вызываетъ благоговѣніе и грусть о томъ, что тѣ времена прошли („Les souvenirs du peuple“). Разнесшіеся потомъ по всей европейской поэзии и живописи, идеализованные типы старыхъ богатырей, ветеранъ-сержантъ, вспоминающій у колыбели внуковъ о томъ, какъ онъ, „сынъ республики“, шелъ когда-то въ битву, упоенный „свистомъ картечи, лязгомъ разбитыхъ цѣпей и сломанныхъ скипетровъ“ („Le vieux sergent“),—капралъ, не перенесшій оскорбленія чести Наполеоновскаго воина и бодрый духомъ за минуту до разстрѣлянія, сцены движенія легионовъ такихъ храбрецовъ по лицу Европы,—все это поддерживало запретную легенду и раздражало людей, стоявшихъ у власти.

Они пытались заглушить и разливъ обличительныхъ пѣсень, и демонстративное чествованіе прошлаго строгими законами о печати. Аббатъ Montesquieu, министръ внутреннихъ дѣлъ, внесъ въ этомъ духѣ проектъ въ палату еще въ 1814 г., но Беранже отвѣтилъ своей пѣсней „La censure“, смѣясь надъ напрасными усиліями охранителей; вѣдь ничто не можетъ остановить рукописной сатиры; для нея не нужно королевской привилегіи; конечно, можно до того усердно снимать со свѣчи нагаръ, что пожалуй и совсѣмъ погасишь свѣтъ,—но на другой же день въ рукахъ разсерженнаго министра очутится новая пѣсня, только въ спискѣ...

II.

„Муза! въ судъ!—Насъ зовутъ,—насъ обоихъ судьи ждуть!“—воскликнулъ Беранже въ декабрѣ 1821 года („La Muse en fuite“), когда въ первый разъ его вызвали въ Palais de Justice по обвиненію въ оскорбленіи нравственности, религіи и общественной власти. Онъ только-что выпустилъ собраніе своихъ пѣсень въ двухъ томахъ. Генеральный прокуроръ Маршанжі извлекъ изъ

нихъ съ большимъ искусствомъ множество доказательствъ подавляющей виновности автора, и для свѣдущаго большинства было ясно, что эта рѣдкая затрата проникательности и истинно-художественное творчество по части инсинуаций и клеветы, имѣли цѣлью не одну только кару Беранже: въ его лицѣ хотѣли заклеить всю оппозицію, съ главными вождями которой, какъ слышно, онъ былъ теперь близокъ и солидаренъ. То были, дѣйствительно, вѣрные слухи. Прошла пора одиночества Беранже въ сторонѣ отъ литературныхъ и политическихъ силъ его времени. Сначала передъ авторомъ „Короля Иветъ“ склонилось старшее поколѣніе пѣсенниковъ, съ прежнимъ любимцемъ публики, Дезажьё, во главѣ, и приняло его, какъ равноправнаго собрата, въ свой дружескій „Caveau“, веселую и непринужденную академію пѣсни и смѣха („L'académie et le caveau“); потомъ смѣлое политическое его направленіе открыло передъ нимъ доступъ и въ среду ораторовъ и публицистовъ лѣвой. Людямъ въ родѣ Бенжамена Констанна, Лафайетта, Манюэля, было дорого найти поддержку у народнаго пѣвца, къ чьимъ словамъ такъ чувствительно прислушивалась масса. Сближеніе съ этими людьми ввело Беранже въ кругъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ, воспитало его; дружба съ такою цѣльною и безстрашною личностью, какъ Манюэль, укрѣпила его убѣжденія; прощальное стихотвореніе въ честь умершаго друга („Le tombeau de Manuel“) осталось трогательнымъ памятникомъ этой дружбы остроумнаго куплетиста съ суровымъ гражданиномъ, воскресившимъ, казалось, древнюю civicескую добродѣтель. Сближеніе оппозиціи съ Беранже завершилось, наконецъ, тѣмъ, что его пѣсни стали появляться на страницахъ лучшихъ журналовъ, — напримѣръ, извѣстной тогда во всей Европѣ „Minerve“.

Все это не могло остаться безнаказаннымъ. Процессъ противъ Беранже превратился въ поединокъ между властью и общественнымъ мнѣніемъ; рѣчи Маршанжъ и Дюпёна, защитника поэта, отразили въ себѣ оба главныя теченія въ современной французской жизни, мертвую и живую воду. Беранже не оправдывался; онъ находилъ даже, что его адвокат могъ бы больше выдвигать политическую роль пѣсенъ, а не умалять ее, — потому онъ понялъ, что это дѣлалось, чтобъ избѣжать для него болѣе тяжкой кары. Но Дюпенъ съумѣлъ въ блестящей исторической характеристикѣ показать многовѣковую давность политической пѣсни, заявить, что во Франціи искони „монархическій образъ правленія былъ умѣряемъ пѣсней“ (tempré par la chanson), и что Беранже остался вѣренъ историческому призванію народнаго поэта. Провуроръ,

напротивъ, часто переносилъ обвиненіе на личную почву, стремясь выставить Беранже чудовищемъ безнравственности и безбожія, смѣющимся надъ самыми священными предметами,—и, возмущаясь такимъ стихотвореніемъ, какъ „le Bon Dieu“, восклицалъ: „нѣтъ, Платонъ не такъ говорилъ о божествахъ!“

Но вся аудиторія хорошо знала эту пѣсню; она поняла, что обвинителя оскорбляетъ не свободное обращеніе къ божеству, которое все же выставлено добрымъ и сердобольнымъ, но провинносимое имъ рѣшительное осужденіе тѣхъ, кто править, судить, угнетаетъ, опираясь на права, будто бы данныя свыше. Вся аудиторія знала пѣсни того, кто сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, и прежде всего самъ предсѣдатель суда, который въ своемъ рѣзюмѣ, вообще очень расположенномъ въ пользу поэта, любезно сожалѣлъ о томъ, что въ засѣданіи „не могутъ быть *спѣты* осуждаемыя пѣсни“, такъ какъ, конечно, эти „оправдательные документы много помогли бы благопріятному исходу“. Ихъ знали и присяжные, наказанные за снисхожденіе тѣмъ, что послѣ процесса были отняты у нихъ дѣла печати,—опять точно для того, чтобъ оправдать предсказаніе Беранже за годъ передъ тѣмъ („la Faridondaine“):

Donnons des juges sans juri,
Biribi,
A la façon de barbari,
Mon ami.

Наконецъ, всѣ эти ужасныя пѣсни знала наизусть вся толпа зрителей, до того переполнившая залу и коридоры, что судьямъ пришлось проникнуть въ засѣданіе *черезъ окно*... Беранже заплатилъ только небольшой пеней и трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ Sainte-Pélagie. Едва приговоръ былъ провознесенъ, какъ пошла по рукамъ пѣсенка, сложенная имъ въ память своего осужденія; въ тюрьмѣ раздались вслѣдъ за нею новыя пѣсни, одна смѣлѣе другой; гимны въ честь цѣпей и противъ свободы; похвальное слово вину, которое прислали узнику неизвѣстные поклонники; эпитафія музѣ, которую обвилъ и задушилъ змѣй въ лицѣ Маршанжѣ. Эти новыя созданія непокорнаго поэта, проникнувъ въ народъ, вскорѣ встрѣтились въ немъ съ запретными, только-что осужденными пѣснями; казалось, онѣ навсегда были уничтожены громкимъ уголовнымъ процессомъ, въ дѣйствительности же свободнѣе прежняго распространялись всюду. Дюпену пришла оригинальная мысль напечатать отдѣльно отчетъ о процессѣ и въ видѣ приложенія къ обвинительному акту привести съ доку-

ментальной точностью всё инерминированныя пѣсни. По смыслу законодательства, онъ имѣлъ на это право, но зато широкая гласность, приданная самымъ рѣзкимъ сатирическимъ выходкамъ, показалаь такимъ оскорбленіемъ, что Беранже, не успѣвшій еще отсидѣть въ тюрьмѣ назначеннаго срока, былъ снова преданъ суду и оправданъ.

Въ тюрьмѣ Sainte-Pélagie была знаменитая лѣстница, по которой всходили Беранже, Ламеннэ, Арманъ Каррель; изъ камеры, куда помѣстили поэта, незадолго передъ тѣмъ вышелъ Поль-Луи Курье. Орлеанъ страданія за идею окружалъ отнынѣ поэта наравнѣ съ публицистами и свободными мыслителями. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, новый процессъ, на этотъ разъ всецѣло зависѣвшій отъ коронныхъ судей, закончился гораздо болѣе суровымъ приговоромъ, популярность Беранже достигла высшей степени. Весь Парижъ былъ взволнованъ процессомъ; въ ропотъ толпы слышалось предвѣстіе близкой революціи; девятимѣсячное заключеніе въ тюрьму La Force возмутило общественное мнѣніе. Но этого было мало; штрафъ въ 11.000 франковъ наложенъ былъ на бѣдняка, который никогда не хотѣлъ отпереть своей двери „фортунѣ“, сколько ни стучалась она къ нему („La Fortune“):

Pan! Pan!—Est-ce ma brune?
 Pan! Pan!—Qui frappe en bas?
 Pan! Pan!—C'est la Fortune!
 Pan! Pan!—Je n'ouvre pas.

Национальная подписка сняла съ него это бремя. Симпатіи къ гонимому росли. Даже изъ Россіи ему присланъ былъ сочувственный адресъ со множествомъ подписей ¹⁾. Въ рядахъ поклонниковъ Беранже можно было встрѣтить и выдающихся людей изъ старшаго поколѣнія писателей и политиковъ, и молодежь, выступавшую тогда въ походъ подъ знаменемъ романтизма. Онъ побѣдилъ такого убѣжденнаго роялиста, какъ Шатобрианъ, такого апостола просвѣтленной религіи, свободной отъ фанатизма и мистики, какъ Ламеннэ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ Виктора Гюго съ его романтическимъ штабомъ, Сентъ-Бѣвомъ, Дюма, де-Виньи. Недовольство дѣйствительностью, подъемъ демократизма, находившаго сторонниковъ даже въ рядахъ служителей церкви, отрезвляющее вліяніе правительственныхъ ошибокъ, отсталости, безтактности и своеволия клики, окружавшей Карла X, сближали этихъ разнородныхъ дѣателей, и въ глазахъ ихъ Беранже былъ лучшимъ выразителемъ

¹⁾ Jules Janin. Béranger et son temps. 1866, I, p. 119—120.

взволнованнаго, раздраженнаго общественнаго мнѣнія. Шатобрианъ, когда-то рисовавшійся міровою скорбью и преклоненіемъ передъ таинственнымъ величіемъ королевской власти, все рѣшительнѣе склонялся на сторону оппозиціи, и еще при Бурбонахъ печатно называлъ Беранже „однимъ изъ величайшихъ поэтовъ, когда-либо видѣнныхъ Франціею“, „по таланту потомкомъ Лафонтэна и Горация, способнымъ, когда захочетъ, слагать пѣсни такъ, какъ Тацитъ писалъ свою исторію“. Пѣсенникъ-вольтерьянецъ и поэтъ-роялистъ сошлись на почвѣ общественнаго движенія; въ стихотвореніи, написанномъ „à M-r de Chateaubriand“, Беранже, вспоминая, какъ много сдѣлалъ его новый другъ для отжившей династіи, заклиналъ его „служить отнынѣ народу“, потому что это „жребій самый лучший“. Когда насталъ переворотъ, надъ іюльскими баррикадами, словно геніи-покровители, высились образы трехъ старшихъ вождей, казавшихся молодежи олицетвореніемъ связи новаго либерализма съ лучшими преданіями прошлаго вѣка, — это были Лафайэттъ, Шатобрианъ и Беранже.

Блестящая будущность открывалась передъ Беранже. Всѣ ближайшіе руководители возстанія были его друзьями или поклонниками. Ему стоило пожелать той или другой почести, должности, богатства, и все было бы дано ему. Никогда еще не стоялъ онъ такъ высоко надъ общественнымъ уровнемъ, но величіе совершенно не привлекало его; привычки бѣдности и независимости брали верхъ; милліоны его друга, банкира Лафитта, одного изъ двигателей революціи, много разъ пытавшагося улучшить его положеніе, шли на нужды страны, и Беранже радостно указывалъ способы ихъ употребленія, но самъ остался въ бѣдности. Онъ не вернулъ себѣ даже той скромной должности при министерствѣ народн. просв., которую у него отняли послѣ процесса. Стихотвореніе „Къ друзьямъ, ставшимъ министрами“, полно грусти, а „L'habit de soug“ отрывается отъ всякихъ сдѣлокъ съ знатностью и богатствомъ. Для обѣда „chez Son Altesse“ поэтъ заказалъ себѣ новый фракъ, но тѣсно, неловко ему въ немъ; онъ вышелъ изъ дома, чтобъ скрѣпя сердце продѣлать скучную церемонію, но по дорогѣ его зазываютъ пріатели на веселую пирушку, потомъ встрѣчается свадьба, увлекающая его за собой, потомъ Лиза подаетъ условленный знакъ, — „а Лиза, вѣдь, милѣй вельможи, и ей не нуженъ новый фракъ“, — долой это убранство, и да здравствуетъ свобода и любовь!

Беранже вошелъ опять въ теченіе народной жизни, сохранивъ за собой драгоцѣнное для него право критически относиться къ общественнымъ явленіямъ. Сначала ему казалось, что пѣснѣ его

пришла пора замоленуть: не онъ ли самъ поддерживалъ кандидатуру Людовика-Филиппа, находя водвореніе республики преждевременнымъ и ожидая коренныхъ реформъ? Въ первую минуту онъ даже высказалъ мысль, что „революція низложила съ престола Карла X и... пѣсню“, но скоро наступило разочарованіе. Переворотъ купленъ былъ цѣною крови, вооруженная сила взяла верхъ, и поэтъ уже опасается застоя въ высшей культурѣ страны; „тамъ, гдѣ скрестились штывы, нѣтъ уже больше прохода идеямъ“ (Quand on croise les baïonnetes, les idées ne passent plus). Но опасность была еще серьезнѣе: переворотомъ воспользовались зажиточные классы; реформы не выходили изъ области проектовъ; оживилась старая погоня за наживой, мѣстами, вліяніемъ; пробудились произволъ, гоненіе на независимыя убѣжденія, система подглядыванья и выслѣживанья; тѣ, кто вынесъ на своихъ плечахъ переворотъ, были грубо оттѣснены. Зрѣлище дѣлежа добычи между „бѣлоручками“ вызвало тогда у новичка-поэта Барбье его пламенную „Curée“; оно побудило и старѣвшаго годами, но не духомъ, Беранже вернуться къ прежней работѣ¹⁾. „Царствуй, пѣсня, царствуй снова!“—воскликнулъ онъ и по своему чествовалъ „реставрацію свободной пѣсни“ („La restauration de la chanson“).

Старыя республиканскія симпатіи взяли у него верхъ. Онъ не могъ хладнокровно видѣть, какъ солидарные съ французскимъ либерализмомъ бельгійцы, добывъ себѣ свободу, послѣ восьмимѣсячнаго броженія въ пользу республики, стали добывать себѣ короля, и послалъ имъ ироническій „Conseil aux belges“. „Изготовьте себѣ короля, чортъ возьми!“ звучитъ призывъ (Faites un roi, morbleu, faites un roi); „вѣдь это такъ легко! А сколько благъ посыплется на васъ!.. Заведутся дворъ, барство, этикетъ, ордена, парады, лесть“; „chez vous pleuvront laquais de toute sorte: juges, préfets, gendarmes, espions, nombreux soldats pour leur prêter main-forte. За чѣмъ же дѣло тало? Faites un roi, morbleu!“ Польское, греческое движеніе онъ горячо принимаетъ къ сердцу. Отъ этого естественно было перейти къ сближенію съ новымъ социальнымъ движеніемъ, охватывавшимъ низшіе слои и требовавшимъ для нихъ равноправности. Мечты и проекты

¹⁾ Оба поэта самостоятельно разработали тогда сходныя темы. Когда Беранже, въ своемъ „Refus“, отклоняетъ предложеніе министра Себастьяни обезпечить его и возвѣличиваетъ Свободу, „une bégueule enivrée qui, dans la rue ou le salon, pour le moindre bout de galon, va criant: à bas la livrée“, слышатся мотивы „Curée“ („C'est une forte femme aux puissantes mamelles, à la voix rauque, aux durs appas qui se plait aux cris du peuple, aux sanglantes mêlées, qui ne prend ses amours que dans la populace“,—Barbier, Jambes et Poèmes).

предтечь этого движенія, сенъ-симонистовъ, не испугали Беранже и не вызвали на издѣвательство, замѣтное тогда у многихъ выдающихся людей; его привлекала мысль о разумномъ переустройствѣ жизни, и въ глубокой старости онъ вспоминалъ въ своихъ пѣсняхъ о честныхъ мечтателяхъ начала вѣка. Но онъ пошелъ вмѣстѣ съ преемниками сенъ-симонистовъ, все глубже спускавшимися въ реальную жизнь съ ея нуждами и запросами. „Я ожидалъ, что сдѣлано будетъ много великаго и новаго, что расширена будетъ даже сфера 1789 года,—вмѣсто того только покрасили почернѣвшій тронъ“,—писалъ Беранже еще въ январѣ 1831 года. Съ тѣхъ поръ недовольство его росло и ставило себѣ опредѣленные цѣли. Вокругъ поэта стали группироваться новые люди,—поколѣние, создавшее революцію 1848 года. „Старый мѣръ умираетъ, всюду разольется свѣтъ равенства“,—говорилъ онъ теперь, и, видя, какъ толпы дѣтей и молодежь шли на кладбище, чтобъ украсить цвѣтами могилы июльскихъ бойцовъ, онъ, привѣтствуя молодое поколѣние, желалъ ему, какъ высшего счастья, возможности развить далѣе великое дѣло „славныхъ трехъ дней“ („Les tombeaux de juillet“). Эту горячность и неизмѣнную вѣру въ лучшее будущее не могли не оцѣнить новые люди. Въ прекрасной характеристикѣ Беранже, сдѣланной Бѣрне въ его французскомъ журналѣ „La Balance“¹⁾, эта черта мастерски выдвинута на первый планъ. Поэтъ шелъ впередъ вмѣстѣ съ вѣкомъ. „Беранже не остановится болѣе,“—писалъ Прудонъ въ своемъ этюдѣ о немъ:—послѣ 1830 г., отдалившись отъ политики, но всегда преданный движенію идей, онъ еще сдѣлается провозвѣстникомъ социализма“; характеризуя дѣятельность его, Прудонъ находилъ, что имъ создано „нѣсколько десятковъ несравненныхъ произведеній“ (trente ou quarante chefs d'oeuvre²⁾). Прудонъ,—замѣтимъ мимоходомъ,—не принадлежалъ къ числу особенныхъ любителей Беранже, но, и „не зная его лично, уважалъ его“. Отзвуки новыхъ общественныхъ теорій дѣйствительно чувствуются все сильнѣе въ пѣсняхъ, и не только тамъ, гдѣ въ самомъ сюжетѣ даны примѣры ненормальности строя жизни или несправедливости къ трудовому классу (напр. въ „Жавѣ“, къ которому является приставъ, чтобъ именемъ короля отнять послѣднее имущество, или въ „Jeanne la Rousse“, гдѣ цѣлая семья гибнетъ изъ-за преслѣдованія главы ея, уличеннаго въ браконьерствѣ), но и всюду, гдѣ передъ поэтомъ

¹⁾ Correspondance de P. J. Proudhon, 1859, III, 380.

²⁾ Béranger et Uhland, La Balance, 1836, Janvier.

отрывается будущее съ его свободнымъ и разумнымъ складомъ жизни. Новая волна увлекла его; если ради грядущаго социальнаго возрожденія покинула тогда свое *личное* творчество и поэзію освобожденной любви Жоржъ-Зандъ, и надолго отдалась пропагандѣ,—для Беранже, находившаго, что „пѣсенникъ долженъ всегда идти впереди“ (*un chansonnier doit aller de l'avant*,—изъ письма къ абб. Прадту) такой путь былъ обязателенъ.

Но онъ уже не думалъ болѣе для себя о дѣятельной политической борьбѣ; его пора прошла, и онъ желалъ только роли наблюдателя, который время отъ времени можетъ вставить въ споръ свое слово. Писалъ онъ теперь рѣдко,—двѣнадцать, пятнадцать стихотвореній въ годъ,—но мѣтко и сильно было каждое его слово.

Республика снова восторжествовала, и одною изъ первыхъ мыслей ея руководителей было почтить заслуги Беранже избраніемъ его въ депутаты. Но онъ отклонилъ отъ себя и эту честь; смѣясь, просилъ онъ не повторять ошибки англичанъ, когда-то изъ признательности избравшихъ въ парламентъ Ньютона; „во всю его парламентскую жизнь онъ произнесъ лишь одну фразу:—„закройте окно, г. ораторъ можетъ схватить насморкъ“,—а я, пожалуй, скажу только нѣсколько словъ:—отворите дверь, я хочу уйти“. И онъ дѣйствительно ушелъ, показавшись два-три раза въ національномъ собраніи. Единогласно онъ былъ избранъ (200.471 голосомъ); палата отказалась принять его отставку. Но онъ былъ непреклоненъ и, напоминая, что „въ первый разъ обращается съ просьбой къ своей странѣ“, заявилъ рѣшительно, что долженъ очистить мѣсто для молодыхъ силъ. Ему было уже 68 лѣтъ; позади была жизнь не изъ числа обыкновенныхъ и безцвѣтныхъ; одинъ за другимъ сошли со сцены его сверстники; грустнаго зрѣлища угасанія бѣднаго и больнаго Шатобриана у чьего изголовья плакала когда-то обольстительная и остроумная его подруга, г-жа Рекамьё, было уже достаточно, чтобы напомнить о бренности всего земнаго; новыя бѣдствія отечества удручали поэта, вызывая тяжелыя предчувствія. Беранже, привѣтствуя республику, находилъ однако ея побѣду слишкомъ внезапною, опасался отместки вліятельныхъ и богатыхъ слоевъ, военной диктатуры, и былъ свидѣтелемъ іюньской рѣзни, потомъ выступленія на подмостки Людовика-Наполеона, водворенія искалѣченной республики 1850 года, которая носила въ зародышѣ вторую имперію, и безцеремонно пародировала и народное правленіе, и бонапартизмъ, когда-то своей эпической стороною увлекавшій Беранже. Наконецъ, послѣ 2-го декабря потянулась,

годъ за годомъ, мертвящая, унижительная пора владычества „последняго Бонапарта“.

Беранже, казалось, совсѣмъ замолеъ. Толпа, встрѣчавшая его на привычныхъ его прогулкахъ по Парижу, на бульварахъ, въ Jardin des Plantes, гдѣ онъ мирно отдыхалъ на скамьѣ, съ почтеніемъ и любопытствомъ смотрѣла на него, какъ на послѣдній обломокъ славной и уже далекой старины. Но онъ все видѣлъ, все подмѣчалъ и отгадывалъ; въ потухавшемъ взорѣ большихъ умныхъ глазъ вспыхивалъ временами огонь; прежній паеосъ патриотизма и негодованія, прежняя сила насмѣшки и обличенія находили себѣ выраженіе въ мастерскомъ стихѣ, и когда явились посмертныя „Dernières chansons“, раскрывшія современникамъ всю тайную, внутреннюю работу его мысли и чувства, — вспышки энергіи и воодушевленія среди дѣйствительно старческихъ переживовъ и припоминаній были поразительны. Не ошибалось Наполеоновское правительство, когда зорко слѣдило за нимъ, какъ будто подстерегая малѣйшую мысль, малѣйшій стихъ, и не довѣряя безмолвію и затишью. Вѣрный лѣтописецъ французской жизни успѣлъ вписать въ свой разсказъ и послѣднюю печальную повѣсть.

III.

Но гдѣ же въ политической біографіи нашего пѣсенника мѣсто для того Беранже, который всѣмъ наиболее близокъ и знакомъ, для поэта любви, вина и наслажденія, для живописца двусмысленныхъ нравовъ и пивантныхъ похожденій, потомка Вольтера, Бовкачіо, Лафонтэна, для „пѣвца Лизетты“? Политика и любовная поэзія, гражданское мужество и бойкость бытового жанра — двѣ ли это маски, поочередно обрацаемыя къ толпѣ, то съ воинственнымъ пыломъ, то съ мирной нѣгой, или это два настроенія одной и той же впечатлительной, увлекающейся натуры? Чтѣ было дороже для поэта: его протестъ или его фривольныя картинки и анакреонтическія шалости?

Прежде всего, можно ли провести у него грань между чисто политической сатирой и той насмѣшкой, которая вторгается за кулисы общественныхъ нравовъ, семьи, брака, сословныхъ отношеній? Опора добраго порядка и нравственности, счастливый любовникъ жены своего услужливаго подчиненнаго, „Monsieur le sénateur“ — интересный образчикъ спасителей отечества, создавшихъ реставрацію, и въ то же время герой двусмысленнаго житейскаго анекдота; фигура сластолюбиваго монаха вполнѣ встаети

и тамъ, гдѣ приходится изображать походъ черной братіи противъ культуры, свободы, науки, и въ наброскѣ съ натуры, просящемся въ новеллу, въ фавль, въ скоромную Лафонтэновскую сказочку. Поставьте среди людской сутолоки, обильной такими характерами и сценами, искушеннаго уже въ политической борьбѣ, зоркаго и насмѣшливаго наблюдателя, — и передъ вами раскинется цѣлое море комическихъ приключеній, выхваченныхъ имъ прямо изъ жизни и пересказанныхъ съ бойкимъ юморомъ. Какъ для его предшественника-баснописца, для Беранже это — „общечеловѣческая комедія, разыгрывающаяся въ сотнѣ разнообразѣйшихъ актовъ на сценѣ вселенной“. Безконечной вереницей идутъ обманутые мужья, шалуньи-жены, ловкіе искатели приключеній, гризетки, гуляки, барышни, ловящія мужей, маритантен, веселые трюппіегз; слышатся разгульныя пѣсни, живыя рѣчи, смѣхъ, звонъ стакановъ, остроуміе свободное отъ всѣхъ оковъ, народный юморъ во всей его непринужденности, — и въ припѣвѣ, заканчивающемъ скоромные куплеты, словно взрывы хохота при видѣ удавшейся мастерской продѣлки.

Беранже признается, что, рано познакомившись съ Аристофановскими комедіями, онъ задался мыслью стать когда-нибудь французскимъ Аристофаномъ, свободнымъ обличителемъ нравовъ. У него были и другіе предшественники, — старые французскіе пѣсенники, типа Франсуа Виллона, и авторы фавль, увлекшіе его на тотъ же путь; когда опытные писатели изъ старшаго поколѣнія „растолковали ему, что не слѣдуетъ искать тутъ себѣ образцовъ“, было уже поздно. Какъ въ пѣснѣ „Le bartème de Voltaire“ на крестинахъ Вольтера присутствуетъ тѣнь Раблѣ, такъ въ числѣ воспріемниковъ самого Беранже должны красоваться и авторъ „Гаргантюа“, и его великій преемникъ, просвѣтитель и юмористъ первой величины. Къ этимъ внѣшнимъ влияніямъ, къ богатству матеріаловъ, которые рассыпала передъ нимъ жизнь, присоединилась и самородная сила таланта реалиста-нравоописателя, стоявшая, быть можетъ, еще болѣе широкаго примѣненія въ комедіи или повѣсти. Среди разлива смѣха, читатель невольно остановится на такой ярко жизненной, правдивой, иногда даже грустной картинѣ, которая врѣзывается потомъ въ память съ ея освѣщеніемъ, лицами, голосами. Вотъ размечтавшаяся о лихой своей молодости, совсѣмъ ушедшая въ прошлое бабушка въ кругу разгорѣвшихся любопытствомъ внучатъ („La grand' mère“); — вотъ слѣпая мать въ ея безсильныхъ порывахъ уберечь отъ соблазновъ дочь, къ которой тутъ же прокрадывается другъ сердца; — „рыжая Жанна“, понизивъ головой, съ тремя дѣтьми

плетется домой изъ тюрьмы, куда заперли ихъ поилца-кормильца, отца семьи;—прижавшись головой къ старику-пастуху, ребенокъ слѣдитъ въ ясную звѣздную ночь за блестящимъ полетомъ падающихъ звѣздъ, вмѣстѣ они загадываютъ, чьи души проносятся такъ передъ ними по небосклону, и тихое раздумье о человѣческой долѣ овладѣваетъ ими;—на казнь идетъ старый капралъ и, подавляя свое горе, въ послѣдній разъ ведетъ стройно, нога въ ногу, свой взводъ;—а вслѣдъ затѣмъ снова слышатся веселыя ноты, и то же перо нѣсколькими штрихами набрасываетъ „какъ яблочко румяное“ лицо весельчака, способнаго хохотать даже за минуту до смерти („Le petit homme gris“), или самого сатирика въ минуту свиданія съ плутовкой Лизеттой, когда неистощимы и шутки, и поцѣлуи, и шампанское...

Вахлическія сцены сплетаются у Беранже съ любовными мотивами, и неразборчивый читатель можетъ порою навязать его поэзіи отгѣнокъ эпикурейской чувственности, а самому поэту—одну изъ тѣхъ лоснящихся отъ удовольствія фигуръ, которыя такъ любили изображать фламандцы, съ красоткой на колѣняхъ и высоко поднятымъ бокаломъ въ рукѣ. Но застольная пѣсня была тоже завѣщана ему любимой народной традиціей; когда онъ писалъ свою „Grande orgie“, отъ этого опыняющаго веселья, „пира на весь міръ“, не отказался бы и самъ Раблѣ. Въ дѣйствительной жизни скромный по привычкамъ, воздержный и бѣдный, Беранже, по словамъ его друзей, врядъ ли часто испытывалъ, однако, ощущенія Гаргантюа, и не годился въ эпические „buveurs très illustres“; свѣтлыя винныя волны, которыя весело играютъ и переливаются въ его стихотвореніяхъ,—безобидная гипербола... Другое дѣло—небольшая дружеская пирушка, или, еще лучше, ужинъ вдвоемъ съ Лизеттой... Среди невзгодъ и противорѣчій жизни только тутъ находилъ онъ отдыхъ, радость, самозабвеніе. Сколько счастливыхъ часовъ, проведенныхъ съ Лизеттой, сколько смѣха, безопасности, шалости! Онъ учитъ ее политикѣ („Traité de politique“), дразнить ее побѣдами надъ святошами и ханжами, собирается съ нею на богомолье въ Мекку („Le pèlerinage de Lisette“), на гибель правовѣрнымъ, съ нею забываетъ о приглашеніи къ вельможѣ, поетъ ей то о „битвахъ любви“, то о „битвахъ славы“, любитъ ее бѣдною, вѣчно веселою, простою швеей, знаетъ, что она никогда не посоветуетъ ему идти на сдѣлки съ богатствомъ и властью („Les conseils de Lise“), и, вспоминая, сколько свѣта принесла она ему, появившись когда-то, улыбаясь, съ цвѣточкомъ на груди, въ его каморкѣ, гдѣ вмѣсто драпри у окошка она вѣшала свой платочекъ

(„Le grenier“), онъ всю душой переносится въ ту блаженную пору:

На глухомъ чердакѣ, въ двадцать лѣтъ,
Я былъ счастливъ, и мнѣ улыбался весь свѣтъ!

Моралисты и блюстители хорошаго тона въ литературѣ давно уже поставили въ вину Беранже, что своей вдохновительницей, музой, онъ сумѣлъ выбрать только гризетту; что его любимыя героини, подѣ статью Лизѣ, какая-нибудь хохотушка Жаннетта или игрунья Frétilton, у которой „только юбка за душой“; что въ любви онъ видитъ лишь забаву, серьезнаго чувства не понимаетъ и въ сущности смотритъ на женщинъ пренебрежительно. Въ распоряженіи такихъ объяснителей былъ, разумѣется, довольно большой выборъ сужденій и отзывовъ, разсѣянныхъ по пѣснямъ и отмѣченныхъ боккачьевскимъ скептицизмомъ. Но Беранже и не думалъ срывать своего взгляда; онъ воспроизводилъ жизнь, какою она ему представлялась; если картина выходила непривлекательною и совсѣмъ безъ назидательности, онъ напоминалъ, что пишетъ не для пансіонеровъ, а для взрослыхъ читателей, знающихъ жизнь. Онъ не хотѣлъ отстаивать своего идеализма и способности къ глубокой привязанности, — пусть прозорливые люди найдутъ ихъ слѣды въ тѣхъ же пѣсняхъ...

Изъ легіона вѣтренныхъ и порочныхъ женщинъ въ Декамеронѣ выдѣляются свѣтлые образы немногихъ избранницъ. Такъ и Беранже все же поэтъ женщины, хотя много осужденій и насмѣшекъ выпадаетъ ей на долю. Несравненно болѣе гуманный, чѣмъ его великій итальянскій предшественникъ, онъ украшаетъ ореоломъ не однѣхъ только носительницъ добродѣтели, — и эту черту въ немъ тонко подмѣтилъ Добролюбовъ¹⁾. Въ стихотвореніи „Двѣ сестры милосердія“, въ свое время возбудившемъ гнѣвъ французской прокуратуры, онъ сводитъ у вратъ рая сердобольную монахиню и танцовщицу изъ Большой Оперы, и когда обѣ въ своихъ признаніяхъ вспомнили о минувшей жизни, о томъ, какъ одна изъ нихъ своимъ примѣромъ научала служить долгу, готовила людей къ смерти, а другая „заставляла жизнь любить и вѣрить въ счастье“, — привратникъ впускаетъ обѣихъ женщинъ, — „вѣдь Богъ всегда принять готовъ того“, —

¹⁾ Въ своей статьѣ по поводу переводовъ Курочкина; см. Сочин. Доброл., томъ 2-й. До сихъ поръ въ нашей литературѣ это лучшая характеристика Беранже. Вѣрная цѣнка поэта сдѣлана Шаховымъ въ его „Очеркахъ литер. движенія въ перв. полов.“ XIX в. 1894.

Кто осушилъ хоть каплю слезъ,
Носилъ ли онъ вѣнецъ терновый,
Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ.

Если „вѣрить въ счастье и любить жизнь“ научило поэта одно изъ такихъ совсѣмъ земныхъ созданий, съ вѣнкомъ изъ розъ на бойкой головкѣ, и если благодаря такой музѣ онъ могъ исполнить свой долгъ передъ народомъ и явиться его вождемъ и вдохновителемъ,—зачѣмъ клеймить его выборъ? Зачѣмъ, съ другой стороны, допытываться во что бы то ни стало, *кто* былъ оригиналомъ Лизетты? Полной истины мы все же никогда не узнаемъ: Беранже умно принялъ свои мѣры,—а историко-литературныя справки показали, что имя Лизы, какъ готовый псевдонимъ въ стихотворенiяхъ подобнаго же рода, перешло къ нему отъ Вольтера вмѣстѣ съ двумя, тремя сходными мотивами (наприм. нежеланiемъ видѣть свою скромную подругу богатой и знатной)¹⁾ и было въ ходу у другихъ стихотворцевъ прошлаго вѣка. Скрывалось ли подъ этимъ собирательнымъ именемъ нѣсколько личностей, или же это было условное имя одной и неизмѣнно дорогой женщины?... И теперь еще есть люди (наприм. старикъ Легувѣ), которые помнятъ долготѣнную подругу Беранже, m-lle Judith Frère, неразлучную спутницу его, умершую въ глубокой старости, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти самого поэта. Когда они сошлись, „она была прекрасна, а онъ, Боже, какой онъ былъ уродъ!“ („Qu'elle est jolie“); ихъ свела искренняя любовь,—и ему грезилося тогда, какъ подъ старость она будетъ вспоминать о немъ и о своей любви („La bonne vieille“):

Когда, найдя подъ старыми чертами|
Слѣды воспѣтой мною красоты,
Тебя обступая юноши съ словами:
„Кто это другъ, по комъ горюешь ты?“
Разсказывай имъ въ тихій часъ досуга,
Какъ я любилъ, какъ жизнь была яреа,
И доброю старушкой пѣсни друга,
Какъ прежде, напѣвай у камелька.
Коль спросятъ: „Что тебѣ въ немъ было мило?
— „Его любила я“, ты дашь отвѣтъ.
— И никогда въ немъ зла не находила?
Ты съ гордостью на это скажешь:—„Нѣтъ!“

Въ чертахъ старушки Judith, говорятъ, можно было найти слѣды былой красоты,—но была ли въ нихъ хоть тѣнь сходства

¹⁾ Вольтеровская *épître* „Les Vous et les Tu“, написанная по случаю свадьбы Сюзанны де-Ляври, конечно, повлиала на пѣсню Беранже: „Ce n'est plus Lisette“.

съ вѣтреной вакханочкой Лизеттой знаменитыхъ куплетовъ? Романъ цѣлой жизни начался ли жгучими свиданіями въ бѣдной мансардѣ и потомъ перешелъ въ простое дружеское сожительство, — или шаловливый бѣсеноекъ страсти и смѣха увлекалъ и потомъ поэтъ въ веселыя походы, тогда какъ единственная сильная привязанность неизмѣнно сохранялась до могилы? Мы знаемъ только, что на склонѣ лѣтъ, когда Беранже задумалъ на время выселиться изъ Парижа въ помѣстье La Grenadière, близъ Тура, онъ испыталъ послѣднюю любовь, сильнѣе и глубже прежнихъ увлеченій. Онъ снова увидѣлъ любящій ласковый взглядъ, остановившійся на его лицѣ, и ему почудилось, что къ нему слетѣлъ ангелъ, чтобы „отогнать грустныя видѣнія, согрѣть ему сердце, успокоить его, вернуть къ жизни“, одинъ изъ тѣхъ ангеловъ, что „къ намъ летятъ съ пеленкой бѣднымъ дѣтямъ, съ червонцемъ бѣднымъ матерямъ“, — и посмертное стихотвореніе „Un ange“ полно восторга:

Но чтò жь о смерти говорю я,
 Когда онъ жить меня зоветъ?
 Съ нимъ вновь цвѣты въ пути найду я,
 При немъ ужъ таетъ снѣгъ и ледъ.
 Съ прелестныхъ устъ его все чаще
 Я поцѣлуи жадно пью,
 И поцѣлуевъ этихъ слаще
 Не зналъ я въ молодость мою.

Этотъ счастливый, послѣдній сонъ на яву освѣтилъ на время затишье и отшельничество Беранже, не далъ угаснуть творчеству, вѣрѣ въ лучшее будущее человѣчество. Въ „Dernières chansons“ иногда слышатся тихія рѣчи человѣка, доживающаго вѣкъ вдали отъ свѣта, въ прохладѣ сада, среди выросшихъ имъ цвѣтовъ, — иногда доносится запоздалое эхо наполеоновской легенды, этой красивой грезы молодости поэта, — но порою вспыхиваетъ чисто ювешеское воодушевленіе идеями свободы и народнаго развитія, поразительное у ветерана, способное пристыдить малодушныхъ и сомнѣвающихся и опять указывающее Беранже одно изъ первыхъ мѣстъ среди новаго поколѣнія съ его сложными запросами.

Дороже всего стали ему теперь успѣхи знанія, широкое распространеніе его въ массѣ; отъ ея просвѣщенія онъ ожидалъ смягченія нравовъ, ослабленія милитаризма, торжества уравнительныхъ, демократическихъ идей. „Знанье — вольность, знанье — свѣтъ, рабство безъ него“, говорить въ деревенской школѣ дѣтямъ старый солдатъ-учитель, и приводитъ разсказъ объ одномъ изъ освободи-

телей Греціи, Канарисъ, покрытомъ славой, но совсѣмъ безграмотномъ, который не побоялся насмѣшекъ и пересудовъ и принялся за грамоту вмѣстѣ съ школьниками,—и изъ „Leçon de lecture“ вышла прелестная жанровая картинка во вкусѣ лучшихъ русскихъ (особенно Некрасовскихъ) набросковъ изъ деревенской жизни. Въ діалогѣ голубки и ворона, вылетѣвшихъ изъ ковчега, сопоставлены мирныя культурныя влеченія съ старыми какъ міръ кровожадными инстинктами разрушенія и издѣвательствомъ надъ мечтами о счастіи („La colombe et le corbeau du déluge“), а въ безконечной, оглушительной, раздражающей нервы барабанной дробі, которая раздавалась и при первомъ консулѣ, и при Бурбонахъ, и при поддѣльной республикѣ Людовика-Наполеона, Беранже чудится враждебный вызовъ противъ братства и мира:

Terreur des nuits, trouble des jours
Tambours, tambours, tambours, tambours,
M'étourdirez-vous donc toujours,
Tambours, tambours, maudits tambours!

—звучитъ припѣвъ къ пѣснѣ „Les tambours“, совѣтовавшей французамъ, чтобы быть послѣдовательными, выбрать себѣ въ президенты тамбуръ-мажора. Не противъ враговъ, честно обороняя отъ нихъ отечество, а противъ своихъ же гражданъ чаще всего направлялась грозная вооруженная сила, задерживая прогрессъ, подавляя развитіе живыхъ и полезныхъ идей. Въ двухъ стихотвореніяхъ („Une idée“ и „Histoire d'une idée“) Беранже слѣдитъ за судьбою таковой идеи. Она проносится мимо него, юная, прекрасная, и ему глубоко жаль ее: толпа touchard'овъ подстерегаетъ ее, коммиссаръ идетъ за нею слѣдомъ, батальоны собираются, чтобы пресѣчь ей путь; грохочутъ пушки, фитиль уже поднесенъ къ затравкѣ; куется цѣпь для дерзкой,—она должна погибнуть. Но нѣтъ,—борьба миновала, а она все жива, только пріютилась среди побѣжденныхъ и несчастныхъ. Да она чаще всего и зарождается между ними,—но едва родилась она „на соломѣ, у простого работника“, и постучалась къ людямъ, какъ „хоръ мѣщанъ“ ворчливо отвѣчаетъ:

Стучится идея,—объ чемъ-то, вишь, новомъ..
Задвинемъ-ка двери засовомъ!

Все ополчается противъ гонимой странницы,—и примирится съ ней развѣ только послѣ того, какъ она, покинувъ родину, обживется на чужой сторонѣ и вернется съ англійскимъ патентомъ; отецъ ея тѣмъ временемъ „жилъ въ нищетѣ и умеръ въ больницѣ

безумных". Еще со времени июльского переворота, оживившаго теоретическое исканіе разумнаго соціальнаго переустройства, такіе представители „народнаго генія“ стали любимыми героями поэта; „пусть этихъ безпокойныхъ людей считаютъ безумцами, преслѣдуютъ ихъ, убиваютъ, а потомъ, одумавшись, воздвигаютъ имъ статуи, во славу человѣчества“,—вѣдь смѣялись и надъ Сень-Симономъ, и надъ Фурье, и надъ Анфаненомъ съ его мечтами о женской равноправности,—„нѣтъ, честь и слава тому *безумцу*, который сьумѣлъ бы научить людей хоть грѣзѣ о счастьи!—воскличалъ Беранже еще въ пѣснѣ—„*Les foux*“. Въ геніальномъ умѣ „безумцевъ“ всегда найдется благо и спасеніе для человѣчества. „Еслибъ внезапно померкъ свѣтъ дневной, безумецъ зажеть бы факель, чтобы озарить тьму“... Въ такихъ людяхъ поэтъ видѣлъ своихъ собратій; не боясь гоненій, онъ всю жизнь былъ проповѣдникомъ обновленія. Глубоко прочувствовано стихотвореніе „*L'arête*“, посвященное памяти Ламенне; оно написано семидесятилѣтнимъ старцемъ...

Такъ, вдали отъ людей, думалъ и писалъ Беранже, заботливо скрывая свое творчество, какъ будто не довѣря болѣе своимъ силамъ. Около него велась интрига съ цѣлью воспользоваться бѣдностью, старостью и болѣзнями его, и, осыпавъ его милостями, приобрести важную опору для непопулярной власти. Это была въ особенности мысль императрицы Евгениі, которая не разъ подсылала къ нему довѣренныхъ лицъ. Отчего не сойтись на почвѣ старыхъ симпатій Беранже къ Наполеону, въ чей плащъ во что бы то ни стало хотѣлъ закутаться племянникъ-авантюристъ? Новая пора вѣдь въ сущности—возвратъ къ великимъ „наполеоновскимъ идеямъ“... Что же касается денежной помощи, то какъ-то дознались, что Беранже въ ранней молодости принималъ отъ брата перваго консула, Люсьена Бонапарта, небольшую пенсію. Стало быть...

Но и прежнему своему любимцу, первому консулу, Беранже не простилъ самовластиа, а къ Наполеону III отнесся съ глубокимъ недоувѣріемъ съ перваго же появленія его на политической сценѣ. Раньше другихъ, передъ президентскими выборами, принцъ посѣтилъ Беранже, но поэтъ не принялъ его, не отдалъ визита и вотировалъ за Кавеньяка. Потомъ прошло 2-ое декабря,—и недоувѣріе смѣнилось презрѣніемъ. Та же, давнишняя, забытая пенсія, о которой Беранже самъ подробно говоритъ въ своихъ мемуарахъ, была дружеской услугой поэту-новичку со стороны чело-

вѣка, который въ семьѣ Наполеона „представлялъ элементъ революціонный, республиканскій, былъ постоянно въ немилости и принужденъ былъ жить внѣ Франціи“.

Всѣ подходы были вѣжливо, но твердо отклонены. Ламартины удивлялся въ Беранже „безпримѣрной нравственной выправкѣ и стойкости, выработавшейся все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ надвигалась дряхлость“ ¹⁾. Онъ иногда тѣшился мыслью о томъ, сколько неудобствъ и тревогъ причинить онъ правительству своею смертью, и за четыре года до кончины (въ стихотвореніи „La mort et la police“, не включенномъ въ собраніе его сочиненій) предсказалъ событія, сопровождавшія его похороны. Къ больному, лежащему при послѣднемъ издыханіи, является агентъ отъ полицейскаго префекта съ строгимъ запрещеніемъ умирать:

Or, de mourir défense vous est faite.
Obéissez, monsieur, ne mourez pas!

Вѣдь если онъ умретъ и придется его хоронить, сбѣжится отовсюду множество народа, пойдутъ рѣчи, крики, сѣтованія, воспоминанія; чего добраго, „колесница имперіи опровернется на его могилѣ“. Нѣтъ, пусть онъ подождетъ; когда „оздоровленіе страны окончится, свободу совсѣмъ ампутируютъ, пресса и трибуна станутъ блѣдною копіей того, чѣмъ когда-то были, и вѣнокъ поэта увянетъ“,—о, тогда онъ можетъ перейти въ вѣчность, и тихо, прилично, безъ рѣчей, свезутъ его прахъ на кладбище:

En attendant, aux ordres de police
Obéissez, monsieur, ne mourez pas!

Поль Буато ²⁾, усердный собиратель биографическихъ матеріаловъ и издатель переписки Беранже, считалъ эту грустно-шутливую пѣсенку послѣднимъ стихотвореніемъ его, — и, конечно, для боевой дѣятельности такого „poëte de combat“, какъ называлъ его въ своемъ этюдѣ Laurent Pichat, смѣлая насмѣшка, вырывающаяся съ прежней силой у больного старика, — самое подходящее окончаніе. Но все, что въ натурѣ Беранже было склоннаго къ сердечной, глубокой привязанности, сторона чувства, энтузіазма, требовала себѣ такого же выраженія, и въ своемъ „Adieu“ онъ простился съ Франціей, какъ любящій сынъ, честно ей послужившій.

¹⁾ „Je n'ai pas connu d'homme qui ait été aussi élaboré, aussi perfectionné moralement par les années que ce vieillard“, говоритъ Ламартинъ въ своемъ первомъ „Entretien“ о Беранже.

²⁾ Vie de Béranger, par Paul Boiteau, 1861.

Часть близокъ. Франція, прости! Я умираю.
 Возлюбленная мать, прости! Какъ звукъ святой,
 Сбережь до гроба я привѣтъ родному краю.
 О! могъ ли, такъ, какъ я, тебя любить другой!

Прощаніе умирающаго полно надеждъ на лучшее будущее для родной страны; онъ молится о ея счастьи и свободѣ, вѣрить въ „жатву равенства грядущаго“...

„Беранже умиралъ такъ же просто, съ силой воли, какъ жилъ“, — вспоминаетъ потомъ Жаненъ. Едва страданія ослабѣвали, онъ снова улыбался, шутилъ, его сносили съ четвертаго этажа въ садъ, и среди цвѣтовъ и дѣтей онъ оживалъ, пригрѣтый солнцемъ. Потомъ наступали новыя муки, длившіяся иногда дѣльными недѣлями.

16-го іюля 1857 г. все было кончено. Но тутъ разыгрался военно-полицейскій эпилогъ. Такъ сильно потрясенъ былъ весь Парижъ печальною вѣстью, что правительству показалось неудобнымъ не слить съ народнымъ горемъ и своихъ сожалѣній, — и оно взяло въ свои руки тризну. На другой же день прокламаціи полицейскаго префекта Пьетри и статья „Монитѣра“ оплакивали „національную утрату“, возвѣщали, что императоръ беретъ похоронныя издержки на свой счетъ, но предостерегали „извѣстную партію“ отъ демонстрацій и рѣчей, заявляя, что приняты будутъ всевозможныя предупредительныя мѣры, и что малѣйшее нарушеніе порядка будетъ строго подавлено. Похороны назначены были всего черезъ сутки. Почти весь парижскій гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ вдоль улицъ, гдѣ двигалось шествіе; за гробомъ виднѣлись только лица, получившія официальные приглашенія. Толпы не было; ее отбросили въ переулки, стѣснили, смяли, — и искусно придумали такой обходной, „стратегическій“ путь по городу, что миновали всѣ мѣста особеннаго скопленія народа. Было много арестовъ. По выраженію извѣстнаго клерика, Вейльо, которому мы обязаны полнымъ и, нужно думать, хоть въ этомъ случаѣ надежнымъ рассказомъ, „полиція была грустна, но непоколебима“ (*affligée, mais inflexible*) и „предохраняла массу отъ излишнихъ волненій. Словомъ, „все обошлось прекрасно, и къ вечеру не замѣтно было и слѣдовъ важнаго событія дня“, — заканчиваетъ свой рассказъ довольный развязкой Вейльо.

Едва успѣли появиться посмертныя „Пѣсни“, какъ цѣлымъ потокомъ хлынули статьи, брошюры, памфлеты, этюды о Беранже. Насталъ судъ потомства. Творчество заключительнаго періода жизни поэта, начиная съ 1834 года, было теперь у всѣхъ передъ

главами; писательскій образъ обрисовывался вполне. Нечего было медлить съ приговоромъ. Но чтѣ это былъ за приговоръ, чтѣ за отплата вчерашнему любимцу, ветерану боевой поэзіи! Въ лагерѣ охранителей, и въ особенности клерикаловъ, повторялись, разумѣется, старыя нападки на безнравственность и безбожіе, и выражалась радость, что заклятаго врага церкви и государства болѣе не существуетъ, но въ либеральной партіи замѣтно было разочарованіе и недовольство: добросовѣстно изданное сполна литературное наслѣдіе Беранже показало у него и на старости лѣтъ симпатіи къ Наполеону, отголоски увлеченія военной эпопеей начала вѣка, а въ данную минуту, когда насильственно возрождался бонапартизмъ, это показалось неумѣстнымъ, неудобнымъ, безтактнымъ, и страстные полемисты, въ родѣ Эжена Пеллътана, высказали это горячо, въ запальчивости предавая сразу такому же осужденію всю дѣятельность Беранже. Въ кругахъ, близкихъ ко двору, съ большой чуткостью поняли значеніе этихъ спорныхъ историческихъ припоминаній для новаго времени и новыхъ властителей, недовольны были горячностью нападеній, направленныхъ не столько противъ Беранже, сколько противъ имперіи, — и поднимавшійся все выше въ придворномъ мірѣ Сентъ-Бѣвъ, уже два раза мѣнявшій передъ тѣмъ тонъ своихъ отзывовъ о Беранже, выступилъ въ третій и послѣдній разъ съ авторитетнымъ приговоромъ, полнымъ ограниченій и поправокъ и проникнутымъ капризнымъ недовольствомъ на то, что „о Беранже слишкомъ много говорятъ“. Наконецъ, люди чуждые политикѣ, преданные интересамъ новой науки или социальнаго движенія, порицали у Беранже его легкомысліе, культъ любви и веселья, неумѣстный среди трудныхъ задачъ современности, — и въ осужденіи пѣсенъ къ Лизеттѣ сходились такіе непримиримые противники, какъ Вейль и Ренанъ. Нашлись, наконецъ, и такіе судьи, которые въ безсребренничествѣ, бѣдности и демократизмѣ Беранже увидали просто „позу“... Разыгралась литературно-критическая комедія, полная самыхъ неожиданныхъ скачковъ, влюбныхъ выходокъ и водевильной путаницы. Она сбережена для потомства однимъ изъ вѣрныхъ почитателей Беранже, Артюромъ Арноудомъ въ двухъ-томномъ сборникѣ ¹⁾, переполненномъ выдержками изъ панегириковъ, извѣтовъ, нападокъ и немногихъ безпристрастныхъ отзывовъ. Старый поэтъ какъ будто предчувствовалъ, что изъ-за его поэзіи завяжется жестовая критическая битва, и, когда Сентъ-Бѣвъ еще хвалилъ его, не могъ подавить

¹⁾ Arthur Arnould. Béranger, ses amis, ses ennemis et ses critiques. P., 1864.

въ себѣ недовѣрія. Счастье для него, что ему не пришлось отвѣтъ держать передъ такимъ многолюднымъ, предубѣжденнымъ и грознымъ ареопагомъ.

Все это страстное оживленіе теперь забыто, обветшало, поблекло. Другіе интересы и умственные теченія взяли верхъ; старый споръ никого болѣе не взволнуетъ; чтобъ понять и оцѣнить Беранже, нечего пересматривать сбивчивые документы процесса, въ сущности давно порѣшеннаго. Весь Беранже—въ его пѣсняхъ, вѣдь самъ же онъ сказалъ: „mes chansons c'est moi“; онъ одинъ долженъ дать отвѣтъ на вопросы о его политическомъ исповѣданіи и идеалахъ, о его связяхъ съ народомъ, искренности воодушевленія, мѣткости юмора, силѣ таланта; для справокъ и провѣрки есть автобіографія, письма, показанія современниковъ, близко знавшихъ поэта. Конечный выводъ такого анализа, думается, будетъ вѣрнѣе огульныхъ предвзятыхъ сужденій. Каковъ онъ, пояснять не нужно послѣ разбора и группировки около ста стихотвореній. „Béganger est un vrai poète, mais n'est pas un grand poète“,—сказалъ о немъ недавно Легувé. Да, это не могучій общечеловѣчскій поэтъ, но, бывало, онъ двигалъ сердца обаятельнѣе величаваго олимпійца ¹⁾; онъ простолюдинъ, самородокъ, бѣднякъ, самоучка, но онъ шелъ всегда впереди своего народа; политическій поэтъ и пѣвецъ любви, онъ научилъ людей „грѣзамъ о счастье“, какъ тотъ „безумецъ“, за котораго онъ заступился. Пусть отъ всей его лиры со временемъ уцѣлѣетъ лишь нѣсколько произведеній, какъ это предсказывалъ Прудонъ, но всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ объ истинной поэзии, свободно вырывающейся изъ взволнованной груди и зажигающей сердца,—и поздній потомокъ вспомнить о старикѣ Беранже.

Алексѣй Веселовскій.

¹⁾ Одинъ изъ даровитѣйшихъ французскихъ эссенстовъ, Жоржъ Пеллиссе (Le mouvement littéraire au XIX siècle, 1890; p. 123—4), предъявляетъ нашему скромному пѣснику страннаго требованія, — почему онъ не усвоилъ себѣ всего содержанія французскаго романтизма, почему велика пропасть, отдѣляющая Лизетту отъ идеальной Эльвиры и „le Dieu des bonnes gens“ отъ романтическаго Иеговы...

СПЛЕТНЯ

П О В Ъ С Т Ъ .

I.

— Сядемте здѣсь, хотите?—сказалъ Максъ, освобождая свою руку изъ-подъ руки молодой женщины. Онъ придвинулъ къ креслу двухъ-цвѣтный шелковый пуфъ и продолжалъ, садясь:— Вы не сердитесь, что изъ-за меня вамъ не пришлось танцевать?

Вѣра небрежно качнула головой.

— Не все ли равно, гдѣ сидѣть,—отвѣтила она равнодушно:—здѣсь ли, тамъ ли; здѣсь еще лучше, прохладнѣе...

Она медленно обвела глазами большую комнату, казавшуюся маленькою и даже уютною отъ массы тропическихъ растений и цвѣтовъ, ее наполнявшихъ. Высокія пальмы широко раскидывали свои большіе листы. На ихъ темной зелени красиво выдѣлялись бѣлыя пирамиды изъ ландышей. Мѣстами изъ сплошной зелени кустовъ камелій и розъ выглядывали причудливые, точно восковыя, цвѣтки орхидей-паразитовъ. Острый запахъ гіацинтовъ, смѣшиваясь съ нѣжнымъ ароматомъ розъ и ландышей, наполнялъ комнату благоуханіемъ, а матовыя электрическія лампочки, подъ обшитыми кружевомъ шелковыми абажурами, цвѣта *saumon pâle*, нѣжили и ласкали глазъ.

— Да, здѣсь хорошо!—повторила Вѣра и съ улыбкой удовольствія откинулась на спинку кресла.

— Вездѣ хорошо тамъ, гдѣ вы!—съ удареніемъ выговорилъ Максъ, и его черные глаза блеснули.

Вѣра усмѣхнулась.

— Ну, да, конечно. Это вѣдь само собой разумѣется.

— А чтѣ вы скажете,—продолжалъ Максъ, понизивъ голосъ,

наклоняясь и пылливо заглядывая въ глубокіе зеленеватые глаза молодой женщины, давшіе ей прозваніе „русалки“:—что скажете вы, если я вамъ признаюсь, что нарочно остался безъ vis-à-vis?

— О, Боже, какъ таинственно! А это такъ ясно... Неужели я могла хотя минуту думать, что le baron Max Remer, Max l'Ingrésistible,—насмѣшливо подчеркнула она,—одинъ изъ самыхъ блестящихъ свѣтскихъ кавалеровъ, могъ остаться, противъ своего желанія, безъ vis-à-vis. Такая мысль была бы прямо воцунствомъ...

Явная насмѣшка, звучащая въ словахъ Вѣры, заставила Макса поморщиться; но онъ тотчасъ же овладѣлъ собою и выговорилъ мягко:

— Вы очень догадливы. Быть можетъ, вамъ даже извѣстно и для чего я это сдѣлалъ?

Она пожала плечами и окинула его внимательнымъ взглядомъ.

Несмотря на усталое выраженіе блѣднаго лица и сильно порѣдѣвшіе, но еще вьющіеся на вискахъ, бѣлокурые волосы, онъ былъ очень красивъ и казался моложе своихъ 39-ти лѣтъ. Подъ фраккомъ изъ Лондона его стройное, крѣпкое тѣло казалось выточеннымъ. На шитой груди твердой, какъ мраморъ, рубашки, чернѣла большая жемчужина; на рукавахъ запонки были изъ такого же жемчуга. Желтая роза въ петлицѣ и черные полковые носки на узкихъ породистыхъ ногахъ, обутыхъ въ лакированныя открытыя туфли, довершали его костюмъ, которому нельзя было отказать въ извѣстной выдержанности, въ особой изящной простотѣ.

„Красивъ, породистъ, даже... изящень... И почему онъ мнѣ такъ не нравится?“—думала Вѣра, продолжая бессознательно его оглядывать.

— Что же вы не отвѣчаете?—спросилъ, наконецъ, Максъ, спокойно выдерживая пристальный взглядъ молодой женщины.— Вы, кажется, желаете меня изучить во всѣхъ подробностяхъ...

Онъ улыбнулся, и Вѣра тотчасъ поняла, что въ этомъ лицѣ было для нея такого отталывающаго. Верхняя губа, высоко поднимаясь, обнажала рядъ слишкомъ длинныхъ, бѣлыхъ зубовъ, и лицо принимало выраженіе хищническое, плотоядное.

„И глаза, хотя красивые, но... наглые, именно наглые“,—замѣтила еще Вѣра и совсѣмъ невольно выговорила:

— Вамъ слѣдуетъ улыбаться какъ можно рѣже... Вы гораздо красивѣе, когда не улыбаетесь.

Онъ насмѣшливо пожалъ плечами.

— Вы не желаете, или не можете отвѣтить на мой вопросъ?

— Почему вы не хотѣли найти себѣ vis-à-vis?

— Ну, да...

— А это такъ важно? Да, вѣроятно, потому, что такъ же, какъ и я, нашли, что здѣсь лучше, чѣмъ тамъ.

Она чуть насмѣшливо улыбнулась, и если Максу улыбаться не слѣдовало, если его улыбка портила, то ея улыбка была очаровательна. Эта улыбка и глубокіе „русалочки“ глаза многимъ кружили голову.

— Нѣтъ, не то! Я хотѣлъ остаться съ вами наединѣ... Я долго искалъ такого случая... Я больше не могу... Вѣра Дмитриевна, послушайте...

— Послушайте, Максимилианъ Эрнестовичъ,—Вѣра дотронулась вѣеромъ до рукава его фрака:—я васъ должна предупредить объ одномъ: если это форменное объясненіе въ любви, то знайте, что будете номеромъ 47-мъ... А теперь, если хотите, можете продолжать, я слушаю.

Максъ растерялся.

— Что такое 47-ой? Почему 47-мъ?—повторялъ онъ недоумѣвающе.

— Я замужемъ девять лѣтъ, и въ продолженіе этого времени мнѣ 46 разъ объяснялись въ любви. Ваше объясненіе, слѣдовательно, будетъ 47-ое. А *bon entendeur—salut*.

Она прикрыла вѣеромъ зѣвокъ и, измѣнивъ положеніе, глубже усѣлась въ кресло.

Судорога злобы опустила углы рта Макса. Но въ смотрѣвшихъ на него зеленыхъ глазахъ было—такъ, по крайней мѣрѣ, ему повезалось—выраженіе интереса и любопытства, и онъ, рѣшительно тряхнувъ головой, выговорилъ:

— О, все равно! Хоть 147-ой! Я два года люблю васъ, два года страдаю и теперь больше не могу!

И, сверкая большими черными глазами, онъ сталъ говорить, какъ полюбилъ ее съ перваго взгляда, съ первой встрѣчи, которая произошла ровно два года тому назадъ, когда онъ вернулся изъ Рима, гдѣ состоялъ при посольствѣ.

Вѣра слушала, разсѣянно поглядывая по сторонамъ. Она, дѣйствительно, привыкла къ такимъ объясненіямъ; они даже перестали ее волновать. Въ сущности—все то же. Одинъ говоритъ тише, другой скорѣе; одинъ краснорѣчивѣе, другой мямлитъ и ищетъ словъ; одинъ волнуется, какъ вулканъ передъ изверженіемъ, другой говоритъ: „я васъ люблю“, какъ: „дайте мнѣ стаканъ воды“. Однажды ей даже объяснился въ любви заякъ. Это было уже совсѣмъ смѣшно, и даже теперь, вспомнивъ объ этомъ, она усмѣхнулась.

Остановившійся въ дверяхъ высокой конногвардеецъ, замѣтивъ

Вѣру, ловко щелкнувъ шпорами и граціозно поклонился одной головой. Вѣра любезно ему кивнула. Потомъ въ комнату стремительно влетѣлъ какой-то молодой статскій, быстро ее обошелъ, заглядывая во всѣ углы, и такъ же стремительно вышелъ. Какая-то толстая барыня, изъ начинавшихъ перерѣвывать, но, тѣмъ же менѣе, девольтированная ниже возможнаго, подъ-руку съ совсѣмъ еще юнымъ, безусымъ гусаромъ, на худенькихъ, туго затянутыхъ въ чакчиры, ножкахъ, замѣтивъ, что мѣста „подъ камеліями“ заняты, окинула Вѣру недовольнымъ взглядомъ и, наклонившись къ уху своего кавалера, стала ему что-то шептать. Проходили и другія лица, а Максъ все продолжалъ говорить. Его тихому, мягкому голосу аккомпанировали, подъ сурдинку, отдаленные звуки роля. Иногда глухо доносился особенно громкій выкрикъ дирижера. Когда кто-нибудь подходилъ ужъ очень близко, Максъ, не глядя, словно чуя приближеніе, измѣнялъ выраженіе лица, громко произносилъ двѣ-три ничего незначащія фразы и затѣмъ безъ запинки возвращался къ прежнему.

— О, да, я увлекался и другими, но любилъ васъ и васъ одну... „Молился новымъ образамъ, но съ безпокойствомъ старовѣрца“... Я вѣдь не изъ робкихъ, вы знаете, а съ вами робѣлъ, да и теперь робѣю... И возможно ли, чтобы такая красота соединялась съ такою жестокостью... да, жестокостью, такъ какъ не любить никого—значить имѣть жестокое сердце... А вы—кого любили, кого любите? Кусокъ гранита, вмѣсто сердца, льдина, каменная глыба—вотъ какъ о васъ говорятъ... Вамъ даже все равно, когда люди изъ-за васъ умираютъ... вспомните несчастнаго Атѣева, отчего онъ съума сошелъ?.. Но неужели же! никогда, никогда не найдете эта льдина луча солнца, который заставитъ ее растаять?!

У него былъ симпатичный голосъ, которымъ онъ владѣлъ съ совершенствѣмъ. Нѣжность, отчаянье, мольба, горькая иронія, порывы страсти—все это передавалось имъ превосходно. Чувствовался большой мастеръ, виртуозъ своего дѣла. Наконецъ, онъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на Вѣру тѣмъ напряженнымъ взглядомъ, притягательную, гипнотическую силу котораго онъ такъ хорошо изучалъ на другихъ женщинахъ. Но Вѣра, небрежно играя вѣеромъ, смотрѣла въ сторону, и Максъ, сдвинувъ брови и сдѣлавъ рѣшительное движеніе рукой, заговорилъ опять, переведа теперь голосъ на драматическій шопотъ.

А Вѣра слушала и думала: „Странные люди! Жестокое сердце, никого не люблю!.. А мужъ? Или онъ не считается? Или само собой разумѣется, что мужа любить нельзя? Мужъ—нѣчто при-

даточное, а главное—любовникъ... Атѣвъ... Какъ глупо! Всегда былъ полусумасшедшимъ и кончилъ такъ, какъ долженъ былъ кончить... А этотъ мнѣ прямо отвратителенъ"...

— Поймите вы,—и голосъ Макса зазвенѣлъ, — что когда такой человекъ, какъ я, рѣшился такъ говорить съ такою женщиной, какъ вы, это значитъ, что онъ доведенъ до крайности... Поймите вы, что меня ничто не можетъ остановить, и клянусь, что я на все, слышите, на все пойду, а вы будете моей!

Это было, какъ будто, немного ужъ слишкомъ, и Вѣра, натянуто улыбаясь, сдѣлала движеніе, чтобы встать. Максъ быстро оглянулся, и въ то же мгновеніе Вѣра почувствовала на своемъ обнаженномъ плечѣ горячія губы. Она тихо ахнула, выпрямилась, и по комнатѣ пронесся громкій звукъ пощечины.

Максъ побагровѣлъ и схватился рукой за щеку. Потомъ чести его сжались, губа поднялась и тѣло напряженно согнулось. Онъ исподлобья кинулъ взглядъ на Вѣру, и видъ этихъ оскаленныхъ зубовъ, этого собраннаго для прыжка тѣла былъ такъ ужасенъ, что хотя все это длилось одно мгновеніе, по спицѣ Вѣры забѣгали мурашки; но глазъ своихъ она не отвела; въ слѣдующее мгновеніе Максъ опустилъ голову и, какъ-то весь съѣжившись, ушелъ, поднявъ плечи, въ воротничокъ рубашки.

— Вы—дерзкій нахаль!—проговорила Вѣра тихимъ низкимъ голосомъ и, высоко поднявъ голову, медленно вышла изъ комнаты.

Максъ встрепенулся и проводилъ ее долгимъ взглядомъ. Потомъ онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, внимательно ее оглядывая, и опять сѣлъ въ только-что оставленное Вѣрой кресло. Его душила злоба. „Онъ, Максъ Ремеръ, Max l'Ingrésissible, предъ которымъ женщины таяли, какъ воскъ, который уже давно пересталъ, какъ говорятъ, „ухаживать“, а за которымъ „ухаживали“, чьи улыбка, любовное слово цѣнили на вѣсь золота самыми элегантными представительницами свѣта, и вдругъ—получилъ плюху! И за что? За какой-то несчастный поцѣлуй!.. То ли еще онъ позволялъ себѣ.. и не съ какими-нибудь трепальками, а съ настоящими патентованными добродѣтелями! И ничего, всегда сходило съ рукъ. Въ крайнемъ случаѣ—обида, слезы и временная холодность; чаще—комедія оскорбленной невинности, съ подходящимъ продолженіемъ и обычнымъ финаломъ. А тутъ... не угодно ли! Дьяволъ какой-то, а не женщина! А самъ виноватъ. Говорило ему внутреннее чувство, что изъ этого ничего не выйдетъ... не даромъ, при его самолюбивн и безусловной вѣрѣ въ себя, онъ робѣлъ, какъ школьникъ, два года не рѣшался высказаться... Но вѣдь надо же было на что-нибудь рѣшиться, надо же было положить этому конецъ... Вѣдь эта страсть совсѣмъ его истощила...

Вѣдь онъ, дѣйствительно, ее любить, любить дико, болѣзненно, но любить... Онъ по ночамъ не спитъ... Она всегда и всюду передъ нимъ... дразнить, мучаетъ... И вотъ онъ, забывъ все, забывъ ее репутацію неприступной добродѣтели, рѣшился идти на проломъ, и иначе не могъ, такъ какъ чувствовалъ, что она должна быть его, а то съ нимъ произойдетъ что-то скверное... А теперь? Ну, теперь дѣло другое... „Нѣтъ худа безъ добра“. Эта пощечина, кажется, произвела дѣйствіе ледяной дѣши... Онъ ее теперь ненавидитъ!.. Но какъ она ему за это заплатитъ! И у Макса опять поднялась губа и сжались челюсти.

Вдругъ онъ вскочилъ, какъ ужаленный... Онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то руку.

— Чтѣ вамъ угодно?—вырвалось у него невольно и рѣзко.

Передъ нимъ стоялъ господинъ, роста ниже средняго, съ большою, уходящей въ плечи, головой. Остатки волосъ узенькой бахромкой опоясывали почти совсѣмъ голый черепъ. Гладко выбритое, безъ усовъ и бороды, лицо было нехорошаго, изжелта-ламоннаго цвѣта. Маленькіе, ввалившіеся, неопредѣленнаго цвѣта глазки бѣгали какъ у мышонка. Блѣдныя, тонкія губы плотно сжимали большой ротъ, съ опущенными углами, а носъ небольшой, но загнутый, находился, какъ у легавой собаки, постоянно въ движеніи, все время, какъ будто, что-то обнюхивая. Фамилія господина была Меряевъ. Онъ принадлежалъ къ одному съ Максомъ обществу, и они считались друзьями. Разница во внѣшности между красавцемъ Максомъ и почти уродомъ Меряевымъ была такъ велика, что при началѣ ихъ дружбы про нихъ говорили: „чортъ съ младенцемъ связался“.

— Oh, oh! Comme nous sommes peuveux se voir!—выговорилъ насмѣшливо Меряевъ.—А потомъ, съ какихъ это поръ мы съ тобой на „вы“?

Онъ широко улыбнулся и показалъ рядъ черныхъ, гнилыхъ зубовъ.

— Ахъ, это ты!—произнесъ съ гримасой Максъ и опять сѣлъ.

— Я, mio carissimo, я... И хорошо, что я... Щечка-то, небось, горитъ, а?—И онъ, хихикая, наклонился, заглядывая Максу въ глаза.

Того передернуло.

— Ты видѣлъ?!—судорожно вырвалось у него.

— Видѣть-то, положимъ, не видѣлъ, а слышать—слышалъ... Ma foi, c'était bien tapé! И какъ это она выходила—преlestы! Глазенки блестать, головенка задрана кверху... Восторгъ одинъ!

Прошла мимо меня въ двухъ шагахъ и не замѣтила. Положимъ, я прижался, je me suis fait tout petit, tout petit...—Онъ сдѣлалъ паузу и нюхнулъ воздухъ.—Что же это—ревность?

— Какой чортъ ревность!

— Ну, зачѣмъ же—чортъ?.. Ревность, какъ ревность... Не хорошо! Jalousie...—онъ поднялъ палецъ.—Я сказалъ: comme la jalousie d'une fenetre affaiblit la clarté du jour, la jalousie du coeur affaiblit le sentiment de l'amour... Каково? Хоть самому господину де-ла Брюэру подъ статью...—И перемѣнивъ тонъ, онъ продолжалъ:—услышала, что ты ухаживаешь за маленькой Стрюзберъ, т.-е. за ея милліонами, конечно, ну и: „plan! plan!“ какъ въ la „Veuve du Malabar“,—помнишь?

Максъ пожалъ плечами.

— Я, впрочемъ, давно это подозрѣвалъ. Я васъ еще недавно видѣлъ вдвоемъ въ каретѣ, на углу Кирпичнаго.

Онъ опять нюхнулъ воздухъ и пыливо уставился на Макса.

— Ну, это ты врешь!—лѣниво протанулъ тотъ.

— Тѣмъ хуже для тебя, — спокойно возразилъ Меряевъ.— Думается мнѣ, что ты бы не отказался... Ну, да это все равно, за чтó она тебя наградила... Я все-таки радъ. Меня эти добродѣтельные дуры злятъ. Les grandes vertues—ça me demange, vois-tu... да и нѣтъ ихъ. Все дѣло въ томъ, что умѣютъ прятать концы. Но съ такими-то и пріятно постараться да покопаться. А главное, нюхъ особый имѣть надо. Зато, потомъ—прелесть! „А пожалуйста-ка сюда, цыпленочекъ! Не знаете ли вы, цыпочка моя, кто это вчера былъ подъ такой густой, густой вуалью близъ Михайловскаго сквера?“ Или: „а не знакомъ ли вамъ, радость моя, этотъ почеркъ?“ Ну и затрепещетъ вся, и забьется... Вся твоя, дѣлай съ нею, чтó хочешь. И все это, замѣть, ласково такъ, тихо, спокойно, безъ всякаго шума, и ужъ, конечно, безъ такихъ... апплодисментовъ по щекамъ, какъ сейчасъ.—Онъ презрительно качнулъ головой въ сторону двери.—Да-съ, то, что le beau Max, Max l'Irrésistible, беретъ своей физикой, Paul Меряевъ зарабатываетъ себѣ вотъ этимъ!—онъ хлопнулъ себя по голому черепу:—и неизвѣстно еще, на чьей сторонѣ перевѣсъ... Хи-хи-хи! Впрочемъ, что-жъ это я такъ разболтался: тебѣ все это должно быть хорошо извѣстно. Вѣроятно, еще не забылъ, какъ я къ тебѣ привелъ „строптивую Олимпиаду“. И въ пустякахъ вѣдь дѣло было... таеъ! шалость юности: переписочка съ кузенчикомъ. Положимъ, тутъ мужъ помогъ... Помнишь? Старый чортъ, а ревнивъ, какъ двадцать Отелло, взятыхъ вмѣстѣ. А вѣдь сначала-то, то-то фыркала, то-то ломалась, и смотрѣть не хотѣла...

Онъ захихикалъ и весело потеръ руки. Потомъ, развалиась въ креслѣ, протявъ Макса, продолжалъ серьезно:

— Ну, а что же касается до *dame Pletneff en particulier*, то у меня съ ней еще старые счеты, и я давно точу на нее зубы. Я вѣдь не забылъ ея „ядовитую гнилушку“... Чтѣд?—онъ подозрительно скосилъ глаза на невольню усмѣхнувшася Макса. — Ты, пожалуй, тоже находишь, что оно не безъ остроумія, что я дѣйствительно похожъ на „ядовитую гнилушку“? Тѣмъ хуже, мой милый! Совсѣмъ не бабѣ это дѣло остроумничать и давать обидныя прозванья. Еслибы что-либо подобное осмѣлился сказать нашъ братъ-мужчина, я, безъ всякихъ разговоровъ, всадилъ бы ему пулю въ лобъ; а съ женщиной—чтѣд мнѣ было дѣлать? Ну, а *le mot a circulé*, скверное, обидное... Я еще тогда далъ себѣ слово, что мы когда-нибудь сочтемся, и теперь—я радъ, я радъ!

Онъ всталъ, прошелся по комнатамъ и остановился передъ Максомъ.

— Скажи мнѣ только одно: ты очень на нее золь?

Максъ, который за послѣднія минуты очень внимательно слушалъ, молча кивнулъ головой.

— Ну, само собой, — подтвердилъ одобрительно Меряевъ. — Я всегда говорилъ, что ты золь, очень золь... И подумаешь, какъ составляются репутаціи! Максъ Ремеръ, о, это—добрый малый, *une bonne pâte*. Меряевъ—сама злоба! А въ сущности, *carissimo mio*, ты еще почище меня будешь... Только злоба-то у тебя какая-то особенная совсѣмъ... какъ бы это выразиться... внутренняя, что-ли... Сразу и не раскусишь... Ну-съ, значить, такъ: щечка у насъ горитъ, мы обижены, мы злы и желаемъ отомстить. И прекрасно! Значить, посмѣемся. „*Le jour où tu te marieras, je m’amuserai, tu verras*“, и т. д. И такъ, по рукамъ! Максъ протянулъ руку.

— Только ты... того... насчетъ сегодняшняго не очень распространяйся, — выговорилъ онъ тихо, глядя въ сторону.

— Это насчетъ апплодисмента-то? Не бойся: ни слова... *La pluchá est morte et enterrée...* On est ami, ou on l’est pas—не такъ ли? *Une toute petite scène de jalousie, très correcte, très gentille...* pour commencer... Ну, а тамъ, само собой, самъ знаешь, вариаци *ad libitum et infinitum*. Не безпокойся, чисто будетъ сдѣлано. А ты свое дѣло знай. Помни одно—молчокъ полный: „звать не знаю, вѣдать не вѣдаю“... Ну, *par ci, par là*, при подходящемъ случаѣ, теплую фразу про *l’honneur d’une femme, les devoirs d’un gentilhomme*—это никогда не мѣшаетъ. Но больше ни-ни! Только испортишь... Попляшетъ она у насъ! Чѣмъ чортъ

не шутить, пожалуй, и сама пARDону запросить... И тогда — *vous rigons, vous rigons*... А теперь, *amiсo шio*, твою лапу — и въ путь! Тамъ, вѣжется, хожденіе кончилось и начинается верченіе... Смотри, какая толпа сюда идетъ! Какъ разъ время!

И достойные представители человѣческаго рода и петербургскаго *high lif'a*, крѣпко пожавъ другъ другу руку, весело смѣшались съ толпою гостей, хлынувшей изъ танцевальной залы. А слѣдомъ за ними, какъ дѣтенышъ за маткой, не отставая ни на шагъ, незамѣтно и неслышно извивалась, только-что вылупившаяся, ядовитая, вонючая гадина-сплетня, выпуская изъ себя во всѣ стороны безчисленные щупальцы-нити. И чѣмъ дальше она ползла, тѣмъ нити эти, удлиняясь, перекрещиваясь и давая боковые отростки, занимали все большее и большее пространство, окружали намѣченную жертву тонкой, эластичной, но плотной и непроницаемой сѣтью клеветы и злословія.

Не доходя до танцевальной залы, въ одной изъ гостиныхъ, Вѣра остановилась передъ большимъ зеркаломъ и внимательно себя оглядѣла. Она еще чувствовала на своемъ плечѣ то мѣсто, до котораго коснулись губы Макса; ей казалось, что оно горитъ, и она брезгливо провела по немъ носовымъ платкомъ. Потомъ, взглянувъ на правую руку и увидѣвъ треснувшую по шву перчатку, усмѣхнулась и подумала: „по дѣломъ!“ — но вдругъ вспомнила страшное, искаженное злобой лицо Макса, и ей опять стало холодно.

„Этого не простить!“ — подумала она, нервно поводя плечами. — „Ну, и пусть! Что можетъ онъ мнѣ сдѣлать?!“ И, вѣра въ себя, въ свой умъ и волю, сильная сознаниемъ своей безупречной репутаціи честной женщины, она рѣшила, что объ этомъ думать больше не слѣдуетъ, и, беззаботно тряхнувъ головой, направилась въ залу.

Первымъ, кто попался ей тамъ на глаза, былъ ея мужъ — Александръ Иванычъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ и разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ, высокаго роста, лица котораго не было видно, такъ какъ онъ стоялъ къ залѣ спиной. Тѣмъ не менѣе, фигура его показалась Вѣрѣ очень знакомой. Но она была удивлена, что видитъ Александра Иваныча, такъ какъ оставила его играющимъ въ карты. „Впрочемъ и онъ, вѣроятно, удивленъ, не находя меня въ числѣ танцующихъ“, — подумала она, и тотчасъ же въ умѣ ея возникъ вопросъ: „говорить ли ему, или нѣтъ?“ — Но въ это самое время собесѣдникъ Александра Ива-

ничка обернулся, и Вѣра широко открыла изумленные глаза. Потомъ краска удовольствія покрыва ея лицо, и она, радостно улыбаясь, быстро направилась къ дверямъ.

Замѣтивъ ея приближеніе, Александръ Иванычъ и князь Ржевскій, давнишній пріятель Вѣры и ея мужа, двинулись ей на встрѣчу.

— Дмитрій, милый, какими судьбами, давно ли?—выговорила она, радостно протягивая Ржевскому обѣ руки.—И не предупредишь... стыдъ какой! Чтѣ онъ давно пріѣхалъ?—обратилась она къ мужу, смотрѣвшему на нее съ веселой улыбкой.

— Сегодня утромъ, сегодня утромъ съ курьерскимъ,—отвѣтилъ Ржевскій, цѣлуя, одну за другой, протянутыя ему руки.—И если не заѣхалъ къ вамъ днемъ, то лишь потому, что зналъ, что увижу васъ здѣсь.

— Я готовъ былъ подумать, что вижу передъ собой привидѣніе,—сказалъ, улыбаясь, Плетневъ.—Представь себѣ: только что я получилъ строгое внушеніе отъ „маленькаго генерала“ за то, что вмѣсто четверки трефъ удержалъ шестерку червей, т.-е., въ сущности, за то, что не заглянулъ въ карты сосѣда,—поднимаю глаза и вижу эту фигуру: стоитъ въ двухъ шагахъ и смотритъ на меня самымъ серьезнымъ образомъ. Я такъ во весь голосъ и ахнулъ. Ну, сейчасъ же сдалъ игру—очень кстати мы играли впятеромъ — и маршъ тебя искать... а тебя, какъ разъ, и нѣтъ.

— Ну, я очень, очень рада, — сказала Вѣра.—Надѣюсь, надолго?

— Не знаю, какъ дѣла? Пожалуй задержать... А хотѣлось бы поскорѣй... Нѣтъ, право,—отвѣтилъ онъ на укоризненный взглядъ Вѣры:—отвыкъ я, что-ли, отъ Петербурга: только утромъ пріѣхалъ, а мнѣ ужъ какъ-то не по себѣ... Надо и то, впрочемъ, сказать: у меня тамъ люди чуть не мрутъ съ голода, а у васъ тутъ—вѣд, какое веселіе.—Онъ широкимъ движеніемъ указалъ на пеструю толпу танцующихъ, которые, повинувшись командѣ дирижера—худенькаго, черненькаго кавалергарда,—четырьмя рядами кружились въ *double chaîne chinoise*.—О, я понимаю... это въ порядкѣ вещей и нѣтъ основанія требовать, чтобы здѣсь носили трауръ по тому, чтѣ дѣлается тамъ... но въ первую минуту и съ непривычки какъ-то странно.—Онъ провелъ рукой по густымъ, но уже почти совсѣмъ сѣдымъ волосамъ и продолжалъ чуть-чуть насмѣшливо:—Вы видѣли „День въ Петербургѣ“? Ну, вотъ, мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что между моимъ положеніемъ и положеніемъ героя пьесы—много общаго. Только тотъ земскій на-

чальникъ — архи-современно; а я — предводитель. Оба мы пріѣхали хлопотать по дѣлу, и оба въ тотъ же день очутились на балу. Какой-то рецензентъ назвалъ героя пьесы „несуразнымъ“. Чего добраго, и я такимъ же окажусь, но только не по той причинѣ, конечно, по которой оказался герой. Удивительно, какъ эти господа рецензенты бываютъ иногда младенчески-наивны. „Несуразенъ“ герой, видите ли, главнымъ образомъ, потому, что хлопотеть у разныхъ тамъ вліятельныхъ особъ, вмѣсто того, чтобы просто обратиться по начальству. На это, молъ, начальство и существуетъ, авторитетно заявляетъ рецензентъ. Ну, не младенецъ ли! Слыхали вы пословицу: „коль обходомъ — три версты, напрямкомъ и цѣлыхъ восемь“? Такъ и тутъ: чѣмъ прямѣе, тѣмъ дальше. Но вотъ, если я ничего не добьюсь, будетъ совсѣмъ несуразно — это вѣрно!.. Ну, а вы какъ? — перемѣнилъ онъ тонъ. — Всѣхъ, по прежнему, съ ума сводите?.. Знаете, я рѣдко кому завидую, но Александру просто нельзя не завидовать. — И, взявъ руку молодой женщины и поднеся ее къ губамъ, онъ обернулся къ Плетневу, отвѣтившему ему сочувственной улыбкой.

— *Tout le monde la seconde figure!* — зычнымъ голосомъ выкрикивалъ дирижеръ. — *Promenade en une colonne et un brin de causerie, s'il vous plait!*

Пестрая лента танцующихъ вытянулась. Въ первой парѣ дирижеръ, красный и потный, отдувался, обмахиваясь вѣеромъ своей дамы. Поровнявшись съ Вѣрой, онъ широко открылъ глаза и на секунду пріостановился.

— Вѣра Дмитриевна, что же это такое?!.. — воскликнулъ онъ громко. — Отчего вы не танцуете? Вотъ ужасъ-то!

И онъ продолжалъ на нее оглядываться, дѣлая отчаянное лицо.

— Ну, вотъ! — разсмѣялся, Ржевскій: — за что это вы привели въ ужасъ молодого человѣка?

— А въ самомъ дѣлѣ, Вѣра, почему ты не танцуешь? — спросилъ Плетневъ.

— Мой кавалеръ не нашелъ себя *vis-à-vis*...

— Не нашелъ *vis-à-vis*... На такомъ-то балу... Вотъ странно! А ты съ кѣмъ должна была танцевать?

— Съ Ремеромъ, — отвѣтила Вѣра и, чувствуя, что краснѣетъ, сердито сдвинула брови.

— А! *Max l'Irrésistible*... сердцепожиратель... Чтò онъ все такой же, не остепенился? — спросилъ Ржевскій.

Вѣра не отвѣчала, и онъ перевелъ глаза на Плетнева.

— А, право, не знаю, — отвѣтилъ тотъ, морщась. — Я съ

нимъ мало знакомъ, да, признаться, и не люблю его. По моему, это безусловно красивое, но циничное и наглое животное — и больше ничего.

— Довольно вѣрное опредѣленіе, — усмѣхнулся Ржевскій: — особенно, если онъ не перемѣнился. Я-то его хорошо знаю, мы съ нимъ цѣлую зиму вмѣстѣ прожили въ Римѣ.

— Говорять, собирается жениться, — небрежно замѣтила Вѣра.

— На комъ?

— На маленькой Стюзбергъ.

— На маленькой Стюзбергъ, — повторилъ Ржевскій, припоминая: — какая это? Я что-то не помню.

— Ну, какъ не помнишь! — сказалъ Плетневъ. — Та самая, которая до того обожаетъ кавалергардовъ, что про нее разсказывали, будто каждый разъ, какъ она съ однимъ изъ нихъ разговариваетъ, у нея отъ волненія лѣвое плечо изъ лифа выскакиваетъ.

— Теперь помню, — усмѣхнулся Ржевскій. — Стало быть, кавалергарды въ отставкѣ?

— Ну, еще бы, разъ самъ Максъ удостоилъ своимъ вниманіемъ...

— Какъ же это? Теперь, значить, выходитъ, что, разговаривая съ Максомъ, у нея уже оба плеча должны вылѣзть?..

— Скажите пожалуйста, — разсмѣялась Вѣра: — вы это, сидя въ деревнѣ, научились говорить такія злыя вещи!

— А вы что думали?! — ей въ тонъ подхватилъ Ржевскій. — Нѣтъ, шутки въ сторону, — сказалъ онъ, улыбаясь: — скажите, Вѣра, вы не замѣчаете на мнѣ плесени? Не очень я обросъ мхомъ?

Вѣра серьезно и внимательно оглядѣла его высокую, мощную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящную фигуру, его выразительное, умное лицо, которому густая шапка почти совсѣмъ сѣдыхъ волосъ придавала своеобразно-красивый отпечатокъ, и спокойно проговорила:

— Не безпокойтесь. Можете соперничать съ кѣмъ угодно... и рассчитывая на успѣхъ, — подчеркнула она.

— Ну, спасибо вамъ, — сказалъ Ржевскій, мягко улыбаясь и ожидывая ее взглядомъ, въ которомъ, помимо его воли, скользя, нѣчто большее, чѣмъ простое дружеское чувство.

— *Respectez vos dames!* — закричалъ, наконецъ, дирижеръ и, обмахиваясь платкомъ, подлетѣлъ къ Вѣрѣ.

— Да какъ же это случилось, Вѣра Дмитриевна? Вѣдь вы, кажется, должны были танцевать съ Максомъ Ремеромъ?

— Да... Но чего вы такъ беспокоитесь? Онъ просто не нашель *vis-à-vis*.

Молодой офицеръ сдѣлалъ удивленные глаза.

— Не нашель *vis-à-vis*?—повторилъ онъ недоумѣвающе. — Ну, все равно! А я себѣ этого никогда не прощу... Какъ это? Царица водъ—и вдругъ не танцуетъ! Зато уже теперъ я васъ изъ глазъ не выпущу... Прошу на первый туръ вальса. *Cinq minutes d'entre-acte*, и я за вами.

— Ужъ право не знаю, буду ли я вообще танцовать,— сказала нерѣшительно Вѣра, кинувъ взглядъ на Ржевскаго.

— Это почему же?!—воскликнулъ съ негодованіемъ офицеръ.

— Конечно, танцуйте!—сказалъ Ржевскій, понявъ ея взглядъ. —Вѣдь уѣхать отсюда мы все равно не можемъ... по крайней мѣрѣ я. Всѣ мои старички сидятъ за картами, и мнѣ придется ждать, пока они кончатъ.

— Ну, а теперъ я бѣгу!—сказалъ офицеръ.—*A tantôt*.

— Тоже обязанность не изъ легкихъ,—замѣтилъ Ржевскій, глядя ему вслѣдъ:—требуеть и... Смотрите!—оборвалъ онъ вдругъ, указывая глазами на направлявшуюся къ нимъ высокую даму. И онъ сдѣлалъ глубокой поклонъ.

Несмотря на то, что подходившая дама была немногимъ только старше Вѣры, послѣдняя быстро встала и пошла къ ней на встрѣчу. Дама ласково взяла ее подъ-руку и стала ходить съ нею по залѣ.

— О чемъ вы съ ней говорили?—спросилъ Плетневъ, когда Вѣра, сдѣлавъ дамѣ почтительный реверансъ, вернулась назадъ.

— Да все о спектаклѣ... Теперъ, оказывается, у нихъ нѣтъ Марса, и она въ отчаяніи... Спрашивала о васъ, когда вы пріѣхали и долго ли останетесь,—обратилась она къ Ржевскому — Мнѣ кажется, ей пришла мысль завербовать васъ для спектакля. Что-жъ, вы будете настоящимъ Марсомъ.

— А вы знаете, что я, пожалуй, не откажусь,—сказалъ задумчиво Ржевскій. — Конечно, если спектакль состоится въ непродолжительномъ времени. Я и безъ того думалъ обратиться къ ней по своему дѣлу, и это мнѣ на руку. Кто теперъ при ней? Все Голынская?

— Голынская... Иду, иду! — сказала она, улыбаясь, дирижеру, который уже давно съ тоскливымъ видомъ стоялъ около нихъ.

Офицеръ кивнулъ, и модный тапѣръ, какъ-то особенно граціозно вскинувъ руками, заигралъ вальсъ.

— Съ вами танцовать — наслажденіе! — говорилъ офицеръ,

ловко ставя Вѣру, послѣ второго тура, прямо на то мѣсто, откуда взялъ ее:—Такая легкость, точность...

— А въ который разъ вы сегодня это говорите?—спросила Вѣра, улыбаясь и кладя руку на плечо склонившагося передъ ней плотнаго флигель-адъютанта, съ краснымъ лицомъ и длинными рыжими усами.

— Ну, теперь твоя жена для насъ потеряна, — сказала Ржевскій:—пойдемъ, сядемъ куда-нибудь, а то у меня съ привычки въ головѣ даже зашумѣло.

Они прошли въ одну изъ гостиныхъ и, выбравъ мѣстечко поукромнѣе, сѣли.

— И очень у васъ тамъ плохо?—спросилъ Плетневъ, видимо продолжая прежде начатый разговоръ.

— Плохо; хуже, чѣмъ въ прошломъ году... Вѣдь еще холера прибавилась. А что будетъ дальше, я себѣ и представить не могу... А у васъ тутъ тормазать... Голодь, по официальнымъ свѣдѣнiямъ, молъ, прекратился, комитетъ закрыть—о чемъ же вы хлопочете?

Онъ пожалъ плечами и замолчалъ.

— Да,—выговорилъ Плетневъ задумчиво, какъ будто отвѣчая на внутреннюю мысль:—я часто сожалею, что у меня нѣтъ инвiа... Все бы, кажется, бросилъ и уѣхалъ.

— А что, надоѣло?

Плетневъ раздражительно передернулъ плечами.

— Да развѣ можетъ не надоѣсть это вѣчное бумагомаранье, — работа, въ которой нѣтъ ни жизни, ни смысла! А потомъ... еслибы ты только зналъ, что у насъ тутъ дѣлается... Интриги, сплетни, несправедливость, фаворитизмъ... Недавно еще... возмутительно!..—И онъ возбужденно и съ волненiемъ сталъ рассказывать, какъ кто-то у кого то, благодаря родству, перебилъ мѣсто. —И это, замѣть, открыто, не стѣняясь, на глазахъ у всѣхъ... Подумаешь, право...

— Ну, и дѣвѣкъ, я тебѣ доложу! Плетнева-то, слышалъ? Какова! Вотъ такъ...

Александръ Ивановичъ оборвалъ себя на полусловѣ и впился глазами въ говорившаго—какого-то молодого человѣка, въ рiпсепез. Послѣднiй инстинктивно повернулъ голову и, увидѣвъ устремленные на него страшные глаза, въ свою очередь застылъ съ открытымъ ртомъ. Потомъ, неизвѣстно почему, прыснулъ, закрылъ ротъ рукою и, стремительно таща за собой своего собесѣдника—тоже статскаго, вылетѣлъ изъ комнаты.

— Что это такое?—глухо выговорилъ Плетневъ.

— Не случилось ли чего-нибудь съ Вѣрой?—нерѣшительно произнесъ Ржевскій. Онъ тоже растерялся и ничего не понималъ.

— Ты думаешь?!

Плетневъ всталъ; но вдругъ пошатнулся и схватился рукой за сердце. Ржевскій къ нему подскочилъ и схватилъ его за руку.

— Полно! нельзя такъ малодушничать... Какіе-нибудь пу-
стыки...

Но Плетневъ отрицательно покачалъ головой и, взявъ руку Ржевскаго, приложилъ ее къ своему боку. Подъ тонкимъ су-
химъ сердцемъ толкалось рѣзко и неровно.

— И такъ при каждомъ сильномъ волненіи... Испортилась машина!—съ блѣдной улыбкой сказалъ онъ.—Ну, теперь отошло...
Пойдемъ!

Они быстро прошли въ танцевальную залу и тотчасъ же на-
шли Вѣру. Она танцевала съ молодцоватымъ штабнымъ генера-
ломъ и, замѣтивъ ихъ, весело закивала головой.

Ржевскій пожалъ плечами.

— Ничего не понимаю!—выговорилъ онъ недоумѣвающе.—
Да ты франта-то этого знаешь? Найти его, да прямо и потребо-
вать объясненій.

— Понятія не имѣю. И рожу-то его разглядѣть не успѣлъ,
—сквозь зубы процѣдилъ Плетневъ.—Ищи его теперь съ со-
баками...

Вдругъ Ржевскій остановился.

— Послушай... да вѣдь у тебя есть тетка — та... ориги-
налка-то... Очевидно, про нее и говорятъ.

— Ея здѣсь нѣтъ...

— Такъ что-жь? Вѣдь онъ что сказалъ? „Какова Плет-
нева“—и больше ничего... Навѣрное, навѣрное, такъ оно и есть.
Твоя тетка опять выкинула какую-нибудь штуку. Ну, и говорятъ.

Ржевскій довольно улыбался. Онъ былъ очень радъ, что на-
палъ на эту мысль. Ему крайне тяжело было думать, что гово-
рили про Вѣру.

Да и лицо Плетнева стало разглаживаться. Въ концѣ кон-
цовъ, не было ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что гово-
рили именно про его тетку. Она была извѣстная оригиналка,
про которую ходила масса анекдотовъ. Но вдругъ онъ опять
нахмурился и подозрительно скосилъ глаза на сидѣвшую у про-
хода группу, состоявшую изъ нѣсколькихъ дамъ и двухъ кавалеро-
въ. Ему послышалось, что кто-то изъ нихъ произнесъ: „Tss!
Voici le mari!“—послѣ чего они всѣ замолчали. Проходя мимо,

онъ отвелъ глаза въ сторону, но тѣмъ не менѣе ясно почувствовалъ на себѣ ихъ любопытные взгляды.

— „Lequel des deux?“ — донесся до него шопотъ, и онъ судорожно стиснулъ руку Ржевскаго.

— Ты слышалъ?!

— Чтò слышалъ? Ничего не слышалъ... Да что ты въ меня такъ вцѣпился? Пустя! — сумрачно отвѣтилъ Ржевскій.

— Ты видѣлъ, они на меня смотрѣли какъ на дикаго звѣря! — продолжала Плетневъ, задыхаясь. — Дмитрій, что жъ это такое?!

Ржевскій и видѣлъ, и слышалъ. Онъ чувствовалъ, какъ волнение Плетнева передавалось и ему. Но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и громко разсмѣялся.

— Ты такъ подозрительно настроенъ, что у тебя начинаются галлюцинаціи слуха и зрѣнія. Пойдемъ-ка въ буфетъ, я тебѣ дамъ воды, и ты успокоишься.

— Князь, князь! — остановила Ржевскаго въ буфетѣ толстая барыня, вся горѣвшая отъ массы покрывавшихъ ее брилліантовъ и съ огромнымъ краснымъ вѣеромъ въ рукахъ. — Что же это вы не хотите узнавать старыхъ знакомыхъ! — томно продолжала она, когда Ржевскій, оставивъ Плетнева, подошелъ къ ней. — Садитесь, посидите со мной, а то я осталась безъ кавалера. Мой Vladimir пошелъ доставать мнѣ дюшессу и пропалъ... Что это у васъ такой недовольный видъ?

Она сдѣлала хитрые глаза, и, вдругъ перемѣнивъ тонъ и понизивъ голосъ, наклонилась совсѣмъ близко къ Ржевскому:

— А онъ уже знаетъ? — И она, кивнувъ головой на стоявшаго у одного изъ буфетныхъ столовъ Плетнева, впиалась въ Ржевскаго большими, выпуклыми, безцвѣтными глазами.

— Кто чтò знаетъ? — недовольно пожалъ плечами Ржевскій, чувствуя, что опять онъ сейчасъ услышитъ что-то скверное.

— Ахъ, Боже мой! Онъ не понимаетъ! Я васъ спрашиваю, знаетъ ли вашъ другъ Плетневъ про то, про что всѣ здѣсь говорятъ... какъ его жену накрыли „въ комнатѣ съ пальмами“, en plein, въ то время какъ она... цѣловалась съ Максомъ Ремеромъ. — И она злорадно хихикнула.

— Вотъ вздоръ! — воскликнулъ Ржевскій и расхохотался. Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ Вѣру, цѣлующуюся съ постороннимъ мужчиной.

— Почему вздоръ? — смутилась нѣсколько Потолова, — такъ звали даму; но потомъ она обидѣлась и поджала губы. — Конечно, каждый волѣнъ... можете вѣрить, или не вѣрить... Это — ваше дѣло... Только должна васъ предупредить, что я слышала объ

этомъ въ самаго вѣрнаго источника... отъ Никса Бибицына... Онъ самъ ихъ и накрылъ. „Прохожу,—говорить,—а они сидятъ подь камеліями. Она ему голову на плечо, а онъ ее—чмокъ!—прямо въ губы“. Да... А затѣмъ, конечно, можете смѣяться, сколько вашей душѣ угодно!

Она сдѣлала презрительную гримасу и съ достоинствомъ замахала краснымъ вѣромъ.

Но Ржевскій былъ уже серьезенъ. Хотя за Потоловой давно и прочно установилась репутація первой петербургской сплетницы, тѣмъ не менѣе, ему было ясно, что между ея словами, возгласомъ молодого статскаго и только-что слышанными замѣчаніями была тѣсная связь. Онъ пристально на нее взглянулъ и произнесъ, отчеканивая каждое слово:

— Это—низкая, грязная сплетня! Гнусная клевета! И, откровенно говоря, я бы не совѣтовалъ никому ее повторять.

Онъ сухо поклонился и отошелъ.

— Ахъ, скажите, защитникъ каковой! Такъ я и испугалась!—ядовито пустила ему вслѣдъ Потолова и, схвативъ за руку проходившую мимо даму, съ вопросительнымъ выраженіемъ большихъ голубыхъ глазъ, быстро затараторила на нижегородскомъ нарѣчьи:

— Mais non, figurez-vous, ma chère,—не вѣрять! Я ему говорю: сама видѣла — сидятъ подь камеліями и цѣлуются, а онъ вдругъ: „сплетня“... Невѣжа!

— Да вы про кого? Кто цѣлуется? — выговорила съ недоумѣніемъ дама, при чемъ глаза ея уже совсѣмъ превратились въ два большихъ вопросительныхъ знака.

— Ахъ, Боже мой, да про Плетневу... Кто же объ этомъ не знаетъ! Я ему говорю: поймите вы, сама видѣла... Проходимъ это мы съ Wladimir'омъ, а они сидятъ подь камеліями... Она къ нему голову на плечо, а онъ ее — чмокъ! — прямо въ губы... N'est-ce pas, Wladimir? Вѣдь мы съ тобой проходили?—стремительно обратилась она къ совсѣмъ еще юному, безусому гусарю, подходившему къ нимъ съ тарелкой, на которой цѣлой грудой возвышались груши, мандарины и виноградъ.

— Oui, oui, ma tante!—быстро закивалъ головой офицеръ, очень довольный, что его черезъ-чуръ нѣжная, при томъ очень дальняя, чуть ли не по Адаму, родственница, занятая интереснымъ разговоромъ, не замѣтила его долгаго отсутствія.

— Плетнева... красавица... Та, которую прозвали „русалкой“!—выговорила дамочка, внезапно оживясь.—Ахъ, chère ma tante Потолова, расскажите поподробнѣе... Это такъ интересно! Съ кѣмъ же она цѣловалась?..

— Что она тебѣ тамъ говорила?—спросилъ Плетневъ, вшивая глазами въ подходившаго Ржевскаго. Но послѣдній ожидалъ этого вопроса и успѣлъ къ нему приготовиться. Онъ презрительно пожалъ плечами, и отвѣтъ его прозвучалъ очень естественно.

— Толстая дурища! Увѣрять, что голода никакого нѣтъ и не было, а его будто выдумали земскіе начальники, которымъ рѣшительно больше дѣлать нечего... Прелесть! — Онъ взглянулъ на часы.—А что? Вѣдь теперь, пожалуй, скоро и ужинъ... Ну, я тебя покину: боюсь прозвѣвать своихъ старичковъ.

Постоявъ еще немного у буфета и отвѣтивъ нѣсколькими сердитыми взглядами на ехидныя улыбочки Потоловой, — Потолова ненавидѣла и Плетнева, и его жену, какъ вообще ненавидѣла всѣхъ тѣхъ, о которыхъ нельзя было сказать ничего предосудительнаго,— Плетневъ вышелъ изъ буфета, прошелъ нѣсколько комнатъ и остановился въ „круглой“ гостиной. Это была самая проходная комната. Стѣны на равныхъ промежуткахъ были заставлены высовыми до потолка зеркалами, такъ что проходившіе могли себя видѣть со всѣхъ сторонъ. Плетневъ остановился у одной изъ четырехъ дверей и сталъ внимательно слѣдить за проходившими, надѣясь увидѣть того молодого статскаго, который первый заговорилъ про Вѣру. „Только бы узнать“... Онъ сейчасъ же потребуетъ объясненій; если же тотъ вздумаетъ влять, онъ его тутъ же, при всѣхъ, поколотитъ!.. Лишь бы избавиться отъ этой ужасной неизвѣстности! И у него судорожно сжимались кулаки.

Маленькій, худенькій старичокъ, въ придворномъ мундирѣ, съ двумя звѣздами, замѣтивъ Плетнева, приостановился, и на сморщенномъ, какъ печеное яблоко, лицѣ его выразилось удивленіе. И до его карточного стола дошла сплетня про Вѣру, въ одномъ изъ вариантовъ, по которому Вѣра, протанцовавъ кадрили съ однимъ изъ секретарей испанскаго посольства, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ съ нимъ и сбѣжала. Старичокъ былъ большимъ другомъ покойнаго отца Плетнева, былъ крестнымъ отцомъ самаго Плетнева и очень любилъ какъ его, такъ и Вѣру, а потому сплетня произвела на него большое впечатлѣніе. Повѣрилъ же онъ ей потому, что былъ ужъ очень старъ и часто путался въ мысляхъ. Въ первую минуту онъ хотѣлъ даже бросить карты и бѣжать разыскивать Плетнева, но въ это самое время его партнѣръ назначилъ маленькій шлемъ безъ козырей—не бросать же игру въ такую критическую минуту! Ну, а потомъ онъ, при-

знаться, и забылъ, и только вотъ теперь, увидѣвъ Плетнева, вспомнилъ, — вспомнилъ и удивился. „Не можетъ же онъ не знать... Но тогда чтѣ онъ тутъ дѣлаетъ?“ — думалъ онъ, подходя къ Плетневу мелкими, торопливыми шажками.

— Другъ мой! — произнесъ онъ растроганнымъ голосомъ, протягивая руку. — Я слышалъ. Это такъ грустно... такъ печально... — и вдругъ замолчалъ, и его голая, аккуратная, блестящая, какъ слоновая кость, лысина побагровѣла. Онъ увидѣлъ прямо передъ собой Вѣру, медленно къ нимъ подходившую, спокойнѣе ему улыбающуюся, и понявъ, что попалъ въ просакъ, растерянно затоптался на мѣстѣ.

— Наконецъ-то! — вырвалось у Плетнева. — Ну, говорите, чтѣ? Чтѣ вы слышали? — И онъ схватилъ старика за руку.

— Я слышалъ, что ты... что ты... не совсѣмъ здоровъ, — запинаясь, выговорилъ тотъ, и, взглянувъ умоляюще на Плетнева, добавилъ скороговоркой: — я и самъ что-то... того... плохо себя чувствую... Ты ужъ меня извини, голубчикъ! Прощай!

Онъ вырвалъ руку и быстро засеменялъ прочь. Плетневъ бросился за нимъ, но прямо наткнулся на Вѣру и застылъ.

— Господи! Саша... Чтѣ съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ!.. Голубчикъ, чтѣ съ тобой?!.. Поѣдемъ, поѣдемъ скорѣй домой!..

И столько страха, тревоги, столько нѣжной заботливости прозвучало въ этихъ порывистыхъ возгласахъ, что у Плетнева на сердцѣ сразу отлегло. Онъ глубоко, съ облегченіемъ вздохнулъ и, крѣпко пожимая ея руку, выговорилъ мягко:

— Такъ, ничего, пустяки... Уже прошло. Здѣсь такъ душно!

— А все-таки не лучше ли уѣхать, — сказала Вѣра, продолжая оглядывать его встревоженнымъ взглядомъ.

— Да, да, поѣдемъ! — быстро выговорилъ Плетневъ, такъ какъ одна мысль остаться опять одному, безъ Вѣры, казалась ему ужасною. Теперь онъ боялся этой толпы. Съ ея загадочными взглядами, странными возгласами, бессмысленными, непонятными разговорами, она казалась ему огромнымъ, отвратительнымъ животнымъ, скалящимъ на него зубы, готовымъ каждую минуту на него броситься и задушить. И чувствуя свою слабость и беззащитность передъ чѣмъ-то страшнымъ, роковымъ, онъ тѣсно прижимался къ Вѣрѣ, понимая инстинктомъ, что въ ней одной — все спасеніе.

По дорогѣ ихъ нагналъ Ржевскій. Онъ былъ окончательно сбитъ съ толка и уже рѣшительно ничего не понималъ. Одинъ изъ важныхъ сановниковъ, съ которымъ онъ только-что говорилъ о своемъ дѣлѣ, зная о его близкихъ отношеніяхъ къ Плетне-

вмѣ, очень тонко разспрашивалъ его о томъ, правда ли, что Вѣра бросаетъ мужа и собирается выходить за военнаго агента одной изъ дружественныхъ намъ державъ. „Я лично, конечно, этому не вѣрю. Это—какое-нибудь недоразумѣніе... сплетня. Но... вы знаете, какая горячка Плетневъ—я опасасюсь... дипломатическихъ затрудненій“. И глубокомысленно пожевавъ губами, онъ подавъ Ржевскому два пальца.

— Я завтра непременно буду у васъ, — сказалъ Ржевскій, дѣлая особое удареніе на словѣ: „непременно“, и съ невольной тревогой заглядывая Вѣрѣ въ глаза.

— Ну, да, конечно, — спокойно отвѣтила та:—какъ всегда, послѣ пяти я дома... Здравствуйте, — сказала она, отвѣчая холоднымъ наклоненіемъ головы на глубокой поклонъ Меряева, стоявшаго у выходныхъ дверей съ толстымъ, неуклюжимъ юношей въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ — представителемъ одного изъ богатѣйшихъ родовъ въ Россіи, извѣстнымъ въ обществѣ подъ насмѣшливой кличкой „fate John“. Джонъ былъ недалеко и добродушенъ, а потому служилъ постоянной мишенью для болѣе или менѣе злыхъ выходокъ его многочисленныхъ пріятелей, которыми это, впрочемъ, не мѣшало безъ стѣсненія черпать изъ его широкихъ кармановъ.

При проходѣ Плетневыхъ Меряевъ оборвалъ рассказываемый имъ анекдотъ, отъ котораго тучное тѣло Джона колыхалось въ судорожномъ смѣхѣ, и сталъ пристально глядѣть имъ вслѣдъ. „Эге! — подумалъ онъ, слѣдя, съ какою внимательностью Ржевскій укутывалъ Вѣру. — Вотъ такъ комбинація! Одинъ восторгъ!“

— погоди! — остановилъ онъ Джона, требовавшаго продолженія анекдота: — ты лучше посмотри, что тамъ дѣлается! — и онъ указалъ на Вѣру и Ржевскаго.

— Что такое? — повернулъ голову Джонъ. — Ну, чортъ съ ними! — произнесъ онъ недовольно. — И безъ того надобли. Всѣ уши ими прожужжали. И ничего я, признаться, не пойму... Одинъ говоритъ — цѣловалась, другой — сбѣжала, третій—мужа побил... И все врутъ! Чортъ знаетъ, что такое!

— Все вздоръ, пустяки... Все для отвода глазъ, понимаешь! — процѣдилъ сэвось зубы Меряевъ. — А ты смотри, что теперь-то дѣлается! — настойчиво произнесъ онъ.

— Что?.. Ржевскій... Ты думаешь, Ржевскій... — нерѣшительно протянулъ Джонъ. — Что-жъ, пожалуй...

— Удивительно! Поразительно! Я всегда говорилъ, что у тебя на такіа дѣла изумительный нюхъ! — воскликнулъ Меряевъ, схватывая и потрясая руку Джона. — Никто ничего не понималъ,

а ты лишь взглянулъ — и сразу все сообразилъ... Молодчина, братъ! ей-Богу, молодчина! Всѣмъ теперь буду рассказывать о твоёмъ открытіи. — И онъ съ дѣланнымъ восторгомъ смотрѣлъ на Джона, лицо котораго раздвинулось въ широкую самодовольную улыбку.

— О, это было ясно, какъ день! — съ важностью, надувъ щеки, произнесъ тотъ. — Мнѣ стоило лишь взглянуть... Les adultères—ça me saupait! А, признайся: — ужъ на что ты ходѣлъ по этой части, а и то ничего не понималъ... Я же только увидѣлъ — и готово!

И опять его тучное тѣло заколыхалось отъ самодовольнаго смѣха.

„Вотъ-то—Валаамова ослица!“ — подумалъ Меряевъ, и въ его маленькихъ глазкахъ вспыхнула злобная искорка.

— Ну, еще бы!—серьезно отвѣтилъ онъ, пристально глядя на Джона. И вдругъ, поднявъ руку, быстро опустилъ ее, словно собираясь ударить его по животу.

Округленное брюшко Джона съ быстротою молніи отдернулось назадъ, и тѣло образовало уголъ въ 45°. Но потомъ онъ обидѣлся и зафыркалъ, какъ разсерженная кошка. Именно этой шутки, которую частенько съ нимъ продѣлывали его друзья, онъ болѣе всего не терпѣлъ.

— Я те... те... бя... сколько разъ просилъ, чтобы ты э... этого не дѣлалъ!—выговорилъ онъ, заикаясь, и отъ сильнаго волненія брызжа во всѣ стороны слюной.

Нѣсколько секундъ Меряевъ смотрѣлъ на него серьезно, даже строго.

— Смотри, братъ! — проговорилъ онъ, наконецъ, внушительно.—Здѣсь плевать запрещено. Какъ разъ и выведутъ!

И насмѣшливо захохотавъ, онъ повернулся къ нему спиной.

Вѣра и Александръ Иванычъ доѣхали до дому молча. Вѣра думала о томъ, говорить ли мужу про случай съ Ремеромъ. Она еще не рѣшила этого вопроса, но понимала, что его надо рѣшить именно теперь. Александръ Иванычъ ни о чемъ не думалъ. Онъ боялся думать. Онъ чувствовалъ, что внутри у него, на самой глубинѣ, затаилось что-то тягостное, мучительное; но ему было еще тепло отъ участія, выказаннаго Вѣрой, онъ продолжалъ чувствовать ея душевную близость, и думать о причинахъ, вызвавшихъ это участіе, ему не хотѣлось. „Все равно, отъ этого не уйдешь,—думалъ онъ,—но только не теперь“...

— Ну, прощай! — сказала Вѣра, останавливаясь у дверей

кабинета и по привычкѣ подставляя ему для поцѣлуя свой лобъ.
— Раздѣвайся только скорѣй, я спать хочу.

— Нѣтъ, ты ложись, — отвѣтилъ Плетневъ: — мнѣ еще работать надо, у меня завтра докладъ.

— Ахъ, какъ это скучно!.. Ну, тогда прощай по-настоящему.

Она обвила его шею руками и, положивъ голову на его плечо, закрыла глаза въ ожиданіи поцѣлуя.

— Послушай!.. — Онъ замаялся и докончилъ очень тихо: — тебѣ нечего мнѣ сказать?

Онъ не могъ не спросить о томъ, о чемъ спросилъ; но спрашивать это ему было очень неловко.

У Вѣры дрогнули вѣки. „Что это значитъ? Почему онъ спрашиваетъ?“ И она окинула его мгновеннымъ внимательнымъ взглядомъ. Но Плетневъ, слабо улыбаясь, смотрѣлъ, поверхъ ея головы, куда-то въ сторону, и Вѣра опять закрыла глаза и очень спокойно отвѣтила:

— Нѣтъ. А что?

Она почувствовала, какъ онъ глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ, ничего... Я такъ... — поспѣшно выговорилъ онъ и, прижавъ ее крѣпко къ себѣ, сталъ цѣловать въ глаза и губы.

— Прощай! Милая, хорошая моя... Покойной ночи.

И Вѣрѣ казалось, что сегодня его шопотъ звучалъ какъ-то особенно нѣжно.

Снявъ платье, Вѣра отпустила горничную. Ей хотѣлось скорѣе остаться одной, и она была рада, что съ нею не было Александра Иваныча. Ее встревожилъ его вопросъ, и, медленно раздѣваясь, она еще разъ спросила себя, правильно ли поступила она, не рассказавъ ему о случившемся.

Вѣра вышла за Александра Иваныча по любви; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ея жизни не было времени болѣе мучительнаго, чѣмъ время, непосредственно слѣдовавшее за днемъ ихъ свадьбы. И теперь еще о такъ-называемомъ медовомъ, а затѣмъ и о другихъ первыхъ мѣсяцахъ ихъ совмѣстной жизни она не могла вспомнить безъ особаго ужаса.

Человѣкъ нервный и до болѣзненности впечатлительный, Александръ Иванычъ, любя жену глубоко и страстно, ревновалъ ее не только ко всѣмъ, но и ко всему. И не то чтобы онъ думалъ, особенно въ первое время, что Вѣра увлекается кѣмъ-нибудь другимъ, что она способна его обмануть — совсѣмъ нѣтъ; но ему постоянно казалось, что она его любить гораздо меньше, чѣмъ онъ ее, и во всякомъ ея личномъ, самостоятельномъ, не

имѣющемъ прямого къ нему отношенія, дѣйствию онъ видѣлъ доказательство этого, мучился и страдалъ, заставляя мучиться и страдать Вѣру. Послѣ свадьбы они поѣхали въ деревню, въ имѣніе отца Вѣры. Кругомъ почти не было сосѣдей, и ревновать жену къ кому-нибудь Александръ Ивановичъ не имѣлъ возможности. Однако и тамъ Вѣра измучилась. Пойдетъ ли она купаться и, почему-либо замѣшкавшись, вернется позднѣе обыкновеннаго — Александръ Ивановичъ ходитъ мрачнѣе тучи и встрѣчаетъ ее замѣчаніемъ, что она только и думаетъ, какъ бы подольше оставаться безъ него; выйдетъ ли она погулять за ограду сада, въ поле—онъ обижается, спрашиваетъ, почему она его съ собой не позвала, объясняетъ это тѣмъ, что ей вѣроятно пріятнѣе гулять безъ него, что, слѣдовательно, онъ ей надобѣлъ. Она никогда не забудетъ, чтѣ съ нимъ было, когда однажды, уѣхавъ съ его сестрой на два дня къ однимъ дальнимъ родственникамъ, у которыхъ имѣніе было въ сосѣднемъ уѣздѣ, она передъ отъѣздомъ впопыхахъ забыла съ нимъ проститься. Когда они вернулись, на Александрѣ Ивановичѣ лица не было; онъ похудѣлъ какъ послѣ долгой опасной болѣзни, а нервы его до того натянулись, что при первыхъ словахъ объясненія онъ разрыдался, какъ ребенокъ. Живя, дыша Вѣрой, онъ требовалъ того же и отъ нея, не понимая, что хотя Вѣра его и любитъ, но любить по своему; любить же такъ, какъ онъ, она, по своему характеру, не можетъ.

Потомъ, когда они вернулись въ Петербургъ, пошло еще хуже. Выдающаяся красота Вѣры, какая-то особая, свойственная ей одной, прелесть быстро создали вокругъ нея цѣлую толпу поклонниковъ и ухаживателей. Теперь уже Александру Ивановичу не приходилось затрудняться въ выборѣ предметовъ для ревности. Ихъ было столько, что хоть отбавляй—и жизнь молодыхъ превратилась въ настоящій адъ. Александръ Ивановичъ воспламенялся какъ порохъ; сверхъ того, онъ въ высокой степени обладалъ способностью самоподвигиванія. Почти не проходило дня безъ сценъ, въ большинствѣ—дѣвкихъ, нелѣпыхъ. Потомъ наступала реакція, слѣдовалъ періодъ упадка. Александръ Ивановичъ сознавалъ свою неправоту, просилъ прощенія. „Пойми ты, — говорилъ онъ Вѣрѣ въ такія минуты, стараясь хоть чѣмъ-нибудь себя оправдать:—пойми ты, что ухаживаніе всѣхъ этихъ господъ тебя унижаетъ. Пойми, что оно должно оскорблять въ тебѣ честную женщину, любящую жену. Вѣдь каждый изъ нихъ, начиная за тобой ухаживать, имѣетъ передъ собой ясно-опредѣленную цѣль. Ты же не дѣвочка, чтобы этого не понимать, и неужели

тебя это не возмущает!" Но логичность этихъ и подобныхъ разсужденій, для Александра Иваныча несомнѣнная, для Вѣры была непонятна. Она чувствовала и понимала совсѣмъ другое. Она чувствовала, что общее поклоненіе есть дань,—дань законная, естественная и желанная,—платимая ея красотѣ; она понимала, что всегда въ состояніи прекратить ухаживаніе, выходящее за эти предѣлы; но въ то же время видѣла, что избавиться отъ поклоненія, ухаживанія вообще, можно лишь двоякимъ образомъ: или превратясь въ урода, или же — переселясь на необитаемый островъ. Но отъ такого сознанія своей правоты Вѣрѣ было не легче. Стараясь относиться какъ можно хладнокровнѣе къ выходкамъ мужа, она, тѣмъ не менѣе, любя его, мучилась его страданіями и иногда не выдерживала характера. Тогда она бросала все: никуда не выѣзжала, никого не принимала, и въ квартирѣ супруговъ наступали миръ и тишина. Однако не надолго, такъ какъ Плетневъ быстро приходилъ къ убѣжденію, что Вѣра приноситъ себя ему въ жертву. Эта мысль была ему невыносима, и онъ требовалъ, чтобы Вѣра немедленно возвратилась къ прежнему образу жизни. А тамъ — опять сцены, сцены безъ конца.

Трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось. Все же можно предположить съ вѣроятностію, что съ теченіемъ времени любовь Вѣры, постепенно уменьшаясь, прошла бы окончательно, послѣ чего они бы и развѣхались, по „несходству характеровъ“. На дѣлѣ же случилось другое. Случилось нѣчто, радикально измѣнившее поведеніе Александра Иваныча и превратившее прежній адъ въ рай, полный тихой, хорошей любви и спокойнаго счастья.

Однажды Вѣра получила любовное письмо, до того глупое, что она, читая его, хохотала до слезъ, и подъ первымъ впечатлѣніемъ побѣжала съ нимъ къ Александру Иванычу. Только отдавъ ему письмо, она сообразила, чтѣ сдѣлала. Теперь ей уже было не до смѣха, и она съ ужасомъ ожидала того, чтѣ будетъ, ругая себя въ то же время за опрометчивость. Но, къ ея удивленію, Александръ Иванычъ отнесся къ этому совсѣмъ иначе, тѣмъ она ожидала. Онъ также расхохотался и потребовалъ, чтобы она непремѣнно, при первомъ удобномъ случаѣ, показала ему этого новаго обожателя. Вѣра обрадовалась, подумала, сообразила, и съ того дня стала разсказывать Александру Иванычу о всѣхъ своихъ поступкахъ, дѣйствіяхъ, разговорахъ, совсѣмъ просто, откровенно, рѣшительно ничего не утаивая. И дѣйствіе получилось изумительное. Скоро Александра Иваныча нельзя было узнать. Изъ дикаго ревнивца, косо смотрѣвшаго на каждаго подходившаго къ его женѣ мужчину, онъ превратился въ

самаго снисходительнаго мужа, съ какою-то даже совсѣмъ особою внимательною деликатностью относившагося къ поклонницамъ жены: точно они были изъ тонкаго, дорогаго хрустала, могущаго разбиться отъ мало-мальски грубаго прикосновенія.

„И какъ просто!“ — думала Вѣра, сидя передъ зеркаломъ и быстро, быстро перебирая свою густую, длинную косу.

„Сдѣлать изъ мужа настоящаго друга... ничего, ничего рѣшительно отъ него не скрывать, чтобы дѣйствительно была одна душа... И какъ хорошо, покойно! А иначе чѣмъ бы все это кончилось? Да и потомъ много хорошаго принесло съ собою такое отношеніе“... Она помнитъ, какъ ей серьезно начиналъ нравиться одинъ человѣкъ, и она тотчасъ же сказала объ этомъ мужу. Александръ Иванычъ чуть-чуть поблѣднѣлъ, но выслушалъ ее внимательно, отнесся къ ее словамъ даже слишкомъ серьезно. Онъ поблагодарилъ ее за довѣріе, сказалъ, что единственно чего онъ не допускаетъ, къ чему чувствуетъ непреодолимое отвращеніе—это ко лжи и обману; но что если она когда-либо дѣйствительно полюбитъ, онъ никогда себѣ не позволитъ стать поперекъ ее счастья, однако совѣтуетъ ей предварительно хорошенько провѣрить себя, настолько ли сильна ее любовь, чтобы изъ-за нея стоило ломать двѣ жизни; быть можетъ, это простое увлеченіе, которое должно скоро пройти, и тогда не лучше ли будетъ куда-нибудь на время уѣхать; а главное, чтобы она провѣрила того, „другого“. Вѣра размѣялась, сказала, что всего этого пока не нужно; что если она ему объ этомъ сказала, то лишь по привычкѣ ничего рѣшительно отъ него не скрывать. Однако совѣту послѣдовала, провѣрила, сравнила, и въ результатѣ, дождавшись формальнаго объясненія, объявила тому „другому“, что въ общемъ списокѣ ее поклонниковъ онъ занялъ номеръ 23, что она такъ и запишетъ, и въ случаѣ чего—Боже упаси! — ей придется овдовѣть еще молодой, она будетъ имѣть его въ виду.

Да, конечно... Но почему же въ такомъ случаѣ она скрыла отъ Александра Иваныча сегодняшнее происшествіе съ Ремомъ? И Вѣра, задавъ себѣ этотъ вопросъ, еще разъ провѣрила тѣ соображенія, по которымъ она сочла нужнымъ измѣнить на этотъ разъ установившейся привычкѣ.

Дѣло въ томъ, что Александръ Иванычъ продолжалъ по прежнему относиться очень строго ко всему, что касалось чести его жены, или, вѣрнѣе, ее достоинства; при горячности же его характера, такое отношеніе зачастую выливалось въ грозныя формы, иногда даже изъ-за пустяковъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году,

напримѣръ, они какъ-то большимъ обществомъ поѣхали на тройкахъ ужинать. Послѣ ужина стали пѣть хоромъ, взявъ у цыганъ гитару. И вотъ, во время этого пѣнія, одинъ изъ юныхъ поклонниковъ Вѣры сказалъ, обращаясь къ ней и подавая ей гитару: „Ну, теперь ваша очередь, царица Вѣра“. Александръ Иванычъ поблѣднѣлъ, всталъ и, взявъ изъ рукъ жены гитару, подошелъ вплотную къ юнцу и, смотря ему въ бѣлки глазъ, объявилъ, что его жену зовутъ Вѣрой Дмитриевной, и что если онъ позволитъ себѣ когда-либо еще разъ назвать ее по имени, его голова близко познакомится съ этимъ или какимъ-нибудь другимъ, на него похожимъ, инструментомъ. И вѣроятно для того, чтобы наглядно показать могущія произойти отъ такого знакомства послѣдствія, Александръ Иванычъ такъ положилъ гитару на столъ, что струны ея жалобно зазвенѣли и грифъ разлетѣлся въ дребезги. Уже послѣ, отвѣчая на замѣчаніе Вѣры, что не стоило изъ-за такихъ пустяковъ поднимать такой исторіи, Александръ Иванычъ, смѣясь, возразилъ, что такихъ господъ слѣдуетъ учить, что всѣ они большіе нахалы вообще, а въ обращеніи съ женщинами, даже изъ общества, отличаются какою-то своеобразною невоспитанностью, и что если такому господину позволить сегодня назвать себя по имени, онъ завтра уже прямо сядетъ вамъ на колѣни.

Было повѣтому очевидно, что и къ случаю съ Ремеромъ Александръ Иванычъ отнесется въ томъ же духѣ. Для Вѣры было ясно, что ему покажется недостаточнымъ возмездіе, уже полученное Максимомъ отъ самой Вѣры, и онъ пойдетъ дальше. Ну, и что же? Дуэль? При его порокахъ-то сердца—порокъ, который, между прочимъ, начиналъ все болѣе и болѣе беспокоить Вѣру. Но, оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о сердцѣ, развѣ можно когда-либо быть увѣренной въ исходъ дуэли? Но допустить, чтобы Александръ Иванычъ могъ рисковать жизнью изъ-за какого-то Ремера и, въ сущности, изъ-за глупости—о поцѣлуѣ, столь сильно оскорбившемъ ее въ первую минуту, какъ она наглядно и показала, Вѣра теперь думала съ улыбкой, совершенно спокойно,—допустить это Вѣра не хотѣла и не могла. А затѣмъ было и еще одно соображеніе. Не было никакого основанія предполагать, чтобы Александръ Иванычъ когда-либо узналъ о случившемся. Та злоба оскорбленнаго самолюбія, которая сказала въ Ремерѣ послѣ полученнаго имъ удара, могла служить лучшимъ ручательствомъ тому, что самъ онъ объ этомъ рассказывать уже навѣрное не будетъ. Но, въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ можетъ объ этомъ узнать Александръ Иванычъ? Вотъ

только этотъ послѣдній вопросъ... Что хотѣлъ онъ имъ сказать? И Вѣра, кончивъ раздѣваться, задумчиво смотрѣла передъ собой, стараясь понять, что побудило Александра Ивановича задать этотъ вопросъ. „Нѣтъ, не пойму, рѣшительно не пойму... Ну, что жъ? Въ крайнемъ случаѣ, если надо будетъ—разкажу. Онъ пойметъ, почему мнѣ не хотѣлось говорить, почему я скрыла... А потомъ я его какъ-нибудь умолю, чтобы онъ бросилъ, не подымалъ исторіи... и все будетъ прекрасно!“

Вѣра съ наслажденіемъ потянулась, встала, послѣдній разъ взглянула въ зеркало и улыбнулась своему отраженію, которое очень ясно ей сказало, что, несмотря на свои тридцать лѣтъ, несмотря на утомленіе отъ бессонной ночи, она все же очаровательна и прелестна, что, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Александръ Ивановичъ ее любитъ по прежнему, и что, вообще, она очень, очень счастлива. И не успѣла ее голова коснуться подушки, какъ мысли ея заволокли туманомъ, а дыханіе стало спокойнымъ и ровнымъ.

Раздѣвшись, Плетневъ надѣлъ халатъ, сѣлъ за письменный столъ и, придвинувъ къ себѣ бумаги, сталъ ихъ просматривать, но вскорѣ за тѣмъ оттолкнулъ ихъ рѣзкимъ движеніемъ и откинулся на спинку кресла. „Все равно, отъ этого не уйдешь!“—съ горечью подумалъ онъ.—„Ну, и прекрасно! Такъ что же случилось?“ Прежде всего—восклипаніе того франта: „Слышалъ? Какова Плетнева-то?“ Такъ. Потомъ: „Tss! Voici le magi!“ и, наконецъ, старикъ Шебышевъ... Да еще ядовитые взгляды и ехидныя улыбочки Потоловой,—вспомнилъ онъ. Хорошо. Ну, что же изъ всего этого слѣдуетъ, т.-е. можно ли все это объяснить болѣе или менѣе вѣроятнымъ образомъ? Его тетка, также Плетнева, выкинула какую-нибудь новую штуку, о которой и говорятъ?.. Возможно... „Voici le magi“... Ну, что жъ, говорили про него, про Вѣру, увидѣли его и замолчали. Тѣмъ болѣе, Ржевскій увѣряетъ, что ничего этого даже и не было. Положимъ, Ржевскій лжетъ... какая тамъ галлюцинація! Онъ прекрасно слышалъ и видѣлъ... Вотъ еще и это: почему Ржевскій притворился, что не слышалъ, увѣрялъ, что ничего не было? Изъ жалости къ нему, что-ли?.. Ну, о взглядахъ и усмѣшкахъ Потоловой много толковать нечего. Это такая сплетница, что только и занимается тѣмъ, что про всѣхъ выдумываетъ и разноситъ гадости... А Шебышевъ? „Я слышалъ... Это такъ грустно!“ Потомъ почему-то сконфузился. „Я слышалъ, что ты нездоровъ“... Ахъ, скажите! Было изъ-за чего безпокоиться... Нѣтъ, вотъ это уже рѣши-

тельно непонятно!“ Александръ Иванычъ раздражительно застучалъ пальцами по столу. „А, можетъ быть, онъ также намекалъ на тетку... Можетъ быть, она, дѣйствительно, кому-нибудь голову свернула, или сама утопилась, или сбѣжала съ какимъ-нибудь молокососомъ?.. Ну, да не въ этомъ суть. Теперь—главное: если всего этого нельзя объяснить ни его теткой, ни простымъ, быть можетъ, недоразумѣніемъ, то что же остается предположить? Что въ этомъ замѣшана Вѣра? Но что же она могла сдѣлать?“ Александръ Иванычъ прослѣдилъ мысленно рядъ предшествовавшихъ дней. „Ничего особеннаго, все то же... Но, въ сущности, почему онъ можетъ знать, что она безъ него дѣлаетъ. Онъ цѣлый день въ департаментѣ, и она вполне свободна. Положимъ, она ему рассказываетъ рѣшительно все, весь свой день, но если захочетъ скрыть... Значить, должна лгать, обманывать... Девять лѣтъ была честной, правдивой и вдругъ... Да что же онъ, наконецъ, думаетъ? Что она сдѣлала? Измѣнила она ему, что-ли, завела себѣ любовника?“ Александръ Иванычъ вспыхнулъ и стиснулъ руками голову. „Фу, гадость какая!“ И какъ можетъ онъ допускать себя до подобныхъ мыслей! Изъ-за нѣсколькихъ, случайно услышанныхъ, вздорныхъ, дурацкихъ фразъ, которыхъ и понять-то толкомъ нельзя, онъ позволяетъ себѣ такъ сверно думать о женщинѣ, съ которой живетъ девять лѣтъ, которая всегда была безупречна, никогда рѣшительно отъ него ничего не скрывала, рассказывала ему даже про то, про что, откровенно сказать, могла бы и не говорить... наприимѣръ, когда ей начиналъ нравиться тотъ... какъ его тамъ... ну, да все равно, тотъ рыжій франтъ... которая, наконецъ, его любитъ... Вѣдь въ любви-то ея онъ уже навѣрное не сомнѣвается, не можетъ сомнѣваться... Гадость, гадость!“ Александръ Иванычъ вскочилъ и быстро заходилъ, почти забѣгалъ по комнатѣ. „А сегодняшній ея испугъ... какъ она къ нему бросилась... блѣдная, взволнованная. Не доказываетъ ли это лучше всего, до какой степени онъ ей дорогъ...“ Онъ остановился и сталъ припоминать, потомъ мягко улыбнулся и тихо проговорилъ: „Милая, хорошая... И я смѣлъ о тебѣ такъ думать!“ Онъ еще разъ медленно прошелся по комнатѣ, усиленно морща лобъ.

— Все вадоръ, пустяки!—выговорилъ онъ вдругъ громко.— Несомнѣнно лишь одно: она честная женщина и меня любитъ... А потому довольно!

Онъ зажегъ свѣчку, погасилъ лампы и прошелъ въ спальню.

— Да, милая, хорошая...—повторилъ онъ шопотомъ, наклонясь къ Вѣрѣ и осторожно ее цѣлуя.

И, словно почувствовавъ этотъ поцѣлуй, Вѣра, какъ ребенокъ, вытянула губки и сладко причмокнула.

Ржевскій провелъ отвратительную ночь. Мысль о Вѣрѣ, обо всемъ только-что слышанномъ, отчасти новое мѣсто и нелюбовь къ отельной обстановкѣ вообще долго не давали ему заснуть. Уѣхавъ съ бала почти тотчасъ вслѣдъ за Плетневыми и вернувшись къ себѣ въ номеръ, онъ долго еще ходилъ по комнатамъ, боясь лечь, чувствуя, что заснуть ему, все равно, не удастся. Припоминая все, что ему пришлось сегодня слышать, онъ старался во всемъ этомъ разобраться, сообразить, понять. Думать нехорошо о Вѣрѣ онъ рѣшительно не могъ. Для этого онъ ее слишкомъ долго и хорошо зналъ. Они были друзьями дѣтства. Имѣние родителей Ржевскаго было по сосѣдству съ имѣниемъ отца Вѣры; по зимамъ обѣ семьи жили въ Москвѣ, гдѣ также, принадлежа къ одному обществу, постоянно видались. Вѣра и Ржевскій посѣщали одни и тѣ же танцъ-классы, дѣтскіе балы и вечера. У Ржевскаго были сестры, съ которыми Вѣра была очень дружна. Лѣтняя жизнь, при близкомъ сосѣдствѣ, еще болѣе способствовала поддержанію и укрѣпленію дѣтской дружбы. Ржевскій, хотя и держалъ себя въ этихъ случаяхъ нѣсколько покровительственнымъ образомъ—онъ на шесть лѣтъ былъ старше Вѣры—очень охотно проводилъ время въ обществѣ своихъ сестеръ и Вѣры, въ особенности—послѣдней, живой шалуньи, дѣвчонка-сорванца, которую самъ ея отецъ, обожавшій ее до слабости, прозвалъ „Вѣркой безпутной“. По рѣвности и шаловливости характера, Вѣра гораздо болѣе походила на мальчика, и Ржевскій былъ ея постояннымъ товарищемъ.

Двадцати лѣтъ Ржевскій окончилъ курсъ и уѣхалъ за границу, оставивъ Вѣру четырнадцати-лѣтнимъ неуклюжимъ подросткомъ, съ длинными, постоянно красными руками, которыя она не знала, куда дѣвать, но съ чудными, глубокими, цвѣта морской волны, глазами и подвижнымъ изящнымъ ротикомъ, уже тогда складывавшимся въ такую улыбку, что казалось, будто кромѣ этихъ глазъ и этой улыбки на ея лицѣ ничего и не было. Когда же, вернувшись черезъ пять лѣтъ и проѣхавъ прямо въ имѣніе, онъ въ первый разъ увидѣлъ Вѣру, онъ ахнулъ отъ удивленія и восторга. Неуклюжій, лишь что-то общавшій подростокъ превратился въ такую ослѣпительную красавицу, что у него сразу закружилась голова, и онъ съ мѣста влюбился подъ уши. Но тутъ его ожидало разочарованіе. Вѣра ему очень спокойно объявила, что она даже

не может себя представить женою бывшего своего товарища „Митю“, съ которымъ она такъ еще недавно лазила по деревьямъ, таскала потихоньку вишни изъ грунтоваго сарая, вообще продѣлывала разныя тому подобныя шалости, что она и теперь его очень, очень любитъ, но... какъ товарища, друга, но быть его женой... ха-ха-ха! И Вѣра заливалась такимъ смѣхомъ, что Ржевскій, которому, въ сущности, хотѣлось плакать, начиналъ, хотя и сквозь слезы, улыбаться.

Не было основанія сомнѣваться въ искренности Вѣры. Тѣмъ не менѣе, можно полагать, что вернись Ржевскій одинъ, не привези онъ съ собою въ деревню своего пріятеля, Александра Ивановича Плетнева, и Вѣра, съ теченіемъ времени, забыла бы и про деревья, и про „Митю“, и преспокойно вышла бы за него замужъ. Но теперь дѣло повернулось иначе, и черезъ два года безумно влюбленный Плетневъ сдѣлался мужемъ Вѣры. Ржевскому не оставалось ничего болѣе, какъ поворотиться, превратиться изъ влюбленнаго въ искренняго, преданнаго друга, что онъ и продѣлалъ съ большимъ успѣхомъ. Несомнѣнно, однако, что въ его чувствѣ сохранились и по сіе время слѣды болѣе пылаго характера, и именно этимъ, какъ кажется, слѣдуетъ объяснить, почему онъ до сихъ поръ не женился. Съ прекраснымъ именемъ, съ хорошимъ состояніемъ, Ржевскій былъ лакомымъ кускомъ для мамашъ, чающихъ пристроить своихъ дочекъ, а потому онъ всегда находился, въ нѣкоторомъ родѣ, въ осадномъ положеніи. Иногда казалось, будто и мины подведены правильно, и брешь уже пробита и достаточно широка, еще одно усиліе—и крѣпость сдастся. Увы! Въ самый критическій моментъ Ржевскій вспоминалъ Вѣру, сравнивалъ,—при чемъ это сравненіе, само собой, всегда оказывалось не въ пользу атакующей,—малодушно трусилъ и постыдно отступалъ.

Дружба Ржевскаго съ Плетневымъ, ничѣмъ не омрачаемая, продолжалась и до послѣдняго времени. Два лѣта онъ гостилъ у него въ имѣніи, да и въ Петербургъ Ржевскій, не любившій столицы, пріѣзжалъ почти исключительно, чтобы съ ними повидаться. Понятно, поэтому, что хорошо знакомый съ ихъ жизнью, зная Вѣру, какъ самого себя, Ржевскій ни на минуту не могъ допустить мысли, что въ томъ, что онъ сегодня слышалъ, было что-либо серьезное. Такъ, пустяки какіе-нибудь—это еще возможно... Сплетня, очевидная сплетня; но сплетня скверная, грязная, марающая честное имя. Вѣра же—это было ясно по тому, какъ она себя все время держала—ничего не знаетъ, ничего не подозреваетъ.

Въ концѣ концовъ, Ржевскій пришелъ къ убѣжденію, что какъ бы тамъ ни было, а предупредить Вѣру необходимо, и сдѣлать это надо въ отсутствіе Плетнева. Почему въ отсутствіе? И, отвѣчая мысленно на этотъ вопросъ, Ржевскій принужденъ былъ сознаться, что хотя онъ и безусловно вѣрилъ своему другу дѣлства, тѣмъ не менѣе, говорить съ Вѣрой объ этомъ при мужѣ нельзя. Но почему? А потому, что онъ уже цѣлый годъ не видѣлъ Плетневыхъ,—мало ли что въ годъ можетъ случиться? А главное, потому, что, по общечеловѣческой слабости, ему, нѣтъ-нѣтъ, да и придетъ въ голову мысль: „нѣтъ дыму безъ огня“.

Когда на слѣдующій день, въ третьемъ часу, Ржевскій заѣхалъ къ Плетневымъ, Вѣра къ нему вышла, одѣтая въ кофточку для прогулки.

— Вотъ и прекрасно!—сказала она:—я только-что собралась гулять, пойдемте вмѣстѣ.

Но Ржевскій заявилъ, что ему некогда, что у него дѣлъ сегодня по горло, и что онъ заѣхалъ на минуту, такъ какъ долженъ сообщить ей нѣчто очень важное и безотлагательное.

— О, Господи, не пугайте!—засмѣялась Вѣра, нѣсколько, впрочемъ, удивленная такимъ вступленіемъ, въ особенности же серьезнымъ тономъ Ржевскаго.—Ну, садитесь и рассказывайте.

Ржевскій закурилъ папиросу, пыхнулъ нѣсколько разъ и, бросивъ ее въ пепельницу, сталъ рассказывать, не сводя съ Вѣры глазъ, все то, чему онъ вчера былъ свидѣтелемъ, начиная съ возгласа молодого статскаго и кончая замѣчаніемъ сановника про „дипломатическія затрудненія“.

— Теперь, дѣлайте изъ моего сообщенія что вамъ угодно... Вамъ лучше знать; но я, какъ другъ, счелъ своею обязанностью васъ предупредить,—тихо закончилъ онъ и замеръ въ ожиданіи отвѣта.

А Вѣра, растерянно открывъ глаза съ первыхъ же его словъ, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, переходила отъ удивленія къ негодованію. Она то вспыхивала, то опять блѣднѣла. Когда же онъ кончилъ, она закрыла лицо руками и нѣкоторое время сидѣла неподвижно. Потомъ, протянувъ ему руку, выговорила тихимъ, дрожавшимъ голосомъ:

— Послушайте, Дмитрій... Скажите мнѣ откровенно... Вы, вы... не вѣрите?

— Какъ вамъ не стыдно, Вѣра!—вскричалъ Ржевскій, вскакивая и вѣрно пожимая ее руку.—Неужели вы думаете, что

еслибы я хоть слову вѣрилъ изъ всей этой гнусной сплетни, я сталъ бы съ вами объ этомъ говорить...

— Я ничего, ничего не понимаю,—медленно продолжала Вѣра. — Это что-то непостижимое, непонятное... Ясно для меня только одно... что есть какая-то связь...

И она быстро, волнуясь въ свою очередь, рассказала о случаѣ съ Ремеромъ.

— А теперь судите сами, что есть общаго между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что говорить...

— Негодяй!—вырвалось у Ржевскаго, но потомъ онъ взглянулъ на Вѣру съ восхищеніемъ.—И вы такъ-таки, прямо...—и онъ, улыбаясь, сдѣлалъ движеніе рукой.

Вѣра зардѣлась.

— Знаете, подъ первымъ впечатлѣніемъ... вышло какъ-то само собой... Подумавъ, я бы, конечно, этого не сдѣлала.

— И напрасно!—возразилъ горячо Ржевскій:—это было самымъ прямымъ, естественнымъ и наилучшимъ отвѣтомъ на такую неслыханную дерзость.

Вѣра покачала головой.

— Еслибы вы только видѣли, какое у него было въ ту минуту лицо... Миѣ казалось, что вотъ-вотъ онъ на меня бросится и... укусить... право, укусить.

И опять, при воспоминаніи объ этихъ оскаленныхъ, какъ у хищнаго звѣря, зубахъ, объ этомъ искривленномъ злобою лицѣ, Вѣру обдало холодомъ.

— Ясно,—сказалъ Ржевскій, что сплетня ведетъ свое начало именно отсюда. Вопросъ въ томъ, какъ объяснить разнорѣчивость и бессмысленность того, что говорятъ.

— Не понимаю, ничего не понимаю,—задумчиво произнесла Вѣра.—Я даже не вижу, какъ могло это послужить источникомъ сплетни. Видѣ согласитесь, что самому Ремеру не приходится объ этомъ распространяться... А затѣмъ, кто же, кромѣ него, объ этомъ знаетъ?..

— Можетъ быть, кто-нибудь случайно видѣлъ одинъ лишь моментъ поцѣлуя?—вопросительно произнесъ Ржевскій.

— Этого быть не можетъ,—рѣшительно возразила Вѣра:—я вамъ повторяю: между поцѣлуемъ и ударомъ промежутка не было. Кто видѣлъ поцѣлуй, тотъ долженъ былъ видѣть и ударъ.

— А между тѣмъ объ ударѣ ни единого слова, — пожалъ плечами Ржевскій.—Ну, да все равно... Теперь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, съ чего все это пошло... А вотъ Александру вы рассказали?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ... Но кто же могъ это ожидать!.. Вы вѣдь знаете, какой у него въ этомъ отношеніи бѣшеный характеръ! Вѣдь онъ былъ бы способенъ убить этого господина тамъ же, на мѣстѣ...

— А сказать все-таки придется... Вы не можете себѣ представить, какъ онъ вчера мучился... И неужели онъ вамъ ничего не далъ замѣтить?

— Теперь-то я все понимаю,—сказала Вѣра.—Я подошла къ нему, когда онъ разговаривалъ съ дядей Петей,—знаете, съ его вѣстнымъ отцомъ,—и, навѣрное, они какъ разъ говорили обо мнѣ, потому что, увидѣвъ меня, старичокъ сконфузился и убѣжалъ... На Сашѣ лица не было, но онъ сказалъ, что ему нехорошо отъ жары. Тогда я ему предложила уѣхать, и онъ тотчасъ же согласился... Потомъ онъ ушелъ къ себѣ, говоря, что у него доклады, и вотъ, уже прощаясь, спросилъ: не имѣю ли я ему чего-либо сказать; но я, въ полной увѣренности, что онъ знаетъ ничего не можетъ, и тутъ промолчала.

— А какая, все-таки, огромная перемена! — усмѣхнулся Ржевскій.—Что бы это было прежде... Да, надо вамъ отдать справедливость, сдумали вы его передѣлать.

— Какъ только придетъ, сейчасъ же и расскажу, — рѣшительно нахмуривъ брови, сказала Вѣра.—Буду его просить, умолять, чтобы онъ не поднималъ исторіи. Ужъ и вы мнѣ въ этомъ помогите. А то что же это будетъ...

— Непремѣнно,—сказалъ Ржевскій.—Да вы не очень грустите,—продолжалъ онъ ласково, замѣтивъ на ея глазахъ слезы:—все, Богъ дастъ, уладится. Даже если не удастся его уломать, и дѣло дойдетъ до вызова,—очевидно, секундantomъ буду я,—и ручаюсь вамъ, что все кончится благополучно... Ну-съ, а теперь, давайте вашу ручку,—и я бѣгу. Приѣду къ самому обѣду, чтобы не мѣшать вашимъ объясненіямъ... Да будетъ, будетъ вамъ!—и онъ вѣжно поглаживалъ ея руку.—Все вздоръ, пустяки! Перемелется—мука будетъ, какъ говорятъ у насъ въ деревнѣ.—И, еще разъ поцѣловавъ ея руку, онъ ушелъ.

А Вѣра, глядя передъ собою глазами, полными слезъ, то-скливо думала: „Вздоръ... пустяки... А между тѣмъ ея имя у всѣхъ на губахъ... Богъ знаетъ, что про нее говорятъ... А чѣмъ она виновата? Что она сдѣлала? И какъ ей теперь быть, какъ себя держать... вѣдь не привыкла она къ этому!.. О, какъ несправедливы, какъ злы люди!“ Но вдругъ она гордо подняла голову, и лицо ея приняло твердое и рѣшительное выраженіе. „Не зная за собой никакой вины, прямо и спокойно смотрѣть

всѣмъ въ глаза“... А затѣмъ, у нея есть мужъ, который сдумаетъ — и какъ еще! — ее защититъ, и лишь бы онъ ей вѣрилъ, а тамъ, до остальныхъ ей нѣтъ и не должно быть никакого дѣла.

Позвонивъ, Вѣра велѣла подать себѣ кофточку.

Плетневъ вернулся со службы въ отвратительнѣйшемъ настроеніи. Самымъ непостижимымъ образомъ въ департаментъ уже проникла сплетня про Вѣру, и еще до пріѣзда Плетнева два молодыхъ столоначальника успѣли наговорить другъ другу цѣлую кучу неприятныхъ вещей, отстаивая каждый достовѣрность сообщаемого имъ слуха. Одинъ утверждалъ, что Плетнева на балу, за ужиномъ немного подвыпивъ, стала говорить возмутительныя вещи о равноправности женщинъ; другой, поднимая рассказъ своего товарища на смѣхъ, называлъ его нелѣпнѣйшей выдумкой, повторять которую можетъ лишь человѣкъ, совершенно незнакомый съ нравами высшаго общества, и рассказывалъ, что дѣло было гораздо проще, даже совсѣмъ просто: Плетнева, танцую мазурку со знатнымъ путешественникомъ-итальянцемъ — онъ можетъ даже назвать его фамилію: маркизъ ди-Морензи — замѣчательнымъ красавцемъ, увлеченная его красотой, потеряла голову и при всѣхъ бросилась его цѣловать. Упорно, съ пѣной у рта, отстаивали столоначальники справедливость своихъ вариантовъ; но такъ какъ, даже для людей совершенно не знавшихъ Вѣры, обѣ эти версіи были совсѣмъ неправдоподобны, то слушатели покачивали недоувѣрчиво головой; а затѣмъ, въ самомъ уже департаментѣ были выдуманы два-три новыхъ варианта, которые, въ свою очередь, пошли гулять по свѣту, какъ чистѣйшія продукты уже чиновничьей изобрѣтательности.

И безъ того чутко настроенный, Плетневъ сразу почувствовалъ себя предметомъ общаго сосредоточеннаго вниманія, и его стало мутить. Хотя онъ представлялъ изъ себя начальство, и начальство при томъ строгое, шутить не любившее, тѣмъ не менѣе, рѣзвыя мысли неволью выдавались взглядами. Съ каждой минутою раздраженіе его увеличивалось, онъ ни за что, ни про что оборвалъ одного изъ своихъ подчиненныхъ и, наконецъ, чувствуя, что онъ больше не можетъ, что онъ способенъ сейчасъ надѣлать глупостей, передалъ дѣла своему помощнику и ушелъ.

Быстрыми шагами прошелъ онъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее департаментъ отъ его квартиры, но на подъѣздѣ остановился и, подозрительно оглядѣвъ вытянувшася передъ нимъ швейцара, спросилъ, былъ ли кто-нибудь безъ него, чего прежде

никогда не дѣлалъ. Затѣмъ прошелъ въ кабинетъ и, швырнувъ вицмундиръ еле успѣвшему его подхватить камердинеру, растянулся на диванѣ. Ему было и стыдно, и мучительно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то непонятный страхъ, поднимаясь изъ глубины его души, распространялся по всему его тѣлу холодною дрожью. Его нравственно тошнило, трепала нравственная лихорадка и, что всего ужаснѣе, онъ не могъ, не могъ ничего понять. Нѣтъ ничего мучительнѣе ужаса неизвѣстности, и онъ начиналъ испытывать опять то, вчерашнее, ощущение. Но теперь отвратительнымъ животнымъ былъ уже весь міръ, всѣ люди. Онъ ясно видѣлъ мягкія извивающіяся движенія, онъ слышалъ лязгъ зубовъ — треніе желѣза о желѣзо,—ему казалось, что онъ обоняетъ противный глетворный запахъ; онъ начиналъ чувствовать, уже прямо физически, позывы на рвоту и бессознательно стискивалъ обѣими руками голову, хотѣвшую, казалось, лопнуть отъ напряженія.

Неизвѣстно, чѣмъ бы окончился этотъ нервный припадокъ, еслибы не вошла Вѣра. Александръ Ивановичъ встрѣтилъ ее жесткимъ, непріязненнымъ, но почти отсутствующимъ взглядомъ. Ему пришлось сдѣлать не малое усиліе, чтобы отъ созданныхъ его большой фантазіей отвратительныхъ грезъ вернуться къ дѣйствительности.

Вѣра стала около дивана на колѣни и тихо выговорила:

— Милый, прости меня. Я скрыла отъ тебя одну вещь и теперь сильно, сильно раскаиваюсь.

„Вотъ онъ, ужасъ-то!“ Плетневъ поблѣднѣлъ, и рука его, лежавшая въ рукѣ Вѣры, судорожно сжалась... А она, словно понимая, что въ немъ происходитъ, и быстро выговорила: „Ничего, рѣшительно ничего ужаснаго... Глупо и смѣшно—вотъ это скорѣе“—продолжала дальше уже медленно и спокойно. Когда она дошла до подѣлуя, Плетнева всего перелернуло, и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать; но Вѣра налегла на его плечо, и онъ опустился на подушку. Наконецъ, она кончила и, прошептавъ еще разъ:—Прости, голубчикъ!—приняла къ нему головой.

Наступило молчаніе. Вѣра слышала, какъ подъ ея ухомъ толчки его сердца становились правильнѣе и покойнѣе. Все то мучительное, что, до прихода Вѣры, постепенно, подобно волнѣ прилива, подступало къ горлу и, казалось, готово было его задушить, все это, пока Вѣра рассказывала, медленно опускалось, уходило, исчезало. Теперь онъ чувствовалъ громадное облегченіе, но продолжалъ молчать, смотря передъ собой остановившимся взглядомъ. Ему надо было разрѣшить еще одно сомнѣніе, задать

одинъ вопросъ. Наконецъ, онъ отстранилъ отъ себя Вѣру, взявъ ее за плечи и смотря пристально въ глубь ея глазъ, тихо спросилъ:

— Но почему же ты мнѣ не сказала тогда же, сейчасъ?

— А какъ бы я тебѣ сказала?! Да развѣ это возможно?!— горячо проговорила Вѣра.—Ты только подумай, что бы это было, еслибы ты тогда же все узналъ... Нѣтъ, нѣтъ,—она рѣшительно закичала головой:—я и теперь скрыла бы отъ тебя все, еслибы не Дмитрій, рассказавшій мнѣ сегодня утромъ про весь тотъ вздоръ, котораго вы вчера наслушались. Тогда я поняла вчерашній твой вопросъ, поняла, какъ ты долженъ былъ мучиться, и вотъ... Да я и теперь еще не увѣрена, хорошо ли я сдѣлала... Милый, голубчикъ!—и въ ея голосѣ зазвучали нѣжныя, умоляющія ноты:—ради самого Создателя, умоляю тебя: брось ты его! не стойтъ онъ ни твоего гнѣва, ни наказанія... Онъ получилъ, что заслуживалъ—и довольно... Ради Бога, оставь ты его!

„Да, это такъ. Она иначе не могла поступить“,—рѣшилъ Плетневъ. Онъ глубоко, полной грудью вздохнулъ и, съ тихимъ, радостнымъ смѣхомъ притянувъ къ себѣ Вѣру, крѣпко поцѣловалъ ее.

Приѣхавшему къ обѣду Ржевскому стоило только взглянуть на довольныя, улыбающіяся лица супруговъ, чтобы понять, чѣмъ кончилось затруднительное объясненіе. Мало того, въ теченіе послѣдовавшаго вечера, который они провели втроемъ, ему не разъ приходило въ голову, что никогда еще онъ не видѣлъ своего пріятеля такимъ веселымъ и оживленнымъ. Плетневъ былъ рѣшительно въ какомъ-то совсѣмъ безумно-веселомъ настроеніи и уморительно, въ лицахъ, представлялъ то молодого статскаго, какъ тотъ, послѣ восклицанія: „А какова Плетнева!“ вдругъ увидѣлъ его, Александра Иваныча, и застылъ, вытаращивъ глаза и открывъ ротъ,—то весь свой разговоръ со старикомъ Шебышевымъ. Попало также и самому Ржевскому, заѣхавшему передъ обѣдомъ домой и заставшему тамъ форменное приглашеніе принять на себя роль Марса въ предстоявшемъ великосвѣтскомъ спектаклѣ.

— Ха-ха-ха!—заливался Плетневъ.—На твоёмъ мѣстѣ я обязательно выписалъ бы сюда, на этотъ день, всѣхъ членовъ твоего сѣзда. Пусть полюбовались бы, чѣмъ занимается въ Петербургѣ ихъ почтенный предсѣдатель!

Даже Вѣра, увлеченная веселостью мужа, забыла про свои утреннія печальныя думы и сомнѣнія и по временамъ съ усмѣшкой мигала Ржевскому на расходившагося Александра Иваныча. Отъ послѣдняго, при общей обостренности его чувствъ, эти перемигиванья не ускользали, и онъ, покрывая жену и друга свер-

жающимъ отъ возбужденія взглядомъ, думалъ: „Милые—глупые... И какъ вы наивны, какъ васъ легко провести! Что сказали бы вы, еслибы знали причину моей веселости, еслибы знали, съ какимъ наслажденіемъ я думаю о завтрашнемъ моемъ объясненіи съ этимъ негодяемъ, съ этимъ наглецомъ; съ какимъ восторгомъ я испорчу его северную фізіономію херувима, и покажу ему, что женщину, носящую имя Плетневой, цѣловать безнаказанно нельзя!“

Въ большой, свѣтлой уборной, походившей скорѣе своимъ убранствомъ на святилище какой-нибудь французской „горизонталки“ высшаго полета, у круглаго стола, уставленнаго холодными закусками, со спиртовкой, на которой варился кофе, сидѣлъ Максъ Ремеръ. Онъ былъ одѣтъ въ изящный утренній костюмъ, изъ бѣлоснѣжной *tissue des Puyénées*; низко вырѣзанный воротъ освобождалъ длинные шнуры черной шольковой рубашки, съ большимъ отложнымъ воротничкомъ; на ногахъ были мягкія китайскія туфли. Передъ Максомъ стоялъ кожаный несесеръ съ разными щеточками, пилочками, и онъ, полируя ногти, изрѣдка перебивался словами съ сидѣвшимъ противъ него Меряевымъ. Послѣдній, въ халатѣ и фескѣ, читалъ газету, отхлебывая маленькими глотками кофе и попыхивая длинной трубкой узорчатаго кальяна. Онъ ночевалъ у Макса. Злые языки утверждали, что Меряевъ, когда ему приходилось очень поздно откуда-нибудь возвращаться, никогда не ѣхалъ домой, а спалъ у кого-нибудь изъ товарищей, боясь своей экономки, еще молодой и съ роскошными формами женщины, но обладавшей сварливымъ характеромъ; говорили, что она крѣпко держитъ его въ рукахъ, будто даже иногда поволачиваетъ. Меряевъ всегда очень злился, когда ему на это намекали, но въ оправданіе ничего основательнаго не приводилъ, лишь цинично заявляя, что дѣлаетъ это для того, чтобы не беспокоить собственную прислугу, предпочитая беспокоить чужую.

Максъ кончилъ полировать палецъ на мизинцѣ лѣвой руки и съ усталымъ видомъ положивъ щеточку, проговорилъ:

— Такъ ты думаешь, онъ явится?

— Всенепремѣнно! Да ты подумай: весь вопросъ въ томъ, скажетъ ли она ему, или нѣтъ. Если скажетъ, то и толковать нечего. Онъ, въ своемъ родѣ, пѣтухъ: сейчасъ налетитъ. Ну, а не сказать ему она также не можетъ. Онъ уже тогда, на балу, былъ достаточно подвигченъ,—я вѣдь за нимъ наблюдалъ; надо полагать, что и вчерашній день кое-что прибавилъ. Все дѣло

во времени, когда именно. Хотя, по моимъ соображеніямъ, онъ уже сегодня долженъ явиться.

Онъ нюхнулъ нѣсколько разъ воздухъ, потомъ гадливо отбросилъ захрипѣвшій мундштукъ кальяна и закричалъ:—Петька!..

— Погасъ... Да и прочистить надо,—кинулъ онъ явившемуся на зовъ молодому, красивому мальчику, одѣтому въ ливрейный фракъ съ гербовыми пуговицами.—Ха-ха-ха!—вдругъ засмѣялся онъ, широко показывая гнилые зубы.—Ты не можешь себѣ представить, чтѣ теперь вездѣ дѣлается. Даже я удивленъ и, признаюсь, не ожидалъ такого успѣха. Это какая-то обшноватая пляска языковъ! Мнѣ положительно нигдѣ не приходилось распространять самому, а только слушать. И чего только ни говорятъ... И куда ни пріѣдешь,—вездѣ все новое. А на базарѣ—чистое столпотвореніе! Чтѣ моя фантазія? Соедини десять такихъ, и то мало будетъ. И вѣдь нелѣпость на нелѣпости, несообразность на несообразности. И ничего, ничего не замѣчаютъ, валяютъ во всю. А я себѣ слушаю да думаю: „Ну, и молодцы! Языки то у васъ замѣчательные, словъ нѣтъ; но гдѣ же головы?“ Не повѣришь: въ концѣ концовъ, меня даже злоба разбирать стала: „Ахъ, чортъ ихъ деря!—думаю:—вѣдь такъ скоро будутъ говорить, что она вверхъ ногами на воздушномъ шарѣ полетѣла освобождать Фердинанда Кобургскаго изъ когтей Стамбулова, а въ видѣ балласта прихватила съ собою старшаго „мальшика“ отъ Mollet“... Ну ихъ къ Богу совсѣмъ! И такъ они меня доняли, что я, наконецъ, прямо сталъ ее защищать: „Да что вы всѣ съума сошли!“ кричу. „Да что вы говорите? Вѣдь это бессмысленно, нелѣпо! Гдѣ же это видано, чтобы на такомъ балу случались такія вещи! вспомните, какая у ней репутація, вспомните, какъ она себя держала до сихъ поръ!“ И куда тебѣ! Подлилъ только масла въ огонь... Прямо ругаются. „Да какъ же это вы не вѣрите! Да какой же вы, послѣ этого, человекъ! Да какихъ же вамъ еще надо доказательствъ! Вѣдь самъ Биби видѣлъ, сама Мими слышала, сама Зизи говорила, самъ Лулу присутствовалъ!“ Умора!—Онъ сдѣлалъ паузу и перемѣнилъ тонъ.—А базаръ славный былъ... и не безъ скандальчика: le beau ténébreux, нашъ общій другъ, le prince Rjevsky, кого-то чуть не поволотилъ. Должно быть, деревни настраиваетъ на воинственный ладъ.

— Что ты?!—удивился Максъ.—Кого и за чтѣ?

— Хорошо-то я и самъ не знаю... Я въ то время былъ совсѣмъ въ другой сторонѣ. А потомъ, признаться, и забылъ спросить... своихъ дѣловъ много было.

Максъ задумчиво разсматривалъ свои руки. Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Такъ и говорить: „знать—не знаю, вѣдать—не вѣдаю“.

— Обязательно.

— А ты не находишь, что это, какъ будто... того... не особенно вкусно пахнетъ?—Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Вздоръ!—рѣшительно изрекъ Меряевъ.—Въ концѣ концовъ, вѣдь ты все же признаешь, что это правда... А потомъ, *carissime*,—онъ презрительно усмѣхнулся,—теперь какъ будто и поздно вато гримасничать: заварилъ кашу—расхлебывай!

— А затѣмъ—письмо?

И нащупавъ, что лѣвая сторона ногтя на указательномъ пальцѣ правой руки, какъ будто шершавить, онъ потянулся за пилочкой.

— Да, письмо...—протянулъ Меряевъ и вдругъ оживился:—а каково письмецо? Недурно, а?

— Хорошо!—улыбнулся Максъ.—Только я все забываю... какъ это...

Въ уборную вошелъ камердинеръ Макса,—приличный, среднихъ лѣтъ, мужчина, одѣтый въ чистую жакетку, очевидно, съ барскаго плеча, и въ модномъ галстукѣ. Онъ служилъ у Макса съ дѣтства и былъ преданъ ему, какъ собака. Онъ несъ на серебряномъ подносѣ карточку и, улыбаясь глазами, подалъ ее Максу. Послѣдній, кинувъ на нее взглядъ, протянулъ ее Меряеву.

— Ага! Легкокъ на поминѣ! Чтѣ а тебѣ говорилъ?—сказалъ тотъ, вскакивая, и вдругъ, понизивъ, неизвѣстно почему, голосъ, обратился къ камердинеру:—Язовъ, ты не говорилъ, что я здѣсь?

— Они не спрашивали-сь.

— Ну, и прекрасно, и не говори.

— Проси въ кабинетъ!—сказалъ Максъ, вставая.

— Только, голубчикъ, ради Бога, помни,—подскочилъ къ нему Меряевъ:—съ выдержкой... не испортъ какъ-нибудь... Помни, что все отъ этого зависитъ.

— Да не суетись ты!—отвѣтилъ спокойно Максъ.—Помню все отлично, и не безпокойся, ничего не испорчу.

— Хорошо, хорошо! Главное, выдержки побольше... А я сейчасъ туда и буду слушать.—И, подобравъ полы слишкомъ длиннаго халата, онъ юркнулъ въ сосѣднюю комнату.

Максъ зѣвнулъ, потянулся, бросилъ взглядъ въ зеркало и, услышавъ, что дверь кабинета отворилась, поднялъ портьеру.

— Александръ Ивановичъ, какъ я радъ!—И, протянувъ обѣ руки, онъ съ веселой улыбкой пошелъ на встрѣчу Плетневу; но

потомъ, замѣтивъ серьезное, даже хмурое лицо гостя, приостановился и, вѣжливо склонивъ голову, показалъ на кресло.

— Прошу садиться.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Плетневъ сухо. — То, что я имѣю вамъ сказать, могу сказать и стоя. А такъ какъ вамъ, надо полагать, ясно, для чего я сюда пришелъ, то задержу я васъ недолго.

Максъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Признаюсь, не совсѣмъ... А послѣ такого вступленія, простите, — даже и совсѣмъ неясно. — И онъ, мягко улыбаясь, спокойно выдержалъ пристальный взглядъ Плетнева.

— Хорошо-съ! — рѣзко заговорилъ тотъ. — Хотя я и не понимаю вашего желанія слушать неприятныя вещи, тѣмъ не менѣе, если вы этого непременно хотите, извольте... Третьяго дня, на балу, вы осмѣлились поцѣловать мою жену, и хотя тогда же получили должное возмездіе за свою дерзость, тѣмъ не менѣе, я не считаю его достаточнымъ, а потому пришелъ вамъ сказать, что для такихъ наглцовъ, какъ вы, существуютъ двѣ вещи: или вотъ это, — онъ поднялъ трость, — или пуля въ лобъ!

Онъ перевелъ дыханіе, и въ его сверкающемъ взорѣ скользнула недоумѣніе.

Максъ смотрѣлъ на него широко-открытыми глазами; вся его фигура представляла изъ себя воплощенное удивленіе; даже ротъ полуоткрылся. Онъ отступилъ назадъ, развелъ руками и проговорилъ совсѣмъ растерянно:

— Я цѣловалъ вашу жену... Вѣру Дмитріевну... Получилъ за это возмездіе... На балу... Боже мой, что вы говорите! — И вдругъ замолчалъ, перемѣнилъ тонъ и, не сводя глазъ съ Плетнева, выговорилъ тихо, съ участіемъ: — да вы бы, Александръ Ивановичъ, успокоились... Вы, вѣроятно, не совсѣмъ хорошо себя чувствуете...

Плетневъ вспыхнулъ. „Что же это такое?!“ — подумалъ онъ растерянно; но, вспомнивъ Вѣру, ея подробный рассказъ, стиснулъ зубы и застучалъ палкой.

— Прошу васъ бросить эту пошлую комедію! — крикнулъ онъ напряженнымъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства голосомъ. — Поймите, что я знаю объ этомъ отъ жены, что она сама мнѣ все, все рассказала!

Теперь лицо Макса даже поглупѣло отъ удивленія. Передъ Александромъ Ивановичемъ стоялъ человѣкъ, котораго только-что хватали обухомъ и который не можетъ даже сообразить, съ

второй стороны онъ получилъ ударъ. Наконецъ, онъ зашевелилъ губами и, какъ бы бессознательно, пробормоталъ:

— Отъ Вѣры Дмитриевны... Что я ее поцѣловалъ... и это было на балу...

— Да, да, да!—бѣшено прокричалъ Александръ Иванычъ, чувствуя въ то же время, что его начинаетъ заволакивать какой-то густой, безъ зги и просвѣта, туманъ и что опять въ немъ поднимается ощущение невыносимой тоски и непонятнаго страха.

Максъ молчалъ. По лицу его было видно, что онъ усиленно старается понять, сообразить. Наконецъ, онъ утвердительно кивнулъ головой, словно отвѣчая на мысленный вопросъ, и, пристально глядя на Александра Иваныча, медленно произнесъ:

— Дайте мнѣ слово, что объ этомъ вамъ дѣйствительно рассказала сама Вѣра Дмитриевна.

„Боже мой! Боже мой! Теперь ужъ онъ начинаетъ меня допрашивать!“—съ болью пронеслось въ головѣ Плетнева. Лицо его сморщилось, а губы какъ-то невольно выронили:

— Да... она.

Максъ преобразился. Онъ молодецкато тряхнулъ плечами, выпрямился и небрежно проговорилъ:

— О, въ такомъ случаѣ, дѣло совсѣмъ другое... Я такъ люблю и уважаю Вѣру Дмитриевну... и, конечно, все готовъ подтвердить... Что же вамъ отъ меня угодно?

— Послушайте...—голосъ Плетнева задрожалъ и пресѣкся; но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и быстро, задыхаясь, продолжалъ:—дайте и вы мнѣ, въ свою очередь, слово, что этого ничего не было!—И онъ страннымъ, почти умоляющимъ взглядомъ впился въ Макса.

Но послѣдній съ высокомеріемъ прищурилъ глаза, отчего ихъ обычное, наглое—какъ опредѣлила его Вѣра—выраженіе стало еще болѣе наглымъ и насмѣшливо пожалъ плечами.

— То-есть, какъ это „ничего не было“? Вѣдь я только-что имѣлъ честь вамъ доложить, что я все подтверждаю... Жену вашу я цѣловалъ, и было это на балу, и я получилъ за это...—онъ остановился, какъ будто припоминая:—да... должное возмездіе... А что я сразу въ этомъ не признался, то, я полагаю, это понятно. Какъ хотите, честь женщины... И я весь, весь къ вашимъ услугамъ. — И теперь онъ уже съ явной насмѣшкой и еле удерживаясь отъ смѣха глядѣлъ на Плетнева.

Но послѣдній на него не смотрѣлъ. Его глаза были устремлены куда-то въ пространство, а на губахъ, нервно подергивавшихся, дрожала жалкая, страдальческая усмѣшка. Постоявъ еще

немного, какъ будто въ ожиданіи, не скажетъ ли Максъ еще чего-нибудь, онъ поникъ головой, повернулся и, не говоря ни слова, медленно вышелъ. И только-что шаги его затихли, какъ изъ сосѣдней комнаты показалась фигура Меряева, въ подобранномъ халатѣ. Протыгнувъ на цыпочкахъ мимо продолжавшаго еще стоять Макса, онъ подбѣжалъ къ двери и сталъ прислушиваться. Наконецъ, раздался стукъ запираемой двери. Меряевъ обернулся, подпрыгнувъ на мѣстѣ и, захлебываясь со смѣху, кинулся къ Максу.

— Дуся, цыпка, радость, прелесть! Да ты прирожденный талант!—визжалъ онъ, трясъ Макса за руку.—Еслибы ты только видѣлъ, какая у тебя была великолѣпная рожа, когда ты „стоялъ и не понималъ“, да и потомъ, когда, наконецъ, „сообразилъ“. Ха-ха-ха! Вотъ облованилъ-то молодца!.. Дуракъ-дуракомъ вышелъ. И какая выдержка! Ну, ей-ей, молодчина!

— Какъ бы онъ не свихнулся,—сказалъ Максъ, улыбаясь.—Что-то ужъ очень его всего дергало.

— А туда и дорога!—ѣдко усмѣхнулся Меряевъ.—Помнишь, какъ онъ, послѣ одной исторіи, повернулся ко мнѣ спиной и не подаль руки. Чтѣ жена, чтѣ мужъ—изъ одного тѣста. Взгромоздились на нравственныя ходули да и думаютъ, что имъ самъ чортъ не братъ. Пусть-ка попляшутъ!.. Ну-съ, а теперь за дѣло! Садись и пиши: „Отъ неизвѣстнаго къ роконосцу“.

— Какъ, уже?—спросилъ Максъ.

— Обязательно. Куй желѣзо, пока горячо. Не слѣдуетъ давать передышки. Надо, чтобы онъ получилъ письмо завтра... Ну, ты готовъ?—И, нюхнувъ воздухъ, онъ наморщилъ переносицу и сталъ диктовать. — Ну-ка-сь, прочти. Какъ оно выходитъ въ общемъ?

Максъ прочелъ.

— Хорошо,—сказалъ Меряевъ, когда Максъ кончилъ.

— Но вотъ чего я все-таки не пойму,—продолжалъ Максъ, вопросительно глядя на Меряева.—Теперь этотъ болванъ ушелъ... Прекрасно. Но вѣдь его сейчасъ же наставятъ тамъ на путь истинный, и онъ опять явится; но уже тогда съ нимъ объясняться будетъ совсѣмъ плохо... Онъ, чортъ знаетъ, на что способенъ... На всякій случай, надо будетъ осмотрѣть эту штучку,—онъ кивнулъ на лежавшій около чернильницы револьверъ-бульдогъ.—Но потомъ, дальше что же?

Меряевъ взглянулъ на него съ сожалѣніемъ и закачалъ головой.

— Ахъ, ты!.. Никогда онъ сюда не вернется. Послѣ того,

что было, чтобы онъ еще разъ явился съ тобой объясняться!.. Да никогда! Ему не позволить сдѣлать это его огромное самолюбіе. Да онъ, чтобы только съ тобой не встрѣчаться, будетъ отъ тебя на другую сторону улицы переходить. А потомъ, сомнѣваясь, чтобы это было такимъ легкимъ дѣломъ наставить его теперь же на вѣрный путь, чтобы онъ скоро повѣрилъ, что разыгралъ изъ себя здѣсь круглаго дурака. Такіе люди, какъ онъ, когда вѣрятъ,—что, встати сказать, бываетъ довольно рѣдко,—то вѣрятъ слѣпо, пока все идетъ безъ сучка, безъ задоринки; но лишь только явится хоть кончикъ мысли, что съ ихъ предметомъ не совсѣмъ чисто—и готово: вѣра—тю-тю! а на ея мѣсто—огромная подозрительность. А затѣмъ, повторяю, ты былъ до такой степени простъ и естественъ, что убѣжденіе въ твоей правдивости не такъ-то легко будетъ выбить изъ его головы... Вотъ съ другомъ дома, м-г le prince Rgevsky, чего добраго, тебѣ придется объясняться. Ну, что же? Не въ первый разъ тебѣ подъ пулей-то стоять—какъ-нибудь выскочишь.

— Благодарю поворно!—трахнулъ головой Максъ.—Ужъ я лучше тебѣ уступлю мѣсто. Когда я съ нимъ путался въ Римѣ, онъ тамъ всѣхъ итальянцевъ ахать заставлялъ: изъ пистолета голубей бьетъ... Слуга покорный! Не желаешь ли самъ...—И онъ съ недовольною гримасой забарабанилъ по столу пальцами.

Меряевъ смотрѣлъ на него, саркастически усмѣхаясь.

— Да ты, кажется, и взаправду трусишь?—выговорилъ онъ насмѣшливо.—М-г le baron Max, vous baissez parole, vous baissez.

— Отстань! — огрызнулся Максъ.—Удивительное дѣло! На разныя гадости у тебя, по истинѣ, дьявольскій умъ; а какъ дѣло коснется чего другого, ты сейчасъ тупѣешь.. Право. Ты этого не замѣчалъ?

Онъ съ вызывающимъ видомъ посмотрѣлъ на Меряева и всталъ. А у того злобно поджалась губы и глаза какъ-то безпокойно запрыгали. Но потомъ онъ нюхнулъ воздухъ и улыбнулся.

— Не сердись, cherissime, не сердись! Намъ теперь съ тобой ссориться не приходится... Зови-ка лучше Петьку да вели переписать... Не забудь, что письмо должно быть завтра же у него... Ну, а теперь я тебя, такъ ужъ и быть, успокою,—онъ лукаво подмигнулъ и медленно, съ равстановкой проговорилъ: — Пока твоя Вѣрочка при мужѣ, Ржевскому заступаться за нее неудобно... Это вѣрно, а потому успокойся...

С. Фонвизинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДРУЖИНИНЪ

1824 — 1864 гт.

Совершенно особенное положеніе занимаетъ Александръ Васильевичъ Дружининъ въ ряду русскихъ писателей. Онъ безспорно принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся именамъ новейшей русской литературы. Если рѣчь идетъ о лучшихъ представителяхъ русской критики, то рядомъ съ Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ и Писаревымъ всегда упоминаютъ о Дружининѣ. Если рѣчь идетъ о знаменитой плеядѣ сороковыхъ годовъ, то опять рядомъ съ именами Тургенева, Достоевскаго, Некрасова, Григоровича, всегда называется и имя Дружинина. Виднѣйшіе люди прошлаго поколѣнія отзывались о немъ крайне сочувственно и придавали большое значеніе его литературнымъ дарованіямъ. Бѣлинскій напр., весьма лестно отозвавшись о первой повѣсти Дружинина „Полинька Саксъ“, упоминалъ въ письмѣ къ Боткину о второмъ его произведеніи („Разсказъ Алексѣя Дмитрича“) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А какую Дружининъ написалъ повѣсть новую — чудо! Тридцать лѣтъ разницы отъ „Полиньки Саксъ“! Онъ будетъ для женщинъ то же, что Герценъ для мужчинъ“¹⁾. По поводу статей Дружинина, посвященныхъ разбору перваго собранія сочиненій Тургенева (1857), послѣдній писалъ своему критику: „Вчера я прочелъ вашу статью обо мнѣ въ № 2 „Библ. д. Чт.“. Какъ мнѣ

¹⁾ *Письма*, Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Спб. 1876, т. II, стр. 324.

ни неловко говорить о ней, потому что дѣло идетъ о собственной моей особѣ—не могу скрыть, что статья показалась мнѣ превосходной. Вы вложили персть въ язву — и я самъ увидѣлъ свою фязіономію какъ въ зеркалѣ (только черезъ-чуръ снисходительномъ). То, чтд вы говорите по поводу Колосова—поразило меня: *c'est de la divination* (извините французскую фразу)—и тѣ же самыя мысли давно смутно вертѣлись въ моей головѣ. Если я еще буду писать, повѣрьте, эта критика была для меня драгоценно полезна¹⁾. Блистательный эстетикъ и человекъ самаго тонкаго литературнаго пониманія—Василій Боткинъ въ своей перепискѣ съ Дружининымъ²⁾ постоянно шлетъ ему самыя задушевные и самыя лестные отзывы о его умѣ, образованіи, критическомъ талантѣ и эстетическомъ чутьѣ.

Если мы обратимся даже къ отзывамъ тѣхъ изъ современниковъ Дружинина, которые находились въ открытой литературной враждѣ съ нимъ, то и тутъ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно почитательнымъ отношеніемъ къ автору „Полиньки Савсъ“ и „Писемъ иногороднаго подписчика“. Такъ напр., Аполлонъ Григорьевъ, въ качествѣ главнаго вдохновителя „молодой редакціи“ „Москвитянина“ постоянно и ожесточенно полемизировавшій съ дѣятелями „Современника“,—о Дружининѣ, тѣмъ не менѣе, отзывался какъ о „самомъ образованномъ и самомъ умномъ изъ современныхъ (1853) критиковъ“³⁾.

Мнѣніе Григорьева о Дружининѣ можно назвать общепринятымъ мнѣніемъ о послѣднемъ для всего промежутка (1848—55), отдѣляющаго смерть Бѣлинскаго отъ начала дѣятельности Добролюбова и Чернышевскаго. Все это время Дружининъ занималъ мѣсто „перваго критика“ и давалъ тонъ лучшей части журналистики.

И тѣмъ не менѣе Дружининъ очень скоро перешелъ въ разрядъ мало или почти никѣмъ не читаемыхъ авторовъ, извѣстныхъ исключительно по преданію. Въ настоящее время онъ несомнѣнно „забытый талантъ“, какъ назвалъ его проф. А. И. Кирпичниковъ въ своей статьѣ⁴⁾, посвященной Дружинину какъ фельетонисту. По свидѣтельству г. Кирпичникова, замѣчательно дешевое собраніе сочиненій Дружинина (8 томовъ по 50 листовъ чрезвычайно убогой печати стоятъ всего только 10 р.) наполняетъ полки букинистовъ, а эти—совсѣмъ новые, неразрѣзанные экземпляры от-

¹⁾ *Тургеневъ*, Первое собраніе писемъ (Спб. 1885 г.) стр. 49.

²⁾ XXV глѣтъ. Сборникъ общ. для пособія нужд. литер. и ученикъ, стр. 481—508.

³⁾ *Григорьевъ*, Аполлонъ, Сочиненія т. I, стр. 60.

⁴⁾ „Истор. Вѣстн.“ 1884 г., № 4.

даются за половинную цѣну и тѣмъ не менѣе не находятъ охотниковъ.

Г-нъ Кирпичниковъ негодуетъ на такое отношеніе публики къ нѣкогда весьма извѣстному писателю и фаталистически объясняетъ эту холодность тѣмъ, что *habent sua fata libelli!* Мы совершенно не согласны съ почтеннымъ профессоромъ и полагаемъ, что въ безвозвратномъ забвеніи, которому подвергся Дружининъ, ничего фаталистическаго нѣтъ. Мы даже полагаемъ, что успѣхъ и вліяніе, которымъ пользовался Дружининъ въ тѣ нѣсколько лѣтъ, когда онъ занялъ мѣсто „перваго критика“, можетъ служить только отрицательною характеристикой любопытнаго и малоизслѣдованнаго промежутка, который отдѣляетъ Бѣлинскаго отъ Добролюбова. Дружининъ, конечно, не дюжинная фигура въ исторіи русской критики, у него дѣйствительно много вкуса и эстетическаго пониманія, но всѣ эти качества свои онъ развернулъ отнюдь не въ годы своего вліянія, а тогда, когда оно кончилось и когда пришлось вступить въ борьбу съ бравшими верхъ новыми литературными теченіями.

Можно, конечно, задаться еще вопросомъ: почему же о Дружининѣ не вспомнили тогда, когда безусловное господство новыхъ теченій ослабѣло? Вышелъ же однако теперь изъ забвенія, напр., Аполлонъ Григорьевъ, котораго нѣкогда тоже совсѣмъ оттерли. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, все-таки нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какимъ бы то ни было фаталистическимъ объясненіямъ. Отвѣтъ кроется въ разсмотрѣніи основныхъ качествъ литературнаго дарованія и темперамента Дружинина.

I.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о Дружининѣ какъ о человѣкѣ. Правда, біографическій матеріалъ для того скуденъ¹⁾, но

¹⁾ Некрологи, появившіеся въ газетахъ и журналахъ послѣ его смерти: 1) „Голосъ“ 1864 г., № 26 и 33. 2) „Моск. Вѣд.“ 1864 г., № 17; 3) „С.-Пет. Вѣд.“ 1864 г., № 14. 4) „Библ. д. Чт.“ 1864 г., № 1. 5) *Н. А.* (Некрасовъ) въ „Соврем.“ 1864 г., № 1 (Воспроизведено при 8 т. соч. Дружинина). 6) „Отеч. Зап.“ 1864 г., № 1. Другія біографическія упоминанія и статьи. 7) „Русск. Худож. Листокъ“ 1859 г., № 14. Съ портретомъ. 8) Воспоминанія *М. Н. Лонгинова*, приложения къ 8 т. сочиненій Дружинина. 9) Портретная галерея Мюнстера. Съ портр. Статья писана *М. Д. Хмыровымъ*. 10) Рѣчь *Тургенева* въ память Дружинина, читанная въ Литературномъ Фондѣ въ 1864. Напеч. въ „Русск. Инвалидѣ“ 1864 г., № 40, также въ „Библ. д. Чт.“ 1864 г., № 1. Въ собраніе сочиненій Тургенева не вошла. 11) Краткія справочныя свѣденія въ Словаряхъ Толя, Березина, Геннади. 12) *А. В. Старчевскій*, въ „На-

общіе контуры личной жизни „Иногороднаго подписчика“ все-таки достаточно вырисовываются и изъ этого матеріала.

Александръ Васильевичъ Дружининъ родился въ Петербургѣ 8-го октября 1824 года. Будучи сыномъ состоятельныхъ и чиновныхъ родителей, онъ съ раннихъ лѣтъ приобрѣлъ отличное знаніе иностранныхъ языковъ и ту „благовоспитанность“, которая составляла основную черту не только личного характера Дружинина, но и всей литературной дѣятельности его. Чинная обстановка, среди которой прошло дѣтство и отрочество будущаго поклонника англійскаго сапѣ, на всю жизнь наложила на него печать свѣтскаго человѣка, сдѣлавшуюся какъ въ щеголеватой, „сдержанной и даже нѣсколько принужденной“ внѣшности его, такъ и въ литературной „бонтовности“ его, чуждой, впрочемъ, какихъ бы то ни было крайностей, въ ту или другую сторону. Среда, давшая Дружинину первыя житейскія впечатлѣнія, была не столько аристократическая, какъ писали въ некрологахъ его, сколько именно чинная. Отецъ Дружинина по происхожденію ничего особеннаго собою не представлялъ, а лично создалъ себѣ довольно видное положеніе въ качествѣ завѣдывающаго почтовою частью. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, онъ прилагалъ особенныя старанія, чтобы придать „тонъ“ своему дому, и можетъ быть въ этомъ надо искать одну изъ причинъ не только внѣшняго, но и внутренняго дэндиизма Дружинина.

Вплоть до 16-ти лѣтъ Дружининъ воспитывался дома, а затѣмъ былъ отданъ въ самое аристократическое учебное заведеніе Петербурга—пажескій корпусъ. Здѣсь впервые сказались литературныя дарованія его: онъ сдѣлался присяжнымъ поставщикомъ „сочиненій“ для менѣ одаренныхъ писательскими способностями кадетъ, а вромѣ того пописывалъ юмористическіе стихи на разные случаи школьной жизни.

Въ 1843 г. Дружининъ, 19-лѣтнимъ юношей, былъ выпущенъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ, гдѣ уже служили два старшихъ брата его и гдѣ онъ близко сошелся съ извѣстнымъ жанристомъ Федотовымъ, о которомъ впоследствии написалъ обстоятельный біографическій этюдъ. При таковой наруж-

блюдателѣ“ 1885 г., № 4 и 5. 13) В. П. Гавевскій въ Сборникѣ Литерат. Фонда „XXV лѣтъ“. 14) Григоровичъ, Д. В., Воспоминанія „Русск. Мысль“ 1893 г., № 1; 15) С. Венеровъ, въ Энци. Слов. Брокгаузъ-Ефрова. 16) А. Скабичевскій, „Исторія новейшей русск. литературы“. Дѣятели, посвященныя здѣсь Дружинину, написаны безъ всякаго вниманія къ тому, что было дѣйствительно замѣчательнаго въ дѣятельности Дружинина.—Характеристикѣ фельетоновъ Дружинина посвящена статья 17) А. И. Кирпичникова въ „Истор. Вѣстн.“ 1884 г., № 4.

ной сдержанности, будучи человѣкомъ привлекательныхъ личныхъ качествъ, Дружининъ былъ очень любимъ товарищами и долженъ былъ бы чувствовать себя хорошо въ такой дружеской атмосферѣ. Тѣмъ не менѣе, полковая жизнь совершенно не удовлетворяла молодого гвардейца, въ которомъ усиленное чтеніе, составлявшее главное времяпрепровожденіе его еще съ дѣтства, поселило стремленія въ иной дѣятельности. Черезъ три года онъ выходитъ въ отставку и берется за „Полиньку Савсъ“. Но чтобы гдѣ-нибудь, все-таки, „числиться“ — неслужащій дворянинъ въ тѣ времена былъ чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго ворона — Дружининъ поступилъ въ канцелярію военного министерства, гдѣ прослужилъ до 1851 г., послѣ чего уже окончательно бросилъ службу и до конца жизни остался „только“ писателемъ.

Литературная дѣятельность Дружинина началась въ 1847 году „Полинькой Савсъ“, напечатанной въ декабрьской книжкѣ „Современника“ за этотъ годъ. Дебютъ 23-лѣтняго беллетриста былъ блестящій. Повѣсть имѣла большой успѣхъ, да въ сущности и до сихъ поръ составляетъ краеугольный камень извѣстности Дружинина. Большинство современной читающей публики, знающее его только по наслышкѣ, если имѣетъ о немъ какое-нибудь представленіе, то главнымъ образомъ какъ объ авторѣ „Полиньки Савсъ“.

Успѣхъ ободрилъ молодого писателя, и онъ въ теченіе какаго-нибудь года, одну за другой, печатаетъ три крупныя произведенія: „Разсказъ Алексѣя Дмитриевича“, — по нашему мнѣнію, лучшее изъ всего, что писалъ Дружининъ, — „Фрейлейнъ Вильгельмина“ и романъ въ двухъ частяхъ „Жюли“. Этимъ романомъ Дружининъ какъ бы закончилъ свою беллетристическую дѣятельность: продолжая отъ времени до времени давать разсказы и даже большія повѣсти, онъ главныя силы свои направляетъ на критику и статьи по исторіи литературы.

И на новомъ поприщѣ Дружинина ожидалъ большой успѣхъ; „Письма иногороднаго подписчика“, въ легкой, фельетонной формѣ дававшія отчетъ о новостяхъ текущей литературы, въ скоромъ времени стали тѣмъ, что нынѣ называютъ *massgebend*, и, несмотря на всю ихъ шутивую легковѣсность, Дружининъ своими „письмами“ занялъ вакантное со смерти Бѣлинскаго мѣсто „перваго критика“. Какъ мы уже упоминали, къ нему относилась съ уваженіемъ даже „молодая редація“ враждебнаго „Москвитинина“. Послѣднюю, помимо всякихъ иныхъ качествъ Дружинина, привлекала та умѣренность, съ которою, когда приходилось, онъ велъ полемику съ органомъ нео-славянофильства, и отъ которой не осталось и слѣда, когда литературный фельетонъ „Современника“

взялъ въ свое завѣдываніе Панаевъ. За джентльменство, Дружинина прозвали въ кружкѣ „Москвитянина“ честнымъ рыцаремъ.

Но именно эта-то, вытекавшая изъ нѣкотораго индифферентизма, сдержанность, въ связи съ нѣкоторыми личными недоразумѣніями, разсорила на время Дружинина съ Панаевымъ, главнымъ заправилою тогдашняго „Современника“. Несмотря на успѣхъ „Писемъ иногороднаго подписчика“, — успѣхъ настолько большой, что конкурировавшая съ „Современникомъ“ „Библиот. д. Чт.“ не сочла ниже своего достоинства завести „Письма *загороднаго* подписчика“, — Дружининъ былъ устраненъ отъ критическаго фельетона. За время размолвки, длившейся, впрочемъ, не больше года, Дружининъ перенесъ „Письма иногороднаго подписчика“ въ „Библи. д. Чтенія“, въ которой и раньше немного сотрудничалъ, и въ редактору которой — Сенювскому, не раздѣлая въ данномъ случаѣ чувствъ, господствовавшихъ въ кружкѣ „Современника“, всегда относился съ уваженіемъ.

Почти одновременно съ началомъ своей критической дѣятельности, Дружининъ выступаетъ въ роли „эссеиста“. „Галлереею замѣчательныхъ романовъ“ („Современникъ“ 1850 г., № 1) онъ открываетъ рядъ обширныхъ статей объ англійской литературѣ, которыя утвердили за нимъ славу первокласснаго знатока не только англійской, но и всей вообще иностранной литературы.

Всею этою разнообразною дѣятельностью Дружинина не была, однако, исчерпана многосторонность литературныхъ дарованій молодого писателя. Лѣтомъ 1850 г. онъ печатаетъ „Сентиментальное путешествіе Ивана Чернокижниковъ по петербургскимъ дачамъ“, которымъ дебютируетъ еще на одномъ литературномъ поприщѣ — юмористическаго фельетона. Успѣхъ не заставилъ себя ждать и тутъ. Хотя „Чернокнижниковъ“ и произвелъ небольшой скандалъ въ литературныхъ кружкахъ, но читался очень усердно и вообще возбуждалъ всеобщее вниманіе ¹⁾. Самъ Дружининъ, во всякомъ случаѣ, былъ вполне доволенъ своею первою экскурсіею въ область юмористики. Правда, по настоянію нѣкоторыхъ друзей, находившихъ, что въ путешествіи „шутка перешла границу и была *beau coup trop sѣrie*, какъ говорятъ французы“ ²⁾, Дружининъ прекратилъ дальнѣйшее печатаніе „Чернокнижниковъ“, но впоследствии неоднократно и съ большою охотою возвращался къ этому своему псевдониму. Кромѣ „Чернокнижниковъ“, Дружининъ въ теченіе 1855 и 1856 гг. писалъ въ

¹⁾ См. „Письма иногор. подписчика“, въ VI т. соч. Дружинина, стр. 581—588.

²⁾ Лонгиновъ, въ VIII т. соч. Дружинина.

„С.-Пет. Вѣд.“ „Замѣтки петербургскаго туриста“. Въ общей сложности юмористическіе фельетоны Дружинина, появившіеся въ „Современникъ“, „С.-Пет. Вѣд.“, „Искрѣ“, „Вѣкѣ“ и „Сѣв. Пчелѣ“ (повдвѣйшей ея формаціи), мало уступаютъ объемомъ статьямъ его по другимъ родамъ литературы. Въ собраніи сочиненій Дружинина они занимаютъ весь VIII-й томъ.

Коснувшись „Черновнижникова“, мы непременно должны остановиться на исторіи происхожденія этого псевдонима. Она намъ многое объяснитъ въ ходѣ литературной карьеры Дружинина и, можетъ быть, даже дастъ ключъ къ уразумѣнію того, почему одаренный и обладавшій значительнымъ образованіемъ авторъ „Писемъ иногороднаго подписчика“ не оказалъ сколько-нибудь серьезнаго вліянія при жизни и очень скоро перешелъ въ рядъ „забытыхъ талантовъ“.

„Громъ грянулъ надъ русской литературой и просвѣщеніемъ въ концѣ февраля 1848 года,—разсказываетъ извѣстный М. Н. Лонгиновъ въ своей біографической замѣткѣ о Дружининѣ.— Журналистика сдѣлалась дѣломъ и опаснымъ, и въ высшей степени затруднительнымъ. Надо было взвѣшивать каждое слово, говоря даже о травосѣяніи или коннозаводствѣ, потому что во всемъ предполагались личность или тайная цѣль. Слово „прогрессъ“ было строго воспрещено, а „вольный духъ“ признанъ за преступленіе даже на кухнѣ. Уныніе овладѣло всею пишущею братіею, а келейные авторы обвинительныхъ мемуаровъ на журналы торжествовали. Въ такихъ обстоятельствахъ Дружининъ, застигнутый бурей при самомъ началѣ своего литературнаго поприща, оказался драгоцѣннѣйшимъ сотрудникомъ „Современника“. Въ немъ неожиданно для всѣхъ проявились неисчерпаемыя средства къ тому, чтобы поддерживать интересъ журнала. Стоитъ взглянуть въ бібліографическую роспись его сочиненій, чтобы понять, какъ оригинальны, разнообразны, многочисленны и удачны были новыя, такъ сказать, отдѣлы, открытыя имъ для замѣны въ журналѣ прежнихъ статей, сдѣлавшихся невозможными.

„Не всѣ обладали такими средствами создавать себѣ литературныя занятія, какъ Дружининъ, многіе ударились въ разныя стороны; иные предприняли многолѣтніе труды, въ надеждѣ на благопріятнѣйшія обстоятельства во времени ихъ окончанія въ далекомъ будущемъ; другіе продолжали прежнюю дѣятельность, но въ меньшихъ по неволѣ размѣрахъ. Въ результатѣ при этомъ оказалось у нихъ лишнее противъ прежняго свободное время и, по привычкѣ къ литературному кругу, они стали чаще проводить его въ дружескихъ бесѣдахъ, посвященныхъ по преиму-

ществу любимымъ своимъ предметамъ. Прибавьте къ тому, что всѣ мы были тогда молоды или еще молоды, и вы не удивитесь, что мрачное настоящее не могло вытѣснить изъ этихъ бесѣдъ шутки и веселія, которое и стало выражаться, все-таки, въ литературной формѣ, именно стихотворной. Пародіи, посланія, поэмы и всевозможныя литературныя шалости составили, наконецъ, въ нашемъ кругу цѣлую рукописную литературу. При самомъ началѣ Дружининъ принялъ живое участіе въ этихъ забавахъ, сопровождавшихся уморительными разсказами, анекдотами и даже пресмѣшными похождениями, въ которыхъ такъ отличался нашъ остроумный другъ Языковъ¹⁾, веселый и даровитый Панаевъ и многіе другіе. Нѣсколько чопорный съ виду, Дружининъ оказался первымъ двигателемъ на этой аренѣ остроумія и рѣзвой шутки, изливая въ нее весь избытокъ молодыхъ умственныхъ силъ. При отсутствіи нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ занятій, намъ пришлось въ голову облекать всѣ наши импровизаціи въ литературную форму и дать имъ въ такомъ видѣ мѣсто въ журналѣ. Я помню, что кто-то предложилъ связывать всѣ наши „imbroglio“ нитью длиннаго романа, на манеръ „Mémoires du diable“ или „Confession générale“, Фредерика Сульё. Рамой для этого должны были служить походы разныхъ чудаковъ, ходящихъ по Петербургу покупать вещи, отыскивать попутчиковъ, гувернантокъ, и т. д., по объявленію полицейской газеты и непрерывно натывающихся на эксцентрическія и забавныя сцены. Весь этотъ цѣль стиховъ, разсказовъ и походовъ получилъ отъ Дружинина названіе „Черновнижія“. Но всему этому суждено было еще довольно долго существовать лишь für Wenige²⁾...

Велико было удивленіе членовъ кружка, когда, возвратившись изъ лѣтнихъ поѣздокъ, они застали въ „Современникѣ“ „Путешествіе Черновнижника“, въ которое если и не вошло все интимное „черновнижіе“, въ полномъ видѣ совершенно немислимое, то значительная часть его. „Черновнижники“ энергично запротестовали и настояли на прекращеніи „Путешествія“.

Къ „Путешествію“ мы еще вернемся, а пока остановимся нѣсколько на „черновнижіи“. Явленіе это глубоко знаменательно для характеристики того безвременья, которое отдѣляетъ эпоху Бѣлинскаго отъ эпохи Добролюбова,—для характеристики того идейнаго оскуднѣнія, которое было порождено тяжелою общественною атмосферою 1848—1855 годовъ.

¹⁾ Александръ Михайловичъ Языковъ († 1864), братъ поэта, интимный членъ литературныхъ кружковъ сороковыхъ годовъ.

²⁾ М. Лонгиновъ, Сочин. Дружинина т. VIII, стр. XI.

Въ статьѣ о молодой редакціи „Москвитянина“, помѣщенной на страницахъ „Вѣстн. Европы“ (1886 г., № 2), мы уже имѣли случай нѣсколько воснуться знаменательнаго семилѣтія 1848 — 1855 гт., когда, подъ влияніемъ европейскихъ событій 1848 года, цѣлый рядъ доходящихъ до анекдотичности мѣръ совершенно парализовалъ идейное броженіе первой половины сороковыхъ годовъ. „Мрачная година, наступившая въ концѣ февраля 1848 года, — говоритъ Лонгиновъ въ той же замѣткѣ, изъ которой мы взяли свѣденія о „чернобнижнѣ“, — нанесла жестокіе удары литературѣ и наукѣ, и всѣ занимавшіеся ею надолго были лишены возможности дѣйствовать какъ слѣдуетъ“.

Свѣденіе безусловно вѣрное, къ которому, къ сожалѣнію, остается добавить, что „лишеніе возможности дѣйствовать какъ слѣдуетъ“ обуславливалось не только одними цензурными и иными стѣсненіями. Безвременье, въ началѣ котораго, къ тому же, умеръ Бѣлинскій, а Герценъ ушелъ изъ русской литературы, крайне неблагоприятно отозвалось и на внутренней духовной жизни видѣйшихъ представителей тогдашней литературы. И именно „чернобнижнѣ“ и можетъ служить лучшею иллюстраціею наступившаго духовнаго оскудѣнія. Если, въ самомъ дѣлѣ, брать „чернобнижнѣ“ даже такимъ, какимъ оно вырисовывается намъ изъ приведенныхъ выше словъ Лонгинова, то и тогда оно чрезвычайно характерно. Какое ничтожество интимной бесѣды людей, стоявшихъ во главѣ текущей литературы своего времени! „Похожденія чудовъ, ходящихъ по Петербургу покупать вещи, отыскивать попутчиновъ, гувернантокъ и т. д. по объявленіямъ полицейской газеты“! Странный сюжетъ для задушевныхъ собраній руководящихъ литературныхъ кружковъ.

Но фактъ рѣшительнаго вырожденія этихъ кружковъ только тогда выступаетъ во всей своей рельефности, когда мы изъ сохранившихся у нѣкоторыхъ библиографовъ списковъ узнаемъ, въ чемъ состояла та обширная рукописная литература, тѣ „пародіи, посланія, поэмы“, которыя главный поставщикъ ихъ — Лонгиновъ — такъ мягко называетъ „литературными шалостями“¹⁾. Со времени Баркова русскій стихъ впервые служилъ такую службу. Въ „чернобнижныхъ шалостяхъ“ нѣтъ и слѣда того остроумія, той изящной игривости, которая придаетъ рѣшительный художественный интересъ многимъ продуктамъ шаловливаго настроенія Пушкина, Лермонтова, Полежаева. Соль же чернобнижныхъ „шалостей“

¹⁾ Онѣ были изданы за границею — въ Карлсруэ, — но Лонгиновъ впоследствии, когда вышелъ въ люди, скупалъ ихъ и уничтожалъ.

состоитъ исключительно въ томъ, что все называется по имени и притомъ по возможности часто.

Мы только-что назвали Пушкина, Лермонтова, Гоголя въ числѣ авторовъ шаловливой литературы. Можно еще увеличить перечень весьма выдающихся писателей, которые упражнялись въ этого рода творествѣ. Такъ, напр., отъ юношескихъ лѣтъ даже лучшихъ представителей плеяды сороковыхъ годовъ остались вещи, которыя въ печати могутъ появиться только со значительнымъ количествомъ многоточій.

Было бы, однако, смѣшнымъ пуризмомъ относиться черезчуръ строго ко всѣмъ этимъ проявленіямъ молодого темперамента въ юныхъ писателяхъ, которые еще не привыкли серьезно смотрѣть на свое дарованіе. А затѣмъ обязательно для насъ принимать во вниманіе среду, подъ влияніемъ которой создаются игривыя произведенія. Пушкинъ писалъ ихъ, главнымъ образомъ, тогда, когда былъ въ лицѣ, Лермонтовъ—исключительно тогда, когда былъ въ училищѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Но чтобы кружковъ первенствующихъ литераторовъ, постоянными членами котораго были редакторъ лучшаго журнала, лучший критикъ этого журнала и такой солидный историкъ, какъ Лонгиновъ, кружковъ, въ которомъ часто появлялся даровитый молодой профессоръ Владиміръ Милютинъ, многіе виднѣйшіе беллетристы и поэты своего времени, въ томъ числѣ и Некрасовъ,—чтобы такой кружковъ создалъ „цѣлую литературу“ грубаго цинизма,—этого ни до „черновнижія“, ни послѣ „черновнижія“ никогда не было. Мы уже не будемъ говорить о шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда оживленіе общественной жизни, а также и то, что новое поколѣніе вообще отличалось большимъ ригоризмомъ,—все это дѣлало совершенно невыносимымъ подобныя „черновнижныя“ собранія не только въ средѣ первенствующихъ литераторовъ, но даже гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ. Возьмемъ эпоху болѣе близкую въ данномъ случаѣ, спросимъ, мыслимо ли было „черновнижіе“ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ раньше? Члены кружка Бѣлинскаго, какъ и всѣ вообще люди сороковыхъ годовъ, при всемъ своемъ идеализмѣ, отнюдь не были крайними идеалистами въ своихъ развлеченіяхъ. Самыя оживленныя въ идейномъ отношеніи собранія ихъ, послѣ которыхъ каждый уходилъ съ цѣлымъ запасомъ глубокихъ мыслей и благородныхъ намѣреній,—тѣ собранія, плодомъ которыхъ были самыя пламенныя и возвышенныя страницы въ статьяхъ Бѣлинскаго и Искандера, въ стихахъ Некрасова, Огарева, въ повѣстяхъ Тургенева, Достоевскаго, Григоровича, даже эти собранія не обходились безъ бо-

вала вина, безъ веселаго словца или анекдота. Но все это была та дань человѣческой натурѣ, которую платить и самый идеальнѣйшій человѣкъ, если его идеализмъ искреннѣйшій и не имѣетъ въ себѣ святости. Вино и рѣзвая шутка въ собраніяхъ руководящихъ кружковъ первой половины сороковыхъ годовъ были, конечно, средствомъ, а не цѣлью, какъ у „чернокнижниковъ“: живѣе лились послѣ вина страстныя рѣчи, легче вѣрилось въ близкое осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ. И если мимолетно проскальзывала при этомъ крѣпкая шутка, то потому что въ концѣ концовъ дружеская бесѣда не есть засѣданіе парламента. „Чернокнижніе“ же тѣмъ и характерно, что мимолетное превратилось въ немъ въ основное.

Было бы, однакоже, совершенно несправедливо объяснять глубокую пошлость „чернокнижныхъ“ собраній одними личными качествами чернокнижниковъ. Правда, ни въ комъ изъ нихъ не горѣлъ тотъ же святой огонь, который придавалъ таковой возвышеннѣйшій интересъ и такую плодотворность собраніямъ руководящихъ кружковъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. Всѣ они прежде всего были свѣтскіе люди, хотя и искренно преданные литературѣ, но не знавшіе той лихорадочной жажды истины, которая одна создаетъ серьезнаго общественнаго и литературнаго дѣятеля. И все-таки, тотъ же самый Панаевъ, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, когда вращался въ кружкѣ Бѣлинскаго, барковщиной не занимался, чудаками, ищущими гувернантокъ по объявленіямъ, не интересовался, а напротивъ того, всѣми силами старался проникнуться „проклятыми вопросами“, на разрѣшеніе которыхъ уходили бурныя собранія людей первой половины сороковыхъ годовъ. „Остроумный“ языкъ кружка, тоже входившій въ составъ кружка Бѣлинскаго, игралъ въ немъ роль только за ужиномъ, и его „пресмѣшными похожденіями“, какъ объ этомъ можно судить по богатымъ всякими интимными деталями воспоминаніямъ Панаева, никто до „чернокнижія“ не интересовался. „Оставшіяся послѣ Дружинина юмористическія произведенія довольно нецеремоннаго свойства“, какъ выражается Анненковъ¹⁾, относятся только къ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ. О случайности связей Некрасова съ „чернокнижіемъ“ много распространяться нечего. Но чтѣ всего замѣчательнѣе—даже Лонгиновъ, этотъ главный поставщикъ чернокнижной литературы, предавался своимъ „шалостямъ“ тоже главнымъ образомъ въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1882 г., № 4, стр. 636.

Такимъ образомъ, мы въ „черновнижнѣ“ наталкиваемся на одно изъ многочисленныхъ проявленій того „отчаяннѣ скуки“, какъ выразился Добролюбовъ, характеризующаго обиліе мелочно-библиографическихъ статей въ періодъ 1848—1855 гг. ¹⁾), которое грызло интеллигенцію того времени и направляло ея умственныя и душевныя силы совсѣмъ не туда, куда имъ слѣдовало бы направляться при болѣе благопріятныхъ условіяхъ общественной жизни.

На Дружинина въ частности „черновнижнѣ“, какъ одно изъ явленій умственнаго упадка эпохи, должно было дѣйствовать болѣе неблагопріятнымъ образомъ, чѣмъ на другихъ литературныхъ сверстниковъ его. Тѣ, все-таки, помнили другія времена, хранили въ душѣ воспоминанія объ иныхъ интимныхъ собраніяхъ; Дружининъ же, выступившій на литературное поприще въ послѣдніе мѣсяцы жизни Бѣлинскаго, только по наслышкѣ могъ знать о бурныхъ сходбищахъ старшаго литературнаго поколѣнія, о тѣхъ знаменитыхъ „всенощныхъ бдѣніяхъ“, которыя воспитали умъ и сердце людей тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ не хуже университетовъ и парламентовъ. А между о тѣмъ Дружининъ болѣе другихъ нуждался именно въ такого рода бурныхъ, страстныхъ дебатахъ, которые расшевелили бы его дилеттантскую натуру, которыя уничтожили бы его индифферентизмъ, — индифферентизмъ, главнымъ образомъ вытекавшій изъ его аристократическаго дандизма, изъ его отвращенія къ шуму и суетоловѣ, связанной съ толпой, съ общественными и политическими движеніями. Для Дружинина, не знавшаго, что такое значитъ увлечься какою-нибудь идеею до того, чтобы ею одною жить, гордившагося даже этою своею безстрастностью ²⁾), не подозрѣвая, что въ ней Ахиллесова пята его таланта, — „черновнижныя“ собранія должны были быть прямо вредными, не тѣмъ, конечно, что на нихъ процвѣтали „шалости“, а тѣмъ, что большое вниманіе, которое удѣлялось этимъ „шалостямъ“ да „забавнымъ похождениямъ чудаковъ“, неизбѣжно должно было умалять и дѣйствительно умаляло интересъ къ болѣе серьезнымъ предметамъ. Трудно въ однихъ и тѣхъ же собраніяхъ создавать „цѣлую литературу“ произведеній крайне пошлаго пошиба и выработывать пункты общественно-политическаго и философскаго міросозерцанія. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить сравненіе статей Дружинина разныхъ эпохъ его жизни. Въ статьяхъ періода „черновнижнѣ“ есть легкость, извѣстная эрудиція, извѣстный литературный вкусъ,

¹⁾ Добролюбовъ, Сочиненія т. I, стр. 517.

²⁾ Многократно въ „Письмахъ иногор. подписчика“. См. ниже, при разборѣ ихъ.

но нѣтъ и слѣда какого бы то ни было общественно-политическаго или философскаго міросозерцанія. Всѣ они совершенно лишены того, что можно назвать полетомъ, возвращаются исключительно въ сферѣ мелкихъ литературныхъ явленій и ни разу не поднимаются до рѣшенія тѣхъ кардинальныхъ вопросовъ, разработка которыхъ одна только и можетъ обезпечить за критикомъ серьезное значеніе. Совсѣмъ другое—статьи Дружинина второй половины 50-хъ годовъ. Повышеніе общественнаго настроенія ярко сказалось на немъ, какъ онъ ни отречивался отъ „политики“, какъ ни старался ратовать за искусство „свободное“ отъ „мутныхъ волнъ современности“. Въ личной обстановкѣ его мало-по-малу исчезаютъ всякіе слѣды „черновнижія“. Насколько пусты и пошлы были недавнія „черновнижныя“ собранія, настолько, по общему отзыву людей, ихъ помнящихъ, были содержательны и порядочны устроенные Дружининимъ у себя „четверги“. Тутъ „шалостямъ“ не предавались никакимъ; хотя общество тоже было мужское, но всѣ съ огромнымъ интересомъ и истинною любовью толковали, спорили и обсуждали все касающееся литературы. Вопросы общественные мало волновали Дружинина и его кружокъ, но все-таки онъ больше не чуждался ихъ, сочувственно относился въ реформамъ новаго царствованія, а 19-го февраля 1861 года устроилъ у себя торжественный обѣдъ.

И вотъ почему Дружининскія статьи второй половины 50-хъ годовъ какъ будто писаны другимъ человѣкомъ. Есть и въ нихъ, правда, прежняя холодность, есть даже и дендизмъ, но безъ тѣни той пустой и безцѣльной щеголеватости, которая являлась основной чертой „черновнижнаго“ періода дѣятельности „Иногороднаго подписчика“.

II.

Въ самомъ концѣ 1856 года Дружинъ изъ роли журнальнаго сотрудника переходитъ на роль журнальнаго руководителя: онъ становится во главѣ редакціи „Библиотеки для Чтенія“. Новый издатель „Библиотеки“¹⁾ былъ увѣренъ, что удачно замѣнилъ вышедшаго изъ моды Сенковскаго. И дѣйствительно, на сторонѣ Дружинина, кромѣ свѣжести дарованія и вообще личныхъ его качествъ, были еще тѣсныя связи со всѣмъ новымъ литературнымъ поколѣніемъ,—связи настолько тѣсныя, что даже оба редак-

¹⁾ В. П. Печанинъ.

тора главнаго конкуррента „Библиотеки“ — „Современника“ (Панаевъ и Некрасовъ) фигурировали въ спискѣ сотрудниковъ обновленнаго журнала, и притомъ не только фигурировали, но и напечатали въ немъ кое-что. Журнальное обозрѣніе „Современника“¹⁾ самымъ горячимъ образомъ привѣтствовало Дружинина въ его новой дѣятельности. Сверхъ всего этого, четыре главныя литературныя силы „Современника“ — Тургеневъ, Левъ Толстой, Островскій и Григоровичъ, которые, по только-что заключенному, надѣлавшему въ свое время много шуму, контракту, обязаны были помѣщать свои произведенія исключительно въ „Современникъ“, получили отъ Некрасова и Панаева разрѣшеніе участвовать въ „Библиотекѣ“, и имена ихъ фигурировали въ объявленіи объ изданіи журнала подъ редакціею Дружинина. Присоединимъ къ нимъ цѣлый рядъ другихъ почтенныхъ литературныхъ именъ, фигурировавшихъ въ этомъ объявленіи — Писемскаго, Анненкова, Василя Боткина, Фета, Полонскаго, Майкова, Мея и др., которые, всѣ изъ расположенія въ Дружинину, обѣщали принять живое участіе въ „Библиотекѣ для Чтенія“, — и мы поймемъ, что издатель имѣлъ основаніе надѣяться, что новый редакторъ поставитъ на ноги совсѣмъ было-рухнувшій журналъ. Да и не одинъ издатель питалъ такія надежды. В. Боткинъ былъ увѣренъ, что Дружининъ „сдѣлаетъ „Библиотеку“ журналомъ, на который публика принуждена будетъ обратить вниманіе“²⁾. Тургеневъ писалъ, что „много ждетъ отъ „Библ. для Чтенія“ подь командой Дружинина“³⁾.

И однакоже всѣ эти надежды сбылись въ очень слабой степени. Журналъ нѣсколько пошелъ, но въ общемъ былъ совершенно затертъ другими изданіями.

Главную причину малаго успѣха обновленной „Библ. для Чтенія“ нельзя не искать въ духовной личности новаго редактора, въ томъ сухомъ, не имѣющемъ связей съ живою дѣятельностью, направленіи, которое приняла умственная дѣятельность его подь вліяніемъ пустоты и ничтожества „чернокнижной“ эпохи. Стоитъ только приглядѣться къ profession de foi, съ которымъ Дружининъ выступилъ, когда взялъ на себя редакцію „Библиотеки“, чтобы понять, что журналъ не могъ имѣть успѣха въ обществѣ, начинавшемъ переживать свой Sturm und Drang-Periode. Въ концѣ 1856 года русское общество уже зажило совсѣмъ особенною жизнью, уже раздался изъ одного конца Рос-

¹⁾ „Современникъ“ 1856 г., № 5.

²⁾ „XXV глѣтъ“.

³⁾ Ibid.

си въ другой мощный призывъ къ обновленію, и всё съ лихорадочнымъ жаромъ принялись очищать русскую жизнь отъ прежней скверны и неурядицы. Начался тотъ интенсивно-политическій періодъ русской исторіи, когда всякіе другіе интересы, кромѣ интересовъ общественнаго обновленія, были отодвинуты совершенно на второй планъ. Чуткая часть литературы сразу поняла смыслъ переживаемаго момента и постаралась отразить его. Не только публицистика и критика, но и изящная литература, въ лицѣ крупнѣйшихъ ея представителей — Тургенева, Островскаго, Некрасова, Писемскаго, участвуетъ въ этомъ искреннемъ и горячемъ порывѣ къ общественному возрожденію, чѣмъ и удесятеряетъ свое вліяніе и популярность, и чѣмъ окончательно утверждаетъ высокое положеніе, которое занимала литература прежняго времени, какъ единственное проявленіе русской общественной мысли.

Какія же были отношенія Дружинина къ этому новому фазису русской духовной жизни? положительныя или отрицательныя? сохранялъ ли онъ спокойствіе, или, напротивъ того, восторгался подъемомъ общественнаго духа?

Въ одномъ письмѣ къ Дружинину, относящемся какъ разъ къ тому времени, когда Дружининъ взялся за „Библ. д. Чт.“, Тургеневъ называетъ его „милѣйшимъ изъ консерваторовъ“¹⁾. Въ другой разъ Тургеневъ, восхуившись въ рѣчи посвященной памяти Дружинина, англоманства своего покойнаго друга, — сказалъ, что въ Англіи онъ „вѣроятно занялъ бы мѣсто въ ряду торіевъ“²⁾.

Оба эти отзыва, хотя и исходятъ отъ человѣка близкаго къ Дружинину, однако не совсѣмъ вѣрны. Они основаны только на томъ, что Дружинина трудно было назвать рьянымъ прогрессистомъ. На самомъ дѣлѣ сколько-нибудь внимательное изученіе сочиненій Дружинина убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ не былъ ни консерваторомъ, ни либераломъ, ни торіемъ, ни вигомъ. Онъ просто былъ по природѣ индифферентенъ къ вопросамъ общественно-политическимъ, — индифферентенъ также и въ силу своего слабого знакомства съ науками общественными и философскими. Гдѣ ему было ознакомиться съ ними? — въ университетѣ онъ не былъ, а въ пажескомъ корпусѣ или въ финляндскомъ полку онъ не могъ восполнить этотъ пробѣлъ въ своихъ знаніяхъ. Конечно, если бы онъ попалъ въ кружокъ серьезныхъ людей, ему бы, при его страсти и способности много читать, и университета никакого бы не нужно было, какъ онъ ненуженъ былъ Бѣлинскому, который

¹⁾ *Тургеневъ*, Первое собраніе писемъ.

²⁾ „Библ. д. Чт.“ 1864 г., № 1.

отъ членовъ своего кружка узналъ болѣе, чѣмъ могъ бы увнать отъ профессоровъ того времени. И оттого-то мы обратили вниманіе на пустоту и ничтожество „чернокнижныхъ“ собраній: при другомъ характерѣ они могли бы служить коррективомъ индифферентизма Дружинина къ серьезнымъ вопросамъ соціальной жизни, могли бы ему сообщить какое-нибудь опредѣленное общественное и политическое міросозерцаніе, безъ котораго нельзя быть журналистомъ.

Вся эта неподготовленность къ роли журналиста одной изъ наиболѣе „бурныхъ“ эпохъ русской жизни сразу и сказалась въ редакціонномъ profession de foi Дружинина. Въ немъ очень много говорилось о томъ, что редація ознакомитъ читателей съ „сокровищницей иностранной литературы“, но ни единымъ словомъ не выражено того, какъ смотритъ редація на новое теченіе русской жизни, какъ она желала бы его направить и каковы вообще ея общественно-политическія desiderata. И это какъ разъ тогда, когда только-что возникшій „Русскій Вѣстникъ“ уже пользовался огромнымъ успѣхомъ именно потому, что онъ понял „моментъ“, понял, что назначеніе журнала теперь исключительно боевое, что нельзя посвящать главныя силы „сокровищницѣ иностранной литературы“ въ то время, когда жизнь рѣшительно ежеминутно выдвигаетъ вопросъ за вопросомъ, одинъ болѣе другого животрепещущій, въ то время, когда нужно осмыслить это броженіе, направить его въ ту или другую сторону.

Заканчивалось заявленіе редакціи тѣмъ, что она обѣщала вести дѣло:

Ohne Hast, ohne Rast..

Лозунгъ— характерный для безстрастности и спокойнаго трудолюбія Дружинина, но какъ мало подходилъ онъ къ эпохѣ, которая тогда понеслась на всѣхъ парахъ!

И поплелся тихимъ шагомъ журналъ, давая иной разъ недурныя, въ чисто-литературномъ отношеніи, статьи, добросовѣстно знакомя съ произведеніями иностранной литературы, но въ общемъ крайне вялый и неинтересный. „Библиотека“ имѣла тѣ же самыя публицистическіе отдѣлы, какъ и другія изданія, но все это было безжизненно, все это было лишено того огня, той страстности, благодаря которой подписчики съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали каждую новую книжку „Современника“ или „Русскаго Вѣстника“. Чувствовалось, что редація вѣхота занимается всѣмъ, что переходитъ тѣсныя рамки чисто-литературныхъ предметовъ, что она совершенно этимъ не интересуется, и если удѣляетъ мѣсто статьямъ по вопросамъ общественно-поли-

тически, то исключительно затѣмъ, чтобы не очень уже отстать отъ прочихъ журналовъ.

Въ 1858 году издатель „Библиотеки“, убѣдившись изъ хода подписки, что Дружининъ не оправдываетъ его надеждъ, пригласилъ въ помощь ему Писемскаго. Этотъ выборъ тоже былъ мало удаченъ. Человѣкъ почвы и живой дѣйствительности, Писемскій, окончивавшій въ то время „Тысячу душъ“, несомнѣнно больше понималъ моментъ, чѣмъ кабинетный петербуржецъ Дружининъ, котораго болѣе всего на свѣтѣ занимали разныя біографическія мелочи изъ жизни англійскихъ писателей. Но зато Дружининъ значительно превосходилъ его историко-литературной эрудиціей. А въ вопросахъ общественно-политическихъ они оба одинаково мало были компетентны и одинаково мало годились въ руководители. И вотъ почему совокупное редакторство двухъ первостепенныхъ литераторовъ своего времени такъ мало приносило пользы „Библ. д. Чт.“, которая, благодаря ихъ неподготовленности къ публицистической дѣятельности, заняла совершенно второстепенное мѣсто въ ряду тогдашнихъ изданій,—настолько второстепенное, что въ половинѣ 1861 года (значить, всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Дружининъ сложилъ съ себя редакторство, предоставивъ его одному Писемскому), Тургеневъ писалъ Анненкову: „Я прочелъ вашу статью о двухъ національныхъ шеолахъ и нашелъ ее превосходной. И я увѣренъ, что на нее обратили бы гораздо больше вниманія, еслибы она явилась не въ этой темной и глухой дырѣ, называемой: „Библиотека для Чтенія“¹⁾.

Удивительно ли, что мало кто хотѣлъ въ такомъ изданіи участвовать, и что всѣ пріатели Дружинина, горячо и вполне искренно обѣщавшіе ему въ началѣ свое сотрудничество, обѣщаній не сдержали и работали въ изданіяхъ, стоявшихъ болѣе на уровнѣ современнаго движенія и потому болѣе читаемыхъ и вліятельныхъ. А если кое-что и давалось ими Дружинину, то большею частью второстепенныя вещи, такъ сказать крохи отъ роскошной литературной трапезы, которая выпадала на долю подписчиковъ „Современника“, „Русскаго Вѣстника“, „Русскаго Слова“.

Одинъ только разъ Дружининъ во время своего редакторства указалъ большое чутье современности, явившись инициаторомъ дѣла, которое имѣло шумный и вмѣстѣ съ тѣмъ прочный успѣхъ. Мы говоримъ о литературномъ фондѣ, основанномъ главнымъ образомъ по мысли Дружинина. Вычитавъ въ англійскихъ изданіяхъ свѣденія о британскомъ „Litterary fund“, Дружининъ въ ноябрѣ

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1855 г., № 4, стр. 496.

1856 г. ¹⁾, на одномъ изъ литературныхъ собраний-обѣдовъ, происходившихъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ у гр. Кушелева-Безбородко, предложилъ устроить нѣчто подобное у насъ. Мысль Дружинина была встрѣчена настолько сочувственно, что онъ рѣшился изложить ее печатно. Въ обстоятельной статьѣ: „Нѣсколько предположеній по устройству русскаго литературнаго фонда для пособія нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга“ ²⁾, подписанной буквой N и потому, вѣроятно, пропущенной въ собраніи его сочиненій, Дружининъ ставилъ вопросъ уже прямо на практическую почву. Въ происходившихъ вслѣдъ за тѣмъ другихъ подготовительныхъ работахъ Дружининъ принималъ самое дѣятельное участіе, такъ что, въ общемъ, его въ полномъ смыслѣ можно назвать отцомъ литературнаго фонда, и недаромъ всѣ писавшіе о немъ такъ внимательно останавливаются на этой страницѣ его біографіи. Заключивая свой некрологъ Дружинина, Некрасовъ, говоритъ: „Дружининъ есть истинный *основатель литературнаго фонда* (курсивъ Некрасова). Прибавлять нечего“ ³⁾... Въ этихъ словахъ, писанныхъ въ началѣ 1864 г., слышится еще отголосокъ того восторга, можно сказать даже умиленія, которое въ свое время возбуждало учрежденіе литературнаго фонда. Въ учрежденіи литературнаго фонда и писатели, и общество справедливо видѣли официальное признаніе и освященіе занятія, которое всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ официально же квалифицировалось какъ „скользкое поприще“. Публика буквально ломилась на чтенія, устраиваемыя въ пользу фонда, осыпая восторженными оваціями всѣхъ участвовавшихъ на нихъ и всякими иными путями выражая свое восторженное одобреніе. О силѣ этого энтузіазма можно судить по тому, что цѣлую половину капитала, собраннаго литературнымъ фондомъ за первые 25 лѣтъ его существованія, дали первые два года. И, конечно, заслуга—вызвать подобное движеніе и энтузіазмъ—не маловажна.

Но любопытно, однакоже, отмѣтить, что даже въ этомъ проявленіи чуткости Дружинина къ живой дѣйствительности рѣзко сказалась полная отчужденность его отъ реальныхъ условій жизни. Даже спеціально-литературная сфера была настолько мало знакома Дружинину, что онъ въ вышеупомянутой подготовительной статьѣ писалъ слѣдующее: „У насъ, благодареніе Богу, почти нѣтъ литературныхъ пролетаріевъ, даровитыхъ людей, умираю-

¹⁾ В. П. Гаевскій, Дружининъ какъ основатель литературнаго фонда („ХХV лѣтъ“, стр. 428.

²⁾ „Биб. для Чт.“ 1857 г., стр. 5.

³⁾ „Современникъ“, 1864, № 1.

щихъ съ голоду, сильныхъ талантовъ, вончающихъ жизнь, какъ Отвай или Сиведжъ, отъ нужды и общей холодности. Огромная часть нашихъ ученыхъ и писателей обезпечена и пособиями правительства, и службою, и платою за трудъ, почти ежегодно возвышающейся, и собственнымъ своимъ достаткомъ¹⁾.

Какъ жестоко были опровергнуты слова Дружинина, являющіяся такимъ естественнымъ послѣдствіемъ исключительнаго его общенія съ живнерадостными „чернозвизниками“. Первый же отчетъ литературнаго фонда говорилъ: „Тѣ, которымъ громкая литературная извѣстность даетъ возможность болѣе чѣмъ безбѣднаго состоянія, не могутъ себѣ представить, въ какомъ положеніи находится меньшая ихъ братія, эти труженики второстепенныхъ мелкихъ журналовъ, и съ какими усиліями зарабатывается ими скудная плата. Мы видѣли между ними нищету потрясающую“²⁾.

Со свойственной ему добросовѣстностью Дружининъ, въ одной изъ своихъ статей³⁾, очень подробно останавливался на свѣдѣніяхъ отчета, совершенно разрушившихъ его болѣе чѣмъ оптимистическія увѣренія. Конечно, это еще разъ говорить въ пользу личныхъ свойствъ Дружинина, но ничуть не умаляетъ факта полнѣйшаго личнаго незнакомства его съ явленіями реальной жизни.

Оставивъ въ концѣ 1860 г. редакцію „Библ. д. Чт.“, въ значительной степени вслѣдствіе пошатнушагося здоровья, Дружининъ не бросилъ, однакоже, литературной дѣятельности, хотя обострившаяся болѣзнь (чахотка) не давала ему возможности предаваться литературѣ съ прежнимъ усердіемъ. Въ „Искрѣ“ (1860 г.), „Сѣв. Пчелѣ“ (1862 г.) и „Вѣжѣ“ (1861), гдѣ онъ былъ однимъ изъ основателей, Дружининъ помѣстилъ цѣлый рядъ юмористическихкихъ фельетоновъ, а въ „Спб. Вѣд.“ (1863) и „Русск. Вѣстн.“ (1860—1863 гг.) писалъ статьи объ иностранной литературѣ. Кромѣ того, онъ напечаталъ въ „Русск. Вѣстн.“ (1862 г.) обширный романъ: „Прошлое лѣто въ деревнѣ“. Всѣ эти произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Дружинина не особенно ярки; „Прошлое лѣто въ деревнѣ“, не лишенное, впрочемъ, интереса, какъ первый отчетъ о порядкахъ освобожденной деревни, и самому автору показался недостаточно значительнымъ литературнымъ произведеніемъ, о чемъ можно судить уже по тому, что онъ счелъ нужнымъ подписаться псевдонимомъ *С. Безыменнаю*—завершеніе, конечно, не особенно эффектное для столь блистательно начатой дѣятельности, которая, нѣтъ сомнѣнія, могла бы быть совсѣмъ иной,

¹⁾ „Библ. д. Чт.“ 1857 г., № 7, стр. 8.

²⁾ XXV глѣт. „Сборникъ Лит. фонда“. Лѣтопись.

³⁾ „В. д. Чт.“ 1860 г., № 2.

еслибы безспорный талант Дружинина былъ дисциплинированъ сначала школою, въ высшемъ смыслѣ этого слова, или хорошимъ литературнымъ сообществомъ, и не поддался бы вліянію очень уже односторонне-жизнерадостнаго „черновнижія“.

19-го января 1864 г. Дружининъ умеръ.

Дружинина хоронили скромно, и уже съ того времени популярность Дружинина почти окончательно упала. У могилы собрались всѣ старыя пріятель—Тургеневъ, Некрасовъ, Анненковъ, Гончаровъ, Василій Боткинъ, Галаховъ, Гаевскій, Фетъ. На поминальномъ завтракѣ Фетъ прочиталъ стихотвореніе въ честь покойнаго друга своего:

Умолъ твой голосъ навсегда
И сердце жаркое остыло,
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти погасило.
На миръ усопшаго лица
Бладу послѣднее лобзанье;
Не измѣнили до конца
Тебѣ ни дружба, ни призванье.
Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу
И жизни мутною волной
Ты чистымъ донесенъ въ могилу.
Сни вѣчность правды настаетъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый—
И муза строгая владеть
Тебѣ на гробъ вѣнецъ лавровый.

Послѣдній стихъ былъ, впрочемъ, поэтическою метафорою. Смерть Дружинина прошла почти незамѣченною въ литературѣ: изъ библиографическаго примѣчанія къ началу настоящей главы видно, что многія изданія даже не упомянули о его смерти. Отозвались исключительно люди и изданія, съ которыми его связывали тѣсныя личныя отношенія. А когда чрезъ два года послѣ смерти Дружинина было издано родственниками (подъ редакціею Н. В. Гербеля) полное собраніе его сочиненій, оно, какъ мы уже видѣли, потерпѣло неудачу, хотя продавалось чрезвычайно дешево. Въ критикѣ это изданіе вызвало только мелкія библиографическія упоминанія.

Перейдемъ теперь къ литературной личности Дружинина. Разсмотримъ сначала беллетристическія произведенія его, которыми онъ дебютировалъ—скоро лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

С. Венгеровъ.

ХОДОКЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Графъ Таманцевъ!—доложилъ лавей въ штиблетахъ и съ аксельбантомъ, показавшись въ портьерѣ угловой комнаты, гдѣ старуха, княгиня Брянская, принимала по недѣльникамъ.

Княгиня только-что усѣлась на диванъ, въ темномъ углу узкой, совсѣмъ заставленной комнаты, гдѣ она любила принимать.

Мужчина лѣтъ тридцати, довольно полный, плечистый, роста выше средняго, курчавый брюнетъ съ густой бородой, вошелъ шорымъ шагомъ, держа бобровую шапку въ лѣвой рукѣ. Онъ немного щурился въ этомъ полутемномъ будуарѣ, гдѣ ему и прежде бывало всегда и тѣсно, и холодно, холодно отъ самой хозяйки—сухой, еще до сихъ поръ красивой старухи, съ сѣдыми взбитыми волосами и длиннымъ носомъ. Она все та же, какою Таманцевъ оставилъ ее въ прошломъ году: все та же брошь, та же наволка, кажется, и то же шолковое полосатое платье—черное съ сизымъ.

— А! Monsieur André! Вотъ это чудесно!

Княгиня протянула ему кисть правой руки—очень красивую, быловато-желтую, точно изъ пергамента. Онъ зналъ, что отъ этой руки пахнетъ туалетнымъ уесусомъ.

Надо было поцѣловать. Онъ это сдѣлалъ и, не дожидаясь приглашенія, опустился на пуфъ, вольѣ столика.

— Какъ видите, княгиня... собственной особой.

— Всегда фантастъ!

Этимъ словомъ „фантастъ“ она его давно окрестила. У нея былъ свой языкъ, немного на нѣмецкій ладъ. Она щеголяла всѣми четырьмя языками, на которыхъ говорила. Но въ ней нѣмка не выводилась. Графъ зналъ, что она ставила свой родъ по отцу— изъ курляндскихъ бароновъ — выше родства ея покойнаго мужа, хотя тотъ былъ и Рюриковичъ. Да и мать ея была кабая-то не то полька, не то румынка. Типомъ лица она вышла въ отцовскій родъ.

— Фантастъ! Фантастъ! — повторила княгиня, покатывъ головой, и ея тонкія губы, потерявшія всякій цвѣтъ, повела знакомая ему усмѣшка.

— Какой есть!

До отъѣзда своего изъ Петербурга онъ болѣе привыкъ въ этой старухѣ. Теперь все въ ней кажется ему чуждымъ и враждебнымъ. Да она никогда и не жаловала его.

— Что-жъ, André, — спросила княгиня, слегка чмокнувъ своими блѣдными губами:—надолго?

— Какъ проживется, княгиня.

— Фантастъ!—опять повторила княгиня.—Хозяиничали, или просто только...

Она прибавила по-французски, очень отчетливо, съ неприятой для него манерой говорить:

— Vous faisiez du socialisme autoritaire? Раздавали и раздавали?

Таманцевъ чуть замѣтно пожалъ плечами; но лицо его старалось улыбнуться.

— Почему же непременно социализмъ, княгиня?—спросилъ онъ, и ему захотѣлось тутъ же осадить эту старуху, воображающую себѣ, что она — „ума палата“ и знаетъ: въ чемъ спасеніе деревни и всего государства. Но онъ сдержалъ себя. Онъ какъ будто чего-то ждалъ и поглядѣлъ вбокъ на дверцу во внутреннія комнаты.

— Княжна здорова?—спросилъ онъ тономъ близкаго знакомаго, давно не бывающаго въ этомъ домѣ.

— Кэтъ? Здорова. Вы, André, спросили это, точно вы ничего не знаете. Вы, кажется, въ перепискѣ съ ней?

— Я давно ничего не знаю о ней,—выговорилъ онъ тихо, безъ выраженія.

— А—а!.. Elle s'amuse beaucoup. Сегодня она что-то запоздала. Но мои гости не всегда для нея занимательны.

Про свою внуку, княжну Катерину Денисовну, старуха говорила всегда съ особеннымъ оттѣнкомъ, какъ объ особѣ совер-

пенно независимой отъ нея. Она любила сообщать, что у Кэтъ свои средства, и что половина состоянія, которымъ она, княгиня, владѣетъ пожизненно, принадлежитъ по праву внуку, наследниці родового имѣнія князей Брянскихъ.

— Vous savez, — прибавила потише княгиня: — elle ne se gêne pas. Иногда и уѣдетъ. Батанье на конькахъ, выставки, какія-то репетиціи — que sais-je?

Княгиня не воспитывала внуку. На свою невѣстку — покойную мать княжны — она всегда смотрѣла, какъ на беспорядочную особу, безъ правилъ, съ наклономъ къ „богемѣ“, съ рѣзкими манерами. Она подозрѣвала и ея супружескую вѣрность, хотя знала, что у сына ея было нѣсколько романовъ съ замужними женщинами. Но ея сынъ былъ всегда правъ. Внука попала къ ней уже взрослой дѣвушкой — и у ней нѣтъ охоты ее передѣлывать.

Таманцеву это было извѣстно. По крайней мѣрѣ хотъ то хорошо, что старуха не муштруетъ внуку, и въ прошломъ году они могли видѣться, когда хотѣли. Могли.. Но еще передъ отъѣздомъ его у нихъ уже пошли нелады. Изъ деревни онъ пробовалъ писать ей. И самъ прервалъ переписку. Ея письма стали или огорчать, или бѣсить его.

Въ Петербургѣ Таманцева потянуло сразу въ этотъ особнякъ на Фонтанкѣ, гдѣ онъ зналъ, что опять услышитъ, жестей, въ ночь, голосъ княгини, съ обязательствомъ выносить ея сентенціи, и, быть можетъ, увидитъ многое такое новое въ Кэтъ, что его погонитъ вонъ. И онъ не дождался вторника, зная, что сегодня, въ понедѣльникъ, пріемный день старухи, и что онъ принужденъ будетъ выносить и всѣхъ „habitues“ ея салона.

Быть можетъ, Кэтъ и не приняла бы его одна, безъ княгини, хотъ и прежде онъ, во всякое время, могъ вызвать ее. На него ея мать смотрѣла какъ на друга и обходилась какъ съ младшимъ кузенкомъ. Ихъ матери были самыми близкими пріятельницами и умирали въ одномъ и томъ же мѣстѣ — и только на разстояніи полугодія.

Его погнало изъ деревни не одно желаніе видѣть княжну. Онъ пріѣхалъ по дѣлу, по крестьянскому дѣлу — взялъ на себя, во доброй волѣ, цѣлое „хождение“. Но стоило ему вчера провести полчаса въ своемъ кабинетѣ, гдѣ надъ стариннымъ бюро виситъ портретъ княжны, рисованный пастелью, и къ нему вернулось то жуткое и сладкое безпокойство, которое заставляло его когда-то такъ часто заѣзжать въ домъ княгини.

Изъ-за портьера двери, ведущей во внутреннія комнаты,

нието не показывался. Слѣва, изъ гостиной — большой и неуютной — раздались шаги лакея. И онъ все тѣмъ же хмуро-безстрастнымъ голосомъ доложилъ:

— Петръ Аркадьевичъ Долговъ!

— Кто это? Неужели Петя Долговъ? — спросилъ Таманцевъ княгиню, подавшись впередъ станомъ.

Та наклонила голову.

— Петюня!

Къ старухѣ короткими шажками подходилъ совсѣмъ еще молодой человекъ, точно съ выточенной головой, весь миниатюрный; темнорусые волосы гладко были причесаны, лицо выбрито, съ крошечными бакенбардами. Хорошенькія черты его узковатаго лица хранили степенное выраженіе. На немъ просторно сидѣлъ длинный двубортный сюртукъ и солиднаго цвѣта очень широкія панталоны.

— Петюня! — повторилъ Таманцевъ, всталъ и хотѣлъ обнять юношу.

Тотъ обрадованно оглянулся на него; но сначала подошелъ къ рукамъ старухи.

— Графъ!.. Вотъ сюрпризъ!

Таманцевъ потрепалъ его по плечу и посадилъ противъ себя.

— Очень радъ видѣть тебя, — заговорилъ Таманцевъ. — Все такой же маленькій, а смотришь солидно.

— Кончилъ курсъ... съ медалью, — замѣтила княгиня.

Къ Петѣ Долгову она благоволила. Онъ былъ сынъ ея дальней родственницы, и мать его — болѣзненная, проживающая безвыѣздно на югѣ — постоянно писала Петѣ, чтобы онъ дорожилъ домомъ княгини. Таманцевъ знавалъ его еще ребенкомъ и въ послѣдніе годы, какъ жилъ въ Петербургѣ, постоянно приглашалъ его къ себѣ, находилъ его умненькимъ и даже по-своему интереснымъ, только уже слишкомъ старымъ для своихъ лѣтъ.

— Такъ съ медалью, Петюня? — спросилъ онъ его, сдѣлавъ шутливый жестъ головой.

— Какъ же, графъ.

— И уже на государственной службѣ?

— Нѣтъ еще... Маман желаетъ, чтобы я съ годъ поѣздилъ. Вотъ въ посту собираюсь.

— Куда же?

— Сначала къ маман, въ Санъ-Ремо, потомъ въ Германію... послушать лекціи... въ Парижъ. Можетъ быть и въ Англию проѣду.

— Ему прямая дорога — dans la chancellerie, — выговорила княгиня, разумѣя подъ этимъ словомъ дипломатію.

И ея холодные желтоватые глаза подъ жидкими бровями остановили на Таманцевѣ значительный взглядъ, какъ бы говоря ему:

„А ты, сударь, безъ всякаго толка выскочилъ со службы. Могъ бы уже быть камеръ-юнкеромъ и attaché!.. Все глупое озорство, все игра въ красные“.

Этотъ взглядъ Таманцевъ давно зналъ. Иначе она и не можетъ думать, какъ такъ. Хорошо ужъ и то, что она избавляетъ его отъ своихъ выговоровъ. Кажется, теперь она „дарить“ его полнѣйшимъ презрѣніемъ.

„И на здоровье!“

Въ гостиной разомъ раздался звонкій и быстрый раскатъ французскаго разговора. Таманцевъ сдѣлалъ замѣтное движеніе. Онъ узналъ голосъ княжны Кэтъ, болѣе мягкій и низкій, въ перемену съ такимъ же молодымъ, но выше и рѣзче, съ постоянной картавостью. И его онъ когда-то и гдѣ-то слышалъ; но не могъ сразу узнать.

Онъ быстро всталъ съ мѣста.

II.

— Вамъ не сидится, monsieur André. Идите къ ней! — сказала княгиня, и ея безцвѣтные глаза насмѣшливо улыбнулись.

Петя Долговъ взглянулъ на него изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

„И эта институтка туда же!“ — воскликнулъ про себя Таманцевъ; но все-таки вышелъ въ гостиную.

Кэтъ стояла къ свѣту, облокотась о піанино. Всю ее онъ увидалъ разомъ; одну ее и замѣтилъ сначала. Ея гостью онъ только слышалъ.

Ему показалось, что она поменьше ростомъ. Такъ всегда бываетъ, когда дѣлаешься старше, или послѣ большого промежутка времени. Нѣтъ, она все такая же высокая, стройная, необыкновенно гибкая въ талии. И все такъ же прямо, но не жество держитъ свое худощавое, изящное тѣло. Прическа другая, безъ взбитыхъ волосъ на головѣ, съ гладкими прядями — и это ее очень краситъ. Волосы какъ будто стали потемнѣе. И свѣтлая полоса у праваго уха. Лицо блѣдно, съ прозрачной кожей. Тотъ же тонкій носъ съ удлинненными ноздрями, которыми она чуть-чуть всегда вздрагиваетъ при разговорѣ. Брови, гуще и посвѣтлѣе волосы, лежатъ двумя кистями и также нервны. Длинные глаза — сѣроголубые, измѣнчивые, иногда строгіе, чаще вызывающіе — въ

ту минуту смотрѣли по направленію въ окну, откуда падалъ свѣтъ — для петербургской осени еще довольно яркій отблескъ красноватаго заката.

На Кэтъ было суковное свѣтло-гороховое платье, съ баской и пышными рукавами англійскаго покроя. Что-то во всей посадкѣ этой двадцатичетырехлѣтней дѣвушки было законченное, говорившее о личности. Но какой?..

Таманцевъ не могъ обманывать себя—встрѣча съ Кэтъ волновала его и онъ такъ бы хотѣлъ поздороваться съ ней по старому, увести ее вонъ въ тотъ уголь, за низкія ширмы, гдѣ у нихъ столько бывало разговоровъ, гдѣ произошла и большая размолвка — незадолго до отъѣзда. Послѣ того между ними что-то оборвалось

Но гостя только-что пріѣхала и въ эту минуту она завладѣла княжной.

Узналъ онъ сейчасъ и гостю. Это—Лили Фризентъ—дрянная бабенка, вся изломавшаяся по Парижамъ и Біаррицамъ, съ раздражительной картавой болтовней вокотокъ и актрисъ, намазанная, выкрашенная въ рыжую; держащая при себѣ дурака мужа, которому платитъ для отвода глазъ столько-то въ мѣсяць. Все это мигомъ у него пронеслось въ головѣ, и сердце сжалось оттого, что именно эта „Лилишка“ стала между нимъ и Кэтъ, и онъ — точно двѣ подруги, хотя та на десять лѣтъ старше.

— Ah! Comte! — первая замѣтила его Лили и, повернувшись къ нему грудью, въ дерзкой пляскѣ съ перьями на головѣ, протянула руку въ длинной перчаткѣ съ крагами.

— Графъ! — по-русски встрѣтила его Кэтъ, и ея станъ поколебался. Она сдѣлала къ нему два шага, глаза ея блеснули; но ротъ, маленькій и красивый, съ свѣжими губами, не раскрылся въ радостную улыбку. Это было первое движеніе. Тотчасъ же она какъ бы сама себя поправила и, протягивая ему руку, сказала: — Вотъ неожиданно! Sans crier gare!

Она это сказала въ сторону Лили. Съ графомъ она говорила больше по-русски: онъ не любилъ, когда она „французитъ“.

Непріятная ему гостя, охорашиваясь и глядя бокомъ въ одно изъ большихъ зеркалъ гостиной, зачастила своимъ картавымъ голосомъ, бросая фразы:

— Vous me devez ça, Kate. Vous serez si bien dans ce ballet! Et Louchkoff, en mignon du roi Henri III... avec une touffe de cheveux sous la toque, poussée en arrière...

И она своими подвижными пальцами стала показывать, какъ

шпачка будетъ сидѣть на головѣ того, кто долженъ танцовать въ костюмѣ „миньона“ короля Генриха III.

„Лушковъ! Лушковъ!“ — повторилъ мысленно Таманцовъ. Звукъ ему знакомъ. Да и видалъ онъ этого Лушкова, и какъ разъ здѣсь — въ домѣ княгини. Фатишка! Ему только бы и представлять „миньоновъ“ Генриха III. Неужели Кэтъ будетъ танцовать съ нимъ въ костюмѣ? Это еще что?”

Ему нестерпимо захотѣлось оборвать эту „Лилишку“ съ ея грескотней; но она точно сама догадалась, передернувъ плечами, кивнула имъ обоимъ своей громадной шляпкой и проговорила:

— Je fais ma cour à la princesse et je reviens. Sauvez à loisir!

Они остались вдвоемъ. Кэтъ немного порозовѣла въ щекахъ и все еще стояла у пѣанино.

Таманцовъ опять протянулъ ей руку.

— Вы, кажется, не рады вашему старому пріятелю? — выговорилъ онъ почти смущенно.

И, не выпуская ея руки, онъ подвелъ ее къ той самой кошеткѣ, около ширмъ, гдѣ они и ладили, и не ладили.

— Нѣтъ, графъ, я вамъ очень рада.

— И Софья говоритъ въ „Горе отъ ума“, помните: „Ахъ, Чацкий, я вамъ очень рада!“! И съ тавой же точно интонаціей.

— Не знаю.

Кэтъ опустила рѣсницы и высвободила свою прозрачную длинную руку.

Это движеніе холодкомъ повѣяло на него.

— Неужели не больше?

— Чтѣ?

— Рады мнѣ?

— Немного отвыкла отъ васъ, графъ.

— Не зовите меня графомъ. Отчего же не André... Какъ прежде? Ну, хоть monsieur André?..

— Извольте.

Она произносила по-русски медленнѣе, чѣмъ по-французски, и съ манерностью, какой онъ прежде не замѣчалъ въ ней.

— Вы давно дружите... съ этой Лили? — вполголоса спросилъ онъ и повелъ своимъ выразительнымъ ртомъ.

— Мы давно хороши.

— Я что-то не помню... княжна, — прибавилъ онъ шутливо.

Такъ церемонно онъ не звалъ ее тоже очень давно. Она даже не замѣтила этого отгѣнѣа.

Внутри у него зажглось почти болѣзненное чувство близости

въ этой дѣвушкѣ съ ея особенной привлекательностью во всемъ существѣ. Взять бы ее за обѣ руки, привлечь къ себѣ, заговорить какъ съ той Кэтъ, которую онъ зналъ, когда она была еще подростокъ, и онъ поправлялъ ей переводы и задачи. Это было за границей, подъ голубымъ небомъ, въ саду, гдѣ пальмы и маньоліи наклонялись надъ террасой. И еще двухъ лѣтъ нѣтъ, какъ у нихъ были лады. Но потомъ пошло хуже. И когда его потянуло туда, гдѣ голодали, и впервые заговорила въ немъ связь съ людьми—онъ не отдѣлялъ своего чувства въ этой дѣвушкѣ отъ того, что его погнало изъ Петербурга.

— Вы такъ тамъ засидѣлись,—выговорила Кэтъ съ неопредѣленной усмѣшкой.—И что же вы сдѣлали?..

Она искала выраженій—точно она говорила на чужомъ языкѣ. Прежде у ней не было этого. Да и вообще изъ-за прежней Кэтъ выглядывала другая—и похожая на прежнюю, и совсѣмъ какъ бы чуждая ему.

— Ничего особеннаго не сдѣлалъ,—отвѣтилъ онъ не такимъ тономъ, какъ бы ему хотѣлось.

— Теперь тамъ есть хлѣбъ?

— Какъ сказать!!

У него вырвалась фраза, привезенная изъ уѣзда.

Кэтъ поглядѣла на него немного удивленно, и у ней вырвалось тихое восклицаніе:

— A la bonne heure!

— Почему же?

— Ахъ, Боже мой! Здѣсь такъ это прискучило. Только и разговоръ, что о бѣдномъ мужикѣ. И безъ того не знаешь куда дѣться отъ благотворительности.

Кэтъ произнесла слово „благотворительность“ раздѣльно, по слогамъ и съ явной ироніей.

— Что же въ этомъ особенно дурного?—спросилъ Таманцевъ.
— Все лучше, чѣмъ такъ...

И онъ сдѣлалъ жестъ рукой.

— Ah! C'est assomant!—рѣзче проговорила Кэтъ.—Это надо бы просто запретить.

Она засмѣялась. Ея смѣхъ, звонкій и раздѣльный, пробѣжалъ по его нервамъ непріятной струей.

— А что же такое устраиваетъ та барыня?

Таманцевъ, не скрывая пренебрежительной мины, повернулъ голову въ сторону гостининой.

— Лили?

— Да, Лили.

— C'est un spectacle... mixte.

— Что же... вы танцовать будете въ костюмахъ? И на сценѣ?

— Да,—протянула Кэтъ какъ бы нѣхота.

— Что же это такое?

— Un petit ballet.

— Какъ... цѣлый балетъ? Неужели въ трио?

— Naturellement.

— Вотъ это мило! Впрочемъ, что же это я?! Вѣдь въ Парижѣ давно свѣтскіе молодые люди рядятся въ клоуновъ и даже въ танцовщицъ. Можетъ быть, и этотъ... какъ его... Лушковъ, о комъ говорила ваша Лили... тоже будетъ въ трио танцовщицы плясать на канатѣ?

Фраза вышла у него напряженной, въ рѣзковатомъ тонѣ. Кэтъ сидѣла къ нему въ полоборота и рѣсницы ея были полуопущены.

— Вы стали очень...—она искала слова.

— Непріятель?—подсказалъ Таманцевъ.

— Encore plus rouge qu'il y a un temps,—сказала Кэтъ и поднялась.—C'est pas une raison pour être si cassant que cela.

III.

Завязкали шпоры изъ передней, и тяжелые шаги мѣрно стали опускаться на коверъ гостиной.

Кэтъ остановилась и поглядѣла туда.

Обернулся и Таманцевъ.

Появленіе генерала Дергунова—его родного дяди—не обрадовало Таманцева, особенно въ эту минуту. Генераль, грузно ступая по ковру, покачивался на ходу, плечистый, съ щеткой сѣдыхъ волосъ и нафабранными усами, въ сюртукъ и погонахъ.

— А! Любезный другъ!—гнѣвнымъ, хриповатымъ басомъ осликнулъ онъ его, прежде чѣмъ остановился.—Давно ли?

— Только вчера, дядюшка.

Они обнялись и поцѣловались, и Таманцевъ почувствовалъ на своей щекѣ прикосновеніе жесткаго и длиннаго уса.

— Надолго?

— Какъ поживется.

— Къ себѣ вѣхалъ?

Генераль спрашивалъ безъ паузъ, не дожидаясь отвѣтовъ, все тѣмъ же басовымъ медленнымъ тѣмбромъ.

И, проговоривъ послѣднюю фразу, онъ подошелъ къ Кэтъ, взявъ ее за руку и поднесъ къ губамъ.

— *Très chic, cette toilette!* Кто шилъ? Чернышевъ?

— Non, général. C'est un costume de chez Redfern.

— *Très chic!*—повторилъ генераль и подмигнулъ однимъ изъ своихъ круглыхъ, совсѣмъ черныхъ глазъ, еще очень блестящихъ для его возраста. Ему пошелъ шестьдесятъ-пятый.

Изъ угловой показалась Лили Фризенъ и засыпала своими картавыми и частыми фразами. Генераль и у ней два раза поцѣловалъ руку, передъ тѣмъ, какъ перейти въ угловую.

Таманцевъ ничего не сказалъ Кэтъ. Ея послѣднія слова заронили въ него новую горечь. Оставаться въ гостиной, опять при этой противной „Лилишкѣ“, онъ не пожелалъ и прошелъ къ старухѣ, вслѣдъ за дядей, съ желаніемъ сейчасъ же откланяться княгинѣ.

— Каковъ чудакъ—нашъ графъ Андрей Павловичъ!

Генераль похлопалъ его по плечу, садясь около княгини. Таманцевъ остался ближе къ дверямъ, въ позѣ человѣка, собирающагося откланяться. Петя Долговъ тоже приподнялся, какъ бы желая уступить ему мѣсто.

— Фантастъ!—сказала княгиня все съ тѣмъ же выраженіемъ полунасмѣшки.—Фантастъ!

— Именно.

Наклонившись къ старухѣ, Дергуновъ поцѣловалъ и у ней руку, и выговорилъ вслѣдъ затѣмъ, откинувъ голову въ сторону племянника:

— Да-съ! Есть грѣшокъ! И съ тѣмъ ты, любезный другъ, пожаловалъ къ намъ изъ твоей маестности?

— Объ этомъ долго рассказывать, генераль.

Таманцевъ иногда звалъ дядю „генераль“, когда тотъ начиналъ свои обычные „рацеи“.

— Да и рассказывать-то, голубчикъ, нечего. Изволилъ провармливать цѣлую волость. Знаю! Писали мнѣ. И пустошь, кажется, заложилъ?

Дядя что-то давно не былъ съ нимъ такъ безцеремоненъ. И присутствіе Пети Долгова дѣлало это еще непріятнѣе. Съ глазу на глазъ онъ бы сейчасъ же осадилъ генерала; но въ первый визитъ княгинѣ Таманцевъ не сталъ начинать спора.

— А здѣсь, милый мой, твои сверстники какъ идутъ въ гору! Первый—Овчининъ. Вѣдь онъ съ тобой въ школъ былъ?

— Овчининъ... *le mari de Marie Wolotskoï!*.. *Certainement!*

—подтвердила княгиня съ бивомъ головы.

— Онъ старше меня.

— Однако, ты съ нимъ, кажется, на „ты“, любезный другъ?— замѣтилъ генераль и продолжалъ, обращаясь къ старухѣ:— удивительно они нынче махаютъ! Секретарекъ, дѣлопроизводитель— и, глядишь, въ сановники пролѣзетъ въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ. Нынче всякій можетъ мечтать изъ капраловъ въ маршалы попасть. Вотъ и вы, молодой человекъ,—генераль повернулся къ Петѣ Долгову,—можете мечтать о томъ же.

— Un vrai steerple-chase, — сказала княгиня. — Овчининъ еще хорошей фамилии, а то Богъ знаетъ какой народъ получаетъ такіа назначенія!

— Да,—оттянуль Дергуновъ.—И ты,—обернулся онъ опять къ племяннику:—могъ бы не хуже другихъ.

— Фантастъ!

Слово княгини, повторенное ею въ пятый разъ, заставило Таманцева громко выговорить отъ двери:

— Имѣю честь кланяться, княгиня. Дядюшка, до свиданія. Петя... зайди какъ-нибудь ко мнѣ.

Онъ вышелъ быстро изъ угловой, спасаясь отъ дальнѣйшихъ наставленій дяди и старухи-княгини. И прежде онъ съ трудомъ выносилъ ихъ; но теперь оба они—ихъ тонъ, весь складъ ихъ барства, раздражали его гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ могъ бы ожидать.

Ему хотѣлось бы остаться еще разъ съ Кэтъ. Уходить подъ такимъ впечатлѣніемъ было бы слишкомъ горько.

Все та же „Лилишка“ торчала тутъ, и между ними шла все та же болтовня о балетѣ, въ которомъ Кэтъ должна была участвовать.

Въ одно время съ нимъ, но изъ передней, въ гостиную вошелъ новый гость—Лушковъ, не менѣе ему противный, чѣмъ Лили Фризенъ.

Они едва кланялись другъ другу, и въ этомъ „сноббъ“ Таманцевъ видѣлъ что-то особенно изломанное и нахальное. Онъ зналъ, что Лушковъ давно считается блестящимъ кавалеромъ самыхъ важныхъ особъ. Его французское „bagout“, умѣнье смѣшнить, говорить каламбуры, играть на сценѣ, устраивать шарады—считались „внѣ конкурса“.

Лушковъ былъ строенъ, хорошаго роста, блондинъ, бритый, съ усами, растрепанными вверху и съ четырьмя колечками на узкомъ лбу—эти колечки сейчасъ же бросились въ глаза Таманцеву; одѣтъ онъ былъ въ синюю визитку-полуфракъ. Его шея уходила въ модный черный галстухъ, на манеръ такихъ, какіе

носили въ царствованіе Людовика-Филиппа, съ кончиками воротниковъ. Плечи падали закругленно и женоподобно. Въ самой походѣ сквозила его изломанность.

Таманцевъ слыхалъ, что этотъ Лущковъ живетъ Богъ знаетъ на какія средства, держитъ лошадей, играетъ въ яхтъ-клубъ, дѣлаетъ подарки французскимъ актрисамъ.

Онъ встрѣчалъ его и въ домѣ княгини, но очень рѣдко. А тутъ по первымъ его приемамъ было видно, что онъ теперь habitué этого дома—съ Лили онъ давно дружилъ—и тонъ его съ обѣими дамами, навѣрно, „амикошонный“—выразился про себя Таманцевъ, подходя къ нимъ.

Съ Лущковымъ они обмѣнялись рукопожатіемъ. Тотъ улыбнулся ему довольно фамиллярно, и въ его мутно-голубыхъ развратныхъ глазахъ мелькнулъ безцеремонный вопросъ:

„Qu'est-ce qu'il nous veut, ce quidam?“

И, не обращая на него никакого вниманія, Лущковъ заговорилъ по-французски съ легкой шепелявостью, пѣвуче и быстро, подражая актеру Андриѣ—точно будто они втроемъ въ гостиной предаются интимной болтовнѣ.

— Mon costume sera ravissant!

Онъ началъ во всѣхъ деталяхъ описывать свой костюмъ, цвѣтъ бархата, отдѣлку, шапочку, перья; какія именно кружева вокругъ шеи, на груди, на панталонахъ. Лили стала просить его, чтобы онъ занялся и ея костюмомъ. Кэтъ оживилась. Въ глазахъ ея показался блескъ, она выпрямила свой бюстъ, и ноздри ея нервно вздрагивали.

Лили сѣла къ піанино и заиграла какой-то старинный французскій танецъ. Это былъ тотъ „rigodon“, который Кэтъ должна была танцевать въ балетѣ, въ одной парѣ съ Лущковымъ.

— C'est ça! C'est ça!—вскричалъ Лущковъ, откинувъ назадъ голову, и вывернулъ правую руку, становясь въ позицію.

— Такъ это правда, вы поступили въ кордебалетъ?—спросилъ Таманцевъ, подходя проститься съ Кэтъ.

— Правда. Вы возмущены, графъ?

— Завести свой циркъ еще курьезнѣе, — отвѣтилъ онъ, чувствуя, какъ кровь прилила къ его щекамъ.

Лущковъ взялъ Кэтъ за руку, и они оба стали въ позицію. Таманцевъ быстро вышелъ изъ гостиной.

IV.

Снѣжная пурга крутила передъ окнами низковатаго кабинета, гдѣ Таманцевъ сидѣлъ у письменнаго стола и просматривалъ какія-то бумаги.

Шелъ двѣнадцатый часъ, а свѣту не было, и онъ съ трудомъ разбиралъ крупный писарскій почеркъ бумагъ. Опять этотъ Петербургъ съ его несноснымъ удручающимъ климатомъ! Даже свѣтъ не даетъ благаго оттѣнка мглѣ, а желтовато-сѣрый.

И такъ ему было неуютно въ этой сырой, просторной комнатѣ, съ овальнымъ потолкомъ, гдѣ все стояло хмурое и темное: шкапъ съ книгами, большіе диваны, кресла съ рѣзными высокими спинками. Въ каминѣ потрескивалъ кокъсъ; но ему было зябко. Онъ привыкъ къ свѣту, къ широкимъ окнамъ безъ занавѣсей своего деревенскаго дома.

Здѣсь его квартира стояла пустой, съ отъѣзда, въ его собственномъ домѣ. Она помѣщалась внизу. Въ остальныхъ двухъ этажахъ всѣ квартиры были заняты.

Три года назадъ еще была жива его мать и занимала весь бель-этажъ. Тогда онъ безпрестанно поднимался къ ней, съ ней обѣдалъ и часто проводилъ вечеръ. Потомъ повезъ за границу. Тамъ она и скончалась. Съ тѣхъ поръ онъ — круглый сирота.

Такъ же, какъ и Кэтъ Брянская.

Сегодня, только-что онъ проснулся, весь вчерашній визитъ въ домъ княгини Брянской прошелъ передъ нимъ. И всего обиднѣе дѣлалось ему отъ того, съ чѣмъ онъ ушелъ изъ гостиной, когда подъ бряцанье „презрѣнной Лилишки“ Кэтъ и Лущковъ становились въ танцмейстерскую позицію.

Этотъ, не менѣе „презрѣнный“ для него, Лущковъ такъ и метался ему въ глаза съ его четырьмя городками на лбу и взерошенными усами, женоподобнымъ складомъ его бедръ, противной манерностью всѣхъ движеній. И Кэтъ будетъ танцовать съ нимъ въ балетѣ! Ей это нравится, тѣшить ея тщеславіе. Помните: вѣдь Лущковъ — пріятель самыхъ важныхъ особъ. Онѣ безъ него не выбираютъ себѣ даже туалетовъ. Его приглашаютъ на интимные ужины и пивники. Никто такъ не играетъ во французскихъ фарсахъ, никто такъ не рассказываетъ разныхъ „кошностей“.

Чтобы страхнуть съ себя напль въ горькихъ и раздражающихъ чувствъ, онъ, наскоро напившись чаю, сѣлъ разбирать бумаги, привезенныя изъ деревни.

Зачѣмъ вернулся онъ въ Петербургъ?—спрашивалъ онъ себя.—Развѣ затѣлъ только, чтобъ увлекаться той самой Кэтъ, съ которой онъ пересталъ переписываться по собственному желанію, потому что увидѣлъ по ея письмамъ, что изъ нея выходитъ?

Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ пастелью княжны, когда ей только-что минуло семнадцать лѣтъ. Какая она—на немъ—прозрачная и тонкая, съ волосами, распущенными по-англійски, въ полуоткрытыхъ рукавахъ, съ этими вибрирующими ноздрами и блестящими точками глазъ сѣвовой густыя рѣсницы.

Его мать пожелала имѣть ея портретъ, и послѣ ея смерти онъ перешелъ къ нему, внизъ.

Но той Кэтъ онъ больше не найдетъ. Его вина или не его, что она превратилась въ партнерку по балету господина Лушкова, но съ нимъ ей тошно, она встрѣтила его сухо и фальшиво, она не понимаетъ, зачѣмъ онъ такъ долго оставался съ мужиками, ей чуждо все то, что онъ тамъ испыталъ и передумалъ, съ чѣмъ, наконецъ, явился сюда, съ какимъ чувствомъ къ тому „мѣнду“, гдѣ она плаваетъ, какъ рыба въ водѣ.

Но какъ онъ ни старался уходить въ перечитываніе большой докладной записки, на душѣ у него щемило, и память сердца будила цѣлый рядъ сценъ изъ того времени, когда они ладилъ съ Кэтъ.

Ихъ первая, болѣе крупная, размолвка вышла незадолго до его отъѣзда въ деревню.

Они говорили о его покойной матери. И вдругъ Кэтъ такъ насмѣшливо посмотрѣла на него своими продолговатыми глазами и замѣтила по-французски:

— Наши отцы и матери—у всѣхъ были исторіи! И кто виновать—не разберешь.

Онъ обидѣлся за мать. Она на это сказала про него, что онъ напускаетъ на себя фальшивый тонъ, что все это—„du bleu“, что нужна „правда“ и прежде всего правда, „какова бы она ни была“.

И очень развязно, почти злобно, начала по косточкамъ разбирать жизнь своихъ родителей. Тѣ, по крайней мѣрѣ, не играли комедіи передъ свѣтомъ, а разошлись, и только изрѣдка отецъ пріѣзжалъ къ нимъ за границу. У него были „метрѣски“—она такъ и выразилась уже по-русски—а шамапъ была тоже очень боветлива, хотя больше, кажется, „платонически“.

Онъ остановилъ ее, и очень рѣзко, хотѣлъ пристыдить, но Кэтъ взяла совсѣмъ другой тонъ—такъ гордо и авторитетно объявила ему, что она въ правѣ имѣть свои мнѣнія и не желаетъ

вовсе впадать „въ банальную чувствительность“. У нихъ вышла настоящая скватка... Первый протянулъ руку онъ—и этого не слѣдовало дѣлать. Изъ деревни опять онъ, первый, началъ писать ей и слишкомъ долго танулъ эту переписку—игралъ роль мальчика-энтузіаста, надъ которымъ бывала дѣвица „конца вѣка“ подсмѣивалась. Правда, онъ самъ прекратилъ переписку, и сдѣлалъ это неумно, обрѣзалъ безъ всякаго явнаго повода.

Таманцевъ позвонилъ и велѣлъ подать лампу—мгла еще ступилась. Когда человекъ поставилъ лампу на письменный столъ, онъ принялся опять съизнова перечитывать докладную записку.

Не Петербургъ, не свѣтъ, не та раздражающая и уже изломанная дѣвушка—его дѣло, а вотъ эта волюсть—съ селомъ Мураженно,—добивающаяся столько лѣтъ своихъ правъ на землю. Онъ самъ вызвался хлопотать за нее вездѣ, гдѣ нужно. А изъ-за этой волюсти надвигается на него весь уѣздъ, а дальше и губернія, и вся великорусская земля, и народная „голытьба“. Она встряхнула его, когда всегдашняя тягота превратилась вдругъ въ преддверіе настоящей голодной смерти для цѣлаго края. Теперь онъ позналъ, что такое та „почва“, безъ которой ничто не могло бы держаться.

Чѣмъ скорѣе направить онъ мужицкое дѣло, требующее усиленныхъ хлопотъ, тѣмъ скорѣе и вернется туда, на землю. Здѣсь ему больше нечего торчать.

Но чтобы быть хорошимъ „ходокомъ“, нужна бодрость, вѣра въ то, что вся-то машина дѣйствуетъ.

И въ головѣ его развертывается разговоръ, бывшій не дальше, какъ вчера, послѣ визита въ домъ княгини Брянской.

Пріятель его покойной матери, теперь только на почетномъ посту, еще недавно занимавшій отвѣтственное мѣсто, остался вѣренъ лучшимъ традиціямъ „эпохи реформъ“. Таманцевъ ему вѣрилъ, любилъ бесѣдовать съ нимъ и изъ деревни нѣсколько разъ писалъ ему.

Вчера онъ нашелъ въ этомъ, теперь оставленномъ почти не у дѣлъ, сановникѣ—человѣка, способнаго безпоощадно оцѣнить „моментъ“. Полилась его складная теплая рѣчь, полная фактовъ и сближеній, гдѣ внутренняя горечь оваряла еще ярче картину того, что онъ—графъ Таманцевъ—найдетъ въ томъ Петербургѣ, который задаетъ тонъ.

Руки опускаются, если оно именно такъ! И не можетъ быть, чтобы въ этомъ честномъ и убѣжденномъ человѣкѣ говорило только личное честолюбіе, обида за то, что его слишкомъ рано сдали на покой?

Но вѣдь самъ онъ— „ходовъ“ за крестьянъ; нынче мужикъ въ ходу; во имя его блага—волей-неволей—принимаются мѣры. Если мужикъ совсѣмъ захирѣетъ—и всей машинѣ надо будетъ вринуть: „стопъ!“

Прежде всего—сегодня онъ это чувствовалъ искренно и смѣло—надо забыть свои сантиментальныя тревоги. Вѣдь жилъ же онъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, не имѣя никакихъ извѣстій о княжнѣ? Она могла за это время умереть. И онъ ни разу не спросилъ о ней ни у одного петербургскаго знакомаго. Стало быть, въ немъ не было настоящей привязанности къ этой дѣвушкѣ. Съ какой же стати теперь возобновлять унизительное ухаживанье?

Съ какой стати? Вопросъ застылъ у него на душѣ. Онъ медлил дать на него логическій, безповоротный отвѣтъ.

Въ передней глухо раздался звонокъ. Онъ забылъ распорядиться съ утра насчетъ приема. О его прїѣздѣ никто почти изъ знакомыхъ не можетъ еще знать.

Его человѣкъ—Лаврентій, жившій съ нимъ въ деревнѣ и обросшій тамъ бородой,—повазался въ дверяхъ и доложилъ съ добродушной усмѣшкой своихъ толстыхъ губъ:

— Долговъ... молодой баринъ.

— Прси!

Таманцевъ поднялся съ мѣста. Приходъ Петюни сразу возбудилъ его.

Не присланъ ли онъ отъ Брянскихъ? вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ проскользнуло по душѣ Таманцева желаніе поразспросить Долгова о Кэтъ.

Онъ подавилъ въ себѣ это желаніе и сообразилъ, что ему некогда терять время съ Петюней: онъ собирался по дѣлу къ тому Овчинину, которымъ его дразнила вчера внягина съ генераломъ Дергуновымъ; а сначала—къ дядѣ.

V.

— А! Петюня! Входи, входи. Очень радъ!

— Я вамъ не помѣшалъ, графъ? Я—на минутку. Принесъ вамъ поклонъ отъ шатап. Сегодня утромъ получилъ письмо.

Долговъ,—все такъ же старательно причесанный, какъ вчера, но уже въ синей двубортной жакеткѣ,—протиралъ себѣ глаза шоловымъ цвѣтнымъ платочкомъ.

— Вотъ погода!—выговорилъ онъ совсѣмъ какъ милый, воспитанный мальчикъ.

— Хочешь согрѣться? Водку пьешь?—спрашивалъ Таманцевъ.

— Нѣтъ. Я не пью. Благодарю васъ. Я пилъ кофе.

Онъ присѣлъ къ столу, пожавъ руку Таманцева. Рука у него была чрезвычайно красива. И все на немъ такъ аккуратно сидѣло. Такихъ воспитанныхъ и чистенькихъ молодыхъ людей Таманцевъ давно не встрѣчалъ.

— Ты съ кѣмъ же живешь теперь, Петюня? У тети?

— Одинъ.

— Въ гарни?

— Да, въ Малой Морской.

— И маман твоя согласилась?

— Конечно,—отвѣтилъ Долговъ.—Маман давно не беспокоится насчетъ меня.

Таманцевъ подвинулся къ Долгову и взялъ его за оба плеча.

— Очень ужъ ты... какъ бы это сказать— „иррепрошабеленъ“!

Долговъ началъ краснѣть.

— Будто... графъ?

— Да ужъ повѣрь. Довольно и того, что тебя одобряетъ княгиня Елена Петровна.

Слово „одобряетъ“, которое онъ сейчасъ употребилъ, заставило Таманцева подумать тотчасъ же:

„Какъ я пропахъ однако провинціей!“

Въ самыхъ переливахъ голоса онъ подмѣтилъ въ себѣ что-то не петербургское, не барское. Долговъ произносилъ, сравнительно съ нимъ, точно съ какимъ-то особеннымъ акцентомъ.

— Одобряетъ,—повторилъ Петя не безъ ироніи.

— Ну, а княжна?

Вопросъ вылетѣлъ у Таманцева точно противъ воли.

— Княжна,—Петя бокомъ посмотрѣлъ на графа:—княжна даритъ мнѣ—нуль вниманія.

— Что же такъ?

— Я для нея—un tiocche, un bébé. Да и въ самомъ дѣлѣ, а ей не по лѣтамъ.

— Петюня! Вѣдь ты это злобно сказалъ? А?

— Нисколько. Княжнѣ—вамъ это, графъ, прекрасно извѣстно—пошелъ уже двадцать-пятый, а мнѣ всего двадцать-одинъ. Разница для барышни не мала!

Чувствовалось, что и у Пети были какіе-то счеты съ княжной. Таманцевъ подсѣлъ къ нему и, положивъ ему руку на плечо, спросилъ шутивно:

— Должно быть мы осѣвлились немножко?

Онъ что-то такое вспоминалъ.

— Что жъ!—заговорилъ Петя серьезно и сдержанно, съ поворотомъ головы настоящей институтки.—Что жъ! Княжна Кэтъ можетъ нравиться. Но я прежде, годъ тому назадъ, не могъ еще разсмотрѣть ее, какъ теперь.

— А теперь, небось, разсмотрѣлъ, Петюня?—спросилъ Таманцевъ, и внутри его что-то опять заиграло, и жуткое, и теплое.

— Княжна—слишкомъ личность!—вѣско выговорилъ Долговъ, и его лично приняло забавно серьезное выраженіе.

— Ты такъ ее опредѣляешь? Это, пожалуй, и вѣрно.

— Слишкомъ личность!—повторилъ Долговъ.—А это—не мой идеалъ.

— Вотъ какъ!

— Конечно, не мой,—продолжалъ Петя и сталъ говорить мягче и быстрѣе.—Въ дѣвушкѣ первое—нѣжность и грація. У княжны есть, пожалуй, грація; больше—шикъ. А нѣжности и мягкости въ характерѣ—никакой. Да я до сихъ поръ и не знаю, графъ,—его хорошенькіе глаза блеснули—есть ли у ней сердце.

— Почему такъ?

Вопросъ вырвался у Таманцева почти горькой нотой. Ему стало досадно. Эта „институтка“ навѣрно кое-что догадывалась о его недавнихъ отношеніяхъ въ княжнѣ. Съ какою же стати выдавать себя?

Но его все-таки интересовало, какъ Петюня Долговъ оцѣнивалъ княжну. То, что онъ сейчасъ сказалъ, совсѣмъ не глупо и показывало, что онъ умѣетъ наблюдать и мекать себѣ на умъ.

И въ его тонѣ слышалась убѣжденность.

— Вы спрашиваете, графъ, почему?—выговорилъ Долговъ сдержаннымъ и болѣе дѣвическимъ голосомъ.—А потому, что я до сихъ поръ не могъ подмѣтить въ княжнѣ ничего такого... знаете... порыва, что-ли. Или даже и порыва не нужно. Чего-нибудь теплаго...

— Не такая натура!

— Можетъ быть. Я, графъ, не мало объ этомъ думалъ. Иногда мнѣ кажется, что княжна еще не встрѣтила того, кто ей поможетъ найти самоѣ себя. Умомъ она выше того, что около нея.

— Ты находишь?—заинтересованно вскричалъ Таманцевъ.

— О, да! Она не такая пустая, какъ, напримѣръ, ея теперешняя пріятельница Лили. Но та... какъ нынче говорятъ—ипе gratinée... Съ ней не скучно. Она не говоритъ ничего, что княжнѣ надоѣло. Всего больше княжна боится, кажется, банальности и чтобы ее не поймали на чемъ-нибудь сантиментальномъ.

„Да вѣдь это такъ. Ай да Петюня!“ — говорилъ про себя Таманцевъ.

— И знаете, графъ...

Долговъ остановился и опустилъ голову.

— Говори.

— Я, быть можетъ, не имѣю права.

— Что за нѣжности!

— Потому что это касается васъ.

— И прекрасно!

— Вы пожалуйста не подумайте, что я дѣлаю какіе-нибудь намеки...

— Да полно тебѣ ѣжиться, Петюня. Точно мамзель какая!

— Когда княжна еще не была такая, какъ теперь, съ ея тономъ... *goguenard*, — старательно произнесъ онъ сразу не давшея ему слово: — я ее спрашивалъ о васъ, графъ. Я предполагалъ, что вы въ перепискѣ.

— Ну и что-жь?

Волненіе Таманцева связывалось въ томъ, что онъ, то-и-дѣло, хѣнялъ позу, вставалъ, садился, отходилъ къ дивану.

— Такъ вы позволяете говорить совсѣмъ откровенно, графъ?

— Да не тани! Сдѣлай одолженіе!

— Вы вѣдь больше года жили въ деревнѣ?

— Да, цѣлыхъ полтора.

— Такъ вотъ, въ первое время послѣ вашего отъѣзда, бывало, спросишь княжну о васъ. Она, разумѣется, не станеть изливаться. Это не въ ея натурѣ... Да и съ какой стати со мной! — прибавилъ Петя не безъ язвы: — вѣдь я для нея мальчуганъ, студентикъ! Но въ тонѣ сейчасъ что-то такое слышно... болѣе простое... искреннее.

— Ну, а потомъ?

Вопросъ вылетѣлъ у Таманцева порывисто. Онъ опять присѣлъ къ Долгову и положилъ руку на его колѣно.

— Въ послѣднее время — ничего подобнаго. Какъ будто ей даже неприятно было. Или она скажетъ что-нибудь такое... нынѣшнее... не о васъ собственно... Я бы и не позволилъ себѣ. Это смахивало бы на сплетничество... А вообще... И когда старуха-княгиня за обѣдомъ пройдетъ насчетъ вашихъ красныхъ идей... вамъ вѣдь это извѣстно — княжнѣ это не то что неприятно, а такъ... ей все равно.

Петя просительнымъ жестомъ протянулъ руку къ Таманцеву и щеки его стали рововѣть.

— Только, ради Бога, графъ, вы не примите это за жела-

нѣ переносить соръ. Тутъ собственно—успокоилъ онъ себя—и нѣтъ ничего. Мы говоримъ о томъ, что такое княжна въ настоящій періодъ ея развитія.

Въ послѣдней фразѣ опять слышалась иронія.

— Она всей своей особой говоритъ: *je me fiche de vous tous*,—закончилъ Долговъ и поднялся.—И ей кажется рѣшительно все равно—какія личности около нея прыгаютъ. Съ кѣмъ ей повеселѣе, тѣ и правы. Вотъ хоть бы этотъ Лушковъ...

Красивый ротикъ Пети повела презрительная усмѣшка.

Таманцевъ подавилъ въ себѣ желаніе заставить Долгова говорить объ этой „фатальной“ фигурѣ, и, мѣняя тонъ съ болѣе серьезнаго на шутивый, онъ близко подошелъ къ нему и положилъ ему обѣ руки на плечи.

— А мы развѣ не влюблены въ этого самаго Лушкова, а? Петюня?

— Кто же это мы, графъ?

— Да хоть бы милѣйшій Петюньчикъ!

— Я? Съ какой стати?!

Щеки Долгова покрылись сразу густымъ румянцемъ.

— Я, кажется, не имѣю еще репутаціи этого господина?!

Онъ намекнулъ на что-то такое, чего Таманцевъ и не понялъ.

— А у кого, небось, есть страстное желаніе надѣть такой же стариковскій галстухъ, какъ у господина Лушкова... какъ бишь онъ называется?..

— *Cravate 1830!*..—сказалъ смущенно Долговъ.

— Вѣрно! Признавайся, Петюня, ты уже купилъ себѣ его у куафѣра? Я не выдамъ тебя.

— Честное слово!—совсѣмъ юно вскричалъ Долговъ.

— А покраснѣлъ зачѣмъ? Галстухъ тебѣ разрѣшаю; но если ты, въ моемъ присутствіи, появишься съ такими же волочками на лбу, какъ у этого барина, — предупреждаю тебя, что я ихъ растреплю, хотя бы это было въ большемъ обществѣ.

— Да никогда же! Сохрани Боже! чтобы я позволилъ себѣ такое фатовство!

— Ну, а насчетъ галстуха эпохи Луи-Филиппа зароба не даешь, Петюня, мой милый? Ха, ха!

Сильныя руки Таманцева трясли Долгова за плечи. Смѣхъ разносился по комнатамъ молодо и сильно; но въ немъ было что-то напряженное,—какъ будто Таманцевъ хотѣлъ отдѣлаться отъ чувства новой тревоги, вызванной осторожными несвромностями Долгова.

— Ну, теперь я тебя буду гнать, Петюня!—вскричалъ онъ.—
Мнѣ пора.

— Простите, графъ, и пожалуйста не подумайте...

— Да полно тебѣ! Ты все хочешь по одной досчечкѣ пройти.
Если ты господина Лушова такъ же хорошо понимаешь, какъ
князю, то воздержись отъ врендельковъ на лбу. Да и стариков-
скій галстухъ не пойдетъ къ тебѣ.

И Таманцевъ опять возбужденно разсмѣялся.

VI.

Генерала Дергунова Таманцевъ нашелъ въ той же квартирѣ,
въ первомъ этажѣ небольшого особняка, въ одной изъ улицъ,
выходящихъ на Литейную.

Туда дядя его переехалъ съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣлъ. Самъ
по себѣ богатый и бездѣтный, онъ получилъ еще отъ послѣдней
жены своей въ пожизненное пользованіе ея родовую вотчину.
Теперь онъ занимаетъ почетный постъ, дающій также крупный
окладъ.

Таманцевъ не мѣтилъ въ нему въ наслѣдники, развѣ генералъ
самъ оставитъ ему по завѣщанію. Онъ не былъ скупъ и врядъ
ли много откладывалъ отъ своего дохода. Племяннику извѣстно
было, что за нимъ водились слабости. Вѣроятно, у него есть и
въ настоящую минуту что-нибудь, стоящее ему не мало.

Дядя, любившій вообще игривые разговоры, всегда очень сдер-
жанъ насчетъ собственныхъ похощеній при встрѣчахъ съ пле-
мянникомъ.

Подъездъ квартиры генерала былъ отдѣльный—для него одного.
Таманцеву, позвонившему въ началѣ второго, отворилъ все тотъ
же довѣренный камердинеръ, уже сильно посѣдѣвшій, изъ быв-
шихъ деньщиковъ. Онъ продолжалъ носить деньщицкую форму.

— Авдѣй, здорово!

— Вашему сіятельству! — отвѣтилъ Авдѣй все тѣмъ же вы-
сокимъ солдатскимъ теноркомъ.

— Генералъ дома?

— Пожалуйста. Сейчасъ позавтракали.

Таманцевъ зналъ, что генералъ завтракаетъ непременно хо-
лоднымъ ростбифомъ и сыромъ, выпиваетъ рюмку воды и заку-
сываетъ соленымъ огурцомъ. Повара онъ не держалъ и обѣдалъ
или въ клубѣ, или въ гостяхъ.

Къ двумъ часамъ онъ также неизмѣнно садился въ дрожки или сани и возвращался только соснуть передъ обѣдомъ.

Генераль завтракалъ въ кабинетѣ, на ломберномъ столѣ, покрытомъ скатертью. Онъ уже перешелъ къ кушеткѣ, гдѣ только-что разсылся съ газетой въ рукахъ. На немъ было генеральское короткое пальто съ бѣлымъ жилетомъ, рейтузы безъ штрипокъ и сапоги безъ шнуръ, по домашнему.

Кабинетъ его, окнами на улицу, немного давилъ своимъ деревяннымъ рѣзнымъ потолкомъ и былъ весь уставленъ и увѣшанъ оружіемъ, вазами, бронзой, старыми картинами, перешедшими къ нему еще по наслѣдству. Но генераль не считалъ себя знаткомъ. Ему „полагалось“ имѣть такую именно обстановку. Онъ возилъ ее въ провинцію, когда служилъ губернаторомъ въ двухъ губерніяхъ.

Къ бывшему начальнику губерніи, болѣе чѣмъ къ близкому родному, Таманцевъ и поспѣшилъ сегодня же. Генераль управлялъ какъ разъ одной изъ тѣхъ губерній, откуда племянникъ его вернулся.

— Графъ Андрей Павловичъ, — доложилъ камердинеръ тономъ деньщика, всегда помниваго то время, когда они были вмѣстѣ съ бариномъ въ полку.

Около кушетки, гдѣ разсылся полулежа генераль, на столѣ стояла ваза съ папиросами, и когда Таманцевъ входилъ, онъ бралъ въ кучѣ и собирался закуривать.

— А! Фантастъ!

Генераль добродушно засмѣялся и показалъ прекрасную вставную челюсть. Онъ съ утра фабрилъ усы и прискался духами. Съдые его волосы торчали съ живописнымъ задоромъ.

— Вамъ понравилось это словечко княгини Елены Петровны? — сказалъ Таманцевъ и подсылъ къ кушеткѣ.

— Воужоу, шоп ами, воужоу! — обронилъ Дергуновъ, но руки ему не пожалъ — онъ этого не любилъ — и отложилъ только газету на конецъ кушетки.

— Можно, генераль, — заговорилъ полшутливо Таманцевъ, — отнять у васъ полчаса драгоценнаго времени?

— Можно, другъ, можно. Не извольте только иронизировать. Мое время для многихъ драгоценно. У меня на рукахъ цѣлыхъ пять тысячъ безродныхъ малолѣтковъ. А я могъ бы и почить на лаврахъ, какъ ты полагаешь?

Обыкновенно благодушный, особенно у себя въ кабинетѣ, генераль сегодня былъ нервень. „Вѣроятно, чѣмъ-нибудь огорчился по любовной части“, — подумалъ Таманцевъ.

— Положимъ, генераль...

— То-то. Въ чемъ же я могу быть для тебя годенъ?—спросилъ Дергуновъ, немного помягче. Ты вѣдь меня считаешь... такъ... un gamollі... съ твоимъ постояннымъ умничаньемъ... Вѣдь мы—и старые, и молодые—все идіоты передъ графомъ Андреемъ Павловичемъ.

— Полноте, дядюшка, я къ вамъ хочу обратиться по очень важному, для меня особенно дорогому дѣлу.

Лицо Таманцева сразу стало серьезнымъ.

Генераль подался къ нему и протянулъ руку, въ которой держалъ газету.

— Что это? Насчетъ чего? Хочешь заслатъ меня, что-ли?

— Куда заслатъ? — окликнулъ Таманцевъ.—Если хотите, и заслатъ.

— Пожалуй, другъ любезный. Только я тебѣ скажу: это плохое дѣло, когда мужчина твоихъ лѣтъ, красивый, съ именемъ и съ хорошимъ состояніемъ, и вдругъ засылаетъ окольнымъ путемъ.

— Вы, вѣжета, меня не такъ поняли, генераль,—возразилъ Таманцевъ.

— Весьма даже хорошо понимаю. Что жъ! Кэтъ—породистая дѣвица. У ней въ носу есть что-то дьявольски пикантное. И эти глаза... знаешь, какъ это сказать... По-французски—des yeux bridés... Взнузданные. А, ха, ха? Разрѣшаешь мнѣ слово? Только ты самъ виноватъ. Уѣхалъ отрыватъ столовья... и застрялъ чуть не на два года. Такъ, братецъ, нельзя... Qui va à la chasse...

— Дядюшка! Да вы Богъ знаетъ чтò!—безцеремонно остановилъ Таманцевъ.—Вы вообразили, что я хочу васъ заслатъ сватомъ къ княжнѣ... Ха, ха!

— А то что жъ? Ты началъ, милый мой, въ такомъ торжественномъ тонѣ.

— Нисколько! Я не думаю о рукѣ княжны. А еслибъ думалъ, то самъ бы переговорилъ съ ней.

— На здоровье!

Щеки генерала обидчиво вздрогнули. Онъ вытянулъ ноги на кушетку и громко перевелъ духъ.

— Я по дѣлу, близкому мнѣ, но не любовному, а просто по мужицкому... Вы были начальникомъ губерніи у насъ, очень недавно.

— Знаю, братецъ!

— И вы не откажетесь... направить меня къ кому слѣдуетъ.

Генераль вынулъ изъ кармана тяжелый хронометръ и, не открывая доски, прозвонилъ репетицію: три четверти второго.

— Это длинно?—спросилъ онъ, поморщившись.

— Въ двѣ минуты не изложишь.

— Однако въ двухъ словахъ: что же это такое?

— По земельному иску цѣлой волости съ казны и съ двухъ владѣльцевъ.

— Какой волости?

— Муражинской.

— Въ какомъ уѣздѣ?

— Вы должны помнить...

— Гдѣ же, братецъ, всѣхъ ихъ помнить?

— Въ Никандровскомъ уѣздѣ.

— Помню. Да они всегда были сутяжники. Мы тамъ, въ присутствіи, перестали и принимать отъ нихъ прошенія.

— Можеть быть! Но, по моему, ихъ дѣло—архиправое, и голодъ окончательно доканаль ихъ.

— Голодъ! Голодъ!—Дергуновъ завозился на кушеткѣ.—Во-первыхъ, *mon cher*, это слово теперь уже—избитое мѣсто. Оно не допускалось и въ первую зиму.

— Не допускалось! Это мило! Ха, ха!

— Да, не допускалось, говорю я тебѣ,—и совершенно основательно. Гдѣ же умирали съ голоду? Помощь явилась—и сейчасъ же. Мы не въ Англии, не въ Лондонѣ, гдѣ... какъ бишь... ихъ шерифъ, что-ли, торжественно заноситъ въ протоколъ, что какой-то мистеръ Фоксъ или Шлѣпсъ изволилъ скончаться отъ полнаго отсутствія пищи.

— Объ этомъ позвольте, дядюшка, не спорить въ настоящую минуту. Я представляю не вздорный, а настоящій интересъ.

— Да, что ты, въ „аблакаты“ что-ли записался? Стыдись, братецъ. Да у тебя, кажется, и правъ на это нѣтъ. Если ихъ дѣло правое, пускай ихъ и ищутъ законнымъ порядкомъ.

— Но на что они будутъ искать? Побойтесь Бога, генералъ!—вскричалъ Таманцевъ, и лицо его пошло пятнами.—Они ницѣ и имъ не подняться на ноги, даже если и урожай будетъ.

— Та, та, та! Мы это слышали. Нечего, милый мой, пѣть Лазаря за мужичка, когда только для него все и дѣлается. Порадуйся! Мужичкое царство! Дворяне, чиновники, военные, купцы— пусть справляются какъ хотятъ; а мужичковъ— особая статья! Да въ него десятки милліоновъ всаживаются, въ бездонную пропасть! *Laisse-moi tranquille avec ton socialisme!*

— При чемъ тутъ социализмъ?—вскричалъ Таманцевъ уже съ пылающими щеками.

— А то какъ же? Я былъ шесть лѣтъ начальникомъ двухъ

губерній, и, слава Богу, никто меня не ослабилъ ни извергомъ, ни гасильникомъ. Довольно и мы скорбѣли о мужикѣ. Но пора и честь знать.

— Честь знать! — подхватилъ Таманцевъ. — Да, вы правы; только такъ надо крикнуть не народу, а всѣмъ, кто здѣсь примостился ко всей этой камарильѣ, имя же ей не легионъ, а — тьма. Да-съ!

— Камарилья! — крикнулъ генераль, побагровѣвъ, и однимъ взмахомъ своего грузнаго тѣла поднялся. — Кто же это, смѣю спросить? И я также принадлежу къ ней?

— Я, генераль, не уполномоченъ разъяснить вамъ это.

Таманцевъ взялъ шапку и отошелъ къ двери.

— И прекрасно. Довольно, любезный. Мнѣ пора. Твоихъ глупостей не переслушаешь. Но дерзостей я не намѣренъ слушать. Камарилья! Ты бы сначала хоть полгода послужилъ, хоть козы-барabanщикомъ, а не такъ, какъ мы — тридцать лѣтъ, да и то еще не сданы въ запасъ. Такъ-то!

Дальнѣйшихъ возгласовъ дяди Таманцевъ не слышалъ изъ передней.

VII.

— Ты шагаешь... à pas de géant, — промолвилъ полушутливо Таманцевъ и пристально поглядѣлъ на своего собесѣдника.

Они сидѣли другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ большого письменнаго стола въ кабинетѣ казенной квартиры, освѣщенномъ всего одной лампой.

Виктора Степановича Овчинина Таманцевъ не видалъ болѣе трехъ лѣтъ. Тотъ былъ старше его лѣтъ на пять, и они учились въ одно время въ разныхъ классахъ. Овчининъ носилъ уже золотыя петлицы и шпагу, а Таманцевъ только-что перешелъ изъ подготовительнаго класса. Черезъ годъ мать взяла его съ собою за границу, гдѣ и прошли нѣсколько лѣтъ его отроческой жизни. Они остались на „ты“. Овчининъ кончилъ курсъ съ медалью и съ тѣхъ поръ неустанно идетъ въ гору.

На кандидата въ сановники онъ мало смахивалъ. И никогда онъ не отличался изяществомъ и представительностью: немного сутуловатый, коренастый, малаго роста, съ головой и прической мастерового, онъ не былъ нисколько похожъ на бывшаго воспитанника барскаго заведенія. Его свѣтлые волосы ерошились на лбу и на вискахъ, верхняя губа слегка выпятилась и бородой своею онъ мало занимался. Постоянно прищуренные сѣрые глаза смотрѣли твердо и точно спрашивали всегда о чемъ-то.

Онъ только-что снялъ вицмундиръ, со звѣздой, надѣлъ вестонъ, довольно подержанный, и опустился въ кресло, скрестивъ ноги съ широкими ступнями, обутыя въ сапоги съ голенищами.

У него была привычка, когда онъ курилъ, поднимать одну бровь и глазъ съ этой стороны закрывать. То же сдѣлалъ онъ и сейчасъ, закуривъ сигару.

Таманцевъ завернулъ къ нему въ дообѣденный часъ, предупредивъ его запиской. Овчининъ оставилъ его обѣдать. Онъ ему довольно искренно обрадовался; но у него не было ласки ни въ тонѣ, ни въ глазахъ. Этимъ онъ и юношей не отличался. Но въ заведеніи товарищи его любили за спокойный характеръ и правдивость, знали, что онъ всегда выручитъ изъ бѣды, напишетъ сочиненіе, дастъ денегъ, хотя и считался изъ самыхъ бѣдныхъ. Кто-то изъ однокурсниковъ прозвалъ его „le bougu bienfaisant“. Это прозвище осталось за нимъ.

— A pas de géant!—повторилъ Овчининъ.

Говоръ у него былъ отрывистый, голосъ глуховатый.

— А то какъ же?

— Если хочешь—да.

— Я это не въ пику тебѣ,—оговорился Таманцевъ.—Ты всегда былъ умница и работать могъ за троихъ. Но теперь, кажется, вообще у васъ наступила какая-то новая полоса. Каждый столоначальникъ мечтаетъ о министерскомъ портфельѣ—до сорока лѣтъ. Точь въ точь какъ наполеоновскіе капралы несли въ ранцахъ по маршальскому жезлу.

— Ужъ не знаю!

Овчининъ повелъ плечами и своимъ мясистымъ ртомъ.

— Не дальше какъ вчера,—продолжалъ Таманцевъ,—княгиня Елена Петровна Брянская изволила меня журить и указывала на тебя, какъ на достойный образецъ для подражанія. Они шѣли дуэтомъ съ дядюшкой-генераломъ.

Овчининъ опять передернулъ плечами и повернулъ голову такимъ движеніемъ, точно у него начало стрѣлять въ ухѣ.

— Всякому свой талантъ,—сказалъ онъ.—Ты—гражданинъ вселенной.

— Вовсе нѣтъ!—горячѣе перебилъ его Таманцевъ.—Я теперь просто мужицкій „аблакатъ“, какъ назвалъ меня все тотъ же генералъ Дергуновъ. Можетъ, и отъ тебя придется выслушать нѣчто въ томъ же родѣ.

— Почему такъ?

— Да вѣдь ты тоже теперь въ генералахъ. И какъ разъ съ твоимъ вѣдомствомъ мои довѣрители тягаются.

— Да я до сихъ поръ ничего толкомъ не знаю,—замѣтилъ Овчининъ тономъ начальника, привыкшаго въ тому, чтобы ему только вылагали дѣло.

— Дай срокъ!—вскричалъ Таманцевъ.—Вотъ послѣ обѣда, если позволишь. Теперь надо и тебѣ дать отдыхъ. Ты съ какого часа работаешь?

— Я встаю не рано; но и ложусь никогда не раньше трехъ.

— И все за бумагами?

— А то какъ же, братъ?

Сѣрые пристальные глаза Овчинина остановились на Таманцевѣ. Въ нихъ промелькнуло невольное сознание своего превосходства.

На Таманцева онъ всегда смотрѣлъ какъ на способную, но „жидковатую“ натуру. Правда, больше по винѣ своей матери *Андрюши* — такъ онъ за-глаза звалъ его — нигдѣ не могъ доучиться. За границей побывалъ въ двухъ-трехъ школахъ — въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи. Кажется, гдѣ-то въ Лозаннѣ выдержалъ на бакалавра, слушалъ лекціи въ Парижѣ, потомъ въ Германіи; въ русскомъ университетѣ не учился, держалъ экзаменъ на „дипломата“ — выдержалъ блестяще, поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и черезъ два-три года бросилъ. Былъ наканунѣ камеръ-юнкерства. Потомъ состоялъ при больной матери. Крестьянская „бѣда“ — Викторъ Степановичъ тоже не любилъ слово „голодь“ — погнала его въ деревню; онъ тамъ принялся устраивать столовую; увлекся и тамъ. Теперь смахиваетъ на народника, быть можетъ, съ отѣнкомъ мистическаго радикализма. Кто его знаетъ?

Все это прошло въ ясной головѣ Овчинина, и внутри его въ то же время тихо трепетало чувство того — какъ онъ не похожъ на такой „экземпляръ“ — одно изъ его любимыхъ словъ.

— Вѣдь я тебя немножко знаю! — заговорилъ Таманцевъ мягче и положилъ локти на бортъ стола. — Ты не бумажный человѣкъ. Ты — человѣкъ дѣла. Кажется, съ большимъ честолюбіемъ. Во всякомъ случаѣ, не заурядный карьеристъ. Вы нынче всѣ хотите крупно плавать...

— Кто же это *всѣ*? — съ усмѣшкой остановилъ Овчининъ.

— Вотъ такіе, какъ ты... Мечтающіе попасть въ маршалы. У васъ вѣра въ себя — дьявольская. И главное: никакая Европа — вамъ не указъ!

— Въ какомъ же это смыслѣ? — спросилъ Овчининъ, растягивая слова.

Тонъ былъ сворѣе ироническій, чѣмъ обиженный.

— Ты не станешь же отрицать того, что всё вы...

— Кто же это *вы*?

— Да хоть бы и тебя взять!.. Если тебѣ мѣстоименіе „вы“ не нравится, я скажу: всё тѣ, кто теперь идетъ въ гору, хочеть вліянія и власти—у нихъ главный лозунгъ одинъ и тотъ же.

— Какой же это? — спросилъ уже явно насмѣшливо Овчининъ. Глаза его заискрились и онъ сразу покраснѣлъ.

Его товарищи знали, что онъ былъ способенъ, если ему что не понравится, вспылить, но сейчасъ же сдержать себя, и тогда онъ становился неприятнымъ, рѣзкимъ и даже злымъ.

Но Таманцевъ забылъ объ этомъ, да и не въ такомъ онъ былъ настроеніи, чтобы обращать вниманіе на лицо своего собесѣдника.

— Какой лозунгъ, спрашиваешь ты? Какъ будто ты его не знаешь?! Лозунгъ этотъ: „Мы одни проникнуты началами, необходимыми для общаго блага. Западъ—намъ не указъ. Западъ если не сгниль, то не годится намъ въ менторы. Не нужно намъ его порядковъ. То, что тамъ считается буки-азъ-ба гражданскаго устройства, то намъ не ко двору. Мы—Азія! Мы—Азія!“

— Ты зарапортовался, братъ! — вдругъ отрѣзалъ Овчининъ и тяжело задышалъ. — Кто же кричить это?

— Столбы теперешняго *statu quo* — вотъ кто, братецъ. Я самъ и отъ чиновниковъ, и отъ земцевъ, и отъ сословныхъ представителей, и отъ свѣдущихъ людей, и отъ газетчиковъ, чувствующихъ подъ собою настоящую почву, слышу этотъ кличъ. Мы—Азія! Европейскихъ затѣй намъ не надо, мы знаемъ, куда мы ведемъ и какъ вести страну. И ты вѣрно той же вѣры въ непогрѣшимость своего мандарината?

— Позволь!—Овчининъ грузно поднялся. — Позволь! Меня ты бы могъ оставить въ покоѣ.

— Нѣтъ. Не оставлю!

Таманцевъ тоже поднялся и сталъ ходить по кабинету.

— Въ моихъ рукахъ не находятся судьбы русскаго государства.

— Но вы теперь — одна кляка. И прежніе, тѣ щедринскіе администраторы—ташкентцы изъ ресторана Бореля—были гораздо менѣе опасны, чѣмъ вы, господа. Тѣ были комическіе персонажи, и вся грамотная Русь такъ и смотрѣла на нихъ. А вы—съ направленіемъ, съ идеей, у васъ есть какой-то талисманъ и приворотное зелье.

— Ну, Андруша! Это просто нелѣпо, что ты говоришь!

Викторъ Степановичъ началъ блѣднѣть—признакъ, что онъ не на шутку разсердился.

— Считай мои слова тѣмъ угодно, — закричалъ Таманцевъ: — но намъ оттуда, снизу, гдѣ зипуны и дерюги копошатся, гдѣ ваша *misera contribuens plebs* находится въ состояніи хроническаго обнищанія — намъ оттуда виднѣе: всѣ вы — господа спасители отечества!..

— Что же ты не сидишь тамъ, съ этими зипунами и дерюгами? — глухо спросилъ Овчининъ, обдергивая свой пиджакъ. — Мы не мѣшаемъ.

— Ничего нельзя тамъ ни исправить, ни возродить. Хотя бы каждый изъ насъ — владѣльцевъ — отдалъ крестьянскимъ общинамъ всѣ свои земли до послѣдняго аршина.

— И мѣшаемъ мы... ха, ха?

— А то кто же?

— Ну, это просто дѣтское незнаніе или мальчишескій задоръ. Извините меня, любезный графъ Андрей Павловичъ. Одни только фанатики или беспардонные ругатели могутъ доказывать, что ничего не дѣлается для страны, для поднятія уровня народа, для изысканія новыхъ ресурсовъ государственнаго хозяйства.

— О! Ресурсы изыскивать вы мастера. Тутъ, небось, Европа — ваша учительница! Это не политическія учрежденія, не гнилые порядки Запада, черезъ которые мы должны перешагнуть по законамъ русскаго прогресса.

— Зачѣмъ же намъ брать то, во чтѣ и твои западные умники избѣрились и разносятъ свой парламентаризмъ, какъ безсильную и дряблую затѣю? Это не мы сочинили!

Овчининъ передернулъ опять плечами, и это движеніе показало почему-то Таманцеву такимъ нестерпимо „чинушескимъ“, что на языкѣ у него зашлось нѣчто очень не-парламентское.

— Кушать подано, ваше превосходительство! — доложилъ лакей въ дверяхъ.

VIII.

Слишкомъ просторная и скучная, жестко обставленная столовая, освѣщенная одной височей лампой, казалась подѣйствіемъ статуи хозяина и хозяйки.

Таманцевъ мало зналъ жену Овчинина, Татьяну Николаевну. Врядъ ли говорилъ онъ съ ней болѣе двухъ разъ. Насколько онъ помнилъ, она — сенаторская дочь, воспитанная на англицкѣй модѣ. И наружность ея ему никогда не нравилась, хотя въ ней

ничего не было противнаго: блѣдная, худая, длинное лицо съ желтоватой кожей, точно станутой на щекахъ къ вискамъ, скромно причесанная двумя черными прядями волосъ; сухой носъ, темные глаза, большіе и съ неизмѣнно солиднымъ выраженіемъ. Темное платье старило ее, и худоцавый станъ свой держала она съ замѣтной сутуловатостью.

Кажется, у нихъ было двое дѣтей; но Таманцевъ никогда ихъ не видалъ. Можетъ быть, съ тѣхъ поръ и еще родились. Обѣдали они втроемъ.

Подали рыбу — разварного судака. Аппетитъ гостя пропалъ отъ горячей схватки въ кабинетъ. За обѣдомъ онъ сдерживалъ себя, и первая четверть часа прошла въ отрывистыхъ разспросахъ о немъ самомъ, его деревнѣ, о положеніи крестьянъ, о школахъ.

Татьяна Николаевна говорила медленно и однозвучно. Каждый ея жестъ и каждый звукъ дышалъ особаго рода доктринерской порядочностью. Таманцеву уже ясно было, что она считаетъ своего мужа государственнымъ дѣятелемъ, кавихъ судьба посылаетъ странѣ разъ въ столѣтіе, что и себя она ставитъ особо отъ остального Петербурга высшихъ сферъ по добродѣтели, идеямъ, вкусамъ и серьезной начитанности.

Овчининъ ѣлъ скоро и жадно, хотя обѣдъ былъ очень нероскошный, и его лицо продолжало быть возбужденнымъ. Таманцевъ чувствовалъ, что его старшій товарищъ не простилъ еще ему выходокъ разговора въ кабинетъ.

— И что же вы нашли здѣсь новаго, графъ?

Съ этимъ вопросомъ обратилась къ Таманцеву хозяйка, аккуратно разрывая вилкой кусокъ рыбы, съ помощью корочки хлѣба.

Въ самой этой солидной, чопорной манерѣ ѣсть рыбу, сквозило нѣчто, дѣлавшее эту жену будущаго сановника чуждой Таманцеву, несмотря на ея серьезность и порядочность.

— Чтѣ новаго? — переспросилъ Таманцевъ. — Гдѣ, Татьяна Николаевна? Тамъ, куда мнѣ удалось заглянуть — все тѣ же тошнвые пустяки, то же безпробудное барство и вмѣстѣ лакейство.

Овчинина медленно перевела на него взглядъ своихъ узковатыхъ глазъ.

— Не вездѣ же такъ, — выговорила она, немножко въ носъ.

— Вольно же тебѣ, любезный другъ, вращаться въ такихъ сферахъ! — поучительно прибавилъ ея мужъ.

Будущая министерша коробила Таманцева все больше и больше. Какъ будто она не принадлежала, и сама по себѣ, и по мужу, все къ тому же Петербургу, гдѣ плаваютъ, какъ рыбы въ водѣ, княгини Брянскія и генералы Дергуновы?

— Ахъ, Боже мой, Татьяна Николаевна! — вскричалъ онъ, еще довольно добродушно. — Здѣсь, въ сущности, и есть только одинъ Петербургъ „qui compte“, внѣ котораго нѣтъ ничего! О чемъ здѣсь говорить? Что волнуетъ! Назначенія, мѣста, карьера, докладъ, — протянулъ онъ. — Докладъ! Вотъ магическое слово! Вотъ альфа и омега!

— Извините меня, — перебила она съ ббльшей настойчивостью. — Есть серьезный Петербургъ, и Петербургъ пустой...

— Тотъ, что ударился теперь въ свѣтскіе балеты? — подсказалъ Таманцевъ.

— Именно.

— Но позвольте, неужели вы — серьезная женщина — думаете, что вы застрахованы отъ петербургской погони за тѣмъ, что у французовъ называется „le rapache“? Въ балетѣ, танцовать на сценѣ какую-нибудь „Ravane“ или „Rigodon“ вы, конечно, не будете.

— Я надѣюсь! — вырвалось у Овчинной съ брезгливымъ движеніемъ рта.

— Но разъ вашъ супругъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ — будетъ сановникомъ — вы должны плясать подъ ту же дудку. Извините меня, Татьяна Николаевна.

Протянулось довольно жуткое молчаніе.

Овчинникъ пережевывалъ кусокъ рябчика, а жена его стала обдергивать кружева вокругъ своей суховатой шеи.

— Съ какою же стати все это? — замѣтилъ, наконецъ, Овчинникъ.

Онъ и всегда считалъ Таманцева слишкомъ нервнымъ и съ плохо развитымъ чувствомъ такта, но теперь онъ вернулся изъ деревни Богъ знаетъ съ какимъ тономъ: недостаетъ только, чтобы онъ носилъ рубашку съ косымъ воротомъ.

— Наши дамы, — заговорилъ съ новой силой Таманцевъ: — воображаютъ, что англійскіе романы и книжки, сочиненія швейцарскихъ пасторовъ, да такъ-называемыя традиціи фамиліной порядочности дѣлаютъ ихъ выше всего этого петербургскаго — ему хотѣлось сказать: „лакейства“, но онъ воздержался и сказалъ: — выслуживанья передъ кѣмъ-нибудь или передъ чѣмъ-нибудь... Англійскія книжки изданія Таухница не отнимаютъ охоты къ карьеризму и выслуживанію. Для меня, — вскричалъ онъ подъ конецъ: — такъ называемый серьезный и убѣжденный Петербургъ еще антипатичнѣе. Я уже это сказалъ вашему мужу, Татьяна Николаевна. Ныѣшніе карьеристы хуже для меня, чѣмъ щедринскіе Феди Кротиковы. А дамы высшихъ служебныхъ сферъ мо-

гутъ играть въ прогрессъ только до извѣстнаго поста, какого добьются ихъ супруги. Послѣ того ихъ затягиваетъ то же маховое колесо службизма и новѣйшаго мѣстничества.

Опять протянулось молчаніе послѣ этой тирады. Таманцевъ тутъ только почувствовалъ, что перепустилъ мѣру. Очень ужъ его замозжило присутствіе этой петербургской будущей сановницы, точно замаринованной въ укусу своей порядочности и условной серьезности. И въ старшемъ товарищѣ своемъ Таманцевъ чуялъ неизбѣжную двойственность „службиста“, воображающаго, что онъ — государственный дѣятель великаго ума, съ замашками самоувѣреннаго честолюбца, носящаго только личину патріота и радѣтеля о всенародныхъ нуждахъ.

Хозяйка первая заговорила такимъ тономъ, точно все, что онъ тутъ накричалъ, ни малѣйшимъ образомъ къ ней не относится.

И заговорила она о его „дѣятельности“ въ деревнѣ, какъ бы желая этимъ сказать:

„А ты, мой другъ, что такое тамъ совершилъ, чтобы такъ разносить всѣхъ насъ?“

— Много народу кормилъ на собственный коштъ? — спросилъ и Овчининъ, не то насмѣшливо, не то сочувственно.

Говорить о себѣ, о крестьянахъ, о теперешней деревнѣ — Таманцеву стало тяжело. Вѣдь все, что онъ ни высказалъ, такой умнѣе, какъ милѣйшій Викторъ Степановичъ — давно знаетъ, и обдумалъ, и предлагалъ мѣры, и будетъ проводить свои мнѣнія. Лучше ужъ завести рѣчь о служебныхъ производствахъ. И онъ — какъ бы невзначай — спросилъ о комъ-то, кого прочли на постъ, куда пробирался самъ Овчининъ.

Сейчасъ та же самая высокопросвѣтленная Татьяна Николаевна оживилась и начала доказывать, что „этотъ господинъ“ не имѣетъ и одной сотой правъ на полученіе такого поста, какъ ея „Victor“.

Въ началѣ девятаго часа Таманцевъ шелъ пѣшкомъ отъ Овчининыхъ.

Онъ былъ очень недоволенъ собою.

Послѣ обѣда слѣдовало ему перетолковать съ Овчининымъ о дѣлѣ, но тотъ отговорился недосугомъ — указалъ ему на цѣлую стопу бумагъ, положенную курьеромъ на его письменный столъ, пока они обѣдали. Да и неловко какъ-то сдѣлалось послѣ того, что онъ наговорилъ въ кабинетѣ и въ столовой.

„Вѣдь это мальчишество!“ — сдѣлалъ онъ себѣ выговоръ, подходя къ Казанскому мосту, по набережной Еватерининскаго канала.

„Какой же я ходокъ? Отъ Овчинина зависитъ очень многое, а я разнесъ и его, и его кислосладкую супругу!“

Онъ почувствовалъ, какъ кровь вдругъ прилила къ щекамъ, на рѣзковатомъ зимнемъ воздухѣ, съ порханьемъ снѣжинокъ, садившихся ему на лицо.

„Такъ нельзя! Надо загладить! Овчининъ не злой, хотя и чертовски самолюбивъ“.

Но что же ему дѣлать, если Петербургъ такъ нестерпимо раздражалъ его? Прежде—этого не было въ такой степени, хотя и прежде онъ „презиралъ“ этотъ городъ—не городъ собственно, а ту сферу, гдѣ онъ самъ родился, къ которой все сводится. Но если онъ желаетъ чего-нибудь добиться не для себя, а для народа, надо быть себѣ на умѣ, смириться, а не производить „разносы“, не нервничать мальчишески, не навидываться на такихъ людей, какъ Овчининъ, потому только, что не можешь переварить какого-нибудь Лушкова, который будетъ танцевать въ великосвѣтскомъ балетѣ въ одной парѣ съ княжной Кэтъ Брянской.

IX.

Оттепель принесла съ собою непроглядную мглу.

Желтогрязный вѣдлеръ лежалъ на всемъ — на облакахъ, на штукатуркѣ домовъ, съ ихъ прямолинейной скукой, на лицахъ и шинеляхъ, на сторбленныхъ извозчикахъ, кутающихся въ клеенчатые мантильи. Сверху что-то полужидкое моросило безъ перерыва.

Таманцевъ приказалъ-было камердинеру послать за каретой; потомъ отмѣнилъ это распоряженіе и вышелъ изъ дому пѣшкомъ.

Ѣхать въ каретѣ туда, куда онъ направлялся, показалось ему неловко, хотя никто бы и не замѣтилъ—въ той квартирѣ, гдѣ его ждутъ,—въ какомъ онъ явился экипажѣ.

Двѣ схватки—съ дядей-генераломъ и съ кандидатомъ въ сановники Овчининымъ—дали ему скорую оскомину. Ходить по канцеляріямъ и департаментамъ—необходимо; но онъ обратится лучше къ какому-нибудь хорошему адвокату. Съ этого и надо было начать. Одного извѣстнаго „дивилиста“ онъ уже намѣтилъ. Въ нему онъ обращался на письмѣ послѣ смерти матери по дѣламъ наслѣдства.

Въ Петербургѣ онъ уже около недѣли, а только вчера отправилъ посыльнымъ съ запиской къ писателю Малышеву, къ которому онъ взялъ письмо изъ своего уѣзда, отъ мѣстнаго земскаго врача, ставшаго большимъ его пріятелемъ—доктора Ильи Ефи-

мовича Домашнева. Этого приходился писателю товарищемъ по гимназiи и университету.

Письмо доктора сегодня утромъ, когда онъ опускалъ его въ бумажникъ, его крупная, честная рука,—все это пахнуло на него жизнью въ деревнѣ. Вспомнилась вся эпопея объѣздовъ, закупки хлѣба, переписыванья голодающихъ, устройства столовыхъ, всѣ сцены и разговоры, и типы мужиковъ, отставныхъ солдатъ, старухъ, ребятишекъ, тифозныхъ и дифтеритныхъ, мѣстныхъ властей, помѣщиковъ, барынь и дѣвиць.

И его ближайшія сосѣдки—сестры Колчановы—стояли передъ нимъ, какъ живыя. Старшая Клавдія, меньшая Глафира—купчихи, богатая землевладѣлица, сироты, обѣ „ученныя“, одна даже бывшая „бестужевка“, съ большой начитанностью, говорящая на трехъ иностранныхъ языкахъ, объѣхавшая всю Европу, со связями въ Парижской Сорбоннѣ и Collège de France. Обѣ онѣ заинтересовали его сразу, и онъ уѣхалъ, обѣщая меньшей переписываться съ нею. Глафира—пріятельница доктора—была тоже знакома съ писателемъ и восхищалась его талантомъ.

Его потянуло въ тотъ міръ, куда онъ до сихъ поръ настоящимъ образомъ не проникалъ. У него всегда было влеченіе къ литературнымъ сферамъ; но двѣ-три попытки—изъ прежнихъ его петербургскихъ сезонныхъ—отбили у него охоту. Повезли его разъ на вечеръ къ какому-то высохшему академику, гдѣ одинъ изъ гостей, поэтъ, читалъ длинную стихотворную повѣсть. Отъ всей компаніи, собравшейся туда, отъ дамъ и мужчинъ—шелъ какой-то слащавый постылый запахъ. Разговоръ больше вертѣлся около какихъ-то сплетенъ и слуховъ, и все отзывалось—на его оцѣнку—чѣмъ-то затхлымъ.

Ухаживала за нимъ одна заѣзжая княгиня, напечатавшая въ Парижѣ два свѣтскихъ романа. Она была вдова, еще красивая, съ самымъ послѣднимъ бульварнымъ „bagout“. Въ ней онъ нашелъ просто мужелюбивую бабенку съ затаенными претензіями, и въ романахъ ея ничего, кромѣ эротической болтовни. Ѣздить онъ къ ней больше не сталъ и въ слѣдующемъ ея романъ былъ выведенъ, какъ новѣйшій Альцестъ, съ довольно прозрачными намеками на его равнодушіе къ женскому полу.

Докторъ Домашневъ, давая ему письмо къ беллетристу Малышеву, предупредилъ его:

— Быть можетъ, онъ вамъ покажется еще менѣе занимательнымъ, чѣмъ его писанія. Но это такъ на первыхъ порахъ. А впрочемъ, не знаю, что онъ изъ себя изображаетъ. Мы не ви-

дались больше семи лѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ уже извѣстностью.

Глафира Колчанова заинтересовала Таманцева талантомъ Малышева—она дала ему прочесть томикъ его повѣстей и разсказовъ. Талантъ былъ несомнѣнный и очень смѣлый. Авторъ не поддѣливался ни подъ кого, отлично зналъ провинцію и помѣщиковъ, и разночинцевъ, и мѣщанъ, и мужиковъ.

Все тотъ же докторъ вызвался написать Малышеву—еще до прїѣзда графа,—чтобы онъ „приспособилъ“ въ интересахъ дѣла крестьянъ муражинской волости какого-нибудь газетнаго сотрудника, по внутреннему отдѣлу. Навѣрно, у него такой найдется.

Все это прїятно наполняло Таманцева, когда онъ шагаль по гнѣвому троттуару Невскаго за Аничковъ мостъ. Его посыльному писателю отвѣтилъ на словахъ, что будетъ дома съ второго часа дня.

Таманцевъ повернулъ въ узкую Пушкинскую улицу, миноваль сверь съ миниатюрнымъ памятникомъ и перешель на другую сторону.

Писатель жилъ въ мебелированномъ домѣ въ нѣсколько этажей. Швейцаръ отослалъ его въ третій этажъ, и ему пришлось побродить по широкому и темному коридору, пока онъ встрѣтилъ лакея, указавшаго ему, какъ пройти къ номеру Малышева. Онъ уже зналъ по разсказамъ доктора и адресу на его письмѣ, что писателя звали Вячеславъ Кузьмичъ.

Рискуя ошибиться дверью, онъ постучался и долженъ былъ повторить два раза. Изнутри откликнулись.

Вошелъ онъ—не безъ нѣкоторой неловкости—въ большой, бурый по обоямъ номеръ, раздѣленный перегородками на три помѣщенія. Въ такихъ онъ давно не бывалъ.

Пахло табакомъ и какой-то ѣдой. Шубку свою онъ тихонько повѣсилъ и такъ же осторожно снялъ калоши.

Хозяинъ номера всталъ отъ письменнаго стола—въ простѣннѣ между двумя окнами—и вышелъ на средину комнаты, сохранявшей самую заурядную отдѣлку номера, рублей на тридцать въ мѣсяцъ. Таманцевъ успѣлъ замѣтить, что на одномъ изъ оконъ стора въ буффахъ на половину отвисла съ одного бока.

О наружности даровитаго писателя онъ не имѣлъ понятія и увидалъ въ двухъ шагахъ отъ себя средняго роста брюнета, смуглаго, съ довольно хмурой миной еще молодого продолговатаго лица. Но глаза, подъ густыми бровями, тихо улыбались и смотрѣли очень спокойно, смѣло, безъ малѣйшаго смущенія или неловкости, точно будто пришелъ наборщикъ изъ типографіи

или читальни. Это немножко вольнуло гостя, но онъ не далъ хода своему невольному чувству.

На Малышевѣ была нараспашку надѣтая домашняя визитка изъ парусины, довольно измятая, черныя панталоны и рубашка съ косымъ шитымъ воротомъ. Прядь волосъ немного надвинулась на широкій лобъ очень красивыхъ очертаній.

— Графъ Таманцевъ.... Я не отрываю васъ отъ работы?

— Нѣтъ, я васъ поджидалъ, — отвѣтилъ писатель такимъ же спокойнымъ тономъ, какъ взглядъ его большихъ и блестящихъ глазъ.

Они пожали другъ другу руку, при чемъ Таманцевъ замѣтилъ, что ладонь у Малышева холодная.

— Присядьте, — пригласилъ онъ гостя и подвелъ его къ дивану. — Вы отъ Ильи Ефимовича Домашнева?

— Вотъ письмо.

Таманцевъ вынулъ письмо.

— Онъ мнѣ уже писалъ о вашемъ приѣздѣ. Я кое-что и сдѣлалъ. Если угодно, сведу съ вами моего коллегу, работающаго въ газетѣ — Дымкина. Онъ какъ разъ здѣсь же и живетъ, въ нумерахъ.

Письмо онъ взялъ изъ рукъ гостя, но не распечаталъ.

— Прочтите, пожалуйста! — сказалъ Таманцевъ.

— Да вѣдь это не къ спѣху. А впрочемъ, если позволите...

Очень быстро пробѣжалъ онъ три страницы и положилъ письмо на овальный столъ, стоявшій передъ диваномъ, гдѣ валялись папиросы и нумеръ газеты.

— Давненько мы не видались съ нимъ, — заговорилъ онъ. — Вижу, что онъ воюетъ на земскихъ баталіяхъ. Кажется, и собирается на съѣздъ? Что жъ! Петербургъ еще вѣрить въ земскую медицину! Хе, хе!

Тонъ этихъ словъ показался Таманцеву немного страннымъ. Онъ ожидалъ найти въ товарищѣ доктора гораздо больше серьезнаго сочувствія.

— Вашъ товарищъ — чудесный человѣкъ, — выговорилъ онъ вѣско: — только такими что-нибудь и держится.

— Пожалуй... Только вѣдь они слишкомъ уже наивно вѣруютъ въ свои миссіи. Чтѣ можно сдѣлать для народнаго „здравія“, — подчеркнулъ онъ съ усмѣшкой: — когда главный-то плательщикъ, мужикъ, находится въ состояніи хроническаго оскудѣнія?

— Это ужъ не его вина!

— Я никого и не виню, графъ. Энтузіазмъ — хорошая штука,

только надо чорту прямо въ глаза смотрѣть. Всѣ мы, сколько насъ ни есть — литераторы ли, ученые ли, земцы ли, статистики ли, педагоги ли... насъ только терпятъ, какъ необходимое зло! — не больше.

X.

Таманцевъ ожидалъ отъ Малышева смѣлости взглядовъ, но не того тона и не такой подкладки.

Онъ думалъ, что Малышевъ относится къ личности и „дѣлу“ своего товарища — земскаго врача Домашнева — гораздо теплѣе и съ большей вѣрой или хотя наружной почтительностью.

— Бѣда милѣйшаго Ильи Ефимовича — продолжалъ писатель и глаза его смѣялись — та, что онъ когда-то пострадалъ.

— И весьма, — выговорилъ совершенно серьезно Таманцевъ.

— Знаете... въ очень микроскопическихъ размѣрахъ. Дальше города Вятки не бывалъ... а потомъ состоялъ на обязательномъ жительствѣ, на одной станціи николаевской дороги. Такіе есть мученики — особый ихъ классъ и изъ очень высоко о себѣ мнящихъ — это со станціи Бологое. Нѣкоторые — только изъ Любани. Но все-таки былъ препровожденъ туда не по своей винѣ. И то хорошо!

Малышевъ засмѣялся довольно добродушно и показалъ свои большіе и свѣжіе зубы.

— Илья Ефимовичъ, — заговорилъ онъ опять съ явнымъ юморомъ: — по натурѣ умница; онъ ничѣмъ рисоваться не будетъ... хотя бы онъ и настоящимъ образомъ пострадалъ. Но прямолинейность у него всегда была неисправимая... Такимъ онъ долженъ быть и теперь.

— Прямолинейность? — переспросилъ Таманцевъ. — Въ какомъ же это смыслѣ?

— Въ самомъ прямомъ, графъ, — весело выговорилъ Малышевъ и сталъ раскуривать папиросу. — Идеологъ! Все у него уложено по клѣточкамъ — народъ, прогрессъ, цивилизація, общественная неправда, послѣднее слово науки, русская интеллигенція, райское житье, котораго добьется человѣчество, когда всѣ будутъ думать и чувствовать, какъ онъ самъ. Тогда, видите ли, ни уродовъ, ни злодѣевъ, ни пьяницъ, ни неврастениковъ, ни сумасшедшихъ не будетъ. А всѣ разомъ превратятся въ ангеловъ.

— Я такой наивности въ немъ что-то не замѣтилъ, — проговорилъ Таманцевъ. — Докторъ — человѣкъ, отлично знающій жизнь и безъ иллюсій насчетъ русской дѣйствительности.

— Это онъ только такъ — снаружи... и для даннаго момента.

А въ душѣ онъ вѣрить въ то, что ежели въ одинъ мигъ все будетъ устроено по его программѣ социальнаго благополучія, то всѣ идіоты, мерзавцы и выродившіеся индивиды превратятся въ ангеловъ и мудрецовъ. Не мало я и съ нимъ, и со всѣми того же толка соли съѣлъ, графъ. Ихъ одна могилка исправитъ!

— Такой идеализмъ симпатиченъ,—сказалъ Таманцевъ.

И ему тутъ же показалось, что этотъ писатель какъ будто испытываетъ его или немного подзапывается; во всякомъ случаѣ хочетъ разыграть большого умника. А самъ онъ говорилъ съ нимъ слишкомъ скромно, точно тихонькій студентикъ или офицерикъ.

— Кто спорить!—продолжалъ все въ томъ же тонѣ Малышевъ.—Малый онъ душевный; но знаете, графъ, такіе, какъ Илья Ефимовичъ—а ихъ цѣлый легіонъ—для меня, на примѣръ, какъ для беллетриста—менѣе занимательны, чѣмъ темный народъ, какаго я вонъ здѣсь, въ полпивныхъ и притонахъ Сънной отгапывалъ.

— Будто бы!—вскричалъ Таманцевъ.

— И даже самые забористые изъ такихъ, какъ Домашневъ, которые дѣйствительно пострадали. Я психію каждаго изъ нихъ знаю до тошноты. Знаю, что онъ мнѣ будетъ рассказывать про себя; знаю, какое онъ о себѣ мнѣніе имѣетъ, какія книжки читалъ, во что вѣрить, чего ждетъ, кого считаетъ Мессіей. И всѣ почти на одинъ шаблонъ. Еще женщины выдаются покурьезнѣе. А мужчины для меня совершенно выдохлись. То ли дѣло,—одушевился онъ, и глаза его красиво блеснули:—то ли дѣло, когда встрѣтишься съ какимъ-нибудь махровымъ червоннымъ валежомъ, съ блистательнымъ прошедшимъ! Просто объѣдене!

— Вы это серьезно говорите?—спросилъ Таманцевъ.

— А то какъ же! Я не былъ бы художникъ, еслибъ не чувствовалъ этого. Но въ томъ-то и бѣда,—продолжалъ онъ уже съ отгнѣномъ ироніи,—что у насъ—по правиламъ вотъ такихъ хорошихъ людей, какъ нашъ Илья Ефимовичъ,—ты не смѣешь быть художникомъ. Не смѣешь,—протянулъ онъ:—иначе тебя сейчасъ же запишутъ если не въ предатели, то въ индифференты или въ декаденты...

Онъ протянулъ руку къ двумъ газетнымъ листамъ, лежавшимъ на столѣ.

— Вотъ который годъ я читаю про себя въ нашихъ честныхъ—онъ протянулъ слово—органахъ печати. И все одна и та же канитель! „Господинъ Малышевъ не показываетъ намъ—каковы его идеалы. Печально видѣть, какъ въ молодой генераціи

беллетристовъ все уходитъ на вульзь формы"... И такъ далѣе, и такъ далѣе... И все отчего? Оттого, что вы не хотите ничего подслащивать, ни интеллигенціи, ни народа, не хотите позволять себѣ пошлостей, въ видѣ поучительныхъ тирадъ и жалбихъ словъ.

Все это онъ выговорилъ безъ раздраженія, съ чувствомъ сознанія своей правоты и своего таланта. Такъ понималъ его и Таманцевъ; но ему хотѣлось бы найти въ немъ и еще что-то, болѣе наивное и простое.

Какое-то „себѣ на умѣ“ крылось во взглядѣ его ясныхъ и умныхъ глазъ. Въ тонѣ не было рисовки. Говоръ у него отзвучивался провинціей. Такой тонъ могъ бы быть у любого разночинца: сельскаго учителя, механика, причетника.

„Даже у портного“, — подумалъ Таманцевъ, и ему вся фигура беллетриста стала чрезвычайно напоминать какого-нибудь умнаго и бывалаго старшаго „молодца“. И басокъ у него такой же, и хмурость съ улыбкой юмора въ глазахъ.

„Онъ — *только* писатель, — продолжалъ опредѣлять его про себя Таманцевъ. Ничего для него нѣтъ выше красиваго или мѣстаго изображенія жизни, своего таланта, блеска, мастерства, репутаціи“.

„Неужели въ этихъ сочинителяхъ — думалъ онъ — есть, что-то, отдѣляющее ихъ стѣною отъ всѣхъ насъ?“

Быть можетъ, докторъ Домашневъ и „прямолинейнъ“, но ближе его сердцу, чѣмъ этотъ оригинальный и умный малый, по своему очень убѣжденный — но въ чемъ? Не въ томъ ли, прежде всего, что глупо полагать во что-либо душу, кромѣ воздѣлыванія своей сочинительской славы?

Или это такъ, извѣстная манера, рисовка или мундиръ, о чемъ его, въ извѣстной степени, и предупреждалъ докторъ Домашневъ.

— Такъ вамъ, графъ, надо бы заручиться вліятельнымъ со-трудникомъ газетъ? — спросилъ Малышевъ, нѣсколько мѣняя тонъ.

— Если это васъ не затруднитъ.

— Нисколько. Да вы что же не поѣдете прямо въ любую редакцію? У васъ имя такое. И вы не за себя хлопочете.

И опять усмѣхнувшись углами своего крупнаго рта, онъ продолжалъ:

— Вы, стало, по доброй волѣ въ нѣкоторомъ родѣ ходокъ за мужиковъ?

— Да, — отвѣтилъ Таманцевъ ему въ тонъ. — Меня такъ и прозвали тамъ, въ уѣздѣ.

— Что-жъ! Нынче вѣдь чинуші, которые задаютъ здѣсь тонъ,

заигрываютъ съ мужичкомъ, даже и тѣ, кто извѣрился въ общину и возлагаетъ надежду на институтъ земскихъ начальниковъ. А вы, графъ, какъ смотрите на мужика? Сверху внизъ или снизу вверхъ?

— Ни такъ, ни этакъ,—отвѣтилъ Таманцевъ и немножко покраснѣлъ.

— Этакъ лучше всего бы! Мужикъ шельма и пьяница—это точно; но фабричный, мастеровой, лавочникъ и писарь—еще хуже. Главное—всякую сентиментальность надо отбросить, не рассчитывать на благодарность, что бы вы ни сдѣлали для міра. Это—первымъ дѣломъ. Оттого-то такъ прежніе благодѣтельные дворяне—помните у Тургенева, Толстого—такъ и уязвлялись въ сердцахъ своихъ, что они ждали непременно, какъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, „преданности“ и „уваженія“. А этого не можетъ быть, ибо что бы вы для него ни сдѣлали—онъ принимаетъ все, какъ должное: земля—его, и всѣ, кто владѣетъ ею—узурпаторы. И напгъ милѣйшій Илья Ефимовичъ про себя той же вѣры.

Малышевъ всталъ и, подойдя къ двери, позвонилъ.

— Сейчасъ пошлю коридорнаго въ моему сосѣду и пріятелю Дымкину. Вы его имени не знаете? Онъ анонимно удѣлываетъ передовицы и какъ разъ по внутреннимъ вопросамъ.

Коридорный явился замѣчательно скоро для такихъ номеровъ.

— Сходи, дружище, въ номеръ сорокъ-пятый, къ господину Дымкину и попроси его во мнѣ сейчасъ же.

Вернувшись къ дивану и закуривъ новую папиросу, Малышевъ спросилъ Таманцева:

— Вы на всю зиму сюда?

— Какъ поживется.

Онъ пришелъ сюда съ желаніемъ сейчасъ же излить все, что у него было на душѣ, что онъ вывезъ изъ деревни, что охватило его въ Петербургѣ—и рѣчистость его пропала. Ему трудно было попасть въ тонъ этого беллетриста, а спорить съ нимъ не хотѣлось. И безъ того онъ былъ недоволенъ собою за то, что ведетъ себя слишкомъ задорно.

— Дымкину я вчера уже говорилъ, получивъ вашу записку, и просилъ его пойти въ редакцію получасомъ позднѣе. Да онъ раньше трехъ и не ходитъ туда, а сегодня такая анаемская погода.

— И вы въ такую мглу можете писать?—спросилъ Таманцевъ.

— Я вѣдь по ночамъ пишу, съ лампой. Она мнѣ замѣняетъ

лучи солнца; а днемъ невозможно. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,— я и лѣтомъ, на дачѣ или въ деревнѣ, днемъ не работаю, а брожу. Что дѣлать! Русскій человѣкъ все долженъ дѣлать шиворотъ-навыворотъ. Вотъ господинъ Зола, да и другіе французы — у нихъ положеніе: всталъ, кофею напился и три страницы настрочилъ!

XI.

Въ номеръ вошли разомъ, и довольно шумно—точно они поспорили дорогой—маленькаго роста блондинъ, въ домашней сѣрой парѣ, веснучатый, рыжеватый, въ очкахъ, съ вздернутымъ носомъ, и женщина, повыше его, съ большой головой, броветка, курчавая, лицо широкое, острые глаза, буроватая кожа. Она вошла руки въ карманы драповаго коричневаго пальто поверхъ темной юбки. На шеѣ небрежно торчалъ шарфикъ.

— Да ужъ такъ, любезнѣйшій Ниль Ѳедоровичъ!—крикнула она и засмѣялась.

Зубы были несвѣжіе.

— Вотъ, графъ,—Малышевъ привсталъ—пріятель мой Дымкинъ, Ниль Ѳедоровичъ, и общая наша знакомая, здѣсь же живетъ—Анна Егоровна Ветлугина. Графъ Таманцевъ,—показалъ онъ рукой.

Произошло рукопожатіе. Газетный сотрудникъ подалъ графу руку скоро и такъ же скоро ее отдернулъ. Ветлугина сжала крѣпко и сказала своимъ низкимъ и немного простуженнымъ голосомъ:

— Весьма пріятно!

— Садитесь, садитесь, господа,—пригласилъ хозяинъ.—Что, небось опять въ диспутѣ? Не могутъ встрѣтиться безъ баталіи,—прибавилъ онъ съ улыбкой въ сторону Таманцева.

— Да что, Малышевъ,—заговорила Ветлугина и ея рука потянулась къ папиросамъ.—Вашъ alter ego, Дымкинъ, виляетъ. Не хочеть сознаться, что въ ихъ многоумной и архисвучнѣйшей газетѣ-простынѣ до сихъ поръ все дѣйствуютъ просвѣтители.

И, обратившись къ графу, Ветлугина продолжала такъ же возбужденно:

— Я называю просвѣтителями нашихъ пришибленныхъ шестидесятниковъ, которые вотъ до сихъ поръ читаютъ нравоученія Малышеву и не хотять понять, что онъ идетъ по своей дорогѣ.

— Что же вы на меня?—заговорилъ жидкимъ голосомъ Дымкинъ.—Я не редакторъ.

— Знаю я васъ. Вы не станете ихъ срамить. Критикъ-то вашъ пріятель? Каковъ? Да и вы сами...

— Анна Егоровна,—остановилъ Малышевъ.—Графъ имѣетъ дѣло до Николая Федоровича.

— Это еще не такъ спѣшно,—оговорился Таманцевъ.

— Я къ вашимъ услугамъ. Вячеславъ Кузьмичъ уже кое-что сообщилъ...

Газетный сотрудникъ подѣлъ къ Таманцеву, въ позѣ чело-вѣка немного стѣсненнаго, и началъ потирать свои веснучатныя руки.

— И то сказать,—воскликнула Ветлугина:—просвѣтителей не исправилъ! Пока не впадутъ въ размягченіе мозговъ—одна и та же клика будетъ мудрить вездѣ.

Таманцевъ продолжалъ недоумѣвать. Онъ былъ увѣренъ, что попадетъ въ воздухъ совсѣмъ другихъ разговоровъ. И, судя по виду и тону этой уже немолодой особы—онъ не сомнѣвался, что она дѣвица,—онъ скорѣе ожидалъ бы отъ нея самыхъ рѣзкихъ выходокъ совсѣмъ въ противоположную сторону.

И вдругъ онъ вспомнилъ, что вѣдь къ этой самой Ветлугиной меньшая изъ сестеръ Колчановыхъ, бывшая курсистка, дала ему письмо.

— Позвольте,—спросилъ онъ ее очень осторожно:—вѣдь вы госпожа Ветлугина, извѣстная своими работами?..

— Она, она,—отвѣтилъ за нее Малышевъ.—Анна Егоровна—кладезъ учености. По части землѣдѣнія и другихъ премудростей.

— Къ вашимъ услугамъ,—откликнулась Ветлугина.

— Такъ у меня есть къ вамъ письмо. Я, къ сожалѣнію, оставилъ его... Отъ одной вашей знакомой изъ никандровскаго уѣзда. Большой пріятельницы доктора,—добавилъ онъ въ сторону Малышева.

— Кто такая?—рѣзко спросила Ветлугина.

— Глафира Спиридоновна Колчанова.

— А! Глафира Колчанова! Она вѣдь, кажется, замужъ угодила за какого-то сибиряка-золотопромышленника?

— Нѣтъ, она живетъ по прежнему, съ сестрой.

— Клавдіей? А! Та—геніальное олицетвореніе російскаго скопидомства. Ее на мякинь не проведешь. А что жъ Глафира? По прежнему все „хорошія“ слова говорить? Ха, ха!

„Экая ты ехидная!“—воскликнулъ про себя Таманцевъ, и онъ выговорилъ искренно и не безъ ударенія:

— Глафира Спиридоновна не одни хорошія слова употребляетъ. Она, кромѣ того, и хороший человекъ.

— Пожалуй, что и такъ,—продолжала Ветлугина, какъ ни въ чемъ не бывало:—только на очень-то большое дѣло у ней врядъ ли хватить пороку. Да и изъ-подъ сестрицной ферулы не смѣетъ выйти. Вѣдь у нихъ въ купеческомъ быту кто старшой, тотъ и вапралъ. Она ничего, и красива, и способна. Только старомодна очень.

— Старомодна?—переспросилъ Таманцевъ.

— Не насчетъ туалетовъ. Моду она всегда соблюдала, хотя и съ расчетомъ. Я говорю: старомодна насчетъ направленія,—понимаете? До сихъ поръ еще молится вотъ на тѣхъ, кого мы съ Малышевымъ зовемъ: „просвѣтители“. Дальше семидесятихъ годовъ не ушла. Вы, вѣроятно, сами замѣтили, графъ. Настоящая курсистка! Какія были двадцать лѣтъ назадъ. Заядлая! А она вѣдь не того поколѣнія. Ей не больше какъ-двадцать-семь или восемь лѣтъ. Я вѣдь чуть не на двадцать лѣтъ ея старше,—отрѣзала Ветлугина и смѣло оглянула всѣхъ трехъ мужчинъ.— „Мнѣ де скрывать свои лѣта нечего ни передъ кѣмъ“...

— Мнѣ кажется,—возразилъ Таманцевъ:—Глафира Спиридоновна не перестаетъ слѣдить...

— Ахъ, графъ! Слѣдить! Бога ради, не употребляйте этого институтскаго слова! Все это верхи, мундиръ, поддѣлка и дилетантство. И я курсистка—и какая, изъ самаго перваго поволенія, да и тогда уже была—какъ мужики говорятъ,—„подлѣточекъ“. И я увлекалась просвѣтителями. Но скоро взялась за умъ. Наука—такъ наука, чортъ возьми! Я это безъ всякаго педантства говорю.

„Она не глупа и тонъ у нея какъ будто искренній“,—согласился про себя Таманцевъ и сталъ нѣсколько сочувственнѣе слушать.

— Печально видѣть, какими руководителями теперь наши дѣвушкы увлекаются. Развѣ это ученые? Это балалайки или затхлые моралисты, для которыхъ не наука важна, не искусство, не изящная литература, а выѣзжать на симпатичныхъ намевахъ и недоумкахъ. Я Глафирѣ говорила еще четыре года назадъ, когда она проѣзжала изъ Парижа: „Брось ты сливки-то снимать съ тамошнихъ краснобаевъ, съ разныхъ conférenciers. Возьми ты предметъ строгій, стоящій, займись хоть старымъ французскимъ языкомъ, что-ли, сдай экзаменъ на бакалавра, а потомъ на „licencié“. Или поступи въ Ecole des Chartes, если туда нашу

сестру принимаютъ. А не шатайся ты по лекціямъ, точно по театрамъ казимъ!

Буроватыя полныя щеки пожилой дѣвицы раскраснѣлись, и она энергическимъ движеніемъ правой руки стряхнула пепель папирсы прямо на столъ.

— Что-жь! Это дѣло!—одобрилъ Малышевъ.

— Не всѣ могутъ быть спеціалистами,—замѣтилъ Таманцевъ.

— Не можешь, такъ не суетловь!—возразила Ветлугина, ни мало не смутившись.—А главное, не будь старомодна, взглядывайся въ жизнь, и не повторяй только то, что стоитъ въ устарѣлыхъ книжкахъ, въ передовицахъ и фельетонахъ нашихъ просвѣтителей. Если она въ этомъ смыслѣ исправилась,—добавила Ветлугина въ сторону графа:—отъ души порадуюсь.

Она, бросивъ окурокъ, грузно встала и прошлась по комнатѣ, съ руками, глубоко засунутыми въ карманы своего пальто.

— Малышевъ!—окликнула она.—Вамъ, поди, Ниль-то Федоровичъ не успѣлъ сказать. Вѣдь у нихъ—даромъ, что ихъ просвѣтители читаютъ вамъ мораль—вождедѣютъ къ вамъ и хотятъ посулы дѣлать.

— Посулы?—повторилъ онъ.

— Есть грѣшокъ,—отозвался газетный сотрудникъ.

— Меньше двугривеннаго со строки не берите!—крикнула Ветлугина Малышеву и стремительно присѣла къ нему, съ другой стороны дивана.—Ихъ надо обдирать, какъ сидоровыхъ козъ.

— Вы что же?—глуше спросилъ пріятеля беллетристъ.—Развѣ сказали цѣну?

— Ха, ха! Нашли дурака.

— То-то!—солидно выговорилъ Малышевъ.

— Меньше двадцати копѣекъ—ни за что!—крикнула Ветлугина и потянулась опять за папирсами.—Малышевъ первый талантъ изъ молодыхъ.

— Еще бы!—вырвалось у газетнаго сотрудника.

Они совсѣмъ забыли про гостя. Таманцевъ не обидѣлся; но у него въ головѣ выплыло одно слово:

„Мастеровщина!“

Сейчасъ же общее и узкое чувство стало подмывать всѣхъ троихъ. Они—рабочіе, мастеровые. Однако, слово „мастеровщина“ показалось ему хоть и вѣрнымъ, но черезъ-чуръ барскимъ.

Они—чернорабочіе; даже и этотъ даровитый беллетристъ. Для нихъ вопросъ заработка—важнѣе всего. Изъ-за этого вопроса вся старая Европа трещитъ по швамъ.

Разговоръ между ними продолжался такой же взвинченный,

короткими фразами; такъ при немъ мужики бросали жеребьи въ старую шляпу и съ измѣнившимся лицомъ опускали туда руку.

Изъ нихъ двое—Малышевъ и Ветлугина—были крупныя фигуры, очень новыя для него; но Дымкина онъ находилъ слишкомъ мелкимъ, даже и какъ сотрудника газеты, куда онъ будетъ возить свои замѣтки и сообщенія.

Таманцевъ всталъ и сталъ прощаться.

— А какъ же насчетъ газеты?—спросилъ Малышевъ, какъ бы чувствуя неловкость отъ того, что они при постороннемъ увлеклись разговоромъ о гонорарѣ.—Нилъ Федоровичъ?

— Я въ ихъ услугамъ!—своимъ жидкимъ голосомъ выговорилъ Дымкинъ и тоже всталъ.

— Позвольте мнѣ заѣхать въ вамъ въ редакцію?—сказалъ Таманцевъ.

— Сдѣлайте одолженіе. Отъ трехъ до пяти, кромѣ воскресенья.

— Письмо отъ Глафиры Спиридоновны доставлю вамъ завтра, —обратился Таманцевъ къ Ветлугиной.

— Очень рада, графъ! Если не побрезгуете, зайдите. Я здѣсь же. Поразкажете мнѣ о Глафирѣ.

Хозяинъ номера проводилъ гостя за перегородку.

ХП.

Лакей—пожилой, въ сюртукѣ, при бѣломъ галстукѣ—ввелъ Таманцева въ кабинетъ адвоката Доннера и, уходя, сказалъ:

— Игнатій Авимовичъ извиняются, просятъ минутку обождать. Сейчасъ кончатъ завтракъ.

Оставшись одинъ, Таманцевъ долго оглядывалъ комнату.

Нѣсколько оконъ съ короткой драпировкой, выходя на одну изъ большихъ площадей Петербурга, впускали въ нее бѣлосватый свѣтъ отъ зимняго неба и снѣга на мостовой и крышахъ сосѣднихъ домовъ. Коверъ, темномалиновый, служилъ приятнымъ фономъ для тяжелыхъ дубовыхъ шкафовъ, заставлявшихъ всѣ стѣны, кромѣ одной, гдѣ висѣлъ портретъ, въ полъ-роста, вѣроятно, хозяина квартиры.

Адвоката Доннера Таманцевъ зналъ давно по репутаціи, но никогда и нигдѣ не встрѣчалъ. Не былъ увѣренъ и въ томъ, какого онъ собственно происхожденія—нѣмецъ, судя по фамиліи, или изъ другихъ инородцевъ.

Имя и отчество казались ему немного подозрительными, при такой нѣмецкой фамиліи: „Игнатій Авимовичъ“.

Онъ подошелъ по толстому ковру къ портрету. Въ работѣ его онъ сейчасъ узналъ одного извѣстнаго портретиста. Такой портретъ не могъ стоить меньше пяти тысячъ. Доннеръ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ адвокатовъ. Вся квартира—въ бель-этажѣ—и этотъ огромный кабинетъ съ такой библиотекой показывали, какія у него средства. И онъ тратитъ ихъ умно. Библиотека—въ нѣсколько тысячъ томовъ—роскошныя изданія, художественныя переплеты. На отдѣльныхъ дубовыхъ столахъ лежала коллекція гравюръ въ богатыхъ папкахъ. Нѣсколько скульптурныхъ и ювелирныхъ вещей большой цѣны были разставлены безъ расчета на эффектъ, со вкусомъ.

Лицо, смотрѣвшее съ холста портрета, заинтересовало его. Такое лицо могло быть только у очень мыслящаго и тонкаго человѣка. По типу Доннеръ не былъ похожъ на нѣмца, скорѣе какой-нибудь южанинъ: волосы, рѣдкующіе на лбу, черные и слегка курчавые; носъ съ горбинкой, нервный и къ кончику утолщающійся, нижняя губа немножко выдвинута и скептическая усмѣшка придана и рту, и длиннымъ близорукимъ глазамъ. Бородка подстрижена. Домашній вестонъ сидитъ небрежно. Правая рука держитъ книгу и вся поза—человѣка, задумавшагося надъ тѣмъ, что онъ сейчасъ прочелъ.

И чѣмъ больше Таманцевъ вглядывался въ портретъ, тѣмъ меньше у него было увѣренности въ томъ, что онъ сдѣлалъ настоящій выборъ ходатая, которому поручить высшее руководство по веденію дѣла крестьянъ мурашкинской волости. Не потому, что такой адвокат окажется очень дорогимъ. Если онъ согласится вести дѣло, то возьметъ извѣстный процентъ. Какъ бы его цѣна ни была высока—цѣнность земли очень большая: гонораръ будетъ изъ чего заплатить. Не то его начинало смущать. Найдеть ли онъ въ этомъ Доннерѣ человѣка, способнаго болѣе искренно войти въ положеніе мужиковъ. Знаніе, опытъ, авторитетъ, умъ—вотъ несомнѣнная репутація этого „цивилиста“. Но вѣдь если онъ отнесется къ дѣлу съ одной виѣшной дѣльностью, съ нимъ будетъ, быть можетъ, ему, Таманцеву, тяжело имѣть постоянныя отношенія, не видать въ немъ и тѣни того чувства, какое его самого заставило добровольно пойти въ мужицкіе ходовы?..

Къ Доннеру онъ взялъ письмо отъ сановника, который бесѣдовалъ съ нимъ недавно и такъ печально освѣтилъ ему теперешній Петербургъ. Адвокатъ отвѣтилъ ему тотчасъ же приглашеніемъ „ножаловать“; но не сказалъ въ своемъ письмѣ—согласенъ ли онъ взять на себя веденіе дѣла: въ общихъ чертахъ Таманцевъ познакомилъ его съ сутью процесса.

Въ этихъ прищуренныхъ глазахъ, въ этомъ ртѣ сидѣло что-то слишкомъ отрѣшенное отъ той земли, гдѣ какіе-то мужики какой-то мурашкинской волости барахтаются. Можетъ быть, и вся-то практика адвоката была для этого „цивилиста“ средствомъ, достигнувъ блестящаго матеріальнаго положенія, пребывать въ безплотной сферѣ мышленія.

Изъ богатыхъ дубовыхъ шкафовъ смотрѣли ряды томовъ, гдѣ на корешкахъ Таманцевъ могъ читать имена: Спенсеръ, Декартъ, Огюсть Контъ, Шопенгауэръ, Эммерсонъ, Бэнъ, Ломброзо...

Ему дѣлалось немного жутко. Въ кабинетѣ тишина стояла, точно въ какомъ музее. Изъ другихъ комнатъ обширной квартиры не доходило ни звука.

Минуть черезъ десять портьера боковой двери, спущенная на обѣ половины, всколыхнулась.

Адвокатъ стоялъ въ дверяхъ, отстранивъ обѣими руками тяжеля половины портьера.

Портретъ не льстилъ ему и былъ очень похожъ; только онъ оказался уже въ плечахъ и ниже ростомъ, чѣмъ предполагалъ Таманцевъ.

Лицо сдержанно улыбалось—блѣдное, худое и моложавое, не смотря на несвѣжій лобъ съ замѣтными морщинами. Доннеръ былъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, и Таманцевъ замѣтилъ про себя, что точно такъ одѣтъ и его лакей. Вѣроятно, онъ собирался въ судъ и не хотѣлъ сразу выходить во фракѣ.

— Милости прошу,—сказалъ онъ слабоватымъ голосомъ, безъ всякаго акцента, и пригласилъ Таманцева присѣсть на узкій диванчикъ, между двумя шкапами.

Самъ онъ сѣлъ противъ него на табуретъ.

— Я васъ... не задержу! — торопливо предупредилъ Таманцевъ.

— Почему же? Я свободенъ до самаго обѣда. Извините, что заставилъ васъ подождать. Меня задержали, и я завтракалъ поздне обыкновеннаго.

Говоръ у него былъ мягкій. Можно было принять его за настоящаго великоросса, пожалуй, за уроженца Москвы. Тонъ очень располагалъ своимъ умнымъ и спокойнымъ отгѣвномъ.

— Сегодня, если позволите,—началъ Таманцевъ не совсѣмъ увѣренно:—мы поговоримъ вообще.

— Съ удовольствіемъ. Какъ угодно. Хотя бы и по существу.

— Вы, многоуважаемый Игнатій Акимовичъ, стало-быть, не отказываетесь въ принципѣ отъ этого, довольно сложнаго и врядъ ли пріятнаго дѣла?

— Приятныхъ дѣлъ нѣтъ, графъ. Всѣ дѣла—кляузы, на оцѣнку свѣжаго человѣка.

— По крайней мѣрѣ,—продолжалъ Таманцевъ, оживляясь:— вы—очень строгій, какъ я слышала, въ выборѣ дѣлъ—ничего не будете имѣть противъ такого симпатичнаго мотива?

— Позвольте...

Доннеръ полузакрылъ глаза и, склонивъ немного на бокъ голову, сблизилъ пальцы рукъ, тонкіе и очень бѣлые.

— Развѣ я ошибся?

— Въ чемъ?—остановилъ Доннеръ.—Въ моемъ согласіи? Я его не давалъ вамъ, графъ, въ моемъ письмѣ. Но—насколько я вижу существо дѣла—тутъ нѣтъ причинъ устраняться. Да и вообще въ гражданскихъ процессахъ нѣтъ такихъ вопросовъ со-бѣсти, какъ въ уголовныхъ. Тяжущіяся стороны могутъ одинаково побѣждать или быть побѣжденными.

— Все-таки разница есть. Два хищника тягаются изъ-за милліона, который каждому изъ нихъ можетъ достаться такъ, безъ всякой съ ихъ стороны заслуги,—возразилъ Таманцевъ.— Или, какъ въ данномъ случаѣ, цѣлое населеніе въ двѣ тысячи душъ отстаиваетъ права на достояніе, которое у нихъ оттягали. Разница огромная!

— Видите, графъ,—заговорилъ Доннеръ, повторяя свой жестъ съ кистями рукъ, и замедливъ темпъ рѣчи.—Я боюсь, что мы съ вами не вполне сойдемся въ самомъ отношеніи къ нашему объекту.

„И я боюсь!“—подумалъ Таманцевъ.

— А вы развѣ ненавистникъ народа?—спросилъ онъ рѣзче, чѣмъ бы самъ желалъ этого.

— Ненавистникъ! Съ какой стати? Скажу вамъ, графъ, съ полной искренностью. Еслибы такая тяжба предложена мнѣ была самимъ обществомъ этой волости, я не затруднился бы взять на себя ходатайство или отказался бы за дѣйствительнымъ недосугомъ. Здѣсь есть особенное осложненіе...

— Въ чемъ же? Въ томъ, что я являюсь представителемъ интересовъ крестьянства?

— Въ томъ именно, графъ, что вы—доброволецъ-ходекъ. Вы—большой баринъ, съ титуломъ, и обрекаетесь на скуку веденія процесса, хотя бы только при адвокатѣ по профессіи. Даромъ на это никто не пойдетъ. Въ васъ, стало-быть, говоритъ вѣчто большее, чѣмъ простое чувство справедливости.

— Вы боитесь, что я—сектантъ-народникъ?

— Воздержимся отъ всякихъ кличекъ, но что-нибудь въ этомъ родѣ да есть.

Адвокатъ усмѣхнулся и показалъ два ряда мелкихъ желтоватыхъ зубовъ.

Эта усмѣшка покорила Таманцева.

— Мое чувство къ народу остается при мнѣ,—сдерживая себя, выговорилъ онъ.

— Безъ сомнѣнн, —оттянулъ съ той же усмѣшкой адвокатъ.

Глаза его стали глядѣть въ даль и лобъ наморщился. Усмѣшка совсѣмъ пропала.

— Мужикъ бѣденъ, неумѣль, подавленъ своей неурядицей и темнотой, своими пороками и своей лѣнью... Его жаль; но въ послѣднне годы во имя его дѣлается столько зла, происходитъ такая расовая травля, что право, графъ, я затрудняюсь рѣшить, что опаснѣе: народничество или закорузлое ретроградство, но на прежннй помѣщичнй ладъ, безъ мистической руссофильской подкладки.

— Я не мистикъ! —твердо выговорилъ Таманцевъ. —И даже не народникъ, какъ вы разумѣете. Я просто ходовъ, быть можетъ, неумѣль, но безъ всякой задней мысли.

— О, конечно! Это очень симпатично; но повторяю, графъ, я буду стѣсненъ, если я возьмусь за дѣло муражкинской волости. Вы не найдете во мнѣ той... какъ бы это сказать — подоплеки, какая есть въ васъ. А вы, кажется, не изъ такихъ натуръ.

— Разъ я вижу, что адвокатъ преданъ душой тому, за что я ратую, я не буду вмѣшиваться.

— Чужая душа —потемки, графъ. И я впередъ отказываюсь сообразовать мое profession de foi съ вашимъ.

Таманцевъ всталъ, очень взволнованный.

— Въ такомъ случаѣ извините, —сказалъ онъ сухо, но вѣжливо.

— Такое время, графъ! —выговорилъ съ удареннемъ адвокатъ и тоже всталъ. —Вы изволите видѣть —вамъ мало одной честности и знаннй въ довѣренномъ лицѣ, вы требуете всю его душу!

Доннеръ протянулъ руку Таманцеву, видя, что тотъ собирается уходить, и, провожая его до передней, сказалъ тише звукомъ:

— Вы найдете ходатаевъ болѣе покладливыхъ, чѣмъ я, графъ. Хотя бы дѣло и было очень запутанное. Имѣю честь кланяться.

Таманцевъ на это ничего не отвѣтилъ.

XIII.

Въ кабинетнѣ, позади спальни княгини Елены Павловны, со стѣнами въ кретонѣ, княжна Кэтъ сидѣла у окна, надъ бюваромъ изъ оливковаго дерева съ инкрустаціей и выводила своимъ

англійскимъ спокойнымъ почеркомъ на продолговатомъ листѣ толстой матовой бумаги.

Она писала Лили Фривенъ, что ждетъ ее сегодня ѣхать на катокъ въ четвертомъ часу. Подписавъ свое имя, она поставила постскриптумъ, гдѣ спрашивала о Лушковѣ. Быть можетъ, и онъ завернетъ на катокъ.

Написавъ этотъ PS, Кэтъ поднесла ручку пера къ щекѣ и задумалась.

Нужно ли было прибавлять это? Ей пріятнѣе кататься съ Лушковымъ. Онъ такъ ловко держитъ васъ за талию при поворотахъ; необыкновенно удобно съ нимъ. И потомъ плывешь по льду въ тактъ, даже и подъ плохую духовую музыку. Если хочется сдѣлать какой-нибудь росчеркъ, онъ и тутъ поможетъ; и все это безъ всякаго умничанья, хотя и считается очень дерзкимъ съ женщинами.

Она этого до сихъ поръ не испытала. Съ ней онъ только милъ, совсѣмъ какъ пріятель, и въ то же время такъ тонко даетъ ей понять, что онъ ее отличаетъ отъ другихъ; а этихъ „другихъ“ нѣсколько десятковъ. Всѣ желаютъ имѣть его кавалеромъ; во всѣхъ открытыхъ домахъ онъ желанный гость.

Ея пріятельницѣ Лили Фривенъ онъ ужасно нравится; но у Лушкова съ ней „ничего нѣтъ“.

Думая такъ, Кэтъ хорошо знаетъ, что могло бы быть иначе. По части супружеской невѣрности она— „très bien renseignée“. Нынче не то, что дѣвушки ея лѣтъ, а нѣмецкія „Backfisch“ превосходно все понимаютъ и говорятъ о тайныхъ романахъ. Это даже первый разговоръ свѣтскихъ дѣвушекъ.

Лили она отлично понимаетъ и вовсе не увлекается ею. Ей извѣстно, что на нее не очень хорошо смотрятъ въ тонныхъ и строгихъ домахъ. У нея были и теперь могутъ быть „des toquades“. Гусара Дубровина она съ нѣкоторыхъ поръ постоянно видитъ при ней.

Это очень поватно. При такомъ мужѣ! Лили—пуста, кокетлива, тщеславна, воображаетъ, что у нея всѣ таланты, подражаетъ Сарѣ Бернаръ въ движеніяхъ и туалетахъ. Но что же изъ этого!

Такой второй нѣтъ во всемъ Петербургѣ по шикъ и „je ne sais quoi fantaisiste“. Безъ нея было бы гораздо прѣснѣе. Благодаря Лили, она теперь вышла изъ рамокъ барышни, которую вывозятъ въ свѣтъ. Княгиня, ея бабушка, сама рѣдко выѣзжаетъ съ нею. Съ этого сезона она позволяетъ внучкѣ бывать съ Лили на вечерахъ, на каткѣ, въ оперѣ. Сначала княгиня немного мор-

чилась, но Кэтъ съумѣла, безъ всякихъ сценъ и объясненій, показать, что она больше не дѣвочка. Ей двадцать-четыре года, у нея есть свои средства. Изъ ближайшихъ пріятельницъ вьянги ни одна не стала бы вывозить ее. Да она и не желаетъ, чтобы ее „вывозили“. У нея давно уже тонъ и манеры молодой дамы; и всѣ находятъ, что это очень идетъ къ ней.

Кэтъ еще разъ перечитала записку и заклеяла ее, пройдясь медленно кончикомъ языка по краямъ конверта. Она была уже одѣта къ завтраку, въ суконномъ платьѣ, темнозеленомъ съ цвѣтной манишкой, очень широкими отворотами и высокимъ воротникомъ, который подпиралъ ей подбородокъ. Темные цвѣта выгодно отбѣляли обращиваніе ея кожи. Талія казалась всегда тоньше.

Она встала и подошла къ шкапчику съ книгами—всѣ почти въ богатыхъ переплетахъ. У нея была своя маленькая библіотека. Къ нѣкоторымъ авторамъ, бывшимъ ея любимцами еще два года назадъ, она охладѣла, въ томъ числѣ къ Полю Буржѣ. Ее гораздо больше занимали самые молодые. И вчера она только-что разрѣзала желтый томикъ недавно полученнаго въ Петербургѣ новаго романа Марсея Превд.

Буржѣ она находитъ уже прѣснымъ, слащавымъ. Онъ поддѣлывается подъ свѣтскую религіозность и хочетъ, прежде всего, прослыть парижаниномъ высшаго тона. Лушковъ встрѣчалъ его у парижскихъ барынь и очень мило его передразниваетъ. И Лили, увлекавшаяся имъ еще въ прошломъ году, находитъ, что— „se raucite Paul est atteint de snobisme“.

Кэтъ достала томикъ и, присѣвъ на конецъ кушетки, стала разрѣзывать вторую его половину. Черезъ десять минутъ придутъ звать ее къ завтраку. Врядъ ли будетъ сегодня кто-нибудь чужой. Книгиня приглашаетъ только по воскресеньямъ, и тогда они завтракаютъ получасомъ позднѣе.

Третьяго дня обѣдалъ у нихъ генераль Дергуновъ, дядя графа Андрея.

Генераль особенно раздраженъ противъ своего племянника. Тотъ наговорилъ ему дерзостей. И старикъ такъ началъ его звать, что Кэтъ, слушавшей молча эти выходки, стало немного жаль его.

Съ того дня, какъ онъ былъ съ визитомъ, онъ не появлялся больше. Она согласна, что сухогато встрѣтила его. Но съ какой же стати воображаетъ André (она еще называла его такъ про себя), что она должна была выказать радость? У нихъ нѣтъ flirt'a, у нихъ не было любовной переписки. Здѣсь, въ Петербургѣ, она всегда относилась къ нему хорошо, очень дружески.

Одно время онъ началъ ей нравиться. Она находила его умнымъ, смѣлымъ, болѣе „мужиной“, чѣмъ большинство молодыхъ людей. Онъ много жилъ за границей, много читалъ. И наружность его — до отъѣзда въ деревню — могла нравиться. Но теперь онъ потолстѣлъ, похожъ на купца или провинціального доктора. Даже есть что-то въ его курчавой головѣ протонародное.

Это бы ничего. Но съ какой стати взялъ онъ на себя менторство? Она ему писала очень охотно и часто, все рассказывала про свои выѣзды, знакомства, чтенія. И ничего не скрывала изъ своихъ мыслей. Вотъ эти мысли-то и не пришлись ему по вкусу. Какая же охота получать въ отвѣтъ всякія, совершенно лишнія наставленія? Какое же удовольствіе въ пріятельской перепискѣ, если нельзя быть такой, какой чувствуешь и сознаешь самоё себя? А онъ взялъ тонъ человѣка, точно имѣющаго на нее права... по крайней мѣрѣ жениха.

Они не объяснялись въ любви, они не дѣловались. Въ ея письмахъ никогда не было никакихъ нѣжностей. Да и онъ писалъ ей совсѣмъ не такъ, какъ пишутъ влюбленные; письма сначала были очень милыя; но потомъ тонъ ихъ дѣлался нестерпимымъ. Переписка и прекратилась... не по ея винѣ.

И какъ разъ въ этому времени она стала часто видаться съ Лущковымъ. Сначала ей недоставало писемъ отъ André. Но она сильно не тосковала — доказательство, что у нея не было никакого особеннаго чувства къ нему.

Къ чему обманываться, напускать на себя?

Кътъ, съ тѣхъ поръ какъ она считала себя „личностью“, больше всего презирала всякую рисовку и сантиментальность. Вотъ и въ послѣдній разъ, когда они чуть, было, не заспорили въ очень непріятномъ тонѣ, она ему сказала, что думаетъ о петербургской благотворительности. Не намѣрена она измѣнять своего взгляда въ угоду ему. И первая ихъ бурная схватка была, два года тому назадъ, изъ-за того, что она стала говорить правду о ихъ родителяхъ...

André смѣшонъ съ своими фасонами.

„Vous avez trop de bleu“, — не переставала она повторять ему. А съ тѣхъ поръ онъ, вдобавокъ, сталъ еще рѣзче. И ведетъ себя въ обществѣ просто смѣшно. Вездѣ онъ строитъ фразы, либеральничаетъ, напускаетъ на себя любовь къ мужикамъ. Дядѣ нагрубилъ. Вчера madame Овчинина была у нихъ съ визитомъ и рассказывала также, что онъ и ея мужу, и ей наговорилъ, ни съ того, ни съ сего, Богъ знаетъ что!

Да, онъ просто смѣшонъ и врядъ ли даже способенъ понять,

насколько она развилась, какъ она смотритъ на все, что вокругъ нея дѣлается. Она ничѣмъ не увлекается. Никакихъ „clichés“ она не желаетъ. Всего страшнѣе скука; но еще хуже скуки—быть наивной или подчиняться тому, что вамъ навязываютъ другіе.

Кэтъ, докончивъ разрѣзъ листовъ желтаго томика, перешла въ спальню, положила его на ночной столикъ и передъ зеркаломъ поправила прическу.

Она гордилась тѣмъ, что была аккуратна, совсѣмъ по-англійски, и любила смѣяться надъ русской непорядочностью.

Оффиціантъ пришелъ, къ половинѣ перваго, доложить ей, что завтракъ поданъ.

— Послать съ посыльнымъ!—вратко приказала она ему, отдавая письмо къ Лили.

Прислуга слушалась ее больше, чѣмъ старую барыню. Про себя и Кэтъ давно знала, что княгиня для нея ни въ чемъ не авторитетъ, и въ домѣ она—такая же хозяйка.

XIV.

„Добрый графъ Андрей Павловичъ,—читалъ Таманцевъ въ тотъ самый день, когда Кэтъ послала записку Лили Фризенъ: — какъ мы всѣ чувствуемъ ваше отсутствіе! Знаете, когда вы пріѣхали проститься съ нами, то я какъ-то не поняла, что вѣдь это настоящее прощаніе, что это—отъѣздъ надолго... Кто знаетъ, быть можетъ навсегда?“

Почеркъ былъ крупный, пріятный для глаза, мужской. Писала дѣвушка, та самая Глафира Спиридоновна Колчанова, про которую у нихъ вышелъ разговоръ съ ученой дѣвой Ветлугиной, въ номерѣ беллетриста Малышева.

Пахнуло на него совсѣмъ другимъ воздухомъ отъ этого умнаго дружескаго письма. Какъ это непохоже на то, что онъ испытываетъ здѣсь, вотъ уже вторую недѣлю! Какъ это далеко отъ такихъ салоновъ, гдѣ княжна Кэтъ обучается теперь высшему тону, подъ руководствомъ такой бабенки, какъ Лилишва, и такого „прелестнаго мужчины“, какъ господинъ Лушковъ? Но и у писателя ему было скорѣе жутко, чѣмъ ловко и хорошо. Какимъ-то себѣ-на-умѣ, умничаньемъ и сухостью отзывался этотъ сочинительскій номеръ. Вѣроятно, всѣ трое — и Малышевъ, и его пріятель Дымкинъ, и ученая дѣва Ветлугина — очутились они въ уѣздѣ—были бы другіе.

Все письмо Глафиры Колчановой дышало искреннимъ интересомъ къ нему. И никакой въ немъ не было сентиментальности.

Онъ задумался, отложивъ письмо на столъ.

Развѣ ему не приводилось замѣчать въ своей сосѣдѣ чего-нибудь больше дружеской симпатіи? Да и бываетъ ли дружба у женщины съ мужчиной? Самъ онъ не позволялъ себѣ „интересничать“ съ нею—слишкомъ уважалъ ее для этого. Но ему памятно два-три раза, когда Глафира одушевлялась въ разговорѣ съ нимъ, въ сумерки, съ глазу на глазъ. И глаза ея, съ ровнымъ блескомъ, подъ густыми, низко лежащими бровями, начинали блестѣть сильнѣе. И щеки, довольно полныя, розовѣли. Ямочки появлялись на нихъ и сочный ротъ, съ блестящими зубами, точно противъ воли раскрывался.

И въ такія минуты онъ не позволялъ себѣ ничего лишняго—взять за руку или сѣсть поближе. Его сдерживало и то, что онъ въ уѣздѣ былъ первый „аристократъ“, какъ его звалъ становой. А Глафира Спиридоновна Колчанова, хоть и богатая дѣвушка, но купчиха, а эта разница чувствуется въ уѣздѣ гораздо сильнѣе.

Глафира Колчанова писала ему, что онѣ съ сестрой собираются въ Москву на праздники,—можетъ, пробѣдутъ и въ Петербургъ.

„Только,—читалъ онъ съ блуждающей улыбкой,—васъ въ Питерѣ,—онъ подумалъ: зачѣмъ она употребляетъ слово „Питеръ“?—и не добудешь. Если не порхаєте, чего я не хочу предполагать, то поглощены вашими хлопотами. Вѣдь у насъ, въ уѣздѣ, васъ иначе не называютъ, какъ *ходокъ*—иные съ легкой ироніей, но многіе съ полнымъ сочувствіемъ. Право, нашъ уѣздъ—хоть куда. Всѣ, кто что-нибудь стѣбитъ, умѣютъ цѣнить такихъ людей, какъ вы, графъ. И ихъ самое искреннее желаніе—привлечь васъ къ мѣстной службѣ. Мы съ сестрой воздерживаемся отъ заявленія нашихъ желаній. Это было бы уже слишкомъ хорошо для вашихъ ближайшихъ сосѣдей“.

Всѣ четыре страницы были исписаны. На четвертой оставлено мѣсто на нѣсколько строкъ для старшей сестры. Клавдія благодарила его за книгу, высланную изъ Москвы,—по агрономіи. Въ конвертъ вложенъ былъ кусокъ бумаги въ полу-четвертушку. Докторъ Домашневъ, случившійся у сестеръ, писалъ ему:

„Шлю сердечныя пожеланія успѣха *ходоку* мурашкинскихъ крестьянъ; но вамъ лично не завидую, графъ. Возвращайтесь-ка къ намъ еще по хорошему зимнему пути“.

Славное, немножко инородческое лицо доктора выплыло передъ нимъ—съ мороза, когда тотъ, въ передней, освобождался изъ своего овчиннаго тулупа. Борода заиндевѣла, волосы подъ шапкой пристали къ лбу, щеки съ румянцемъ, каріе глаза весело подмигиваютъ.

— Погода!—говорить докторъ, отряхивая морозныя сосульки съ бороды и усовъ.

Вслѣдъ за лицомъ доктора выплываетъ въ его памяти и фигура—немного плотная—рослой, прекрасно сложенной дѣвушки, почти всегда въ темномъ платьѣ, въ обтяжку, отлично спитомъ. И ея большіе темнокаріе глаза такъ пріятливо улыбаются, и бѣлые зубы блестятъ изъ-за пышныхъ губъ.

Но онъ не испытываетъ никакой тревоги отъ этого образа, вызваннаго письмомъ Глафиры Спиридоновны.

Изъ-за него сейчасъ же, помимо его воли, всплываетъ образъ другой дѣвушки, съ тонкой таліей, съ большими буффами на рукавахъ. Ея лицо, блѣдное, съ прозрачной кожей, и эти нервныя ноздри, и руки, тонкія и длинныя, и голосъ, гдѣ не задрожало ни одного ласковаго звука за весь ихъ разговоръ на той недѣлѣ.

Неужели онъ такъ и оставитъ ее въ воздухѣ Лилишекъ и Лушковыхъ? Старуха-внягиня — сухая, чванная педантка, которой, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла до того, что выйдетъ изъ ея внучки, только бы она сдѣлала блестящую партію. Кэтъ не всегда была такая. Она умна, даже очень умна, у нея есть любознательность, она много и съ толкомъ читала. Въ ней привлекала его новизна и смѣлость всѣхъ ея взглядовъ, большая правдивость, даже и въ томъ, что ему не нравилось.

Не виновата ли онъ кругомъ и тутъ? Зачѣмъ оборвалъ онъ съ ней переписку изъ деревни? Ея письма смущали, положимъ, даже огорчали его. Но съ какой же стати было брать тонъ ментора и проповѣдника?

Это такъ же глупо, какъ и его выходки въ салонѣ княгини, у дяди, у Овчинина. Прежде, до отъѣзда въ деревню, ему случалось вспылить, но не такъ. Онъ просто разучился быть въ воспитанномъ обществѣ. И навѣрно дядя уже накаловался на него княгинѣ и представлялъ его въ лицахъ. Можетъ, и Овчинины уже рассказали: жена его является на поклонны въ старухѣ, хотя и играетъ въ какую-то оппозицію, на аглицкій манеръ.

— Господи! Какъ все это нелѣпо!—вскрикнулъ онъ, и краска смущенія и досады на себя уже не сходила съ его щекъ, похутившихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Петербургѣ.

— Какъ глупо, какъ глупо!—повторилъ онъ и не находилъ въ себѣ никакихъ оправданій собственному поведенію.

Вѣдь онъ не разорвалъ же съ домою княгини; а вотъ около недѣли, какъ онъ не кажетъ туда глазъ.

Это его почти испугало. Онъ отчетливо и быстро сталъ вспоминать свои отвѣты и мины въ будуарѣ старухи до прихода генерала и послѣ. У нея онъ еще сносно велъ себя. Нѣтъ никакого резона прекратить посѣщенія. Если до сихъ поръ ни она, ни Кэтъ, не напишутъ ему пригласительной записки—опять-таки онъ же виноватъ. Въ заѣвъ онъ повелъ себя совсѣмъ не такъ, чтобы его стали усиленно приглашать, даже и въ такой близкій домъ, какимъ былъ для него всегда домъ княгини.

Онъ стремительно позвонилъ и приказалъ челоуѣку приготовить ему одѣться.

Это было послѣ его завтрака. И въ началѣ четвертаго онъ уже ѣхалъ въ саняхъ, первопуткомъ, по направленію къ Фонтанкѣ. На душѣ у него было тревожно и весело. Черезъ пять минутъ онъ увидитъ Кэтъ. Можетъ быть, она одна. Да онъ и не будетъ спрашивать старуху. Прежде онъ всегда приказывалъ доложить княжнѣ, и они сидѣли въ гостиной по цѣлымъ часамъ. Къ старухѣ онъ ходилъ только откланяться.

Молодымъ челоуѣкомъ выскочилъ онъ изъ саней и взбѣжалъ на крыльцо.

— Княгиня дома?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ ему все тотъ же краснолицый, бритый швейцаръ, очень важный.

— А княжна?

— И ихъ нѣтъ. Онѣ извоили поѣхать съ madame Фризенъ на катокъ.

— Куда?

— Не могу вамъ съ точностью сказать. При мнѣ вчеру ничего сказано не было.

„На катокъ ли?—подозрительно подумалъ Таманцевъ.—Нѣтъ ли тутъ какихъ ходовъ этого Лущкова?“

— И неизвѣстно, въ которомъ часу онѣ вернуться?

— Врядъ ли раньше обѣда, ваше сіятельство.

Эта неудача только подтолкнула его.

Городскіе катки извѣстны. Онъ обѣдетъ ихъ всѣ и гдѣ-нибудь да найдетъ Кэтъ. И она узнаетъ, какъ ему захотѣлось ее видѣть.

„А если тамъ Лущковъ?—спросилъ себя Таманцевъ, садясь въ сани—Навѣрно тамъ! Такъ что жъ изъ этого?“

Какое ему дѣло до этого нахала? Неужели онъ не въ силахъ будетъ въ теченіе зимы заставить его ретироваться на задній планъ? Что въ немъ есть такого опаснаго? Они почти однихъ лѣтъ. Онъ скорѣе смѣшонъ, чѣмъ красивъ; большого состоянія нѣтъ, весьма сомнительная репутація.

Съ кѣмъ бы онъ ни нашелъ княжну, онъ отыщетъ ее! И молодое чувство отваги заиграло въ его груди.

XV.

Духовая музыка тянула вальсъ изъ „Цыганскаго барона“. На морозномъ воздухѣ звуки мѣди разносились рѣзко и раскатисто и съ неизбежной фальшью на высокихъ нотахъ.

Катовъ освѣщался нѣсколькими рядами фонарей, и часто поверхъ ихъ желтоватаго свѣта пускали электричество съ разными колерами: краснымъ, синимъ, зеленымъ, огненно-фіолетовымъ. Эти мгновенныя зарева придавали сказочный налѣтъ и площади льда, и фигурамъ, которыя плыли по катку въ разныхъ направленіяхъ, встрѣчались, расходились, дѣлали причудливые повороты.

Издали публика и черныи народъ глазѣли на катовъ. Подъ навѣсомъ шли разговоры—больше на иностранныхъ языкахъ.

Въ одной группѣ выше другихъ поднимался вартавый говоръ Лили Фризенъ.

Она только-что вернулась, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, и манерно перевода духъ, стояла спиной, держась за барьеръ—въ бархатной шубкѣ, опушенной выхохолью, собольяго мѣха шапочкѣ и очень короткой пестрой юбкѣ. Ея красивыя ноги, въ высокихъ штиблетахъ, выдѣлялись двумя темными контурами на фонѣ стѣны, на половину засыпанной снѣгомъ.

Съ ней говорили два офицера—одинъ въ бѣлой фуражкѣ, другой въ красной—и двѣ дамы. Одна изъ нихъ сидѣла въ глубинѣ на скамейкѣ и сама не каталась.

— *Louchkoff se surpassa!*— вскричала Лили, глядя прищуренными глазами въ глубь катка.

— *Il pose pour le torse,*—сказалъ одинъ изъ офицеровъ постарше и повлѣ на языкъ.

— Навѣрно онъ въ корсетѣ,—прибавилъ другой по-русски.

— И не думаетъ,—обрѣзала его Лили и нахмурила брови.—*Пожалуйста,*—продолжала она съ не-русскимъ акцентомъ:—я вамъ запрещаю нападать на него. *C'est pas très courageux... en son absence!*

Офицеръ хотѣлъ что-то возразить, но въ эту минуту пара подлетѣла къ барьеру и разомъ уперлась въ барьеръ руками.

Это были Кэтъ и ея всегдашній кавалеръ Лушковъ.

Офицеръ былъ правъ: всякій бы сказалъ, что у Лушкова подъ курткой, обшитой сѣрыми смушками, корсетъ: въ такой степени ясно выступалъ узкій перехватъ талии.

На головѣ его сидѣла немного назадъ сѣрая же смушковая шапка. И такъ же, какъ Лили, онъ былъ не въ сапогахъ, а въ штиблетахъ, на парижскій манеръ.

Кэтъ, въ такой же „toque“, какъ и Лили, но въ суконной курткѣ, раскраснѣлась, и ея волосы выбились на вискахъ тонкими спиралями. Она усиленно дышала, и глаза ея казались съ поволокой, немного сдавленные вѣками. Въ нихъ осталось сладкое ощущеніе быстрого лета по зеркалу льда.

— Ouff! — сдѣлали разомъ Кэтъ и Лушковъ.

Лили захопала. Захлопали и оба офицера, бывшіе тутъ въ качествѣ зрителей.

— Egeintée? Hein! Kate? — бросила Лили.

— Moi? — переспросила Кэтъ. — Pas le moins du monde!

— Très grâne! Très grâne! — одобрительно кивалъ на Кэтъ головой Лушковъ, выпрямляя грудь и замѣтно охорашиваясь.

Офицерамъ хотѣлось сказать ему что-нибудь неприятое.

— Лушковъ! — окликнулъ его тотъ, что былъ постарше. — Сколько вензелей пустил? А?

Второй засмѣялся.

— Des chiffres? — переспросилъ все такъ же фатовато Лушковъ, не обращая вниманія на ихъ тонъ. — Deux seulement. Mais d'un chic, mes enfants!

И онъ, освободивъ одну руку, въ кирпичнаго цвѣта перчаткѣ, приложилъ ее къ губамъ.

— N'est-ce pas, princesse? — спросилъ онъ Кэтъ, наклонившись къ ея плечу такъ низко, что до нея доходило его дыханіе вмѣстѣ съ запахомъ его духовъ.

— Très chic! — подтвердила она и улыбнулась ему.

— Княжна, — спросилъ злой офицеръ въ красной фуражкѣ: — вамъ завидно? Вы еще не дошли до такого совершенства?

— Mais certainement, — подхватила Лили: — que nous l'envions toutes. Et vous donc!

Всѣ засмѣялись, кромѣ офицера въ красной фуражкѣ.

— Encore un tour! — крикнула Кэтъ и выпрямилась.

Они взяли руками съ Лушковымъ и отдѣлились отъ барьера, дѣлая качательныя движенія вправо и влево, сначала медленно,

потомъ все ускоряли, ускоряли темпъ и понеслись ближе къ среднѣй катка, куда въ эту минуту влилась волна рубиноваго электрическаго свѣта и затопила все, вплоть до темнѣющаго фона домовъ.

Кэтъ закрывала глаза и такъ въ темнотѣ неслась подь звуки вальса. Они съ своимъ кавалеромъ составляли точно одно крилатое существо. Рука Лушкова крѣпко держала ее, но она почти не ощущала, что ее держатъ. На дальнемъ концѣ, при поворотѣ, дыханіе Лушкова, съ запахомъ духовъ отъ его усовъ и шапочки, повѣяло на нее и заставило испытать что-то особенно пріятное во всемъ тѣлѣ.

— Voulez-vous que je vous lâche?—спросилъ онъ ее.

— Oh, que non!

Ей показалось, что одну ея руку—правую—онъ жметъ сильнѣе. Но его глаза смотрять не на нее, а вбокъ. Онъ точно ждетъ, чтобы и она отвѣтила ему. Она не хочетъ. Но и руку она не отнимаетъ. Въ этомъ порочномъ человѣкѣ—Кэтъ знаетъ, что онъ пороченъ—есть что-то для нея заманчивое. Когда она о немъ думаетъ, то сравниваетъ его съ такими вещами, которыя ей до сихъ поръ недоступны. Читаетъ она все. Княгиня, вотъ уже второй годъ, не наблюдаетъ за выборомъ ея книгъ. Она сама зайдетъ къ Вольфу или къ Меллье и купить то, что ей покажется интереснымъ. Но въ *cabinet particulier* она никогда не бывала, или въ какой-нибудь „*garçonnière*“. И не видала такихъ пьесъ, какія даются въ Парижѣ, у Антуана, въ „*Théâtre libre*“.

Лишь разъ приглашала ее заѣхать въ Милютинны лавки, поѣсть устриць, послѣ спектакля. Взять Лушкова и еще своего гусара. Но на нее нашелъ какой-то глупый страхъ.

И Лушковъ для нея олицетвореніе чего-то запретнаго. Его *bagout*, жесты, звукъ голоса, туалетъ, манера танцовать и пѣть шансонетки—все это въ родѣ крѣпкихъ, очень дорогихъ и модныхъ духовъ, какихъ еще ни у кого нѣтъ.

— *Escoutez, princesse*,—говоритъ ей Лушковъ, они катились медленно:—*je comprends que vous aimiez la glace*.

— *A cause?*—лживо отвѣчаетъ она, и ей не хочется раскрыть глаза совсѣмъ—она ихъ держала полуоткрытыми, чтобы видно было подъ-ноги.

— *A cause? Pardieu! Mais parce que vous êtes vous-même de glace*.

Ей это и прежде говорили, только не такимъ тономъ. Будто

она такъ холодна? Онъ, вѣроятно, желаетъ, чтобы она передъ нимъ таяла!

Этого не будетъ. Если онъ и „флиртируетъ“ съ нею, то такъ, какъ съ десяткомъ другихъ дѣвицъ. Съ дамами у него очень дерзкій тонъ, кромѣ тѣхъ, кто только его пріятельницы, напримѣръ, какъ Лили.

— Vous trouvez? — спросила она, и смѣло поглядѣла на него вбокъ.

— Si je le trouve!

Онъ разсмѣялся — неприятно, какъ смѣются на сценѣ.

„Холодна ли я?“ — спросила себя Кэтъ, и ей какъ будто обидно стало, что всѣ считаютъ ее кусочкомъ льда. Это неправда. Но вотъ въ эту минуту развѣ у нея на сердцѣ что-нибудь вздрагиваетъ? Ей просто пріятно отъ любимаго ея удовольствія, пріятно и отъ того, что она катается съ самымъ левымъ и моднымъ молодымъ мужчиной.

И только? Неужели — только?

— Un glaçon, quoi! — съ тѣмъ же актерскимъ смѣхомъ сказалъ Лушковъ, и спросилъ тѣмъ же тономъ: — Voulez-vous un pas de rigodon?

Это ей напомнило, что они скоро должны танцовать въ балетѣ. Лушковъ приглашалъ ихъ съ Лили заѣхать къ нему — посмотреть его костюмъ, который будетъ готовъ къ слѣдующей недѣлѣ.

Отчего же и не заѣхать на минуту? Онъ навѣрно одѣнется. Лили сядетъ за пѣяно. И они пройдутъ всѣ свои пѣ.

Но и отъ этого у нея не забилося сердце. Она не боится Лушкова. Даже съ глазу на глазъ она осталась бы съ нимъ гдѣ угодно. Никого она не боится и за себя можетъ отвѣтить. Но она все-таки не кусокъ льда. О, нѣтъ!

XVI.

Когда они возвращались, Лушковъ кивнулъ головой по направленію къ навѣсу и сказалъ, сдѣлавъ презрительную мину:

— Tiens! Votre amoureux! L'homme à la thèse!

Кэтъ повернула голову туда же, и сейчасъ узнала въ стонѣ отъ обоихъ офицеровъ — Лили уже была опять на льду — плотную фигуру графа въ длинномъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ.

— Mon amoureux? — спросила она и отняла руку, продол-

жа ватиться вровень съ своимъ кавалеромъ. *Quelle drôle d'idée!*

— Il est passablement démodé... ce monsieur-là, — выговорилъ Лущковъ, и повелъ такъ же презрительно своими растрепанными, по модному, усами.

Товъ Лущкова задѣлъ Кэтъ. Она сама могла быть недо-вольна Таманцевымъ, но все-таки онъ былъ еще недавно близкій ей человекъ. Она не терпѣла никакого двоедушія. Если въ ея присутствіи на него нападали „за дѣло“, она молчала, какъ на дняхъ, когда у нихъ обѣдалъ его дядя. Но третировать его за глаза, да еще называть его ея „амоузеухъ“ — она не позволятъ.

— *Laissez-le tranquille,* — сказала Кэтъ, строже взглянувъ на Лущкова.

— Ah! Mademoiselle le gobe?

Лущковъ засмѣялся своимъ дѣланымъ смѣхомъ.

— *Mais pas du tout. Vous êtes infecte!*

— *Merci!* — невозмутимо отвѣтилъ онъ, и по его развратному взгляду видно было, какъ онъ ея любитъ, и готовъ еще посердить ее, только чтобы ея ноздри вздрогнули на особый ладъ.

Они оба были уже близко къ барьеру. Кэтъ видѣла, что Таманцевъ ищетъ ее глазами. Она первая издали кивнула ему головой, и онъ широкимъ жестомъ снялъ свою бобровую шапку. Она замѣтила и чуть замѣтную тѣнь, которая прошла по его лицу, когда онъ узналъ и Лущкова.

„Зачѣмъ онъ здѣсь? — подумала Кэтъ. — Кажется, онъ не умѣетъ кататься на конькахъ?“

Не для нея ли пришелъ онъ сюда? Быть можетъ, Таманцевъ стоилъ совсѣмъ не такой встрѣчи, какую онъ нашелъ въ первый свой визитъ. Но кто его знаетъ? Онъ способенъ и здѣсь начать читать мораль.

Внутри у нея было что-то двойственное, когда она подлетѣла къ барьеру и схватилась за него руками.

Кавалеръ ея немного отсталъ.

Таманцевъ стоялъ поодаль отъ офицеровъ въ бѣлой и красной фуражкахъ. И первый онъ подошелъ къ ней.

— Bravo, княжна! — ласково облизнулъ онъ ее.

Кэтъ быстро обернула къ нему голову, уже стоя спиной къ барьеру, и слегка оперлась о него.

— A! графъ, вы здѣсь?

Она давно знала, что онъ и прежде любилъ русскій языкъ, — а теперь и подавно. Отчего же не сдѣлать ему удовольствіе? Особенно, когда они вдвоемъ.

Лушковъ повернулъ у самаго барьера, увидавъ, что Таманцевъ говоритъ съ Кэтъ. На встрѣчу ему поворачивали, съ другой стороны, три дамы, взявшись руками. Онъ подлетѣлъ къ крайней изъ нихъ, и она крикнула такъ, что Кэтъ и Таманцевъ могли слышать:

— Prenez-moi!

„P bisque!“ — подумала Кэтъ французскимъ жаргоннымъ словомъ, и ее приятно защекотало, что Лушковъ какъ будто ревнуетъ ее.

Такъ ей больше нравится, чѣмъ слишкомъ развязный тонъ мужчины съ его успѣхомъ, который удостоиваетъ легкаго „флирта“ неглупенькую дѣвицу съ титуломъ и приданымъ.

— Какъ вы попали сюда? — спросила Кэтъ Таманцева, а ее полуоткрытые глаза улыбнулись ему.

— Спросите лучше — зачѣмъ?

— Ну, зачѣмъ?.. Вы знаете... я всегда хуже говорю по-русски съ вами. Вы такой строгій.

Она это выговорила такъ, какъ бывало прежде, въ ихъ долгія бесѣды съ глазу на глазъ, при свѣтѣ одной лампы въ засвѣжѣвшей гостиной.

— Былъ у васъ, — заговорилъ оживленно Таманцевъ.

— Видѣли grand'maman?

— Нѣтъ, ея не было дома, а мнѣ швейцаръ не могъ сказать — гдѣ вы именно.

— И вы меня искали?

— Искать.

— Все время?

— Все время.

— Вы меня балуете, — сказала Кэтъ съ усмѣшкой.

— Послушайте, — остановилъ ее Таманцевъ: — бросьте со мною этотъ тонъ!

— Какой?

— Развѣ я не могъ стремиться къ вамъ?

— Стремиться... Это такое книжное слово.

— Полноте! — проронилъ Таманцевъ, и голосъ его дрогнулъ.

— Вы слишкомъ все серьезно, графъ.

— Не зовите меня такъ!

Въ эту минуту мимо прошла Лили подъ-руку съ военнымъ. Кэтъ знала, что этого гусара съ восточнымъ лицомъ и бородой считаютъ ея „другомъ“.

— Venez! Katie! — крикнула ей Лили.

Черезъ нѣсколько секундъ Лущковъ съ тремя дамами пролетѣлъ и бивнулъ головой въ ихъ сторону.

Электричество озарило опять весь катокъ задорно-яркимъ свѣтомъ.

Лили, Лущковъ — пріятели и руководители Кэтъ — эти двѣ фигуры сейчасъ же заставили Таманцева смѣяться. Она пріѣхала сюда съ ними или для нихъ. Въ ихъ зараженномъ воздухѣ ей легко дышется. А онъ — припшлый, чудакъ, несносный своимъ тономъ и своими взглядами на то, чѣмъ она живетъ и будетъ жить. Какой-то отщепенецъ, измѣнникъ, старомодный нигилистъ...

— Вамъ весело съ ними? — спросилъ онъ.

— Весело. Вы не умѣете на конькахъ?

— Умѣлъ когда-то.

— Хотите? Ха, ха! На васъ слишкомъ длинное пальто.

Взглядъ ея прошелся по его пальто, и въ этомъ взглядѣ было что-то жуткое. Весь онъ смотрѣлъ какимъ-то купцомъ или приваживомъ, хоть и въ бобровой шапкѣ. Онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, въ полномъ смыслѣ „dépaycé“ — и не хотѣлъ казаться имъ. Вотъ почему онъ и не выдержалъ, и сказалъ ей:

— Здѣсь, съ вашими мирмидонами, не желаю выдѣлывать веззелей.

— Мирмидонами? Что это? — суше спросила Кэтъ, зачужавъ, что онъ опять начнетъ „умничать“. *Les Mirmidons? A? Le bouillant Achille était le roi des Mirmidons.* Кто же на него похожъ? Это вы, графъ, постоянно кипите. Ха, ха!

Съ нея слетѣло то болѣе мягкое чувство, съ какимъ она встрѣтила Таманцева.

„*Tant pis pour lui*“ — внутренно воскликнула Кэтъ и выпрямилась, какъ будто собиравшись опять въ походъ.

— Вы не устали? — спросилъ Таманцевъ. — Или васъ опять тянетъ къ нимъ?

„Глупо, глупо!“ — говорилъ онъ себѣ, и не могъ пересилить себя, заговорить съ ней такъ, какъ собирався — тепло, кротко, въ тонѣ друга, который ничего для себя не добивается. Она была такая живописная въ этомъ костюмѣ, ея лицо такъ дышало жизнью; а онъ хотъ бы сказалъ ей что-нибудь любезное.

Подлетѣла Лили и крикнула: — *Ouff!*

Ловко повернувшись спиной къ барьеру, она бивнула головой Таманцеву и протанула ему руку.

— *Ah! Comte! C'est gentil de votre part.*

И передернувъ плечами, при чемъ грудь она выставила впередъ, Лили громко сказала ему:

— Voulez-vous venir à ma soirée où Kate est du ballet? Таманцевъ только поклонился. Она была ему до-нельзя противна. Но онъ не отвѣчалъ отказомъ.

Лущевъ, отдѣлившись отъ своихъ дамъ, подлетѣлъ и спросилъ Кэтъ, повода усами:

— Vous me boudez... Hein?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ взялъ одной рукой Лили, а другой Кэтъ, и крикнулъ:

— Une troika!

Всѣ втроемъ поплыли. И ихъ смѣхъ врѣзался въ ухо Таманцева. Смѣхъ княжны отдавался у него внутри и охлаждалъ его.

Онъ отошелъ въ глубь и, глядя на катокъ, опять залитый цвѣтными волнами свѣта, готовъ былъ заплакать.

И ему казалось, что онъ дѣйствительно глотаетъ слезы. Такъ прошло съ минуту.

„Нѣтъ! Не достанется она этому рuffiану!“ — чуть не вслухъ выговорилъ онъ, и тутъ же рѣшилъ, что онъ будетъ у этой Лили — что бы тамъ ни ожидало его.

П. БОВОРЫКИНЪ.

ИСКРА БОЖІЯ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

Молодой чиновникъ, Романъ Дарновскій, состоялъ на службѣ въ одномъ изъ центральныхъ правительственныхъ учреждений. Принадлежалъ онъ къ рѣдкой породѣ людей, которымъ страшно везетъ, а они вѣчно недовольны. Природа также не поскупилась и одарила его щедро. Грустные годы дѣтства неизгладимыми чертами запечатлѣлись въ его памяти, но зато потомъ счастье не измѣняло ни разу. Нельзя сказать, чтобы герой нашъ выдавался надъ толпою сверстниковъ, но онъ закончилъ блестяще, благодаря способностямъ, курсъ высшаго образованія, а главное, обладалъ привлекательною наружностью, чему собственно и обязанъ былъ большимъ успѣхомъ въ обществѣ.

Тому назадъ лѣтъ десять будетъ, какъ онъ пріѣхалъ сюда, въ этотъ громадный городъ, и сразу же нашелъ, среди непрогляднаго лѣса людей, одно такое дерево, которое ограждало его отъ вихрей, непогодъ: онъ могъ легко стать на прямую дорогу. Это былъ домъ одной его родственницы. Когда-то скромная, совсѣмъ бѣдная дѣвушка, она носила одну съ нимъ фамилію; въ настоящее время богатая, она была съ обширнымъ кругомъ знакомыхъ; звали ее баронессой Ламони. Случай не часто повторяющійся — она, красавица, вѣтренная по природѣ, дочь бѣдныхъ дворянъ, вдругъ становится супругой человѣка богатого, занимающаго въ блестящемъ свѣтѣ высокое положеніе. Удивительнѣе всего то, что она сумѣла сразу преобразиться въ свѣтскую даму; въ громадной столицѣ ея салонъ посѣщается охотно всѣми; тамъ и весело, и

уютно. Эта метаморфоза случилась уже давно. Романъ совсѣмъ не зналъ баронессы, когда представился ей въ первый разъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Домунтовъ, сосѣдей по имѣнію его дяди; приходились они баронессѣ совсѣмъ близкими родственниками,—не то что Дарновскіе. Барыня, какъ оказалось, была уже далеко не первой молодости, но еще авантажная и кокетливая, и произвела на него довольно сильное впечатлѣніе. Съ такого сорта женщинами онъ встрѣчался еще первый разъ въ жизни, а обстановка, окружавшая ее, казалась ему просто фантастичной. Воспитанный въ убогомъ сельскомъ домикѣ, долго не могъ онъ наглядѣться, наслушаться, придти въ себя, очутившись внезапно въ этомъ царствѣ роскоши и изящества, а королева очаровательныхъ чертоговъ, сверхъ всякаго ожиданія, оказалась весьма милостивой. Никогда и не мечталъ онъ проникнуть въ это блестящее, великосвѣтское общество, хотя бы потому, что оно было ему до сихъ поръ совсѣмъ неизвѣстно. Зналъ онъ прежде одинъ только домъ отца, прожилъ въ немъ лѣтъ до двѣнадцати. Всѣми силами души старался онъ отгонять прочь старыя воспоминанія всякій разъ, когда они набѣгали роємъ. А домъ дяди? Ну, это совсѣмъ иное, но тоже деревенскій; даже еще болѣе скромный и тихій, чѣмъ отцовскій: нѣсколько сосѣдей кругомъ, да мѣстечко, куда возили его въ школу; помнить онъ и ее хорошо—такая грязная и убогая. Женскимъ идеаломъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, была для него его кузина Ирена, года на три моложе его, съ блѣдненькимъ личикомъ, сѣрыми глазами и тяжелой черной косой, небрежно сбѣгавшей по простенькому ситцевому лифу. Праздники и вакаціи проводилъ онъ постоянно въ домѣ дяди. Бывало, пустится съ нею въ плясъ; полькируютъ, вальсируютъ до упаду подъ скромную музыку тетки, а то станеть—важно такъ—разсуждать о задачахъ и обязанностяхъ, предстоящихъ въ жизни мужчины, женщины, ну, и вообще человѣческаго рода.

Въ то время, лучше сказать, въ послѣдніе годы своей школьной жизни, былъ онъ резонеромъ не изъ послѣднихъ, многогрѣчивымъ и отчаяннымъ. Впрочемъ, скорѣе принадлежалъ къ извѣстной группѣ резнеровъ, искренно и горячо принимающихъ къ сердцу все, о чемъ ни начнутъ спорить. И чего только они не затрогивали: говорили рѣшительно обо всемъ; объ одномъ заспорять, что покажется дурнымъ, о другомъ—какъ о вздорѣ; воздвигали алтари всему, что пробуждало въ нихъ чувство чести либо обожанія; въ нескончаемыхъ мечтаніяхъ и долгихъ преніяхъ переиначивали, подгоняли, совершенствовали, однимъ словомъ, чуть что не сдвигали съ мѣста всю

землю. Всякій разъ, какъ только они всё соберутся въ деревнѣ на праздникахъ или во время вакацій, Ирена тутъ какъ тутъ, тоже вертится въ ихъ мечтательномъ и шумномъ кружкѣ. Говорила она немного, въ резонированіи никогда не пускалась, не спорила, а только слушала. И слушала же! Съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ! Иногда сѣрые глаза заблестятъ такъ, словно ихъ разглагольствія, аргументы, увлеченія, рѣшенія, переполняютъ все ея существо и душу глубокимъ раздумьемъ и священнымъ огнемъ. Не понявъ чего-нибудь, зачастую она подойдетъ послѣ споровъ къ Роману и смиренно просить его объяснить; ни къ кому больше не обращалась,—всегда къ нему. Принималъ онъ это, разумѣется, за очевидный признакъ симпатіи, а съ другой стороны росла въ немъ увѣренность въ свое высшее развитіе. Сомнѣній не могло быть, и онъ этимъ страшно гордился, начиналъ горячо объяснять, рассказывать, поучать, потомъ попросить тетушку, не сыграетъ ли она имъ вальсъ, и вертится со своей хорошенькой кувиной въ маленькомъ залцѣ, пока оба чуть не задыхаются. Вотъ тоже помнить—росла тамъ около дома липа, старая-престарая, развѣсистая такая. Усядутся подъ ней и почитываютъ разные стихи, а то—странная вещь!—возьмутся за Плутарха, за жизнеописанія знаменитыхъ людей. Книгу эту откопалъ въ домашней библиотекѣ двоюродный братъ Романа—Стефанъ Дарновскій,—и пустилъ ее въ ходъ между своими единомышленниками-товарищами. За послѣднюю вакацію почитывалъ ее нерѣдко и Романъ вмѣстѣ съ Иреной. Читали ее въ пережку со стихотвореніями... Она слушала Плутарха напряженно, выпустить работу изъ рукъ, глядитъ пристально на тщеца, потомъ неподвижный взоръ блуждаетъ гдѣ-то въ пространствѣ, въ глазахъ загораются искорки. За стихами же—онъ нерѣдко примѣчалъ—то сверкнетъ у нея слезинка на рѣсницахъ, то на блѣдненькихъ и вѣжныхъ щечкахъ ея вспыхнетъ словно листикъ яркаго цвѣточка. Потомъ пойдутъ оба вмѣстѣ далеко, далеко, блуждаютъ по полямъ и хѣсамъ, подсакиваютъ, рѣзвятся, словно малыя дѣти. Любилъ онъ ее за красивую талью, за ея сѣрыя очи, за тяжелый локонъ, вьющійся по плечамъ, за глубокое раздумье, появившееся при чтеніи Плутарха, за эти слезы, исторгаемыя возвышенной поэзіей, за легкость движеній въ бѣшенномъ вихрѣ вальса, за эти милыя дѣтскія выходки во время ихъ безконечныхъ прогулокъ,—словомъ, за все, за все, чтѣ было ею, тѣломъ ея и душой. И казалось ему тогда, что полюбилъ онъ безумно и навѣки.

Была это идиллія, быть можетъ, возвышенная и полная прелести, даже не вполне обыкновенная, быть можетъ, ибо въ ней

не примѣшивался элементъ эгоистическихъ вожделѣній. А все же была это только идиллія. Не удивительно поэтому, что, прибывъ въ громадный городъ, для поступленія въ университетъ, ему показалось все, что онъ увидѣлъ, что пришлось переиспытать въ домѣ и подъ благодѣтельнымъ крылышкомъ богатой и свѣтской родственницы, чѣмъ-то въ родѣ осуществленія волшебной сказки, по сравненію съ которой идиллія мало-по-малу стала блѣднѣть, выцвѣтать, принимать размѣры чего-то незначительнаго, пустой дѣтской забавы.

Онъ убѣдился, наконецъ, положительно, что все совершавшееся и случавшееся съ нимъ прежде было только порою юношеской, а настоящая жизнь мужчины, зрѣлая, реальная, началась для него лишь съ прибытіемъ сюда, въ столицу. Теперь только знакомился онъ съ дѣйствительнымъ міромъ, познавалъ его мощь, ширь, изучалъ всѣ извилины пути. Не такъ-то легко, живя въ свѣтѣ, занять выгодное положеніе, но зато въ немъ одномъ и стоило жить. Теперь только сталъ онъ понимать и извинять отца своего, а доселѣ, въ тайникахъ сердца своего и разума, онъ привыкъ осуждать его съ беспощадной суровостью. Покройникъ былъ человѣкъ страстный и расточительный, ставившій выше всего наслажденіе и общество. Имѣніе свое промоталъ, да еще какъ: не только обдѣлалъ,—ему грозилъ позоръ, еслибы не братъ, поспѣшившій къ нему на выручку. Дядя много помогъ: устранилъ всѣ претензіи кредиторовъ, снялъ пятно безчестія съ единственнаго его ребенка, лишеннаго всѣхъ средствъ. Свое дѣтское горе, доходившее почти до отчаянія, Романъ помнить хорошо. Слишкомъ много щемящаго душу, возбуждающаго краску стыда, напоминали ему эти дѣтскіе годы. Вотъ отчего въ глубину души его заврался надолго суровый приговоръ отцу, его жизни и поступкамъ. Теперь только начинаетъ онъ его понимать и готовъ даже оправдать. Понятно! И онъ хотѣлъ наслаждаться жизнью. А какъ сладка она быть можетъ, ему теперь извѣстно. Романа не удивляла болѣе эта ненасытная страсть, жаждавшая исчерпать все до дна,—положимъ, черезъ-чуръ ужъ большими глотками. Онъ понималъ также, что истинное жизненное искусство состоитъ въ томъ именно, чтобы, разъ заручившись драгоцѣннымъ напиткомъ, вкушать его въ мѣру, заботиться, чтобы хватило его до конца. А примѣровъ подобнаго благоразумнаго пользованія добычей—сколько угодно: собственными глазами видѣлъ множество.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ же поступать иначе—пріобрѣлъ, ну и старайся соразмѣрять расходъ свой съ количествомъ добычи. Такъ это ясно, и послѣдствія всегда одни и тѣ же, смотря по

тому, глупо или благоразумно пользоваться благопріобрѣтеннымъ. Передъ нимъ потянулся непрерывный рядъ наглядныхъ поучительныхъ лекцій; нашъ молодой студентъ прослушалъ полный ихъ курсъ въ домѣ своей богатой родственницы, толкаясь въ широкихъ кружкахъ свѣтскаго общества, куда она ввела его, руководимая добротой по истинѣ материнской, а впрочемъ съвозило—и иное чувство. Юноша онъ былъ стройный, красивый, съ тонкими и свѣжими чертами лица; надъ румяными его губами только-что показались свѣтлые усики, а гладкій, какъ у мальчика, лобъ рельефно выделялся подъ густой шапкой роскошной „шевелюры“. Въ его синихъ и глубокихъ глазахъ съвозило что-то мечтательное, любопытное, нерѣшительное и въ то же время энергичное. Даже нѣкоторая угловатость движений, съ которой обращался онъ на первыхъ порахъ въ незнакомомъ ему свѣтѣ, производила впечатлѣніе чего-то необычнаго по свѣжести, невольно приковывавшаго взоры, привыкшіе къ однимъ искусственнымъ цвѣтамъ.

Уже лѣтъ за сорокъ, блиставшая послѣдними лучами догоравшей красоты, пресыщенная обществомъ, развлеченіями, впечатлѣніями, а между тѣмъ—удивительная иронія!—все еще „жаждущая“, Клара Ламони сразу же заполонила молодого родственника въ кружокъ своихъ близкихъ, осыпала его благоволеніями, которыми онъ нѣкоторое время упивался, опьяненный тонкимъ наркотикомъ. Наступило, однако, отрезвленіе; онъ набросился на науку съ особеннымъ жаромъ; дѣйствительно, онъ любилъ науку, ясно понималъ также, что единственно она только и можетъ доставить бѣдному юношѣ право гражданства въ этой сферѣ постоянныхъ наслажденій и мелкихъ дорогихъ привычекъ. Все чаще и чаще сталъ онъ называть ее „своею“. Мало-по-малу одна изъ побудительныхъ причинъ къ усиленнымъ занятіямъ начала оттирать другую, стремилась поглотить ее. И слились обѣ такъ солидно, что черезъ нѣсколько лѣтъ Романъ не могъ сказать опредѣленно, еслибы пришлось отвѣчать откровенно на вопросъ—къ чему собственно онъ учится? Первымъ побужденіемъ, конечно, было бы громко закричать: „да гдѣ я люблю науку!“ Но тотчасъ же почувствовалъ бы онъ отчетливо, что это неправда, или, по крайней мѣрѣ, только часть правды,—съ каждымъ днемъ все умалюющаяся. Лекціи въ университетѣ, сочиненія, рекомендуемыя профессорами, несомнѣнно интересовали его живо. Бывало, онъ дни и ночи напролѣтъ съ увлеченіемъ читаетъ, записываетъ, учится. Разумѣется, глубокія шахты, разрываемыя наукой, возбуждали сильно его любопытство и призывали неудержимо. Но въ то же время все чаще охватывало его раздумье, хорошо ли онъ поступилъ, выбравъ себѣ эту, а не

другую специальность. Ну, а если бы поступить на другой факультетъ,—не достигнетъ ли онъ легче и скорѣе цѣли: понятна, независимаго положенія, раскрывающаго будущность еще болѣе прочную, болѣе широкую? Что же—да или нѣтъ? И отъ подобныхъ отвѣтовъ, которыхъ онъ искалъ усердно, взвѣсивая всѣ про и contra, подыскивая примѣры въ окружающей его средѣ,—зависѣло нѣкоторое время его рвеніе къ наукѣ. Какъ бы тамъ ни было, Романъ учился, работалъ; случалось, на долгіе дни, даже цѣлыя недѣли, отдалялся отъ дома и свѣтскаго міра своей богатой и доброжелательной покровительницы. Однако, поворачивалъ вскорѣ опять туда же: конечно, ради соблюденія приличій, отчасти изъ признательности, а наконецъ и потому, что полюбилась ему эта жизнь и обойтись безъ нея онъ уже не могъ. А между тѣмъ онъ находилъ въ себѣ силы отказаться отъ многого, если обладаніе не согласовалось съ извѣстной категоріей его ощущеній или представлений.

Расточительная по натурѣ, особенно не жалѣвшая ничего для него, задумала разъ баронесса преобразить его скромный студенческій уголокъ въ помѣщеніе комфортабельное, роскошное. Отклонилъ... въ первый разъ поспорилъ довольно рѣзко со своей благодѣтельницей; нѣсколько долгихъ мѣсяцевъ даже не заглядывалъ къ ней въ домъ. Однако, вернулся. Въ этотъ промежутокъ добровольнаго своего изгнанія, подстрекаемый ощущеніями стыда, досады, разочарованія, внезапно въ немъ закипѣвшихъ, онъ бросился—было къ своимъ товарищамъ, жившимъ и разсуждавшимъ нѣсколько иначе. Но тутъ его ожидало то, чего Романъ и самъ никогда не подозрѣвалъ. И никакъ не могъ онъ помириться съ ихъ скромной, простой обстановкой, иногда даже убожествомъ; а они, какъ нарочно, еще гордятся:—гляди, молъ! Какъ тутъ приладиться къ суровости ихъ принциповъ, шири ихъ помысловъ и цѣлей? Съ своей стороны, и они ничуть не стѣснялись. Критиковали его поступки, подшучивали, подыскивали ему смѣшныя прозвища, осыпали колкостями, насмѣшками. Проба сблизиться, сжитья съ ними, продолжалась слишвомъ для него долго. Съ нѣкоторою горечью и разочарованіемъ, быть можетъ, въ первый разъ заглянувшими въ его сердце, онъ ихъ покинулъ. Не понималъ еще самъ, была ли это досада на нихъ, или же негодованіе на себя самого. А было тутъ всего понемногу: сердился на нихъ и на себя, отзывался о нихъ свысока, да и себя не забывалъ ругнуть слегка. Думалъ: „какое мужичье, педанты!“—а встаети и про себя: „нечего сказать, и ты хорошъ—нѣженка, близорукій“!

Не вдаваясь слишкомъ далеко, онъ догадывался, однако, что начинается что-то плохо видѣть. Духовной жизнью, какъ бы тамъ

ни было, долженъ же жить и онъ—студентъ. Мелькали поминутно новыя мысли, представленія, идеи, теоріи, проблемы. Слѣдить тоже и онъ за ними, но недолго—и перестаетъ, а въ душѣ чувствуетъ, что слѣдовало бы идти неотступно далѣе, преслѣдовать упорно. Такъ постепенно и незамѣтно, если не слагалось у него положительнаго отвращенія въ всестороннему углубленію и анализу, то все же терялась къ нимъ охота во всякомъ случаѣ. Временами, впрочемъ, прорывалось и отвращеніе, только въ неопредѣленной формѣ. Не разъ приходилось ему съ досадой проронить: „ну, зачѣмъ это?“—или же: „это нибудя не годится“; или навонецъ: „ахъ, какъ надоѣло!“ Впечатлѣніе получалось почти непроизвольное, а слѣды ложились все глубже на мысль и темпераментъ. Приходилось поэтому не разъ съ горечью выругать себя: „экій нѣженка, близорукій!“ И повернулъ снова Романъ круто въ великолѣпные апартаменты, на одну изъ лучшихъ улицъ города. А вернуться было такъ легко—свали неотступно и упорно. По прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, съ большимъ еще навывкомъ и ловкостью, скользнетъ онъ и танцуетъ по ярко выложенному полу и мягкимъ коврамъ, въ салонахъ у баронессы и ея обширныхъ знакомыхъ; продолжаетъ тоже понемногу и учиться. Занятія идутъ даже усиленнѣе; съ концомъ курса вопросы будущности становятся, понятно, все неотложнѣе. Пока жилось безъ особыхъ заботъ, стоило только соблюдать требованія, сложившіяся неизмѣнно въ свѣтскомъ обществѣ, не особенно тягостныя для юноши, не кончившаго еще курса наукъ. На все это средствъ хватало. Жилъ на проценты съ маленькаго капитала, давно уже взятаго у дяди и очень выгодно помѣщеннаго у одного плутократа, близкаго знавамаго, постоянного посѣтителя баронессы. А дальше? Чтѣ дѣлать? Придется хлопотать, искать мѣста, начинать совершенно новую жизнь. Ужъ не вернуться ли лучше на родину? Или же остаться здѣсь, въ средоточіи, на перепутьѣ безчисленныхъ дорогъ, расходящихся во всевозможныхъ направленіяхъ.

Баронессой и ея друзьями разрѣшены были сразу же всѣ его сомнѣнія.—Какъ! вернуться на родину! заживо похоронить себя въ провинціи, въ никому неизвѣстномъ и скучномъ захолустѣ! Помилуйте! Зачѣмъ же это добровольное отреченіе отъ прекрасной будущности? Неслыханное дѣло, что-то въ родѣ самоубійства, по просту сумасбродство! И вамъ не жаль молодости, способностей, всѣхъ этихъ природныхъ, долгимъ, упорнымъ трудомъ развитыхъ дарованій? Ну, какое, скажите, положеніе можетъ занять въ провинціи способный молодой кандидатъ юридическихъ наукъ? Хо-

датаа по дѣламъ, что-ли? Всѣ силы, способности, знаніе придется ухлопать на грошовыхъ процессахъ крестьянъ и мѣщанъ. Подумайте, какая каторга предстоитъ. Изъ дня въ день, безъ всякой надобности навязывать себѣ на шею цѣлый коробъ мелкихъ хлопотъ, вращаться среди темнаго люда, наблюдать провинціальныя нравы. Боже мой, сколько скуки, пустоты, быть можетъ даже лишений! Да развѣ это мыслимо! Тотъ, кому предстоитъ болѣе блестящая дорога, не имѣетъ никакого права пренебрегать ею. Вы, Дарновскій, неоспоримо заслуживаете лучшей доли и легко ее добьетесь. Въ этомъ должны помочь друзья и баронесса. Она и теперь уже хлопочетъ, просить, интригуетъ, имѣетъ даже на примѣтъ для молодого родственника одно мѣстечко, кажется, весьма приличное, главное—общающее въ будущемъ многое.

Романъ почти вполнѣ раздѣляя возрѣнія своихъ друзей: дѣйствительно, жертва была бы слишкомъ велика. За какія провинности присудить онъ себя на прозябаніе въ провинціальной глуши? Онъ понималъ, что достоинства его значительно превышаютъ тѣ выгоды, которыя могла дать ему жизнь вдалекѣ отъ столицы. Да наконецъ множество неразрывныхъ узловъ связали его съ тѣмъ обществомъ, съ которымъ онъ сжумѣлъ такъ сжиться въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ.

Положимъ, настоящей привязанности еще не было, но его рѣшительно тянуло сюда—и бездна привычекъ, и множество еще неудовлетворенныхъ желаній. Онъ потерялъ даже всякое представленіе о возможности иного склада жизни, чѣмъ та, которую привыкъ очень цѣнить и признавать въ то же время себя достойнымъ ея. Дорогу проторили все тѣ же благодѣтельныя феи, любимцемъ которыхъ былъ онъ несомнѣнно. Хлопоты баронессы увѣнчались полнымъ успѣхомъ, превзошедшимъ даже упованія.

Съ тѣхъ поръ протекло пять лѣтъ. Фортуна по прежнему продолжала улыбаться молодому человѣку. А Романъ Дарновскій не ощущалъ довольства. Отъ удовлетворенія своей судьбой его отдѣляло еще болѣе значительное разстояніе, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ самомъ началѣ жизненнаго пути, устроеннаго для него стараніями добрыхъ фей.

Зимній вечеръ догоралъ уже въ природѣ, но для большого свѣта едва только начинался. Въ небольшомъ, но изысканно убранномъ помѣщеніи холостяка стоялъ передъ зеркаломъ, освѣщеннымъ двумя лампами, Романъ Дарновскій. Въ рамѣ отражалась красивая фигура юноши. Черты лица, тонкія и правильныя, рѣзко выдѣлялись изъ-подъ густой шевелюры темныхъ волосъ; большіе синіе глаза лихорадочно свѣтились,—нѣтъ, впрочемъ, отли-

или скорѣе мракомъ, — до такой степени глядѣли угрюмо. На смугломъ высокомъ челѣ вырисовывалась мелкими штришками съточка, какъ бы сложенная изъ наитончайшихъ нитей. Были это первые зародыши морщинъ, столь рѣдкихъ въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ. Подъ темными усиками, на ярко пунцовыхъ, красиво очерченныхъ губахъ блуждала невеселая улыбка. Ни боль, ни гнѣвъ не успѣли еще ихъ искривить, и улыбка вскорѣ пропала безслѣдно. Замѣтна была только апатія, губы подергивались капризно. Во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, молодой человѣкъ лѣниво надѣваетъ на руки бѣлыя перчатки.

Надо ѣхать на вечеръ къ баронессѣ. Ахъ, какая скука! А не быть нельзя. Особенно тяжело сегодня: присталъ этотъ несносный сплинъ; съ нѣкотораго времени онъ все чаще и чаще навѣщаетъ. Какъ бы хотѣлось остаться дома, почитать. Преинтересная книга ему попалась. Лежитъ тамъ развернутая на письменномъ столѣ; бѣлыя страницы ея ослѣпительно сверкаютъ среди бездѣлушекъ изъ бронзы и малахита. Такъ рѣдко приходится ему теперь натолкнуться на книжку дѣйствительно интересную, а эта въ самомъ дѣлѣ занятная. Изложеніе новой научной теоріи, свѣжіе взгляды на физическую и психическую стороны человѣчества. Такъ и тянетъ къ ней, пробуждаетъ надежды, въ немъ было-угасшія; снова воскресаютъ иллюзіи, что можно встрѣтиться на свѣтѣ съ чѣмъ-то болѣе свѣжимъ, глубокимъ, разумнымъ, а не обыденнымъ, — что приходится постоянно наблюдать кругомъ. Давно уже начинаетъ онъ ощущать тогда только полный покой и удовлетвореніе, хотя бы на время, когда въ тиши и уединеніи читаетъ, взвѣшиваетъ, мыслить. Но странная вещь: чѣмъ болѣе начинаетъ онъ мыслить, тѣмъ болѣе сама глубь предмета кажется ему удаляющейся и недостижимой. Обыкновенное, впрочемъ, явленіе въ человѣкѣ, много учившемся, испытавшемъ и наблюдавшемъ. Обыкновенное и въ то же время печальное, — ибо мелкота и преходимость всего людского, разъ сознанныя, вѣдряютъ въ сердцѣ печаль и недовольство; при массѣ занятій и впечатлѣній онѣ часто исчезаютъ безслѣдно, но для того лишь, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ отовзваться съ возрастающей силой. Не велика бѣда! Хотѣлось бы все-таки оставаться дома, читать эту книжку, — то ли дѣло, чѣмъ тащиться на вечеръ къ баронессѣ! Ничего новаго тамъ не встрѣтишь, особеннаго удовольствія никакого не предстоитъ. Все и всѣхъ изучилъ давно, какъ свои пять пальцевъ, пожалуй даже лучше; объ анатоміи пальцевъ немногое знаешь, а тамъ все и всѣхъ досконально онъ проштудировалъ. Ужъ если идти куда, такъ лучше отправиться бы въ этотъ концертный

залъ, гдѣ поетъ два мѣсяца изо дня въ день эта увлекательная Ирма. Огонь—не женщина; арфа, сотканная изъ безчисленнаго множества струнъ; кружится она въ вихрѣ безумнаго танца, пылаетъ страстью, не знающей ни покоя, ни границъ. И какая при этомъ божественная красота! Вызывающая, милая, привлекательная, какъ сто бѣсенятъ. Впрочемъ, дѣвочка предобрая. Ну, положимъ, не слишемъ ли много будетъ для этого звѣрка! А во всякомъ случаѣ она искреннѣе этихъ. Надо сознаться, что вообще мірокъ, къ которому принадлежитъ Ирма, получше и даже увлекательнѣе, чѣмъ этотъ пресловутый большой свѣтъ, уже потому, что въ немъ болѣе откровенности. Тутъ, по крайней мѣрѣ, знаешь, кто чего стѣбитъ. Еще бы! Все нараспашку, ясно и открыто,—такой-то и такой. И ни одного покрова не накинуто на общее веселье, ни одинъ „конвенансъ“ не нарушаетъ удовольствія. А тамъ—за покрывами,—о, о! продѣлываютъ, пожалуй, то же самое, или же рѣшительно ничего,—одна скука. Покровы, надо сознаться, красивые, блестящіе; счастливъ тотъ, у кого не хватаетъ проникательности, или же кому приходится наблюдать въ нѣкоторомъ отдаленіи. Они рѣшительно не замѣчаютъ, что скрывается за кулисами. Не такъ давно случилось ему прочесть трактатъ Карлейля о нравственномъ и общественномъ значеніи костюмовъ. Нѣсколько вечеровъ, и весьма пріятныхъ, посвятилъ онъ этой книгѣ. Вдумываясь въ содержаніе ея, онъ вынесъ убѣжденіе, что авторъ—весьма остроумный исследователь. Немногіе догадываются, какую громадную роль въ человѣческой жизни играетъ предметъ, повидимому такой непритязательный, какъ костюмъ. Надобно вникнуть хорошенько въ значеніе этого нехитраго слова во всемъ его обширномъ объемѣ. Все рѣшительно зависитъ отъ одежды.

Баронесса Ламони и пѣвица Ирма потому только занимаютъ въ свѣтѣ совершенно разное положеніе, что случайностямъ рожденія и судьбы угодно было облечь обѣихъ въ разные костюмы. Сами же по себѣ, независимо отъ своихъ платьевъ, онѣ—явленіе одного и того же порядка; только Ирма гораздо интереснѣе, потому именно, что откровеннѣе. Быть можетъ, онъ самъ первый вознегодовалъ бы въ прежнее время за подобное сравненіе; теперь же, ба, ба!—онъ отлично умѣетъ отличать крашеные лисы мѣха. О, еслибы не знать! Далъ бы что угодно, еслибы можно было вернуть прежнее непониманіе! Что дѣлать,—теперь знаешь!

Онъ бросился на турецкій диванъ, стоявшій въ углу маленькой его гостиной, и думалъ, погрызывая погасшую сигару: „Моя квартира—точный снимокъ съ этого самаго свѣта, въ которомъ происходитъ вся моя жизнь: биллоны, и болѣе ничего,—а идутъ за чер-

вонцы! Взглянешь — на первый раз покажется все такъ цвѣтисто, мягко, блестяще, дорого, а на самомъ дѣлѣ поддѣлка, дешёвка, а сверху — великолѣпіе и дороговизна. Весьма-таки искусно примѣняется трудъ къ изобрѣтенію блестящихъ поддѣлокъ. Главной побудительной причиной въ появленію на свѣтѣ этой хитроумной процедуры была потребность согласованія средствъ весьма ограниченныхъ съ великими требованіями извѣстныхъ общественныхъ собраній и развлеченій. Тамъ уважаютъ и любятъ одно только богатство; тамъ каждый облачается въ одежды, сотканныя лишь напоказъ. Такъ дѣлаетъ и онъ; такъ дѣлаютъ и всѣ, принадлежащіе къ его кружку. Еслибы кто вздумалъ пооригинальничать въ этомъ направленіи, то долженъ былъ бы заранѣе отказаться отъ достиженія всякаго успѣха. А между тѣмъ отсутствіе эстетическаго элемента въ домашней обстановкѣ, хотя бы даже таковой биллоновой, — онъ это чувствуетъ, — безповоило бы его. Чтѣ дѣлать: красивыя вещицы — его страсть, а за отсутствіемъ ихъ, онъ дорожить и такими, которыя искусно поддѣлываются подъ ихъ стиль. Говоря откровенно, на этихъ вотъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, пресъпанше, рамкахъ, сверкающихъ на подобіе золота, — золота самая бездѣлица. На вырученную за него цѣну самый несчастный горемыка-нищій не долго могъ бы поддержать свое презрѣнное существованіе. Матерія, покрывающая софу, ту самую, на которой онъ сидитъ, и которую издали нельзя отличить отъ пушистаго плюша, — на самомъ дѣлѣ паутина, непрочная и грубая, чуть-чуть только подернутая шолкомъ. Малахитовыя бездѣлушки, украшающія столъ, всѣ поломаны и попорчены; благодаря только искусной группировкѣ, не всякій это замѣтитъ. Эти красивыя зеркала, постаменты и фарфоровыя лампы куплены по случаю... О, эти случайныя распродажи, объявленія въ газетахъ! Имъ только обязанъ онъ въ большинствѣ всей этой эlegantностью, заполонившей его квартиру. Надоѣло! Глядѣть тошно, отвратительно! Въ сущности, вѣдь это комедія, и приходится ее вѣчно разыгрывать не только предъ людьми, но даже и передъ самимъ собой. А иначе невозможно. За свой трудъ, принимая во вниманіе возрастъ и заслуги, онъ получаетъ довольно значительное вознагражденіе. Но сравнительно съ его потребностями оно ничтожно. Благодаря сферѣ, въ которой онъ вращается, и нажитымъ привычкамъ, — а онъ чрезмѣрно великъ, — наличныхъ средствъ рѣшительно не хватаетъ. Если же отчасти онъ успѣваетъ кое-какъ изворачиваться, — за то и старается же, ловить на лету всѣ эти случаи распродажи, хватается за эти биллоны, выставляетъ ихъ за червонцы, — словомъ, продолжаетъ играть скучную, постыдную комедію. И не удивительно, если за по-

слѣднія нѣсколько лѣтъ на него все чаще и чаще налетитъ шкваломъ недовольство, разочарованіе, печаль—грызущая и мрачная.

Почему же именно сложилась такъ скверно его жизнь? Полнаго итога и до сихъ поръ онъ не могъ подвести; но самое главное, быть можетъ единственное, становилось для него яснымъ какъ день. И чего ему въ самомъ дѣлѣ не хватало? Хорошо бы побольше свободы, жизненной шири,—а это могутъ доставить только значительныя матеріальныя средства,—и снова, какъ бывало, станеть онъ веселъ и совершенно доволенъ своею судьбой. Не мѣшало бы также запастись большей дозой увѣренности въ будущемъ. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ онъ сидитъ все на одномъ мѣстѣ. Долгонько. Ничего, разумѣется, нѣтъ интереснаго въ этой канцелярской работѣ, она всегда казалась ему такой сухой, скучной; онъ старается однако считаться образцовымъ чиновникомъ, и ему кажется, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ; онъ замѣчаетъ даже нѣкоторое благоволеніе со стороны начальства. А по службѣ между тѣмъ не можетъ ни на шагъ двинуться впередъ. Слишкомъ долго тянется. И это начинаетъ его сильно беспокоить. Пройдутъ опять долгіе годы, весьма вѣроятно придется тянуть по прежнему лямку. Что же таить? Такая жизнь—одно убожество, слегка позолоченное. Возьмемъ хоть Ирму—она производитъ на него впечатлѣніе искрометнаго шампанскаго. О, еслибы были только средства!.. Та же самая исторія, что и въ прошломъ году съ наѣздницей въ циркѣ, Авророй. Отбилъ же ее у него этотъ уродъ, рябой и горбатый, но, зато миллионеръ...”

Романъ привскочилъ какъ ужаленный и раза два быстро прошелся по гостиной.

— Эхъ! и о чемъ я размечтался! Есть надъ чѣмъ скорбѣть! Дойдетъ еще до того, что самъ себя опротивѣю. Что жъ—пулю въ лобъ,—освобожу по крайней мѣрѣ свѣтъ отъ одного лишняго уroda.

Омерзѣніе въ себѣ самому смягчалось, однако, размышленіемъ, что въ тревогѣ и заботахъ о своей будущности ему на самомъ дѣлѣ никакого дѣла не было ни до какой-то Авроры или Ирмы. Онъ мечталъ заполучить надежный кусокъ хлѣба, настолько по крайней мѣрѣ обильный, чтобы не считаться, подобно скупцу, съ каждымъ проглоченнымъ кускомъ. Хотя бы выдвинуться хоть немного впередъ, обезпечить себѣ существованіе болѣе широкое и свободное—и онъ избавился бы тогда разъ навсегда отъ этихъ заботъ и вѣчнаго недовольства, которыя теперь, словно женскія спазмы,—нѣтъ, нѣтъ, да и нагрянуть. Можно бы тогда и жениться, а жизнь, скрашенная семейною привязанностью, сдерживаемая разумными

обязанностями, дасть, всеконечно, въ итогѣ полное удовлетвореніе.

Мысль о женитьбѣ приходила ему въ голову уже не въ первый разъ. Потребность привязанности, желаніе видѣть возлѣ себя милую, преданную женщину, неотвязно преслѣдовали его.

Все чаще и чаще ощущалъ онъ холодъ и пустоту въ своемъ уединеніи, даже находясь въ обществѣ. Смутно сталъ онъ понимать, что холодъ этотъ исходилъ изъ сердца, занятаго множествомъ вещей, но не любящаго собственно никого и ничего. Раздумывать подолгу надъ этимъ какъ-то не приходилось, но зачастую мимолетно мелькало въ умѣ: „Ахъ, какъ необходимо мнѣ что-нибудь любимое, любящее, дѣйствительно свое, близкое“... И всякій разъ выростали два непреодолимыхъ препятствія. Онъ тотчасъ же вспоминалъ съ горечью, что матеріальныхъ средствъ едва хватаетъ для него самого. А затѣмъ въ мечтахъ его, гдѣ-то тамъ, высоко-высоко, какъ бы подъ самыми небесами, проносился типъ женщины-идеала, возбуждавшаго въ немъ умиленіе и надежды. Уловить его въ ясныхъ и неизмѣнныхъ чертахъ ему никогда не удавалось; одно только онъ зналъ хорошо, что это должно быть нѣчто дѣйствительное и нѣжное, разумное и справедливое, съ лицомъ, какъ бы промелькнувшимъ когда-то въ грѣзахъ, блѣднымъ, подвижнымъ, съ парой добрыхъ глазъ, то сверкающихъ, то затуманенныхъ слезой. Такого олицетворенія женскаго типа въ средѣ, окружавшей его, онъ не находилъ. Разъ только промелькнуло оно какъ бы въ сновидѣніи; подобной женщины никогда онъ болѣе потомъ не встрѣчалъ. Не велика бѣда... лишь бы положеніе улучшилось. Съ расширеніемъ жизненныхъ условій, когда будущность обозначится вѣрнѣе, можно будетъ посмотрѣть: быть можетъ, найдется и такая, и наступитъ полное счастье. Ахъ, какъ надобно ему это томленіе, скука, зачастую и тревога: словно чего-то недостаетъ, самаго важнаго, самаго необходимаго!..

Однако, пора, ѣхать необходимо, какъ бы еще не опоздать. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ не видалъ баронессы. Она уѣзжала въ свою родную сторонку, устраивала какія-то дѣла по имѣнію. Наслѣдство, что-ли, получала, или продала какую-то усадьбу, что-то въ этомъ родѣ. Его вовсе не занимало, зачѣмъ она пустилась въ этотъ далекій путь, а потому онъ и не разспрашивалъ. Со времени ея возвращенія, онъ не успѣлъ еще съ нею видѣться. Раза два, правда, заѣзжалъ, но каждый разъ не заставалъ дома: отдаетъ визиты, хлопочетъ по устройству сегодняшняго вечера, вознаграждаетъ, какъ умѣетъ, потерянное время двухмѣсячнаго своего отсутствія изъ столицы. Стоитъ только подумать о томъ, что могла эта бѣдная женщина

дѣлать тамъ, въ деревнѣ, въ эти два долгіе мѣсяца, и смѣхъ невольно разбираетъ Романа. Можно себѣ представить, до какаго отчаянія и смертельной скуки могла она дойти. Вчера получилъ онъ пригласительную записочку отъ нея, съ заинтригованной даже и его приписочкой: „Берегу для тебя очень важную и давно желанную вѣсточку. Узнаешь въ свое время, но надо быть въ моей маленькой гостини, на хорошо тебѣ извѣстной козетѣ за китайскими ширмочками, которыя ты, плутишка, такъ любишь. Надѣюсь, ты меня хорошенъко поблагодаришь,—новость, право, недурная. Ждать тебѣ теперь остается недолго; можешь тогда завести и у себя китайскихъ ширмочекъ столько, сколько твоей душѣ будетъ угодно“.

Пробѣжавъ снова глазами приписочку, Романъ махнулъ рукой и подумалъ: опять какія-нибудь глупости; всѣ ея важныя новости звучать одинаково: „Знаешь чтд, дружокъ,—мы устраиваемъ пикники въ десяти верстахъ за городомъ“; или: „въ оперѣ будетъ пѣть знаменитый Тромтадрони“; или же: „эта М. или Н. по уши влюблена въ тебя“... Всѣ эти пикники, Тромтадрони и влюбленные по уши М. или Н., часто занимали его не болѣе прошлагодняго свѣга. Теперь, однако, должно быть нѣчто иное. Иначе зачѣмъ было дѣлать этотъ намекъ, что вскорѣ онъ можетъ имѣть столько китайскихъ ширмочекъ, сколько душѣ его будетъ угодно... И онъ покатился со смѣху, — до такой степени архикомичнымъ показалось ему самое представленіе о душѣ, жаждущей китайскихъ ширмочекъ. Да развѣ можетъ душа искать чего-нибудь въ подобномъ родѣ? А впрочемъ, мало ли что: вѣроятно, бываютъ и такія. Занятныя, должно быть, и навѣрняка самыя счастливыя! Онъ повзвонилъ. Обратясь въ прибѣжавшему на зовъ подростку-мальчику, Романъ приказалъ ему подать шубу и запереть потомъ на ключъ квартиру. Лакея онъ не держалъ: получая недурное жалованье, онъ все еще не былъ въ состояніи обзавестись такой роскошью. Прислуживалъ ему сынъ дворника. Комфортабельное его помѣщеніе, порядкомъ уже ему надоѣвшее, находилось въ громадномъ каменномъ домѣ, выходящемъ на одну изъ самыхъ бойкихъ улицъ столицы.

По широкой лѣстницѣ, залитой сверху до низу яркимъ свѣтомъ, по мягкимъ коврамъ подымались, не торопясь, въ бѣлыхъ сорти-де-балъ, какъ бы плыли вверхъ по огненному потоку, двѣ дамы. Онъ узналъ ихъ сразу, и быстро, почти во мгновеніе ока, очутился возлѣ нихъ. Завязалась живая, бойкая перестрѣлка —

полусловечки, улыбки, взгляды, все знаменовало усиленный „флирт“. Высокая брюнетка, съ чертами лица, напоминавшими въ профиль нѣсколько птички, съ бриллиантовой звѣздочкой въ черныхъ какъ ночь волнахъ волосъ, была именно той самой М., о которой сообщила разъ баронесса своему родственнику въ видѣ великой новости: „по уши въ тебя влюблена“. И дѣйствительно, глядя въ эту минуту на Романа, не трудно было понять, что изъ-за него не одна барыня съ ума сходитъ. Печаль, тоска, безпокойство, раздумье, все заменено имъ на ключъ—тамъ, въ оставленной квартирѣ. Этотъ красивый, изящный молодой человѣкъ, казалось, сіялъ счастьемъ, восхищенный пріятной встрѣчей. Румяныя уста его привѣтливо улыбаются, глядя на черныя очи, искрящіяся мягкими тонами изъ-подъ бриллиантовой звѣздочки. Межъ ними царствовала полная искренность. Несомнѣнная симпатія женщины миловидной и занимавшей въ свѣтѣ довольно высокое положеніе, доставляла ему двойное удовольствіе. Ему нравилось глядѣть въ эти черныя огнистыя очи; нравилось и то, что она позволяетъ ему открыто заглядывать въ нихъ—иначе, не такъ, какъ всѣмъ остальнымъ. Сразу же стало ему и весело, и пріятно. Обладательница черныхъ очей и бриллиантовой звѣздочки какъ бы внезапно припоминала что-то, и у самаго входа быстро прощепетала:

— А вы слышали новость?

Въ умѣ у него мелькнуло: „сегодня рѣшительно день новостей“.

Она продолжала далѣе:

— Дней нѣсколько, какъ гостить въ нашемъ городѣ Марцель Домунтъ. Знаете, этотъ инженеръ, прожектёръ... Вѣроятно, сегодня будетъ и у баронессы... Вчера онъ завѣзжалъ съ визитомъ ко мнѣ... Весьма милый. Говорятъ, набобомъ сдѣлался.

Они входили въ аванзалъ.

Марцель Домунтъ! Старинный знакомый, почти товарищ по школѣ, однако старше, много старше. Какъ же, онъ хорошо помнить... Набобъ! Неужели такъ разбогатѣлъ? Вѣрно! Кое-что онъ и самъ слышалъ... Любопытно будетъ взглянуть на этого барина, умнаго и ловкаго. Вотъ, ухитрился же стать набобомъ, и даже въ относительно короткій срокъ.

Безконечная анфилада залъ горѣла огнями, пестрѣла яркой радугой женскихъ и мужскихъ костюмовъ, гудѣла кругомъ отъ множества разговаривающихъ, хотя и не слишкомъ громко. На огромныхъ подносахъ лакеи разносили чай, и тутъ же выселись груды печеній и лакомствъ, прихотливыхъ на вкусъ и ласкавшихъ взоръ; все было красиво, прекрасно уставлено, сверкало серебромъ, хрусталемъ, а разложенныя на нихъ сладости отли-

вали какъ нѣжный янтарь. На мебели всевозможныхъ рисунковъ—низкихъ и повыше, тяжеловѣсныхъ, легонькихъ, закругленныхъ, прихотливо изогнутыхъ—сидѣли группами, большими и малыми, женщины и мужчины, подобно влумбамъ, разбросаннымъ въ пространствѣ, залитомъ бѣлымъ газовымъ свѣтомъ. Какъ солнце, играющее въ капляхъ росы, повисшей на цвѣтахъ, свѣтъ этотъ зажигалъ миллиарды искорокъ на шелку, въ золотѣ, въ брилліантахъ, глазахъ. Женскія обнаженные руки казались выточенными изъ бѣлоснѣжнаго и блѣднорозоваго мрамора. Длиныя платья, подобно слегка окрашенной водѣ, переливались то по блестящимъ квадратамъ паркета, то по вычурнымъ рисункамъ ковровъ. Цѣлые снопы и звѣзды огоньковъ, льющихся сверху, заглядывали по минутно въ зеркала. И свѣтъ отражался по всѣмъ направленіямъ, множился до безконечности, далекой и ослѣпительной. У оконъ, задернутыхъ вплотную складками тяжелыхъ занавѣсей, качались на высокихъ стебляхъ бѣлоснѣжныя чашечки датуры. Надъ лѣсомъ гіацинтовъ возносились чудныя орхидеи, на подобіе прихотливаго роя пчелъ и мотыльковъ. Кавалерскія звѣзды (*passi foga*) ползли упрямо отъ одного окна въ другому, разбрасывая по фіолетовому бархату и голубому плюшу свои лилово-красныя звѣзды. А изъ блестящихъ золотыхъ рамъ, тянувшихся рядами вдоль стѣнъ, выглядывали облитые яркимъ свѣтомъ сельскіе пейзажи, горныя и морскіе виды. Тамъ-и-сямъ попадались фигуры рыцарей и группы пастушковь. Въ одномъ залѣ, изъ-за зелени растеній, какъ бы выступала бѣлая статуя—произведеніе знаменитаго рѣзца. На высокихъ подставкахъ красовались севрскія, японскія вазы. Бросалось въ глаза множество великолѣпныхъ постаментовъ для лампъ изъ малахита, лаписъ-лазули и старинной бронзы. Въ воздухѣ носился глухой говоръ, напоминавшій немолкаемыя раскаты грома въ громадномъ отдаленіи, слышался ритмическій шелестъ свертываемыхъ и развертываемыхъ вѣровъ, шелканье шпоръ, звукъ серебра, слегка позвякивавшаго о фарфоръ, а иногда взрывъ громкаго, но короткаго смѣха, подобно взвившейся ракетѣ надъ шипящимъ безъ перерыва фейерверкомъ. Въ самомъ отдаленномъ салонѣ, гдѣ-то очень далеко, за цѣлымъ моремъ огня, шума, говора и лѣса цвѣтовъ, кто-то игралъ на рояли.

У порога перваго зала привѣтствовала входящихъ гостей свѣтлая блондинка средняго роста, довольно полная и на первый взглядъ очень красивая, въ бархатномъ платьѣ и страусовыхъ перьяхъ, украшавшихъ почти пепельнаго цвѣта волоса. Рядомъ съ нею стоялъ мужчина, далеко уже не молодой, чрезвычайно блѣдный, непомерно лысый, съ фигурой Юпитера, сильно

утомленнаго своимъ собственнымъ величіемъ и могуществомъ. Когда Романъ изогнулся передъ хозяйкой дома въ глубокомъ и церемониальномъ поклонѣ, почти придворномъ, она чуть замѣтно погрозила ему пальчикомъ. Спрашивать не приходилось. Вотъ уже съ недѣлю, какъ она вернулась, а еще оба другъ друга не видѣли. Раза два заѣзжалъ онъ, правда, но все не заставлялъ дома. Чтò за важность! долженъ былъ пріѣхать хотя бы двадцать разъ! Воспользовавшись минутной свободой хозяйки, онъ наклонился и спросилъ, выразительно глядя ей въ глаза:

— А что же — новость?

Лицо ея походило вблизи на фарфоровую вазочку съ тонко выведенными двумя блѣдными рожками на ослѣпительно бѣломъ фонѣ. На мертвенномъ лицѣ расплылась лучистая улыбочка.

— Ахъ, да, восхитительное извѣстіе! — проронила она шопотомъ. — Ты понимаешь, мнѣ некогда... Потомъ какъ-нибудь... а теперь ступай, веселись и другихъ занимай...

Отходя отъ нея, онъ подумалъ невольно:

„И зачѣмъ это она такъ бѣлится и румянится? Старинная привычка, — и съ каждымъ разомъ это выходитъ у нея все неискутнѣе. *Trop de zèle*... Что жъ мудренаго? Сначала слегка подрисовывалась и дѣлала почти неохотно; теперь же это становится пособіемъ, за которое она хватается какъ за якорь спасенія. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ стала бы безобразной безъ этой эмалировки“.

Резонирования его сразу же оборвались при встрѣчѣ съ кучкой товарищей и пріятелей. Потекла между ними оживленная бесѣда. Говорили о цифрѣ вознагражденія, предложенной знаменитому пѣвцу за нѣсколько представленій въ мѣстномъ театрѣ. Громадность гонорара возбуждала въ кружкѣ молодежи изумленіе, чуть что не зависть. Великіе пѣвцы, — твердили хоромъ всѣ, — это настоящіе властелины свѣта, самые счастливые изъ людей. Помилуйте, чего же вы хотите — деньги и аплодисменты — огромныя деньги и вѣчные вызовы! Вотъ кто именно счумѣлъ удачно разрѣшить вопросъ: „быть или не быть“ — земного счастья. Романъ вставилъ и отъ себя словцо. Слѣдовало бы, по его мнѣнію, къ этому счастью приобщить и принципъ артистическаго упоенія, неизбежнаго во всякомъ истинномъ искусствѣ. Но нѣсколько голосовъ запротестовало, смѣясь. Искусство! Да разве этимъ господамъ когда-нибудь снилось возвышенное? Повѣрьте, это такое же ремесло, какъ и всякое другое, только во сто кратъ болѣе прибыльное. Да и все, признаться, въ настоящее время превращается въ ремесло, болѣе или менѣе выгодное. Упоеніе искус-

ствомъ, наукой и разными тому подобными предметами — какой рѣжущій ухо архаизмъ!...

— А эти ширмочки... — вставилъ Романъ.

— Что жъ, эти ширмочки — хорошая вещь, — подтвердили многіе. — За ними тоже идетъ отчаянная погоня за золотымъ дождемъ. Иначе и невозможно! Что жъ дѣлать, когда потребности жизни въ цивилизованномъ обществѣ возросли до такой степени, что удовлетворить ихъ могутъ по истинѣ однѣ горы золота. А впрочемъ, для человѣчества изъ этого вытекаетъ очевидная польза. Подумайте хорошенько, огромныя требованія сопровождаются чрезвычайными усиліями, а изъ нихъ-то и вырастаетъ прогрессъ на всѣхъ поприщахъ...

Въ группѣ разговаривающихъ произошло движеніе; многіе обратили особое вниманіе на только-что вошедшихъ въ залъ.

— Вотъ этотъ, глядите налѣво, низенькій, слегка сутуловатый — это знаменитый вскулапъ. Говорятъ, полмилліона слишкомъ лежитъ у него въ заграничныхъ банкахъ. Да здравствуетъ наука! Понимаете, полмилліона съ хвостикомъ! — стало быть, и наука дѣло доходное.

Всѣ низко кланяются передъ кѣмъ-то. Онъ не особенно богатъ, но вся грудь у него увѣшена орденами. Тоже счастливецъ, какую карьеру устроилъ — быструю, блестящую, прямо связать — ума помраченье! Отчего же не поклониться и ему въ свою очередь, подобострастно, со сладкой улыбочкой? А вотъ и высшій жрецъ плутократіи. Ужъ этотъ-то, прямо сказать, огромная золотая кошна. И умѣетъ же пожить... Кто только не перебивалъ у него! Почти всѣ собесѣдники знаютъ его палаты, или, по крайней мѣрѣ, представлялись ему въ надеждѣ попасть туда. А какова роскошь — сумасбродная! Возьмите хотя бы залъ его, отдѣланный во вкусъ Людовика XIV: на тѣ деньги, которыя, говорятъ, онъ ухлопалъ на него, можно было бы выстроить маленькій замокъ. Теперь, рассказываютъ, поручилъ отдѣлать плафонъ въ вестибюлѣ одному извѣстному живописцу. Сдеретъ же онъ съ него здорово... Поглядите-ка и на того, тоже гусь... И такъ повторилось безъ конца...

Вмѣстѣ съ другими присматривался Романъ въ входящимъ; называли всѣхъ поименно — и цифры доходовъ. Отвѣшивалъ и онъ поклоны милліонамъ, титуламъ, карьерамъ, состояніямъ. Улыбаясь, началъ и самъ доказывать, что иначе и быть не можетъ. Все это даже хорошо, выгодно для прогресса, развитія, воспитанія, благоденствія, торговли. Глаза его разгорались все сильнѣе и сильнѣе, черты лица заострились, подергивались выразже-

нѣмъ досады. Онъ смѣлся, казалось, весело и искренно сочувствовалъ проповѣдуемой теоріи, въ которую какъ будто и самъ крѣпко вѣрилъ, а между тѣмъ онъ чувствовалъ—какая-то змѣйка постепенно обвивалась вокругъ его сердца и слегка пощипывала, чувствительно, однако. Какъ-то помимо его воли навязывалась мысль: „долгонько, однако, приходится сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ; много времени убито задаромъ; страшно еще долго, неизмѣримо далеко до этихъ состояній, вершинъ, до этого счастья, о которомъ всѣ кругомъ наперерывъ твердятъ, и которое возбуждаетъ всеобщее удивленіе, смѣшанное съ вождѣлнѣемъ и завистью“.

Однако змѣйка вовсе не мѣшала ему развлекаться и занимать другихъ. Въ салонахъ этихъ плавалъ онъ какъ рыба въ водѣ, и еслибы могъ заглянуть попристальнѣе въ самого себя, то пришелъ бы въ убѣжденію, что въ его организмѣ сидятъ два существа. Одно, не далѣе какъ часть тому назадъ, утомленное, разочарованное, глубоко скорбящее; а другое, вотъ именно теперь, вливается съ наслажденіемъ въ красоту, тонкость, изящество окружающаго и испытываетъ весьма пріятное ощущеніе, продолжая „флиртовать“ съ черными глазками, кокетливо и огненно поглядывающими на него изъ-подъ брилліантовой звѣздочки. Да, въ этой роскошной гирляндѣ полковыхъ платьевъ, обнаженныхъ рукъ и вѣеровъ, подражающихъ шелесту крыльевъ огромныхъ бабочекъ, царилъ легкій „флиртъ“—игривый, остроумный, сдержанный, съ едва замѣтными судорогами волненій. Одно изъ крылышекъ бабочки, изъ легкаго газа, затканнаго золотомъ, колеблемое ручкой, сверкающей змѣйками браслетовъ, навѣвало на Романа отрывистыя коротенькія струйки дрожи и сконцентрированнаго аромата духовъ. Какъ будто бы падали ритмично на его лицо мимолетныя вѣжные поцѣлуи. А между тѣмъ начатая на лѣстницѣ саусегіе текла своимъ чередомъ безъ перерыва. Сыпались съ обѣихъ сторонъ шуточки, повидимому простенькія, почти безсодержательныя, но самыя слова, благодаря манерѣ и интонаціи, получали какое-то особое значеніе. Чувлось что-то замаскированное, двойное; начиналась словно игра въ крочки, тоненькіе и заостренные. То притягиваютъ, то отталкиваютъ они воображеніе, любопытство и чувство. Но обладательницѣ черныхъ очей и брилліантовой звѣздочки чего-то не доставало, чтобы придать игрѣ большой интересъ. Оживленная болтовня съ красивой барышней не мѣшала Роману продолжать свои наблюденія. Черты лица ея слишкомъ угловаты, думалъ онъ, слишкомъ напоминаютъ профиль птицы. Уста ея, прекрасно очерченныя,

нѣжнаго колорита, нѣтъ-нѣтъ да и поведеть капризной судорогой, а въ огненныхъ, искрящихся страстью и вожетствомъ глазахъ легко прочесть абсолютную пустоту. И вскорѣ, воспользовавшись первымъ передвиженіемъ клумбы, прибытіемъ нѣсколькихъ новыхъ особъ и отходомъ другихъ, онъ всталъ и скрылся. Уходя, онъ думалъ:

„Нѣтъ, рѣшительно этотъ женскій типъ не по мнѣ. Ирма куда лучше! Та и другая, конечно, только хорошенькіе звѣрки, но послѣдняя красивѣе, интереснѣе, только“... только очень дорога, черезъ-чуръ дорога для него, а въ этомъ обществѣ найдется, пожалуй, не мало такихъ, для которыхъ подобныя продукты роскоши ни по чемъ.

Къ этой категоріи принадлежалъ несомнѣнно и только-что вошедшій, сильно запоздавшій. Многіе бросились на встрѣчу къ нему поспѣшно и предупредительно, забывая даже всякія приличія. Былъ это мужчина высокаго роста, коренастый, съ отпечаткомъ энергіи на лицѣ. Сразу же бросалась въ глаза его огромная рыжая борода и блестящій значокъ на груди со скрепченными молоточкомъ и лопатой изъ серебра. Романа что-то кольнуло: онъ узналъ въ вошедшемъ Марцела Домунта, знакомаго ему съ самаго дѣтства. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ! Инженеръ и крупный предприниматель, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и счастливыхъ современныхъ аргонавтовъ, въ настоящее время, какъ говорятъ, уже почти миллионеръ, а въ будущемъ — кто знаетъ? — быть можетъ, и набобъ. Сразу же обступили его со всѣхъ сторонъ. Проталкиваясь черезъ всю эту толпу Роману показалось какъ-то противно. „А ну его! успѣю и потомъ съ нимъ поздороваться“...

Все же, хотя и издали, онъ приглядывался къ современному триумфатору. Повидимому, веселъ, болтаетъ, но чѣмъ-то замѣтно озабоченъ. Глаза у него блуждали, теряли окружающую дѣйствительность, какъ бы уходили внутрь мозга, рылись тамъ усердно, провѣряли, взвѣшивали. Будучи близкимъ родственникомъ хозяйки, Домунтъ держался вообще непринужденно, смѣло, свободно, не надменно и не гордо, какъ человѣкъ увѣренный въ себѣ: еще бы! много потрудился, имѣеть теперь большое значеніе и многое можетъ. Тотчасъ же окружили его партнѣры. Самое появленіе такого необычнаго игрока воодушевляло ихъ безъ мѣры. И увлекли они его торжественно къ карточному столу. Вслѣдъ за нимъ, подобно извилистой водяной лентѣ, образуемой на поверхности рѣчки только-что впавшимъ въ нее ручейкомъ, поплыла цѣлая струя замѣчаній, сообщеній, вполголоса передаваемыхъ отъ одного къ

другому. Счастливецъ! Разумникъ, дѣлецъ, необыкновенно прозорливый, а главное—везётъ. На одинъ промахъ десять удачъ, и всегда крупныхъ. Последнее предпріятіе великолѣпно закончилось: громадный кушъ заработалъ. Правда, никогда нельзя сказать навѣрняка, чѣмъ кончатъ подобные люди. Либо король, либо нищій! Этотъ, пожалуй, составляетъ исключеніе. Рискуетъ страшно, но и прозорливъ же, бестія, ужъ какъ остороженъ! Прикатилъ сюда къ намъ, какъ кажется, затѣмъ, чтобы купить въ столицѣ два громадные дома. Баста! ими онъ никогда не рискнетъ. Въ концѣ концовъ, скажетъ,—если останутся только они за нимъ, и то не дурно—будетъ на что блистать въ обществѣ. Да что! Вотъ увидите—онъ еще Богъ вѣдаетъ куда заберется. Ему и сорока лѣтъ, а спросите-ка, гдѣ онъ ни бывалъ, за какое дѣло ни принимался, и вѣчно ему удается. Славная голова! сильный характеръ! такіе теперь особенно нужны. Настоящій современный человѣкъ. Вотъ и разгада—почему такъ быстро и безумно, можно сказать, онъ богатѣетъ. Женщины, съ своей стороны, выражали сожалѣніе, что такую интересную, умную и, вѣроятно, пріятную личность засадили за карты.

Кто-то отозвался, что Марцель Домунтъ не большой охотникъ до дамскаго общества, занятъ по горло, не любитъ утруждать себя разговорами. Нѣсколько лѣтъ, впрочемъ, какъ уже женатъ, а безцѣльное ухаживаніе не представляло для него никакого серьезнаго интереса. Остряки утверждали, что и съ женой-то онъ видится всего дня два въ году, остальное время проводить въ разъѣздахъ по мѣстамъ отдаленнымъ, кончаетъ свои работы. Игра въ карты доставляетъ ему отдыхъ и развлеченіе, не особенно утомительные; но и въ ней выказываетъ онъ индивидуальный свой характеръ—играетъ необыкновенно смѣло и всегда по высокой. Въ такомъ только собраніи, какъ сегодняшнее, могъ онъ найти достойныхъ себѣ партнеровъ.

Съ жадностью прислушивался Романъ и ловилъ каждое новое летучее сообщеніе. Когда-то и онъ зналъ хорошо героя дня, родину его и родныхъ. Много лѣтъ тому назадъ, онъ помнитъ, посреди широкой равнины, на темномъ фонѣ могучаго бора вырисовывался небольшой домикъ, покрытый бѣлой штукатуркой, съ крыльцомъ, подпертымъ четырьмя фигуристыми бѣлыми столбиками. Въ тѣнистомъ саду сверкала большая поверхность пруда. Называлось имѣніе „Канѣвка“. Было оно старымъ семейнымъ гнѣздомъ, откуда вылетѣлъ и этотъ орелъ. Мѣстность встала передъ Романомъ въ эту минуту, какъ бы въ громадномъ отдаленіи, полуподернутая слегка дымкой дали и забытая. Когда-то,

впрочемъ, онъ зналъ ее хорошо. Этотъ—самый старшій. Любопытно знать, какъ поживаютъ другіе... Такъ вотъ откуда онъ вышелъ, и до чего дошелъ! Повезло страшно. Вотъ это такъ счастье, неподдѣльное, огромное... Можетъ ли идти въ сравненіе судьба его, Романа? Узенькая тропиночка, едва замѣтно извивающаяся по монотонной равнинѣ. Пройдутъ еще годы, и, быть можетъ, придется все еще тащиться въ гору. О вершинахъ, на которыхъ сталъ этотъ, — и мечтать невозможно. Романъ уединился въ одну изъ глубокихъ оконныхъ нишъ, ушелъ весь въ себя и снова почувалъ съ досадою змѣйку, хватающую его за сердце. Теперь пощипывала она гораздо чувствительнѣе, чѣмъ то было раньше.

Легкій ударъ вѣера вернулъ его въ дѣйствительности. Опираясь кончиками пальцевъ о его согнутую руку, увлекла его баронесса далеко; они поплыли по безконечной анфиладѣ салоновъ. Ихъ провожали глубокіе поклоны, почтительные взгляды, льстивыя полусловечки. Баронесса отвѣчала торопливо—живомъ головки, улыбкой, разнообразными до безконечности вольтами вѣера. Въ одномъ изъ отдаленныхъ салоновъ усьлся за рояль знаменитый и модный артистъ. Все время, пока длится импровизованный концертъ, напряженное вниманіе всѣхъ присутствующихъ, за исключеніемъ развѣ игравшихъ въ карты, сосредоточено на немъ. Хозяйка можетъ отдохнуть, она свободна. Баронесса сіяла; что-то почти шаловливое проскальзывало въ ея радости. Вечеръ удался ей какъ никогда,—быть, можно сказать, самымъ блестящимъ. Никогда еще, кажется, не собиралось у нея, какъ сегодня, столько знаменитостей, выдающихся и могущественныхъ во всѣхъ родахъ. Женщины какъ на подборъ—самыя красивыя, всѣ пользующіяся особымъ фаворомъ, а про мужчинъ и говорить нечего—самые богатые и высокопочитаемые. Веселье влѣкомъ кипитъ, не замѣчается и тѣни скуки, а въ приѣмѣ ни одного упущенія не случилось,—слава Богу! Да, нужно имѣть ея голову, чтобы въ одну только недѣлю, послѣ возвращенія изъ дальняго путешествія, устроить такъ превосходно большой вечеръ. Всѣ отдають ей, конечно, должное, удивляются геніальности ея организаторскихъ способностей. Какихъ только комплиментовъ, самыхъ тонкихъ, изысканныхъ, не наслушалась она въ этотъ вечеръ! И въ самомъ дѣлѣ, какое счастье заручиться игрою этого несравненнаго Бронбирнхнопфа! Богъ да хозяйка только и знаютъ, сколькихъ усилій и денегъ стоила эта диковинка. Заставилъ себѣ выплатить сказочный гонораръ. Что и говорить! Зато можно смѣло ручаться, что ни у кого болѣе не будетъ играть на вечерахъ. У немногихъ развѣ, которымъ все доступно,—все рѣши-

тельно. Таковой успѣхъ, можно сказать триумфъ, ничего нѣтъ мудреннаго, подѣйствовалъ весьма благотворно на баронессу. Расцвѣла, помолодѣла, буквально торжествовала. Радость и гордость свѣтились въ ея глазахъ; высоко вздымалась декольтированная грудь, колымая широкимъ и глубокимъ ритмомъ. Быстро, почти воркуя, дѣлилась она со своимъ кавалеромъ пылкими впечатлѣніями своего успѣха и триумфа. Они вошли, наконецъ, въ боковую залъ, освѣщенный одной только лампой, затерянной въ цѣломъ лѣсѣ развѣсистыхъ пальмъ. Тутъ же, недалеко, низенькія ширмочки прерывали два глубокія кресла съ вычурно изогнутыми назадъ спинками. Были это хорошенькія китайскія ширмочки съ изображеніемъ золотого дракона, оправленнаго въ рамку изъ бамбука.

— Зачѣмъ же непременно здѣсь? — спросилъ, улыбаясь, Романъ.

— Это мой капризъ, — отвѣтила баронесса съ ужимкой двадцатилѣтней кокетки, но тотчасъ же приняла серьезный видъ.

И едва успѣли они усѣсться, собесѣдница заговорила сразу горячо и убѣдительно. Развалилась въ небрежной позѣ, Романъ прислушивался сначала съ недовѣріемъ, полупривторнымъ, полукскрепнымъ. Но послѣ первыхъ же фразъ, произнесенныхъ баронессой, слушалъ дальше уже сосредоточенно и вскорѣ засіялъ почти такою же радостью, какою пламенѣла и она. Дѣйствительно, дѣло было очень серьезное, — не даромъ потянула она его такъ стремительно и довела чрезъ всѣ салоны за эти китайскія ширмочки. Ей удалось, по своемъ возвращеніи въ столицу, долго бесѣдовать съ однимъ извѣстнымъ сановникомъ и... о, счастье! она вырвала у него торжественное обѣщаніе. Когда она еще разъ повторила торопливо, лихорадочно всю эту необыкновенную исторію, ему показалось, что золотой драконъ въ своей бамбуковой оправѣ ведрогнулъ и засверкалъ подъ свѣтомъ лампы, льющима въ-за перистыхъ пальмовыхъ листьевъ. Было это обѣщаніе, даже лучше — положительное завѣреніе, что Романъ будетъ назначенъ на извѣстный постъ и, сверхъ всякаго ожиданія, довольно высокій, съ прекраснымъ содержаніемъ. Въ будущемъ открывалась самая широкая перспектива. Это уже не шагъ, а, такъ сказать, скачокъ впередъ. Никто другой, кромѣ ея, не былъ бы въ состояніи что-нибудь подобное выкопать и вымолить. Тутъ надо было, независимо отъ свѣтскихъ отношеній, пустить въ ходъ всю женскую изобрѣтательность и остроуміе; требовалось дѣйствительно чувство дружеской, материнской заботливости. Не обошлось и тутъ, впрочемъ, безъ двухъ, совсѣмъ, правда, маленькихъ капель чуточки горьковатаго свойства. Во-первыхъ, предпола-

гаемое мѣсто очищалось еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а, вторыхъ,—приходилось ѣхать далеко, за полторы тысячи верстъ, пожалуй немного и подальше. Эти нѣсколько мѣсяцевъ—бѣда не велика. Надо будетъ только хорошенько позаботиться, чтобы какъ-нибудь да не забыли о данномъ обѣщаніи. А вотъ далеко—это обстоятельство безповоило и его слегка, а ее такъ просто смущало. Лицо баронессы, вначалѣ такое оживленное, по мѣрѣ передачи, становилось все грустнѣе. И вѣдь ни разу въ жизни не придется, чтобы сложилось все такъ, какъ бы хотѣлось. При самыхъ даже благоприятныхъ обстоятельствахъ не обойдется никогда безъ какой-нибудь очень чувствительной занозы. Что дѣлать! Она не эгоистка, совѣтуетъ ему искренно согласиться на эту перемену своего положенія и помириться со всѣми возможными неудобствами. Ужаснаго, впрочемъ, она ничего не предвидитъ. Придется ему жить все же не въ захолустѣ, а въ большомъ, богатомъ, оживленномъ городѣ, во многихъ отношеніяхъ даже весьма интересномъ. Она сама провела тамъ нѣсколько недѣль у своихъ знакомыхъ. Это вовсе даже и не городъ, а скорѣе всемірный базаръ. Веселятся и тамъ прекрасно; въ самомъ обширномъ значеніи жить тамъ можно очень хорошо. Да вотъ еще: къ счастью, нѣсколько старинныхъ знакомыхъ какъ разъ именно теперь занимаютъ тамъ выдающееся положеніе. Снабженный рекомендательными письмами отъ нея, Романъ сразу же займетъ въ тамошнемъ обществѣ положеніе завидное и пріятное.

— Ну, какъ же ты полагаешь? Кажется, нечего и спрашивать. По выраженію лица твоего вижу, что моя новость тебя сильно обрадовала. Ну, скажи—доволенъ, да? Даже счастливъ. Не удивляюсь; въ самомъ дѣлѣ, есть чему порадоваться. Вотъ видишь. А мнѣ думалось, что при неожиданномъ извѣстіи о необходимости тебѣ уѣхать далеко, ты хоть немного взгрустнешь. Какъ подумаешь, встрѣчались мы съ тобой въ теченіе десяти лѣтъ почти каждый день—я въ тебѣ привыкла, какъ... къ брату. Десять лѣтъ... о, Боже, какъ все проходитъ! Но я не эгоистка... старалась для тебя, какъ умѣла, вопреки своимъ собственнымъ желаніямъ. Благодари же!

Съ глубокимъ чувствомъ поцѣловаль онъ обѣ протянутыя къ нему руки.

Дѣйствительно, она оказала ему снова громадную услугу. Толкнула опять впередъ колесницу его судьбы. Благодарность его, такая порывистая, вмѣстѣ съ мыслью о скоромъ его отъѣздѣ, сильно растрогали ее. Въ ея глазахъ стояли слезы.

— Ахъ, эти нервы... совсѣмъ разстроена!—шепнула она.— Недавно посѣтило меня большое горе, просто несчастье...

— Какое?—спросилъ сочувственно Романъ.

— Послѣ разскажу. Когда всѣ разъѣдутся, останься со мной на полчаса. Я думаю, теперь скоро все кончится. Черезъ часъ, два — ужинъ, а послѣ него сейчасъ же стануть разъѣзжаться; тогда ты узнаешь все...

— Опять Бруно продулся въ карты? Не случилось ли чего худого съ Маріей?

Баронесса скорчила жалкую гримасу и отчасти съ досадою махнула рукой.

— Нѣтъ, не то. Знаешь самъ, я ничего хорошаго не жду отъ своихъ дѣтей. Бруно—мальчикъ потерянный. Давно бы прогнали его изъ полка, еслибы не я. Отъ Маріи вѣсти доходятъ во мнѣ рѣдко: пишетъ тогда только, когда ей нужны деньги. Меня посѣтила иного рода скорбь—великая... потомъ разскажу... Ахъ, что это такое? Бронбирнкнопфъ, кажется, играть пересталъ?.. Слава Богу, нѣтъ, я ошиблась, опять начинается. Ну и прекрасно. Нѣсколько минутъ могу еще посидѣть здѣсь и отдохнуть. Эти приемы начинаютъ меня страшно утомлять... Зато ты можешь себѣ представить, какое для меня торжество, когда все идетъ гладко, такъ, какъ, на примѣръ, сегодня. Что же ты не спрашиваешь меня, что я дѣлала за эти два мѣсяца? Ахъ, дорогой мой, не повѣришь, стальные нервы, и тѣ не выдержали бы подобной скуки. Дѣла свои устроила, видѣла массу родныхъ и старинныхъ знакомыхъ... Нѣсколько разъ удалось мнѣ заѣхать и въ Дарновку.

Романъ встрепенулся.

— Ну, какъ тамъ поживаютъ?

— Да ничего особеннаго. По прежнему. Та же Дарновка; тамъ все по старому. Старый домъ, старинная мебель и обычай старинные. И постарѣли же оба Дарновскіе...

— А дядя... каковъ онъ? Здоровъ по прежнему?

— Ромуальдъ? Еще бы! Посѣдѣлъ, облысѣлъ, а здоровъ какъ быкъ, могучъ какъ дубъ. Скажу тебѣ откровенно: какъ будто— какъ бы тебѣ сказать—немного... опростился. А впрочемъ, можетъ быть, мнѣ такъ показалось. Давно уже отвыкла я отъ всѣхъ ихъ манеръ... Супруга его по прежнему прихварываетъ и вѣчно ноетъ... Стефанъ сталъ красивымъ малымъ, но изъ него вышелъ какой-то дьячокъ — ни элегантности, ни самолюбія... Стала-было ему намевать, чего онъ виснетъ напрасно въ деревнѣ, могъ бы сдѣлать себѣ карьеру въ городѣ, ну и жизнью вполнѣ насладиться. Вообрази, расхохотался, какъ будто я какую глу-

пость сморозила. Всѣ они тамъ какіе-то странные. Знаешь, хотѣла-было взять съ собой Ирену...

— Какую такую Ирену?

— Будто не знаешь? Воспитанницу твоего дяди. Она и мнѣ приходится немного сродни...

— Такъ и она торчитъ въ Дарновеѣ?

— Да гдѣ же ей быть....

— А замужъ еще не вышла?

— Я вижу, ты, кажется, очень ею заинтересованъ. Боже! Даже глаза заблестѣли! Ахъ, вспоминаю: ты, кажется, былъ когда-то въ нее по уши влюбленъ? Ну, мой милый, напрасные труды: вѣдь она набитая дура. Съ виду, пожалуй, какъ будто и что-то... порядочное, а какъ посмотришь—на самомъ дѣлѣ, чистѣйшая дура. Ахъ, какъ я на нее разсердилась! Даже очень... самъ разсуди: заупрямилась, не захотѣла ѣхать со мной. Ну, что за важность,—махнула рукой. На прощанье хотѣла даже подарить ей на память браслетъ, весь въ брилліантахъ... Представь себѣ—не взяла. Уперлась,—не возьму, да не возьму. Говорить: „мнѣ такихъ вещей вовсе не надо“. Подумай только, кому же на всемъ бѣломъ свѣтѣ могутъ быть лишними брилліанты? Ну, не дура ли?..

— А обо мнѣ не спрашивали? Дядя, я думаю, сердится, что такъ давно къ нему не пишу? Что же Стефанъ?..

Вмѣсто отвѣта на всѣ его вопросы, срывавшіеся съ его губъ цѣлой гурьбой, но въ то же время какъ будто и несмысло, баронесса ухватила его за руку и, указывая вѣеромъ на двери со-сѣднаго салона, зашептала скороговоркой:

— Отъ картъ отошелъ, видишь? Кругомъ никого... со стаканомъ оршада... всегда на вечерахъ пьетъ одинъ оршадъ... Вотъ самая удобная минута... Подойди къ нему, поблагодари. Это необходимо,—надо сегодня же, сейчасъ его поблагодарить...

Какъ бы пробуждаясь со сна, взглянулъ Романъ по указанному направленію. Черезъ открытыя двери, на половину заслоненныя портьерами, видѣлась часть салона. Десять съ полтора мужчинъ сидѣли за карточными столиками. Одинъ изъ нихъ только-что поднялся. Стоя въ сторонкѣ, отпивалъ онъ маленькими глотками прохладительный напитокъ. На него-то и указывала вѣеромъ баронесса.

— Ты не забылъ, прошлой зимой я тебя представляла ему... Онъ помнить. Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ мнѣ сказалъ, будто помнить. Тебѣ непременно нужно поблагодарить его за общаніе... У него память баснословная. Теперь какъ разъ въ пору... опять усядется и станетъ играть. Чего жъ ты нейдешь? Ахъ, Боже мой,

да иди же, поблагодари. Надо же напомнить о себѣ, постарайся обратить на себя его вниманіе... Ступай же!

Романъ все еще продолжает сидѣть, словно колебался или обдумывалъ. Онъ самъ понималъ, что баронесса права, — поблагодарить было необходимо, о себѣ напомнить, а между тѣмъ какъ-то нѣхота поднимался онъ съ мѣста.

— Скорѣй! — шептала ему вслѣдъ баронесса: — опять сядеть играть, упустишь случай....

Идетъ Романъ, переступая неторопливо. „Все тамъ по старому: старый домъ, старинная мебель и обычаи старинные... Любопытно, сердится ли онъ за то, что я ему не пишу?“

Подвигаясь медленно, онъ замѣтилъ у одной изъ стѣнъ салона предметъ довольно странный, — прежде его не было. На мраморномъ постаментѣ — стеклянный гробикъ... Ну, да, ошибиться нельзя... настоящий гробикъ изъ стекла, а въ немъ что-то красновато-сѣрое... Что за притча? Должно быть, въ моду вошло убирать салоны гробиками вмѣсто череповъ. Но ему рѣшительно не хватало времени на размышленія. Онъ уже входилъ въ тотъ залъ, гдѣ играли.

„Не взяла браслета съ брилліантами, говорить, что не нуждается въ этихъ вещахъ. Отчего же она не вышла замужъ? Вѣрно подурнѣла, быть можетъ оспа...“

Но вотъ онъ стоитъ уже предъ сановникомъ, отвѣшиваетъ глубокий поклонъ; позволяетъ себѣ напомнить, какъ въ прошлую зиму имѣлъ счастье быть ему представленнымъ. Ему отвѣчаютъ коротко, но довольно милостиво. Романъ слушаетъ съ опущенными внизъ руками, склонивъ нѣсколько голову, затѣмъ кланяется еще ниже и осмѣливается поблагодарить за данное обѣщаніе, полученное при посредничествѣ баронессы Клары Ламони. Ему отвѣчаютъ немножечко длиннѣе. Онъ выслушиваетъ, старается придать себѣ видъ чуждъ что не благоговѣнія, отвѣшиваетъ третій поклонъ еще ниже прежнихъ, позволяетъ себѣ еще разъ напомнить о себѣ и о дарованномъ милостиво ему обѣщаніи.

На этотъ разъ слышитъ онъ замѣчаніе, что все обѣщанное тѣмъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, не можетъ быть забыто никогда. Рассыпается опять въ благодарностяхъ за милостивое подтвержденіе — снова поклоны, но теперь молчаливые. Приходится выслушать напоследокъ нѣсколько очень лестныхъ фразъ по адресу баронессы Ламони. Раскланиваясь окончателно, Романъ подмѣчаетъ благосклонную улыбку, догадывается, что понравился, и снова кланяется низко, низко. Слѣдуетъ весьма благосклонный

жестъ руки, въ послѣдній разъ кланяется, теперь уже спиной, исчезающей за высокой спинкой кресла у карточного столика.

Романъ выпрямился. До корней волосъ залило лицо яркой краской, промежъ сдвинутыхъ бровей вырѣзывается глубокой черточкой морщинка. Морщинка не пропадаетъ. Вѣки полуопущены; онъ глядитъ упорно нѣкоторое время въ одну точку, и такъ старательно, какъ бы приглядывается внимательно къ чему-то, лежащему на паркетѣ. Когда онъ поднялъ голову, глаза его встрѣтились съ устремленными на него взорами Марцела Домунта. Съ собранными въ одной рукѣ картами, выводя мѣлкомъ какую-то цифру на зеленомъ сукнѣ, этотъ высочій, сильный человекъ, съ рыжеватой бородой и съ серебрянымъ значкомъ на груди, смотрѣлъ на него глазами ясными, холодными, привывшими видѣть далеко и замѣчать все отчетливо. Инженеръ опустилъ снова глаза на зеленое сукно и вдругъ опять взглянулъ на Романа. Эти ясные, холодные, повелительные глаза, казалось, были чѣмъ-то изумлены, чего-то не могли себѣ выяснитъ. Такъ повторилось раза два. Морщинка успѣла уже разгладиться на челѣ у Романа. Улыбаясь, подходитъ онъ къ вставшему изъ-за карточного столика и, протягивая руку, произноситъ:

— Припоминаешь, Марцель, но не узнаешь...

Съ минуту еще молча глядитъ на него внимательно Домунтъ и произноситъ спокойно:

— Романъ Дарновскій.

Съ холодностью взгляда и сповойствіемъ голоса какъ-то не вяжется сила, съ которой стиснулъ онъ ему руку. Замѣтно въ немъ нѣкоторое возбужденіе. Игру свою онъ кончилъ. Оба отошли въ нишу большого окна и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ дружески обмѣнивались градомъ коротенькихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Лица ихъ дышали оживленіемъ.

— Ну, какъ же поживаешь?—спросилъ Домунтъ.

— Какъ тебѣ сказать? Не дурно! О твоихъ успѣхахъ нечего и спрашивать; всѣ только и толкуютъ, что...

— Да, да. Всяко бывало, а теперь положительно расту... А я замѣтилъ, съ кѣмъ ты только-что изволилъ бесѣдовать... Поздравляю... у тебя прекрасныя связи...

— Да, есть. А ты, кажется, подвигаешься въ милліончику...

— Велика важность!—воскликнулъ Домунтъ:—въ нынѣшнемъ вѣкѣ, чтобы выдвинуться, нужно заработать по меньшей мѣрѣ десятокъ. Ты тутъ какъ же живешь, постоянно?

— Да, а ты?..

— Мой домъ—весь міръ Божій. Ты не женатъ?

— Какое! Я еще совсѣмъ не оперился. Для моего гнѣздышка потребуется еще многое, — отвѣчалъ Романъ.

— Хвалю. Идиллиі хороши только въ книжкахъ, да и то выходятъ не важныя. Что же касается меня...

— Знаю. Вотъ уже два года, какъ ты обзавелся домкомъ.

— Вѣрно! Одинъ Богъ вѣдаетъ, зачѣмъ я все это натворилъ. Повѣришь ли, почти не знаю своей супруги. Вскорѣ послѣ вѣнчанія пришлось пуститься въ дальній путь. И теперь возвращаюсь изъ глубокой Азіи...

— И надолго, если не секретъ?

— Проживу, пожалуй, съ мѣсяць. Проваландался здѣсь уже съ недѣлю по дѣламъ, заверну потомъ къ женѣ и покачу дальше, къ Черному морю...

— Однако! охотникъ же ты, какъ я вижу, странствовать!

— Что за вздоръ! Надоѣло, какъ грѣшнику адъ. Одна необходимость заставляетъ. На то и жизнь... А позволь, встати, спросить, давно ты уѣхалъ изъ нашихъ краевъ?

— Да вотъ уже десять лѣтъ, какъ отсюда.

— А я двѣнадцать. Признаться, тянетъ иногда, да никакъ не соберусь...

Большой бѣлой рукой провелъ инженеръ по бородѣ и рассмѣялся.

— Удивительное дѣло! Съ тѣхъ поръ какъ началъ съ тобою разговаривать, въ глазахъ двоится. Вижу предъ собой не одного тебя, а также и Канѣвку, мать, сестеръ, коршуновъ надъ прудомъ, — помнишь? Иногда подписываю къ матери, и отъ нея получаю извѣстія; чаще всего пишутъ сестры.

— А что подѣлываютъ твои братья?

— Какъ тебѣ сказать? Разно. Съ двоими выдаюсь изрѣдка проѣздомъ и радуюсь на нихъ. Устроились, что и говорить, хорошо. Карьеру выбрали, впрочемъ, не особенно блестящую; ну, да по ихъ способностямъ ничего, живеть! Одного, признаться, я самъ двинулъ въ гору. Вотъ только этотъ Казиміръ... Помнишь Казю?

— Еще бы! Великолѣпно. Вѣдь онъ мой ровесникъ. Ты, Марцель, казался для меня и тогда большой птицей. Тѣ двое были еще ребятами, а съ Казей жили мы какъ родные братья, и дома и въ школь...

— Ну, вотъ! Не угодно ли, какъ все мѣняется!.. Такой способный, милый мальчишъ, и вдругъ... просто гадость, да еще какая, ужасъ!.. Поскользнулся! Случай дѣйствительно убійственный. Просто — какая-то фатальность...

— Гдѣ же онъ теперь?

— Въ Канѣвѣ... Десять лѣтъ прожилъ въ Берлинѣ, а теперь въ Канѣвѣ. Видишь ли, извѣстный банкирскій домъ обанкрутился, ну и онъ провалился съ нимъ вмѣстѣ. Какъ-нибудь поправимъ... А поправить необходимо. Мать сообщила мнѣ всѣ подробности. Я отписалъ тоже—пусть прїѣзжаетъ прямо ко мнѣ. Возьмусь самъ за это дѣло... все исправлю, сдѣлаю изъ него опять человѣка...

— Я вижу, ты не забываешь своихъ родныхъ.

— Зачѣмъ же забывать? Отношенія, правду сказать, становятся совсѣмъ тоненькими, какъ волосокъ. Долгонько не видалъ... Иногда думаешь: пожалуй родной матери не признаешь, а о сестрахъ нечего и говорить. Одна—грибъ, другая—совсѣмъ взрослая барышня, третьей и въ глаза не видалъ... Ничего не подѣлаешь! На то и жизнь. А у тебя тамъ есть кто-нибудь еще изъ родныхъ?

— Родители мои давно уже померли; дѣтей у нихъ, кромѣ меня, никогда и не было.

— Ага! Стало быть, со всѣмъ прежнимъ давно уже покончилъ. Такъ-то оно и лучше. Повѣрь, чѣмъ менѣе разныхъ узелковъ связываетъ человѣка съ людскимъ родомъ, тѣмъ онъ свободнѣе. Онъ можетъ придать тогда и жизни и работѣ своей самый широкій размахъ...

— И съ такими-то принципами ты рѣшился жениться?

— А ну, почему я знаю!.. Принципы—одно, а слабости человѣческія—другое. Влюбился и баста.

— Прекрасно. А сколько она тебѣ принесла?..

— Приданого? Ни гроша. Была гувернанткой, откуда-то изъ нашихъ же странъ привезена... Голышокъ. Грустенькая такая, добренькая, тихая, ну, просто прелесть... Цѣлую зиму пришлось мнѣ провозиться тамъ же, гдѣ и она жила. Понимаешь, по дѣламъ... Поглядѣлъ, поглядѣлъ я на нее, разъ, и два, и три, ну и женился. Вотъ тебѣ и вся исторія. Зато теперь въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ прожилъ съ нею всего, ну, ей Богу же, не болѣе шести недѣль. А сына своего такъ ни разу и не видалъ.

— Вотъ оно чтѣ! есть и сынъ...

На лицѣ у собесѣдника распустилась широкая улыбка. Изъ-подъ густыхъ усовъ выглянулъ рядъ здоровыхъ, сильныхъ, бѣлыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ.

— Есть-таки,—подавнулъ онъ весело, продолжая смѣяться.— И самъ еще не видѣлъ... Будетъ пожалуй съ годъ, какъ все стремлюсь его познать, и никакъ не могу до него добраться. Хо-

тѣлѣ, было, прямо туда махнуть, а тутъ стоить! Приподносятъ дѣло, словно на блюдѣ. Словомъ, пальчики оближешь. Продаются два дома за безцѣнокъ и въ будущемъ сулятъ одни барыши... Такой аферой пренебрегать не слѣдуетъ, вещь капитальная... Ну, и опять по-боку родительскія чувства. Ничего не подѣлаешь — на то и жизнь.

Онъ сталъ опять гладить бороду рукой, задумался и машинально повторилъ раза два еще:

— Жизнь... жизнь...

Взоръ его начиналъ уже уходить въ глубь мозга. Тамъ роилось множество думъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣмъ, что его окружало. Разсѣянно, на половину присутствуя здѣсь, гдѣ стоялъ и разговаривалъ, а на половину тамъ, гдѣ покупалъ горделиво возносящіеся дома, онъ продолжалъ какъ бы въ бреду:

— Бродячая жизнь... дьявольски хлопотлива. Въ головѣ бездна предпріятій, а на плечахъ цѣлая обуза работъ... Необходимо строго себя держать — иначе опалѣешь. Къ счастью, нервы у меня желѣзные... Родного уголка, однако, не вижу... совсѣмъ позабылъ, что такое спокойствіе и свобода. Какъ тутъ быть? Ни одного денечка свободнаго, такого, который бы мнѣ принадлежалъ весь. Когда же это все кончится?..

— А когда, въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ въ свою очередь Романъ.

— Почему я знаю? Вотъ, погоди, состарѣюсь, переберусь тогда въ Канѣвку... Она теперь почти вся моя. Доли братьямъ я уже выплатилъ... Да, это вѣрно, подъ старость... спокойствіе, свобода, семейное гнѣздышко, жизнь для себя подъ конецъ жизни... *rouge la bonne bouche*. А пока необходимо работать и работать...

— Чтобы дойти до „десятка“, — такъ, что-ли?

Инженеръ разсмѣялся.

— Ну, конечно. Отчего жъ бы и не такъ, если только возможно... на томъ и свѣтъ стоять.

— Надѣюсь, навѣстишь по старой памяти и меня...

Собесѣдникъ совсѣмъ смѣшался. Подумалъ немного.

— Едва ли. Очень бы хотѣлось, но шибко сомнѣваюсь. Ты и представить себѣ не можешь, сколько у меня дѣлъ. Хоровожусь здѣсь съ недѣлю, а и половины не сдѣлалъ того, что нужно. Однихъ визитовъ — до пропасти. Понимаешь, я подразумеваю такіе только, которые необходимы по дѣламъ. Вотъ хоть бы у баронессы: близкая родственница и... баронъ человекъ нужный...

— Второе, конечно, важнѣе перваго, — усмѣхался, подчеркнувъ Романъ.

Домунтъ какъ бы пробудился отъ сна.

— Ахъ нѣтъ, ради Бога не считай меня за такого отчаяннаго матеріалиста!.. Напротивъ, хотѣлось бы очень потолковать со своимъ. Что же дѣлать, когда у меня рѣшительно нѣтъ свободной минуты... Хоть бы и къ тебѣ, завернулъ бы съ превеликимъ удовольствіемъ, скажемъ, на минуточку... А вѣдь хорошо бы, право, сойтись, вдвоемъ, этапъ провести цѣлый вечерокъ. Поболтали бы всласть о прежнемъ, о Канѣвкѣ, о разныхъ тамъ нашихъ обстоятельствахъ... Чудесно, а? какъ ты думаешь? Можетъ быть, и удастся скрасть парочку часовъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, невозможно, прямо скажу — нельзя... Времени не хватаетъ. А жаль. Что дѣлать, когда времени не хватаетъ!.. Приходится смириться, на то и жизнь.

— Что дѣлать!—повторилъ за нимъ машинально Романъ.— Кто могъ бы подумать, что и ты тоже, Марцелъ, принужденъ произносить это слово?

Собесѣдникъ, было, изумился, но вскорѣ оправился.

— Ничего удивительнаго, мой дорогой. Болѣе чѣмъ кто-нибудь, повѣрь мнѣ, больше чѣмъ всякій другой принужденъ такъ говорить. Я невольникъ... прикованъ къ тяжелой тачкѣ... Ахъ, еслибы мнѣ удалось хоть бы съ недѣлку побыть съ женой! Обнять и приласкать моего крошку-незнакомца! Вотъ былъ бы истинный праздникъ... А потомъ опять въ путь... на другой конецъ свѣта... Агасферъ!

— Аргонавтъ!—поправилъ его Романъ.

Домунтъ приподнялъ голову.

— Инъ быть по твоему. Если хочешь, и аргонавтъ... Вѣдь люди только и дѣлаютъ постоянно, что устремляются за золотымъ руномъ. Все къ этому приспособлено, мой дорогой, все. Золотое руно, конечно, многообразно: королевства, войны, громадные города, открытія, изобрѣтенія...

— Любовь,—слегка иронизируя, вставилъ Романъ.

— Всеконечно. Цѣна ей—насколько она доставляетъ извѣстную сумму наслажденій... Власть и наслажденіе—вотъ, по моему, оси міровыя. И для міра онѣ становятся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимыми... Усерднѣе чѣмъ когда-либо всѣ гонятся теперь за ними, приспособляются къ нимъ; иначе—крахъ... Подчасъ, разумѣется, бываетъ трудно, тяжело... голова трещить... Но жизнь... на то и жизнь...

Въ салонахъ подымался шумъ и движеніе. Всѣ встаютъ съ креселъ, группируются въ пары и длинной, извилистой вереницей, шурша шелковыми платьями, при сдержанномъ гулѣ разго-

вора, направляются въ огромную, настѣжь открытую столовую. Вскорѣ и Домунтъ съ Романомъ, ведя также подъ руку прелестныхъ и разодѣтыхъ дамъ, заняли мѣста въ этомъ шествіи въ порядочномъ, впрочемъ, другъ отъ друга отдаленіи. Мѣтящій въ миллионеры Домунтъ очутился почти въ головѣ процессіи, а Дарновскій, въ качествѣ еще скромнаго молодого чиновника, приютился поближе къ хвосту...

Часа черезъ два обширные апартаменты баронессы опустѣли и почти потонули во мракѣ. Въ небольшой салонъ съ китайскими ширмочками, освѣщаемый мерцающимъ свѣтомъ лампы, посреди пальмъ, внесъ лакей на подносѣ двѣ чашечки крѣпкаго чаю и, поставивъ на столикъ, удалился, неслышно ступая по ковру.

— Выпей чаю, Романъ. Послѣ этой сутолоки онъ очень будетъ встать... Ты не повѣришь, какъ страшно я измучилась! Однако, сегодняшнимъ вечеромъ я чрезвычайно довольна: удался какъ никогда... Зато же и утомилась... А ты замѣтилъ, какъ за ужиномъ всѣхъ изумили корзинны съ земляникой и черешней... Теперь достать ихъ, по правдѣ сказать, не такъ-то легко. Книгиня сказала мнѣ сегодня, что ни у кого не найдется такихъ прелестныхъ цвѣтовъ. Особенно понравились ей кавалерскія звѣзды... А все-таки я страшно намучилась. Знаешь?.. Теперь, слава Богу, все уже кончилось, и такъ счастливо, кругомъ опять тихо, и я боюсь, какъ бы опять не расплакаться... Нѣтъ болѣе моего бѣдненькаго! Сколько бы я ни развлекалась, сколько бы я ни веселилась, ничто не воскреситъ его, ну хоть бы еще на одну минуточку! Бѣдный, милый, добрый мой вакаду никогда не встанетъ... ни словечка не проронитъ. Пойдемъ, взглянемъ на моего покойничка.

И она подвела его прямо къ стоящему на мраморномъ постаментѣ стеклянному гробику. Подъ прозрачной крышечкой, оправленной въ бронзу, на бѣлой атласной, обшитой кружевами подушечкѣ, лежалъ мертвый попугайчикъ съ красными крылышками и сѣрымъ хохолкомъ. Изогнутый клювъ его грустно свѣсился на пушистую грудь.

— Набальзамировала! — шепнула баронесса. — Когда я вернулась, онъ былъ еще живенькій, совсѣмъ здоровый, подсказывалъ, подлеталъ, болталъ со мною безъ умолку — какъ будто обезумѣлъ съ радости, что увидѣлъ меня послѣ долгой разлуки. Право, — онъ сильно, до сумасшествія привязанъ былъ ко мнѣ. А на другой день вдругъ, Богъ знаетъ съ чего, заболѣлъ и въ какіе-нибудь нѣсколько часовъ... такъ скоро...

Дальше она уже не могла говорить и приложила платокъ къ влажнымъ глазамъ. Но вскорѣ опять зашептала:

— Ты его никогда не любишь особенно, я знаю. Что жъ — не понималъ его какъ слѣдуетъ. Не можешь поэтому и представить себѣ, какое это было милое, разумное, привязанное твореньице. Ахъ, какъ онъ былъ привязанъ ко мнѣ! Бѣдный, добрый мой кабаду... шесть лѣтъ прожилъ у меня. Сколько часовъ провели мы съ нимъ съ глазу на глазъ въ этой самой комнатѣ. Какъ онъ забавлялъ и потѣшалъ! Когда онъ умеръ, я сразу рѣшила, что онъ останется здѣсь навѣки, приказала набальзамировать его трупикъ, сдѣлать ему гробикъ... Пусть себѣ спитъ здѣсь, у меня на глазахъ, а въ завѣщаніи помѣщу... придется когда-нибудь писать завѣщаніе... чтобы его вмѣстѣ со мной... со мной...

И снова набѣгающія на глаза слезы прервали ея рѣчь. Не отнимая болѣе платка, она умолкла.

Романъ поглядывалъ съ изумленіемъ то на останки попугая, неподвижно почивавшаго подъ стеклянной крышечкой на бѣломъ атласѣ, то на эту женщину, немного уже начинавшую расплываться. Въ бѣлой накидкѣ, едва прикрывавшей ея обнаженную грудь, съ тянущимся по узорамъ ковра огромнымъ бархатнымъ треномъ, пучкомъ страусовыхъ перьевъ, приврѣпленнымъ въ необыкновенно свѣтлыхъ волосахъ, убитая горемъ баронесса не отнимала комочка батиста отъ раскраснѣвшихся вѣкъ. Такъ и подмывало его раскохотаться, но въ то же время становилось и жалко. Съ едва сдерживаемой улыбкой обратился онъ къ ней, стараясь успокоить.

— Ну, какъ вамъ не стыдно! Стѣдить ли такъ убиваться изъ-за такихъ пустяковъ... Было твореньице... согласенъ... очень милое, но неужели эта потеря такъ велика? Къ чему это отчаяніе... слезы?..

Дальше онъ уже не могъ продолжать, боясь, что не выдержитъ и раскохочется. Это было бы верхомъ неприличія, даже просто нехорошо, — онъ это чувствовалъ. Но она успѣла уже подмѣтить въ звукахъ его голоса сдержанный смѣхъ. Отдернувъ сразу платокъ, баронесса устремила на него почти высохшіе, блестящіе глаза.

— Смѣешься! Думаешь: какая сумасшедшая!.. Не можешь допустить возможности такой сильной привязанности къ попугаю, чтобы по немъ терзаться и плакать. Смѣйся, смѣйся! Тебѣ хорошо говорить, ты счастливъ, все у тебя еще впереди. А я, по-

думаю только—что мнѣ осталось? Какая моя жизнь? Что ждетъ меня?...

И она повернула круто назадъ, усѣлась на любимомъ своемъ креслѣ, взяла со стола чашку чаю и предложила другую Роману.

— Садись, пей чай. Отъ этой жары и разговоровъ безъ конца и въ горлѣ, и во рту пересохло... А ты напрасно удивляешься, все-таки скажу, моему сильному горю по моему бѣдному какаду. Еслибы ты потрудился вникнуть внимательно въ мою жизнь, ты понялъ бы, я увѣрена, что это не глупый капризь... Ну, да, я знаю, даже лучшему изъ людей нѣтъ никакой охоты вдумываться въ чужую жизнь, заглянуть челоуѣку въ самое сердце. Никогда этого не бываетъ. Каждый живетъ только для себя,—сама на себѣ не разъ это испытала. И ты не лучше другихъ. Однако, приходилось же тебѣ многое видѣть и слышать здѣсь, да и сама я передавала тебѣ кое-что. А ты все считаешь меня за счастливую женщину, не правда ли? Понятно: богата, занимаетъ видное положеніе въ обществѣ, окружена комфортомъ, роскошью, наконецъ, связя... Чего же еще нужно?.. А вотъ поди же: нужно, до зарѣзу нужно...

Первымъ движеніемъ она поставила на столъ чашку, на половину пустую. Маленькія ручки, покрытыя перстнями и раскраснѣвшіяся отъ жары и узкихъ перчатокъ, сплелись судорожно на кофѣяхъ. Она стала говорить быстро, почти горячо, о томъ, что давно уже зналъ хорошо Романъ,—какова ея домашняя жизнь, сколько приходится ей переносить, и о томъ, что никакого утѣшенія нѣтъ ей ни отъ мужа, ни отъ дѣтей. Съ незапамятныхъ временъ баронъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, и не все изъ-за одной дипломатіи только, которую всѣ считаютъ за единственную его пассію. Ошибаются, однако, люди, очень ошибаются. Всѣ предполагаютъ, что метрессы барона для нея—тайна. Она знаетъ все досконально—имѣлъ ихъ, имѣетъ и будетъ имѣть. Это бы все еще ничего, еслибы оно не сопровождалось каждый разъ униженіемъ. Да, униженіемъ... Пусть! Давно уже она привыкла ко всему этому, и шести словъ въ день не скажетъ мужу. И онъ, и она не выказываютъ никакой охоты вести долгую бесѣду. Ну и прекрасно... Это, пожалуй, и лучше. Сохрани Боже, еслибы онъ вздумалъ преслѣдовать ее своимъ ухаживаніемъ, даже tête-à-tête. Но вамъ-нъ нужно же что-нибудь, не правда ли? что-нибудь другое...

— Свѣтъ, развлеченія, почтеніе, значеніе,—попробовалъ-было вернуть Романъ, но она замахала тряпочкой батиста, какъ бы отмахиваясь отъ мухъ.

— Ну, да, знаю, знаю... Не будь этого, хоть въ рѣзу бро-

сайся, или коробочку спичекъ въ чай. Это еще мало-мальски поддерживает охоту жить; но бывають минуты, часы, дни, когда и это не помогаетъ. Дѣти? О, да, прелестное утѣшеніе! Вѣдь ты самъ знаешь хорошо моихъ Бруно и Марію. Не будемъ разбирать ихъ характеры... Необузданныя страсти и привычки Бруно, своекорыстіе и легкомысліе Маріи тебѣ извѣстны. Развѣ они меня уважають? любятъ? Самъ разсуди, Романъ. Ты ихъ знаешь, видѣлъ все. Скажи же самъ, уважають ли, любятъ ли они меня хоть немного... капельку?..

Она вытянула впередъ цѣпко сплетенныя, покраснѣвшія, сверкающія кольцами ручки и упорно вглядывалась въ Романа глазами, полными слезъ, настойчиво выжидая отвѣта. Но онъ опустил глаза, ни слова не промолвилъ. Передъ очевидностью, ясной какъ день, лгать не рѣшался. Да, дѣти, дѣйствительно, не любили и не уважали мать. Быть можетъ, и любили, и уважали немного вогонибудь на свѣтѣ вообще, но не мать. Несомнѣнно. Зналъ онъ даже, почему, но нельзя же было это ей объяснять, и онъ продолжалъ хранить глубокое молчаніе.

— Видишь, видишь! Не возражаешь, молчишь. Самъ знаешь хорошо, что я несчастная мать, и отъ дѣтей мнѣ нѣтъ никакого утѣшенія. Да и видѣть мнѣ ихъ не приходится. Марія съ мужемъ постоянно въ Парижѣ; Бруно... ахъ, этотъ Бруно! не хочетъ даже бывать на моихъ вечерахъ. Въ клубѣ ему веселѣй и пріятнѣй, неразлученъ со своей танцовкой, не скрываетъ ни отъ кого, даже меня не стѣсняется. Чтѣ же мнѣ послѣ этого остается?

— Все то же,—проговорилъ какъ бы нѣхота Романъ:—положеніе, общественныя развлеченія, удовлетвореніе самолюбія, какъ, на примѣръ, сегодняшнимъ вечеромъ.

Она не отрывала взора отъ ковра и закачала отрицательно головой.

Съ устъ ея готово было, казалось, сорваться цѣлымъ жгучимъ каскадомъ признаніе, но она все еще не рѣшалась. Ее какъ-то вдругъ всю перекосило, она съѣжилась, судорожно комкала въ рукахъ совсѣмъ мокрый отъ слезъ платочекъ и, наконецъ, съ усиленіемъ прошептала:

— Пока еще я была молода, все еще ничего. За одной печалью слѣдовало десять вознагражденій, одну слезу смѣняли сотни улыбокъ, но я... ужъ не... не... чтѣ дѣлать, надо же сознаться, не... первой молодости.

Романъ думалъ про себя: „всѣ наслажденія давно не для тебя!“ и продолжалъ присматриваться къ ней съ возрастающимъ

вниманіемъ. Открывалось въ ней что-то дѣйствительно интересное и начинавшее даже его тревожить. Храбро переплывши Рубиновъ откровенности, обогнувъ эту опасную скалу „не первой молодости“, пустилась она, очертя голову, въ лабиринтъ дальнѣйшихъ признаній. И все выразительнѣе начинала выступать передъ глазами Романа какая-то непонятная метаморфоза. Предъ нимъ развертывалась постепенно какая-то сокровенная эволюція жизни; значеніе ея еще не въ состояніи былъ онъ хорошенько понять, но сознавалъ въ душѣ, что эта женщина жаловалась не напрасно. Въ свои признанія она влетала и то, что не разъ приходило и ему самому въ голову.

Свѣтъ, развлеченія, общество... Да вѣдь это одна привычка, какъ и всякая другая! Люди одурманиваютъ себя разнo: кто виномъ, кто наркотиками, кто ениміамомъ почтенія—все зависитъ отъ вкуса и обстоятельствъ. А между тѣмъ за опьяненіемъ, все единственно—какимъ, слѣдуетъ неизмѣнно отрезвленіе. Ну, а потомъ? Человѣкъ сознаетъ въ концѣ концовъ свою нищету. По истинѣ, нищета! Все промелькнетъ, все, къ чему мы такъ страстно стремились, что съ такими страшными усилиями старались удерживать за собой и руками, и зубами. Минетъ молодость, проскользнутъ куда-то люди и ощущенія... Казалось ей, было это такъ недавно; давно ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ пріѣхала она въ столицу съ барономъ Ламони, молоденькая, торжествующая, безъ всякаго преувеличенія упоенная своей судьбой, превзошедшей самыя пылкія мечты... А между тѣмъ сколько перемѣнъ произошло съ того времени съ нею и съ окружавшими ее. Во-первыхъ, исчезла молодость... Изъ тѣхъ, кого она знала тогда, почти никого не осталось. Гдѣ же они? Одинъ ея взглядъ, бывало, сводилъ ихъ съума, ради нея готовы были хотя въ огонь и въ воду. Съ ними пролетали для нея дни и часы какъ бы на крыльяхъ рѣзвой бабочки. Все исчезло подобно тѣнямъ. Одни умерли, другіе далеко, иные измѣнились до неузнаваемаго... Какъ будто и живутъ еще, но по имени только, а ихъ чувства, даже обликъ наружный—уже не тѣ. Цѣлая вереница полупомершихъ лицъ, наслажденій, которыя никогда болѣе не вернутся, остались гдѣ-то далеко позади. И какъ нарочно, за послѣдніе годы, все назойливѣе преслѣдуютъ ее пережитыя ея воспоминанія. Прежде никогда, да, никогда ни о чемъ подобномъ она не думала, а теперь только и дѣлаетъ, что размышляетъ, вспоминаетъ, съ изумленіемъ и ужасомъ. Tout passe! Страшное слово! Положимъ, мѣсто прежнихъ заступаютъ новые предметы, новые люди, но для нея, по крайней мѣрѣ, не могутъ замѣнить пережитаго, быть можетъ, по-

тому, что они какіе-то другіе; кто знаетъ—и оттого, вѣроятно, что она сама стала иной. Бывало, весь свѣтъ гонялся за ней; теперь же она сама должна ловить улыбки свѣта, стараться, какъ бы не оттерли ее окончательно отъ тѣхъ, которые продолжаютъ еще жить, чтобы хоть изрѣдка подхватить налету крохи жизни и хотя бы на мгновеніе забыться. Но это становится слишкомъ тягостно: послѣ каждаго удовлетворенія возникаютъ удручающія размышленія.

Вотъ и сегодня, они терзаютъ ее еще мучительнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, благодаря двумъ обстоятельствамъ: смерти какаду и скорому отъѣзду Романа. Твореньице это доставляло ей истинную утѣху, несомнѣнно оно любило ее. Очень естественно, кажется, человѣку искать неподдѣльной любви. Ни въ одну пору жизни не удастся постоянно быть въ обществѣ, а теперь все труднѣе становится ей пользоваться развлечениями, доставляемыми свѣтскимъ кружкомъ. Непримѣтно подралось роковое время, наступили для нея часы, даже цѣлые дни уединенія. Явилась потребность въ комъ-нибудь... Имъ-то и былъ какаду, а теперь его не стало. И это минуло. Къ Роману привыкла она какъ къ... къ...

Опять протянулся передъ ней другой непреходимый Рубиконъ. Хотѣла, вѣроятно, сказать: „какъ къ сыну“, но это выраженіе какъ будто застыло на ея устахъ. Положимъ, Бруно былъ немного старше Романа, но это совсѣмъ не то. Какъ же можно назвать юношу, болѣе или менѣе чужого, сыномъ?.. Невозможно. Итакъ, она привыкла къ Роману, какъ... къ брату. Встрѣчались они постоянно въ теченіе вотъ уже десяти лѣтъ... Положимъ, и онъ за послѣднее время сталъ тоже negliжировать; но баронесса не въ претензіи: она знала, что онъ недалеко, каждую минуту можетъ явиться; наконецъ, ее интересовала его судьба. А теперь и онъ уѣзжаетъ, живъ еще, но для нея онъ какъ бы пересталъ существовать на свѣтѣ. И онъ исчезнетъ для нея. *Tout passe!* А этотъ несравненный покойничекъ, почивающій теперь въ стеклянномъ гробикѣ, какой былъ мастеръ ее развлекать! Въ его присутствіи не разъ забывала она даже о несносныхъ боляхъ въ рукѣ и ногѣ отъ этого гадкаго ревматизма. Богъ знаетъ, когда его схватила, нѣсколько лѣтъ уже какъ все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ ее мучить. И сама не будетъ знать, чтѣ ей дѣлать, когда эти острые несносныя боли станутъ снова терзать ее, покинутую ее любимцемъ... О выѣздахъ и приѣмахъ нечего тогда будетъ и думать; *demoiselle de compagnie* она ни за что на свѣтѣ не рѣшится взять. Ненавистны ей эти созданія, забытыя, скучныя, завистли-

вья, вѣчно подсматривающія и подслушивающія. Хотѣлось-было взять къ себѣ эту Ирену изъ Дарновки, да она какая-то недотрога,—не захотѣла. Оно, пожалуй, и къ лучшему. Чтѣ толку въ этой дурѣ набитой? А теперь до того доходить, что иногда она съ самаго утра начинаетъ тревожиться о томъ, какъ-то еще день пройдетъ...— „Вотъ какая я несчастная!“

Она умолкла. Романъ продолжалъ наблюдать за нею съ возрастающимъ любопытствомъ, и при этомъ возникала въ душѣ какая-то странная тревога. Въ теченіе долгой своей исповѣди постепенно происходила въ ней какая-то метаморфоза; теперь она наступила окончательно. Боже всемогущій! И во что она обратилась! Передъ нимъ какое-то неизвѣстное лицо. Мало-по-малу, пока она говорила, а говоря продолжала неутѣшно плакать, наружная оболочка, въ которой привыкъ онъ видѣть ее постоянно, куда-то провалилась. Онъ едва могъ вѣрить своимъ глазамъ, свидѣтельствовавшимъ громко, что это была та самая баронесса Ламони, которую онъ зналъ прежде. И часа еще не прошло съ тѣхъ поръ, какъ она, опершись на его руку, плыла по ярко-освѣщеннымъ салонамъ, мимо склонявшейся передъ нею толпы улыбающихся ей гостей, стройная, торжествующая, довольно еще привлекательная, съ вздымающейся отъ удовольствія и триумфа грудью. И вотъ она же— въ глубокомъ и низкомъ вреслѣ, на фонѣ золотого дракона, сверкающего въ бамбуковыхъ рамкахъ, съѣжилась вся, удручена; бѣлая накидка, едва закрывающая наготу груди и обнаженныхъ рукъ, видимо пригнетаетъ бѣдную женщину. Эта просвѣчивающаяся изъ-подъ атласа и лебяжьего пуха нагота искривленной и подавленной фигуры поражала сразу чѣмъ-то особенно неприятнымъ и отталкивающимъ. Лоскутокъ батиста, которымъ она усердно вытирала влажныя вѣки, испортилъ во многихъ мѣстахъ матовую бѣлизну, эмаль и наложенные на нее розовые блики. Изъ-подъ появившихся щербинокъ выглянула наружу желтая кожа; между остатками эмали выступала она воочію грязноватыми, шероховатыми пятнами. На щекахъ внизу и у подбородка образовалось нѣсколько глубокихъ складокъ и углубленій, а бриллиантовая застежка ожерелья изъ крупныхъ жемчуговъ мерцала уже гдѣ-то во впадинѣ, зиявшей на шеѣ. Отъ продолжительнаго бодрствования и слезъ, красныя и вспухлыя вѣки едва держались надъ потухшими глазами; на бѣлкѣ выступала явственно красноватая сѣточка. Надъ этой плачевной фигуркой и изуродованнымъ личкомъ беспорядочно торчали въ свѣтлыхъ волосахъ пучокъ черныхъ перышекъ, напоминая собой, какъ двѣ капли, смоешія на дождѣ и разметавшіяся отъ вѣтра птичій хохолокъ.

Баронесса склонила голову такъ низко, что два перышка подались впередъ и свѣсились надъ самымъ ея лбомъ. Въ эту минуту она поразительно стала походить на своего же какаду, мирно почивавшаго въ своемъ стеклянномъ гробикѣ, со свѣсившимся на грудь клювомъ и нѣсколько растрепавшимся хохолкомъ. Сердце Романа сжалось отъ сожалѣнія, — ему стало даже грустно. Какъ бы тамъ ни было, онъ питалъ къ этой женщинѣ нѣкоторую привязанность и вмѣстѣ самую искреннюю благодарность. Почти по-сыновнему поцѣловалъ онъ ей руку, бормоча какія-то безсвязныя слова утѣшенія. И самъ понималъ всю ихъ тщету. Нѣсколько минутъ уже онъ размышлялъ о томъ, какое истинное и дѣйствительное утѣшеніе можетъ обрѣсть это совершенное олицетвореніе нищеты. Оно какъ будто и не вяжется: баронесса Клара Ламони — и нищета. Да, надъ всѣми ощущеніями, овладѣвавшими имъ попеременно во время ея исповѣди, царило одно и то же впечатлѣніе. Онъ присутствовалъ при важномъ актѣ жизни, совершавшемся тутъ же, на его глазахъ. Жизненная правда страшнаго акта выступила какъ-то сразу изъ-за вуаля, изъ-за одежды, изъ-за маски. Какая-то сокровенная истина, тревожная, суровая стала передъ нимъ, позади этой увядшей свѣтской дамы, богатой, счастливой, въ образѣ бѣдной, скрюченной, больной, терзавшейся старухи.

Жизненная правда! Какая же? Не людское ли безсиліе и немощь? — Нѣтъ, вѣчно неумирающая, всюду выслѣживающая, скачущая людямъ прямо на плечи, не взираая ни на какія наипрекраснѣйшія китайскія ширмочки...

Четверть часа спустя ѣхалъ Романъ домой. На людной улицѣ, залитой потоками электрическаго свѣта, царствовало полное оживленіе. Поздній часъ ночи былъ порой разѣздовъ изъ клубовъ, модныхъ ресторановъ, съ общественныхъ и частныхъ вечеровъ. Посреди улицы, пересѣкая другъ другу дорогу, мчались въ нѣсколько рядовъ всевозможныхъ калибровъ санки; межъ ними погромыхивали огромныя и тяжеловѣсныя кареты на колесахъ, рѣзавшихъ съ оглушительнымъ скрипомъ плотно улегшійся снѣгъ. По панелямъ въ притруску спѣшили цѣлыя толпы запоздалыхъ прохожихъ. Въ ярко освѣщенныхъ рядахъ оконъ мелькали прихотливыя узоры занавѣсокъ и мелькающія, подобно тѣнямъ, танцующія пары. Глухіе и едва уловимые звуки музыки, съ одной какою-нибудь выдающейся по временамъ громкой и пронзительной ноткой, вырывались прихотливой волной и сливались съ неумолкаемымъ уличнымъ шумомъ, производимымъ звяканьемъ безчисленнаго множества бубенчиковъ, лягомъ упряжи, стукомъ и

скрипомъ колесъ, торопливымъ отбиваніемъ шаговъ тысячеголовой толпы. Безконечныя аллеи фонарей горѣли бѣлыми и красными огнями. Порывистый вѣтеръ срывалъ проворно съ деревьевъ и крышъ кучи мелкаго снѣга и вращалъ ими въ воздухѣ, покрывая все мглой. Съ злобѣщимъ свистомъ летѣлъ вихрь вдоль по улицѣ: то ударить съ оглушительнымъ грохотомъ въ домъ, то обдасть острыми, рѣжущими иглами съ головы до ногъ толпу пѣшеходовъ.

Уткнувши носъ въ мѣховой воротникъ, Романъ трусилъ, въ общей кучѣ перекрещивавшихся экипажей, на извозничьихъ саняхъ. Онъ распознавалъ, все равно какъ при дневномъ свѣтѣ, черты лица многихъ, проѣзжавшихъ мимо. Устремивъ взоръ въ безконечную галерею свѣта, ухо его успѣвало подхватывать въ уличномъ шумѣ отдѣльныя, вырвавшіяся на улицу, музыкальныя нотки, отличать пронзительный скрипъ, рѣзкіе обрывки. Невольно лѣзло ему въ голову: „Я тоже—капелька потока, который быстро и суетливо течетъ въ жилахъ гигантскаго организма, охваченнаго горячкой неумолимой дѣятельности. Днемъ и ночью безъ перерыва и отдыха потокъ бурлитъ и течетъ. Куда? Въ какую гавань? Къ какому устью?“ Онъ вспомнилъ слова Домунта: „золотое руно многообразно — королевства, войны, громадныя города, изобрѣтенія... тоже и любовь, доставляющая также наслажденіе... Власть и наслажденіе—оси міра, съ каждымъ днемъ необходима все болѣе и болѣе“...

Вдругъ ему стало опять грустно. Неотступно преслѣдовалъ его образъ бѣднаго какаду. Недавно еще важная барыня, блестящая и всѣми уважаемая, превратилась сразу, у него на глазахъ, въ скрюченнаго, погибшаго попугайчика, со сверкающимъ алмазомъ въ глубокой впадинѣ покрытой складками шеи, съ хохолкомъ, печально свѣсившимся надъ потресканной и залитой слезами маской. „Такъ вотъ они—эти гавани и устья, куда течетъ этотъ быстрый, вѣчно бурлящій потокъ; каплю его и я составляю“... И снова въ ухахъ его прозвенѣлъ голосъ Домунта: „что дѣлать! на то и жизнь!“

„—На то и жизнь“,—повторилъ машинально Романъ и продолжалъ раздумывать далѣе.

„На то! На что дана эта жизнь? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мы живемъ?“

Санки повернули въ улицу поуже, но еще болѣе многолюдную, шумливую, запруженную сплошь людьми и лошадьми. Невольно подвигая Романъ взоры вверхъ и долго не опускалъ ихъ внизъ къ землѣ. Надъ шумной улицей, звенящей, стучащей, играющей, надъ высокими домами съ безконечными рядами освѣщенныхъ оконъ, надъ всѣмъ этимъ красноватымъ заревомъ раскинулось ши-

роко и далеко безконечное небо, темное, почти черное, съ плывущимъ по немъ блѣсоватымъ обликомъ мѣсяца.

При свѣтѣ подымавшагося отъ газовыхъ фонарей зарева небесное свѣтило казалось блѣдноватымъ. Какое-то гигантское око добродушно и спокойно поглядывало на землю изъ безпредѣльной дали, витая среди ничѣмъ ненарушаемой тиши...

Ненарушаемая ничѣмъ тишина окружала его дѣйствительно, а величайшій покой и безсмертная свѣжесть, казалось, царили въ тѣхъ безпредѣльныхъ, сумрачныхъ, кое-гдѣ лишь усѣянныхъ мерцающими маленькими звѣздочками, пространствахъ.

И снова осѣнило Романа. Какъ бы разверзалась передъ нимъ какая-то житейская правда—далеко, высоко, а понять ее все-таки онъ не могъ. Сердцемъ чуялъ, что она существуетъ; иногда ему казалось, вотъ-вотъ сейчасъ онъ, должно быть, уловить ее мыслью, но она мгновенно ускользала и становилась снова неясной для его ума, подобно этому блѣсоватому небесному свѣтилу, потускнѣвшему при свѣтѣ газовыхъ фонарей...

Эл. Оржевско.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ДВА ПѢВЦА.

I.

Не въ силахъ выносить презрѣнія людского,
Злыхъ оскорбленій и клеветъ,
Печальный изгнанный поэтъ
Бѣжалъ изъ города родного.
Давно ли, полный силъ и радужныхъ надеждъ,
Онъ замышлялъ всеильнымъ словомъ
Спасти и вразумить невѣждъ,
Привлечь ихъ къ идеаламъ новымъ;
Давно ли силою невѣдомой влекло
Его идти на бой и ниспровергнуть зло,
Разрушить ложные кумиры
Безжалостнымъ бичомъ спасительной сатиры...
Теперь все это кажется какимъ-то тяжкимъ сномъ:
Всѣ замыслы души живой и благородной,
Все, что росло и зрѣло въ немъ —
Разбито завистью и злобою холодной,
Какъ разбиваются прибрежные валы
О камни хладные незыблемой скалы.
Не вынесъ онъ удара рокового,
Въ борьбѣ неравной изнемогъ;
Тогда онъ прахъ отрясъ отъ ногъ
И убѣжалъ изъ города родного.

II.

Онъ тихо брелъ, съ поникшей головой,
 Широкой пыльною дорогой.
 Душа его полна была тревогой
 И неутѣшною тоской.
 Вокругъ него, усѣяны цвѣтами,
 Поля раскинулись причудливымъ ковромъ;
 А дальше впереди, въ туманѣ золотомъ,
 Шумѣла роща мощными дубами.
 Огнемъ багрянымъ рдѣлъ закатъ,
 Изъ рощи вѣяло прохладой,
 И полевыхъ цвѣтовъ чуть слышный ароматъ
 Вливался въ грудь его живительной отрадой.
 А за его спиною, въ пыльныхъ облакахъ,
 Шумѣлъ, какъ море въ непогоду,
 Далекій городъ. Горе и невзгоду,
 И безотчетный хладный страхъ,
 Въ душѣ изгнанника, исполненной печали,
 Невольно звуки эти пробуждали...
 И дальше онъ бѣжитъ. Вотъ роща передъ нимъ.
 Онъ мнитъ—подъ молчаливымъ сводомъ,
 Благоуханнымъ и густымъ,
 Найти покой терзаніямъ своимъ...
 Но роща вся полна народомъ.

III.

Толпа несмѣтная кругомъ
 Сидѣла на травѣ въ безмолвіи нѣмомъ,
 А посреди толпы, перебирая струны
 На лирѣ золотой, въ вѣнкѣхъ изъ свѣжихъ розъ,
 Охваченномъ волной роскошною волось,
 Стоялъ другой поэтъ, восторженный и юный;
 И пѣлъ молодой поэтъ о красотѣ небесъ,
 Блистающихъ жемчужными звѣздами;
 Онъ пѣлъ о старинѣ, исполненной чудесъ,
 И о святой любви, царящей надъ сердцами;

О божествѣ онъ пѣлъ, и голосъ молодой
 Звенящимъ серебромъ по роцѣ раздавался.
 Казалось, самъ поэтъ и тѣломъ, и душой
 Чарующимъ напѣвамъ отдавался...
 Когда же кончилъ онъ, какъ громомъ потряслись
 Дубы столѣтніе стоустнымъ одобреньемъ,
 И крики дружные въ пространство понеслись,
 Звучащія правдивымъ восхищеньемъ.

IV.

Не вѣря собственнымъ очамъ,
 Стоялъ изгнанный пораженный.
 Онъ эту же толпу недавно видѣлъ тамъ;
 На площади тогда тигрицей разъяренной
 Она со злобою бросалась на него...
 Здѣсь сонная толпа на видъ совсѣмъ иная:
 Она, пѣвцу любви внимая,
 Забыла о порывахъ гнѣва своего.
 Успѣхомъ юнаго собрата недовольный,
 Изгнанный спросилъ съ враждебностью невольной:
 „Скажи, пѣвецъ, зачѣмъ пустымъ наборомъ словъ
 Сердца толпы ты обольщаешь?
 И силу дивную стиховъ
 Зачѣмъ безъ цѣли расточаешь?
 Ты бѣ долженъ былъ въ толпѣ искоренять
 Пороки всѣ и недостатки,
 Сатирой бичевать въ ней подлости задатки
 И правила житейскія внушать!“

V.

Но юноша, съ улыбкою привѣта,
 Такъ отвѣчалъ словамъ суроваго поэта:
 — Не для толпы веду я пѣснь мою,
 Не надо мнѣ участія народа, —
 Вѣдь въ тишинѣ полночной соловью
 Внимаетъ безъ похвалъ сонливая природа.
 Слагаю пѣсни я, но скорбнаго труда
 Не испыталъ я никогда.

Мои стихи душа рождаетъ,
 Меня внезапно осѣняетъ
 Восторга сладкаго приливъ,
 И я пою... Какъ на призывъ,
 Звучащій нѣгой и отрадой,
 Народъ собирается несмѣтною громадой.
 И если голосъ мой печали утолить,
 Иль унывающую душу оживить,—
 Сознанье это служить мнѣ наградой!
 И, лиру снова взявъ, умолю пѣвецъ молодой,
 Но, вмѣсто всякаго отвѣта,
 Изгнанникъ прошепталъ ему съ усмѣшкой злой:
 „Не стояшь ты и имени поэта!“

 II.

ТРИУМФАТОРЪ.

Цезарь, увѣнчанный лавромъ, съ побѣдою въ Римъ возвращался,
 День былъ безоблачно-тихъ, и могучее южное солнце
 Вмѣстѣ съ людьми ликовало, весь миръ озаряя улыбкой.
 Форумъ, какъ спѣлая нива подъ свѣжей струею зефира,
 Моремъ головъ колыхался съ глухимъ и раскатистымъ гуломъ.
 Крыши и портики храмовъ и всѣ колоннады базиликъ,
 Словно какъ яблонь цвѣтами, усѣяны были народомъ.
 Радость сквозила вездѣ,—въ торжествующихъ свѣтлыхъ улыбкахъ,
 Въ блескѣ счастливыхъ очей и въ живыхъ разговорахъ квиритовъ.
 Много земель покорили орлы среброкрылые Рима,
 Съ кликомъ немолчнымъ побѣды они миръ весь кругомъ облетѣли...
 Столь же великой побѣды не сыщется въ древнихъ анналахъ:
 Цѣлый могучій народъ и богатая, чудная область
 Послѣ тяжелой войны покорились величію Рима.
 Цезарю пышный триумфъ былъ сенатомъ въ награду дарованъ.
 Вотъ отчего въ этотъ день волновался весь Римъ семихолмный;
 Вотъ отчего ликовали, стекаясь на площадь, квириты.
 Пестрой блестящею лентой кортежъ извивался по стогнамъ.
 Шли впереди музыканты, гремя на серебряныхъ трубахъ;
 Далѣе авгуры шли въ мѣховыхъ, заостренныхъ уборахъ;
 Въ громкихъ молитвахъ они прославляли боговъ за побѣду.

Двигались стройно за ними одна за другою когорты;
 Были подобны онѣ лучезарному змѣю, который,
 Тихо межъ камней скользя и броней сверкая на солнцѣ,
 То остановится вдругъ, то опять ускоряетъ движеніе.
 Твердою поступью шли средь толпы ветераны сѣдые;
 Гордость свѣтилась у нихъ на суровыхъ, изсѣченныхъ лицахъ;
 Громкимъ пѣаномъ они побѣдителя славили имя.
 Долго тянулись когорты; за ними подвижной волною
 Хлынули конницы турбы съ тяжелымъ, желѣзнымъ бряцаньемъ.
 Вслѣдъ за войсками явились трофеи великой побѣды;
 Медленно ихъ провозили на пышныхъ, золотыхъ колесницахъ;
 Тутъ же въ желѣзныхъ цѣпяхъ шли вожди покоренныхъ народовъ...
 Далѣе слѣдовалъ цезарь. Квириты, при видѣ героя,
 Дружнымъ восторженнымъ кликомъ весь Римъ потрясли вѣрно-
 зданный.

Даже въ далекихъ горахъ, въ каменистой, убогой пещерѣ,
 Бѣдный пастухъ услышалъ отдаленные, мощные клики;
 Съ ложа онъ быстро вскочилъ и испуганно сталъ озираться.
 Въ свѣтломъ, узорномъ доспѣхѣ, въ увѣнчанномъ лавромъ шлемѣ,
 Цезарь стоялъ въ колесницѣ, шестью запряженной конями;
 Кони всѣ бѣлые были, какъ снѣгъ на вершинахъ альпійскихъ.
 Ясень былъ ликъ полководца и радость горѣла во взорѣ.
 Все, чего долго искалъ онъ, теперь начинало сбываться, —
 Долгой и трудной войною достигъ онъ блестящей побѣды,
 Имя свое возвеличилъ и былъ удостоенъ триумфа.
 Гордо кругомъ онъ взиралъ и собою въ душѣ любовался...
 Всюду ему по дорогѣ встрѣчались веселыя лица,
 Всюду пестрѣла толпа въ разукрашенныхъ новыхъ одеждахъ,
 Всюду гремѣли хвалы и восторженный плескъ раздавался.
 Все замѣчалъ триумфаторъ и радостно билось въ немъ сердце.
 Гордо по улицамъ Рима везуть его бѣлые кони...
 Вдругъ среди свѣтлыхъ одеждъ замѣчаетъ онъ черное платье,
 Рѣзкимъ пятномъ выдѣлялось оно на блистательномъ фонѣ;
 Смотритъ туда триумфаторъ и видитъ сѣдую старуху,
 Хилую, съ скорбнымъ лицомъ, орошеннымъ обильно слезами.
 Бѣлые кони везуть императора мимо старухи...
 Тутъ встрепенулась она и, со злобой поднявши десницу,
 Цезарю крикнула что-то и дико очами сверкнула.
 Клики ее заглушили, никто не слышалъ ея рѣчи...
 Только одинъ триумфаторъ услышалъ слова роковыя:
 „Проклять ты будь, побѣдитель, обрызганный кровью невинной!

Сынъ мой единственный палъ... заплатилъ за триумфъ твой онъ
жизнью!..

Въ радостныхъ кликахъ народа звучитъ мнѣ напѣвъ погребальный".
Дружно везутъ колесницу могучіе бѣлые кони,
Цезарь въѣзжаетъ на форумъ, сенаторы идутъ на встрѣчу,
Все, какъ и прежде, ликуетъ, одинъ триумфаторъ не веселъ,
Думой онъ черной повить, и угасла въ немъ гордая радость,—
Такъ лучезарное солнце на ясномъ лазоревомъ небѣ
Ликъ свой сіяющій хмурить, скрываясь за тучкой внезапной.

СЕРГІЙ МАМОНТОВЪ.

ГОСТЬ

ИЗЪ

АЛЬТРУРИИ

„A Traveller from Altruria“. A romance, by William D. Howells *).

I.

Признаюсь, при всемъ моемъ страстномъ желаніи познакомиться съ жителемъ Альтруриі, извѣстіе о его пріѣздѣ застало меня не въ особенно гостепріимномъ настроеніи. Передъ самымъ появленіемъ его, я получилъ отъ моего пріятеля рекомендательное письмо, въ которомъ тотъ просилъ меня заказать для него комнату въ отелѣ, гдѣ я самъ жилъ. Положимъ, въ этомъ не было

*) Уильямъ Хоуэлъсъ, извѣстный американскій романистъ, родился въ 1837 г. въ штатѣ Охайо и происходилъ изъ семьи валлійскихъ квакеровъ. Первые серьезныя опыты его на литературномъ поприщѣ были посвящены журналистикѣ. Онъ участвовалъ въ „Газетѣ Цинцинатти“ (Cincinnati's „Gazette“) и въ Колумбійскомъ „Правительственномъ Журналѣ“ (Columbus' „State Journal“). Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ консуломъ въ Венецію, и пребываніе его тамъ дало ему возможность описать въ живыхъ и образныхъ картинахъ жизнь этого интереснаго города („Venetian Life“, 1866 г.). Лишь въ 1871 г. Хоуэлъсъ убѣдился, что его настоящее призваніе — быть романистомъ, и уже въ бытность свою въ Америкѣ, когда онъ сдѣлался редакторомъ „Атлантическаго Обозрѣнія“ („Atlantic Monthly“), съ 1872—1881 г., онъ принялся за эту новую отрасль своей долголѣтней литературной дѣятельности. Первымъ изъ его романовъ появился въ печати: „A chance Acquaintance“ въ 1878 г.; затѣмъ, на слѣдующій же годъ: „A foregone Conclusion“, и съ тѣхъ поръ этотъ даровитый писатель не перестаетъ обогащать американскую литературу самыми интересными и разнообразными беллетристическими произведеніями. Какъ истинный американецъ,

ничего особенно хлопотливаго или затруднительнаго, но, тѣмъ не менѣе, это значительно разстроивало мои планы и непріятно поразило меня. Моя работа подвигалась успѣшно; я весь ушелъ въ ея подробности, весь былъ поглощенъ изученіемъ дѣйствующихъ лицъ моего романа, которыя тутъ же жили и вращались вокругъ меня,—что, встать сказать, было для меня крайне удобно; даже вся обстановка, всѣ обстоятельства, необходимыя мнѣ для моего романа, были у меня тутъ, подъ рукою. Я просто терялся въ недоумѣніи, какъ я приму своего чужеземнаго гостя среди своихъ занятій, или какъ ухитрюсь отдѣлаться отъ него, чтобы не бросать ихъ?

Однако, когда альтруріецъ пріѣхалъ, когда я встрѣтилъ его на дебаркадерѣ и пожалъ ему руку, все это оказалось гораздо легче, чѣмъ я думалъ. Мало того: я даже былъ доволенъ нашей встрѣчей, такъ какъ нельзя было не чувствовать къ нему расположенія при одномъ только взглядѣ на его открытое, радужное лицо. Безъ малѣйшаго труда, я сразу отличилъ его отъ остальныхъ пассажировъ: это были американцы, раскраснѣвшіеся, усталые, возбужденные продолжительнымъ докучнымъ переѣздомъ въ вагонѣ. Мой гость,—долгожданный, но не особенно желанный въ эту минуту,—былъ, что называется, человекъ въ цвѣтѣ лѣтъ, т.-е. въ томъ возрастѣ, когда американецъ исключительно стремится къ обезпеченію своего будущаго благосостоянія, когда онъ, такъ сказать, перестаетъ жить настоящимъ и предается всецѣло работамъ о будущемъ. Вся внѣшность альтруріица, особенно же его спокойный, привѣтливый взглядъ, говорили въ пользу его полной современности. Росту онъ былъ выше средняго, сложенія коренастаго и держался прямо, но непринужденно. Его бородатое лицо имѣло загорѣлый, здоровый оттѣнокъ, и ничуть не напоминало блѣдныя, задумчивыя лица нашихъ профессоровъ и ученыхъ; а между тѣмъ мой пріятель писалъ мнѣ, что онъ человекъ науки и занимаетъ видное мѣсто у себя на родинѣ. Здороваясь со мною, онъ такъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, что заставилъ меня тотчасъ же

Уильямъ Хоувельсъ соединяетъ въ себѣ отличительныя черты своей національности: живость, прямоту и врожденную склонность къ юмору. Такимъ онъ является и въ новѣйшемъ своемъ „романѣ“ (*A romance*),—какъ онъ его самъ называетъ; въ сущности же, „*A Traveller from Altruria*“ (1894 г.) въ юмористической формѣ даетъ намъ скорѣе сатиру на свойства американскаго государственнаго и—главное—общественнаго строя, нежели то, что мы вообще привыкли понимать подъ названіемъ „романа“. Изъ прочихъ его романовъ и повѣстей, ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые, каковы, напр.: „*The Lady of Aroostook*“ (1878 г.); „*A Woman's Reason*“ (1884 г.); „*The Rise of Silas Lapham*“ (1888 г.); „*A Hazard of new Fortunes*“ (1889 г.) и др.

мысленно принять рѣшеніе ограничиться при нашихъ будущихъ ежедневныхъ встрѣчахъ какимъ-нибудь менѣе опаснымъ для моихъ рукъ привѣтствіемъ.

— Позвольте вамъ помочь,—предложилъ я, какъ это обыкновенно дѣлается при встрѣчѣ гостей на вокзалѣ; и въ ту же минуту онъ вручилъ мнѣ свой таки-порядочно тяжелый чемоданъ, но съ такой добродушной улыбкой, какъ будто бы онъ оказывалъ мнѣ этимъ особую милость.

— Есть у васъ чекъ отъ багажа? — спросилъ я, принимая чемоданъ.

— Да,—былъ отвѣтъ на прекрасномъ англійскомъ нарѣчій, но съ особымъ выговоромъ, который былъ новостью для меня:— у меня ихъ два.

Я взялъ у него оба чека и передалъ нашему артельщику, который стоялъ тутъ же, съ тѣлѣжкой для багажа.

Затѣмъ, обратившись къ своему гостю, я предложилъ ему пройтись пѣшкомъ до отеля, который былъ всего въ четверти мили отъ вокзала желѣзной дороги. Мы отправились, но не прошли и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вдругъ онъ остановился и оглянулся назадъ.

— О, не безпокойтесь! — поспѣшилъ я предупредить его опасеніе:— артельщикъ въ цѣлости и невредимости доставитъ вашъ багажъ до дому. Пока мы дойдемъ, ваши вещи уже будутъ васъ ожидать въ вашей комнатѣ.

— Но вѣдь онъ самъ укладываетъ ихъ на тѣлѣжку, — возразилъ альтруріецъ.

— Да, онъ всегда самъ ихъ укладываетъ. Онъ здоровякъ и молодчина: не стѣбитъ вамъ...

Но мой гость уже меня не слушалъ. Онъ стремглавъ бросился обратно на станцію и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся помогать артельщику подтаскивать къ повозкѣ и подпихивать большіе сундуки; съ маленькими же онъ справлялся и совсѣмъ одинъ.

Я стоялъ какъ вкопанный, съ его чемоданомъ въ рукѣ, и молча смотрѣлъ на его странное поведеніе, которое было замѣчено не мною однимъ, а всѣми пассажирами, всѣми проходящими, — служебными и частными лицами. Одна дама, изъ моихъ знакомыхъ, встрѣчавшая мужа, который пріѣзжалъ къ ней по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, мимоходомъ весело кивнула мнѣ головою и прокричала:

— А вашъ другъ, кажется, любитель физическихъ упражненій!

— Да, — сухо отвѣчалъ я, до того раздраженный странной выходкой моего гостя, что даже не сумѣлъ отшутиться. Между тѣмъ онъ вернулся ко мнѣ такой сповойнный, съ такой добродушной, открытой улыбкой, что мой гнѣвъ на его неумѣстную выходку съ багажемъ, какъ рукой сняло.

— А знаете ли, — началъ онъ: — мнѣ показалось, что артельщикъ былъ какъ будто сконфуженъ тѣмъ, что я ему помогаю. Надѣюсь, онъ смутился не оттого, что побоялся уронить себя въ глазахъ толпы, которая могла поднять на смѣхъ какъ его самого, такъ и меня? Очень жалѣю, что не подумалъ раньше объ этомъ.

— Полноте: онъ скорѣе былъ удивленъ, нежели сконфуженъ, — успокоилъ я добросердечнаго альтруиста. Но прибавимъ шагу: поѣздъ опоздалъ на полчаса и надо поспѣшить, чтобы еще застать ужинъ.

— Но почему же мы можемъ его не застать?

— Потому... потому что кто первый пришелъ, тотъ и первый за столъ! — довольно неопредѣленно отвѣчалъ я. — Таково уже свойство человѣка.

— Да? — такъ же неопредѣленно протянулъ мой собесѣдникъ, съ такимъ взглядомъ, какъ будто онъ думалъ, что я съ нимъ шучу.

— А что? Развѣ я не правъ? — проговорилъ я. — Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, тѣмъ скорѣе мы отъужинаемъ, тѣмъ лучше: мнѣ бы хотѣлось показать вамъ вечеромъ окрестности, и, мнѣ кажется, онѣ должны вамъ понравиться. А естати, скажите: какъ вообще понравилась вамъ Америка?

— О, — отвѣчалъ онъ довольно сдержанно: — она показалась мнѣ крайне интересной!

Эти слова нѣсколько ободрили меня, и я попробовалъ продолжить бесѣду:

— Васъ, вѣроятно, приятно поразила наша система багажныхъ чековъ?

(Замѣчу мимоходомъ, что это нововведеніе обыкновенно служитъ намъ предметомъ разговора съ иностранцами при первой встрѣчѣ.)

— А скажите, пожалуйста, я не ослышался: вы дѣйствительно сказали, что „купили“ два чека? — продолжалъ я.

— Нѣтъ, я дѣйствительно заплатилъ за нихъ долларъ за оба, по прїѣздѣ въ Бостонъ. Я видѣлъ, такъ дѣлали и другіе. Развѣ это не въ порядкѣ вещей? — спросилъ мой наблюдательный гость, замѣтивъ мое удивленіе.

— Я счастливъ, что могу васъ разуверить: такого порядка

у насъ еще не существуетъ; а это пассажиры, по своей доброй волѣ, только хотѣли задобрить носильщиковъ, чтобы они поскорѣе доставили имъ по чеку багажъ. Въ противномъ случаѣ, онъ могъ запоздать, и имъ бы пришлось сидѣть безъ вещей до другого дня. Но сама по себѣ наша система чековъ превосходна!

— Бѣдняга носильщикъ просто выбивался изъ силъ: ему приходилось разомъ справляться о нѣсколькихъ стахъ вещей. Я радъ, что догадался дать ему на чай. Но, смѣю замѣтить, что меня особенно поразило, такъ это незначительные размѣры вашихъ станцій и станціонной прислуги. Скудность обстановки самого вокзала, тѣснота и суматоха, недостаточное количество служащихъ при массѣ пассажировъ, беспорядочное смятеніе при отходѣ и приходѣ поѣздовъ, все это, признаюсь, произвело на меня довольно непріятное впечатлѣніе!

— Я и самъ сознаю всѣ эти недостатки; но такихъ станцій, къ счастью, у насъ немного,—замѣтилъ я.

— А! Ну, такъ, значить, я попалъ на особенно неудачную жельзно-дорожную вѣтвь, которая не настолько богата, чтобы прилично обставить свои станціи и содержать на нихъ служебный персоналъ въ достаточномъ количествѣ?

— Вы ошибаетесь; это одна изъ самыхъ богатыхъ дорогъ: ея акціи стоятъ очень высоко... Но, право же, мы опоздаемъ къ ужину. Идемъ скорѣе!

Мнѣ, собственно говоря, было пріятнѣе придти въ отель гораздо позднѣе, когда артельщикъ уже успѣетъ выгрузить вещи, и, такимъ образомъ, избѣжать повторенія смѣшной выходки моего новаго знакомаго; но, въ то же время, надо было и не опоздать къ ужину, на который не допускали позже восьми часовъ. Признаюсь, я и самъ не разъ чистосердечно жалѣлъ бѣдныхъ носильщиковъ, но мнѣ никогда и въ голову не приходило давать имъ на чай или самому помогать имъ таскать поклажу.

Мой альтруриецъ былъ очарованъ видомъ отеля, въ которомъ я взялъ для него комнату рядомъ съ моей собственной. И въ самомъ дѣлѣ, это было красивое зданіе, окруженное зелеными лужайками, на которыхъ рѣзвились пестрыя группы веселыхъ дѣтей, а по бокамъ отеля раскинулись прекрасныя просторныя площадки. Изъ комнаты моего случайнаго гостя открывался прекрасный видъ на горный хребетъ, освѣщенный багровыми лучами заходящаго солнца. Простая, но опрятная обстановка, выбѣленные стѣны и устланный матами полъ, — все это также производило пріятное впечатлѣніе. Я подошелъ къ окну и распахнулъ его, какъ бы приглашая гостя полюбоваться закатомъ, оживляв-

шимъ горы и освѣжавшимся въ тихомъ озерѣ, которое разсти-
лось у подошвы горъ, освѣненное густолиственными деревьями.

— Дивно, дивно хорошо!—со вздохомъ наслажденія прого-
ворилъ онъ.

— Да,—скромно согласился я:—у насъ этотъ видъ считается
довольно красивымъ.

И въ то время, какъ онъ еще любовался открывавшейся
передъ нимъ чудной картиной, я счелъ своимъ долгомъ напо-
мнить:

— Однако, вамъ едва-едва остается время почиститься и
сойти къ ужину: двери столовой закрываются ровно въ восемь.

— Хорошо: минутъ черезъ пять я уже буду у васъ,—про-
говорилъ онъ и началъ снимать съ себя верхнее платье.

Я сошелъ внизъ и съ нетерпѣнiемъ сталъ поджидать его. Со
всѣхъ сторонъ меня осыпали разспросами о моемъ новомъ зна-
комомъ: вѣсть о его странномъ поведенiи на вокзалѣ уже успѣла
облетѣть весь отель, и каждому хотѣлось еще побольше получить
свѣденiй о своемъ будущемъ сосѣдѣ. Я старался отвѣчать какъ
можно короче, ограничиваясь только заявленiемъ, что мой гость
—альтруиѣцъ и что жители Алтрурии вообще довольно стран-
ный народъ.

Гораздо скорѣе, нежели мнѣ показалось, онъ вернулся внизъ,
и я не могъ не порадоваться его быстрому появленiю, тѣмъ
болѣе, что онъ произвелъ на всѣхъ, съ перваго же взгляда (какъ
и на меня), замѣтно прiятное впечатлѣнiе. Онъ кое-что перемѣ-
нилъ въ своемъ костюмѣ, который видимо всѣмъ (а особенно жен-
щинамъ) показался вполнѣ современнымъ. Что же касается его
самого, то его особенно поразилъ внушительный видъ оберъ-кельнера
(head-waiter), который провелъ насъ къ нашимъ мѣстамъ за сто-
ломъ. Мы усѣлись, и въ ожиданiи ужина я успѣлъ пояснить моему
гостю и сосѣду, что этотъ глава кельнеровъ не кто иной, какъ
студентъ-богословъ, заблагодарасудившiй съ пользой провести кани-
кулы. Это показалось ему настолько любопытнымъ, что я про-
должалъ свои разъясненiя на ту же тему и сообщилъ ему, что
большинство женской прислуги, прислуживавшей за столомъ, не кто
иные, какъ школьныя учительницы, которыя на-зиму снова вер-
нутся къ своимъ сельскимъ шеоламъ.

— Такъ оно и подобаетъ,—замѣтилъ онъ:—я ничего дру-
гого и не ожидалъ встрѣтить въ Америкѣ.

— Да,—подхватилъ я, польщенный въ своемъ американскомъ
самолюбiи:—если Америка имѣетъ важное значенiе, такъ это
именно въ рабочемъ вопросѣ: трудъ у насъ стоитъ на первомъ

планѣ; сообразно съ нимъ мы цѣнимъ людей и уважаемъ въ каждомъ отдѣльную, самостоятельную и независимую личность, безъ различія общественныхъ или иныхъ условій! Надѣюсь, вы подольше поживете у насъ: мы съ особымъ удовольствіемъ знакомимъ съ нашей жизнью и съ нашими воззрѣніями тѣхъ, кто можетъ и умѣетъ насъ понять. Вообще говоря, наши европейскіе гости не въ состояніи вполне стать на нашу точку зрѣнія. Напримѣръ, эти дамы-прислужницы—дѣйствительно дамы, въ полномъ смыслѣ слова: онѣ прекрасно образованы, умны, изящны и способны сдѣлать честь...

Меня прервалъ шумъ порывисто отодвинутаго стула, и мой сосѣдъ стремительно бросился къ стройной молодой дѣвушкѣ, подававшей намъ ужинъ.

Я былъ такъ голоденъ, что заказалъ на двоихъ порядочно порцій, и потому подносъ, нагруженный кушаньями, былъ ей, пожалуй, не совсѣмъ подъ силу. Очевидно, таково было и мнѣніе моего новаго друга, который въ любезной формѣ началъ съ дѣвушкой цѣлое препирательство, отнимая у нея тяжелый подносъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ обычнымъ своимъ самообладаніемъ, подавая его гостямъ. Бѣднажка не знала, куда ей дѣваться со стыда—всѣ на нее пристально смотрятъ; особенно же беспомощно и почти испуганно смотрѣлъ на всю эту сцену важный оберъ-кельнеръ, а объ остальныхъ присутствующихъ и говорить нечего. Нашъ альтруріецъ, однако, не удовольствовался этимъ: онъ спокойно разставилъ на столъ всѣ блюда, изъ которыхъ состоялъ нашъ ужинъ, и добродушно принялся за него, пересыпая его своими замѣчаніями, въ то время, какъ молодая служанка поспѣшно скрылась... по всей вѣроятности, въ кухню, чтобы тамъ дать волю слезамъ, которыя чуть не брызнули у нея изъ глазъ во время „скандала“. Между тѣмъ оберъ-кельнеръ, не сходя съ мѣста, озабоченно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ иностранца, повидимому старательно занятый вопросомъ: сумасшедшій ли онъ, или еще не совсѣмъ рехнувшійся человѣкъ?

— Ну, что за прелестное созданье эта дѣвушка!—восторгался мой пріятель.—Какъ очаровательно она красѣла, какъ мило не давала мнѣ въ руки своего подноса! Вы правы: она, дѣйствительно, образованная женщина, и, какъ вы говорите, съ честью могла бы занять мѣсто въ любой гостиной. Она вполне подходитъ подъ тотъ идеалъ женщины-американки, который я составилъ себѣ; теперь я имѣю о немъ совершенно ясное представленіе.

Я было-хотѣлъ замѣтить, что, какъ ни изящны эти служанки-

учительницы, онѣ все-таки не занимаютъ въ нашемъ обществѣ того почетнаго положенія, какое бы слѣдовало, и что есть въ Америкѣ масса женщинъ несравненно менѣе трудолюбивыхъ и болѣе обеспеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, которыя составляютъ высшія ступени женскаго американскаго общества.—но воздержался: это было бы не согласно съ моими же собственными сужденіями о важности, какую придаютъ американцы личнымъ заслугамъ и личному труду каждаго.

— Англія и англичане мнѣ очень понравились,—продолжалъ альтруіецъ:—но не понравились мнѣ самыя основы ихъ цивилизаціи и аристократическія начала, на которыхъ зиждется ихъ общественный строй. Такой порядокъ, по-моему, несправедливъ, такъ какъ неравенство и несправедливость, по-нашему, одно и то же.

— Да, пожалуй, возрѣнія англичанъ въ этомъ отношеніи довольно грубы,—согласился я.—Первымъ и основнымъ пунктомъ, который мы установили, отдѣлившись отъ нихъ, было: признаніе полнѣйшей независимости каждаго американца въ отдѣльности.

— Знаю, знаю!—подхватилъ мой собесѣдникъ.—Какъ мощно и широко разработанъ этотъ вопросъ въ вашемъ „Объявленіи Независимости“!

— А! Такъ вы, значить, читали его?

— Каждый изъ альтруіецевъ непременно знакомъ съ нимъ.

При этихъ словахъ я вздохнулъ свободнѣе: значить, мнѣ легче будетъ объяснить ему его заблужденіе относительно общественнаго положенія слуганокъ.

— Ну, такъ видите ли,—продолжалъ я:—мы, понятно, не придерживаемся его буквально...

— Я васъ не понимаю,—замѣтилъ мой гость.

— Но вы понимаете, конечно, что мы порвали скорѣе съ политическими, нежели съ общественными порядками англичанъ, когда возмутились и освободили свой народъ?

— Какъ такъ? Развѣ вы не порвали совершенно съ монархическимъ и дворянскимъ началомъ, съ раздѣленіемъ на классы и сословія? — изумился альтруіецъ.—У англичанъ все это еще держится; но у васъ... Неужели у васъ тоже есть сословія и классы?

— Пожалуй; только не въ томъ смыслѣ, какъ у англичанъ,—замѣтилъ я:—у насъ раздѣленіе на сословія и классы, такъ сказать, добровольное.

— А, понимаю! Вѣроятно, тѣ или другіе изъ васъ, отъ времени до времени, чувствуютъ потребность служить наравнѣ съ

другими и оставляютъ на нѣкоторое время свое обезпеченное, видное положеніе, чтобы посильно потрудиться на пользу общества?.. Такия лица должны пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Не такъ ли?

— Ну, нѣтъ... не совсѣмъ! Въ сущности, мнѣ кажется, что для васъ самымъ лучшимъ поясненіемъ будутъ ваши собственныя наблюденія.

— Но я увѣренъ, что они будутъ для меня всего легче и понятнѣе съ помощью вашихъ любезныхъ указаній,—возразилъ онъ просто и искренно.—Вы вотъ, напримѣръ, говорите, что ваши сословныя подраздѣленія добровольны; но развѣ тѣ изъ васъ, которые идутъ на службу, служатъ не по своей доброй волѣ?

— Что жъ, пожалуй. Очень можетъ быть, что они вовсе не были бы на службѣ, еслибы не видѣли въ этомъ необходимости.

— Но вы не хотите этимъ сказать, что они все равно, что невольники?—въ ужасѣ перебилъ меня альтруріецъ.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ я:—всему этому война положила предѣлъ, и мы всѣ, какъ черные, такъ и бѣлые, равно независимы и свободны.

— Но если они служатъ противъ своей воли, если имъ за это не оказываютъ особаго уваженія...

— Васъ, какъ я вижу, смутило мое выраженіе: „добровольно“; но оно не вполне подходитъ къ тому, что я хочу сказать. Впрочемъ, вы сами убѣдитесь на дѣлѣ, что человѣкъ болѣе трудолюбивый и талантливый, само собою, оказывается у насъ въ большемъ почетѣ и занимаетъ болѣе высокое положеніе.

— А, вотъ это прекрасно!—обрадовался альтруріецъ.—Слѣдовательно, обязанности учительницы и служанки — обѣ лишь временныя, пока естественнымъ образомъ выборъ женщины не падетъ окончательно на ту или на другую должность. Одного только я не могу понять: почему, если у васъ одинаково уважается всякій трудъ, тотъ или другой родъ его считается все-таки низшимъ? Или бываетъ и такой, который считается унизительнымъ?

— Ну, положимъ, унизительной у насъ не считается никакая работа, но мнѣ лично, напримѣръ, не особенно нравится, что студенты, лица высшаго образованія, служатъ у стола, и, я увѣренъ, ихъ дѣтамъ, впоследствии, это воспоминаніе не будетъ приятно.

Мой собесѣдникъ призадумался.

— Итакъ, все-таки у васъ есть не особенно уважаемый родъ

труда? Какъ, напримѣръ, обязанности прислуги вообще, обязанности, къ которымъ вынуждаетъ васъ необходимость, и которыя, въ сущности, вамъ ненавистны?

Его настойчивость, наконецъ, раздражила меня, и я на минуту увлонился отъ своего долга, какъ радушнаго хозяина, горячо возразивъ своему гостю:

— Простите меня, но развѣ у васъ въ Альтуріи не тѣ же порядки?

— Да, были когда-то; но не теперѣ! Мы уже давнымъ-давно пережили тѣ преобразованія, которыя теперѣ для васъ новость, и я смотрю на нихъ какъ во снѣ.

Такое превосходство послышалось мнѣ въ его словахъ, что я обидчиво возразилъ:

— А мы такъ надѣмся, что никогда не переживемъ ихъ: мы ихъ считаемъ окончательными и неразрушимо связанными съ человѣческою природой.

— О! Надѣюсь, я не сказалъ ничего обиднаго?—любезно и ласково проговорилъ мой альтуриецъ.

— Конечно, ничего ровно!—поспѣшилъ я отвѣтить.—И ничего также нѣтъ удивительнаго, что вы не можете вполне смотрѣть съ нашей точки зрѣнія. Мы сами были поставлены въ ту пень вопросомъ о домашней прислугѣ. Самою простой и общехристіанской мѣрой съ нашей стороны было бы сравнять своихъ слугъ съ нашей собственной семьей, и это было бы самое лучшее. Но почитайте-ка, чтѣ пишетъ объ одной такой попыткѣ Эммерсонъ. Онъ и жена его вдумали настолько поднять въ своемъ обществѣ положеніе прислуги, что стали сажать ее за одинъ столъ съ собою. И чтѣ же бы вы думали? Господа-то съумѣли примириться съ этимъ; но прислуга .. не съумѣла!

Я перевелъ духъ, ожидая, что онъ разсмѣется; но онъ только спросилъ:

— Но почему же?

— Да просто потому, что прислуга прекрасно понимала тѣ, чего господа, повидимому, не могли понять: ихъ міръ, ихъ понятія и обычаи были настолько же различны, настолько же несовмѣстимы, насколько различны между собою ново-англичане отъ новозеландцевъ. Въ сущности, чтѣ тяготило именно прислугу въ данномъ случаѣ? — это зависимость отъ господъ или, говоря вѣрнѣе, тѣсное сближеніе, а пожалуй и полное сліяніе съ ихъ семействомъ. Здѣсь, въ отелѣ, слуги знаютъ, что они работаютъ временно и по доброй волѣ; знаютъ, что никто не навязываетъ имъ своихъ семейныхъ порядковъ, и что здѣсь они всѣ равны. Ихъ

жизнь, въ свободныя минуты, носить скорѣе отпечатокъ общественной, но отнюдь не заменутой семейной жизни. Это равенство особенно сглаживаетъ въ ихъ глазахъ унижительныя стороны ихъ положенія...

— Унижительныя?! Развѣ есть трудъ, который считался бы у васъ унижительнымъ?

— Ну, да: всякій трудъ, налагающій на человѣка печать зависимости, а слѣдовательно и безсилія... Сильные, естественнымъ образомъ, склонны презирать безсильныхъ и особенно себѣ подвластныхъ...

— А вы это находите вполне естественнымъ?..

— Конечно, но никому не возбраняется трудиться, выбиться изъ обиденной колен и стать выше другихъ, если у него на то есть способности и охота.

Мнѣ казалось, что этотъ доводъ совершенно сразить его; но мой альтруриецъ совершенно хладнокровно возразилъ:

— Право, а въ этомъ не вижу ничего особеннаго въ сравненіи съ другими государствами. Но какова, въ общемъ, дѣятельность тѣхъ, кому удалось выдѣлиться изъ толпы? Употребляютъ ли они свою власть и свое вліяніе на пользу общества?

— А у васъ такъ именно и дѣлается?—спросилъ я въ свою очередь.

— У насъ вовсе нѣтъ никакихъ повышеній,—уклончиво отвѣчалъ онъ.—Всѣ мы несемъ одинаковыя обязанности, всѣ пользуемся одинаковыми правами и преимуществами... Впрочемъ это черезъ-чуръ длинно рассказывать. Но у васъ, значить, нѣтъ полнаго равенства ни въ чемъ?

— Какъ же! Мы всѣ равно вольны пользоваться обстоятельствами...

— А!—облегченно вздохнулъ мой гость. — Очень радъ слышать.

Признаюсь, меня немного коробила наша странная бесѣда, весьма похожая, съ его стороны, на строгій допросъ, и я поспѣшно отодвинулъ стулъ, вставая изъ-за стола:

— Не хотите ли прогуляться? Закатъ великолѣпенъ и, я надѣюсь, не оставитъ васъ равнодушнымъ, не говоря уже о томъ, что къ вамъ, въ свою очередь, уже неравнодушны наши дамы: онѣ горятъ нетерпѣніемъ познакомиться съ вами. Итакъ, послѣ прогулки, если позволите, я васъ представлю, и имъ, и моимъ добрымъ друзьямъ и сосѣдямъ.

— Съ удовольствіемъ. Въ Англии тоже мною особенно интересовались дамы, которыми тамъ держится общественный строй;

но у васъ, въ Америкѣ, сколько я слышалъ, вліяніе женщинъ на общество, кажется, еще сильнѣе?

— Да, общество всецѣло въ ихъ рукахъ,—самодовольно подтвердилъ я.—Женщины у насъ—единственное свободное сословіе. Самые видные изъ нашихъ богачей, и тѣ неутомимые труженики: преданность своему долгу — главное наше правило. Что же касается нашихъ женъ и дочерей, онѣ освобождаются отъ труда, какъ только мы, мужья и отцы, приобрѣли для нихъ обезпеченное положеніе. И наши женщины пользуются тогда своей свободой для того, чтобы развивать и изощрять свои умственные совершенства. Вотъ почему американки пользуются въ Англіи такой громкой славой вполне очаровательныхъ женщинъ.

— Да, я слышалъ, что зачастую англичане, принадлежащіе къ высшему дворянскому кругу, женятся на американкахъ и, кажется, считаютъ вообще, что вамъ лестно родство съ ними?

— Пожалуй, до нѣкоторой степени...—признался я:—но не подумайте, однако, что мы сторонники аристократизма.

— Ну, да; я понимаю васъ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, благодаря вашей крайней любезности, я надѣюсь уяснить себѣ все подробно.

II.

Выйдя изъ отеля, мы направились къ берегамъ озера, которое разстилось за густою рощей, живописно освѣщенной огненнымъ закатомъ.

Тихо бесѣдуя, взобрались мы на зеленый пригорокъ, и съ него, наконецъ спустились въ ту сторону, гдѣ, за опушкой лѣса, на встрѣчу намъ, зардѣлись зеркально-спокойныя воды. Передъ нами открылась довольно обширная порубка,—голая поляна, усѣянная безобразно торчавшими пнями, изъ которыхъ одни были небрежно и безжалостно срублены, другіе безобразно обуглились, третьи же, выкорчеванные, оставили по себѣ лишь беспорядочно зиявшія ямы.

Такой видъ ни на кого не могъ произвести пріятнаго впечатлѣнія, и я поспѣшилъ прервать водворившееся между нами невольное молчаніе:

— Прежде лѣсъ доходилъ до самыхъ береговъ; но прошлый годъ владѣлецъ этого участка вырубилъ его... до тла. Да, некрасивая картина!

— Вы говорите, на это рѣшился самъ владѣлецъ? И никто не вступился?

— Сосѣди и дачники, конечно, не одобряли его намѣренія; они даже вошли съ нимъ въ переговоры, хотѣли купить у него это мѣсто; но онъ забралъ себѣ въ голову продать лѣсъ на срубъ и поставилъ на своемъ. Конечно, и осуждать его за это невозможно: развѣ онъ не самъ себѣ господинъ, развѣ онъ не воленъ дѣлать чтò угодно со своей собственностью?

— Такъ, значить, въ Америкѣ каждый имѣетъ право поступать со своей собственностью какъ ему заблагоразсудится, хотя бы и дурно, неправильно?

— Конечно: на то его добрая воля.

— Даже во вредъ другимъ?

— Ну, конечно, не во вредъ ихъ личности или состоянію. Всякій можетъ вредить другимъ на словахъ, т.-е. въ ихъ вкусахъ или чувствахъ... Но развѣ у васъ, въ Альтруриі, каждый не воленъ въ своей собственности?

— Если онъ поступаетъ съ нею неправильно, общество отбираетъ ее отъ него.

Между тѣмъ уже стемнѣло; да и самъ разговоръ нашъ увлекъ насъ далеко въ сторону отъ прелестной природы. Мы тихо пошли въ обратный путь, въ то время, какъ вокругъ насъ разливался вечерній ароматъ густого лѣса, и въ пышной листвѣ его еще чиркали полусонныя птички.

— Впрочемъ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что американскіе законы построены на томъ, чтобы не вмѣшиваться въ частныя дѣла человѣка, чтобы не связывать его личныхъ добродѣтелей статьями закона?—продолжалъ я дордогой.

— Но бракъ... вѣдь, у васъ же, конечно, признаются браки?

Это меня разсердило, и я отвѣтилъ насмѣшливо:

— Очень радъ, что могу съ достовѣрностью утверждать, что у насъ бракъ освященъ не только закономъ, но и церковью, и находятъ себѣ опору въ самомъ правительствѣ. Но какое отношеніе имѣетъ этотъ вопросъ къ предъидущему?

— Вы, слѣдовательно, считаете бракъ краеугольнымъ камнемъ нравственныхъ и семейныхъ началъ, источникомъ всего совершеннаго и благого въ частной жизни каждаго члена общества, очагомъ и пристанищемъ семьи, такъ сказать, преддверіемъ загробнаго блаженства?—продолжалъ онъ, не отвѣчая на мой вопросъ.

— Положимъ, не всѣ браки подходятъ вполне подъ это послѣднее опредѣленіе,—проговорилъ я, поддаваясь своему природному, американскому юмору:—но, несомнѣнно, таковъ нашъ идеалъ супружеской жизни.

— Такъ какъ же вы говорите, что у васъ, въ Америкѣ, личная добродѣтель не связана закономъ? У васъ, если не ошибаюсь, есть также законы противъ грабительства, убійства, оскорбленія словомъ и пьянства?

— Ну да, конечно.

— Значитъ, вы ограждаете закономъ честность и добродѣтель, уваженіе къ личности и къ жизни человѣка; стараетесь, съ его помощью, вселить отвращеніе къ пороку, внушить порядочность и трезвость. Ёдучи сюда, въ вагонъ, мнѣ пришлось слышать отъ одного господина, что у васъ есть даже законы, карающіе за жестокое обращеніе съ животными.

— Мнѣ очень пріятно подтвердить его слова: у насъ есть и такія статьи закона, которыя прямо ведутъ къ обвиненію въ жестокости человѣка, замучившаго или безжалостно убившаго кошку.

Мой альтруриецъ, на этотъ разъ, промолчалъ, и я рѣшилъ подавить его своимъ великодушіемъ.

— Долженъ признаться,—началъ я добродушно:—вы-таки поддѣли меня своими разспросами, и весьма ловко поддѣли! Преклоняюсь, и съ удовольствіемъ признаю себя побѣжденнымъ: это ничуть не стыдно, а, напротивъ, даже пріятно, когда побѣдитель такъ ловокъ и уменъ... Впрочемъ я представлялъ себѣ совсѣмъ не то, чтѣ говорилъ. Я подразумѣвалъ не американцевъ вообще, а только тѣхъ изъ нихъ, которые смотрятъ на все съ точки зрѣнія идеалистовъ, стремящихся поработить, связать насъ по рукамъ и по ногамъ и подчинить правительству, которое будетъ вмѣшиваться и рѣзко вторгаться въ нашу частную, семейную жизнь, гдѣ и самый домашній очагъ, кажется, будетъ построень на скрижаляхъ...

— А развѣ бракъ не достаточно интимная, частная сторона вашей жизни? Развѣ у васъ нѣтъ (какъ мнѣ говорилъ господинъ въ вагонѣ) особыхъ законовъ для огражденія дѣтей отъ жестокаго обращенія? Вѣдь эти законы не считаются же у васъ вторженіемъ въ частную жизнь общества? Мнѣ кажется, что вся разница между Америкой и Альтруріей только въ томъ и состоитъ, что, несмотря на единство ихъ цивилизаціи, онѣ достигли ея въ разной степени, хотя въ корнѣ онѣ и сродны между собою.

Нашъ отель уже свѣтился вдалекѣ огнями, которые сіяли, какъ фонари на большомъ пароходѣ, а гладкое пространство, посреди котораго, какъ на широкой рѣкѣ, величественно видѣлась его темная, гигантская масса, еще болѣе уподобляло его кораблю. Мнѣ такъ понравилось это сравненіе, что я рѣшилъ его запо-

мнить, чтобы воспользоваться имъ, при первомъ удобномъ случаѣ, для литературныхъ цѣлей.

На площадкахъ и подъ защитою стѣнъ отеля расположились его многочисленные обитатели—дачники и дачницы. Уютными группами видѣлись ихъ темныя очертанія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слышался звонкій говоръ дамъ и вспыхивали душистыя сигары мужчинъ, а такими группами было усыяно все свободное пространство около дома. Пользуясь тихимъ, не жаркимъ вечеромъ, дачники безопасно предавались праздничному отдыху; молодежь вальсировала тутъ же, на площадкѣ, въ то время, какъ звуки музыки вырывались изъ открытаго окна и распылялись въ темномъ, ароматномъ воздухѣ. Всѣ присутствующіе были прекрасно одѣты и казались совершенно довольными и счастливыми. Я невольно назвалъ эту картину фантастическимъ изображеніемъ всей нашей республики и былъ пріятно пораженъ чистосердечнымъ возгласомъ моего гостя:

— Прелестно! Прелестно!.. Очаровательно!

— Не правда ли?—подхватилъ я съ гордостью.—Нашъ отель именно тѣмъ и замѣчательнъ, что онъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно-замѣчательнаго: онъ является, такъ сказать, прототипомъ всѣхъ нашихъ дачныхъ отелей. Гдѣ бы ни попали мы, американцы, на живописную лужайку, зеленый лѣсовъ и чистую, быструю рѣчку или тихое озеро,—тамъ ужъ навѣрно, какъ по мановенію волшебства, появляется дачный отель со всѣми своими удобствами, а вмѣстѣ съ нимъ и пестрая толпа усталыхъ труженниковъ, которые, всей семьей, рады отдохнуть на чистомъ воздухѣ и набраться силъ для предстоящей работы. Мы рѣшительно пришли къ убѣжденію, что если такъ убивать себя работой, какъ мы это дѣлали до сихъ поръ, то скоро американцы и вовсе переведутся на свѣтъ!

Мой альтруриецъ весело разсмѣялся.

— Ну, какъ вы прелестно говорите! Какъ просто и какъ картинно! Простите меня, но я не могу удержаться: нашъ юморъ совсѣмъ иной, чѣмъ у васъ.

— А!—воскликнулъ я.—Какой же именно у васъ юморъ?

— Право, я затрудняюсь сказать опредѣленно... Я самъ никогда не былъ юмористомъ.

Меня снова кольнуло сомнѣніе: ужъ не смѣется ли онъ надо мною? Но проверить это было трудно, и я счелъ за лучшее промолчать и выждать, пока ему самому заблагоразсудится снова начать свои разспросы о томъ, какъ и почему мы, американцы,

изъ вѣчно-трудолюбивыхъ пчель-работницъ, временно превращаемся въ лѣтнихъ бабочекъ-бездѣльницъ?

— Ну, а устроишь себѣ такой планъ жизни?...—продолжалъ мой собесѣдникъ.

— Мы тотчасъ же примѣнили его на дѣлѣ. Съ самаго начала лѣта, наши жены и дѣти поселяются въ такихъ дачныхъ отеляхъ, и отцы семейства по праздникамъ пріѣзжаютъ къ нимъ подышать чистымъ воздухомъ. Тогда весь отель является картиной самаго безоблачнаго семейнаго счастья: все его населеніе сіяетъ безопасностью и здоровьемъ; звучитъ дѣтскій смѣхъ и женскій говоръ... Наши женщины не въ одномъ только умственномъ, но и въ физическомъ отношеніи хотятъ перегнать насъ, мужчинъ. И, признаюсь, не одного иностранца уже изумляла наша добрая воля подчиняться вліянію женщинъ.

— О, я въ этомъ не нахожу ничего удивительнаго! Мнѣ кажется даже, что это въ высшей степени могучая и великодушная черта характера американцевъ,—замѣтилъ мой гость.— И въ этомъ мы, альтруисты, вполне съ вами сходимся. Не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе вашихъ женщинъ на общественныя дѣла самое благотворное! По крайней мѣрѣ, такъ оно оказалось у насъ...

Я быстро повернулся къ нему, и, еслибъ не вечерняя темнота, онъ могъ бы прочесть у меня на лицѣ полнѣйшее удивленіе.

— Но наши женщины не имѣютъ вліянія на общественныя дѣла,—подумаешь съ минуту, отвѣчалъ я.

— Быть не можетъ!.. Или я васъ невѣрно понялъ? Вы, кажется, сказали, что у васъ женщины образованнѣе мужчинъ?

— Конечно, но въ иныхъ отрасляхъ образованности, чѣмъ ихъ мужья и братья. Онѣ стоятъ неизмѣримо выше насъ, напри- мѣръ, въ дѣлѣ преподаванія, въ музыкѣ, въ рисованіи и вообще въ изящныхъ искусствахъ; семья и хозяйство также дѣло ихъ рукъ. Конечно, все это требуетъ массу времени, а его-то у женщинъ несравненно больше, чѣмъ у насъ, мужчинъ, которымъ съ юныхъ лѣтъ приходится трудиться и поступать на службу. Женщины, сравнительно съ нами, гораздо свободнѣе: потому-то онѣ, въ общемъ, образованнѣе и, главное, начитаннѣе насъ. Можно смѣло сказать, что если американская литература существуетъ, такъ исключительно благодаря американкамъ: онѣ читаютъ насъ и критикуютъ; писателю, который не пользуется ихъ вниманіемъ, нечего и мечтать объ успѣхѣ.

— Но развѣ американцы сами никогда и ничего не читаютъ?

— Читаять, конечно, но далеко не всё. Любой мужъ и отецъ семейства и не скрываетъ, не стыдится своего невѣжества въ литературѣ. „Я, молъ, человекъ занятой, мнѣ некогда этимъ забавляться! — откровенно признается онъ вамъ. Жена и дочери — большія поклонницы вашего таланта, и я очень имъ сочувствую. Но основательно познакомиться съ вашими интересными произведениями я не имѣю времени!“

— Прекрасно. Но, въ такомъ случаѣ, я рѣшительно не понимаю, почему бы женщинамъ не заняться общественными дѣлами?

— По очень простой причинѣ: онѣ сами этого не желаютъ.

— Но почему же онѣ не желаютъ?

Это приставанье, наконецъ, меня взорвало, и я нетерпѣливо возразилъ:

— Вамъ бы лучше всего допросить объ этомъ ихъ самихъ! — и пошелъ по направленію къ отелю.

— Пойдите! — удержалъ меня за рукавъ мой навойливый гость: — вы все говорили о женщинахъ, такъ не скажете ли вы мнѣ чего-нибудь и о мужчинахъ, съ которыми мнѣ тоже вѣдь придется знакомиться?

— То-есть, что именно вы желали бы, чтобы я вамъ о нихъ сказалъ? Вы хотите знать ихъ личное или общественное положеніе, то-есть, говоря по-просту: кто они и что они?.. Какъ я уже сказалъ, это народъ занятой коммерческими и служебными дѣлами самыхъ разнообразныхъ свойствъ и размѣровъ: есть тутъ купцы и банкиры, доктора и чиновники, нотариусы и пасторы... Словомъ, чего хочешь, того просишь! Мнѣ только-что пришло въ голову забавное сравненіе: по своей пестротѣ и разнообразію своихъ гостей, этотъ отель — наша республика въ миниатюрѣ.

— Благодарю васъ!.. Я очень счастливъ, что могу такъ удачно на мѣстѣ ознакомиться, съ помощью вашихъ любезныхъ толкованій, съ вашими нравами и обычаями. Это знаніе для меня драгоценно... Итакъ, позвольте спросить: значить, всё эти господа находятся здѣсь только потому, что переутомлены непосильной работой?

— Конечно. Вы и представить себѣ не можете, до чего ваши мужчины способны переутомиться! Но, какъ я уже сказалъ, они начали замѣчать, что это орудіе обоюдо-острое, и стараются нѣсколько поддѣрпнуть свое здоровье въ лѣтній сезонъ. Тѣмъ не менѣе, въ лечебницахъ душевно-больныхъ просто мѣстъ не хватаетъ для паралитиковъ и сумасшедшихъ, — проговорилъ я почти съ гордостью. (Нельзя не признаться, что американцы,

Богъ вѣсть почему, вообще склонны гордиться своимъ предрасположеніемъ къ переутомленію.)

— Ужасно! Неслыханно!—чистосердечно восклицалъ мой добродушный собесѣдникъ.—Очень радъ, что ваши соотечественники начинаютъ прѣнимать мѣры противъ этого зла. А вашихъ другихъ труженниковъ, механиковъ и поденныхъ рабочихъ, а также здѣсь встрѣчу? Или они, вмѣстѣ съ каменщиками, стекольщиками, фермерами, наборщиками и др., предпочитаютъ собираться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, отдѣльно?

На этотъ разъ я снова растерялся, въ недоумѣніи: не шутить ли онъ опять? На минуту въ головѣ у меня промелькнула мысль: ужъ не съ цѣлью ли поднять насъ всѣхъ на смѣхъ прѣхалъ этотъ господинъ изъ своей пресловутой Альтруіи? Но, въ такомъ случаѣ, приходилось допустить, что объ этомъ намѣреніи было извѣстно моему другу, а онъ, я знаю, не одобрилъ бы подобнаго издѣвательства и не принялъ бы въ немъ такого дѣятельнаго участія, какъ его собственноручное рекомендательное письмо ко мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ: этого я не могу допустить; слѣдовательно, я долженъ отвѣчать на вопросъ альтруіица не какъ на шутку, а какъ на серьезное замѣчаніе.

— Что жъ? пожалуй, я и готовъ бы дать вамъ какія угодно указанія объ этихъ неутомимыхъ и скромныхъ труженникахъ. Но, въ сожалѣнію, я, какъ писатель-романистъ, живу исключительно въ сферѣ своихъ героевъ и героинь, и, право, затрудняюсь даже представить себѣ, какъ и гдѣ проводить свое свободное время эти добрые люди: мнѣ не случилось наблюдать ихъ нравы и обычаи, особенно же во время отдыха. Да, въ сущности, я и не увѣренъ, есть ли имъ даже время отдыхать? Во всякомъ случаѣ, я могу быть увѣренъ только въ томъ, что здѣсь вы съ ними не встрѣтитесь, и что они сами, очутившись въ нашей средѣ, почувствовали бы себя неловко. Мы уважаемъ ихъ, цѣнимъ ихъ трудолюбіе и искусство, но любому изъ насъ, американцевъ, не понравилось бы видѣть ихъ въ своемъ кругу. Мы признаемъ ихъ политическое значеніе и преобладаніе надъ нами, но лишь въ теоріи: на практикѣ же они для насъ мало интересны. Впрочемъ, это вовсе не значитъ, чтобы мы относились къ нимъ совершенно безучастно: мы даже особенно заняты въ настоящее время обсужденіемъ рабочаго вопроса. Если позволите, я сейчасъ же познакомлю васъ съ нѣкоторыми изъ лицъ, которыя могутъ дать вамъ болѣе подробныя свѣденія по этому, интересному для васъ, предмету.

Мой новый знакомый любезно выразилъ свое согласіе, и мы

вмѣстѣ подошли къ одной изъ площадей, гдѣ уже велась тихая бесѣда.

III.

Небольшая группа собесѣдниковъ — все моихъ знакомыхъ — состояла изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій: былъ тутъ и банкиръ, и нотариусъ, и докторъ, и профессоръ университета, и одно высокопоставленное лицо изъ чиновной знати; былъ также и пасторъ, и богатый фабрикантъ — владѣлецъ какихъ-то большихъ бумагопрядильныхъ или желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ... право, ужъ не помню хорошенько. Всѣ присутствующіе расположились по близости колонны съ электрическимъ фонаремъ, и при свѣтѣ его я замѣтилъ на ихъ лицахъ выраженіе радущія, отъ котораго я самъ не могъ удержаться при первой встрѣчѣ съ моимъ страннымъ гостемъ. Они любезно раскланивались съ нимъ по мѣрѣ того, какъ я ихъ знакомилъ, и крѣпко пожимали ему руки.

— Господа! — проговорилъ я въ то время, какъ мы усѣлись по мѣстамъ. — М-ръ Хомосъ недавно оставилъ свою родину, Альтрурію, и посѣтилъ теперь наше отечество, Америку, съ цѣлю ознакомиться на мѣстѣ съ ея нравами, обычаями и въ особенности учреждениями. Эти вопросы крайне для него интересны; и даже настолько интересны, что я не могъ вполне удовлетворить его любопытству. Поэтому я и предложилъ ему, въ данномъ случаѣ, обратиться къ вашему любезному содѣйствію.

— Помилуйте! Да развѣ можетъ что-либо въ умственномъ развитіи нашего великаго народа быть сокрыто отъ такого прозорливаго ума, какъ нашъ великій творецъ такихъ этюдовъ, какъ „Перчатки и рукавицы“, „Прелесть и Грація“ и мн. др.? — съ шутивнымъ паеосомъ, указывая на меня, возразилъ профессоръ.

Когда смѣхъ, возбужденный этой шуткой, поутихъ, банкиръ обратился къ своему новому знакомому съ вопросомъ: — давно ли онъ изъ Альтруріи?

— Я выѣхалъ нѣсколько недѣль тому назадъ, но мнѣ кажется, что это было очень давно.

— Кажется, ваше имя, м-ръ Хомосъ, греческаго происхожденія.

— Такъ точно: семья наша происходитъ отъ славнаго эллинскаго рода, — отвѣчалъ альтруріецъ.

— А скажите пожалуйста, — началъ нотариусъ, — есть ли осно-

ваніе предполагать, что ваша Альтрурія тождественна съ мифической Атлантидой?

— Нѣтъ, я не думаю. У насъ вовсе нѣтъ никакихъ преданій, которыя указывали бы на потопленіе нашего материка, и если встрѣчаются кое-какіе остатки древней формаціи, то они совершенно сходны съ подобными же памятниками той же отдаленной эпохи въ другихъ странахъ. Наконецъ, наше умственное и духовное развитіе носитъ отпечатокъ строго-христіанскихъ началъ и ведетъ свое существованіе съ того времени, какъ, послѣ крестной смерти Спасителя, была основана первая христіанская община. Одинъ изъ ея ревностныхъ членовъ, направившійся въ Великобританію, былъ выброшенъ бурей на берегъ Альтруріи...

— Да, да, мы все это знаемъ; но не знаемъ только, до какой степени вѣроятно предположеніе, что люди могли не подозревать въ то время о существованіи вашего обширнаго материка, когда, очевидно, мимо него пролегалъ главный (и тогда еще единственный) морской путь въ Англію, — замѣтилъ богословъ.

— Конечно, это очень трудно себѣ представить, — подхватилъ профессоръ:— и я всей душой былъ бы радъ услышать отъ м-ра Хомоса что-либо болѣе опредѣленное о его интересномъ отечествѣ!

— Вотъ и прекрасно!—подхватилъ я:—признаюсь, я не безъ задней мысли познакомилъ васъ. Мнѣ не подъ силу всѣ тонкости разспросовъ моего уважаемаго друга, м-ра Хомоса, и я представляю вамъ, любезный профессоръ, изощрять на немъ огонь своихъ ученыхъ, строго разсчитанныхъ зарядовъ.

Всѣ дружно разсмѣялись, замѣтивъ, что я сказалъ это въ отместку на его шутку.

Профессоръ сдѣлалъ видъ, что дѣйствительно очень интересуется родиной нашего гостя, и приготовился разспрашивать его; но тотъ спокойно отклонилъ отъ себя эту честь.

— Надѣюсь, вы извините меня: мнѣ, право, было бы затруднительно объяснить вамъ многое на словахъ и настолько обстоятельно, чтобы вы могли себѣ представить все, какъ оно въ дѣйствительности есть. Но еслибы вамъ когда-либо случилось заглянуть въ наши края, я былъ бы счастливъ быть вашимъ вѣрнымъ проводникомъ и толмачемъ, и ручаюсь, что тогда вы гораздо лучше изучили бы всю нашу страну и жизнь. Я самъ пріѣхалъ въ вамъ съ этой же цѣлью и потому прошу васъ быть ко мнѣ снисходительными, не считать навязчивыми мои разспросы. Я хочу не поучать васъ, но у васъ учиться. А между

тѣмъ мнѣ показалось, что нашъ общій другъ (онъ указалъ на меня) какъ будто заподозрилъ меня въ нечистосердечіи...

— О, нѣтъ! какъ можно! — воскликнулъ я: — мы привыкли къ странностямъ туристовъ-англичанъ...

Опять всѣмъ показались мои слова забавны, и альтруриецъ уже болѣе безпечнымъ тономъ продолжалъ:

— Нѣтъ, право, я чувствую себя какъ-то неловко, неумѣста среди вашихъ порядковъ, къ которымъ я никакъ не могу примѣниться. Нѣкоторые изъ противорѣчій такъ велики, такъ рѣзки...

— Да! У насъ все ведется на широкую ногу! — вставилъ свое слово банкиръ и, съ самодовольнымъ выраженіемъ на лицѣ, страхнулъ мизинцемъ пепель съ дорогой сигары.

— Мы, напримѣръ, коснулись рабочаго вопроса, т.-е., собственно говоря, отношеній высшихъ слоевъ общества къ низшимъ, — продолжалъ альтруриецъ: — и я плохо понимаю эти взаимныя отношенія. Интересуетъ меня также вопросъ: какъ проводить свое свободное время ремесленники и рабочіе...

— Да у нихъ, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени, — перебилъ банкиръ.

— За исключеніемъ развѣ стачекъ, когда иные по неволѣ, лишь въ силу духа товарищества, забастуютъ на нѣкоторое время, — замѣтилъ фабрикантъ. — О, тогда у нихъ свободнаго времени — хоть отбавляй!

— Но и оно имъ не на радость, — проговорилъ профессоръ. — Сначала еще туда-сюда: въ пылу возбужденія, рабочій человѣкъ не соображаетъ всего риска, которому онъ подвергаетъ себя и своихъ; но скоро семьѣ приходится испытать всю горькую сторону безработицы: голодъ не свой братъ, а врядъ ли кто изъ фабричныхъ или поденщиковъ можетъ что-либо отложить про черный день. Тутъ ужъ ему не до праздничнаго дня, не до общества и развлеченій; а тѣмъ болѣе не до того, чтобы мечтать о равенствѣ съ людьми высшаго круга, въ которомъ онъ и самъ-то чувствуетъ себя не у мѣста.

Наступило минутное молчанье.

— Ужъ право не знаю, откуда это взялись такія странныя возрѣнія на нашихъ рабочихъ, что ихъ непременно надо ввести въ наше общество? — началъ снова банкиръ. — Насколько я могъ замѣтить, мысль о необходимости сравнять ихъ права съ нашими главнымъ образомъ возникла у иностранцевъ, которыхъ, повидимому, смущаетъ наше политическое равенство. Въ дѣйствительности же оно у насъ не существуетъ: его нѣтъ и никогда не

бывало! О немъ не слыхано ни въ нашихъ торговыхъ компанияхъ, ни въ колоніяхъ Виргиніи и Пенсильваніи, ни въ Нью-Йоркѣ, ни въ Массачусетсѣ. А наши праотцы — столпы, основатели нашей республики — большею частью, были рабовладѣльцы и кровные аристократы. Въ смыслѣ политическаго подраздѣленія, конечно, у насъ аристократіи не существуетъ; но въ смыслѣ раздѣленія на сословія ровнь между аристократическимъ и рабочимъ населеніемъ республики всегда была, есть и... будетъ, пока будутъ люди, не знающіе труда и обезпеченные, и люди-труженики, безъ гроша за душой, хотя бы и отложеннаго только про черный день. Если когда и сглаживается это естественное различіе, такъ развѣ только въ воображеніи идеалистовъ да въ романахъ. Что жъ вы, писатели, все еще по прежнему жените своихъ героевъ-ремесленниковъ, этихъ образцовъ ума и добродѣтели, на дочерахъ миллионеровъ? Бывало, у васъ въ романахъ только и рѣчи, что о такой любовной развязкѣ.

— Эту развязку вы и посейчасъ можете найти въ нашихъ еженедѣльныхъ изданіяхъ, — отвѣчалъ я. — Но только продолженіе ея различно отъ прежняго. Современный рабочий, сдѣлавшись наслѣдникомъ миллионера, отнюдь не станетъ вести сантиментальную дружбу со своимъ братомъ-рабочимъ, не пуститъ его на порогъ своихъ раззолоченныхъ палатъ. Добившись успѣха, онъ первымъ дѣломъ зазнается, возмнитъ себя гениемъ и уѣдетъ въ Европу или же останется здѣсь, чтобы стать во главѣ той или другой изъ соціальныхъ партій.

— Удивительно, послѣ этого, что вы такъ смѣло и подробно толковали нашему новому другу о равенствѣ и уваженіи къ труду, которое будто бы проявляютъ американцы? — заговорилъ банкиръ. — Да и самъ рабочий, вѣрьте мнѣ, не станетъ трудиться ни на минуту долѣе того, пока ему это необходимо. А если кто изъ ремесленниковъ, добившись успѣха, и возгордится своимъ происхожденіемъ по слабости душевной, такъ только потому, что его низкое происхожденіе и есть для него вѣрнѣйшее доказательство его ума и ловкости!.. Я не могу себѣ представить, чтобы во всемъ просвѣщенномъ мірѣ (кромѣ Альтрурии, конечно) нашелся хоть одинъ человѣкъ, который бы гордился своимъ ремесломъ... за исключеніемъ, пожалуй, графа Льва Толстого, который съ удовольствіемъ тачаетъ сапоги... да и тотъ вѣдь сапожникъ не изъ важныхъ!..

Общій взрывъ хохота привѣтствовалъ послѣднія слова: графъ Толстой и его сапоги — излюбленная и весьма распространенная шутка въ кругу американцевъ.

Но у альтрурийдца уже вертѣлся на языкѣ еще готовый вопросъ:

— Развѣ, въ сущности, нѣтъ у васъ въ Америкѣ рабочихъ, которые были бы довольны своимъ ремесломъ? — серьезно спросилъ онъ. — Развѣ нѣтъ и такихъ, которые продолжали бы трудиться ради того, что не желаютъ выдѣляться изъ среды себѣ подобныхъ и надѣются заставить уважать свой трудъ?

— Конечно, нѣтъ! Большинство, громадное большинство недоволено своимъ положеніемъ, но не размѣромъ платы, не числомъ рабочихъ часовъ, какъ это принято думать: корень недовольства лежитъ не въ нихъ, а въ самомъ порядкѣ вещей, — началъ опять фабрикантъ. — Я испыталъ это на себѣ. Во избѣжаніе стачекъ и забастовокъ, я рѣшилъ дѣйствовать на нихъ кротостью, исполнять тѣ или другія ихъ разумныя требованія. Но чѣмъ больше я имъ дѣлалъ уступокъ, тѣмъ, казалось, требовательнѣе они становились. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, я прямо обратился за разъясненіемъ самой сути непревращавшагося недовольства къ самому главарю неповорныхъ, — человѣку въ корнѣ недурному, неглупому и даже смышленому.

Оставшись съ нимъ одинъ-на-одинъ, я спросилъ:

— Ну, объясните же мнѣ, что все это значить? Весь міръ долженъ предъ вами преклониться, что-ли? Когда же этому конецъ?

Я предложилъ ему выпить и закусить, но онъ отказался, говоря, что не пьетъ, и мы оба закурили сигары. — Ну, что же? Когда же будетъ этому конецъ? — повторилъ я.

— Вы хотите сказать: когда конецъ этимъ непорядкамъ? — переспросилъ онъ.

— Да! Я просто усталъ все это выносить, и хотѣлъ бы знать, какой есть изъ этого положенія исходъ?

— Ну, хорошо, я скажу, если вы ужъ такъ непременно хотите! Этому будетъ конецъ тогда, когда вы будете получать плату за работу въ томъ же размѣрѣ, какъ и мы.

Намъ всѣмъ, американцамъ, это показалось особенно смѣшно; но нашъ чужеземный гость, очевидно, былъ не юмористъ въ душѣ: онъ даже не улыбнулся и только спросилъ:

— Ну, а что вы ему сказали?

— А я спросилъ его, — отвѣчалъ фабрикантъ: — не возьмутъ ли, въ такомъ случаѣ, его товарищи мою отвѣтственность на себя? Не согласятся ли они сами вести мое дѣло, на свой страхъ?

Мы снова разсмѣялись и съ удовольствіемъ принялись слушать его дальнѣйшее объясненіе:

— Нѣтъ, — возразилъ предводитель рабочихъ: — намъ бы этого не хотѣлось.

— Чего жъ бы вамъ именно хотѣлось? — продолжалъ я допросъ.

— Чтобы вы вошли съ нами въ долю и принимали въ дѣлѣ равное съ нами участіе.

— На это я возразилъ, — продолжалъ фабрикантъ: — что мнѣ не зачѣмъ входить въ долю, если я одинъ могу сдѣлать для всѣхъ больше, чѣмъ они всѣ, вмѣстѣ взяты; но онъ сказалъ, что если кто можетъ дѣлать дѣло лучше другихъ, тому слѣдуетъ и лучшее за то вознагражденіе. Затѣмъ, я спросилъ: — Значитъ, таковы основныя начала, на которыхъ построенъ вашъ „союзъ“? — „Да, — былъ отвѣтъ: — таково именно значеніе нашего союза. Цѣль его — заставить силою защищать слабыхъ и уравнивать заработокъ наилучшихъ и старательныхъ работниковъ“.

Фабрикантъ умолкъ, а мы все еще слушали его.

Альтруіецъ первый прервалъ молчаніе:

— Къ какому же рѣшенію вы пришли, въ концѣ концовъ?

— Къ единственному, которое оставалось: я сказалъ главарю рабочихъ, что вести дѣло на такихъ основаніяхъ для меня невысказано. Мы съ нимъ разстались друзьями, а на слѣдующую субботу я ихъ рассчиталъ и разгромилъ ихъ „союзъ“. Они всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство вернулись ко мнѣ на работу; но съ тѣхъ поръ я обращаюсь съ ними, какъ съ „равными“.

— И конечно, подъ вашей защитой они обезпеченнѣе, чѣмъ подъ защитой своего союза, — замѣтилъ профессоръ.

— Обезпеченнѣе ли они, я не знаю; но за себя я смѣло могу быть спокоенъ! — отвѣчалъ фабрикантъ, и его слова снова вызвали въ насъ приливъ веселости.

— Собственно говоря, принципъ „рабочихъ“ союзовъ тотъ же, что и „торговыхъ“, — замѣтилъ профессоръ.

— Я съ вами не согласенъ, — возразилъ фабрикантъ: — въ торговлѣ главное для каждаго — его личная выгода: чѣмъ дешевле купишь, тѣмъ выгоднѣе продашь, и, слѣдовательно, наживешься въ ущербъ тому, у кого купилъ. Торговое дѣло только до тѣхъ поръ и доходно, пока въ немъ стремишься лишь въ своей личной выгодѣ. Таковъ естественный законъ природы, и кто позабудетъ его, тому плохо придется!

— Послѣ этого я ужъ право не знаю, чѣмъ торговые союзы хуже, въ своихъ принципахъ, нежели синдикаты, въ смыслѣ отношеній ихъ членовъ ко всѣмъ не-участникамъ союза или синди-

ката?—А у васъ, въ Альтруриі, есть торговые союзы?—обратился нотаріусъ къ гостю.

— Нѣтъ! У насъ вовсе нѣтъ торговыхъ союзовъ.

— Счастливыцы!—воскликнулъ профессоръ.

— Да; ихъ нѣтъ, но они бывали у насъ прежде такъ же точно, какъ теперь у васъ,—спокойно проговорилъ альтруріецъ. —Они выставляли на показъ, что существованіе ихъ вызвано необходимостью; что, помимо союза, членамъ его невозможно тягаться съ капиталистами, хотя бы и при равныхъ съ ними условіяхъ. Для того, чтобы поддержать другъ друга, имъ приходилось подавлять всякую попытку свободнаго труда въ средѣ самихъ рабочихъ и прибѣгать къ жестокостямъ, жертвами которыхъ были всѣ, отказавшіеся примкнуть къ союзу или возмущившіеся противъ него.

— Да; такихъ людей не щадятъ и наши синдикаты,—замѣтилъ нотаріусъ:—они, не стѣсняясь, разоряютъ любого изъ капиталистовъ, если онъ не принадлежитъ къ числу ихъ членовъ, или же хотятъ выйти изъ синдиката. Его не бьютъ палками, не бросаютъ въ него камнями, ему просто на-просто подрываютъ торговлю и заставляютъ, такимъ образомъ, оставить дѣло, объявить себя банкротомъ...

— Пойдите же: не перебивайте м-ра Хомось! — попросилъ банкиръ.

И альтруріецъ продолжалъ:

— Были у насъ также и синдикаты. Но, въ концѣ концовъ, они образовали, такъ сказать, „федерацію“ синдикатовъ, а рабочіе союзы— „федерацію“ рабочихъ союзовъ, и весь нашъ народъ, такимъ образомъ, раздѣлился на два лагеря. Такое положеніе оказалось не только невозможнымъ, но и нестерпимо смѣшнымъ.

— Однакоже, у васъ все-таки есть капиталисты, которымъ нѣтъ необходимости трудиться, и которые, слѣдовательно, незнакомы съ ручнымъ трудомъ?

— Нѣтъ! У насъ нѣтъ капиталистовъ, и мы всѣ, твердо памятуя библейское изреченіе: „Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ“ (Быт., III, 19), считаемъ своимъ долгомъ заниматься ручнымъ трудомъ. Нотаріусы, доктора, священники, писатели... никто не изъять изъ общаго правила: на каждого изъ нихъ также приходится своя доля ремесленной работы.

— А относительно высшаго образованія, какъ же вы ухитряетесь пользоваться имъ? Вы, значить, все время заняты: — то своими личными или семейными дѣлами, то ручнымъ трудомъ?

— Напрасно вы такъ думаете! Благодаря тому, что мы, альтруи́цы, работаемъ всѣ поголовно, на каждого изъ насъ приходится лишь очень незначительная часть работы, и отнимаетъ она всего какіе-нибудь два-три часа. Все остальное время, конечно, въ полномъ нашемъ распоряженіи, и его за-глаза хватаетъ на домашнія дѣла, на дальнѣйшее наше умственное развитіе и на удовольствія. Конечно, вы можете все это легко себѣ представить, если допустите, что есть на свѣтѣ люди, которые дорожатъ наукой ради нея самой, а не ради хлѣба насущнаго, который она можетъ дать!

— Я первый не могу этого допустить!—запальчиво выкрикнулъ нотариусъ.—У насъ это просто непримѣнимо въ дѣлу! Да возьмемъ въ примѣръ хоть нашего просвѣщеннаго, талантливаго друга. Развѣ онъ сталъ бы намъ писать такіе превосходные романы и повѣсти, еслибъ не былъ въ тому вынужденъ ежедневною потребностью въ кускѣ хлѣба, въ тепломъ уголѣ, гдѣ бы приклонить голову подъ старость или даже... въ настоящую минуту; еслибъ впереди не грозила ему неприютная, голодная и холодная старость...

— Ради самого Неба!—перебилъ я его.—Безъ метафоръ и прочихъ фигуральныхъ выраженій!

— Будь онъ хоть немного обезпеченнѣе въ матеріальномъ отношеніи, и вы бы сами убѣдились, что его романы стали бы тогда никуда негодны! — продолжалъ, не смущаясь, нотариусъ.

— А!—протянулъ альтруи́ецъ.—Вы, значитъ, можете себѣ представить, какъ для меня трудно понять такія условія жизни, какъ ваши, въ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ деньги, деньги и деньги!

— Простите, пожалуйста, но это не совсѣмъ вѣрно,—скромно возразилъ пасторъ.

— Прошу прощенія! — крѣтко проговорилъ нашъ гость: — вы видите, какъ я легко уклоняюсь въ сторону.

— Да нѣтъ, вовсе нѣтъ!—поспѣшилъ успокоить его банкиръ.— Вы совсѣмъ не такъ далеки отъ даннаго вопроса, какъ это вамъ повидимому, кажется! Весьма важно, чтобы всякая, какая бы то ни была работа была хорошо сдѣлана; дѣлать же ее необходимо спокойно и сосредоточенно, а это возможно, главнымъ образомъ, когда не виситъ надъ головою ежеминутная забота о хлѣбѣ насущномъ. Разъ вы хоть сколько-нибудь обезпечены или хоть увѣрены въ ея сбытѣ, вамъ и работается легче и лучше. Слѣдовательно, какъ вы говорите, денежный вопросъ стоитъ — и даже естественнымъ образомъ долженъ стоять — на первомъ планѣ!

Я слушалъ его съ удивленіемъ. Нашъ милый сосѣдъ по отелю и собесѣдникъ никогда не пускался въ такія чистосердечныя признанія, и я не подозрѣвалъ ничего о его личныхъ мнѣніяхъ.

— Итакъ,—продолжалъ онъ:—установивъ этотъ пунктъ, займемся вопросомъ, который, кажется, особенно васъ интересуетъ: позорно или нѣтъ для нашего труда наше стремленіе заработать нѣтъ деньги. Такъ ли я васъ понимаю?

Альтруріецъ отвѣтилъ утвердительно.

— Видите ли, въ этомъ отношеніи врядъ ли кто можетъ вамъ быть полезенъ. Желаніе трудиться собственно труда ради и желаніе трудиться ради необходимости въ заработкѣ, оба надѣваются на человѣка, такъ сказать, двойное ярмо. Съ одной стороны, артистъ въ душѣ долженъ снизойти до степени простого работника, съ другой—простой работникъ долженъ подняться на степень артиста. Если же онъ и не артистъ, и не простой работникъ, а нѣчто среднее, то и работа его также будетъ... только средняя, или, говоря по-просту, ни то, ни сѣ... какъ и онъ самъ.

— Однако, вы не можете не признать за фактъ, что любой художникъ, который продаетъ свои картины и живетъ на эти деньги, потому что не имѣетъ другихъ средствъ къ существованію, все-таки останется артистомъ въ душѣ, если онъ любитъ свое искусство и работаетъ съ удовольствіемъ,—возразилъ я.

— Очень пріятно слышать! — подхватилъ банкиръ. — Какъ видите, — обратился онъ къ нашему гостю: — мы еще не такъ дурны, какъ это можетъ вамъ казаться. Мы, пожалуй, даже лучше, чѣмъ кажемся съ перваго взгляда.

— Я знаю!—спокойно и по обыкновенію откровенно началъ мой альтруріецъ. — Я немного успѣлъ ознакомиться съ вашей жизнью и съ вашей литературой еще до отъѣзда моего изъ Альтрурии, и тогда уже замѣчалъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между той и другою. Ваша литература прекрасна; но мнѣ почему-то казалось, что она могла бы быть еще прекраснѣе, еслибы ваши поэты и писатели были совершенно свободны отъ заботы о кускѣ хлѣба.

— Но развѣ у васъ, въ Альтруриі, ея вовсе нѣтъ? Вы, кажется, говорили, что тамъ всякій самъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе своимъ трудомъ?—удивился профессоръ.

— Вы ошибаетесь. Никто у насъ не работаетъ самъ для себя: онъ работаетъ для другихъ.

— А мои-то рабочіе противъ этого именно и возстаютъ!—горячо вмѣшался фабрикантъ. — Ихъ представитель и глава не

постѣснился у меня спросить: съ какой стати они обязаны работать на меня?

— Онъ вѣроятно не сообразилъ, что, наоборотъ, вы даете имъ работу, а слѣдовательно и средства къ пропитанію,—замѣтилъ профессоръ.

— Можетъ быть, имъ не такъ бы тяжело было работать „на васъ“, какъ они говорятъ, еслибы они чувствовали себя хоть сколько-нибудь обеспеченными? — спросилъ альтруистъ. Между тѣмъ они знаютъ, что вы каждую минуту можете у нихъ отнять эту работу, а слѣдовательно и средства къ существованію. Развѣ и въ самомъ дѣлѣ ихъ существованіе не въ вашихъ рукахъ?

— Въ этомъ смыслѣ, конечно! Но, будьте покойны, я никогда безъ особенно серьезнаго повода не прогоню рабочаго, какъ бы я ни былъ имъ недоволенъ, — отвѣчалъ фабрикантъ.

— А скажите пожалуйста: если вы убили человѣка, васъ вѣдь строго покараютъ по всѣмъ правиламъ закона? Ну, а если вы по собственному произволу лишите его жизни, т.-е. куса хлѣба...

— Законъ тутъ ни при чемъ: это не его дѣло! — отвѣчалъ за фабриканта профессоръ.—По всей вѣроятности рабочій союзъ въ такомъ случаѣ поддержалъ бы своего члена до присканія слѣдующаго мѣста, а выгнанный рабочій проболтался бы до тѣхъ поръ безъ дѣла.

— Но у васъ въ Альтруріи,—заговорилъ я, чтобы пережѣнить разговоръ,—если всѣ занимаются ручнымъ трудомъ, не исключая и образованныхъ классовъ, откуда же они берутъ время и силы, чтобы писать?

— О, нашъ ручной трудъ, какъ я уже сказалъ, весьма немного отнимаетъ у насъ времени и, наконецъ, мы бы сами не были въ состояніи вести такую непрерывно-сидячую жизнь, какъ вы.

— Да нѣтъ: мы тоже любимъ движеніе и признаемъ его пользу для здоровья. Мы гуляемъ, катаемся на лодеѣ, верхомъ, на велосипедѣ, фехтуемъ...

— Съ нашей точки зрѣнія,—откровенно признался альтруистъ: — движеніе ради самого *только* движенія, показалось бы просто глупо! Пустая, безцѣльная затрата силъ, безо всякой пользы, какую она могла бы принести, по нашему необдуманной, безразсудной поступокъ ребенка... чтобы не сказать: сумасшедшаго или безнравственнаго человѣка!

IV.

Въ эту минуту къ намъ подошла подъ-руку съ мужемъ та самая дама, которая раскланивалась со мною на вокзалѣ.

— Позвольте мнѣ представить вамъ моего мужа, — обратилась она ко мнѣ съ привѣтливой улыбкой: — онъ въ восторгѣ отъ вашихъ сочиненій! — и принялась мнѣ расписывать восторгъ своего супруга, который, къ великой потѣхѣ всѣхъ окружающихъ, старался принять по возможности восхищенный видъ. Я не дался въ обманъ, зная прекрасно, что ея супругъ и не думаетъ интересоваться моимъ талантомъ, и что ея главная цѣль познакомиться его не со мною, а взглянуть поближе на моего страннаго гостя — альтруриѣца. Поэтому, не желая въ то же время понапрасну огорчать ее, я поспѣшилъ его представить разомъ и мужу, и женѣ. Она тотчасъ же завладѣла имъ и, мило болтая, принялась ходить взадъ и впередъ по площадѣ, съ которой мои собесѣдники разбрелись теперь во всѣ стороны.

Мы остались вдвоемъ съ мужемъ моей знакомой и, тихо бесѣдуя, попыхивая душистою сигарой, пошли вслѣдъ за нею... поодаль, конечно, чтобъ не мѣшать ей прельщать собою интереснаго иностранца.

— Да, — говорилъ ея супругъ спокойно, безъ малѣйшей рисовки: — я люблю иной разъ и почитать что-нибудь, что подъ руку попадется. Литературное чтеніе самый лучший отдыхъ отъ дѣловыхъ хлопотъ и волненій, которыя меня совершенно поглощаютъ. Конечно, я самъ ничего не читаю: читаетъ мнѣ вслухъ жена, и если я вздремну немножко, она докончитъ свое чтеніе безъ меня и потомъ мнѣ расскажетъ конецъ. О, она у меня молодецъ, на всѣ руки мастеръ: она художница и музыкантша, любительница драматическаго искусства и знатокъ литературы!.. А все-таки забавный народъ эти женщины!

М-ръ Мэкли былъ добродушный и видный мужчина среднихъ лѣтъ, типъ дѣльца-американца.

— Дѣтей у насъ нѣтъ: мы съ нею одиноки на свѣтѣ. Но она все-таки много хлопочетъ и суетится, и я радъ, что за лѣто она можетъ отдохнуть, — продолжалъ онъ. — А скажите пожалуйста, кто такой вашъ другъ? Имъ крайне интересуются наши дамы; миссъ Гроундсель съ моей женой уже поспорили о томъ, которая изъ нихъ скорѣе одержитъ надъ нимъ побѣду. Въ такихъ случаяхъ я голову прозакладываю за свою жену: она у

меня молодець!.. Вы говорите, онъ изъ Альтурія? А встати: гдѣ это—Альтурія?

Я объяснилъ ему.

— А, да!—припомнилъ онъ.—Надо постараться разглядѣть этого господина хорошенько, а не то, если права эмиграціи будутъ у насъ ограничены, не очень-то охотно будутъ насъ посѣщать еще альтруисты.

— Ну, и безъ эмиграціи вы не особенно этого дождетесь!— не утерпѣлъ я, чтобы не замѣтить.—Если я ихъ вѣрно понимаю, то альтрурійцамъ мы не очень-то пришили по вкусу: они по-видимому смотрятъ на американцевъ чуть ли не такъ же точно, какъ мы — на эскимосовъ!

— Вотъ какъ?—добродушно замѣтилъ мой новый знакомый.—Значить, они смотрятъ на насъ еще хуже, чѣмъ англичане. Мнѣ казалось, что никто изъ иностранцевъ не раздѣляетъ больше ихъ мнѣнія, особенно со времени нашей отечественной войны: эта война все сгладила, все измѣнила.

— Еще много чего не сгладила, не измѣнила къ лучшему эта война, — возразилъ я со вздохомъ. — Она гораздо больше растревожила и оставила недоудѣланнаго, чѣмъ мы привыкли думать...

— Пожалуйста, милый, принеси мнѣ мою шаль: мнѣ что-то свѣжо! — раздался въ эту минуту голосъ его жены.

— Съ удовольствіемъ! Скажи только гдѣ его взять?—откликнулся онъ добродушно, и вполголоса прибавилъ: — Никогда не знаетъ, гдѣ ея шаль!

— Я кажется оставила ее въ столовой... или нѣтъ, въ пріемной! Спроси, пожалуй, мимоходомъ въ прихожей... или еще посмотри, не забыла ли я ее въ нашей спальнѣ?

— Слышите? Я такъ и зналъ!—прошепталъ мнѣ ея мужъ, какъ будто это для него была пріятнѣйшая изъ шутокъ, и тотчасъ же отправился разыскивать шаль своей жены, а я подошелъ къ ней и подсѣлъ къ бесѣдующимъ.

— А, какъ я рада, что вы пришли въ-время! — обратилась ко мнѣ молодая женщина.—Я надѣюсь, вы поможете мнѣ уяснить вашему другу то, что ему несовсѣмъ понятно: я не сумѣла удовлетворить его любопытство, а ему хотѣлось бы знать, почему окрестные поселяне, которые пришли посмотрѣть на насъ, горожанъ, не танцуютъ съ нашими барышнями и молодыми людьми? Я пробовала—но, кажется, тщетно!—объяснить ему, что съ нашей стороны и то уже большая милость, что мы имъ разрѣшаемъ доступъ за предѣлы этой площадки и не препятствуемъ

даже заглядывать въ окна... Но онъ не понимаетъ!..—съ комической грустью заключила она и повернула свою хорошенькую головку въ ту сторону, гдѣ толпилась, сидя и стоя, деревенская публика, разодртая по праздничному.

Меня почему-то неприятно поразило это тихое, пожалуй даже слишкомъ тихое общество зрителей, которые не смѣли смѣшаться съ гостями отеля, не смѣли принять участіе въ развлеченияхъ и удовольствіяхъ людей болѣе цивилизованнаго круга. Положимъ, я тотчасъ же поспѣшилъ успокоить себя тѣмъ, что на меня такъ повліялъ только-что прерванный разговоръ съ альтруриецемъ и его личные взгляды; но, тѣмъ не менѣе, неприятное чувство долго не оставляло меня.

— А это удовольствіе—музыка и танцы—у васъ частная или общественная инициатива? Оно оплачено самимъ же обществомъ гостей или хозяиномъ отеля... для нихъ же?

— Да, это удовольствіе, стоимость котораго беретъ на себя самъ хозяинъ отеля; но гостямъ окрестныхъ дачъ и отелей не возбраняется безвозмездно принимать въ немъ участіе. Особенно рады здѣсь молодымъ людямъ, которыхъ, какъ видите, меньше, тѣмъ барышень. Большинство ихъ занято службою въ городѣ, и попрыгать на чистомъ воздухѣ, полюбезничать съ дѣвцами и дамами достается лишь почти мальчишкамъ, подросткамъ, а иной... (смотрите-ка, смотрите!..) и до плеча своей высокой дѣвицы не достанетъ!

— Ну, развѣ это не забавно? — спросилъ альтруриецъ.

— Не только забавно, но и смѣшно! — подтвердилъ я. — Возьмите любое дачное мѣсто или дачный отель; дай Богъ, чтобы на двадцать дѣвушекъ пришлось хоть по одному мужчине!

— А что еслибы кто изъ этихъ молодыхъ фермеровъ, или поселанъ, вздумалъ подойти и принять участіе въ танцахъ?

— Этого быть не можетъ!..

— Да почему же? — допытывался мой чужеземный гость.

— Право, миссисъ Мэгли, я, кажется, снова сдамъ его вамъ съ рукъ на руки! — въ комическомъ отчаяніи воскликнулъ я.

— А кто вамъ сказалъ, что я буду на это согласна? — смѣялась молодая женщина.

— Да, да! Я и самъ понимаю, какъ назойливы мои несончаемые расспросы,—согласился альтруриецъ.—Но пожалѣйте меня и не бросайте на произволь моихъ собственныхъ умозаключеній. Право, они ужасны!

— Ну, ужъ такъ и быть: я преложу гнѣвъ на милость и, жалѣючи васъ, постараюсь представить себѣ, что бы произошло,

еслибы, вопреки обычному порядку вещей, ваше предположеніе осуществилось. Маменьки воспылали бы благороднымъ негодованіемъ; ихъ дочки сочли бы себя обиженными, оскорбленными; никто бы не зналъ, что дѣлать, всѣ растерялись бы отъ гнѣва и неожиданности: музыка и танцы тотчасъ бы прекратились.

— Значить, дамамъ пріятнѣе вовсе не имѣть кавалеровъ или довольствоваться мальчиками-подростками изъ своей среды, даже подругами, нежели танцовать съ людьми ниже себя по положенію?

— Нѣтъ, онѣ просто предпочитаютъ молодыхъ людей одного съ ними круга, потому что у нихъ одинаковые интересы и возрѣнія. Я ничего не имѣю противъ фермеровъ или поселянъ; я даже считаю ихъ прекрасными, вѣжливыми и скромными людьми; но они и сами сюда не придутъ: они сознаютъ, что имъ здѣсь не мѣсто, что ихъ интересамъ здѣсь не сочувствуютъ, — а имъ это было бы чувствительно и непріятно.

— Да, я вижу, что они правы: они чужды здѣшнимъ интересамъ, и эта отчужденность не перестанетъ существовать, пока не измѣнится настоящее положеніе вещей, — заговорилъ альтруистъ. Простите мнѣ великодушно недоумѣніе, въ которое невольно повергаетъ меня различіе между вашими политическими и экономическими идеалами. Когда я смотрю на васъ съ точки зрѣнія вашихъ политическихъ началъ, вы представляетесь мнѣ совершеннѣйшимъ демократическимъ государствомъ; но стоить мнѣ только натолкнуться на тотъ или другой фактъ, въ родѣ настоящаго, и я не вижу, въ чемъ вы отличаетесь (въ теории или на практикѣ) отъ другихъ аристократическихъ государствъ Европы. Вотъ что меня крайне озадачиваетъ!.. Скажите, пожалуйста, вѣрно ли мое предположеніе, что цѣль вашихъ экономическихъ стремленій — воздвигнуть непреодолимые различія между собою и разрушить всякую надежду на братство и равенство, о которыхъ гласитъ ваша конституція?

Миссисъ Мэкли посмотрѣла на меня такъ безпомощно, какъ будто ей было не подъ силу разобраться въ его словахъ. Я поспѣшилъ выручить ее.

— Не думаю, — возразилъ я моему гостю: — чтобы это сословное различіе могло кому бы то ни было служить помѣхой. Мы вполне свѣклись съ нимъ, а слѣдовательно оно для насъ даже хорошо и полезно.

— И, наконецъ, — вмѣшалась снова м-съ Мэкли: — это различіе не мѣшаетъ нашей статной и красивой деревенской молодежи быть такой же гордой и самолюбивой, какъ и мы сами. Оттого-то они и не идутъ сюда.

— Значить, они боятся, чтобы ихъ самолюбіе не пострадало, если ихъ сочтутъ за людей низшаго сословія?

— О, увѣряю васъ, это имъ и въ голову не придетъ; они не считаютъ себя ниже насъ; могу вамъ это доказать на дѣлѣ! Я знаю, напримѣръ, одно семейство, которое особенно интересно въ этомъ отношеніи. Вонъ, у того окна—видите?—сидитъ молодая дѣвушка: вамъ какъ разъ виденъ ея профиль. Вѣрите ли? Мнѣ кажется, что она еще оказываетъ мнѣ большую честь, когда говоритъ со мною. Рядомъ съ нею ея братъ, — высокій, сильный мужчина съ римскимъ профилемъ энергичнаго, открытаго лица. Здѣсь, въ горахъ, этотъ типъ особенно распространенъ. Отецъ ихъ былъ раненъ въ минувшую войну и былъ пожалованъ чиномъ, послѣ чего поселился на родинѣ, усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ и умеръ, оставивъ сыну свою ферму, на которой тотъ и живетъ съ сестрою и съ матерью. Сестра его—чудная дѣвушка: честная, гордая, работающая и замѣчательно начитанная. Она хорошая портниха—и такъ недорого беретъ за фасонъ!.. Все время, пока она шьетъ, мать читаетъ ей вслухъ; и вы представить себѣ не можете, до чего часто онѣ обмѣниваютъ книги! Я всегда даю ей работу и считаю за удовольствіе поговорить съ нею, когда она ее приноситъ. Какъ она хорошо говоритъ, какую массу перечитала и передумала! Я всегда прошу ее садиться и въ бесѣдѣ съ нею забываю, что она не дама нашего круга — до того ея сужденія умны и независимы! Я не могу не любить моей Лидии: она такъ мила!.. Непремѣнно, непремѣнно требуйте, м-ръ Хомось, чтобы вашъ другъ познакомилъ васъ съ этимъ семействомъ: это вамъ будетъ крайне интересно!..

— О, конечно! Очень вамъ благодаренъ!—проговорилъ альтуриецъ.—А вотъ позвольте спросить: вы, кажется, сказали, что вы почти забываете иногда, что ваша любимица—не дама вашего круга. Чтѣ вы изволите разумѣть подъ словомъ: „дама“?

— Постараюсь, насколько съумѣю, отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ,—любезно согласилась м-съ Мэккли и тотчасъ же приступила къ дѣлу.—Впрочемъ, вамъ было бы гораздо легче самому пояснить намъ, кого вы считаете дамой и кого — нѣтъ? Но вы еще такъ недавно въ Америкѣ, что, пожалуй, не успѣли къ намъ присмотрѣться, и потому я, на этотъ разъ, постараюсь сдѣлать вамъ это снисхожденіе. Видите ли,—дама, прежде всего, должна быть если и небогата, то хоть обезпечена настолько, чтобы заботы о завтрашнемъ днѣ и мелочные, грошовые расчеты не отрывали ее отъ добраго желанія приносить пользу обществу. Давно кануло въ вѣчность то время, когда американской женщиной было

вполнѣ достаточно умѣнья вести хозяйство, — присматривать за кухаркой и самой кое-что постряпать, — прямо изъ кухни бѣжать принимать гостей и потчивать ихъ. Современная дама-американка непремѣнно должна одѣваться изящно и по модѣ, жить открыто и бывать въ обществѣ; должна развивать въ себѣ умъ и изящество; быть благовоспитанной и отдавать должную дань чистымъ искусствамъ. Ее прекрасно оцѣнить въ обществѣ, если она ко всему этому еще займется благотворительностью; но есть между нашими дамами и такія, для которыхъ религіозность кажется предпочтительнѣе благотворительности: онѣ почти впадаютъ въ ханжество и рисуются имъ. Я лично считаю это ужаснымъ, и рада, что теперь уже не такъ восхваляютъ у насъ эти „духовныя“ общества. Благотворительницы, все-таки, не такія притворщицы, какъ ханжи!.. Но, увь! я, кажется, все-таки не съумѣю вамъ вполнѣ объяснить, чтѣ такое „дама“? — плачевно заключила м-сь Мэгли, и до того забавно было ея траги-комическое признаніе, что мы не могли удержаться отъ смѣху.

— Сколько я васъ понимаю, — замѣтилъ альтруистъ: — главное изъ тѣхъ условій, въ которыя поставлена дама-американка, это — ничего-недѣланіе?

— Ничего-недѣланье? — въ негодованіи воскликнула молодая женщина. — Да наши дамы такъ заняты съ утра и до ночи, что засыпаютъ, какъ убитыя, какъ-только доберутся до постели: онѣ работаютъ до полного изнеможенія.

— А позвольте спросить: въ чемъ именно состоятъ ихъ работа?

— И вы еще спрашиваете?! Да развѣ вы не слышали отъ меня только-что, съ минутой тому назадъ, что онѣ обязаны принимать приличнымъ образомъ у себя, бывать у другихъ, посѣщать разныя благотворительныя общества, балы и концерты, писать пригласительныя и иныя письма и отвѣчать на нихъ? Да понимаете ли вы, что это просто каторга, неволя и безграничная зависимость отъ законовъ, которые налагаютъ на насъ наше положеніе въ свѣтѣ?

— Такъ вамъ, значить, вовсе не полагается дѣлать что-либо полезное?

— А развѣ по-вашему благотворительность совершенно бесполезная вещь? Право, я иной разъ отъ души завидую своей кухаркѣ или судомойкѣ! У нихъ — одна забота, а у меня ихъ — двадцать-одна! Онѣ, покончивъ свое дѣло, отдыхаютъ; я не имѣю ни минуты свободной!.. Нѣтъ, нѣтъ! И не спрашивайте, почему я не заглядываю на кухню: просто не могу, да и только! А почему я не могу, вы не поймете: вы вѣдь не дама и не аме-

риванья!.. Да, наконецъ, сообразите вы хоть это: еслибъ мы, дамы, стали отбивать хлѣбъ у прислуги, куда бы она тогда дѣвалась? Это было бы слишкомъ жестоко съ нашей стороны!

— Совершенно вѣрно, — серьезно согласился альтруриецъ.

— Не правда ли? — подхватила м-съ Мэгли въ восторгѣ, что иностранецъ, наконецъ, хоть въ чемъ-нибудь да согласился съ нею. Водворилось минутное молчаніе.

— Позвольте спросить: въ чемъ же заключается польза вашей свѣтской жизни? — снова началъ нашъ назойливый собесѣдникъ.

— Какъ жь въ чемъ? Развѣ отъ нея непремѣнно должна быть какая-нибудь польза?.. Ну, хотя бы въ томъ, что она помогаетъ намъ убить время! — запальчиво возразила молодая женщина.

— Такъ если ваше, какъ вы говорите, рабство не приноситъ пользы, въ чему же вы ему подчиняетесь? И почему не можете вы страхнуть съ себя это иго иначе, какъ нанеся ущербъ вашимъ подчиненнымъ?

— Да это такая преграда, на которую мы натываемся на каждомъ шагу! — вмѣшался и я въ разговоръ. — На нѣчто подобное намекаетъ, и даже прямо указываетъ Мэтью Арнольдъ въ своей статьѣ объ этомъ кривлякѣ — Толстомъ. Онъ такъ прямо и спрашиваетъ его: что будетъ съ простолюдиномъ, который кормится своей работой, если каждый будетъ самъ себѣ слугою? Но этотъ вопросъ такъ и останется неразрѣшимымъ.

— Да! Онъ, дѣйствительно, неразрѣшимъ при настоящемъ положеніи дѣлъ.

— Но, мнѣ кажется, мы все-таки довольно хорошо справляемся съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ? — опять всплыла м-съ Мэгли.

— О, я не имѣю намѣренія васъ осуждать! И если вы дѣйствительно считаете его самымъ лучшимъ...

— Да, мы считаемъ его наилучшимъ въ наилучшей изъ всѣхъ странъ въ мірѣ! — благоговѣнно, съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорилъ я.

— А ваши барышни?.. — продолжалъ свой допросъ альтруриецъ.

— Онѣ, какъ и мы, выѣзжаютъ, танцуютъ, посѣщаютъ свои собранья или руководянія общества... Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ того, чтобы онѣ работали на бѣдныхъ? — волю замѣтила м-съ Мэгли.

— Нѣтъ, имѣю: онѣ, такимъ образомъ, отнимаютъ этотъ заработокъ отъ нуждающихся швей. Но онѣ, вѣроятно, поступаютъ такъ только по своей необдуманности?

Молодая женщина промолчала.

— Меня занимаетъ также еще вопросъ: какъ это вы, дамы, можете бодро переносить такую исключительно нервную жизнь?

— Да кто вамъ сказалъ, что мы ее вообще переносимъ?— снова загорячилась его собесѣдница.— Во всей Америкѣ вы не найдете ни одной (слышите ли: „ни одной“!) совершенно здоровой женщины!

— Ну, ужъ это вы, кажется, черезъ-чуръ...—воскликнулъ я.

— Нѣтъ, я ничуть не преувеличиваю!

— Но все-таки, если свѣтскіе обычаи возбраняютъ вамъ заниматься ручнымъ трудомъ, вы, вѣроятно, замѣняете его движениемъ?

— Нѣтъ, мы его просто-на-просто замѣняемъ... лекарствомъ!—весело и задорно кивнувъ хорошенькой головкой, возразила м-съ Мэкли.— А чѣмъ занимаются у васъ, въ Альтруриі? Много ли работаютъ *ваши* дамы?

— У насъ всѣ живутъ и работаютъ одинаково,—невозмутимо возразилъ альтруриецъ.

— Боже! Какъ это должно быть однообразно!—ужаснулась насмѣшница.— Для меня это было бы просто невозможно!

— А позвольте спросить: когда вы росли еще въ своей семьѣ, вы были однимъ, единственнымъ ребенкомъ?

— О, нѣтъ: насъ, дѣтей, было десять человѣкъ.

— Значить, вы жили всѣ вмѣстѣ, одной общей жизнью, одинаковыми интересами, въ которыхъ всѣ въ равной степени принимали свою долю участія?

— Конечно.

— Ну, а мы, альтруриядцы, считаемъ также все человечество одной общей равноправной семьей!

— Простите, м-ръ Хомосъ, но все это ужасный вздоръ! Ужъ будто въ семьѣ все и всегда такъ гладко, равноправно? Всѣ ваши разсужденія о благѣ ближняго хороши и прекрасны; но не всегда они приложимы къ дѣлу. Пожалуй, у васъ, то-и-дѣло, дерутся между собою... какъ мы, бывало, дрались еще дѣтьми?

— Но зато, живя вмѣстѣ, вы узнавали другъ друга, и потому вамъ было такъ легко, поссорившись, помириться,—возразилъ онъ серьезно.— Та же исторія и у насъ, гдѣ каждый считаетъ себя членомъ большой, міровой семьи.

Послѣднія слова этого оригинала до того разсмѣшили м-съ Мэкли, что она просто прокричала:

— Вотъ такъ чудо! Ну, вообразите себѣ, какъ это пре-

красно: никто не сидитъ безъ дѣла въ этой „мировой“ семьѣ! Да тамъ у васъ, я думаю, идетъ непрерывная свалка!.. Нѣтъ, нѣтъ! У васъ хуже, въ тысячу разъ хуже, чѣмъ у насъ!..

— Позвольте, сударыня: вы, кажется, воображаете, что „наша семья“ построена на „вашихъ“ началахъ?..

— Не возражайте мнѣ, м-ръ Хомсъ, не возражайте! Я хорошо знакома съ человѣческой природой!.. Покойной ночи!.. — и, прелестно улыбувшись, м-съ Мэгли ринулась съ мѣста, протянула намъ свою хорошенькую ручку и быстро увела мужа съ собою въ отель.

V.

Я тоже разстался съ моимъ альтрурицемъ, и мною овладѣло чувство досады на его упорные распросы все объ одномъ о томъ же предметѣ. Положимъ, его поведенію вполне могло служить оправданіемъ то обстоятельство, что онъ былъ представителемъ страны, совершенно чуждой нашимъ порядкамъ, которые не могли не поразить его. Я и самъ зналъ прекрасно, что въ Альтруриі богатство налагаетъ на человѣка извѣстнаго рода обязанности по отношенію къ остальнымъ, менѣе богатымъ членамъ „мировой“ семьи. Его удивленіе было такъ же извинительно и понятно, какъ извинительно и понятно было бы для американца удивляться законамъ и общественному строю, напримѣръ, какой-нибудь имперіи. Разсуждая самъ съ собою на эту тему, я мало-по-малу смягчился и пришелъ только къ заключенію, что надо, по мѣрѣ силъ и возможности, отдалить или даже вовсе устранить неприятое столкновеніе моихъ знакомыхъ съ моимъ чужеземнымъ гостемъ; — столкновеніе, которое неминуемо должно было произойти, когда они нѣсколько попривыкнутъ къ нему, и когда имъ надоѣстъ видѣть въ немъ заморскую диковинку, облеченную въ санъ моего гостя. Пока этотъ санъ еще удерживаетъ ихъ отъ раздраженія, — его дѣло еще не такъ плохо; но вѣдь на все есть границы, и если въ ихъ глазахъ эти границы перестанутъ существовать, тогда недобровать не только моему альтрурицу, но и мнѣ самому, какъ ихъ брату-американцу, осмѣлившемуся ввести въ ихъ общество такого неуча и невѣжду. Въ силу всѣхъ этихъ (и подобныхъ имъ) размышленій, я проектировалъ прогулку въ горы, которая должна была продлиться приблизительно съ недѣлю, и, такимъ образомъ, устранить для него хотя на это время возможность общенія съ моими знакомыми, такъ какъ мы отпра-

На этомъ я и заснулъ, а на утро проснулся отъ рѣзкаго стука въ дверь.

— Войдите!—несмотря на вопедшаго, заспаннымъ голосомъ прокричалъ я, не шевелясь подъ своимъ одѣяломъ.

— Съ добрымъ утромъ!—послышалось радушное привѣтствіе альтрурійца, и онъ въ два шага очутился у моей кровати. Въ рукахъ у него были мои сапоги. — Простите, пожалуйста: я, кажется, разбудилъ васъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ... нисколько! Давно бы ужъ пора проснуться. Но, право... Ахъ, зачѣмъ вы принесли мнѣ сапоги?

— Я это сдѣлалъ не безъ основанія,—возразилъ онъ:—мнѣ хотѣлось, чтобы вы похвалили мою работу,—и онъ поднялъ повыше мои сапоги такъ, чтобы на нихъ упалъ солнечный свѣтъ.

— Но въ чемъ же дѣло?—въ недоумѣніи началъ я.

— А въ томъ, что я вамъ вычистилъ ихъ!—съ торжествующей улыбкой заявилъ мой гость.

— Вы... вычистили ихъ... сами?!

— Ну, да, — добродушно кивнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ.— Что жъ тутъ такого? Разставшись съ вами вчера вечеромъ, я вернулся въ себѣ и, разбирая вещи, увидалъ, что еще не все у меня подъ рукою; приходилось спуститься внизъ, въ багажную комнату, и тамъ достать изъ чемодана необходимое. А тамъ сидѣлъ артельщикъ съ повязанной рукою: онъ натрудилъ ее, ворочая чей-то громадный сундучище. Я тотчасъ же предложилъ помочь ему: онъ занять былъ чистой сапогъ и съ трудомъ шевелилъ рукою. Но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, опасаясь, какъ бы я не испортилъ его дѣла; однако я настоялъ на своемъ, и не успѣлъ еще отдѣлать и одной пары хорошенько, какъ онъ высказалъ мнѣ полное свое одобреніе, прибавивъ, что я чищу ничуть не хуже его самого. Я и не ожидалъ, что это такъ просто и легко!..

— Никто васъ не видалъ?—въ волненіи проговорилъ я.

— Никто, конечно! Еще бы: кому охота разгуливать по отелю за-полночь? Мы очень мило пробесѣдовали съ нимъ больше получаса, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ человѣкъ честный, смысленный. Онъ толковалъ со мной о вашей системѣ совать безпрестанно „на-чай“, и признался, что онъ этого не одобряетъ: если же и беретъ (повидимому, не стѣсняясь), такъ только потому, что безъ этихъ „на-чаевъ“ не проживешь: очень ужъ хозяинъ плохо платитъ!..

— М-ръ Хомось!—перебилъ я его.—Позвольте мнѣ погово-

рять съ вами серьезно. Надѣюсь, васъ не обидитъ моя откровенность, единственная цѣль которой—ваше благо!

Послѣднее было не совсѣмъ вѣрно, и я въ глубинѣ души нѣсколько смутился, когда онъ поблагодарилъ меня за вниманіе со своимъ обычнымъ полу-дѣтскимъ радушіемъ.

— Я считаю своей священной обязанностью предупредить васъ, какъ моего добраго знакомаго и гостя, что на ваше обыкновеніе помогать всѣмъ и каждому не такъ-то просто посмотреть другіе. Васъ ввело въ заблужденіе кажущееся сходство американскаго строя съ вашимъ; но оно только кажущееся, и вы, я думаю, уже замѣчаете сами его несостоятельность? Конечно, Альтрурія и Америка—обѣ республики; но нельзя упускать изъ виду тотъ немаловажный фактъ, что въ нашей, американской республикѣ каждый работаетъ самъ на себя, а не на другихъ,—какъ это принято у васъ; и то, что естественно въ Альтруриі, неестественно и неумѣстно въ Америкѣ,—чтобъ не сказать—предосудительно или смѣшно!.. Во избѣжаніе неловкости или недоразумѣній, вамъ надо быть осторожнѣе и никогда не забывать указаннаго мною различія между вашимъ и нашимъ общественнымъ строемъ. Какъ только мы сойдемъ внизъ, я найду предупредить артельщика, чтобы онъ не разболталъ своего приключенія съ вами...

— Надѣюсь, вы сами убѣдитесь, что бѣда еще не такъ велика, какъ она вамъ кажется въ настоящую минуту. Мнѣ очень жаль, что я поступилъ такъ дурно, что...

— О, въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ ничего дурнаго! Въ отвлеченномъ смыслѣ, даже весьма хорошо и похвально помогать ближнему, если онъ нуждается въ помощи; никто и не отрицаетъ этого... даже и въ такой странѣ, гдѣ каждый самъ по себѣ.

— Очень пріятно слышать!—прервалъ меня альтруріецъ.—Относительно же артельщика, я полагаю, что вамъ нѣтъ нужды разяснять ему, какого мнѣнія я придерживаюсь; тѣмъ болѣе, что я уже кой о чемъ побесѣдовалъ съ нимъ, и онъ, повидимому, прекрасно меня понимаетъ. Онъ говоритъ, что между бѣдняками и труженниками, какъ и у насъ въ Альтруриі, въ обычаѣ помогать другъ другу, и что только въ зажиточномъ сословіи люди живутъ каждый самъ по себѣ... Да наконецъ, почему бы мнѣ не сдѣлать для него то, что я готовъ былъ сдѣлать самъ для себя?

— Мало ли, что мы готовы сдѣлать для себя? Но и это не можетъ служить вамъ въ оправданіе. Никто изъ господъ не желаетъ чистить самъ себѣ сапоги: это оскорбительно для самолюбія, унижительно для званія джентльмена, и никогда ни одинъ

джентльменъ на это не согласится, если есть возможность этого избѣгнуть, или если кто-нибудь другой можетъ сдѣлать это за него.

— Такъ, значить, въ Америкѣ не считается оскорбительнымъ для джентльмена, чтобы другой дѣлалъ за него ту работу, которую онъ самъ не хочетъ сдѣлать для себя?

— Конечно, нѣтъ!

— А!..—протянулъ мой собесѣдникъ.—Мы, очевидно, совершенно превратно понимаемъ слово: „джентльменъ“. Я вижу, что ошибся и прошу прощенія: впредь постараюсь быть осмотрительнѣе.

Чтобы переимѣнить разговоръ, я предложилъ ему отправиться въ горы, и онъ такъ чистосердечно отвѣчалъ мнѣ: — Съ наслажденіемъ!—что мнѣ стало немножко неловко за ту заднюю мысль, которую прикрывала эта прогулка.

— Вотъ и прекрасно!—подхватилъ я.—Позавтракаемъ поскорѣй—и въ путь-дорогу!

Когда мы съ нимъ встрѣтились въ столовой, я засталъ тамъ и м-съ Мэвли, которая, посмѣявшись добродушно надъ своимъ отсутствовавшимъ соней-супругомъ, предложила намъ позавтракать за однимъ столомъ съ нею.

— Надѣюсь, вы извините меня: я уже приказала перенести ваши приборы,—заклчила она съ очаровательной улыбкой и въ первую удобную минуту шепнула мнѣ:—Я понимаю, что вы должны чувствовать, и постараюсь, по возможности, удерживать вашего друга отъ его неожиданныхъ выходовъ. Онъ мнѣ чрезвычайно нравится, и мнѣ жаль, что надъ нимъ смѣются. Будемъ надѣяться, что мы сумѣемъ оградить его отъ него самого!

Но это было не такъ-то легко.

Мы не успѣли оглянуться, какъ нашъ чудакъ уже, здороваясь, подалъ руку оберкельнеру и, едва усѣвшись за столъ, вскочилъ и поднялъ съ полу чайную ложечку, которую уронила служанка. Впрочемъ, все остальное обошлось благополучно, а эпизодъ съ ложечкой съ нѣкоторой натяжкой, могъ сойти за любезность по отношенію къ м-съ Мэвли. Еще и то было для меня большимъ утѣшеніемъ, что въ столовой было немного народу, и что самъ оберкельнеръ, покраснѣвшій до ушей и не спускавшій глазъ съ нашего друга, повидимому, тоже раздѣлялъ мою тревогу и былъ на-сторожѣ.

М-съ Мэвли спросила, не собираемся ли мы къ обѣднѣ, и предложила довести насъ до церкви:—ей, все равно, мимо ѣхать.

— Мнѣ и самой слѣдовало-бы туда заглянуть,—пояснила она:—но я давно не была у м-съ Кэмпъ, а вчера Лидзи постѣ-

снилась подойти ко мнѣ, чтобы не помѣшать нашей общей бесѣдѣ. Сегодня же, встаетъ, воскресенье, и я захвачу съ собой газеты и журналы, которыхъ она всегда ждетъ съ нетерпѣніемъ.

— М-съ Кэмпъ?—началъ я вопросительно.

— Мать моей любимицы Лидзи, — докончила за меня молодая женщина. — Она прелестная, бодренькая старушка, чуткая во всему новому, живому. Вы, можетъ быть, не сочувствуете ея любви къ воскреснымъ изданіямъ, м-ръ Хомось?

— Право, и самъ не знаю: это вѣдь мой первый воскресный день въ Америкѣ.

М-съ Мэкли хотѣла что-то сказать, но не успѣла.

— Осмѣлюсь ли просить васъ, — началъ нашъ впечатлительный гость: — когда-нибудь, когда выпадетъ удобный случай, познакомиться меня съ этимъ интереснымъ семействомъ?

— Да съ наслажденіемъ!.. — воскликнула м-съ Мэкли. — Хотите, поѣдемъ сейчасъ же, — если только вы оба не имѣете въ виду чего-либо лучшаго?.. — прибавила она и, вслѣдъ за вопросительнымъ взглядомъ, которымъ окинула меня альтруріецъ, также посмотрѣла и на меня.

Я поспѣшилъ какъ можно любезнѣе выразить свое согласіе, прибавивъ, что съ удовольствіемъ прихвачу съ собой двѣ-три книги для доброй и любознательной старушки.

— Да, да: только, пожалуйста, изъ вашихъ сочиненій! — подхватила м-съ Мэкли.

— Вы думаете, что онѣ ей придутся по вкусу?

— Не столько ей, сколько Лидзи, которая особенно любитъ наивные старомодные романы, полные самыхъ неожиданныхъ препятствій, различающихъ на каждомъ шагѣ влюбленныхъ — примѣрныхъ, добродѣтельныхъ героевъ и героинь, которые, все-таки, въ концѣ концовъ, благополучно сочетаются законнымъ бракомъ... какъ и въ вашихъ романахъ.

Такое сравненіе, такая оцѣнка моего таланта, какъ романиста, покоробили меня: каждому пріятнѣе, если на него смотреть болѣе серьезно. Но я поборолъ свое смущеніе и проговорилъ какъ только могъ добродушнѣе:

— Извольте, я не прочь доставить м-съ Лидзи это удовольствіе.

М-съ Мэкли предупредила въ отелѣ прислугу, куда и зачѣмъ она ѣдетъ, чтобы мужъ ея, проснувшись, не безпокоился о ней, — и четверть часа не прошло, какъ мы уже ѣхали по полямъ, засѣяннымъ преимущественно овсомъ, въ который, тамъ и сямъ, врѣзывались узкія полосы картофеля и гороха.

Мой альтруистъ сидѣлъ рядомъ съ м-съ Мэкли, а моимъ сосѣдомъ былъ нашъ возница, отъ котораго, какъ я ни старался, невозможно было добиться ни полслова. Тогда я повернулся лицомъ въ экипажъ и сталъ, мало-по-малу, вмѣшиваться въ разговоръ нашей милой спутницы и ея собесѣдника.

Онъ внимательно слѣдилъ глазами за мелькавшими по сторонамъ стадами, барскими и крестьянскими усадьбами. Разница между ними была очень рѣзкая: насколько хороши и богаты были постройки людей зажиточныхъ, настолько жалки, бѣдны и плохо защищены отъ непогоды были постройки поселянъ и земледѣльцевъ, которые, какъ объяснила своему сосѣду его любезная сосѣдка, жили исключительно доходами со своей земли. Но дальше этого не шли ея экономическія познанія: она, какъ истая дама-американка, была прекрасно образована и чего-чего только не знала въ совершенствѣ... за исключеніемъ отчизновѣденія, какъ съ экономической, такъ и съ политической стороны. Жизнь и интересы народа были для нея—настоящая terra incognita.

— Вы удивляетесь бѣдности землепашцевъ?—вмѣшался я.— Она объясняется весьма просто. Всякій мало-мальски способный къ труду простолюдинъ бросаетъ родное село и уходитъ въ городъ искать счастья: остаются въ качествѣ хлѣбопашцевъ лишь старые и слабые, или такіе, которымъ лѣтъ двинуться съ мѣста.

— Боже мой! Какъ это просто и... какъ грустно!—воскликнулъ мой гость.—Что же мудренаго, что сами земледѣльцы бросаютъ на произволъ судьбы свои полуразвалившіяся усадьбы. И, по всей вѣроятности, не безъ сердечной боли?

— О, что касается сердечной боли, я не думаю, чтобы она ихъ очень беспокоила!—легкомысленно замѣтилъ я.

— Стой!—крикнула м-съ Мэкли на лошадей, прежде чѣмъ кучеръ успѣлъ ихъ осадить. (Впрочемъ, въ этомъ случаѣ она только послѣдовала примѣру многихъ нетерпѣливыхъ дамъ, у которыхъ есть-таки эта привычка.)

Нашъ возница остановилъ лошадей и вопросительно оглянулся на насъ.

— Кто это тамъ, у самого дома? Это не Рюбенъ Кэмптъ?—спросила м-съ Мэкли.

— Онъ самый!—отвѣтилъ возница.

— А, ну, тѣмъ лучше!.. Рюбенъ! Рюбенъ!—окликнула она молодого человѣка, который расхаживалъ подъ окнами большого, стараго, угрюмаго дома.—Подите сюда! На минутку!..

Молодой человѣкъ приподнялъ свою шляпу въ знакъ признанія и подошелъ къ экипажу. Мы тотчасъ же узнали въ

нѣтъ брата Лидзи, на котораго вчера вечеромъ м-съ Мэкли обратила наше вниманіе.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась она къ нему: — застану ли я дома вашу матушку и сестру? Или онѣ ушли въ церковь?

— Нѣтъ, онѣ обѣ дома. Милости просимъ!

— О, какъ я рада!.. Но чтѣ это у васъ тутъ случилось? Чего вы тутъ ходите дозоромъ? Кого стережете?

— Не *кого*, а *что*, м-съ Мэкли, — отвѣчалъ Рюбенъ. — Сами хозяева ушли и просили меня присмотрѣть за ихъ имуществомъ,

— Ушли? И надолго?

— Да, можетъ быть, — навсегда. Они пошли на дальній западъ попытать счастья. Очень ужъ имъ трудно здѣсь: земля никого не прокормитъ!

— Слышите? Слышите, м-ръ Хомось? Вотъ вамъ прекрасный случай на дѣлѣ познакомиться съ вопросомъ, который такъ васъ интересуетъ! — обрадовался я. — Позвольте васъ представить: м-ръ Бэмъ, м-ръ Хомось!

— М-ръ Туэльвмѣфъ, нашъ извѣстный романистъ! — прибавила м-съ Мэкли, указывая Рюбену на меня. — А это — м-ръ Хомось — его другъ и гость, только-что прибывшій изъ Альтрурии.

Молодой человѣкъ не обратилъ на меня никакого вниманія и крѣпко потрясъ руку моего чужеземнаго гостя.

— Я уже слышалъ о васъ! — восторженно проговорилъ Рюбенъ. — Матушка моя будетъ вѣ себя отъ радости, что увидитъ м-ра Хомоса: мы очень много читали объ Альтрурии и ея жителяхъ, и матушку это особенно интересуетъ.

— О, мнѣ также будетъ очень пріятно съ нею повидаться! — сказалъ альтруріецъ. — Я съ удовольствіемъ готовъ, чѣмъ только могу, дополнить интересныя для васъ свѣденія о нашей странѣ и, въ свою очередь, попрошу у васъ разъясненія: чтѣ за причина, что ваши земледѣльцы бросаютъ свои пепелища на произволъ судьбы? Это для меня новость!

— А причина та, что людямъ больше нѣтъ разсчета заниматься земледѣліемъ на такой почвѣ, которая не въ состояніи даже окупить издержки по ихъ погребенію. И намъ это не въ новость. Мы понимаемъ, что не стѣбитъ убивать свои силы надъ такой землею, которую нѣтъ шансовъ сохранить за собой до конца дней своихъ.

— Но вѣдь прежде-то, въ былое время, ее умѣли сохранять? — возразилъ я. — Почему же теперь это считается невозможнымъ?

— Ну, тогда еще не было для насъ такихъ опасныхъ кон-

куррентовъ на западѣ; земля не была такъ истощена; налоги не были такъ многочисленны и тяжки. Не знаю, какъ бы вамъ понравилось платить по 20 и 30 долларовъ съ тысячи и быть обремененнымъ налогами на каждый предметъ необходимости.

— Но откуда у васъ явилась такая потребность на обременительные налоги?

— Отъ множества школъ и путей сообщенія. У насъ, въ провинціи, растетъ потребность на школы,—у васъ, въ городахъ, на пути сообщенія, которые, дѣйствительно, особенно необходимы въ лѣтній сезонъ, когда къ намъ съѣзжаются дачники. Но вѣдь лѣто коротко, а зимою у насъ опять застой. Хорошо, если когда выдастся урожай; да и то, родится у насъ успѣшнѣе всего картофеля,—а когда его много, то и цѣны на него такъ низки, что хоть плачь!

— О, м-ръ Кэмпъ!—заговорила м-съ Мэкли, умильно глядя ему въ глаза.—Не оттого ли это скорѣе, что дочерямъ фермеровъ только и грезятся, что фортепіано, а сыновьямъ — щегольскіе вабіолеты? Еще на дняхъ пришлось мнѣ говорить съ профессоромъ, который увѣряетъ, что дѣло земледѣлія пошло бы блестяще, еслибы фермеры побольше думали о своихъ фермахъ и не лѣнились бы ихъ обрабатывать усердно и толково!

— Ну, счастье его, что меня тамъ не было!..—вспыхнувъ какъ зарево, воскликнулъ молодой фермеръ.—Я ему далъ бы совѣтъ: пусть бы себѣ пожилъ здѣсь, годика два, на своемъ собственномъ иждивеніи и попробовалъ бы прокормиться, хоть за это время, доходами съ земли! Небось, ему это только одно и пришлось бы по вкусу, чтобы въ лѣтній сезонъ, когда въ полѣ нѣтъ работъ и когда только я одинъ копошусь у себя на дворѣ и въ домѣ, онъ величаво прохаживался у себя на балконѣ и наслаждался своимъ бездѣйствіемъ.

Рюбенъ оглянулся на старый домъ и уже нѣсколько мягче продолжалъ:

— Эта земля была куплена у индѣйцевъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, и съ тѣхъ поръ хозяева ея долго вполне довольствовались ею. Но вотъ они бросаютъ ее, и вы думаете, что это просто отъ лѣни? Да вѣдь это ихъ семейный очагъ, это земля ихъ предковъ, это мѣсто упокоенія нѣсколькихъ поколѣній! Вотъ и кладбище въ сторонѣ, правѣе...

— Но вѣдь имъ будетъ лучше на западѣ?—полу-вопросительно замѣтилъ мой альтруистъ. — Тамъ имъ дадутъ новый надѣлъ?

— Чтò вы понимаете подъ „новымъ надѣломъ“?

— Ну, казенную землю, понятно, т.-е., ту, которая составляет общественную недвижимую собственность...

— У насъ *нѣтъ* такой общественной земли, съ которой стоило бы связаться: всѣ лучшіе участки отошли подѣ желѣзныя дороги, синдикаты фермеровъ и спекуляторовъ. Если вамъ нужна земля на западѣ, милости просимъ... но только за деньги... за деньги! Землю даютъ даромъ только на востокѣ, потому что тамъ она нигуда не годится. Если у васъ нѣтъ готоваго капитала, не угодно ли поупать въ кредитъ, платить чертовскіе проценты и жить впроголодь, пока не выплатите всего по условію...

Ребенокъ Кэмпъ отошелъ отъ экипажа и, приподнявъ шляпу, проговорилъ:

— Мы еще увидимся у матушки. До свиданія!

Нашъ экипажъ повалился дальше. Вдругъ м-съ Мэкли вскрикнула отъ ужаса: мы чуть не переѣхали кучку босоногихъ, вострыхъ дѣтей, которыя безстрашно смотрѣли на насъ во всѣ глаза, улыбаясь такъ открыто, что зубы ихъ ослѣпительно сверкали на солнцѣ.

— Ахъ вы, мои прелести-грязнульки!—восторженно воскликнула она.—Ну, подойдите же сюда... поближе!

Дѣти не особенно робко приблизились къ намъ. Впереди шелъ самый, повидимому, старшій,—мальчикъ лѣтъ шести-семи.

— Вы все братья и сестры?—спросила м-съ Мэкли.

— Нѣтъ; насъ пятеро, а шестая—двоюродная,—бойко отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, такъ вотъ вамъ на леденцы,—проговорилъ я и, потрясая въ рукѣ шесть мѣдныхъ монетъ, подаль ихъ ребенку.

Малютка передалъ каждому изъ дѣтей по монетѣ съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ. Всѣ вдругъ защебетали, какъ птицы, и съ крикомъ побѣжали по направленію къ неоновченному еще домишку, надъ которымъ высоко чернѣла дымовая труба. Очевидно, въ этой недоуѣланной еще постройкѣ семья намѣревалась зимовать, такъ какъ вдоль фундамента къ стѣнамъ были прислонены куски торфа для просушки на солнцѣ. На встрѣчу дѣтямъ показалась въ дверяхъ еще молодая женщина и, чтобы подойти къ намъ, ловко прыгнула съ порога, къ которому еще не были придѣланы ступени. Дѣти вмѣстѣ съ нею вернулись къ экипажу.

— Надѣюсь, вы не испугались за нихъ?—ласково обратилась къ ней м-съ Мэкли.

— О, я никогда за нихъ не боюсь! Здѣсь у насъ такъ хорошо: тихо и вполнѣ безопасно.

— У васъ выговоръ не американскій?.. — замѣтила наша спутница.

— Да; мы англичане. А этотъ вонъ домъ—мой палаты,—съ улыбкой, шутливо проговорила она.—Только не знаю, успѣемъ ли ихъ окончить до наступленія холодовъ,—хватить ли средствъ и силы?

— Домикъ будетъ у васъ прехорошенькій!

— Надѣюсь, миссисъ. А вы гдѣ живете? На дачѣ, по близости?

— Нѣтъ, мы живемъ въ отелѣ.

— То-то, я думаю, дорого стоитъ!

— О, да, конечно.

— Но это, вѣроятно, по вашимъ средствамъ,—съ жадностью во взглядѣ замѣтила молодая женщина, смотря упорно на прелестный, дорогой нарядъ нашей дамы.—Положимъ,—продолжала она:—таковъ ужъ законъ природы: одни бѣдны, другіе богаты; на томъ и стоитъ бѣлый свѣтъ!.. Не правда ли?

— Правда, правда,—сухо отвѣтила м-съ Мэгли, и нашъ возница, подмѣтивъ перерывъ въ разговорѣ, счелъ себя въ правѣ дернуть возжами. Лошади тронули.

Кучка „прелестныхъ грязнулекъ“ и ихъ молодая мать остались позади и скоро совсѣмъ пропали въ столбѣ пыли, которую мы подняли вслѣдъ за собою.

— Я была увѣрена, что она не-американка! — брезгливо проговорила наша спутница: — американка не стала бы попрошайничать. Вы вѣдь замѣтили, господа, какъ она ловко намекнула на недостатокъ средствъ, чтобы окончить свои „хороми“? Очень рада, что вы ничего ей не дали..

— Еще бы! Я понялъ, что сдѣлалъ оплошность, когда далъ дѣтямъ на гостинцы,—проговорилъ я.

— Не будете ли вы такъ добры объяснить мнѣ, какую оплошность сдѣлали бы вы, еслибъ дѣйствительно помогли ей окончить постройку?—спросилъ насъ обоихъ альтруистъ.

— Какъ это: „какую“?—горячился я.—Ужасную, непоправимую оплошность! Какъ бы мала ни была моя денежная помощь, она побудила бы ихъ рассчитывать на участіе постороннихъ: эти люди легко поддаются зловредному вліянію даровыхъ подачекъ и впадаютъ тогда въ окончательную нищету.

— Слѣдовательно, у васъ считается зловреднымъ оказывать поддержку бѣднякамъ?

— То-есть... Ну, да: конечно, въ принципѣ мы это признаемъ необходимымъ, но на дѣлѣ это неприменимо и рѣши-

тельно способствуетъ развитію пауперизма. Видите, какія трудности представляетъ нашъ главный общественный вопросъ, — трудности, по истинѣ, непреодолимыя! — заключилъ я убѣжденно.

— Да, это ужасно! — согласился альтруриецъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, — начала м-съ Мэкли: — какъ у васъ, въ Алтруриі, поступаютъ со своими бѣдными?

— У насъ вовсе нѣтъ бѣдныхъ! — былъ отвѣтъ.

— Но вѣдь есть же у васъ сравнительно менѣе зажиточные? Значитъ, есть и болѣе богатые?

— Мы считали бы это еще худшимъ, — это было бы недостаткомъ патріотизма!

— А что такое: недостатокъ патріотизма? — спросила м-съ Мэкли.

— Недостатокъ гражданской дружбы, единенія, — пояснилъ альтруриецъ.

— Ну, знаете, что я вамъ скажу? — сказала она. — Вы просто хотите невозможнаго. Всегда было, есть и будетъ, *должно* быть на свѣтѣ сословіе бѣдныхъ и сословіе богатыхъ: эта женщина права! Развѣ и самъ Христосъ, Спаситель міра, не указываетъ намъ на эту вѣковѣчную истину въ своихъ словахъ: „нищихъ всегда имѣете съ собою“ (Марк. XIV, 7.)

Мой альтруриецъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на свою собеседницу, пораженный ея самоувѣренно-нисходительнымъ тономъ.

— Неужели вы серьезно убѣждены, что Христосъ именно хотѣлъ сказать этими словами, что мы непремѣнно „должны“ имѣть всегда нищихъ съ собою? — возразилъ онъ.

— О, конечно! — торжествующе провозгласила м-съ Мэкли. — Иначе, какъ бы мы могли проявлять наше милосердіе: надъ кѣмъ и надъ чѣмъ? Не самъ ли апостолъ Павелъ ставитъ ее на высшую степень добродѣтели? Не его ли это великія слова называютъ милосердіе величайшей изъ всѣхъ добродѣтелей? Я вѣрю и въ то, что „нѣсть любви больше сіа“, какъ говоритъ Христосъ, но вѣдь эта любовь — не то ли же милосердіе?

Альтруриецъ какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ зашнурлся и погрузился въ молчаніе, которое длилось вплоть до самыхъ дверей фермы Рубена Кэмпна.

VI.

Старый домъ, плотно прилѣпившійся на склонѣ красиваго пригорка, дѣйствительно былъ, что называется, видное строеніе. Всѣ его пристройки и уголья, широкія, просторныя, съ плоскими

крышами; сараи и амбары, окружавшіе площадь передъ домою и позади него; неприхотливый, но довольно пестрый цвѣтникъ, разбитый подъ окнами нижняго этажа, вдоль котораго вились старыя кустарники іюньскихъ розъ; крытый переходъ, соединявшій старыя дома и ригу; крыльцо, осѣненное нѣсколькими рабатками,—все это казалось такъ старинно и такъ уютно-патріархально, что невольно привлекало вниманіе посѣтителя.

Когда нашъ экипажъ подкатилъ къ крыльцу, старшій, разжирѣвшій пестъ, дремавшій на ступенькѣ, съ трудомъ поднялся на свои непослушныя ноги и лѣниво тавкнулъ на незнакомцевъ, нарушившихъ его безмятежный покой. По двору разбрелись, куда-чча, хлопотливыя кучки куръ и цыплятъ, копошившихся въ пыли, въ то время, какъ мы подѣвжались. Рюбенъ Кэмпъ, явившійся другимъ путемъ раньше насъ, подошелъ къ крыльцу и подоспѣлъ какъ разъ въ-время, чтобы высадить м-съ Мэкли изъ экипажа. Она легко соскочила съ подножки и, несмотря на свой тридцать-шестой годъ, съ увлеченіемъ дѣвушки-подростка въ восхищеніи всплеснула руками:

— О, Рюбенъ! какой вы счастливецъ, что живете въ такомъ чудномъ, старомъ домѣ! Каждый разъ, какъ я бываю здѣсь, мнѣ невольно вспоминается дѣдушкина ферма въ Массачусетсѣ, гдѣ я, еще ребенкомъ, гостила каждое лѣто. Еслибъ она была моя, эта прелесть, я бы ни за что на свѣтѣ съ нею не разсталась!..

— За чѣмъ же дѣло стало? Если вамъ, м-съ Мэкли, такъ нравится наша рухлядь,—попутить Кэмпъ:—вы можете купить ее за безцѣнокъ... или хоть любую изъ окрестныхъ фермъ.

— Полноте! Чтѣ вы говорите?!—негодовала молодая женщина.—И неприятно, и страшно становится васъ слушать!

Рюбенъ попробовалъ отшутиться, и вскорѣ добродушная усмѣшка вновь появилась у него на лицѣ. Онъ пошелъ впередъ и, отворивъ одну изъ дверей широкаго коридора, любезно проговорилъ:

— Пожалуйста сюда: это наша гостиная. Сестра сейчасъ выйдетъ: она, вѣроятно, вышла въ спальню помочь матушкѣ принарядиться.

Затѣмъ, оглянувшись на альтрурійца, прибавилъ:

— Чуетъ мое сердце, что она ради васъ облечется въ свой праздничный чепецъ: это для нея такое событіе!.. Мы весьма рады видѣть васъ у себя!

— И я тоже,—сказалъ мой гость такъ же просто, какъ и его собесѣдникъ.

Между тѣмъ я молча окинулъ взглядомъ старомодную обста-

новку гостиной, и она произвела на меня самое внушительное впечатлѣніе. Отъ темныхъ обоевъ, усѣянныхъ аляповатыми розами; отъ жесткихъ кресель, обтянутыхъ старинной матеріей; отъ фамильныхъ портретовъ, высоко развѣшанныхъ по стѣнамъ; отъ плотно закрытыхъ оконъ въ старинныхъ рамахъ—вѣяло такимъ духомъ старины и таинственности, что м-съ Мэкли невольно понизила голосъ, говоря чуть не шопотомъ:

— Надѣюсь, ваша матушка чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, по обыкновенію?

— О, да; благодарю васъ!—былъ отвѣтъ молодого Кэмпъ, и въ ту же минуту показалась на порогѣ его сестра, съ которой вмѣстѣ въ комнату ворвался лучъ утренняго яркаго свѣта. Она подала руку м-съ Мэкли и поклонилась мнѣ любовно въ то время, какъ меня представили ей; но когда очередь дошла до альтруриѣца, ея обращеніе съ нимъ сдѣлалось еще радушнѣе:

— Матушка будетъ очень рада васъ видѣть! Пойдемте прямо къ ней!..—заключила она, обращаясь ко всѣмъ намъ.

Мы вошли въ большую, свѣтлую комнату, залитую лѣтнимъ солнцемъ. Повидимому, эта комната прежде служила для всей семьи, но теперь была отдана бѣдной больной матери, которая была настолько слаба, что не оставляла кровати.

М-съ Мэкли, съ своей обычной живостью, въ которой былъ, однако, нѣкоторый оттѣнокъ покровительственной благосклонности, бросилась къ больной съ восклицаніемъ:

— Ну, какъ же ваше здоровье, дорогая м-съ Кэмпъ? Очень рада, что у васъ такой прекрасный видъ! Мнѣ было предосадно, что я до сихъ поръ не могла собраться васъ провѣдать, но я знаю, вы рады гостямъ въ воскресенье, и вотъ... я вырвалась, наконецъ, сегодня.

Она громко расцѣловала старушку, которая сидѣла въ постели, обложенная подушками и производила самое пріятное впечатлѣніе своимъ добродушнымъ лицомъ, въ которомъ можно было прочесть также и рѣшительную, твердую волю—до того крупны были ея почти-мужскія, опредѣленные черты.

М-съ Мэкли продолжала премило болтать, заливаясь, какъ птичка, пока, наконецъ, не вспомнила о нашемъ присутствіи.

— Ахъ, м-съ Кэмпъ, посмотрите: я взяла на себя смѣлость привести къ вамъ моихъ добрыхъ знакомыхъ: м-ра Туэльвмефъ (я подошелъ и раскланялся), съ прекрасными сочиненіями котораго вы уже давно знакомы, и м-ра Хомось, нашего гостя изъ Альтрурии...

— О! —воскликнула съ глубокимъ вздохомъ старушка:—О,

такъ вы въ самомъ дѣлѣ альтруиѣцъ? Это такая для меня радость, что я почти ей не вѣрю!

— Да; не правда ли? И мы всё того же мнѣнія,—подхватила наша милая спутница.—Еслибъ не книги и журналы, которые говорятъ неустанно объ Альтруиѣ и ея жителяхъ, право, мы ни за что не могли бы себѣ представить, что есть на свѣтѣ такая страна! И еслибъ не м-ръ Туэльвмафъ, котораго мы всё знаемъ ужъ не сегодня, а была бы готова допустить, что онъ стоитъ за-одно съ м-ромъ Хомось, и что имъ просто хочется насъ... ну, „обойти“, какъ говорить мой мужъ на своемъ дѣловомъ жаргонѣ.

Нашъ альтруиѣцъ слушалъ ее, слегка улыбаясь вѣжливой улыбкой, будто не вполне понимая шутивый тонъ ея рѣчей, на которыя я отвѣчалъ:

— М-съ Мэгли, вы несомнѣнно понимаете мои отношенія къ моему любезному гостю и знакомому.—не то вы никогда бы не предположили, что мы сообщаемъ хотимъ васъ „обойти“. Я такъ же, какъ и вы, считаю несомнѣнно вѣроятнымъ все, что онъ намъ говорить о своей странѣ и ея порядкахъ. Иной разъ мнѣ кажется, что уловить его мысли такъ же трудно и даже... жутко, какъ трудно и жутко уяснить себѣ состояніе своей собственной совѣсти...

— Да, да; именно такъ!.. — смѣясь вскричала м-съ Мэгли, въ восторгѣ отъ картинности моихъ сужденій.

Между тѣмъ альтруиѣцъ, повидимому, понялъ, что мы шутимъ, хотя Кэмпъ и продолжали скромно молчать.

— Надѣюсь, дѣло еще до того не дошло, какъ это кажется! — началъ онъ.—Хоть я и вижу, что мнѣ какъ будто несомнѣнно доверяютъ, въ предположеніи, что я морочу людей; хоть я и не понимаю хорошенько, какава тому причина,—но я былъ бы крайне счастливъ, еслибы мнѣ удалось ее устранить!

М-съ Мэгли успѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы разрѣшить свои сомнѣнія.

— Видите, м-ръ Хомось, если что насъ съ мужемъ особенно занимаетъ и кажется намъ до того необъяснимымъ, что мы даже до глубокой ночи бесѣдовали съ нимъ вчера,—такъ это основной принципъ вашего государственнаго строя. Что ваша страна — обширная и такъ же мало изслѣдованная, какъ, напр., Австралія, могла оставаться такъ долго совершенно неизвѣстной,—это еще мы допускаемъ; но что совсѣмъ непостижимо, такъ это ваша общественная жизнь,—жизнь каждаго для другихъ, а не каждаго для себя, въ отдѣльности. Мужъ говорить, что это просто игра

воображенія: что этого никогда не было, не будет и быть не может! Онъ считаетъ такой порядокъ вещей неестественнымъ, противнымъ здравому смыслу,—словомъ, совершенно „не-американскимъ“! Надѣюсь, м-ру Хомось это выраженіе не покажется съ нашей стороны дурнымъ или обиднымъ, если онъ постарается войти въ наше положеніе! Онъ такъ мало и такъ ужасно неопредѣленно говоритъ о своей странѣ, что я считаю себя въ правѣ употребить всѣ усилія, чтобы добиться отъ него большей откровенности.

— Помилуйте, что же тутъ обиднаго? — возразилъ, съ безукоризненной вѣжливостью, нашъ чужеземный гость:—хотя вы, въ сущности, и несовсѣмъ справедливы ко мнѣ. Позвольте узнать, м-съ Кэмпъ (обратился онъ въ хозяйкѣ дома): вамъ тоже кажется страннымъ, что люди ставятъ въ основаніе своего государственнаго развитія жизнь для другихъ, а не для себя лично?

— О, нѣтъ, напротивъ! Бѣднякамъ всегда приходилось такъ жить: иная жизнь была бы для нихъ невозможна!

— Вотъ и вашъ артельщикъ говоритъ то же самое,—замѣтилъ, обернувшись ко мнѣ, альтруріецъ.—Относительно же того, что принципъ Альтруриі неестественъ и потому неприложимъ на дѣлѣ, въ смыслѣ гражданскаго строя, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на первыя христіанскія общины, на возрѣнія ближайшихъ и древнѣйшихъ послѣдователей Христа, которые дѣлѣнѣ всего могли сохранить и примѣнить къ дѣлу Его ученіе. Въ этихъ общинахъ оно примѣнялось къ дѣлу общественнаго служенія такъ же прямо и непосредственно, какъ примѣняется теперь у насъ, въ Альтруриі, въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи.

— О!—воскликнула м-съ Мэкли:—но вѣдь эти первые христіане сами пришли къ убѣжденію, что ихъ начала неприложимы въ средѣ болѣе цивилизованныхъ людей. Мало-помалу они поняли, что христіанство можетъ имѣть успѣхъ лишь при условіи отрѣшиться нѣсколько отъ первоначальнаго, буквальнаго слѣдованія ученію Христа... Какъ бы то ни было,—торжествующимъ тономъ заключила она:—вы должны же сознаться, что у насъ, въ Америкѣ, гораздо больше свободы для отдѣльнаго, индивидуальнаго успѣха и развитія.

Не успѣлъ мой альтруріецъ ей возразить, какъ его уже опередилъ Рюбенъ Кэмпъ.

— Если вамъ интересна индивидуальная сторона американской жизни,—самое лучшее, для знакомства съ нею, заглянуть въ одинъ изъ нашихъ главныхъ фабричныхъ городовъ, и притомъ

въ такой часъ, когда рабочіе шабашать и расходятся по домамъ густыми усталыми толпами. Одинаково замазаны и истощены работою лица женщинъ и дѣвушекъ, мужчинъ и мальчиковъ-подростковъ, которые еле волочутъ ноги и наводятъ тоску своимъ сходствомъ съ понурымъ бараньимъ стадомъ!..

— Но вѣдь нельзя же обойтись безъ жертвъ, на какомъ бы то ни было поприщѣ,—храбро попыталась возразить м-съ Мэкли. — Не всѣ люди одинаково индивидуальны; многое зависитъ отъ ихъ личнаго темперамента...

— Но еще болѣе — отъ капитала! — со смѣхомъ проговорилъ Кэмпъ. — Въ Америкѣ только тамъ и доступна индивидуальность, гдѣ есть капиталъ, — денежная сила! Нѣтъ его, — нѣтъ и индивидуальности!

— Однако, Рюбенъ, въ тебѣ есть порядочная доля индивидуальности, хотя и нѣтъ капитала, — вмѣшалась въ разговоръ его сестра, и оба весело разсмѣялись.

— Право, въ *нашемъ* кругу, — замѣтила м-съ Мэкли: — рѣшительно отсутствуетъ всякая индивидуальность. Возьмемъ для примѣра хоть такого человѣка, который слишкомъ выдѣляется своей индивидуальностью: его начнутъ избѣгать, будутъ таготиваться его обществомъ, какъ обществомъ болѣе простого и грубаго человѣка.

— Слѣдовательно, вы не особенно стоите за индивидуальность? — спросилъ альтруіецъ.

— Да я ее ненавижу! — горячо воскликнула молодая женщина, очевидно потерявшая нить разговора. — Для меня верхъ блаженства — совершенно забыть о себѣ и обо всѣхъ этихъ докучныхъ вопросахъ американской индивидуальности!

— Простите, пожалуйста; но вы говорите ужасныя вещи! — замѣтилъ нашъ чужеземный гость. — Право, можно подумать, что вы люди разной національности, разной породы людей!

— Ну, да, мнѣ даже не разъ казалось, что мы всѣ, временные обитатели лѣтнаго отеля, являемся какъ бы путешественниками, ставшими на якорь на своемъ большомъ и уютномъ кораблѣ. Окрестные жители — тѣ же туземцы, снабжающіе насъ предметами потребленія. Мы съ ними не ведемъ общей бесѣды; намъ нѣтъ дѣла ни до нихъ самихъ, ни до ихъ интересовъ. А минуло лѣто — и мы снялись съ якоря и поплыли во-свояси, до будущаго лѣта, — заключилъ я.

— А вы, м-съ Кэмпъ, какого мнѣнія? — обратился къ старушкѣ альтруіецъ.

— Право, я затрудняюсь сказать. Мнѣ кажется, мы ни-

когда особенно объ этомъ не думали, а теперь, послѣ вашихъ словъ, я полагаю, что мы именно такъ бы и разсудили этотъ вопросъ. Какъ это ни странно, но намъ это никогда не приходило въ голову, хотя мы люди одного государства, одной вѣры, и говоримъ однимъ общимъ для всѣхъ языкомъ, — хотя мой мужъ и умеръ отъ ранъ, которыя получилъ въ бою, сражаясь за свое отечество. Пожалуй, у насъ и есть общіе съ вами интересы, и ихъ нашлось бы еще того больше, еслибы намъ случилось когда-нибудь соединиться...

— Прекрасно и выгодно для провинціаловъ, что горожане вздумали теперь проводить лѣто внѣ города. Въ одномъ только штатѣ Нью-Хэмпширѣ они оставляютъ ежегодно до пяти милліоновъ долларовъ, — замѣтила не безъ гордости м-съ Мэгли.

— Вотъ вамъ и доказательство, до какой степени слабо значеніе туземцевъ, что несмотря на такіе страшные доходы, они принуждены бросать свои фермы на произволь судьбы и уходить на западъ. Вы, кажется, полагаете, что причина такого разоренья заключается въ стремленіи ихъ къ фортепiano и къ изящнымъ кабриолетамъ? — полу-вопросительно сказалъ Рюбенъ Кэмпъ.

— Ну, ужъ понятно; въ чемъ-нибудь причина да заключается! — разсудительно замѣтила молодая женщина, которой ея убѣжденія придавали храбрости.

Но я предчувствовалъ, что ей не сдобровать въ спорѣ съ хозяиномъ дома, и счелъ за лучшее вмѣшаться въ ихъ бесѣду:

— Я бы отъ души желалъ, чтобы у обоихъ сословіи являлась хоть какая-нибудь возможность поближе познакомиться другъ съ другомъ. И я увѣренъ, въ этомъ добромъ намѣреніи ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ недостатка!

— Нѣтъ, именно въ немъ-то и есть недостатокъ, — энергично заявилъ Кэмпъ. — По крайней мѣрѣ съ нашей стороны ругаюсь вамъ тѣмъ угодно!.. Вы пріѣзжаете къ намъ, провинціаламъ, чтобы получить какъ можно больше хорошаго за свои деньги, а мы, наоборотъ, стараемся, за тѣ же деньги, дать вамъ какъ можно меньше. Въ томъ-то и штука! И если м-ръ Хомосъ видитъ въ этомъ что-либо другое, то онъ жестоко ошибается.

— Я еще не пришелъ ни къ какому заключенію по этому вопросу, который для меня совершенная новость, — кратко замѣтила альтруриецъ. — Но почему же нѣтъ между вами хотя бы чувства взаимной доброты или благожелательства?

— Потому что у насъ все рѣшительно обращено въ вопросъ предложенія и спроса, и что въ этомъ вопросѣ неумѣстно чув-

ство доброты или доброжелательства. Впрочемъ, въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ есть и еще одна немаловажная сторона: ихъ сословіе, особенно же дачники и лѣтніе гости отелей, смотрятъ на насъ свысока... и мы это знаемъ!

— Ну, ужъ я-то не смотрю на васъ свысока!—вспылила м-съ Мэкли.—Я думаю, вы не можете этого сказать про меня. Молодой фермеръ разсмѣялся.

— Вотъ именно про васъ-то и скажу! И вы имѣете на то полное право. Мы не годимся для единенія съ вами, вы это сами знаете;—знаемъ и мы прекрасно. У васъ больше денегъ, больше нарядовъ, и ваши манеры лучше нашихъ. Вы говорите о такихъ вещахъ, какихъ мы, „туземцы“, отъ роду слухомъ не слышали и видомъ не видали; вамъ дорого и близко все такое, чего мы и вообразить себѣ не можемъ...

Мнѣ вспомнились слова моего пріятеля, банкира, и я невольно подумалъ, ужъ не попалъ ли я опять на такого же вольнодумца; но я не могъ понять, какъ это фермеръ Кэмпъ не боится высказывать свое мнѣніе такъ открыто. Впрочемъ, я тотчасъ же разсудилъ, что онъ ничего не теряетъ: все равно, чтд бы ни случилось, м-съ Мэкли, по всей вѣроятности, не перемѣнится въ Лидзи, какъ въ хорошей и дешевой швеѣ.

— Допустимъ, что какой-нибудь старичокъ-поселянинъ придетъ къ вамъ въ гости всей семьей, со всѣми своими чадами и домочадцами,—продолжалъ между тѣмъ Рубенъ Кэмпъ:—такъ же точно въ качествѣ сосѣда, какъ и любой изъ дачниковъ...

— Да я буду просто въ восторгѣ!—воскликнула м-съ Мэкли.—И приму ихъ какъ нельзя радушиѣ!

— Такъ же радушно, какъ и любого изъ дачниковъ?

— Ну, положимъ, съ дачниками у меня оказалось бы больше общаго. Мы бы интересовались одними и тѣми же вопросами, нашли бы по всей вѣроятности общихъ знакомыхъ...

— Словомъ, вы принадлежали бы къ одному и тому же сословію,—и этимъ все объясняется. Еслибъ вы, напримѣръ, жили на западѣ, и къ вамъ пріѣхалъ бы владѣлецъ нѣсколькихъ двадцати-тысячныхъ фермъ, вы, конечно, отнеслись бы къ нему иначе, чѣмъ къ намъ, „туземцамъ“. Всѣ вы, богатые люди, жались бы другъ къ другу и понимали бы другъ друга, потому что всѣ при деньгахъ.

— Да нѣтъ же, деньги тутъ ни при чемъ!—возразила м-съ Мэкли.—Есть и богатые люди, съ которыми и знакомиться-то неохота, потому что они грубы и необразованы. А что касается денегъ, такъ, я думаю, вы имъ такъ же рады, какъ и мы!

— Нѣтъ, мы имъ рады въ тысячу разъ больше, чѣмъ вы!— возразилъ молодой человѣкъ.

— Вотъ видите!—либовала м-съ Мэкли, какъ будто бы этотъ доводъ былъ самый логическій и неопровержимый.

— Да, вотъ, я сошлюсь хотя бы на вашу сестру,—начала она снова, послѣ краткаго молчанья.—Пусть она сама вамъ скажетъ, есть ли какая разница между моимъ обращеніемъ съ нею и съ барышнями нашего круга, которыя живутъ въ отелѣ?

Молодая дѣвушка вспыхнула какъ зарево и видимо затруднилась отвѣтомъ.

— Лидзи! Да что вы?!—веричала м-съ Мэкли, и по голосу ея слышно было, что она обижена.

Эта сцена показалась мнѣ неприятной и даже жестокой. Я невольно хотѣлъ уловить выраженіе лица м-съ Кэмпъ; но ея крупныя добродушныя черты ничего не выражали, кромѣ мирнаго любопытства,—чѣмъ кончится интересный споръ?

— Вы и сами знаете, м-съ Мэкли, что ко мнѣ вы относитесь иначе, чѣмъ къ барышнямъ, своимъ знакомымъ по отелю,—отвѣчала, наконецъ, Лидзи.

Она отвѣчала безъ горечи, безъ раздраженія, и если что можно было подмѣтить въ ея тихомъ голосѣ, такъ только нѣкоторый отблескъ грусти, который какъ бы говорилъ, что она могла бы привязаться къ своей богатой пріятельницѣ, еслибъ не это кастовое различіе.

Глаза м-съ Мэкли подернулись слезами.

— И неужели вы *еще* такъ на насъ смотрите?—спросила она м-съ Кэмпъ.

— А какъ же иначе?—возразила больная.—Но не всѣ провинціалы и поселяне нашего мнѣнія: большинство вовсе ничего объ этомъ не думаетъ, а слѣдовательно и не чувствуетъ. Если же которые изъ нихъ и задумаются надъ этимъ вопросомъ, то непременно стануть на нашу точку зрѣнія. Вы тутъ ничего не можете подѣлать, такъ же точно, какъ и мы. Въ этомъ по крайней мѣрѣ мы сходимся безусловно.

— То же самое сказала и та женщина съ дѣтьми,—замѣтила, нѣсколько оправившись, м-съ Мэкли.—Таковъ законъ природы: одни бѣдны, другіе богаты, на томъ и стоитъ бѣлый свѣтъ!

— Ну, однако, не знаю, какъ бы вамъ понравилось принадлежать къ числу бѣдныхъ?—съ недоброй усмѣшкой проговорилъ Рюбенъ Кэмпъ.

— Право, не знаю,—находчиво отвѣчала молодая женщина.

— Одно только я знаю нагѣрное: я одинаково щадила бы чувства какъ богачей, такъ и бѣдныхъ!

— Мнѣ очень жаль, если мы невольно обидѣли васъ, — съ большимъ достоинствомъ проговорила м-съ Кэмпъ. — Но вы сами спросили наше мнѣніе. Не могли же мы отвѣчать вамъ, что все хорошо и прекрасно?

— Но вы не всегда со мною такъ откровенны, а между тѣмъ вы знаете, какъ я васъ всѣхъ люблю! — возразила м-съ Мэгли, и снова слезы показались у нея на глазахъ.

М-съ Кэмпъ смутилась:

— Можетъ быть, мы и сказали что-либо лишнее, но что же дѣлать, если я не могла удержаться, и дѣти мои — также? Тѣмъ болѣе, что вы разспрашивали насъ, имѣя въ виду м-ра Хомось и въ его присутствіи...

Я оглянулся на моего чужеземнаго гостя, и замѣтилъ, что онъ какъ-то особенно стихъ, присмирѣлъ, и все свое вниманіе сосредоточилъ на странной сценѣ, которая разыгрывалась передъ нимъ.

Воображеніе мое, какъ у писателя, было естественнымъ образомъ склонно создавать фантастическіе образы и картины, и потому я невольно поддаюсь сомнѣнію: ужъ не есть ли мой альтруистъ или, вѣрнѣе, его необычныя свойства и рѣчи — плодъ моей пылкой фантазіи? Можетъ быть, онъ не человѣкъ, какъ мы всѣ, во плоти, а лишь особое, невѣдомое намъ, духовное существо, лишь временно принявшее на себя осязаемый, плотскій видъ, чтобы натолкнуть насъ своимъ появленіемъ въ нашей сферѣ на такіе вопросы, о которыхъ намъ иначе никогда и не пришло бы въ голову, что они есть или могутъ возникнуть?..

А. Б — г —

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ

ПОСЛѢ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ОЕОФАНЪ. — АВРАМОВЪ. — КАНТЕМИРЪ. — ТАТИЩЕВЪ. — ПЕРВЫЕ НАЧАТКИ РУССКАГО ПСЕВДО-КЛАССИЦИЗМА.

Внимательное изученіе временъ Петра Великаго должно указать внѣ всякаго сомнѣнія, что образовательное движеніе той эпохи, въ которой самыми характерными представителями были съ одной стороны Теофанъ, съ другой—Посошковъ, не было собственно созданіемъ Петра: корни его лежали внѣ вліяній самой реформы,—но, совпадая съ ея идеями, это движеніе нашло себѣ могущественную опору въ преобразованіяхъ, которымъ Петръ далъ всю силу своего личнаго труда и авторитета. Безъ него это образовательное движеніе, несомнѣнно, не могло бы имѣть такого успѣха; весьма возможно, что оно было бы если не задушено въ самомъ началѣ упорными приверженцами старины,—какъ былъ незадолго уничтоженъ Медвѣдевъ,—то было бы сильно ограничено и замедлено: теперь оно могло высказываться гораздо смѣлѣе и многозначительнѣе. По всему духу старины, новыя стремленія должны были получить государственно-церковное доказательство и оправданіе,—и ихъ далъ Теофанъ въ своемъ ученіи „о власти и чести царской“, его „Духовный Регламентъ“ сталъ церковнымъ законодательствомъ. То и другое выходило изъ собственныхъ, самостоятельно выработанныхъ убѣжденій Теофана, но это вполне отвѣчало и практическимъ желаніямъ Петра. Образовательныя предпріятія самого Петра—заведеніе школъ, изданіе книгъ—направлялись къ распространенію реальныхъ, не-

обходимыхъ для службы государству, знаній: это было нѣчто новое, дѣло, въ московской Россіи почти неизвѣстное, едва только начинавшееся. Новыя школы и книги вносили свѣтское реальное знаніе, но это знаніе еще не заключало въ себѣ задатковъ новой литературы; скорѣе мы найдемъ эти задатки въ другомъ теченіи, которое представлялъ собою Теофанъ, въ томъ теченіи, которое органически развивалось изъ кievской школы. Словомъ, реформа сама по себѣ не создавала новой литературы, но доставляла для ея развитія благоприятную почву и оказала ей сильную помощь распространеніемъ свѣтскаго знанія.

Подтверженіе этого мы находимъ и въ теченіе перваго времени послѣ Петра. Говоря о послѣ-петровской литературѣ, у насъ прежде вообще думали, что новая литература была именно создана реформой. Въ прямомъ смыслѣ это положительно невѣрно. Было бы трудно представить, чтобы правительственная власть могла создавать литературное движеніе, когда бы не было еще внутреннихъ данныхъ для его развитія—не было поэтическаго, нравственнаго, научнаго содержанія, которое искало бы себѣ выраженія, не было лицъ, одушевленныхъ этимъ содержаніемъ и извѣстной долей дарованія, не было привычныхъ формъ, въ которыхъ могли бы сложиться литературныя произведенія. Если реформа сообщала до извѣстной степени нѣкоторую долю упомянутаго необходимаго содержанія возбужденіемъ общественно-политическаго интереса, сообщеніемъ нѣкоторыхъ научныхъ знаній, заявленною борьбою противъ стариннаго застоя, то она нисколько не удовлетворяла другихъ требованій, необходимыхъ для созданія литературы. Дѣйствительно, за все время царствованія Петра мы не находимъ почти ни одного проявленія собственно литературнаго интереса: единственное, что принадлежитъ въ нѣкоторой степени къ литературному созданію, заключается въ проповѣди, въ „Завѣщаніи“ Посошкова, въ силлабическихъ виршахъ, полу-церковной драмѣ,—но все это было и прежде: въ проповѣдь стариннаго стиля вносились только черты новой жизни, и нѣкоторое видоизмѣненіе этого стиля въ проповѣди Теофана было только его личной инициативой, которая въ этой спеціальной области оставалась потомъ безъ вліянія; „Завѣщаніе“ Посошкова было новой формаціей „Домостроя“; силлабическія вирши появляются у насъ еще съ начала XVII-го вѣка, если не раньше.

Такимъ образомъ въ литературныхъ формахъ въ полной мѣрѣ продолжается старое преданіе. Оно продолжается и въ другомъ отношеніи: область книги за Петровское время сравнительно съ прежнимъ чрезвычайно расширилась; въ прежнемъ, исключительно

церковному содержанію прибавилось много чисто свѣтскаго, научно-практическаго, впервые прибавилась извѣстная доля публицистики, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжается та же старая „письменность“. Во-первыхъ, самая борьба общественныхъ силъ, возбужденныхъ реформой, продолжается на почвѣ богословской полемики, какъ та, каковую пришлось вести Теофану съ его противниками. Во-вторыхъ, эта литература продолжаетъ, какъ въ старину, оставаться почти исключительно рукописной: полемика, въ которую вкладывалась борьба самыхъ жгучихъ интересовъ, заключена въ рукописныхъ сочиненіяхъ, какъ нѣкогда полемика монаха Евѳимія, братьевъ Лихудовъ и Сильвестра Медвѣдева; сочиненія Теофана, и между прочимъ его академическіе курсы, которые могли бы имѣть большое значеніе для дальнѣйшей церковной школы, были изданы лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ его смерти, уже въ семидесятыхъ годахъ; въ свое время остался неизданнымъ самый „Камень вѣры“ (напечатанъ былъ только по смерти Яворскаго) и „Молотокъ“ на него; во времена Петра, какъ въ XVII вѣкѣ, продолжали ходить по рукамъ „тетради“—единственная форма литературнаго обращенія (оставшаяся и надолго послѣ, по обстоятельствамъ цензурнымъ); „Книга о скудости и богатствѣ“ писалась въ великой тайнѣ.

Въ значительной мѣрѣ тотъ же литературный обычай, та же „письменность“ продолжается и послѣ Петра. Первый писатель, съ котораго начинаютъ „послѣ-Петровскую“ литературу, Кантемиръ, принадлежитъ въ разныхъ отношеніяхъ еще этому старому порядку вещей. Литературные историки прежняго времени придавали его произведеніямъ особое предзнаменующее значеніе: первый писатель новой эпохи былъ сатирикъ, и это предвѣщало будто бы одинъ изъ двухъ путей нашей литературы въ дальнѣйшее время, гдѣ она была съ одной стороны панегирикъ, съ другой сатира. Но своимъ современникамъ Кантемиръ былъ извѣстенъ въ печати только трудомъ чисто церковническимъ въ старинномъ стилѣ—„Симфоніей“ на псалтырь (1727); затѣмъ, при его жизни явился еще его переводъ „Разговоровъ о множествѣ міровъ“, Фонтенеля (1740), и уже только долго спустя послѣ его смерти были изданы его сатиры и другія стихотворенія (Спб. 1762); но передъ тѣмъ они вышли только во французскомъ переводѣ, и опять послѣ его смерти, въ Лондонѣ (1749 и 1750 г.). Такова была странная судьба писателя, который долженъ былъ „предзнаменовать“ сатирическое направленіе нашей литературы: его сочиненія остаются любопытнымъ свидѣтельствомъ *невъсказаннаго* настроенія наиболѣе образованныхъ людей

той эпохи, но онѣ вовсе не были литературнымъ фактомъ той эпохи, потому что въ свое время были только личнымъ трудомъ любителя, не перешедшимъ въ общее достояніе современныхъ читателей. Его сатиры переписывались (хотя, повидимому, все-таки въ довольно ограниченномъ кругу), но онѣ не стали нормальнымъ литературнымъ явленіемъ, способнымъ дѣйствовать въ обширномъ кругѣ общества и производить обычное литературное вліяніе; онѣ стали литературнымъ фактомъ только въ то время, когда во всякомъ случаѣ успѣли значительно устарѣть и по своему содержанію, и особливо по формѣ: ихъ стиль и языкъ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка былъ анахронизмомъ, когда въ нашей литературѣ былъ Ломоносовъ и уже готовились Державинъ и Фонъ-Визинъ. Такимъ образомъ Кантемиръ въ свое время является съ чертами архаическаго писателя XVII вѣка: его сочиненія распространяются еще только какъ „тетради“ того вѣка, когда писатель, чтобы сдѣлать свой трудъ извѣстнымъ, самъ переписывалъ его въ нѣсколькихъ экземплярахъ или нанималъ писца, и раздавалъ книгу пріятелямъ; затѣмъ, въ случаѣ ея интереса, находились добровольные переписчики и книга могла дойти и до непріятелей, которые опять тѣмъ же способомъ писали и распространяли въ спискахъ свои возраженія и т. д. Такимъ же образомъ было это съ сочиненіями Теофана; такимъ же образомъ оставался въ рукописи огромный трудъ Татищева по русской исторіи и т. д. Если мы взглянемъ на то время, до самой второй половины XVIII вѣка, съ обыкновенной литературной точки зрѣнія, мы найдемъ опять только „письменность“, съ ограниченнымъ кругомъ распространенія сочиненій или даже съ полной неизвѣстностью ихъ для современниковъ, какъ было, напримѣръ, относительно „Книги о скудости и богатствѣ“: это были какъ будто только труды частныхъ любителей, которые и не думали о печати и большой публикѣ, предназначали свою работу только для небольшого круга друзей или давали своимъ сочиненіямъ видъ дѣловыхъ записокъ для представленія властямъ, какъ книга Посошкова. Такимъ образомъ въ наличномъ печатномъ составѣ литературы первой половины XVIII вѣка совсѣмъ не было многихъ замѣчательныхъ произведеній того времени, которые явились въ свѣтъ только гораздо позднѣе, напр. во времена Екатерины II, или же, оставаясь совсѣмъ неизвѣстными въ свое время, являются впервые въ печати только въ наше время; онѣ бывали отрываемы въ старыхъ рукописяхъ на подобіе того, какъ открываются памятники древней письменности: такъ было съ произведеніями Посошкова; нѣкоторыя сочиненія Теофана оста-

лись совсѣмъ неизвѣстны; многія сочиненія Кантемира явились въ печати только въ новѣйшемъ изданіи 1867—1868 года; послѣдній, пятый, томъ Россійской Исторіи Татищева былъ изданъ только въ 1847 году, и т. д.

Это положеніе вещей, какъ увидимъ, имѣло свои причины и въ общемъ характерѣ времени, и въ различныхъ частныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь продолжается въ значительной степени обычай старыхъ временъ: литература еще остается письменностью; напечатаніе книги было еще дѣломъ официальныхъ вѣдомствъ; писатель, какъ князь Кантемиръ, не рѣшался являться съ своимъ произведеніемъ на общественную сцену. Въ это время еще въ большой мѣрѣ „печатный листъ казался быть святымъ“, потому что въ прежнее время печатались обыкновенно только церковныя книги, съ благословенія святѣйшаго патріарха, а со временъ Петра—или съ разрѣшенія церковныхъ властей, или по повелѣнію царскаго величества.

Но если не было литературы въ настоящемъ значеніи слова, то, какъ и прежде, въ извѣстномъ кругу и при ограниченномъ распространеніи сочиненій, тѣмъ не менѣ совершалось постоянное развитіе литературныхъ идей, научныхъ и общественныхъ понятій, совершалось съ извѣстной логической послѣдовательностью. Какъ мы уже видѣли на примѣрѣ церковныхъ и образовательныхъ идей Теофана, на писаніяхъ Посошкова, внутренняя работа общественной мысли въ смыслъ „обновленія“ возникала независимо отъ непосредственныхъ возбужденій Петровской реформы, но совпадала съ ея общимъ характеромъ и потому становилась ея новымъ орудіемъ, а вмѣстѣ получала отъ нея поддержку. Такъ было и теперь. Разъ заброшенная и сознанная мысль продолжала дѣйствовать въ своемъ направленіи; нѣсколько расширенное образованіе порождало новыя умственные потребности и внушало болѣе опредѣленные взгляды на существующіе нравы, на обычное содержаніе понятій; являлась потребность критики, которая все болѣе усиливалась знакомствомъ съ иностранными литературами, хотя на первое время не весьма обширнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ являлось и знакомство съ новыми литературными формами и желаніе усвоить ихъ своей литературѣ. Все это развивалось естественно и само собою; послѣ Петра это движеніе продолжалось въ томъ же направленіи. Кругъ писателей или людей заинтересованныхъ литературой былъ невеликъ, но съ каждымъ новымъ лицомъ, съ каждымъ отгѣнкомъ поколѣнія прибавлялась новая черта содержанія, новый слой западныхъ литературныхъ вліяній и новый шагъ въ литературныхъ приобрѣтеніяхъ. Эти черты при-

бавляются такъ постепенно и послѣдовательно, что трудно найти какое-нибудь опредѣленное начало новаго направленія, — но послѣ известнаго промежутка времени мы замѣчаемъ все большія отклоненія отъ старины, которыя доходятъ наконецъ до полнаго противорѣчія. Это не есть явленіе какой-либо внезапной категорической реформы, а напротивъ — явленіе медленнаго постепеннаго развитія или, какъ теперь предпочитаютъ говорить, эволюціи. Это явленіе тѣмъ болѣе характерно, что послѣ Петра совершенно отсутствуетъ тотъ духъ преобразования, который въ его время былъ сильной нравственной, а нерѣдко и фактической опорой новаго направленія; напротивъ, бывали времена настоящей реакціи, когда „находились не въ авантажѣ“ не враги реформы, а ея приверженцы, и тѣмъ не менѣе умственная работа продолжалась съ одной стороны потому, что логически развивались однажды возбужденныя потребности, а съ другой — потому что среди ничтожныхъ преемниковъ Петра еще оказывали вліяніе преданія его славы.

Вникая въ подробности литературной жизни первой половины XVIII вѣка, мы постоянно встрѣчаемся съ отголосками старины, въ которымъ все сильнѣе примѣшиваются черты новаго міровоззрѣнія и новыя литературныя формы. Какъ литература все еще въ большой степени остается „письменностью“, такъ въ образованіи, литературныхъ формахъ и языкѣ отзываются взгляды и приемы старины. Дѣятели новой литературы, какъ прежде кіевскіе ученые, проходятъ обыкновенно церковную школу. Кантемиръ учился въ славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ, потомъ въ академической гимназіи въ Петербургѣ. Тредьяковскій учился сначала у католическихъ миссіонеровъ въ Астрахани, потомъ также въ московской академіи, пока наконецъ случайно попалъ за границу. Ломоносовъ, совсѣмъ въ старомъ духѣ, началъ учиться по церковнымъ книгамъ, среди поморскаго раскола, былъ даже два года въ безпоповщинѣ, учился потомъ въ московской и кіевской академіяхъ и въ академической гимназіи въ Петербургѣ, наконецъ поѣхалъ за границу. Другіе дѣятели Петровскихъ и первыхъ послѣ-Петровскихъ временъ были вообще всего чаще питомцы московской или кіевской академіи; одинъ Татищевъ учился въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ Брюса, а потомъ набирался познаній за границей. Ученѣйшій человекъ этого времени былъ, безъ сомнѣнія, Теофанъ, духовное лицо. Путешествія за границу съ цѣлями образованія были дѣломъ новымъ; но мы видѣли, что уже задолго до Петра русскихъ молодыхъ людей тянуло за границу, какъ упомянутаго сына боярина Ордина-Нащокина при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; Теофанъ по собственной инициативѣ

отправлялся учиться за границу, въ самое гнѣздо проклинаемаго латинства—Римъ; старые ученые кievской школы поощряли путешествія за границу, какъ самъ Дмитрій Ростовскій; онъ восхвалялъ и считалъ счастливою ту страну, которая производитъ учениковъ лучшихъ мужей, какими были западные писатели; не мудрено, что вслѣдъ за нимъ восхваляетъ Германію, какъ страну высокой науки, Теофанъ. Такимъ образомъ и здѣсь можно возвести новый обычай къ до-Петровской традиціи. Но естественно, что съ каждымъ поколѣніемъ образовательный интересъ, которому хотѣли удовлетворить путешествіемъ за границу и чтеніемъ иностранныхъ книгъ, постоянно расширялся и обращался на новыя отрасли науки и литературы. Если уже Петръ Великій, по собственной инициативѣ или по совѣту съ своими учеными людьми, старался дать русскимъ читателямъ книги по разнымъ отраслямъ науки,— по исторіи, политикѣ, географіи, космографіи, не говоря о техническихъ книгахъ, связанныхъ съ военнымъ дѣломъ, и между прочимъ книги знаменитыя тогда въ Европѣ, какъ сочиненія Пуффендорфа, Гюйгенса, Стратемана, и т. д., то понятно, что любознательные люди новаго поколѣнія стремились знакомиться съ разнообразными отраслями европейской литературы: Теофанъ ведетъ переписку съ знаменитымъ протестантскимъ теологомъ Буддеемъ; питомецъ и молодой другъ Теофана Кантемиръ, живя за границей, заводитъ тамъ литературныя связи и уже находится въ сношеніяхъ съ Вольтеромъ; Татищевъ расширяетъ за границей свои техническія знанія, а рядомъ съ этимъ знаетъ сочиненія Бэйля; Тредьяковскій слушаетъ лекціи въ Парижѣ и первый изъ молодыхъ поколѣній тогдашнихъ писателей стремится усвоить ученія французской псевдо-классической школы; Ломоносовъ въ заграничной школѣ полагаетъ основу тѣхъ обширныхъ знаній, которыя сдѣлали его первымъ русскимъ ученымъ естествоиспытателемъ. Словомъ, всѣ эти факты носятъ на себѣ печать вполне естественнаго развитія, не вынужденнаго какимъ-либо насиліемъ деспотическаго реформатора, а прямо отвѣчавшаго внутренней потребности умовъ. Въ этомъ движеніи участвуютъ одинаково люди самыхъ различныхъ положеній, изъ разныхъ концовъ Россіи, съ различными условіями жизни и школы. Въ одномъ направленіи сходились и высокопоставленный іерархъ старой кievской школы, но съ сильнымъ умомъ, приходившій самостоятельно къ отрицанію старой бесплодной схоластики и къ вѣрѣ въ „книгу критику“; и молодой молдавскій князь, учившійся въ Россіи и обрусѣвшій; и отпрыскъ стараго боярства Татищевъ, котораго первоначально учили только техническимъ наукамъ, пригоднымъ

для военной службы, и поповичъ Тредьяковскій, котораго судьба занесла изъ Астрахани въ Парижъ; и поморскій крестьянинъ Ломоносовъ, который, вышедши изъ безпоповщины, сталъ первостепеннымъ натуралистомъ и писателемъ. Очевидно, всѣхъ захватывала одна волна историческаго процесса: для всѣхъ, ихъ трудъ и стремленія были дѣломъ собственнаго глубокаго убѣжденія, неистребимой потребностью ихъ внутренней жизни.

На эти условія тогдашняго движенія надо указать потому, что, какъ мы не разъ видѣли, до сихъ поръ повторяются отголоски того противо-историческаго взгляда, что Петровская реформа, а съ нею все къ ней примыкавшее, ей параллельное и изъ нея потомъ происходившее, были нарушеніемъ нормальнаго развитія русской національной жизни. Этотъ взглядъ поддерживался цѣлой теоріей, которая рядомъ софизмовъ хотѣла доказать высокія достоинства древне-русскаго политическаго и нравственнаго строя и полное паденіе этой идеальной старины подъ ударами бюрократическаго деспотизма, рабски перенимавшаго чужеземные обычаи: намъ еще недавно говорили, что должно страхнуть съ себя утвердившееся тогда рабское подчиненіе гнилому западу и вернуться куда-то „домой“... Но достаточно обратиться къ осязательнымъ фактамъ, чтобы распалась эта иллюзія. Петровское время было временемъ отчаянной борьбы, когда народившаяся и сознательная историческая потребность большаго простора для національной жизни встрѣтилась съ упорнымъ сопротивленіемъ приверженцевъ старины. Борьба объясняетъ тѣ крайности, которыя при этомъ были совершены и которыхъ необузданность, должно сказать, была подготовлена русскими же нравами со временъ Ивана Грознаго и опричнины. Эта необузданность можетъ быть объяснена, хотя не оправдана, — но самая борьба была совершенно естественна. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отвѣчала эта старина на очевидную потребность въ новомъ знаніи? Она отвѣчала только фанатической ненавистью ко всякому новому знанію и ко всѣмъ поганымъ иноземцамъ, а въ своемъ книжномъ содержаніи не могла бы найти ничего похожаго на настоящее научное знаніе. Въ этомъ отношеніи невѣжество самыхъ „ученыхъ“ старинныхъ книжниковъ было полное. Въ концѣ концовъ эти книжники должны были допустить въ Москву кіевскихъ ученыхъ, хотя постоянно сомнѣвались въ чистотѣ ихъ православія ¹⁾. Старина не основала

¹⁾ Чрезвычайно характерно, что когда, послѣ кратковременной побѣды „греческаго ученія“ при патриархѣ Іоакимѣ, въ московской академіи и въ самой іерархіи снова возобладала „латинская часть“, іерусалимскій патриархъ Досифей, ревностный защитникъ стараго церковнаго авторитета (между прочимъ укоровшій Стефана Явор-

никакой школы, которая способна была бы распространять хотя элементарныя познанія: Петру приходилось основывать „цыфирныя“ школы; Посошковъ самъ съ великимъ трудомъ научился грамматикѣ. Старый порядокъ грозилъ прямо національнымъ отупѣніемъ, въ родѣ китайскаго. Новѣйшіе обличители реформы утверждаютъ, будто бы возможенъ былъ другой, болѣе мирный и постепенный путь образованія, чѣмъ тотъ, какой установился вслѣдствіе реформы. Но былъ фактъ, показывающій, что Петръ, въ своихъ первыхъ поискахъ за средствами расширить школу, обращался и къ патриарху Адріану, но не встрѣтилъ съ его стороны никакого содѣйствія¹⁾. Оставалось спрашивать иноземцевъ, самому отправиться за границу, посылать туда же молодыхъ людей въ науку, основывать цыфирныя школы, а изъ кievскихъ ученыхъ взять въ свои сотрудники такого человѣка, какъ Теофанъ.

Мы видѣли, что дѣло образованія, какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него во второй четверти столѣтія шло въ сущности очень медленно. Но когда тѣмъ не менѣе новое поколѣніе стало ближе знакомиться съ европейскимъ образованіемъ, тѣ явленія, какія мы встрѣчаемъ потомъ, становились совершенно неизбѣжными. Всѣ обвиненія, что люди новой школы забывали народныя начала и заимствовали иноземныя, уравниваются или опровергаются простымъ фактомъ, что именно иноземное, на примѣръ французское, нѣмецкое, голландское, заимствовалось только во внѣшнихъ подробностяхъ быта или какой-либо спеціальной техники, но сдѣлано было бы говорить, что „иноземными“ были ариѳметика, геометрія, геодезія, географія и цѣлый рядъ другихъ наукъ, съ которыми стали знакомиться новыя поколѣнія. Рядомъ съ точными науками становились болѣе или менѣе извѣстны науки нравственныя. Уже Димитрій Ростовскій интересовался Бэкономъ; Теофанъ зналъ и Бэкона, и Декарта; Кантемиръ переводилъ Фонте-

скаго въ латинствѣ), писалъ къ Петру, убѣждая его поставить патриархомъ или митрополитомъ московскаго человѣка, хотя бы и „не мудраго“, и никакъ не ставить челоука ученаго: „Аще прїидуть отсюда (то-есть съ православнаго Востока),—говорилъ онъ,—или сербы, или греки, или отъ много народа, аще бы и случайно были мудрѣйшія и святѣйшія особы, ваше державное и богоутвержденное царство да никогда сотворитъ митрополитомъ или патриархомъ грека, серба или русянина (то-есть малоросса), но москвитянь, и природныхъ москвитянь, аще и *немудрии* суть. Москвитяне хранятъ отеческую вѣру, сущіи *не любопытательни* и не лугавіи челоуки; но странніа (иностраница) и они, иже хождоу здѣ и тамо, могутъ проивести вѣкіа новости въ церкви“ (Труды кievской духовной академіи, 1864, III, стр. 245).

¹⁾ Почитатели старины даже восхваляютъ за это патриарха Адріана (ст. того же названнаго нами прежде Образцова, „Кievскіе ученые въ Великороссіи“, стр. 38).

неля, а Татищевъ ссылается на Бэйля. Такимъ образомъ отголосокъ европейской науки проникалъ еще въ поколѣніе предшествующее Петру, и было совершенно естественно, что она все больше распространялась, когда размножились случаи прямыхъ вліяній европейской школы и жизни, и очевидно, что это не было вовсе какое-либо частное „иноземное“ (французское, нѣмецкое и т. д.) вліяніе, подавлявшее наше національное начало: это было вліяніе движенія цѣлой европейской мысли. При всемъ разнообразіи національныхъ особенностей въ литературахъ западной Европы, ихъ основныя явленія представляли одно общее развитіе, унаслѣдованное отъ эпохи Возрожденія и къ концу XVII вѣка обогащенное великими открытіями въ области точныхъ наукъ и широкимъ развитіемъ критическаго духа. Великіе умы, дѣйствовавшіе въ отдѣльной литературѣ, оказывали вліяніе далеко за ея предѣлами и ихъ мысль становилась общимъ достояніемъ: замѣтимъ притомъ, что до этой поры латинскій языкъ все еще оставался языкомъ науки и облегчалъ ея универсальное распространеніе,—по-латыни писалъ Коперникъ въ половинѣ XVI вѣка и продолжали еще писать Лейбницъ и Ньютонъ въ началѣ XVIII-го. Возможно ли было бы оградить новыя русскія поколѣнія отъ вліянія этой обще-европейской науки, представлявшей высшее тогда развитіе обще-человѣческой мысли? Очевидно, что старина не въ состояніи была бы ничего противопоставить этому процессу мышленія, еслибы находила въ немъ что-либо противорѣчащее своимъ привычнымъ понятіямъ. Было однако не только невозможно отвергать это мышленіе, но необходимо было усвоить его, какъ потому, что съ нимъ была связана не только вся практически необходимая наука, но къ нему должна была неизбежно стремиться развѣ пробужденная мысль. Новая наука становилась потребностью ума, а также и потребностью нравственнаго сознанія.

Первое сопоставленіе стараго содержанія съ тѣмъ новымъ, какое давала европейская образованность, должно было положить рѣзкую грань между старымъ и новымъ міровоззрѣніемъ: это была логическая и нравственная необходимость, которая естественно отразилась фактическимъ столкновеніемъ представителей стараго и новаго порядка. Мы видѣли, какъ еще внѣ вліяній реформы это оказалось даже на старомъ Посошковѣ; у Теофана (который былъ лѣтъ на десять моложе Петра) это столкновеніе выразилось рѣшительнымъ и суровымъ отказомъ отъ старины. Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что этотъ споръ старины и новизны стоялъ даже внѣ воли самого Петра: онъ вовсе не

создалъ его, а былъ только наиболѣе рѣшительнымъ и по своей власти наиболѣе могущественнымъ его дѣятелемъ... Съ тѣхъ поръ русская литература, какъ и исторія русскаго общества въ теченіе не только XVIII, но и XIX-го вѣка, представляетъ эту уже непрерывную борьбу стараго и новаго, которая бывала не однажды прямою борьбой невѣжества и просвѣщенія. Такъ какъ главнымъ источникомъ науки оставался тотъ же могущественно развивавшійся западъ и тамъ же совершалось богатое развитіе возвышеннаго поэтическаго творчества, и русская литература естественно стремилась усвоивать это научное и поэтическое содержаніе, то у насъ и до сихъ поръ отзываются старыя споры о своемъ народномъ и „западномъ“: потребность усвоивать европейское знаніе, вниманіе къ европейскому поэтическому творчеству изображается какъ измѣна своей народности—и приравнивается къ тѣмъ примѣрамъ прежняго времени, когда многіе представители русскаго барства подъ вліяніемъ французскаго воспитанія забывали даже русскій языкъ. Едва ли нужно объяснять, что такіе отталкивающіе примѣры невозможно распространять на цѣлое общество. Исторія нашей литературы съ тѣхъ поръ, какъ началось „обновленіе“ русской жизни, представляетъ, напротивъ, постоянное и все болѣе расширяющееся развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ русскаго общества, возростаніе научнаго знанія и поэтическаго творчества, гдѣ все больше и больше распространяется изученіе исторической и современной народной жизни, и подъ вліяніемъ любви къ народу и путемъ критическаго изслѣдованія достигается впервые національное самосознаніе.

Дѣятельность Теофана по смерти Петра Великаго не представляетъ уже такихъ крупныхъ явленій, какъ прежде, но остается его сильное возбуждающее вліяніе въ небольшомъ кругѣ наиболѣе образованныхъ людей, гдѣ онъ съ полнымъ правомъ занималъ господствующее мѣсто. Смерть Петра вызвала небольшой трудъ, составленный имъ вмѣстѣ съ Теофилактомъ Лопатинскимъ и изданный въ 1726 году: „О смерти Петра Великаго краткая повѣсть“, гдѣ кромѣ разсказа о смерти царя подтверждено и право Екатерины на наслѣдованіе престола. Теофану принадлежитъ знаменитое надгробное слово, которое нѣкогда считалось перломъ краснорѣчія, и другое, сказанное въ томъ же 1725 году въ день Петра и Павла „на похвалу Петра Великаго“. Это—подробное изображеніе личнаго характера Петра и главныхъ событій его царствованія, какъ бы сводъ того, что Теофанъ говорилъ прежде

о его дѣяніяхъ. По мнѣнію его біографа, эта проповѣдь Теофана, какъ блестящая характеристика Петра, не имѣетъ себѣ равной въ нашей литературѣ, за исключеніемъ похвального слова Ломоносова, и она исторически чрезвычайно интересна, какъ первая сознательная оцѣнка дѣяній Петра, данная современникомъ. Теофану и здѣсь принадлежитъ большая доля въ опредѣленіи того пониманія Петра, какое надолго установилось официально и въ литературѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ это была защита и его собственнаго жизненнаго труда въ дѣлѣ реформы. Подавши свой голосъ за Екатерину при ея воцареніи, Теофанъ приобрѣлъ ея благосклонность; но уже вскорѣ его вліяніе стало сильно колебаться: Меншиковъ былъ возстановленъ противъ него, а въ царствованіе Петра II, когда начиналась извѣстная реакція противъ реформы, когда выдвинулась снова старая партія русскаго духовенства и злѣйшій врагъ Теофана, епископъ Георгій Дашковъ, мечталъ даже о патриаршествѣ, положеніе Теофана становилось чрезвычайно труднымъ. Еще при Екатеринѣ сдѣланъ былъ на него первый доносъ „о непристойныхъ словахъ и церковныхъ противностяхъ“; Теофанъ написалъ отвѣтъ, но тѣмъ не менѣе ему повелѣно было не совершать противностей и дѣлалась угроза, что иначе ему „милости показано не будетъ“. Доносчикомъ былъ іеромонахъ Маркелль Родышевскій (позднѣе архимандритъ и даже епископъ), который дѣйствовалъ, однако, не столько самостоятельно, сколько служа орудіемъ многочисленныхъ и непримиримыхъ враговъ Теофана въ высшемъ духовенствѣ школы Яворскаго: это были, напр., Георгій Дашковъ, Теофилактъ Лопатинскій и много другихъ, менѣе извѣстныхъ. Съ тѣхъ поръ жизнь Теофана была поглощена этой борьбой, гдѣ противники не щадили другъ друга, гдѣ церковное разногласіе переводилось въ политическое „слово и дѣло“, гдѣ ревнитель просвѣщенія превращался, наконецъ, въ церковнаго и политическаго инквизитора. Не будемъ пересказывать длинной и тагостной исторіи этой борьбы, которая подробно разсказана историкомъ Теофана по множеству подлинныхъ дѣлъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ ¹⁾). Объясненіе ея очень просто. „Теофанъ, — говоритъ его историкъ, — цѣлую жизнь не считалъ безопаснымъ своего положенія. Между прочимъ таково было и время, что въ смутахъ и интригахъ низвергали одинъ другого, чтобы въ свою очередь и себѣ ожидать такой же участи. Теофанъ всѣми силами души вдался въ этотъ водоворотъ и кружился въ немъ до самой смерти. Сколько людей погубилъ онъ совершенно напрасно,

¹⁾ Чистовичъ, „Теофанъ Прокоповичъ и его время“. Слб. 1868; X и 727 стр.

вмучилъ, сжегъ медленнымъ огнемъ пытки и заточенія — безъ всякаго состраданія и сожалѣнія!“¹⁾

Настоящая инквизиція была, конечно, въ тайной канцеляріи, но Теофанъ не пропускалъ ни одного неосторожнаго слова своихъ противниковъ, всякое нападеніе на свои церковныя мнѣнія представлялъ какъ нападеніе на правительственныя мѣры, и дѣло переходило въ тайную канцелярію. По восшествіи на престолъ Анны Ивановны, Теофанъ снова занялъ вліятельное положеніе: онъ былъ противъ верховниковъ и на сторонѣ тѣхъ, которые способствовали разрушенію ихъ замысловъ; еще въ трудное для него время Петра II онъ былъ въ дружбѣ съ Остерманомъ, который былъ тогда его защитникомъ, — а теперь онъ былъ въ дружбѣ и съ Бирономъ, и это послѣднее оставило тѣнь на его имени. Впослѣдствіи уже князь М. М. Щербатовъ укорялъ Теофана, что онъ „жертвовалъ законъ изволеніямъ Бирона“, но, какъ мы видѣли, по словамъ новѣйшаго историка, его собственная судьба висѣла на волосѣхъ.

Раздраженіе было, однако, такъ велико, что враги Теофана и теперь продолжали нападать на него съ явными доносами и тайными подметными письмами. Отвѣтомъ на нихъ были розыскы и пытки тайной канцеляріи; по старинному „судопроизводству“, туда попадали не только прямыя подсудимые, но всѣ, кто какимъ-либо образомъ былъ съ ними связанъ, такъ что дѣла разрастались въ громадныя размѣры. „Даже издали, — говоритъ историкъ, — на разстояніи почти полуторыхъ вѣковъ, страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками! Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія: вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Москву, въ Петербургъ, неизвѣстно куда: за что? Когда-то, годъ-два назадъ, онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ! О чемъ они разговаривали — вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, страхи и пытки! Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ, и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не авалъ за собой никакой вины“²⁾.

Но была здѣсь другая сторона. Если ужасны были тѣ средства, какими велась борьба, — гдѣ въ случаѣ успѣха враговъ Теофана ему грозила та же судьба, какую онъ готовилъ имъ, — то

¹⁾ Чистовичъ, стр. 348.

²⁾ Тамъ же, стр. 353.

Оеофанъ могъ имѣть на своей сторонѣ увѣренность, что онъ защищаетъ не только свой личный интересъ, но и все дѣло Петра, дѣло просвѣщенія и преобразованія Россіи. Толпа его враговъ, по его собственному убѣжденію, представлялась ему „факціей темныхъ людей“, которая грозила возвращеніемъ стараго мрава и застоя, и онъ не совсѣмъ въ этомъ ошибался. Самъ лично онъ стоялъ несомнѣнно выше своихъ враговъ и, по замѣчанію Соловьева, за Оеофана были тѣ, кому дорогъ былъ новый порядокъ вещей, новорожденное русское просвѣщеніе, тѣ, въ глазахъ которыхъ ударъ, нанесенный Оеофану, былъ бы тяжелымъ ударомъ этому просвѣщенію,—такъ это было не только въ глазахъ самихъ русскихъ, но и въ глазахъ иностранцевъ: здѣсь Оеофанъ естественно могъ найти союзника и защитника въ Остерманѣ. Для самой борьбы съ Оеофаномъ были бы нужны болѣе сильные люди, чѣмъ тѣ, которые возставали тогда противъ него. „Оеофанъ Прокоповичъ,—говоритъ Соловьевъ,—могъ быть свергнутъ только такимъ же Оеофаномъ Прокоповичемъ, но никакъ не Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи“¹⁾.

Не останавливаясь на церковныхъ противникахъ Оеофана,—которые теперь, въ благоприятное для нихъ время Петра II, между прочимъ, издали „Камень вѣры“, вызвавшій горячую полемику, гдѣ приняли участіе также католическіе и протестантскіе богословы,—упомянемъ только объ одномъ, человѣкѣ свѣтскомъ, который также принялъ къ сердцу церковную борьбу и изъ прежнихъ приверженцевъ Петра сталъ злѣйшимъ противникомъ новаго духа. Это былъ Михайлъ Петровичъ Аврамовъ (род. 1681). Онъ рано, еще мальчикомъ, вступилъ на службу въ посольскомъ приказѣ; на восемнадцатомъ году посланъ былъ для письма при послѣ Матвѣевѣ въ Голландію, гдѣ кромѣ того учился живописи „и за прилежное обученіе тамошними жителями былъ похваленъ и печатными курантами опубликованъ“. Вернувшись въ Россію, онъ былъ представленъ царю и потомъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ дьякомъ Оружейной палаты. Въ 1712 онъ переведенъ былъ въ Петербургъ съ своими мастеровыми людьми, назначенъ цейх-директоромъ оружейной канцеляріи и, по приказанію Петра, занялся устройствомъ петербургской типографіи. Этой типографіей онъ управлялъ нѣсколько лѣтъ, и въ своей автобіографіи Аврамовъ рассказываетъ, что пользовался милостями Петра, который между прочимъ поручилъ ему составленіе исторіи своего царствованія („полной исторіи о житіи и о премудрыхъ его

¹⁾ Исторія Россіи, XIX, стр. 186.

величества монаршескихъ, Богомъ дарованныхъ, преславныхъ его дѣлахъ и неусыпаемыхъ трудахъ и подвижѣхъ"). Этотъ трудъ Аврамова неизвѣстенъ, хотя онъ говоритъ, что работалъ надъ исторіей цѣлыхъ шесть лѣтъ, — „которые мои труды были его величеству весьма благоугодны, и между своими и чужестранными министры отъ его величества оныя мои труды стали быть славны“. Въ Петербургѣ Аврамовъ жилъ очень весело. Какъ зять кабинета-секретаря Макарова и какъ директоръ типографіи, онъ былъ близокъ царю, котораго не разъ угощалъ въ своемъ домѣ; по его собственному разсказу, онъ, „разгордѣвся, потерялъ отъ Бога дарованное смиренномудрое житіе и оттолкъ совершенно уже началъ жить языческихъ обычаевъ погибельное, пространное и широкое, славолубное и сластолюбное житіе и, забывъ страхъ Божій, впалъ во всякія тѣлесныя прелестныя непотребныя міра сего непрестанныя роскошныя дѣла и забавы“, наконецъ, „въ прочія безумныя дѣла и злодѣйства“. Необузданный развратъ кончился, какъ нерѣдко бываетъ, тѣмъ, что Аврамовъ сталъ ханжой и изуверомъ. Самъ онъ обратился къ благочестивому житію и сдружился съ противниками Теофана, который ему также казался врагомъ истинной вѣры. Аврамовъ началъ подавать проекты всѣмъ государямъ, начиная съ Петра I, Петру II, Аннѣ Ивановнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. Проекты оставались безъ результата, но нѣкоторыя изъ предложеній Аврамова направлены были противъ Теофана, и въ концѣ концовъ онъ былъ запутанъ въ упомянутые процессы. Въ 1732 году Аврамовъ былъ заточенъ въ Иверскомъ монастырѣ; въ 1737, уже по смерти Теофана, Аврамовъ, обвиненный въ „преступленіяхъ немаловажныхъ“, сосланъ былъ въ Охотскій острогъ и имѣніе его было конфисковано, — но въ царствованіе Елизаветы онъ опять оказывается въ Петербургѣ и опять подаетъ проекты. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивается его фанатизмъ, который біографамъ его напоминаетъ протопопа Аввакума.

Уже въ первомъ проектѣ, поданномъ Петру, Аврамовъ, предлагая учредить государственныхъ адвокатовъ, которые вели бы судныя дѣла, заботились о колодникахъ, больныхъ въ госпиталяхъ, о бѣдныхъ рабочихъ, совѣтуетъ также учредить надзоръ за благочестіемъ народа. Нужно было напечатать „малыя тетрадки“ съ главнѣйшими молитвами и раздать ихъ въ народѣ, и устроить это такъ: „повелѣть во всемъ государствѣ всякаго чина жителямъ избирать между собою людей смысленныхъ ежегодно, и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ ихъ помощниковъ въ каждой дворовъ тысячѣ“; эти директора и ихъ помощ-

нии должны были вести своимъ дворамъ переписныя книги о положенныхъ сборахъ, о „всякомъ человѣческомъ нравоученіи“ и о призрачнѣи бѣдныхъ. При посредствѣ директоровъ архіереи и священники должны были раздать „каждой персонѣ“ упомянутыя тетрадочки: „имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетрадочку всякому, поучая страха Божія обучатися, и тое раздачу отмѣчать въ переписныхъ книгахъ; по которымъ тетрадочкамъ въ слѣдующій годъ предъ ними каждому отвѣтствовать... За подкомандными смотрѣть накрѣпо, чтобы были въ своихъ опредѣленныхъ дворѣхъ *по вся дни* съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домовыхъ, прочтены были вышереченныя тетрадочки, о чемъ *по вся дни* репортовать директорамъ *письменно*“ (!). Такимъ образомъ онъ предполагалъ какъ бы отдать весь народъ подъ церковно-полицейскій надзоръ. Невысказанная цѣль была въ томъ, чтобы замѣнить этими тетрадочками Теофаново „Первое ученіе отрокомъ“, которое было ревнителямъ старины ненавистно, потому что учебная книжка Теофана рѣзко говорила противъ религіозныхъ суевѣрій. Въ другихъ проектахъ Аврамовъ настаивалъ на отмѣнѣ присяги на подданство, придуманной Теофаномъ, на пересмотрѣ законовъ для согласованія ихъ съ правилами св. отецъ, на возвращеніи духовенства „въ древнее благочиніе“, наконецъ, на восстановленіи патріаршества. Теофанъ, въ обличеніяхъ Аврамова, есть злѣйшій и коварный врагъ истинной вѣры и благочестія: это — „обманщикъ“, „хитрецъ“, „проклятый воръ“, который извратилъ всѣ догматы, подвопалъ душеспасительное житіе и „подъ тончайшимъ злоумышленнымъ покрываломъ свободно уже вводитъ во всемъ неправое, тщеславное, слабое, распутное, сластолюбное и славолюбное языческихъ обычаевъ погибельное житіе, которое и во иностранцахъ“.

Въ автобіографіи, — которая вошла въ челобитную Аврамова къ императрицѣ Елизаветѣ, — онъ съ своей позднѣйшей благочестивой точки зрѣнія съ ужасомъ рассказываетъ о тѣхъ соблазнахъ, какіе совращали его съ истиннаго пути, когда онъ былъ директоромъ петербургской типографіи.

По его мнѣнію, эти соблазны произвелъ не кто иной, какъ „исконный всякаго христіанскаго добра завистникъ, лукавый сатана“ за его „небрежное роскошное житіе“; а именно обаянный внушилъ ему „якобы для навязшей его величеству рабской моей доброй послуги, надобно просить у его величества новопереведенныхъ и его величеству отъ нѣкоторыхъ якобы разумныхъ людей поднесенныхъ, Овидіевыхъ и Virgilіевыхъ язы-

ческих книжичищъ, для прочитанія и вѣденія изъ нихъ о языческихъ фабулахъ“. Царь пожаловалъ ему эти книги и Аврамовъ читалъ ихъ съ охотою „денно и ношно“ и „читаніемъ ихъ обезумился“, выпросилъ даже указъ объ ихъ напечатаніи и „краткую изъ оныхъ одну книжицу выбравъ съ абрисами лицъ северныхъ боговъ и прочаго ихъ сумазброднаго дѣйства, въ печать издалъ“¹⁾. Вслѣдствіе такихъ вещей „отъ Бога дарованный, смиренномудрый умъ“ Аврамова „сталъ быть весьма помраченъ“, но за то онъ сталъ очень угоденъ міролюбцамъ и, хотя именно тогда онъ безумствовалъ, „разглашенъ отъ многихъ умнымъ человѣкомъ“. Тогда онъ предался упомянутому выше развратному житію, но по Божіей милости онъ сознавалъ иногда свои грѣхи и однажды послѣ усердной молитвы благодать коснулась его окаменлаго сердца и тогда онъ началъ жить во всякомъ воздержаніи: „борясь денно и ношно съ плотію, съ міромъ и съ сатаною“, онъ возвѣмѣлъ намѣреніе оставить міръ, надѣлъ тайно власницу и, чтобы укрыть предъ всѣми свое житіе, оговаривался, что имѣлъ тяжкую чахотную болѣзнь и свою „воюющую плоть до конца истинилъ и умертвилъ“. Но лукавые люди и сами бѣсы, конечно, не оставили его въ покоѣ; послѣдніе, кажется, въ особенности занялись имъ въ это время, и Аврамовъ такъ рассказываетъ о своей борьбѣ съ ними: „Въ таковой же моей жизни еще и случались на меня отъ бѣсовъ и отъ самого сатаны, и отъ угодниковъ его, злоковарныхъ, лукавыхъ, завистливыхъ человѣкъ частыя нападенія: овогда разными нечистыми сонными привидѣніями смущая чистые мои помыслы, овогда и явно отстрашивая отъ заложнаго житія моего, разными прелестными помыслами колеблюще чистую мою совѣсть; иногда ночью бѣсы взломали подо мною полъ свѣтлицы моея, который обычно прибитъ былъ гвоздьми прибойными; иногда же на зарѣ утренней въ свѣтлицахъ моихъ учинили страшный громъ невидимой нѣкакой тяжелой вещи вѣтаніемъ; овогда въ банѣ моей такъ полъ и полки взломали, что и смотрѣть было удивительно, и тоя жъ ночи, увязя голову въ ясличныхъ поперечникахъ, удавили возника моего; и прочія множественныя малосносныя терпѣнію человѣческому между женою и всѣми людьми моими смущенія, унынія и пустошныя ссоры и неспокойства непрестанно наносили; но, по милости Иисусъ Христовъ, отъ злохитраго его сатанинскаго и угодниковъ его лукавыхъ человѣкъ многого на меня злоковарнаго нападенія сильно оборонялся трудолюбнымъ и воздержнымъ житіемъ, молитвою и

¹⁾ О какомъ изданіи говорить здѣсь Аврамовъ, пока не выяснено.

постомъ" ¹⁾. Онъ подвигся тогда на обличеніе „лукавыхъ вымысловъ еретиковъ Θεодосія (Яновскаго), Θεοφана и Гавріила (Бужинскаго) и прочихъ ихъ единомышленниковъ" и подалъ о томъ челобитную самому царю „съ довазами", и по словамъ Аврамова царь, „уединительно" долго и милостиво съ нимъ бесѣдовавши, воздержалъ „лукавыя вымыслы". „Отчаянные смѣльчаки" на нѣкоторое время утихли, но потомъ „паки мало-по-малу возникли и, паче прежняго укрѣпясь, провели его величество и въ сочиненномъ ими и отъ нихъ названномъ Духовномъ Регламентѣ подписаться и, подъ тѣмъ монаршескія руки страхомъ, духовныхъ и мірскихъ особъ, безъ разсмотрѣнія о крыющихся въ ономъ Регламентѣ ересяхъ, всѣхъ принудили подписаться". Видимо, царь не убѣдился обличеніемъ „лукавыхъ вымысловъ". Аврамову пришлось бороться съ нечестіемъ и по другимъ поводамъ. А именно, въ 1716 году, генераль Яковъ Брюсъ поднесъ государю „новопереводную атеистическую книжицицу, со обыльмъ своимъ предъ государемъ въ безбожномъ, въ безумномъ атеистическомъ сердцѣ его гнѣздящимся и крыющимся хитрымъ льщеніемъ, весьма лестно выхваляя оную и подобнаго ему сумазброднаго тоя книжицица автора Христофора Гюенса, якобы оная книжицица весьма умна и ко обученію всенародному благоудна, а наипаче къ мореплаванію весьма надобна, и таковою своею обыклою безбожною лестію умысленно окралъ государя". Царь, „не смотря", велѣлъ Аврамову напечатать цѣлый „выходъ" этой книги ²⁾ „для всенародной публики". Царь затѣмъ уѣхалъ и Аврамовъ рассказываетъ: „по отбытіи его величества, разсмотрѣлъ я оную книжицицу, во всемъ богопротивную, вострепетавъ сердцемъ и ужаснувся духомъ, съ горькимъ слезъ рыданіемъ, палъ предъ образомъ Богоматери, бояся печатать и не печатать; но, по милости Иисусъ Христовъ, скоро положилося въ сердцѣ моемъ, для явнаго обличенія тѣхъ сумазбродовъ безбожниковъ, явныхъ богоборцевъ, напечатать подъ крѣпкимъ моимъ присмотромъ, вмѣсто 1.200 книгъ, токмо 30 книгъ, и оная, запечатавъ, спряталъ до прибытія Государева". По возвращеніи Петра въ Петербургъ, Аврамовъ „трепещущъ поднесъ (напечатанную книгу) его величеству, донесши обстоятельно, что оная книжицица самая богопротивная, богомерзкая, токмо единому со авторомъ и съ безумнымъ лстывымъ ея подносителемъ переводчикомъ Брюсомъ, къ единому скорому угодна въ струбѣ сожженію". Царь не велѣлъ публиковать

¹⁾ Чистовичъ, стр. 263—264.

²⁾ По нынѣшнему, заводъ, 1.200 экземпляровъ.

книги, а напечатанныя „книжичици“ приказалъ отослать „сумасбродному переводчику“. Мы замѣчали уже, что этотъ Гюенсъ, такъ перепугавшій Аврамова, былъ знаменитый Гюйгенсъ, одинъ изъ величайшихъ изслѣдователей XVII вѣка въ области математики, физики и астрономіи. Благодаря Аврамову, это изданіе стало величайшею рѣдкостью. Въ русскомъ переводѣ книга названа была: „Книга мірозрѣнія или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ, и ихъ украшеніяхъ“. Въ предисловіи въ русскому изданію сказано, что „сей пріятный трактатецъ“ былъ съ великимъ почтеніемъ принятъ въ ученое мірѣ: „мы слѣдовали убо господина автора мнѣнію во всемъ, и колико возможно было безъ переиначенія реченія переводили“... Пекарскій въ описаніи книги Петровскаго времени замѣчаетъ, что это изданіе особенно любопытно въ томъ отношеніи, что это была первая книга на русскомъ языкѣ, гдѣ принята была система Коперника ¹⁾. Мы упоминали раньше, что Теофанъ считалъ совершенно возможнымъ принимать систему Коперника, надъ которою, по мнѣнію Стефана Яворскаго, богословы должны были насмѣхаться: система Коперника и долго спустя не могла найти у насъ полного признанія; допускаемая молча въ специальныхъ книгахъ, она продолжала возбуждать недовѣріе и навлекать осужденія даже до весьма недавняго времени—на тѣхъ же основаніяхъ, какия излагалъ благочестивый Аврамовъ... Впослѣдствіи Аврамову пришлось еще разъ перепугаться, когда вышелъ въ свѣтъ переводъ книги Фонтенеля „О множествѣ міровъ“, въ переводѣ Кантемира. Аврамовъ съ негодованіемъ указывалъ, что книги „Гюенса“ и Фонтенеля „землю съ Коперникомъ около солнца обращающуюся и звѣзды многія толикимы же солнцы быти, и особыя многія луны, во многихъ прочихъ глобусахъ, быти утверждають, и на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ, и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ нихъ глобусахъ, таковыми же землямъ, яко же и наша, быти начують, и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, яко же и на нашей землѣ, быти утверждають... И между тѣмъ всѣмъ о *натурѣ* воспоминають, якобы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителямъ и всей даетъ твари: и тако вратчися хитрять вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную“. Аврамовъ подозрѣвалъ, что и здѣсь виновникомъ былъ тотъ же проклятый воръ и хитрецъ, то-есть Теофанъ: „и прилично ли христіанамъ попускать явно, чрезъ печатныя атеистическія кни-

¹⁾ Наука и литература при Петрѣ Великомъ. II, стр. 388—389; ср. тамъ же стр. 656.

жицы, низводить въ небытіе Творца своего и Бога, и облыгать вся Его божественная творенія, дѣла и содѣйствія, въ уничтоженіе и въ погнаніе всего священнаго писанія" ¹⁾).

Въ правленіе Анны Леопольдовны Аврамовъ былъ возвращенъ изъ Охотска. При Елизаветѣ онъ опять сталъ писать проекты, челобитныя, доклады и въ концѣ концовъ написалъ тамъ такихъ вещей, за которыя опять попалъ въ тайную канцелярію. Между прочимъ, за нарушеніе божественныхъ повелѣній онъ сталъ грозить и тѣмъ, что „діади́му на себѣ носить“. Въ тайной канцеляріи онъ содержался въ такъ называемомъ „безвѣстномъ“ отдѣленіи. Несчастный мономанъ и умеръ въ этомъ отдѣленіи въ 1752 году ²⁾).

Теофанъ несомнѣнно былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ тогдашняго русскаго общества и вмѣстѣ самымъ сильнымъ умомъ въ кругу лицъ, дѣйствовавшихъ тогда для образованія и литературы. Мы говорили выше о томъ, какъ стихійно существовали тогда интересы этого рода, но Теофанъ тѣмъ не менѣе становится извѣстнаго рода центромъ, около котораго соединялись въ Петербургѣ образованнѣйшіе люди русскіе и иностранцы. Въ числѣ первыхъ мы увидимъ Кантемира и Татищева; между вторыми были ученые нѣмцы, которыхъ призывали тогда въ только что основанную академію наукъ. Одинъ изъ ученѣйшихъ нѣмцевъ въ академіи былъ извѣстный Зигфридъ Байеръ, которому принадлежитъ, между прочимъ, первая біографія Теофана ³⁾

Еще до открытія академіи, когда шла переписка съ учеными, которыхъ хотѣли пригласить въ Россію, въ ней упоминается уже Теофанъ, какъ лицо авторитетное. Между прочимъ, приглашали Христиана Вольфа, и когда послѣдній опасался, что враждебные ему шпіетисты могутъ повредить ему въ глазахъ русской власти, Шумахеръ успокоивалъ его, ссылаясь на то, что о немъ съ большимъ уваженіемъ отзывался епископъ псковскій: „слѣдовательно, съ этой стороны вы можете быть спокойны“. Біографъ Теофана въ сборникѣ Шерера говоритъ, что онъ „охотно принималъ у себя иностранцевъ православнаго вѣроисповѣданія—

¹⁾ Чистовичъ, стр. 692.

²⁾ Объ Аврамовѣ—въ книгахъ Пекарскаго и Чистовича.

³⁾ А именно, ему съ большей вѣроятностью приписываютъ біографію, помѣщенную въ Nordische Nebenstunden, Шерера, Frankfurt und Leipzig, 1776. Самъ Байеръ умеръ въ 1788. См. предисловіе въ книгѣ Чистовича, и Пекарскаго, „Исторія академіи наукъ“. Спб. 1870, I, стр. 635—636.

гребовъ, славянъ, венгровъ, поляковъ, грузинъ, — странниковъ съ Ливана и Аѳона, — несчастныхъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безъ собственной ихъ вины потерявшихъ имущество и нуждавшихся въ помощи, — художниковъ и студентовъ, ищущихъ пособія, которыхъ рекомендовалъ знатнымъ русскимъ, испрашивая помощи, и которымъ самъ помогалъ щедрой рукой и отпускалъ, снабдивши всѣмъ необходимымъ для жизни... Въ урочные дни раздавалъ милостыню бѣднымъ обоюго пола. Огромныя средства, которыми онъ располагалъ, давали полный просторъ его щедрости. Но онъ не могъ равнодушно видѣть ханжей, суевѣровъ, святошъ, лицемеровъ — преслѣдовалъ ихъ всячески и подвергалъ наказаніямъ“.

„Библиотека его возросла, наконецъ, до 30 тысячъ томовъ лучшихъ изданій. Пользуясь ея сокровищами самъ, онъ охотно давалъ книги и другимъ и вообще своими знаніями, — плодомъ внимательнаго чтенія и наблюдательности, — онъ охотно дѣлился съ другими учеными людьми, которыхъ часто приглашалъ къ себѣ къ обѣду или вечеромъ къ ужину, когда по окончаніи дневныхъ занятій можно было вздохнуть свободно. Это были своего рода антическіе вечера, съ которыхъ всякій выносилъ что-нибудь умное (*peto, nisi doctior egressus*)... Въ кругу близкихъ лицъ, мѣшая шутку съ дѣломъ, онъ былъ гениально остроуменъ, такъ что собесѣдники съ жадностію ловили и старались запомнить его изреченія, аполлоги, притчи... Они стоятъ того, чтобы ихъ собрать и напечатать... У него была поговорка: *uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria*“ (какъ нечего спрашивать о странѣ, изъ которой идетъ хорошее вино, такъ нечего спрашивать о религіи и отечествѣ хорошаго человѣка). Бюграфъ перечисляетъ имена нѣмецкихъ, англійскихъ и шведскихъ ученыхъ, говорившихъ о Теофанѣ съ великими похвалами. Любопытны, наконецъ, нѣкоторыя подробности, которыя мы находимъ въ книгѣ Байера: „*Museum Sinicum*“, которую онъ посвятилъ Теофану. Въ посвященіи Байеръ упоминаетъ объ интересѣ Теофана къ древности и вспоминаетъ объ ихъ бесѣдахъ. „Мнѣ казалось, что я нахожусь въ Греціи и въ тамошнихъ поэтическихъ и риторскихъ или философскихъ школахъ, всякій разъ, какъ только вы начинали о нихъ рѣчь. Я часто смотрѣлъ на васъ, какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ или нелѣпѣйшія мнѣнія философовъ; точно также вы какъ будто вводили меня въ Римъ или въ какой другой городъ Италіи, славный священными или гражданскими памятниками; и когда со мною возоб-

новляли въ памяти многое изъ всякаго вѣва, мнѣ казалось, что я внимаю далеко передъ другими образованнѣйшему человѣку, какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ. Съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ васъ всякій разъ, когда вы описывали мнѣ памятники древняго времени, которые вы видѣли въ Римѣ и прочей Итали, и въ особенности состояніе учености, и рассказывали о прочихъ вашихъ путешествіяхъ и о своемъ, такъ сказать, курсѣ въ занятіи науками. Какое разнообразіе и обиліе!..⁴⁾

Эти слова могли бы казаться преувеличенною похвалою, какъ особенно водилось въ тогдашнихъ посвященіяхъ, но онѣ подтверждаются рядомъ другихъ отзывовъ о чрезвычайно живомъ умѣ и учености Теофана, а главное, его собственными литературными трудами. Кромѣ Байера, у него было еще много друзей и почитателей между учеными нѣмцами въ академіи; таковы были Гроссъ, Гольдбахъ, Шумахеръ, самъ президентъ академіи баронъ Корфъ; ученый изслѣдователь Сибири, Мессершмидтъ, потерявшій въ кораблекрушеніи все свое имущество, нашелъ помощь у Теофана. Въ 1736 году Теофанъ рекомендовалъ академіи, для предпринимаемой тогда ученой экспедиціи въ Сибирь, своего домашняго врача Стеллера, получившаго потомъ почетную извѣстность своими изслѣдованіями въ Сибири.

Такимъ образомъ Теофанъ и здѣсь стоитъ на перепутьѣ между старой и новой Россіей: питомецъ кievской схоластической школы, онъ вступаетъ въ непосредственныя связи съ представителями европейской науки и находитъ среди нихъ высоекое признаніе. Основаніе академіи наукъ, — которая, при всѣхъ странностяхъ ея тогдашняго характера, оказала, однако, большія услуги возникшей русской наукѣ, — и дѣятельность Теофана были первыми крупными фактами, которыми опредѣлялось сближеніе русскаго общества съ европейскимъ образованіемъ. И здѣсь опять происходило вовсе не насильственное принужденіе, а свободное усвоеніе неизвѣстной раньше образованности, которая сама по себѣ имѣла великую привлекательность, потому что удовлетворяла дремавшимъ до тѣхъ поръ потребностямъ мысли и сознанія.

Параллельно съ этимъ сложились и его отношенія въ средѣ образованнѣйшихъ людей русскаго общества. Теофанъ былъ здѣсь совершенно исключительнымъ явленіемъ, которое съ тѣхъ поръ не повторялось уже въ исторіи нашего образованія. Ученый богословъ, могущественный по своему значенію іерархъ, вліятельный

⁴⁾ Чистовичъ, стр. 617 и далѣе.

и въ большой мѣрѣ самостоятельный участникъ въ законодательствѣ, онъ былъ въ то же время наиболѣе передовымъ человѣкомъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія и самой литературы, — потому что до его смерти въ 1736 году не было человѣка, который и въ этомъ отношеніи представлялъ бы такой запасъ собственно литературнаго образованія. Мы видѣли раньше, какъ складывались его понятія о существенныхъ вопросахъ тогдашней церковной и политической жизни и просвѣщенія. Это была цѣлая широкая система, какой впоследствии мы уже не находимъ въ полномъ ея составѣ ни у кого изъ дальнѣйшихъ писателей. Правда, задачи литературы должны были потомъ по необходимости разъединиться, и съ тѣхъ поръ, какъ она развилась именно въ свѣтскомъ направленіи, невозможно было уже совмѣщеніе въ одномъ лицѣ всего ея содержанія; но зато очень долго чувствовалось неблагоприятнымъ образомъ это разъединеніе двухъ направленій образованія, которыя пошли врозь, какъ бы не зная другъ о другѣ. Раздѣлилось образованіе духовное и свѣтское. Первое, какъ мы упоминали, съ сожалѣнію, не въ состояніи было воспринять того освѣжающаго направленія, какое вносилъ уже Теофанъ въ своемъ кievскомъ преподаваніи, вернулось къ старой схоластикѣ, которая съ различными видоизмѣненіями держалась въ церковной школѣ еще до самаго недавняго времени. Въ силу этого, какъ и вообще по всему историческому положенію, какое занимало духовенство послѣдніе два вѣка, оно оставалось чуждо литературѣ свѣтской, въ которой почти исключительно совершалось усвоеніе новаго содержанія въ духѣ европейской науки и поэтического творчества. Съ другой стороны для этой свѣтской литературы былъ старательно закрываемъ доступъ въ область церковныхъ вопросовъ и церковнаго быта. Наконецъ, все движеніе литературы подчинено узкому, недовѣрчивому надзору учрежденій цензурныхъ... Это стѣсненное положеніе, созданное различными условіями нашей новѣйшей исторіи, продолжается въ сущности до сихъ поръ. Общимъ послѣдствіемъ его было именно полное отсутствіе свободного развитія литературы, невозможность свободного изслѣдованія въ области науки и свободного творчества въ области поэзіи. Гнетущее дѣйствіе несвободы чувствуется на всемъ пространствѣ нашей новѣйшей исторіи, отражаясь ненормальнымъ стѣсненіемъ умственной и нравственной жизни общества и народа...

Этотъ вопросъ еще не выяснился въ то время, когда Теофанъ начиналъ свою дѣятельность. Передъ нимъ стояла пока одна задача — защитить право просвѣщенія отъ глухой, но упорной вражды стараго застоя. Къ счастью, онъ нашелъ тогда опору въ прави-

тельственной власти, которая съ своей стороны боролась противъ того же застоя. Для возникавшей литературы первымъ живымъ интересомъ являлась эта же самая борьба противъ упорнаго невѣжества и внушеніе уваженія къ наукѣ. Таково и было основное содержаніе дѣятельности писателя, съ котораго начинаютъ исторію новой свѣтской литературы—Кантемира. Какъ увидимъ, онъ стоитъ вполне на точкѣ зрѣнія Теофана... Съ другой стороны, въ это же время возникаютъ первые признаки упомянутого раздѣленія, вслѣдствіе котораго уже вскорѣ обозначились два теченія нашего образованія и литературы, которыя тѣмъ дальше, тѣмъ больше удалялись другъ отъ друга. Теофанъ умѣлъ соединить свое богословское образованіе и церковное міровоззрѣніе съ пониманіемъ новыхъ успѣховъ свободной науки. Между его преемниками—именно тѣми, которые имѣли вліяніе на дѣла, —уже не было людей столь же сильнаго ума и широкаго просвѣщенія. Уважемъ для примѣра ту систему Коперника, которая нисколько не затрудняла Теофана, и которая была предметомъ негодованія и ужаса для позднѣйшей іерархіи, точно такъ же, какъ нѣкогда для Стефана Яворскаго и Аврамова. Но въ западной наукѣ, которая начинала все глубже касаться основныхъ вопросовъ религіи, природы, нравственности и исторіи человѣческаго общества, уже въ то время были направленія, расходившіяся болѣе или менѣе рѣзко съ традиціонными богословскими системами, хотя бы въ томъ широкомъ объемѣ, въ какой понималъ свою систему Теофанъ; возникала наука чисто свѣтскаго критическаго характера, и отголоски ея доходять уже до перваго поколѣнія русскихъ образованныхъ людей, воспитаннаго при реформѣ. Рядомъ съ этимъ начинается вліяніе чисто литературное, вліяніе тѣхъ писателей, которые, исходя изъ эпохи Возрожденія, создали школу, обнявшую, наконецъ, всѣ литературы западной Европы. Это былъ извѣстный псевдо-классицизмъ: примыкая къ античнымъ образцамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сливаясь съ движеніями новѣйшаго общества, онъ представлялъ, наконецъ, цѣлое особое міровоззрѣніе съ особыми идеалами нравственности и общественной добродѣтели, которые уже далеко не совпадали съ традиціонными церковными ученіями. Оба эти вліянія стали сказываться, на первый разъ едва замѣтными чертами, уже въ послѣдніе годы Теофана, такъ что, когда еще далеко не было пережить массою общества тотъ періодъ развитія, какой представлялъ собою Теофанъ, когда еще только незначительное меньшинство, или даже только небольшой кругъ людей способны были воспринять его взгляды, начиналось уже новое движеніе,

которому съ тѣхъ поръ предстояло развиваться все шире и сдѣлаться настоящимъ началомъ новой свѣтской литературы.

Эти новыя вліянія только отчасти коснулись Кантемира (1708—1744). Біографія его извѣстна. Не русскій по происхожденію, онъ случайно приведенъ былъ въ русское общество внѣшними обстоятельствами своей семьи; аристократъ по рожденію, онъ вошелъ въ высшій кругъ русскаго общества, но не могъ имѣть его преданій; воспитаніе его шло въ старинномъ церковномъ духѣ, но въ академической гимназій, подѣ руководствомъ нѣмецкихъ профессоровъ, онъ познакомился и съ современной наукой; въ литературномъ отношеніи его образцами могли быть только классики, а формой — единственное, существовавшее тогда на русскомъ языкѣ силлабическое стихотворство. Въ годы сознательной юности онъ еще могъ быть свидѣтелемъ преобразовательной дѣятельности Петра и, связанный своею внѣшнею судьбою съ русскимъ обществомъ, могъ сдѣлаться только ревностнымъ приверженцемъ реформы. Это впередъ сближало его съ Теофаномъ, съ которымъ онъ вскорѣ вступилъ и въ личныя дружескія отношенія. Первая сатира его: „На хулящихъ ученія“, написана была въ послѣднее время царствованія Петра II, еще до знакомства съ Теофаномъ, въ разгарѣ той реакціи, которая грозила нововведеніямъ Петра, стремилась къ возвращенію старины, о которой такъ скорбѣли люди стараго вѣка и враги реформы, и къ восстановленію самаго патріаршества, для котораго былъ готовъ и кандидатъ въ лицѣ Георгія Дашкова. Самъ Кантемиръ рассказываетъ въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ, что это былъ первый опытъ стихотворца, написанный въ 1729 году, что въ этой сатирѣ онъ насмѣхался надъ „невѣжами и презирателями наукъ“, что онъ не намѣревался обнародовать ее, но что одинъ изъ его пріятелей сообщилъ ее Теофану, „который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и тѣмъ недоволенъ, возвращая ее, приложилъ похвальные сочинителю стихи... Тому архипастырю слѣдуя, архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу творцу стихи написалъ ¹⁾... чѣмъ онъ ободренъ, сталъ далѣе прилежать къ сочиненію сатиръ“. Удовольствіе Теофана было совершенно понятно. Стихи Кантемира говорили то же самое, чтѣ говорилъ самъ Теофанъ въ своихъ проповѣдяхъ и въ „Духовномъ Регламентѣ“; это было какъ бы только литературное развитіе тѣхъ же самыхъ темъ, изображеніе въ лицахъ различныхъ типовъ невѣжества, лицемерія и фанатизма. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе

¹⁾ Стихи Кролика были на латинскомъ языкѣ.

стихи въ этой первой сатирѣ, гдѣ писатель передаетъ разсужденія невѣжественныхъ людей:

„Расколы и ёреси науки суть дѣти,
 Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
 Приходить въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
 Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и выдыхаетъ,
 И просить свята душѣ съ горькими слезами
 Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
 Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
 Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
 Службѣ, съ страхомъ слѣшая, что сами не знали,
 Теперь къ церкви соблазну Библию честь стали;
 Толкуютъ, всему хотѣтъ знать поводъ, причину,
 Мало вѣры подаѣ священному чину;
 Потеряли добрый нравъ...
 Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ;
 Мірскую въ церковныхъ влѣсть рукахъ лишну чаютъ,
 Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
 Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
 Силванъ другую вину наукамъ находить:
 Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
 Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
 Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
 Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
 Переявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли“.

Нѣкоторые изъ этихъ подробностей мы встрѣчали въ сочиненіяхъ Теофана даже изъ кievскаго періода; другія встрѣтимъ въ „Духовномъ Регламентѣ“; наконецъ, проповѣди Теофана не однажды останавливались на примѣрахъ неразумія, источникомъ котораго бывало невѣжество или лицемѣріе. Очень любопытно, что уже въ этой первой сатирѣ Кантемиръ изображалъ надменнаго іерарха, намекая на Георгія Дашкова:

„Епископомъ хочешь быть? уберися въ расу,
 Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
 Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
 Клобукомъ покрой главу, брюхо бороною,
 Ключку пышно повелѣи везти предъ тобою,
 Въ каретѣ раздувшись, когда сердце съ гнѣву
 Трещать, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
 Долженъ архипастыремъ всякъ ты въ сикъ познати
 Знавахъ, благоговѣнно отцомъ называти.
 Что въ наукѣ? что съ неѣ пользы церкви будетъ?“

Въ первоначальной редакціи этой сатиры самъ Кантемиръ сдѣлалъ примѣчаніе: „Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ Д...,“

который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность; а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтелями наставлятъ паство свое, презиралъ". Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ его насмѣшка совпадала съ антипатіями Теофана, которому Дашковъ былъ злѣйшій врагъ и лично, и по принципу. Въ томъ же духѣ Кантемиръ скорбитъ о пренебреженіи науки: золотой вѣкъ не дотанулъ до нашего рода, къ намъ не дошло то время, когда надъ всѣмъ господствовала мудрость, и одна была способомъ къ возвышенію; мудрость одолѣла гордость, лѣнь, богатство; невѣжество гордится подъ митрой, ходитъ въ шитомъ платьѣ, судить за краснымъ сукномъ, смѣло водить полки, а наука—

„Наука ободрана, въ доскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотѣтъ, бѣгутъ ея дружбы“.

И въ другихъ сатирахъ мы такъ же найдемъ параллели съ тѣми мыслями, какія высказывалъ Теофанъ. Кантемиръ точно такъ же стоитъ за необходимость просвѣщенія, такъ же рѣзко говорить о невѣжествѣ духовенства, отправляющаго свое служеніе какъ ремесло, безъ всякой мысли о нравственномъ содержаніи церковнаго ученія, такъ же изображаетъ фанатизмъ раскола, основанный прежде всего на невѣжествѣ, и т. д. ¹⁾ Дѣйствительно, Теофанъ можетъ быть названъ истиннымъ вдохновителемъ Кантемира, гдѣ послѣдній касался вопросовъ просвѣщенія и нравственно-религіозной жизни русскаго общества. Многое, что можетъ казаться рѣзкимъ у Кантемира, имѣло гораздо раньше свои приѣмры въ писаніяхъ Теофана и въ самомъ „Духовномъ Регламентѣ“: нѣкоторые эпизоды послѣдняго были уже готовымъ матеріаломъ для сатиры. Вспомнимъ, напр., наставленіе „Регламента“ о томъ, какъ епископъ долженъ дѣлать осмотръ своей епархіи: онъ долженъ „крѣпко заповѣдать служителямъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пре-

¹⁾ Эти параллели съ Теофаномъ сдѣланы были не однажды. Такова была статья С. Дудинкина въ „Современникѣ“, 1848, по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій Кантемира; другія замѣтки сдѣланы были Галаховымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1848. Біографія Кантемира, составленная Стоюнинимъ, въ изданіи Кантемира, подъ редакціей Ефремова. Спб. 1867—1868; см. также въ книгѣ Чистовича, стр. 607 и дал.; въ книгѣ Морозова, стр. 376 и дал.; Соловьева, „Исторія Россіи“, т. XX, стр. 276—290. Біографію Стоюнина дополнилъ потомъ въ статьяхъ: „Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ“, „Вѣстн. Европы“ 1867, т. I, II; и „Князь Антиохъ Кантемиръ въ Парижѣ“, „Вѣстн. Европа“ 1880, книга 8—9.

бывали, и не творили-бъ соблазна; напротивъ же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья и питья и конскаго корму лишняго; волями паче не дерзали бы грабить... Ибо *слухи архіерейскіе* обычнѣ бывають *лакомыя скотины*, и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, *какъ татаре*, на похищеніе устремляются". Въ правилахъ о „домахъ училищныхъ“ Теофанъ объяснялъ: „когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ“. „Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ... которыхъ дурости описують Иривей, Епифаній, Августинъ, Теодоритъ и иные, — наши же русскіе расколщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновались?.. И если посмотримъ чрезъ Исторіи, аки чрезъ зрительныя трубы, на мимошедшыя вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спѣсивѣлись такъ епископы до четырехсотнаго лѣта, какъ послѣ возгордѣлися, напротивъ константинопольскій и римскій, ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанскіи особы, а запрещали бы инымъ учиться; а то видимъ, что и учились вси древніи наши учителя не токмо Священнаго Писанія, но и внѣшней философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковныя поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а именно: Василій Великій въ словѣ своемъ ко учащимся младенцамъ, Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Іуліана Апостата“. Эти элементарныя наставленія необходимы были, когда еще живы были въ массѣ старинныя предостереженія о вредѣ чреамѣрнаго чтанія книгъ: въ старину утверждали, что отъ этого можно было „зайтиса въ книгахъ и изступитъ ума“; многіе вѣроятно дѣйствительно изступали ума, когда въ старой письменности читали невразумительно переведенныя сочиненія византійскихъ писателей и, не будучи совсѣмъ приготовлены школой, запутывались въ утонченной догматикѣ... Въ „Правдѣ воли монаршей“ Теофанъ заключалъ свои доказательства въ защиту новаго мѣропріятія общимъ разсужденіемъ о томъ, что могутъ сказать его противники: „Не оный ли безумный, упрямымъ и безотвѣтнымъ обычнѣ отвѣтъ: *дѣло новое?* О, студнаго и окаяннаго суесловія! Аще бы и новое се дѣло, что же самая новостъ вредить?.. Зло — и старое зло есть; добро — и новое добро есть. Развѣ бы еще сказать кто,

что дѣло сіе у насъ не бывало. Хотя бы и не бывало — что противно?.. Что же, хотя бы у насъ и не бывало, если доброе и полезное есть, яко же есть — бѣдны мы были, если не было у насъ, а благополучно, что у насъ настало. Первѣе явилосѣ огненное оружіе у прочихъ народовъ, нежели у насъ; но еслибы и къ намъ оное доселѣ не пришло — что бы было и гдѣ бы уже была Россія? Тоже разумѣй и о книжной типографіи, о архитектурѣ, о прочихъ честныхъ ученіяхъ. Разумный есть и человѣкъ, и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добраго принять не хочетъ“.

Для русскаго читателя сатира, какъ опредѣленная литературная форма, послѣдовательно выполняемая, была дѣломъ совершенно новымъ; новы были и приемы изложенія. Свои образцы Кантемиръ нашель у классическихъ писателей, а также у Буалд, который впервые является здѣсь въ русской книгѣ, какъ первый образчикъ будущаго псевдо-классицизма. Литературные приемы, образныя выраженія, намеки могли быть непонятны читателю, и Кантемиръ по новости дѣла сопровождалъ свои сатиры многочисленными примѣчаніями: „приложенныя подъ всякимъ стихомъ примѣчанійцы нужны для тѣхъ, кои въ стихотворствѣ никакого знанія не имѣють, и кромѣ того къ совершенному понятію моего намѣренія служить“. Онъ приготовилъ ихъ къ изданію уже только въ 1743 году, но изданіе не состоялось: самъ писатель вскорѣ умеръ и время было новидимому неблагоприятно для появленія такой книги. Царствованіе Елизаветы являлось какъ бы возстановленіемъ русскихъ началъ послѣ нѣмецкаго господства при Аннѣ Ивановнѣ: проповѣдники свободно громили теперь нѣмецкіе порядки и людей того времени, и осужденію поддавали между прочимъ и тѣ церковныя идеи, которыя шли отъ „Духовнаго Регламента“ и Теофана. Книга Кантемира вышла за границей во французскомъ и нѣмецкомъ переводѣ, прежде чѣмъ могла явиться въ русскомъ изданіи 1762 года.

Другимъ характернымъ трудомъ Кантемира былъ переводъ знаменитыхъ „Разговоровъ о множествѣ міровъ“ Фонтенеля, посвященный имъ академіи наукъ „въ знакъ своего благодарства за полученное отъ ея мудрыхъ членовъ воспитаніе и наставленіе“. Это былъ трудъ въ духѣ Петровскихъ изданій и въ духѣ академическаго обученія Кантемира, новая попытка ввести русскаго читателя въ область невѣдомой раньше науки. И здѣсь опять Кантемиръ употребляетъ предосторожности для того, чтобы книга

могла быть понята. Указавши въ предисловіи достоинства книги Фонтенеля, „отъ разныхъ народовъ съ наслажденіемъ и жадностію читанной“, Кантемиръ думалъ и „нашему народу нѣкую услугу показать переводомъ ея на русскій языкъ“. Онъ надѣялся, что ему извинять возможные недостатки перевода: „трудъ мой былъ не безваженъ, какъ всякому можно признать, разсуждая, сколь введеніе новаго дѣла не легко. Мы до сѣхъ поръ недостаточны въ книгахъ философскихъ, потому и въ рѣчахъ, которыя требуются къ изясненію тѣхъ наукъ“. Въ переводу Кантемиръ также приложилъ примѣчанія, „для изясненія такъ чужестранныхъ словъ, которыя и не хотя принужденъ былъ употребить, своихъ равносильныхъ не имѣя, какъ и для русскихъ, употребленныхъ въ иномъ разумѣніи, нежели обыкновенно читится. Въ нихъ же вмѣстилъ нужное историческое извѣстіе особъ, поминаемыхъ въ сихъ разговорахъ, чтобъ читатель имѣлъ всѣ нужные способы для совершеннаго разумѣнія сея книги“. Примѣчаній, однако, понадобилось очень много. Онъ объясняетъ не только историческія имена, упомянутыя у Фонтенеля, — кто былъ Цицеронъ, Виргилій, Птоломей, Аристотель, Платонъ, Коперникъ, Декартъ, Мольеръ; но и названія наукъ, — что такое философія, логика, „фисика или естественница“, „метафисика или преестественница“; что такое „идея“, „матерія“, „натура“, „наблюденіе“, „имагинація“; что такое „опера“, „театръ“, „партеръ“, „интрига“ и т. д. Какъ видимъ, Кантемиръ хотѣлъ передать на русскомъ языкѣ одну изъ замѣчательнѣйшихъ и вмѣстѣ доступныхъ ученыхъ книгъ того времени и, зная уровень своихъ читателей, еще прибавилъ въ ней объясненія, какихъ нельзя было пока найти въ другой русской книгѣ.

Мы видѣли выше, какъ перепугался этой книги благочестивый Аврамовъ.

Тѣсно связанъ съ Теофаномъ и другой замѣчательный дѣятель тогдашней литературы, которая впрочемъ и для него, какъ для Кантемира, все еще оставалась письменностью. Это былъ извѣстный Василій Никитичъ Татищевъ (1686—1750). Его біографія не однажды была подробно разсказана. Это былъ опять человекъ изъ особой сферы. Онъ происходилъ изъ стараго боярскаго рода; изъ Татищевыхъ была мать царицы Прасковьи и самъ Татищевъ въ дѣтствѣ былъ, кажется, зачисленъ въ придворную службу (одинъ изъ иностранцевъ, знавшій Татищева, писалъ, что онъ былъ въ дѣтствѣ пажомъ Петра Великаго). По старому обычаю, онъ рано поступилъ на службу (1704), а до этого или

послѣ учился въ Москвѣ въ артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи знаменитаго Брюса, съ которымъ ему и послѣ приходилось вмѣстѣ работать. Это былъ умъ по преимуществу практической, но разносторонній и широкій, одинъ изъ лучшихъ представителей круга „птенцовъ Петровыхъ“. Служба ставила его въ весьма разнообразныя положенія и дала ему богатый опытъ. Прежде всего онъ не миновалъ военнаго дѣла, участвовалъ во взятіи Нарвы, въ полтавской битвѣ, въ прутской кампаніи; затѣмъ въ 1713 и 1714 году мы видимъ его за границей въ Германіи, куда, какъ полагаютъ, онъ отправлялся для усовершенствованія себя въ наукахъ. Возвращаясь изъ-за границы черезъ Польшу, онъ въ Малороссіи успѣлъ спасти отъ казни женщину, обвиненную въ чародѣйствѣ: несчастная, несмотря на убѣжденія Татищева, не хотѣла отречься отъ мнимаго чародѣйства и созналась потомъ, что предпочитала умереть, чѣмъ быть пытанной въ случаѣ отреченія; ее сослали въ монастырь. Татищевъ приписываетъ подобную вѣру въ чародѣйство людямъ, отъ „неученія суевѣрствомъ обладающимъ“. Въ 1717 году онъ былъ опять за границей въ Гданскѣ (Данцигѣ), гдѣ онъ долженъ былъ по порученію Петра хлопотать о включеніи въ контрибуцію образа, будто бы писаннаго св. Меѳодіемъ, славянскимъ первоучителемъ; гданскій магистратъ не выдалъ образа, но Татищевъ доказалъ Петру ошибочность этого преданія. По возвращеніи Татищевъ состоялъ въ бергъ- и мануфактуръ-коллегіи, президентомъ которой былъ Брюсъ, и здѣсь повидимому возникла первая мысль тѣхъ трудовъ, которые составили потомъ литературную заслугу и славу Татищева: а именно Брюсъ представилъ Петру о необходимости подробной географіи Россіи и впоследствии, обремененный другими дѣлами, передалъ работу Татищеву, и когда послѣдній приступилъ въ этому сложному труду, онъ увидѣлъ необходимость въ историческихъ свѣдѣніяхъ, и началъ собирать матеріалы для русской исторіи. Онъ уже раньше собиралъ бібліотеку по естественнымъ наукамъ, по исторіи и географіи; теперь онъ сталъ разыскивать лѣтописи и другіе памятники старой письменности, и нѣкоторыя данныя изъ нихъ до сихъ поръ остаются извѣстны только по указаніямъ Татищева, какъ, напр., Іоакимовская лѣтопись и другія лѣтописныя извѣстія; Петру видимо извѣстны были эти работы и бібліотека Татищева, и, напримѣръ, отправляясь въ персидскій походъ, онъ беретъ у Татищева какую-то муромскую лѣтопись. Въ 1720 году Татищевъ посланъ былъ въ сибирскую губернію строить заводы и добывать серебро и мѣдь: съ этихъ поръ идетъ его сложная и трудная служба по управленію

заводами, по усмирению башкирскаго возстанія, по устройству оренбургскаго края, по устройству калмыцкихъ дѣлъ, когда онъ былъ губернаторомъ въ Астрахани и т. д.; эта служба на окраинахъ прерывалась вызовами въ Москву и Петербургъ. Съ конца 1724 до апрѣля 1726 Татищевъ жилъ въ Швеціи, гдѣ онъ долженъ былъ изучать горное и монетное дѣло, пригласить знающихъ людей на русскую службу, а также имѣлъ и секретное политическое порученіе. Пребываніемъ въ Швеціи онъ воспользовался и для своихъ историческихъ трудовъ: онъ познакомился съ шведскими учеными и выбиралъ изъ скандинавскихъ историковъ свѣденія, относящіяся къ русскимъ древностямъ. Съ 1727 года Татищевъ былъ членомъ монетной конторы и на этой службѣ его застали событія 1730 года, когда онъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ составлялъ записку о формѣ правленія, направленную противъ стремленія верховниковъ ограничить самодержавіе. Повидимому, гораздо раньше началось его знакомство съ Теофаномъ: они были людьми одной партіи въ 1730 году, и въ Теофанѣ Татищевъ чрезвычайно высоко цѣнилъ великій умъ и ученость; ихъ соединяла одинаковая преданность преобразовательнымъ идеямъ Петра, одинаково враждебное отношеніе къ старому невѣжеству и застою, къ религіозному суевѣрью; сходны были ихъ политическія убѣжденія въ необходимости самодержавія, которое одно могло обезпечить для Россіи успѣхи просвѣщенія; ихъ сближали, наконецъ, общіе историческіе интересы, гдѣ не однажды ихъ мнѣнія совпадали. Въ своей „Исторіи“ Татищевъ не однажды съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Теофанѣ: „нашъ архіепископъ Прокоповичъ,—говоритъ онъ, наримѣръ,—какъ былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ“. О Теофанѣ вспоминаетъ онъ въ своей „Духовной“, совѣтуя своему сыну на ряду съ твореніями знаменитыхъ учителей церкви читать и сочиненія Теофана. Результатомъ бесѣды съ Теофаномъ былъ также замѣчательный „Разговоръ о пользѣ наукъ“, о происхожденіи котораго онъ упоминаетъ въ той же „Духовной“: „наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего завѣщать не имѣю,—пишетъ онъ своему сыну,—но токмо для твоего о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію, слѣдующимъ „Разговоромъ“ награждаю, который я пропшаго 733 г., будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ началъ; потомъ чрезъ разговоры-жъ съ архіепископомъ новгородскимъ Теофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, яко же съ нѣкоторыми

профессоры академіи разсуждая, продолжилъ и тебѣ для памяти оставилъ, изъ котораго желаю тебѣ пользу приобрѣсти“.

Должно сказать однако, что Татищевъ въ этомъ сходствѣ понятій вовсе не былъ ученикомъ или продолжателемъ Теофана, какимъ можетъ представляться Кантемиръ; во времени знакомства съ Теофаномъ Татищевъ выработалъ уже въ значительной мѣрѣ свой образъ мыслей, который при всемъ его высокомъ почтеніи къ Теофану оставался независимымъ и самостоятельнымъ. По немногимъ даннымъ его ранней біографіи мы знаемъ объ его широкой любознательности, объ его интересѣ къ русской исторіи, о его склонности къ извѣстной скептической критикѣ: онъ думаетъ, что въ чародѣйство вѣрять только люди, „суевѣрствомъ обладающие“, онъ оспариваетъ преданіе объ иконѣ, будто бы писанной св. Мессодіемъ. Безъ сомнѣнія, самостоятельно онъ пришелъ и къ той враждѣ противъ религіознаго легковѣрія, какая отличала самого Теофана: изъ собственнаго чтенія и размышленія Татищевъ извлекъ свое отрицательное отношеніе къ притязаніямъ духовенства, которыя всего ярче представлялись ему въ исторіи папства—точно такъ же, какъ это было у Теофана. У Татищева не было конечно такой церковной учености, какою обладалъ Прокоповичъ, но къ нему также проникли отголоски протестантскихъ понятій—опять вовсе не въ смыслѣ именно вѣроученія, а только въ смыслѣ вліянія тогдашней науки, которая въ этихъ вопросахъ естественно становилась противно-католическою. Есть указанія, что скептицизмъ Татищева шелъ даже такъ далеко, что самъ Петръ училъ его быть осторожнѣе; Теофанъ счелъ нужнымъ серьезно его обличить и опровергнуть. Въ числѣ сочиненій Теофана есть одно: „о книгѣ Соломоновой, нарицаемой Пѣсни пѣсней“, которое, какъ говорятъ, направлено было именно противъ „злорѣчія“ Татищева ¹⁾).

¹⁾ Въ предисловіи къ этой книгѣ Теофанъ разсказываетъ:

„Въ недавно прошедшее время въ прилучившейся намъ нѣгдѣ бесѣдѣ дружеской, когда были разсужденія о Христовой церкви, между многими священнаго писанія словеси къ дѣлу тому приведенными, провнеслось нѣчто и отъ книги Соломоновой, глаголемой Пѣсни пѣсней. Нѣкто отъ слышавшихъ (г. Василій Никитичъ Татищевъ, тайный совѣтникъ и астраханскій губернаторъ), по вѣшнему виду, казалось, человекъ не грубый, новорота лице свое въ сторону, ругательнѣе усмѣхнулся, а когда и далъ еще, поникнувъ очи въ землю съ молчаніемъ и перстами въ столъ долбя, претворный видъ на себѣ показывать; спросили мы его съ почтеніемъ: что ему на мысль пришло? И тотчасъ отъ него печальный отвѣтъ получили: „давно—рече—удивлялся я, чѣмъ понужденные не токо простые невѣжи, но и сильно ученые мужи, возмечтали, что Пѣсня пѣсней есть книга священнаго писанія и слова Вожіа? А по всему видно, что Соломонъ, разжигаясь похотію къ невѣстѣ своей, царевнѣ египет-

Если литературная дѣятельность Кантемира и самого Теофана раскрылась вполнѣ только долго спустя по ихъ смерти, то Татищевъ при жизни своей и совсѣмъ не былъ извѣстенъ, какъ писатель, и это было отчасти причиною, что историческое значеніе его было оцѣнено только довольно поздно. Мы упоминали о томъ, какъ поздно была издана его „Исторія“¹⁾; его „Духовная“ издана была только въ 1773, „Словарь россійскій, историческій“ и пр. напечатанъ только въ 1793; „Разговоръ о пользѣ наукъ“ изданъ только въ новѣйшее время, въ 1887 г. Еще въ 1739 году онъ привозилъ въ Петербургъ свою „Исторію“, но трудъ его не нашелъ сочувствія и было заподозрѣно самое православіе автора; Татищевъ обратился къ архіепископу новгородскому Амвросію и по его указаніямъ сдѣлалъ перемѣны въ своей книгѣ, касавшіяся различныхъ церковныхъ событій. Сочиненіе вышло только при Екатеринѣ, когда въ русской историографіи работалъ уже Шлёцеръ и требованія исторической критики стали строже; вслѣдъ за Шлёцеромъ Карамзинъ считалъ возможнымъ говорить о „вѣдѣніяхъ“ Татищева; только позднѣе извѣстія Татищева и его соображенія стали находить болѣе внимательную и справедливую оцѣнку въ трудахъ Погодина, Буткова, Соловьева, пр. Лавровскаго, Маварія. Не удивительно, что относился къ Татищеву сурово Шлёцеръ, прилагавшій не только къ новымъ, но и къ старымъ писателямъ одну мѣрку исторической критики; удивительнѣе, что подобнымъ образомъ судилъ и Карамзинъ; только новѣйшіе писатели нашли въ книгѣ Татищева трудъ добросовѣстно испол-

ской, сія писалъ, какъ то у прочихъ, любовію ближнихъ, обичай есть; понеже любовъ есть страсть многорѣчивая и молчанія нетерпящая: чего ради во всякомъ народѣ ни о чемъ иномъ такъ многія пѣсни не слышатся, какъ о плотскихъ любезностяхъ“. Смыслъ отвѣтомъ такъ пораженное содрогнулось въ насъ сердце, что не могли мы придумать, что сказать. А понеже онъ и еще повторялъ тожде свое злорѣчіе, мы ему съ кротостію предложили, что надѣемся такъ доказательнѣе честь и славу книги сей, яко сущаго слова Божія, объяснить, что онъ, если совѣсти своей воспротивится, о нижншемъ смѣхѣ своемъ восплачется. Онъ, то слышавъ, съ прилежаніемъ просилъ насъ, дабы мы общаемаго дѣла исполнить не забыли. Звать то ни мало не надѣялся, чтобъ ни нѣчто важное и сильное о семъ провзвести могли. Того ради ни общаніемъ онымъ одолжены, тѣмъ же то уже совершить“.

Замѣтимъ, что книжка Теофана была издана также въ царствованіе Екатерины II (М. 1774) и имя Татищева вѣроятно прибавлено впоследствии: въ 1786, когда умеръ Теофанъ, Татищевъ еще не былъ астраханскимъ губернаторомъ.

¹⁾ „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неуснинымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная покойнымъ, т.-е. астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ“. Кн. I, въ двухъ частяхъ, М. 1768—1769; II, М. 1773; III, 1774; IV, Спб. 1784. V книга издана была уже въ московскихъ „Чтеніяхъ“ 1847—1848.

ненный и тѣмъ болѣе замѣчательный по условіямъ его времени. Въ самомъ дѣлѣ, надо перенестись въ тридцатые и сороковые годы XVIII вѣка, надо представить себѣ, что въ вопросахъ исторіи и связанныхъ съ нею областей знанія Татищевъ былъ въ полной мѣрѣ самоучкой, что его пытливая мысль впервые стремилась пролить свѣтъ на прошедшую исторію, о которой до тѣхъ поръ говорила только первобытная, вмѣстѣ наивная и неполная лѣтопись; надо представить себѣ, что этотъ писатель почти не имѣлъ передъ собою никакихъ предварительныхъ работъ, хотя бы только по собранію матеріала, что ему надо было разобраться въ сложной массѣ фактовъ и связать ихъ раціональнымъ опредѣленіемъ, — и этотъ трудъ внушить намъ невольное уваженіе, какъ бы ни казались намъ странными нѣкоторыя мысли, почерпнутыя этимъ писателемъ изъ понятій его вѣка. Для своего времени Татищевъ сдѣлалъ нѣчто подобное тому, что для начала нынѣшняго столѣтія сдѣлалъ Карамзинъ. Но понятія вѣка, о которыхъ мы сказали, не были еще понятіями русскаго общества того времени; это были понятія, которыя Татищевъ извлекалъ изъ своего знакомства съ литературой европейской. Въ своемъ обществѣ онъ былъ еще рѣдкимъ исключеніемъ и по обширности своихъ познаній, и по критическому духу исслѣдованія. Въ книгѣ Татищева въ первый разъ (если исключить отдѣльныя эпизодическія замѣчанія Теофана по руссой исторіи) является опытъ опредѣлить основныя условія исторической жизни русскаго народа и государства, указать значеніе различныхъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ этой исторіи; словомъ, это была первая попытка выработать историческое сознаніе... Старина не задавала себѣ подобныхъ вопросовъ: въ древности она полусознательно подчинялась инстинктамъ племенного чувства, традиціоннымъ формамъ быта, потому слѣпо вѣровала въ тотъ складъ національной жизни, который образовался во времена московскаго царства и нашелъ въ немъ свое выраженіе; реформа Петра всколебала это слѣпое вѣрованіе, указывая государству и народу иные задачи и иные пути; наиболѣе просвѣщенные умы, переживавшіе это время, понимавшіе стремленія реформы, видѣвшіе ея результаты, должны были задать себѣ вопросъ объ ея отношеніяхъ къ этой старинѣ, въ которой пребывало еще громадное большинство націи и съ которой надо было считаться приверженцамъ новыхъ идей и новаго порядка... Таково было положеніе Теофана, Кантемира, и таково было положеніе Татищева.

Въ трудѣ Татищева задача исторіи впервые поставлена сообразно съ требованіями науки, — насколько авторъ сумѣлъ опре-

дѣлать ихъ изъ своихъ изученій. Исторію онъ дѣлитъ на священную или церковную (по его терминологіи: „сакра“ или „божественная“), гражданскую, и исторію наукъ и ученыхъ. Польза исторіи—въ сообщаемыхъ ею добрыхъ и худыхъ примѣрахъ; она полезна для богослова, юриста, философа, политика. Для исторіи нужно пользоваться и писателями иностранными, между прочимъ потому, что свои современники часто многое умалчиваютъ или искажаютъ отъ страха или пристрастія. По изложенію, исторія бываетъ генеральная (общая), универсальная (пространная), партикулярная (частная) и специальная (особенная); по порядку изложенія одни пишутъ исторію областей, другіе—государей, третьи по годамъ. Для историка Татищевъ полагаетъ необходимыми начитанность, критическій смыслъ, знаніе логики и реторики, а главное—справедливость сказаній и отверженіе басенъ. Свой историческій трудъ онъ располагалъ на нѣсколько книгъ, по періодамъ: до начала русскаго государства (о племенахъ русской территоріи, до-славянскихъ и славянскихъ); до 1238 г., т.-е. до татарскаго ига; до 1462 г.; до 1613. Новой исторіи онъ писать не хотѣлъ, такъ какъ она болѣе извѣстна, а „наипаче, что въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые есть ли писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойдти оныя—погубить истину и ясность исторіи“.

Сочиненіе Татищева представляетъ собою лѣтописный сводъ матеріала и многочисленныя примѣчанія, въ которыхъ заключается его объяснительная и критическая работа. Эти примѣчанія чрезвычайно любопытны для характеристики этого перваго опыта русской исторіографіи, во-первыхъ, указаніями на обширную иностранную литературу, которою авторъ пользовался и по которой учился, и во-вторыхъ, массою историческихъ и практическихъ свѣденій, имъ самимъ собранныхъ и свидѣтельствующихъ объ его разностороннихъ изученіяхъ Россіи. Въ первомъ отношеніи замѣчательна, для его времени, чрезвычайно обширная начитанность въ иностранныхъ сочиненіяхъ по исторіи, географіи, —самъ онъ, по словамъ его, пользовался только польскими и нѣмецкими книгами, и кромѣ того перечиталъ, конечно, все, что было тогда въ русскихъ переводахъ печатныхъ (Петровскаго времени) и рукописныхъ ¹⁾. Въ своихъ мѣнѣяхъ философскихъ онъ былъ послѣдователемъ Декарта и Томасіуса и много пользовался тогдашней философскою энциклопедіей Вальха; въ предметахъ

¹⁾ Мы указывали литературу, цитированную Татищевымъ, въ статьѣ „Русская наука въ XVIII вѣкѣ“, „Вѣстн. Европы“ 1884, июнь, стр. 575—576.

политическихъ онъ въ особенности опирается на Христиана Вольфа, Пуфендорфа и Гуго Гроція; онъ знаетъ также Макиавеля, Локка („Правленіе гражданское“) и пр.; послѣднихъ онъ не одобряетъ, но повидимому и ихъ со вниманіемъ читалъ¹⁾.

Тѣ историческія понятія, какія извлекалъ Татищевъ изъ своего чтенія, не оставались для него отвлеченными; онъ пробѣрялъ ихъ на фактахъ русской жизни и ея прошедшаго,—тогда выяснялось для него ихъ внутреннее значеніе. Именно это и отдѣлило его трудъ отъ стараго лѣтописанія: онъ старательно собираетъ лѣтописные факты, какъ необходимый матеріалъ, но его собственная работа какъ историка заключается именно въ стремленіи дать имъ общее критическое освѣщеніе. Такимъ образомъ впервые приобрѣталось сознательное пониманіе прошедшаго и, въ связи съ нимъ, пониманіе настоящаго. Отсюда онъ является сознательнымъ приверженцемъ Петровской реформы и новаго просвѣщенія. Это уже новая ступень въ сравненіи, напр., съ Яворскимъ, который умѣлъ оцѣнить нѣкоторые изъ нововведеній Петра по ихъ практической пользѣ, но въ сущности оставался на точкѣ зрѣнія, близкой ко взглядамъ патриарха Іоакима и Адріана. Это пониманіе исторіи давало возможность Татищеву вѣрно оцѣнить и совершавшіяся событія: онъ сознательно былъ врагомъ верхоянковъ при воцареніи Анны Ивановны, потому что зналъ историческія основы русскаго самодержавія не по одному слѣпому преданію, но по оцѣнкѣ реальныхъ условій жизни²⁾. Изъ своего чтенія Татищевъ вынесъ и другія понятія, подтвержденіе которыхъ онъ находилъ въ фактахъ нашей исторіи: приверженецъ преобразовательной дѣятельности Петра, онъ былъ противникомъ политическаго вліянія духовенства, можетъ быть даже болѣе крайнимъ, чѣмъ составитель „Духовнаго Регламента“ и самъ Петръ. Въ его историческихъ изслѣдованіяхъ постоянно проходитъ мысль

¹⁾ „Что касается до начала сообществъ, порядковъ, правительствъ и должностей правителей и подданныхъ,—говоритъ Татищевъ въ 1-й книгѣ „Исторіи Россійской“,—оное собственно принадлежитъ до философіи, въ частяхъ морали или правочленія, закона естественнаго и политики, которое отъ разныхъ философовъ достаточно на разныхъ языкахъ описано, и по моему Христианъ Вольфъ лучше прочіихъ, то-есть внятно предалъ, но оныхъ на нашъ языкъ не передано и кромѣ Пуфендорфовой политики и морали въ книжцѣ о человекѣ и гражданинѣ въ печати не имѣетъ, противу тому письменныхъ, но не потребныхъ, съ излишкомъ, яко Макиавелева о князѣ, Гобезіева Левіатанъ, Локка правленіе гражданское, Боккалиннова и тому подобнае, болѣе вредительнае, нежели полезнае, находятса“.

²⁾ Ср. объ его роли въ составленіи записки шляхетства противъ верхоянковыхъ у Н. Попова: „Ученіе и литературные труды В. Н. Татищева“. Спб. 1836 (изъ Журн. мин. просв.), стр. 12—15.

о противоположности и борьбѣ между просвѣтительными стремленіями правительства и обскурантизмомъ духовенства. По его словамъ, въ старой русской жизни „видно, ни единого не токмо философскихъ наукъ, но и грамматики ученаго не было, и для того, казая надежда отъ такихъ пастырей просвѣщенія народу уповать было должно, хотя между ними мужи благоразумные и житія похвальнаго были“. Многое въ старой исторіи онъ объясняетъ именно властолюбивыми стремленіями духовенства; во многихъ изъ старыхъ законовъ онъ видитъ только „продерзкое“ желаніе духовныхъ увеличить свою власть. Въ древности, въ Россію были введены науки, но послѣ нашествія татаръ власть государей умалилась, а духовенства возросла, и тогда послѣднему, для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, „полезнѣе явилось народу въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать“, поэтому училища были оставлены; нѣкоторые государи думали о необходимости школъ, но мало достигли, и возобновилъ ихъ только Петръ Великій, „яко государь премудрый“,— „но по кончинѣ его величества злостными или отечеству невѣрными, или невѣжествомъ тѣхъ, на кого то положено было, такъ все упущено, что едва слѣды того остались“. Въ исторіи, какъ и въ современной жизни, онъ былъ врагомъ всякихъ суевѣрій, басней, ложныхъ чудесъ и т. д. Мы видѣли выше, съ какимъ почтеніемъ говоритъ онъ о Теофанѣ: ихъ взгляды во многихъ случаяхъ были совершенно тождественны, но не легко сказать, въ какой степени Татищевъ находился подъ влияніемъ Теофана. Безъ сомнѣнія, авторитетъ послѣдняго могъ въ равныхъ случаяхъ быть для него опорой и подтвержденіемъ; но вообще Татищевъ былъ достаточно самостоятеленъ въ своемъ образѣ мыслей, основы котораго положены были раньше сближенія его съ Теофаномъ и поддерживались самостоятельнымъ чтеніемъ иностранной литературы, особливо нѣмецкой,—Теофанъ по-нѣмецки не зналъ.

Татищевъ разошелся съ лѣтописной исторіографіей, т.-е. вообще съ прежнимъ пониманіемъ исторіи, и въ томъ отношеніи, что чрезвычайно расширилъ область предметовъ, которые по его мнѣнію должны были подлежать разсмотрѣнію исторіи. Онъ первый нашелъ необходимымъ изучать для этихъ цѣлей народную жизнь съ ея бытовыми особенностями, нравами, обычаями и преданіями. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, съ какимъ стараніемъ онъ собиралъ историческіе матеріалы, какъ его наблюденія распространялись на самые разнообразныя предметы старины и народнаго быта ¹⁾.

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1884, іюнь, стр. 377.

Кромѣ „Исторіи“, другимъ замѣчательнымъ трудомъ Татищева, раскрывающимъ его взгляды, былъ лишь недавно открытый и изданный „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“. Выше мы сказали, что Татищевъ завѣщаль этотъ „Разговоръ“ своему сыну, упоминая, что „Разговоръ“ возникъ изъ его бесѣдъ съ архіепископомъ новгородскимъ и другими знакомцами и съ профессорами академіи. „Разговоръ“, въ 120 вопросахъ и отвѣтахъ, представляетъ собой цѣлую нравственную и историческую философію, послѣдній выводъ которой есть необходимость просвѣщенія, „польза наукъ и училищъ“. Онъ начинается издалека. Для всякаго истинно разумнаго человѣка необходимо познаніе самого себя, а именно духовныхъ и физическихъ свойствъ человѣка; отсюда авторъ долженъ былъ остановиться на вопросѣ о томъ, „изъ чего человѣкъ состоитъ“, слѣдовательно, о силахъ души, о свойствахъ ума и воли, и такъ какъ эти свойства требуютъ совершенствованія для своего правильнаго дѣйствія, то отсюда является необходимость обученія. Оно должно сопровождать человѣка во всѣхъ возрастахъ, и авторъ считаетъ нужнымъ опредѣлить свойства младенчества, юношества, мужества и старости. И какъ человѣкъ совершенствуется свои знанія по возрастамъ, такъ совершенствовало свои знанія и все человѣчество, и въ этомъ отношеніи Татищевъ также принимаетъ четыре возраста: младенческій или времена древнія, предшествовавшія изобрѣтенію письменъ, второй возрастъ—отъ обрѣтенія письма до пришествія Христова, третій—отъ пришествія Христа до изобрѣтенія тисненія книгъ, четвертый—до послѣднихъ лѣтъ.

При этомъ онъ долженъ былъ коснуться вопроса о вліяніи христіанства и встрѣтиться съ очень распространеннымъ тогда (да и теперь) мнѣніемъ о вредѣ наукъ для вѣры. „Я еще хочу васъ спросить,—говоритъ предполагаемый собесѣдникъ автора,—что я отъ многихъ духовныхъ и богобоязненныхъ людей слыхалъ, еже науки человѣку вредительны и пагубны суть; они сказываютъ, что многіе, отъ науки заблудя, Бога отстали, многія ереси произнесли и своимъ злымъ сладкорѣчіемъ и толками множество людей погубили; къ тому жъ показываютъ они отъ письма святаго, что премудрость и философія за зло почитаема, а особливо представляютъ слова Христовы, что скрылъ Богъ таинство вѣры отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открылъ то младенцомъ, т.-е. неученымъ“, и пр. Въ длинномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ Татищевъ доказываетъ необходимость науки для правильнаго пониманія самой вѣры, и напротивъ, указываетъ искаженіе самой вѣры тѣми людьми, которые хотѣли запрещать науки; мы встрѣчаемъ здѣсь

посвящены политическому значенію наукъ: Татищевъ говоритъ о законахъ, о необходимости изучать естественное право, о политикѣ или мудрости гражданской; онъ излагаетъ движеніе законодательства въ Россіи и указываетъ необходимость знанія законовъ, особливо для шляхетства.

Таково содержаніе „Разговора“, который былъ завѣщанъ Татищевымъ сыну какъ наставленіе и такимъ образомъ опять вступаетъ въ разрядъ произведеній, къ которому относится „Домострой“ попа Сильвестра и „Отеческое Завѣщаніе“ Посошкова. По времени составленія, „Разговоръ“ (писанный въ тридцатыхъ годахъ XVIII-го вѣка) очень близокъ къ „Завѣщанію“ (завѣщанному въ 1719—1720 году), но, какъ видимъ, при общей заботѣ о просвѣщеніи два этихъ произведенія чрезвычайно далеки другъ отъ друга по образовательному уровню: у Посошкова хранится еще многое изъ стараго преданія; Татищевъ, хотя также настаивающій на вѣрѣ и благочестіи, уже сильно затронутъ рационализмомъ западно-европейской литературы и вслѣдствіе того относится къ старинѣ критически и во многихъ случаяхъ рѣзко отрицательно. Новѣйшій издатель „Разговора“ указалъ, что главнымъ источникомъ вводныхъ объясненій Татищева о тѣлесной и духовной природѣ челоуѣка и указаній о пользѣ наукъ и ихъ исторіи, была философская энциклопедія Іоганна-Георга Вальха, очень распространенная тогда въ Германіи, и другія руководящія сочиненія подобнаго рода; но эти мысли вообще крѣпко сидѣли въ головѣ Татищева и неизмѣнно повторяются въ его сочиненіяхъ, какъ его глубокое убѣжденіе. Мы видѣли, что тѣ же мысли примѣнены имъ къ самому объясненію русской исторіи ¹⁾.

¹⁾ Послѣ первой исторической оцѣнки Татищева у Соловьева въ „Архивѣ ист.-юрид. свѣденій“ Калачова, т. II, обширный трудъ былъ посвященъ ему въ книгѣ Н. А. Попова: „В. Н. Татищевъ и его время“. М. 1861.

— Пекарскій, „Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ“. Спб. 1864.

— Бестужевъ-Рюминъ, „Біографіи и характеристика“. Спб. 1882 (стр. 1—174).

— Морозовъ, Теофанъ Прокоповичъ (стр. 388 и далѣе объ отношеніяхъ къ Теофану).

— Андрея Островскаго, „Духовная Василія Никитича Татищева“. Казань, 1836 (изъ „Извѣстій Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“, т. IV)—изданіе „Духовной“ по рукописямъ въ сравненіи съ изданіемъ Друковцова, Спб. 1778, гдѣ есть многочисленныя прибавки, по мнѣнію г. Островскаго, сдѣланныя самимъ Друковцовымъ.

— Н. Поповъ, „Ученые и литературные труды В. Н. Татищева“. Спб. 1886 (изъ Журн. мин. просв. 1886, июнь);—„В. Н. Татищева Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“, съ предисловіемъ и указателями. М. 1887 (изъ „Чтеній“, 1887, кн. I).

— К. Бестужевъ-Рюминъ, „Двухсотлѣтніе поминки по В. Н. Татищевѣ“, въ Извѣстіяхъ слав. благ. Общ. 1886.

Двухсотлѣтній юбилей рожденія Татищева далъ нашимъ историкамъ поводъ, вспоминая о Татищевѣ, дать себѣ отчетъ и объ историческомъ значеніи эпохи, въ которой онъ принадлежалъ. Безпристрастное изученіе дѣятельности этого писателя, всецѣло принадлежащаго Петровской школѣ, побудило признать въ Татищевѣ въ полной мѣрѣ русскаго человѣка, дѣлавшаго именно то, что было нужно для русскаго общества и народа. Люди того поколѣнія, „отчасти путемъ самообразованія, отчасти увлекаемые могучимъ потокомъ преобразовательной дѣятельности самого Петра“, расширили кругозоръ своихъ понятій и все-таки „остались вполнѣ русскими людьми, не вѣдая и не говоря о разладѣ, будто бы существовавшемъ между древнею и новою Русью“; они „не только не подозрѣвали, но и не допускали мысли, что между задачами, интересами и потребностями второй половины XVII и первой половины XVIII столѣтія существовали сильныя противорѣчія“¹⁾. „Историкъ и публицистъ, Татищевъ стремился найти общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности... Но не это одно даетъ право Татищеву на вѣчную благодарную память: онъ поставилъ науку русской исторіи на правильную дорогу... Но еслибы даже и этого не было, имя Татищева должно бы жить вѣчно за то одно, что онъ всюду заводилъ школы и хлопоталъ о развитіи просвѣщенія“²⁾. Заслуженный историкъ и знатокъ нашей старины, упомянувъ о „потѣхахъ“ Петра Великаго, говорилъ: „И вотъ такими-то шутками и играми Петра, не замѣтнымъ ни для кого способомъ, настезъ широко растворились двери къ полной свободѣ знанія, къ свободной наукѣ во всѣхъ ея разновидностяхъ и во всей полнотѣ, какой можно было достигать тогдашними еще очень неустроенными средствами“. Въ этомъ отношеніи Петръ „ничего особеннаго и чрезвычайнаго не совершилъ“, т.-е. не совершилъ ничего, что не требовалось бы самой исторіей, а тѣмъ болѣе не совершилъ той измѣны, въ которой обвиняли его новѣйшіе фанатики. „Онъ, какъ полнѣйшій выразитель русскаго ума, все дѣло новаго русскаго знанія и образованія повернулъ на народную русскую дорогу, оставивъ въ сторонѣ водворенную схоластику и всѣ соображенія и разсужденія о томъ,

„Печальна участь сочиненій Татищева,—писалъ Андрей Островскій въ 1885 году, —до настоящаго времени нѣтъ сколько-нибудь исправнаго изданія ихъ. Только въ будущемъ году (186 лѣтъ послѣ смерти Татищева) мы увидимъ сочиненія его въ приличномъ его значеніи видѣ; уважаемна имена Н. В. Калачова, А. А. Кунина и Н. А. Попова въ томъ порукоу“. Но это изданіе не осуществилось.

¹⁾ Н. Поповъ, „Ученые и лит. труды Татищева“, стр. 52.

²⁾ Вестужевъ-Рюминъ, „Біографія и характ.“, стр. 175.

какія науки благословенны и неблагословенны, благочестивы и неблагочестивы. Всѣ науки стали благословенны, то-есть, благословенною стала *вообще наука*, открывшая русскому уму свои необозримыя сокровища въ литературѣ ученыхъ и образованныхъ народовъ Запада“... Къ этой школѣ принадлежалъ Татищевъ. „Все то, что было достигнуто постепеннымъ развитіемъ направленія, созданнаго самоученіемъ Петра, въ полной мѣрѣ отразилось и выразилось въ ученыхъ и литературныхъ трудахъ Татищева, въ его пониманіи всего окружающаго, и современнаго, и минувшаго... Самостоятельная независимая мысль составляетъ существо исторической работы Татищева. Она, ясно изображая водворенное Петромъ научное направленіе, да послужитъ намъ образцомъ и руководителемъ во всѣхъ нашихъ работахъ на всѣхъ путяхъ ученой дѣятельности“¹⁾.

Такимъ образомъ просвѣщенные люди Петровскаго времени, какъ Татищевъ, дѣйствовавшій еще четверть столѣтія послѣ смерти Петра, вовсе не чувствовали себя въ томъ разрывѣ съ народностью, какой стали имъ приписывать въ новѣйшее время; новые историки, какъ нами указанные, которыхъ нельзя было бы заподозрить въ предубѣжденіи, согласно видятъ въ Татищевѣ чисто русскаго челоука, какъ самъ Петръ является „полнѣйшимъ выразителемъ русскаго ума“,—тѣмъ не менѣе Татищевъ, какъ и Теофанъ и Кантемиръ, съ которыми онъ былъ совершенно солидаренъ, и всѣ болѣе образованные люди той эпохи и того направленія, были отдѣлены отъ старины цѣлою пропастью: это была именно свободная наука, свободная дѣятельность мысли, которыхъ эта старина не знала и не допускала. Но пропасть отдѣлила образованныхъ людей новой эпохи вовсе не отъ русскаго народа—названный почтенный историкъ справедливо нашелъ, что Петръ повернулъ дѣло русскаго образованія именно на *народную русскую дорогу*; пропасть отдѣлила новую эпоху только отъ умственнаго мрака, оставаться въ которомъ было наконецъ недостойно великаго народа... Мы скажемъ дальше, какимъ широкимъ и многозначительнымъ результатомъ отразилось потомъ это новое движеніе мысли, которое дѣйствительно впервые дало развиваться національному самосознанію. Ближай-

¹⁾ И. Е. Забылинъ, „Первое водвореніе въ Москвѣ греко-латинской и обще-европейской науки. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Имп. Общ. исторіи и древностей российскихъ 19 апрѣля 1886 года, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія перваго русскаго историка В. Н. Татищева“ („Чтенія“, 1886, кн. IV, стр. 19—24).

шимъ образомъ, то, что сдѣлано было при Петрѣ и въ первое время послѣ него, и что, какъ должна убѣдить исторія, было естественнымъ и законнымъ развитіемъ давно возникавшихъ стремленій,—открывало и впереди столь же естественное и законное развитіе тѣхъ началъ, которыя поставлены были Петромъ и дѣятелями его времени. Теофанъ, Кантемиръ, Татищевъ на собственномъ личномъ опытѣ видѣли и чувствовали то, чего не доставало въ русской жизни и гдѣ нужно было искать восполненія. Прежде всего, или даже единственно, это недостававшее было просвѣщеніе, и для нихъ не было вопроса о томъ, что искать его можно было только у народовъ, опередившихъ насъ на этомъ поприщѣ и въ то самое время обладавшихъ великими сокровищами знанія. Это чувствовали темнымъ инстинктомъ еще въ концѣ XV вѣка; теперь это видѣли наглядно и несомнѣнно. До Петра и совсѣмъ отъ него независимо благочестивый Дмитрій Ростовскій считалъ блаженною страну, обладающую наукою; для Теофана, Германія „первая царица есть Европы“, „царствъ всѣхъ знамя“, „странъ всѣхъ матеръ“ — особенно потому, что тамъ есть „толь частыя премудрыхъ ученій академіи, толь прелезрядныя художества и остроумніи художники“; кто приходитъ въ нее, „познаваетъ чинное общенароднаго правительства устроеніе, обычаевъ доброту, разума и бесѣды сладость, познаваетъ храбрость, науку и остроуміе“. Татищевъ по преимуществу получаетъ изъ нѣмецкой литературы, и для этого круга интересными собесѣдниками являются нѣмецкіе академики. Знаменитѣйшія имена европейской науки хорошо извѣстны въ этомъ кругу; многія изъ этихъ именъ проникли уже въ русскую печатную книгу и—рукопись. Когда начало было положено, естественно было дальнѣйшее распространеніе знакомства съ этими источниками знанія. Вслѣдъ за наукой долженъ былъ явиться и интересъ къ европейской литературѣ, въ поэтическому творчеству.

То положеніе образовательныхъ интересовъ, какое мы видѣли до сихъ поръ, всего меньше представляетъ какое-нибудь организованное движеніе; напротивъ, это — картина броженія, гдѣ стихійно сгѣшиваются элементы стараго и новаго, преданіе и порывъ къ новой наукѣ; дѣятели новаго образованія являются случайно изъ различныхъ положеній и слоевъ общества и какъ бы по химическому сродству отыскиваютъ другъ друга и соединяются въ одномъ дѣлѣ. Эта случайность, возникающая безъ всякаго участія школы и безъ преднамѣреннаго руководства, является особеннымъ доказательствомъ живенности движенія, овладѣвающаго лучшими силами общества. Школа была только или совершенно элемен-

тарная, или схоластическая, или техническая, но въ результатѣ, хотя на первое время только въ избранныхъ умахъ, получается именно стремленія найти „общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности“, стремленіе къ свободной наукѣ и широкому просвѣщенію. Первые опыты чисто литературнаго интереса отмѣчены, повидимому, тою же случайностью, но въ ней опять сказались жизненные стремленія.

До сихъ поръ мы видѣли, что интересы писателей останавливаются въ особенности на тѣхъ непосредственныхъ практическихъ вопросахъ, какіе вызвала необходимость оправдать реформу и новыя потребности просвѣщенія. Теофанъ, Кантемиръ, Татищевъ — публицисты, которые защищаютъ реформу противъ старины; вмѣстѣ съ тѣмъ это — дидактики, которые обличаютъ нравственные и образовательные недостатки этой старины и указываютъ новыя интересы для ума и болѣе совершенныя формы нравственности; наконецъ, они прямо занимаются сообщеніемъ полезныхъ познаній по предметамъ, какіе были совсѣмъ неизвѣстны старой письменности. Интересъ поэтический является впервые у Кантемира, опять въ формѣ дидактической сатиры, которая, какъ мы видѣли, тѣсно примыкаетъ къ церковной проповѣди Теофана; но въ этой самой сатирѣ мы находимъ, однако, еще новый, раньше небывалый элементъ. Въ своей школѣ Кантемиръ былъ воспитанъ на классическихъ писателяхъ. Это была давнишняя принадлежность схоластической школы: мы видѣли раньше, что люди стараго вѣка, какъ, на примѣръ, Дмитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій, были уже хорошими знатоками старой латинской поэзіи; стихи Virgilia, Горация, Авзонія, Ювенала тотчасъ готовы въ дружеской перепискѣ; можетъ быть, еще лучше зналъ ихъ Теофанъ Прокоповичъ, прекрасный латинскій стилистъ и даже стихотворецъ. У послѣднаго, безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ, являлась охота и къ русскому стихотворству — между прочимъ въ разнообразныхъ размѣрахъ, гдѣ онъ, повидимому, слѣдовалъ образцамъ латинской поэзіи. Кантемиръ такимъ образомъ естественно взялся за сатиру въ классической формѣ, но уже на первыхъ порахъ къ древнимъ образцамъ онъ прибавляетъ и новыя: онъ знаетъ французскій языкъ и, въ качествѣ образца, къ Горацию и Ювеналу присоединяется Буало. Къ нѣмецкой литературѣ, по которой учился Татищевъ, у Кантемира прибавляется литература французская, и съ этого перваго опыта, ея вліянію предстояло развиваться все болѣе до полнаго господства надъ русскими писателями, какъ это произошло уже вскорѣ у Сумарокова. Но въ одно время съ Кантемиромъ

влияніе французской литературы обнаружилось и другимъ фактомъ—въ писаніяхъ Тредьяковскаго. Этотъ новый дѣятель былъ родомъ изъ Астрахани, былъ сынъ священника (род. въ 1703) и отецъ предназначалъ его быть священникомъ, но ему пришлось учиться у капуцинскихъ монаховъ, которые въ началѣ XVIII вѣка переехали туда съ католическими армянами, и когда русскихъ учителей, конечно, не было, занялись преподаваніемъ и между русскими. Такъ какъ высшая духовная школа была тогда латинская, то неудивительно, что самъ отецъ Тредьяковскаго отдалъ сына въ ученіе въ капуцинскимъ монахамъ, какъ латинистамъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ, но въ концѣ концовъ Тредьяковскій ушелъ,—по его собственнымъ словамъ „убѣжалъ“,—изъ Астрахани въ Москву, вѣроятно, для того, чтобы усовершенствовать свои познанія; но, пробывши года два въ славяно-греко-латинской академіи, онъ, по причинамъ недостаточно выясненнымъ, „убѣжалъ“ и изъ Москвы, на этотъ разъ въ Голландію. Это было въ 1725 году. Впослѣдствіи, обращаясь изъ-за границы въ синодъ съ челобитною о пособіи ему для продолженія его ученія, онъ писалъ объ этомъ побѣгѣ изъ Москвы такъ: „Проходя мои науки въ Москвѣ въ Спасскомъ Законномъ монастырѣ, при ректорѣ отцѣ архимандритѣ Вишневскомъ, превеликое я, нижепоименованный, имѣлъ желаніе, чтобы оныя окончить въ европейскихъ краяхъ, а особливо въ Парижѣ: для того, какъ всему свѣту извѣстно, что въ ономъ наиславнѣйшій (науки) находятся“. Въ Голландіи пріютилъ его русскій посланникъ графъ Головкинъ; здѣсь онъ обучился французскому языку, а затѣмъ отправился, „шедши пѣшъ“ по крайней бѣдности, въ Парижъ, цѣль его пламенныхъ стремленій. Здѣсь ему посчастливилось найти новыхъ покровителей въ князьяхъ Куракиныхъ и онъ ревностно предался изученію наукъ математическихъ, философскихъ и богословскихъ, но не остался чуждъ и легкой литературѣ; напротивъ, послѣдняя видимо увлекла его, и стихотворство, которому онъ предавался еще въ Москвѣ, получило теперь новое направленіе. Вернувшись въ Петербургъ въ 1730 году, Тредьяковскій тогда же издалъ знаменитую „Взду на островъ любви“ (Voyage à l'île d'amour ou la clef des coeurs, Талемана). Самый Парижъ приводилъ Тредьяковскаго въ восторгъ и онъ уже на первыхъ порахъ написалъ „стихи похвальные Парижу“; его увлекала и французская литература и онъ впервые вводитъ въ нашу литературу два главныхъ кодекса псевдо-классицизма: посланіе Горация „De arte poetica“ (прозой) и поэмѣ Буало „L'art poétique“ (стихами)... Въ половинѣ XVI столѣтія Максимъ Грекъ восхва-

ляль науки „града Паризіа“, и только въ началѣ XVIII столѣтія русскіе начали пользоваться этими науками.

Немного спустя, въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка, отправленъ былъ учиться за границу Ломоносовъ. Главнымъ предметомъ его занятій должны были быть химія и горное дѣло, языки латинскій, французскій и нѣмецкій, а кромѣ того ему поручалось и дѣлать упражненія въ русскомъ языкѣ. Онъ сталъ первымъ русскимъ натуралистомъ, а также преобразователемъ русскаго литературнаго языка. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ сдѣлалъ свои первые литературные опыты — переводъ оды Фонтенеля и оду „на взятіе Хотина“, въ подражаніе нѣмецкому поэту Гюнтеру. Такимъ образомъ первые литературные труды замѣчательнаго писателя, который вышелъ изъ самой подлинной народной среды и, по выраженію Пушкина, сталъ первымъ нашимъ университетомъ, опять вели нашу литературу на путь господствовавшего тогда псевдо-классицизма.

А. Пыпинъ.

ТЕОРІЯ

И

ПРАКТИКА ЗАКОННОСТИ

—Улазь и законъ. Изсгѣдованіе *Н. М. Коркунова*. Спб., 1894.—Его же, Русское государственное право. Т. I—II. Спб., 1892—94.

I.

Законность вышла изъ моды, если вѣрить нѣкоторымъ нашимъ публицистамъ извѣстныхъ „патріотическихъ“ газетъ; но тѣмъ не менѣе государственное устройство Россіи опредѣляется ея основными законами, устанавливающими слѣдующее общее положеніе, обязательное и для „патріотовъ своего отечества“: „Имперія російская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учреждений и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“. Въ этихъ словахъ весьма ясно и точно выраженъ принципъ законности въ томъ видѣ, какъ онъ понимается и принимается во всѣхъ культурныхъ государствахъ.

„Если въ господствѣ закона видѣть только господство воли властвующихъ, — говоритъ проф. Коркуновъ, — то между законнымъ и произвольнымъ порядкомъ управленіемъ государствомъ нельзя будетъ найти никакой существенной разницы. Съ этой точки зрѣнія совершенно правъ Шарль Контъ, находящій смѣшнымъ обычное превознесеніе того порядка, который называютъ законнымъ. Можно, — говоритъ онъ, — внести правильность и однообразіе въ грабежъ, и въ дѣлежъ награбленнаго, но ограбленнымъ отъ

этого не будетъ легче. Разъ овцеводъ опредѣлитъ время, когда онъ будетъ стричь своихъ овецъ, онѣ будутъ тѣмъ самымъ подчинены законному порядку, но не сдѣлаются отъ того свободнѣе. Еслибы для того, чтобы быть свободнымъ, было достаточно быть подчиненнымъ лишь напередъ установленнымъ законамъ, то всякое правительство могло бы установить свободу, ничего не теряя изъ своей власти". Но подчиняться заранѣе извѣстному закону, хотя бы суровому (*dura lex, sed lex*), неизмѣримо лучше, чѣмъ зависѣть отъ произвольныхъ рѣшеній и распоряженій, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни сообразить заблаговременно. Для людей важно знать, что ихъ ждетъ впереди, и потому самый строгій законъ всегда считался предпочтительнѣе самаго мягкаго произвола.

Законность сама по себѣ не есть благо, а составляетъ только одно изъ необходимыхъ условий правильной и спокойной государственной жизни. Законы могутъ быть несправедливы и произвольны, и точное соблюденіе ихъ можетъ нарушать важнѣйшіе интересы общества и народа. Необходимо поэтому, чтобы законодательство согласовалось съ существующими понятіями о правѣ и служило выраженіемъ дѣйствительныхъ потребностей и нуждъ страны: такое сочетаніе внѣшняго порядка съ внутреннею правдою образуетъ то, что называется порядкомъ, основаннымъ на правѣ.

Принципъ законности представляетъ наибольшую практическую важность для администраціи и суда; болѣе широкое начало цѣлесообразности господствуетъ въ области законодательства и въ сложной сферѣ внутренней политики вообще. При чисто бюрократическомъ устройствѣ органовъ управленія и законодательства, становится первенствующею силою въ государствѣ скромная на видъ бюрократія, наклонная къ канцелярской рутинѣ и превращающая всякое живое начинаніе въ предметъ безплодной переписки. Противовѣсомъ одностороннему владычеству канцелярій можетъ служить только самостоятельное общественное мнѣніе, выясняющее текущіе запросы жизни и указывающее недостатки и пробѣлы ихъ удовлетворенія. Опредѣлить въ точности власть бюрократіи и обставить ее возможно-лучшимъ образомъ, для общей пользы государства и всего населенія,—такова главная задача, вытекающая изъ практики нашего государственнаго права.

Что же говорить теорія, въ лицѣ нашихъ ученыхъ специалистовъ по государственному праву? Посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ новѣйшіе трактаты проф. Коркунова, касающіеся различныхъ сторонъ нашего политическаго строя и быта, съ точки

зрѣнія дѣйствующихъ законовъ. Книги проф. Коркунова заключаютъ въ себѣ много полезныхъ свѣденій и заслуживали бы, вѣроятно, обстоятельнаго разбора; но мы ограничимся только указаніемъ болѣе существенныхъ особенностей его изслѣдованій, не вдаваясь въ подробности, имѣющія второстепенное значеніе. Г. Коркуновъ — типъ теоретика, витающаго въ кругѣ отвлеченностей и ставящаго условныя фикці на мѣсто реальныхъ обобщеній; онъ занимается болѣе анализомъ понятій, чѣмъ изученіемъ фактовъ, и обращаетъ слишкомъ мало вниманія на историческія основы развитія государствъ и на жизненную почву излагаемыхъ политико-юридическихъ доктринъ. Онъ какъ будто не видитъ и не знаетъ того процесса внутренней борьбы, который происходитъ въ исторіи при послѣдовательныхъ метаморфозахъ государственной власти; онъ относитъ къ ошибочнымъ научнымъ теоріямъ такія явленія, которыя вызывались историческимъ ходомъ и условіями этой борьбы, не законченной понинѣ. Однако, при всей своей слабости къ отвлеченностямъ, г. Коркуновъ по неволѣ долженъ былъ коснуться многихъ практическихъ вопросовъ государственнаго права, и по этимъ частнымъ вопросамъ онъ высказываетъ не мало вѣскихъ и дѣльных замѣчаній. Невѣрный методъ, усвоенный авторомъ, выражается въ его общихъ теоретическихъ идеяхъ и разсужденіяхъ, которыя иногда оттого сбивчивы и неясны. Существующая въ нашемъ обществѣ неопредѣленность политическихъ понятій возведена г. Коркуновымъ въ научную систему, и труды его кажутся намъ съ этой стороны наиболѣе характерными и поучительными.

Въ западной Европѣ, по мѣрѣ расширенія доли участія народнаго представительства въ государственныхъ дѣлахъ, усиливалось стремленіе ограничить и точно опредѣлить полномочія исполнительной власти, въ интересахъ охраны парламентскихъ и конституціонныхъ правъ. Возбуждались горячіе споры о томъ, въ какихъ предѣлахъ можетъ самостоятельно дѣйствовать и распоряжаться исполнительная власть безъ участія парламента, которому принадлежать функціи законодательства и контроля. Когда правительство издавало указы, несогласные съ законами или съ конституціею, оно рисковало поднять противъ себя народное возстаніе, какъ это было, напр., во Франціи въ 1830 году. Правительственныя распоряженія, исходящія отъ личной власти, не должны тамъ вторгаться въ область законодательства и суда; это общее правило выработалось самою жизнью и давало понятное реальное содержаніе ученію о раздѣленіи властей. Г. Коркуновъ думаетъ иначе; онъ посвятилъ цѣлую книгу этому важному вопросу о

разграниченіи правительственной власти отъ законодательной, но придалъ ему видъ безпредметнаго, схоластическаго спора, лишеннаго всякой связи съ новѣйшею политическою исторіею и съ потребностями правильнаго внутренняго развитія западно-европейскихъ народовъ.

По мнѣнію проф. Коркунова, все дѣло—въ ошибочномъ теоретическомъ пониманіи государственной власти, какъ единой воли. „Дѣйствительная причина этого стремленія къ безусловному подчиненію правительства законодательной власти,—говоритъ онъ,—заключалась въ господствующемъ и по настоящее время пониманіи государственной власти, какъ единой, надъ всѣмъ господствующей, все опредѣляющей воли. Выраженіемъ этой единой властвующей воли признается законодательство, и затѣмъ уже всѣ другіе акты власти по необходимости представляются лишь актами осуществленія выраженной въ законѣ единой воли. При такомъ взглядѣ на государственную власть, быть самостоятельнымъ, имѣть свою волю можетъ, конечно, только органъ законодательной власти. Всѣ другіе органы государственной власти призваны только исполнять волю законодателя, и слѣдовательно должны находиться въ безусловномъ ему подчиненіи, въ полной отъ него зависимости“. Еслибы теоретики измѣнили свое мнѣніе объ единствѣ воли въ государствѣ, то парламенты тотчасъ прониклись бы неограниченнымъ довѣріемъ къ представителямъ короны и признали бы за ними право издавать самостоятельные указы и распоряженія, безъ согласія и одобренія палатъ. Такъ выходитъ по объясненію г. Коркунова. Авторъ усматриваетъ „упорную и постоянную борьбу“ изъ-за права распоряженій не между исполнительной властью и народнымъ представительствомъ, а между двумя доктринами — между „пониманіемъ власти, какъ единой воли, и необходимостью, въ виду свидѣтельства фактовъ, признать существованіе указовъ нормальнымъ и даже необходимымъ явленіемъ государственной жизни“. Для г. Коркунова не существуютъ дѣйствительные конфликты, въ родѣ бывшаго въ Пруссіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ первые годы министерства Бисмарка; онъ игнорируетъ эти практическія столкновенія между парламентами и короною, и оттого всѣ его выводы остаются, такъ сказать, висѣть въ воздухѣ. Для него самые законы, издаваемые въ современной Европѣ не иначе какъ при участіи парламента и общественнаго мнѣнія, суть только внѣшнія „велѣнія“ власти, могущія противорѣчить сознанію и потребностямъ общества, и единственною гарантіею противъ произвольности этихъ „велѣній“ онъ считаетъ эластичность толкованія и примѣненія

ихъ на практикѣ. „Воля законодателя,—говоритъ онъ,—какъ бы преломляется, проходя черезъ сознание примѣняющихъ законъ, и потому уклоняется отъ своего первоначальнаго направленія. И это вовсе не необходимое только зло, а положительное, несомнѣнное благо. Только благодаря такому преломленію воли законодателя въ общественномъ правосознаніи, законность и отличается отъ произвола деспотизма; только благодаря этому законность и даетъ обезпеченіе права, свободы, личной самостоятельности“¹⁾. Авторъ забылъ, что при конституціонномъ режимѣ всякое противорѣчіе между закономъ и потребностями жизни легко разрѣшается отиѣною неудобнаго закона по рѣшенію парламентскаго большинства; поэтому нѣтъ надобности рассчитывать на исполнителей для противодѣйствія произволу деспотизма, ибо самъ законъ является уже выраженіемъ общественнаго правосознанія.

Среди отвлеченныхъ разсужденій объ единой волѣ совершенно теряется у г. Коркунова опредѣленное представленіе о государствѣ: государство смѣшивается съ властью, а послѣдняя не отличается отъ правительства и администраціи, такъ что въ результатѣ оказывается полнѣйшее смѣшеніе понятій. Въ доказательство того, что государственная власть не исчерпывается проявленіями воли, авторъ ссылается на многочисленныя связи подданныхъ съ государствомъ, независимо отъ правительственныхъ велѣній, — какъ будто понятіе государства совпадаетъ съ понятіемъ государственной власти или даже съ понятіемъ правительства.

„Властвованіе, какъ проявленіе воли,—разсуждаетъ г. Коркуновъ,—выражается въ велѣніяхъ. Поэтому, чтобы государственную власть объяснить какъ волю, надо всѣ проявленія государственнаго властвованія свести къ велѣніямъ. Однако, въ дѣйствительности подчиненіе подданнаго власти *государства* не ограничивается и не исчерпывается однимъ исполненіемъ велѣній *правительства* (курсивъ нашъ)... Подчиненіе государству подданныхъ включаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ пассивное исполненіе обращенныхъ къ нимъ велѣній. Подданный сознаетъ за собою власть государства и тогда, когда никакихъ велѣній органовъ государственной власти къ нему не можетъ быть обращено. Находясь за границей, внѣ предѣловъ дѣйствія нашей отечественной государственной власти, мы не выходимъ въ силу этого изъ-подъ ея господства. Въ чужой странѣ связь наша съ родиной, наша зависимость отъ нея, наше подчиненіе ея интересамъ, ея власти, сознается еще сильнѣе и живѣе, чѣмъ дома. Точно также и въ

¹⁾ „Указъ и законъ“, стр. 169—170.

бритическія минуты жизни государства, когда существующіе органы власти обнаруживаютъ полное безсиліе и распаденіе, не всегда наступаетъ вмѣстѣ съ нимъ и гибель государства. Исторія представляетъ не мало примѣровъ того, какъ, при полномъ разложеніи государственной организаціи, въ гражданахъ сохранялось живое сознаніе ихъ политическаго единства, ихъ зависимости отъ судьбы государства, и народъ, не понуждаемый ничьими велѣніями, напрягалъ свои послѣднія силы и цѣною тяжелыхъ жертвъ спасалъ свое государство, возрождая его къ новой жизни. Да и въ обыкновенныхъ условіяхъ государственной жизни граждане не ограничиваются однимъ пассивнымъ исполненіемъ велѣній правительства. Они даютъ государству гораздо больше простого исполненія велѣній. Они сами идутъ на встрѣчу его требованіямъ; активно и по собственной инициативѣ поддерживаютъ его могущество, содѣйствуютъ его развитію, — и ко всему этому они признаютъ себя обязанными, видятъ въ этомъ гражданскій долгъ, а не въ одномъ исполненіи того, что имъ прикажутъ другіе. Гражданинъ выполняетъ свой долгъ подчиненія государству не только когда исполняетъ велѣнія правительства, но точно также, если еще не больше, и тогда, когда онъ стремится разъяснить и предупредить ошибки или злоупотребленія правителей“...

Само собою разумѣется, что какъ бы ни считать государственную власть — волею или чѣмъ другимъ, — она не можетъ быть отождествляема съ самимъ государствомъ, котораго она служитъ органомъ. Подчиненіе или неподчиненіе данному правительству есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ принадлежность къ государству и чувство связи съ родиною. Никто не сталъ бы, напримѣръ, утверждать, что французы, не желавшіе подчиниться власти Наполеона III, отрекались этимъ самымъ отъ своего государства и отечества; — напротивъ, отрицательное отношеніе къ „велѣніямъ“ второй имперіи могло вытекать и большею частью дѣйствительно вытекало изъ побужденій высшаго патриотизма, изъ сознанія долга передъ страной и государствомъ.

Вопросъ запутывается еще болѣе дальнѣйшими аргументами проф. Коркунова. Упустивъ уже изъ виду свое собственное безразличное употребленіе словъ „государство“ и „государственная власть“, авторъ находитъ, что и носитель государственной власти, какъ бы широки ни были его права, зависитъ самъ отъ государства. „Осуществляя функціи власти, онъ долженъ подчиняться условіямъ и требованіямъ даннаго государственнаго быта: онъ не можетъ стать внѣ ихъ или надъ ними. Другими словами, и правитель подвластенъ государству, и на него воздѣйствуетъ власть

государства, хотя онъ и не подчиняется ничьей высшей волѣ". Здѣсь государственная власть отдѣляется отъ власти государства; государственная власть, въ лицѣ правителя, подвластна государству или государственной власти. Получается какая-то игра словъ, въ которой чувствуется основная неясность мысли.

Власть, какъ утверждаетъ затѣмъ г. Коркуновъ, можетъ существовать и безъ власти, и безъ воли. Этотъ удивительный фактъ подтверждается авторомъ разными отвлеченными соображеніями. „Властвованіе предполагаетъ сознание не съ активной стороны, не со стороны властвующаго, а съ пассивной стороны, со стороны подвластнаго. Все, отъ чего человѣкъ сознаетъ себя зависимымъ, властвуетъ надъ нимъ, все равно—имѣть ли и даже можетъ ли оно имѣть волю, направленную на такое властвованіе. Для факта властвованія нѣтъ надобности, чтобы это сознание зависимости было реально, согласно съ дѣйствительностью. Не требуется даже, чтобы существовало то, идея о чемъ властвуетъ надъ людьми. Для властвованія требуется только самое сознание зависимости, а не реальность ея". Намъ кажется, что авторъ долженъ былъ все-таки вспомнить объ одной весьма существенной реальности — объ организованной принудительной силѣ, въ видѣ войска, полиціи и чиновничества, которыми такъ или иначе располагають или имѣють возможность располагать властвующіе. Принявъ свои соображенія за истину, г. Коркуновъ спокойно кладетъ ихъ въ основу своего пониманія государства. „При такомъ пониманіи власти,—продолжаетъ онъ,—нѣтъ надобности для объясненія явленій государственнаго властвованія олицетворять государство, надѣлать его во что бы то ни стало волей. Если власть есть сила, обусловленная сознаниемъ зависимости подвластнаго,—государство можетъ властвовать, не обладая ни волей, ни сознаниемъ, только бы составляющіе его люди сознавали себя зависимыми отъ государства. Это сознание уже само собою обуславливаетъ существованіе государственной власти.. Итакъ, властвуетъ надъ подданными государство, хотя оно и не имѣетъ вовсе никакой воли, — властвуетъ, потому что подданные сознаютъ себя отъ него зависимыми, и властвуетъ именно настолько, насколько они сознаютъ эту зависимость. Въ степени ихъ признанія зависимости—мѣра и граница власти государства. Но власть государства, при такомъ пониманіи его властвованія, не есть, конечно, воля. Государственная власть—это сила, вытекающая изъ признанія гражданами ихъ зависимости отъ государства“.

Дойдя до этого пункта, почти въ половинѣ книги, г. Коркуновъ неожиданно припоминаетъ, что онъ еще не успѣлъ опредѣ-

лить, что собственно разумѣть онъ подъ государствомъ. „Такое опредѣленіе государственной власти, — говоритъ онъ, — предполагаетъ, однако, для полной ясности, предварительное опредѣленіе государства. Государственная власть есть сила, обусловленная сознаниемъ зависимости отъ государства; а что-же такое само государство (стр. 182)?“ — Остановившаяся на этомъ запоздаломъ вопросѣ, авторъ не могъ не замѣтить, что „отличительная особенность государства заключается въ принудительномъ характерѣ его власти“, — вопреки высказанному раньше мнѣнію, что для властвованія ничего другого не требуется, кромѣ признанія зависимости отъ государства со стороны подвластныхъ. Стараясь примирить этотъ новый элементъ принужденія съ теоріею добровольной зависимости, г. Коркуновъ создаетъ настоящую государственную идиллію, которую потомъ отчасти самъ же разрушаетъ. „Власть, — объясняетъ онъ, — основывается на сознаниіи людьми ихъ зависимости отъ государства. Поэтому, чтобы вызвать по своей волѣ дѣйствіе власти, надо располагать возможностью вызывать въ людяхъ это сознание зависимости и придавать ему то или другое содержаніе. Такою возможностью располагаетъ тотъ, кто въ глазахъ другихъ людей является лучшимъ выразителемъ и истолкователемъ того, что надъ нами властвуетъ. Такъ, если человѣкомъ властвуетъ представленіе о грозящей смерти болѣзни, — знахарь или врачъ, въ искусствѣ котораго убѣжденъ больной, можетъ пользоваться неограниченною надъ нимъ властью. Такъ, набожный человѣкъ, въ особенности угнетаемый раскаяніемъ въ содѣянномъ грѣхѣ, подпадаетъ власти того, кого считаетъ истолкователемъ божественной воли, посредникомъ между людьми и божествомъ. Точно также сознание нашей зависимости отъ государства можетъ быть направляемо такъ или иначе тѣмъ, кто въ нашихъ глазахъ является лучшимъ выразителемъ требованій интересовъ государственнаго общенія“. Впрочемъ, можно подчиняться и людямъ, не признаваемымъ нами лучшими истолкователями потребностей и интересовъ государства. „Мы нерѣдко подчиняемся человѣку просто потому, что ему подчиняются другіе, и не только потому, чтобы мы всегда считали другихъ вѣрными цѣнителями, лучшими судьями, а и потому также, что самый фактъ подчиненія другихъ уже увеличиваетъ силу этого человѣка и создаетъ увѣренность, что все такъ и сдѣлается, какъ онъ хочетъ. Поэтому наше сознание зависимости отъ государства заставляетъ насъ подчиняться не только тому, кто по нашему собственному убѣжденію является лучшимъ выразителемъ и истолкователемъ требованій и интересовъ государства, но также и даже чаще тому, кому под-

чинается значительнѣйшая или вліятельнѣйшая часть нашихъ согражданъ". Еще одинъ шагъ, и отъ всей идилліи добровольнаго подчиненія лучшимъ людямъ не остается и слѣда. Это послѣднее превращеніе достигается признаніемъ обязанности повиновенія извѣстнымъ лицамъ, независимо отъ ихъ достоинствъ. „Распоряженіямъ полицейскаго подчиняются не потому, чтобы его считали лучшимъ выразителемъ требованій государственнаго общенія, не потому, чтобы ему подчинялись значительныя общественныя группы, не потому, чтобы онъ пользовался особымъ личнымъ обяваніемъ, а просто потому, что за нимъ признано право на осуществленіе опредѣленныхъ функцій власти. Обязанность подчиненія его велѣніямъ поддерживается прежде всего именно сознаніемъ права, а затѣмъ угрозою наказанія или другихъ невыгодныхъ послѣдствій, связываемыхъ съ неисполненіемъ законныхъ распоряженій". Послѣ долгихъ теоретическихъ странствованій, послѣ подробнаго разбора воззрѣній нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ — Лоренца Штейна, Теллинека, Гумпловича и другихъ, авторъ изъ своего небывалаго отвлеченнаго государства сразу попадаетъ на землю, благодаря повернушемуся примѣру городского, вооруженнаго принудительною властью. Такъ непрочны теоріи, построенныя на абстракціяхъ и пренебрегающія элементарными, общезвѣстными фактами!

Что же такое государство, по опредѣленію г. Коркунова? Государство есть „юридическое отношеніе, въ которомъ граждане суть субъекты, и въ которомъ власть составляетъ общій, единый объектъ всѣхъ тѣхъ правъ, изъ которыхъ слагается содержаніе государственнаго правоотношенія". Мы думаемъ, что пониманіе истинной природы государства не подвинется впередъ отъ подобныхъ опредѣленій. Въ этой темной и странной комбинаціи словъ отсутствуютъ *ест* основные элементы понятія о государствѣ: тутъ нѣтъ ни политическаго союза съ извѣстною организаціею власти, ни особой территоріи, ни внѣшней независимости. Въ опредѣленіи упоминается о „государственномъ правоотношеніи", т.-е. о томъ самомъ понятіи, которое требуется опредѣлить; „граждане" возведены на степень субъектовъ, обладающихъ одними только правами, а ничего не сказано о значеніи подданныхъ, какъ объектовъ власти; власть превращается въ „общій единый объектъ", дѣйствительный смыслъ котораго неизвѣстенъ. „Юридическое отношеніе" г. Коркунова есть что угодно, но только не государство; это можетъ быть искусственная договорная связь немногихъ лицъ, въ родѣ общества потребителей или какой-нибудь акціонерной компаніи, съ разнообразными правами участниковъ на распоряженіе объектомъ. Дополнительные разъясненія автора только

затемняютъ дѣло, прибавляя все новые произвольные признаки, предполагающіе выясненнымъ именно то, что надлежало выяснить.

„Носителемъ государственной власти являются не одни органы власти, а все государство, всѣ граждане“. Государство, какъ юридическое отношеніе, принадлежитъ къ „отношеніямъ публичнаго права“, которыя отличаются будто бы тѣмъ, что обнимаемые ими интересы „разграничиваются посредствомъ приспособленія объекта къ совмѣстному пользованію, а не посредствомъ подѣленія его въ частное пользованіе отдѣльныхъ лицъ“, — такъ что устройство частныхъ театровъ, балагановъ, библиотекъ, купаленъ, банъ и т. п. входитъ въ область публичнаго или государственнаго права. „Государственная власть, чтобы остаться государственною, должна быть предметомъ совмѣстнаго пользованія всѣхъ составляющихъ государство“; — очевидно, авторъ могъ при этомъ имѣть въ виду только афинскую республику, а такія страны, какъ Персія — и не только какъ Персія, — исключаются изъ числа государствъ. „Государственная власть по самой природѣ своей не допускаетъ дѣленія. Иначе государство лишилось бы своего единства и распалось бы на нѣсколько государствъ“. Но государственная власть и государство — не одно и то же, и потому дѣленіе власти вовсе не означаетъ дѣленія самого государства. Существуютъ и союзныя государства, какъ Соединенные-Штаты и Швейцарія, о которыхъ забылъ г. Коркуновъ. Еслибы авторъ не ограничивался общими разсужденіями, а держался реальной фактической почвы, еслибы онъ изучалъ государства исторически, какъ они развивались и какъ достигли современнаго устройства въ культурномъ мірѣ, онъ никогда не дошелъ бы до тѣхъ малосодержательныхъ опредѣленій и противорѣчивыхъ выводовъ, которыми наполнена его книга объ „указѣ и законѣ“.

Между прочимъ, г. Коркуновъ, слѣдуя тому же методу отвлеченныхъ толкованій и дефиницій, предлагаетъ замѣнить ученіе Монтескье о раздѣленіи властей болѣе общою теоріею „совмѣстности властвованія“. Дѣло въ томъ, что раздѣленіе властей, въ интересахъ взаимнаго ихъ сдерживанія и контроля, не требуетъ строгаго обособленія разнородныхъ государственныхъ функцій, а характеризуется, напротивъ, участіемъ различныхъ органовъ въ каждомъ государственномъ дѣлѣ. „Такъ, раздѣленіе законодательства, суда и управленія вовсе не приводитъ къ спеціализаціи, а къ тому, что въ разрѣшеніи каждой задачи государственной дѣятельности участвуютъ органы и законодательства, и управленія и суда. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь предметы дѣятельности всѣхъ этихъ органовъ — одни и тѣ же. Нѣтъ такого государственнаго дѣла,

которое не требовало бы и нормировки его закономъ, и осуществления его административными мѣрами, и разрѣшенія связанныхъ съ нимъ юридическихъ вопросовъ судомъ". Это замѣчаніе само содержитъ въ себѣ и опроверженіе: нельзя назвать участіемъ въ общемъ разрѣшеніи задачи простое осуществленіе принятаго уже рѣшенія, точно такъ же какъ нельзя считать участіемъ въ выработкѣ установленныхъ правилъ послѣдующее истолкованіе ихъ и примѣненіе къ отдѣльнымъ спорнымъ случаямъ. Если законы обязательны и для администраціи, и для суда, то, очевидно, законодательныя функціи должны быть поставлены выше административныхъ и судебныхъ, и законодательное разрѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ не можетъ быть смѣшиваемо съ исполнительными дѣйствіями администраціи и съ частными разъясненіями судебныхъ мѣстъ. Раздѣленіе властей не есть произвольное теоретическое построеніе, которое съ успѣхомъ могло бы быть замѣнено какимъ-нибудь другимъ, искусственно придуманнымъ понятіемъ. „Совмѣстность властвованія“ не выражаетъ ничего подобнаго тому, что всегда разумѣется подъ раздѣленіемъ властей и что желаетъ сохранить самъ г. Коркуновъ; трудно даже догадаться, что „совмѣстность властвованія“ должна означать „взаимное сдерживаніе воли, участвующихъ въ распоряженіи государственною властью“. Безцвѣтная, неопредѣленная формула, предлагаемая авторомъ, кажется ему полезнымъ обобщеніемъ и усовершенствованіемъ старой теоріи раздѣленія властей; но въ сущности дѣло сводится къ замѣнѣ ясныхъ старыхъ словъ болѣе туманными и малозначащими выраженіями, требующими особыхъ комментариевъ.

Главный интересъ изслѣдованія г. Коркунова заключается, конечно, не въ этой общей теоретической части его труда, а въ специальномъ ученіи о предѣлахъ распорядительной, „указной“ компетенціи административной власти, по нашимъ законамъ. Начало законности имѣетъ убѣжденнаго и послѣдовательнаго защитника, въ лицѣ проф. Коркунова. „И для русскаго государствовѣда, — замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ своему трактату, — не можетъ быть болѣе высокой и болѣе благодарной задачи, какъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, утвержденію и развитію этого начала въ нашей государственной жизни. Основы государственнаго быта поддерживаются и укрѣпляются не одною силою власти, но и силою убѣжденія. А выработка сознательныхъ и опредѣленныхъ убѣжденій есть именно дѣло науки“. Посмотримъ, однако, насколько наука г. Коркунова помогаетъ ему въ успѣшномъ исполненіи этой важной задачи, относительно одного изъ главнѣйшихъ и самыхъ темныхъ вопросовъ нашей государственной жизни.

Казалось бы, что принципъ законности требуетъ прежде всего точнаго разграниченія между полномочіями администраціи, съ одной стороны, и функціями законодательными и судебными—съ другой, ибо нѣтъ прочной обезпеченности частныхъ и общественныхъ правъ, при одностороннемъ господствѣ исполнительныхъ органовъ правительства и при необязательности для нихъ авторитета закона и суда. Но наука, представляемая г. Коркуновымъ, рисуетъ себѣ государство въ видѣ „юридическаго отношенія“, въ которомъ всѣ граждане совмѣстно пользуются государственною властью и въ то же время обязаны совмѣстно и въ отдѣльности безпрекословно подчиняться велѣніямъ властей, назначенныхъ независимо отъ ихъ участія; а разные органы государства, имѣя каждый свою особую самостоятельную волю, одновременно, въ той или другой мѣрѣ, и законодательствуютъ, и судятъ, и управляютъ. „Совмѣстность властвованія“, уже по прямому смыслу словъ, предполагаетъ возможность и дѣлесообразность того именно смѣшенія функцій, которое наиболѣе опасно для интересовъ отдѣльныхъ лицъ и всего общества—и наиболѣе опасно именно тамъ, гдѣ дѣйствія даже второстепенныхъ исполнителей не подлежатъ публичной критикѣ и общественному контролю. На практикѣ имѣютъ громадное значеніе различныя вопросы, вытекающіе изъ неяснаго взгляда на предѣлы компетенціи административной власти и на отношенія ея къ законамъ и къ суду. Могутъ ли представители мѣстной администраціи фактически отмѣнять законы и игнорировать ихъ, постановлять судебные приговоры, подвергать людей наказаніямъ за какіе-либо общіе проступки, издавать указы по предметамъ, не предусмотрѣннымъ никакими законами? Можно ли предупредить неправильное вторженіе тѣхъ или иныхъ начальствъ въ область задачъ судебного вѣдомства и законодательства? Отъ отвѣта на эти вопросы зависитъ признаніе того, господствуетъ ли начало законности на дѣлѣ или нѣтъ. При такихъ условіяхъ, выставлять, отъ имени науки, теорію „совмѣстности властвованія“, хотя бы и равносильную по существу съ теорією раздѣленія власти,—значитъ давать удобное оружіе въ руки приверженцевъ произвола и усмотрѣнія. А между тѣмъ авторъ несомнѣнно хотѣлъ способствовать, а не противодѣйствовать утверженію начала законности въ жизни.

Къ сожалѣнію, проф. Коркуновъ въ своемъ специальномъ трактатѣ обходитъ молчаніемъ нѣкоторыя существенныя стороны затронутой имъ темы и вдается въ обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ скорѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе. Онъ

разсуждаетъ не столько объ административныхъ указахъ и приказахъ, сколько о разныхъ формахъ и категорияхъ постановлений, исходящихъ отъ верховной власти. Автора особенно интересуетъ различіе между способами выраженія высочайшей воли, между указами, издаваемыми въ порядкѣ управленія—и актами, вырабатываемыми законодательнымъ порядкомъ. Большинство юристовъ держится того мнѣнія, что въ абсолютной монархіи всѣ указы государя одинаково имѣютъ силу закона, и что бесполезно проводить какое-то различіе между разными формами высочайшихъ повелѣній. Г. Коркуновъ хочетъ доказать, что „соблюдение законовъ и высочайшихъ указовъ не только возможно и въ абсолютной монархіи, но составляетъ и въ ней, какъ и вездѣ, необходимое условіе правильнаго развитія государственной дѣятельности“. Неограниченный монархъ одинаково полновластенъ и въ законодательствѣ, и въ управленіи. „Поэтому,—поясняетъ авторъ,—у него не можетъ быть никакого интереса не соблюдать имъ самимъ установленныхъ формъ законодательныхъ актовъ. И соблюдая эти формы, онъ остается также свободенъ, какъ и дѣйствуя въ порядкѣ управленія. Только у отдѣльныхъ совѣтниковъ монарха, стремящихся подчинить его всецѣло своему одностороннему и исключительному вліянію, можетъ явиться интересъ устранять примѣненіе болѣе сложныхъ формъ обсужденія законодательныхъ актовъ,—формъ, обуславливающихъ участіе болѣе широкаго круга совѣтниковъ. Но самому монарху строгое соблюденіе разъ установленныхъ формъ законодательства не можетъ представляться стѣснительнымъ. Его власть будетъ проявляться тѣмъ свободнѣе, тѣмъ полнѣе, всенароднѣе, обдуманнѣе будетъ предварительное обсужденіе его предначертаній. Выслушавъ многихъ и по возможности независимыхъ совѣтниковъ, монарху въ своемъ рѣшеніи будетъ тѣмъ легче стать выше односторонняго вліянія узкихъ, партійныхъ или своекорыстныхъ стремленій того или другаго совѣтника. Смѣшенія формъ законодательства и управленія могутъ требовать личные интересы приближенныхъ къ монарху лицъ, оберегающихъ свое вліяніе на него; но сама по себѣ неограниченность власти монарха отнюдь не предполагаетъ такого смѣшенія, какъ непремѣнной своей принадлежности“. Все это, конечно, вѣрно; но, какъ признаетъ отчасти самъ авторъ, при единствѣ источника власти внѣшнія формальности, которыми обставлено выраженіе законодательной воли, важны только въ смыслѣ гарантіи ея подлинности и едва ли могутъ вліять на ея содержаніе; нѣтъ ничего легче, какъ замѣнить одну форму другою, болѣе сложною и торжественною, если только воля остано-

вилась на опредѣленномъ рѣшеніи, хотя бы подѣ одностороннимъ вліяніемъ отдѣльныхъ совѣтниковъ, упоминаемыхъ г. Корбуновымъ. Конечно, извѣстныя формы необходимы и всегда соблюдались. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ авторъ, что такой порядокъ, при которомъ всякое случайно выраженное пожеланіе монарха уже признавалось бы создающимъ обязательныя нормы, былъ бы стѣснителенъ и невыносимъ прежде всего для самого же монарха. „Хорошо имѣть много золота, но если все, къ чему прикасается человѣкъ, станетъ превращаться въ золото, то онъ умретъ съ голода. Хорошо обладать властью, но если каждое сказанное слово превращается въ обязательное велѣніе, то такой избытокъ власти не можетъ не гнестъ самого властителя. Самъ властитель не можетъ поэтому не чувствовать потребности опредѣлить условія и формы, при наличности которыхъ сказанное имъ должно получать обязательную силу, для того чтобы онъ могъ сознательно осуществлять свою власть“. Такъ какъ значеніе самихъ формъ опредѣляется тою же волею, которая устанавливаетъ законы, то отъ нея же всегда зависитъ соблюденіе формальностей или нарушеніе ихъ; поэтому разница формы въ концѣ концовъ не играетъ роли на практикѣ. Это видно, между прочимъ, изъ сообщаемыхъ авторомъ любопытныхъ свѣденій о судьбѣ словесныхъ или объявляемыхъ указовъ. Со времени Петра Великаго неоднократно повторялись предписанія „не вѣрить“ объявляемымъ указамъ и не принимать ихъ къ исполненію въ серьезныхъ случаяхъ; но, несмотря на это, объявленные словесныя высочайшія повелѣнія сохраняли силу и значеніе наравнѣ съ подписанными указами. Такъ, въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, изданъ былъ законъ, запрещающій „производить въ дѣйство“ объявленные словесныя указы, а въ концѣ того же царствованія этотъ законъ о словесныхъ указахъ былъ отмѣненъ словеснымъ высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ сенату. Путемъ историческаго сопоставленія изданныхъ въ разное время законовъ, авторъ думаетъ установить то общее положеніе, что „отличительнымъ признакомъ закона служить у насъ предварительное обсужденіе предполагаемой мѣры въ государственномъ совѣтѣ“. Только такое изъявленіе высочайшей воли, — заключаетъ г. Корбуновъ, — „которое состоялось по предварительномъ обсужденіи дѣла въ совѣтѣ, есть законъ. Только проведеніе дѣла черезъ совѣтъ есть законодательный порядокъ“. Однако, для подобнаго вывода авторъ не находитъ достаточно убѣдительныхъ данныхъ въ нашихъ основныхъ законахъ; онъ прибѣгаетъ поэтому къ сложному способу толкованія, который едва ли даже примѣнимъ

въ рѣшенію такого рода вопросовъ. Только на практикѣ можно отыскивать различіе между законами и указами, издаваемыми верховною властью, ибо самый вопросъ о несогласіи какого-либо высочайшаго указа съ законами можетъ возникнуть только по формальнымъ причинамъ, которыя всегда могутъ быть устранены. При томъ, положеніе, защищаемое г. Коркуновымъ, является по существу недостаточно доказаннымъ: обсужденіе дѣла въ законодательномъ совѣтѣ еще не можетъ опредѣлить окончательнаго результата.

Какъ это ни странно, но проф. Коркуновъ всего менѣе говоритъ о принципѣ законности въ примѣненіи въ административнымъ указамъ и распоряженіямъ; онъ довольствуется въ этой области простымъ изложеніемъ фактовъ, почти безъ всякой критической ихъ оцѣнки. „При усиленной охранѣ,—говоритъ онъ, напр.,—генерал-губернаторы и губернаторы могутъ сами устанавливать за неисполненіе ихъ указовъ взысканія не свыше трехмѣсячнаго ареста или штрафа не болѣе 500 р. и налагать ихъ въ административномъ порядкѣ. При чрезвычайной охранѣ и при военномъ положеніи, кромѣ того, главноначальствующему предоставляется устанавливать и налагать въ административномъ порядкѣ за неисполненіе его указовъ арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ и върѣности до трехъ мѣсяцевъ и штрафъ до 3.000 р.“ (стр. 396). Распространяются ли эти полномочія на проступки, предусмотрѣнные общими законами и подлежащіе разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, а если распространяются, то въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ,—объ этомъ не говорится. Почему наука, въ лицѣ проф. Коркунова, не высказывается по этимъ дѣйствительно важнымъ вопросамъ, — мы судить не беремъ.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ
„POÈMES TRAGIQUES“

ЛЕОНТЬ-ДЕ-ЛЕНА.

1. НЕБЕСНАЯ ЛАМПАДА.

Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Сіянье льеть свое небесная лампада
На дальнюю страну, гдѣ протекаетъ Нилъ,
На синеву морей и бездну водопада.
Когда царить въ поляхъ вечерняя прохлада,
Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Сіянье льеть свое небесная лампада.

И чтѣ такое ты, волшебница-луна,—
Не солнце ли для тѣхъ, чтѣ сномъ заснули вѣчнымъ?
Не та ль ты чудная, блаженная страна,
Гдѣ грезять души ихъ блаженствомъ безконечнымъ,
Гдѣ пробужденья нѣтъ отъ сладостнаго сна?
И чтѣ такое ты, волшебница-луна,—
Не солнце ли для тѣхъ, чтѣ сномъ заснули вѣчнымъ?

О, еслибъ эта ночь съ собою принесла
Забвенья навсегда, безчувствіе нирваны!
Все позабыть: любовь, которая лгала,
И ненависти ядъ, и разума обманы,
Гнетъ вѣковѣчнаго насилія и зла!
О, еслибъ эта ночь съ собою принесла
Забвенья навсегда, безчувствіе нирваны!

Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
 Зачѣмъ сіяешь ты небесная лампада?
 Померьни навсегда, чтобъ вѣчный мракъ покрылъ
 И синеву морей, и бездну водопада,
 И дальнюю страну, гдѣ протекаетъ Нилъ.
 Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
 Зачѣмъ сіяешь ты, небесная лампада?

2. УМИРАЮЩЕМУ ПОЭТУ.

Ты, взоромъ генія поэта,
 Въ порывѣ творческой мечты,
 Искавшій жадно красоты
 И жаждавшій душою свѣта,—

Простись съ земною суетой.
 Ничтожно все: и жизнь, и слава.
 —Любовь?... Но въ чашѣ золотой
 Таятся горькая отравы.

Подобно древнимъ божествамъ,
 Плѣненный гордою свободой,
 Покинь и ты свой тѣсный храмъ,
 Чтобъ слиться съ матерью-природой.

Оплаванъ будешь ты, поэтъ,
 И признаваемъ или нѣтъ
 Своимъ пустымъ и жалкимъ вѣкомъ—
 Завиденъ жребій твой! Не знать,
 Не чувствовать, не сознавать
 Стыда родиться человѣкомъ!

3. БЕЗСМЕРТНОЕ БЛАГОУХАНІЕ.

Когда красовалась роза Лагера
 Хоть день посреди дорогого сосуда—
 Вы можете вылить всю воду оттуда,
 Но запахъ чудесный исчезнетъ не скоро.

Краса этой розы была скоротечна,
 Какъ пламя угасшей безвременно страсти,
 Но даже въ сосудѣ, разбитомъ на части,
 Ея аромат сохраняется вѣчно.

И сердцемъ, исполненнымъ прежде любовью,
 Теперь же—разбитымъ, сочащимся кровью
 И горькою мукой объятимъ,—
 Не шлю я проклятій погибшей святынѣ:
 Она наполняетъ его и донныѣ
 Безсмертнымъ своимъ ароматомъ.

4. АЛБАТРОСЪ.

Во мглѣ холоднаго тумана,
 На всемъ просторѣ океана,
 Отъ полюса до южныхъ странъ—
 Бушуетъ дико ураганъ.
 Отчаянья и злобы полный,
 Вдвигаетъ онъ горою волны,
 Съ сѣдою пѣной на хребтахъ.
 Въ нависшихъ низко небесахъ
 Рождаетъ тучу онъ за тучей,
 И блескомъ молніи летучей
 На мигъ бываетъ озаренъ
 Покрытый мракомъ небосклонъ.

И только царь морей безбрежныхъ,
 Паря надъ бездной волнъ мятельныхъ,
 Гдѣ гибнуть вить и кашалотъ,—
 Свершаетъ смѣлый свой полетъ
 Безъ колебаній и усилія...
 Раскинувъ царственныя крылья,
 Вперяя вдаль спокойный взоръ,
 Какъ будто бы небесъ просторъ
 Имъ измѣряя,—надъ туманомъ,
 Надъ беспощаднымъ ураганомъ,
 Ниспровергающимъ утесъ,—
 Побѣдно рѣветъ альбатросъ!

5. ПОСЛѢДНІЙ ОЛИМПЕЦЪ.

Не разъ предо мною изъ тьмы возставало видѣнье
И снился мнѣ странный, не разъ повторявшійся сонъ.
Я видѣлъ за гранью на вѣкъ отошедшихъ временъ,
Когда чередою въ могилу сойдутъ поколѣнья —

Я видѣлъ себя одиночимъ въ предѣлахъ земли.
Все было кругомъ тишиною могильной объято,
Людей голоса, оглашавшіе землю когда-то,
И вопль океана, — затихли вдали...

Оставивъ орбиту, красы лишена и убранства,
Нарушивъ собою созвѣздія расчисленный ходъ,
Въ хаосъ вселенной, среди мірового пространства —
Земля уносилась безцѣльно впередъ.

Моря пересохли; изъ ихъ опустѣвшей пучины,
Подобно обломкамъ, вздымались наверхъ острова.
Какъ факель могильный, луна озаряла равнины,
И мертвой казалась небесь синева.

Не зная желаній и чуждый на вѣкъ сожалѣнью,
Послѣдній изъ смертныхъ, почившихъ подъ сѣнью могилъ,
По волю судьбы — позабытой и блѣдною тѣнью —
И самъ я безцѣльно во мракѣ бродилъ.

Но вдругъ въ отдаленіи увидѣлъ я призракъ прекрасный,
Какъ будто парившій надъ высью заоблачной горъ.
На мертвую землю и мертвенный неба просторъ
Безмолвно взиралъ онъ, спокойно-безстрастный.

И былъ этотъ призракъ подобенъ Олимпа богамъ.
Онъ высился гордо среди своего пьедестала,
Какъ въ дни золотые, когда наполнявшая храмъ
Колѣна толпа передъ нимъ преклоняла.

Но, брошены рядомъ, покоились луки и колчанъ,
Откуда летѣли волшебныя стрѣлы желаній,
Собой зажигающихъ безумную жажду лобзаній,
Въ сердцахъ недоступныхъ Юнонь и Діанъ.

И отблескъ лучей надъ челомъ беззаботнаго бога
 Померянуль, погасъ, и не билося сердце его—
 Источникъ любви, гдѣ таилася страсти тревога
 И ея торжество.

И снова во мнѣ пробудилися съ силой могучей
 Тоска и восторгъ позабытыхъ порывовъ любви;
 Отравы ея, сладострастно, мучительно жгучей—
 Я почувствовалъ пламень въ крови.

И въ призракъ томъ, въ неподвижномъ и блѣдномъ кумирѣ,
 Узнали тогда пораженныя очи мои
 Того, въмъ живетъ, безъ кого умираетъ все въ мирѣ:
 Последняго бога, великаго бога любви!

6. ТАЙНА БЫТІЯ.

Разгадка тайны бытія
 Понятной станетъ въ часъ кончины;
 Существованія причины
 Тогда умомъ постигну я.

Когда въ концѣ—вся цѣль начала,
 А жизнь—обманъ и суета—
 Зачѣмъ, о, лживая мечта,
 Ты насъ для жизни пробуждала?

Во всё вѣка и времена,
 Объятый скорбью, иль экстазомъ,—
 Одно постигъ бессильный разумъ:
 Что всѣмъ могила суждена.

Не будь ея—любви и славы,
 И добродѣтели святой,
 Цвѣтовъ и счастья, и отравы,—
 И жизни не было бъ самой.

Живущіе, не бойтесь смерти!
 Въ могильномъ сумракѣ ея
 Скрывается для насъ, повѣрьте,
 Разгадка тайны бытія.

О. Михайлова.

НАРОДНОСТЬ

СЪ

ПРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

I.

Отношеніе человѣка къ народности опредѣляется въ наши дни двумя взглядами: *націоналистическимъ* и *космополитическимъ*. Въ области чувствъ и вкусовъ могутъ быть переходы и оттѣнки, но ясныхъ и опредѣленныхъ точекъ зрѣнія передъ нами только двѣ. Первая можетъ быть сведена къ формулѣ: *мы должны любить свой народъ и служить его благу всеми средствами, а къ прочимъ народамъ имѣемъ право быть равнодушными; въ случаѣ же столкновенія изъ національныхъ интересовъ съ нашими, мы обязаны относиться къ этимъ чужимъ народамъ враждебно*. Сущность другой, космополитической точки зрѣнія выражается такъ: *Народность есть только натуральный фактъ, не имѣющій никакого нравственнаго значенія; у насъ нѣтъ обязанностей къ народу какъ такому (ни къ своему, ни къ чужимъ), а только къ отдельнымъ людямъ, безъ всякаго различія народностей*.

Есть ли однако необходимость выбирать между этими двумя противорѣчащими другъ другу взглядами, или возможно стать на третью точку зрѣнія, возвышающую насъ надъ этимъ противорѣчіемъ, позволяющую совмѣстить любовь и обязанности къ своему народу съ положительнымъ нравственнымъ отношеніемъ къ чужой народности?

Всякій здравомыслящій космополитъ упрекаетъ приверженцевъ націонализма не за то, конечно, что они любятъ свой народъ, а только за то, что они считаютъ позволительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ и обязательнымъ ненавидѣть и презирать иногородцевъ и чужеземцевъ. Точно также самый ярый націоналистъ, если только онъ не лишенъ разсудка, нападаетъ на космополитовъ не за то, что они требуютъ справедливости къ чужимъ, а лишь за то, что они равнодушны къ своему народу. Значитъ, въ каждомъ изъ этихъ взглядовъ невольно различается даже его прямыми противниками хорошая сторона отъ дурной, и естественно возникаетъ вопросъ: связаны ли эти двѣ стороны необходимою связью, т.-е.: 1) слѣдуетъ ли изъ любви къ своему народу—позволительность всякихъ средствъ ради его интересовъ и законность равнодушнаго и враждебнаго отношенія къ чужимъ? и 2) слѣдуетъ ли изъ одинаковаго нравственнаго отношенія ко всѣмъ людямъ—равнодушіе къ народности вообще и къ своей въ особенности?

Первый вопросъ легко рѣшить, если только разобрать то, что содержится въ понятіи истиннаго патріотизма, или любви къ своему народу. Необходимость такого элементарнаго разбора должна быть признана всякимъ, ибо всякій согласится, что бываетъ патріотизмъ *неразумный*, ведущій народы къ гибели; бываетъ патріотизмъ *пустой*, выражающій только голословную претензію, и бываетъ, наконецъ, патріотизмъ прямо *ложный*, служащій только личною для низкихъ, своекорыстныхъ побужденій. Въ чемъ же состоитъ настоящій или истинный патріотизмъ?

Настоящая любовь къ кому-нибудь выражается въ томъ, что мы желаемъ и стараемся доставить любимому существу всѣ блага не только нравственныя, но и матеріальныя, однако послѣднія—непремѣнно подъ условіемъ первыхъ. Всякому, кого я люблю, я желаю между прочимъ и матеріальнаго благосостоянія, но разумѣется лишь съ тѣмъ, чтобы онъ достигъ его честными средствами и хорошо имъ пользовался. Если мой другъ нуждается, а я ради этого буду способствовать ему въ мошенническомъ приобрѣтеніи состоянія, хотя бы даже при ручательствахъ въ безнаказанности его преступленія, или если онъ писатель, а я буду совѣтовать ему увеличить свою литературную извѣстность посредствомъ удачнаго плагіата,—то всякій по справедливости сочтетъ меня или сумасшедшимъ, или негодяемъ, а никакъ не хорошимъ другомъ своего друга.

Ясно, такимъ образомъ, что блага, которыя любовь заставляетъ насъ желать для другого, различаются не только по сво-

имъ внѣшнимъ свойствамъ, но и по своему внутреннему значенію для воли: блага духовныя, которыя по самому понятію своему исключаютъ возможность дурныхъ средствъ для ихъ пріобрѣтенія, такъ какъ нельзя украсть нравственное достоинство, или награть справедливость, или оттягать челоуѣколюбіе,—эти блага желательны *безусловно*; напротивъ, блага матеріальныя, которыя по природѣ допускаютъ дурныя средства, желательны только *подъ условіемъ* неупотребленія такихъ средствъ, т.-е. подъ условіемъ подчиненія матеріальныхъ цѣлей цѣли нравственной.

До извѣстнаго предѣла всѣ согласны съ этою элементарною истиной; всѣ согласны, что непозволительно обогащать посредствомъ преступленія ни себя, ни своего друга, ни свою, ни его семью, ни даже свой городъ, или цѣлую область, въ которой живешь. Но эта ясная какъ день нравственная истина вдругъ тускнѣетъ и совсѣмъ затемняется, какъ только дѣло доходитъ до *своего народа*. Для его предполагаемаго блага, для служенія его предполагаемымъ интересамъ вдругъ все оказывается дозволеннымъ, цѣль оправдываетъ средства, черное становится бѣлымъ, ложь предпочитается истинѣ и насиліе превозносится какъ доблесть. Въмѣсто того, чтобы негодовать на такое превращеніе, лучше дать себѣ ясный отчетъ въ его смыслѣ, т.-е. въ томъ, что логически предполагается такую точкою зрѣнія.

Если въ интересахъ своего народа позволительно то, что вообще запрещается нравственнымъ закономъ, какъ-то: обманъ, насиліе надъ чужою совѣстью, убійство,—то это значитъ, что нравственный принципъ лишенъ безусловнаго значенія. Это значеніе переносится здѣсь всецѣло на народность, которая оказывается высшимъ абсолютнымъ принципомъ, не подчиненнымъ никакому условію, а напротивъ, обусловливающимъ собою все должное.

Достоинство поступковъ опредѣляется уже не ихъ отношеніемъ къ нравственному принципу, а ихъ отношеніемъ къ народности, которая такимъ образомъ и получаетъ всю силу верховнаго практическаго критерія. Но можетъ ли такое значеніе по существу дѣла принадлежать факту народности?—Логически отвѣтъ ясенъ, ибо въ понятіи народности нѣтъ ничего абсолютнаго и сверхнравственнаго, но посмотримъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ исторія.

II.

Обособленіе въ человѣческомъ родѣ опредѣленныхъ и прочныхъ группъ съ національнымъ характеромъ не есть фактъ всеобщій и первоначальный. Не говоря о тѣхъ дикаряхъ и варварахъ, которые доселѣ живутъ отдѣльными родами, кланами или бродячими шайками, и въ культурной части человѣчества дѣленіе на націи никогда не имѣло исключительнаго преобладанія. Въ древнемъ мірѣ мы такого дѣленія почти нигдѣ не встрѣчаемъ; мы видимъ здѣсь или самостоятельныя гражданскія общины, т.-е. группы болѣе мелкія, чѣмъ націи, и объединенныя не національно, а только политически, — таковы города въ Финикіи, Греціи, Италиі; или же, напротивъ, группы болѣе обширныя, чѣмъ націи, государства многонародныя, такъ-называемыя „всемирныя монархіи“, отъ ассиро-вавилонской до римской, — эти группы предваренія всечеловѣческаго союза. Идея народности, какъ верховнаго начала жизни, почти не имѣла мѣста и времени для своего примѣненія въ древнемъ мірѣ. Противоположеніе между своими и чужими людьми существовало тамъ еще сильнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ у насъ, но оно опредѣлялось не національностью. Въ царствѣ Дарія и Ксеркса люди различныхъ племенъ и странъ были своими — какъ равно подчиненные одной общей власти и одному верховному закону, а чужими или врагами были для нихъ только тѣ люди, которые *еще* не покорились „великому царю“. Съ другой стороны, въ Греціи афинянинъ и спартиатеъ хотя говорили однимъ языкомъ, имѣли одинакихъ боговъ и достаточно ясно сознавали свою національную общность, однако это не мѣшало имъ въ продолженіе всей ихъ исторіи быть другъ для друга чужестранцами и даже смертельными врагами. Подобныя же отношенія были и между другими городами или гражданскими общинами Греціи, и только одинъ разъ въ тысячу лѣтъ дѣятельно проявился настоящій національный, или все-греческій патріотизмъ — во время персидскаго нашествія. Но это совпаденіе между предѣлами практической солидарности и предѣлами національной особенности не продержалось и сорока лѣтъ, уступивъ мѣсто болѣе ожесточенному и продолжительному истребленію грековъ греками въ пелопоннесскую войну, и это состояніе кровавой борьбы мелкихъ общинъ въ средѣ одного народа, считавшееся совершенно нормальнымъ, продолжалось вплоть до того момента, когда эти общины всѣ вмѣстѣ утратили свою самостоятельность, но не въ пользу національнаго единства, а лишь для

того, чтобы подъ властью чужихъ царей греческая народность отъ своего политическаго разъединенія сразу перешла къ роли культурной объединительницы всего тогдашняго міра. Противоположеніе между согражданами и чужестранцами (т.-е. жителями другого, хотя бы и греческаго, города) утратило теперь всякое значеніе (въ смыслѣ высшаго практическаго принципа), но не было замѣнено противоположеніемъ національнымъ, между своимъ народомъ и чужими: оставалось иное, болѣе широкое противоположеніе между эллинизмомъ и варварствомъ, при чемъ принадлежность къ первому не опредѣлялась непременно происхожденіемъ или даже языкомъ, а только усвоеніемъ высшей умственно-эстетической культуры. Притязательнѣйшій изъ грековъ не считалъ, конечно, варварами Горація и Виргилія, Августа или Мецената. Да и прежде того сами основатели эллинской „всемирной монархіи“, македонскіе цари, не были греками въ этнографическомъ смыслѣ. И вотъ, благодаря этимъ двумъ чужеземцамъ, греки прямо перешли отъ узкаго мѣстнаго патриотизма отдѣльныхъ гражданскихъ общинъ къ универсально-культурному самосознанію, не возвращаясь вовсе къ моменту національнаго патриотизма персидскихъ войнъ. Что касается до Рима, то вся римская исторія была непрерывнымъ переходомъ отъ политики города къ политикѣ всемирной монархіи—*ab urbe ad orbem*—безъ всякой остановки на моментъ чисто-національномъ. Когда Римъ отстаивалъ себя отъ пунническаго нашествія, онъ былъ еще лишь самымъ сильнымъ изъ городовъ Италіи; а когда онъ сокрушилъ своего противника, то уже незамѣтно переступилъ этнографическія и географическія границы латинства и созналъ себя какъ всемирно-историческую силу, двумя вѣками предваряя напоминаніе поэта:

Жребій свой помни, о, Римъ: народами править державно,
Смирнымъ защиту давать, смиряя оружіемъ гордыхъ.

Римское гражданство скоро сдѣлалось общедоступнымъ, и формула „Римъ для римлянъ“ никого не прельщала на берегахъ Тибра: Римъ былъ для міра.

Въ то время, какъ Александры и Цезари политически упразднили на Востоку и на Западѣ шаткія національныя границы, космополитизмъ вырабатывался и распространялся, какъ философскій принципъ, представителями двухъ наиболѣе популярныхъ шкваловъ—бродячими киниками и невозмутимыми стоиками. Они проповѣдовали верховенство природы и разума, единой сущности всего существующаго и ничтожность всѣхъ искусственныхъ и историческихъ раздѣленій и границъ. Человѣкъ по самой при-

родъ своей, слѣдовательно *всякій* человекъ,—учили они,—имѣть высшее достоинство и назначеніе, состоящее въ свободѣ отъ внѣшнихъ привязанностей, заблужденій и страстей—въ непоколебимой доблести того мужа, который—

Когда бъ весь міръ, давъ трещину, распался,—
Безтрепетнымъ въ развалинахъ остался.

Отсюда—неизбѣжное признаніе условными и призрачными всякихъ извнѣ-данныхъ раздѣленій, гражданскихъ, національных и т. д. Эту философскую идею естественнаго, а потому всеобщаго разума, добродѣтели и права поддерживала, въ своей сферѣ и съ своей точки зрѣнія, римская юриспруденція ¹⁾, и слѣдствіемъ этой общей умственной работы было то, что понятіе „римскаго“ не только по внѣшнему объему, но и по внутреннему содержанию отождествилось съ понятіемъ „всемирнаго“ ²⁾.

III.

Во времени появленія христіанства, въ предѣлахъ древняго культурнаго міра только у одного еврейскаго народа проявлялось крѣпкое національное сознаніе. Но здѣсь оно было нераздѣльно связано съ религіей, съ вѣрнымъ чувствомъ внутренняго превосходства этой своей религіи предъ язычествомъ и ея всемірно-историческаго назначенія. Национальное сознаніе евреевъ не имѣло реальнаго удовлетворенія, оно жило надеждами и ожиданіями. Кратковременное величіе Давида и Соломона было идеализовано и превращено въ золотой вѣкъ, но живучій историческій смыслъ народа, создававшего первую въ мірѣ философію исторіи (въ Даниловой книгѣ о всемірныхъ монархіяхъ и о царствѣ правды Сына Человѣческаго), не позволилъ ему остановиться на просвѣтленномъ образѣ прошедшаго, а заставилъ перенести свой идеалъ въ будущее. Но этотъ идеалъ, изначала имѣвшій нѣкоторыя черты всемірнаго значенія, перенесенный впередъ вдохновеніемъ пророковъ, рѣшительно освободился отъ всего узко-національнаго: уже Исаія воз-

¹⁾ Подтверженія этихъ послѣднихъ указаній см. въ моей второй статьѣ „Россія и Европа“ („Вѣстн. Европы“, апрѣль, 1888) и въ „Национальномъ Вопросѣ“ (I выд., 8-е изд., послѣдняя глава).

²⁾ Стоическая философія, хотя зародилась въ Греціи, независимо отъ Рима, но развилась лишь въ римскую эпоху, особеннымъ распространеніемъ пользовалась между римлянами и практическое свое вліяніе оказывала преимущественно черезъ римскихъ христовъ.

вѣщаетъ Мессію, какъ знамя, имѣющее собрать вокругъ себя всѣ народы, а авторъ книги Даниила вполне стоитъ на точкѣ зрѣнія *всеобщей* исторіи.

Но этотъ мессіанскій универсализмъ, выразившій истинное національное сознаніе евреевъ, какъ высшій идеальный дѣвъ народнаго духа, былъ достоинствомъ лишь избранныхъ прозорливцевъ, и когда поднято было въ Галилеѣ и Іерусалимѣ предсказанное пророками знамя для всѣхъ народовъ, — большинство іудеевъ съ официальными своими вождями (саддукеями), а отчасти и неофициальными учителями (фарисеями), оказалось на сторонѣ національно-религіозной исключительности противъ высшаго осуществленія пророческаго идеала. Неизбѣжное столкновение и разрывъ между этими двумя стремленіями, какъ бы „двумя душами“¹⁾ еврейскаго народа достаточно объясняетъ (съ чисто-исторической точки зрѣнія) ту великую трагедію, изъ которой вышло христіанство²⁾.

Было бы, однако, явную ошибкой связывать съ христіанствомъ принципъ космополитизма. Проповѣдовать безнародность для апостоловъ не было никакого повода. Вредная, безнравственная сторона народныхъ дѣленій, именно взаимная ненависть и вооруженная борьба, не существовали болѣе въ предѣлахъ тогдашней „вселенной“³⁾, — войну народовъ упразднилъ „римскій миръ“ (pax Romana). Остріе христіанскаго универсализма было направлено противъ другихъ, болѣе глубокихъ раздѣленій, сохранявшихъ всю свою практическую силу, несмотря на идеи пророковъ, философовъ и юристовъ. Въ силѣ оставалось раздѣленіе религіозное — между іудействомъ и язычествомъ; далѣе культурное — между эллинизмомъ (куда относились и образованные римляне) и варварствомъ; наконецъ, наихудшее дѣленіе социальное-экономическое — на свободныхъ и рабовъ. Эти дѣленія находились съ нравственнымъ началомъ въ прямомъ противорѣчій, каковаго вовсе не представляли тогдашнія національныя разновидности (столь же невинныя въ римской имперіи, какъ, напр., бретонскій, или гасконскій провинціализмъ въ современной Франціи). Между іудеями и язычниками, эллинами и варварами, свободными и рабами было отри-

¹⁾ „Ахъ! Дѣѣ души въ груди моей живутъ
И рвутся врозь, и жаждутъ раздѣленья“.

(Гёте).

²⁾ О томъ, что лучшая часть фарисеевъ не принимала никакого участія въ преслѣдованіи І. Христа и благопріятствовала первоначальному христіанству, см. превосходное изслѣдованіе проф. Хвольсона въ Мемуарахъ Академіи Наукъ (1898 г.).

³⁾ Ολοκοσμητή (т.-е. ἡγή)—греческое названіе римской имперіи.

цаніе всякой солидарности; это было противоположеніе высшихъ и низшихъ существъ, при чемъ у низшихъ отнималось нравственное достоинство и человѣческія права ¹⁾. Вотъ почему апостолъ долженъ былъ провозгласить, что въ Христѣ нѣтъ ни іудея, ни язычника, ни эллина, ни варвара, ни свободнаго, ни раба, а новое твореніе. Отрицательный стоическій идеалъ человѣка безстрастнаго, равнодушнаго къ гибели міра, апостолъ замѣняетъ положительнымъ идеаломъ человѣка внутренне солидарнаго со всѣмъ твореніемъ, усвоившаго себѣ страданія и смерть за міръ, перенесенныя универсальнымъ человѣкомъ Христомъ, а потому и участвующаго въ Его торжествѣ надъ смертью и въ спасеніи всего міра. Отъ *общечеловѣка* философовъ и юристовъ сознаніе переходитъ въ христіанствѣ къ *всечеловѣку*, и этимъ совершенно упраздняетъ старую вражду и отчужденіе между различными разрядами людей. *Всякій* человѣкъ, если только дастъ въ себѣ „вообразиться Христу“ ²⁾, т.-е. проникнется духомъ Христовымъ, опредѣлитъ Его образомъ, какъ идеальной нормой, всю свою жизнь и дѣятельность, становится причастнымъ Божеству силою пребывающаго въ немъ Сына Божія. Для человѣка въ этомъ возрожденномъ состояніи индивидуальность перестаетъ быть *границей*, а становится основаніемъ положительнаго соединенія съ восполняющимъ его собирательнымъ всечеловѣчествомъ или церковью (въ ея истинномъ существѣ). Какъ особенность въ строеніи и функціи извѣстнаго органа, напр. глаза, отличающая его отъ другихъ органовъ, не отдѣляетъ его, однако, отъ нихъ и отъ всего тѣла, а напротивъ, составляетъ основаніе его положительнаго участія въ жизни всего тѣла и его незамѣнимаго значенія для всѣхъ другихъ органовъ и для цѣлаго организма,—такъ и въ „Тѣлѣ Христовомъ“ индивидуальныя особенности не отдѣляютъ каждаго ото всѣхъ, а соединяютъ со всѣми, будучи основаніемъ его особаго значенія для всѣхъ и положительнаго взаимодѣйствія со всѣми. Всечеловѣчество (или та церковь, которую проповѣдовалъ апостолъ) не есть отвлеченное понятіе, а согласная полнота всѣхъ положительныхъ особенностей новаго или возрожденнаго творенія,—значить, не только личныхъ, но и національныхъ. Тѣло Христово есть организмъ совершенный, который не можетъ состоять изъ однихъ простыхъ клѣточекъ, а

¹⁾ Относительно противоположенія между іудействомъ и язычествомъ я нигдѣ, разумѣется, въ виду не ученіе Моисея, пророковъ и мудрецовъ—всѣ они въ принципѣ признавали за язычниками человѣческія права,—а только настроеніе толпы и ея вожаковъ.

²⁾ „Во еже вообразиться въ васъ Христу“—выраженіе ап. Павла.

долженъ заключать и болѣе сложные и крупные органы, каковыя здѣсь естественно представляются различными народностями. Национальный характеръ отличается отъ единичнаго болѣе большимъ объемомъ и долговѣчностью, а не чѣмъ-нибудь принципіальнымъ ¹⁾, и если христіанство не требуетъ *безличности*, то оно не можетъ требовать и *безнародности*. Духовное перерожденіе или обновленіе, какъ показываетъ самое слово, не есть уничтоженіе естественныхъ свойствъ и силъ, а только видоизмѣненіе ихъ, сообщеніе имъ новаго содержанія и направленія. Какъ Петръ и Іоаннъ послѣ возрожденія ихъ духомъ Христовымъ сохранили положительныя особенности и отличительныя черты своихъ характеровъ, нисколько не обезличились, а напротивъ, усилили и развили свою индивидуальность, такъ должно быть и съ цѣлыми народами, принимающими христіанство.

Дѣйствительное усвоеніе истинной религіи должно бы многое уничтожить въ жизни народной (какъ и личной), но все это, подлежащее уничтоженію въ силу высшаго принципа, не составляетъ положительной особенности или характера. Бываетъ дурная собирательная воля, ложное направленіе народной жизни и дѣятельности, бываютъ историческіе грѣхи, тяготѣющіе надъ народною совѣстью; отъ всего этого нужно освободиться, но такое освобожденіе можетъ только укрѣпить народность, усилить и расширить проявленіе ея положительнаго характера.

Первые проповѣдники евангелія не имѣли причины заниматься національнымъ вопросомъ, еще не выдвинутымъ жизнью человѣчества, такъ какъ ясно опредѣлившись, самостоятельныхъ и самосознательныхъ народностей почти вовсе не было на тогдашней исторической сценѣ. Тѣмъ не менѣе мы находимъ въ Новомъ

¹⁾ Это тѣмъ болѣе ясно, что единственный разумный способъ объяснить генетически какой-нибудь устойчивый національный характеръ, напр. еврейскій, не поддающійся никакимъ вѣшнимъ вліяніямъ климата, исторіи и т. д., — заключается въ томъ, чтобы признать въ немъ унаслѣдованный личный характеръ родоначальника этой націи. Внутренняя правда библейской характеристики Іакова — родоначальника евреевъ (а также Измаила — родоначальника сѣверныхъ арабовъ) должна быть признана всякимъ безпристрастнымъ умомъ, какъ бы онъ ни относился къ исторической, фактической сторонѣ этихъ родословій и сказаній. Допустимъ даже, что чело­вѣкъ съ именемъ Іаковъ, дѣлавшаго то, что рассказывается въ книгѣ Бытія, вовсе никогда не существовало; однако, долженъ былъ быть у евреевъ, или, по крайней мѣрѣ, у главнаго колѣна Іудина какой-нибудь общій родоначальникъ, а исходя изъ даннаго національнаго характера іудеевъ, мы должны заключить, что этотъ родоначальникъ отличался именно тѣми типическими особенностями, которыя приписаны Іакову въ Бытіи. См. объ этомъ у С. М. Соловьева, Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ (Сочиненія, т. I), а также въ моей „Философіи библейской исторіи“.

Завѣтъ ясныя указанія на положительное отношеніе къ народности. Въ словахъ къ самарянкѣ: *спасеніе отъ иудеевъ* ¹⁾ и въ предварительномъ наставленіи ученикамъ: —идите прежде къ овцамъ потеряннымъ дома израилева ²⁾, Христосъ достаточно показываетъ неравнодушіе къ своему народу, а окончательный Его завѣтъ апостоламъ: —шедше, научите *всѣ народы* ³⁾, даетъ понять, что и внѣ израиля Онъ провидѣлъ не отдѣльныхъ только людей, а цѣлыя народности. И Павелъ, ставши апостоломъ языковъ, не сдѣлался, однако, космополитомъ; отдѣлившись отъ большинства своихъ соотечественниковъ въ самомъ важномъ дѣлѣ религіозномъ, онъ не сталъ равнодушенъ къ своему народу и его особому назначенію: „истину говорю во Христѣ, не лгу, сосвидѣтельствуютъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что печаль мнѣ великая и непрестанная скорбь сердцу моему, ибо желалъ бы самъ я отлученнымъ быть отъ Христа за братьевъ моихъ, сродниковъ моихъ по плоти, то-есть израильтянъ, ихъ же усыновленіе, и слава, и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе, и обѣтованія, ихъ и отцы, и изъ нихъ же Христосъ по плоти... Братія! желаніе моего сердца и молитва къ Богу за израиля во спасеніе“ ⁴⁾.

IV.

Прежде чѣмъ осуществить въ себѣ идеалъ всечеловѣчества, націи должны были сами сложиться и опредѣлиться въ своей самостоятельности. Взглянемъ на этотъ процессъ тамъ, гдѣ онъ вполне закончился—въ западной Европѣ. Преемникамъ апостольскимъ, къ которымъ перешелъ завѣтъ научать всѣ народы, скоро пришлось имѣть дѣло съ народами младенчествующими, которые прежде наученія нуждались въ первоначальномъ воспитаніи. Церковь добросовѣстно и самоотверженно ихъ вскормила, и затѣмъ, продолжая свою опеку, заставила ихъ пройти недурную, хотя нѣсколько одностороннюю школу. Историческія отрочество и юность германо-романскихъ народовъ подъ опекою католической церкви, такъ называемыя средніе вѣка — кончились не совсѣмъ правильно, потому что духовныя власти не замѣтили наступившаго совершеннолѣтія своихъ питомцевъ и настаивали на сохраненіи прежнихъ отношеній. Происшедшія отсюда аномаліи и перевороты

¹⁾ Иоан. IV, 22.

²⁾ Мѡ. X, 6.

³⁾ Мѡ. XXVIII, 19.

⁴⁾ Римл. IX, 1—5, X, 1.

не относятся въ нашему предмету. Для насъ важно одно явленіе, повторившееся въ національномъ развитіи каждаго европейскаго народа, несмотря на самыя разнообразныя и въ иныхъ отношеніяхъ противоположныя условія, такъ что это явленіе несомнѣнно указываетъ на нѣкій этико-историческій законъ.

По причинамъ само собою понятнымъ ранѣе всѣхъ европейскихъ народовъ національнаго самосознанія достигла Италия. Ломбардская лига въ половинѣ XII в. обозначаетъ это національное пробужденіе. Но эта внѣшняя борьба была только толчкомъ, вызвавшимъ къ жизни истинныя силы итальянскаго генія. Въ началѣ слѣдующаго вѣка новорожденный итальянскій языкъ въ устахъ св. Франциска уже выражаетъ чувства и мысли всемірнаго значенія, одинаково понятныя буддисту и христіанину; тутъ же зачинается итальянская живопись (Чимабуэ), а затѣмъ (въ началѣ XIV-го в.) появляется твореніе Данта, котораго одного было бы достаточно для величія Италии. Въ этотъ и ближайшіе затѣмъ вѣка (до XVII-го) Италия, разрываема на части враждующими городами и подестаами, папой и императоромъ, французами и испанцами, произвела все то, чѣмъ она значительна и дорога для человечества, чѣмъ по праву могутъ гордиться итальянцы. Всѣ эти бессмертныя произведенія философскаго и научнаго, повѣстческаго и художественнаго генія имѣли такую же цѣну для другихъ народовъ, для всего міра, какъ и для самихъ итальянцевъ. Творцы истиннаго величія Италии, безъ сомнѣнія, были настоящими патриотами; они придавали безусловное значеніе своему отечеству, но это не было съ ихъ стороны пустою претензіей, ведущею къ фальшивымъ и безнравственнымъ требованіямъ, — они дѣйствительно осуществляли безусловное значеніе Италии въ произведеніяхъ безусловнаго достоинства. Они не считали истиннымъ и прекраснымъ утверждать себя и свою національность, а они *прямо* утверждали себя въ истинномъ и прекрасномъ; эти творенія были хороши не тѣмъ, что прославляли Италію, а напротивъ, они прославляли Италію тѣмъ, что были *сами по себѣ* хороши — хороши *для всѣхъ*. При такомъ условіи патриотизмъ не нуждается въ защитѣ и оправданіи: онъ самъ себя оправдываетъ на дѣлѣ, проявляясь какъ творческая *сила*, а не какъ бесплодная рефлексія, или „праздной мысли раздраженіе“. Внутренней интенсивности творчества соотвѣтствовала широкая экстенсивность итальянскаго элемента въ эту цвѣтущую эпоху: предѣлами его культурнаго вліянія въ Европѣ были Крымъ на Востокѣ и Шотландія на сѣверо-западѣ. Первый изъ европейцевъ итальянецъ Марко Поло проникаетъ въ Монголію и Китай. Другой итальянецъ отсрываетъ

Новый Свѣтъ, а третій, распространяя это открытіе, оставляетъ ему свое имя. Литературное вліяніе Италіи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ преобладаетъ во всей Европѣ; итальянцамъ подражаютъ въ эпосѣ, лирикѣ, романѣ; Шекспиръ беретъ у нихъ сюжеты и форму своихъ драмъ и комедій; идеи Джордано Бруно возбуждаютъ философскую мысль и въ Англии, и въ Германіи; итальянскій языкъ и итальянскія моды господствуютъ повсюду въ высшихъ слояхъ общества. При всемъ этомъ расцвѣтѣ національнаго творчества и вліянія, итальянцы очевидно заботились не о томъ, чтобы Италія была для нихъ (она тогда, напротивъ, была для кого угодно), а лишь о томъ, что ихъ самихъ дѣлало чѣмъ-нибудь и для другихъ, что придавало имъ всеобщее значеніе, т.-е. заботились о тѣхъ объективныхъ идеяхъ красоты и истины, которыя посредствомъ ихъ національнаго духа получали новыя и достойныя выраженія.

При совершенно особыхъ условіяхъ развилась испанская національность. Въ теченіе семи вѣковъ испанцы представляли собою правый передовой флангъ христіанскаго міра въ его борьбѣ съ мусульманствомъ, и какъ разъ послѣ того, какъ лѣвый флангъ — Византія — былъ опрокинутъ непріателемъ, испанцы на правомъ одержали рѣшительную и окончательную побѣду. Эта упорная и успѣшная борьба составляла національную гордость испанцевъ, и они были правы. Ибо поскольку христіанство при всѣхъ своихъ историческихъ извращеніяхъ заключаетъ въ себѣ абсолютную истину, которой принадлежитъ будущее, постольку и защита хотя бы только внѣшнихъ границъ христіанскаго исповѣданія и культуры есть уже несомнѣнная заслуга передъ человѣчествомъ. Еслибы западную Европу постигла судьба западной Азіи и Балканскаго полуострова, то помимо религіозныхъ вѣрованій, съ чисто-культурной точки зрѣнія — неужели это способствовало бы историческому прогрессу? ¹⁾ Отстаивая себя отъ мавровъ, испанцы служили и знали, что служатъ общему дѣлу; имъ и въ голову не пришло бы сказать: „Испанія для испанцевъ“, — они чувствовали, сознавали и говорили: Испанія для всего христіанства. Въ этомъ они

¹⁾ Одно время культура мавровъ въ Испаніи была не ниже, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше тогдашней христіанской; но исторія достаточно показываетъ недолговѣчность всякой мусульманской культуры, и тотъ конецъ, который постигъ ее въ Дамаскѣ, Багдадѣ и Каирѣ, безъ сомнѣнія, повторился бы и на Западѣ: и тутъ она смѣнилась бы прочнымъ варварствомъ, въ родѣ турецкаго; но еслибы такимъ образомъ въ Лондонѣ стали хозяйничать баши-бузуки, а Саксонія подвергалась бы постояннымъ набѣгамъ курдовъ, то что сдѣлалось бы съ британскимъ музеемъ и съ лейпцигской книготорговлей?

были совершенно искренни, они действительно хотѣли служить своей религіи, какъ универсальной, какъ высшему благу для всѣхъ, и ихъ можно упрекать только въ невѣрномъ пониманіи христіанства. Непрерывная семивѣковая борьба, хотя за общее и правое дѣло, но борьба односторонняя, главнымъ образомъ съ оружіемъ въ рукахъ¹⁾, создала и вѣрность, и ограниченность испанскаго національнаго духа. Болѣе чѣмъ другіе народы, испанцы искали въ своемъ практическомъ пониманіи и дѣятельности истину христіанства, рѣшительнѣе всѣхъ они дали въ немъ мѣсто насилию. Какъ и всѣ въ средніе вѣка, испанцы строили свое міросозерцаніе на различіи двухъ мечей — духовнаго, которымъ владѣли монахи подѣ начальствомъ папы, и свѣтскаго, которымъ владѣли рыцари подѣ начальствомъ короля; но у нихъ тѣснѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, эти два меча связались между собою до потери существеннаго различія: духовный мечъ, навонецъ, оказался такимъ же внѣшнимъ насильственнымъ и только болѣе мучительнымъ и менѣе благороднымъ, чѣмъ мечъ свѣтскій. Особая роль испанскаго элемента въ этомъ дѣлѣ достаточно видна изъ двукратнаго основанія инквизиціи испанцами — монахомъ Доминикомъ въ XIII-мъ в. и королемъ Фердинандомъ въ XV-мъ²⁾. Но за эту печальную славою не забудемъ, что и послѣ своего торжества надъ мусульманствомъ Испанія еще оказала положительную услугу общему дѣлу на томъ же своемъ пути внѣшняго служенія христіанству, — именно распространеніемъ его за океаномъ. Испанскіе морскіе рыцари или морскіе разбойники покорили какой ни на есть христіанской культурѣ большую часть Новаго свѣта; избавили цѣлую страну (Мексикю) отъ такихъ мерзостей и ужасовъ каннибальскаго язычества, передъ которыми все-таки блѣднѣютъ ужасы инквизиціи (къ тому же скоро упразднившейся); основали въ южной и средней Америкѣ дюжину новыхъ государствъ, хотя

¹⁾ Главнымъ образомъ, но не исключительно, такъ какъ были и въ Испаніи истинно-духовные поборники христіанства, напр. Раймундъ Люлій, который посвятилъ свою жизнь распространенію истинной религіи путемъ разумнаго убѣжденія. Сначала онъ изобрѣлъ для этого особый методъ, посредствомъ котораго, какъ ему казалось, догматамъ вѣры можно сообщать такую же очевидность, какъ истинамъ чистой математики и формальной логики; потомъ онъ сдѣлался миссіонеромъ и былъ убитъ за мирную проповѣдь евангелія въ Варварійскихъ владѣніяхъ.

²⁾ Замѣтимъ, какъ любопытное совпаденіе, что и на Востоцѣ, въ Византіи, первая инквизиція по дѣламъ вѣры, именно противъ манихейской ереси, была учреждена *истанцемъ*, Θεοδοσίемъ В. Любопытно также, что альбигойство, противъ котораго была первоначально направлена доминиканская инквизиція, было прямою отраслью той самой манихейской ереси, ради которой за девять вѣковъ передъ тѣмъ назначилъ своихъ „инквизиторовъ“ имп. Θεοδοсій.

слабо, но все-таки участвующихъ въ общей исторической жизни человѣчества; а въ то же время испанскіе миссіонеры (между ними таковой дѣйствительный святой, какъ Францискъ Ксаверій) первые принесли евангеліе въ Индію и Японію.

Но настоящимъ своимъ назначеніемъ Испанія продолжала считать защиту христіанства (какъ она его понимала, т.-е. католической церкви) отъ его ближайшихъ и опаснѣйшихъ враговъ. Такими въ XVI-мъ вѣкѣ на мѣсто мусульманъ явились протестанты. Мы можемъ нынѣ смотрѣть на реформацію, какъ на необходимый моментъ въ исторіи самого христіанства. Но для современниковъ этого переворота таковой взглядъ былъ невозможенъ. Люди или становились сами протестантами, или видѣли въ протестантизмѣ исходящее отъ діавола враждебное покушеніе противъ христіанской истины, воплощенной въ церкви. Для испанцевъ, съ начала своей исторіи жившихъ только католическою идеей, не было выбора. Всѣ силы могущественнѣйшей въ то время державы направились на подавленіе новаго религіознаго движенія. Дѣло невѣрное въ принципѣ, возмутительно-кровавое въ исполненіи, безнадежно-неудачное въ своемъ исходѣ, было однако вполне добросовѣстно со стороны испанцевъ. Они были искренно увѣрены, что стоятъ за благо всеобщее, за самое важное и дорогое благо для человѣчества — за единую истинную религію, которую хотятъ отнять у народовъ безбожные отступники, одержимые духомъ зла. Въ своей національной борьбѣ противъ протестантизма испанцы стояли за извѣстный универсальный принципъ, именно за принципъ высшей опеки божественнаго учрежденія надъ человѣчествомъ. Это былъ универсализмъ ложный и несостоятельный, но его защитники вѣрили въ него искренно и безкорыстно служили ему помимо всякаго національно-политическаго, какъ и личнаго эгоизма. Въ то же время для борьбы съ протестантизмомъ на мирныхъ поприщахъ испанскій геній Игнатія Лойолы основываетъ орденъ іезуитовъ, о которомъ можно думать все, что угодно, но у котораго нельзя отнять одного — его универсальнаго международнаго характера. Высшая неудачная борьба за католичество не исчерпала духовныя силы испанской націи; нравственная энергія, обнаруженная въ защитѣ общаго, хотя и дурно понятаго, дѣла нашла себѣ и другое, лучшее идеальное выраженіе. Въ XVI и XVII вѣкахъ Испанія дѣлаетъ свой небѣдный національный вкладъ въ общую сокровищницу высшей культуры — въ области искусства, поэзіи и созерцательной мистики. Во всемъ этомъ испанскій геній обращался на предметы, важные не для этого только народа, а для всѣхъ, и его произведенія при характерѣ въ высшей степени на-

ціональномъ, который они получали естественно, безъ всякой предвзятости со стороны своихъ творцовъ, — имѣли необходимо универсальный интересъ и поддерживали славу Испаніи въ то время, когда ея внѣшнія силы сокрушались и ея оружіе терпѣло справедливыя пораженія. Именно въ XVI и XVII вѣкахъ, несмотря на естественную вражду, возбужденную въ полъ-Европѣ противъ жестокихъ защитниковъ старой религіи, испанское культурное вліяніе не безъ успѣха соперничаетъ съ итальянскимъ.

Первый расцвѣтъ англійскаго народнаго духа можетъ быть для краткости обозначенъ пятью именами: Бэкона, Шекспира, Кромвелля, Мильтона и Пенна. Съ этими именами связано то, что важно и дорого для всего человѣчества, чѣмъ всѣ народы обязаны Англій, и съ чѣмъ несовмѣстимы притязанія и требованія исключительнаго націонализма. О немъ и не думали люди, создавшіе національное величіе Англій. Одинъ думалъ объ истинномъ познаніи природы и человѣка, о лучшемъ методѣ и системѣ наукъ, другой — о художественномъ воспроизведеніи человѣческой души, страстей, характеровъ и жизненной судьбы, при чемъ нисколько не стѣснялся брать изъ чужой литературы и мѣсто дѣйствія переносить въ чужія страны. Здѣсь такъ же мало внѣшняго націонализма, какъ и въ библейскихъ идеяхъ Кромвелля или Мильтона, которые если и имѣли въ виду какой-нибудь національный элементъ, то развѣ только древне-еврейскій, а никакъ не англійскій. Широкой, со всѣхъ сторонъ открытый міръ научнаго опыта, глубокой художественный гуманизмъ, высокія идеи религіозной и гражданской свободы — вотъ что создала англійская народность въ лицѣ своихъ героевъ и геніевъ. „Англій для англичанъ“ — этого было бы для нихъ слишкомъ мало; они думали, что для англичанъ весь міръ, и имѣли право это думать, потому что сами были для всего міра. Внѣшнее распространеніе англійскаго элемента соотвѣтствовало достоинству его внутренняго содержанія. Конечно британскіе купцы соблюдали и соблюдаютъ свои интересы; но не всякимъ купцамъ удалось бы колонизовать Сѣверную Америку и образовать изъ нея новую великую націю, — вѣдь не на краснокожихъ индѣйцахъ и не на неграхъ, а на англійскихъ людяхъ и на англійскихъ идеяхъ религіозныхъ и политическихъ — идеяхъ всеобщаго значенія — основались Соединенные-Штаты; не всякіе также купцы могли бы прочно овладѣть Индіей и создать на совершенно дикой почвѣ культурную Австралію ¹⁾.

¹⁾ Теперь обученные въ англійскихъ школахъ индусы начинаютъ говорить (въ англійскихъ и туземныхъ — на англійскій образецъ — газетахъ) о тисотности англійскаго владычества и о необходимости національнаго объединенія и освобожденія. Отчего

Въ національномъ развитіи Франціи кульминаціонный пунктъ (если не по содержательности, то по внутренней напряженности народной жизни и по широтѣ ея внѣшняго захвата) представляетъ та эпоха (великой революціи и наполеоновскихъ войнъ), когда всего яснѣе выразилось всемірно-историческое значеніе этой страны. Конечно, провозглашенныя на весь міръ права человѣка и гражданина оказались на половину мнимыми; конечно всеобъемлющее революціонное триединство, *liberté, égalité, fraternité*, осуществлялось довольно страннымъ образомъ. Но во всякомъ случаѣ восторженное увлеченіе народа этими всеобщими идеями слишкомъ ясно показывало, что онъ былъ чуждъ узкаго націонализма. Желала ли Франція быть только „для французовъ“, когда она отдалась Наполеону, чтобы онъ, управляя ея силами, смелъ по всей Европѣ старый порядокъ и внесъ всюду универсальные принципы гражданской равноправности, религіозной и политической свободы? И помимо этой эпохи Франція всегда отличалась особаго рода универсализмомъ и экспансивностью, способностью и стремленіемъ, усваяя чужія идеи, давать имъ отъ себя законченную и общедоступную форму и пускать ихъ въ оборотъ по всему міру. Эта особенность, дѣлающая изъ исторіи Франціи яркое подчеркнутое гѣбитѣ общеевропейской исторіи, слишкомъ бросается въ глаза и слишкомъ часто была указываема, чтобы нужно было о ней распространяться.

Проявивши великую силу своего національнаго духа въ реформаціи, Германія затѣмъ въ новѣйшее время (съ половины прошлаго и до половины нынѣшняго вѣка) приобрѣла въ области высшей культуры—умственной и эстетической—то первенство, которое принадлежало Италіи въ концѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ. Универсальный характеръ и значеніе реформаціи, поэзіи Гѣте, философіи Канта или Гегеля—не требуютъ доказательствъ и поясненій. Замѣтимъ только, что для Германіи, какъ и для Италіи, пора высшаго духовнаго расцвѣта національныхъ силъ совпадала съ эпохою политическаго безсилія и раздробленія.

Изъ меньшихъ націй Европы слѣдуетъ здѣсь упомянуть о Голландіи и Швеціи. Для первой національная слава и процвѣтаніе были слѣдствіемъ ея идейной борьбы за вѣру противъ испанскаго насилія, послѣ чего маленькое государство не замкнулось

они не догадались объ этомъ раньше? Дѣло въ томъ, что такія понятія, какъ національность, народный духъ, народное достоинство, патриотизмъ, солидарность, развитіе—получены ими только отъ англичанъ, а сами они, несмотря на свою древнюю мудрость, не могли до всего этого додуматься въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ своей исторіи.

въ своей дорого доставшейся самостоятельности, а сдѣлалось открытымъ убѣжищемъ свободной мысли для всей Европы. Швеція въ свою очередь проявила національную значительность, когда при Густавѣ Адольфѣ отдала свои силы на служеніе общему дѣлу религіозной свободы противъ политики насильственнаго объединенія.

V.

Исторія всѣхъ народовъ — древнихъ и новыхъ, — имѣвшихъ вліяніе на судьбы человѣчества, говоритъ намъ одно и то же. Всѣ они полагаютъ свое значеніе, утверждаютъ свою народность не въ ней самой, отвлеченно взятой, а въ чемъ-то всеобщемъ, *сверх-*народномъ, во что они вѣрили, чему служили и что осуществляли въ своемъ творчествѣ — національномъ по источнику и способамъ выраженія, но вполне универсальномъ по содержанию или по своимъ предметнымъ результатамъ. Народы живутъ и дѣйствуютъ не во имя себя или своихъ матеріальныхъ интересовъ, а во имя своей идеи, т.-е. того, что для нихъ всего важнѣе и что нужно всему міру, чѣмъ они могутъ послужить ему, — они живутъ не для себя только, а для всѣхъ. То, во что народъ вѣритъ и что съ вѣрою дѣлаетъ, онъ непремѣнно признаетъ хорошимъ безусловно, хорошимъ не какъ свое, а само по себѣ, слѣдовательно для всѣхъ, — и таковымъ оно обыкновенно обазывается. Историческіе представители народа могутъ иногда должно понимать ту или другую сторону національно-универсальной идеи, которой они служатъ, и тогда ихъ служеніе выходитъ дурное и безуспѣшное. Филиппъ II и герцогъ Альба очень плохо понимали идею церковнаго единства, парижскій конвентъ не лучше понималъ идею человѣческихъ правъ; но дурное пониманіе проходитъ, а идея остается, если только она дѣйствительно коренится въ душѣ народа.

Поскольку универсально народное творчество, т.-е. то, что народъ осуществляетъ въ дѣйствительности, постольку же универсально въ своемъ предметѣ и истинное *самосознаніе* народное. Народъ не сознаетъ себя отвлеченно, какъ какой-то пустой субъектъ, отдѣльно отъ содержанія и смысла своей жизни; напротивъ, онъ сознаетъ себя именно въ томъ или по отношенію къ тому, что онъ дѣлаетъ и что хочетъ дѣлать, во что вѣритъ и чему служить.

Но если самъ народъ, какъ ясно изъ исторіи, не ставитъ цѣлью своей жизни себя самого, отвлеченно взятаго, или матеріальный интересъ своего существованія отдѣльно отъ его высшаго,

идеальнаго условія, то и каждый изъ насъ не имѣетъ права въ любви къ своему народу отдѣлять его отъ смысла его жизни, и служеніе матеріальному интересу ставить выше нравственныхъ требованій. И если самъ народъ своимъ истиннымъ творчествомъ и самосознаніемъ утверждаетъ себя въ универсальномъ, т.-е. въ томъ, что имѣетъ значеніе для всѣхъ, или въ чемъ онъ солидаренъ со всѣми, то какимъ же образомъ истинный патріотъ можетъ ради интересовъ своего народа разрывать солидарность съ другими, ненавидѣть или презирать чужеземцевъ? Если самъ народъ видитъ свое настоящее благо въ благѣ всеобщемъ, то какъ же патріотизмъ можетъ ставить благо своего народа какъ что-то отдѣльное и противоположное всему другому? Очевидно, это не будетъ то нравственное идеальное благо, котораго желаетъ самъ народъ, и мнимый патріотизмъ окажется въ противорѣчій не съ чужими, а со своимъ собственнымъ народомъ въ его лучшихъ стремленіяхъ. Но существуетъ же, однако, національная вражда и противоборство? Существуетъ, конечно, какъ нѣкогда существовало повсюду людоедство, — существуетъ какъ зоологическій фактъ осужденный лучшимъ человѣческимъ сознаніемъ самихъ народовъ.

Противъ ложнаго патріотизма или націонализма, поддерживающаго преобладаніе звѣринныхъ инстинктовъ въ народѣ надъ высшимъ національнымъ самосознаніемъ, правъ будетъ космополитизмъ, требующій безусловнаго примѣненія нравственнаго закона безъ всякаго отношенія къ національнымъ различіямъ. Но именно нравственный принципъ, если проводить его послѣдовательно до конца, не позволяетъ намъ удовлетвориться этимъ отрицательнымъ требованіемъ космополитизма.

Пусть непосредственнымъ предметомъ нравственнаго отношенія будетъ отдѣльное лицо. Но вѣдь въ самомъ этомъ лицѣ одна изъ важнѣйшихъ его положительныхъ особенностей есть его народность. Это не есть только физическій фактъ, но и психическое и нравственное опредѣленіе. На той степени развитія, какой достигло человѣчество, принадлежность даннаго лица къ извѣстной народности закрѣпляется его собственнымъ автоматомъ самосознанія и воли. Такимъ образомъ, народность есть внутренняя, неотдѣлимая принадлежность этого лица, то, что для него въ высшей степени дорого и важно. И какъ же я могу быть въ нравственномъ отношеніи къ этому лицу, если не хочу признавать существованія того, что для него столь важно? Нравственный принципъ не даетъ мнѣ права превращать дѣйствительное лицо, живого человѣка, въ какой-то пустой, отвлеченный субъектъ,

произвольно выдѣляя изъ него существенныя его особенности. Если я долженъ признавать собственное достоинство этого лица, то я обязанъ признавать все то положительное, съ чѣмъ онъ связываетъ свое достоинство; и если я люблю человѣка, то я долженъ любить его народность, которую онъ любитъ, и отъ которой себя не отдѣляетъ. Высшій нравственный идеалъ требуетъ, чтобы мы любили всѣхъ людей, какъ самого себя, но такъ какъ люди не существуютъ внѣ народностей (какъ и народность не существуетъ внѣ отдѣльныхъ людей), и эта связь сдѣлалась уже нравственною, внутреннею, а не физическою только, — то прямой логическій выводъ отсюда есть тотъ, что *мы должны любить всю народности, какъ свою собственную*. Вотъ еще одно положительное примѣненіе христіанскаго начала, вызываемое нынѣшнимъ развитіемъ національнаго самочувствія и самосознанія. Эта точка зрѣнія упраздняетъ и націонализмъ и космополитизмъ, сохраняя то, что въ нихъ есть положительнаго; и какъ ни странно это покажется, но есть признаки, что человечество вступаетъ на путь, ведущій къ осуществленію этого идеала.

Владиміръ Соловьѣвъ.

ОБОРОТЫ И ОПЕРАЦИИ КАЗНЫ

ВЪ 1893 ГОДУ

ПО ОТЧЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ.

Наличность государственнаго казначейства, и свободная наличность въ связи съ курсомъ кредитнаго рубля.—Состояніе и движеніе въ 1893 году государственныхъ долговъ и долговъ государственному казначейству.—Казенныя желѣзныя дороги.—Обороты частныхъ желѣзныхъ дорогъ.—Обороты специальныхъ сборовъ и капиталовъ.—Эмеритальныя кассы.

Результатъ исполненія государственной росписи во всемъ ея объемѣ отражается на измѣненіи какъ цифры *кассовой* наличности государственнаго казначейства, такъ и цифры *свободной* наличности, т.-е. суммъ, не затраченныхъ, не имѣющихъ еще назначенія, и слѣдовательно—представляющихъ запасъ, ресурсъ казны.

Въ бюджетномъ отношеніи кассовая наличность, въ составъ которой входятъ суммы, исчисленныя уже расходомъ, но пока не истраченныя, значенія не имѣетъ. Въ нашихъ ежегодныхъ очеркахъ мы о ней обыкновенно и не упоминали. Теперь приведемъ цифры ея ради валюты, въ которой она выражается. Кассовой наличности состояло:

	Кредиты. билетами.	Золотомъ.	Серебромъ (банковнмъ).
	Р у б л е й.		
Еъ 1 января 1893 г.	148.864.500	126.131.728	8.188.600
Еъ 1 января 1894 г.	181.134.614	286.248.745	9.292.557

Въ отчетѣ объ исполненіи росписи (точно такъ же какъ и въ росписи) всѣ суммы, въ какой бы онѣ ни были валютѣ, сводятся къ окончательной цифрѣ на кредитные рубли, по курсу, принятому для росписи даннаго года. Курсъ для росписи 1893 г. былъ назна-

чекъ 1 р. 70 коп. кред. за золотой рубль, и 1 р. 19 к. кред. за серебряный. Въ переложеніи по этому курсу кассовая наличность составляла 1 января 1893 года=373.032.872 р., а 31 декабря того же года=593.815.623 р. Если же исчислять по курсу близкому въ дѣйствительному ¹⁾, то сумма кассовой наличности въ началѣ года составила бы 346.250.692 р. кред., а въ концѣ года—544.800.288 р., почти на 50 м. р. менѣе, нежели выведено по курсу росписи.

Такое же превращеніе совершается и съ *свободной* наличностью государственнаго казначейства. За исключеніемъ изъ кассовой наличности всѣхъ суммъ, подлежащихъ выдатѣ въ уплату по расходамъ уже произведеннымъ, но не оплаченнымъ, и въ той валютѣ, въ какой должно было произвестись уплату, *свободная наличность* 1 января 1893 г. опредѣлялась *избыткомъ* 194.205.438 рублей золотомъ и 8.185.585 р. серебромъ—и, въ то же время, *недостаткомъ*, для подлежащихъ уплатъ въ кредитной валютѣ, 227.517.998 рублей. При переложеніи металлической валюты въ кредитную по курсу росписи получается наличность въ суммѣ около 92¹/₂ м. р., а по дѣйствительному современному курсу—всего въ 72 м. р.

Къ концу года свободная наличность измѣнилась такъ: избытокъ въ металлической валютѣ равнялся 203.492.687 р. золотомъ—и 9.289.463 р. серебромъ, при недостаткѣ кредитныхъ знаковъ на 74.975.373 р., чтѣ, по переложеніи металл. знаковъ въ кредитные по курсу росписи, составляетъ свободную наличность въ 282.016.655 р. кред., а при перечисленіи по курсу, близкому современному, 239.553.120 рублей кредитныхъ. Нужно прибавить, что оба эти исчисленія не имѣютъ значенія: послѣднее же не имѣло не только реальнаго, но и бухгалтерскаго примѣненія, и является только въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля; а первое существовало вплоть до 12 часовъ ночи 31 декабря 1893 года; съ послѣднимъ, двѣнадцатымъ ударомъ часовъ въ помѣщеніи кассъ министерства финансовъ свободная наличность подверглась такому измѣненію: изъ 282 м. р. она разомъ преобразилась въ 259.902.389 р. кред., т.-е. потеряла по 10 коп. кред. на каждый золотой рубль и по 7 коп. на каждый серебряный, такъ какъ курсъ для росписи 1894 года принять въ 1 р. 60 коп. за золотой рубль и въ 1 р. 12 коп. за серебряный.

Въ печати неоднократно указывалось на выгоду установить для росписей, впредь до какого-либо крупнаго измѣненія, курсъ для золотого рубля въ 1 р. 50 коп. кредитныхъ, чтѣ совпало бы совер-

¹⁾ По 1 р. 50 коп. кред. за золотой рубль, и ровно по рублю кредитному за серебряный.

шенно съ поправками, дѣлаемыми теперь государственнымъ контролемъ, на основаніи дѣйствительности, въ счетахъ росписи 1893 и 1894 годовъ. Такой курсъ, безъ всякаго лажа на серебряные рубли, упростилъ бы счетоводныя работы учреждений министерства финансовъ и государственнаго контроля, а роспись избавилъ бы отъ всякихъ превращеній. Впрочемъ, при существующихъ счетахъ вся наша такъ называемая свободная наличность является не вполнѣ реальною, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части. Еслибы нашъ кредитный рубль на берлинской и другихъ биржахъ оказался въ одной цѣнѣ съ золотымъ или въ цѣнѣ къ нему близкой—а въ условіяхъ, при какихъ обращаются наши кредитные рубли, существенныхъ препятствій къ этому нѣтъ ¹⁾, — то свободная наличность разомъ уменьшилась бы на 100—140 мил. р., и представилась бы въ размѣрѣ около 140 м. р., въ меньшемъ сравнительно съ суммами, полученными въ 1893 году отъ займовъ (до 155 м. р.). Такимъ образомъ, исчезли бы разомъ для казны излишки, полученные отъ удачнаго исполненія росписей послѣднихъ лѣтъ. Утрата фиветивной цѣнности въ сущности не есть утрата: въ крайнемъ случаѣ, что потерялъ одинъ, то приобрѣлъ другой; но, несомнѣнно, не только внезапное, но и всякое измѣненіе цѣны кредитнаго рубля есть перемѣщеніе цѣнностей, сопряженное съ болѣшимъ или мѣньшимъ, смотря по быстротѣ измѣненія, экономическимъ потрясеніемъ. Поэтому, какъ было уже замѣчено, главное зло—не столько въ низкомъ курсѣ рубля, сколько въ постоянномъ колебаніи курса. Противъ этого и были приняты мѣры министерствомъ финансовъ. „Министръ финансовъ,—говорится во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о государственной росписи на 1894 годъ,—слѣдуетъ и другому основному предначертанію Вашего Величества, бдительно слѣдя за всѣми вредными проявленіями спекуляціи, не вытекающими изъ дѣйствительныхъ потребностей денежнаго обращенія и торговли и лежащими тяжелымъ бременемъ какъ на государственныя финансы, такъ и на все трудовое населеніе. Въ этихъ видахъ *предпринять рядъ мѣръ, направленныхъ къ подавленію спекулятивныхъ отблѣковъ на нашу валюту, систематически превращающихъ наши денежные знаки въ предметъ биржевой игры*“. Въ числѣ этихъ мѣръ министръ финансовъ указываетъ „обращеніе ко всѣмъ оперирующимъ въ Россіи учреждениямъ коммерческаго кредита съ предупрежденіемъ, что всякое содѣйствіе съ ихъ стороны такой, направленной въ ущербъ экономическимъ и финансовымъ интересамъ Россіи, игрѣ заграничныхъ спекулянтовъ на курсъ рубля признается несомнѣннымъ съ даннымъ сямъ учреждениямъ разрѣшеніемъ про-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1894 г., стр. 826—827.

изводитъ коммерческія операціи и съ тою поддержкою, которою учрежденія эти пользуются отъ правительства во всѣхъ ихъ законныхъ потребностяхъ"... Въ тѣхъ же видахъ, говорится далѣе,—Высочайше утвержденнымъ 29 марта 1893 года мѣншіемъ государственнаго совѣта установлено обложеніе кредитныхъ билетовъ *статистическою* таможенной пошлиной съ исключительною цѣлью учета ввоза и вывоза кредитныхъ билетовъ".

„Конечно,—завключаетъ министръ свой докладъ,—вредная для государственныхъ финансовъ игра на курсъ рубля слишкомъ глубоко укоренилась и потому далеко еще не устранена въ той мѣрѣ, въ какой это вообще возможно, но неустанная борьба съ вредной спекуляціей составляетъ и будетъ впредь составлять одну изъ важныхъ заботъ министерства. Эта забота въ значительной степени облегчается тѣмъ, что *правительство располагаетъ крупною наличностію золота, достигающею 609 милліоновъ рублей*".

Въ статьѣ объ исполненіи росписи 1893 г. ¹⁾ мы упоминали объ этихъ мѣрахъ, равно и о тѣхъ затрудненіяхъ, весьма желательныхъ въ видѣ урока, какія возникли вслѣдствіе недостатка въ кредитныхъ рубляхъ на берлинской биржѣ предъ ликвидацией биржевыхъ сдѣлокъ 1 ноября нов. ст. Какъ извѣстно, эти затрудненія были устранены (не знаемъ, вполне или отчасти) самимъ же министерствомъ финансовъ, снабдившимъ берлинскую биржу въ критическую минуту 3 милліонами кредитныхъ рублей. Рѣшимость министерства въ данномъ случаѣ ослабить одною рукою то, что создано другою, мы, вопреки мѣншію нѣкоторыхъ газетъ, приписывали не порыву великодушія—по истинѣ это было бы великодушіе дурно помѣщенное,—а болѣе вѣскимъ соображеніямъ. Мы не сторонники вмѣшательства какого бы то ни было министерства какой бы то ни было страны какъ въ игорныя, такъ и всякія другія биржевыя аферы (собственно всѣ эти аферы такъ или иначе сводятся къ игрѣ). Единственно допускаемая точка соприкосновенія администраціи съ биржей—это бдительный надзоръ за послѣдней, какъ за такимъ учрежденіемъ, которое иногда существуетъ эксплуатаціей неразумія или корыстныхъ инстинктовъ толпы. (Какъ извѣстно, противъ биржи въ последнее время ополчилось и германское правительство.) Но въ колебаніи цѣнности кредитнаго рубля биржевая игра ни при чемъ: она—слѣдствіе, а не причина этого колебанія. Если одинъ играетъ на пониженіе курса кредитнаго билета, то его *ipso* партнеръ его стоитъ за повышеніе. Какъ низкій курсъ рубля, такъ и его колебаніе, несомнѣнно, результатъ спекуляціи но она далеко выходитъ изъ ра-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, декабрь, 1894 г.

можь биржи и проявляется во всѣхъ нашихъ денежныхъ заграничныхъ сношеніяхъ: въ нашихъ займахъ, конверсіяхъ, въ торговыхъ сдѣлкахъ. Причина колебанія та, что за границей нашъ кредитный рубль является не денежной единицей, а товаромъ. Цѣна же товара зависитъ не только отъ его достоинства и размѣра его предложенія, но и отъ индивидуальныхъ условій покупателя и продавца, напริมѣръ отъ возможности для того и для другого *ождать*. Какъ мы не разъ говорили, у насъ, внутри имперіи, золотныя монеты—не только иностранныя, но и русскіе полуимперіалы—не деньги, а товаръ. Не мудрено, что гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городѣ полуимперіаль будетъ принятъ въ уплату наравнѣ съ кредитной валютой по нарицательной цѣнѣ ¹⁾ и, пожалуй, даже ниже. Устранится колебаніе цѣны кредитнаго рубля только тогда, когда онъ будетъ поставленъ въ опредѣленное отношеніе къ всеобщей денежной единицѣ, къ золоту. Достигнуть этого можно только размѣномъ.

Другое неудобство нынѣ существующаго у насъ денежнаго обращенія видно изъ суммъ такъ называемой свободной наличности: при избыткѣ золотой монеты оказывается недостатокъ кредитныхъ рублей, а именно кредитные билеты и нужны для удовлетворенія внутреннихъ государственныхъ расходовъ. Къ 1893 году свободная наличность числилась въ размѣрѣ 92¹/₂ м. р., но при этомъ недостатокъ кредитныхъ рублей значился въ суммѣ 227¹/₂ мил. р. Въ теченіе 1893 года этотъ недостатокъ уменьшился до 75 м. р., отчасти вслѣдствіе перевѣса въ доходахъ надъ расходами, а главнымъ образомъ, очевидно, вслѣдствіе произведеннаго въ 1893 году сто-милліоннаго внутренняго займа. Но къ такимъ займамъ пришлось бы прибѣгать постоянно, такъ какъ при нынѣ дѣйствующемъ порядкѣ исполненія росписи золотныя поступленія даже по обыкновенному бюджету, не говоря о заграничныхъ металлическихъ займахъ, превышаютъ расходы въ золотой валютѣ. Вслѣдствіе этого золото должно постоянно прибывать въ ущербъ ходячаго денежнаго знака, кредитныхъ билетовъ. Замѣнить же при расходѣ кредитные билеты золотомъ можно только его продажей на кредитные рубли. Если продажа будетъ совершаться систематически и по опредѣленной цѣнѣ, это не что иное, какъ размѣнъ; если же продавать золото случайно, по *биржевой* цѣнѣ, то окажется та самая биржевая спекуляція курсомъ кредитнаго рубля, противъ которой съ полнымъ основаніемъ возстаетъ министерство финансовъ. Есть еще способъ пополнять недостатокъ въ кредитныхъ рубляхъ, и къ нему преимущественно обращается фи-

¹⁾ Пишущему эти строки, гдѣ 25 тому назадъ, проѣздомъ, въ Херсонѣ пришлось наполеондоръ въ 20 франковъ отдать за 3 рубля.

насовое вѣдомство. Это *временный* выпускъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе *рубль за рубль* золотомъ. Но обезпеченіе, которое нельзя реализовать, въ сущности никакого обезпеченія не представляетъ; специально обезпеченные билеты ничѣмъ не выдѣляются отъ билетовъ, обезпеченныхъ въ общемъ порядкѣ, а увеличенный выпускъ кредитныхъ билетовъ несомнѣнно способствуетъ удержанію ихъ на низкомъ уровнѣ.

Резюмируя сказанное, можно остановиться на слѣдующемъ: сколько-нибудь быстрое повышеніе курса кредитнаго рубля не желательно, но необходимо устранить колебаніе этого курса. Необходимо доставить государственному казначейству возможность при недостаткѣ кредитныхъ денежныхъ знаковъ и избыткѣ металлическихъ обращать послѣдніе на удовлетвореніе расходовъ.

Повидимому, все это можетъ быть достигнуто временнымъ выпускомъ подъ обезпеченіе золотомъ особыхъ кредитныхъ билетовъ, которые, не отличаясь во внутреннемъ обращеніи отъ обыкновенныхъ билетовъ, въ то же время, по предъявленію, въ теченіе известнаго срока, обмѣнивались бы на золото по постоянному, опредѣленному для нихъ курсу. Мы разрабатываемъ не проектъ, а высказываемъ лишь мысль, но считаемъ не лишнимъ подробнѣе на ней остановиться.

Нужды государственнаго казначейства требуютъ, положимъ, въ 1895 году выпуска кредитныхъ билетовъ, *обозначенныхъ золотомъ*, на 100 мил. р. кред.; этотъ выпускъ и производится кредитными билетами, которымъ присвоивается: а) обращеніе внутри имперіи, при расчетахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и съ казною; б) размѣнъ ихъ на золотую монету по установленному для нихъ курсу и приѣмъ, по тому же курсу, въ счетъ причитающихся казнѣ металлическихъ платежей; в) право размѣна сохраняется за каждымъ выпускомъ на известный срокъ (положимъ, на два года), по истеченіи котораго билеты уже не могутъ быть предъявлены къ обмѣну или зачету въ металлические платежи, но сохраняютъ значеніе обыкновенныхъ кредитныхъ билетовъ; г) курсъ можетъ быть опредѣленъ или близкій къ нынѣ существующему, т.-е. 1 р. 50 к. кред. за золотой рубль, или тотъ, какой принять для тамож. приплатъ (70 коп. зол. за кредитный рубль—около 1 р. 43 коп. кр. за золотой рубль). Первую номинальную цѣну билета удобнѣе, повидимому, выразить въ золотыхъ рубляхъ, съ присоединеніемъ къ ней указанія кредитной валюты билета. Затрудненіемъ при этомъ, если не будетъ принять полутора-рублевый курсъ, окажутся некратныя отношенія двухъ валютъ и необходимость выражать ихъ, быть можетъ, въ доляхъ копѣйки¹⁾;

¹⁾ Инаданна уже указывалось, что наша первоначальная денежная единица, ко-

д) билеты, обмѣненные на золото, штемпелюются и подвергаются уничтоженію; золото, служившее обезпеченіемъ и не вымѣненное въ опредѣленный для обмѣна срокъ, присоединяется къ основному банковому фонду, но затѣмъ, по мѣрѣ поступления размѣнныхъ билетовъ въ казну и ихъ уничтоженія, освобождается; е) до истеченія срока, назначеннаго для одного выпуска, можетъ быть сдѣланъ другой и даже по иному курсу (желательно, повидимому, слабое постепенное возвышеніе курса), но это не должно измѣнять условій прежняго выпуска.

Лѣтъ девять, десять тому назадъ были толки объ узаконеніи внутри страны обращенія металлическихъ денегъ наравнѣ съ кредитными билетами. При этомъ, разумѣется, было бы неизбежно опредѣлить отношеніе кредитнаго рубля къ металлическому (въ обоихъ его видахъ, золотого и серебрянаго), другими словами, установить курсъ кредитнаго рубля. Мысль эта не осуществилась, несомнѣнно, вслѣдствіе вытекавшихъ изъ такой мѣры затрудненій и неудобствъ. Главнымъ изъ нихъ было то, что это значило бы открыть размѣнъ на золото, по опредѣленному курсу не только всей массы находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, но цѣнныхъ бумагъ, значившихся въ кредитной валютѣ, при чемъ новторились бы невыгодныя операціи шестидесятихъ годовъ: все золото нашего банка могло быть вымѣнено на повысившіеся въ цѣнѣ (вслѣдствіе открытія размѣна) кредитные билеты, а затѣмъ эти билеты упали бы въ цѣнѣ. Скупщики золота, приобрѣвшіе, приблизительно, на 100 мил. р. кредитныхъ 80 м. р. золотомъ, по изсякновеніи золотого запаса (такъ оно и было въ шестидесятихъ годахъ), за эти 80 м. р. могли приобрѣсти на 110 м. р. кредитныхъ билетовъ. При устойчивости внутри имперіи товарныхъ цѣнъ на кредитные рубли, это давало бы возможность приобрѣсти русскіе товары на 10 процентовъ дешевле. Выпускъ временныхъ размѣнныхъ билетовъ, въ *ограниченной* суммѣ, которая въ видѣ опыта можетъ быть назначена въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей, устраняетъ возможность такого исхода. Размѣнные билеты, которымъ въ то же время было присвоено обращеніе наравнѣ съ другими кредитными билетами, несомнѣнно должны были бы содѣйствовать устойчивости кредитнаго рубля вообще.

Очень можетъ быть, что новые кредитные билеты, вслѣдствіе присвоеннаго имъ права обмѣна, стали бы ходить въ цѣнѣ нѣсколько большей сравнительно съ цѣной другихъ кредитныхъ билетовъ и даже сдѣлаться предметомъ спекуляціи. Но противодѣйствовать этому

нѣтъ. слишкомъ крупна, какъ слишкомъ крупенъ и рубль. Для меньшей основной единицы есть и вполне подходящее названіе *четь*, денъга. Для собирательной единицы, равной ста денъгамъ (25 коп.) названіе уже готово.

не трудно: стоитъ только постановить, что разнѣнные билеты должны отпускаться не иначе какъ извѣстной долей (5, 10, 15 процентовъ, смотря по суммѣ выпуска) при всякой выдачѣ изъ кассъ государственнаго казначейства. Спекуляція будетъ подорвана въ корнѣ—въ ея выгоды. Ею захотятъ воспользоваться всѣ, и игра не будетъ стоить свѣчей.

Повторяемъ, мысль наша не есть проектъ. Какъ проектъ она требовала бы не только бѣльшей детальной разработки, но и указанія общаго плана: указанія—должна ли предполагаемая нами мѣра вести въ концѣ концовъ къ возстановленію цѣнности кредитнаго рубля, хотя бы не скоро, лѣтъ черезъ 20—25 (болѣе быстрое возстановленіе, какъ уже замѣчено, произвело бы большое экономическое потрясеніе), или мѣра эта должна только регулировать существующія условія. Дѣйствительно, всѣ основанія предполагаемой нами мѣры существуютъ и проявляются фактически. Обезцѣненіе нашего кредитнаго рубля—фактъ, удостовѣряемый не только отсутствіемъ разнѣна, биржевой цѣной этого рубля по сравненію съ золотомъ, продажей изъ государственнаго банка золота на кредитные рубли по вольной, биржевой, цѣнѣ, но и официалнымъ заявленіемъ министерства финансовъ о цѣнѣ, по которой засчитываются приплаты кредитными рублями таможенныхъ пошлинъ. Мы предлагаемъ только существующему усвоить систематическую организацію и дать значеніе государственнаго мѣропріятія, направленаго главнымъ образомъ къ устраненію колебанія въ курсѣ кредитнаго рубля.

Въ послѣднее время, въ газетахъ появилось сообщеніе о курсѣ, по которому должны приниматься наши ходячіе денежные знаки въ доплату къ золоту по таможеннымъ пошлинамъ съ 1-го января по 1 апрѣля 1895 года. Для кредитныхъ билетовъ, разнѣной серебряной и мѣдной монеты, вмѣсто вынѣшняго курса въ 70 коп. зол., устанавливается цѣна въ 65 коп., а для банковской серебряной монеты (полнопробной), вмѣсто 50 коп., всего въ 45 коп. золотомъ. Не будемъ говорить о цѣнѣ банковаго серебра и остановимся на цѣнѣ кредитныхъ билетовъ. Биржевой курсъ ихъ въ теченіе продолжительнаго времени указывается биржевыми бюллетенями въ размѣрѣ между 67 и 68 коп. зол.; въ нынѣшнемъ бюллетенѣ онъ показанъ въ 67⁶/₁₀ зол. копѣекъ. Такимъ образомъ, курсъ, назначенный для таможенныхъ приплатъ, слишкомъ на 2¹/₂ в. ниже дѣйствительнаго. Что къ назначенію такого курса министерство финансовъ имѣло основанія—это несомнѣнно, но несомнѣнно также, что это *понижающее* назначеніе является сильнымъ факторомъ въ колебаніи курса нашего кредитнаго рубля, которое, по признанію самого министерства финансовъ, весьма невыгодно отзывается на нашей промыш-

ленности и на нашей вѣдшей торговлѣ. Вліяніе этого курса должно оказаться тѣмъ сильнѣе, что никакихъ основаній такого назначенія въ распоряженіи не приводится: *sic volo, sic jubeo*. Повторяемъ, основанія несомнѣнно есть, но очевидно, что эти основанія исключительно финансовыя, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Говоря о распоряженіяхъ нашего финансоваго вѣдомства, касающихся заграничныхъ отношеній, нельзя не отмѣтить ненормальности, съ какою относится въ теченіе послѣднихъ семи-восьми лѣтъ къ этому вѣдомству нѣкоторая часть дѣловой заграничной печати. Несомнѣнно, есть органы, обстоятельно и съ своей точки зрѣнія безпристрастно обсуживающіе наше финансовое положеніе и финансовыя мѣры. Но такія сужденія до насъ не доходятъ. Зато панегирики нашей предпріимчивой дѣятельности, преимущественно на страницахъ нѣмецкихъ газетъ, жадно подхватываются нѣкоторыми нашими изданіями, патріотически умиляющимися предъ гремящею за границей нашею финансовою славой и расположеніемъ къ намъ заграничныхъ дѣльцовъ, съ *самими* Ротшильдами во главѣ. При этомъ забывается, что еще недавно предметомъ славословій являлись финансовыя предпріятія Персіи, — пока у нея не повытаскивали всѣхъ тумановъ. Мы не Персія, но источникъ умиленія — тотъ же: коммиссіонныя, куртажныя etc. Къ финансовой администраціи любой страны дѣликомъ относится то, что говорилось о римской матронѣ: чѣмъ менѣе толкуютъ о ней внѣ дома, тѣмъ для нея покойнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что наши высшіе финансовыя дѣятели съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ относятся къ расчлаемымъ по ихъ адресу любезностямъ, и они совершенно правы: *данайскія* похвалы хуже иной брани.

Намъ готовы, пожалуй, указать еще на одинъ фактъ: объявленный заемъ нашъ, покрытый — не помнимъ — не то въ тысячу, не то въ тысячи разъ. Но банкиры прекрасно знаютъ, что если заемъ объявленъ на 400 мил. франковъ, то сколько ни распредѣлять ихъ между собою — въ суммѣ 40 или 400 миллиардовъ, — каждый получитъ не болѣе того, что намѣренъ былъ получить. Усиленный будто бы спросъ является приманкой. Можно не радоваться, а сокрушаться, если русская цѣнная бумага окажется средствомъ эксплуатаціи публики, разумѣется — не нашей. Намъ, слава Богу, покупать цѣнныхъ бумагъ не на что; если у насъ ихъ и покупаютъ, то не эксплуатируемые — тѣ идутъ на Рыковскія акціи, — а эксплуатирующіе, обращающія цѣнныя бумаги въ средства аферы и спекуляціи. Впрочемъ, и иностранная публика умѣетъ должнымъ образомъ оцѣнивать значеніе рекламъ и сочувственныхъ манифестацій: доказательство — недавняя исторія съ 3-хъ-процентнымъ золотымъ займомъ.

Повторяемъ, для устраненія колебанія курса кредитнаго рубля съ

одной стороны, съ другой—для правильного обращенія на расходъ безплодно накаплиющихся въ кассахъ государственнаго казначейства запасовъ золота должны быть изысканы средства. Они возможны.

Тѣ же затрудненія, происходящія отъ измѣняющагося и далекаго отъ дѣйствительно принятаго по росписямъ курса кредитнаго рубля, оказываются въ части отчета *о состояннн долговыхъ счетовъ государственнаго казначейства*. Поэтому государственный контроль, оставляя перечисленія по курсу росписей въ самомъ отчетѣ, въ объяснительной запискѣ дѣлаетъ ихъ по курсу современному, т.-е. по 1 р. 50 к. кред. за золотой рубль. Этому счету мы и придержимся.

Къ 1 января 1893 года долговъ государственнаго казначейства состояло 1.566.330.941 р. металлическихъ—и 3.177.913.503 р. кред., а всего, по переложеннн металлическихъ долговъ въ кредитную валюту, 5.527.409.415 р. кред. Въ 1893 году вновь образовалось долговъ, считая въ кредитныхъ рубляхъ, на сумму около 415 мил. р., главнымъ образомъ вслѣдствіе займовъ: 3°/о золотого (около 50 м. р. зол.); 4°/о золотого 5-го выпуска (44½ м. р. з.) и 4°/о внутренняго (100 м. р. кред.) и по выкупленнымъ казною желѣзными дорогамъ около 97 м. р. зол. и около 24 м. р. кред. Уменьшилось въ 1893 году долговъ на 112 м. р. кредитныхъ, въ томъ числѣ вслѣдствіе выкупа 6°/о золотой ренты на 50 м. р. золотомъ. Въ общемъ итогѣ долги увеличились на сумму около 303 м. р. кред. и составили къ 1 января 1894 года 5.830.376.515 рублей кредитныхъ.

О долгахъ государственному казначейству и объ ихъ особенномъ характерѣ мы говорили подробно въ прошлогоднемъ нашемъ обзорѣ¹⁾. Къ 1 января 1892 года размѣръ долговъ государственному казначейству значился въ суммѣ менѣе полутора миллиарда и изъ нихъ большая часть была безнадежные долги желѣзныхъ дорогъ, которые могли быть погашены только однимъ путемъ: исключеніемъ долга со счетовъ съ переходомъ несостоятельныхъ дорогъ въ казну. Къ этимъ долгамъ государственный контроль нашелъ возможнымъ въ 1892 году присоединить еще слишкомъ два съ половиною миллиарда рублей, такъ что сумма долговъ государственному казначейству къ 1 января 1893 года составила внушительную цифру 3.951.856.560 р., словомъ—чуть не четыре миллиарда, всего лишь на 1½ миллиарда менѣе государственныхъ долговъ. Но въ то время, какъ по долгамъ государственнымъ уплачивалось и уплачивается ежегодно 250—260 и больше процентовъ и погашенія, долги государственному казначейству ника-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, январь 1894 г., стр. 358 и слѣд.

кихъ процентовъ ему не приносятъ, да и уплачивается капиталъ лишь по немногимъ долгамъ и весьма медленно. Впрочемъ, какъ уже было нами замѣчено, главные долги и не могутъ считаться долгами, а скорѣй составляютъ ежегодно уплачиваемую повинность. Таковъ капитализированный государственнымъ контролемъ въ суммѣ много свыше полутора миллиарда рублей долгъ по выкупнымъ платежамъ; такова контрибуція, ежегодно частями увеличиваемая Турціей и Хивой. Долгъ этотъ показанъ государственнымъ контролемъ въ суммѣ свыше 182 м. р. золотомъ, т.-е. 273 м. р. кредитныхъ; между тѣмъ годичная уплата, погашающая долгъ, равна 3 м. р. кред. съ небольшимъ; и въ то же время одни проценты на эту сумму, еслибы это былъ ординарный долгъ, превысили бы 10 м. р., не считая погашенія. Долгомъ въ обычныхъ условіяхъ можетъ считаться долгъ желѣзныхъ дорогъ, по которому (отчасти) насчитываются и проценты, но уплатъ не производится ни капитала, ни процентовъ.

Общій счетъ по этимъ долгамъ таковъ: къ 1 января 1893 года они числились въ показанной выше суммѣ (около 4 миллиардовъ рублей). Къ 1 января 1894 года ихъ оставалось 3.683.789.339 руб. кр., менѣе на 268 м. р. Это уменьшеніе явилось главнымъ образомъ результатомъ исключенія изъ счетовъ долговъ, числившихся на выкупленныхъ казною оренбургской, московско-курской, балтійской и донецкой желѣзныхъ дорогахъ и на перешедшемъ въ казну балтійскомъ судостроительномъ заводѣ.

Главную, по размѣру оборота, операцію казны составляетъ эксплуатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Къ началу 1893 года казнѣ принадлежала сѣтъ въ 12.389 верстѣ (не считая николаевской желѣзной дороги). Въ теченіе 1893 г. было вновь открыто для движенія 176 верстѣ и выкуплено отъ частныхъ обществъ 2.255 верстѣ, а именно: московско-курская (512 верстѣ), оренбургская (508 в.), балтійская (568 в.) и донецкая (667 в.). Такимъ образомъ, къ концу 1893 года длина сѣти правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ достигла 14.820 верстѣ¹⁾. По приблизительному разсчету вся эта сѣтъ представляла капитальную стоимость въ 602¹/₂ м. р. металл. и около 330 м. р. кред., или, при перечисленіи золотой валюты въ кредитную по курсу 1 р. 50 к. кр. за золотой рубль, 1.233.608.816 рублей.

Эксплуатируемыя въ 1893 г. казною желѣзныя дороги доставили чистаго дохода, 45.723.302 р.; между тѣмъ платежи по основнымъ капиталамъ достигали по крайней мѣрѣ до 49 м. р., т.-е. превы-

¹⁾ Изъ нихъ 1.049 верстѣ состояли въ арендѣ у частныхъ обществъ.

шали чистый доходъ почти на 3.270.000 р. Избытокъ чистаго дохода надъ суммою платежей по основному капиталу доставили лишь шесть желѣзнодорожныхъ линій: закавказская, московско-курская, екатерининская, курско-харьково-азовская, либаво-роменская и баскунчакская. На нихъ превышеніе чистаго дохода оказалось на сумму около 12½ м. р. На остальныхъ 13 линіяхъ доходность была ниже платежей на 15½ м. р. слишкомъ. Приплаты казны еще увеличатся, когда будетъ опредѣленъ размѣръ вознагражденія владѣльцамъ акцій (не гарантированныхъ) московско-курской желѣзной дороги.

Противъ смѣтныхъ ожиданій доходность казенной желѣзнодорожной сѣти оказалась выше слишкомъ на 7 милл. рублей, а противъ доходности предшествовавшаго года слишкомъ на 17 милл. рублей. Это увеличеніе произошло отъ присоединенія къ казенной сѣти новыхъ доходныхъ дорогъ, а равно и отъ повышенія доходности прежнихъ вслѣдствіе обильнаго урожая 1893 года, который при томъ совпалъ съ недородомъ овса и кормовыхъ травъ во Франціи и Бельгійи и усиленнаго вывоза указанныхъ продуктовъ въ эти страны.

Въ предшествовавшихъ обзорѣніяхъ намъ не разъ приходилось подробно говорить объ отношеніяхъ, въ которыхъ находятся къ казнѣ частныя желѣзныя дороги, и о возникающихъ изъ этихъ отношеній сложныхъ расчетахъ ¹⁾. Не повторяя того, что было сказано, и не приводя цифръ по многообразнымъ счетамъ (платежей по гарантированнымъ правительствомъ акціямъ и облигаціямъ, по восполненіямъ, процентамъ по прежнимъ долгамъ, и пр. и пр.), замѣтимъ, что всѣ расчеты сводятся къ одному: къ увеличенію огромной неоплатной задолженности желѣзныхъ дорогъ казнѣ. Выгодныя условія, въ которыхъ находилась, какъ упомянуто выше, эксплуатация казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, простирались въ равной мѣрѣ и на частныя желѣзныя дороги; тѣмъ не менѣе онѣ все-таки не могли исполнить лежащихъ на нихъ обязательствъ. Такъ, по гарантіи основныхъ и дополнительныхъ капиталовъ и на капиталныя затраты правительствомъ за счетъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ затрачено 35½ м. р.; въ возмѣщеніе же этихъ расходовъ поступило всего 35½ м. р., менѣе на 18 м. рублей. Въ общей суммѣ долговъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ за 1893 годъ произошло уменьшеніе: къ началу 1893 года этихъ долговъ числилось 1.693 мил. рублей (считая на кредитные рубли), а къ 1894 году ихъ осталось 1.445 м. р., менѣе 248 м. р., но это уменьшеніе оказывается результатомъ исключенія со счетовъ долговъ.

¹⁾ См., напримѣръ, „В. Европа“, январь 1894 года, стр. 349 и слѣдующія.

Нѣкоторымъ пособіемъ государственному казначейству въ его расходахъ служатъ состоящія въ распоряженіи различныхъ вѣдомствъ такъ называемые спеціальныя капиталы. Къ 1 января 1893 года ихъ, вмѣстѣ съ долгами, числившимися за разными учрежденіями и лицами, считалось 450 м. р., а къ концу года 484½ мил. р. Но въ этихъ суммахъ значитса между прочимъ и долгъ по *общему по имперіи продовольственному капиталу*. Къ началу 1893 г. его было 148½ м. р., а къ концу года—около 176 мил. р. Суммы эти составляетъ пособіе, выданное пострадавшему отъ неурожая населенію, за которымъ онѣ и начислены долгомъ продовольственному капиталу. Въ свою очередь государственное казначейство внесло въ свои долговые реестры выданныя ссуды долгомъ за продовольственнымъ капиталомъ въ ряду тѣхъ безобидныхъ, никого не тяготящихъ миллиардныхъ долговъ казнѣ, о которыхъ сказано выше. Впрочемъ размѣръ долга по выданному пособію и теперь уже значительно измѣнился. Высочайшимъ указомъ 20-го іюня 1893 года опредѣлено долгъ высчитывать не той суммою, какая была истрачена на покупку выданнаго въ пособіе хлѣба, а по особо назначенной оцѣнѣ. Это уменьшило долгъ по меньшей мѣрѣ на половину. Затѣмъ, по манифесту 14-го ноября прошлаго года послѣдовали дальнѣйшія облегченія плательщиковъ этого долга. Такимъ образомъ, долгъ этотъ выводится до незначительной сравнительно суммы,—что несомнѣнно исполнѣ и желателно, какъ по условіямъ, при которыхъ этотъ долгъ образовался, такъ и вслѣдствіе крайней задолженности населенія по окладнымъ сборамъ.

Если исключить счета продовольственныхъ спеціальныхъ средствъ, то сумма остальныхъ спеціальныхъ капиталовъ опредѣлится къ началу отчетнаго года въ 291½ м. р., а къ концу года—въ 299 м. р. Капиталы эти распредѣляютъ по нѣсколькимъ статьямъ статей, но по предметамъ ихъ назначенія могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько отдѣловъ. Главные изъ нихъ слѣдующіе: 1) эмеритальныя и пенсіонныя кассы—149 м. р.; 2) стипендіальныя капиталы и капиталы учебныхъ заведеній 45½ м. р.; 3) инвалидные и разнаго рода вспомогательныя и благотворительныя капиталы—39 м. р.; 4) капиталы и сборы на удовлетвореніе воинскихъ повинностей—38 м. р.; 5) капиталы и сборы для нуждъ сельскаго хозяйства—10 м. р.; 6) капиталы мѣстъ заключенія—3 м. р.; 7) церковныя суммы—2½ м. р.; 8) капиталы ученыхъ учрежденій, преміи, суммы правительственныхъ изданій, музеевъ, библіотекъ—около 2 м. р., и пр.

Изъ спеціальныхъ средствъ мы намѣрены были остановиться на капиталахъ эмеритальныхъ кассъ, которые служатъ дополненіемъ,

по нашему мнѣнію, въ весьма неудовлетворительной формѣ, крайне недостаточнаго размѣра пенсіонныхъ назначеній. Недостаточность пенсій и существуетъ, и ощущается по всѣмъ вѣдомствамъ, но эмеритальные кассы учреждены лишь по немногимъ изъ нихъ. Это первый ихъ недостатокъ; второй—это то, что въ основу ихъ положено какъ бы коммерческое начало, которое, однако, въ исполненіи не выдерживается, не избавляя казну ни отъ заботъ объ устройствѣ кассъ при оказывающейся или близкой ихъ несостоятельности, ни отъ дополнительныхъ непредвидѣнныхъ по нимъ расходовъ въ случаѣ ихъ несостоятельности, такъ какъ правительство, одобрявшее эмеритальные уставы, несомнѣнно не захочетъ возложить отвѣтственность за невѣрный расчетъ, положенный въ ихъ основу, на позднѣйшихъ пенсіонеровъ кассъ, тогда какъ первые воспользовались ихъ щедротами, выходящими далеко изъ предѣловъ коммерческаго расчета. Между тѣмъ всѣ дѣйствующія эмеритальные кассы весьма недалеки отъ несостоятельности. Дѣйствующихъ, т.-е. выдающихъ пенсіи, эмеритальныхъ кассъ у насъ четыре, сверхъ эмеритальной кассы царства польскаго, давно уже оказавшейся несостоятельной. Относительно ея въ отчетѣ государственнаго контроля мы находимъ слѣдующія свѣденія за 1893 годъ: капиталъ ея къ началу 1893 года 3.235.493 р.; поступленіе въ теченіе года 640.149 р.; расходъ 665.310 р.; капиталъ къ концу года 3.033.950 р. Такимъ образомъ, въ расходѣ оказывается превышеніе надъ доходомъ на 25.000 р., при чемъ въ числѣ доходовъ значится приплата казны въ 17.000 р.; всего, слѣдовательно, недоборъ въ 42.000 р. Въ слѣдующіе годы недоборъ этотъ долженъ увеличиться отъ сокращенія капитала, особенно при конверсіяхъ нашихъ процентныхъ бумагъ, и отъ постояннаго увеличенія эмеритальныхъ расходовъ (въ 1892 г. ихъ было менѣе 580.000 р.).

По упоманутымъ четырѣмъ кассамъ, вѣдомства военнаго, морскаго, горныхъ инженеровъ и инженеровъ путей сообщенія, обороты за 1893 годъ таковы:

	капиталъ на 1893 г.	доходъ въ 1893 году	расходъ	капиталъ на 1894 г.
Военнаго . . .	101.474.864	8.453.626	8.129.661	101.798.829
Морскаго . . .	21.067.795	1.433.729	1.388 713	21.117.810
Горн. инж. . . .	1.623.084	170.839	168.048	1.626.875
Инж. п. с. . . .	3.222.889	349.525	219.865	3.352.548
По всѣмъ . . .		10.407.719	9.905.287	

Результатъ оборотовъ по всѣмъ кассамъ почти одинаковый: приходъ лишь немногимъ превосходитъ расходы, а по морскому вѣдом-

ству онъ даже меньше. Въ 1892 году превышеніе доходовъ составляло 671.000 р.; въ 1893 г. оно не превышало 502.500 р. и должно послѣдовательно уменьшаться, такъ какъ въ теченіе долгаго періода (отъ 60 до 90 лѣтъ, смотря по условіямъ эмеритальныхъ выдачъ) приростъ доходовъ ежегодно уменьшается, а приростъ расходовъ, напротивъ, увеличивается. Уравненіе расходовъ съ доходами черезъ 30—40 лѣтъ существованія кассы служитъ несомнѣннымъ признакомъ ея несостоятельности. Управление кассы военнаго вѣдомства уже нѣсколько лѣтъ озабочено недостаточностью ея средствъ; по расчету, сдѣланному этимъ управленіемъ, для восстановленія ея средствъ въ необходимомъ размѣрѣ нужны или одновременное увеличеніе ея кассы 80 милліонами рублей, или ежегодная субсидія въ 3.200.000 рублей. Въ такомъ же, даже большемъ, критическомъ положеніи находится касса морского вѣдомства. Прибавимъ, что даже отпускъ суммъ кассъ военнаго вѣдомства въ указанномъ сейчасъ размѣрѣ, по всему вѣроятію, былъ бы только палліативомъ: онъ далъ бы ей достаточно средствъ на 20, можетъ быть на 25 лѣтъ еще, но не обезпечилъ бы состоятельность ея на весь долгій періодъ постояннаго увеличенія расходовъ, — періодъ, какъ замѣчено, простирающійся на время не менѣе 60 лѣтъ, и то при условіи, чтобы въ порядкѣ выдачи эмеритальныхъ пенсій и въ ихъ размѣрѣ не производилось существенныхъ, льготныхъ для эмеритантовъ измѣненій. А такія измѣненія неизбѣжны: мѣняется какъ составъ служащихъ, такъ и размѣры получаемого ими содержанія. Сверхъ того въ первые годы существованія эмеритальной кассы, въ періодъ 10—20 лѣтъ, положеніе ея кажется блестящимъ, а расчеты, положенные въ ея основу, какъ бы они ни были тароваты, признаются слишкомъ скупыми. Тотчасъ же возникаетъ вопросъ объ увеличеніи льготъ по эмеритурѣ и обыкновенно разрѣшается удовлетворительно. Такъ и было съ эмеритурой военнаго вѣдомства. Оттого-то, несмотря на щедрыя пожертвованія, сдѣланныя казною при ея учрежденіи, она и оказалась такъ скоро, всего черезъ 25—30 лѣтъ, въ неудовлетворительномъ положеніи. Не будь указаннаго увеличенія льготъ, то, благодаря все-таки щедрымъ пожертвованіямъ казны вначалѣ ¹⁾, несостоятельность кассы могла отсрочиться еще на 10—15 лѣтъ, но въ концѣ концовъ была бы неизбѣжна. Подъ прозрачнымъ началомъ коммерческаго расчета, въ основу эмеритальныхъ нашихъ кассъ положены начала, вовсе не

¹⁾ Казна при основаніи кассы дала ей 8 м. р. и затѣмъ еще около 850.000 р. Сверхъ того казна приняла на себя, въ видѣ увеличенія содержанія, уплату пенсіонныхъ шестипроцентныхъ взносовъ. Последнее, разумѣется, вліянія на положеніе кассы не оказываетъ, такъ какъ оно остается то же, изъ чьего бы кармана ни поступали взносы.

соотвѣтствующія коммерческому расчету: основанія пенсїи съ одной стороны, и условія лотереи—съ другой. Коммерческій расчетъ могъ имѣть только характеръ сбереженія, отчасти съ присоединеніемъ страховки, съ тѣмъ условіемъ, что каждому достанется все имъ сбереженное. Между тѣмъ въ нашихъ эмеритальныхъ кассахъ главнымъ условіемъ полученія пенсїи является продолжительность государственной службы, не менѣе 25 лѣтъ, хотя бы и съ недолгимъ участіемъ въ эмеритальныхъ взносахъ,—даже годичномъ въ кассѣ морского вѣдомства и начиная отъ пяти лѣтъ по другимъ кассамъ. Такимъ образомъ, чиновникъ, двадцать слишкомъ лѣтъ вносившій шестипроцентные эмеритальные вычеты, не получаетъ эмеритуръ; наоборотъ, при продолжительной государственной службѣ, онъ даже при пятилѣтнихъ эмеритальныхъ вычетахъ получаетъ, независимо отъ „казенной“ пенсїи, также весьма солидную эмеритальную: приблизительно около $\frac{2}{12}$ (четверти) содержанія при двадцатипятилѣтней государственной службѣ и $\frac{2}{6}$ при тридцатипятилѣтней, т.-е. въ годъ получаетъ больше, нежели уплатилъ за всѣ пять лѣтъ. Къ слову сказать, эти скороспѣлыя пенсїи, выдававшіяся вскорѣ послѣ образованія кассъ въ большомъ размѣрѣ, такъ какъ онѣ назначались заслуженнымъ лицамъ съ крупнымъ содержаніемъ, и были одной изъ причинъ подрыва состоятельности эмеритальныхъ кассъ ¹⁾. Главная же причина въ томъ, что при дѣйствующихъ условіяхъ нашихъ эмеритальныхъ кассъ шестипроцентные вычеты недостаточны. Назначить же большіе, въ виду начала лотереи (одинъ получаетъ то, что теряетъ нѣсколько), было бы и несправедливо, и отяготительно.

Мы останавливаемся на quasi-коммерческомъ характерѣ эмеритуръ потому, что имъ именно придается этотъ характеръ въ общемъ мнѣніи. „Я получаю свое“,—говоритъ эмеритантъ; между тѣмъ болѣе или менѣе удовлетворенный эмеритантъ непремѣнно получаетъ чужое. Коммерческій характеръ эмеритуръ нарушается обязательнымъ въ нихъ участіемъ служащихъ по тѣмъ вѣдомствамъ, гдѣ онѣ установлены, и еще болѣе возможностью утраты, въ пользу другихъ, крупныхъ эмеритальныхъ взносов. Участвовавшій въ нихъ въ теченіе, положимъ, сорока лѣтъ и внесшій въ кассу много тысячъ, не можетъ ничего оставить изъ нихъ по смерти ни старой матери, ни сестрѣ, ни взрос-

¹⁾ Теперь по эмеритурѣ военнаго вѣдомства установлено выдавать эмерит. пенсїи не иначе какъ при условїи взноса вычетовъ въ теченіе 15 лѣтъ. Но такъ какъ участіе во взносахъ обязательно, а касса существуетъ давно, право же на эмериттуру устанавливается не менѣе какъ 25-лѣтней государственной службой, то измѣненіе это имѣетъ значеніе только для перешедшихъ въ военное вѣдомство изъ другихъ и потому существенно выгоднаго условія для кассы не представляетъ.

лымъ или пріемнымъ дѣтямъ, ни даже завѣщать изъ заслуженной эмеритурѣ уплаты своихъ долговъ.

Можно возразить, что всѣ эти невыгоды существуютъ и для пенсій. Но въ основѣ пенсій не лежитъ ни коммерческое, ни лотерейное начало, а лежитъ нравственное. Пенсія—это не коммерческая сдѣлка, а государственный принципъ. Пенсіонные двухпроцентные вычеты мало значатъ въ денежномъ отношеніи и скорѣе имѣютъ *статистическое* значеніе при счетѣ лѣтъ, которыя засчитываются въ право на полученіе пенсій. Государство какъ бы говоритъ своему служащему: „служи мнѣ вѣрой и правдой, посвящай всѣ свои силы службѣ, не заботься о пріобрѣтеніяхъ. Когда ты прослужишь извѣстный срокъ (смотря по роду обязанностей) или подвергнешься случайному несчастію и потеряешь (вполнѣ или отчасти) способность работать, я принимаю на себя обезпеченіе жизни какъ твоей, такъ и тѣхъ, содержать которыхъ лежитъ на твоей обязанности, твоей жены и несовершеннолѣтнихъ или немощныхъ дѣтей“...

Такимъ образомъ, пенсія является не чѣмъ инымъ, какъ дополнительнымъ вознагражденіемъ служащихъ, цѣль котораго заключается въ удержаніи на государственной службѣ людей способныхъ, а равно и въ томъ, чтобы, въ виду обезпеченія какъ ихъ личной судьбы, такъ и судьбы имъ близкихъ, удержать ихъ отъ всякихъ корыстныхъ стяжаній.

Поводомъ къ учрежденію эмеритуръ служить всеми сознаваемая недостаточность пенсіонныхъ выдачъ по дѣйствующему уставу, а равно и быстро (будто бы) растущіе пенсіонные расходы, дошедшіе въ 1893 году до 30 м. р., при пенсіонныхъ вычетахъ въ размѣрѣ около 2 м. р. Но пенсіоннымъ выдачамъ настолько же присущъ ростъ, насколько и эмеритальнымъ. Основанія, по которымъ учрежденіе эмеритуръ предпочитается „пересмотру“ устава о пенсіяхъ, могутъ заключаться только въ тѣхъ условіяхъ, которыя отличаютъ эмеритурѣ отъ пенсій: въ большемъ размѣрѣ вычетовъ и въ то же время въ болѣе льготныхъ—по срокамъ и по размѣру—назначеніяхъ пенсіонныхъ выдачъ. Но эти условія легко могутъ быть внесены въ пенсіонный уставъ, нисколько не измѣняя его существеннаго характера.

Относительно растущихъ расходовъ на пенсія нужно замѣтить, что ростъ этотъ не особенно великъ и вполнѣ соответствуетъ измѣняющимся условіямъ государственной службы. Сумма выдаваемыхъ у насъ пенсій *ниже*, caeteris paribus, суммъ, которыя тратятся на пенсія въ государствахъ западной Европы, не говоря о размѣрѣ пенсій, доходящихъ у насъ въ большинствѣ случаевъ до незначительной величины—14 или 28 р. въ годъ.

Несостоятельность нашего пенсiоннаго устава сознается весьма давно; въ теченiе пятидесяти лѣтъ назначалось множество комиссiй для его пересмотра, но ни одна изъ комиссiй не довела своихъ работъ до вожделѣннаго результата. Между тѣмъ разрѣшенiе пенсiоннаго вопроса настоятельно необходимо. Разрѣшенiе это должно состоять: 1) въ увеличенiи размѣра пенсiй, особенно въ низшихъ ихъ степеняхъ; 2) въ полномъ устраненiи суррогатовъ пенсiй, каковы эмеритальныя кассы; 3) въ устраненiи всякой выдачи пенсiй внѣ правилъ.

0.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1895.

Новый годъ.—Постановленіе о штундистахъ и отношеніе его къ закону 3 мая 1883 г.—Общій вопросъ о порядкѣ обсужденія и изданія законовъ.—Новыя предложенія относительно раскольниковъ.—Сфера примѣненія положенія 14 августа 1881 г.— Два циркуляра.—Постановленіе гжатскаго дворянства.— Приказъ ген. М. И. Драгомирова.

Сколько бы разъ для каждаго изъ насъ ни наступалъ „новый годъ“ и сколько бы разъ онъ ни обманывалъ нашихъ надеждъ на „новое счастье“,—мы продолжаемъ, по старому обычаю, повторять это привѣтствіе и связывать съ нимъ пожеланія другъ другу лучшаго будущаго — и этотъ обычай изъ частной жизни невольно переносится и въ области жизни—общественной, экономической и т. д. Для новаго счастья наша общественная жизнь имѣетъ впрочемъ и весьма твердое основаніе въ тѣхъ путяхъ, которые указаны въ самыхъ первыхъ актахъ новаго царствованія; наше общество вспоминаетъ слова Милостиваго Манифеста 14-го ноября, поставляющія „правосудіе основою народнаго благосостоянія“; оно вспоминаетъ обращеніе къ сенату, благодарящее его за служеніе *правдѣ* и *закону*. Старинное изреченіе: *Iustitia regnorum fundamentum* („правосудіе—основа царствъ“) — не утратило своей силы, а основою правосудія можетъ служить только законъ, для всѣхъ равно обязательный, и чувство законности, вездѣ одинаково распространенное.

Въ концѣ истекшаго года въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе: „Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го сентября 1894 г., послѣдовавшимъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го іюля того же года положенія Комитета министровъ и по предварительному сношенію съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, секта штундъ объявлена одною изъ наиболѣ вредныхъ въ церковномъ и

государственномъ отношеніяхъ, съ воспрещеніемъ штундистскихъ общественныхъ молитвенныхъ собраній". Положеніе комитета министровъ, на которое въ этомъ сообщеніи сдѣлана ссылка, газеты заимствовали изъ статьи „Кіевлянина“ (перепечатана въ № 328 „Новостей“). „Комитетъ министровъ, — говорится въ этой статьѣ, — разсмотрѣвъ представленные министромъ внутреннихъ дѣлъ объясненія по Высочайшимъ отмѣткамъ, послѣдовавшимъ на всеподданнѣйшемъ отчетѣ кіевского, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора за 1889—1893 гт. по вопросу о борьбѣ со штундой, нашелъ, что въ законѣ 3-го мая 1883 года не содержится разграниченія секты на болѣе или менѣе вредныя, вслѣдствіе чего послѣдователи штунды, признанной особо вредною какъ св. синодомъ, такъ и гражданскою администраціею, могутъ рассчитывать на тѣ права и льготы, которыя предоставлены обыкновеннымъ раскольникамъ, самое же преслѣдованіе ихъ дѣяній на почвѣ означеннаго закона представляется крайне затруднительнымъ. Между тѣмъ молитвенныя собранія штундистовъ, какъ это выяснено продолжительнымъ наблюденіемъ за развитіемъ штунды въ юго-западн. краѣ, внося смуту въ жизнь мѣстныхъ приходоу, не только способствуютъ укрѣпленію сектантовъ въ ихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ, но и служатъ самымъ удобнымъ способомъ распространенія штундистскаго лжеученія среди православныхъ. Принявъ, далѣе, во вниманіе, что принятыми въ послѣднее время кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генераль-губернаторомъ особыми кѣрами, состоящими, между прочимъ, въ запрещеніи молитвенныхъ собраній послѣдователей секты штунды, достигнуты весьма благоприятныя послѣдствія, а между тѣмъ такія распоряженія основывались исключительно на полномочіяхъ, предоставленныхъ кіевскому, подольскому и волынскому генераль-губернатору положеніемъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и не могли быть примѣняемы въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя положеніе это не распространяется, комитетъ министровъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ св. синода, объявить секту штунду болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Такъ какъ государственный совѣтъ, при обсужденіи проекта закона 3-го мая 1883 г., опредѣленіе вопроса о томъ, къ послѣдователямъ какихъ именно сектъ можетъ быть примѣненъ означенный законъ, предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ по предварительномъ о томъ соглашеніи съ св. синодомъ, то министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ по сему вопросу въ сношеніе съ статсъ-секретаремъ Побѣдоносцевымъ. По сообщеніи послѣднимъ состоявшемуся уже ранѣе опредѣленія св. синода о признаніи секты особо вредною, министръ

внутреннихъ дѣлъ призналъ, съ своей стороны, и объявилъ штунду одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ, при чемъ по министерству сдѣланы строгія распоряженія о повсемѣстномъ запрещеніи общественныхъ и молитвенныхъ собраній послѣдователей этой секты, подѣ опасеніемъ привлеченія виновныхъ къ строгой судебной отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ симъ разъяснено, что права и льготы, дарованныя закономъ 3-го мая 1883 года раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, не могутъ быть примѣняемы къ штундистамъ или русскимъ баптистамъ, какъ нѣкоторые изъ послѣдователей этой секты себя называютъ¹⁾.

Изъ вышеизложеннаго видно, что, по мнѣнію комитета министровъ, за силою закона 3-го мая 1883 г., изданнаго при въ Божѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III, послѣдователи штунды могли рассчитывать на тѣ права и льготы, которыя были Высочайше предоставлены обыкновеннымъ раскольникамъ; онъ призналъ также, что преслѣдованіе ихъ дѣланій на почвѣ вышеозначеннаго закона представляется крайне затруднительнымъ. И дѣйствительно, ст. 48 т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. преступл. (изд. 1890 г.), основанная на законѣ 3-го мая 1883 г., дозволяетъ раскольникамъ творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ. Устройство такихъ зданій, а также ихъ возобновленіе и исправленіе, поставлено въ зависимость отъ административнаго разрѣшенія, но право собираться для молитвы въ частныхъ домахъ ничѣмъ не ограничено. Столь же безусловно установлена тѣмъ же закономъ (ст. 46) безотвѣтственность раскольническихъ уставщиковъ и наставниковъ за исполненіе у раскольниковъ духовныхъ требъ, если только они не распространяютъ при этомъ свои заблужденія между православными и не совершаютъ другихъ преступныхъ дѣланій. Свобода передвиженія ограничена закономъ (ст. 62); *исключительно* для скопцовъ. Итакъ, изъятіе штундистовъ изъ дѣйствія закона 3-го мая 1883 г. могло воспослѣдовать только путемъ отмѣны его по отношенію къ нимъ, другимъ закономъ¹⁾, такъ какъ, по ст. 72 зако-

1) Можно подумать съ перваго раза, что право административной власти ограничивать дѣйствіе закона 3-го мая 1883 г. вытекаетъ изъ самаго мнѣнія госуд. совѣта, представившаго министру внутреннихъ дѣлъ опредѣлать, къ послѣдователямъ какихъ именно сектъ можетъ быть примѣненъ означенный законъ. Но въ текстъ закона это право министра внутреннихъ дѣлъ не введено и, слѣдовательно, не можетъ приваиваться существующимъ; примѣчаніемъ 3-мъ къ ст. 48 уст. о пред. и прес. прест., основаннмъ на ст. 12 закона 3 мая 1883 г., министру предоставлено сообразоваться съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по закону, требуется его разрѣшеніе и утвержденіе (для

новъ основныхъ, законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силою новаго закона. По ст. 73, отмѣна закона существующаго совершается тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ для составленія законовъ; законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе, какъ общимъ же закономъ. По ст. 50, всѣ предначертанія законовъ *разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ* и потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе. Само собою разумѣется, что всѣ эти правила примѣнимы не только къ отмѣнѣ *цѣлаго* закона, но и къ отмѣнѣ той или другой его части, такъ какъ сила каждаго отдѣльнаго постановленія отнюдь не меньше, чѣмъ сила всѣхъ ихъ въ совокупности ¹⁾. Въ особенности яснымъ это становится тогда, когда законъ, заключающій въ себѣ нѣсколько постановленій, уже включенъ въ составъ свода. Онъ теряетъ, при этомъ, свою первоначальную „дѣлность“, каждое отдѣльное его правило дѣлается какъ бы особымъ закономъ, и то, что по отношенію къ цѣлому являлось бы *измѣненіемъ*, по отношенію къ части имѣетъ прямо характеръ *отмѣны*. Нѣтъ, притомъ, такого закона, который бы ничего ни въ чемъ не измѣнялъ—и, наоборотъ, такого измѣненія существующаго закона, въ которомъ не было бы доли творчества и новизны. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, *измѣненіе* закона 3 мая 1883 г. по отношенію къ штундистамъ, конечно, создаетъ для нихъ положеніе существенно отличное отъ прежняго и, слѣдовательно, имѣетъ значеніе *закона новаго*. Между тѣмъ, по словамъ профессора Коркунова („Русское государственное право“, т. II, стр. 19), отличительною чертою *законодательнаго акта* представляется „предварительное обсужденіе его въ государственномъ совѣтѣ; и въ законѣ, и на практикѣ, подъ *законодательнымъ порядкомъ* у насъ понимается проведеніе дѣла черезъ государственный совѣтъ“. Государственный совѣтъ—говоритъ проф. Градовскій („Начало русск. госуд. права“, т. I, изд. 2, стр. 28)—по общегосударственнымъ вопросамъ есть

устройства раскольническихъ молитвенныхъ зданій, для выбора раскольниковъ на общественныя должности, для вступленія ихъ въ иконописныя цехи). Еслибы вышеупомянутое право принадлежало министру внутреннихъ дѣлъ въ силу закона 8 мая 1883 г., то совершенно излишнимъ было бы *предоставлять* ему это право, какъ это сдѣлано въ положеніи комитета министровъ 4 іюля 1894 г.

¹⁾ На основаніи ст. 160, 161 и 162. Учр. Министерствъ (изд. 1892 г.), государственный совѣтъ есть средоточіе, куда должны поступать всѣ представленія министровъ о необходимости новаго закона или объ отмѣнѣ прежняго. Никакое положеніе, подлежащее предварительному разсмотрѣнію и уваженію госуд. совѣта, не представляется Его Императорскому Величеству помимо совѣта. *Объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ законовъ* министры входятъ въ госуд. совѣтъ съ представленіями не иначе, какъ испросивъ на то предварительно Высочайшее разрѣшеніе. *Измѣненіе* закона, такимъ образомъ, прямо приравнено въ его *отмѣнѣ*.

единственное законодательное учрежденіе; ни одинъ новый законъ и никакая отмѣна стараго закона во всемъ его объемѣ ¹⁾ не могутъ быть представлены на Высочайшее утвержденіе иначе, какъ черезъ это учрежденіе“... „Конкурирующая съ государственнымъ совѣтомъ роль министровъ, ихъ комитета и сената—читаемъ мы, наконецъ, у проф. Романовича-Словатинскаго („Система русск. госуд. права“, ч. I, стр. 199)—должна ограничиться сферою аутентическаго толкованія смысла и силы существующаго закона“,—ни въ чемъ, слѣдовательно, его не измѣняя. Все вышесказанное можетъ приводить къ заключенію, что вопросъ объ изыятіи штундистовъ изъ дѣйствія закона 3-го мая 1883 г. подлежалъ предварительному обсужденію государственнаго совѣта. Это подтверждается и учрежденіемъ комитета министровъ (ст. 23, 24, 26, изд. 1892 г.), относящимъ къ его вѣденію, съ одной стороны, нѣкоторыя категоріи „текущихъ дѣлъ по всемъ отраслямъ министерскаго управленія“, съ другой—„дѣла, закономъ въ особенности присвоенныя его разсмотрѣнію“. Къ „текущимъ дѣламъ“ законодательные вопросы едва ли могутъ быть относимы; не подходятъ они также ни подъ одинъ изъ двадцати разрядовъ дѣлъ, „въ особенности подлежащихъ разсмотрѣнію комитета“. Не выписывая цѣликомъ закона, перечисляющаго всѣ эти разряды, мы приведемъ только тѣ его пункты, въ которыхъ можно усмотрѣть что-либо подходящее къ занимающему насъ вопросу. Пунктъ первый ст. 26 учр. ком. министр. предусматриваетъ „дѣла, относящіяся до общаго спокойствія и безопасности, до продовольствія народнаго и по всякому чрезвычайному происшествію“. Если штундизмъ угрожаетъ общему спокойствію и безопасности—что не установлено положеніемъ комитета министровъ,—то принятіе противъ него законодательныхъ мѣръ *постояннаго характера* едва ли составляло бы одно изъ тѣхъ *дѣлъ*, о которыхъ идетъ рѣчь въ пун. 1 ст. 26. Подъ именемъ *дѣлъ* разумѣются здѣсь, очевидно, лишь частные случаи, требующіе административныхъ мѣропріятій, а не измѣненія или отмѣны общаго закона. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы разсмотрѣнію комитета министровъ подлежалъ, за силою пун. 1-го ст. 26-ой, проектъ новаго продовольственнаго устава, въ качествѣ „*дѣла*“, относящагося до продовольствія народнаго“; точно такъ же неподвѣдомственны ему и *законопроекты*, направленные къ

¹⁾ Подъ именемъ отмѣны закона *во всемъ его объемѣ* здѣсь разумѣется, очевидно, отмѣна его къ видѣ общей мѣры *во всемъ объемѣ его дѣйствія по данному предмету*, а не въ примѣненіи къ одному частному случаю (ср. ст. 70 Св. Зак. Основ.). Въ другомъ мѣстѣ своего труда (т. II, стр. 80) проф. Градовскій прямо признаетъ, что разсмотрѣнію госуд. совѣта подлежать, по общему правилу, и *частныя измѣненія въ законахъ*.

охраненію „общаго спокойствія и безопасности“. Другой пунктъ ст. 26-ой—седьмой—подчиняетъ вѣденію комитета высшія *административныя* по расколамъ дѣла. Подчеркнутое нами слово указываетъ на то, что къ измѣненію *закона* о раскольникахъ не примѣнимъ и этотъ пунктъ. Наконецъ, въ пун. 12-мъ предусмѣрѣны дѣла о воспрещеніи сообществъ. И здѣсь слово *дѣла* должно быть понимаемо въ объясненномъ нами смыслѣ; *законопроекты* о сообществахъ не подлежатъ разсмотрѣнію комитета министровъ. Помимо этого, молитвенное собраніе отнюдь не можетъ быть подводимо подъ понятіе о *сообществѣ*, предполагающемъ организацію и преслѣдованіе опредѣленныхъ цѣлей... Укажемъ, въ заключеніе, на ст. 28 учр. ком. министр., запрещающую вносить въ комитетъ министровъ „представленія о такихъ дѣлахъ, кои по роду своему принадлежать до государственнаго совѣта“. По буквѣ закона, даже совѣтъ министровъ, собирающійся въ Высочайшемъ присутствіи, разсматриваетъ только „первоначальныя предположенія о необходимости отменить или измѣнить какой-либо изъ дѣйствующихъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ закона, составленный вслѣдствіе разсмотрѣннаго такимъ порядкомъ предположенія, былъ министерствомъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта“ (Учрежд. Совѣта министровъ, изд. 1892 г., ст. 2 пун. 3).

Имѣетъ ли, однако, вопросъ, нами обсуждаемый, какое-либо серьезное значеніе? Не все ли равно, гдѣ и кѣмъ разсматривался предварительно законопроектъ, разъ, что силу закона ему можетъ дать и дѣйствительно даетъ только Высочайшая санкція? Мы думаемъ, что этотъ вопросъ не допускаетъ поводовъ къ сомнѣнію. Разъ что „имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“ (Зак. Основн. ст. 47),—не безразлично, конечно, соблюденіе установленнаго порядка ихъ изданія. „Обособленіе законовъ и Высочайшихъ указовъ, — говоритъ проф. Коркуновъ („Указъ и Законъ“, стр. 298—300), на котораго мы, въ данномъ случаѣ, ссылаемся тѣмъ охотнѣе, что его компетентность въ области государственнаго права признана даже „Московскими Вѣдомостями“,—не только возможно и въ абсолютной монархіи, но составляетъ въ ней, какъ и вездѣ, необходимое условіе правильнаго развитія государственной дѣятельности“. Эта дѣятельность должна опредѣляться „устойчивыми общими началами“. Отсюда „потребность въ возможно строгомъ разграниченіи актовъ, долженствующихъ имѣть общее руководящее значеніе, отъ относящихся только къ переходящимъ условіямъ минуты... Если такого вышшняго различія формъ законодательныхъ и собственно правительственныхъ актовъ не будетъ установлено,—на каждомъ шагѣ окажется опасность недостаточно обдуманыхъ и даже совершенно

бессознательныхъ отступленій (отъ закона)... Только у отдѣльныхъ совѣтниковъ монарха можетъ явиться интересъ устранять примѣненіе болѣе сложныхъ формъ обсужденія законодательныхъ актовъ, формъ, обуславливающихъ участіе болѣе широкаго круга совѣтниковъ... Выслушавъ многихъ и по возможности независимыхъ совѣтниковъ, монарху въ своемъ рѣшеніи будетъ тѣмъ легче стать выше односторонняго вліянія узкихъ, партійныхъ или своекорыстныхъ стремленій того или другого совѣтника". То же самое, почти въ тѣхъ же словахъ, мы читаемъ и въ „Русскомъ Государственномъ правѣ“ того же автора (т. II, стр. 13). Государственный совѣтъ — это доказывается и всей его исторіей — представляетъ именно преимущество сравнительной *многочисленности* и *независимости*, которое совершенно правильно выставляетъ на видъ г. Коркуновъ. Признаніе за нимъ, на практикѣ, того мѣста въ законодательной сферѣ, которое принадлежитъ ему, и ему одному, по буквѣ и духу закона, имѣло бы важное значеніе, которое не слѣдуетъ преувеличивать, но не слѣдуетъ и отрицать.

Законъ 3-го мая 1883 г. исходилъ изъ той мысли, что нѣтъ и не должно быть такого вѣрученія, послѣдователи котораго могли бы быть лишены права собираться для молитвы въ частномъ домѣ. Извѣстную регламентацію онъ призналъ нужнымъ установить только по отношенію къ „молитвеннымъ зданіямъ“, т.-е. помѣщеніямъ, специально и исключительно предназначеннымъ для богослуженія и общественной молитвы. Продолжительный опытъ раскрылъ всю силу, всю неискоренимость потребности, заставляющей одинаково вѣрующихъ собираться для общей молитвы, несмотря на всѣ запрещенія и преслѣдованія. Чѣмъ неблагоприятнѣе были условія, чѣмъ больше опасность, тѣмъ горячѣе было религиозное рвеніе, тѣмъ упорнѣе преданность гонимымъ вѣрованіямъ. Тотъ же опытъ обнаружилъ, съ другой стороны, крайнюю неопредѣленность понятія о „молитвенномъ собраніи“, разъ, что оно не приурочено къ такому вѣшнему признаку, какъ устроенное ad hoc зданіе или помѣщеніе. Сколько нужно участниковъ, чтобы имѣлось на лицо *собраніе*? Можно ли признавать *собраніемъ* совокупность домохадцевъ, родственниковъ, ближайшихъ друзей домохозяина? Что считать доказательствомъ *молитвеннаго* характера собранія? Достаточно ли для этого, чтобы было прочитано что-нибудь изъ священныя книги или пропѣта какая-нибудь духовная пѣснь? Какъ предупредить почти неизбежное смѣшеніе обыкновеннаго, незапрещеннаго собранія съ противозаконнымъ, разъ, что различіе между ними коренится только въ намѣреніи собравшихся? Всѣ эти соображенія, вызвавшія, при покойномъ Императорѣ, поворотъ въ правительственной политикѣ относительно раскольниковъ, сохраняютъ, думаемъ мы, свою силу и въ настоящее время. Трудно ожидать по-

давленія штунды отъ такихъ мѣръ, о безуспѣшности которыхъ свидѣтельствуетъ вся исторія русскаго раскола и сектантства. Тѣ молитвенныя собранія штундистовъ, которыя „вносили смуту въ жизнь приходоѡ“, могли быть прекращены и при дѣйстви закона 3-го мая, разрѣшающаго общественную молитву лишь подъ условіемъ ненарушенія при этомъ „общихъ правилъ благочинія и общественного спокойствія“ (Уст. о предуп. и пресѣч. преступл. изд. 1890 г. ст. 48). Тѣ штундисты, которые пользовались молитвенными собраніями для распространенія своего ученія среди православныхъ, подлежали отвѣтственности на основаніи общихъ узаконеній (Уст. о пред. и прес. прест. ст. 46; Улож. о наказ. ст. 196)... Какъ доказать, далѣе, что „благопріятныя послѣдствія“, приписываемыя запретительнымъ мѣрамъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора — т.-е. ослабленіе штундизма въ юго-западномъ краѣ — достигнуты именно этими мѣрами, а не усилившеюся, въ послѣднее время, дѣятельностью миссіонероѡ и вообще православнаго духовенства, которому и нельзя не пожелать успѣховъ на этомъ мирномъ пути.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сдѣланы, по словамъ „Кіевлянина“, „строгія распоряженія о повсемѣстномъ запрещеніи общественныхъ и молитвенныхъ собраній послѣдователей штунды, подъ опасеніемъ привлеченія виновныхъ къ строгой судебной отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ“. Въ чемъ же можетъ заключаться на дѣлѣ эта „строгая судебная отвѣтственность“? Повидимому — не въ чемъ иномъ, какъ въ денежномъ взысканіи не свыше 50 рублей, по ст. 29 уст. о наказ. налаг. миров. суд. (за неисполненіе законнаго требованія власти). Никакого спеціальнаго уголовнаго закона, грозящаго наказаніемъ за участіе въ запрещенномъ молитвенномъ собраніи у насъ не существуетъ. Непримѣнима къ этому случаю ни статья 206-ая улож. о наказ., карающая за устройство, возобновленіе или исправленіе, вопреки закону 3-го мая 1883 г., раскольническихъ *молитвенныхъ зданій*, ни тѣмъ менѣе постановленія о противозаконныхъ сообществахъ (Улож. о наказ. ст. 318 и слѣд.): для каждаго юриста совершенно ясно глубокое различіе между сообществомъ и собраніемъ. Затѣмъ одно изъ трехъ: или преслѣдованіе, грозящее только денежнымъ штрафомъ, не будетъ достигать своей цѣли; — или судебная отвѣтственность будетъ восполняться внѣ-судебною, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе опасною; — или возникнетъ мысль о дополненіи уложенія о наказаніяхъ новымъ закономъ, устанавливающимъ строгую кару за участіе въ штундистскомъ молитвенномъ собраніи и еще болѣе строгую — за его устройство. Два послѣдніе исхода гораздо болѣе вѣроятны, чѣмъ первый, — а въ тяжкихъ карахъ (все равно, административныхъ или судебныхъ) штундизмъ столь же легко можетъ почерпнуть новуд

силу, какъ почерпали ее въ нихъ, цѣлыхъ два вѣка, разные виды русскаго раскола.

Калужское епархіальное начальство, — какъ видно изъ калужскихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ (1894 г., № 20), — обсудивъ способы борьбы съ усилившимся въ послѣднее время въ предѣлахъ калужской епархіи расколомъ и сектантствомъ, признало необходимымъ — помимо продолженія миссіонерскихъ собесѣдованій съ раскольниками, увеличенія числа церковно-приходскихъ школъ, распространенія книгъ и брошюръ нравственно-назидательнаго и полемическаго содержанія и т. п. — еще цѣлый рядъ мѣръ, не зависящихъ отъ духовнаго вѣдомства, а именно: 1) освидѣтельствованіе чрезъ полицію, съ участіемъ депутатовъ отъ духовенства, всѣхъ раскольническихъ моленныхъ, съ цѣлью закрытія тѣхъ изъ нихъ, которыя окажутся открытыми безъ надлежащаго разрѣшенія, упраздненія алтарей и походныхъ церквей и отобранія отъ требноисполнителей ставленыхъ грамотъ, выданныхъ имъ раскольническими лжеепископами; 2) вмѣненіе полицейскимъ властямъ въ обязанность совершать метрическія записи о рожденіяхъ, погребеніяхъ и бракахъ раскольническихъ по предварительномъ сношеніи съ мѣстными приходскими священниками; 3) подведеніе всѣхъ попытокъ совращенія въ расколъ, независимо отъ того, сопровождались ли онѣ или не сопровождались отпаденіемъ кого-либо отъ православія, подъ дѣйствіе 1 ч. ст. 196 улож. о наказ., и 4) отнесеніе дѣлъ этого рода къ вѣденію суда съ сословными представителями. О всемъ этомъ св. синодъ, на основаніи представленія калужскаго епархіальнаго начальства, постановилъ свестись съ кѣмъ слѣдуетъ, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора.

Юридическая возможность закрытія моленныхъ, открытыхъ безъ надлежащаго разрѣшенія, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но едва ли для этого необходимо полицейское освидѣтельствованіе *всѣхъ* моленныхъ въ епархіи. Администрація не можетъ не знать, какія моленныя существуютъ легально, и не имѣетъ никакого основанія подвергать ихъ полицейскому осмотру, всегда производящему въ подобныхъ случаяхъ тяжелое впечатлѣніе. Что касается до алтарей и походныхъ церквей, то устройство ихъ въ дозволенной раскольнической моленной едва ли противорѣчитъ закону 3 мая 1883 г. Цѣль этого закона заключается въ томъ, чтобы дать раскольникамъ возможность „творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ“ — а для достиженія послѣдней цѣли алтарь можетъ иногда быть безусловно необходимымъ. Озабочиваясь тѣмъ, чтобы моленная не имѣла *внѣшняго вида православнаго храма*, запрещая *наружные колокола, наддверные кресты и иконы надъ входомъ* въ мо-

ленную, законъ не говоритъ ни слова о *внутренней* видѣ, устройствѣ и убранствѣ моленныхъ. Отсюда ясно, что онѣ могутъ быть устроиваемы *внутри* по образцу всякаго храма, могутъ заключать въ себѣ алтарь или походную церковь. И это совершенно понятно, потому что законодатель имѣлъ въ виду предупредить *оказательство* раскола, а не стѣсненіе религиозныхъ потребностей раскольниковъ. Отобраніе у раскольническихъ требосправителей ставленыхъ грамотъ точно также не предусмотрено закономъ; допуская существованіе между раскольниками „уставщиковъ, наставниковъ и другихъ лицъ, исполняющихъ духовныя требы“, онъ признаетъ, конечно, возможность полученія ими своихъ полномочій отъ высшихъ, по убѣжденію раскольниковъ, представителей раскольнической іерархіи. Какимъ путемъ, вдобавокъ, можетъ быть производимо самое отобраніе грамотъ? Путемъ обыска? Но вѣдь онъ можетъ и не привести къ желанному результату, возбудивъ только раздраженіе въ средѣ раскольниковъ и помѣшавъ начинающемуся (по удостовѣренію отчетовъ синодальнаго оберъ-прокурора) сближенію ихъ съ православными. Путемъ требованія, подерѣпленнаго угрозой наказанія? Но ни для такого требованія, ни для такой угрозы нѣтъ основанія въ законѣ—а создать его вновь значило бы возвратиться къ оставленной, въ 1883 г., при покойномъ Государѣ, системѣ преслѣдованія раскольническихъ „наставниковъ“. Что помѣшало бы, притомъ, замѣнѣ отобранной грамоты новою, идущею изъ того же источника? Пришлось бы нѣсколько разъ возобновлять одно и то же требованіе и совершать Сизифову работу, вредную именно въ силу своей бесплодности... Правомъ записки рожденій и браковъ въ полицейскія метрическія книги, установленныя закономъ 19 апрѣля 1874 г., раскольники и теперь пользуются сравнительно рѣдко; между тѣмъ оно предоставлено имъ не только въ ихъ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ, общегосударственныхъ, требующихъ возможно большей опредѣленности юридическаго положенія каждаго гражданина. Еслибы полиціи вмѣнено было въ обязанность сноситься, предварительно каждой отмѣтки въ метрической книгѣ, съ мѣстнымъ духовенствомъ, число такихъ отмѣтокъ сдѣлалось бы еще меньше—и еще меньше, слѣдовательно, достигалась бы цѣль закона... Что касается до попытокъ совращенія въ расколъ, то и по дѣйствующему закону онѣ *всегда* наказуемы, хотя бы и не имѣли никакихъ результатовъ. Вся разница въ томъ, что попытка успѣшная карается, по первой части ст. 196-й улож. о наказ., лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой на поселеніе, а попытка безуспѣшная, по второй части той же статьи и по ст. 189-й—лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ 8 до 16 мѣсяцевъ. Неужели послѣднее наказаніе—въ слу-

чаѣ повторенія преступленія увеличивающееся до заключенія въ крѣпости на время отъ 2³/₄ до 4 лѣтъ и даже до ссылки на житье въ Сибирь (или до соотвѣтствующаго ей заключенія въ исправительное арестантское отдѣленіе)—недостаточно для предупрежденія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, раскольнической пропаганды? Мигкимъ и незначительнымъ оно можетъ казаться только фанатикамъ раскола—но вѣдь фанатиковъ не остановить и самая тяжкая кара; во многихъ случаяхъ она даже побудить ихъ идти на встрѣчу „страданіямъ за вѣру“. Наконецъ, измѣненіе въ подсудности дѣлъ о соvrращеніи, отнесеніе ихъ къ вѣденію суда съ сословными представителями—представляется, съ одной стороны, ненужнымъ, такъ какъ къ дѣламъ о преступленіяхъ противъ вѣры присяжные, въ большинствѣ случаевъ, относятся съ особенною строгостію, съ другой—нежелательнымъ, такъ какъ судъ съ сословными представителями принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ числу наименѣе удачныхъ формъ судоустройства. Слѣдуетъ надѣяться, что пересмотръ судебныхъ уставовъ приведетъ не къ расширенію, а наоборотъ, къ ограниченію сферы дѣйствій суда съ сословными представителями.

Въ одномъ изъ уѣздовъ таврической губерніи состоялось недавно весьма характерное рѣшеніе земскаго начальника, вызванное сообщеніемъ священника, что мимо православнаго храма проѣхала на нѣсколькихъ подводахъ молоканская свадьба, съ криками, гиканьемъ и пѣснями. При разборѣ дѣла свидѣтели (православные) показали, что молокане пѣли (одинъ изъ псалмовъ царя Давида) не громко, безъ гиканья и крика, и вообще общественнаго спокойствія не нарушали. Не усмотрѣлъ такого нарушенія и самъ земскій начальникъ, но все-таки присудилъ каждому изъ трехъ обвиняемыхъ, на основаніи ст. 29 уст. о наказ. налаг. мир. суд., къ денежному штрафу въ двадцать рублей, по слѣдующимъ мотивамъ: 1) если въ законахъ нѣтъ положительныхъ указаній, запрещающихъ молоканамъ пѣть ихъ обрядовые гимны, то нѣтъ и разрѣшенія подобнаго пѣнія, которое должно быть рассматриваемо какъ оказательство раскола, и 2) по аналогичнымъ дѣламъ прежнихъ лѣтъ видно, что *время отъ времени молоканъ за подобное пѣніе штрафовамъ*. Совершенно очевидно, во-первыхъ, что ст. 29 мирового устава къ настоящему случаю вовсе непримѣнима, потому что она предусматриваетъ только неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій власти—а ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не было. Столь же ясно, во-вторыхъ, что все незапрещенное подѣ страхомъ наказанія должно считаться ненаказуемымъ, хотя бы оно и не было прямо разрѣшено

закономъ. Наказуемы, слѣдовательно, только тѣ формы „оказательства раскола“, которыя предусмотрены уложеніемъ о наказаніяхъ или уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Болѣе тѣмъ сомнительно, далѣе, чтобы негромкое пѣніе псалма могло считаться вообще *оказательствомъ* раскола. Никакого значенія, наконецъ, не имѣютъ указываемыя земскимъ начальникомъ прецеденты. Если молokane, „отъ времени до времени“, и штрафовали (за что и почему—это изъ приговора не видно), то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы такія же періодическіе штрафы были необходимы и въ будущемъ. Приговоръ земскаго начальника свидѣтельствуетъ о томъ, какъ шатко у насъ до сихъ поръ юридическое положеніе септантовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о нежелательности рѣшеній, основанныхъ не на законѣ, а на усмотрѣніи.

Въ положеніи комитета министровъ 4 іюля 1894 г., приведенномъ въ началѣ настоящаго обозрѣнія, заключается, между прочимъ, указаніе на то, что кievскій, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ запретилъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, молитвенныя собранія штундистовъ, на основаніи полномочій, предоставленныхъ ему положеніемъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. На этомъ же положеніи у насъ основываются и многія другія распоряженія административныхъ властей, устанавливающія то или другое запрещеніе, опредѣляющія отвѣтственность за его нарушеніе и налагающія ту или другую кару на нарушителей. Въ какой степени, однако, правильно такое толкованіе „положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ (упомянутое положеніе комитета министровъ, Высочайше утвержденное 14 августа 1881 г., образуетъ, въ настоящее время, приложение I къ статьѣ 1, прим. 2, Уст. о предупр. и пресѣч. прест., изд. 1890 г.). Обстоятельства, при которыхъ было издано это положеніе, да и самый текстъ его не оставляютъ никакого сомнѣнія въ его чисто-политическомъ значеніи и назначеніи, какъ мы не разъ уже то замѣчали. Оно должно было положить конецъ тѣмъ преступнымъ посягательствамъ, которыя завершились катастрофой 1-го марта, предупредить ихъ возобновленіе въ будущемъ, устранить все то, въ чемъ они могли находить точку опоры. Это видно съ особенною ясностью изъ ст. 4, обусловливающей введеніе исключительныхъ правилъ „*угрожающимъ характеромъ дѣятельности*“ лицъ, злоумышляющихъ противъ государственнаго порядка и общественной безопасности“, и изъ ст. 6, соразмѣряющей права административной власти и обязанности обывателей со сте-

пенью „проявившихся въ той или другой мѣстности *безпорядковъ*“. Слова заголовка: *общественное спокойствіе*—въ текстѣ положенія сплошь и рядомъ уступаютъ мѣсто словамъ: *общественная безопасность*, гораздо болѣе соответствующимъ его общему смыслу. Ст. 15-я и 16-я предоставляютъ генераль-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ право издавать, въ мѣстностяхъ, гдѣ объявлена усиленная охрана, обязательныя постановленія по предметамъ, *относящимся къ предупрежденію нарушенія общественного порядка и государственной безопасности*, устанавливать взысканія за нарушение этихъ постановленій и разрѣшать, въ административномъ порядкѣ, дѣла о нарушеніяхъ. Предѣлы чрезвычайной власти опредѣлены, такимъ образомъ, довольно точно; необходимымъ условіемъ ея примѣненія, въ области обязательныхъ постановленій, является охраненіе общественнаго порядка и государственной безопасности. Нарушитель можетъ и не имѣть политически-преступныхъ намѣреній, но самое нарушеніе должно быть такого свойства, чтобы возможна была причинная связь между нимъ и политическимъ преступленіемъ. Въ видѣ примѣра тому, что можетъ быть установлено обязательнымъ постановленіемъ, ст. 15-я приводитъ „обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія, способы такого наблюденія, порядокъ опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ возложены владѣльцами упомянутыя обязанности“. Какъ бы ни былъ благонадеженъ домохозяинъ или управляющій, не заявившій полиціи о новомъ жильцѣ, какъ бы ни былъ благонадеженъ, въ данномъ случаѣ, даже самъ жилецъ, незаявленіе о его прибытіи все-таки остается наказуемымъ, потому что *при другихъ обстоятельствахъ* оно могло бы открыть путь къ политическому преступленію, помѣшавъ полиціи узнать о вновь прибывшемъ и подвергнуть его полицейскому надзору. Наоборотъ, дѣйствія или упущенія, хотя бы и болѣе важныя, но не грозящія подобными послѣдствіями, не могутъ быть ни предметомъ обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ на основаніи положенія 14 августа 1881 г., ни административно-карательныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ силу этихъ постановленій. Таковы, между прочимъ, и въ настоящемъ случаѣ молитвенныя собранія штундистовъ: запретить ихъ можетъ только законъ, а не обязательное постановленіе; налагать наказаніе на ихъ участниковъ можетъ только судъ, а не административная власть. Съ еще болѣею силой это заключеніе приложимо къ цѣлому ряду другихъ случаевъ, подводимыхъ, въ послѣднее время, подъ дѣйствіе положенія 14 августа 1881 г. и установленной имъ административно-карательной власти. Общественному или государственному порядку, общественному спокойствію, общественной или

государственной безопасности не угрожаютъ, очевидно, ни дворники, дѣлающіе неприятности жильцамъ, ни лавочники, грубящіе полиціи, ни извозчики, напивающіеся пьяными или неосторожно наѣзжающіе на тумбу. Преслѣдованію и отвѣтственности они, и при дѣйствіи усиленной охраны, могутъ и должны подвергаться не иначе, какъ въ общемъ порядкѣ и на основаніи общихъ законовъ или обязательныхъ постановленій, изданныхъ въ силу ст. 421—428 Общ. губ. учр. ¹⁾).

Взысканія за нарушеніе обязательныхъ постановленій, изданныхъ при дѣйствіи усиленной охраны, не должны превышать, за силою ст. 16 положенія 14-го августа 1881 г., трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ пятьсотъ рублей. Само собою разумѣется, что арестъ, налагаемый *администраціей* за нарушеніе *обязательнаго постановленія*, ничѣмъ не долженъ отличаться отъ ареста, налагаемаго *судомъ* за нарушеніе *закона* и предусмотрѣннаго ст. 30, 56 и 57 улож. о наказ. и ст. 1 и 4 уст. о наказ., налаг. мир. суд. Этотъ послѣдній арестъ не можетъ быть ничѣмъ усложняемъ и обостряемъ; недопустимо, слѣдовательно, и обостреніе перваго — напр., содержаніемъ на хлѣбъ и водѣ, заключеніемъ въ темномъ карцерѣ и т. п. Однако, въ административной практикѣ квалифцированныхъ формы ареста не составляютъ исключенія ²⁾: одинъ извозчикъ, за пьянство, при-суждается къ содержанію подъ арестомъ *на хлѣбъ и водѣ*, другой, за неосторожную ѣзду — къ семидневному аресту *въ темномъ карцерѣ*. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ мѣръ, достаточно замѣтить, что для *смыльно-каторжныхъ* женщинъ тѣлесное наказаніе за *преступленія и проступки* замѣнено, закономъ 1893 г., содержаніемъ въ особомъ отдѣленіи тюрьмы, на хлѣбъ и водѣ, но *безъ лишенія свѣта* и съ отпускомъ горячей пищи черезъ три дня въ четвертый. Заключеніе въ *темномъ карцерѣ* практикуется, правда, въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, на срокъ не свыше восьми дней — но вѣдь здѣсь эта мѣра принимается по отношенію къ лицамъ, безъ того уже ли-

¹⁾ Эти статьи закона, основанныя на Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ 13 іюля 1876 г., предоставляютъ ген.-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ право изданія обязательныхъ постановленій лишь въ видахъ охраненія общественнаго благочинія, порядка и безопасности (а не благоустройства), согласно съ существующими узаконеніями, подъ контролемъ сената. Взысканіе за ихъ нарушеніе можетъ быть наложено только по суду (см. Внутр. Обзоръ въ № 6 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г.). Въ настоящее время, въ виду распространительнаго толкованія положенія объ охранѣ, а также въ виду расширенія области земскихъ и городскихъ обязательн. постановленій, ст. 421—428 Общ. губ. учр. примѣняется рѣдко; тѣмъ не менѣе желателенъ былъ бы ихъ пересмотръ въ законодательномъ порядкѣ.

²⁾ См. Обществ. Хронику въ № 12 „В. Европа“ за 1894 г.

шеннымъ свободы и совершившимъ болѣе или менѣе тяжкое преступленіе. Примѣненіе ея, въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія, въ военныхъ тюрьмахъ не только не оправдываетъ распространеніе ея на провинившихся извозчиковъ, но, напротивъ, прямо его устраняетъ, свидѣтельствуя о томъ, что законодатель признаетъ ее карой тяжкой, пригодной лишь для признанныхъ уже преступниковъ. И это совершенно понятно: семидневное пребываніе въ темномъ помѣщеніи—это настоящее страданіе, серьезно угрожающее здоровью заключеннаго; оно можетъ повредить его зрѣнію, сильнѣйшимъ образомъ расшатать его нервы, довести его даже до умственнаго расстройства. Менѣе тяжело, конечно, содержаніе на хлѣбъ и водѣ, включенное, подъ именемъ строгаго ареста, въ число наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, по временнымъ правиламъ 1889 г.; однако и оно назначается волостнымъ судомъ только за проступки особенно важные и при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину подсудимаго.

Мы говорили, до сихъ поръ, только о *примѣненіи* положенія 14-го августа 1881 г. Но мы этимъ не думаемъ утверждать, что было бы достаточно возстановить его первоначальное значеніе и устранить все то, что не имѣлось въ виду при самомъ его изданіи. Разъ что оно потеряло характеръ скоропреходящей, чрезвычайной мѣры, разъ что дѣйствіе его уже болѣе тринадцати лѣтъ продолжается изъ года въ годъ, приблизительно въ однихъ и тѣхъ же географическихъ предѣлахъ, оно требовало бы пересмотра въ законодательномъ порядкѣ, равно какъ и многія другія положенія и правила, временныя только по имени. Такъ напримѣръ, въ уставѣ о цензурѣ и печати (изд. 1890 г.) стоятъ, одна подлѣ другой, двѣ статьи (148 и примѣчаніе къ ней), устанавлиющія два совершенно различные и взаимно другъ друга исключашіе порядка прекращенія повременныхъ изданій. Не замѣнены, до сихъ поръ, *закономъ* „временныя“ правила 1884 г., опредѣляющія какъ порядокъ открытія публичныхъ библиотекъ и кабинетовъ для чтенія, такъ и ихъ составъ. Законодательный пересмотръ постановленій, дѣйствующихъ наравнѣ съ закономъ, хотя и состоявшихся безъ соблюденія условій, которымъ долженъ соответствовать законъ, —навсегда, быть можетъ, измѣнилъ бы къ лучшему самое существо этихъ постановленій, но во всякомъ случаѣ уменьшилъ бы общую сумму недостатковъ, внесенныхъ въ наше законодательство уклоненіями отъ нормальнаго порядка подготовки и обсужденія законовъ.

Изданіе законовъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ—только одно изъ средствъ къ поддержанію въ обществѣ и въ народѣ чувства уваженія къ закону. Еще большее значеніе имѣла бы, съ

этой точки зрѣнія, такая реорганизація мѣстной исполнительной власти, которая ограничила бы ея „усмотрѣніе“. Больше всего въ подобной реорганизаціи нуждается институтъ земскихъ начальниковъ. Доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, циркуляръ одного изъ тульскихъ земскихъ начальниковъ, опубликованный недавно въ „Гражданинѣ“. Тульскій губернаторъ поручилъ земскимъ начальникамъ разъяснить крестьянамъ необходимость уплачивать слѣдующіе съ нихъ сборы безъ полицейскихъ принудительныхъ мѣръ, часто разстроивающихъ крестьянское хозяйство. Земскій начальникъ, о которомъ идетъ рѣчь, пришелъ къ убѣжденію, что для исполненія даннаго порученія нужно „заставить крестьянъ больше работать и меньше пить“, а это, въ свою очередь, невозможно безъ участія гг. землевладѣльцевъ. Къ нимъ, поэтому, онъ и обратился, циркулярно, съ просьбой производить всѣ расчеты съ рабочими, и годовыми, и по-денными, не иначе, какъ черезъ посредство сельскихъ старостъ или волостныхъ старшинъ, т.-е. платить заработанныя крестьянами деньги не прямо самимъ работникамъ, а ихъ начальству, которое, согласно „внушенію“ земскаго начальника, будетъ прежде всего зачислять эти деньги въ подати. Авторъ циркуляра увѣренъ въ томъ, что „на свое пропитаніе каждый найдетъ себѣ работы и скорѣе позаботится найти ее, если будетъ нуждаться въ ней, чѣмъ онъ будетъ заботиться о таковой для уплаты повинностей“... „Съ своей стороны,—продолжаетъ г. земскій начальникъ,—я ручаюсь гг. землевладѣльцамъ за то, что я заставлю рабочихъ работать такъ, какъ слѣдуетъ работать, и прошу, въ случаѣ какихъ-либо уиущеній со стороны ближайшихъ властей въ этомъ отношеніи, въ рукахъ которыхъ есть способы заставлять работать неповинующихся, обращаться ко мнѣ съ жалобами во всякое время на бездѣйствующія власти, съ которыхъ мною будетъ строго взыскиваться; при семъ присовокупляю, что для приведенія въ дѣйствительность предлагаемаго мною правила относительно возбужденія отъ спячки населенія необходима строгая солидарность всѣхъ гг. землевладѣльцевъ“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что образъ дѣйствій, рекомендуемый такимъ образомъ землевладѣльцамъ, прямо противорѣчитъ закону. Договоръ личнаго найма, какъ и всякій другой, есть свободное соглашеніе двухъ полноправныхъ гражданъ, подлежащее исполненію на точномъ основаніи добровольно заключенныхъ ими условій. Если я, землевладѣлецъ, обязался платить нанятому мною работнику извѣстную сумму, то никому другому, кромѣ него самого или уполномоченнаго имъ лица, я не *въ правѣ* выдавать заработанныя имъ деньги. Вручая ихъ, безъ согласія работника, сельскому старостѣ или старшинѣ, я поступаю вопреки закону, допускающему аналогичный способъ уплаты только по требованію суда, предъ-

явленному въ надлежащемъ порядкѣ, или при нежеланіи кредитора принять деньги, слѣдующія ему отъ должника. Правда, никакихъ невыгодныхъ послѣдствій уплата денегъ не тому, кому слѣдуетъ, для землевладѣльца, фактически, имѣть не будетъ, потому что жалоба крестьянина (еслибы онъ и рѣшился подать ее) будетъ подлежать разсмотрѣнію того же земскаго начальника, по просьбѣ котораго правонарушеніе состоялось; но характеръ правонарушенія отъ этого не измѣняется, а безправіе крестьянина становится еще болѣе очевиднымъ. Понятно, что если приглашенію земскаго начальника послѣдуютъ не всѣ землевладѣльцы его участка, а только нѣкоторые, положеніе послѣднихъ можетъ сдѣлаться весьма невыгоднымъ; имъ будетъ трудно находить рабочихъ. Призывъ, которымъ заканчивается циркуляръ, въ сущности есть призывъ къ „солидарности“, очень, въ данномъ случаѣ, похожей на стачку. Предусмотрительный авторъ циркуляра не могъ не сознавать, что сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ не совсѣмъ пріятенъ будетъ лишній трудъ—посредничество при расчетѣ между землевладѣльцемъ и рабочими, да и для самихъ землевладѣльцевъ участіе посредника не всегда будетъ желательно и удобно. Первыхъ, поэтому, онъ старается заинтересовать въ придуманной имъ комбинаціи указаніемъ на то, что она избавитъ ихъ отъ отсиживания въ кутузкѣ за слабое взысканіе податей, вторыхъ—объщаніемъ понуждать рабочихъ къ исправной работѣ. Какими средствами, однако, располагаетъ земскій начальникъ для исполненія этого послѣдняго общанія? Давленіемъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, въ рукахъ которыхъ „есть способы заставить работать неповинующихся“? Это, очевидно, намекъ на волостной судъ и вѣренныя ему „мечи правосудія“; но вѣдь изъ всѣхъ видовъ неисполненія рабочими своихъ обязательствъ волостному суду подсудны, въ порядкѣ уголовномъ, только недобросовѣстная, по полученіи задатка, неявка на работу и самовольный уходъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ. О томъ, чтобы волостныя и сельскія власти (включая и волостной судъ) могли *заставить* рабочихъ работать *какъ слѣдуетъ*, т.-е. могли карать ихъ за недоброкачественность или неисправность работы, въ законѣ не сказано ни слова. Внѣ-законнымъ или, говоря проще, противозаконнымъ является, поэтому, всякое понужденіе *работать какъ слѣдуетъ*, все равно, идетъ ли оно прямо отъ земскаго начальника или, по его „внушенію“, отъ подвластныхъ ему должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Осуществить широко задуманный планъ г. земскаго начальника—значило бы обратить волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ въ бурмистровъ и приказчиковъ временъ крѣпостнаго права, а волостному суду предоставить роль извѣстной крѣпостной конюшни.

Такова *юридическая* сторона положенія дѣлъ, которое хотѣлъ бы создать тульскій земскій начальникъ. *Фактически* оно привело бы къ систематической эксплуатаціи крестьянъ, съ одной стороны, землевладѣльцами, которые могли бы понижать рабочую плату общаніемъ выдавать заработныя деньги прямо на руки крестьянъ, съ другой стороны — волостными старшинами и сельскими старостами, которые соглашались бы, за известную „благодарность“, зачислять въ подати только часть полученныхъ денегъ. Незавидна, впрочемъ, была бы участь крестьянъ и при самомъ добросовѣстномъ исполненіи циркуляра какъ нанимателями, такъ и должностными лицами. Представивъ себѣ, что крестьянину предстоитъ въ одно и то же время внести тотъ или другой сборъ и купить хлѣбъ, необходимый для пропитанія семьи. Понятно, что изъ этихъ двухъ расходовъ болѣе неотложнымъ является послѣдній — но строгіе исполнители циркуляра обращаютъ цѣликомъ весь заработокъ крестьянина на уплату податей. Что остается, затѣмъ, крестьянину? Искать другой работы, которою платилась бы покупка хлѣба? Но *искать* работы недостаточно, надобно еще ее *найти* — а это, что бы ни говорили циркуляръ, не всегда легко и даже не всегда возможно. Если работа и найдена, она оплачивается, обыкновенно, не тотчасъ — а ѣсть крестьянину и его семьѣ нужно безотлагательно. Исходъ, въ такихъ случаяхъ, известный: чтобы получить нѣсколько денегъ впередъ, крестьянинъ продаетъ свою работу за безцѣнокъ или входитъ въ долги, изъ которыхъ выпутаться крайне трудно... Возможность такихъ циркуляровъ, какъ только-что разобранный нами, свидѣтельствуетъ съ особенною ясностью о ненормальности положенія, въ которое поставлена у насъ масса населенія.

Когда, въ эпоху реформъ, создавалась власть, близкая къ народу — мировые посредники, мировые судьи, непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій, — никто не думалъ о томъ, какъ бы обозначить поарче и понагляднѣе демаркаціонную черту между властью имѣющими и подвластными, какъ бы поднять и обезпечить внѣшній престижъ первыхъ въ глазахъ послѣднихъ. Большое вниманіе, наоборотъ, этотъ вопросъ возбуждаетъ въ средѣ земскихъ начальниковъ. Въ одной изъ центральныхъ губерній появился недавно циркуляръ, признающій недопустимымъ, въ отношеніяхъ земскихъ начальниковъ къ должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія и вообще къ сельскому населенію, рукопожатіе при привѣтствіи, совмѣстные обѣды и чаевитія, разговоры сидя и другія отличительныя черты обращенія равнаго съ равными. Внѣшнія формы уваженія къ земскимъ начальникамъ, съ точки зрѣнія циркуляра, должны быть согласны съ обычаемъ, регулирующимъ образъ дѣйствій помѣщика-барина по отношенію къ кре-

стыянамъ; всякое нарушение этого обычая создаетъ фальшивое положеніе какъ для самихъ нарушителей, такъ и для тѣхъ, въ чью пользу уничтожены существующія сословныя преграды. Въ особенности неудобнымъ такое положеніе является для земскаго начальника, должность котораго налагаетъ на него извѣстныя обязанности не только по службѣ, но и въ частной жизни... Намъ кажется, что въ основаніи всѣхъ этихъ соображеній лежитъ, прежде всего, нѣкоторый анахронизмъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ „помѣщикъ-баринъ“, даже хорошо расположенный къ крестьянамъ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ ¹⁾, не подавалъ руки крестьянину, не сажалъ его рядомъ съ собою, не ѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ, но эта „сословная преграда“ потеряла свою силу, какъ только великія преобразования шестидесятихъ годовъ положили начало сближенію сословій. Сидѣнье „барина“ рядомъ съ „мужикомъ“ перестало быть чѣмъ-то необыкновеннымъ, какъ только законъ посадилъ ихъ на одну и ту же скамью присяжныхъ или въ одинъ и тотъ же залъ земскаго собранія. Мировой судъ ввелъ въ общій обиходъ мѣстоименіе *мы*, безъ предварительныхъ справокъ о сословіи, въ которому принадлежитъ собесѣдникъ. Слишкомъ странно было бы, принимая у себя въ домѣ сочлена по земскому собранію, говорить ему *ты*, не пускать его дальше порога передней или велѣть напоить и накормить его на кухнѣ. Жизнь, въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, сдѣлала свое—съ одной стороны уменьшила нашу спѣсь, съ другой пробудила въ крестьянахъ чувство собственного достоинства и научила многихъ изъ нихъ не теряться и не смущаться въ барскихъ хоромахъ. Даже теперь трудно себѣ представить, чтобы земскій начальникъ, засѣдая въ качествѣ гласнаго въ земскомъ собраніи, рѣшился громко обратиться на *ты* къ *сидящему* подлѣ него гласному крестьянину. Да и сколько можетъ быть случаевъ, когда точное соблюденіе формъ, рекомендуемыхъ или, лучше сказать, предписываемыхъ земскимъ начальникомъ, совершенно невысказано! Представимъ себѣ, наприимѣръ, что земскій начальникъ, объѣзжая зимою свой участокъ, вынуждается непогодой остановиться въ небольшой крестьянской избѣ, съ одною теплой горницею. Неужели онъ унижить свое достоинство, позволить хозяину и хозяйкѣ сидѣть въ его присутствіи и даже предложивъ имъ вмѣстѣ выпить чаю, добытаго и приготовленнаго ихъ хлопотами? Или допустимъ, что пожилой, всѣми уважаемый крестьянинъ оказалъ земскому начальнику какую-нибудь существенную услугу; неужели послѣдній поступитъ несогласно съ своей обязанностью, если, благо-

¹⁾ Мы говоримъ: „въ большинствѣ случаевъ“, потому что общимъ правиломъ это и тогда не было. Припомнимъ хотя бы рассказъ Тургенева: „Хорь и Калинычъ“, написанный и напечатанный въ самый разгаръ крѣпостнаго права. Хорь разговариваетъ съ авторомъ разсказа сидя и даже садится не ожидая его приглашенія.

дара перваго, пожметъ ему руку? Каждый, кто живалъ въ деревнѣ, знаетъ очень хорошо, что степень уваженія крестьянъ къ помѣщику зависятъ вовсе не отъ его вѣрности традиціямъ барства, а отъ его образа жизни и образа дѣйствій. Въ сношеніяхъ съ крестьянами, какъ и во всякихъ другихъ, нуженъ тактъ, нужно чувство мѣры; можно соблюсти ихъ сидя за чайнымъ столомъ съ крестьяниномъ и бесѣдуя съ нимъ какъ съ гостемъ, и можно ихъ нарушить, заставляя крестьянина стоять на вытяжку и осыпая его бранью.

Если земскимъ начальникамъ вмѣняется въ обязанность держать себя вдали отъ подвластнаго имъ населенія на искусственно поддерживаемой высотѣ, откуда легче импонировать массѣ, то это объясняется, отчасти, необъятностью данныхъ имъ полномочій. Чѣмъ больше зависимость крестьянъ, тѣмъ больше кажется необходимымъ подчеркивать ее, напоминать о ней, требовать внѣшнихъ ея выраженій. Чрезвычайно знаменательно поэтому недавнее постановленіе гжатскаго дворянства (смоленской губерніи), направленное, между прочимъ, именно къ уменьшенію сферы дѣйствій земскихъ начальниковъ. Гжатскій уѣздный предводитель дворянства, въ заявленіи, предложенномъ, 25-го ноября 1894 г., на обсужденіе уѣзднаго дворянскаго собранія ¹⁾ указалъ на недостаточную самостоятельность земскихъ начальниковъ и высказался за избраніе ихъ дворянствомъ. „На земскаго начальника,—замѣтилъ онъ дальше,—возложена закономъ такая масса сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, что успѣшное исполненіе ихъ недоступно даже посвящающему все свое время этому дѣлу. Поэтому думаю, что лучшимъ средствомъ для устраненія этихъ затрудненій было бы возстановленіе рядомъ съ должностью земскаго начальника должности мирового судьи. Связанное съ этою мѣрою уменьшеніе численнаго состава земскихъ начальниковъ откроетъ возможность болѣе строгаго ихъ избранія. Возстановленіемъ мирового института былъ бы лишь развитъ принципъ, положенный въ основаніе закона 12-го іюля—приблизить власть къ населенію,—уже по той одной причинѣ, что многочисленная группа дѣлъ всего уѣзда, подсудная вынѣ уѣздному члену окружнаго суда, далеко проживающему отъ населенія, могла бы быть распредѣлена между судьями“. Затѣмъ въ заявленіи предводителя идетъ рѣчь о необходимости такой кассационной инстанціи, рѣшенія которой пользовались бы должнымъ авторитетомъ и имѣли бы руководящее значеніе. „Таковы,—продолжаетъ онъ,—кассационные департаменты сената, но не такую представляется намъ вновь созданная кассационная инстанція въ видѣ губернскаго присутствія. По малочисленности ли участія въ дѣлахъ его юридическаго элемента, по другимъ ли причи-

¹⁾ См. это заявленіе in extenso въ № 841 „Русскихъ Вѣдомостей“.

намъ, но достаточно было бы введеніи въ этомъ присутствіи гласности, чтобы показать всю несостоятельность его. Всѣмъ извѣстно, что это учрежденіе далеко не пользуется необходимымъ для кассационной инстанціи авторитетомъ, а нѣкоторыя рѣшенія его порождаютъ даже серьезныя недоразумѣнія... Кому дорого правосудіе, тотъ давно созналъ необходимость подчиненія уѣздныхъ сѣздовъ, какъ судебныхъ учреждений, правительствующему сенату^а. Гжатское дворянство постановило мнѣніе своего предводителя принять въ слѣдующемъ видѣ: первый пунктъ доклада, относительно выбора земскихъ начальниковъ дворянскими собраніями, представить на обсужденіе смоленскаго губернскаго дворянскаго собранія, весь же докладъ представить на усмотрѣніе г. министра юстиціи. Мы думаемъ, что избраніе земскихъ начальниковъ дворянскими собраніями не было бы, само по себѣ, переменой къ лучшему; но еслибы въ то же время кругъ вѣдомства земскихъ начальниковъ былъ ограниченъ одними административными дѣлами, то, въ общемъ выводѣ, новый порядокъ все-таки представлялъ бы меньше неудобствъ, чѣмъ нынѣ дѣйствующій.

Мы не выйдемъ изъ сферы вопроса о законѣ и законности, если приведемъ, въ заключеніе, одинъ изъ послѣднихъ приказовъ генерала М. И. Драгомирова, напечатанный въ № 345 „Новостей“ только что истекшаго года. „По требованію подольскаго губернатора, — сказано въ этомъ приказѣ, — въ іюнь 1894 года отъ казачьей дивизіи были командированы двѣ сотни донскаго казачьяго полка для содѣйствія гражданскимъ властямъ. По прекращеніи безпорядка, гражданское начальство нашло нужнымъ произвести экзекуцію надъ зачинщиками. Начальствовавшій сотнями есаулъ не постыдился назначить для исполненія экзекуціи команду казаковъ. Еслибы упомянутый начальникъ былъ хоть нѣсколько знакомъ съ правилами о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, болѣе заботился о соблюденіи собственнаго достоинства, а также о достоинствѣ и чести казачества, то, конечно, не обратилъ бы казаковъ въ команду для порки: ему было бы извѣстно, что наше дѣло усмирять неповинующихся, а не драть усмиренныхъ. Начальнику 2-й сводной казачьей дивизіи предлагаю арестовать есаула на семь сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ за нарядъ команды на экзекуцію. О томъ, что незнаніе и неисполненіе требованій устава гарнизонной службы даже въ мирное время могутъ повести къ вреднымъ для службы и неприятымъ для исполнителя послѣдствіямъ, не разъ говорилось. Еще разъ убедительно рекомендую ознакомиться покороче съ этимъ уставомъ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1895 г.

Политическія событія истекшаго года. — Настоящее положеніе дѣлъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи.

Много крупныхъ политическихъ событій и перемѣнъ произошло въ Европѣ въ истекшемъ 1894 году; но общее положеніе государствъ и народовъ мало измѣнилось, и только усилились надежды на лучшее будущее въ разныхъ странахъ, благодаря настойчивости и энергіи передовыхъ общественныхъ дѣятелей. Повсюду интересы и вопросы внутренней жизни одержали верхъ надъ традиционными заботами о внѣшнихъ успѣхахъ и предпріятіяхъ; роль дипломатіи все болѣе сокращалась и становилась все болѣе пассивною, а общественное мнѣніе все яснѣе и рѣзче высказывалось противъ вооруженій, поглощающихъ огромную долю народныхъ средствъ въ ущербъ насущнымъ потребностямъ жизни. Повсюду обнаруживались какія-то новыя вѣянія, недостаточно еще опредѣлившіяся, но безспорно указывающія на необходимость „новаго курса“ въ политикѣ.

Отставка Гладстона и переходъ правительственной власти въ руки графа Розбери въ Англіи; убійство Карно и избраніе Казимира Перье президентомъ республики во Франціи; замѣна канцлера графа Каприви княземъ Гогенлоэ въ Германіи; продолжающаяся борьба между Криспи и парламентскою оппозиціею въ Италіи изъ-за финансовыхъ, военныхъ и экономическихъ вопросовъ; война на дальнемъ азиатскомъ Востокѣ и рѣшительное торжество возрожденной Японіи надъ неподвижнымъ, самобытнымъ и самодовольнымъ Китаемъ; наконецъ, перемѣна царствованія въ Россіи, — таковы главные факты политической исторіи за прошлый годъ.

Элементы мира въ Европѣ получили новое подкрѣпленіе и развитіе подъ вліяніемъ торгово-промышленныхъ договоровъ, смягчившихъ бесплодный антагонизмъ между культурными націями въ сферѣ экономическихъ отношеній. Назрѣвшія народно-хозяйственныя и финансовыя реформы поглощаютъ теперь собою вниманіе правительствъ, но пока еще очень далеки отъ разрѣшенія, такъ какъ всякія серьезныя попытки въ этомъ смыслѣ встрѣчаютъ неодолимую преграду въ колоссальныхъ военныхъ бюджетахъ, въ традиціяхъ милитаризма и бюрократіи. Демократическій духъ неудержимо проникаетъ въ государ-

ственный быть западно-европейскихъ народовъ, выдвигая на первый планъ все новыя задачи и внося замѣтное оживленіе въ дѣятельность парламентовъ и министровъ.

Въ Англіи официально поднятъ вопросъ о преобразованіи палаты лордовъ и объ ограниченіи привилегій „наслѣдственныхъ законодателей“. Гладстонъ, накануне выхода своего въ отставку, въ прощальной парламентской рѣчи 1-го марта (нов. ст.), сдѣлалъ ясный намекъ на неизбежность реформы, которая положитъ конецъ преобладанію нѣсколькихъ сотъ аристократическихъ семействъ надъ выборными представителями англійскаго народа. Въ палатѣ лордовъ большинство принадлежитъ къ консервативной партіи и послушно слѣдуетъ за своимъ вождемъ, маркизомъ Солсбери; оно не измѣняется въ своемъ составѣ и направленіи, каковы бы ни были перемѣны въ національныхъ желаніяхъ и стремленіяхъ, выражаемыхъ палатою общинъ. Отвергая либеральные законы, принятые выборною палатою, какъ, напр., билль объ ирландской автономіи, наслѣдственные законодатели подчиняютъ общественныя дѣла своимъ партійнымъ интересамъ, и, по мнѣнію Гладстона, такое ненормальное положеніе не можетъ быть терпимо. Новый премьеръ, графъ Розбери, выразилъ эту мысль еще болѣе рѣшительно въ первыхъ же рѣчахъ своихъ и затѣмъ имѣлъ случай повторить ее въ палатѣ лордовъ; тѣмъ не менѣе лорды не затруднились отвергнуть принятый палатою общинъ законъ въ пользу ирландскихъ фермеровъ, выселенныхъ въ разное время изъ своихъ участковъ по требованію землевладѣльцевъ. Преобразование верхней палаты, въ видахъ сближенія ея съ современными условіями политической жизни, входитъ уже въ программу не только радикаловъ, но и умѣренныхъ прогрессистовъ и либераловъ, находящихся теперь у власти. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что отдѣльные члены палаты лордовъ сами готовы требовать реформы, ибо принадлежность къ этой палатѣ только стѣсняетъ талантливыхъ людей и даетъ слишкомъ мало простора ихъ дарованіямъ и успѣхамъ. Высшимъ средоточіемъ политической дѣятельности въ Англіи служить палата общинъ, которая и есть то, что на обыкновенномъ языкѣ принято называть парламентомъ. Парламентскіе выборы рѣшаютъ судьбу министровъ, давая перевѣсъ той или другой партіи; въ палатѣ общинъ происходятъ тѣ ораторскіе турниры, за которыми съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ вся страна; тамъ вырабатываются и дѣйствуютъ руководители общественнаго мнѣнія, тамъ приобретаютъ популярность и авторитетъ, тамъ получаютъ власть или теряютъ ее. Наслѣдственные члены верхней палаты не имѣютъ права

участвовать въ избирательномъ движеніи; они не могутъ выступать кандидатами въ палату общинъ, и слѣдовательно для нихъ закрыто самое интересное поприще политической борьбы. Выдающійся государственный человекъ, попадая въ число перовъ, лишается значительной доли своего вліянія и значенія; любопытный примѣръ представляетъ маркизь Гартингтонъ, бывшій однимъ изъ видныхъ вождей либеральной партіи въ палатѣ общинъ и считавшійся даже вѣроятнымъ преемникомъ Гладстона: онъ осужденъ на почетное бездѣйствіе съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался герцогомъ Девоншайрскимъ послѣ смерти своего отца. Дизраэли могъ выдвинуться на постъ предводителя консервативной аристократіи только черезъ палату общинъ; маркизь Солсбери приобрѣлъ репутацію остроумнаго и дѣльнаго парламентскаго бойца въ той же палатѣ, когда онъ былъ еще лордомъ Сесилемъ и затѣмъ лордомъ Кранборномъ (послѣ смерти своего старшаго брата). Дальнѣйшая карьера лорда Солсбери зависѣла уже отчасти отъ политической роли Дизраэли, руководству котораго онъ подчинялся, какъ вѣрный послѣдователь и сотрудникъ. Самъ Солсбери заявилъ когда-то въ публичной рѣчи, что для него было бы выгоднѣе засѣдать въ нижней палатѣ, чѣмъ въ верхней, и что онъ лично ничего не имѣлъ бы противъ уничтоженія политическихъ привилегій лордовъ. Такъ же точно лордъ Розбери, будучи перомъ, не располагаетъ всѣми способами дѣйствія, какими располагалъ Гладстонъ; онъ не можетъ защищать правительственные проекты въ той парламентской средѣ, гдѣ рѣшается ихъ судьба, и долженъ по неволѣ ограничиваться публичными рѣчами на митингахъ и банкетахъ, для изложенія своихъ политическихъ взглядовъ и намѣреній. Онъ не можетъ также руководить избирательною кампаніею при парламентскихъ выборахъ, какъ это дѣлалъ Гладстонъ, а невозможность лично вести свою партію къ побѣдѣ несомнѣнно ослабляетъ положеніе вождя. Поэтому лордъ Розбери, какъ и Солсбери, интересуется больше внѣшнею полтикою, чѣмъ внутреннею, ибо на первую парламентъ не имѣетъ непосредственнаго вліянія, а вторая всецѣло опредѣляется рѣшеніями палаты общинъ. Пристрастіе къ международнымъ вопросамъ, которымъ отличаются политическіе дѣятели верхней палаты, имѣетъ такимъ образомъ свое объясненіе, независимо отъ особыхъ личныхъ наклонностей отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ лорда Биконсфильда, лордовъ Солсбери и Розбери. Внѣшнія дѣла не всегда даютъ поводъ къ серьезнымъ обсужденіямъ и предпріятіямъ, и односторонняя забота объ этихъ дѣлахъ нерѣдко приводитъ къ увлеченіямъ и ошибкамъ. Такъ случалось не разъ и съ нынѣшнимъ премьеромъ: онъ заключилъ съ государствомъ Конго конвенцію, которую вынужденъ былъ затѣмъ подвергнуть пересмотру вслѣдствіе протестовъ Гер-

маніи и Франціи; онъ предложилъ державамъ дѣйствовать совмѣстно на дальнемъ Востокѣ, чтобы побудить Японію и Китай къ прекращенію войны, но встрѣтилъ отказъ со стороны заинтересованныхъ кабинетовъ. Больше успѣха имѣло его стремленіе установить согласіе и дружбу съ Россією въ области интересовъ средне-азиатскихъ и японско-китайскихъ; объ этой дружбѣ онъ говорилъ весьма краснорѣчиво на банкетѣ лорда-мера, 9-го ноября, и слова его нашли неожиданно сочувственный откликъ въ англійской печати. Руссофильство стало нынѣ моднымъ направленіемъ въ Англии; оно поддерживается самыми разнородными группами англійскаго общества и находитъ точку опоры въ болѣе тѣсномъ родственномъ сближеніи двухъ царствующихъ фамилій. Такое настроеніе можетъ конечно оказаться благотворнымъ для обѣихъ сторонъ, если оно не выйдетъ изъ предѣловъ мирной солидарности и не послужитъ предисловіемъ къ вовлеченію Россіи въ затруднительныя дипломатическія комбинаціи, напр. относительно Японіи. Во всякомъ случаѣ англо-русская дружба составляетъ одинъ изъ характерныхъ симптомовъ современнаго положенія дѣлъ въ Европѣ.

Во Франціи динамитныя покушенія такъ называемыхъ анархистовъ, завершившіяся убійствомъ президента Карно, періодически волновали публику въ первую половину года и по обыкновенію были забыты послѣ того какъ перестали напоминать о себѣ. Министерство Казимира Перье, подъ вліяніемъ взрыва бомбы Вальяна въ палатѣ депутатовъ, сдѣлалось министерствомъ борьбы съ динамитчиками — борьбы, впрочемъ, рутинной, рассчитанной болше на удовлетвореніе общественнаго чувства, чѣмъ на дѣйствительное изслѣдованіе и устраненіе зла. Министръ-президентъ воспользовался первою неудачею въ парламентѣ, чтобы отказаться отъ неблагоприятнаго правительственнаго поста и вернуться на болѣе спокойное и почетное мѣсто президента палаты депутатовъ; онъ вышелъ въ отставку послѣ голосованія въ палатѣ по совершенно незначительному поводу, 22-го мая, и главою кабинета сталъ Дюпюи, бывший президентъ палаты и пріобрѣтшій большую популярность со времени своей знаменитой фразы послѣ взрыва въ парламентѣ: „засѣданіе продолжается“. Самообладаніе и находчивая энергія Дюпюи очень пригодились французскому правительству во время тяжелаго кризиса, вызваннаго трагическою кончиною президента Карно въ Лионѣ, 24-го іюня. Избраніе новаго президента, въ лицѣ Казимира Перье, обошлось безъ всякихъ замѣшательствъ, и конгрессъ обѣихъ палатъ, подъ предѣдательствомъ Шалльмель-Лакура, могъ исполнить свою задачу вполне спокойно. Личность новаго президента на первыхъ порахъ возбуждала сомнѣнія и протесты въ

рядахъ радикальной партіи, такъ какъ Казиміръ Перье, по своему происхожденію, богатству и родственнымъ связямъ, принадлежитъ къ высшей французской буржуазіи, и уже по этой причинѣ не могъ быть симпатиченъ представителямъ демократіи. Ожидали также, что Перье, какъ человекъ съ характеромъ, откажется отъ безцвѣтной пассивной роли, какой держались его предшественники, Гриви и Карно; ему приписывали рѣшимость проводить свою особую личную политику и искать министровъ преимущественно среди своихъ единомышленниковъ. До сихъ поръ мы не видимъ серьезныхъ признаковъ особенной энергіи и инициативы новаго президента; все идетъ по старому, если не считать болѣе частыхъ и торжественныхъ приемовъ въ Елисейскомъ дворцѣ и болѣе дѣятельныхъ личныхъ сношеній съ официальнымъ и особенно дипломатическимъ міромъ. Правда, оппозиционная пресса упорно обвиняетъ Перье въ какихъ-то закулисныхъ вліяніяхъ и тенденціяхъ, но, кромѣ мелочей, она въ подтвержденіе своихъ увѣреній, ничего указать не можетъ. Уже тотъ фактъ, что президентъ совѣта министровъ остался и понынѣ остается Дюпри, ясно свидѣтельствуетъ о чисто парламентскомъ управленіи, свободномъ отъ посторонняго вмѣшательства. Дюпри — дѣятель слишкомъ независимый, чтобы подчиняться чужому вліянію, и Казиміръ Перье долженъ былъ бы разстаться съ нимъ тотчасъ послѣ своего избранія, еслибы имѣлъ въ виду проводить свои личные взгляды въ политикѣ правительства. Притомъ президентъ французской республики такъ поставленъ, въ силу конституціи, что можетъ вліять на общій ходъ политическихъ дѣлъ на исполнѣ законномъ основаніи помимо скрытаго закулиснаго воздѣйствія; но по своему положенію въ государствѣ онъ долженъ стоять выше и вѣтъ партій, а по господствующимъ французскимъ понятіямъ оказывать вліяніе можно только въ сторону тѣхъ или другихъ партійныхъ интересовъ.

Общія идеи и стремленія всего менѣе свойственны разрозненнымъ парламентскимъ группамъ современной Франціи; смѣлыхъ и новыхъ политическихъ идей не видно ни въ печати, ни въ парламентѣ, и общественная жизнь, при всей своей внѣшней энергіи, вырабатываетъ мало плодотворнаго и полезнаго съ точки зрѣнія трудящихся народныхъ массъ. Если средніе и высшіе слои французскаго общества не выдвигаютъ теперь ни оригинальныхъ политическихъ мыслителей, ни сильныхъ характеровъ, ни даже выдающихся ораторовъ и даровитыхъ, независимыхъ публицистовъ, то это значитъ лишь, что дѣйствительно нѣтъ теперь элементовъ умственно-политическаго подъема въ господствующихъ классахъ Франціи, и само общество переживаетъ переходное, критическое время, вслѣдствіе сложныхъ соціально-культурныхъ причинъ и обстоятельствъ, не совсѣмъ ясныхъ даже для

большинства французовъ. Республиканскія учрежденія имѣютъ ту особенность, что они даютъ полный просторъ всѣмъ природнымъ дарованіямъ и раскрываютъ всѣ внутренніе недостатки и слабости общественнаго быта, не оставляя ничего замаскированнымъ или недоступнымъ для критики и контроля. Извѣстныя черты политическихъ нравовъ, какъ напр. продажность, казнокрадство, раздача должностей фаворитамъ и т. п., бесспорно господствовали при Наполеонѣ III и составляли предметъ всеобщихъ разговоровъ; всѣ знали о продѣлкахъ тогдашнихъ министровъ и царедворцевъ, о практикуемыхъ ими способахъ быстрого обогащенія, о тѣхъ посредникахъ или чаще посредникахъ, чрезъ которыхъ устраивались всевозможныя дѣла, но объ этомъ ничего не печаталось въ газетахъ и не говорилось въ законодательномъ корпусѣ, такъ какъ всѣ эти закулисные, хотя и всѣмъ извѣстные порядки, тщательно ограждались отъ нескромныхъ разоблаченій, при помощи соотвѣтственныхъ законовъ о печати, подъ предлогомъ поддержанія авторитета тогдашней правительственной власти. Оттого для огромной массы публики и для поверхностныхъ постороннихъ наблюдателей вторая французская имперія казалась крѣпкою и сильною, достойною даже подражанія; сами представители этого режима, подъ вліаніемъ общей безгласности и льстивыхъ мнимопатріотическихъ похвалъ и восторговъ офиціозной прессы, серьезно увѣровали въ превосходство правительственной системы и перестали замѣчать ея грубѣйшіе недостатки и грѣхи, скрытые какъ будто отъ взоровъ толпы. Внутренняя гниль выступила наружу только въ силу внѣшняго толчка, и непрочность и обманчивость всей системы самобмана раскрылась только цѣною непріятельскаго нашествія. Теперь всѣ общественныя извы могутъ быть разоблачаемы во Франціи кѣмъ угодно, безъ малѣйшихъ стѣсненій, въ печати, въ публичныхъ собраніяхъ и въ палатѣ депутатовъ; поэтому старая гниль не застаивается и не сохраняется внутри, а безпощадно извлекается на свѣтъ Божій, безъ вниманія къ офиціальному положенію или авторитету замѣшанныхъ лицъ.

Скандальныя исторіи безпрепятственно повторяются во Франціи одна за другою, начиная съ панамской, и ни одинъ продажный савонникъ или журналистъ не можетъ считать себя гарантированнымъ отъ разоблаченія, за которымъ послѣдуетъ судебное слѣдствіе и заслуженный публичный позоръ. Недавно обнаружено было, что вліятельные журналисты и депутаты, какъ редакторъ-издатель газеты „Paris“, Порталисъ, и редакторъ „Nation“, Камилль Дрейфусъ, систематически занимались шантажемъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; и какъ только установлены были извѣстные факты, указывающіе на ихъ виновность, тотчасъ противъ обоихъ приняты были законныя

гѣры преслѣдованія, и всѣ подробности ихъ шантажной дѣятельности сдѣлались общимъ достояніемъ французской печати. Никакія закулисныя связи и вліянія не могли избавить попавшихся публицистовъ отъ отвѣтственности, и, вѣроятно, не мало еще существуетъ такихъ крупныхъ и мелкихъ аферистовъ политики и прессы, которые заслуживали бы осужденія, подобно Порталису и Дрейфусу, но счумѣли во-время спрятать концы въ воду; многіе, по всей вѣроятности, еще попадутся и не избѣгутъ своей участи, и судьба ихъ послужитъ предостереженіемъ для большинства болѣе молодыхъ дѣятелей, склонныхъ слѣдовать примѣру безпринципныхъ искателей легкой наживы.

На ряду съ скандальнымъ дѣломъ журналиста-депутата Дрейфуса произвелъ еще болѣе тягостное впечатлѣніе процессъ другого Дрейфуса, офицера, обвиняемаго въ государственной измѣнѣ. Дрейфусъ-офицеръ передавалъ германскимъ властямъ за деньги секретныя военныя свѣденія, и военный судъ призналъ его виновнымъ въ этомъ преступленіи. Жажда денегъ и удовольствій нигдѣ не доходитъ до такой лихорадочной страстности, какъ въ Парижѣ, и неразборчивость средствъ слишкомъ часто граничитъ съ преступностью. Одинъ спускается до прямого вымогательства денегъ подъ угрозой клеветнической печатной травли, и при подобныхъ секретныхъ занятіяхъ сохраняетъ видное общественное положеніе депутата и политическаго дѣятеля; другой падаетъ еще ниже и становится шпиономъ чужого правительства, лишь бы располагать болѣе широкими ресурсами для удовлетворенія потребности въ роскоши и комфортѣ. Такія извращенія общественныхъ понятій и вкусовъ зависятъ, конечно, не отъ случайныхъ качествъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ всей соціальной атмосферы, окружающей жизнь извѣстной части французскаго общества. Разумѣется, при режимѣ второй имперіи подобныя дѣла были бы своевременно потушены, и, пожалуй, оба Дрейфуса, опираясь на могущественную протекцію, признаны были бы безукоризненными джентльменами, которыхъ не должны касаться газеты; но едва ли кто скажетъ, что французское общество выигрывало бы отъ замалчиванія подвиговъ, подобныхъ тѣмъ, которые постоянно разоблачаются и обсуждаются въ нынѣшней Франціи.

Еще одна особенность бросается въ глаза въ современной Франціи: среди нравственнаго упадка и распущенности въ нѣкоторой части общества, спросъ на честность возрастаетъ, и она цѣнится выше, чѣмъ когда-либо; истинно честные люди и благородные характеры вѣрнѣе всего прокладываютъ себѣ дорогу къ широкой политической карьерѣ, къ общему уваженію и почету, тогда какъ при второй имперіи они оттирались властною пошлостью, причислялись къ не-

благонадежнымъ элементамъ и должны были оставаться въ рядахъ оппозиціи или скрываться за предѣлами отечества. Карно попалъ въ президенты республики только за свою безукоризненную честность; преемникъ его, Казимиръ Перье, выдвинулся также благодаря утвердившейся за нимъ репутаціи личнаго благородства и рыцарской правдивости; Дюиои, бывший провинціальный педагогъ, пріобрѣтаетъ авторитетъ и власть главнымъ образомъ потому, что его честная натура завоевала общія симпатіи и уваженіе даже со стороны политическихъ противниковъ. Люди, заподозрѣнные относительно своей честности или даже уличенные только въ неразборчивости личныхъ связей, устранились безпощадно съ политическаго поприща, каковы бы ни были ихъ таланты и заслуги: поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ судьба Клемансо и Фрейсинъ. Скромный труженикъ, даровитый Бурдо, сынъ ліонскаго ткача, достигаетъ высшихъ почестей въ государствѣ, единственно въ силу своихъ личныхъ качествъ, и высокая честность послужила главнымъ мотивомъ при избраніи его президентомъ палаты депутатовъ, послѣ Казимира Перье.

Скончавшійся недавно Бурдо, профессоръ философіи, переводчикъ этюдовъ Спенсера и Шопенгауэра, избранъ былъ въ депутаты въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своею замѣчательною добросовѣстностью и дѣльностью при обсужденіи сложныхъ государственныхъ вопросовъ, особенно финансовыхъ; его содержательныя, остроумныя и талантливыя рѣчи устроили ему быструю и блестящую политическую карьеру. Онъ былъ нѣсколько разъ докладчикомъ бюджетной комиссіи и сдѣлался министромъ финансовъ въ кабинетѣ Казимира Перье; слабое здоровье не предвѣщало ему долгой жизни, и онъ рѣшился принять на себя обязанности главы кабинета, несмотря на настойчивыя просьбы новаго президента республики. Выбранный затѣмъ президентомъ палаты, онъ оказался вполне на высотѣ своего положенія; но физическія силы ему измѣнили,—онъ сталъ хворать и въ концѣ ноября скончался на 43-мъ году жизни. Мѣсто его въ палатѣ занялъ теперь суровый и послѣдовательный республиканецъ, Бриссонъ. Смерть Бурдо—значительная потеря не только для республиканской партіи, которой онъ былъ украшеніемъ, но и для всего французскаго общества, которому онъ служилъ образцомъ самоотверженнаго труда и честнаго исполненія долга. По отношенію къ Бурдо подтвердилась, между прочимъ, старая истина, что нападки печати не вредятъ людямъ съ чистою совѣстью и съ безукоризненнымъ прошлымъ. Извѣстный антисемитъ Дрюмонъ, для котораго еврейскія козни сдѣлались настоящимъ пунктомъ помѣшательства, печатно обвинилъ Бурдо въ какихъ-то незаконныхъ сношеніяхъ съ Ротшильдомъ и чуть ли не въ полученіи

отъ него крупной суммы денегъ за нѣкоторыя существенныя услуги. Взысканный этой клеветой, Бурдо привлекъ Дрюмона къ суду и потребовалъ доказательствъ; Дрюмонъ могъ сослаться только на дошедшіе до него слухи и ничего не имѣлъ возразить противъ точнаго изложенія и удостовѣренія фактовъ, касавшихся официальныхъ сношеній Бурдо съ директоромъ французскаго банка, Ротшильдомъ, при обсужденіи въ палатѣ вопроса о возобновленіи привилегій этого банка. Бурдо составлялъ докладъ по этому предмету, отъ имени парламентской комиссіи, и долженъ былъ обращаться къ Ротшильду за необходимыми свѣдѣніями и справками. Истина обнаружилась на судѣ настолько ясно, что самъ Дрюмонъ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ обвиненій. Судъ приговорилъ Дрюмона къ заключенію въ тюрьмѣ за клевету, а репутація Бурдо нисколько не пострадала.

За нѣсколько дней до смерти Бурдо умеръ другой, несравненно болѣе знаменитый французъ, Фердинандъ Лессепсъ, доживавшій свой вѣкъ въ печальномъ уединеніи, подъ тяжестью судебного приговора, сущность котораго не доведена была до его свѣденія въ виду его старости и болѣзни. Творецъ суэскаго канала, измѣнившаго весь ходъ всемірно-торговыхъ сношеній и давшаго смѣлѣйшій толчокъ развитію морского судоходства, не былъ пощаженъ парламентскою гласностью и правосудіемъ, несмотря на свое выдающееся общественное положеніе и на свои великія культурныя заслуги. Какъ руководитель панамскаго предпріятія, онъ омрачилъ свою прошлую славу и, не прорывъ перешейка въ Америкѣ, оказался участникомъ цѣлой системы подкуповъ во Франціи. При второй имперіи противозаконныя дѣйствія его промышленной кампаніи были бы вѣроятно ограждены отъ публичныхъ разоблаченій; но свобода печати и парламентъ положили конецъ дальнѣйшей дѣятельности панамскихъ аферистовъ. Паденіе могущественнаго Лессепса и возвышеніе скромнаго Бурдо—одинаково поучительные факты, характеризующіе современную Францію и позволяющіе ей надѣяться на лучшее будущее.

Положеніе дѣлъ въ Германіи не лучше и не хуже, чѣмъ во Франціи, но матеріаловъ для общественнаго недовольства накопилось гораздо больше. Необычайный ростъ социаль-демократическаго движенія является серьезнымъ симптомомъ глубокаго внутренняго разлада между господствующимъ промышленнымъ классомъ и милліонами рабочаго населенія. Государственная власть обнаружила одно время рѣшимость взять въ свои руки защиту интересовъ трудящагося большинства противъ односторонняго владычества капиталистовъ, но затѣмъ стала опять склоняться на сторону промышленной бур-

жуазіи. Въ политикѣ также замѣчается поворотъ въ пользу старыхъ традицій. Увеличеніе состава арміи, одобренной послѣ долгой борьбы имперскимъ сеймомъ, потребовало новыхъ ежегодныхъ расходовъ въ размѣрѣ 65 милліоновъ марокъ, и для отысканія соответственныхъ ресурсовъ изобрѣтались финансовыя планы, которые однако не привели ни къ чему. Проекты, выработанные по этому предмету прусскимъ министромъ финансовъ Михелемъ, были признаны несвоевременными, и вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Представители интересовъ крупнаго сельскаго хозяйства и землевладѣнія, такъ называемые аграріи, жестоко нападали на правительство за невниманіе къ ихъ требованіямъ и за чрезмѣрную заботливость о крупной промышленности и торговлѣ. Консерваторы-аристократы, владѣльцы обширныхъ помѣстій, считали себя особенно обиженными и обойденными заключеніемъ торговаго договора съ Россією, подписаннаго 29-го января (10-го февраля). Канцлеру Каприви пришлось выдержать цѣлый рядъ парламентскихъ битвъ, въ которыхъ онъ по обыкновенію выказалъ большое самообладаніе, дѣловитость и тактъ. Нападенія графа Мирбаха, графа Канитца и другихъ—не имѣли успѣха въ имперскомъ сеймѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ правительство пользовалось поддержкою не только либераловъ и прогрессистовъ, но и отчасти социаль-демократовъ. Консервативныя и реакціонныя газеты неустанно громили канцлера и причиняли ему много непріятностей и затрудненій. Между прочимъ, по поводу возбужденнаго вопроса о мѣрахъ противъ социалистовъ произошла размолвка между Каприви и прусскимъ министромъ-президентомъ, графомъ Эйленбургомъ, и въ октябрѣ, сверхъ всякаго ожиданія, оба они были уволены въ отставку. Ничѣмъ не мотивированное удаленіе канцлера объяснялось враждою вліятельныхъ аристократическихъ группъ и вызвало понятное недоумѣніе въ обществѣ и печати. На мѣсто Каприви назначенъ былъ намѣстникъ Эльзасъ-Лотарингіи, князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, очень богатый и престарѣлый аристократъ, супруга котораго унаслѣдовала въ предѣлахъ Россіи громадныя имѣнія своего брата, князя Витгенштейна.

Дебютъ новаго германскаго канцлера въ имперскомъ сеймѣ былъ не особенно удаченъ. Засѣданія открылись 5-го декабря (нов. ст.) чтеніемъ тронной рѣчи, въ залѣ королевскаго дворца, и на слѣдующій день народныя представители впервые собрались въ новомъ роскошномъ зданіи парламента. Когда президентъ Леветцовъ, открывая засѣданіе 6-го декабря, провозгласилъ обычное „hoch!“ въ честь императора, нѣкоторые социаль-демократы остались сидѣть на своихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ остальные, по установившейся у нихъ практикѣ, предварительно вышли изъ залы. Президентъ Леветцовъ

выразилъ сожалѣніе, что онъ лишенъ возможности принять какія-нибудь мѣры противъ депутатовъ, позволившихъ себѣ оказывать неуваженіе къ императору. Одинъ изъ вождей социалистической партіи и въ то же время богатый фабрикантъ, Зингеръ, сказалъ нѣсколько словъ для объясненія того, почему его единомышленники не могутъ участвовать въ сочувственныхъ возгласахъ по адресу монарха, который одобряетъ стрѣльбу солдатъ въ мирныхъ гражданъ и предлагаетъ теперь установить новые стѣснительные законы противъ защитниковъ и представителей рабочаго класса. Какъ ни непріятенъ былъ этотъ инцидентъ, но онъ считался законченнымъ, и сеймъ перешелъ къ очереднымъ занятіямъ. Черезъ нѣсколько дней поступило въ палату на имя президента официальное предложеніе канцлера князя Гогенлоэ разрѣшить судебное преслѣдованіе депутата Либнехта за оскорбленіе величества, выразившееся въ томъ, что онъ не всталъ съ мѣста при провозглашеніи президентомъ „hoch!“ въ честь императора. Это предложеніе правительства озадачило даже самыхъ консервативныхъ нѣмецкихъ патриотовъ, такъ какъ въ силу 30-ой статьи германской конституціи ни одинъ изъ членовъ имперскаго сейма не можетъ подлежать судебной или дисциплинарной отвѣтственности за какія-либо мнѣнія или заявленія въ парламентѣ. Газеты единодушно признавали, что правительство сдѣлало крупную ошибку, и что имперскій сеймъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить преслѣдованіе, требуемое княземъ Гогенлоэ. Первая рѣчь канцлера, произнесенная крайне слабымъ, едва слышнымъ голосомъ въ засѣданіи 11-го декабря, также не произвела благоприятнаго впечатлѣнія, по своей безцвѣтности и банальности. Это была небольшая вступительная рѣчь, замѣнявшая программу, но никакой определенной программы она въ себѣ не заключала на томъ основаніи, какъ пояснилъ канцлеръ, что правительство не думаетъ мѣнять систему и въ существенныхъ пунктахъ будетъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ. Сдѣланный при этомъ бѣглый обзоръ стоящихъ на очереди вопросовъ былъ до того поверхностенъ, что изъ него нельзя было извлечь никакихъ положительныхъ заключеній, и даже самые благосклонные слушатели вынуждены были сознаться, что князю Гогенлоэ такъ же далеко до Каприви, какъ послѣднему до Бисмарка. Предложеніе о преслѣдованіи Либнехта было отклонено значительнымъ большинствомъ голосовъ, и эта первая неудача, которую легко было предвидѣть, сильно подорвала довѣріе къ новому канцлеру. Внесенный правительствомъ проектъ противъ революціонеровъ, содержащій въ себѣ разныя дополнительные статьи къ уголовному кодексу, къ военному уголовному уложенію и къ закону о печати, порождаетъ также

серьезныя сомнѣнія и возраженія, и по этому поводу можно ожидать горячихъ споровъ въ имперскомъ сеймѣ.

Въ Австро-Венгріи церковно-политическіе законы, выработанные либеральнымъ венгерскимъ министерствомъ, долго занимали и волновали умы въ обѣихъ половинахъ имперіи. Послѣ упорной и продолжительной борьбы, министерству Веверле удалось побѣдить сопротивленіе венгерской палаты магнатовъ; изъ пяти проектовъ два—о полной свободѣ вѣроисповѣданій и объ официальномъ признаніи іудейской религіи—были отклонены, а утверждены законы о гражданскомъ бракѣ, о вѣроисповѣданіи дѣтей при смѣшанныхъ бракахъ и о введеніи метрическихъ записей гражданскими чиновниками. Важнѣйшій изъ этихъ законопроектовъ—о гражданскомъ бракѣ—былъ принятъ верхней палатою еще въ концѣ сентября; остальные одобрены въ половинѣ октября, а между тѣмъ санція императора все заставляла себя ждать, и въ Венгріи продолжался политическій кризисъ, подвергавшій сомнѣнію прочность кабинета Веверле. Только 11 декабря (нов. ст.) глава венгерскаго министерства имѣлъ возможность заявить, что императоръ Францъ-Іосифъ утвердилъ своею подписью принятые венгерскими палатами законопроекты. Тѣмъ не менѣе, Веверле подалъ въ отставку, и преемники нынѣшнихъ министровъ будутъ, вѣроятно, принадлежать къ менѣе либеральнымъ группамъ парламента.

Въ Италіи министръ-президентъ Криспи по прежнему успѣшно справляется съ многочисленными противниками, между которыми видное мѣсто занимаетъ теперь Джіолитти. Обѣщанныя внутреннія реформы еще не осуществились, и общее положеніе страны остается безъ переменъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1895 г.

— Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 годъ). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. 7-й томъ Сборника харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Харьковъ, 1894.

Въ послѣднее время очень распространяются изданія юбилейнаго характера. Мода на юбилей распространилась и на литературныя воспоминанія, и это, конечно, есть одно изъ лучшихъ ея примѣненій: масса общества еще слишкомъ чужда литературныхъ интересовъ, да и познаній, и юбилей подобнаго рода по крайней мѣрѣ напоминаютъ ей о болѣе или менѣе крупныхъ фактахъ прошлой литературной исторіи. Юбилей пятидесятилѣтніе дѣлаютъ общимъ достоинствомъ прежнюю частную литературную собственность и нерѣдко способствуютъ болѣе обширному, чѣмъ когда-нибудь, распространенію книгъ, въ прежнее время менѣе доступныхъ для большинства, какъ было недавно съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Кольцовымъ. Въ числу юбилейныхъ изданій относится и настоящая книга, представляющая большой томъ, гдѣ собраны удѣлѣвшія сочиненія Сковороды, его біографія, обзоръ сочиненій и обзоръ того, что было о немъ писано.

Съ дѣлю изданія сочиненій Сковороды составила въ харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ особая коммиссія изъ нѣсколькихъ профессоровъ. Прежде всего надо было, конечно, собрать рукописи сочиненій, и онѣ получены были главнымъ образомъ изъ Церковно-археологическаго Музея при кievской духовной академіи, изъ Публичной бібліотеки въ Петербургѣ и Румянцовскаго Музея въ Москвѣ.

„Коммиссія имѣла нѣсколько засѣданій,—читаемъ во введеніи г. Багалъя (стр. СXXXI),—гдѣ помимо другихъ вопросовъ разсматривались рукописи съ цензурной точки зрѣнія (Общество выпускаетъ

свои изданія подъ собственной цензурой и настоящая книга является 7-мъ томомъ Сборника Общества). Едва ли нужно прибавлять (послѣ всего сказаннаго), что общество, издавая настоящія сочиненія Сквороды, руководствовалось *исключительно* желаніемъ познакомить ученый міръ съ новыми матеріалами, имѣющими серьезное историко-литературное значеніе; такою цѣлью объясняется какъ составъ, такъ и характеръ труда“. Для научной точности историко-литературнаго изслѣдованія,—второму, по приведеннымъ словамъ, должно „исключительно“ служить это изданіе,—слѣдовало однако добавить, къ чему привело въ комиссіи разсмотрѣніе рукописей Сквороды съ цензурной точки зрѣнія. Для изслѣдователя было бы весьма важно знать, имѣетъ ли онъ въ настоящемъ изданіи тексты Сквороды нетронутыми, или они подверглись, съ цензурной точки зрѣнія, какимъ-либо ущербамъ, что бываетъ нерѣдко. Съ другой стороны, нѣсколько бросается въ глаза забота характеризовать настоящее изданіе какъ исключительно историко-филологическое. Судя по той высокой оцѣнкѣ, какая вообще дается здѣсь твореніямъ Сквороды, можно было бы думать, что онѣ и теперь могли бы, хотя бы и не въ прежней мѣрѣ, получить извѣстное назидательное вліяніе: какая была бы въ этомъ бѣда и нужно ли было настаивать на „исключительной“ историко-филологической специальности изданія? Рядомъ съ большой книгой ученаго Общества вышла недавно популярная книжка о томъ же Сквородѣ; такимъ образомъ матеріалы ученаго изданія могли бы служить не для одной специальной историко-филологической цѣли.

Начало книги занято обширнымъ критическимъ и библиографическимъ обзоромъ изданныхъ прежде сочиненій Сквороды и изслѣдованій о немъ. Эти изданія и изслѣдованія начинаются съ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка и идутъ до настоящаго времени. Г. Багадѣй, авторъ этого обзора, исполнилъ его весьма обстоятельно, можетъ быть, даже слишкомъ обстоятельно. Дѣло въ томъ, что число изданій тѣхъ или другихъ сочиненій Сквороды было не очень велико, самыя изданія по большей части весьма нехороши, біографія его составлена была въ первый разъ черезъ два года по его смерти, въ 1796, другомъ его Ковалинскимъ и, оставаясь въ рукописи, служила источникомъ для позднѣйшихъ біографовъ и въ первый разъ была издана уже только въ 1886 (она повторена и въ настоящемъ изданіи); позднѣйшіе біографы, особенно въ тридцатыхъ годахъ, прибавили къ извѣстнымъ фактамъ только разныя подробности и характеристики Сквороды, доходившія до нихъ по преданіямъ. Этотъ немногосложный составъ матеріала г. Багадѣй излагаетъ весьма пространно, сопоставляя показанія различныхъ авторовъ, укоряя ихъ

иногда за неточности, — какъ, напр., стариннаго украинскаго писателя Бернета, хотя онъ и не можетъ исправиться отъ этихъ укоровъ, потому что очень давно умеръ. Пересматривая подробно литературу о Сквородѣ, авторъ не далъ, къ сожалѣнію, того, что особенно важно было бы встрѣтить въ первомъ обширномъ и точномъ изданіи сочиненій украинскаго философа, то-есть настоящей критически обработанной біографіи и цѣльной характеристики этого оригинальнаго лица: біографія представлена только старымъ сочиненіемъ Ковалинскаго, а мѣсто характеристики занимаетъ собраніе извлеченій изъ того, что было писано о Сквородѣ до послѣдняго времени, а писались вещи весьма различныя, нерѣдко противорѣчивыя, и эти противорѣчія простираются не только на изображеніе личнаго характера Сквороды, но и на оцѣнку содержанія и достоинства его сочиненій.

Скворода (1722—1794) былъ, какъ извѣстно, человекъ ученый въ духѣ церковной учености прошлаго вѣка (между прочимъ, знающій латинистъ), имѣлъ случай жить за границей (въ Германи), могъ по своимъ знаніямъ занять видное мѣсто на педагогическомъ поприщѣ; какъ человекъ сурово-нравственнаго, его привлекали даже въ монашество, предполагая, что онъ можетъ занять мѣсто въ церковной іерархіи. Одно время онъ и былъ преподавателемъ, но въ концѣ концовъ отказался и отъ этой дѣятельности и предпочелъ быть совершенно независимымъ бѣднякомъ, странствующимъ философомъ: въ концѣ концовъ онъ приобрѣлъ большую извѣстность на Украинѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, имѣя друзей и въ сельскихъ хатахъ, и въ гостепріимныхъ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ любили послушать его поученій, его стиховъ и рассказовъ. Его привычки были самыя простыя; посѣщая своихъ друзей въ помѣщичьихъ усадьбахъ, онъ довольствовался самымъ простымъ укромнымъ уголкомъ или поселялся на пчельникѣ, довольствовался самой простой пищей и т. п. Онъ любилъ полное уединеніе и среди своихъ странствій и бездомной жизни написалъ довольно много сочиненій въ одномъ духѣ—религіозно-философскихъ наставленій, поучавшихъ вѣрѣ и самопознанію, и въ разнообразной формѣ—діалоговъ, басенъ, философскихъ и аллегорическихъ трактатовъ, духовныхъ пѣсенъ и другихъ стихотвореній. Эти произведенія Сквороды ходили по рукамъ, переписывались, нѣкоторыя стихотворенія получали большую извѣстность, такъ что ходили въ народѣ; но при жизни его ничего изъ этого не было напечатано, а вышшіе издатели уже не могли собрать всѣхъ сочиненій, названія которыхъ сохранились. Надо полагать, впрочемъ, что и тѣхъ изъ нихъ, какія теперь извѣстны, достаточно для того, чтобы составить понятіе о писателѣ.

Какъ мы замѣтили, при настоящемъ изданіи его сочиненій нѣтъ этого опредѣленія Сквороды. Извѣстія объ его личномъ характерѣ довольно разнорѣчивы. Несомнѣнно одно, что въ свое время онъ былъ очень популяренъ, хотя біографіи, за недостаткомъ вполне опредѣленныхъ данныхъ, было бы довольно трудно опредѣлять степень и характеръ его чисто личнаго вліянія. Остаются сочиненія, по которымъ возможно составить понятіе о характерѣ и содержаніи его міровоззрѣнія,—однако и здѣсь въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ о Сквородѣ противорѣчія остаются невыясненными. По однимъ, міровоззрѣніе Сквороды находится въ зависимости отъ древне-классической философіи: онъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ сочиненій Платона, дѣятельность его сократическая. „Знакомясь съ сочиненіями Сквороды,—говоритъ профессоръ Зеленогорскій,—мы видимъ, какъ глубоко продуманы всѣ мысли его, какъ опредѣленно и отчетливо выяснены онѣ, какимъ своеобразнымъ языкомъ выражены и какими сильными выраженіями запечатлѣны. Какъ философъ, онъ вездѣ послѣдователенъ въ своихъ мысляхъ и ихъ развитіи... Рѣшеніе философскихъ вопросовъ, представленное Сквородой, таково, что, по нашему мнѣнію, и въ настоящее время не можетъ быть отброшено безъ вниманія тѣмъ, кто интересуется историческимъ движеніемъ философской мысли и будущей судьбой философіи“. Сообщая эти выводы проф. Зеленогорскаго, г. Багалъій отмѣчаетъ важность его статьи: „она дѣйствительно даетъ полное представленіе о Сквородѣ, какъ философѣ, излагая и умозрительную, и практическую, и этическую его философію... вопросъ о вліяніи на Сквороду Платона и Филона поставленъ Ѡ. А. Зеленогорскимъ на такую фактическую почву, что здѣсь можетъ быть споръ, какъ намъ кажется, не о самомъ вліяніи, а только о размѣрахъ его“. Но самъ г. Багалъій находитъ, что въ этихъ опредѣленіяхъ есть однако важный пробѣлъ, а именно „осталась безъ разсмотрѣнія дѣятельность Сквороды, какъ *теолога*, и его *жизни*“ (стр. LXII),—а эти два пункта не маловажны. Въ другомъ мѣстѣ г. Багалъій отмѣчаетъ взгляды г. Сумцова, по мнѣнію котораго дѣятельность Сквороды представляетъ много общаго съ дѣятельностью масоновъ, съ ихъ нравоученіемъ и съ ихъ мистицизмомъ. „Скворода,—говоритъ г. Сумцовъ,—не былъ масономъ, но онъ въ значительной степени выросъ и воспитался въ той атмосферѣ, которая питала русское масонство и между нимъ и масонами находятся общія точки соприкосновенія, въ видѣ особеннаго расположенія къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, мистическаго ихъ толкованія, равнодушія къ догматической сторонѣ христіанства, строго аскетическаго образа жизни и стремленія ученіемъ о нравственности и личной нравственной жизнью поднять

нравственный уровень общества, въ чемъ Скворода сходился съ лучшими русскими масонами, Новиковымъ, Лопухинимъ и въ особенности съ Гамалѣй" (стр. XLVIII). На нашъ взглядъ, это толкованіе Сквороды едва ли не ближе къ истинѣ, чѣмъ изображеніе его сильнымъ философомъ, продолжавшимъ философію Платона и Филона. Мистическій элементъ, притомъ именно въ особой вычурной формѣ, въ какой мы встрѣчаемъ его у нашихъ масоновъ, занимаетъ такъ много мѣста въ писаніяхъ Сквороды, что миновать его невозможно, и едва ли сомнительно, что этотъ мистицизмъ мало вяжется съ философіей Платона.

Въ другомъ своемъ трудѣ, вышедшемъ недавно „Опытъ исторіи Харьковскаго Университета“ (выпускъ 1), г. Багалѣй находитъ возможнымъ говорить, что Скворода „былъ, такъ сказать, странствующимъ университетомъ и академіей среди слободско-украинскаго общества; больше, конечно, академіей, чѣмъ университетомъ, ибо его наука, какъ мы видимъ, находилась въ генетической связи съ старой западно-русской образованностью, традиціи которой были перенесены и въ Слободскую Украйну“, что Скворода, какъ странствующій учитель, „въ лучшемъ возвышеннѣйшемъ смыслѣ слова“, „постепенно подготовлялъ почву для будущаго харьковскаго университета и въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ Каразина“ (стр. 29—30). Все это представляется весьма сильно преувеличеннымъ, когда самъ историкъ замѣчаетъ, что наука Сквороды сильно отличалась отъ науки европейской, которая водворалась потомъ въ харьковскомъ университетѣ, и что сочиненія Сквороды очень уважались и „находили *иногда* даже внимательныхъ читателей“ (стр. 28).

Скворода несомнѣнно былъ человекъ очень оригинальный и во многихъ отношеніяхъ достойный, но едва ли ему можетъ быть приписана подобная широкая роль. Независимо отъ его личнаго вліянія, которое теперь очень трудно опредѣлить, его сочиненія писаны такимъ темнымъ, угловатымъ, тяжелымъ языкомъ, что едва ли могли имѣть большое распространеніе и особенно большое вліяніе, и самое правоученіе, напр., въ басняхъ, было не всегда удачно, какъ нѣкогда замѣчалъ уже Срезневскій. Можно подозрѣвать, что мировоззрѣніе Сквороды, будто бы Платоновское, было, напротивъ, довольно запутанное, гдѣ мысли, вычитанныя у древнихъ философовъ, смѣшивались съ ходячимъ туманнымъ мистицизмомъ XVIII-го вѣка и, наконецъ, съ проповѣдью аскетизма (см., напр., латинское стихотвореніе: *Tres adeo Christi miles sibi conspiciunt hostes* и пр., стр. 93), которая гораздо ближе къ средневѣковой схоластикѣ, чѣмъ къ античной философіи. Наибольшій интересъ Сквороды представляетъ, кажется,

не по особеннымъ достоинствамъ своего теоретическаго содержанія, а какъ любопытный симптомъ въ исторіи нашего общественнаго образованія—въ данномъ случаѣ на Украинѣ: онъ самъ желалъ внести духовную пищу и въ общество, и въ народную массу, и въ той средѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ, чувствовалась потребность въ этой пищѣ, которой не давали ни наличные пастыри душъ, ни отсутствовавшая школа. Въ этомъ смыслѣ его подвижничество заслуживаетъ величайшаго уваженія, но положительное содержаніе, какое онъ сообщалъ, было бы слишкомъ смѣло сравнить съ академіей или университетомъ.

— Критическіе очерки. Н. К. Михайловскаго. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895.

Мы съ особеннымъ интересомъ прочли статью г. Михайловскаго объ Иванѣ Грозномъ въ русской литературѣ. Авторъ хотѣлъ ориентироваться въ довольно обширной уже литературѣ объ этомъ историческомъ лицѣ, которое, несмотря на длинный рядъ изслѣдованій, ему посвященныхъ, остается тѣмъ не менѣе невыясненнымъ до такой степени, что до сихъ поръ изображается у разныхъ историковъ въ совершенно противоположныхъ чертахъ. Литература объ Иванѣ Грозномъ представляетъ „такую длинную галерею его портретовъ, что прогулка по ней въ концѣ концовъ утомляетъ. Утомленіе тѣмъ болѣе понятное, что хотя со всѣхъ сторонъ галереи на васъ смотрятъ изображенія одного и того же историческаго лица, но вмѣстѣ съ тѣмъ лицо это „въ толь разныхъ видахъ представляется, что часто не единымъ человѣкомъ является“. Этотъ приговоръ стараго историка (Щербатова) оказывается справедливымъ, если не по отношенію къ личности самого Грознаго царя, къ живому оригиналу, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ его портретамъ. Совершенно независимо отъ большей или меньшей степени мастерства, съ которыми они написаны, вы поражаетесь ихъ разнообразіемъ. Однѣ и тѣ же внѣшнія черты, однѣ и тѣ же рамки, и при всемъ томъ совершенно-таки разныя лица,—то „падшій ангелъ“, то просто злодѣй, то возвышенный и пронизательный умъ, то ограниченный человѣкъ, то самостоятельный дѣятель, сознательно и систематически преслѣдующій великія цѣли, то какая-то углая ладья „безъ руля и безъ вѣтриль“, то личность, недосыгаемо высоко стоящая надъ всею Русью, то, напротивъ, низменная натура, чуждая лучшимъ стремленіямъ своего времени. Каждый новый портретъ вызываетъ въ васъ нѣкоторую надежду, что вотъ это, наконецъ, изображеніе съ подлиннымъ вѣрнымъ, несомнѣнно схожее, и каждый слѣдующій разбиваетъ это ожи-

даніе; настороженная мысль пробуетъ ориентироваться и получаетъ все разныя освѣщенія все однихъ и тѣхъ же фактовъ“.

Дѣйствительно, въ нашей старой исторіи не было лица, о которомъ сложились бы столь различныя представленія, но разобраться въ нихъ тѣмъ болѣе важно, что Ивану Грозному дается центральное руководящее значеніе. Авторъ называетъ себя профаномъ, но въ этомъ обзорѣ мнѣній объ Иванѣ Грозномъ онъ высказалъ столько иѣткихъ и остроумныхъ замѣчаній, что его трудъ долженъ потребовать серьезнаго вниманія специалистовъ. Въ разработкѣ научныхъ вопросовъ нерѣдко случается, что извѣстныя положенія, высказанныя разъ болѣе или менѣе авторитетнымъ писателемъ, принимаются потомъ на вѣру, какъ будто не нуждаясь въ новыхъ доказательствахъ. Такъ очень долго принимался на вѣру взглядъ на Ивана Грознаго, — Карамзина. Позднѣе поставлена была другая точка зрѣнія, представителями которой были Кавелинъ, и въ особенности Соловьевъ; затѣмъ были высказаны еще новыя мнѣнія, и въ концѣ концовъ вопросъ окончательно затемнился, такъ что приходится опять повторять слова Щербатова. Необходимо, наконецъ, во-первыхъ, разобраться въ той аргументаціи, какая была до сихъ поръ собрана, и, во-вторыхъ, вновь предпринять оцѣнку источниковъ. Первую изъ этихъ задачъ взялъ на себя г. Михайловскій и, какъ бываетъ иногда въ практическихъ вопросахъ, такъ и здѣсь, въ вопросѣ историческомъ, взглядъ свѣжаго человѣка оказывается очень полезнымъ. Авторъ не брался рѣшать цѣлаго вопроса, но пересмотромъ прежнихъ аргументовъ онъ, вѣроятно, облегчитъ эту задачу для будущаго изыскателя. Разбирая мнѣнія историковъ, критикъ отмѣчаетъ не только ихъ противорѣчія другъ съ другомъ относительно фактовъ совершенно безспорныхъ, но иной разъ и противорѣчія тѣхъ или другихъ теорій съ ихъ собственными положеніями. Онъ справедливо говоритъ, что въ нѣкихъ случаяхъ подобныхъ противорѣчій по крайней мѣрѣ можно бываетъ подвести мнѣнія историковъ къ какимъ-либо взглядамъ партій, какъ, напримѣръ, противорѣчивыя сужденія о Наполеонѣ у бонапартистовъ или роялистовъ подвести къ цѣлой ихъ политической теоріи. „Ничего подобнаго нельзя сдѣлать съ нашей литературой объ Иванѣ Грозномъ, — говоритъ г. Михайловскій. — Она не поддается разверсткѣ по группамъ, стоящимъ подъ какими-нибудь опредѣленными знаменами. Не то, чтобы здѣсь не было повтореній или мнѣній болѣе или менѣе схожихъ, но ихъ трудно группировать и приводить въ связь съ какими-нибудь опредѣленными, объединяющими принципами. Трудно сообразить и тѣ житейскія условія, которыя въ данномъ случаѣ оказали свое давленіе на мысль историка или публициста. Стремленіе русскихъ портретистовъ Грознаго къ чистой истинѣ,

независимой отъ какихъ бы то ни было стороннихъ соображеній, по истинѣ поразительно. Принимая въ соображеніе человѣческія слабости, естественно было бы ожидать, напримѣръ, что довольно мрачная русская дѣйствительность 30-хъ и 40-хъ годовъ подскажетъ историкамъ и публицистамъ того времени болѣе или менѣе суровое отношеніе къ Грозному; что они даже воспользуются этимъ случаемъ для замаскированного осужденія тѣхъ условій, среди которыхъ имъ приходилось жить и, надо прямо сказать, терпѣть, даже больше терпѣть, чѣмъ жить... Но русскіе историки и публицисты оказались выше этой слабости. Какъ разъ на 30-е и 40-е годы выпадаютъ наиболѣе восторженные отзывы о Грозномъ, и въ восторгахъ этихъ сходятся люди самыхъ разнородныхъ, въ другихъ отношеніяхъ, взглядовъ". „Но увы! это безпристрастіе, эта преданность чистой истинѣ не приводитъ насъ къ истинѣ"... Замѣтимъ мимоходомъ, что историкамъ этого времени, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, не приходило въ голову переносить въ старую исторію какія-либо мысли о современности: касаться послѣдней было бы тогда слишкомъ трудно и не безопасно, литература и не помышляла объ этомъ, и писатели, какъ Кавелинъ, Соловьевъ, заняты были только идеально-теоретическимъ вопросомъ и ихъ работа была чисто платоническая; Ивана Грознаго восхвалялъ даже Бѣлинскій.

Послѣ Карамзина съ его извѣстной характеристикой Ивана Грознаго въ періодъ добродѣтели и мудрости и въ періодъ порока и безумія, первый выступилъ противъ его изображенія Погодинъ, который, однако, былъ, какъ извѣстно, величайшимъ почитателемъ Карамзина. „Не менѣе Карамзина восхищаясь преданностью подданныхъ, Погодинъ подвергаетъ анализу изумительность поступковъ Ивана, доводя при этомъ мысль исторіографа о значеніи постороннихъ вліяній до такой точки, на которую самъ Карамзинъ никогда не рѣшился бы стать. Погодинъ отрицаетъ чудесно свѣтлый періодъ отъ обращенія Іоанна подъ вліяніемъ Сильвестра до смерти царицы Анастасіи. По его мнѣнію, „Іоаннъ никогда не былъ великъ“, онъ былъ „ничтоженъ во всѣ періоды своей жизни“. Сильвестръ овладѣлъ душой Іоанна, „какъ магнетизеръ намагнетизированнымъ лицомъ“, и въ блестящихъ дѣлахъ первыхъ тринадцати лѣтъ своего царствованія Иванъ „игралъ чисто страдательную роль“. Еще опредѣленнѣе былъ взглядъ Полевого, но вопросъ все-таки не разъяснялся. Въ сороковыхъ годахъ въ противоположность всѣмъ прежнимъ понятіямъ начинается небывалое возвеличеніе Ивана Грознаго подъ вліяніемъ того представленія, что Грозному принадлежитъ окончательное установленіе идеи государства, этой необходимой формы національной жизни. Въ этомъ представленіи Грозный царь являлся

сокрушителемъ боярства и защитникомъ народа. „Апологеты Ивана Грознаго,—говоритъ г. Михайловскій,—стремятся поднять его на недосягаемую высоту надъ всею современною ему Россіей и даже надъ грядущими вѣками. Для Вѣлинскаго онъ прямо какой-то небожитель и, во всякомъ случаѣ, въ противоположность римскимъ тиранамъ, не былъ „выраженіемъ своего народа и духа времени“, а стоялъ неизмѣримо выше ихъ. У Кавелина Иванъ гибнетъ въ борьбѣ съ „дугой и бессмысленной средой“, неспособной понять его. По Самарину, никто изъ современниковъ не понималъ его и „ему одному были ясны первые признаки внутреннего гніенія, тогда какъ вся Россія пребывала въ самодовольномъ успокоеніи“. Надо, однако, замѣтить, что всѣ эти отзывы, столь рѣшительные и категорическіе, вѣдѣли, такъ сказать, на воздухѣ. Поворотъ мнѣній объ Иванѣ Грозномъ отсюда не основывается на какомъ-нибудь новомъ тщательномъ пересмотрѣ источниковъ. Апологеты даже не пытаются полемизировать со старыми историками на почвѣ фактическихъ деталей. Они просто говорятъ: „Кто знаетъ любовь Грознаго къ простому народу, тотъ“ и т. д.; или: „Напрасно стараются объяснить загадку вліяніемъ постороннихъ лицъ“. Они не доказываютъ, а какъ бы декретируютъ свои мнѣнія о Грозномъ въ блестящемъ, правда, литературномъ изложеніи, которое, однако, можетъ только увлекать, а не убѣждать“. У Соловьева великое историческое значеніе Грознаго также основывается на возвышеніи идеи государства надъ удѣльными и боярскими стремленіями, и это представленіе является вообще наиболѣе распространеннымъ, находя до сихъ поръ самыхъ ревностныхъ послѣдователей. Авторъ пересматриваетъ дальше взгляды Хомякова, Самарина, К. Аксакова, Ключевскаго и пр. и сопоставляя эти взгляды съ несомнѣнными фактами, извѣстными самимъ историкамъ, приходитъ въ изумленіе. „Солидные историки,—говоритъ г. Михайловскій,—отличающіеся въ другихъ случаяхъ чрезвычайною осмотрительностью, на этомъ пунктѣ дѣлаютъ смѣлые и рѣшительные выводы, не только не справляясь съ фактами, имъ самимъ хорошо извѣстными, а, какъ мы видѣли, даже прямо вопреки имъ; умные, богатые знаніемъ и опытомъ люди вступаютъ въ открытое противорѣчіе съ самыми элементарными показаніями здраваго смысла; люди, привыкшіе обращаться съ историческими документами, видятъ въ памятникахъ то, чего тамъ днемъ съ огнемъ найти нельзя, и отрицаютъ то, что явственно прописано черными буквами по бѣлому полю“. И авторъ приводитъ цѣлый рядъ противорѣчій между историческими теоріями и фактами.

Въ собственныхъ представленіяхъ объ Иванѣ Грозномъ, которыя онъ высказываетъ въ немногихъ словахъ въ концѣ своего разбора

этой литературы, г. Михайловскій ни мало не склоненъ принимать обычныхъ теорій, которыя кажутся ему только догадками. Утверждение государства было не его личной заслугой, и что дѣлалъ онъ самъ, было далеко не спасительно и не благотворно. „Когда намъ говорить,—замѣчаетъ онъ,—что Иоаннъ спасъ Россію отъ какой-то страшной будущности, то одной невинной крови Филиппа достаточно для того, чтобы забрызгать эту страницу русской исторіи до невозможности прочитать на ней что-нибудь свѣтлое и радостное. Но не одного Филиппа раздавилъ Грозный.

„Вы помните аргументацію Кавелина: „Все то, что защищали современники Иоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищала Иоаннъ IV, развилось и осуществлено“. Изъ этого Кавелинъ заключаетъ о живучести мысли и дѣла Иоанна, а живучесть свидѣтельствуешь о правотѣ дѣла... Какъ будто живуча только правда! И какъ будто въ послѣдующей русской исторіи не было ни кроваваго сумбура смутнаго времени, ни всего прочаго! Допустимъ, что Иванъ IV истребилъ плевелы, хотя это по малой мѣрѣ сомнительно, но достоверно, что онъ истребилъ также и пшеницу“.

Отъ природы, по наслѣдственности, а затѣмъ отъ пренебреженнаго или прямо извращеннаго воспитанія, Иванъ Грозный былъ натура ненормальная, психопатическая. Онъ не лишень былъ извѣстныхъ дарованій, но далеко не обладалъ тѣмъ великимъ государственнымъ умомъ, какой ему всего чаще приписываютъ, а также отличался той слабостью воли, которая, дѣлала его податливымъ къ чужимъ вліяніямъ, но и не воздерживала его отъ безобразій, въ которыхъ онъ послѣ самъ иногда каялся. „Московское царство при Грозномъ,—говоритъ г. Михайловскій,—отнюдь не было монархіей въ томъ смыслѣ, какой выработала позднѣйшая исторія. Мы видѣли, что, крайне надменно обращаясь съ королями шведскимъ и польскимъ, Грозный лишь турецкаго султана признавалъ равнымъ себѣ по достоинству. Не одного впрочемъ султана. Упорно и долго отказываясь величать Стефана Баторія въ грамотахъ „братомъ“ и настаивая на титулѣ „сосѣдъ“, онъ въ то же время величалъ татарскихъ хановъ „братьями“ и, значитъ, признавалъ ихъ равными ему царями. Вообще типъ азіатскаго владыки представлялся ему выше, значительнѣе, чѣмъ типъ европейскаго государя. Въ особенности презиралъ онъ Баторія. Быстрые успѣхи Баторія привели Иоанна къ столь же крайней униженности. Посламъ своимъ, отправленнымъ для переговоровъ о мирѣ, Иоаннъ далъ наказъ уступить почти всю Ливонію, терпѣть отъ Баторія и поляковъ всякую невѣжливость, брань, даже *любовь*“.

Въ дѣтствѣ и юности Ивана—„бояре, правда, дѣлали, что хотѣли, но и ему предоставляли дѣлать, что онъ захочетъ, поощряя его, по-

видимому, отъ природы дурныя наклонности и тѣмъ окончательно разслабляя его и безъ того слабую волю. Митрополиту Макарію, Сильвестру, „избранной радѣ“ удалось погнуть эту слабую волю въ добрую сторону, внушивъ Ивану высокое понятіе объ обязанностяхъ христіанскаго государя и предоставивъ его несомнѣннымъ ораторскимъ дарованіямъ блестящее поприще на Лобномъ мѣстѣ, передъ боярами, на Стоглавомъ соборѣ, въ лагерѣ подъ Казанью. Иванъ тѣшился этой ролью, Русь крѣпла, росла, но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и непомерная гордость Ивана. Вознесенный удачами, лестью и собственными аппетитами выше всѣхъ земнородныхъ, сравнимаемый то съ Августомъ, то съ Константиномъ Великимъ, Иванъ въ одинъ несчастный для Россіи день понялъ, что не онъ былъ инициаторомъ совершившихся великихъ дѣлъ, что онъ совершилъ ихъ по указкѣ попа Сильвестра да „собаки“ Адашева съ братіей. Понятны страшные взрывы его гнѣва. Конечно, онъ тотчасъ же попалъ подъ другія влиянія; эти влиянія уже не звали его къ великимъ дѣламъ, но не мѣшали ему лично „возноситься“ надъ несчастною Русью. Въ его развнченной душѣ не осталось ничего, кромѣ идеи и даже не идеи, а ощущенія всемогущества, которому онъ приносилъ все въ жертву. Каждая мелькнувшая въ его головѣ или внушенная какимъ-нибудь Грязнымъ или Басмановымъ мысль немедленно превращалась въ дѣйствіе, минуя всякіе задерживающіе центры. Гнѣвъ на сына въ ту же минуту разрѣшается убійственнымъ ударомъ кистыя. Дикая фантазія посадить на престолъ всея Руси татарина Симеона Бекбулатовича тотчасъ же осуществляется. Взглядъ на красивую женщину, — и она становится его второю, третьей, пятой, седьмой женой. Пользы и нужды молодого объединеннаго государства не существуютъ. Девлетъ-Гирей выжигаетъ Москву. Баторій наноситъ русскимъ войскамъ пораженіе за пораженіемъ, а царь хлопочетъ только о томъ, чтобы уколоть Баторія его малымъ королевскимъ достоинствомъ, да добываетъ недобитыхъ воеводъ и совѣтниковъ, замѣняя ихъ шпионами, грабителями и кровопійцами. Добываетъ же онъ воеводъ и совѣтниковъ не потому, что они изменники, даже не по той причинѣ, по которой онъ велѣлъ изрубить присланнаго ему персидскимъ шахомъ слона. Слонъ пострадалъ за то, что заупрямился стать передъ царемъ на колѣна, а бояре и весь русскій народъ дѣлали это охотно. Доставалось отъ Грознаго и сѣрому народу, но боярамъ доставалось дѣйствительно больше, единственно, однако, потому, что они были виднѣе, цвѣтнѣе, все равно какъ Калигула ненавидѣлъ высокихъ людей: просто они бросались въ глаза. Если же Грозный создалъ легенду о принципиальной борьбѣ съ боярствомъ, то извѣстно, что маньяки

иногда подыскиваютъ чрезвычайно замысловатя объясненія для своихъ совершенно бессмысленныхъ поступковъ“.

Таковы заключенія г. Михайловскаго, и какъ мы сказали, его критическій обзоръ литературы объ Иванѣ Грозномъ вѣроятно послужитъ на пользу будущимъ изслѣдователямъ, если они не удовольствуются прежними, сильно шаблонными, изображеніями этого историческаго лица. Взглядъ г. Михайловскаго можно уже встрѣтить въ литературѣ, хотя до сихъ поръ онъ не былъ высказанъ споюна и съ послѣдовательно проведенными историческими доказательствами. Изъ того, что не было упомянуто нашимъ авторомъ, назовемъ изслѣдованіе М. П.-скаго о князѣ Курбскомъ (въ „Ученыхъ Запискахъ“ казанскаго университета, 1873), гдѣ, напр., отношенія Грознаго къ князю Курбскому понаты такъ же, какъ у нашего автора. Были и прямыя изслѣдованія объ Иванѣ Грозномъ, какъ душевно больномъ, въ существованіи которыхъ г. Михайловскій сомнѣвается, дѣлая оговорку только о недавней книжкѣ П. Ковалевскаго (стр. 107); укажемъ, напр., статью проф. Я. Чистовича: „Душевная болѣзнь царя Ивана Васильевича IV, Грознаго“, въ „Исторіи первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“ (Спб. 1883, прил. VIII).

Наконецъ, для полнаго объясненія тѣхъ противорѣчій, какими исполнена у нашихъ историковъ характеристика Ивана Грознаго, надо принять въ соображеніе качество тѣхъ источниковъ, на которыхъ они должны были опираться. Эти источники во всемъ томъ, что касается не только психологіи Грознаго, но и ближайшей обстановки его правленія, особливо въ началѣ царствованія, крайне недостаточны. Передъ глазами историка проходятъ знаменательные факты, но ихъ подкладка обыкновенно неизвѣстна; съ тѣхъ поръ, какъ наши историки обратили наибольшее вниманіе на внутренніе процессы государственнаго развитія, они нашли въ эпохѣ Грознаго критическій моментъ этихъ внутреннихъ отношеній и приписали Грозному рѣшеніе вѣковыхъ вопросовъ, для котораго именно требовались, по ихъ мнѣнію, великій умъ и энергія: скудость источниковъ, столь обыкновенная въ нашей старой исторіи, приучила ихъ къ догадкамъ и теоретическимъ построеніямъ, изъ-за этой картины широкаго историческаго факта они пренебрегли изслѣдованіемъ частныхъ и въ томъ числѣ самого личнаго характера Грознаго. Между тѣмъ это послѣднее изслѣдованіе могло бы (и должно бы) переставить историческій центръ тяжести и измѣнить оцѣнку всей личности Грознаго.

Въ статьѣ „Герой безвременья“ г. Михайловскій даетъ характеристику Лермонтова; на ней мы думаемъ остановиться при другомъ случаѣ.

— Описание Амурской области (съ картой). Составлено Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей П. П. Семенова. (По порученію г. министра финансовъ). Спб. 1894.

Этотъ обширный трудъ вызванъ правительственными вопросами, для разъясненія которыхъ требовались свѣденія о географическомъ и экономическомъ состояніи Амурской области: это были—вопросъ о проведеніи Амурскаго участка сибирской желѣзной дороги и вопросъ о мѣрахъ по заселенію Амурской области и развитію въ ней торгово-промышленной дѣятельности. Хотя, — какъ замѣчаетъ въ предисловіи г. Семеновъ, — опредѣленіе направленія желѣзной дороги было бы невозможно безъ специальныхъ мѣстныхъ изысканій, но во всякомъ случаѣ для самаго производства этихъ изысканій важно было собрать географическія, экономическія и иныя данныя по Амурской области. По программѣ, выработанной въ министерствѣ финансовъ, составленіе описанія поручено было Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ руководствомъ П. П. Семенова. Заслуженный географъ принялъ въ этомъ трудѣ самое дѣятельное участіе и нѣсколько главъ, посвященныхъ именно русскому населенію Амурскаго края, его распределенію, его сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности, написаны г. Семеновымъ. Источники, на которыхъ основано было описаніе, были вообще всякаго рода: во-первыхъ, это были знаменитые труды нашихъ путешественниковъ по Сибири, описывавшихъ между прочимъ или специально Амурскій край, какъ труды Миддендорфа, Шварца, Максимовича, Шренка, Шмидта, Маака, Радде, а въ новѣйшее время акад. Коржинскаго; во-вторыхъ, труды мѣстныхъ изслѣдователей, опубликованные между прочимъ въ мало доступныхъ изданіяхъ; наконецъ, источники официальные, какъ печатные, такъ и рукописные, между прочимъ собранные въ новѣйшее время по распоряженію нынѣшняго генералъ-губернатора Приамурской области. Относительно свѣденій статистическихъ г. Семеновъ указываетъ затруднительность ихъ разработки, такъ какъ при обширности и малолюдности края трудно было установить правильную регистрацію; но г. Семеновъ, принявшій на себя разработку этихъ данныхъ, полагалъ, что, несмотря на неудовлетворительность многихъ статистическихъ показаній, при осторожномъ обращеніи съ ними онѣ все-таки могутъ служить для полезныхъ соображеній.

Книга состоитъ изъ двѣнадцати главъ, гдѣ заключаются: историческій очеркъ прошлой судьбы Амурскаго края; географическое описаніе; обзоръ геологическаго строенія области и ея минеральныхъ богатствъ; климатъ; растительность; животный міръ; инородческое

населеніе Амурской области; русское населеніе и экономическое положеніе населенныхъ мѣстностей; сельское хозяйство русскаго населенія; его земледѣльческая промышленность, торговые пути и торговля. Наконецъ, въ заключеніи представлены общіе выводы о современномъ положеніи русской колонизаціи въ Амурской области и о тѣхъ ожиданіяхъ, какія можно имѣть въ будущемъ относительно распространенія этой колонизаціи и ея земледѣльческаго и промышленнаго значенія; г. Семеновъ просить смотрѣть на эти выводы, какъ на выраженіе его личныхъ мнѣній, возникшихъ при изученіи матеріала, собраннаго для составленія настоящей книги, но обширный опытъ ученаго изслѣдователя даетъ, конечно, особенную цѣну его заключеніямъ.

Пространство Амурской области равно какъ разъ пространству Швеціи; но двѣ трети этой территоріи, по климатическимъ условіямъ, останутся навсегда недоступны для осѣдой колонизаціи и, какъ сѣверныя окраины Америки, могутъ служить только для эксплуатаціи ихъ естественныхъ богатствъ. Нынѣшнее населеніе Амурской области доходитъ только до 100.000 жителей и „едва превосходитъ населеніе одной изъ центральныхъ частей города Петербурга, именно Спасской (98.000 жит.)“; но уже теперь 80% этого населенія составляютъ русскіе и оно можетъ считаться прочнымъ *кадромъ* будущей русской колонизаціи. Сельское населеніе составляетъ половину цѣлой цифры и имѣетъ надѣлъ почти до милліона десятинъ, по 36 десятинъ на мужскую душу, и этотъ надѣлъ г. Семеновъ считаетъ кадровымъ, допускающимъ приращеніе населенія. Всего въ удобной для поселенія части Области правительство имѣетъ еще 12 милліоновъ десятинъ, но такъ какъ по крайней мѣрѣ половину этого пространства должно оставить для будущихъ потребностей края подъ лѣсными зарослями, то правительство имѣетъ адѣсь для отвода земель будущимъ поселенцамъ только до 6 милліоновъ десятинъ. Такимъ образомъ, въ будущемъ представляется еще необходимость наполненія этихъ кадровъ колонизаціи, что можетъ быть достигнуто не иначе какъ соединеніемъ области съ Россіей и Владивостокомъ желѣзнымъ путемъ.

Сельское хозяйство наличнаго населенія Области достигло уже того объема, что обезпечиваетъ довольствіе края; но при обиліи надѣльныхъ земель хозяйство имѣетъ пока „въ высшей степени экстенсивный и, можно сказать, даже до нѣкоторой степени хищническій характеръ“.

Промышленность края пока не даетъ еще почти ничего для вывоза, но привозные товары (до 8 милл.) края покрываетъ, даже съ избыткомъ, добычею золота: по официальнымъ даннымъ, за послед-

нее время эта добыча доставляла ежегодно среднимъ числомъ золота на сумму въ 8.300.000 р., „да сверхъ того уходило нелегальнымъ путемъ въ Китай, по приблизительной оцѣнкѣ частныхъ показаній, опубликованныхъ въ официальныхъ источникахъ, на 2.850.000 руб.“ Г. Семеновъ прибавляетъ въ другомъ мѣстѣ, что это золото, уходящее нелегальнымъ путемъ въ Китай, сбывается туда за дешевую цѣну. Самая разработка росыпей совершается вообще способомъ, „который нельзя не признать хищническимъ и приносящимъ двойной вредъ государству“—съ одной стороны порчею росыпей, а съ другой упомянутымъ нелегальнымъ сбытомъ золота въ Китай.

Въ будущемъ Амурская область, по мнѣнію г. Семенова, можетъ имѣть важное экономическое значеніе въ трехъ отношеніяхъ: она можетъ послужить для избытка земледѣльческаго населенія имперіи, какъ одна изъ лучшихъ въ Сибири мѣстностей для колонизаціи; послѣ увеличенія земледѣльческаго населенія и прилива рабочихъ рукъ неспособная къ обитанію часть Области можетъ сдѣлаться лучшей въ Россіи золотоносною площадью, требующею конечно правильной эксплуатаціи; наконецъ, въ будущемъ Амурская область при большемъ экономическомъ развитіи и при желѣзныхъ дорогахъ, можетъ занять видную роль для установленія русскихъ торговыхъ сношеній съ Японіей.

Но всего этого можно ожидать только при помощи сибирскаго желѣзнаго пути, который одинъ можетъ обезпечить „безпрепятственный ввозъ въ Амурскую область самаго дорогого для нашего дальняго Востока товара—рабочей силы человѣка и капитала его умственной силы—знанія“.—Т.

— Русскіе символисты. Вып. 2-й, изд. В. А. Маслова. М. 1894.

Порода существъ, именующихся русскими символистами, имѣетъ главнымъ своимъ признакомъ чрезвычайную быстроту размноженія. Еще тѣмъ лѣтомъ ихъ было только два, а нынѣ уже цѣлыхъ десять. Вотъ имена ихъ по порядку: А. Бронинъ, Валерій Брюсовъ, В. Даровъ, Эрл. Мартовъ, А. Л. Миропольскій, Н. Новичъ, К. Соколовъ, З. Фуксъ и еще два, изъ коихъ одинъ скрылся подъ буквой М., а другой подъ тремя звѣздочками. Я готовъ бы былъ думать, что эта порода размножается путемъ произвольнаго зарожденія (*generatio aequivoca*), но едва ли такая гипотеза будетъ допущена точною наукой. Впрочемъ, русскій символизмъ обогащается пока звучными именами болѣе, чѣмъ звучными произведеніями. Во 2-мъ вы-

пускъ помѣщено всего восемнадцать оригинальныхъ стихотвореній; при десяти авторахъ это выходитъ на каждаго по одному стихотворенію съ дробью (1,8 или $1\frac{4}{5}$). Читатель согласится, что такой мой критическій методъ пока отличается строго-научнымъ характеромъ и приводитъ къ результатамъ совершенно безспорнымъ. Я желалъ бы держаться такого метода и при оцѣнкѣ качественнаго достоинства русскихъ символистовъ, но это уже гораздо труднѣе: тутъ одною арифметикою не обойдешься. Необходимо установить общіе принципы или нормы художественной дѣятельности и вытекающими изъ нихъ постулатами провѣрить данное произведеніе. Къ сожалѣнію, этотъ единственно-научный способъ имѣетъ одно неудобство: онъ потребовалъ бы отъ меня многолѣтнихъ изученій и долженъ бы быть иномъ изложенъ въ многотомныхъ сочиненіяхъ, а отъ меня требуется только маленькая рецензія на маленькую тетрадку со стихами проблематическаго достоинства. Отъ научнаго метода приходится отказаться, но, съ другой стороны, я не хотѣлъ бы подвергнуться справедливому упреку въ субъективномъ произволѣ и тенденціозности. Неужели, однако, между строгою научностью и личнымъ впечатлѣніемъ нѣтъ ничего средняго? Безъ сомнѣнія, есть. Не восходя до безусловныхъ принциповъ, можно за норму сужденія принять не собственное мнѣніе, а намѣреніе критикуемаго автора или художника. Такъ, напримѣръ, когда живописецъ на своей картинѣ собственноручно обозначилъ: *se levez!*—а между тѣмъ всякій видитъ на ней дурно-нарисованную собаку, при чемъ намѣреніе живописца изобразить льва въ осуществленіи своемъ ограничилось лишь желтымъ цвѣтомъ собачьей шерсти, то всякій свидѣтель такой неудачи, не впадая въ субъективизмъ, можетъ признать картину неудовлетворительною; ибо, независимо отъ личныхъ мнѣній, по существу вещей ясно, что ни желтый цвѣтъ, ни плохой рисунокъ, не достаточны сами по себѣ, чтобы собаку сдѣлать львомъ. Такой способъ сужденія, основанный на объективномъ различіи между двумя млекопитающими, я называю методомъ относительно-научнымъ. Примѣненіе его къ русскимъ символистамъ тѣмъ легче, что они озаботились самымъ опредѣленнымъ образомъ выразить свое намѣреніе. Въ предисловіи г. В. Брюсовъ объясняетъ, что поэзія, которой онъ съ товарищами служить, есть *поэзія намековъ*. Слѣдуя нашей относительно-научной методѣ, посмотримъ, насколько въ самомъ дѣлѣ стихотворенія русскихъ символистовъ представляютъ собою поэзію намековъ:

Струны *ржаветъ*
 Подъ *мокрой* рукой,
 Грезнъ *нѣмѣютъ*
 И кроется *мглою*.

Такою строфою начинается и повтореніемъ ея заканчивается маленькое стихотвореніе г. Миропольскаго, открывающее нашу сборникъ. Здѣсь съ преувеличенною ясностью указывается на тотъ грустный, хотя и мало интересный фактъ, что изображаемый авторомъ гитаристъ страдаетъ извѣстнымъ патологическимъ явленіемъ. Ни поэзіи, ни намековъ тутъ нѣтъ. Первый стихъ „струны ржавѣютъ“—содержитъ въ себѣ еще другое указаніе, но опять таки ясное *указаніе*, а не намекъ,—на малограмотность г. Миропольскаго.

Второе стихотвореніе: „Я *жду*“, почти все состоитъ изъ повторенія двухъ стиховъ: „Сердце звонкое бьется въ грудь“—и „Милый другъ, приходи, приходи!“ Что тутъ неяснаго, какіе тутъ намеки? Скорѣе можно здѣсь замѣтить излишнее стремленіе къ ясности, ибо поэтъ поясняетъ, что сердце бьется *съ груди*,—чтобы кто-нибудь не подумалъ, что оно бьется въ головѣ, или въ брюшной полости.

Г. Валерій Брюсовъ, тотъ самый, который въ первомъ выпускѣ „русскихъ символистовъ“¹⁾ описывалъ свое предосудительное заглядыванье въ дамскія купальни, нынѣ изображаетъ свое собственное купанье. Это конечно не бѣда; но плохо то, что о своемъ купаньи г. Брюсовъ говоритъ такими словами, которыя ясно, безъ всякихъ намековъ, показываютъ какъ будто неполнѣ нормальное настроеніе автора. Мы предупреждали его, что потворство измененнымъ страстямъ, хотя бы и подъ личиной символизма, не приведетъ къ добру. Увы! наши предчувствія сбылись раньше ожиданія. Посудите сами:

Въ серебряной пыли полуночная влага
Плывають отдохомъ усталыя мечты,
И въ *зубкой тишинѣ рѣчного саркофага*
Великій человекъ не слышитъ клеветы.

Называть *рѣку саркофагомъ*, а себя *великимъ человекомъ*—есть совершенно ясный признакъ (а не намекъ только) болѣзненнаго состоянія.

Трупъ женщины, гниющей и зловонный
Вольная степь, чугунный небосводъ...
И долгій мигъ, насмѣшкой воскрешенный,
Съ уворнымъ хохотомъ встаетъ.

Алмазный сонъ... Чертежъ вверху зажженный...
И аромат, и слезы, и роса...
Поклонуть трупъ гниющей и зловонный,
И воронъ вылевалъ глаза.

Вотъ въ этомъ стихотвореніи, подписанномъ З. Фукусъ (будемъ называться, что это З. означаетъ Захара, а не Зинаиду), можно, пожалуй,

¹⁾ См. въ августовской кн. „Вѣстника Европы“ за 1894 г.

найти намеѣ, только не поэтической, а намеѣ на то, что три гласные тамбовскаго земскаго собранія, были бы, можетъ быть, не совсѣмъ неправы въ своемъ мнѣніи ¹⁾, еслибы относили его не къ крестьянамъ, окончившимъ курсъ начального образованія, а къ нѣкоторымъ стихотворцамъ, именующимъ себя символистами. Впрочемъ—

In jene Sphären wag' ich nicht zu streben...

—я думаю, что г. З. Фуксъ достаточно наказалъ самъ себя, выступивъ печатно съ такимъ произведеніемъ. Тѣмъ не менѣ впечатлѣніе, произведенное на меня стихотвореніемъ этого символиста, такъ сильно, что у меня не хватаетъ необходимаго спокойствія духа для относительно научнаго разбора прочихъ символическихъ перловъ. Притомъ на послѣдней страничѣ наши символисты объясняютъ о предстоящихъ трехъ новыхъ изданіяхъ, изъ коихъ одно озаглавлено *L'es (?) chefs* (l) d'oeuvre. Отложимъ свое окончательное сужденіе до появленія этихъ „*chefs d'oeuvre*“, а пока ради справедливости замѣтимъ, что въ разсмотрѣнной тетрадѣ есть одно истинно-поэтическое стихотвореніе:

Дети, смотри! тамъ при концѣ аллеи
Ночной красавицы раскинулись кусты...
Ихъ образъ приняли весенней ночи феи...
Моей тоски не понимала ты!

Тамъ солнца лучъ съ восхода и до ночи
Льетъ чари страстныя на сонные цвѣты...
Напрасно рвется онъ хоть разъ взглянуть имъ въ очи...
Моей тоски не понимаешь ты!

Въ вечерній часъ, скрываясь за горою
Съ тоскою жгучею обманутой мечты,
Въ безсилья видитъ онъ лобзанья ихъ съ луною...
Мою тоску поймешь навѣрно ты!

Вл. С.

Въ теченіе декабря поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андерсенъ.—Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Перев. съ дат., А. и П. Ганзенъ. Т. III. Вып. 11 и 12. Стр. 257—518. Слб. 94. Ц. за 4 т. 8 р.

Блекслей, Т. Г.—Перемиѣнные электрическіе токи. Руководство для студентовъ и техникумовъ. Перев. съ франц. п. р. В. К. Лебединскаго, съ 55 рис. Слб. 95. Стр. 224. Ц. 1 р. 60 к.

¹⁾ См. телеграмму въ „Новомъ Времени“ отъ 16-го дек.

Бремъ, А.—Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Вып. 17: Грызуны; неполнозубы. Перев. съ нѣм. 2-го изд., п. р. д-ра зоол. С. М. Переславцевой. Од. 94. Стр. 515—546. Ц. 25 к.

Быстренинъ, В.—Житейскія былія. Очерки и рассказы. М. 95. Стр. 407. Ц. 1 р.

Волкова, М., ж.-врачъ.—Бесѣды о томъ, какъ охранять здоровье женщины, начиная съ дѣтства и кончая періодомъ удаванія. Съ предисл. проф. А. И. Лебедева. Спб. 95. Стр. 216. Ц. 1 р. 50 к.

Гарвей, Н.—Сказки дѣда-всецѣда. Сборникъ дѣтскихъ сказокъ. Собранны по разнымъ источникамъ, съ 12 хромолит. и 4С полтитп. въ текстѣ. Спб. 95. Стр. 90 in-fol.

Гатцунъ, В. А.—Сказки русскаго народа. Въ пяти вып. М. 94. Ц. по 25 к.

Гиллроуз, А. Н.—Старые поэты, въ новыхъ русскихъ переводахъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго логоса. Кіевъ, 95. Стр. 166. Ц. 1 р. 50 к.

Голыцевъ, В. А.—Литературные очерки. М. 95. Стр. 201. Ц. 1 р.

Градовскій, А. Д.—Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 году. Издано подъ редакціей *Н. М. Боркунова*. Спб., 1895. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. 3 и 528. Ц. 3 р.

Гурфинкель, д-ръ Л. М.—Дитя и уходъ за нимъ. Перев. съ нѣм. 95. Стр. 151. Ц. 1 р.

Дмитріевъ-Кавказскій, А. Е.—По Средней Азій. Записки художника. Съ 199 рис. въ текстѣ. Спб. 95. Стр. 115 in-fol.

Женеворъ, А.—Маленькій разнощикъ. Съ франц. М. Гранстремъ, съ 26 рис. Спб. 95. Стр. 235.

Зинovieвъ, М. А.—Опытъ изслѣдованія земскаго устройства лифляндской губерніи. Рига, 95. Стр. 149.

Исаевъ, А.—Начала политической экономіи. Изд 2-е, дополн. Спб. 95. Стр. 689. Ц. 3 р. 50 к.

Карповъ, Н.—Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 2-е. Спб. 95. Стр. 162. Ц. 50 к.

Ковалевскій, Макс.—Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М. 95. Стр. 658. Ц. 2 р. 50 к.

Корша, В. Ѳ.—Всеобщая исторія литературы. Составл. по источникамъ и нов. изслѣд., при участіи ученыхъ и литераторовъ. Вып. I. Второе изд. Спб. 95. Стр. 160.

Крыловъ, И. А.—Басни. Изданіе Спб. Комитета грамотности, въ 4 вып., съ рис. Ц. 34 к.

Лабуль, Эд.—Голубыя сказки. Перев. съ франц. Н. Гарвей. Съ 150 рис. Спб. 95. Стр. 343.

Ли, Ионасъ.—Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, перев. съ норвеж. В. Мосоловой. М. 94. Стр. 126. Ц. 40 к.

Максимовъ, А. Я.—Наши задачи на Тихомъ Океанѣ. Политическіе этюды. Спб. 94. Стр. 144. Ц. 1 р.

Масперо, Ж.—Древняя исторія народовъ Востока. Перев. съ 4-го франц. изд. М. 95. Стр. 715. Ц. 3 р.

Надеждинъ, П. П.—Кавказскій край. Природа и люди. 2-е изд. Тула, 95. Стр. 448. Ц. 2 р. 50 к.

Нелидова, Л.—Дѣвочка Лида. Рассказъ для дѣтей. М. 95. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 коп.

- Нефедовъ*, Ф. Д.—Сочиненія. Т. II. М. 95. Стр. 448. За два тома 3 р.
- Ожешкова*, Элиза.—Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова. М. 95. Стр. 459. Ц. 1 р. 50 к.
- Покровский*, Н.—Блѣдновъ. Повѣсть злобы дня. Спб. 95. Стр. 316. Ц. 1 р.
- Салтыковъ*, М. Е.—Сказки (1880—85 гг.). Пестрыя письма (1884—86 гг.) Недоконченныя бесѣды (1873—1884 г.). 3-е изд. Спб. 94. Стр. 568. Ц. 1 р. 75 к.
- Скавронская*, Марія.—Изъ жизни и фантази. Романъ, повѣсть, рассказы. М. 95. Стр. 443. Ц. 1 р. 50 к.
- Съерцовъ*, Н. А., и *Федченко*, А. П.—Путешествія по Туркестану. Излож. по подлин. сочин. путешественниковъ М. Ляляной. Съ 81 рис. и картой. Спб. 95. Стр. 267.
- Тамбовскій*, А. П.—Триумфъ Любви. Вып. 3-й. Спб. 95. Стр. 161.
- Тверской*, П. А.—Очерки Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Спб. 95. Стр. 464. Ц. 2 р.
- Тихомировъ*, Д. И.—Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школь и народа, съ рис. и карт. въ текстѣ. Ч. I: Древняя Россія. Ч. II: Новая Россія. М. 95. Стр. 230 и 176. М. 95. Ц. 50 и 40 к.
- Томъ*, Ипп.—Объ умѣ и познаніи. Перев. съ франц., п. р. Н. Н. Страхова. Спб. 95. Стр. 543. Ц. 3 р.
- Фульс*, Альфр.—Декартъ. Перев. съ франц. А. П. Татариновой, п. р. Н. Я. Грота, съ приложеніемъ главы изъ „Исторіи новой философіи“, В. Виндельбанда: „Барухъ Спиноза“. М. 95. Стр. 384. Ц. 80 к.
- Якобуль*, И. И.—Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы, для урегулированія производства, преимущественно въ Соед.-Шт. Сѣв. Америки. Спб. 95. Стр. 459.
- Wuweiua*, Theod. de.—Chez les Allemands. L'art et les moeurs. Par. 95. Стр. 242.

— Настоящий Энциклопедическій Словарь, изд. А. Гранатъ и К°. Вып. 95. и 96: Салін—Сенковскій. М. 95. Стр. 4399—4478. Ц. по 40 к.

ОБЪЯСНЕНИЕ НА ПОПРАВКИ

къ статья: „Последнія времена московской Руси“.

Въ редакціи получено было слѣдующее письмо Л. М. Савелова: „Въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за настоящей (1894) годъ помѣщена весьма интересная статья: „Последнія времена московской Россіи“, въ которой авторъ, останавливаясь болѣе всего на личности патріарха Іоакима, приводитъ нѣсколько фактовъ не со всѣмъ согласныхъ съ историческою истиною и потому дающихъ не всегда вѣрное понятіе о патріархѣ Іоакимѣ.“

Такъ, на стр. 295 авторъ говоритъ слѣдующее: „Медвѣдевъ долженъ былъ сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и, какъ *говорятъ*, написалъ покаянное отреченіе, которое и т. д.“, но отреченіе Медвѣдева должно быть извѣстно автору, такъ какъ оно напечатано въ „Остенѣ“, на стр. 85—104, на который три раза ссылается авторъ въ своей статьѣ.

„На стр. 300: „Послѣ этихъ безмѣрныхъ проклятій становится вѣроятнымъ сообщеніе „Дневника“ Гордона (подъ 12 сентября), что царь Петръ Алексѣевичъ хотѣлъ даровать жизнь всѣмъ злодѣямъ, и что только по убѣжденію патріарха согласился на казнь троицхъ“; а въ выноскѣ къ этой фразѣ добавлено: „Кромѣ Шакловитаго, казненнаго послѣ первыхъ же допросовъ, позднеѣ были казнены трое: Обраска Петровъ, Куземка Черной и Медвѣдевъ“; но подъ тремя казненными Гордонъ подразумѣваетъ Шакловитаго, Петрова и Чернаго, которые дѣйствительно и казнены 12-го сентября 1689 года, а не Медвѣдева, который казненъ лишь годъ пять мѣсяцевъ спустя, т.-е. 11-го февраля 1691 года, что извѣстно и автору, послѣ поминки стрѣльцаго пристава Алексѣя Стрижова.“

Наконецъ, на стр. 301 авторъ говоритъ: „Патріархъ Іоакимъ умеръ вскорѣ послѣ казни Медвѣдева (17-го марта 1691)“;—прочтя это, читатель можетъ подумать, что патріархъ Іоакимъ умеръ добившись гибели своего врага, но оказывается, что авторъ и здѣсь ошибся не въ пользу Іоакима, который умеръ не въ 1691 году, какъ говоритъ авторъ статьи, а 17-го марта 1690 года, т.-е. за *одиннадцатъ* мѣсяцевъ до казни Медвѣдева, а не послѣ ея.

„О днѣ смерти патріарха Іоакима говорится и въ сочиненіяхъ, на которыя ссылается, между прочимъ, и авторъ:—Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго“, ч. 2, стр. 350, и „Житіе и завѣщаніе

св. патриарха московскаго Іоакима“, стр. XIV, 48, 139, 144, 146 и 148, что подтверждается и официальнымъ извѣстіемъ въ IV-й ч. Дворцовыхъ разрядовъ, столб. 539“.

На поправки г. Савелова мы сказали бы прежде всего, что онѣ относятся не только къ нашему изложенію, но и къ тѣмъ подробнымъ специальнымъ изслѣдованіямъ, къ которымъ намъ приходилось обращаться. Небольшая неточность хронологическая легко могла произойти при переложеніи стараго московскаго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра—и по сентябрьскому году на нынѣшнее, отъ Р. X., и по январьскому году. Но другія ошибки, указанныя г. Савеловымъ, можетъ быть, и даже вѣроятно—вовсе не ошибки.

Отреченіе Медвѣдева, напечатанное въ „Остенѣ“, намъ было совершенно извѣстно, но уже прежнимъ изслѣдователямъ, которыхъ поражало крайнее ожесточеніе противъ Медвѣдева у чудовскаго монаха Евѳимія и его покровителей, приходила мысль, что отреченіе было вынужденное и навязанное, т.-е. мнимое. Мы имѣемъ показанія объ этомъ дѣлѣ только съ *одной* стороны, именно со стороны злѣйшихъ враговъ Медвѣдева, и упомянутое мнѣніе о сомнительности его отреченія представлялось намъ весьма возможнымъ. Одинъ изслѣдователь тогдашнихъ событій говоритъ прямо (и опять со ссылкой на „Остенѣ“): „Сильвестръ *будто* написалъ покаянное писаніе о своихъ заблужденіяхъ, читалъ его въ церкви передъ образомъ св. Троицы“ и пр., а въ сноскѣ тотъ же изслѣдователь, между прочимъ изучавшій дѣло въ подлинныхъ рукописяхъ Синодальной (бывшей Патриаршей) бібліотеки, замѣчаетъ: „Любопытно, что *подлинное покаяніе Медвѣдевымъ не подписано*, а подпись Саввы и др. есть“ (см. Шляпкина, „Св. Димитрій Ростовскій“. Спб. 1891, стр. 208). Какъ въ дѣйствительности было и что творили съ Медвѣдевымъ въ „хранилѣ“, покрыто мракомъ неизвѣстности. Остаются предположенія.

Относительно того, къ кому изъ осужденныхъ по дѣлу Шакловитаго можетъ относиться замѣтка Гордона, мы приняли мнѣніе г. Вѣлюкурова (см. „Чтенія“ моск. Общества ист. и древн., 1885, кн. IV: ст. Вѣлюкурова о Медвѣдевѣ, стр. XXII).

Прибавимъ еще одну поправку къ той статьѣ: романъ „Брянскій Лѣсъ“ принадлежитъ не Лажечникову, а Загоскину.

А. П.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

The work of *John Ruskin*; its influence upon modern thought and life. By *Charles Waldstein*. London, 1894. Стр. 189.

Имя Джона Рёскина несомненно одно изъ самыхъ громкихъ въ современной Англiи. Начиная съ перваго тома „*Modern Painters*“, вышедшаго въ 1843 г., и до самыхъ послѣднихъ автобиографическихъ статей и книгъ престарѣлаго оxfordскаго профессора, каждое слово его возбуждаетъ безконечныя толки въ англiйской печати. Отношенiе къ его идеямъ въ разныхъ областяхъ теоретическаго и практическаго знанiя много разъ мѣнялось въ теченiе его многолѣтней писательской карьеры. Когда Рёскинъ выступилъ впервые, вся авторитетная критика того времени обрушилась на него, какъ на революционера въ области эстетики, какъ на еретика, коснувшася традиционной святыни классическихъ образцовъ. Съ тѣхъ поръ эстетическое развитiе Англiи ушло далеко впередъ, и давнишнiй учитель значительно отсталъ отъ выросшаго на его же идеяхъ поколѣнiя. Въ настоящее время теорiя Рёскина признаются устарѣлыми значительной частью англiйскихъ художниковъ и критиковъ, но слава его сдѣлалась какъ бы національнымъ достоянiемъ, и проповѣдническiй тонъ его произведенiй не перестаетъ оказывать влiянiя на публику.

Въ чемъ же заключается причина этого обьянiя? Каковы заслуги Рёскина передъ своими современниками? почему такъ глубоко вкоренилось въ англiйской литературѣ сознание неоспоримаго значенiя идей Рёскина и художественныхъ сторонъ его таланта? Если для разрѣшенiя этихъ вопросовъ обратиться къ самымъ произведенiямъ Рёскина, къ его главному пятитомному труду „*Modern Painters*“ и къ другимъ развивающимъ одиѣ и тѣ же основныя идеи сочиненiямъ, то незнакомый съ условiями его творчества и съ нѣкоторыми особенностями англiйской жизни читатель несомненно придетъ въ изумленiе. Теоретическiе взгляды Рёскина, его догматическое толкованiе красоты и искусства, должны были, казалось бы, оказать мертвящее дѣйствиe на внимавшее ему поколѣнiе, а не вдохнуть новую жизнь въ устарѣлыя формы искусства, какъ это было на самомъ дѣлѣ.

Чтобы понять это странное явленіе, нужно разсматривать творчество Рёскина не съ отвлеченной точки зрѣнія вѣрности его эстетическаго ученія, а исторически, имѣя въ виду общественную дѣятельность автора „Modern Painters“ и то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ общемъ теченіи эстетическаго развитія Англіи. Книжка Вальдштейна интересна именно благодаря тому, что авторъ становится на историческую точку зрѣнія и, безпрестанно оцѣнивая качества теоретическихъ воззрѣній Рёскина, освѣщаетъ его воспитательную роль для англійскаго общества.

Въ главѣ, посвященной эстетическимъ взглядамъ Рёскина, Вальдштейнъ является менѣе всего защитникомъ его теоретическихъ требованій отъ художника. Эстетика Рёскина сложилась почти всецѣло на почвѣ его нравственныхъ и религіозныхъ идей. Только первый томъ его „Modern Painters“, съ которымъ онъ впервые выступилъ въ литературѣ, не носитъ догматическаго характера, а представляетъ горячую, убѣжденную и проникнутую непосредственнымъ пониманіемъ красоты—защиту пейзажиста Тернера, не понятаго никѣмъ другимъ изъ современныхъ критиковъ; но уже второй томъ того же труда носитъ характеръ чисто теоретическій и замѣняетъ внушенія художественнаго чутія и любви ко всему прекрасному эстетическимъ катехизисомъ, устанавливающимъ строгія границы тому, что *должно* интересоваться художника, что въ природѣ болѣе или менѣе достойно быть отраженнымъ въ искусствѣ и т. п. Положивъ въ „Modern Painters“ основаніе своему ученію о взаимоотношеніяхъ художника и природы, Рёскинъ переноситъ тѣ же взгляды изъ области живописи въ остальные отрасли искусства: „Seven Pamps of architecture“, „The Stones of Venice“, „Deucalion“, „Ariadne Florentina“, „Lectures on Art“, „Sesame and Lilies“ и много другихъ обширныхъ трудовъ неумимаго эстетика посвящены иллюстраціи нравственныхъ и религіозныхъ идей въ области пластики и зодчества; затѣмъ, переходя отъ искусства къ практическимъ вопросамъ текущей жизни, Рёскинъ преподаетъ въ „Fors Clavigera“, „Munera Pulveris“ и нѣкоторыхъ другихъ, уроки политической экономіи и общественныхъ реформъ, исходя изъ того же положенія, что назначеніе человека на землѣ—быть свидѣтелемъ величія Бога и способствовать проявленію этого величія своимъ разумнымъ повиновеніемъ, ведущимъ за собой счастье и благоденствіе.

Основнымъ недостаткомъ Рёскина является, какъ это ясно видитъ американскій критикъ, исходная точка его философіи. Онъ подходитъ къ вопросамъ искусства не какъ изслѣдователь, а какъ проповѣдникъ, и видитъ въ искусствѣ откровеніе, которое должно быть направлено исключительно на славословіе божественнаго начала въ

природѣ. Это религиозное отношеніе къ искусству сразу лишаетъ изслѣдователя необходимаго въ теоретическихъ вопросахъ философскаго безпристрастія, и вмѣсто того, чтобы устанавливать происхожденіе и сущность эстетическаго чувства въ человѣкѣ, Рёскинъ трактуетъ о томъ, какія ощущенія и чувства въ человѣкѣ святы и должны потому быть предметомъ исключительнаго культа художника. Самое слово „эстетика“, основанное на ощущеніяхъ, какъ основѣ пониманія красоты, Рёскинъ замѣняетъ словомъ „теорія“, доказывая, что пониманіе красоты исходитъ не изъ чувственныхъ или интеллектуальныхъ, а изъ нравственныхъ ощущеній. Онъ дѣлитъ ощущенія на болѣе или менѣе достойныя, смотря по тому, прошли ли они черезъ критику разума, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ они близки къ чисто животному, инстинктивному ощущенію удовольствія и подходятъ скорѣе къ понятію „эстетика“; въ первомъ же случаѣ, т.-е., когда непосредственное ощущеніе удовольствія проверено разумомъ и признается пріятнымъ, не какъ нѣчто удобное и полезное въ жизни, а какъ нѣчто высшее, стоящее внѣ жизни и вызывающее восторгъ и преклоненіе къ себѣ безъ отношенія къ человѣку,—тогда высокое чувство, зарождающееся при этомъ, Рёскинъ называетъ „теоретическимъ“, разумнымъ, заключающимъ истинное пониманіе прекраснаго, какъ дара божія; даръ этотъ не представляетъ непосредственной необходимости въ жизни, а скорѣе добавленіе, возвышающее ее надъ узостью утилитарныхъ стремленій человѣка въ жизненныхъ вопросахъ. Но расширяя область прекраснаго выключеніемъ изъ нея элемента полезности и настаивая, напротивъ, на ненужности, безотносительности къ жизни впечатлѣній искусства, Рёскинъ ограничиваетъ, однако, идею красоты разсужденіемъ о „расположеніи“, способствующемъ правильному развитію вкуса: „Мы ясно видимъ,—говоритъ онъ,—насколько намъ въ этомъ случаѣ понятна природа Божества,—что наша организація приспособлена въ своемъ нормальномъ состояніи къ тому, чтобы находить наибольшее удовольствіе во всемъ, что болѣе отражаетъ въ себѣ Бога“. Чтобы достигнуть этого „нормальнаго состоянія“, которое онъ называетъ вкусомъ, нужна, по словамъ Рёскина, терпѣливая сравнительная оцѣнка различныхъ ощущеній при помощи указаннаго критерія, т.-е. идеи Бога, болѣе или менѣе отраженной въ каждомъ изъ сравниваемыхъ проявленій прекраснаго. Рёскинъ доказываетъ далѣе, что развитіе чувства прекраснаго заключается именно въ томъ, чтобы подавлять въ себѣ инстинктивныя влеченія и путемъ разсужденія доходить до признанія прекраснымъ только того, что отражаетъ Бога.

Очевидно, что такой тѣсно-религиозный взглядъ сильно ограничиваетъ пониманіе красоты и искусства, придавая ей характеръ про-

повѣди, т.-е. опять-таки приводя ее къ тому утилитаризму, который Рѣскинъ самъ преслѣдуетъ въ господствующихъ до него взглядахъ на искусство. Это условно-религіозное эстетическое ученіе Рѣскина при всей своей догматичности внесло, однако, нѣчто весьма плодотворное въ англійское искусство, и этотъ практическій результатъ отмѣчается критикомъ, какъ одна изъ причинъ, объясняющихъ роль Рѣскина.

Религіозное отношеніе къ искусству сопровождается у Рѣскина такимъ же отношеніемъ къ природѣ; все является въ природѣ прямымъ отраженіемъ Божества и поэтому служитъ предметомъ искусства. Рѣскинъ сильно протестуетъ противъ выбора подробностей, соответствующихъ настроенію и вкусу художника,—все въ природѣ должно одинаково останавливать на себѣ его вниманіе и служить предметомъ тщательнаго изученія и воспроизведенія. Съ свойственнымъ ему проповѣдническимъ жаромъ и увлекая читателя образнымъ поэтическимъ языкомъ, впадающимъ, однако, временами въ риторичность, Рѣскинъ входитъ въ описаніе красотъ, открывающихся терпѣливому наблюдателю горъ, растительности, облаковъ. Его описанія много выигрываютъ оттого, что самъ Рѣскинъ обладаетъ тонкой наблюдательностью и громадными естественно-научными знаніями, которыхъ онъ требуетъ отъ каждаго художника. Рѣскинъ извѣздилъ всю Европу, изучая природу различныхъ мѣстностей, занимаясь спеціально топографіей Альпъ, а возвращаясь на родину неустанно занимался геологіей, химіей и т. п. Формація горъ была однимъ изъ любимыхъ предметовъ его изученія не только въ юношескомъ, но и въ зрѣломъ возрастѣ, и это отразилось на детальныхъ критикахъ ландшафтной живописи. Литературныя достоинства сочиненій Рѣскина по эстетическимъ вопросамъ много способствовали вліянію на современниковъ его теоретическихъ взглядовъ, которые онъ не просто высказывалъ съ научнымъ спокойствіемъ, а проповѣдовалъ съ жаромъ и убѣдительною церковнаго оратора. Наибольше сильнымъ и плодотворнымъ оказался призывъ Рѣскина къ искреннему и любовному изученію природы, и въ этомъ заключается главное значеніе Рѣскина какъ эстетика: слѣдствіемъ идей, наиболѣе полно разработанныхъ въ „Modern Painters“, былъ замѣтный въ англійскомъ искусствѣ второй половины вѣка переходъ отъ традицій романтизма къ реализму въ художественныхъ приемахъ.

Реализмъ, вводимый Рѣскинымъ въ искусство, несмотря на свою религіозную, близкую къ мистицизму окраску, составляетъ рѣзкій контрастъ съ взглядами романтиковъ на природу. Романтизмъ былъ прежде всего протестомъ противъ существующихъ формъ какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, и поэтому избѣгалъ всего напоминающаго

дѣйствительность, уходилъ въ прошлое или создавалъ искусственную красоту, какъ можно болѣе удаляющуюся отъ природы. Кромѣ того, въ отношеніяхъ романтиковъ къ природѣ есть значительный элементъ субъективности; въ природѣ и въ искусствѣ ихъ привлекаетъ больше всего то, что отражаетъ человѣка и его страсти, и это порождаетъ любовь поэтовъ и художниковъ этого направленія къ „страстно бушующему морю“, къ „непрístupно гордымъ скаламъ“ и т. п. Рёскинъ же стремится привить любовь къ природѣ во имя ея самой, со всеми ея проявленіями и подробностями, хотя бы и не представляющими никакихъ аналогій съ человѣческими чувствами. Чутвое отношеніе къ жизни природы и безусловное слѣдованіе природѣ во всемъ изображаемомъ художникомъ, — таковы практическіе выводы, которые Рёскинъ дѣлаетъ самъ изъ своего ученія о градаціяхъ идей, болѣе или менѣе достойныхъ быть отраженными въ искусствѣ. Его художественная критика направлена была въ значительной мѣрѣ на прославленіе новыхъ художниковъ, обладающихъ вѣрнымъ рисункомъ, и произвела цѣлую бурю въ моментъ его литературнаго дебюта. Авторитетная критика той эпохи была слишкомъ вѣрна академическимъ традиціямъ и преклоненіямъ передъ классическими авторитетами, чтобы не возмутиться дерзостью молодого писателя: слишкомъ смѣло провозглашалъ онъ преимущество изученія природы передъ поклоненіемъ классическимъ образцамъ, слишкомъ рѣзко звучало его униженіе общеприваннаго авторитета пейзажиста Клода (Claude) передъ новымъ неприванннымъ гениемъ Тернера, сумѣвшаго проявить глубочайшее знаніе природы въ своихъ безконечно разнообразныхъ изображеніяхъ облаковъ и горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отразить мистическія настроенія, тающіяся въ ландшафтахъ.

Но со времени первыхъ литературныхъ произведеній Рёскина эти революціонныя нѣкогда истины успѣли обратиться въ общее мѣсто. Тернеръ давно уже сдѣлался общеприванннымъ гениемъ, и „Тернеровскія залы“ лондонской національной галереи всегда полны благоговѣйныхъ созерцателей великаго мастера ландшафтнoй живописи; по заѣщанію Тернера нѣкоторыя изъ его картинъ намѣренно повѣшены рядомъ съ аналогичными по сюжету картинами Клода, и превосходство манеры англійскаго художника дѣлается очевиднымъ при самомъ поверхностномъ сравненіи. То же самое произошло и съ остальными новаторскими принципами Рёскина. Тщательное изученіе природы вошло въ плоть и кровь англійскаго искусства, и „прерафаэлитская“ школа въ живописи блестяще оправдала значеніе этого основного принципа эстетики Рёскина; тѣ же художники довели до апогея служеніе высокимъ идеямъ, и если они не пошли по пути догмати-

ческой религіозности Рёскина, то во всякомъ случаѣ близки ему мистицизму своихъ настроеній.

Мы видимъ такимъ образомъ, что значеніе эстетическихъ идей Рёскина—не въ ихъ абсолютной цѣнности, весьма незначительной съ современной точки зрѣнія; значеніе ихъ—въ протестъ какъ противъ условности академическихъ традицій, такъ и противъ произвольнаго субъективнаго отношенія романтиковъ къ природѣ. Рёскинъ былъ въ значительной степени воспитателемъ эстетическаго вкуса въ Англіи и кромѣ вліянія на художниковъ привилъ большинству своихъ соотечественниковъ любовь и пониманіе естественныхъ красотъ природы. Сравнивая англійскихъ и континентальныхъ туристовъ по живописнымъ мѣстностямъ Европы, Вальдштейнъ приходитъ къ заключенію, что „не-англичане обращаютъ вниманіе преимущественно на необыкновенныя, поражающія зрѣлища, англичане же выказываютъ болѣе широкій интересъ ко всякаго рода зрѣлищамъ природы, болѣе развитую наблюдательность и пониманіе формъ красоты; они какъ будто бы сохранили въ памяти цѣлый запасъ линій и красокъ, формъ деревьевъ, растений и облаковъ и различныхъ освѣщеній, и могутъ съ помощью этого разбираться съ большимъ пониманіемъ въ томъ, что видать“.

Литературная дѣятельность Рёскина далеко не исчерпываетъ его роли въ исторіи духовнаго развитія Англіи. Онъ былъ и, несмотря на то, что давно перешагнулъ за 70 лѣтъ, остался практическимъ дѣятелемъ въ области общественныхъ реформъ. Американскій критикъ посвящаетъ пространную главу своей книги роли Рёскина въ социальныхъ вопросахъ и безпристрастно отмѣчаетъ хорошія и дурныя стороны его вліянія въ этомъ отношеніи. Въ сферѣ экономическихъ вопросовъ Рёскинъ занимаетъ, по мнѣнію Вальдштейна, среднее мѣсто между церковнымъ проповѣдникомъ и теоретикомъ этическихъ началъ жизни. Критика пороковъ современнаго ему общества и проповѣдь иныхъ, болѣе достойныхъ челоѵка основъ жизни, должна была привлекать Рёскина, давая обильную пищу развитію основныхъ принциповъ его міросозерцанія; окружающая жизнь представляла неисощимый матеріалъ для негодующаго проповѣдника, который всей силой своего таланта громил пороки своихъ современниковъ. „Fors Clavigera“ полна страстныхъ нападокъ на алчность, господствующую въ англійскомъ обществѣ, и на меркантильность, составляющую основу экономическихъ отношеній. Рёскину, проповѣдующему служеніе Богу во всякомъ дѣйствіи личной или общественной жизни, дороже всего въ челоѵкѣ его достоинство,—неприкосновенность его духовной жизни. Во имя этого онъ возстаетъ противъ фабричнаго труда, превращающаго живого челоѵка въ машину, противъ образованія промышленныхъ центровъ (въ родѣ Манчестера, Ливерпуля и др. въ Англіи),

развивающихъ духъ наживы и эксплуатаціи. Онъ проповѣдуетъ свободный, облагоустроенный трудъ, въ которомъ участвуютъ всѣ духовныя силы человѣка, а не только его руки. Чтобы доказать осуществимость такой организаціи труда, Рѣскинъ содѣйствовалъ основанію Working Men's College и самъ завѣдывалъ художественнымъ образованіемъ рабочихъ, приучая ихъ къ сознательному отношенію къ труду въ противоположность механической работѣ на фабрикахъ. Съ той же цѣлью противодѣйствія фабричной монополіи Рѣскинъ много трудился надъ возрожденіемъ заглохшихъ ручныхъ промысловъ въ разныхъ частяхъ Англіи; по его почину возобновлена была ручная пряжа полотень въ нѣсколькихъ деревняхъ, образовались сельскія школы для обученія пряжѣ, плетенію кружевъ и т. д.; ручной трудъ вышедшихъ изъ этихъ школъ крестьянокъ оплачивается очень хорошо, такъ какъ изготовляемыя ими полотна (извѣстныя въ продажѣ подъ названіемъ Ruskin-linen) очень высоко цѣнятся. Къ тѣмъ же практическимъ сторонамъ дѣятельности Рѣскина принадлежатъ его неустанныя заботы о распространеніи эстетическаго образованія среди народа; онъ основалъ специальную школу рисованія въ Оксфордѣ, читалъ безчисленныя популярныя курсы объ искусствѣ и внушалъ своимъ слушателямъ стремленіе къ красотѣ въ домашнемъ обиходѣ. Несомнѣнно, что Рѣскинъ оказалъ большое вліяніе на поднятіе эстетическаго вкуса въ средней массѣ англійскаго населенія, и только на подготовленной имъ почвѣ могли возникнуть и получить столь широкое развитіе художественныя начинанія поэта Морриса и созданнаго имъ „Arts and crafts society“.

Вальдштейнъ видитъ оборотную сторону практической дѣятельности Рѣскина въ томъ, что его „эстетизированіе“ породило пренебреженіе къ физическимъ развлеченіямъ среди англійской молодежи и помѣшало болѣе широкому развитію національнаго спорта. Но въ этомъ трудно согласиться съ критикомъ Рѣскина. Англійская любовь къ спорту не пострадала отъ проповѣдей Рѣскина: стоитъ обратить вниманіе на волненіе, охватывающее всѣ классы населенія въ „національные“ дни сраженій въ крикетъ, скѣчекъ или гонокъ, чтобы убѣдиться, какъ непоколебима страсть къ физическимъ развлеченіямъ у каждаго англичанина. Если же Рѣскину удалось показать англійской университетской молодежи, что посвященіе студенческихъ лѣтъ исключительно культу „атлетическихъ игръ“ ведетъ къ оскуднѣнію духовной жизни, то это вліяніе можно только назвать благотворнымъ.—З. В.

ЗАМѢТКА.

Изъ исторіи нашей „культурности“.

(Поправка къ двумъ сообщеніямъ г. С. Южакова о погребеніи И. С. Тургенева.)

Въ „Хроникѣ внутренней жизни“ („Русское Богатство“, 1894 г., № 10), авторъ ея, г. С. Южаковъ, „сообщая распредѣленіе литературныхъ именъ на Волковомъ кладбищѣ, напомнилъ, что Тургеневъ выразилъ предсмертное желаніе лежать рядомъ съ его другомъ Бѣлинскимъ, и что исполнявшій его волю М. М. Стасюлевичъ понялъ ее въ томъ смыслѣ, что похоронилъ Тургенева въ противоположномъ концѣ кладбища, не на скромныхъ (?) „литературныхъ мосткахъ“, а у соборнаго кладбищенскаго храма среди монументовъ и мавзолеевъ первостатейныхъ купцовъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ“.

Мы оставили это первое „сообщеніе“ г. С. Южакова безъ поправки, такъ какъ читатели нашего журнала могли имѣть въ своихъ рукахъ подробное описаніе похоронъ Тургенева въ нашей же статьѣ, помѣщенной вслѣдъ за ними, подъ заглавіемъ: „Похороны И. С. Тургенева: 19—27 сентября“ („Вѣстн. Европы“, 1883 г., № 11, стр. 436—448). Если читателей интересуетъ,—думали мы,—возбужденный вопросъ о причинахъ, по которымъ мы, будто бы, позволили себѣ не только не исполнить предсмертнаго желанія Тургенева, но поняли его „въ обратномъ смыслѣ“, — то одна простая справка объяснить имъ, что обвиненіе насъ г-мъ Южаковымъ по меньшей степени послѣшно. Наконецъ, мы знали, что если г. Южакову извѣстно предсмертное желаніе Тургенева, то именно изъ этой же статьи; правда, времени прошло такъ много (11 лѣтъ), что г. Южаковъ могъ и забыть главный источникъ своихъ свѣденій; въ памяти же его осталось теперь только одно содержаніе воли Тургенева, а то важное обстоятельство, что 1) въ той же самой статьѣ и объяснено, почему воля Тургенева, при всемъ желаніи распорядителей похоронъ, не могла быть исполнена, и что 2) мы вовсе не были распорядителями похоронъ, такъ какъ насъ даже вовсе не было въ Петербургѣ, когда дѣлались окончательныя распоряженія о погребеніи особою похоронною комиссіей, членомъ которой мы не состояли,—все это могъ забыть г. Южаковъ, а потому мы предпочли думать, что онъ, вѣроятно,

не успѣлъ справиться по источникамъ того времени, при слѣпшой журнальной работѣ, и сообщилъ своимъ читателямъ свои личныя догадки и соображенія. Между тѣмъ, эти догадки обвинили насъ въ какомъ-то поступкѣ, весьма неодобрительномъ по существу, а по формѣ — совершенно комическомъ: оказывается, что мы хотѣли погнѣсать останки Тургенева рядомъ съ „первостатейными купцами и дѣйствительными статскими совѣтниками“, вѣроятно, съ цѣлью осудить его на вѣчныя времена пребывать въ ихъ обществѣ и на томъ свѣтѣ. Какъ бы посмѣялся отъ души самъ Иванъ Сергѣевичъ, еслибы узналъ о такомъ обвиненіи насъ г-мъ Южаковымъ и о доволненіи, съ его стороны, извѣстной поэмы Данте новымъ кругомъ, устроеннымъ нами специально для бѣднаго Тургенева! Впрочемъ, если таковы представленія г-на Южакова вообще о загробной жизни, то пусть онъ успокоится: въ настоящее время Тургеневъ имѣетъ и другую, болѣе интересную для него компанію — рядомъ съ нимъ К. Д. Кавелинъ и также весьма близко отъ него — М. Е. Салтыковъ.

Но очень жаль, что никто, вѣроятно, не указалъ г-ну Южакову его ошибки и не напомнилъ ему о существованіи вышеупомянутой статьи нашего журнала, а это избавило бы его отъ необходимости оплакивать печальную судьбу Тургенева, постигшую его за гробомъ, а насъ обвинять въ преступномъ нарушеніи священной воли покойнаго. Главное же, ему не пришлось бы въ слѣдующемъ мѣсяцѣ („Русск. Богат.“, 1894 г., № 11, стр. 177), въ той же „Хроникѣ внутренней жизни“, оповѣстить своихъ читателей о полученіи имъ „весьма интереснаго сообщенія—какъ полагаетъ г. Южаковъ—отъ М. А. Антоновича, которое, съ его разрѣшенія, предано гласности“. Тутъ только можете каждый справедливо оцѣнить, особенно самъ М. А. Антоновичъ, добронормочность г-на Южакова, спросившаго у автора письма разрѣшеніе „предать его гласности“, а за самое содержаніе сообщенія авторъ „Хроники внутренней жизни“, конечно, не отвѣтственъ. „М. А. Антоновичъ, — говоритъ г. Южаковъ, — мнѣ теперь сообщаетъ, что исполнить предсмертную волю Тургенева г. Стасюлевичъ полагалъ перенесеніемъ къ соборному храму и останковъ Бѣлинскаго и Добролюбова (?). Эта попытка г. С. произвести своимъ соизволеніемъ нашихъ знаменитыхъ критиковъ въ „литературные генералы“ (?) не удалась, вслѣдствіе громкаго протеста друзей Добролюбова, которые справедливо находили это производство *порупаніемъ* его памяти и его останковъ. Что помѣшало производству въ генералы останковъ Бѣлинскаго, М. А. Антоновичу неизвѣстно. Только едвали сознаніе непристойности этого непрошеннаго суда г. Стасюлевича, сортирующаго писателей „мостковъ“ на высшихъ и низшихъ... Едвали пониманіе права покойныхъ писателей, десятковъ писателей, пожелавшихъ, какъ и

Тургеневъ, лежать, гдѣ лежитъ Бѣлинскій, оставаться съ нимъ рядомъ!.. Прибавлять,—такъ заключаетъ отъ себя г. Южаковъ,—что либо къ краснорѣчію рассказаннаго факта было бы излишне, но сохранить его отъ забвенія я счелъ своею обязанностію. Для исторіи нашей *культурности* пригодится и эта страничка“.

Совершенно вѣрно!—согласимся и мы, но вѣрно только одно то, что „наша культурность“ отразилась вполне именно въ этомъ „весьма интересномъ сообщеніи“ г. Антоновича, а также и въ томъ, что г. Южаковъ озабоченъ, повидимому, преимущественно изобрѣтеніемъ „консервовъ“ для будущаго историка культурности нашей эпохи, не задаваясь при этомъ мыслью о ихъ содержимомъ и не безпокоя себя проверкою сообщаемого имъ „краснорѣчиваго“ факта. Впрочемъ, при нѣкоторой благосклонности къ истинѣ, г-ну Южакову было бы не трудно подмѣтить, что въ сообщеніи г. Антоновича есть нѣкоторыя мысли сомнительнаго достоинства. Г. Антоновичъ особенно негодуетъ на самое намѣреніе перенести останки Бѣлинскаго (о Добролюбовѣ по этому же поводу Тургеневъ, сколько намъ извѣстно, и не упоминалъ; это, должно быть, вставка самого г. Антоновича: „если, молъ, и не упомянулъ, то, по моему расчету, долженъ былъ упомянуть“); онъ называетъ это „поруганіемъ“ памяти покойнаго. Между тѣмъ г. Южакову не можетъ быть безызвѣстно, что вообще такое перенесеніе останковъ не заключаетъ въ себѣ ничего позорящаго для памяти, и только требуетъ разрѣшенія, — въ настоящемъ случаѣ, вдовы Бѣлинскаго, которая была жива въ ту пору, и установленной мѣстной власти. Затѣмъ, г. Антоновичъ говоритъ собственно о „намѣреніи“; во всякомъ случаѣ, „намѣреніе“ можно узнать только отъ самого лица намѣревающагося; мы должны сказать, что не только въ то время, но и вообще никогда въ жизни мы не имѣли случая бесѣдовать съ г. Антоновичемъ; даже не въ состояніи припомнить, чтобы мы его когда-нибудь встрѣчали. Онъ могъ, значитъ, слышать о нашемъ „намѣреніи“ отъ другихъ, но тогда онъ упомянулъ бы объ этомъ, какъ о слухѣ,—но онъ ничего подобнаго не дѣлаетъ.

Если же отложить въ сторону, какъ наши „намѣренія“, такъ и „намѣренія“ г. Антоновича, побудившія его взяться за перо 10 лѣтъ спустя послѣ „факта“, и, вмѣсто того, прямо обратиться къ самому факту, то, пожалуй, небезынтересно знать, какъ же происходилъ самый фактъ? Для того достаточно обратиться къ письменнымъ памятникамъ того времени, тогда же опубликованнымъ и не вызвавшимъ въ ту пору, сколько намъ извѣстно, никакихъ возраженій со стороны г. Антоновича.

Въ статьѣ: „Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ И. С. Тур-

геева" („Вѣстн. Европы", 1883, № 10, стр. 847—854) мы помѣстили, между прочимъ, слѣдующій подробный рассказъ о нашемъ посѣщеніи Тургенева въ Буживалѣ 1 августа (за три недѣли до смерти): „Къ концу нашей бесѣды,—говорится въ воспоминаніяхъ,—я ему замѣтилъ, что нынѣшній разъ я съ нимъ вовсе не прощаюсь, такъ какъ буду почти цѣлый мѣсяцъ его сосѣдомъ: стоить ему къ вечеру послать мнѣ телеграмму—и въ 7 ч. утра на слѣдующій день я подлѣ него; черезъ мѣсяцъ я во всякомъ случаѣ буду опять въ Буживалѣ. —О, теперь,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—я самъ увѣренъ, что проживу еще мѣсяца три; только все же я вамъ теперь скажу то, что говорилъ многимъ,—и вотъ, на дняхъ еще, передалъ и князю Орлову (русскому посланнику въ Парижѣ): я желаю, чтобъ меня похоронили на Волковомъ кладбищѣ, подлѣ моего друга Бѣлинскаго; конечно, мнѣ прежде всего хотѣлось бы лечь у ногъ моего „учителя", Пушкина; но я не заслуживаю такой чести.—Я старался отклонить его отъ такой печальной темы, и отвѣчалъ ему сначала шуткой, что я, какъ гласный Думы, долгомъ считаю его предупредить, что это кладбище давно осуждено на закрытіе (въ санитарныхъ цѣляхъ), и ему придется путешествовать и въ загробной жизни.—Ну, когда-то еще это будетъ,—отвѣчалъ онъ также шутя;—до того времени успѣю налезаться.—Тогда я ему напомнилъ, что могила Бѣлинскаго давно обставлена со всѣхъ сторонъ (какъ это и было на дѣлѣ).—Ну, да я не буквально,—возразилъ онъ мнѣ,—все равно будемъ вмѣстѣ, на одномъ кладбищѣ"...

Все это было нами доложено, по возвращеніи изъ Парижа, особой похоронной комиссіи, которая была до насъ учреждена литературнымъ фондомъ, а потому „интересное" сообщеніе г. Антоновича значительно грѣшитъ, изобразивъ насъ распорядителемъ похоронъ. Во главѣ этой комиссіи стоялъ предсѣдатель литературнаго фонда, покойный В. П. Гаевскій, а въ числѣ распорядителей припоминаемъ одного только Д. В. Григоровича; мы не состояли членомъ этой комиссіи, и помнимъ только бесѣду съ В. П. Гаевскимъ, который спрашивалъ нашего мнѣнія,—не лучше ли, если нельзя похоронить Тургенева рядомъ съ Бѣлинскимъ, то избрать для того другое кладбище—Алекса́ндро-Невское; но онъ тотчасъ же отказался отъ этой мысли, узнавъ отъ насъ вышеприведенную послѣднюю волю Тургенева, въ виду того, что нѣтъ возможности похоронить его рядомъ съ Бѣлинскимъ.

Затѣмъ, похоронная комиссія обратилась къ намъ съ просьбой: такъ какъ мы были знакомы съ парижскими друзьями Тургенева, которые ваялись, по незнанію русскаго языка, проводить гробъ только до русской границы, и просили В. П. Гаевскаго выслать кого-нибудь

имъ на встрѣчу въ Вержолово,—то не возьмемъ ли мы на себя, отправившись заблаговременно на прусскую границу, принять и проводить тѣло Тургенева до Петербурга. Мы выѣхали изъ Петербурга съ расчетомъ—встрѣтить на слѣдующій же день гробъ и немедленно возвратиться вмѣстѣ съ нимъ, такъ что вся дорога туда и назадъ была рассчитана нами на 48 часовъ, но по причинамъ, болѣе подробно изложеннымъ въ описаніи самыхъ похоронъ Тургенева („Вѣстникъ Европы“, № 11, стр. 436—450), намъ пришлось отсутствовать цѣлую недѣлю: выѣхавъ изъ Петербурга 21 сентября, мы возвратились только 27-го, вмѣстѣ съ тѣломъ Тургенева. Въ этотъ промежутокъ времени похоронная комиссія литературнаго фонда окончательно рѣшила всѣ вопросы касательно погребенія и изготовила склепъ ко дню прибытія тѣла. Такимъ образомъ, мы даже вовсе отсутствовали при исполненіи подробностей, имѣя специальное порученіе, которое если не могли выполнить въ предполагаемый срокъ, то по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Мы знали тогда только одно то, и самое главное—что воля Тургенева—лежать на Волковомъ, а не на другомъ какомъ кладбищѣ—будетъ выполнена въ точности; самый же выборъ мѣста былъ сдѣланъ, конечно, такъ, какъ это всегда дѣлается при исполненіи подобной печальной обязанности, т.-е. безъ всякаго осмотра сосѣднихъ могилъ, съ комическою цѣлью принятія въ соображеніе ранга и званія сосѣднихъ обитателей, какъ того, повидимому, требуютъ и г. Южаковъ, и г. Антоновичъ; при этомъ обыкновенно всѣ распорядители предпочитаютъ менѣе низкія и затопленные на Волковомъ кладбищѣ мѣста и вмѣстѣ болѣе свободныя, а слѣдовательно и болѣе доступныя для будущихъ посѣтителей могилы покойнаго.

„Все это было бы смѣшно..“—скажетъ, быть можетъ, читатель;— „когда бы не было такъ грустно“—доскажемъ ми по поводу „странички“ г. С. Южакова, которая, по его предположенію, должна послужить для „исторіи нашей культуры“—но только не въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, а при наступленіи „конца вѣка“.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1895 г.

Новая организація общественнаго призрѣнія въ Москвѣ.—Странный взглядъ на благотворительность.—Значеніе благотворительности для самихъ благотворителей.—Характеристичные процессы.—Земства грайворонское и вельегонское.—Любопытныя статистическія данныя.—Забавныя недоразумѣнія въ печати.

Москва вступила недавно на путь, по которому, нужно надѣяться, скоро послѣдуютъ за нею другіе наши города, а отчасти и земства. Началось осуществленіе обширнаго плана организаціи общественнаго призрѣнія, составленнаго, по порученію московской городской думы, городской комиссіей о пользахъ и нуждахъ, подъ предсѣдательствомъ гласнаго В. И. Герье, профессора московскаго университета. О главныхъ чертахъ этой организаціи мы уже говорили, когда она еще обсуждалась въ думѣ¹⁾. Москва раздѣлена на участки (на первый разъ—только тридцать четыре; само собою разумѣется, что по мѣрѣ развитія дѣла число это будетъ значительно увеличено); въ каждомъ участкѣ отърывается участковое попечительство, предсѣдатель котораго избирается думой, по предложенію городского головы; участіе въ дѣятельности попечительства можетъ выражаться какъ въ денежномъ вносѣ, такъ и въ исполненіи порученій попечительства или его предсѣдателя. Въ предсѣдатели избраны лица, хорошо извѣстныя Москвѣ; имена ихъ служить ручательствомъ въ томъ, что дѣло будетъ сразу поставлено правильно и прочно. Къ содѣйствію имъ московскій городской голова, К. В. Рукавишниковъ, призываетъ всѣхъ и каждого, справедливо находя, что для всѣхъ найдется работа. В. И. Герье, прочитавъ въ университетѣ лекцію о задачахъ новаго предпріятія, заручился для него сотрудничествомъ учащейся молодежи. Казалось бы, что всему этому можно только радоваться. Потребность въ систематической и разумно-организованной помощи бѣднымъ, особенно въ большихъ городахъ, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; столь же несомнѣнна недостаточность и неудовлетворительность того, что было дѣлаемо и до сихъ поръ дѣлается съ этою цѣлью. Припомнимъ, что именно въ Москвѣ практиковались еще недавно такіе способы благотворенія, какъ раздача, въ опредѣленный день, пятаковъ или гривенниковъ сотнямъ или тысячамъ нищихъ—раздача, разжигавшая дурныя чувства толпы

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 4 „В. Е.“ за 1894 г.

и рѣдко обходившаяся безъ несчастныхъ случаевъ. Припомнимъ, какъ распространено въ Москвѣ—и не въ одной Москвѣ—профессиональное нищенство, направляющее милостыню вовсе не въ тѣ руки, которыя въ ней дѣйствительно нуждаются, и дѣлающее ее, сплошь и рядомъ, поощреніемъ праздности и порока.

Нашлась, однако, газета, которая рѣшилась назвать участковыя попечительства „учрежденіемъ прямо противнымъ духу христіанской религіи, требующей, чтобы всѣ дѣла благотворенія совершались въ вѣденіи и подъ наблюденіемъ церкви“. Участковыя попечительства—вопіеть „Гражданинъ“—„созданы несмотря на протесты многихъ гласныхъ и заявленія *лучшей* (курсивъ въ подлинникѣ) части нашей періодической печати ¹⁾, созданы вопреки требованіямъ здраваго смысла, такъ какъ, разумѣется, было бы гораздо проще и справедливѣе со стороны города оказать поддержку уже существующимъ церковно-приходскимъ попечительствамъ, чѣмъ создавать какое-то отдѣльное отъ церкви свѣтское учрежденіе“. Въ этой прелестной тирадѣ замѣчательно, прежде всего, полнѣйшее незнаніе предмета, о которомъ берется судить газета. Она упрекаетъ городъ за неоказаніе поддержки *существующимъ* церковно-приходскимъ попечительствамъ, между тѣмъ какъ существуютъ-то они въ Москвѣ, изъ *двухсотъ тридцати трехъ* приходоѡ, только въ *сорока двухъ*. Оставаясь на почвѣ *существующаго*, городъ долженъ былъ бы, слѣдовательно, отказать въ своей поддержкѣ болѣе чѣмъ *четыремъ пятымъ* всего населенія. Или, быть можетъ, онъ долженъ былъ бы обратиться къ приходамъ, не успѣвшимъ, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ (считая со времени изданія правилъ о церковно-приходскихъ попечительствахъ), воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, съ предложеніемъ такого рода: откройте поскорѣе у себя попечительства, а мы тотчасъ же дадимъ вамъ средства на веденіе дѣла? Но развѣ можно было бы ожидать плодотворной дѣятельности отъ учреждений, призванныхъ къ жизни по постороннему призыву? Однихъ матеріальныхъ средствъ еще недостаточно; нужна еще энергія, преданность дѣлу, готовность и способность посвятить ему свои силы—а еслибы эти условія вездѣ были на лицо, то вездѣ имѣлись бы, помимо городской инициативы, церковно-приходскія попечительства. Да и помимо этого, развѣ невозможно совмѣстное существованіе попечительствъ церковно-приходскаго и городского участкаго? Дѣла такъ много, что его хватить не только на два учрежденія, но и на гораздо большее ихъ число. Чѣмъ больше силъ, тѣмъ

¹⁾ Хороша, должно быть, эта *лучшая* часть, если солидарной съ нею чувствуетъ себя газета кн. Мещерскаго!!

больше и средствъ; чѣмъ разнообразіе приемы дѣятельности, тѣмъ легче достиженіе цѣли. У церковно-приходскихъ попечительствъ есть, притомъ, своя специальная задача — забота о благолѣпіи церкви, о благосостояніи причта. „Какихъ-то отдѣльныхъ отъ церквей свѣтскихъ учреждений“, посвященныхъ благотворительности, у насъ безчисленное множество. Государство давно уже приняло на себя попеченіе объ общественномъ призрѣніи. Екатерина II-я учредила съ этою цѣлью особые *приказы*; въ послѣдующія царствованія все больше и больше расширялась область государственной благотворительности, къ которой, съ развитіемъ у насъ самоуправленія, присоединилась благотворительность земская и городская, а еще раньше — благотворительность частно-общественная. Газетъ, не стыдящейся тормазить прекрасное предпріятіе московской городской думы, неизвѣстно, повидимому, даже то, что имѣеть, въ настоящемъ случаѣ, рѣшающее значеніе: ей неизвѣстно, что московское городское общественное управленіе, организуя участковыя попечительства о бѣдныхъ, является прямымъ преемникомъ *святскаго* правительственнаго *учрежденія* — комитета призрѣнія нищихъ. Оно не только въ правѣ — оно *обязано* продолжать дѣло, переданное ему правительствомъ... Если свѣтская организація благотворительности существуетъ у насъ болѣе столѣтія, если начинъ ея взяло на себя правительство, никогда не шедшее въ разрѣзъ съ требованіями и правилами церкви, то уже изъ этого одного можно заключить, насколько правъ „Гражданинъ“, провозглашая учрежденіе участковыхъ попечительствъ *противнымъ духу христіанской религіи*. Глубокое отвращеніе возбуждаетъ это самозванное толкованіе божественнаго ученія, эта лицемѣрная попытка создать или раздуть соперничество между двумя вѣдомствами, возводя его на степень религіознаго вопроса. Исполненіе евангельской заповѣди накормить голодныхъ, напоить жаждущихъ, одѣть нагихъ, посѣтить больныхъ, принять странниковъ не приурочено ни къ какимъ опредѣленнымъ формамъ. Черезъ чьи руки проходитъ помощь — это, очевидно, все равно, лишь бы только она дошла по назначенію. Церковная проповѣдь — одинъ изъ могущественныхъ стимуловъ къ благотворительности, церковная организація — одно изъ удобныхъ средствъ къ ея осуществленію; но это не исключаетъ другихъ стимуловъ, другихъ средствъ, и чѣмъ шире предоставляемый имъ просторъ, тѣмъ больше шансовъ, что будетъ исполнена обязанность, лежащая на государствѣ, на всѣхъ общественныхъ группахъ, на всѣхъ отдѣльныхъ лицахъ.

Если попечительства о бѣдныхъ, по возможности многочисленныя, т.-е. по возможности близко придвинутыя къ нуждающимся, распространятся изъ Москвы по всей Россіи и втянутъ въ свои ряды, не только номинально, но и на самомъ дѣлѣ, массу людей изъ доста-

точныхъ и такъ называемыхъ интеллигентныхъ классовъ общества, — они окажутъ серьезную услугу не одному только нуждающемуся населенію. Общественная жизнь — особенно въ глухихъ углахъ Россіи, но далеко не въ нихъ однихъ, — поражаетъ своей безсодержательностью, безцвѣтностью и пустотою. Поднять ея уровень можетъ только оживленіе общественныхъ интересовъ — и, между прочимъ, того изъ нихъ, во имя котораго создадутся попечительства о бѣдныхъ. До какой степени необходимъ такой подъемъ — объ этомъ имѣются по истинѣ ужасающія свидѣтельства, въ видѣ нѣсколькихъ уголовныхъ процессовъ. Таково, на примѣръ, дѣло объ оскорбленіи богодуховскаго (харьковской губерніи) уѣзнаго предводителя дворянства, г. Кованько, г. Зацѣпинимъ, сущность котораго резюмирована „Новымъ Временемъ“ (№ 6733) въ слѣдующихъ словахъ: „ябеды, злые навѣты, взаимныя заушенія и подсиживанья, озлобленное обывательское измышленіе, горы лжи и клеветы... Страсти, злоба, ложь и клевета, точно въ котлѣ смоляномъ кипятъ въ этомъ дѣлѣ“...

Таково, дальше, дѣло г. Ильина („Недѣля“ № 42), бывшаго писмоводителемъ у цѣлаго ряда лукояновскихъ (нижегородской г.) уѣздныхъ предводителей дворянства и обвинявшагося въ многолѣтнихъ противозаконныхъ поборахъ съ волостныхъ старшинъ и волостныхъ писарей. Признавая самый фактъ поборовъ, обвиняемый объяснилъ суду, что они производились съ вѣдома начальства и шли на покрытіе такихъ расходовъ, какъ, напр., завтраки и закуски предводителя и членовъ собиравшихся у него присутствій. На вопросъ предсѣдателя, почему дѣло о поборахъ, продолжавшихся четырнадцать лѣтъ, возникло только на пятнадцатомъ, обвиняемый отвѣчалъ: „во время голоднаго года лукояновскій предводитель Философовъ, а съ нимъ предсѣдатель управы и еще нѣсколько земскихъ начальниковъ, какъ извѣстно, противодействовали нижегородскому губернатору ¹⁾). Земскій начальникъ Бобоѣдовъ былъ за губернатора. Ну, конечно, г. Философовъ и г. Бобоѣдовъ постоянно ссорились, и г. Философовъ не приглашалъ г. Бобоѣдова на мои завтраки... Г. Бобоѣдовъ сердился, я, считая меня сторонникомъ г. Философова, вчинилъ дѣло... Все изъ-за досады, а то ничего бы и не вышло“. Судебная палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, оправдала подсудимаго. „Бываютъ такіе оправдательные приговоры, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу „Недѣля“, — съ которыми не сравнятся самыя строгіе обвинительныя“.

Не менѣе характеристиченъ процессъ бывшаго николаевскаго (самарской губерніи) уѣзнаго предводителя Акимова. Судебная палата, съ

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 5 и Обществ. Хронику въ №№ 6 и 7 „Вѣсти. Евр.“ за 1892 годъ, изъ которыхъ нашимъ читателямъ уже знакомы имена гг. Философова и Бобоѣдова.

участіемъ сословныхъ представителей, сдѣлала ему только строгій выговоръ—но это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что не всѣ факты, приведенные въ статьѣ „Недѣли“ (№ 40), были предметомъ судебного разслѣдованія (обвиненіе было предъявлено только въ неисполненіи предписаній губ. присутствія). Они относятся, болѣею частью, къ дѣятельности николаевского уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ которомъ предсѣдателемъ—и всевластнымъ распорядителемъ—состоялъ г. Акимовъ. На одного изъ волостныхъ старшинъ было введено обвиненіе въ причиненіи истязаній при взысканіи недоимокъ; непремѣнный членъ (не подчинявшійся вліянію г. Акимова) произвелъ дознание, которымъ было вполне удостовѣрено, что недоимщиковъ вали въ сборной избѣ подъ лавку и били ногами; однако, присутствие нашло здѣсь одну только „распорядительность“! Волостной старшина Земинъ обвинялся въ нанесеніи истязаній при исполненіи служебныхъ обязанностей, послѣдствіемъ чего была смерть крестьянина. Присутствіе оставило дѣло подъ сукномъ. То же произошло съ дѣломъ сельскаго старосты и писаря, уличенныхъ въ лихоимствѣ, но освобожденныхъ присутствіемъ по настоянію г. Акимова, усмотрѣвшаго здѣсь только подарокъ... Не продолжаемъ перечня, занимающаго болѣе двухъ столбцовъ „Недѣли“: для нашей цѣли достаточно и вышеприведенныхъ выписокъ. Всевластіе немногихъ и безправіе массы, беззаконія, продолжающіяся годами и обнаруживающіяся, наконецъ, только благодаря случайнымъ ссорамъ, интриги, столкновенія изъ-за чисто личныхъ вопросовъ—всѣ эти отличительныя черты провинціально-чиновныхъ сферъ зависятъ, конечно, отъ причинъ довольно разнообразныхъ и сложныхъ. Несомнѣнно, однако, что одна изъ нихъ—бездѣйствіе ума, погруженнаго въ мелкія дряги, усыпленнаго замкнутостью кружковой жизни. Благодѣтельно, поэтому, все, нарушающее тишь и гладь безконечныхъ будней, все вносящее хоть слабый лучъ свѣта въ вѣковыя сумерки, все возвышающее надъ черстою заботой о своемъ узко-понятомъ матеріальномъ благѣ, слишкомъ часто основывающемся на чужомъ горѣ.

Въ борьбѣ народныхъ интересовъ съ личными инстинктами, общественности съ эгоизмомъ крупная роль принадлежитъ самоуправленію, какъ одной изъ формъ, въ которыхъ личность призывается на служеніе цѣлому. Возможно, конечно, и извращеніе этой роли, возможна эксплуатация самоуправленія въ пользу немногихъ, въ ущербъ цѣлому—но она почти всегда идетъ рука объ руку съ ограниченіями самоуправленія, съ уменьшеніемъ силъ и средствъ, которыми оно располагаетъ. Совершенно понятны, поэтому, какъ слова, сказанныя

недавно гласнымъ В. И. Герье въ московской городской думѣ, такъ и возраженіе, вызванное ими въ „Гражданинѣ“. Благодаря московскаго городского голову, отъ лица думы, за труды, понесенные имъ въ печальные октябрьскіе дни минувшаго года, гласный Герье выразилъ пожеланіе, чтобы дѣятельность г. Рукавишникова „продолжалась съ такимъ же успѣхомъ и на будущее время и чтобы въ новомъ царствованіи городское самоуправленіе не потерпѣло умаленія, а твердо процвѣтало на пользу родного города“... „Странно, очень странно,—замѣчаетъ по этому поводу „Гражданинъ“,—изъ устъ профессора, человѣка, конечно, образованнаго, слышать восхваленія принципу самоуправленія, и когда же? Когда рядъ горькихъ опытовъ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ, въ эпоху 60-хъ и 70-хъ годовъ, показалъ, что самоуправленіе *чаще всего* является самоуправствомъ и почти никогда не отвѣчаетъ справедливымъ желаніямъ лучшей части населенія... Очень странно и очень грустно видѣть, что у насъ находятся еще люди, вѣрящіе въ выборное начало и въ пользу самоуправленія“...

Грусть „Гражданина“ легко объяснима; для торжества порядковъ, ему дорогихъ, дѣйствительно необходимо, чтобы у насъ исчезло и самоуправленіе, и даже вѣра въ его пользу — или, по меньшей мѣрѣ, продолжалось бы то *умаленіе* его, котораго надѣется не увидѣть В. И. Герье. Чѣмъ тѣснѣе кругъ лицъ, изъ котораго выходятъ дѣятели самоуправленія, чѣмъ меньше ихъ самостоятельность, — тѣмъ больше шансовъ, что пользоваться имъ будутъ одни только привилегированные классы, близкіе сердцу „Гражданина“ — или, лучше сказать, одна только наиболѣе привилегированная часть привилегированныхъ классовъ: болѣе крупныя землевладѣльцы — изъ среды дворянъ, болѣе крупныя капиталисты — изъ среды фабрикантовъ и торговцевъ. При дѣйствіи прежняго земскаго положенія едва ли были бы мыслимы такіе факты, какъ сообщаемые „Недѣлей“ (№ 48) относительно послѣдняго грайворонскаго (курской губ.) уѣзднаго земскаго собранія. Дѣла докладывались такъ поспѣшно и такъ неясно, что собраніе, въ виду созвучія словъ *филиальный* и *соціальный*, заподозрило благонадежность филиальныхъ школъ, отклонило ихъ открытіе и только на слѣдующій день, по просьбѣ гласныхъ-крестьянъ, пересмотрѣло свое рѣшеніе и убѣдилось въ своей ошибкѣ. Выслушать докладъ управы о поднятій экономическаго благосостоянія крестьянъ собраніе не пожелало; зато одинъ гласный, помѣщикъ, читалъ свой докладъ объ улучшеніи способовъ веденія сельскаго хозяйства, въ которомъ жаловался на дороговизну рабочихъ рукъ и на излишнюю строгость закона противъ ростовщичества. Въ подтвержденіе своихъ жалобъ онъ приводилъ примѣры изъ

собственной практики: давая нуждающемуся крестьянину зимой пять рублей „подъ отработку“, онъ ставитъ условіемъ за эту цѣну (вмѣсто процентовъ) обработать цѣлую десятину, что стоитъ въ рабочее время 15—25 руб. Настаетъ срокъ; крестьянинъ не соглашается работать за условную плату — а помѣщикъ не можетъ принудить его къ этому на законномъ основаніи, такъ какъ существуетъ слишкомъ строгій законъ о ростовщичествѣ, и самъ же помѣщикъ можетъ явиться отвѣтственнымъ за подобное взиманіе процентовъ. „Но—воскликнулъ докладчикъ,—вы понимаете, что иначе хозяйничать невозможно: мы и такъ хозяйничаемъ въ убытокъ!“ Въ заключеніе докладчикъ предложилъ: 1) организовать при управѣ сельско-хозяйственный комитетъ изъ помѣщиковъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ; 2) установить норму (конечно, минимальную) рабочей платы, выше которой не долженъ платить ни одинъ владѣлецъ, и 3) организовать синдикатъ изъ сельскихъ хозяевъ для поднятія цѣнъ на хлѣбъ. „Хотя постановленіе собранія,—замѣчаетъ корреспондентъ „Недѣля“,—состоялось только по первому предложенію—объ организаціи комитета, но можно себѣ представить направленіе дѣятельности этого комитета, если онъ будетъ руководствоваться указаніями докладчика, между которыми отношеніе къ закону о ростовщичествѣ просто поражаетъ своей наивной откровенностью“. Большую часть докладовъ управы собраніе оставило вовсе безъ рассмотрѣнія. Удивляясь такому отношенію собранія къ основной задачѣ земства, авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: „кажется, вся бѣда здѣсь въ томъ, что эта задача совсѣмъ исчезаетъ и затерявается подъ грудой побочныхъ, наносныхъ задачъ, подъ грудой вслѣсныхъ гневушихъ стѣсненій, подозрѣній и упорныхъ предвзсудеовъ близорукаго невѣжества“...

Не вездѣ, къ счастью, преобразованное земство дѣйствуетъ—или бездѣйствуетъ—на подобіе райворонскаго, но вездѣ оно встрѣчается съ затрудненіями и неблагопріятными условіями. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ корреспонденціи изъ Весьегонска (тверской губерніи; см. „Недѣля“, № 50): „последнее земское собраніе было свидѣтелемъ довольно трогательной картины: прощался съ собраніемъ бывший гласный его, онъ же и членъ управы, Н. И. Кузнецовъ, служившій безъ перерыва въ обѣихъ упомянутыхъ должностяхъ съ 1865 года, т.-е. съ открытія земскихъ учрежденій. Н. И. Кузнецовъ (крестьянинъ) былъ избранъ волостью въ гласные и въ настоящемъ году, по губернской администраціею былъ зачисленнымъ кандидатомъ, и притомъ однимъ изъ послѣднихъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что первымъ кандидатомъ въ гласные оказалось лицо, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ обвинялось въ растратѣ обще-

ственныхъ суммъ, по должности волостного старшины. Простыми словами благодарилъ Николай Ивановичъ весьегонское земство и закончилъ шутилой просьбой: онъ просилъ земское собраніе дать ему свидѣтельство, которымъ бы онъ могъ, являсь въ свою деревню, удостовѣрить, что не земство его уволило. Послѣ рѣчи Николая Ивановича, всѣ гласные, вставъ, раскланялись съ нимъ и единодушно выразили надежду вновь увидать его въ своемъ собраніи. Въ несомнѣнной связи съ этимъ обстоятельствомъ находилось предложеніе гласнаго Ѳ. И. Родичева ходатайствовать чрезъ губернское земское собраніе предъ правительствомъ, чтобы представительство отъ крестьянъ было полное, а не случайное, Собраніе приняло предложеніе г. Родичева⁴. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что съ весьегонскимъ земствомъ согласилось и тверское губернское земское собраніе, возбуждавшее въ послѣдней (декабрьской) сессіи своей, судя по газетнымъ извѣстіямъ, цѣлый рядъ важныхъ ходатайствъ, направленныхъ къ болѣе нормальной постановкѣ земскаго дѣла.

Намъ не разъ уже приходилось выражать сожалѣніе о томъ, что въ печать проникаетъ такъ мало свѣденій о дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ сѣздовъ. Большой интересъ представляли бы даже сухія отчетныя цифры по этому предмету, въ особенности еслибы онѣ имѣлись на лицо для всѣхъ губерній и могли бы быть сопоставляемы и сравниваемы между собою. Около года тому назадъ мы привели, въ одномъ изъ нашихъ обзорнѣй¹⁾, статистическія данныя о дѣятельности земскихъ начальниковъ тверской губерніи и сдѣлали изъ нихъ нѣкоторые выводы, не лишеныя общаго значенія; теперь мы можемъ подтвердить ихъ свѣденіями, относящимися къ тульской губерніи. Въ тверской губерніи, въ 1892 г., волостные суды постановили 879 приговоровъ, присуждающихъ къ тѣлесному наказанію; изъ нихъ утверждено земскими начальниками 609, не утверждено (т.-е. тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ) — 270 (30²/₁₀₀, т.-е. менѣе ¹/₃). Въ тульской губерніи, за тотъ же 1892 г., состоялось 959 приговоровъ волостныхъ судовъ, присуждающихъ къ тѣлесному наказанію. Свѣденія о томъ, какъ отнеслись земскіе начальники къ этимъ приговорамъ, имѣются лишь относительно 724 изъ нихъ; на остальные, по всей вѣроятности, принесены жалобы уѣзднымъ сѣздамъ, или они еще не рассмотрѣны земскими начальниками. Изъ 724 приговоровъ утверждено земскими начальниками 570, не утверждено — 154 (21¹/₁₀₀, т.-е. съ небольшимъ ¹/₅). Итакъ, въ

¹⁾ См. Внутреннее Обзорніе въ № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1893 г.

тульской губерніи тѣлесное наказаніе допускается земскими начальниками еще съ большею легкостью, чѣмъ въ тверской. Въ тульской губерніи, какъ и въ тверской, весьма различно отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ различныхъ уѣздахъ, какъ со стороны самихъ волостныхъ судовъ, такъ и со стороны земскихъ начальниковъ. Абсолютныя цифры приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи колеблются, по уѣздамъ, между 138 (въ ефремовскомъ уѣздѣ) и 18 (въ бѣлевскомъ уѣздѣ); болѣе ста ихъ состоялось еще въ трехъ уѣздахъ (тульскомъ—112, новосильскомъ—108, крапивенскомъ—106), болѣе пятидесяти—въ шести, менѣе пятидесяти—въ одномъ (каширскомъ—47). Отношеніе приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи къ общему числу уголовныхъ приговоровъ составляетъ, въ семи уѣздахъ, отъ 5 до 8⁰/₀, въ четырехъ поднимается выше этой цифры (9¹/₂⁰/₀—въ новосильскомъ уѣздѣ, 10¹/₄—въ ефремовскомъ, 10³/₄—въ чернскомъ, 12¹/₂—въ тульскомъ) и въ одномъ—*бѣлевскомъ*—падаетъ до 2¹/₂⁰/₀. Выше всего процентъ приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи, не утвержденныхъ земскимъ начальникомъ, въ бѣлевскомъ уѣздѣ: 79¹/₂⁰/₀ (11 изъ 14); въ одномъ уѣздѣ (новосильскомъ, 35 изъ 80) онъ составляетъ 44⁰/₀, въ четырехъ—отъ 27 до 20⁰/₀, въ четырехъ—отъ 17 до 14⁰/₀, въ двухъ—менѣе *десяти*: въ венеvскомъ—8⁰/₀ (2 изъ 25), въ крапивенскомъ—6¹/₂⁰/₀ (5 изъ 77)! И въ тульской губерніи, слѣдовательно, между земскими начальниками господствуютъ самые разнообразныя взгляды на тѣлесное наказаніе. Одни не допускаютъ его почти никогда (или даже никогда: въ бѣлевскомъ уѣздѣ, конечно, больше трехъ земскихъ начальниковъ, а исполнено только *три* приговора о тѣлесномъ наказаніи), другіе почти никогда его не замѣчаютъ. Замѣчательно, что единодушіе между волостными судами и земскими начальниками существуетъ, по вопросу о тѣлесномъ наказаніи, далеко не вездѣ. Въ бѣлевскомъ уѣздѣ оно несомнѣнно имѣется на лицо, такъ какъ тѣлесное наказаніе рѣдко тамъ назначается, рѣдко и исполняется; но въ уѣздахъ крапивенскомъ и венеvскомъ, гдѣ тѣлесное наказаніе не замѣняется земскими начальниками почти никогда, волостные суды пользуются имъ довольно умѣренно, а въ новосильскомъ уѣздѣ, гдѣ процентъ замѣны, послѣ бѣлевскаго, самый высокій, приговоры о тѣлесномъ наказаніи постановляются сравнительно часто. Самымъ высшимъ процентнымъ цифрамъ *назначеннымъ* тѣлесныхъ наказаній соответствуютъ, однако, весьма высокія цифры тѣлесныхъ наказаній *исполненнымъ* (уѣзды ефремовскій, чернскій, тульскій). Отсюда позволительно заключить, что если не всегда, то часто образъ дѣйствій волостного суда по этому вопросу отражаетъ собою образъ мыслей земскаго начальнива.

Чрезвычайно любопытны цифры, иллюстрирующія примѣненіе дис-

крещіонной власти земскихъ начальниковъ. Ст. 61 полож. 12 іюля 1889 г. облагаетъ ихъ, какъ извѣстно, правомъ подвергать крестьянъ и мѣщанъ, въ порядкѣ дисциплинарномъ, аресту на время до трехъ дней или денежному штрафу до шести рублей. Въ одномъ уѣздѣ—алексинскомъ—это право остается мертвою буквою: въ 1892 г. арестъ по ст. 61-й былъ назначенъ здѣсь *одинъ* разъ, штрафъ—*ни разу*. Въ другихъ уѣздахъ общее количество взысканій колеблется между 93 (бѣлевскій уѣздъ) и 1.276 (богородицкій уѣздъ), для всей губерніи составляя 3.651. Вообще говоря, денежный штрафъ назначается гораздо чаще, чѣмъ арестъ (всѣхъ случаевъ ареста въ губерніи было 1.008, всѣхъ случаевъ штрафа—2.643); уѣзды, наиболѣе щедрые на штрафы (богородицкій—1.246, одоевскій—489), къ аресту прибѣгаютъ сравнительно рѣдко (30 и 36 разъ). Въ пяти уѣздахъ, однако, число арестованныхъ превышаетъ число оштрафованныхъ, иногда даже болѣе чѣмъ вдвое (врапивенскій уѣздъ—105 и 46, чернскій—159 и 74, новосильскій—266 и 131). На четыре уѣзда (кромѣ трехъ только-что поименованныхъ—еще ефремовскій) приходится почти $\frac{3}{4}$ всѣхъ случаевъ ареста (710 изъ 1.008), на три уѣзда (кромѣ богородицкаго и одоевскаго—еще тульскій)—почти $\frac{3}{4}$ всѣхъ штрафовъ (1.955 изъ 2.643). Нѣсколько меньше, но все же весьма значительна разница между уѣздами по числу дисциплинарныхъ взысканій, наложенныхъ, на основаніи ст. 62 полож. 12 іюля 1889 г., на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Общее число такихъ взысканій было очень велико: арестъ былъ назначенъ въ 980 случаяхъ, денежный штрафъ—въ 736, выговоръ и замѣчаніе—въ 407. Оставляя въ сторонѣ выговоры и замѣчанія, какъ взысканія сравнительно легкія, остановимся только на арестѣ и штрафѣ. Арестъ всего рѣже назначался въ веневскомъ уѣздѣ (29 разъ), всего чаще—въ ефремовскомъ (136 разъ) и одоевскомъ (153 раза); штрафъ—всего рѣже въ каширскомъ уѣздѣ (16 разъ), всего чаще—въ чернскомъ (104 раза) и тульскомъ (143 раза). Общее число взысканій было всего меньше въ веневскомъ уѣздѣ (58), всего больше—въ тульскомъ (232). Лица сельскаго управленія подвергались взысканію гораздо чаще, чѣмъ лица волостного управленія; всѣхъ случаевъ ареста и штрафа на долю первыхъ выпадаетъ 1.375, на долю послѣднихъ (число которыхъ, впрочемъ, гораздо меньше)—371. Изъ числа лицъ волостного управленія не выдѣлены, къ сожалѣнію, волостные судьи; весьма важно было бы установить, какъ часто они привлекались къ дисциплинарной отвѣтственности, потому что цифра взысканій, на нихъ наложенныхъ, могла бы служить отчасти показателемъ независимости волостныхъ судовъ.

Итакъ, въ области дискреціонной власти земскихъ начальниковъ

мы встрѣчаемся съ тѣмъ же характернымъ фактомъ, какъ и въ области примѣненія тѣлесныхъ наказаній: съ крайнимъ разнообразіемъ, доходящимъ иногда до полной противоположности. Если въ одномъ уѣздѣ случаи исполненныхъ тѣлесныхъ наказаній считаются десятками, иногда весьма крупными, а въ другомъ, совершенно аналогичномъ по условіямъ быта и составу населенія—единицами, если въ одномъ уѣздѣ административныя кары пускаются въ ходъ на каждомъ шагу, а въ другомъ—не употребляются почти никогда, то это прямо приводитъ къ заключенію, что дѣйствіями власти руководить, въ обѣихъ категоріяхъ случаевъ, личный взглядъ и вкусъ, а не необходимость, коренящаяся въ самой сущности дѣла. Интенсивность репрессіи не одинакова, конечно, и въ общихъ судахъ, но едва ли здѣсь можно встрѣтить такое явленіе, чтобы наказаніе, процвѣтающее по сю сторону рѣки или иной пограничной линіи, составляло по ту сторону ея величайшую рѣдкость, чтобы жители одного берега въ тысячу разъ чаще оказывали неповиновеніе начальству, тѣмъ ближайшіе ихъ сосѣди съ того берега. Общіе суды—да и земскіе начальники, въ тѣхъ дѣлахъ, которыя подвѣдомственны имъ какъ судьямъ,—имѣютъ передъ собою опредѣленныя преступленія и опредѣленныя наказанія: отсюда невозможность слишкомъ рѣзкихъ контрастовъ, совершенно неизбѣжныхъ, наоборотъ, при такомъ просторѣ въ выборѣ наказанія, какой предоставленъ земскимъ начальникамъ статью 29-ю временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, и при такой свободѣ въ установленіи границъ наказуемаго и ненаказуемаго, какая создана для нихъ статью 61-ю положенія 12-го іюля 1889 г. Если въ одномъ уѣздѣ тѣлесное наказаніе составляетъ величайшую рѣдкость, въ другомъ—стоитъ à l'ordre du jour, то это значить, что вопросъ о замѣнѣ или не-замѣнѣ тѣлеснаго наказанія разрѣшается земскими начальниками не столько на основаніи свойствъ проступка или личныхъ качествъ осужденнаго, сколько въ силу личнаго пристрастія или отвращенія къ данной карательной мѣрѣ—а отъ такого случайнаго факта не должна зависѣть судьба цѣлой категоріи лицъ, далеко не малочисленной. Если въ алексинскомъ уѣздѣ земскіе начальники, кромѣ одного, вовсе не прибѣгаютъ къ пользованію дискреціонной властью, да и одинъ, составляющій исключеніе, обратился къ ней только однажды, то нельзя же допустить, чтобы ихъ сосѣди—напр., въ тульскомъ уѣздѣ—нѣсколько сотъ разъ въ году были вынуждены назначать, безъ суда, то арестъ, то денежный штрафъ. Тѣ же алексинскіе земскіе начальники, для которыхъ ст. 61-ая какъ бы не существовала, не очень часто, но и не рѣдко пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ ст. 62-ю, т.-е. налагали дисциплинарныя взысканія на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія (всего 79 разъ:

54 раза арестъ, 25 разъ — денежный штрафъ). Почему? Потому что въ области служебныхъ отношеній дисциплинарное взысканіе не составляетъ такой аномаліи, какъ въ области частной жизни. Дисциплинарной власти начальника подлежитъ, въ большей или меньшей степени, всякій служащій, и не только у насъ, но и во всей Европѣ, — а такая дискреціонная власть надъ населеніемъ, какая установлена ст. 61-ю, есть нѣчто совсѣмъ особенное, распространяющееся, притомъ, только на крестьянъ и мѣщанъ. Безъ нея обходились прежде — и примѣръ алексинскаго уѣзда удостовѣряетъ, что безъ нея можно обойтись и теперь. Столь же ясно, съ другой стороны, что дойти до такихъ громадныхъ цифръ, какъ въ уѣздахъ одоевскомъ и богородицкомъ, число административныхъ каръ можетъ только тогда, когда ст. 61-ой дается распространительное толкованіе, съ цѣлью регламентаціи или муштровки всѣхъ сторонъ крестьянской жизни ¹⁾).

Кстати о ефремовскомъ уѣздѣ, превышающемъ всѣ остальные по абсолютному и почти всѣ — по относительному числу назначенныхъ тѣлесныхъ наказаній. Вотъ что пишутъ отсюда въ „Недѣлю“ (№ 50): „Земскій начальникъ Миллеръ избилъ мѣстнаго крестьянина Воробьева кулаками по лицу, и тульская губернская администрація назначила по этому дѣлу слѣдствіе, которое подтвердило фактъ побоевъ. Тогдашній губернаторъ не оставилъ дѣла втунѣ и сдѣлалъ земскому начальнику Миллеру строгій выговоръ. Слѣдствіе велось гласно, при волости, чиновникомъ губернаторской канцеляріи и произвело благотворное впечатлѣніе на всю округу: мужики видѣли, что кулачная расправа не поощряется губернаторомъ. Недавно земскій начальникъ вызвалъ къ себѣ въ камеру сельскаго старосту д. Козловки Гаврилу Алекс. Грибкова и избилъ его жестоко по лицу, приговаривая, что бьетъ за то, что мужики не живутъ мирно съ помѣщикомъ. Избитый мужикъ подалъ жалобу губернатору и прокурору московской судебной палаты. Можно надѣяться, что и на этотъ разъ тульская губернская администрація столь же твердо вступится за крестьянъ“. Не вполне вѣроятнымъ, въ этомъ разсказѣ, кажется намъ только одно: назначеніе, за *доказанные* побои, такого легкаго взысканія, какъ выговоръ. Нужно полагать, что болѣе серьезныя послѣдствія будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, повтореніе того же проступка (если, конечно, фактъ нанесенія побоевъ Грибкову подтвердится при разслѣдованіи)... За мѣчательнъ, въ случаѣ съ Грибковымъ, самый поводъ къ нанесенію побоевъ. Къ числу обязанностей сельскаго старосты никто еще до сихъ поръ не относилъ побужденіе или понужденіе односельцевъ къ „мирной жизни“ съ помѣщикомъ...

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 6 „В. Европы“ за 1894 г.

Удивительныя толкованія приходится, иногда, встрѣчать въ газетахъ по поводу самыхъ простыхъ и ясныхъ заявленій такъ называемой либеральной печати. Изъ того, что послѣдняя стоитъ, между прочимъ, за улучшеніе положенія инновѣрцевъ и инородцевъ, одна мало извѣстная петербургская газета, удостоившаяся за это одобренія „Московскихъ Вѣдомостей“, дѣлаетъ слѣдующій неожиданный выводъ: наши „передовые мыслители“ *хлопочутъ о льготахъ и вольностяхъ для всѣхъ, кромя русскихъ* (11). Дальше этого неумѣнье или нехотѣнье понимать противника идти не можетъ. „Либераловъ“ часто упрекали въ избыткѣ, въ неумѣренности пожеланій, относящихся одинаково ко всѣмъ русскимъ гражданамъ, безъ различія происхожденія, языка и вѣры — но обвиненія ихъ въ *отсутствіи пожеланій* (и соответствующихъ имъ „хлопотъ“) намъ до сихъ поръ еще не приходилось слышать... Другое забавное недоразумѣніе — не знаемъ, вольное или невольное — это попытка обнаружить нѣчто въ родѣ союза между „Вѣстникомъ Европы“ и... „Гражданиномъ“, „стоящими на одной почвѣ“, хотя и „глядящими въ разныя стороны“ („Новое Время“, № 6750). Что же это за почва, общая намъ съ „Гражданиномъ“? Это—признаніе, что крестьянское хозяйство, а слѣдовательно и народное благосостояніе, нельзя считать цвѣтущимъ. Такого признанія въ статьѣ „Гражданина“ („Дневникъ“ въ № 341), послужившей поводомъ къ параллели, вовсе нѣтъ; тамъ сказано, наоборотъ, что съ нашимъ мнѣніемъ объ экономическомъ ослабленіи Россіи *можно спорить*—и правильность его только *допущена*, для удобствъ дальнейшей полемики. Положимъ, однако, что „Гражданинъ“ согласился съ нами относительно *существованія* того или другого факта; не ясно ли, что этимъ ни на минуту не устанавливается единодушіе въ *оцѣнкѣ* факта и, главное, въ практическомъ *заключеніи* изъ него? А вѣдь въ этомъ все дѣло. Если изъ трехъ публицистовъ одинъ станетъ говорить: „крестьяне обѣднѣли — ergo, ихъ нужно поставить подъ строжайшую опеку власти“; другой: „крестьяне обѣднѣли—ergo, въ нихъ нужно развить духъ самостоятельности и предприимчивости, освободивъ ихъ отъ опеки“; третій: „крестьяне вовсе не обѣднѣли — ergo, нѣтъ надобности усиливать опеку надъ ними“,—то не ясно ли, что второй окажется гораздо ближе къ третьему, несмотря на различіе исходныхъ точекъ, чѣмъ къ первому, несмотря на ихъ совпаденіе?

До крайности слабы доводы, которыми „Новое Время“ старается опровергнуть наше мнѣніе о пониженіи экономическаго благосостоянія народной массы. Тутъ есть и ссылка на цвѣтущее состояніе финансовъ, заранѣе предусмотрѣнная нами и не требующая дальнѣйшихъ возраженій; тутъ фигурируетъ и ростъ крестьянскихъ вела-

довъ въ сберегательныя кассы, какъ будто бы обогащеніе немногихъ не можетъ идти рука объ руку съ обѣднѣніемъ большинства;—и увеличеніе числа образованныхъ людей, вышедшихъ изъ крестьянъ, какъ будто бы эти образованные люди всѣ возвращаются въ среду крестьянства и способствуютъ его умственному и матеріальному подъему;—и развитіе народной литературы, какъ будто бы ее создаетъ самъ народъ, въ часы досуга;—и покупка земли крестьянами, какъ будто бы покупателями бывають именно наиболѣе нуждающіеся въ землѣ;—и быстрый ростъ населенія, какъ будто бы исторію не доказана полнѣйшая его совмѣстимость съ экономическимъ упадкомъ. Намъ спрашиваютъ, гдѣ тотъ моментъ, съ которымъ мы сравниваемъ настоящее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ: мы сравниваемъ настоящее съ тѣмъ недавнимъ прошлымъ, о которомъ есть болѣе или менѣе точныя свѣденія—съ семидесятыми и восьмидесятыми годами, къ которымъ относится большая часть земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Чтобы убѣдиться въ правильности нашего общаго вывода, достаточно припомнить, какъ быстро увеличивается число безземельныхъ и безлошадныхъ крестьянъ, какъ быстро растутъ арендныя цѣны, какъ быстро уменьшается средняя величина надѣла на наличную душу, какъ медленно измѣняется строй и ходъ крестьянскаго хозяйства... Намъ говорятъ, что еслибы народъ обѣднѣлъ, онъ не могъ бы сознать все больше и больше неудовлетворительность своего положенія. Почему же нѣтъ, если жизнь создаетъ новыя потребности, распространяющаяся грамотность развиваетъ привычку къ размышленію, а между тѣмъ къ хронической нуждѣ присоединяется острая, вслѣдствіе неурожаевъ?.. Мы вовсе не принадлежимъ къ числу пессимистовъ, но оптимизмъ кажется намъ законнымъ и безопаснымъ только тогда, когда съ надеждами на будущее онъ не соединяетъ иллюзій относительно настоящаго.

Обращаясь къ нашему мнимому союзнику—„Гражданину“, мы считаемъ возможнымъ отвѣтить только на одно изъ его обвиненій. Въ нашей характеристикѣ послѣднихъ лѣтъ царствованія имп. Александра II-го „Гражданинъ“ усмотрѣлъ „несообразность“, „парадоксъ“ и даже „отсутствіе здраваго смысла“. Тѣ самые факты, которыми мы опровергаемъ ходячее мнѣніе о „безвластїи“ правительства въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, подтверждаютъ, если вѣрить „Гражданину“, „самопораженіе правительства Александра II-го“. „Идя отъ уступки къ уступкѣ и испытывая въ жизни рововыя послѣдствія этихъ уступокъ, это правительство пришло, наконецъ, къ минутѣ, когда ему показалось, что спасенія нѣтъ для власти много, какъ посредствомъ экстраординарныхъ мѣръ, посредствомъ диктаторовъ и комитетовъ, въ пользу которыхъ нужно, для спасенія

Россіи, отобрать отъ самодержавной власти часть ея правъ и передать имъ... Это былъ уже крупный шагъ правительства къ самопораженію, послѣ котораго совершенно логически слѣдовало ожидать передачи этихъ частей самодержавія отъ какого-нибудь одного лица — собранію, что и близко было къ осуществленію, а дѣлавшіе эти шаги не подозревали, что устраивать диктатуру для усиленія власти одного—это совершенно однородное покушеніе на самодержавіе, какъ и устройство представительства^а. Отъ значительной части этихъ соображеній нашъ противникъ, безъ сомнѣнія, воздержался бы, еслибы сумѣлъ замѣтить, что положеніе 14-го августа 1881 г. (объ усиленной и чрезвычайной охранѣ) ничѣмъ, съ занимающей его и насъ точки зрѣнія, не отличается отъ Высочайшаго указа 5-го апрѣля 1879 г., увеличившаго число генералъ-губернаторовъ и снабдившаго ихъ чрезвычайными правами и полномочіями. И тамъ, и тутъ нѣкоторыя функціи самодержавной власти одинаково передаются ею избраннымъ довѣреннымъ лицамъ; и тамъ, и тутъ, самодержавная власть, несмотря на передачу этихъ функцій, остается неприкосновенной, потому что отъ нея зависитъ во всякое время взять ихъ назадъ, уменьшить ихъ или ограничить, отозвать всѣхъ тѣхъ, кому онѣ предоставлены. Неприкосновеннымъ, по той же причинѣ, самодержавіе осталось и послѣ учрежденія верховной распорядительной комиссіи, самъ начальникъ которой, притомъ, успѣшилъ предложить и провести ея закрытіе (6-го августа 1880 г.), какъ только ему показалось, что она исполнила свое призваніе... Хотя исторія „диктатуры сердца“ до сихъ поръ еще остается ненаписанной, пора, наконецъ, перестать твердить сказку о намѣреніи ея передать собранію ту или другую долю самодержавной власти. „Гражданинъ“ не можетъ не знать, что вовсе не таковъ былъ планъ гр. Лориса-Меликова, оставшійся безъ исполненія вслѣдствіе катастрофы 1-го марта... Мы продолжаемъ утверждать, что ровно ничего изъ своей *власти* правительство императора Александра II-го не *уступало* и что говорить о его безсиліи, отсутствіи или „самопораженіи“ (!) можетъ только тенденціозная легенда...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФРЕБЕЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ СОДѢЙСТВІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ВОСПИТАНІЮ.

Воззваніе къ матерямъ.

1-го октября 1893 года открылся первый народный дѣтскій садъ (Пески, 6-я Рождественская ул., д. № 22) съ комплектомъ 30 дѣтей отъ 4—7 лѣтнаго возраста. Дѣти, посѣщающія садъ, принадлежатъ къ самому бѣдному населенію столицы, и Фребелевскому Обществу, учредившему этотъ садъ на очень скудныхъ средства, приходится отказывать многимъ желающимъ, за неимѣніемъ ваканцій. Между тѣмъ такіе дѣтскіе сады необходимы повсюду, во всѣхъ частяхъ столицы, всюду, гдѣ есть бѣдныя дѣти.

Какъ счастливы тѣ матери, которыя могутъ воспитывать своихъ дѣтей вполне правильно въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, и какъ различно ихъ положеніе отъ положенія бѣдныхъ труженицъ, уходящихъ съ отказомъ изъ перваго дѣтскаго сада и уводящихъ своихъ малютокъ, принужденныхъ оставаться на улицѣ, пока ихъ матери находятся на работѣ.

Еслибы всѣ эти счастливыя матери, обладающія средствами, подумали о бѣдныхъ матеряхъ поденщицахъ и пожертвовали на благое дѣло хотя бы по одному рублю, то это дало бы возможность Обществу открыть нѣсколько дѣтскихъ садовъ въ различныхъ частяхъ города.

Желающіе внести этотъ рубль могутъ адресовать свое пожертваніе: Предсѣдательницѣ Общества П. К. Раухфусъ, Дѣтская Больница Принца Ольденбургскаго; Вице-Предсѣдательницѣ Э. М. Шаффе, Васильев. Остр., 5 лин., № 16; О. С. Клоковой, Б. Итальянская, № 29; П. Г. Васильеву, Горсткаина, № 6; О. А. Энденъ, Захарьевская, № 31, и Л. Н. Ватсонъ, Пушкинская ул., д. № 18.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. Н. Янжула. Промысловые синдикаты как предпринимательские союзы для регулирования производства, преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. Сиб., 1895. Стр. XI + 459.

Обширное исследование проф. Н. Н. Янжула касается одного из важнейших и интереснейших вопросов современной промышленной жизни. Союзы предпринимателей для регулирования производства дают начало новой экономической организации, которая, по мнению некоторых писателей, может служить переходною ступенью къ сосредоточенію главных отраслей народнаго хозяйства въ рукахъ государственной власти. Почтенный авторъ изучалъ эти предпринимательскіе союзы въ странѣ наибольшаго ихъ развитія и распространенія, — въ Соединенныхъ Штатахъ, куда они възникли, отчасти специально съ этою именно цѣлью, по порученію министерства финансовъ, во время всемірной выставки въ Чикаго. Въ обстоятельномъ введеніи и въ первыхъ двухъ главахъ сообщаются свѣдѣнія о характерѣ и значеніи синдикатовъ вообще и о развитіи ихъ въ Европѣ и отчасти въ Россіи; дальнѣйшія пять главъ посвящены исключительно Америкѣ, а въ послѣдней, заключительной главѣ изложены общіе выводы по вопросу объ отношеніи государства къ предпринимательскимъ союзамъ. По словамъ проф. Н. Н. Янжула, «промысловые синдикаты представляютъ собою не продуктъ частнаго произвола, какъ думаютъ некоторые экономисты, а лишь необходимый выводъ, логическое послѣдствіе изъ всей экономической исторіи человѣчества и его современнаго строя. Уничтожить ихъ невозможно и немисливо въ такой же степени, какъ откинуть всю прошлую исторію культуры; поэтому остается частному лицу — ихъ изучать и исследовать, а государству — по возможности регулировать, въ интересахъ общаго блага». Мы будемъ еще вѣроятно имѣть случай поговорить болѣе подробно о поучительной книгѣ проф. Янжула.

Отъ ума и познанихъ. Пип. Тона, 2-ое изданіе. Переводъ съ французскаго, исправленный и доведенный по послѣднему изданію подлинника, п. р. Н. Н. Страхова. Сиб. 1894. Стр. 542. Ц. 3 р.

Какъ объясняетъ самъ Тонъ въ своемъ предисловіи, настоящій его трактатъ, плодъ усиленнаго труда цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ, есть не болѣе, какъ только первая часть «общей психологіи», обнимающая одну теорію человѣческаго ума; для ея повеленія было бы необходимо еще такое же исследование теоріи человѣческой воли. «Изучающій человѣка, — говоритъ Тонъ, — и изучающій людей, психологъ и историкъ, при различныхъ точкахъ зрѣнія, имѣютъ однакоже одинъ предметъ въ виду... Надо изучить психологію гурталовъ, чтобы понять англійскую революцію 1649 г., психологію якобинца, чтобы понять французскую революцію 1789 года... Дѣло всегда идетъ о томъ, чтобы описать чело-вѣческую душу или общія черты некоторой естественной группы человѣческихъ душъ; и то, что историки дѣлаютъ относительно прошедшаго, великіе романисты и драматурги дѣлаютъ относительно настоящаго». Наши читатели имѣли среди собою подробное исследование такого примѣненія психологическаго метода къ исторіи

въ статьяхъ проф. В. П. Герье, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книгахъ журнала за истекшія годы: «Пип. Тонъ въ исторіи якобинцевъ». Ручательствомъ за достоинство русскаго перевода служитъ имя лица, взявшаго на себя редакціонный трудъ.

Всегощая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новейшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскіхъ ученыхъ въ литературѣ, п. р. В. Ф. Корша. Вып. 1. Стр. 160.

Новое изданіе труда, предпринятое бывшимъ редакторомъ «Сиб. Вѣдомостей» 60-хъ годовъ, приведено къ окончанію уже послѣ его смерти. При его первоначальномъ изданіи мы не разъ отдавали отчетъ объ этомъ полезномъ въ весьма обстоятельно выполненномъ предпріятіи; потребность въ немъ указываетъ появленіемъ новаго изданія. Оно по прежнему выходитъ особыми выпусками, вѣроятно съ цѣлью сохранить за нимъ общедоступность цѣны.

Русскія путешествія и изслѣдованія. Путешествіе по Туркестану, Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Лавиной. Сиб. 1895. Стр. 267.

Несмотря на коммуністическій характеръ подобнаго труда, при помощи его дѣлаются, однако, общедоступными результаты обширныхъ и цѣнныхъ изданій нашихъ путешественниковъ и изслѣдователей. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены два путешествія по Туркестану, вышедшему для насъ, кромѣ общаго интереса, вызываемаго особенностями природы и культуры населенія этого края, также и политическое значеніе, въ виду нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Для облегченія читателей, описанію жизни и самыхъ путешествій Сѣверцова и Федченки предпослано введеніе съ характеристикою въ общихъ чертахъ самой природы Туркестана и его населенія, а въ концѣ книги приложено картъ, примѣненная къ настоящему изданію.

Древняя исторія народовъ Востока, Ж. Масперо. Перев. съ 4-го франц. изданія. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895. Стр. 715. Ц. 3 р.

Авторитетное имя французскаго ученаго, знатока исторіи древняго Востока, оправдываетъ вполне намѣреніе издателя сдѣлать его трудъ доступнымъ и у насъ, гдѣ школа въ рѣдкихъ случаяхъ даетъ солидное знакомство съ главными иностранными языками. Книга Масперо содержитъ въ себѣ исторію древнѣшаго Востока, начиная отъ первобытныхъ фактовъ населенія народовъ по юго-восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря и до политическаго ихъ объединенія въ формѣ македонской монархіи. Огромное большинство читателей по отношенію къ этому отдаленному періоду исторіи чело-вѣчества остается навсегда при тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ, какими снабжаютъ всѣхъ насъ историческіе учебники въ школьный періодъ нашей жизни, да и отъ этихъ свѣдѣній остается въ памяти весьма немногое — отрывочные факты, нѣсколько собственныхъ именъ; книга Масперо, благодаря поузловости изложенія, не только возвращаетъ читателя къ этой темной эпохѣ, но и вызываетъ къ ней интересъ. Русскій переводъ изданъ подъ редакціей М. П. Щелкина и Н. А. Вернера.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „
За границы, въ госуд. почтов. союзу . . .	10 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вышего разсрочки годовой подписки на журналъ, подписки по годамъ: въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ 1-го января открыта подписка на годъ; полугодіе и первую четверть 1895 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Рикера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасни на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія лин. *Иногородные и иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журн. Спб., Галернал, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилию съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства и съ названіемъ ближайшаго къ почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія — самое мѣстожителство подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена въ Контору журнала одновременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переезжающіе въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, подписка была слѣзана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почт. Департамента, *не позволено* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* на возмездіе журналы высылаются Конторою только гдѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ водилъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галернал, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1895.

- I.—СТИХОТВОРЕНИЯ. — I. Ночь на Рождество. II. Слѣва земной. III. Ст-
мерки надъ Пнаторой. — Вл. С. Соловьева
- II.—ХОДОКЪ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть первая: XVII-XXXII. — П. Д.
Боборыкина
- III.—ИНСТИТУТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
—Игр. А. Иванова
- IV.—СЛЕТЫЯ. — Повесть. — II. — Окончаніе. — С. Фединина
- V.—ПРОМЫШЛЕННЫЕ СИНДИКАТЫ. — Вл. Бирюковича
- VI.—ИСКРА БОЖІЯ. — Повесть. — Съ итальянскаго. — I-III. — Эд. Оржешко
- VII.—А. В. ДРУЖИНИНЪ. — 1824-1864 гг. — III-IX. — Окончаніе. — С. Венгерова
- VIII.—ГОСТЬ ИЗЪ АЛЬТРУРИИ. — A Traveller from Altruria, by W. Howells. — VII-
XII. — Окончаніе. — А. Б-г
- IX.—ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЗАКОННОСТИ. — II-IV. — Окончаніе. — Л. З. Слоним-
скаго
- X.—СТИХОТВОРЕНИЯ. — I-V. — К. Салаври
- XI.—ВОДВОРЕНІЕ НОВЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ФОРМЪ. — Первая половина.
XVIII-го вѣка. — Повесть, драма, лирика. — А. Н. Пышина
- XII.—ХРОНИКА. — Государственная роспись на 1895 годъ. — 0.
- XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Пріемъ представителей всѣхъ сословій въ Зим-
немъ дворцѣ, 17 и 18 января. — Именной указъ 13 января. — Проектъ русско-
освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ на содержаніе мѣстныхъ
управленій. — Сессія сельско-хозяйственнаго совѣта. — Перебѣда въ управ-
леніи министерства путей сообщенія. — Поправка
- XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политическая дѣятельность П. К. Герса .
офиса за границей и у насъ. — Мировое и воинственный патриотизмъ
— Забѣчанія г. Татищева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. — Президентскій кри-
зисъ во Франціи. — Новое министерство въ Венгріи. — Перебѣда кабинета въ
Греціи. — Армянскій вопросъ въ Турціи. — Японскія побѣды надъ Китаемъ .
- XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Антоній Радвиловскій, живо-русскій пропе-
дникъ XVIII-го вѣка, М. Марковского. — Извѣстія Восточно-Сибирскаго От-
дѣла, т. XXV. — Объявленіе Троицкосавско-Благовѣнскаго отдѣленія При-
амурскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общества. — Якутскіе рассказы, В. Шромен-
скаго. — Т. — Стихотворенія Ек. Бекетовой, посмертное изданіе. — Л. — Новыя
книжки и брошюры
- XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. La Politique, par Charles Be-
noist. — II. Gedichte von M. Lermontoff, im Verfass des Originals, von
Fr. Fiedler. — В.
- XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ на-
тавскомъ и московскомъ земствѣ. — Предубѣжденія, могущія помѣшать се-
дальнейшему движенію. — Столѣтняя годовщина дня рожденія Грибоедова .
- XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — I. Изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія
нуждающимся литераторамъ и ученикамъ. — II. Воззваніе о пожертвованіи въ
сооруженіе памятника Императору Петру Великому въ г. Таганрогѣ . .
- XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Государственное право важнейшихъ евро-
пейскихъ государствъ, А. Д. Градовскаго. — Основныя моменты въ развитіи
новой философіи, П. Я. Грота. — Земля, Эл. Рекавъ, вып. 1. — Эгоизмъ, рр.
Дж. Мердита. — Историко-философскіе взгляды, П. Карьева. — Положеніе
надзоръ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ. — Малозна-
комыя, А. Жемпева
- XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ — I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1895 г.
(См. подробности о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО.

Пусть все поругано вѣдами преступленій,
Пусть незапятнаннымъ ничто не сбереглось,
Но совѣсти укоръ сильнѣе всѣхъ сомнѣній,
И не погаснетъ то, что разъ въ душѣ зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Не даромъ средь людей явился Богъ;
Къ землѣ не даромъ Небо прильонилось,
И распахнулся вѣчности чертогъ.

Въ незримой глубинѣ сознанья мірового
Источникъ истины живетъ не заглушёнъ,
И надъ руинами позора вѣкового
Глаголъ ея звучить, какъ похоронный звонъ.

Родился въ мірѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнуть тьмою,
Но свѣтитъ онъ во тьмѣ, гдѣ грань добра и зла.
Не властью внѣшнею, а правдою самою
Князь вѣка осужденъ, и всѣ его дѣла.

II.

САЙМА ЗИМОЙ.

Вся ты закуталась шубой пушистой,
 Въ снѣ безмятежномъ затихнувъ, лежишь.
 Вѣетъ не смертью здѣсь воздухъ лучистый,
 Эта прозрачная, бѣлая тишь.

Въ невозмутимомъ покоѣ глубокомъ,
 Нѣтъ, не напрасно тебя я искалъ.
 Образъ твой тотъ же предъ внутреннимъ окомъ,
 Фея-владычица сосенъ и скалъ!

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
 Ты многодумна, какъ зимняя ночь,
 Вся ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
 Темнаго хаоса свѣтлая дочь!

III.

СУМЕРКИ НАДЪ ИМАТРОЙ.

Шумъ далекій водопада
 Раздается черезъ лѣсъ,
 Вѣетъ тихая отрада
 Изъ-за сумрачныхъ небесъ.

Только бѣлый сводъ воздушный,
 Только бѣлая земля...
 Сердце смолкнуло послушно
 И забыло про себя.

Неподвижная отрада,
 Все слилось какъ бы во снѣ...
 Шумъ далекій водопада
 Раздается въ тишинѣ.

Владимиръ Соловьевъ.

ХОДОКЪ

Романъ въ трехъ частяхъ.

XVII *).

Ресторанъ — какъ часто въ концѣ перваго — былъ полонъ. Таманцевъ прѣехалъ нарочно попозднѣе. Онъ условился съ однимъ господиномъ встрѣтиться тутъ, и тотъ предупреждалъ его, что, быть можетъ, опоздаетъ минутъ на десять, много на четверть часа.

Все такъ же, какъ и два года назадъ, два швейцара встрѣтили его. Первый отворилъ наружную дверь въ сѣни, второй принялъ его шубу въ буфетной комнатѣ, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ лежали военныя фуражки, шляпы и мѣховыя шапки. Тутъ же, за единственнымъ накрытымъ столомъ, завтракало семейство французовъ — сѣдбующій, лысый брюнетъ и его дама, очень криво одѣтая, съ подведенными глазами — похожая на актрису.

Вдоль всѣхъ трехъ комнатъ ресторана медленно прохаживался хозяинъ, въ короткой визиткѣ, и другой молодой французъ, въ бѣлой курткѣ и беретѣ. Татары-лакеи сновали, всѣ бритые, и перекидывались между собою гортанными звуками, дробно и какъ будто сердито.

По всему ресторану, съ его огромными окнами, выходящими на Морскую, расходился гулъ разговоровъ. Отъ одного стола — налѣво отъ прохода — доносился болѣе громкій разговоръ, и чей-то мужской рѣзкій, гнусавый голосъ пускалъ звуки, которые прозывали общій гулъ.

*) См. выше: январь, стр. 101.

За многими столами сидѣли военные, больше молодежь, въ парадной формѣ. Виднѣлись и два-три мундира чиновниковъ, въ лентахъ и крестахъ. И еще прибывалъ должностной народъ съ какихъ-то важныхъ похоронъ.

— *Voici une place*,—указалъ Таманцеву „шефъ“ въ бѣломъ беретѣ на столъ въ углу, справа, въ третьей комнатѣ.—*Monsieur est seul?*

— *J'attends quelqu'un*,—отвѣтилъ Таманцевъ, протирая глаза, мокрые отъ свѣжной крупы. Онъ морщился и отъ того воздуха, которымъ пахнулъ на него этотъ ресторанъ съ его обычными посѣтителями, съ противными для него лицами.

Садясь справа, онъ оглянулся пристально.

Все—по прежнему. Но сегодня, по случаю парадныхъ похоронъ, этотъ ресторанъ имѣлъ „архипетербургскую“ фizioномію. Стоило Таманцеву взглянуть въ тѣхъ, кто наполнялъ его, чтобы почувствовать, какъ ему точно что подступило въ горлу.

Два года тому назадъ онъ не испытывалъ этого. Не то чтобы ему было особенно пріятно и тогда видѣть разныхъ „хлыщей“, и военныхъ, и статскихъ. Онъ и прежде тяготился Петербургомъ, но когда попадалъ вотъ сюда, откуда когда-то Щедринскіе „Феди Кротиковы“ получали высшія назначенія въ провинцію, онъ такъ не отдѣлялъ себя отъ всего этого люда, не чувствовалъ стѣны, которая теперь несомнѣнно выросла между нимъ и обычными посѣтителями ресторана.

Громкій разговоръ, за столомъ напротивъ него, но по другую сторону прохода, заставилъ его повернуться туда.

Его даже бросило слегка въ краску. Вѣдь этотъ именно столъ послужилъ главнымъ толчкомъ его бѣгства въ деревню.

Конечно!

И теперь сидятъ тѣ же самые „habitues“. Двоихъ онъ встрѣчалъ въ обществѣ и даже кланялся съ ними. Можетъ быть, они уже узнали его. Но онъ не желаетъ ихъ узнавать—и подходить въ нимъ, здороваться—не будетъ.

Оба—дѣлцы высшаго разбора. Одинъ—заводчикъ, другой—подрядчикъ—и оба биржевые спекуляторы, готовые на все. Одинъ похожъ на гостинодворца изъ голландской линіи, молодится, извѣстенъ своимъ эротизмомъ; другой—съ наружностью трактирщика—дерзкій и хищный маклакъ, уже въ миллионныхъ дѣлахъ.

Вотъ такъ же сидѣлъ онъ и завтракалъ. И они оба съ своими пріятелями, крупными чиновниками, говорили, спорили и смѣялись на весь ресторанъ, не обращая ни на кого вниманія.

Голодь уже былъ признанъ тогда и въ официальныхъ сфе-

рахъ. И что же? Кто-то подсѣлъ къ нему изъ ресторанныхъ шелопаевъ и, захлебываясь, сталъ—указывая на обоихъ биржевиковъ—говорить ему про ихъ послѣдній подвигъ.

— Mais un coup, cher, un coup de génie!

— Что-жъ такое?—спросилъ онъ равнодушно, потому что и тогда относился брезгливо къ подобнымъ дѣльцамъ.

— Въ двое сутокъ нажили сто тысячъ.

— Въ карты что-ли кого обработали?

— Vous n'y êtes pas! Они играли на пониженіе нашей валюты и купили англійскихъ фунтовъ, предвидя, какъ полетитъ нашъ курсъ отъ послѣднихъ пріятныхъ извѣстій изъ провинціи. А? Каково?

И тогда онъ вѣско и убѣжденно выговорилъ вслухъ:

— Вотъ кого бы я сейчасъ повѣсилъ!

Шелопай засмѣялся и, отходя отъ его стола, сдѣлалъ ему ручкой.

И оба эти джентльмена, нажившіе сто тысячъ прямымъ предательствомъ своей родины — опять передъ нимъ. Навѣрно въ послѣдніе два года успѣли сдѣлать еще нѣсколько такихъ же доблестныхъ „ударовъ“.

И въ головѣ его пошло ходуномъ. Таеъ ему стало вдругъ нестерпимо-ясно бездушіе истыхъ петербуржцевъ — биржевники они, подрядчики или другіе карьеристы, военные или штатскіе. И вокругъ ихъ стана расплзалась все та же суতোлова этого города безъ народности и доблестнаго прошлаго, съ фальшивыми или бесцѣльными ахами и охами, съ показной благотворительностью, безъ общей идеи, безъ живыхъ теченій, безъ возможности поднять голосъ!..

Именно тогда, вотъ въ этомъ самомъ ресторанѣ, ему сдѣлалось таеъ невыносимо-гадко, и черезъ четыре дня онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, а черезъ десять—былъ уже въ предѣлахъ той самой Мурашкинской волости, за которую пріѣхалъ сюда хлопотать.

Что-жъ! Онъ долженъ сказать спасибо вотъ этимъ обоимъ дѣльцамъ. Не возмути они его, не вырвись у него возгласъ о томъ, что они достойны висѣлицы—можетъ быть, онъ продолжалъ бы томиться, какъ томился здѣсь два года назадъ!

Народу все прибывало. Прошелъ сухощавый, жилистый генералъ въ темной лентѣ, съ осунувшимся кирпичнымъ лицомъ, сутуловатый, держа голову опущенной. Всѣ военные, на пути его, вскакивали. Таманцевъ и ему когда-то „представлялся“, но теперь не расудилъ подниматься. Отъ этого сильнаго человѣка

повѣяло на него чѣмъ-то еще болѣе затхлымъ. Ничего за этой силой не чувалось, кромѣ личныхъ аппетитовъ и чванной сѣбси, кромѣ себѣ на умѣ циника, для котораго все— „ерунда“ и всѣ— „хамы“, всѣ, кромѣ него самого; а петербургскій станъ служилыхъ людей—только маріонетки для забавы пресыщеннаго и все-таки мелкаго честолюбца.

Таманцевъ вспомнилъ тутъ свои горячія выходы у Овчинина, въ которыхъ винился передъ самимъ собою.

Чувства своего онъ уже не винилъ. Не слѣдовало только такъ горячиться. Онъ былъ правъ и вообще, и въ тѣхъ тирадахъ своихъ, когда считалъ прежнихъ ташкентцевъ, получавшихъ выправку у Бореля, лучше теперешнихъ „созидателей новой Руси“, которой западъ—не указъ, потому что она—Азія, и должна этимъ гордиться.

Какъ онъ былъ правъ! Вотъ они на-лицо—теперешніе птенцы и ихъ набольшіе, всѣ эти мундиры и пиджаки, вицкафтаны и кафтаны! Каждый убѣжденъ, что онъ призванъ мудрить надъ государствомъ и народомъ, потому что Европа ему не указъ.

Прошло десять минутъ. Старый татаринъ уже раза три спрашивалъ его:—Что будете кушать, ваше сіятельство?

Господинъ, котораго онъ поджидалъ, все еще не являлся; но Таманцевъ не хотѣлъ начинать завтракать безъ него.

— Ah! bonjour!.. Comment va?.. Откуда?

Въ нему подсѣлъ на диванъ его давнишній знакомый, гораздо старше его лѣтами—Баранцевъ, извѣстный всему Петербургу, когда-то красавецъ и вутіла, теперь—безъ гроша, всесвѣтныи пріятель, острякъ и специалистъ по стрѣльбѣ голубей.

Таманцевъ нашель, что онъ сильно опустился. Но тонъ былъ все такой же.

— Изъ деревни?—спросилъ Баранцевъ, выдая слова чрезвычайно быстро.—Ну что? Не правда ли, порядочный пуфъ эти государственныя работы?

„Господи!—про себя воскликнулъ Таманцевъ:—неужели и этотъ тоже занимается внутренней политикой?!“

— Ничего не могу вамъ сказать,—почти нѣхотя отвѣтилъ онъ.

Баранцевъ, взявъ его правой рукой за плечо, сталъ говорить ему на ухо:

— Вѣдь они здѣсь тогда—въ самый разгаръ голода—ровно ничего не умѣли. Людей не знали. Вотъ тотъ—и онъ указалъ на генерала въ лентѣ—каждый день показывалъ мнѣ списки. Кого назначить? Я говорилъ по совѣсти. А они какъ въ темномъ лѣсу были.

— Что-жъ! Ваша роль была завидная.

— Eh, mon cher! Мнѣ что-жъ! Je m'en moque! Спрашиваетъ — а говорю. Дуракъ — такъ дуракъ... Нечистъ на руку, такъ нечистъ. Хорошо еще, что ко мнѣ обращаются.

И какъ люди, привыкшіе къ пестрому разговору, Баранцевъ, снявъ руку съ плеча Таманцева, спросилъ его съ миной бывшаго красавца:

— Пробудете весь мясоѣдъ?

— Посмотрю, — отвѣтилъ Таманцевъ все такъ же сухогато.

— Сезонъ-то какой паршивый! Одни итальянцы. Да эта Отерр...

— Какая?

— Ахъ, батенька! Отерр — въ Маломъ театрѣ. Гипшанка, цыганка — это ее вѣдаетъ! Поетъ и пляшетъ. А наши малолѣтки... отваливаютъ ей брилліантовъ и изумрудовъ сколько влѣзетъ. Мальчишъ, кадетишъ одинъ — правда, миллионы здоровые — на восемьдесятъ тысячъ камней поднесъ, на той недѣлѣ, въ ея бенефисъ. И всѣ обѣгутъ и ревутъ. Слышали, какъ ихъ здѣсь прозвали? О! Террористы!

— Это навѣрно вы же и пустили? — тихо усмѣхнувшись, заиѣтилъ Таманцевъ.

— Ужъ не знаю!.. Bonjour!

Баранцевъ поднялся и присѣлъ къ тому столу, гдѣ два биржевика доканчивали завтракъ, все такъ же шумно и безцеремонно.

„Господи! — думалъ Таманцевъ, провожая взглядомъ бывшаго красавца: — и онъ въ нимоахъ-Эгѣріяхъ состоитъ! И къ нему обращаются въ поискахъ за людьми!“

XVIII.

— Прошу великодушно простить меня, графъ!

Черезъ столъ протягивалъ ему руку мужчина лѣтъ подь-сорокъ, молодежавый, русый, худой въ тѣлѣ, съ наружностью нерусскаго типа, бритый, въ большихъ усахъ, въ лицу одѣтый, въ черное, при синемъ галстухѣ.

Таманцевъ познакомился съ нимъ въ редакціи той газеты, куда заѣхалъ къ другу беллетриста Малышева. Его звали Лудкій. Онъ обаялся тамъ вліятельнѣе, завѣдывалъ отдѣломъ фельетоновъ и самъ писалъ уже давно очерки петербургской жизни.

Онъ понравился Таманцеву больше всѣхъ, кого онъ видѣлъ

въ редакціи, своимъ тономъ и бойкостью, знаніемъ петербургской жизни, остроуміемъ.

Въ тонѣ его проглядывала особаго рода вѣжливость, которая прикрывала многое, чего онъ не хотѣлъ сразу высказывать. И теперь, когда они начали завтракъ, Луцкій держался очень почтительнаго тона, хотя былъ, по лѣтамъ, старше Таманцева.

И во всемъ остальномъ у Луцкаго было что-то непохожее на обыкновенную манеру держать себя — литераторовъ, которыхъ Таманцевъ, правда, мало встрѣчалъ, до отъѣзда въ деревню. Онъ рѣзко отличался отъ Малышева и его пріятеля Дымкина, смотрѣлъ почти свѣтскимъ человѣкомъ, опять на свой ладъ — или очень бывалымъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, который съумѣетъ найти подходящій тонъ съ какою угодно особой.

Онъ уклонился отъ угощенія и настоялъ на томъ, чтобы счетъ по завтраку былъ пополамъ, предоставивъ графу сдѣлать выборъ кушаній.

На двѣ-трети ресторана опустѣлъ, и столъ, гдѣ сидѣли дѣльцы, совсѣмъ опростался. Луцкій ихъ замѣтилъ и съ однимъ изъ нихъ раскланялся.

Таманцевъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ съ такой усмѣшкой, что журналистъ спросилъ его, очень тихо и отчетливо выговаривая каждое слово:

— Вы знаете тѣхъ двоихъ, графъ?

— Встрѣчалъ.

— Они все еще идутъ въ гору; но ихъ царству подходитъ конецъ.

— Будто? — вскричалъ Таманцевъ. — Отчего? Такимъ, какъ онъ — полный ходъ.

— Не скажите, графъ.

Луцкій аккуратно завѣлся салфеткой и продолжалъ, дѣлая короткія паузы. Голосъ у него былъ молодой, теноровый, дикція необыкновенно ясная. Его темно-сѣрые глаза часто оживлялись.

— Не скажите, — повторилъ онъ, запивъ глоткомъ вина кусокъ котлеты. — Вы, кажется, не изволили еще освоиться съ тѣмъ, что даетъ ключъ рисунка настоящему моменту?

Слишкомъ почтительное слово: „изволили“ — не нравилось Таманцеву. Оно ему напомнило и нѣкоторыхъ господъ въ свѣтѣ, съ не совсѣмъ для него пріятнымъ оттѣнкомъ утонченной вѣжливости.

Но замѣчаніе Луцкаго заинтересовало его сразу. Онъ не горюхился перевести разговоръ на то, о чемъ ему хотѣлось побесѣдовать съ журналистомъ, и онъ оживленно и ласково спросилъ:

— Какъ вы выразились?.. Позвольте узнать ваше имя и отчество.

— Семенъ Михайловичъ.

— Благодарю васъ. Вы выразились о ключѣ рисунка?..

— Извините. Это литературская дурная привычка.

— Почему же литературская?

— А какъ же, графъ?—злоупотреблять цитатами изъ Гоголя. Именно изъ Гоголя, а не изъ кого-либо другого. Вы, конечно, изволили читать или видѣть на сценѣ его комедію „Игроки“?

— Конечно. Видѣлъ ли—не помню, но читалъ.

— Я не сомнѣваюсь. Такъ позвольте припомнить вамъ ту сцену, когда главный герой и жертва мошеннической продѣлки, игрокъ Ихоревъ, открываетъ свое искусство по части поддѣлки колоды, и самая тонкая лиса шайки, на которую тотъ насочилъ, по фамиліи Утѣшительный...

— Прекрасно помню! Утѣшительный!—обрадованно воскликнулъ Таманцевъ и, оглянувшись, подумалъ: „сколько и здѣсь каждый день перебиваетъ такихъ Утѣшительныхъ!“

— Такъ вотъ этому Утѣшительному, если не ошибаюсь, а то и самому Ихореву, принадлежитъ изреченіе, что надо, прежде всего, найти „ключъ рисунка“, т.-е. основу крапа. Я и позволилъ себѣ, графъ, замѣтить вамъ, что надо освоиться съ ключомъ рисунка...

— Крапленыхъ колоды города Петербурга? — добавилъ Таманцевъ.

— Ха, ха!—сдержанно засмѣялся Луцкій.—Это очень мѣтко, графъ, очень мѣтко! Весьма остроумно. Можетъ быть, многія колоды здѣсь и крапленныя. Но я взялъ Гоголевское выраженіе не съ такой цѣлью. У настоящаго момента есть несомнѣнно свой рисунокъ, и онъ подлинный.

— Неужели?—не безъ ироніи спросилъ Таманцевъ и повелъ плечами.

— Увѣрю васъ, графъ!

Журналистъ откинулся на спинку стула и поглядѣлъ на собесѣдника оживленными и умными глазами.

— Интересно послушать,—сказалъ Таманцевъ, наклоняясь надъ своей тарелкой.

Луцкій слегка оглянулся.

— Теперь,—сказалъ онъ,—здѣсь гораздо свободнѣе говорить. Конечно, графъ, насколько я знакомъ съ вашимъ настроеніемъ по разговору въ редакціи — вы, по-своему, правы,

находя, что наша чухонская столица есть „городъ ядовитыхъ признательностей“. Виновать, графъ, опять цитата!

— Откуда? Это очень хорошо!

— Кажется, изъ Салтыкова. И этого мало—городъ большого безпутства и шенпанства. И если мы здѣсь, вотъ въ этомъ самомъ ресторанѣ, до сихъ поръ встрѣчаемъ много экземпляровъ, намъ съ вами одинаково противныхъ, то—Луцкій остановился и какъ бы искалъ слова,—то все-таки Петербургъ, да и вся страна—выражаясь по-англійски—переживаютъ характерный моментъ. Погостите у насъ, графъ. Вамъ теперь надо бывать всюду—и въ министерствахъ, и въ редакціяхъ, и въ клубахъ.

— Я въ карты не играю.

— Не смѣю и приглашать васъ. Но если угодно, я бы позволилъ себѣ повезти васъ въ одинъ клубъ, гдѣ происходятъ каждую недѣлю дебаты по экономическимъ вопросамъ.

— Слыхалъ что-то. Но, кажется, это только одинъ отводъ; а главное-то азартная игра?

— Есть грѣшокъ. Но игра игрой, а дебаты дебатами. И я потому, графъ, позволяю себѣ пригласить васъ туда, что вы тамъ наткнетесь на признаки времени... Вамъ это будетъ особенно цѣнно. Вы представляете собою землю, въ самомъ благородномъ смыслѣ. Вы—добровольный ходокъ за крестьянъ...

— Не зовите меня такъ,—остановилъ Таманцевъ.—Мнѣ это прозвище вотъ уже гдѣ сидитъ!

И Таманцевъ показалъ на шею.

— Простите! Я отъ чистоты души. Во всякомъ случаѣ вы—земля. И вотъ вы увидите, графъ, что землю теперь, худо ли, хорошо ли, слушаютъ. Не дальше, какъ двѣ недѣли назадъ, является, прямо изъ своего угла, юный предводитель—изъ нынѣшнихъ: знающъ, боекъ, убѣжденъ, фрондируетъ Петербургъ и нѣсколько лѣтъ сидѣлъ на совершенно специальной вещи—на вопросѣ кредита для деревни, не для однихъ мужиковъ, а и для общаго дворянства...

— Старая пѣсня!—вырвалось у Таманцева.

— Вы изволите говорить: старая—пожалуй. Но и очень молодая. Мы спорить не будемъ. Я только рассказываю. Приѣхалъ онъ со своими итогами. Цифры, выкладки, доводы, сопоставленія—цѣлый арсеналъ; прочелъ рефератъ. Были сильныя пренія. Оппонентами явились самые первосортные здѣсь чинуши-финансисты. Тоже не кое-кто—одинъ магистръ, другой мѣтитъ въ директоры департамента. И онъ ихъ осаживалъ и осадилъ. Я первый попросилъ его докладъ въ нашу газету. Сегодня онъ по-

явился, а послѣ завтра онъ уже получилъ приглашеніе пожаловать на бесѣду съ его превосходительствомъ.

— Что же это доказываетъ?—рѣзче спросилъ Таманцевъ.

— А то, графъ, что теперь прислушиваются ко всякому дѣльному протесту, хотятъ знать, чѣмъ болѣетъ земля. Поэтому у каждаго чинуща складывается убѣжденіе, что будь онъ только знающъ, талантливъ, боекъ на перо и работающъ—онъ непременно выдвигается. Ему не надо, какъ прежде, подслуживаться. И это, графъ, случилось въ послѣдніе годы, увѣряю васъ!

— Знаю,—нервнѣе заговорилъ Таманцевъ:—теперь всѣ изъ капраловъ норовятъ попасть въ маршалы.

— Ха, ха! Очень мѣтко, графъ!

— Но эта дѣльность—что въ ней сидитъ, тамъ—въ основѣ-то? „Мы-моль—Азія! Намъ Европа не указъ. Не хотимъ ни ея порядковъ, ни идей“.

— Да, да! Это такъ. Генералъ-басъ во всемъ этомъ—свой, съ специфическимъ букетомъ.

— Вы сами согласны?

— Согласенъ. И каждый авторъ докладной записки увѣренъ, что онъ только и спасетъ родную землю. Все это такъ. Но развѣ вамъ, графъ, не приходитъ иногда вотъ такая мысль...

Съ полузакрытыми глазами Луцкій подумалъ три-четыре секунды и продолжалъ:

— Пускай ихъ мудрятъ, только бы они допускали въ принципъ, что надо знать страну, прислушиваться къ ея нуждамъ, давать ходъ тѣмъ, кто умѣетъ работать, а Европа—та оклеветанная старушка, гниющая столько сотенъ лѣтъ—она все-таки подсаживаетъ ихъ.

— Какимъ образомъ?

— Они мудрятъ по-своему, по-азиатски, а выйдетъ все точно такъ, какъ у этой самой старушки, по ея идеямъ, ея чувствамъ, ея вѣковымъ усилямъ и побѣдамъ.

Глава журналиста блеснули.

— Вашими бы устами да медъ пить,—вымолвилъ вдумчиво Таманцевъ.—Но признаюсь вамъ—ужасно трудно мнѣ было бы стать на вашу точку зрѣнія.

— Дѣло времени, графъ. Такъ или иначе вамъ придется больше, чѣмъ каждому изъ насъ, кабинетныхъ людей, побѣдить по Петербургу, и когда пройдетъ мѣсяць-другой—можетъ быть, мы и сойдемся въ оцѣнкѣ. А до тѣхъ поръ я лично и нашъ редакторъ—къ услугамъ вашихъ благородныхъ усилий. Позвольте чокнуться съ вами за полный успѣхъ.

Они чокнулись, и журналистъ съ очень милымъ жестомъ осушилъ свою рюмку.

XIX.

Лудкѣй, — только-что имъ подали кофе, — взглянувъ на часы, заторопился.

— Простите великодушно, графъ! Я долженъ васъ оставить... Душевно сожалью. Если вамъ угодно завернуть въ редакцію — по средамъ и субботамъ, я тамъ всегда около трехъ. Во всемъ, что могу — располагайте мною.

Онъ поспѣшно застегнулся и еще разъ, съ почтительнымъ поклономъ, протянулъ руку Таманцеву.

Въ рестораи почти никого уже больше не оставалось, кромѣ одной группы молодыхъ офицеровъ, въ углу третьей комнаты.

Таманцевъ привсталъ, чтобы позать ему руку, и сказалъ на прощанье:

— Если вы правы насчетъ Петербурга — тѣмъ лучше; но до сихъ поръ я не могу мириться съ нимъ. Прежде еще выносилъ, когда не зналъ своего отечества; а теперь — нѣтъ!

— Одними обвиненіями вопросъ не исчерпывается! — воскликнулъ съ короткимъ смѣхомъ журналистъ, и, отвѣтивъ на рукопожатіе новымъ поклономъ, пошелъ въ буфетную скорыми шагами.

По счету Таманцевъ долженъ былъ получить съ него что-то въ родѣ трехъ рублей, и тотъ, съ педантической точностью, заплатилъ даже свою долю въ „на водѣ“ татарину.

Кладя деньги въ бумажникъ, Таманцевъ задумался. Этотъ Лудкѣй — несомнѣнно умный и талантливый малый, и хорошаго направленія. Но съ нимъ ему было все-таки не по себѣ — вѣяло отъ него петербургскимъ холодомъ. Онъ не можетъ ни чувствовать, ни говорить, какъ милѣйшій докторъ Домашневъ. Этотъ журналистъ все знаетъ; можетъ быть, онъ и правъ, говоря, что теперь „влючь рисунка“ — иной; но онъ не сидѣлъ на землѣ, ему народъ знакомъ только по статьямъ и корреспонденціямъ; онъ не видалъ его такъ, какъ можно было его видѣть въ послѣдніе два года.

А главное — онъ сжился съ Петербургомъ. Кажется, онъ даже немножко влюбленъ въ эту столицу. Въ концѣ завтрака онъ говорилъ о своей недавней поѣздѣ въ Москву и находилъ ее соннымъ царствомъ, съ тусклой прессой, безъ общества, безъ крупныхъ интересовъ, безъ всякаго блеска, съ большой культурной отсталостью.

— Здѣсь, графъ, — восклицалъ онъ, — есть настоящая внут-

ренняя полетива, какова бы она ни была. Это — центр; а Москва — областной, обывательскій городъ, каравансерай, что-то въ родѣ постоянной макарьевской ярмарки...

Надо было однако уходить. Таманцевъ все еще не нашелъ адвоката по своему вкусу; а побывалъ еще у двоихъ.

Сзади, изъ буфетной комнаты, раздались скрипучіе и грузные шаги. Кто-то спѣшилъ точно къ нему, и онъ невольно обернулся.

— André! Душа моя!.. Вотъ сюрпризъ!

И его уже обнималъ мужчина очень крупнаго роста, плечистый, совсѣмъ лысый, съ висячими усами и глазами на выкатѣ. Красивое и поношенное лицо осыпано красными прыщичками на лбу и щекахъ. Синяя визитка изъ шевиота сидѣла на немъ небрежно, и весь его видъ отзывался цыганщиной.

— Ты!.. Митька! — не очень обрадованно отозвался Таманцевъ. — Вотъ не ожидалъ!

— Не правда ли? Сейчасъ сижу тамъ въ билліардной, входитъ Баранцевъ и называетъ тебя. А я уже слышалъ, что ты здѣсь, знаю и то, что ты разносишь всѣхъ. Enfin... tu fais le rouge, и пріѣхалъ пострадать за мужиковъ.

— Кто тебѣ наболталъ? — почти съ гримасой откликнулся Таманцевъ.

— Кто? Ton rival, quoi!.. Лушковъ. Вѣдь и онъ также имѣетъ виды на...

— Послушай, пожалуйста безъ именъ и неумѣстныхъ сплетенъ!

Какъ пять лѣтъ назадъ, такъ и теперь, этотъ товарищъ его дѣтства — но на три года старше — былъ такой же несносный и шумный враль, шелопаи — и того хуже. Кажется, онъ еще ниже опустился.

Носилъ онъ точно сочиненную фамилію — князь Карай-Ровейко. Но такая существуетъ. Вмѣстѣ они учились танцовать. Потомъ встрѣчались за границей. Одинъ семестръ провели въ нѣмецкомъ университетѣ. „Митька“ этотъ перебивалъ вездѣ, былъ и въ казакахъ, ѣздилъ въ Америку съ какимъ-то изобрѣтеніемъ, держалъ театръ, занимался спиритизмомъ, издавалъ справочный листокъ. Отецъ его былъ такой же безпутный, не успѣлъ еще прожить всего состоянія, умеръ въ чинахъ; незадолго до смерти впалъ въ идіотство. Мать — милая женщина, даровитая, изящная, слабая къ мужу до полнаго забвенія своихъ правъ. На его долги пошли почти всѣ ея личныя средства. Сына она тоже идеализировала, и тотчасъ по смерти отца онъ, мальчишкой, женился

на старой дѣвѣ, глупой, злой, безобразной—продала себя и долго жила на содержаніи жены. Потомъ она его прогнала, забрала дѣтей, уѣхала въ деревню и туда его не пускала.

На что онъ живетъ—Таманцевъ не могъ бы отвѣтить; пожалуй онъ состоитъ счетчикомъ въ какомъ-нибудь игорномъ притонѣ.

— Э! братецъ! Ты, до сихъ поръ, точно недотрога какая... *цирлицъ-манѣрлицъ!* Мы вѣдь оба бурши. Ты мой „фуксъ“ былъ, а—уже *bemoostes* Нанс. Помнишь?

— Какъ ты врешь, Митька!—Таманцевъ даже засмѣялся.— Когда же я былъ фуксомъ?

— Какъ когда? Когда мы въ корпораціи были.

— Гдѣ?

— Въ Гейдельбергѣ.

— Да ты, право, безподобенъ. Скажи — это у тебя особый видъ психопатіи?

— Развѣ мы съ тобой не были вмѣстѣ у нѣмцевъ? Это забавно!

— Жили въ одномъ городѣ мѣсяца четыре, кажется. Вотъ и все.

— Ну полно, ну полно. Мало тебя учили на швандалахъ. Выпьемъ что-нибудь. Эй!—крикнулъ онъ татарину.— Абдулъ! Подай бутылку *Pontet Caquet*! Или холоднаго?

— Съ какой стати? Я уже кончилъ завтракать.

— Экая важность! Столько лѣтъ не видались. Вѣдь мы съ тобой, *André*, въ полномъ смыслѣ товарищи дѣтства. Да, всѣ старики *ad patres* отправились. И я вотъ какъ персть.

— А жена, а дѣти? — нарочно сказала Таманцевъ, хорошо зная исторію его женитьбы.

— Не говори ты мнѣ про эту мегеру. *Non, non cher*, вѣдь есть же на свѣтѣ такія созданія! Не дальше, какъ этой осенью, я пишу ей: „Дайте мнѣ средства поѣхать въ Бельгію... У меня есть полная возможность получить концессию“...

— Ты? Концессию?!

— Да, я, голубчикъ ты мой, я—собственной персоной. Но нужна солидная компанія, и все уже было на мази. И эта подлая баба, *cette chipie*... *n'a pas voulu se fendre pour une misérable somme de deux mille roubles!*

— ...Которые бы ты сейчасъ же спустилъ у цыганъ, въ „Самаркандъ“.

— Ты *n'у es pas!* Ты все видишь во мнѣ Митьку Карай-Ровейко. Нѣтъ-съ, милѣйшій мой графъ, голова моя,—и онъ ударилъ себя по лысому, прыщавому черепу,—вотъ эта бѣдная голова

работаетъ. И какъ! Но что же дѣлать? Глупая штука — деньги. И когда ихъ нѣтъ... Такъ выпьемъ, что-ли?

— Я не хочу. Спроси себѣ, если желаешь.

Таманцеву онъ дѣлался жалокъ.

— Non... Ecoute... peux-tu me prêter quelque argent?

Это было такъ неизбежно, что Таманцевъ не удивился.

— Извини, много не дамъ, — отвѣтилъ онъ по-русски.

— Сколько можешь.

И видя, что клюнуло, князь Карай-Ровейко заговорилъ съ лицомъ человѣка, на котораго нашло особое настроеніе.

— Нѣтъ, душа моя. Все это не то. Ты не знаешь. Вотъ уже два года, какъ я весь отдался опытамъ телепатіи.

— Чего? — переспросилъ Таманцевъ.

— Телепатіи. Сообщеніе мыслей на разстояніи. Тутъ есть великая тайна. Когда я обѣдалъ у Шарво...

— У какого?

— У того, у великаго.

— Полно, обѣдалъ ли?

— Вотъ еще прекрасно! И его ассистентъ, какъ бишь его фамилія... Онъ мнѣ особенно показывалъ опыты. Но это все не то. Настоящая телепатія возможна только тогда, когда мы...

— Извини, — остановилъ его Таманцевъ, подавляя въ себѣ гадливое чувство.

Онъ всталъ и, вынувъ бумажку, подаль ея князю.

— Merci, mon cher, — выговорилъ тотъ безъ торопливости, потрепавъ Таманцева по плечу и вслѣдъ ему крикнулъ: — Если тебѣ нужно насчетъ хлопотъ по землѣ мужиковъ... пожалуйста! Я сведу тебя съ такимъ докой!

И добѣжавъ до него въ буфетную, онъ громко добавилъ ему на ухо:

— Согласись я — этотъ дока сдѣлаетъ меня компаньономъ милліонера... съ однимъ условіемъ... ты понимаешь?.. Но я храню святую память моей святой матери...

Таманцевъ не дослушалъ и взялся за ручку входной двери.

XX.

Вечеромъ того же дня Таманцевъ, заѣхавъ домой переодѣться, получилъ депешу отъ Пети Долгова и отвѣтилъ.

Зная, какъ „Петюня“ деликатенъ и остороженъ, онъ былъ не мало удивленъ, прочтя въ ней:

„Примите меня завтра пораньше. Очень важное дѣло“.

Съ своими дѣлами Пети къ нему не полѣзеть. Въ какую-нибудь исторію онъ врядъ ли попадетъ, — такая „дѣвица въ панталонахъ“. Немыслимо и то, чтобы онъ кого-нибудь вызвалъ.

И сегодня, проснувшись, онъ подумалъ о Петюниной депешѣ и велѣлъ принять его сейчасъ же.

Во всемъ Петербургѣ эта мужского пола дѣвушка была ему еще ближе другихъ. Не совсѣмъ такихъ „студентовъ“ желалъ бы онъ видѣть; но по крайней мѣрѣ въ Долговѣ, сквозь его особаго рода скептицизмъ и даже себѣ на умъ, проглядываетъ несомнѣнная порядочность. Быть можетъ, у него и сердца гораздо больше, да нынче неприличнымъ считается, и между юнцами, показывать это.

Ровно въ десять — Таманцевъ сидѣлъ у камина, когда въ передней раздался умѣренный звонокъ Пети.

И по манерѣ звонить можно было узнать его: не очень тихо и не слишкомъ громко, а въ мѣру, какъ воспитанный юноша, не желающій, особенно утромъ, никого смущать звономъ.

Таманцевъ обернулся къ двери, чтобы по лицу Пети — если возможно — распознать тотчасъ же: въ чемъ приблизительно дѣло. Какъ онъ ни сдержанъ, а юность возьметъ свое, въ случаѣ чего-нибудь чрезвычайнаго.

Вѣдь и мать его могла, наконецъ, скончаться внезапно, за границей.

Долговъ вошелъ очень тихо, одѣтый, какъ всегда, чрезвычайно старательно — въ своемъ синемъ вестонѣ и галстухѣ шарфомъ, по новой модѣ, съ узкой полоской бѣлыя.

Таманцеву показалось, что онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго.

— Графъ, простите, я обезпokoилъ васъ. Въ такой ранній часъ.

— Полно, полно. Я встаю по-деревенски. Здравствуй, Петюня. Очень радъ тебя видѣть.

Когда Долговъ пожималъ ему руку, онъ не почувствовалъ, чтобы она была нервна.

— Садись... Или не хочешь ли въ столовую? Я еще не пилъ чаю. И ты, можетъ, выпьешь?

— Не откажусь, графъ. Меня немного обдуло дорогой. Нынче вѣтеръ съ рѣки — отчаянный.

Они перешли тутъ же въ столовую, просторную комнату съ деревянной обшивкой и штучнымъ дубовымъ потолкомъ. На столѣ уже шипѣлъ самоваръ.

— Ну, Петюня,—весело началъ Таманцевъ. — Ты долженъ отлично заваривать чай. Завари-ка!

— Охотно, графъ. Но почему же вы думаете?

Долговъ конфузливо улыбнулся своими ясными и благовоспитанными глазами.

— Да какже! Вѣдь ты не Петръ Аркадьевичъ, а Прасковья Аркадьевна.

— Что дѣлать, графъ!

Долговъ очень мило вздохнулъ и сталъ заваривать чай. Его красивые руки двигались совсѣмъ по-женски, очень бѣгло, округленными линиями.

Поставивъ чайникъ, также совершенно по-женски, на канфорку, Пета опустилъ свои руки на колѣни и склонилъ голову.

„Неужели поймался въ чемъ-нибудь нелегальномъ?“ быстро подумалъ Таманцевъ.

— Ты что-то смущенъ... Петюня,—совсѣмъ добро заговорилъ Таманцевъ и со своего стула положилъ ему руку на колѣни. —Что такое? Надѣюсь — ничего тяжелого? Матап твоя — въ добромъ здоровьѣ?

— Благодарю васъ. Матап здорова. Я имѣлъ отъ нея вчера письмо.

— Неужели моя Прасковья Аркадьевна что-нибудь учинила... не-корректное? Вѣдь это слово, кажется, теперь въ больномъ ходу въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, графъ,—оживился Пета, поднялъ голову и покраснѣлъ. —Я бы никогда не позволилъ себѣ такъ настаивать.

— Почему же? Развѣ я тебѣ чужой?

— Все-таки...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

Вставъ изъ-за стола, Таманцевъ принялъ отъ Долгова свой стаканъ и заходилъ съ нимъ по одной сторонѣ столовой.

Пета аккуратно налилъ и себѣ, но не сталъ сейчасъ же пить. Видно было, что онъ дѣйствительно смущенъ.

— Петюня!—окликнулъ его Таманцевъ.—Да ради ты Бога роди свой секретъ! Не томи!

Тихо разсмѣялся Долговъ и не сразу заговорилъ.

— Видите ли, Андрей Павловичъ, для меня то, что я рѣшаюсь вамъ сообщить — это вопросъ совѣсти. Строго говоря, я не долженъ бы. Никто мнѣ не давалъ права, ни прямо, ни косвенно...

— Господи!—закричалъ Таманцевъ.—Если ты считаешь, что не надо—не говори.

— Да, — Петя поднялъ голову и сталъ смотрѣть строже:— но если я искренно отношусь къ человѣку, въ данномъ случаѣ даже къ двумъ личностямъ—имѣю ли я право промолчать?

— Какъ подсказываетъ тебѣ совѣсть, такъ и дѣлай.

„Должно быть по любовной части что-нибудь, — подумалъ Таманцевъ. — Изловили бѣднягу насчетъ жениховства“.

— Вотъ въ чемъ дѣло, графъ, — Петя отпилъ изъ стакана и тоже поднялся. — Въ моемъ отношеніи къ вамъ вы не сомнѣваетесь. Конечно, я не имѣю права вторгаться въ ваше „я“, но скажу откровенно...

— Давно бы такъ!

— Мнѣ кажется, — и давно кажется, — что вы серьезно любите княжну.

— Тебѣ кажется? — спросилъ полу-шутя Таманцевъ и дальше продолжалъ: — въ чемъ же дѣло?

— Да, графъ. Еслибы вы даже на меня закричали — я все таки договорю до конца, разъ я началъ.

— Основательно.

Но Таманцевъ испытывалъ уже тревогу, и ему еще сильнѣе захотѣлось узнать поскорѣе — „въ чемъ дѣло“.

— Благодарю васъ и продолжаю. Извините, графъ. Я васъ раздражаю моими проволочками. Это оттого, что во мнѣ самый большое волебаніе со вчерашняго дня. Мнѣ кажется также, что княжна гораздо ближе къ вамъ — я хочу сказать: внутренно — чѣмъ она сама думаетъ.

„Съ какой стати, — подумалъ Таманцевъ, — позволять этому мальчугану залѣзать къ себѣ въ душу и мудрить насчетъ чувствъ Кэтъ ко мнѣ?“

Но онъ молчалъ, ожидая, чѣмъ разрѣшится Долговъ.

— Только, графъ, княжна закусилъ удила. На нее нашло теперешнее модное озорство. Ей хочется все извѣдать. А съ кѣмъ же это удобнѣе, какъ не съ господиномъ Лушковымъ?

— Чтѣ ты! — въ горлѣ у Таманцева вдругъ точно пересохло: — что это за глупости!

— Нѣтъ, графъ, — промолвилъ Петя, выпрямившись: — не глупости. Кратко — вотъ въ чемъ дѣло. Третьяго дня была у княгини вечеринка... такъ, маленькая. Я сидѣлъ въ гостиной одинъ, рассматривалъ какіе-то рисунки въ альбомѣ. Вѣдь княжна со мной не церемонится.

И, точно спохватившись, онъ вскричалъ:

— Только, ради Бога, не думайте, что я изъ мести! Я уже

вамъ откровенно признался, что когда-то она мнѣ нравилась. А теперь ничего... ровно ничего, клянусь вамъ!

— Не клянись, пожалуйста, и продолжай.

— Лушковъ пріѣхалъ поздно, къ ужину. И они сидѣли за низенькими ширмами. Но настолько близко, что я не могъ не слышать. Сегодня—балетъ у Фризенъ. Княжна танцуетъ съ Лушковымъ rigodon.

— Знаю! Не томи!

Щеки Таманцева уже горѣли.

— Лушковъ сталъ дразнить княжну, что она только воображаетъ себя смѣлой дѣвицей, а въ сущности ни на что не пойдетъ... хоть на что-нибудь не-корректное... Простите за это слово, графъ. Она разсердилась и подержала пари съ нимъ, что пойдетъ съ нимъ ѣсть устрицы въ Милютины лавки.

— И только?—спросилъ Таманцевъ, сдерживая себя.

— Простите, графъ.—Петя подбѣжалъ къ нему.—Но тутъ навѣрно махинація. Лушковъ способенъ увести ее и къ себѣ. Вы не знаете, чтó это за господинъ. Онъ, какъ тѣ римскіе развратники, которые въ одно время были любовниками...

— Хорошо,—остановилъ его Таманцевъ.—Но почему же ты думаешь, что именно сегодня пари это будетъ выполнено?

— У меня есть такое предчувствіе, графъ. Вы не смѣйтесь... Можетъ быть, у меня натура дѣйствительно болѣе женская, чѣмъ мужская. Но понимаете... Вѣдь одинъ мигъ нуженъ... И что же я могъ сдѣлать? Сказать княгинѣ? Это шпионство. Да меня бы княжна тотчасъ подняла на смѣхъ. Лушкову я не имѣю права говорить; да и не хочу имѣть дѣло съ нимъ. Сама княжна—еслибъ я даже умолять сталъ со слезами—будетъ издѣваться. Я ее знаю! Я подумалъ о васъ. Вотъ и все.

Въ большомъ волненіи Петя отошелъ къ самовару, сѣлъ и отхлебнулъ изъ стакана.

— Графъ!—окинулъ онъ черезъ нѣсколько секундъ.—Вы меня не осуждаете за мой поступокъ? Вы одни—человѣкъ, способный оградить княжну. И наконецъ—извините! если она вамъ дорога, я не могъ скрыть это отъ васъ. Это ваше кровное дѣло!

— Спасибо, Петя,—выговорилъ глухо Таманцевъ и медленно подошелъ къ столу.—Спасибо, милый.

Въ груди у него было чувство холода—вѣрный признакъ, что онъ потрясенъ. Онъ хотѣлъ поцѣловать Долгова и не могъ—такъ его это захватило.

XXI.

Прошло больше получаса, какъ ушелъ отъ него Долговъ, а Таманцевъ все еще оставался въ столовой.

Еслибъ „барышня въ панталонахъ“ нарочно все сочинила, она не могла бы ничего лучшаго выдумать.

Послѣ того, что Таманцевъ испыталъ на катеѣ, онъ гналъ всякую мысль о Катѣ. Въ домѣ княгини онъ не былъ больше десяти дней. Развѣзая по Петербургу, выдавая съ разнымъ дѣловымъ и пустымъ людомъ, онъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы опять его не потянуло въ ту гостиную, гдѣ царилъ Лущковъ.

Тогда онъ бросился искать княжну по разнымъ каткамъ Петербурга—не устоялъ передъ порывомъ протянуть ей руку, помочь оглянуться на себя, поддержать ее въ борьбѣ съ „растлѣвающей барско-свѣтской сферой“. Такъ онъ, про себя, выражался.

Но что онъ нашелъ? Она опять не поняла его. Для нея онъ — несносный „газетъ“, какой-то человѣкъ съ того свѣта, всегда готовый безтактно поучать и умничать.

Можетъ быть и тамъ, на катеѣ, онъ велъ себя глупо. Вернулся онъ взбѣшенный... на свою „сентиментальность“, и съ того дня до этого утра онъ не возвращался мыслью къ княжнѣ.

Но стоило Петѣ Долгову передать ему о пари Катѣ съ Лущковымъ—и онъ весь внутренно задрожалъ. У него даже воздуха не хватило, когда онъ заговорилъ потомъ.

И теперь, въ теченіе получаса, ходя взадъ и впередъ по столовой, онъ не разсуждалъ—имѣетъ ли онъ право вмѣшиваться въ поведеніе княжны Брянской. Одно его держать въ когтяхъ: желаніе швырнуть Лущкова съ своего пути. Нелѣпо расхолаживать себя ненужными вопросами, когда все кричитъ тебѣ:

„Ты любишь! Ты долженъ ее отнять у того мерзавца!“

Въхвать къ Лили Фризенъ онъ рѣшился безъ всякихъ колебаній. Ему вспомнилось, что она его, къ тому же, и приглашала.

Да и не будь онъ званъ—онъ назвался бы самъ и поѣхалъ бы непременно.

Таманцевъ перешелъ въ кабинетъ.

Мелькнула-было у него мысль—поѣхать до обѣда къ Брянскимъ; но онъ ее тотчасъ же забраковалъ.

Съ какой стати? Разлетѣться опять непрошеннымъ менторомъ? Онъ за себя не поручится. Одно изъ двухъ—или онъ набурлитъ, или заплачетъ отъ волненія.

И то, и другое можетъ только повредить.

Даже еслибъ онъ сказалъ княжнѣ Кэтъ:— „Хотите быть моею женой?“

Она способна отвѣтить ему:

— Вы спѣшите, точно на пожаръ. Сначала, мнѣ кажется, надо знать—нравитесь ли вы мнѣ. Вы—не принцъ крови. Да и за принца я не пойду, такъ, съ перваго слова.

И ему представился такъ ярко тотъ диванчикъ, гдѣ они обыкновенно сиживали въ гостиной — не теперь, не въ этотъ прїѣздъ, а два года назадъ.

Какъ она бывала привлекательна,—эта изломавшая себя Кэтъ, — сколько въ ней искрилось ума и пониманія! И ничего она не боялась. Любовь въ правдѣ, смѣлость суждений—поражали его.

Ея холодою не отталывалъ его. Свѣозъ этотъ холодою онъ чувалъ въ ней натуру, способную оцѣнить человѣка, и потребность сильнаго чувства, только безъ сладости. Такую дѣвушку нужно было завоевать.

И онъ не умѣлъ этого сдѣлать. Виноватъ онъ, онъ одинъ!

Онъ долго смотрѣлъ на ея портретъ, висѣвшій въ кабинетѣ. Вотъ уже больше недѣли, какъ онъ ни разу не взглянулъ на него.

Кэтъ стала красивѣе. Теперь она еще больше женщина, еще больше личность.

Неужели онъ могъ думать, что способенъ уступить ее безъ боя, и кому—Лушкову?

Тутъ онъ задумался.

Лушковъ! Онъ—пошлякъ; но такой ли ничтожный соперникъ?

Гдѣ его шансы въ единоборствѣ съ таимъ соперникомъ? Лушковъ блестяще его, моднѣе; онъ—ея руководитель... Даже какъ женихъ, онъ—такая же партія..

„Да, — возразилъ себѣ Таманцевъ: — но такой не сдѣлаетъ предложенія. Онъ только развратитъ. Такихъ Лушковыхъ обыкновенно заставляютъ жениться“...

Чѣмъ же онъ возьметъ противъ него? Чѣмъ?

Въ груди его трепетало чувство. Не надо ему никакихъ вопросовъ. Чтѣ бы онъ ни нашелъ въ Кэтъ, будетъ она его женою или отвергнетъ его, но онъ любитъ. Вотъ чѣмъ онъ возьметъ. Такіе, какъ Лушковъ, не могутъ любить. Имъ нечѣмъ любить.

Все какъ-то разомъ заиграло вокругъ него. И на одной стѣнѣ дѣйствительно заиграло западающее солнце послѣ сумрачнаго дня съ сильнымъ вѣтромъ.

Но не отъ солнца ярче выступало теперь все передъ нимъ, а оттого, чтѣ дѣлалось въ его душѣ.

Таманцевъ вспомнилъ, какъ бывало часто, въ ранней юности, за границей, онъ испытывалъ на себѣ дѣйствіе внезапнаго свѣта.

Передъ нимъ всплыла тихая лощина въ горномъ городѣ. Онъ сидитъ у окна. Ему грустно. Краски всё пропали. Тѣ же милыя очертанія горъ передъ нимъ, тотъ же густой буковый лѣсъ, покрывающій склоны, и рѣка, и тамъ вонъ на вышинѣ — развалины башни. Внизу, подъ окнами, пестрѣютъ клумбы; кусты бѣлой сирени, розоваго боярышника и лиловой акаціи пріютились въ тѣни стараго платана. Но тучи сгустились. Свѣта нѣтъ — и смутно на душѣ. Ничто не тѣшитъ глаза, природа точно куда-то скрылась.

И вдругъ облако разсѣлось пополамъ. Слѣва полился свѣтъ — мягкій, розоватый — и все заискрилось, заиграло.

И опять передъ нимъ знакома, милая его сердцу картина.

Прямо буковый лѣсъ ползетъ въ гору. Его листва блеститъ. Переливы тѣней въ овражкахъ ласкаютъ взглядъ. Лѣвѣ виноградники и ихъ тычинки охорашиваются въ мягкомъ, привольномъ свѣтѣ... И на башнѣ блеститъ шпигль. Рѣка переливается, какъ чешуя. Въ груди зажглось дѣтски-радостное чувство и хочется пѣть, плакать и смѣяться.

То же захватило его и теперь.

Ему какъ бы не вѣрится, что онъ все въ томъ же противномъ Петербургѣ. На дворѣ — суровая зима. Солнце проглянуло и опять скрылось — и въ двѣнадцатомъ часу такъ темно въ кабинетѣ, что камердинеръ внесетъ скоро лампу.

И тамъ вездѣ — въ канцеляріяхъ, въ ресторанахъ, въ гостиныхъ, въ пріемныхъ, въ безчисленныхъ квартирахъ, ползетъ — какъ нѣчто клейкое и вязкое, бездушное и полное хищныхъ аппетитовъ — все та же столичная жизнь.

Что за нужда! Не оттого ли ему было такъ несносно здѣсь, за все это время, что онъ временно потерялъ самого себя, не зная, что онъ *такъ* любить?..

Любовь выглянула изъ-за тучи, и все кажется такимъ ничтожнымъ и неважнымъ. Развѣ онъ желаетъ пересоздать цѣлый городъ, все общество, психологію цѣлаго ряда поколѣній чиновниковъ, баръ, паразитовъ, шелопаевъ?!

Есть у него здѣсь дѣло, опредѣленное, съ „достоинѣйшей“ цѣлью — онъ или добьется, или проиграетъ его. Найдется у него и энергія, и выдержка, и спокойствіе, и ловкость — только бы въ груди трепетало то же, что въ эту минуту влечетъ его.

Что выйдетъ сегодня ночью у Лили Фризенъ — онъ не могъ предвидѣть. Быть можетъ что-нибудь рѣзкое, безповоротное... Но

лучше пойти на смертельный ударъ, чѣмъ оставлять любимую дѣвушку поганому развратителю.

Мальчишеской выходки онъ не позволить себѣ, но не отступить отъ того, что онъ долженъ сдѣлать.

Веселое чувство опасности наполняло его въ то время, какъ онъ просматривалъ—передъ выѣздомъ изъ дому—дѣловыя бумаги и писалъ письма. Никакой болѣзненной тревоги онъ не испытывалъ. Не въ побѣду свою онъ вѣрилъ, а въ то, что Кэтъ близка ему, какъ никогда еще не была.

„Милый Петюня!—воскликнулъ онъ про себя.—Ты произвелъ всю кутерьму, и я тебя благословляю!“

XXII.

Запахъ пудры, духовъ, кольдерама, жженныхъ волосъ и жаръ отъ лампъ и свѣчей наполняли двѣ комнаты, гдѣ женская половина балетной труппы Лили Фривенъ готовилась къ спектаклю.

Сама Лили и княжна Кэтъ — какъ близкія пріятельницы — одѣвались въ уборной хозяйки, съ другой стороны сцены. Мужчинамъ была отведена одна большая комната, около столовой.

Какое-то совсѣмъ новое чувство овладѣло княжной, когда она впервые надѣвала трико. Репетировали онѣ въ полукороткихъ платьяхъ. Костюмы сдѣланы гораздо короче и требовали настоящего балетнаго трико.

Лили—отдѣлившись ширмами—сидѣла передъ своимъ туалетнымъ столомъ и была уже на половину готова.

Онѣ переключались, не стѣсняясь своихъ камеристовъ.

— N'est-ce pas que c'est drôle?—спросила Лили, приступая къ отдѣлкѣ лица.

— Quoi, chère?—откликнулась Кэтъ, на которую горничная накинула бѣлый пенъюаръ.

— De se sentir une fille de ballet.

— Une fille!—повторила брезгливо Кэтъ.

— Mais oui... Comment voulez-vous que je m'exprime?

И Лили засмѣялась рѣзко и немножко хрипло.

Парикмахеръ только-что причесалъ ихъ обѣихъ. Прически были по рисункамъ—въ стилѣ XVI вѣка. Лили даже выкрасила себѣ волосы заново въ темно-рыжій цвѣтъ съ шоколаднымъ отливомъ. Она убѣдила-было и Кэтъ, да французъ-парикмахеръ настаивалъ—посыпать волосы золотой пудрой.

— Oui, tout de même c'est drôle, — сказала возбужденно Кэтъ и начала подводить себѣ глаза.

Но она была еще неискусна въ этомъ.

— Lili! — крикнула она. — Je ne sais pas faire les yeux.

— J'y vais!

Лили — уже въ костюмѣ, съ голыми руками и въ очень высокой юбкѣ. Вся она точно выпала совсѣмъ изъ своего костюма, и бѣлизна ея тѣла поражала. Сзади на спинѣ вырѣзъ былъ еще ниже, чѣмъ спереди.

Кэтъ хотѣла сдѣлать ей маленькое замѣчаніе и воздержалась.

„Au fond, — подумала она по-французски, — puisque nous faisons les sabotines“.

Вѣдь и ей приятно было чувствовать себя такой „fille de ballet“ — какъ выразилась Лили Фризенъ. Онѣ будутъ черезъ полчаса показывать свои ноги, обнаженные плечи и руки, спины и затылки мужчинамъ, въ залѣ. Имъ всѣмъ хочется имѣть настоящій актерскій — „каботинскій“ — успѣхъ.

— Ah, ma chère! — пристыдила ее Лили. — Mais vous êtes d'un naïf!..

Въ самомъ дѣлѣ, она не умѣла еще „se faire la figure“, въ чемъ Лили Фризенъ считалась давно мастерицей.

Она начала подводить ей рѣсницы и брови и дѣлать вѣски темными, очень скоро и ловко нагримировала ее, даже на уши положила „du rouge végétal“, который употребляла сама каждый день, такъ что у ней уши казались всегда съ мороза.

Кэтъ сидѣла смиреннѣе, полузакрывъ глаза, и ощущала приятное ползанье мурашекъ по головѣ и вдоль спины. Отъ Лили сильно пахло пудрой и духами, настоящимъ воздухомъ вулицъ. Подерашенные глаза съ расширенными зрачками — она что-то въ нихъ впустила — перебѣгали съ предмета на предметъ, и губы, намазанныя тоже особымъ косметикомъ, задорно раскрывали ротъ.

Она предложила и княжнѣ сдѣлать ея зрачки больше.

— Avez quoi?

— Dame! Avec de l'atropine!

Кэтъ не рѣшилась.

Кто-то постукалъ. Прибѣжала одна изъ барышенъ, въ трикѣд и пеньюарѣ. Чего-то у нихъ тамъ не хватило, и онѣ послали ее къ Лили распорядиться.

Кэтъ кончила одѣваться и, не дожидаясь Лили, первая вышла на сцену, гдѣ стояла темнота.

Все уже было готово. По доскамъ танцовщикъ изъ казеннаго театра, во фракѣ — коротенькій блондинъ, бритый и похо-

жй на лавка—поливалъ изъ лейки на полъ. Вчера и сегодня передъ обѣдомъ они репетировали уже на этомъ полу, и онъ такъ же—каждый разъ—самъ поливалъ

— Что барышня,—обратился онъ къ ней пріятельскимъ тономъ...—трүсите, небось? А?

— Не знаю,—отвѣтила Кэтъ, очень довольная тѣмъ, что все это такъ похоже на балетъ. Она—точно корифейка; а онъ—режиссеръ изъ танцовщицовъ и подшучиваетъ надъ нею.

И сходя къ занавѣси, по пологимъ подмосткамъ, она испытала почти полную иллюзію. Самая походка ея, въ туго-натянутомъ трико, измѣнилась.

Совершенно какъ корифейка, она сейчасъ же приложилась къ одной изъ дырочекъ въ занавѣси.

Публика уже прибывала. Но въ залѣ еще никто не сидѣлъ. Черезъ нее только проходили въ гостиную, откуда раздавался явственный гулъ разговоровъ. Ей даже видны были головы нѣсколькихъ офицеровъ, у входа въ гостиную направо.

Отъ дверей проходной узкой комнаты, ведущей на лѣстницу, отдѣлилась высокая, плотная фигура.

Кэтъ не сразу узнала Таманцева.

Онъ сейчасъ же обернулся лицомъ къ сценѣ.

— „Tiens!—вскричала она:—lui... le moraliste“.

Подъ слоемъ бѣлизы и румянъ ея нѣжная кожа немножко зарумянилась. Первое чувство было похоже на досаду: „Зачѣмъ онъ пожаловалъ? Что ему здѣсь надо?“

Но оно тотчасъ смѣнилось другимъ.

Для кого же онъ могъ „пожаловать“, какъ не для нея? Лили онъ терпѣть не могъ. И для него—какимъ онъ явился изъ деревни—все ея общество должно быть невыносимо. Стало быть?..

Правда, Лили, кажется, пригласила его тамъ, на ваткѣ, гдѣ онъ опять Богъ знаетъ какъ велъ себя—и вскользь.

Что за бѣда!..

Здѣсь Таманцевъ не можетъ имѣ мѣшать своими фразами. На сцену онъ навѣрно не пойдетъ уже изъ-за одного того, чтобы не столкнуться съ Лушковымъ.

Послѣ спектакля, если будутъ танцы, ея кавалеръ—Лушковъ; онъ взялъ съ нея слово танцовать весь вальсъ, какъ это дѣлается за границей, и потомъ котильонъ. Ужинать они уже условились за маленькимъ столикомъ: она, Лушковъ, Лили и ея гусаръ.

Конечно, Таманцевъ явился для нея и уйдетъ „съ носомъ“.

И ей стало его немножко жаль. Она продолжала смотрѣть

въ отверстіе. Таманцевъ не прошелъ сейчасъ же въ гостиную, а оглядывалъ залу, потомъ заговорилъ съ какимъ-то офицеромъ.

За спиной своей Кэтъ слышала шаги. Она обернулась. Поднялась на сцену Лили и расправляла свои тунисы, какъ настоящая танцовщица, держа за борть юлисъ.

Танцовщикъ подошелъ къ ней, все еще держа въ рукѣ маленькую лейку.

— Lili!.. Un moment!—подозвала ее Кэтъ.

Та подбѣжала къ дырочкѣ.

— Qu'en dites-vous? Le ténébreux comte est là.

И Кэтъ назвала Таманцева.

— Tiens! C'est pas à mon intention. C'est à la vôtre.

И обѣ засмѣялись.

— En êtes-vous contente, hein?—спросила ее Лили.—Il est gazeux, se monsieur!

— Oh, que oui!—отозвалась Кэтъ.

Обѣ онѣ разомъ обернулись, увидавъ Лущкова.

Онъ былъ одѣтъ по портрету короля Генриха III. И его истасканно-фатоватое лицо, гримированное артистически, усмѣхалось дерзко и весело. Подъ нижней губой онъ наклеилъ мушку и углы бровей поднялъ. Узкая и высокая шапочка съ перьями сидѣла на затылкѣ, выставляя открытымъ весь лобъ. Кружева кокетливо и женоподобно бѣгли вокругъ его красивой шеи. Трико свѣтло-сиреневаго цвѣта обтягивало стройныя ноги. Игры были искусно поддѣланы.

— Qu'il est beau!—завричала Лили и стала повертывать его кругомъ, держа за край короткаго плаща съ высокимъ воротникомъ.

Кэтъ оглядывала его, тихо улыбаясь. Въ немъ, съ гримировкой и въ костюмѣ, было что-то новое, болѣе опасное и испорченное,—и это влекло ее противъ воли.

Режиссеръ-танцовщикъ подошелъ къ нимъ.

— Парочка на славу!—Онъ указалъ на Лущкова и Кэтъ.

Ихъ онъ поставилъ въ первой парѣ. Лили не возражала—Лущковъ давно былъ кавалеръ Кэтъ; а танцевалъ онъ лучше всѣхъ; да и его дама также.

— Не начинать ли?—спросилъ танцовщикъ.

— Еще пять минутъ!—сказала Лили.

Лущковъ уже держалъ Кэтъ за руку, стоя въ позиціи.

XXIII.

Заиграли „rigodon“.

При поднятіи занавѣса на сценѣ стояли уже четыре пары.

Въ первой парѣ, слѣва отъ зрителей—Лушковъ и княжна Брянская.

Все время балетныхъ танцевъ Таманцевъ былъ привлеченъ тѣмъ, что передъ нимъ дѣлалось на сценѣ.

Когда онъ пріѣхалъ, въ немъ не улеглось еще возбужденіе, какимъ онъ былъ охваченъ съ утра, при Петѣ Долговѣ и послѣ его ухода.

Хозяина дома—мужа Лили Фризентъ—онъ совсѣмъ не помнилъ и по тому только узналъ его, что тотъ стоялъ у дверей и пожималъ всѣмъ руку. Въ гостиную онъ не заглядывалъ. Ему не хотѣлось наткнуться на какую-нибудь знакомую даму, выносить глупые разпросы, а главное, не быть вполнѣ свободнымъ: сидѣть, гдѣ хочется, и потомъ двигаться въ какомъ угодно направленіи.

Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и краска смущенія, почти стыда, заиграла на его щекахъ.

Танцовщица въ первой парѣ—Кэтъ, княжна Брянская, дѣвушка, любимая имъ. Быть не можетъ! Это корифейка изъ балета. Какъ вырѣзанъ ея корсажъ, спереди и сзади, какъ обнажены руки, что за вызывающая манера держаться! И ноги—въ трико, открытыя почти до колѣнъ. Лицо нарумянено, глаза подведены, губы накрашены.

Онъ чуть не крикнулъ ей:

— Княжна! Ради Бога! Перестаньте!

И какъ она танцуетъ! Какими глазами смотритъ все время на своего кавалера! Этотъ Лушковъ—точно родился „миньдномъ“ короля Генриха III-го. Онъ торжествуетъ. Въ покачиваньяхъ его гибкаго туловища, въ головѣ, откинутой назадъ, въ этой шапочкѣ съ перьями, во вздрагиваньяхъ его бедръ, обтянутыхъ нѣжно-сиреневымъ трико, и въ выраженіи его лица было для Таманцева что-то нестерпимое.

Въ этой модной забавѣ онъ чуялъ новую полосу петербургскаго увлеченія актерствомъ. Только бы побыть на сценѣ, передъ рампой, показывать талантъ, шикъ, смѣлость, или бѣдра, плечи, икры, руки, затылки—все, что можно.

И княжна плаваетъ въ своей стихіи. Она до-нельзя красива, танцуетъ съ соблазнительной граціей и знаетъ, что ею всего больше восхищается зала—ею и ея кавалеромъ.

Зачѣмъ же онъ-то здѣсь? Чего еще ему надо? Неужели онъ способенъ связать свою судьбу съ этой великосвѣтской танцовщицей, пріятельницей Лили Фризенъ, ученицей Лушкова?

Первая дрожь пробѣгала по немъ; а руки держали передъ глазами бинокль, и онъ не въ силахъ былъ опустить его.

При каждомъ поворотѣ первой пары—лица Лушкова и его изломанной фигуры—въ груди его вспыхивалъ огонекъ еще неиспытанной имъ ревности.

Вѣдь Лушковъ будетъ требовать отъ нея сегодня же, или завтра, послѣ-завтра, исполненія пари. Кто знаетъ, можетъ быть онъ сегодня отвезетъ ее домой въ каретѣ. Прямо ли въ домъ княгини?

Таманцевъ передъ началомъ спектакля искалъ глазами старую княгиню. Ее нигдѣ не было видно. Она по вечерамъ не выѣзжаетъ. Этой бездушной старухѣ все равно—во что превращается ее внучка.

Помилуйте! „C'est très bien vu“—вотъ такіа балетныя зрѣлища. Только невоспитанные люди, какъ онъ, могутъ возмущаться.

Была одна минута, когда Лушковъ взялъ свою даму за талию и, изгибаясь, глядѣлъ на нее черезъ плечо—Таманцевъ не выдержалъ, бинокль чуть-было не упалъ ему на колѣни. Больше онъ не могъ смотрѣть на сцену.

Публика сильно захопала. Раздались крики и одобрительные возгласы. Танецъ повторили. Начался антрактъ.

Всѣ перекочевали въ столовую съ буфетомъ. Поднялся гулъ разговоровъ. Дѣлалось очень тѣсно и душно. Около двухъ концовъ стола, гдѣ разливали шампанское, была настоящая давка.

Дивертисментъ изъ балетныхъ танцевъ имѣлъ огромный успѣхъ. Хвалили хозяйку, но всего больше Кэтъ и Лушкова.

Въ углу, почти никѣмъ не замѣченный, Таманцевъ стоялъ заходождѣлый, въ этой жаркой комнатѣ, набитой гостями.

Слѣва отъ него, черезъ каминъ, группа молодыхъ людей—половина были военные—разбирала, точно въ Маринскомъ театрѣ, умѣнье танцовать Лили и Кэтъ. Тѣ же словечки и термины балетнаго жаргона.

— Нѣтъ, какова княжна?!—доносилось до него.—Какой занось носка!.. А?..

— Молодцомъ!

— Занось хорошгъ!—рѣшилъ какой-то ворнетъ, пустивъ эту фразу жиденимъ баскомъ.

„Занось!“—повторилъ про себя Таманцевъ.

Будь онъ ея женихъ или братъ, развѣ онъ имѣлъ бы право вѣшаться и кривнуть этимъ мальчишкамъ:

— Такъ про дѣвушку изъ общества не говорятъ, господа!

Это вызвало бы смѣхъ даже у такихъ молокососовъ. Разъ „дѣвушки изъ общества“ лѣзутъ изъ кожи, чтобы имъ натанцовать трико и показывать свои „заносы“ и твердость своего „носка“ — какъ же иначе говорить о нихъ?

Антрактъ танулся безъ конца. Таманцевъ не зналъ, какъ ему выбраться изъ этой гудящей толпы. Знакомыхъ онъ избѣгалъ, да ихъ почти и не было у него среди общества Лили Фризентъ. Онъ отсталъ отъ Петербурга и чувствовалъ себя точно иностранцемъ. Это его ни мало не смущало. Только бы поскорѣе шель этотъ вечеръ.

Что онъ сдѣлаетъ? Будетъ ли говорить съ княжной, пригласить ли ее танцевать, попросить ли ужинать вмѣстѣ?—онъ ничего не зналъ.

Онъ зналъ одно—она не участвуетъ въ маленькой „saupète“, на французскомъ языкѣ, изъ скабрѣзнаго репертуара парижскихъ кафе-шантановъ.

На афишѣ онъ прочелъ имена Лили, Лушкова и еще какого-то мужчины. Стало быть—Кэтъ придетъ въ зрительную залу.

Когда зазвонили, онъ не торопился занять мѣсто, чтобы знать, гдѣ она сядетъ.

Но занавѣсъ поднялся—ея не было въ залѣ. Таманцевъ протискался въ глубину залы, въ стѣнѣ, и сталъ тамъ въ толпѣ мужчинъ, которымъ недоставало мѣстъ.

Имъ овладѣла нервная тревога. Онъ то-и-дѣло поворачивалъ голову въ сторону двери, въ правомъ углу, куда былъ ходъ на сцену.

Какой-то сѣдѣющій любитель музыки одинъ представлялъ собою оркестръ, и оперетка шла подъ фортепiano.

И опять Лушковъ—въ неприлично шутовскомъ костюмѣ, выставившемъ его формы, съ наружностью истаго парижскаго „soupeur“ — заплѣлъ куплеты съ прозрачными намеками, которые мужчины поддерживали взрывами смѣха. И дамы были очень довольны.

Его голосъ раздражалъ Таманцева едва ли не сильнѣе, чѣмъ позы и вся вѣшность во время балетныхъ танцевъ.

Встрѣть онъ его сейчасъ, тутъ вотъ въ залѣ, онъ бы сказалъ ему что-нибудь, чего никто не проститъ въ обществѣ, и вотъ дуэль—готова.

И онъ сознавалъ, что ничѣмъ другимъ не можетъ это кон-

читься... Что бы у него ни вышло съ княжной Кэтъ— Лущкова онъ долженъ „устранить“.

Въ половинѣ оперетки изъ дверей проходной комнаты показалась Кэтъ въ полу-бальномъ платьѣ. Мужчины разступились, и кто-то предложилъ ей мѣсто въ первомъ ряду.

Таманцевъ могъ видѣть только ея голову, шею, плечи.

И сейчасъ же Кэтъ изъ „ригодона“, великосвѣтская балетная танцовщица, куда-то исчезла... Его потянуло къ той Кэтъ, какую онъ мечталъ создать. Чувство большой нѣжности подергалось къ нему...

Нѣтъ! Онъ не въ силахъ будетъ сказать ей что-нибудь обидно-горькое, повести себя въ ея присутствіи такъ, чтобы вышла исторія. Онъ отвернулся отъ сцены и до конца спектакля почти забылъ о существованіи Лущкова и не слышалъ даже его голоса, раздававшагося и просто, и „подъ музыку“.

XXIV.

— Получишь рубль! Скачи за той каретой!

Таманцевъ бинулся въ сани перваго извозчика, какой стоялъ у подъезда. Свою наемную карету онъ бросилъ, чтобы не терять времени.

Его трясло, какъ въ лихорадкѣ.

И весь остальной вечеръ прошелъ для него точно въ чадѣ.

Послѣ спектакля онъ ни разу не столкнулся ни съ Кэтъ, ни съ Лущковымъ. Онъ могъ бы прямо подойти къ ней передъ тѣмъ, какъ начались танцы. Его удерживало чувство, котораго онъ не въ силахъ былъ побороть. Ему было бы слишкомъ горько услышать отъ княжны что-нибудь колкое. Встрѣча съ Лущковымъ звала бы бурю.

Онъ видѣлъ, какъ они танцовали вальсъ по заграничному— весь танецъ; и Лущковъ позволялъ себѣ даже, дѣлая паузы, стоять съ дамой, положивъ руку на ея талію, какъ это водится на иныхъ парижскихъ балахъ.

Котильонъ длился всего съ полчаса, и его танцовали послѣ ужина. Лили Фризенъ увидала его въ группѣ мужчинъ, подошла и предложила танцевать. Онъ отказался. Ужинали за маленькими столиками, въ гостиной и въ залѣ, и даже на сценѣ. Ему изъ гостиной, гдѣ онъ присѣлъ къ одному столу, занятому только мужчинами, былъ виденъ тотъ столъ, гдѣ сидѣли Кэтъ, Лущковъ, Лили и гусаръ—ея домашній другъ.

Они хохотали, пили шампанское, держали себя—точно они въ кабинетѣ ресторана. Сквозь гулъ разговоровъ до него долетали остроты Лушкова, восклицанія Лили и Кэтъ.

Не могъ онъ ошибиться, когда до слуха его долетѣла фраза Лушкова:

— Un pauvre sire!

На что Лили сказала:

— Il est si amoureux!

Конечно, ни о комъ другомъ не могла идти рѣчь, какъ о немъ.

„Un pauvre sire“!

И звукъ голоса былъ брезгливо-снисходительный.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не жалокъ? Развѣ онъ не продолжалъ играть глупую и пошлую роль, точно провинціальный франтъ, затесавшійся на столичный вечеръ, гдѣ онъ не знаетъ, чтѣ съ собою дѣлать, и представляетъ собою жалчайшую фигуру.

Ничего подобнаго онъ еще не испытывалъ никогда.

У него достало духу, послѣ котильона, ходить по столовой и дожидаться, когда начнется развѣздъ.

Лили проводила Кэтъ на лѣстницу. Тутъ былъ и мужъ ея. Лушковъ укутывалъ княжну. Потомъ и Лили, и мужъ ея начали прощаться съ гостями. Онъ стоялъ на верхней площадкѣ и ждалъ.

Лушковъ и Кэтъ внизу, въ сѣняхъ, держались въ сторонѣ, и по лицамъ ихъ Таманцевъ читалъ весь ихъ разговоръ. Глаза у Кэтъ блестятъ, щеки разгорѣлись. Лушковъ, конечно, напомнилъ ей о пари.

„Это невозможно! — вскричалъ онъ про себя. — Теперь, въ такой часъ, послѣ ужина, ѣхать ѣсть устрицы! А почему же не въ ресторанъ или къ себѣ?“

Довольно было и того, что Лушковъ провожалъ ее.

Быть можетъ, онъ только посадить ее въ карету.

Раздался голосъ швейцара:

— Карета готова!

Не можетъ быть, чтобы онъ сѣлъ съ нею въ карету. Но въѣзднаго лакея въ ливреѣ княгини онъ не видалъ. Или его совсѣмъ не было? Это, можетъ быть, наемная карета Лушкова. Швейцаръ распахнулъ входную дверь—Кэтъ быстро вышла, съ тѣмъ-то бѣлымъ на головѣ, и за ней Лушковъ въ шинели съ бобромъ и цилиндрѣ.

Сомнѣнія—никакого. Они уѣхали вмѣстѣ.

Извозчикъ гналъ. Карета была уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ, и черезъ двѣ-три минуты они ее догнали. Это была двумѣстная барская карета, полуторная и въ шорахъ,—конечно, его карета.

Она повернула въ Фонтанѣ, переѣхала мостъ, по Караванной выѣхала на Невскій и взяла направо.

Извозчикъ такъ настегалъ свою лошадь, что она поскакала, и была одна минута, когда сани поровнялись съ каретой и Таманцева можно было увидеть въ окно. Но на Невскомъ уже стояла полумгла отъ ночныхъ фонарей.

Проѣхали и Гостинный Дворъ, и у троттуара того дома, гдѣ милютины лавки, карета остановилась. Все уже было темно.

Таманцевъ выскочилъ изъ саней и смѣло подошелъ въ ту самую минуту, когда дверка кареты растворилась и Лушковъ выскочилъ первый, подбѣжалъ къ дверямъ магазина Романова, оглянулся, хотѣлъ точно начать стучать и вернулся къ каретѣ.

— *Tout est fermé!*—сказалъ онъ.—*Vous n'avez pas gagné le pari.*

— *Si, si!*—раздался голосъ Кэтъ:—*Je l'ai gagné.*

И только-что Лушковъ хотѣлъ вскочить опять въ карету — Таманцевъ взялся за ручку двери и почти оттолкнулъ его.

— Княжна,—заговорилъ онъ вполголоса: — я васъ умоляю! Не позволяйте этому господину...

Онъ не могъ досказать. Губы его вздрагивали.

— Что? Что такое? Кто вы?

Лушковъ схватилъ его за бортъ его шубы и хотѣлъ оттолкнуть.

Кэтъ вскрикнула и захлопнула дверцу изнутри.

Оба мужчины остались на троттуарѣ. Карета не двигалась.

— Кто я? — громче заговорилъ Таманцевъ, и ярость возвратила ему свободу рѣчи. Я—графъ Таманцевъ, и я запрещаю вамъ —слышите ли—запрещаю ѣхать съ княжной.

— *Ah ça! C'est du progrès. Mais vous êtes fou!*

— Кучеръ! — крикнулъ Таманцевъ. — Пошелъ! Отвезешь даму.

Онъ назвалъ улицу и номеръ дома.

Лушковъ хотѣлъ-было взяться за дверцу кареты, но двѣ сильные руки держали его.

— Послушайте,—вѣско и раздѣльно говорилъ Таманцевъ:—если вы сейчасъ не приважете вашему кучеру отвезти княжну домой, я васъ задушю!

— Скажите пожалуйста!—по-русски вскрикнулъ Лушковъ, и его дерзкое лицо—блѣдное и злое—ослабилось.

— Приказывайте!

Лушковъ что-то быстро сообразилъ и сказалъ Таманцеву, выпрямляясь:

— Laissez-moi... Nous sommes deux gentilshommes, que diable!

И, обращаясь къ кучеру, приказалъ:

— Ступай, куда тебѣ сейчасъ велѣли!

Только-что карета повернула, Лущковъ крикнулъ гнѣвнымъ и жидкимъ голосомъ:

— Et maintenant monsieur, je vous dis, que vous n'êtes qu'un méchant drôle!

Таманцевъ сдѣлалъ къ нему движеніе, точно желалъ схватить его за горло.

— Ни слова больше, или...

— Или что?— крикнулъ Лущковъ.— Envoyez-moi vos témoins, mais f...z moi la paix!

Циническое французское слово такъ и зазвенѣло въ воздухѣ.

Лущковъ вскочилъ въ сани. Какихъ-то двое пѣшеходовъ остановились, привлеченные этой сценой. Городовой со середины улицы двинулся въ ту же сторону.

„Господи! Что за пошлость!“— почти съ плачемъ вскричалъ про себя Таманцевъ и тихо пошелъ вверхъ по Невскому, не соображая куда идти—къ себѣ домой или совсѣмъ въ противоположную сторону.

Ничего пошлѣе онъ не могъ вообразить себѣ. Мальчишеская выходка, хуже того—уличный скандалъ между какими-то посѣтителями ночныхъ притоновъ.

Неужели такъ онъ хотѣлъ отстоять любимую дѣвушку—трогнуть ее своимъ чувствомъ, показать ей, куда ее можетъ завести игра съ развратникомъ, подобнымъ Лущкову?

Но какъ ему ни было стыдно за самого себя, онъ все-таки чувствовалъ облегченіе. Завтра онъ пошлетъ вызовъ Лущкову. Надо уничтожить эту ненавистную фигуру во что бы то ни стало!

И ему сдѣлалось до боли ясно, что если онъ не убьетъ Лущкова, то лучше самому быть убитымъ, чѣмъ переживать новыя муки.

XXV.

Никакого волненія не чувствовалъ на другой день Таманцевъ, поджидая передъ обѣдомъ своего секунданта.

Онъ бы навѣрно расхохотался, слыши ему кто-нибудь недѣлю назадъ, что не кто другой, какъ „Петюня“, будетъ его секундантомъ.

Тотъ могъ ожидать, что послѣ вечера у Лили Фризенъ выйдетъ что-нибудь экстренное. Рано утромъ принесли отъ него записку. Онъ спрашивалъ—не нуженъ ли онъ будетъ графу, не дѣлая, впрочемъ, никакихъ намековъ.

„Отчего же не взять мнѣ въ секунданты Петюню?—спросилъ онъ себя, еще лежа въ постели, когда камердинеръ подаль ему записку Долгова.—Чѣмъ онъ хуже другихъ?“

Перебирая въ головѣ, кто у него въ Петербургѣ близкіе люди, онъ не нашелъ ни одного настоящаго пріятеля, хотя зналъ не мало народу. Ни съ однимъ изъ нихъ онъ не станеть откровенно разговаривать. Подумалъ-было онъ—не обратиться ли ему къ журналисту Луцкому, съ которымъ недавно познакомился и завтракалъ въ ресторанѣ?

Есть, пожалуй, и товарищи дѣтства. Но какіе? Въ родѣ князя Мятъки Карай-Родейво?

Петю онъ не хочетъ тянуть въ это дѣло—кто знаетъ, чѣмъ можетъ кончиться дуэль. Но пускай онъ ему найдетъ кого-нибудь изъ своихъ пріятелей. Гораздо лучше имѣть дѣло съ очень молодыми людьми. Они погорячѣе, менѣе уступчивы, а то начнется противная канитель съ переговорами и съ обмѣномъ писемъ.

Долгова онъ сейчасъ же попросилъ къ себѣ, и тотъ явился черезъ часъ; первый его вопросъ былъ:

— Вы его вызвали, графъ?

— Нѣтъ еще, но собираюсь.

Видя, что Таманцевъ такъ спокоенъ, Петя очень деликатно предложилъ свои услуги,—„въ чемъ только онъ можетъ быть полезенъ графу“.

— Да съ какою же стати я тебя, Петюня, буду впутывать?—спросилъ его Таманцевъ тономъ старшаго.—Твоя маменька первая мнѣ спасибо не скажетъ. Я хочу серьезно драться.

— Понимаю!—вскричалъ Долговъ и покраснѣлъ.—Понимаю васъ, графъ. Такая поганенькая личность, какъ этотъ Лушковъ...

— Но ты-то тутъ при чемъ, Петюня?

— Видите, графъ...

Петя подналъ свои красивыя рѣсницы и заговорилъ, замѣтно волнуясь:

— Кто же былъ причиной всей этой исторіи, графъ? Я—и никто больше—согласитесь сами. Еслибъ не я—вы бы ничего не знали. Быть можетъ, я и вообще не правъ, что пріѣхалъ къ вамъ вчера. Я цѣлую ночь продумалъ, увѣраю васъ. Но я не могъ поступить иначе. И даже вызови меня Лушковъ, я бы

принять этотъ вызовъ... коли угодно, въ видѣ наказанія, но иначе я, ей-Богу, поступить не могъ.

— Да кто тебя упрекаетъ?

— Вотъ видите... вы хотите драться. Я не имѣю права разспрашивать васъ...

— Но тебѣ смертельно этого хочется, Петюня?—весело перебилъ его Таманцевъ.—Дѣло очень простое. Я такъ повелъ себя, что Лущковъ не могъ меня не оскорбить, и даже самъ первый крикнулъ, чтобы я прислалъ секундантовъ и оставилъ его въ повоѣ.

— Самъ первый? Это меня удивляетъ.

— Онъ не смотритъ трусомъ. Онъ только наглець.

— Вотъ видите, графъ. Кто же другой можетъ быть вашимъ секундантомъ, какъ не я? Понимаю... я для васъ слишкомъ юнъ, слишкомъ незначителенъ. Но позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, быть хоть вторымъ.

— Позволю! Будь хоть первымъ, если ты этого такъ добиваешься, но, право, мнѣ неловко...

— Нѣтъ ужъ позвольте, графъ.

Петя сложилъ просительнымъ жестомъ свои ручки, и Таманцевъ, глядя на него, представилъ себѣ, какъ это такая „барышня въ панталонахъ“ будетъ устанавливать ихъ и командовать.

— Да ты, Петюня, бывалъ ли когда на дуэляхъ?

— Нѣтъ, графъ, я не хочу лгать. Это меня смущаетъ, конечно. Но видите... Надо двухъ секундантовъ—это всегда дѣлается въ серьезныхъ дуэляхъ. И вотъ мнѣ сейчасъ же пришла комбинація...

— Давай твою комбинацію.

— У меня есть другъ. Онъ былъ старше меня и по гимназій, и по университету. Фамилія его Костроминъ. Это характеръ. Всегда онъ отличался любовью къ спорту. Прекрасный велосипедистъ и бралъ призы на состязаніи бѣгуновъ. Фехтовальщикъ замѣчательный, стрѣлокъ также. Онъ бывалъ секундантомъ. Я это навѣрно знаю.

— Зачѣмъ же совсѣмъ посторонняго человѣка втягивать... А если онъ на службѣ?..

— Нѣтъ! Онъ нигдѣ не служить. Богатый человѣкъ. Его главная страсть—нумизматика. Собираетъ русскія древнія монеты... Онъ будетъ очень польщенъ. Я бы не посмѣлъ предложить вамъ кого-нибудь... такъ себѣ.

Петя во всей этой сценѣ былъ такъ милъ, что Таманцевъ весело крикнулъ:

— Дѣйствуй, Петюня, дѣйствуй!

У него съ той минуты, какъ проснулся, было на душѣ спокойно и даже весело. Никакіе назойливые вопросы не шли ему въ голову. Хотѣлось одного—уничтожить Лушкова. Онъ не вѣрилъ въ то, чтобы Катъ могла серьезно полюбить своего „развратителя“.

Былъ онъ очень доволенъ и тѣмъ, что секундантъ у него—Петя. Нѣтъ никакой надобности давать какія-нибудь объясненія насчетъ мотивовъ. Но еслибъ оно и оказалось нужнымъ, Долгову онъ скорѣе готовъ былъ сообщить двѣ-три подробности изъ того, что вышло у Лили и на Невскомъ. Но говорить что-нибудь всякому другому—было бы для него слишкомъ тяжело.

Уже совсѣмъ смерклося, а Таманцевъ все еще сидѣлъ, въ кабинетѣ у камина, безъ свѣта, когда ему доложили о Долговѣ и его пріятелѣ.

Человѣкъ внесъ лампу, вслѣдъ за гостями, и Таманцевъ успѣлъ сейчасъ же разглядѣть лицо Костромина—немного полное, бритое, съ усами, и старообразное для его лѣтъ. Его плотная фигура немного горбилась. Онъ смотрѣлъ скорѣе иностранцемъ, чѣмъ кореннымъ русакомъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Долговъ явился въ длинномъ сюртукѣ, по модѣ, застегнутый до верху—и лицо у него было особенно серьезное.

— Вотъ, графъ, — представилъ онъ своего друга, — Сергѣй Костроминъ—человѣкъ опыта во всемъ, что относится...

Онъ досказалъ жестомъ, почему-то немного сконфуженный.

Другъ его, сохраняя дѣловое выраженіе, пожалъ руку Таманцеву неторопливо и сѣлъ въ кресло съ такимъ же дѣловымъ видомъ.

— Благодарю васъ, — обратился къ нему въ первому Таманцевъ. — Вы меня совсѣмъ не знаете и сейчасъ же согласились.

— Это ничего, — отвѣтилъ другъ Пети и выпятилъ свои толстоватыя губы. — Очень радъ... Долговъ по этимъ вопросамъ — швахъ. Но онъ будетъ, конечно, первымъ секундантомъ. Я весьма охотно направлю его. И если случится надобность въ составленіи протокола... И потомъ на мѣстѣ поединка.

„Какіе они потѣшные!“ — думалъ Таманцевъ, поглядывая на этихъ двухъ юнцовъ.

Оба совсѣмъ непохожи на то, чѣмъ онъ самъ былъ, въ ихъ лѣта. Оба такъ юны, а что-то въ нихъ—не по лѣтамъ степенное. Еще „Петюня“ отдаетъ дань своему возрасту; а этотъ нумизматъ—точно изъ гуттаперчи. Уравновѣшенность необычно-

венная и такой видъ, будто онъ давнымъ-давно рѣшилъ всякіе вопросы и на все можетъ отвѣтить безъ запинки.

— Долговъ мнѣ сообщилъ, графъ,—началь Костроминъ, вытянувъ ноги къ камину,—что вы желаете серьезной дуэли.

— Серьезной,—подтвердилъ Таманцевъ.

— А ежели противникъ вашъ согласенъ будетъ извиниться, и не на словахъ, а на письмѣ?

— Никакихъ извиненій я не приму.

— Это ваше рѣшительное слово?

— Рѣшительное.

Таманцеву было еще забавнѣе слышать, какимъ тономъ все это говорилось.

Но въ сущности такого секунданта ему и нужно. Петя ступается, а вести все будетъ этотъ коренастый и жилистый спортсменъ и нумизматъ. И прекрасно!

И все такъ же обстоятельно другъ Пети поставилъ еще нѣсколько вопросовъ, при чемъ Долговъ его много разъ останавливалъ словами: не довольно ли?—а тотъ не обращалъ на это никакого вниманія.

Рѣшено было, что Таманцевъ напишетъ письмо, съ которымъ они сейчасъ же и отправятся къ Лушкову, и если не застанутъ его дома, то оставятъ ему коллективное письмо, въ которомъ попросятъ прислать его свидѣтелей завтра, на квартиру Костромина.

Таманцевъ присѣлъ къ столу и сталъ-было писать набѣд; но Костроминъ замѣтилъ ему, что лучше написать черновой подлинникъ и сохранять его у себя, и только бѣловое письмо отправить противнику... Онъ согласился съ этимъ, и пока онъ писалъ письмо, оба друга—сидя у камина—шопотомъ перекидывались словами.

— Такъ ли? — спросилъ Таманцевъ и прочелъ черновую вслухъ.

— Превосходно! — вскричалъ Долговъ.

— Если позволите мнѣ одно замѣчаніе, — все такъ же солидно выговорилъ Костроминъ и всталъ: — вотъ это слово можно бы выкинуть.

Слово, дѣйствительно, было лишнее.

И когда Таманцевъ доканчивалъ бѣловую, въ передней раздался сильный звонокъ, и въ кабинетъ безъ доклада и довольно шумно—болѣе вбѣжалъ, чѣмъ вошелъ, князь Карай-Ровейко.

XXVI.

— Какъ я радъ, душа моя, что засталъ тебя!

Таманцевъ не успѣлъ сказать слова, какъ „Митька“ уже обнялъ его.

Лицо у него было блѣдное, взволнованное, его жидкая прядь волосъ по срединѣ совсѣмъ лысаго черепа торчала. Глаза были возбужденные и немного влажные.

— Что такое?—наконецъ спросилъ его Таманцевъ.

— Puis-je parler?—шепнулъ ему на ухо Карай и оглянулся на секундантавъ.

— Эти господа уходятъ.

Таманцевъ не расудилъ называть князю. Карай молодыхъ людей. И оба они сейчасъ же удалились, отдавъ Карай его поклонъ.

— Что такое? — повторилъ Таманцевъ. — Садись. Бурить хочешь?

Это шумное вторженіе „Митьки“ почему-то не поворобило его. Настроеніе его—спокойное и благодушное, почти веселое—продолжалось.

— Ужасно радъ, что засталъ тебя, André! Скажи пожалуйста, кто же эти господа? Неужели твои секунданты?..

— Ты почему знаешь?—шутливо прервалъ Таманцевъ.

— Неужели? Этакіе будутъ ассистировать тебя на *мензуръ*?—онъ любилъ употреблять выраженія нѣмецкаго бурша:—этакіе? Да одинъ совсѣмъ сосунокъ!.. Какъ же это, душа моя, у тебя есть товарищъ дѣтства и студенческихъ лѣтъ, какъ я,—и ты не плешь за мной? Право обидно! Но я не таковъ! Нѣтъ, Митька Карай—не таковъ! Нѣ-ѣтъ!—протянулъ онъ.

И не давая остановить себя, онъ заговорилъ быстрѣе, но вполголоса:

— Сегодня—въ биллиардной, тамъ, у насъ — Баранцевъ въ углу шепчется съ Лушковымъ. Слышу твою фамилію... И назначаютъ себѣ *rendez-vous* черезъ два часа. Но меня, братъ, на мякинѣ не проведешь. Я—травленный волкъ. Я въ нимъ сейчасъ и говорю: „Господа, дѣло идетъ объ Андрюшѣ Таманцевѣ. Это мой *коммиттѣ*—и пожалуйста безъ всякихъ тайнъ!“ Tu sais, Лушковъ *est un crevé que je n'aime pas énormément*... Сейчасъ съѣжился и отвѣчаетъ въ такомъ тонѣ... знаешь, *pincé*. Я, душа моя, самъ его чуть не вызвалъ... Баранцевъ тоже со

своими балабурами. И удалились скоропостижно. Но я все достаточно сообразилъ...

— Постой, — прервалъ его Таманцевъ и положилъ ему руку на колѣни. — Ты меня весьма обяжешь, любезный другъ, если ничего и никому не станешь болтать.

— Однако, *André!*

— Тебѣ это невозможно — я знаю. Но, пожалуйста, не вѣшайся ты. И знаешь, Митька, если до меня дойдетъ что-нибудь твоего сочиненія — ты будешь имѣть дѣло со мною.

— Моего сочиненія! Моего сочиненія! — Карай обидчиво шмыгнулъ носомъ и всталъ. — *Mais, mon cher,* — выговорилъ онъ шумиѣ и задорнѣе: — *c'est un secret de polichinelle.*

— Что? — строже спросилъ Таманцевъ.

— Какъ что? Изъ-за чего вы деретесь? Тутъ княжна Кать Брянская замѣшана! *On sait tout cela, mon cher.*

Поднялся и Таманцевъ и, взявъ Карая за пуговицы его довольно обдерганнаго пиджака, сказалъ:

— Смотри, Митька! Не доводи меня до градуса!

И вдругъ ему стало гадко отъ всей этой исторіи. Самъ онъ, его противникъ, княжна Кать, собственное чувство. Пахнуло чѣмъ-то трактирнымъ, пошлымъ. И объ этомъ уже болтаютъ вездѣ, ругаютъ его, смѣются, острятъ, рады чѣмъ-нибудь наполнить свою бездушную петербургскую пустоту.

— Ну хорошо, ну ладно, — сбавилъ сразу тонъ Карай. — Съ тобой нельзя говорить. Дай мнѣ сигару, *mon cher.*

— Возьми вонъ тамъ, на столикиѣ.

Митька вкусно закурилъ и вернулся къ камину.

— Богъ съ тобой! Насильно милъ не будешь. Но это съ твоей стороны плохой расчетъ — не взять меня въ секунданты. Ты никого и ничего не знаешь. А я каждого изъ этихъ мусьяковъ насквозь вижу. Во-первыхъ, ни до какой дуэли я бы не допустилъ. За этимъ Душновымъ мы знаемъ, братъ, такія вещи... Мое почтеніе!

„Не предложить ли ему бѣлую ассигнацію?“ — подумалъ Таманцевъ, уйдя къ письменному столу и почти не слушая, что говоритъ Карай.

То настроеніе, которое онъ имѣлъ съ утра, отлетѣло, и все то же чувство чего-то противнаго, даже физически, давало себя знать, точно на языкъ ему капнули чѣмъ-то липкимъ и дурно пахнущимъ.

Если этотъ шутъ будетъ еще болтать, онъ, пожалуй, возьметъ его за плечи и вытолкаетъ.

Но кто-то позвонилъ въ передней.

Можетъ быть, его секунданты, не заставъ дома Лушкова, вернулись. Его квартира была въ пяти минутахъ ѣзды.

— Кого Богъ несетъ? — выговорилъ Карай такимъ тономъ, точно онъ интимнѣйшій другъ хозяина и не желаетъ, чтобы имъ мѣшали.

Это опять вызвало невольную усмѣшку на лицо Таманцева.

— Господинъ Баранцевъ! — доложилъ отъ двери камердинеръ.

Карай вскочилъ.

— Очень радъ! Онъ навѣрно отъ того... ты понимаешь? Но только это совсѣмъ не въ порядкѣ. Я ему сейчасъ же дамъ понять.

Баранцевъ входилъ съ своимъ обычнымъ выраженіемъ чело-
вѣка, который изъ всего дѣлаетъ сюжетъ для своихъ остротъ.

— Bonjour! bonjour! — полунебрежно выговорилъ онъ, еще не доходя до Таманцева. Карая онъ точно не замѣчалъ.

— Здорово! — окликнулъ его Карай и подошелъ.

— А! И ты тутъ? Графъ, здравствуйте! — сказалъ Баранцевъ, пожимая руку хозяину и становясь спиною въ Карая.

— Ты по какому дѣлу? — началъ приставать Карай.

— По этому! — небрежно отозвался Баранцевъ и, взявъ подъ руку Таманцева, выговорилъ вполголоса: — *renvoyez cet animal!*

— Чтѣ ты сказалъ?.. Баранцевъ! Мы съ André старые товарищи, и ты пожалуйста не мудри... А впрочемъ я вамъ, господода, мѣшать не стану... André! на одно слово!

Таманцевъ вышелъ съ Караемъ въ столовую.

— Душа моя! Этотъ Баранцевъ — просто нахалъ. Но ты знаешь... *je suis à cheval sur la chevalerie*... ха, ха!.. вотъ и каламбуръ, хоть тому — бонмотисту — впоору! У тебя въ домѣ я не полѣзу на драку! Ты меня извини.

— Говори скорѣе... Сколько тебѣ?

— Ха, ха!.. Какое ясновидѣніе! Знаешь... я какъ въ одной нѣмецкой комедіи... Появляется пріятный молодой человекъ и говорить: „*Puffen sie mir fünf Gulden*“... А у меня бѣленькая... нынче лиловая... Ты, братъ, черезъ это не проходилъ.

И онъ вздохнулъ и даже закрылъ глаза.

Таманцевъ сунулъ ему бумажку и ушелъ, не провожая его до передней.

Въ кабинетѣ онъ нашелъ Баранцева на диванѣ, въ позѣ человека, которому предстоитъ разговоръ, гдѣ онъ долженъ показать, какой онъ тонкій человекъ.

— Спустили ту балалайку?—спросилъ онъ и тихонько свиснулъ. Я ему все говорю: продай ты себя кому хочешь, хоть въ самозванцы иди, только не *карай* насъ своей особой!

Острота прошла безъ эффекта, и Баранцевъ, перемигнувъ сейчасъ же тонъ, спросилъ:

— Эта балалайка что-нибудь ужъ наврала вамъ?

— Вы—отъ Лущкова, — отвѣтилъ Таманцевъ, садясь около него на диванъ.

— Да. Отъ него. Мы знаемъ, и вы, и я—какъ его представитель въ эту минуту,—что это несовсѣмъ въ обычай. Онъ ждалъ вашихъ секундантовъ.

— Я послалъ ихъ.

— Послали?

Баранцевъ щелкнулъ языкомъ и подался назадъ.

— Около часа назадъ... Вы прямо отъ господина Лущкова?

— Я былъ съ нимъ... только въ ресторанѣ. Они его не могли застать. Какъ это досадно... А впрочемъ...

Онъ придвинулся къ Таманцеву, положилъ ему руку на колѣни и заговорилъ скоро и ласково, тономъ товарища—старше лѣтами и сознающаго свой авторитетъ бывалаго человѣка.

— *Vous, cher comte...* Я въ вамъ прѣхалъ не какъ секундантъ, а какъ посредникъ, что-ли... Это слишкомъ громко... *Enfin, un homme de bon sens.*

Таманцевъ, опустя голову, промолчалъ.

— Я не стану перебирать, кто правъ, кто виноватъ,—продолжалъ Баранцевъ потише.—*Ce n'est pas mon affaire.* Довольно того, что Лущковъ самъ крикнулъ вамъ:—„присылайте мнѣ секундантовъ“. Стало, онъ признаетъ васъ въ полномъ правѣ вызывать его. Вы знаете, что онъ—не трусъ.

— Нѣтъ, не знаю,—громко и спокойно выговорилъ Таманцевъ.

— *C'est moi qui vous le dis.* И вдобавокъ онъ отличный стрѣлокъ. Вы мнѣ можете повѣрить.

— Вамъ и книги въ руки,—съ усмѣшкой сказалъ Таманцевъ.

Онъ начиналъ чувствовать, что теряетъ спокойствіе.

— *Et puis, il y a une troisième personne en jeu...* Вы оба порядочные люди. *Tout ça a l'air d'une mauvaise plaisanterie.* И Лущковъ слишкомъ уменъ, чтобы не дать всей этой исторіи другой оборотъ.

Баранцевъ сдѣлалъ передышку.

XXVII.

— Однако, Таманцевъ, что же вамъ угодно, наконецъ?

Этотъ вопросъ вырвался у Баранцева, послѣ того, какъ онъ передалъ согласіе Лушкова обратиться къ графу съ письмомъ, гдѣ тотъ заявилъ, что беретъ назадъ все рѣзкое въ словахъ, сказанныхъ во время ихъ сцены.

Таманцевъ не принималъ никакихъ извиненій, хотя и находилъ свое поведеніе на троттуарѣ Невскаго не менѣе рѣзкимъ.

— *Voyns!*.. — искренней нотой вскричалъ Баранцевъ; онъ опять очень близко подсылъ къ нему и взялъ его за руку. — Вы, стало, абсолютно желаете, чтобъ онъ, какъ англичане, кажется, говорятъ: „присоединился къ большинству“? — „to have joint the majority“ — перевелъ онъ съ наряднымъ англійскимъ акцентомъ... А?.. Чтобъ прямо отправился *ad patres?*..

— Вы меня какъ спрашиваете? Какъ его секундантъ, или просто... какъ человѣкъ?..

— То-есть, какъ это: человѣкъ? Въ лавейскомъ смыслѣ или...

— Полноте острить, Баранцевъ, — строго остановилъ его Таманцевъ, быстро всталъ и заходилъ въ пространствѣ между каминномъ и письменнымъ столомъ. — Если вы хотите это знать — просто какъ человѣкъ, какъ русскій „конца вѣка“, какъ баринъ, наконецъ, извѣстный своимъ остроуміемъ, наблюдательный...

— *Et saetega!*.. — прибавилъ Баранцевъ, сдерживая себя, съ наклоненной красиво головой.

— Я вамъ вотъ что скажу...

Лицо Таманцева замѣтно поблѣднѣло, и вокругъ свѣжаго рта заиграла нервная тревога.

— Лушковъ для меня — не первый попавшійся господинъ. Это — какъ бы мнѣ выразиться — символъ, что-ли...

— *C'est de la philosophie!* — точно для себя проговорилъ Баранцевъ.

— Онъ олицетворяетъ для меня все, что я нашелъ здѣсь въ нашемъ *мондѣ* — въ этомъ отвратительномъ Петербургѣ чинушей, барьеристовъ, добровольныхъ холоповъ и миньоновъ...

— Позвольте, графъ! — серьезно остановилъ его Баранцевъ.

— Не забудьте, что я явился сюда отъ того же Лушкова.

Но глаза Баранцева говорили: „въ сущности вы правы, и я вамъ моего пріятеля головой выдамъ“.

— Извините!.. И лучше бросимъ мы его. Убьетъ онъ меня, — что дѣлать! Жить въ теперешнее время — тяжкая обуза и не

великая сласть. Убью я его — я это сдѣлаю безъ всякаго сожалѣнія, и не потому только, что онъ мой противникъ, какъ вы, конечно, думаете! Нѣтъ! Не одно это! Вотъ здѣсь — онъ указалъ на грудь — вотъ здѣсь накинѣло. Противно, прямо омерзительно видѣть, что такое всѣ тѣ, кто стоитъ, какъ „городъ на горѣ“; — онъ употребилъ цитату, но его собесѣдникъ не зналъ, откуда она: — что это за ничтожество душевное, убожество ума, воли, характера, безпробудное бездѣлничество и безпутство. Быть можетъ, и я не лучше! Но это не доказательство — стремительно отвѣтилъ онъ „какъ бы самому себѣ.“ — Это не доказательство! Даже и тѣ, кто считаетъ себя неизмѣримо выше всего этого народа — и тѣ не заслуживаютъ чести жить.

— Ха, ха, ха! — тихо разсмѣялся Баранцевъ, всталъ и началъ застегивать свой пиджакъ. *Un éreintement de première classe!*
„Господи! — тутъ же вскричалъ про себя Таманцевъ. — Къ чему я изливаюсь передъ такимъ Баранцевымъ?“

И ему стало еще невыносимѣе.

Баранцевъ подошелъ къ нему и съ болѣе серьезнымъ лицомъ, прикоснувшись къ его плечу, сказалъ:

— Положимъ, Таманцевъ, вы по-своему и правы. *Nous sommes tous f... s!*

Онъ выговорилъ обычное циничское слово французовъ.

— Вы это сознаете и соглашаетесь барахтаться въ той же... — онъ хотѣлъ сказать: „лушѣ“, и воздержался.

— Да, въ той же помойной ямѣ, — досказалъ за него Баранцевъ.

Онъ протянулъ руку.

— Итакъ, — моя миссія потерпѣла полное фіаско?

— Я не принимаю ни письменныхъ, ни устныхъ извиненій — и въ эту минуту господинъ Лушковъ уже извѣщенъ.

— *Bon!*

Баранцевъ застегнулъ верхнюю пуговицу пиджака, довольно крѣпко пожалъ еще разъ руку хозяина и, уходя, въ дверяхъ, обернулся и своимъ всегдашнимъ тономъ остряка пустилъ:

— *Les bons amis ne rendent pas toujours les amis bons!..*

Его смѣхъ своей же остротѣ еще стоялъ въ ушахъ Таманцева, когда онъ вернулся въ кабинетъ и прилегъ на кушетку.

Нѣсколько минутъ лежалъ онъ съ полус закрытыми глазами и съ чувствомъ большого утомленія.

Точно будто онъ сегодня исполнялъ какую-нибудь тяжелую работу. Разбитость проникала все его здоровое и молодое тѣло; а онъ нигуда не выѣзжалъ и только ходилъ сначала по столовой, потомъ по этому кабинету.

Не могъ онъ освободиться отъ нѣтъ въ груди, которое было только физическимъ ощущеніемъ его душевнаго состоянія.

Ему было гадео, и онъ нисколько не облегчалъ себя тѣмъ, что отказался отъ извиненій Лущкова и вызвалъ въ себѣ злобное чувство — точно онъ собирался идти истреблять какого-то дикаго звѣря.

Неужели страсть говоритъ въ немъ, одна только страсть?

На это онъ не въ силахъ былъ дать отвѣтъ. Все какъ-то перепуталось въ немъ. Онъ похожъ былъ самому себѣ на обезумѣвшаго, забравшагося на вышку. Еще одинъ неловкій шагъ — и онъ полетитъ въ бездну. И подъ ногами у него нѣтъ уже опоры — ни камня, ни куска дерна — ничего. Такое ощущеніе, что онъ — какъ бы уже виситъ въ воздухѣ.

И вдругъ онъ обманываетъ себя? А если въ немъ никакого серьезнаго чувства въ Катѣ нѣтъ и даже не бывало? Если все это — безобразный чадъ, въ родѣ отравы, влитой въ него Петербургомъ?

Ему стало страшно. Онъ поднялъ голову и оглянулся. Лобъ его былъ влаженъ.

Страшно ему сдѣлалось отъ одной мысли, что любви въ немъ нѣтъ. Разъ это правда — вся его жизнь поражена невыносимой, ужасающей пустотой. Тогда онъ подставитъ свою грудь Лущкову, и пускай тотъ убьетъ его наповаль.

Никакой настоящей привязки къ жизни онъ не находилъ въ себѣ. Деревня не тянетъ его — онъ въ двѣ недѣли растратилъ всѣ свои заряды и лежитъ вотъ тутъ, точно пузырь, изъ котораго выпустили весь воздухъ. Онъ смѣшонъ самому себѣ въ своемъ самозванномъ званіи „ходока“. Будъ въ немъ прочное, окриленное идеей чувство къ народу и его нуждамъ — ничего бы такого не случилось. Былъ бы противовѣсъ. Случись даже такая дуэль — онъ бы жилъ надеждой: „останусь живъ, уйду туда, въ Мурашкинскую волость, а сначала добыюсь здѣсь всего, что только можно сдѣлать для крестьянъ этой волости“.

— Ахъ, все не то! — вырвался у него возгласъ вслухъ, и онъ заметался на кушеткѣ, весь охваченный тѣмъ же чувствомъ страха и подавленности.

Главное горе, котораго не избыть ничѣмъ — то, что онъ — русскій баричъ, родной, по крови и духу, всѣмъ вотъ такимъ господамъ, какъ Баранцевъ, какъ Лущковъ, какъ товарищъ его дѣтства — Митька Карай... Чѣмъ онъ выше ихъ? Умомъ? Талантомъ? Или серьезностью? Откуда она взялась и съ какого времени? „Безъ году недѣля“, сказалъ бы его пріятель докторъ До-

машневъ—какъ онъ впервые распозналъ,—что такое жизнь миллионовъ народа, у котораго нѣтъ буквально ничего, кромѣ своей собственной спины и сохи. А раньше онъ былъ только „фантастъ“, какъ его называетъ княгиня Брянская, пустѣйшій говорунъ съ замашками „краснаго“, какихъ развелось теперь вездѣ, въ какомъ угодно словѣ русскаго общества.

Не обиду, не злость, не сознание своей правоты, не протестъ гражданина или честнаго бойца чувствовалъ онъ, лежа съ влажнымъ лбомъ и замедленнымъ биеніемъ сердца, а тоску безсилія, колоссальнаго *вздора*, унаслѣдованнаго имъ съ сотнями и тысячами ему подобныхъ.

И казалось бы такъ легко: встать, подойти къ столу, написать письмо Лушкову, гдѣ признать, что собственное поведеніе было глупо, разорвать со всѣмъ „мондомъ“, который онъ четверть часа назадъ такъ клеймилъ передъ секундантомъ Лушкова, уйти совсѣмъ въ свое честное дѣло, оставаться въ Петербургѣ только для него, и разъ оно будетъ налажено—уѣхать—и навсегда.

Но такъ онъ не поступить. Ему нельзя. Даже миражъ чувства къ дѣвушкѣ—тщеславной, испорченной, къ „ученицѣ Лушкова“—дорогъ для него, точно какая путеводная звѣзда въ непроницаемой ночи.

Что-то болѣе могучее, чѣмъ всѣ протесты и возмущенія, гнететь его, и это „что-то“—роковая сила душевнаго *вздора*, полная безурядица души.

Очень скромный звонъ въ передней заставилъ его подняться.

Такъ звонить только Петь Долговъ. Онъ пріѣхалъ одинъ или съ товарищемъ отъ Лушкова. Надо ихъ выслушать и продолжать дальше ту же гнусную и нелѣпую комедію.

XXVIII.

Второй день, какъ княжна Катъ совсѣмъ разбита и никуда не выѣзжаетъ.

Вчера она проснулась съ тяжелой головной болью. Спала дурно и мало, до разсвѣта ее душилъ кошмаръ. Она не вышла даже къ завтраку, чѣмъ, разумѣется, старая княгиня была недовольна.

Она весь день избѣгала разговора съ княгиней. Та могла спросить—кто довелъ ее до дому; а лгать она не хотѣла. Карету она отпустила, какъ дѣлала всегда, если бывала вечеромъ у Лили или гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ нею.

Когда вчера къ вечеру голова ея, отъ сильной дозы анти-

пиррина, начала проясняться, Кэтъ стала разбирать—что собственно вышло прошлой ночью; *юль* она теперь находится, въ какомъ положеніи.

У нея голова не такая, чтобы больше сутокъ оставаться въ туманѣ, послѣ чего бы то ни было. Что бы ни вышло, надо знать впередъ—что изъ этого и дальше можетъ выйти. Себя готова она обвинить всегда, если сама найдетъ себя виновной.

Все началось съ того пари, которое она держала съ Лущковимъ. Это было неосторожно, даже очень неосторожно, но и только. Разумѣется, *grand'mère*, еслибы узнала, пришла бы въ ужасъ. Но мало ли отчего она способна приходить въ ужасъ!

Такое пари — впрору развѣ одной Лили. Что жъ? Ей надо было быть на положеніи „барышни“. Она по натурѣ смѣлая, даже дерзкая, хотя и неспособна ни на какія неизящныя выходы въ разговорѣ. Рѣзнуть кого угодно въ разговорѣ, какъ бритвой—да! Но чтобы это было остроумно, а не грубо.

Конечно, еслибы не шампанское, выпитое и во время спектакля, и за ужиномъ, и не воздухъ, какимъ все дышало вокругъ нея—что-то еще никогда неиспытанное — она бы не позволила Лущкову ни довозить себя до дому, ни останавливаться у милотинныхъ лавокъ. Правда, она почти была увѣрена, что все уже заперто. Это до нея не касается. Въ пари не было выговорено—въ которомъ часу они подѣдутъ къ лавкѣ Константина Романова или Кузнецова—Кэтъ отлично вспоминаетъ эти фамиліи—и она еще вѣрнѣе могла выиграть его.

Но и сегодня она не будетъ лгать самой себя: въ такой „escarade“, какъ устрицы въ чуланчикѣ одной изъ милотинныхъ лавокъ, есть что-то смѣлое. Не всякая на это пойдетъ.

Ей хотѣлось показать Лущкову и то, что она его совсѣмъ не боится. У него репутація самаго опаснаго изъ петербургскихъ „gratins“. И она сама, когда стала часто видаться съ нимъ, испытывала на себѣ особое влеченіе къ этому порочному человѣку—„l'homme vicieux“, какъ и она его называла мысленно.

И какъ же могъ онъ вести себя иначе въ той дѣйствительно „ужасной“ сценѣ, передъ магазиномъ Константина Романова?

Представляя себѣ въ лицахъ всю эту сцену, Кэтъ всего рѣзче видѣла и слышала графа Таманцева—его плотную фигуру, курчавость, мужицкое лицо, порывистыя манеры и голосъ съ вздрагивающими нотами.

Что изъ того, что этотъ человѣкъ преслѣдуетъ ее своей любовью? Какая это любовь! Въ началѣ вечера и когда она смотрѣла въ дырку занавѣса, и раньше, на катѣ, въ ней зашеве-

илось что-то. Ей его стало жаль... Можетъ быть и женскому чувству ея льстило такое постоянство.

Но развѣ подобная дикая выходка, какъ на троттуарѣ Невскаго, найдеть себѣ оправданіе у кого бы то ни было? Лушковъ вѣкъ себя безукоризненно, вполне „gentlemanlike“.

Въ ея ухахъ до сихъ поръ еще такъ отчетливо раздается возгласъ Лушкова—какъ онъ крикнулъ Таманцеву, чтобы тотъ прислалъ ему секундантовъ, если пожелаетъ.

Вчера Кэтъ не останавливалась надъ этимъ словомъ: „секундантовъ“—и голова все еще болѣла, да и противъ Таманцева она была слишкомъ возмущена. Теперь она гораздо тревожнѣе задумалась надъ тѣмъ, что можетъ выйти изъ такой исторіи.

Таманцевъ не спуститъ Лушкову. Онъ ненавидитъ и презираетъ Лушкова. Весь вечеръ у Лили онъ слѣдилъ за ними какъ „шпіонъ“, и бѣшенство его дрожало въ каждомъ возгласѣ. Удивительно, какъ онъ не бросился тутъ же на своего врага и не сталъ душить его. Еще удивительнѣе, что съ нимъ не было пистолета.

Такой человѣкъ, конечно, пошлетъ Лушкову секундантовъ. Прошло болѣе сутокъ съ той ночи. Лушковъ не заѣзжалъ вчера. Лили точно въ воду канула. Справиться у нея, послать ей записку—Кэтъ, почти суевѣрно, боялась.

А вдругъ сегодня же они стрѣлялись. И одинъ изъ нихъ остался на мѣстѣ. Кто?

Тутъ только Кэтъ почувствовала, что ей дѣлается жутко. Но за кого она боялась—она не сознавала. Стала ли она ближе къ Лушкову съ третьяго дня? Еслибы въ каретѣ, послѣ сцены на троттуарѣ, когда она испугалась и стала нервна—кажется, близка была даже къ слезамъ—онъ сидѣлъ около нея, взялъ бы ее за руки, за талью, и говорилъ что-нибудь страстное; еслибы его глаза ласкали ее и тревожили, еслибы онъ поцѣловалъ ее въ губы—она врядъ ли бы возмутилась. Но вѣдь ничего такого не было. Во всемъ его поведеніи сказывался человѣкъ съ большой выдержкой, и это ее привлекаетъ къ нему всего больше.

Долженъ ли онъ, Лушковъ, сдѣлать что-то, или она?

Что же именно? Написать ему? По какому поводу? Просить, чтобы не было дуэли? Теперь, быть можетъ, это уже поздно.

Кэтъ начала краснѣть и стала короткими шагами ходить по комнатѣ.

Да, сдѣлать что-то нужно. У кого спросить? У своего сердца, или у головы? Или у обоихъ вмѣстѣ? Она чувствовала смущеніе, но сердце не сжималось; ей не хотѣлось сейчасъ же за что-

нибудь ухватиться—бѣжать, вѣхать, просить, помѣшать тому, чтобы изъ-за нея два человѣка стрѣляли другъ въ друга.

Только она не можетъ оставаться въ такомъ состояніи и сегодня же послѣ завтрака съ княгиней поѣдетъ къ Лили или напишетъ ей большое письмо.

Вошла горничная и доложила, что княгиня просить ее „пожаловать“ къ себѣ въ кабинетъ.

Кэтъ была уже въ туалетѣ; но ее немного удивило это приглашеніе „пожаловать“—до завтрака. Она сказала:

— Сейчасъ приду!

И ей стало полегче. По крайней мѣрѣ, надо будетъ говорить о чемъ-нибудь совсѣмъ другомъ.

Княгиня сидѣла не на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ углу, а за маленькимъ письменнымъ бюро, одѣтая въ тяжелое шолковое платье, а не въ домашнее суконное. Видно было, что она собралась выѣхать, тотчасъ же послѣ завтрака.

Она дописывала записку, и когда Кэтъ у дверей выговорила: „Bonjour, grand'mère“, то княгиня не сразу повернула къ ней голову, покрытую неизмѣнной тюлевой наколкой.

— Un instant!—промолвила княгиня и задѣлала конвертъ.

Кэтъ не садилась. Она что-то начала подозрѣвать.

— Prenez place!—сказала княгиня, поднимаясь, и указала внучкѣ на пуфъ около диванчика, куда сама сейчасъ же сѣла.

Весь слѣдующій разговоръ былъ исключительно по-французски.

— Чтѣ такое вышло?—совсѣмъ другимъ тономъ, медленно и вѣско спросила княгиня, и ея жестоватые глаза усталились на внучку съ выраженіемъ брезгливаго недоумѣнія. Только пожалуйста—правду. Я получила письмо отъ генерала Дергунова—дяди этого сумасшедшаго Таманцева... Объ этомъ знаетъ весь городъ. Скандальная дуэль у Лушкова съ графомъ. Вы, слышите, должны мнѣ все рассказать, всю правду. Я виню себя за то, что позволяла вамъ ѣздить къ этой Лили Фризенъ; но это не оправданіе для васъ.

Кэтъ сама не хотѣла лгать; но всю правду она не могла рассказать и—какъ ей казалось—не имѣла на это права.

Предупреждая вопросъ княгини, гдѣ это было, — она выговорила:

— Таманцевъ наговорилъ дерзостей послѣ бала.

— Гдѣ?—переспросила старуха.

— Послѣ бала,—повторила Кэтъ.

— Лушковъ провожалъ васъ?

— Да.

Старухѣ, кажется, не приходило на умъ, что внучка могла поѣхать съ нимъ въ одной каретѣ. Экипажъ былъ княжной отосланъ; но ее не въ первый разъ отвозили въ каретѣ Лили.

„Она не знаетъ, гдѣ произошла сцена“, — сообщила Кэтъ, и ей стало совсѣмъ легко — не говорить всей правды.

— Что-жъ они? Подрались, что-ли? — съ недоброй усмѣшкой спросила княгиня.

— Нѣтъ! Но Лушковь не могъ иначе вести себя.

— И все это изъ-за васъ?

— Я не могу сказать, изъ-за меня ли, — отвѣтила Кэтъ. — Это было бы слишкомъ тщеславно.

— Пожалуйста, безъ фразъ! — почти крикнула княгиня. — Для меня все это ясно. Таманцевъ — сумасшедшій. Но довольно того, что изъ-за княжны Брянской двое дерутся. Лушковь, я надѣюсь, понимаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступить.

„Какъ, бабушка?“ — хотѣла спросить Кэтъ и не спросила.

— Вы, кажется, не совсѣмъ меня понимаете, — выговорила княгиня, разставляя слова. — И если вы настолько еще глупая дѣвчонка, что сами не въ состояніи знать, какъ себя вести, то я у васъ спрашивать не буду позволенія и приму мѣры.

Княжна опустила голову, но она не была смущена, и ее голова подсказала ей:

„Такъ оно лучше. Какой-нибудь исходъ да надо“.

И она похвалила себя внутренно за то, что сумѣла не говорить всего.

XXIX.

Сильнѣйшій звонокъ въ передней заставилъ Таманцева отодвинуть дубовый стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, и прервать свою работу.

Онъ составлялъ черновую бумагу, на листѣ большого формата. Это было его завѣщаніе. Сегодня же онъ его перепишетъ; а свидѣтелями могутъ подписаться его секунданты; они оба совершеннолѣтніе и „правоспособные“.

Лушковь вчера прислалъ съ Баранцевымъ письмо и набросалъ свои извиненія. Текстъ извинительной формулы былъ составленъ въ приличномъ тонѣ; но самое письмо — по-французски — отъивалось дерзостью, замаскированнымъ намекомъ на то, что Таманцевъ — психопатъ, и порядочный человекъ обязанъ уклониться отъ всякихъ личныхъ съ нимъ счетовъ.

Онъ чуть не бросилъ письма въ лицо Баранцеву, назвалъ

Лушьева „презрѣннымъ трусомъ“ и объявилъ съ дрожью въ голосѣ, что онъ не хочетъ ничего знать, кромѣ дуэли. Но только сегодня утромъ его секунданты привезли ему копію съ составленнаго ими четвергомъ протокола.

Дуэль должна состояться завтра, въ десять часовъ утра. Условія были помягчены, но все-таки очень серьезныя.

Таманцевъ жилъ въ тяжеломъ чадѣ и все сильнѣе чувствовалъ, что онъ виситъ въ воздухѣ. Выражая сейчасъ въ завѣщаніи свою послѣднюю волю, онъ напуталъ, брался за голову и проводилъ рукой по глазамъ, какъ будто хотѣлъ придти въ себя.

— Въ кабинетъ?—раздался вслѣдъ за звонкомъ возгласъ хриплымъ басомъ и звяканье шпоръ.

„Чего ему отъ меня надо?“—спросилъ себя Таманцевъ, идя къ двери кабинета.

Генералъ Дергуновъ, обтирая усы и глаза, смоченные погодой, двигался, медленно переступая съ ноги на ногу, и не подавалъ руки племяннику.

— Къ тебѣ, милый другъ, къ тебѣ.

Генералъ затворилъ дверь и сѣлъ сейчасъ же на диванъ.

— Чтò прикажете, дядюшка?—сухо спросилъ Таманцевъ и, взглянувъ сбоку на генерала, невольно улыбнулся: онъ никогда не видалъ дяди съ выраженіемъ такой особенной серьезности, на видъ довольно забавной.

— Не угодно ли тебѣ сейчасъ же ѣхать со мною къ княгинѣ Бранской. Скандаль, который ты произвелъ, мнѣ же приходится улаживать, любезный другъ. Хорошо! Держать втайнѣ отъ меня! По всему городу пущена исторія во всѣхъ подробностяхъ, а я ничего не знаю!

— Позвольте, — остановилъ его Таманцевъ, присѣвъ къ дивану.— Все это прекрасно, но зачѣмъ же я поѣду къ княгинѣ?

— Какъ зачѣмъ? Изъ-за тебя ея родная внучка сдѣлалась притчей всего города. А ты спрашиваешь: зачѣмъ? — Генералъ перешелъ на „вы“. — Чудесныя у васъ понятія о чести и порядочности. Княгиня требуетъ, чтобы я привезъ васъ къ ней сегодня же, и вы не смѣете не ѣхать.

— Не смѣю! — повторилъ Таманцевъ и, покраснѣвъ, всталъ.

— Не смѣешь! — крикнулъ генералъ, но тотчасъ же измѣняя тонъ: — Послушай, Андриуша, — заговорилъ онъ искренно и не поводя больше бровями: — нехорошо, мой другъ. Пойми, ты долженъ это сдѣлать. Я — твой дядя, старикъ — прошу тебя. Наконецъ, ты хоть чуточку пожалѣй молодую дѣвушку. Tu lui dois cela, mon cher, tu lui dois cela!

Голосъ Дергунова началъ даже вибрировать.

И смѣшно, и какъ будто стыдно дѣлалось его племяннику. Брыкаться больше ему не хотѣлось. Если княгиня „требуется“ — она имѣетъ на это право, какъ женщина, замѣнявшая княжнѣ мать.

Другое, болѣе злобное, чувство заговорило въ немъ. Вотъ случай сказать ей нѣсколько пріятныхъ истинъ, показать, какъ она воспитала свою внучку и кому отдала въ обученіе.

— Извольте, дядя, поѣду съ вами!

Дордогой — въ каретѣ генерала — Таманцевъ больше молчалъ. Генералъ принимался его выспрашивать, но получалъ отрывистые отвѣты. Когда они были уже въ трехъ минутахъ ѣзды отъ дома княгини, онъ выговорилъ со вздохомъ:

— И что ты за человекъ — отказываюсь понимать. Точно въ эти... какъ бишь — въ психопаты поступилъ... Mais vrai, mon cher, — сказалъ онъ громче и обернулъ лицо къ племяннику: — *cela dépasse mon intelligence.*

И на это Таманцевъ ничего не отвѣтилъ.

Въ немъ уже не было той злобы къ своему „сопернику“, которая еще вчера вспыхнула въ сценѣ съ Баранцевымъ. Онъ зналъ, что Кэтъ отъ него навсегда ушла. Въ ея глазахъ онъ — „смѣшной скандалистъ“, какъ выражался, бывало, докторъ Домашневъ про какого-то волостного писаря. Но если онъ допустилъ повести себя въ старухѣ Брянской, то опять-таки для нея же — этой дѣвушки, способной теперь больше, чѣмъ когда-либо, выйти за Лушкова. И онъ сознавалъ, въ то же время, что пока онъ живетъ въ этомъ Петербургѣ, онъ не найдетъ себѣ покоя, чѣмъ бы его исторія ни разрѣшилась.

— Выходи! — точно разбудилъ его голосъ генерала.

Онъ сидѣлъ слѣва, но такъ задумался, что не замѣтилъ, когда карета остановилась у подъѣзда.

Все въ томъ же состояніи какого-то полусна, онъ пошелъ за дядей вверхъ по лѣстницѣ, съ вазой на площадѣ, по которой столько разъ вбѣгалъ бѣгомъ, въ сумерки, между пятью и шестью, зная, что Кэтъ первая выйдетъ къ нему въ гостиную, и они сейчасъ же садутъ за свои любимыя атласныя ширмы, расписанныя вѣтками акацій и миндалянаго дерева въ цвѣту.

Стояли сумерки. Лѣстница была освѣщена, но гостиная еще стояла въ полусвѣтѣ.

Лавей пошелъ впередъ докладывать. Генералъ, проходя гостиной, громко крякнулъ.

Съ такимъ же чувствомъ полудрёмы — точно онъ пріѣхалъ от-

кляняться какой-то старухѣ—вошелъ онъ вслѣдъ за дядей въ ту угловую комнату, гдѣ княгиня, въ первый его визитъ, назвала его нѣсколько разъ „фантастомъ“.

Княгиня сидѣла все на томъ же узкомъ диванчикѣ, въ углу, въ наволоѣ и въ темномъ платьѣ.

Генераль звонко поцѣловаль ея руку, и Таманцевъ разслышалъ, какъ онъ сказалъ вполголоса:

— Voilà le coupable!

— Здравствуйте!—почему-то по-русски обратилась къ Таманцеву старуха, не протягивая ему руки, точно она этимъ русскимъ привѣтствіемъ хотѣла показать ему тутъ же, что онъ—не челоувѣкъ ихъ общества.

— Садись сюда,—указаль ему генераль на табуретъ, облотого угла дивана, гдѣ сидѣла княгиня.

— Вамъ угодно было видѣть меня, княгиня?—спросилъ онъ и, прислушиваясь къ своему голосу, онъ имѣлъ такое ощущеніе, точно это говорилъ кто-то за него.

— Генераль васъ предупредилъ,—продолжала княгиня уже по-французски, медленно, какъ бы читая вслухъ по книгѣ.

— Предупредилъ, княгиня.

— Вы должны отказаться отъ вашего вызова.

Она это произнесла, какъ вещь рѣшенную, противъ которой протестовать нельзя.

— Моя внука вела себя легкомысленно, и я не защищаю ее. Миѣ извѣстенъ поводъ вашего поведенія, графъ. Я не стану его обсуждать; но тутъ дѣло идетъ о репутаціи молодой дѣвушки такого положенія, какъ моя внука.

— Онъ слышалъ это и отъ меня,—вставилъ отъ себя генераль.

— Вы меня понимаете?—строже спросила княгиня, и ея глаза, съ неприятнымъ для него суховатымъ блескомъ, остановились на Таманцевѣ.

— Я васъ понимаю,—выговорилъ Таманцевъ по-русски и совершенно равнодушнымъ тономъ.

— Par conséquent?—спросила княгиня.

— Княгиня,—заговорилъ Таманцевъ немного живѣе:—я могъ бы заявить вамъ, что честь всякій понимаетъ по-своему. И дѣло тутъ не въ чести—какъ вы ее понимаете.

Княгиня переглянулась съ генераломъ, и ихъ взгляды говорили: „да онъ совсѣмъ тронуть“.

— Твоя честь, любезный другъ, останется при тебѣ.

— Но я даю вамъ мое слово,—заговорила княгиня:—что вашъ

соперникъ—онъ уже извинился передъ вами — готовъ еще разъ обратиться къ вамъ съ такими выраженіями, какія вы только пожелаете. Это говорю вамъ я. Чего же вамъ еще, графъ?

И въ ея тонѣ было что-то особенное—точно она умышленно смягчала его, какъ дѣлаютъ это, уговаривая людей ненормальныхъ.

„Пускай ихъ!“ — подумалъ онъ, и самъ удивился тому, что принимаетъ это такъ равнодушно.

— Я увѣрена, — выговорила княгиня помягче тономъ: — что вы сами, графъ, пожелаете выказать не менѣе порядочности, чѣмъ вашъ соперникъ. Лушкову давно нравилась моя внука. Но онъ не торопился. Послѣ вашего вызова онъ просить руки Кэтъ.

Генералъ въ бокъ поглядѣлъ на княгиню. Для него это было ново. „Ты сама это обработала“, — подумалъ онъ.

— Поздравляю, — сказалъ Таманцевъ. — И не желаю мѣшать ихъ счастью.

Онъ чуть не расхохотался и всталъ.

— Вы даете мнѣ слово, что дуэли не будетъ? — спросила княгиня, протягивая ему руку.

— Даю, княгиня. Больше я вамъ не нуженъ?.. Позвольте мнѣ удалиться.

И, кивнувъ дядѣ, онъ вышелъ.

XXX.

Въ пяти шагахъ отъ двери въ кабинетъ княгини Кэтъ встрѣтилась съ Таманцевымъ.

Избѣжать другъ друга было невозможно ни ей, ни ему.

Онъ остановился, наклонилъ голову и, не протягивая руки, еще на одинъ шагъ приблизился къ ней.

— Княжна, — началъ онъ спокойно, но съ недобримъ выраженіемъ въ глазахъ: — поздравляю васъ.

Кэтъ вся вспыхнула. Она куда-то ѣздила, и ея лицо, съ холоду, было блѣдно, и глаза съ несвѣжими вѣками.

Съ шеи она еще не сняла боа изъ страусовыхъ перьевъ.

— Поздравляю, — повторилъ онъ, и ротъ его повела усмѣшка.

— Съ какой стати? — вырвалось у нея; но она уже овладѣла собою больше, чѣмъ онъ.

— Княгиня сейчасъ объявила мнѣ. Я не буду мѣшать вашему счастью. Вытягивать на барьеръ вашего жениха я не стану.

Краска осталась на похудѣлыхъ щекахъ у Кэтъ только въ видѣ двухъ рововыхъ кружковъ.

Какъ она ненавидѣла и презирала въ эту минуту этого „безумнаго фразѣра“,—какимъ она считала Таманцева съ ночи на Невскомъ.

Но чувство негодованія такъ зажгло въ ея груди, что она не находила достаточно колкихъ словъ и не могла даже выбрать языкъ: по-французски, по-русски или по-англійски.

Она не теряла власти надъ собою, а только вся какъ-то сжалась, и струйки нервности пробѣгали по всему ея тѣлу.

— Этого мало,—продолжалъ Таманцевъ, мѣняя тонъ, и остальное онъ досказалъ безъ всякой ироніи, искренно и даже съ легкимъ вздрагиваніемъ голоса:

— Прошу васъ, княжна Катерина Денисовна, извинить мнѣ то, чему вы были свидѣтельницей... вы меня понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю,—отвѣтила Кэтъ, вся выпрямилась и въ упоръ глядѣла на него холодными глазами.

— Какъ не понимаете? Значить, у васъ есть двойникъ?

И онъ поглядѣлъ на нее въ упоръ, только въ его глазахъ зажгло опять чувство острой боли.

— Прекрасно!—глухо воскликнулъ онъ.—Я не буду настаивать. Вы не сидѣли въ каретѣ тогда, на Невскомъ... Извините.

И, не выдержавъ тона, онъ горячо, однимъ духомъ, сказалъ:

— Я не хочу считаться съ вами, и не имѣю на это права. Но Бога ради! Пожалѣйте вы самое себя... Не губите себя такимъ бравомъ...

Дальше онъ не могъ говорить; еще двѣ секунды—и онъ рыдался бы.

Стремительно онъ вышелъ изъ гостиной.

Кэтъ не двигалась и простояла съ минуту въ полоборота къ выходной двери.

Щеки стали совсѣмъ блѣдны. Послѣдняя „выходка“ Таманцева рѣзнула ее больнѣе, чѣмъ она ожидала. Въ его неумѣстныхъ словахъ „психопата“ задрожали звуки человѣка съ настоящей любовью—она впервые это почувала такъ ясно.

Чуть двигаясь, отошла она къ диванчику у атласныхъ ширмъ и, все еще съ опущенной головой, присѣла.

Она—невѣста. Но развѣ Лущковъ сдѣлалъ бы ей предложеніе, еслибъ не скандалъ, еслибъ княгиня не заставила его такъ поступить? Что такъ было, и не дальше, какъ вчера—она не сомнѣвалась. И когда онъ, ровно сутки назадъ, не фатовато, а полупушливо, съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ

спросилъ ее: „Voulez-vous être ma femme?“ —ничего у ней не дрогнуло въ груди. На одну минуту она ощутила радость, что вот „исторія“ кончилась, что не будетъ дуэли, превратятся толки и сплетни.

Только на одну, много на двѣ минуты ей стало легко, и она, ничего не отвѣчая, протянула ему руку.

Но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ она поняла, что Лушковъ наполовину вынужденъ такъ поступить. Можетъ быть, она ему и нравится. И все-таки безъ исторіи—онъ врядъ ли былъ бы сегодня ея женихомъ. Такого человѣка толкнуть въ женитьбѣ можетъ или „un béguin“ и упорное желаніе обладать той, кто ему „безумно“ нравится, или богатство. Она давно знаетъ, что онъ прожилъ половину своего состоянія, а нѣкоторые изъ ея кавалеровъ на вечерахъ прямо говорили, что онъ живетъ „Богъ знаетъ на какія средства“, и даже дѣлали какіе-то намеки.

Если это вѣрно—а она ничего фактически не знаетъ,—то Лушковъ могъ сказать себѣ: „il faut prendre femme“ —Кѣтъ мнѣ немножко нравится, elle est chic, внука княгини Брянской, съ хорошимъ приданымъ, и послѣ старухи будетъ еще богаче.

Вчера ей некогда было разобратъся во всемъ этомъ. Лушковъ увелъ ее къ княгинѣ и повторилъ свое предложеніе. Ею овладѣла тревога этого быстрого поворота ея судьбы. Она была невѣста, и когда они прошли въ гостиную, вотъ на этомъ же диванѣ, Лушковъ счумѣлъ вызвать въ ней что-то опять похожее на радость. Онъ взялъ ее за обѣ руки и поглядѣлъ на нее такъ, что она покраснѣла и даже отвернула голову. Тогда онъ слегка привлекъ ее къ себѣ и два-три раза поцѣловалъ—маленькими поцѣлуями—въ шею и за ухомъ. Она высвободила руки и сказала ему почти строго: „assez“.

И кажется, тогда еще они оба почувствовали, что имъ не о чемъ *особенномъ* говорить другъ другу.

Вотъ и теперь... Она ждала его, но эта встрѣча съ Таманцевымъ—она не знала, что онъ былъ тутъ—всколыхнула ей душу. Говорить о своихъ чувствахъ жениху — она не будетъ. Конечно, онъ долженъ узнать, что Таманцевъ отказался отъ дуэли. Стало бытъ, ея женихъ долженъ „просить у него прощенія“,—подумала она почему-то по-русски и въ этихъ именно словахъ.

Таманцевъ—„бѣшенный“, невозможный, но онъ вызвалъ и упорно хотѣлъ драться на смерть. На него произвели давленіе, и онъ бросилъ, въ видѣ милости, свой отказъ, если Лушковъ еще разъ извинится передъ нимъ. Въ томъ, что было уже по-

слано извиненіе—женихъ ея вчера долженъ былъ признаться, когда она—вернувшись съ нимъ отъ княгини—спросила его въ полупушливой формѣ: — „какіе же они будутъ женихъ и невѣста, если жениху нужно сейчасъ же выходить на дуэль?“

Неужели Лущковъ—„трусъ“? У него не такая репутація. Кажется, бывали и дуэли. Но гдѣ и когда—она не знала.

И все-таки Таманцевъ точно *позволил* имъ обвѣнчаться, чтобы скандальная исторія разрѣшилась свадьбой. Изъ жалости въ ней?

Ей стало до боли обидно.

Легкіе шаги по ковру не сразу заставили ее повернуть голову въ двери изъ передней.

Въ длинной визитѣ, въ родѣ полуфрака, входилъ Лущковъ. Онъ не смотрѣлъ женихомъ. Даже его особенная, вызывающая усмѣшка не поднимала уголковъ его рта. И галстухъ былъ темный.

Кэтъ встала, но не бросилась въ нему. Онъ подошелъ довольно быстро, взялъ ее за руку и вполголоса спросилъ:

— La princesse est seule?

Въ глазахъ его промелькнула тревога, точно онъ боялся натолкнуться на Таманцева.

— Il vient de partir!—почти сухо выговорила Кэтъ.

— Qui—il?

— Le comte.

И разговоръ ихъ оборвался. Лущковъ быстро пожалъ плечами и, не выпуская ея руки, сталъ говорить вполголоса уже гораздо нервнѣе.

— Cette intervention de la princesse m'est particulièrement désagréable,—сказалъ онъ, щелкнувъ языкомъ.

— Mais puisqu'il ne démorait pas?—спросила такъ же сухо Кэтъ, и глаза ихъ встрѣтились.

Онъ выпустилъ ея руку.

— Est-ce que vous me prenez pour un lâche?—спросилъ онъ глухо, почти злобно.

Чего она никогда не видала—даже брови его поднялись.

— Comme tireur je suis de la force de mon témoin Vagantzeff—выговорилъ онъ, отчеканивая концы словъ, точно актеръ Михайловскаго театра.

— Pourquoi me le dites-vous?—спросила Кэтъ.

Изъ комнаты княгини раздавался хриплый басъ генерала.

— Est-ce le vieux birbe qui a amené son butor de neveu?

Вмѣсто отвѣта, Кэтъ указала ему на дверь туда и проговорила:

— On vous attend. On va vous dicter vos conditions.

Она выговорила это съ явной ироніей вслѣдъ ему; но когда его фигура исчезла за портьерой, ей стало гадко за самое себя.

Все это выходило такъ жестко и тяжело. Какое, наконецъ, ей дѣло до ихъ дуэли? Пускай ихъ стрѣляютъ! Неужели такая благодать — быть женой Лущкова? И кто же знаетъ про самый „скандалъ“ что-нибудь вѣрное? Таманцевъ неспособенъ разболтать. Стоитъ только пойти за Лущковымъ къ внягинѣ и при генералѣ сказать:

„Я беру свое слово назадъ. Я не хочу, чтобы мнѣ, какъ милостыню, оставляли цѣлымъ и невредимымъ моего жениха“.

Но она сѣла къ пьянино и съ глухой pedalю что-то заиграла.

XXXI.

Во второмъ этажѣ того самаго ресторана, гдѣ Таманцевъ завтракалъ разъ съ фельетонистомъ Луцкимъ, въ очень большой комнатѣ, которая ходила подъ заказные обѣды, они сидѣли у одного изъ столовъ.

Никого не было, кромѣ нихъ.

Отъ мебели въ чехлахъ, отъ бѣлыхъ столовъ и отъ сѣровато-бѣлыхъ же обоевъ шелъ унылый отблескъ. Хмурая погода держала комнату въ сумеркахъ въ самомъ началѣ перваго часа.

И опять, какъ тогда, сегодня у нихъ было дѣловое свиданіе. Луцкій за два дня передъ тѣмъ заѣхалъ въ Таманцеву, чтобы предложить ему познакомиться съ однимъ дѣлопроизводителемъ, который будетъ ему полезенъ всякаго адвоката. Вездѣ бывающій журналистъ развѣдалъ, что этотъ „юркій чинушъ“ — онъ такъ его опредѣлилъ — будетъ составлять докладную записку по претензіи крестьянъ Муражгинской волости.

Онъ общалъ тогда же Таманцеву позондировать еще почву и дать ему указаніе и насчетъ высшихъ сферъ.

Визитъ его былъ таковой краткій, что они ни о чемъ другомъ не успѣли поговорить. Но Таманцевъ — по выраженію глазъ Луцкаго, когда тотъ прощался — понялъ, что ему „исторія“ дуэли извѣстна, хотя онъ ничѣмъ себя не выдалъ; только спросилъ, уходя:

— Вы вѣдь засиживаться здѣсь не будете? Достаточно вкусили прелестей Петербурга?

Теперь, сидя за столомъ, одинъ противъ другого, было бы

такъ встать передъ такимъ чуткимъ малымъ вылить все, что у него, точно нарывъ, надрѣло внутри.

Прошло три дня съ той минуты, когда онъ вернулся домой изъ дома княгини Брянской, послѣ разговора съ Кэтъ.

И всего возмутительнѣе, пошлѣе, нелѣпнѣе и безумнѣе кажется ему свое собственное поведеніе. Какъ могъ онъ уступить? Какъ могъ онъ и затѣять эту дикую исторію? Неужели въ этомъ отвратительномъ городѣ можетъ живой, мыслящій человѣкъ превратиться въ какого-то шута-психопата?

— Графъ! — спросилъ Луцкій: — вы, стало, скоро изволите ѣхать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Но я не могу же отправиться домой съ пустыми руками.

— Зачѣмъ? Если позволите, я вамъ именно сегодня могу сообщить нѣчто...

Онъ наклонился, положилъ руки на столъ и заговорилъ тише:

— Тотъ юркій чинушъ... Вамъ къ нему надо бы заѣхать, графъ. Завтра не угодно ли завернуть въ нашъ клубъ — я. и его добуду. Онъ вѣдь изъ народолюбцевъ — на нынѣшній фасонъ. Казна казной, а мужичка обижать не надо: таковъ паролъ, и паролъ, право, не плохой, что тамъ ни говори! Такъ вотъ-съ, отъ него я узналъ, что главная сила можетъ очутиться въ одномъ изъ директоровъ — на линіи товарища... вы понимаете, а можетъ и подымай выше — нѣкоего Овчинина. Не изволили слышать?

— Это мой товарищъ, — выговорилъ Таманцевъ, и его вольнуло.

И тутъ онъ испортилъ все дѣло своими выходками у Овчинныхъ, въ которыхъ съ того обѣда и глазъ не казалъ.

— Товарищъ? — повторилъ Луцкій.

— Да... по школѣ... Но старше меня.

— Чего же лучше?

— Вотъ видите ли...

Ему стало совѣстно признаваться, но онъ пересилилъ свое малодушіе и рассказалъ Луцкому — какъ онъ повелъ себя и въ кабинетѣ, и въ столовой, гдѣ тонъ хозяйки только подлил масла.

— Горяченьки, графъ! — Луцкій привоснулъ двумя пальцами до его руки. — Горяченьки! Вѣдь вы — ходокъ!

— Ради Бога! — почти закричалъ Таманцевъ. — Не произносите вы этого слова! Мнѣ гадо дѣлается!

— Прямолинейностью ничего не добьешься, графъ. Извините за это невольное менторство. Прямолинейнымъ полагается

быть теперь только имъ — всѣмъ тѣмъ убѣжденнымъ чинушамъ, которые такъ быстро выскакиваютъ изъ рядовыхъ въ маршалы. А мы должны надѣть сурдинку на наши хотя бы и законные порывы... Но вѣдь это для того, чтобы на нихъ же играть, коли удастся. Ха, ха!..

По большой комнатѣ разнесся его дробный смѣхъ.

— Вы правы, — съ невольнымъ вздохомъ вымолвилъ Таманцевъ.

Когда имъ подали десертъ и они закурили, Луцкій заговорилъ еще тише:

— Стало быть, этотъ Овчининъ съ вами на „ты“?

— Да, на „ты“.

— Онъ, какъ слышно, человекъ, въ сущности, хорошій. Серьезно дуться на васъ не будетъ. И, наконецъ, графъ, вы, если захотите, можете въ двѣ недѣли все загладить. Чего же бы откладывать? Вотъ отсюда прямо къ нему — пока онъ еще дома; а въ министерствѣ — и того лучше. Я замѣчалъ, что у этихъ господъ больше свободного времени въ канцеляріяхъ, чѣмъ въ своихъ кабинетахъ.

Черезъ полчаса Таманцевъ ѣхалъ къ Овчинину — на его квартиру. Швейцаръ доложилъ ему, что „генералъ въ должности“.

Выходило такъ, какъ ему говорилъ Луцкій, съ которымъ онъ еще болѣе сошелся въ этотъ разъ. Они условились встрѣтиться вечеромъ въ клубѣ и передъ отъѣздомъ Таманцева выработать „весь плавъ кампаніи“. Онъ было заикнулся о гонорарѣ; но фельетонистъ — очень умно и мило — отклонилъ, сказавъ, что если понадобится взять особаго ходатая, тогда онъ обо всемъ извѣститъ графа въ деревню.

Въ министерствѣ его сейчасъ же провели къ Овчинину. Онъ нашелъ его въ кабинетѣ съ казенной отдѣлкой — темно-зелеными обоями и гардинами, за столомъ краснаго дерева тридцатыхъ годовъ, съ бронзовой инкрустаціей.

На лицѣ Виктора Степановича онъ не замѣтилъ никакого особеннаго выраженія.

Овчининъ — со звѣздой и въ вицмундирѣ — принялъ его совершенно такъ же, какъ въ первый разъ у себя, съ довольно доброй усмѣшкой въ глазахъ — усмѣшкой превосходства и снисхожденія.

— Я къ тебѣ на минутку, — сказалъ Таманцевъ, чувствуя какую-то неловкость.

— Очень радъ тебя видѣть; садись, кури.

И съ жестомъ правой руки Овчининъ откинулся на ручку кресла и сказалъ вполголоса:

— Что за исторія у тебя вышла? Правда это?

На переносицѣ у него обозначилась морщинка.

— Ты понимаешь... у меня нѣтъ никакой охоты быть нескромнымъ, но въ городѣ болтаютъ всякій вздоръ. Съ вѣмъ это? Лушковь кавой-то? И охота тебѣ!

Онъ махнулъ рукой сдержаннымъ жестомъ.

— По крайней мѣрѣ уладилось? А? La jeune personne en question—невѣста?

— Если ты знаешь,—отвѣтилъ Таманцевъ не совсѣмъ спокойно:—то я тебѣ новаго ничего не могу сообщить.

— Ахъ! милый мой! — Овчининъ положилъ ему руку на колено. — Сдерживай ты немного свой пылъ. За тебя обидно. Столько ты тутъ набурлилъ въ какой-нибудь мѣсяць. Право, лучше бы тебѣ въ деревню вернуться.

— Я и ѣду.

— Въ добрый часъ! Тебя все возмущаетъ здѣсь: и мы—люди дѣла, и свѣтъ, и разговоры, и идеи—все. Ты вѣдь всѣхъ не передрѣлаешь...

— Чтѣ объ этомъ толковать!—перебилъ его Таманцевъ.—Я не за этимъ.—Ты знаешь, съ какимъ я дѣломъ собственно прѣхалъ въ Петербургъ. Помнишь? Претензія крестьянъ Муражвинской волости. Имъ приходится тагаться и съ казной, и съ частнымъ владѣльцемъ. Это пройдетъ черезъ твои руки.

— Очень вѣроятно,—выговорилъ Овчининъ и отнялъ руку.

— Да ты, можетъ быть, уже ознакомился съ дѣломъ, какъ слѣдуетъ, и дашь мнѣ добрый совѣтъ?

— Совѣтъ этотъ, милый другъ, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: до поры до времени не вмѣшивайся ты лично и не порти. Сколько я могу предполагать—домогательство крестьянъ въ казнѣ, вѣроятно, будетъ уважено... Если не полностью, то въ значительной мѣрѣ.

— Неужели, голубчикъ?

Таманцевъ всталъ и чуть не обнялъ Овчинина.

— Я ничего не говорю безусловно. Рѣшать окончательно не я буду.

— Да ты, говорятъ, наканунѣ назначенія въ товарищи?

— Не знаю,—отвѣтилъ съ чуть замѣтной улыбкой Овчининъ и поправилъ галстухъ.

— Спасибо! Я сдѣлаю такъ, какъ ты говоришь. Меня будутъ извѣщать обо всемъ.

— И пожалуйста, — болѣе авторитетно сказалъ Овчининъ, поднимаясь съ вресла:—пожалуйста,—повторилъ онъ:—не бери

ти адвокатовъ безъ надобности. Все сдѣлается само собою. Мужика мы теперь не любимъ обижать—прошу тебя вѣрить, хотя ты и считаешь всѣхъ насъ какими-то башибузуками чиновничьяго произвола.

Таманцевъ протянулъ ему руку. Овчининъ, мѣняя тонъ, положилъ обѣ руки на его плечи.

— Прощай! Обѣдать я бы тебя позвалъ, да ты моей жены не долюбливаешь.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Она сама догадалась—и этого достаточно. Тебя не переѣлаешь. Мы понимаемъ—были и особенныя причины. Скажи—ты серьезно любишь эту особу?

Вопросъ Овчининъ сдѣлалъ вполголоса.

Не дожидаясь отвѣта, онъ прибавилъ:

— Благодарю своего соперника. Я мало наблюдалъ эту особу. Но жена моя рѣдко ошибается. Такая дѣвушка создана не для домашняго очага. Съ Богомъ! Въ добрый путь! Если нужно что—вапиши.

Во всѣхъ словахъ Овчинина слышались очень искреннія ноты. Таманцевъ былъ тронутъ, и будь передъ нимъ не крупный чиновникъ въ звѣздѣ, онъ не выдержалъ бы и сталъ бы ему изливаться.

Пришлось сейчасъ же проститься. Вошелъ курьеръ и доложилъ о какомъ-то посѣтителѣ.

XXXII.

Все было уложено у Таманцева. Онъ обѣдалъ въ ресторанѣ и вернулся домой въ началѣ восьмого.

До отхода поѣзда оставалось еще три часа.

По ковру кабинета валялись неприбранными—всѣ надорванные—листки писемъ, черновыя бумаги, конверты, номера и обрывки газетъ.

Его камердинеръ, когда онъ самъ началъ укладывать свои книги въ особый чемоданчикъ, подалъ ему письмо, извинившись, что не сразу вспомнилъ про него, когда баринъ вернулся.

Съ недовольнымъ чувствомъ взялъ Таманцевъ письмо изъ рукъ камердинера. Оно было большого формата и довольно толстое.

Вдругъ это какая-нибудь новая „петербургская гадость“? Или досадная задержка?

Онъ подошелъ къ камину, гдѣ пучекъ свѣчей былъ зажженъ въ одномъ изъ канделябровъ.

Руку онъ сразу не узналъ. Крупная; печать съ какой-то монограммой. Но его успокоилъ штемпель. Письмо пришло изъ уѣзда.

Разрывая конвертъ, изнутри подклеенный марлей для прочности, онъ сообразилъ, что это писала одна изъ его сосѣдокъ — сестеръ Колчановыхъ. Ихъ почерки такъ смахивали одинъ на другой, что онъ съ трудомъ умѣлъ различать ихъ.

По первымъ строкамъ онъ узналъ тонъ и даже почеркъ младшей сестры своей пріятельницы Глафиры Спиридоновны.

Въ тотъ же конвертъ вложена была записка на имя пріятеля Домашнева, Малышева — отъ доктора. Онъ ее отложилъ и принялся читать письмо Глафиры Спиридоновны, все еще съ тревожнымъ чувствомъ — вдругъ она о чемъ-нибудь его проситъ, что можетъ задержать его въ Петербургѣ, хотя бы на лишніе два дня.

Сосѣдка и пріятельница просто „соскучилась“ о немъ, вмѣстѣ съ сестрой своей Клавдіей, и даже надумала-было „провѣдать“ его въ Питерѣ.

Это слово „Питеръ“ онъ до сихъ поръ не любитъ, особенно на языкѣ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ.

Сообщала она, что у нихъ уже пошли толки — будто онъ изъ-за мурашкинскихъ мужиковъ имѣлъ съ какимъ-то „генераломъ“ столкновеніе, гдѣ-то на засѣданіи, и въ уѣздѣ боятся — тѣ, кто стоитъ за мурашкинцевъ — какъ бы это имъ не повредило.

Читая эти строки, Таманцевъ почувствовалъ смущеніе. И тамъ уже считаютъ его слишкомъ „бѣшенымъ“, чтобы вести такое дѣло. Въ тонѣ Глафиры Колчановой сквозила тревога за него, а быть можетъ, и недовольство тѣмъ, что про него могутъ такъ толковать.

Эта умная и милая дѣвушка — настоящій его другъ. Пишетъ она ему уже во второй разъ, а онъ и забылъ, отвѣтилъ ли на первое письмо. Если онъ и отвѣчалъ, то навѣрно не скоро, а теперь совсѣмъ забылъ — писалъ, или нѣтъ.

Непорядочность въ перепискѣ онъ считалъ самой возмутительной слабостью русскихъ. Но Петербургъ настолько „спихъ его съ рельсовъ“, что онъ сталъ терять свои лучшія привычки, которыя приобрѣлъ на западѣ.

Подъ конецъ письма была очень искренняя просьба отвѣтить имъ поскорѣе съ сестрой, какъ онъ думаетъ распорядиться своимъ временемъ, и застанутъ ли онѣ его, если пріѣдутъ недѣли черезъ двѣ.

Вложенную въ пакетъ записку докторъ Домашневъ просилъ

его передать Малышеву лично и „перетолковать, если удосужится, о томъ, что въ ней заключается“.

Вотъ она — задержка. Но онъ сейчасъ же рѣшилъ изъ-за этого не оставаться. Можно по дорогѣ на вокзалъ заѣхать въ Малышеву.

И отъ этого онъ уклонился. Пріятеля доктора Домашнева онъ какъ-то не понимаетъ. Даровитый беллетристъ и безъ того, отъ одного свиданія, сталъ для него менѣе близкимъ. Выйдетъ еще, пожалуй, споръ, или онъ услышитъ отъ писателя что-нибудь, что на всю дорогу оставитъ въ немъ осадокъ. И онъ долженъ будетъ подѣлиться своимъ окончательнымъ впечатлѣніемъ съ докторомъ.

Ничего особенно важнаго не могло быть въ запискѣ; иначе Домашневъ самъ бы написалъ ему. Онъ попроситъ доставить записку Петю Долгова. Тотъ навѣрно явится сейчасъ проститься.

Въ каминѣ пылалъ огонь. Таманцевъ бросилъ туда пакетъ, вмѣстѣ съ другими рваными бумагами, которыя валялись на письменномъ столѣ, и, докончивъ укладку чемоданчика, опустился въ большое кресло, немного утомленный.

Его неудержимо гнало изъ Петербурга. Это уже не блажь и не одна горечь послѣ исторіи съ Катъ и Лущевымъ. Онъ больше не допытывался у себя: дѣйствительно ли онъ любитъ эту дѣвушку и легко ли онъ переживаетъ ея потерю? Не хотѣлъ онъ и разстроивать себя вопросомъ: неужели она обречена на безпробудное бездушіе того свѣта, гдѣ красуется господинъ Лущковъ? Быть можетъ, она и лучше того, какъ ее понимаетъ чета Овчинниковыхъ; но довольно донкихотствовать. Въ пору самому вырваться изъ этого зачумленного города.

Не дальше, какъ полтора часа тому назадъ, у Донона, въ общей комнатѣ деревяннаго домика, онъ опять проходилъ черезъ ощущеніе чего-то нестерпимо насаднаго—отъ одного того, какъ трое мужчинъ говорили и держали себя за обѣдомъ въ этой общей комнатѣ. Только у русскихъ баръ такія замашки, во всемъ мірѣ. И дома, и за границей, куда бы они ни появились—въ ресторанъ, на прогулку, въ театр—въ Парижѣ, въ Ниццѣ, на нѣмецкихъ водахъ или на итальянскихъ озерахъ—все та же безцеремонность, громкій, вызывающій разговоръ, вапризы, окрики на прислугу, франтовство бульварными словечками, гримасы, ломанье.

И нигдѣ люди его происхожденія и воспитанія такъ не щеголяютъ всѣми этими невыносимыми замашками, какъ именно

здѣсь, откуда они разносятъ ихъ по всему свѣту, точно каноны какой-то религіи.

„Петюня!“ — выговорилъ онъ про себя, слышавъ, какъ всегда, скромный звонокъ въ передней.

Въ „барышнѣ въ панталонахъ“ онъ во всемъ мужскомъ Петербургѣ только и сохранилъ настоящее доброе чувство.

И Петя, и его товарищъ Костроминъ, выдержали съ необыкновеннымъ гоноромъ свою роль „сурьезныхъ“ секундантовъ. Когда Лушковъ доставилъ свое второе извиненіе, они вотъ тутъ, въ кабинетѣ, читали его нѣсколько разъ вслухъ, взвѣшивали каждое слово, даже всматривались въ почеркъ, точно они эксперты въ уголовномъ дѣлѣ. Ему показалось это забавнымъ, и онъ невольно разсмѣялся, чѣмъ они оба какъ бы немного обидѣлись.

Костроминъ, подавая ему письмо Лушкова, съ важностью сказалъ:

— Большаго безусловно нельзя требовать.

— Да, — замѣтилъ Долговъ: — но ты повѣрь мнѣ, что его приятели, да и онъ самъ пустятъ слухъ, что извинялся не онъ, а графъ Андрей Павловичъ.

— Пускай ихъ! Есть подлинный документъ.

— Графъ не будетъ его печатать. Да и какъ доказать, что вздорная болтовня пущена? И вѣдь?

Весь этотъ разговоръ выплылъ у него въ памяти, когда онъ услышалъ звонокъ Долгова.

— Сегодня ѣдете, графъ, — это рѣшено? — спрашиваетъ Петя, подсаживаясь къ камину.

— Ты видишь.

— Конечно, конечно. Чтò вамъ здѣсь дѣлать! Ужасный городъ!.. Ужасный!

— И ты находишь?

— Какая пошлость во всѣхъ... Безстыдные враки...

— Петюня! Да ты, кажется, начинаешь употреблять нецензурныя слова?

По лицу Долгова Таманцевъ замѣтилъ, что у него есть какая-то затаенная мысль... Или хочется ему что-то рассказать, да онъ не смѣетъ.

— Петюня! — окликнулъ онъ.

— Чтò угодно, графъ?

— Ты сидишь точно въ классѣ, когда ученикъ давно собирается сказать: „позвольте выйти“ — да духу не хватаетъ.

— Ахъ, графъ!

Петя застыдился и повелъ головой дѣтскимъ жестомъ.

— Видите, графъ,—заговорилъ онъ скоро и рѣшительно.— Мнѣ дано судьбой все—какъ бы это сказать—доносить вамъ. Вѣдь это не мое дѣло. Вотъ тогда—кто вызвалъ исторію? Я! Она могла кончиться—жутко сказать—вашей смертью. А я не могъ не сообщить... Не могъ, по чести! Вы живы, но лишились...

Онъ запнулся.

— Можетъ быть и въ лучшему. Право, они другъ друга стоятъ—женихъ и невѣста, ха, ха!

— Оставимъ это,—перебилъ его Таманцевъ.

— Ахъ, Господи! Вотъ и теперь, я не могу же не возмущаться...

— Чѣмъ еще?

— Сегодня одинъ мой товарищъ—еще студентъ и хлыщеватый малый—знаете, изъ тѣхъ, что фуражки прусскаго образца носить—встрѣчается со мной у Доминика и сейчасъ: „Слышалъ ты скандалецъ у графа Таманцева съ Лупковымъ? Тотъ у него невѣсту отбилъ и вызвалъ на дуэль, да графъ благоразумно уклонился“... Вѣдь это же гадость! Я его чуть не побилъ.

— Ты-то?

— Нельзя же такъ! Графъ, простите. Я не долженъ былъ говорить вамъ, но скрывать—значитъ потакать такой чудовищной сплетнѣ. А я имѣлъ честь быть вашимъ секундантомъ. Я ему это и заявилъ—этой прусской фуражкѣ.

— Полно! Не ссорься ты изъ-за меня ни съ кѣмъ, Петюня! Спасибо тебѣ за добрыя чувства; а теперь помоги мнѣ уложить въ дорожный мѣшокъ мои *sieben Sachen*,—выразился Таманцевъ, вспомнивъ свое житье у нѣмцевъ.—Есть до тебя и другое порученіе.

— Я съ радостью!

Долговъ возбужденно всталъ, и Таманцевъ съ доброй улыбкой глядѣлъ на Петюню. „Чудовищная сплетня“ не возмутила его. Эта послѣдняя капля петербургскаго яда уже не дѣйствовала.

П. БОВОРЫКИНЪ.

ИНСТИТУТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА

и

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА

I.

Международныя сношенія достигли въ XIX ст. небывалаго въ прежніе вѣка развитія. Широко разрастающійся потокъ международной жизни захватилъ въ свое теченіе множество разнообразныхъ интересовъ. Политика, право, религія, наука, искусство, промышленность, санитарная часть—все это вышло за предѣлы отдѣльныхъ государствъ и сдѣлалось достояніемъ международного общенія. Какъ объяснить это движеніе?

Неудержимый ростъ международныхъ сношеній обуславливается цѣлымъ рядомъ причинъ. Количественное и качественное развитіе потребностей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, невозможность полного ихъ удовлетворенія въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ, сознаніе послѣдними своихъ обязанностей—содѣйствовать разными путями этому удовлетворенію—вотъ тѣ факторы, благодаря которымъ взаимное содѣйствіе и сношенія между государствами становятся все болѣе и болѣе неизбѣжными, а государства перестаютъ быть конечными формами человѣческаго общенія и входятъ въ составъ высшаго общенія—союза международного въ качествѣ его членовъ. Въ свою очередь успѣхи техники, примѣненіе пара и электричества

къ способамъ и средствамъ сношеній, въ связи съ развитіемъ другихъ сторонъ культурной жизни современныхъ обществъ содѣйствуютъ небывалой быстротѣ сношеній между народами. Но само собою разумѣется, что тѣмъ многочисленнѣе, разнообразнѣе и быстрѣ сношенія между отдѣльными лицами, обществами и государствами въ предѣлахъ международнаго союза, тѣмъ настоятельнѣе должна сознаваться необходимость опредѣленія ихъ нормами права и, слѣдовательно, необходимость уясненія и разработки самихъ этихъ нормъ.

Дѣйствительно, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, мысль о необходимости основать порядокъ жизни международнаго союза на началахъ права все болѣе и болѣе начинаетъ овладѣвать общественнымъ мнѣніемъ.

Развитіе международнаго права, какъ и всякаго другого права, происходило и происходитъ подъ вліяніемъ двухъ факторовъ—практики и теоріи, т. е. науки.

Практически въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ выработкѣ нормъ международнаго права содѣйствуютъ законодательство, судебная и административная практика, — въ международномъ же общеніи такую роль играетъ дипломатія. Памятниками дѣятельности отдѣльныхъ государствъ по вопросамъ международнаго права является множество законовъ (о подданствѣ, объ иностранцахъ, о посланникахъ и консулахъ, о литературной и художественной собственности, о выдачѣ преступниковъ, объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, по вопросамъ частнаго международнаго права, о военноплѣнныхъ и пр.), обычаевъ, административныхъ распоряженій и судебныхъ рѣшеній, а дипломатическая дѣятельность державъ оставляетъ по себѣ слѣды въ обильной дипломатической перепискѣ, въ трудахъ конгрессовъ и конференцій и въ неограниченномъ количествѣ разныхъ нотъ, протоколовъ, деклараций, конвенцій, трактатовъ и т. п. Немалое число вопросовъ международнаго права практикѣ удалось разрѣшить довольно успѣшно. Въ этомъ отношеніи стоить вспомнить парижскую морскую декларацию 1856 г., женевскую конвенцію 1864 г., петербургскую декларацию о разрывныхъ пуляхъ 1868 г., конвенціи о почтовыхъ, телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сношеніяхъ, актъ берлинской конференціи по африканскимъ дѣламъ 1885 г., актъ брусельской конференціи о борьбѣ противъ торга неграми 1891 г. и др. Затѣмъ, дипломатія не разъ прибѣгала къ разрѣшенію споровъ между государствами мирными средствами, при помощи посредничества, или третейскаго разбирательства. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что разработка и развитіе международнаго

права и улучшение международного строя, только одной лишь практикой, встрѣчаются съ значительными затрудненіями и потому не чужды довольно существенныхъ недостатковъ. Такъ, дипломатамъ и другимъ государственнымъ дѣателямъ приходится принимать то или другое рѣшеніе, подѣ влияніемъ требованій данной минуты, жертвовать интересами болѣе общими, но отдаленными, въ пользу часто дурно понятыхъ интересовъ частныхъ, національныхъ, переходящихъ, но болѣе близкихъ, выдвигаемыхъ ходомъ событій даннаго времени. При этомъ политическія соображенія часто закрываютъ собою требованія справедливости, а принятые при такихъ условіяхъ рѣшенія не отличаются должной объективностью и правильностью. Далѣе, дипломатія болѣе занимается сложными и бьющими въ глаза интересами международной политики, чѣмъ не менѣе важными, но скромными вопросами международного права. Къ послѣднимъ обращается она лишь подѣ влияніемъ общественнаго мнѣнія или неотвратимыхъ требованій самой жизни. Наконецъ, международная и внутреннегосударственная практика съ большимъ трудомъ отрѣшается отъ установившагося *modus vivendi* и, слѣдовательно, значительно тормозитъ развитіе разныхъ сторонъ международного права и жизни международного союза.

Что касается научной обработки международного права, то до послѣдняго времени она была дѣломъ отдѣльныхъ лицъ. Справедливость требуетъ сказать, что отдѣльными учеными въ этомъ отношеніи сдѣлано довольно много: ими выработаны методы научныхъ изслѣдованій; обработаны отдѣльные вопросы международного права; сдѣланы попытки—различныя части международного права свести въ общую систему, проникнутую известными общими началами; указаны недостатки международного права; сдѣланы попытки ихъ устраненія (нѣкоторыми писателями составлены кодексы международного права и предложены различныя проекты улучшения организаціи международного союза); наконецъ, намѣчены цѣли дальнѣйшей научной дѣятельности. Ко всему этому надо прибавить, что наука международного права имѣла значительное влияние на развитіе международной практики, которая снабжала ее матеріаломъ.

Но, признавая важное значеніе за результатами научной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, нельзя въ то же время не отмѣтить тѣхъ препятствій, которыя стоятъ на пути ихъ изслѣдованій, и тѣхъ недостатковъ, которыхъ не чужды эти изслѣдованія. Дѣло въ слѣдующемъ. Многіе вопросы международного права отличаются такою сложностью и запутанностью, что для отдѣльнаго

лица рѣшеніе ихъ представляетъ крайнія, подчасъ непреодолимыя затрудненія. Затѣмъ, отдѣльному изслѣдователю бываетъ весьма трудно собрать возможно полный матеріалъ, необходимый для научной работы. Наконецъ, и люди науки нерѣдко не свободны отъ національнаго пристрастія и тенденціозности. Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такихъ условіяхъ научная разработка различныхъ вопросовъ международнаго права не всегда отличается желательной объективностью, всесторонней глубиной мысли и правильностью рѣшеній, а многіе изъ отдѣловъ этого права или вовсе не разработаны, или ихъ обработка далеко не закончена.

Таковы итоги дѣятельности двухъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось до послѣдняго времени развитіе правового порядка международной жизни государствъ. Какъ мы видѣли, на ряду съ положительными сторонами этой дѣятельности успѣли выясниться и нѣкоторые ея недостатки. Но можно ли было остановиться на добытыхъ результатахъ и не стремиться къ устраненію того, что затрудняло развитіе и научную разработку международнаго права? Конечно, нѣтъ.

Отыскивая средства улучшить научныя изслѣдованія международнаго права и содѣйствовать какъ его дальнѣйшему развитію, такъ и проведенію въ практическую жизнь, передовые двигатели науки международнаго права остановились на мысли о цѣлесообразности примѣнить и въ этой области принципъ коллективнаго научнаго труда, т.-е. ввести такой факторъ, который по возможности былъ бы въ состояніи преодолевать препятствія, стоящія на пути изслѣдованій отдѣльныхъ ученыхъ, и могъ бы избѣжать ихъ недостатковъ. Жизнь нашего вѣка,—вѣка множества разныхъ ассоціацій,—представляла не мало доказательствъ въ пользу значенія коллективныхъ усилій въ разработкѣ извѣстныхъ вопросовъ, для цѣлей какъ теоріи, такъ и практики. Оставалось, слѣдовательно, только воспользоваться испытанной уже идеей и примѣнить ее къ научному труду въ области международнаго права.

Такимъ образомъ, быстро возрастающее развитіе международнаго оборота, признаніе необходимости регулировать его правовымъ, недостаточность, для вполне успѣшнаго выполненія этой задачи, усилій практики и единоличнаго труда ученыхъ, наконецъ, примѣръ успѣшнаго рѣшенія разныхъ вопросовъ на сѣздахъ представителей науки и въ ученыхъ обществахъ—вотъ та почва, на которой возникла мысль объ основаніи ученаго общества (института или академіи) международнаго права. По мысли ини-

ціаторовъ дѣла, это общество (институтъ или академія), чтобы можно было ожидать отъ него возможно плодотворной дѣятельности, должно удовлетворять цѣлому ряду условий, а именно: оно должно носить *международный* характеръ и состоять изъ лицъ, оказавшихъ *выдающіяся услуги* международному праву въ области теоріи или практики и принадлежащихъ по своему подданству *разнымъ* государствамъ; оно должно быть обществомъ исключительно *ученымъ*, независимымъ отъ какого бы то ни было государства и чуждымъ политикѣ; наконецъ, оно должно быть учрежденіемъ *постояннымъ*. Эти мысли и положены были въ основаніе при выработкѣ устава общества, т.-е. существующаго и по настоящее время „Института международного права“. Отъ общества, организованнаго на такихъ началахъ, можно было ожидать болѣе осторожнаго, всесторонняго, безпристрастнаго, глубокаго, хотя и болѣе медленнаго изслѣдованія разныхъ вопросовъ, чѣмъ отъ единоличнаго труда отдѣльныхъ ученыхъ. Отъ него можно было ожидать не только подъема науки международного права, но и благотворнаго вліянія на самую практику, такъ какъ его труды должны пользоваться большимъ авторитетомъ, чѣмъ труды единичныхъ изслѣдователей. Слѣдовательно, подъ вліяніемъ этой новой силы оба прежніе фактора въ развитіи международного права должны дѣйствовать успѣшнѣе, чѣмъ прежде.

Кому же принадлежитъ идея о необходимости организовать международное общество (институтъ или академію) съ цѣлью разработки международного права, и кому принадлежитъ главная роль въ осуществленіи этой идеи?

Мысль о необходимости такого общества почти одновременно, между 1867 и 1873 гг., была высказана или, по крайней мѣрѣ, поддержана въ разныхъ странахъ цивилизованнаго міра. Главнымъ же дѣйствующимъ лицомъ, сосредоточившимъ въ своихъ рукахъ всѣ нити этого движенія, явился знаменитый бельгійскій ученый, публицистъ, редакторъ извѣстнаго журнала „Revue de droit international et de législation comparée“, бывшій министръ въ Бельгіи, а теперь въ Сіамѣ—G. Rolin-Jacquemyns. Онъ вошелъ въ сношенія по этому дѣлу съ разными знаменитостями въ области науки международного права и выдающимися государственными людьми (Либеръ, Муанье, Блончли, Гольцендорфъ, Кальво, Друэнъ-де-Люисъ, Парье, Каченовскій и др.). Путемъ этихъ сношеній уяснилась цѣль и характеръ предполагавшагося общества. Когда, такимъ образомъ, была подготовлена почва для осуществленія задуманной реформы, Rolin-Jacquemyns обратился, въ мартѣ 1873 г., въ разнымъ компетентнымъ лицамъ съ конфи-

денціальной запиской, въ которой излагалъ свой проектъ, обращалъ вниманіе на необходимость, возможность и своевременность его осуществленія и просилъ высказаться о немъ. Въ общемъ записка была принята весьма сочувственно, хотя и не обошлось безъ возраженій, отрицавшихъ производительность коллективной научной дѣятельности и возможность вліянія проектируемаго учрежденія на практику.

Послѣ этихъ переговоровъ Rolin-Jacquemyns сдѣлалъ рѣшительный шагъ и предложилъ разнымъ знаменитостямъ юридическаго міра Европы и Америки собраться въ сентябрѣ того же года въ Гентѣ, для обсужденія сообщеннаго имъ проекта и для основанія „Института международнаго права“. Съѣздъ состоялся въ назначенный срокъ. Въ немъ приняли участіе одиннадцать извѣстныхъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей, принадлежащихъ къ девяти различнымъ національностямъ (Ассеръ, Безобразовъ, Блунчли, К. Кальво, Д. Фильдъ, Лавеле, Лоримеръ, Манчини, Муанье, Пьерантони и Роленъ-Жакменъ). Эти лица по справедливости считаются основателями „Института“. Работы съѣзда увѣнчались успѣхомъ: былъ выработанъ уставъ института международнаго права и основанъ самый институтъ, а личный составъ его увеличенъ избраніемъ въ члены еще двадцати извѣстнѣйшихъ ученыхъ юристовъ. Такъ, наконецъ, осуществилась идея примѣненія къ разработкѣ международнаго права коллективнаго научнаго труда, которой интересовались въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ нынѣшняго вѣка наиболѣе выдающіеся изъ современныхъ публицистовъ и юристовъ.

Учрежденіе института было какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Вотъ доказательства. Во второй половинѣ XIX-го вѣка надъ Европой и Америкой пронесся цѣлый рядъ кровопролитныхъ войнъ. Онѣ напомнили о непрочности международнаго порядка и недостаткахъ международнаго права, а удачный исходъ третейскаго суда по алабамскому дѣлу возбудилъ во многихъ надежду на лучшее будущее въ жизни международнаго союза и подогрѣлъ вниманіе къ необходимости реформъ въ области международнаго права. Отдѣльные ученые и разныя общества занялись вопросами о международномъ кодексѣ, о третейскомъ судѣ и пр. Стали указывать на цѣлесообразность примѣненія къ разработкѣ международнаго права—коллективнаго труда, отъ котораго можно было ожидать болшихъ успѣховъ, чѣмъ отъ труда единоличнаго. Насколько общественное мнѣніе было расположено въ пользу этой идеи, можно видѣть изъ того, что въ одно время съ основаніемъ института открыла свою дѣятельность и „ассоціація для реформы

и кодификаціи международнаго права". Печать отнеслась и продолжаетъ относиться къ институту съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Благосклоннаго отношенія къ нему можно было ожидать и со стороны самихъ правительствъ, которыя не разъ обращались за совѣтами къ отдѣльнымъ ученымъ юристамъ, а слѣдовательно естественно могли обращаться и въ болѣе авторитетному коллегіальному учрежденію. Словомъ, все говорило въ пользу своевременности возникновенія „Института международнаго права". Посмотримъ, въ чемъ заключается его организація и задачи дѣятельности.

II.

Организація института и порядокъ его дѣятельности опредѣляется уставомъ и регламентами, которые не разъ измѣнялись и дополнялись. Въ настоящее время дѣйствуетъ уставъ 9-го сентября 1880, вотированный въ Оксфордѣ, и регламенты о выборѣ новыхъ членовъ (3-го сентября 1874 г.) и о работахъ института въ промежутокъ времени между сессіями (9-го сентября 1887 г.).

Институтъ международнаго права—общество международное и исключительно ученое, не имѣющее никакого оффиціального характера (ст. 1 устава 1880 г.). Таковъ характеръ института. Всѣ послѣдующія постановленія устава подчинены этой основной идеѣ и проникнуты ею. Задача дѣятельности института—содѣйствовать прогрессу международнаго права. Для осуществленія этой задачи институтъ призванъ, во-первыхъ, работать надъ формулировкой основныхъ принциповъ науки такимъ образомъ, чтобы представлять юридическое убѣжденіе цивилизованнаго міра; во-вторыхъ, оказывать поддержку всякой серьезной попыткѣ постепенной кодификаціи международнаго права; въ-третьихъ, заботиться о введеніи въ практику принциповъ, признанныхъ соотвѣтствующими нуждамъ современнаго общества; въ-четвертыхъ, содѣйствовать, въ границахъ своей компетентности, поддержанію мира или соблюденію законовъ войны; въ-пятыхъ, въ случаяхъ затрудненія при толкованіи и примѣненіи права высказывать по мѣрѣ надобности свои мотивированныя мнѣнія; въ-шестыхъ, содѣйствовать посредствомъ разныхъ изданій, публичныхъ чтеній и другихъ способовъ, осуществленію началъ челоуѣколюбія и справедливости, которыя должны управлять международными сношеніями.

Институтъ состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, сотрудниковъ и почетныхъ. Число членовъ дѣйствительныхъ не можетъ

быть выше шестидесяти, въ томъ числѣ подданныхъ одного государства или союза государствъ не болѣе одной шестой части. Та же норма опредѣлена и для членовъ-сотрудниковъ. Дѣйствительными членами института могутъ быть безъ различія національностей только лица, оказавшія услуги международному праву въ области теоріи или практики, а членами сотрудниками—тѣ, чьи познанія могутъ быть полезны институту (3—6 статьи). Этими постановленіями имѣлось въ виду, отрывая доступъ въ институтъ подданнымъ разныхъ государствъ, предупредить преобладаніе представителей одной или нѣсколькихъ державъ, оградить отъ излишняго многочисленія личный его составъ и поддержать возможно высшій научный цензъ его членовъ.

Чтобы по возможности обезпечить полную объективность работы института и устранить всякую тѣнь вліянія политическихъ вѣяній, въ уставѣ постановлено, что когда институтомъ обсуждается какой-либо спорный вопросъ между двумя или нѣсколькими государствами, то члены института, подданные этихъ государствъ, могутъ принимать участіе только въ дебатахъ, но не въ постановкѣ рѣшенія (17 ст.). Точно также не могутъ участвовать въ вотированіи рѣшеній члены института, состоящіе на дѣйствительной дипломатической службѣ (7 ст.).

Во главѣ института, съ цѣлью веденія его дѣлъ, поставлено бюро, которое состоитъ изъ президента, двухъ вице-президентовъ и главнаго секретаря (12 ст.). Президентъ и вице-президенты избираются при началѣ каждой сессіи и немедленно вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей (10 ст.); главный же секретарь избирается членами института изъ своей среды на 6 лѣтъ (11 ст.). Бюро призвано своею дѣятельностью поддерживать жизнь института въ промежутки времени между сессіями. Для пользы института и его дѣла бюро можетъ предпринять всѣ необходимыя мѣры,—напр., оно можетъ назначить докладчика или комиссію для разработки новыхъ вопросовъ и т. п. Но особенно важную роль играетъ главный секретарь. Къ числу его обязанностей относятся: веденіе протоколовъ засѣданій института, переписка по текущимъ дѣламъ, приведеніе въ исполненіе постановленныхъ институтомъ рѣшеній, надзоръ за работами комиссій, которымъ поручена разработка отдѣльныхъ вопросовъ международного права (регламентъ 1887 г.), храненіе печати и архивовъ (11 ст. устава 1880 г.) и, наконецъ, представленіе въ каждую сессію отчета о послѣднихъ трудахъ института. Мѣсто жительство главнаго секретаря считается мѣстопребываніемъ института. Для завѣдыванія финансами избирается на три года казначей, а для провѣрки его

дѣйствій на каждой сессіи назначается два контролера. Дѣятельность института, который девизомъ своимъ поставилъ принципъ: „justitia et pax“, проявляется въ трудахъ общихъ собраній, специальныхъ комиссій и отдѣльныхъ докладчиковъ. Институтъ публикуетъ отчеты о своихъ трудахъ. Кроме того, дѣйствительные члены, по соглашенію съ членами-сотрудниками, съ цѣлью содѣйствовать популяризаціи трудовъ института между соотечественниками, могутъ образовать въ каждомъ государствѣ комитеты, составленные изъ лицъ, которые посвятили себя изученію социальныхъ и политическихъ наукъ ¹⁾.

Расходы института покрываются членскими взносами и пожертвованіями. Чтобы сохранить вполне свою независимость, институтъ высказался противъ всякихъ правительственныхъ субсидій. Собранія института происходятъ въ разныхъ государствахъ; ни одно изъ нихъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ преимуществъ.

Нельзя не признать, что такая организація института и его дѣятельности является весьма солидной гарантіей высокаго научнаго ценза его членовъ, путемъ къ возможно удачному сочетанію единичнаго труда съ коллективнымъ, наконецъ—залогомъ всесторонности, свободы и непристрастія научныхъ работъ института. Несомнѣнно, что эта организація и характеръ работъ института, вмѣстѣ съ высокимъ научнымъ значеніемъ личнаго состава и своевременностью его открытія, обусловили тотъ успѣхъ и авторитетъ, которыми онъ пользуется.

Къ чему же сводится дѣятельность института за истекшія двадцать лѣтъ его существованія?

III.

Дѣятельность института международного права за истекшія два десятилѣтія его существованія была довольно разнообразна и весьма плодотворна. Разнообразіе ея обуславливалось разнообразіемъ преслѣдуемыхъ институтомъ цѣлей и необходимыхъ для ихъ осуществленія способовъ дѣйствія. Главная задача, которую институтъ призванъ разрѣшить, и на которую направлялось его вниманіе—это научная разработка отдѣльныхъ вопросовъ международного права, формулированіе общихъ принциповъ науки такимъ

¹⁾ Въ 1880 г. открыто въ Петербургѣ общество международного права (Журналъ гражданского уголовнаго права за 1880 г., кн. 5). Въ концѣ прошлаго года въ составѣ Одесскаго Юридическаго Общества образовалось Отдѣленіе международного и административнаго права.

образомъ, чтобы они отвѣчали юридическому убѣжденію цивилизованнаго міра, и содѣйствіе постепенной кодификаціи этого права. Путь къ осуществленію этой задачи избранъ институтомъ наиболѣе вѣрный и цѣлесообразный. Институтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ переходитъ постепенно отъ одного вопроса къ другому. Разработка же этихъ вопросовъ обыкновенно является дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, докладчиковъ, специальныхъ комиссій, и, наконецъ, общаго собранія института. Такимъ образомъ, институтъ умѣетъ сочетать единоличный трудъ ученыхъ съ трудомъ коллективнымъ и извлечь изъ того и другого наибольшую пользу. Въ теченіе двадцати лѣтъ существованія института состоялось четырнадцать общихъ собраній, для занятій которыхъ матеріалъ былъ подготовленъ разными комиссіями. Въ настоящее время занято подготовительными работами по самымъ разнообразнымъ вопросамъ международнаго права пятнадцать комиссій съ болѣе чѣмъ двойнымъ числомъ докладчиковъ. Несмотря на небольшое число общихъ собраній, институтъ успѣлъ сдѣлать весьма много. Дѣйствительно, имъ исполнены слѣдующія работы: 1) Проектъ правилъ для облегченія знаомства съ иностранными законами (1885 и 1887 гг.) и проектъ конвенціи объ установленіи международной уніи для публикаціи международныхъ договоровъ (1892); 2) рѣшенія по частному международному праву (общія постановленія—1874; основные принципы относительно подданства, правоспособности, наслѣдованія и обязательной силы законовъ—1880 г.; правила относительно брака и развода 1887 и 1888 гг. и относительно опеки—1891-1892 гг.); 3) рѣшенія по торговому праву (основные принципы—1882 г., правоспособность—рѣшеніе 1888 г., вексель—рѣшеніе 1885 г., проектъ общаго закона о векселяхъ и проектъ международной конвенціи относительно столкновенія законовъ о векселяхъ, акціонерныя общества—рѣш. 1891 г.); 4) рѣшенія по морскому международному праву во время мира (о международной охранѣ Суэцкаго канала и о подводныхъ кабеляхъ—рѣшеніе 1879 г.,—о морскомъ страхованіи проектъ общаго закона и международной конвенціи 1883 и 1885 гг., тоже о столкновеніи судовъ 1888 г., наконецъ,—относительно торга неграми—рѣшеніе 1891 г.); 5) рѣшенія по международному уголовному праву (рѣшеніе 1883 г.—о компетенціи, и 1880, 1892 г.—о выдачѣ преступниковъ); 6) рѣшенія по гражданскому процессу (общія постановленія—1874 г., рѣшенія о подсудности—1875 г., о судебныхъ правахъ иностранцевъ и формахъ судопроизводства—1877 г., объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній—1878 г., о доказательствѣ иностран-

ныхъ законовъ—1891 г. и о компетенціи судовъ въ процессахъ противъ иностранныхъ государствъ или сувереновъ—1891 г.); 7) проектъ правилъ судопроизводства въ консульскихъ судахъ на востокъ въ смѣшанныхъ процессахъ между подданными разныхъ государствъ, имѣющихъ тамъ право консульской юрисдикціи—1883 г.; 8) постановленія по вопросу о мирномъ рѣшеніи международныхъ споровъ (о третейскомъ судѣ—1875 г., о компромиссѣ—1877 г.); 9) рѣшенія относительно мѣръ принужденія во время мира (о мирной блокадѣ—1887 г., о допущеніи и изгнаніи иностранцевъ—1888 и 1892 г.); 10) проектъ международной деклараціи объ оккупации территоріи—1888 г.; 11) постановленіе о судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ (относительно Конго 1883 г. и проектъ органическаго устава—1887 г.); 12) рѣшеніе по праву войны сухопутной и морской (постановленія относительно брусельской деклараціи—1875 г., относительно вашингтонскихъ правилъ объ обязанностяхъ нейтральныхъ—1875 г., руководство относительно законовъ и обычаевъ сухопутной войны—1880 г., о частной собственности во время морской войны—1875 г., о призовомъ правѣ—1877, 1882, 1883 и 1887 гг.).

Этотъ обзоръ ученыхъ работъ института даетъ основаніе вполне согласиться съ нынѣшнимъ главнымъ секретаремъ института г. Леромъ, который говоритъ, что „нѣтъ ни одного важнаго вопроса международнаго, публичнаго или частнаго права, который не былъ бы предметомъ обсужденія института, или не былъ бы внесенъ въ программу работъ будущихъ сессій“. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что самое выполненіе научныхъ трудовъ отличается высокими достоинствами. Осторожность, основательность и всесторонность изученія избранной темы, безпристрастіе ея обсужденія и рѣшенія, наконецъ, точность юридической формулировки принятыхъ постановленій—обычныя качества работъ института. Оставаясь на почвѣ явленій дѣйствительной жизни, институтъ осторожно рѣшается предлагать лишь осуществимыя и наиболѣе настоятельныя реформы въ области права. Столь выдающіеся результаты научной дѣятельности института въ теченіе двадцати лѣтъ его существованія, несмотря на небольшое число связанныхъ съ затрудненіями общихъ собраній, могли быть достигнуты только благодаря всегда одушевлявшему его членовъ стремленію служить дѣлу науки и трудиться на пользу человѣчества, благодаря сознанію ими серьезности этой задачи и, наконецъ, благодаря ихъ эрудиціи и энергіи.

Но научными изысканіями, какъ извѣстно, не ограничивается кругъ задачъ, преслѣдуемыхъ институтомъ.

Такъ, институтъ заботится о проведеніи въ практику принятыхъ имъ рѣшеній. Съ этой цѣлью онъ обращается къ правительствамъ и представляетъ на ихъ усмотрѣніе свои проекты законовъ, конвенцій, декларацій и пр.

Затѣмъ институтъ стремится содѣйствовать соблюденію воюющими законовъ и обычаевъ войны. Въ исполненіе этой задачи, когда въ 1877 г., во время русско-турецкой войны, представился къ тому случай, бюро института обратилось къ воюющимъ и къ печати съ воззваніемъ, въ которомъ изложены были основныя начала права войны. Институтъ, собравшись на цюрихской сессіи въ 1877 г., вполне одобрилъ воззваніе бюро и, констатировавъ мѣры, принятыя Россіей передъ войной съ цѣлью ознакомить войска съ законами войны и обезпечить ихъ исполненіе, выразилъ сожалѣніе, что Турціей ничего подобнаго не было сдѣлано. Кромѣ того, онъ призналъ тяжелымъ нарушеніемъ международнаго права войны одинъ фактъ употребленія воюющими дикими ордъ (что сдѣлала Турція, пользовавшаяся баши-бузуками, черкесами и курдами) и указалъ на желательность различныхъ мѣръ, принятіемъ которыхъ государства могли бы обезпечить знаніе и соблюденіе войсками законовъ войны. Эти постановленія института были сообщены министромъ иностранныхъ дѣлъ разнымъ странамъ и повсюду вызвали одобреніе. Столь же хорошій приемъ встрѣтили они и со стороны печати. Диссонансомъ звучитъ только выходка турецкаго центральнаго комитета краснаго полумѣсяца, которая можетъ быть объяснена патріотическимъ ослѣпленіемъ или невѣжествомъ.

Наконецъ, институтъ старается распространять свѣденія по международному праву и начала справедливости и человѣколюбія, которыя должны управлять международными сношеніями. Для достиженія этой цѣли онъ издаетъ свои труды и обращается съ воззваніями къ печати. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и отдѣльные его члены въ роли писателей, профессоровъ, дипломатовъ, судей, администраторовъ и т. п. Такова столь разнообразная дѣятельность института.

Значеніе института и его трудовъ, о которыхъ отчасти можно судить по только-что сообщеннымъ даннымъ, съ особенной силой обнаруживается въ области теоретической обработки международнаго права. Оно сводится къ слѣдующему. Какъ мы видѣли, институтомъ разработано довольно значительное количество весьма важныхъ и разнообразныхъ вопросовъ международнаго права. Благодаря существованію института и распредѣленію занятій между его членами, значительно облегчается исполненіе такихъ работъ,

которыя требуютъ собранія и изученія обширнаго сырого матеріала. По вопросамъ, разработкой которыхъ занимается институтъ, обыкновенно представляются докладчиками спеціальныя изслѣдованія, иногда цѣлыя монографіи, являющіяся цѣннымъ вкладомъ въ литературу, и происходитъ оживленный обмѣнъ мыслей между разными учеными. Темы, которыя институтъ ставитъ на разрѣшеніе, возбуждаютъ дѣятельность отдѣльныхъ ученыхъ и вызываютъ оживленное движеніе въ литературѣ. Самыя рѣшенія, къ которымъ приходитъ институтъ по разнымъ вопросамъ, въ свою очередь не остаются безъ вліянія на литературу. Писатели сплошь и рядомъ останавливаются на нихъ, какъ въ монографіяхъ, такъ и въ общихъ курсахъ. Словомъ, институтъ, какъ высшій авторитетъ, является въ настоящее время центромъ научнаго движенія въ области международнаго права, а его труды содѣйствуютъ установленію общаго убѣжденія относительно разныхъ вопросовъ изъ области этого права и готовятъ почву для постепенной его кодификаціи.

Что касается вліянія института на практику международныхъ сношеній, то вопросъ этотъ совершенно не разработанъ въ современной литературѣ, и рѣшеніе его принадлежитъ будущему, когда будетъ написана исторія международнаго права въ наши дни и опредѣлено вліяніе на его развитіе разныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе и теперь можно указать нѣсколько примѣровъ очевиднаго вліянія постановленій института на международную практику. Такъ, составленное институтомъ руководство къ законамъ и обычаямъ войны принято было въ Аргентинской республикѣ, какъ обязательное руководство для войскъ, а русское правительство рекомендовало его арміи. 4-го октября 1892 г. швейцарскій союзный совѣтъ сообщилъ разнымъ правительствамъ выработанные институтомъ проекты конвенцій и регламенты относительно образованія международной уніи для публикаціи международныхъ договоровъ и предложилъ созвать для этого дипломатическую конференцію. Далѣе, постановленія о необходимости международной охраны Суэцкаго канала и подводныхъ телеграфныхъ кабелей (1879), а также о распространеніи на рѣку Конго принципа свободы судоходства для всѣхъ націй (1883) были приняты институтомъ раньше, чѣмъ державы заключили соотвѣтственные договоры въ духѣ этихъ постановленій (договоры о Суэцкомъ каналѣ 1888 г., о подводныхъ кабеляхъ 1884 г. и о судоходствѣ по Конго 1885 г.). Равнымъ образомъ резолюція института о „clause compromissoire“ (1877 г.) нашла мѣсто въ цѣломъ рядѣ договоровъ, заключенныхъ послѣ ея принятія (берлинскій актъ 1885 г., договоръ между Бельгіей и

Эввадоромъ 28-го февраля 1882 г., Швейцаріей и Сентъ-Сальвадоромъ 30-го октября 1883 г. и др.). Наконецъ, рѣшенія, постановленныя институтомъ по частному и уголовному международному праву (матеріальному и процессуальному), могутъ быть поставлены въ нѣкоторое соотношеніе съ соотвѣтственными постановленіями нѣкоторыхъ новѣйшихъ законовъ и международныхъ договоровъ.

Какъ бы то ни было, даже если и трудно установить воздѣйствіе рѣшеній института на редакцію соотвѣтственныхъ постановленій законовъ и международныхъ договоровъ, сходство между тѣми и другими во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что институтъ зорко слѣдитъ за развитіемъ современной жизни, старается уловить настоятельныя ея требованія и умѣетъ дать выдвинутымъ ею вопросамъ рѣшеніе, удовлетворяющее современное правосознаніе и въ то же время болѣе или менѣе осуществимое на практикѣ. Нерѣдко занятія института прямо вызываются извѣстными событіями международной практики; таковы, напр., работы института о третейскомъ судѣ, по праву войны, о мирной блокадѣ и др. Такимъ образомъ, между дѣятельностью института и международной практикой неопровержимо существуетъ извѣстная связь и взаимодѣйствіе. Ко всему сказанному о значеніи института и его работъ остается присоединить, что институтъ представляетъ собою весьма внушительный и отрадный примѣръ объединенія на почвѣ науки представителей разныхъ національностей, вѣроисповѣданій, политическихъ направленій и научныхъ доктринъ и доказательство возможности соглашенія по спорнымъ вопросамъ при объективномъ и серьезномъ отношеніи противниковъ къ предмету спора. Въ то же самое время соединеніе научныхъ силъ для общаго дѣла увеличиваетъ авторитетъ принятыхъ рѣшеній и облегчаетъ воздѣйствіе теорій на практику. Въ итогѣ дѣятельность института ведетъ къ постепенному уясненію и упроченію права въ жизни международного союза и къ предупрежденію его нарушеній. Въ будущемъ, можно надѣяться, дѣятельность института во всѣхъ этихъ направленіяхъ еще болѣе окрѣпнетъ и расширится. Онъ можетъ быть призванъ, какъ предусматриваетъ это отчасти и его уставъ, давать свои заключенія, при спорахъ между государствами, или даже быть третейскимъ судьей. Институту поэтому должно быть отведено одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду факторовъ общественнаго прогресса. Таково прошлое института международного права и его значеніе.

Можно ли, спрашивается, оставаться при современной организаціи научной дѣятельности института или слѣдуетъ стремиться

улучшить ее? Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи необходима нѣкоторая реформа. Въ чемъ же она должна состоять, на этотъ вопросъ данъ будетъ отвѣтъ въ слѣдующемъ изложеніи.

IV.

Какъ извѣстно, въ основу организаціи дѣятельности института положена мысль о томъ, что для успѣшности этой дѣятельности будетъ цѣлесообразно сочетать трудъ отдѣльныхъ лицъ съ трудомъ коллективнымъ. Практически эта мысль, до послѣдняго времени, на основаніи дѣйствующаго устава 9-го сентября 1880 г. (ст. 18) и регламента 9-го сентября 1887 г., должна была осуществляться слѣдующимъ образомъ.

Для предварительнаго изученія разныхъ вопросовъ, разработка которыхъ поставлена на очередь, институтъ (а въ промежутокъ между сессіями института—бюро) избираетъ докладчиковъ и комиссіи. Всякій членъ института можетъ принять участіе въ работахъ той или другой комиссіи. Докладчикъ долженъ войти въ сношеніе съ членами комиссіи, чтобы сообщить имъ свои соображенія по данному вопросу и получить ихъ замѣчанія. Комиссія, если это будетъ признано необходимымъ, можетъ, по соглашенію съ бюро, собраться передъ общей сессіей института. Наконецъ, докладчикъ долженъ въ надлежащее время доставить свой докладъ главному секретарю, чтобы этотъ докладъ могъ быть напечатанъ и разосланъ членамъ института до открытія той сессіи, на которой будетъ происходить его обсужденіе. Эти правила дѣйствительно служили руководствомъ для организаціи работъ института. Практика, однако, указала на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій и улучшеній.

На послѣдней сессіи института въ Женевѣ, 1892 г., президентъ института г. Муанье обратилъ вниманіе на то, что при дѣйствіи регламента 1887 г., какъ его понимаютъ и примѣняютъ многіе докладчики,—труды, на основаніи которыхъ должно было происходить обсужденіе разныхъ вопросовъ въ собраніяхъ института, являлись часто въ гораздо большей степени личнымъ произведеніемъ докладчиковъ, чѣмъ коллективнымъ трудомъ комиссій; что въ виду краткости сессій обсужденіе ихъ часто занимало слишкомъ много времени; что при болѣе серьезномъ предварительномъ ихъ изученіи комиссіями общее собраніе могло бы

¹⁾ Lehr, Tableau général, p. 9—18.

имѣть дѣло съ проектами, которые приняты уже большинствомъ специалистовъ, и которые, послѣ краткаго разсмотрѣнія, болѣе легко могли бы быть приняты и институтомъ; наконецъ, что многіе члены института указываютъ на неудобство имѣть въ комиссіи одного докладчика, котораго отсутствіе или болѣзнь можетъ помѣшать ходу работъ института. Сверхъ этого отмѣчено было также, что постановленіе 4 ст. регламента— „Le rapporteur est tenu de se mettre en relation avec les membres de la commission... pour leur soumettre ses idées et recevoir leurs observations“—при нѣкоторой неясности выраженія „leur soumettre ses idées“ на практикѣ привело къ приемамъ весьма различнымъ и неодинаково дѣйствительнымъ для установленія истиннаго сотрудничества членовъ комиссіи. Соглашаясь съ основательностью всѣхъ этихъ замѣчаній, институтъ опредѣлилъ дополнить статью I регламента постановленіемъ, что „докладчикъ долженъ избрать себѣ сотрудника (соарporteur) и довести объ этомъ до свѣденія главнаго секретаря“, а статью 4 постановилъ примѣнять въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) Докладчикъ вмѣстѣ со своимъ сотрудникомъ вырабатываютъ предварительный проектъ (avant-projet) и сообщаютъ его съ приложеніемъ мотивовъ (rapport à l'appui) членамъ комиссіи; 2) члены комиссіи должны сообщить ему въ теченіе опредѣленнаго имъ срока свои замѣчанія; 3) окончательный проектъ долженъ быть выработанъ докладчиками и представленъ въ бюро по истеченіи означеннаго срока и по разсмотрѣніи сообщенныхъ въ надлежащее время замѣчаній; наконецъ, 4) вмѣстѣ съ проектомъ докладчиковъ должны быть опубликованы и несогласныя съ нимъ замѣчанія членовъ комиссіи. Главнѣйшій секретарь уполномоченъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ этихъ постановленій. Затѣмъ, чтобы возбудить дѣятельность членовъ, освободиться отъ тѣхъ изъ нихъ, которые не принимаютъ участія въ трудахъ института, и открыть доступъ лицамъ, желающимъ работать, институтъ единогласно принялъ дополнительное къ 6 ст. устава постановленіе о томъ, что „всякій членъ института, который въ теченіе 5-ти лѣтъ не будетъ участвовать въ занятіяхъ института, исключая препятствій по болѣзни или по службѣ, будетъ считаться сложившимъ съ себя это званіе“. Но это постановленіе, въ виду 21 ст. устава, должно было быть еще утверждено институтомъ на сессіи настоящаго года.

Нельзя не признать, что всѣ эти мѣры улучшаютъ организацию работъ института и могутъ еще болѣе оживить его дѣятельность. Но ими, однакоже, не исчерпывается все то, что

можетъ быть предпринято съ цѣлью возможно успѣшнаго выполненія институтомъ разнообразныхъ задачъ его дѣятельности.

При разработкѣ разныхъ вопросовъ международнаго права, поставленныхъ на очередь институтомъ, докладчики и комиссія, которымъ поручена эта разработка, озабочиваются собраніемъ необходимаго матеріала и съ этою цѣлью нерѣдко обращаются къ содѣйствию не только членовъ комиссіи или вообще членовъ института, но и другихъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ указаній. Такъ, на сессіи института въ Гаагѣ 1875 г. комиссія, которой было поручено изслѣдовать вопросы о примѣнимости европейскаго международнаго права въ сношеніяхъ съ восточными народами (докладчикъ Travers Twiss), признала цѣлесообразнымъ обратиться съ вопросными пунктами къ пребывающимъ на Востокѣ дипломатическимъ агентамъ и консуламъ европейскихъ и американскихъ державъ. Институтъ рѣшилъ, что вопросные пункты будутъ посланы комиссіей или отдѣльными членами института къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ можно надѣяться получить интересныя свѣденія. Далѣе, г. Бульмеринкъ разсылалъ свой проектъ призоваго права членамъ института, прося ихъ сообщить ему свои замѣчанія на этотъ проектъ, и многіе отвѣтили на обращенный къ нимъ призывъ. Гг. Норса и Сачердоти, которымъ были поручена разработка вексельнаго и морскаго (страхованіе) международнаго права, обращались съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ къ членамъ института. Затѣмъ, Рено, докладчикъ комиссіи, изучавшей вопросъ объ опредѣленіи и режимѣ территориальнаго моря, сообщилъ всѣмъ членамъ комиссіи вопросные пункты съ просьбою указать по каждому вопросу законодательныя постановленія, обычныя и международныя договоры ихъ странъ, а также рѣшеніе, которое они считаютъ наиболѣе согласнымъ съ общими принципами права, и которое можно было бы рекомендовать законодателямъ или дипломатамъ. Такъ же поступили и докладчики комиссіи, изслѣдовавшіе 13, 14 и 20 ст. оксфордскихъ постановленій института о выдачѣ преступниковъ, гг. Ламмишъ и А. Ролень, которые на основаніи сообщенныхъ отвѣтовъ составили докладъ, разосланный всѣмъ членамъ института.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать выработавшійся въ практикѣ института приѣмъ, къ которому прибѣгаютъ, желая собрать разные матеріалы, необходимыя для разработки изслѣдуемаго вопроса международнаго права. Вполнѣ признавая цѣлесообразность этого приѣма, нельзя въ то же самое время не замѣтить, что было бы весьма полезно пользоваться имъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ: именно, было бы весьма

полезно обращаться также къ юридическимъ обществамъ разныхъ странъ.

Юридическія общества, въ составъ которыхъ обыкновенно входятъ какъ представители теоріи, такъ и практики, служа, какъ и институтъ, дѣлу развитія права, могутъ оказать институту серьезное содѣйствіе въ различныхъ отношеніяхъ. Они могутъ помогать институту *въ разработкѣ разныхъ вопросовъ международнаго права, въ распространеніи свѣденій о его дѣятельности и въ практическомъ осуществленіи принятыхъ имъ рѣшеній.*

При разработкѣ институтомъ того или иного вопроса международнаго права, помощь со стороны юридическихъ обществъ можетъ выразиться въ доставленіи необходимыхъ матеріаловъ. Съ этою цѣлью юридическія общества должны указать и разъяснить дѣйствующіе въ данной странѣ обычаи, законы, международные договоры, судебную и административную практику по интересующему институтъ вопросу, произвести ихъ критическую оцѣнку и выразить свои *ria desideria de lege ferenda*. Совокупность такихъ рефератовъ можетъ не только представить цѣнный положительный матеріалъ, но и указать на современное направленіе юридическихъ возрѣній въ цивилизованномъ мірѣ.

Затѣмъ въ юридическихъ обществахъ институтъ можетъ приобрести новаго сотрудника въ дѣлѣ распространенія, какъ его убѣжденій, такъ и вообще началъ международнаго права. Войдя въ сношенія съ институтомъ, юридическія общества естественно будутъ болѣе, чѣмъ теперь, интересоваться его трудами и вообще вопросами международнаго права. Обо всемъ этомъ чаще, чѣмъ теперь, будетъ идти рѣчь въ собраніяхъ или печатныхъ изданіяхъ юридическихъ обществъ. Такимъ путемъ свѣденія объ институтѣ международнаго права и о самомъ международномъ правѣ будутъ все болѣе и болѣе распространяться въ разныхъ кругахъ населенія отдѣльныхъ государствъ.

Наконецъ, юридическія общества по мѣрѣ силъ могутъ помогать институту въ дѣлѣ проведенія въ практику началъ международнаго права. Вместе съ институтомъ они могутъ обращаться къ правительствамъ, обращать ихъ вниманіе на необходимость тѣхъ или иныхъ реформъ. Кроме того той же цѣли служить отчасти и самая популяризація международнаго права.

Что касается самой организаціи работъ института въ связи съ юридическими обществами, то она можетъ быть установлена въ слѣдующемъ видѣ. Члены института могутъ быть уполномочены сообщать ихъ отечественнымъ юридическимъ обществамъ списокъ тѣхъ вопросовъ, разработка которыхъ поставлена институтомъ на

очередь, съ просьбой собрать по нимъ положительный матеріалъ, по возможности обработать его и высказать свое мнѣніе о желательномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Свои отвѣты юридическія общества могли бы направить къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ получили указанное сообщеніе, а послѣднія въ свою очередь могли бы переслать весь матеріалъ съ своими замѣчаніями докладчикамъ соответственныхъ комиссій или главному секретарю института. При этомъ члены института, принадлежащіе къ извѣстной странѣ, могли бы раздѣлить между собою трудъ по исполненію возложеннаго на нихъ порученія. Сообщенный юридическими обществами матеріалъ могъ бы быть печатаемъ въ видѣ приложений къ „Ежегоднику“ (Annuaire) института, при чемъ юридическія общества могли бы участвовать извѣстными денежными взносами въ покрытіи вызванныхъ этимъ расходовъ. Такая же связь могла бы быть установлена между институтомъ другими учеными обществами, содѣйствіе которыхъ было бы признано въ извѣстныхъ случаяхъ желательнымъ, и юридическими факультетами. Дружная работа всѣхъ этихъ факторовъ для достиженія одной общей цѣли, мнѣ кажется, была бы весьма плодотворна. Точно уясненіе дѣйствующихъ нормъ международнаго права и дальнѣйшее его развитіе пошло бы впередъ быстрыми шагами. Институтъ ближе сталъ бы къ органамъ юридическаго убѣжденія современныхъ цивилизованныхъ народовъ, съ большею легкостью могъ бы слѣдить за его направлениемъ, а слѣдовательно могъ бы быть болѣе точнымъ его выразителемъ. Иными словами, лучше уясненъ былъ бы не только *lex lata*, но и *lex ferenda*, и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлена была бы почва и облегчена возможность постепенной кодификаціи международнаго права. При такихъ условіяхъ и самыя работы института, высоко авторитетныя и въ настоящее время, могли бы болѣе вліять на правительства, а слѣдовательно легче могли бы проникать въ практику, еслибы институтъ опирался на юридическія общества. Въ то же время возросло бы знакомство съ международнымъ правомъ, лучшее его пониманіе и болѣе правильная оцѣнка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и международной практикѣ даны были бы болѣе прочныя устои.

Одесса.

Игн. Ивановскій.

СПЛЕТНЯ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

II *).

Выйдя на улицу, Плетневъ остановился у самаго подъѣзда. Онъ стоялъ, смотря прямо передъ собою безмысленнымъ, остановившимся взглядомъ, ничего не видя, ничего не замѣчая. На него нашель столбнякъ. Въ его головѣ быстро-быстро стучало одно только слово: „солгала!“ Какъ будто слово это было маленькимъ гвоздемъ, и чья-то рука вбивала чистенькими, аккуратными ударами это слово въ его мозгъ: „Солгала, солгала, солгала!“... Отъ этихъ ударовъ головѣ было очень больно, и Плетневу хотѣлось какъ-нибудь ихъ остановить, схватить молотокъ, но это ему не удавалось; онъ продолжалъ стоять, не шевелясь, смотря въ упоръ на вытянувшася передъ нимъ швейцара, толстаго, съ пьянымъ, краснымъ носомъ и одутловатыми щеками. Плетневъ глядѣлъ на него, не видя его, а швейцаръ, думавшій сначала, что незнакомый баринъ желаетъ ему что-то сказать или дать на чай, снялъ фуражку и стоялъ въ выжидательной позѣ, — а потомъ началъ себя чувствовать какъ-то странно: ему и прыснуть, какъ будто, хотѣлось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становилось какъ-то жутко; онъ чувствовалъ, что никакъ не можетъ отвести взгляда отъ смотрѣвшихъ на него въ упоръ совсѣмъ дивныхъ, страшныхъ глазъ. Наконецъ, Плетневъ поднесъ ко лбу руку, и пальцы его задвигались, словно

*) См. выше: янв., стр. 88.

хотѣли что-то поймать. Онъ хотѣлъ поймать и остановить продолжавшій стучать молоточекъ, но это ему опять не удалось, и на губахъ его появилась жалкая, болѣзненная усмѣшка. И это движеніе пальцевъ, и эта усмѣшка, были такъ странны и страшны, что швейцаръ сразу встрепенулся и отскочилъ, а потомъ, выхвативъ у тутъ же стоявшаго и глупо ухмылявшагося дворника метлу, осторожно обошелъ Плетнева и сталъ яростно, у самыхъ его ногъ, мести тротуаръ. Задѣтый метлой, Плетневъ инстинктивно сдѣлалъ шагъ впередъ и затѣмъ уже, казалось по инерціи, двинулся дальше. И какъ только онъ двинулся, стукъ въ головѣ прекратился, и въ освободившееся сознаніе горячей, бурною волной ворвалось воспоминаніе о только-что происшедшемъ. „Я такъ люблю и уважаю Вѣру Дмитріевну“,—ясно прозвенѣлъ въ его ушахъ ироническій голосъ Макса, и Плетневъ затрасса отъ злобы. „Сважите! Онъ такъ любитъ и уважаетъ чужую жену, что ради ея спокойствія и съ цѣлью помочь ей надуть дурака-мужа соглашается принять на себя все то, чтѣ ей нужно было на него выдумать. Спокойно выслушиваетъ, какъ ему говорятъ въ глаза, что онъ наглець и невѣжа... О, скотина, скотина!“ Затѣмъ Плетневъ вспомнилъ, въ какомъ приподнято-радостномъ настроеніи онъ ѣхалъ утромъ къ Максѣ, съ какимъ наслажденіемъ представлялъ себѣ, какъ тотъ струсить, поблѣднѣть, какъ будетъ мамлить, не зная, чтѣ и какъ отвѣтить. А теперь? Чтѣ думаетъ о немъ этотъ потасканный херувимъ съ черными глазами? Онъ его, кажется, даже жалѣлъ—чортъ побери!—сомнѣвался въ его умственныхъ способностяхъ! И онъ правъ, правъ! О, какимъ, по истинѣ, смѣшнымъ долженъ былъ явиться въ его глазахъ обманутый, легковѣрный мужъ, котораго, какъ по нотамъ, разыграла низкая обманщица-жена!.. Да, онъ его жалѣлъ и былъ великодушень... оставилъ безъ отвѣта, простилъ брошенное въ лицо оскорбительное слово... Какой-то Максъ Ремеръ жалѣеть, прощаетъ его—Плетнева! О, какое униженіе!

Плетневъ двигался по улицѣ громадными шагами, никого и ничего не видя. Его возбужденное, злое лицо обращало на себя общее вниманіе. Встрѣчные боязливо сторонились и провожали его любопытно-насмѣшливыми взглядами. Наконецъ, на одномъ бойкомъ перекресткѣ трехъ улицъ, онъ со всѣхъ ногъ налетѣлъ на городского, спокойно стоявшаго, въ сознаніи своей неприкосновенности. Городовой былъ задумчивъ и смотрѣлъ на воронъ, въ сотый разъ задавая себѣ вопросъ, почему это ни одна ворона не можетъ пролетѣть надъ домомъ Фиттингофа, не каркнувъ. Надъ другими домами пролетаютъ молча, а какъ только надъ

домомъ Фиттингофа—непремѣнно, бестія, каренеть! Выведенный изъ задумчивости стремительнымъ наскокомъ Плетнева и чуть не кувырнувшись, городской, однако, быстро оправился и невольно, по привычкѣ, схватилъ за рукавъ въ свою очередь остановившагося и смотрѣвшаго на него ничего непонимающими, но злобными глазами Плетнева.

— Это что жъ такое, господинъ! Развѣ такъ полагается?..—но тотчасъ же раскаялся, какъ въ своемъ движеніи, такъ и въ сказанныхъ словахъ. У Плетнева задергалось лицо, онъ побагровѣлъ и вдругъ съ такою бранью накинулся на городского, что тотъ, рѣшивъ довольно остроумно, что такъ ругаться, помимо прямого начальства, можетъ только совсѣмъ уже важная персона, мгновенно вытянулся въ струнку и приложилъ руку къ козырьку. Кругомъ началъ собираться, весело гогоча, народъ; но Плетневъ, замѣтивъ, наконецъ, растерянное лицо блюстителя порядка и его идиотски-вылупленные глаза, оборвалъ на полусловъ, повернулся и пошелъ прочь. И, словно истративъ на городскомъ весь запасъ накопившейся въ немъ злобы, раздраженіе его стало проходить. Зато онъ теперь почувствовалъ такую страшную боль въ сердцѣ, что принужденъ былъ остановиться: у него захватило дыханіе и подвосились ноги. Къ счастью, онъ проходилъ въ это время мимо какого-то подъѣзда съ навѣсомъ и успѣлъ ухватиться за одну изъ его чугунныхъ волонокъ.

Когда дыханіе вернулось, Плетневъ оглядѣлся и невольно усмѣхнулся: онъ стоялъ у подъѣзда своего департамента. „Ну, конечно, сюда... Не домой же!“—подумалъ онъ съ какимъ-то даже страхомъ—до того мысль увидѣть теперь Вѣру показалась ему ужасной. Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и, сказавъ, что онъ чувствуетъ себя нездоровымъ, и чтобы его не беспокоили, заперся и въ изнеможеніи опустилсѣ въ стоявшее у письменнаго стола кресло.

Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ. Въ головѣ его мысли—отрывочныя, безъ начала и конца—путались, мѣшались, и онъ не могъ въ нихъ разобраться, не могъ ни на одной изъ нихъ остановиться. То одна займетъ сознаніе, но на одинъ лишь мигъ, и нѣтъ ужъ ея, то другая—такая же мимолетная—блещетъ и исчезнетъ. То въ ухахъ его прозвучитъ какое-нибудь слово, выраженіе изъ объясненія съ Максимомъ; но только-что онъ захочетъ на немъ сосредоточиться, какъ оно уже выскочило изъ памяти, и онъ уже видитъ передъ собою глупо-вылупленные глаза городского и слышитъ визгливый голосъ уличнаго мальчишки, приведеннаго въ восторгъ его крикомъ: „Ишь, славно! Такъ его,

дяденька, такъ!" Но вотъ и мальчишка исчезъ, и передъ нимъ растерянное, съ открытымъ ротомъ, лицо молодого статсваго и глупо-удивленный видъ его упирающагося товарища, а въ ушахъ звенить: „Слышалъ? Плетнева-то, какова?" Потомъ, на короткое время, полная пустота сознанія—точно застывшая поверхность темнаго моря—а тамъ опять беспорядочно-смѣняющіяся волны словъ, фразъ, картинъ. Но промежутки пустоты мало-по-малу растягиваются; у Плетнева закрываются глаза, и онъ готовъ заснуть... какъ вдругъ, словно онъ этого только и ждалъ, словно безпокойная суетная мысль ему мѣшала, маленькой молоточекъ, тихо и незамѣтно, какимъ-то тайнымъ, только одному ему вѣдомымъ ходомъ пробравшись въ голову и остановившись надъ самымъ мозгомъ, медленно приподнялся и быстро опустился: стукъ!— „солгала!" Потомъ, выждавъ мгновенье, опять поднялся и опустился: „солгала!" А потомъ, уже безостановочно, не переставая: „солгала! солгала! солгала!" И каждый слѣдующій ударъ, проникая, казалось, все дальше въ мозгъ, увеличивалъ острую, нестерпимую боль.

Плетневъ застоналъ и схватился руками за голову.

— Господи, да вѣдь такъ съ ума сойти можно!—вырвалось у него.—Онъ вскочилъ и, схвативъ со стола графинъ съ водой, вылилъ его весь на голову. Молоточекъ тотчасъ же остановился, и Плетневу стало гораздо легче. Онъ позвонилъ, велѣлъ принести полотенце и потереть полъ. Потомъ сѣлъ опять и, положивъ голову на руки, сталъ думать о томъ, что было, что будетъ и какъ ему теперь быть.

Ясно и несомнѣнно было только одно: Вѣра ему нагала, его обманула... Никакого поцѣлуя не было. Но зачѣмъ? А за тѣмъ, чтобы направлять его на ложный путь, замести вѣрный слѣдъ. Попавшись въ чѣмъ-то скверномъ, такъ что объ этомъ стали даже говорить, она испугалась, что и онъ услышитъ, узнаетъ, и въ объясненіе выдумала всю эту исторію. Потому такъ и умоляла не ѣздить къ Ремеру... Но что она сдѣлала, съ чѣмъ или, вѣрнѣе, съ кѣмъ попалась?

Плетневъ перебралъ всѣхъ знакомыхъ мужчинъ и ни на комъ не остановился. Нѣтъ, вѣроятно, онъ его совсѣмъ не знаетъ... Впрочемъ, не все ли равно—это!.. Но что ему теперь дѣлать? Вѣдь, въ сущности, кромѣ того факта, что она ему нагала и что она что-то, дѣйствительно, сдѣлала—такъ какъ объ этомъ всѣ знаютъ и говорятъ—онъ болѣе ничего, рѣшительно ничего не знаетъ... Сказать ей, что онъ былъ у Ремера, что онъ знаетъ, что она его обманула, и потребовать объясненій... Но разъ она уже

рѣшилась пойти на такую начальную ложь—очевидно, она и дальше будетъ продолжать въ томъ же духѣ: возмутится, сдѣлаетъ сцену, скажетъ, что не она солгала, а Ремеръ... все равно, толку не добьешься. А знать ему надо и знать рѣшительно все; иначе—что онъ будетъ дѣлать?.. Ждать, взять себя въ руки и ждать... Очевидно, все должно открыться и очень скоро. Бѣда въ томъ, что онъ рѣшительно не можетъ притворяться, скрывать то, что въ немъ происходитъ... Ахъ, да все равно! Пусть эта низкая женщина видитъ, чувствуетъ, какъ онъ мучается... Конечно, ей нѣтъ никакого дѣла... Эта заботливость объ его сердцѣ—какая жалкая комедія! А, въ сущности, это, вѣроятно, сама судьба за нимъ ухаживаетъ, подготавливая его постепенно... иначе, еслибы сразу да все — сердцу пришлось бы плохо... Впрочемъ, и теперь не важно!

И онъ съ жалкой улыбкой сталъ прислушиваться къ неровнымъ, то замирающимъ, то усиливающимся стукамъ въ груди.

„Сказать развѣ Ржевскому... Онъ поможетъ разобраться, распутаться. А если и не поможетъ—куда ему, невинному младенцу!—то, по крайней мѣрѣ, узнаетъ, что за милая особа его „другъ“! Вѣдь онъ ее боготворить, чуть на нее не молится... О, идіоты! А впрочемъ, ихъ пара идіотовъ!“ Онъ иронически усмѣхнулся. „А судьба—милая: сначала по спинѣ, затѣмъ по головкѣ, ну а потомъ—и голову прочь!“

И долго еще онъ такъ сидѣлъ и думалъ, потерявъ сознание мѣста и времени. Наконецъ, его привелъ въ себя звонъ часовъ. Часы пробили шесть, и Плетневъ вскочилъ. „А обѣдъ-то!“—испугался онъ, по привычкѣ, такъ какъ терпѣть не могъ никакихъ опаздываній.

Въ департаментѣ нивого уже не было. Только дежурный старичокъ-чиновникъ тоскливо шагалъ по пустымъ комнатамъ, проклиная въ душѣ принцепала, застрѣвашаго у себя въ кабинетѣ. „А что если ему вздумается заснуть!“—съ ужасомъ думалъ онъ.— „И до утра продежуришь... А я, было, въ баньку собрался, а потомъ къ Марьѣ Никитишнѣ на винтикъ... Эхъ-эхъ!“

— Простите, я васъ задержалъ, — сказалъ Плетневъ, проходя мимо и подавая ему руку, и въ одно мановенье тоскливыя мысли вылетѣли изъ головы чиновника. Онъ просіялъ и, спускаясь, вслѣдъ за Плетневымъ, по лѣстницѣ, думалъ: „А все-таки онъ хорошій... вѣжливый, обходительный... Но только ужъ и горячка, ухъ, какая горячка!“

— Не такъ ли я говорю, Степанычъ? — обратился онъ съ вкрадчивой улыбкой къ старому департаментскому швейцару, съ

которымъ чуть ли не одновременно поступилъ на службу, лѣтъ тридцать тому назадъ.—Горячка, но добрый... А?

— Ну, ужъ хорошо... чего тамъ! Проваливайте-ка скорѣй!—огрызнулся Степанычъ, который и вообще отличался угрюмымъ нравомъ, а сегодня и совсѣмъ былъ разстроенымъ долгимъ сидѣньемъ Плетнева.

При первомъ взглядѣ на мужа, лишь только онъ вошелъ въ столовую, Вѣра поняла, что съ нимъ что-то случилось.

— Что съ тобой? Что случилось?—спросила она по-англійски.

— Нездоровится,—сухо, не глядя на нее, отвѣтилъ Плетневъ.

— Не послать ли за Андреемъ Петровичемъ?

— Вздоръ! не надо!.. Да не хочу я!..—раздражительно обратился онъ къ лакею, стоявшему около него съ блюдомъ.

„Опять что-нибудь услышалъ... Господи, Господи, когда же это кончится!“—тоскливо подумала Вѣра, и когда, подавъ кофе, прислуга удалилась, встала и подошла къ мужу.

— Милый, скажи, не держи при себѣ... вѣдь хуже... скажи, что случилось? Какихъ еще гадостей успѣлъ ты наслушаться?

Не глядя на Вѣру, онъ почувствовалъ ея приближеніе по той холодной дрожи, которая прошла по его спинѣ, и долженъ былъ сдержаться, чтобы отвѣтъ его не вылился крикомъ.

— А ты почему знаешь, что я долженъ былъ слышать именно гадости?!—сдавленнымъ голосомъ выговорилъ онъ, кинувъ на нее горящій, лихорадочный взглядъ.

Вѣра грустно повела плечами.

— Ну, милый, расскажи. И она съ нѣжной лаской прильнула къ нему головой.

— Ахъ, оставь меня, оставь!—вскрикнулъ онъ, отстраняя ее и вскакивая.

— Не буду, не буду!—испуганно выговорила Вѣра.—Только, ради Бога, не сердись...

Съ того времени, какъ Андрей Петровичъ, ихъ домашній врачъ, высказалъ, что Плетневу, при его сердцѣ, раздражаться очень вредно, Вѣра страшно боялась каждый разъ, какъ онъ выходилъ изъ себя. Она и теперь испугалась и съ тревогой смотрѣла на его разстроенное лицо и лихорадочно блестящіе глаза.

Постоявъ немного, Плетневъ медленно направился къ двери.

— Сама, — проговорила робко ему вслѣдъ Вѣра: — ты не забудь, что сегодня Михайловскій театръ... Но, вѣроятно, ты не поѣдешь?

Плетневъ быстро обернулся.—Отчего ты думаешь, что я не

поѣду? — выговорилъ онъ рѣзко, обидывая ее подозрительнымъ взглядомъ. — Кто сегодня будетъ въ ложѣ?

— Кромѣ Подольскихъ, никого. Я приглашала Дмитрія, но ему нельзя.

Подольская была пріятельница Вѣры, съ которой онѣ вмѣстѣ брали ложи на субботніе бенефисные спектакли. Ея мужъ былъ незначительною, ничего изъ себя не представлявшей личностью.

Плетневъ провелъ рукой по лбу:

„Не Подольскій же, въ самомъ дѣлѣ!“ — подумалъ онъ и потомъ засмѣялся тихимъ, непріятнымъ смѣхомъ:

— Нѣтъ, ужъ отъ театра избавь... Можешь одна ѣхать.

Онъ прошель въ переднюю, одѣлся и поѣхалъ въ Ржевскому, котораго, само собою, не засталъ. На его вопросъ, не извѣстно ли, гдѣ князь намѣревался провести вечеръ, нумерной отвѣтила, что онъ видѣлъ въ комнатѣ, на столѣ, билетъ въ оперу. Плетневъ подумалъ и отправился въ Маринскій театръ. Пустота огромной залы скверно на него подѣйствовала: она угнетала, давила его. У него стала кружиться голова, и онъ поскорѣ занялъ свое, купленное у барышника, мѣсто. Было еще рано; лишь въ райкѣ замѣчалось движеніе, и Плетневъ, закрывъ глаза, весь ушелъ въ свои мысли. Очнулся онъ отъ первыхъ звуковъ увертюры. Давали „Руслана“ — одну изъ его любимѣйшихъ оперъ. Но и знакомые, чудные звуки не были въ состояніи бороться съ ноющей болью въ сердцѣ и, воспринимаемые ухомъ механически, не вызвали никакого впечатлѣнія. Проискавъ, въ теченіе двухъ антрактовъ, Ржевскаго и не найдя его, Плетневъ опять поѣхалъ въ гостиницу, гдѣ оставилъ записку, въ которой просилъ Ржевскаго захватить къ нему завтра утромъ. Потомъ онъ вернулся домой. Сославшись на нездоровье, онъ велѣлъ постлатъ себѣ въ кабинетѣ, сказавъ затѣмъ, чтобы объ этомъ доложили барынѣ, а также, что онъ проситъ, чтобы его не беспокоили; затѣмъ онъ отпустилъ камердинера и заперся на ключъ.

Когда Вѣра, въ двѣнадцатомъ часу, вернулась изъ театра и ей доложили о распоряженіяхъ Александра Ивановича, она тихонько, на цыпочкахъ, подошла къ двери кабинета и, затаивъ дыханіе, долго слушала; но все было тихо. „Хорошо, если спать!“ — подумала она, и прошла къ себѣ. — И она, въ свою очередь, чувствовала себя очень нехорошо. Ея пріятельница, Подольская, очень таинственно рассказала ей, что за послѣдніе два дня только и слышно разговоровъ, что про нее, Вѣру, при чемъ разсказываютъ все такія гадости, что она, Подольская, только и дѣлала, что ужасалась и выходила изъ себя. Конечно, она лично

не вѣрила ни слову, да и все, что рассказываютъ, до такой степени нелѣпо и неправдоподобно, что и вѣрить нельзя; тѣмъ не менѣе, она, по долгу пріятельницы, сочла необходимымъ предупредить объ этомъ Вѣру, чтобы она знала и могла принять мѣры къ прекращенію этой гнусной интриги... „de cette intrigue infâme!“ — закончила она съ пафосомъ. Но хотя Подольская ничему и не вѣрила, однако ея строгій и важный видъ, совсѣмъ не подходившій къ ея маленькой, вертлявой фигуркѣ, ясно свидѣтельствовавъ, что она полна сознаниемъ своего великодушія и очень хорошо понимаетъ, какъ должна ей быть благодарна Вѣра, такъ какъ вѣдь не мало надо имѣть гражданскаго мужества, чтобы сохранить дружескія отношенія съ женщиной, о которой говорятъ равныя пакости — „toutes sortes de vilénies“, — переводила она тотчасъ же мысленно. Но и помимо этого Вѣра отлично видѣла, что во взглядахъ ея знакомыхъ, а также и незнакомыхъ дамъ сквозило явное злорадство; во взглядахъ же мужчинъ, вмѣсто обычнаго восхищенія ея красотой, замѣчалось какое-то насмѣшливое любопытство. Даже мужъ ея пріятельницы, le brave Nik, какъ его всѣ называли, держалъ себя сегодня совсѣмъ иначе, чѣмъ обыкновенно. Его недалекое, но добродушное лицо жуира какъ-то особенно вызывающе морщилось и подмигивало, а въ одномъ изъ антрактовъ онъ разошелся до того, что началъ рассказывать очень пикантный и совсѣмъ свѣжій клубный анекдотъ, а въ отвѣтъ на строгое замѣчаніе жены: „Nix, taissez-vous!“ — отвѣтилъ, подмигнувъ Вѣрѣ:

— Eh bien, quoi! Nous sommes seuls, et madame n'est pas une enfant, j'espère!

Конечно, еслибы дѣло касалось ея одной, Вѣра сдумѣла бы найти въ себѣ достаточно силы воли, чтобы со спокойнымъ презрѣніемъ отнестись ко всему этому бессмысленному вздору. Она не чувствовала за собой никакой вины, а потому могла смотрѣть на всѣхъ такими глазами, что при встрѣчѣ съ ея взглядомъ глаза какъ мужчинъ, такъ и женщинъ мгновенно опускались. Но, главное, ее мучилъ Александръ Ивановичъ. Она видѣла, какъ онъ страдаетъ, и, любя его, страдала вмѣстѣ съ нимъ.

Долго еще сидѣла Вѣра, не раздвѣаясь, думая, какъ ей быть, съ тоскою сознавая, что она бессильна что-либо измѣнить, бессильна бороться съ судьбою, такъ неожиданно отъ нея отвернувшейся. Наконецъ она сѣла за письменный столъ и написала Ржевскому записку, въ которой, описавъ ему вкратцѣ состояніе Александра Ивановича, просила пріѣхать утромъ и серьезно съ нимъ переговорить. Сама она къ обѣднѣ не поѣдетъ и будетъ

его ждать. Позвонивъ, Вѣра распорядилась, чтобы записка была отослана рано утромъ.

Плетневъ до того былъ утомленъ и физически, и нравственно, что лишь только легъ, тотчасъ же заснулъ. Но сонъ его не былъ покоенъ. Всю ночь его преслѣдовали кошмары, и онъ часто просыпался. То онъ видѣлъ себя стоящимъ передъ высокой бѣлой каменной стѣною. Стѣна была совсѣмъ гладкая, и только гдѣ-то высоко, высоко, на ней дѣпился, страннымъ образомъ, маленький балконъ. И онъ видѣлъ тамъ Вѣру и какого-то высокаго незнакомаго мужчину. Они перегибаются черезъ перила, смотрятъ внизъ и хохочутъ; потомъ цѣлуются и опять со смѣхомъ нагибаются. И онъ видитъ, что они дѣлаютъ это нарочно, что они смотрятъ на него, смѣются надъ нимъ. Въ душѣ его клокочетъ злоба, онъ сжимаетъ кулаки и въ бессильной ярости мечется вдоль стѣны. Но стѣна совсѣмъ гладкая, нигдѣ ни одного выступа, и онъ, обезсиленный, съ проклятіями поднимаетъ руки, грозить имъ кулаками... Онъ просыпается отъ собственнаго крика. Сердце порывисто бьется, на тѣлѣ холодный потъ. Но пробужденіе не облегчаетъ. Напротивъ: гдѣ-то глубоко-глубоко, на самомъ днѣ души, такая ноющая, мучительная тоска, что онъ закрываетъ глаза, стараясь скорѣе заснуть. И опять новый кошмаръ. Какая-то карета... Въ нее садится Вѣра, и онъ слышитъ адресъ, который она говоритъ кучеру: — „Знаменская, пятнадцатый“. Онъ со жгучимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ ея возвращенія. „Ты гдѣ была?“ — встрѣчаетъ онъ ее грознымъ окликомъ, хватая за руку. Вѣра блѣднѣетъ, терается и суетъ ему въ руку какіе-то клочки бумаги. — „На вотъ, смотри... билеты въ концертъ... ѣздилъ ихъ мѣнять къ портнихѣ“... — „Врешь, врешь!“ — кричитъ онъ. — „Гдѣ ты была? На какой улицѣ?“ И онъ тискаетъ ей руку. — „Да ты съума сошелъ?“ — кричатъ она, вырывается и убѣгаетъ. Онъ за ней. И вотъ они влетаютъ въ комнату, полную народа. Вѣра старается смѣшаться съ толпой, отъ него скрыться; но онъ за нею слѣдитъ, страннымъ образомъ, видитъ ее черезъ сплошную толпу. Наконецъ она понимаетъ, что ей все равно отъ него не уйти, и останавливается. Онъ медленно подходит къ ней и шепчетъ: „если ты не хочешь, чтобы я сейчасъ, при всѣхъ, сдѣлалъ скандалъ, иди за мной!“ Блѣдная, дрожащая — она слѣдуетъ за нимъ въ какую-то пустую комнату. Тутъ онъ снова на нее накидывается: „Говори, говори, гдѣ ты была? На какой улицѣ?“ — „На Казанской“, — шепчетъ она черезъ силу. — „Врешь, врешь, на Знаменской, номеръ 15-й. Кто тамъ живетъ, къ кому

ты ѣздила, говори!“ — И онъ въ дикой злобѣ хватаетъ ея руки и начинаетъ ихъ ломать. — „Александръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ, пусти, чтò ты дѣлаешь?!“ — молить Вѣра, называя его почему-то по имени и отчеству. Дверь отворяется и въ ней появляется чья-то голова. — „Лиза, Лиза!“ — кричитъ Вѣра: — спаси меня!“ — Но голова машетъ отрицательно: — „Я не Лиза, а портниха Катя“, — и потомъ, стыдливо закрывъ лицо руками, жеманно произноситъ: — „Ахъ, чтò они дѣлаютъ!“ — и пропадаетъ. А онъ, не помня себя, все крѣпче и крѣпче сдавливаетъ Вѣру. Она уже больше не кричитъ, не вырывается, а лишь слабо стонетъ... Вдругъ комната сразу наполняется толпой гостей. Они окружаютъ его и Вѣру, и начинаютъ насмѣшливо хохотать. — „Убилъ! убилъ! Ха-ха-ха!“ — звенить въ его ушахъ, и только теперь онъ замѣчаетъ, что Вѣра въ обморокъ. Онъ ее выпускаетъ, и она съ глухимъ стукомъ падаетъ на полъ. А кругомъ хохотъ, хохотъ... все громче, оглушительнѣе — и онъ просыпается. Наконецъ, уже подъ самое утро, ему приснилось что-то совсѣмъ непонятное, но до того страшное, что когда онъ пришелъ въ себя, на головѣ его волосы стояли дыбомъ, а зубы громко стучали. Онъ видѣлъ маленькую, ярко-красную каплю. Она была неподвижна и рѣзко выдѣлялась изъ окружающаго сплошнаго мрака. Потомъ она стала надуваться и вдругъ, лопнувъ, потекла тоненькими багровыми струйками... И больше ничего. Но отъ этой капли и струекъ вѣяло такимъ ужасомъ, что Плетневъ чувствовалъ, какъ онъ постепенно холодѣетъ, какъ въ груди его останавливается дыханіе. И онъ твердо зналъ, что какъ только одна изъ струекъ до него дотечетъ, онъ долженъ умереть. Онъ сдѣлалъ огромное усиліе, вскочилъ и, сидя на диванѣ, смотрѣлъ передъ собою безсмысленнымъ взглядомъ: на противоположной стѣнѣ медленно таяла красная капля. Наконецъ она ушла въ обои, и только тогда онъ пришелъ въ себя. Было уже свѣтло. Сквозь опущенныя занавѣси въ комнату заглядывало сумрачное утро гнилого петербургскаго дня.

Плетневъ позвонилъ и сталъ одѣваться. Онъ чувствовалъ такую слабость, что принужденъ былъ, во время одѣванія, нѣсколько разъ садиться. У него кружилась голова и на лбу выступалъ холодный потъ. Безпокойно проведенная ночь, вмѣсто того, чтобы его укрѣпить, еще болѣе его ослабила, и онъ невольно подумалъ, что хорошо, что сегодня воскресенье, и не надо идти на службу.

Вмѣстѣ съ кофе, ему, по обыкновенію, подали газеты и утреннюю почту. Писемъ было два. Одно — дѣловое, которое онъ

пробѣжалъ и отложилъ; другое, судя по почерку адреса, круглому и нетвердому, — очевидно, просительное. „Какая-нибудь вдова, обремененная семействомъ съ дюжиной дѣтей, или бѣдный, но благородный чиновникъ, съ сизо-багровымъ носомъ и лицомъ въ снѣжкахъ... Охъ, не до васъ!“... Со всякимъ, рѣшительно со всякимъ помѣнялся бы онъ положеніемъ! — съ горечью думалъ Плетневъ и, отодвинувъ письмо, взялся за газету. Онъ машинально, не вникая и не понимая, проглядѣлъ телеграммы и перешелъ къ передовой статьѣ. Газета была очень либеральная и полемизировала съ другою газетою, очень консервативной. Передовая статья была отвѣтомъ на только-что позвившійся въ консервативной газетѣ проектъ, по которому предлагалось всѣхъ земскихъ начальниковъ возвести въ графское потомственное, російской имперіи, достоинство, съ увеличеніемъ ихъ содержанія до 12 тысячъ въ годъ, или что-то въ родѣ этого. Въ отвѣтѣ очень убѣдительно и ясно доказывалось, что не только земскихъ начальниковъ не слѣдуетъ ни во что производить, не только не слѣдуетъ увеличивать имъ содержаніе, но что ихъ надо всѣхъ убрать, выставивъ предварительно, на болѣе или менѣе продолжительное время, къ позорному столбу. Къ сожалѣнію, горячая и убѣдительная аргументація статей пропала для Плетнева даромъ, и убѣдившись, наконецъ, что онъ читаетъ почти одними глазами, онъ опустилъ газету. „И какое мнѣ до этого всего дѣло!.. Хотя весь міръ перевернись, а мнѣ отъ этого хуже не будетъ!“ — думалъ онъ. Но именно думать ему и не хотѣлось, и онъ опять взялъ газету и сталъ читать фельетонъ; впрочемъ скоро съ раздраженіемъ отбросилъ ее окончательно. „Богъ знаетъ что такое! Точно старая, дребезжащая шарманка, у которой всѣ валы, кромѣ одного, пришли въ негодность и которая гнусливо и снотворно тянетъ одну и ту же безконечную пѣсню“. Онъ нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно, глядя передъ собой остановившимся взглядомъ; но потомъ встрепенулся и взялъ оставленное письмо. Ему опять показалось страшнымъ думать. „Господи, хоть бы Ржевскій пріѣхалъ скорѣе!“ — выговорилъ онъ вслухъ, разорвалъ конвертъ и сталъ читать. Прочелъ и сразу не понялъ, — но когда прочелъ вторично, изъ груди его вырвался тихій жалобный стонъ. Онъ выронилъ письмо, опустилъ голову на руки, и изъ глазъ его медленно закапали крупныя слезы.

„Чтожъ! Этого слѣдовало ожидать... Послѣ словъ — письмо... Но какъ горько, какъ стыдно!.. И вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего... никакого указанія... Такъ... одна насмѣшка...“ Онъ поднялъ письмо и еще разъ его перечелъ. „Ничего, ничего... Но какая

дьявольская злоба! И кто могъ это написать... кому нужно?.. И за что, за что?!"

Вдругъ онъ услышалъ звуки голосовъ, быстро схватилъ платокъ и вытеръ глаза. Въ комнату вошли Ржевскій и Вѣра. Ржевскій, которому Вѣра подробно рассказала про вчерашній день, прямо подошелъ къ Плетневу и взялъ его за руку.

— Какъ тебѣ не стыдно! — выговорилъ онъ серьезно и строго. — Какъ можно себя такъ распускать!.. За что ты мучаешь и себя, и ее?

Плетневъ отвелъ отъ лица руку.

— Прочти, — сказалъ онъ тихо и протянулъ ему письмо.

— Какая гадость! — вырвалось у Ржевскаго. — Нѣтъ, не надо, не надо... — И онъ, не давая письма желавшей его взять Вѣрѣ, хотѣлъ спрятать его въ боковой карманъ; но Вѣра успѣла его схватить и стала читать.

— А главное, — выговорилъ Плетневъ глухо: — она, — и онъ качнулъ головой на Вѣру, — она все нагала... на Ремера... Ничего, ничего тогда не было... Ни поцѣлуя, ничего!

— Что?! Я нагала?! ничего не было?! — вскрикнула Вѣра, вспыхнувъ и широко-открытыми глазами смотря на мужа. — Да ты бредишь!.. Ты съ ума сошелъ!

— Ничего, ничего! — тихо повторилъ Плетневъ. — Я былъ вчера у Ремера... Все нагала! — И онъ, махнувъ рукою, отвернулся.

— Ты былъ у Ремера и онъ тебѣ сказалъ, что меня не цѣловалъ и что я его не ударила? — медленно выговорила Вѣра, подходя къ мужу и стараясь поймать его взглядъ. — И ты ему повѣрилъ! Макс у Ремера, какому-то, какъ ты самъ выразился, животному, безъ всякихъ принциповъ... а мнѣ, своей женѣ, съ которою живешь девять лѣтъ, и которую за все это время не можешь ни въ чемъ, — слышишь ты! — она схватила его за руку — ни въ чемъ упрекнуть, которая тебѣ не только что никогда не говорила неправды, но никогда отъ тебя ничего не скрывала — ей ты не вѣришь!.. О, какъ тебѣ не стыдно?! — И она, отойдя, бросилась въ кресло и закрыла лицо руками.

— Еслибы онъ мнѣ прямо сказалъ, что этого ничего не было, я, вѣроятно, ему не повѣрилъ бы. Но онъ такъ былъ пораженъ, выказалъ такое удивленіе, когда я заговорилъ о поцѣлуѣ, что я не могъ сомнѣваться въ его правдивости... Да и потому, зачѣмъ ему было лгать?

Онъ замолчалъ и напряженнымъ взглядомъ смотрѣлъ на жену, ожидая отвѣта. Увѣренность его въ томъ, что Вѣра солгала,

начинала уже колебаться, и онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ, что она теперь скажетъ.

А она опять вскочила и съ огнемъ въ глазахъ, съ дрожащими губами и раздутыми ноздрами—прекрасная въ своемъ негодованіи—выговорила съ гнѣвной ироніей:

— И ты повѣрилъ пошлой комедіи? Далъ себя обойти, какъ несчастный, глупый мальчишка!.. Зачѣмъ ему было лгать? А я почему знаю! Струсилъ, испугался... Да и не все ли равно! А вотъ ты мнѣ скажи, зачѣмъ мнѣ было лгать? Ты это знаешь, понимаешь?.. О, какой стыдъ, стыдъ, стыдъ!

Она замолчала и смотрѣла на мужа горящимъ отъ негодованія взоромъ. Потомъ, круто повернувшись къ Ржевскому, молча наблюдавшему за объясненіемъ, и бросивъ письмо, которое продолжала держать въ рукѣ, сказала рѣзко:

— А это письмо, вы думаете, кто написалъ? Онъ... Ремеръ—и нието больше!

— Ну, не думаю... Зачѣмъ ему? — возразилъ недоувѣрчиво Ржевскій.—А въ сущности, не все ли равно, кто писалъ? Такія письма и читать-то не слѣдуетъ, а вотъ такъ...—Онъ поднялъ письмо, разорвалъ его и бросилъ въ каминъ.

— Ахъ, зачѣмъ?!—вырвалось у Вѣры.— Она взглянула на Александра Иваныча, который, встрѣтивъ ее взглядъ, съ жалкимъ и виноватымъ выраженіемъ опустилъ глаза, и, проговоривъ рѣшительно:—Ну, теперь, будетъ! Пойдемте завтракать!—вышла изъ комнаты.

— Пойдемъ, — сказалъ Ржевскій, подходя къ Плетневу и беря его за руку.— Ну, какъ не стыдно такъ малодушничать! Вѣдь ты въ старую бабу обратился, — съ ласковой укоризной продолжалъ онъ, обнявъ его за талію и вмѣстѣ съ нимъ направляясь къ двери.—Вѣдь и ее пожалѣть надо...

— А ты думаешь, мнѣ не стыдно, не жалко? — отвѣтилъ Плетневъ съ грустною усмѣшкой.— Господи, Господи! Но что же мнѣ съ собой-то дѣлать?!.. А все-таки спасибо, что пріѣхалъ.— И онъ вѣриво пожалъ ему руку.

Послѣ завтрака, когда они перешли въ гостиную, Ржевскій закурилъ папиросу и, обращаясь одновременно и къ Плетневу, и къ Вѣрѣ, заговорилъ:

— Такъ нельзя. Оставаться дольше въ такомъ положеніи—невозможно. Надо разобратъся, подуматъ и зачѣмъ что-нибудь сдѣлать, предпринять... А такъ нельзя. Онъ—Ржевскій кивнулъ

на Плетнева—самъ не свой; вы, глядя на него, тоже мучаетесь; а такъ какъ, по моему, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ все хуже, то и необходимо хорошенько подумать и найти какой-нибудь выходъ. Прежде всего, конечно, слѣдуетъ ясно и точно опредѣлить, въ чемъ дѣло, какимъ образомъ и вслѣдствіе чего очутились вы въ такомъ положеніи, въ которомъ жить нельзя. Оставляя въ сторонѣ случай съ Ремеромъ, а также сегодняшнее письмо, какъ простыя подробности, я нахожу слѣдующее: о васъ — онъ обратился въ Вѣрѣ — стали говорить нехорошо, — словомъ, о васъ пошла сплетня. Какъ она началась, съ чего началась — сказать невозможно. По всѣмъ вѣроятіямъ, случай съ Ремеромъ играетъ тутъ какую-нибудь роль. Ну, да это все равно. Важенъ фактъ существованія сплетни, а онъ на лицо. Даже въ чемъ заключается сплетня — и то опредѣлить трудно. Говорятъ такъ много и такъ равно, что ничего не разберешь. Вчера, напримѣръ, въ клубъ я слышалъ, между прочимъ, слѣдующее: будто вы получили отъ какого-то жида-импрессаріо предложеніе участвовать въ конкурсѣ женской красоты на выставкѣ въ Чикаго, и предложеніе это приняли; но такъ какъ Александръ отпустить васъ не соглашается, то вы поэтому съ нимъ расходитесь. Но это — довольно невинно; есть же варианты гораздо хуже. Такъ, рассказываютъ, будто вы, тогда на балу, вели себя неприлично, будто у васъ съ кѣмъ-то была сцена ревности, будто вы съ кѣмъ-то цѣловались, даже съ кѣмъ-то прямо съ бала уѣхали на тройкѣ. Въ общемъ — сплошной вздоръ, бессмыслица и нелѣпость. И, тѣмъ не менѣе, этотъ вздоръ у всѣхъ на губахъ, и всѣ только объ этомъ и говорятъ. Само собой разумѣется, что единственнымъ разумнымъ отношеніемъ ко всему этому было бы равнодушное и спокойное презрѣніе, и въ этомъ отношеніи — онъ повернулся въ Вѣрѣ — вы себя держите молодцомъ. Вчера въ клубъ пріѣхало нѣсколько человѣкъ изъ Михайловскаго театра, и всѣ вами восхищались и васъ защищали. Въ такихъ случаяхъ нашъ братъ-мужчина куда справедливейе васъ — женщинъ. Къ сожалѣнію, у васъ есть мужъ и, — надо сказать, — порядочная-таки тряпка, — Ржевскій съ ласковой усмѣшкой взглянулъ на Плетнева, — котораго вы, тѣмъ не менѣе, любите и который относится ко всему этому совсѣмъ иначе. Перехватилъ въ департаментѣ два-три, какъ будто, странные взгляда — и готовъ; наглець Ремеръ навралъ ему съ три короба — погѣвъ на стѣну; написалъ ему какой-то негодяй гнуснѣйшее анонимное письмо — и онъ совсѣмъ умеръ. Такъ-то такъ! Смѣшно и глупо такое отношеніе, словъ нѣтъ; но вѣдь, во-первыхъ, намъ съ вами его характера не передѣлать; во-вторыхъ, чтò тамъ ни говори,

вѣдь онъ, дѣйствительно, страдаетъ, а, любя его, мучаетесь и вы; въ-третьихъ, очень ясно, что и вамъ самимъ все это крайне обидно и неприятно. Презрѣніе—презрѣніемъ, а все-таки должно быть очень и очень больно. Наконецъ и еще соображеніе: а что же дальше? Вдругъ какъ отъ словъ перейдутъ къ дѣлу, и какая-нибудь ужъ очень умная—изъ вашихъ пріятельницъ—возьметъ да при встрѣчѣ съ вами фыркнетъ и отвернется или въ пріемный день вдругъ окажется, что ея для васъ дома нѣтъ. Это уже похуже будетъ. А что этого случиться не можетъ, зная птичьи мозги нашихъ барынь, ручаться нельзя... Это — относительно васъ. Что же касается до него, то я уже прямо съ ужасомъ думаю о томъ, чтѣ будетъ дальше. Ну, положимъ, теперь, въ настоящую минуту, онъ какъ будто успокоился; но одинъ взглядъ, слово—и онъ опять готовъ. Еще анонимное письмо—вѣдь и за это ручаться нельзя—и съ нимъ опять припадокъ. А представьте себѣ, что ему какой-нибудь другъ-пріятель, по дружбѣ, шепнетъ по секрету что-нибудь болѣе опредѣленное, уважаетъ, напимѣръ, на какую-нибудь личность, что вы этой личностью, какъ будто, особенно интересуетесь, да,—чтѣ тогда будетъ! Вѣдь, онъ, не говоря никому ни слова,—скрылъ же онъ отъ насъ свое намѣреніе навѣстить Ремера!—устроить такой скандалъ, послѣ котораго уже совсѣмъ придется скверно, такъ какъ при теперешнемъ положеніи всякая подобная выходка подольетъ масла въ огонь, дастъ извѣстное основаніе для слуховъ, пока еще исполнѣнъ нелѣпыхъ. Нѣтъ, нѣтъ,—чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ для меня очевиднѣе, что такъ нельзя и что слѣдуетъ во что бы то ни стало найти какой-нибудь выходъ... Согласны вы съ этимъ?

Ржевскій остановился и вопросительно взглянулъ сначала на Плетнева, потомъ на Вѣру.

— Да. Оставаться такъ нельзя, — тихо сказала Вѣра. — Это вѣрно. И не изъ-за меня. Я вынесу—и больше еще вынесу... а изъ-за него. — И она перевела взглядъ на Плетнева, который, въ отвѣтъ, съ грустной усмѣшкой и какъ-то безпомощно поднялъ плечи.

— Во всякомъ случаѣ, вы оба согласны, что выходъ нуженъ. Ну, и прекрасно.

Ржевскій закурилъ новую папиросу, перекинулъ ногу за ногу и, обхвативъ колѣнку руками, пристально уставился на Плетнева и медленно, отчетливо проговорилъ:

— Я выходъ нашелъ. Онъ очень простъ, напрашивается самъ

собою, а главное, по моему, онъ — единственный... Вамъ слѣдуетъ куда-нибудь на время уѣхать.

„Уѣхать! Dahin, dahin, wo die Hornfische leben!“ — молніей пронеслось въ головѣ у Плетнева. „Это — чтобы сказали, что испугался, удрали!“ Онъ вспыхнулъ и съ возбужденіемъ выговорилъ:

— Это — чтобы стали говорить, что я испугался, удрали, увезъ жену... пожалуй, заперъ ее подъ замокъ... Ни за что, ни за что!

Ржевскій сорвался съ мѣста и вплотную подошелъ къ Плетневу.

— Знаешь что! — началъ онъ, волнуясь и махнувъ рукою: — я былъ убѣжденъ, что ты именно такъ отвѣтишь, и въ то же время думалъ: „неужели, неужели онъ это скажетъ? Нѣтъ, не можетъ быть! Вѣдь это уже прямо до безсовѣстности глупо!“ И вотъ оказывается, что я былъ правъ, что ты именно такъ и отвѣтилъ... Но послушай, несчастный ты человѣкъ, подумай ты хоть немного, дай себѣ хоть немножко отчетъ, въ чемъ дѣло... Вѣдь ты отъ чего уѣдешь? Развѣ ты отъ сплетенъ уѣдешь? Вѣдь ты же имъ не вѣришь, не можешь вѣрить?! Вѣдь ты уѣдешь отъ самого себя, отъ своего нелѣпаго отношенія ко всему этому. Вѣдь весь, такъ сказать, трагизмъ вашего положенія и заключается именно въ томъ, какъ ты относишься къ этой сплетнѣ... Можешь ты себя измѣнить, можешь сказать себѣ: „плевать на все! я знаю свою жену, а тамъ пускай говорятъ, что угодно — мнѣ все равно; я не сморгну, и сердце мое лишній разъ не стукнетъ“?.. Можешь ты такъ? Вѣдь не можешь! Ты посмотри, на кого ты сталъ похожъ, какъ ты за это время извелся! Вѣдь для тебя отъѣздъ — это вопросъ жизни или смерти! А онъ себѣ ладитъ одно: что будутъ говорить! Удивительно умно! И видѣть такое отношеніе въ человѣкѣ вполне независимомъ, обеспеченномъ, который рѣшительно ни въ комъ и на въ чемъ не нуждается! Поразительно, право! Господи, хоть бы ты вспомнилъ: „Ахъ, Боже мой, что станеть говорить княгиня Марья Алексѣвна“, — вспомнилъ бы и устыдился.

Ржевскій замолчалъ и прошелся по комнатѣ. Потомъ продолжалъ уже сповойнѣе и съ ироніей:

— И о чемъ мнѣнія, позволь спросить, заботишься ты? Не о мнѣніи ли тѣхъ, которые выдумали и распространяютъ про твою жену нелѣпный и гнусный вздоръ? Странно — чтобы не сказать болѣе. Или, быть можетъ, тебя смущаетъ „коллективное“, такъ сказать, мнѣніе „общества“? Но вѣдь ты, кажется, достаточно пожилъ, чтобы знать, что такое представляетъ изъ себя мнѣніе этого общества, и какая ему цѣна. Не ты ли самъ говорилъ недавно, что ты тутъ задыхаешься, что съ радостью все бросаешь

бы и убѣжалъ. И конечно, говоря это, ты былъ правъ... Что будутъ говорить!.. Мнѣніе общества!..

Онъ пожалъ плечами, отошелъ отъ Плетнева и, обращаясь къ Вѣрѣ, продолжалъ насмѣшливо:

— Не знаю, можетъ быть, я отвѣкъ... Хотя я каждый годъ у васъ тутъ бываю, но въ настоящій прїѣздъ мнѣ пришлось, по своему дѣлу, попасть въ самый водоворотъ, бывать тамъ, гдѣ бываютъ „всѣ“, — и вотъ, признаюсь, у меня просто какой-то сумбуръ въ головѣ. Вы не можете себѣ представить, чего я только за эти нѣсколько дней ни наслушался... Я имѣю претензію быть немножко наблюдателемъ: говорю мало, а больше слушаю... и, знаете, какое я вынесъ впечатлѣніе, — какая, по моему, главная и основная черта нравственнаго настроенія всѣхъ этихъ господъ и барынь? Это — огульное обливаніе помоями всѣхъ и каждого, вытекающее изъ огульнаго и, замѣтите, принципиальнаго отрицанія чести вообще и женской — въ особенности. Вамъ рѣдко-рѣдко придется услышать о комъ-либо вполне благопріятный отзывъ, а если случайно кто-нибудь и промолвится фразой: „какая она славная мать, хорошая жена!“ — сейчасъ же начинаются ехидныя улыбочки, насмѣшливыя подмигиванія: „знаемъ, молъ, насъ не проведешь!“ — Однако, что же вы знаете? „Да ужъ знаемъ; такая же, какъ и всѣ... только лучше другихъ умѣетъ прятать концы въ воду“. А если вы ужъ очень насыдете на такого отрицателя и настойчиво потребуете разъясненій, — будьте увѣрены, что онъ не постѣснится вамъ прямо отрѣзать: „Ну, чтѣ вы тамъ толкуете! Самъ видѣлъ ее вчера на извозчикѣ съ актеромъ Михайловскаго театра!“ И очень доволенъ, и ржетъ, какъ лошадь... Въ восторгѣ отъ своей гнусной лжи! Кругомъ тоже всѣ улыбаются! Общее одобреніе! И вѣдь не найдется ни одного порядочнаго человѣка, который схватилъ бы такого господина за шиворотъ, потрясъ бы его хорошенько и потомъ сказалъ бы ему: „Опомнитесь! Что вы говорите?! Вѣдь тутъ ваша мать, жена, дочери, сестры! Вѣдь завтра такой же мерзавецъ скажетъ что-нибудь въ этомъ же родѣ и про нихъ!“ Какой тутъ! Всѣ рады и довольны! И это, замѣтите, безъ всякихъ рѣшительно основаній, такъ только, чтобы почесать скверный языкъ... А почему? Да очень просто: своего нѣтъ ничего — ни въ умѣ, ни въ сердцѣ... ну, вотъ, поневолѣ чужимъ и занимаются... Да вотъ вамъ прекрасный примѣръ того, чтѣ я говорю. Есть у меня сосѣди по имѣнію — Аласьяны, да, впрочемъ, вы вѣдь ихъ знаете: они и ваши бывшіе сосѣди — Петръ Андреичъ и Варвара Михайловна. Онъ, надо вамъ сказать, любитель литературы и самъ пишетъ,

но до сихъ поръ не печатался. И вдругъ, ужъ не знаю почему, пришла ему фантазія напечатать одинъ изъ своихъ рассказовъ. Послалъ въ журналъ. Напечатали. И вотъ, передъ отъѣздомъ сюда, я къ нимъ какъ-то заѣхалъ: ѣду, молъ, въ Петербургъ, не будетъ ли какихъ порученій? А Варвара Михайловна улыбается: „Будетъ, будетъ, какъ не быть... Скажите отъ меня Петербургу, чтобы онъ не такъ сплетничалъ“. „А что?“ спрашиваю. „А то, что мнѣ оттуда пишутъ, будто всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что Петя въ своемъ рассказѣ описалъ меня“. — „Ну, что вы?“ — смѣюсь: „пустяки“. Рассказъ-то я читалъ: онъ вывелъ въ немъ какую-то Мессалину. — „Нѣтъ“, говоритъ, „не пустяки. Я уже получила отъ разныхъ лицъ четыре письма и во всѣхъ то же самое“. А Петръ Андреичъ сидитъ, хохочетъ. — „Идіоты!“ говорить. „Вотъ я имъ въ слѣдующій разъ приподнесу что-нибудь въ родѣ маленькаго Отелло, только въ современномъ психопатическомъ духѣ, — скажутъ: „самъ себя описалъ“, — вотъ Варѣ въ компаніи и не такъ скучно будетъ“. Но я, признаться, все-таки не повѣрилъ. — „Какое-нибудь недоразумѣніе“, думаю. Вѣдь надо быть совсѣмъ уже безнадежнымъ осломъ, чтобы представить себѣ такую штуку. Какой же это мужъ самъ выставитъ на общее поруганье и осмѣянье свою жену; мало того — выставитъ на поруганье себя самого, такъ какъ прежде всего вѣдь является вопросъ: каковъ же ты долженъ быть самъ-то, голубчикъ, если, зная, что у тебя такая жена, продолжаешь преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, съ нею жить? Вѣдь это ясно какъ день, и какъ этого не понять! Чтобы не понять этого — мало быть просто идіотомъ, надо еще быть совершенной нравственной тупицей! И что же вы думаете? Оказалось — вѣрно. Именно такъ и говорятъ. Не далѣе какъ на томъ же базарѣ заговорили что-то про нихъ, къ слову пришлось, и вдругъ слышу, какой-то незнакомый мнѣ франтъ и спрашиваетъ: „А! это тотъ Аласинъ, который свою жену описалъ?“ Я и обрадовался, къ нему. „Извините“, спрашиваю: „а вы ихъ знаете?“ — „Кого это? Аласинныхъ? Какъ же, знаю... Немного, но знаю“. Вижу, что вретъ, не знаетъ. — „Прекрасно“, говорю. „Почему же вы думаете, что онъ именно свою жену описалъ?“ — „О, это ясно! Вѣдь жена его очень красива, ну, и героиня рассказа тоже красавица“. — „Такъ. А еще?“ — „А еще? За его женой много ухаживаютъ“. — „Положимъ. Ну, а потомъ?“ — „А потомъ... Да чего же вамъ еще? Довольно и этого“. — „И больше ничего?“ — „А почему я знаю! Можетъ, и еще есть что-нибудь... А съ меня и этого довольно!“ И, нахально ухмыляясь, смотритъ мнѣ прямо въ глаза. Ну, тутъ, при-

знаться, я не выдержалъ. Подошелъ это къ нему вплотную и спрашиваю — знаете, такимъ хорошимъ, особеннымъ голосомъ, такъ что кругомъ даже замолчали: „Такъ, значить, больше ничего?! А съ васъ, чтобы распространять гадости, и этого довольно!.. А не знаете ли вы, милостивый государь, какъ называютъ людей, которые, не имѣя достаточныхъ оснований, позволяютъ себѣ клеветать на порядочную женщину?“ Покраснѣлъ даже весь. „Да что вы, помилуйте“, говоритъ. „Я тутъ ни при чемъ... Я повторяю лишь то, что всѣ говорятъ“. Да какъ отъ меня прочь! Потомъ ужъ мнѣ передавали, что онъ былъ увѣренъ, что напоролся на самого мужа... Ха-ха-ха!

Вѣра усмѣхнулась.

— Это вѣрно, говорятъ. Я и сама слыхала.

— Ну, вотъ видите... И выходить, значить, что женщины достаточно быть красивой, да чтобы за ней ухаживали,—и она уже развратница. Вотъ ихъ судъ, вотъ—общественное мнѣніе! И о такомъ-то мнѣніи слѣдуетъ заботиться! Да вѣдь такъ жить нельзя! Лучше повѣситься!.. И я вамъ рѣшительно удивляюсь: ну, чего вы тутъ, право, сидите? Купили бы себѣ имѣніе, благо деньги есть—да и вонъ отсюда... Ну, да объ этомъ что толковать... А вотъ я тебя еще разъ спрашиваю: угодно тебѣ на нѣкоторое время отсюда уѣхать или нѣтъ? Я тебя, впрочемъ, предупреждаю, что если ты особенно брыкаться станешь, я тебя прямо силой увезу. Повторяю, по моему искреннему убѣжденію, тебѣ здѣсь при теперешнихъ обстоятельствахъ оставаться нельзя.

— Но куда ѣхать?—спросилъ Плетневъ.—За границу? Но какъ же это такъ, сразу?.. Да и не время теперь...

Сознавая справедливость словъ Ржевскаго, онъ уже говорилъ такъ больше для очистки совѣсти, чтобы не сразу сдаться.

— Ну, положимъ... Удирай отсюда хоть на сѣверный полюсъ—такъ и то всегда время будетъ... Но зачѣмъ за границу? Гораздо ближе и проще... ко мнѣ. — И онъ засвѣтившимся отъ удовольствія взглядомъ обвелъ супруговъ.—А ужъ какъ я за вами ухаживать буду, какъ ухаживать! Вотъ ужъ гдѣ отдохнете и успокоитесь... Ну, какъ же, согласны, идетъ?

— Дѣлайте, какъ хотите, — со слабой улыбкой выговорилъ Плетневъ.—Вамъ со стороны виднѣе, надо ли это, или нѣтъ... А я... я... признаюсь, я еще не въ состояніи всего сообразить...

— Ну, вотъ, молодецъ! — обрадовался Ржевскій. — А вѣдь васъ-то я и не спрашивалъ,—обратился онъ, смѣясь, къ Вѣрѣ:—желаете ли вы покинуть сіи прекрасныя страны и воспользо-

ваться моимъ гостепріимствомъ,—до того я въ васъ увѣренъ. Но теперь вопросъ: когда ѣхать? И это ужъ вамъ надо рѣшить.

— А ваши дѣла?

— Мои дѣла, мои дѣла... — нахмурился Ржевскій. — Мои дѣла задержать меня не могутъ. Кое-чего добился, а дальнѣйшее—вопросъ времени... Все равно, придется еще разъ сюда пріѣхать, а потому я уже рѣшилъ насчетъ своего отъѣзда,—хотѣлъ ѣхать въ концѣ этой недѣли... А теперь—какъ вы.

— А спектакль?—спросила Вѣра.

— Ахъ, Богъ мой! Представьте, я совсѣмъ о немъ забылъ... Когда же онъ будетъ?

— Еще не назначенъ. Завтра вѣдь репетиція... вотъ завтра и должны были назначить день. Во всякомъ случаѣ, до спектакля намъ ѣхать нельзя. Изъ-за насъ можетъ все разстроиться, и я на это пойти не могу.

— Только бы онъ насъ не очень задержалъ, — задумчиво произнесъ Ржевскій. — Значить, тотчасъ послѣ спектакля. — Ну, и прекрасно. А теперь я ухожу, прощайте. А главное, не рас-всайте!

Когда Ржевскій вышелъ, Плетневъ подошелъ къ Вѣрѣ.

— Голубка, хорошая моя, прости меня!.. Я знаю, до чего я скверенъ и гадовъ! Но чтѣ же мнѣ дѣлать, чтѣ дѣлать?!

Вѣра обхватила его шею руками и, пригнувъ къ себѣ его голову, зашептала тихо и нѣжно:

— Милый!.. Я все понимаю и на тебя не сержусь, и чтѣ бы, повѣрь, ни случилось, ты всегда останешься моимъ милымъ, моимъ хорошимъ мужемъ.

— А какъ это онъ хорошо придумалъ, чтобы отсюда уѣхать! — сказалъ Плетневъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ. — Я такъ, такъ усталъ...

— Онъ также хорошій, — сказала, улыбаясь, Вѣра:—но только... хуже тебя!—И, весело засмѣясь, она крупно его поцѣловала.

Однако уже на слѣдующій день выяснилось, что опасенія Ржевскаго, чтобы спектакль не задержалъ отъѣзда Плетневыхъ, неосновательны. Выяснилось это послѣ визита г-жи Голынской. Голынская, правая рука устроительницы спектакля, заѣхала къ Вѣрѣ, когда послѣдняя была уже совсѣмъ готова, чтобы ѣхать на репетицію, и ждала лишь кареты. Заявивъ прежде всего свою радость по поводу того, что она застала Вѣру—, я такъ боялась, что опоздаю, что вы уже уѣдете“, — Голынская, путаясь и сби-

ваясь, объяснила ей, что нѣкоторые изъ участницъ въ спектаклѣ только-что заявили его устроительницѣ, что если въ немъ приметъ участіе она, Вѣра, онѣ принуждены будутъ отказаться. Нечего и говорить о томъ, до чего ея свѣтлость возмущена такой неосновательной и бестактной выходкой. Не менѣе того эта выходка поставила ее въ безвыходное положеніе, такъ какъ, если тѣ дамы дѣйствительно откажутся, спектакль состояться не можетъ; допустить же послѣднее невозможно по нѣкоторымъ со-всѣмъ... высшимъ соображеніямъ. И вотъ, въ виду такого-то, по истинѣ критическаго, положенія, она рѣшается прямо и откровенно обратиться къ Вѣрѣ, съ просьбой, чтобы Вѣра спасла положеніе—avec prière de sauver la situation,—Голынская, само собой, изъяснялась по-французски,—т.-е. сама бы отказалась отъ участія въ спектаклѣ; что такое прямое обращеніе свидѣтельствуешь о тѣхъ искренно-дружескихъ чувствахъ любви и уваженія, которыя она питаетъ къ Вѣрѣ,— „qu'en s'adressant à vous elle s'adresse à une amie“,—и о томъ презрѣніи, съ которымъ она относится къ возмутительной выходкѣ тѣхъ барынь; что она твердо убѣждена, что Вѣра взглянетъ на такое обращеніе именно съ этой точки зрѣнія; съ своей же стороны, она надѣется въ недалекомъ будущемъ доказать очень нагляднымъ образомъ, въ какой степени она во всемъ этомъ странномъ, но печальномъ дѣлѣ — un cas vraiment étrange, mais rénible — держитъ сторону Вѣры. Въ заключеніе Голынская передала Вѣрѣ записку, въ которой въ очень милыхъ и теплыхъ выраженіяхъ излагалось вкратцѣ то, о чемъ подробно рассказала Голынская.

Съ остановившимся взглядомъ на строгомъ, неподвижномъ лицѣ слушала молча Вѣра объясненіе Голынской. Также молча прочла она письмо и потомъ, объявивъ спокойнымъ голосомъ, что она очень благодарна за высказанныя чувства; что всякое желаніе ея свѣтлости равносильно для нея приказанію; что, независимо отъ этого, неучастіе въ спектаклѣ ее лично очень устраиваетъ, такъ какъ она собиралась уѣзжать изъ Петербурга и спектакль ее задерживалъ, — сѣла за письменный столъ и въ нѣсколькихъ словахъ написала формальный отказъ отъ участія въ спектаклѣ, объяснивъ его семейными обстоятельствами, требовавшими немедленнаго и неотложнаго отъѣзда изъ Петербурга.

Садясь въ карету, Голынская съ облегченіемъ вздохнула. „Ouf, c'était dur!“ подумала она по-французски. „Mais quelle force de caractère... Elle a été vraiment admirable... Néanmoins, ce n'est pas moi qui irait me fourrer dans ses draps... Ah, ça non!“

И въ этихъ же почти выраженіяхъ она передала своей принципалкѣ впечатлѣніе, вынесенное отъ исполненнаго порученія.

А Вѣра, оставшись одна, сѣла и глубоко задумалась. „Дождалась! Отказываются съ нею играть, какъ съ какой-то погибшей женщиной! Опозорена, втоптана въ грязь... И за что? Гдѣ ея вина, въ чемъ провинилась она?.. Это награда за безупречную жизнь! Девять лѣтъ она замужемъ и счумѣла остаться чистой и незапятнанной, несмотря на все... И при какой обстановкѣ! Съ перваго же ея появленія, на нее набросились, какъ стая голодныхъ собакъ на свѣжій кусокъ мяса... набросились, какъ набрасываются на каждую вновь появляющуюся красивую женщину... Это была какая-то облава... постоянная, настойчивая... И сколько ума, хитрости, твердости характера требовалось, чтобы, не раздражая, не создавая себѣ враговъ, держать всю эту стаю на должномъ разстояніи, въ извѣстныхъ границахъ... О, она совсѣмъ не ставитъ себѣ это въ какую-нибудь особенную заслугу! Совсѣмъ нѣтъ. Заслуга была бы, еслибы были желаніе, соблазнъ, борьба... Но этого не было; она любила мужа — вотъ и все... Ну, а теперь чтѣ? Вѣдь она осталась такою же, — женщиной, на прошломъ которой нѣтъ ни одного, даже мало-мальски сомнительнаго пятнышка, и тѣмъ не менѣе, она опозорена и репутація ея погибла... И какая возмутительная несправедливость! Между тѣмъ какъ въ прошломъ, да и въ настоящемъ также, большинства ея свѣтскихъ пріятельницъ существуютъ несомнѣнныя тѣневныя стороны, о которыхъ всѣ знаютъ, — ни одна изъ нихъ отъ этого себя хуже не чувствуетъ, вездѣ онѣ приняты и никакихъ скандаловъ никто имъ не устраиваетъ. Общее правило: пока мужъ терпитъ — всѣ закрываютъ глаза. А по отношенію къ ней оказалось достаточнымъ появленіе какихъ-то совсѣмъ глупыхъ, нелѣпыхъ выдумокъ, въ которыя, какъ ей всѣ повторяютъ, никто даже не вѣритъ, — до того онѣ бессмысленны, — чтобы въ какихъ-нибудь три-четыре дня дѣло дошло до такого скандала, о какомъ уже давно никто не слыхивалъ. Очевидно, это не просто, очевидно — тутъ кто-то старается и очевидно, что тотъ „кто-то“ — Ремеръ... Больше никому... Мстить — это ясно! Все отъ него: и сплетня, и письмо, и скандалъ... Все, все!.. О, эти оскаленные зубы! И вѣдь ничего сдѣлать нельзя... рѣшительно ничего! Одно только и остается: уѣхать, уѣхать, какъ можно скорѣе... бѣжать изъ этого омота!

Вѣра вздрогнула и подняла глаза. Передъ ней стоялъ, глядя на нее подозрительно, Александръ Ивановичъ. Вѣра не слышала,

какъ онъ вошелъ, и онъ ужъ довольно долго стоялъ такъ и смотрѣлъ.

Встрѣтивъ взглядъ Вѣры, Александръ Ивановичъ отвелъ глаза и потомъ выговорилъ голосомъ, которому старался придать естественное выраженіе, но въ которомъ Вѣра тотчасъ же почувствовала хорошо ей знакомую, нервную напряженность:

— Ты отчего это не поѣхала?.. Я видѣлъ, какъ откладывали карету...

У Вѣры сжалось сердце. „Вотъ опять!“ подумала она. „А ничего не подѣлаешь, скрыть нельзя!“ Она сжала губы и, сдвинувъ брови, проговорила твердо и отчетливо:

— Случилось то, чего слѣдовало ожидать, чего еще вчера боялся Дмитрій. Сейчасъ пріѣзжала Голынская и просила меня отказаться отъ спектакля, такъ какъ нѣкоторые изъ участницъ не желаютъ со мною играть... Надо скорѣй ѣхать.

Александръ Ивановичъ вадрогнулъ, какъ отъ электрической искры и на нѣсколько секундъ застылъ безъ движенія. Потомъ кровь ударилась ему въ голову, что-то въ груди его поднялось. Онъ бросился къ Вѣрѣ и, схвативъ ее за руку, прокричалъ хриплымъ голосомъ:

— Несчастная! Да скажешь ли ты, наконецъ, что ты сдѣлала?! — но тотчасъ же пришелъ въ себя, и не успѣла Вѣра опомниться отъ этой дивной выходки, какъ онъ, схватившись за голову и простонавъ:—Господи, что я дѣлаю? Прости меня...— выбѣжалъ изъ комнаты. Когда же Вѣра, минутъ черезъ десять, чтобы дать ему успокоиться, прошла въ кабинетъ, его уже не было, онъ куда-то ушелъ. Тогда Вѣра перепугалась. Ей представилось, что Александръ Ивановичъ навѣрное поѣхалъ туда, на репетицію. „Онъ Богъ знаетъ что тамъ надѣлаетъ!“ думала она съ отчаяньемъ, стоя у окна и почему-то глядя на улицу. „Зачѣмъ я за нимъ не пошла сейчасъ?! Одна надежда на Дмитрія, если онъ тамъ: онъ его остановитъ, не допустить“...

Вдругъ она увидѣла подъѣзжавшаго Ржевскаго. „Господи, Господи! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ... одинъ... Навѣрное, что-нибудь случилось!“ Она метнулась въ переднюю, но потомъ, вспомнивъ о людяхъ, остановилась и, холодѣя отъ страха, смотрѣла на дверь.

— Что случилось?—винулась она къ Ржевскому, лишь только тотъ показался.—Вы видѣли Сашу? Онъ тамъ?

— Никакого Саши я не видалъ!—отвѣтилъ Ржевскій сердито. — А видѣлъ я... настоящій Бедламъ! У васъ была Голынская... Хороши, нечего сказать! Я со всѣми тамъ переругался...

Вѣра махнула рукой.

— Все равно!— сказала она презрительно. — Я страшно боялась за Сашу... Онъ тутъ опять завинулся, и я думала, что онъ отправился прямо туда, на ренетицію... Надо уѣзжать— вотъ что... и скорѣй!

— И скорѣй!— повторилъ, хмурясь, Ржевскій. — Послушайте... сегодня понедѣльникъ, въ четвергъ—комитетъ, и мнѣ необходимо узнать, чѣмъ онъ кончится... а въ пятницу—и вонъ!

— Поскорѣй только!—раздался сзади нихъ голосъ, и, обернувшись, они увидѣли Плетнева. Онъ стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на нихъ какимъ-то страдальческимъ, расширеннымъ взглядомъ. — Скорѣй, скорѣй!— повторилъ онъ, подходя: — а то я, право, не вынесу... — И, схвативъ руку Вѣры, онъ прижалъ ее къ своему пылающему лицу.

Но между тѣмъ какъ двѣ жертвы человѣческой злобы и глупости, какъ заяцъ, котораго преслѣдуетъ стая гончихъ, только и думали о томъ, какъ бы имъ скорѣе уѣзжать тоже отъ своего рода стаи клеветниковъ и тупицъ, хитроумный доѣзжачій, въ лицѣ Поля Меряева, не дремалъ и, прознавъ, что преслѣдуемая имъ добыча надумала коварный побѣгъ, явился въ среду утромъ къ своему другу Ремеру. Нюхнувъ нѣсколько разъ воздухъ, онъ сдѣлалъ недовольную гримасу. У Макса былъ вялый, апатичный видъ, и это ему не понравилось. Тѣмъ не менѣе, онъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— А супруги-то уѣзжать собрались!— проговорилъ онъ небрежно, искоса слѣдя, какое впечатлѣніе произведетъ это извѣстіе на Макса.

— Врешь! Какъ ты узналъ?— оживился тотъ.

— Ну, вотъ! Было бы удивительно, если бы я не зналъ,— спокойно возразилъ Меряевъ. — У моей Луизы полъ-Петербурга знакомыхъ. Ну и тамъ наплась какая-то родственница подружки повара, что-ли... Ну, да, чортъ, не въ этомъ дѣло... А что удираютъ—это вѣрно.

— Ну и что же?— спросилъ Максъ.

— Да ничего, — равнодушно отвѣтилъ Меряевъ. — Узналъ — ну, и пришелъ тебѣ сказать.

— Гмъ, гмъ... — промычалъ Максъ, разглядывая со вниманіемъ свои ногти. — И вѣдь вреть самымъ нахальнымъ образомъ,— думалъ онъ. — Такъ и придетъ онъ даромъ!.. Ломается... Хочетъ, чтобы я его просилъ... погоди жъ, самъ все выложишь“.

— Такъ-съ, — проговорилъ онъ. — Значить, по совѣту письма...

Что-жь? Добраго пути.—Онъ зѣвнулъ и добавилъ:—Голова что-то трещить... Здорово вчера набодались. Съ этой Альфонсинкой просто бѣда! Сама пьетъ, какъ бочка, да и другихъ заставляетъ. Впрочемъ, недурно было... А вотъ ты и не знаешь, гдѣ я вчера и съ кѣмъ ужиналъ. Ну-тка, всевѣдущій! И онъ, подмигнувъ, насмѣшливо засмѣялся.

Меряевъ закусилъ губу.

— Полно вздоръ болтать! Надо рѣшить, что дальше дѣлать,—сказалъ онъ рѣзко, глядя прямо въ глаза Максѹ.

— Т.-е., что это дальше дѣлать? Ты это про что?—съ дѣланнѣмъ удивленіемъ спросилъ Максъ.

— Ахъ, чтобы чортъ тебя!—не выдержалъ тотъ.—Ну, хорошо, хорошо, понялъ... Больше не трудись кривляться, а садись и пиши.

— Какъ, опять письмо?—проговорилъ Максъ съ гримасой.—Нѣтъ, ужъ избавь... Больно ужъ скверно, не хочу. А потомъ я, признаться, и цѣли нѣ вижу... Вѣдь про скандалъ со спектаклемъ ты, конечно, слышалъ—ну, и будетъ съ нихъ, довольно.

Меряевъ даже привскочилъ.

— Какъ это—„довольно“?.. Да ты съума сошелъ! Зачѣмъ же я старался?! „Про спектакль, конечно, слышалъ“—передразнилъ онъ Макса.—Это мнѣ нравится! Кто же, какъ не я, весь этотъ скандалъ и устроилъ-то!.. Кто, какъ не я, натравилъ эту старую дурицу Потолову на супругу „ковла“ и мать „двухъ козочекъ“... Чтобы мои невинныя козочки участвовали въ спектаклѣ вмѣстѣ съ женщиной, про которую говорятъ, что она цѣлуется съ какимъ-то итальянцемъ—да ни за что!“ И съ мѣста полетѣла объясняться... А потомъ и еще одна „умница“ появилась—ну, и скандалъ! И ты хочешь на этомъ успокоиться! Ну, братъ, я такихъ безцѣльныхъ гадостей не понимаю. Дѣлать гадости, такъ ужъ ради чего-нибудь... Или, быть можетъ, тебѣ хотѣлось только отмстить за „щечку“? Но, право же, твоя „щечка“ дешевле стоитъ!

— Я не понимаю,—сказалъ Максъ, пристально глядя на Меряева:—къ чему ты ведешь?

— То-есть, какъ это не понимаешь? Отлично понимаешь, только опять кривляться захотѣлось.

Максъ пожалъ плечами.

— Говори прямо.

— Изволь!—И Меряевъ понизилъ голосъ, словно боясь, что его кто-нибудь услышитъ:—Я тебѣ уже говорилъ и теперь опять повторяю: еще одинъ ударъ, и Вѣрка будетъ у тебя.

У Макса блеснули глаза.— Не вѣрю, — сказалъ онъ и защекалъ ногтями.

— Послушай! — Меряевъ всталъ и подошелъ къ нему: — вѣдь ты долженъ мнѣ отдать справедливость, что все, до единой юты, произошло такъ, какъ я предсказывалъ. И вотъ теперь я даю тебѣ слово, что послѣ того письма, которое я сейчасъ продиктую, она явится къ тебѣ.

— Зачѣмъ?

— Просить тебя, чтобы ты ихъ оставилъ въ покоѣ... Пойми, что я знаю рѣшительно все, что у нихъ происходитъ. „Еще одно, послѣднее сказанье“ — и дѣло въ шляпѣ.

Максъ задумчиво смотрѣлъ передъ собой.

— Я одного не понимаю, — сказалъ онъ, помолчавъ: — ты то изъ-за чего хлопочешь? Положимъ, ты на нихъ обоихъ былъ золь, — ну, и прекрасно! Довольно, кажется, они наказаны даже для твоей злобы. А вѣдь то, что дальше будетъ — до тебя ужъ совсѣмъ не касается. Положимъ даже, она ко мнѣ явится; но тебѣ-то что до этого? — Онъ замолчалъ и вопросительно глядѣлъ на Меряева. — Ахъ, ты, Боже мой! — усмѣхнулся онъ вдругъ: — Да ужъ не надѣешься ли ты воспользоваться объѣдами, какъ бывало раньше? Ха-ха-ха! Вотъ удружилъ-то! Ну, на этотъ разъ ты, кажется, ошибаешься... Она совсѣмъ не изъ покладистыхъ, да и я, ужъ если на то пойдетъ, по всѣмъ вѣроятямъ, не скоро уступлю.

Меряевъ что-то проворчалъ, но потомъ вдругъ улыбнулся, открывъ ротъ до ушей, и, съ маслянымъ выраженіемъ въ глазахъ, проговорилъ, хихикнувъ:

— Ты знаешь, что болѣе всего на меня дѣйствуетъ? Это — ея глаза... Глубокіе, глубокіе... цѣлая бездна страсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивныя, какъ у ребенка... Страсть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивность... Удивительно!

— Ха-ха-ха! Да ты влюбленъ, душа моя! Ты прямо влюбленъ... Вотъ ужъ: „благодарю — не ожидалъ!“ Ха-ха-ха! — И Максъ покатывался, глядя на умильное лицо пріятеля. — Ну, хорошо, для тебя... только для тебя, слышишь... — И онъ перешелъ къ письменному столу. — Диктуй.

Меряевъ подумалъ, погрызъ ногти и началъ:

„Дорогой и добрый другъ! — онъ диктовалъ по-французски. — Прежде всего, вѣрьте, что лишь чувства искренней и глубокой симпатіи заставляютъ меня писать то, что вы прочтете. Я васъ давно знаю, давно люблю (не удивляйтесь: еслибы вы знали, кто я, вы бы не удивились), давно страдаю, но до сихъ

поръ терпѣла, такъ какъ знала, что хотя судьба свела васъ съ коварной и низкой женщиной, вы ничего не подозреваете и счастливы. Въ невѣдѣніи—счастіе, и я молчала... Но теперь я узнала, что глаза ваши если и не открылись совсѣмъ; то, во всякомъ случаѣ, вамъ кое-что уже извѣстно, счастливы быть вы уже не можете, и хотя еще бродите въ потемкахъ, но уже мучаетесь и страдаете. Все это я знаю, а потому молчать дальше не могу, не считаю себя вправѣ, тѣмъ болѣе, что съ вами собираются сдѣлать такую гнусность, собираются вести васъ туда... Другъ мой! вспомните мудрость міра, которая говоритъ, что нѣтъ ничего опаснѣе друзей дѣтства, забудьте, что у васъ есть другъ, и взгляните на... Ржевскаго. Больше ни слова. Прибавлю лишь, что когда вы поступите съ обманщицей такъ, какъ она того заслуживаетъ, и останетесь одни, съ разбитымъ, измученнымъ сердцемъ,—о, я васъ хорошо знаю!—я немедленно явлюсь къ вамъ и буду вашимъ ангеломъ-утѣшителемъ”.

— Finis. Punctum.—И Меряевъ махнулъ рукой.—Впрочемъ поставь еще: М. Онѣ безъ этого не могутъ.

Максъ перечелъ про себя написанное и покачалъ головой.

— Вѣдь выдумаетъ же! Чортъ знаетъ что такое!.. Даже ангела-утѣшителя припелъ... Хорошо съ, ну, а кто переписывать будетъ? Вѣдь надо женскую руку.

— А Аленка прекрасная на что?—Аленка прекрасная была модной массажисткой спортсменовъ high life—новая мода для выгоды „этихъ дамъ“, которымъ было гораздо удобнѣе и пріятнѣе носить названіе массажистки, чѣмъ отзывать на одну изъ позорныхъ кличекъ.—Она въ тебя врѣзалась по уши, такъ что можно рассчитывать на полную скромность.

— Аленка... пожалуй,—сказалъ Максъ.—Она будетъ у меня завтра. А когда отправлять?

— Завтра же и отправлять; какъ напишешь, такъ и отправлять,—произнесъ Меряевъ.—Вотъ и прекрасно!—хихикнулъ онъ, потирая руки. Онъ нюхнулъ воздухъ.—Ну, прощай... А ужъ такъ и быть, въ награду, удивлю я тебя... Ты спрашивалъ меня, съ кѣмъ ты вчера кутилъ... А вотъ съ кѣмъ.—И онъ однимъ духомъ назвалъ штукъ десять именъ.

— Да какъ могъ ты узнать?—оторопѣлъ Максъ.—Вотъ чортъ! Поразительно! Ну, скажи, откуда ты узналъ?

Но Меряевъ, громко хохоча, уже выходилъ изъ комнаты.

И вотъ, когда на слѣдующій день Плетневъ вернулся изъ департамента, съ только-что полученнымъ трехмѣсячнымъ отпу-

свомъ въ карманѣ, его съ таинственнымъ видомъ остановилъ швейцаръ и передалъ ему письмо отъ будущаго „ангела-утѣшителя“.

Таинственный видъ швейцара объяснялся тою обстановкой, при которой онъ самъ получилъ это письмо. Во второмъ часу дня подкатила къ подъѣзду карета, запряженная кровными рысаками. Въ каретѣ сидѣла молодая, расфранченная барыня, въ какой-то совсѣмъ изумительной, двухъ-аршинной шляпкѣ, и, протянувъ выскочившему швейцару письмо, настойчиво потребовала, чтобы оно было передано непременно въ собственныя руки. „Пожалуйста, непременно самому Александру Ивановичу, а пока спрячьте, чтобы никто не видѣлъ“. И въ рукѣ швейцара вмѣстѣ съ письмомъ очутилась трехрублевая бумажка.

Плетневъ съ недоумѣніемъ повертѣлъ въ рукахъ изящный блѣдно-розовый конвертъ, съ графской короной, отъ котораго, даже на разстояніи, пахло смѣсью ириса, оппопонакса, *pen-toughn hay* и еще чего-то.

— Отъ кого?—спросилъ онъ.

— Какая-то барыня... Сами прїѣзжали-сь,—почти шопотомъ, наклоняясь къ Плетневу, проговорилъ швейцаръ:—приказали-сь непременно, чтобы въ собственныя руки-сь.

Плетневъ невольно усмѣхнулся. „Кого это онъ на старости лѣтъ прельстилъ? Пойду сейчасъ похвастаюсь...“ подумалъ онъ, зная, что у Вѣры сидитъ теперь Ржевскій, который долженъ былъ прїѣхать сейчасъ же послѣ комитета, чтобы окончательно сговориться насчетъ отъѣзда. Но, снявъ шубу и увидѣвъ на себѣ виць-мундиръ, по привычкѣ, прошелъ въ уборную, раздѣлся, вымылъ руки и началъ одѣваться; но потомъ вдругъ, съ какимъ-то еще неяснымъ, но уже жуткимъ чувствомъ, схватилъ брошенное на комодъ письмо и нетерпѣливымъ движеніемъ разорвалъ конвертъ; началъ читать, но, не дочитавъ, замычалъ отъ боли, схватился за сердце и съ вытаращенными глазами, съ остановившимся дыханіемъ, сѣлъ на полъ. Онъ чувствовалъ страшную, дотогѣ еще неиспытанную боль: казалось, сердце расплывалось во всѣ стороны, заполняя всю грудь; все окружающее заволокло багровымъ туманомъ—и, успѣвъ лишь подумать: „Вотъ оно... конецъ!“—онъ грузно упалъ на бокъ.

Однако, то не былъ еще конецъ, а только очень сильный обморокъ, и минутъ черезъ десять Плетневъ пришелъ въ себя.

„А-а!“—вспомнилъ онъ.—„О, проклятое! И тутъ вынесло!“ Онъ все еще чувствовалъ, что задыхается, рванулъ воротъ рубашки и, шатаясь, подошелъ къ умывальнику. Обливъ голову

водой, онъ опустился на маленькій уборный диванчикъ. Въ головѣ его ключьями продолжалъ носиться красноватый туманъ, и мысль прыгала дикими, внезапными скачками.

„Обманщица!.. Другъ дѣтства!.. Ха-ха-ха!.. Негодяй!.. Гадость, гадость, гадость!.. Когда началось?.. Давно!.. Всегда!.. До свадьбы!.. Влюбленъ былъ... самъ говорилъ!.. Ха-ха-ха!.. О, какое вѣроломство!.. Что? Что такое?.. Тутъ, рядомъ, вмѣстѣ!..“

Онъ поспѣшно навинулъ жакетку и метнулся въ двери; но на порогѣ остановился и схватился за голову: „Такъ нельзя... Что дальше?.. Успокойтесь!..“

Онъ заперъ дверь на задвижку и сталъ ходить по комнатѣ, ломая руки и щелкая пальцами. Потомъ опять подошелъ къ умывальнику и поставилъ голову подъ его струю. Послѣ этого мысль перестала прыгать, и онъ, обвязавъ полотенцемъ голову, сѣлъ.

„Такъ, такъ...“ — сталъ онъ припоминать. „Съ чего же началось? Тогда, на балу, онъ только-что прѣхалъ, что-то случилось... Впрочемъ, можетъ быть, и не на балу, а онъ прѣхалъ раньше... гдѣ-нибудь они попались, кто-нибудь узналъ и пошли говорить... А встрѣча на балу—для отвода глазъ. Вотъ почему онъ такъ и растерялся при возгласѣ того франта, почему потомъ не слышалъ: „voici le mari“, можетъ быть, съ прибавленіемъ: „et l'amant“... А узнавъ, чтó говорятъ—и наплели всю исторію съ Ремеромъ. Вотъ почему она и не могла ему рассказать о знаменитомъ „поцѣлуѣ“ тотчасъ же. „Сегодня утромъ у меня былъ Дмитрій, онъ мнѣ рассказалъ, и вотъ...“ Какая дерзость! Совѣтоваться съ „другомъ“, сказать ли мужу о полученномъ отъ какого-то нахала поцѣлуѣ! И какъ глупо выдуманно! Какъ онъ тогда же не замѣтилъ этой натяжки?.. А это? Передъ отъѣздомъ съ бала: „я завтра въ вамъ непременно заѣду; мнѣ необходимо съ вами переговорить“. Еще бы не необходимо! А онъ, дуракъ, стоялъ, слушалъ и хлопалъ ушами!.. О, чортъ! То-то имъ такъ и не хотѣлось, чтобы онъ объяснялся съ Ремеромъ. „Милый, брось ты его!..“ О, змѣя! А эти переглядыванья и подмигиванья на него тогда, вечеромъ... „Смотри, молъ, дуракъ-то нашъ повѣрилъ, радуется...“ И Ремеръ теперь понятенъ, все понятно... Его удивленіе сначала—и дальше. Очевидно, зналъ, въ чемъ дѣло, и хотѣлъ помочь оболванить мужа... А потомъ, съ отъѣздомъ... сами написали письмо, чтобы заставить его согласиться. „Ѣхать, Ѣхать, Ѣхать!“ Еще бы! Боялись, что каждая проведенная здѣсь лишняя минута можетъ все открыть... И онъ имъ въ дудку тоже: Ѣхать, Ѣхать!.. И куда Ѣхать? Туда, къ нему... О, какая гнусность! Но какъ все было ловко подстроено, и по-

этому какъ все теперь ясно и понятно!.. А если подумать о томъ, что прежде-то было... Господи, Господи! Самъ признавался, что былъ въ нее влюбленъ... Друзья дѣтства... Вѣра, Дмитрій— иначе другъ друга не называли; иной разъ, въ разсѣянности, конечно, и „ты“ вырвалось. *Его* постоянные ежегодные прѣзды сюда, между тѣмъ какъ онъ всегда повторялъ, что Петербургъ ему противенъ. Да что! Сколько разъ онъ прямо говорилъ, что прѣзжаетъ исключительно для того, чтобы съ ними повидаться. Съ ними... съ „ней“, а не съ ними! А въ прошломъ году онъ нарочно прѣхалъ какъ разъ въ то время, когда онъ, Плетневъ, находился въ командировкѣ, и зная объ этомъ... Ну, а когда они у „него“ гостили лѣтомъ... Боже мой! тамъ-то, тамъ-то что было! Онъ, Плетневъ, по цѣлымъ днямъ на охотѣ, а „онъ“—другъ-то—удивляется на самого себя: „удивительное дѣло“, говорить, „у меня совсѣмъ пропала страсть къ охотѣ; даже не могу теперь понять, какое могъ находить въ ней удовольствіе“. Какъ наивно, глупо, бессмысленно! Вѣдь ребенокъ — и тотъ не повѣрилъ бы. А онъ вѣрилъ, и позаходилъ да пострѣливалъ себѣ дупелей и куропатокъ,—они по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ... гуляли, читали, катались... О, какое, по истинѣ, чудовищное затмѣніе! Какъ могъ онъ быть до такой степени безумно довѣрчивъ?! И теперь опять туда, къ *нему*, въ его объятія, на свободѣ... Какое коварство, какое адское лицемеріе, и сколько подлости и грязи! И зачѣмъ? Пришла бы, сказала бы прямо, и я бы отпустилъ... умеръ бы, но отпустилъ... Ну, а теперь что дѣлать?“

Блѣдный, съ горящимъ, лихорадочнымъ, устремленнымъ впередъ собою взоромъ, со страдальчески поджатыми губами, онъ долго еще сидѣлъ, обдумывая и соображая. Наконецъ, всталъ и, словно закрѣпляя окончательный выводъ длинной нити мыслей, выговорилъ вполголоса:

— Да, такъ. Кончить сразу, сейчасъ же. Но тихо, спокойно, безъ драмъ... Главное, безъ драмъ.

Онъ одѣлся и позвонилъ.—Маленькій чемоданъ!—отрывисто приказалъ онъ камердинеру.—Клади все, что нужно дня на три.— И когда тотъ кончилъ:—Теперь поѣзжай въ „Европейскую гостиницу“ и жди меня тамъ... Нѣтъ, впрочемъ, не въ „Европейскую“— „тамъ слышномъ шумно“, подумалъ онъ,—а...—и онъ далъ адресъ второстепенной гостиницы. Потомъ подошелъ къ зеркалу и сталъ внимательно себя оглядывать. „Рогоносцы!“—пронеслось у него въ головѣ. Губы его дернулись жалкой усмѣшкой. Осмотрѣвъ долгимъ взглядомъ комнату, словно соображая, не забылъ ли чего-

нибудь, онъ медленными шагами направился въ гостиную. Тамъ, на маленькомъ диванчикѣ, передъ круглымъ столомъ, близко склонившись другъ къ другу, сидѣли Вѣра и Ржевскій. Передъ Вѣрой лежалъ исписанный листъ бумаги, и она карандашомъ что-то въ немъ отмѣчала. При входѣ Плетнева они оба одновременно подняли глаза и сразу растерянно вскочили—до того странно было выраженіе его лица. А онъ, скосивъ губы въ неестественную усмѣшку и чувствуя, какъ при одномъ взглядѣ на нихъ въ его груди поднимается что-то ужасное, проговорилъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Помѣшалъ... Простите!—Потомъ, молча, протянулъ Ржевскому письмо и тотчасъ же быстро, запинаясь, обратился къ Вѣрѣ:

— А ты... а вы... Я все знаю... Зачѣмъ?.. Зачѣмъ обманъ? Теперь живи... Я уѣзжаю...

Онъ на секунду остановился. „Довольно! Скорѣй, скорѣй!“—подумалъ онъ и, съ трудомъ избавляясь отъ сжимавшей его горло судороги, чуть слышно докончилъ:

— Прощай...—и повернулся. Но въ это время Ржевскій, прочитавъ письмо, бросился къ нему и схватилъ его за руку:

— Александръ, опомнись!

Плетневъ обернулся, какъ на пружинахъ, и вырвалъ руку. Въ глазахъ его свернула бѣшеная злоба.

— Ты... — послѣдовало скверное, бранное слово.—Вонъ!—Но тотчасъ же затѣмъ онъ растерянно махнулъ рукой.—Нѣтъ, вѣтъ, не ты... Я—вонъ!..—И онъ опять направился къ двери.

Вѣра громко застонала. Ничего не понимая, но вида и чувствуя, что происходитъ нѣчто ужасное, она бросилась къ мужу.

— Саша! Саша!

Но Плетневъ, не допустивъ ее до себя, остановился. Лицо его перевернулось, и, высоко поднявъ сжатые въ кулаки руки, весь трясаясь, онъ прокричалъ дико, страшно:

— Не смѣй! не смѣй! Убью!—Потомъ круто повернулся и вышелъ.

У Вѣры подкосились ноги. Она, шатаясь, отошла къ дивану. Она вся какъ-то беспомощно стѣжилась, и плечи ея вздрагивали. Наконецъ, взглянувъ на Ржевскаго, она чуть слышно выговорила.

— Что такое?.. Покажите.

— Ужас!—сказалъ блѣдный, какъ полотно, Ржевскій, подавая ей письмо.

Вѣра прочла и вскочила.

— Онъ убьетъ себя!—воплемъ вырвалось у нея, и она бро-

силась въ кабинетъ. Но Александра Иваныча тамъ не было. Ржевскій спустился къ швейцару, и тотъ ему сказалъ, что Штеневъ пошелъ пѣшкомъ направо, куда—не знаетъ; а вотъ камердинеръ съ барскимъ чемоданомъ нанималъ извозчика въ гостиницу „Россія“.

Когда Ржевскій связалъ объ этомъ Вѣрѣ, она съ облегченіемъ вздохнула. „Хоть этого-то не будетъ!“—подумала она; но потомъ ея натянутые нервы не выдержали, и она громко разрыдалась. Сквозь слезы она сказала Ржевскому, чтобы онъ теперь уходилъ, а она, когда надо будетъ, пошлетъ за нимъ.

— А теперь уходите... И не оставляйте его такъ... Ради Бога... послѣдите!—всклипывая, просила она.

Ржевскій ушелъ, и мало-по-малу Вѣра стала успокаиваться и приходитъ въ себя. Наконецъ, она позвонила горничную и велѣла ей съѣздить въ гостиницу и узнать отъ Федора, камердинера, чтѣ дѣлаетъ Александръ Иванычъ, если онъ тамъ, и затѣмъ сказать Федору, чтобы онъ хорошенько слѣдилъ за баринномъ, и, въ случаѣ чего, тотчасъ далъ знать. Въ ожиданіи горничной Вѣра, какъ маятникъ, заходила по комнатамъ. Отъ обѣда она отказалась. Черезъ часъ вернулась горничная и рассказала, что Александръ Иванычъ въ номерѣ все время ходитъ изъ угла въ уголокъ и все что-то про себя говоритъ, и что Федоръ сказалъ, чтобы барыня не беспокоилась; чуть чтѣ—и онъ сейчасъ же пришлетъ. Тогда Вѣра сѣла и написала Ржевскому слѣдующее:

„Я долго думала, какъ мнѣ быть, и вотъ чтѣ я рѣшила. Я твердо убѣждена, что всѣ эти сплетни, письма и т. д., все это дѣло рукъ Ремера и, можетъ быть, еще кого-нибудь изъ людей особенно ему близкихъ. Я не теряю надежды, я даже увѣрена, что когда Саша успокоится, мнѣ удастся его вернуть. Но это будетъ имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если всѣ эти гнусности прекратятся, потому что отъ подобныхъ писемъ, какъ сегодняшнее, мы не застрахованы нигдѣ, даже если и уѣдемъ. Между тѣмъ каждое такое письмо можетъ повлечь за собой окончательную катастрофу. Но такъ какъ прекратить все это можетъ одинъ Ремеръ, то я и рѣшила лично просить его объ этомъ. Я твердо это рѣшила, но боюсь, что вы, найдя такой шагъ рискованнымъ, опаснымъ—я и сама это чувствую, но именно только чувствую, потому что когда думаю объ этомъ, я рѣшительно не вижу, въ чемъ можетъ заключаться опасность,—пожалуй, станете меня отговаривать, пожалуй даже помѣшаете. А потому я устраиваю такъ, что письмо это вы получите уже тогда, когда я буду у

Ремера. Какъ только вы его получите, приѣзжайте къ намъ. Я вернусь, и мы вмѣстѣ обсудимъ, что дѣлать дальше“.

Распорядившись отправкой письма, Вѣра долго еще сидѣла, обдумывая свое завтрашнее объясненіе съ Ремеромъ. Потомъ чувствуя себя очень усталою, чувствуя, что для завтрашняго дня ей необходимо быть свѣжей и бодрой, она позвала горничную и легла спать.

— Что?.. дама? Къ чорту! Гони вонъ! Надоѣли!—и Максъ повернулся на другой бокъ. Но Яковъ, не обращая вниманія на сердитыя восклицанія барина, вернувшись домой въ шестомъ часу утра, послѣ мальчишника, на которомъ было выпито, почему-то, болѣе обыкновеннаго, продолжалъ легонько дергать его за плечо:

— Максимилянъ Эрнестовичъ, Максимилянъ Эрнестовичъ, вставайте! Барыня—совсѣмъ особенная... не изъ вашихъ.

— Да ты что это, животное, не слышалъ, что-ли?!.. Вонъ, къ чорту!—И онъ толкнулъ локтемъ Якова такъ, что тотъ отлетѣлъ отъ постели; однако Яковъ не уговорился и опять громко и настойчиво повторилъ:

— Вставайте, Максимилянъ Эрнестовичъ! Дама особенная...

— Какая тамъ особенная?..—сонно пробормоталъ Максъ; но вдругъ вскопился и сѣлъ на кровати. „Вѣра!“—молніей пронеслось у него въ головѣ.—„Неужели она?! Вотъ такъ Меряевъ!“

— Говори, какая изъ себя?—крикнулъ онъ Якову.

„Вѣра... она, она! Навѣрное!“—И онъ выскочилъ изъ постели.

— Гдѣ она?

— Въ гостиной. Я докладывалъ, что вы почиваете. „Все равно“, говорить: „разбудите, а я подожду. Мнѣ необходимо ихъ видѣть“.

— Ну, хорошо! Когда я позвоню, веди въ кабинетъ... И смотри тамъ... все какъ слѣдуетъ... Двери на запоръ... и все!

— Да ужъ не извольте беспокоиться... знаю... Не впервые!—отвѣтилъ, усмѣхаясь, Яковъ, думая въ то же время: „ишь вѣдь, какъ обрадовался!“

— А теперь принеси коньяку.

Поспѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ особенно тщательно одѣвшись и выпивъ порядочно коньяку, послѣ котораго голова его сразу посвѣжѣла, мысли просвѣтлѣли и кровь живѣе заходила по тѣлу, Максъ позвонилъ и, раздвинувъ чуть-чуть спущенную изъ уборной въ кабинетъ портьеру, сталъ смотрѣть.

„Вѣра!“—и сердце его упало и потомъ скоро, скоро забилось.

„Ну, теперь не сробѣть бы только!“ Онъ посмотрѣлъ въ зеркало и, придавъ лицу добродушное, чуть-чуть удивленное выраженіе, вошелъ въ кабинетъ.

— Вѣра Дмитріевна! Какими судьбами? Какая честь... Не угодно ли?—И указавъ на стоявшее сбоку письменнаго стола кресло, самъ съ дѣловымъ видомъ сѣлъ за столъ.

— Я пришла къ вамъ, — тихо, не подымая глазъ, начала Вѣра:— чтобы просить васъ, чтобы вы... перестали преслѣдовать меня и моего мужа. Я знаю, что я передъ вами виновата, и прошу у васъ извиненія.

Она остановилась, подняла на него свои глубокіе, зеленоватые глаза, и Максъ тотчасъ же опустил свои. Онъ чувствовалъ, какъ его опять начинаетъ неудержимо тянуть къ этой женщинѣ, и боялся себя выдать.

— Я не совсѣмъ понимаю, про что вы говорите,—спокойно протянулъ онъ, глядя въ сторону.

— Нѣтъ, вы прекрасно понимаете,—такъ же тихо продолжала Вѣра. — Всѣ эти сплетни, все, что про меня выдумываютъ, всѣ эти письма, которыя получаетъ мой мужъ, о всемъ этомъ вы знаете и все это идетъ отъ васъ... Я васъ убѣдительно прошу: сжальтесь, забудьте о томъ оскорбленіи, которое я вамъ нанесла... Повѣрьте, я сама сильно раскаиваюсь... Право, вы достаточно мнѣ за него отплатили, и теперь я умоляю васъ: сжальтесь и прекратите все это!.. Говорю вамъ откровенно: я бы все вынесла и не за себя я прошу, но мужъ мой—больной, слабый человѣкъ, для него все это—смерть... Я удивляюсь, какъ онъ и это-то вынесъ.

— И вы убѣждены, что все это идетъ отъ меня?

— Убѣждена такъ же твердо, какъ и въ томъ, что я у васъ здѣсь теперь сижу.—И Вѣра рѣшительно кивнула головой.

— И просите, чтобы я все это прекратилъ... Прекрасно. Но на какихъ условіяхъ?

— То-есть, какъ на „какихъ условіяхъ“?—И Вѣра вскинула на него удивленными глазами.

— Ну, да, я спрашиваю: на какихъ условіяхъ?.. Вы самъ согласны, что меня оскорбили — вотъ я и спрашиваю: чѣмъ же намѣрены вы загладить это оскорбленіе?

— Но послушайте, Максимильянъ Эрнестовичъ, неужели вамъ недостаточно того, что вы уже заставили меня вынести?.. Боже мой! еслибы вы только знали, какъ мы за это время измучились!.. Вѣдь я пришла къ вамъ... прошу у васъ прощенья... Чего же вы хотите еще?—Она смолкла и глядѣла на него съ жалкою, растерянною улыбкой.—Хотите, можетъ быть, чтобы я передъ вами

встала на колѣни, на колѣняхъ бы просила васъ... Хотите этого? Скажите!.. Я встану.

— Ну, зачѣмъ на колѣни!..—съ нервной усмѣшкой выговорила Маесь. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ все сильнѣе закипала кровь, и еле сдерживался.—Послушайте, Вѣра Дмитриевна,—продолжалъ онъ рѣшительно: — *jeopardy cartes sur table*, хотите? Я васъ тогда поцѣловалъ, и вы меня ударили. Теперь вы просите, чтобы я васъ простилъ. Извольте, но на одномъ условіи: возвратите мнѣ поцѣлуй.

— То-есть, вы хотите, чтобы я васъ поцѣловала?!—вспыхнула Вѣра и встала.—Ни за что!—Она повернулась и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери; но потомъ остановилась. Она вспомнила о своемъ положеніи, вспомнила про мужа и ее охватилъ ужасъ. „А что потомъ?.. Чего онъ проситъ? Одного поцѣлуя. И за этотъ поцѣлуй обѣщаетъ полное спокойствіе... Все по старому... И что такое, въ сущности, поцѣлуй?.. Вѣдь это же глупо! Вѣдь этимъ поцѣлуемъ я верну все прежнее, восстановлю разбитое, потерянное счастье!“

Она рѣшительно повернулась къ Максу, но встрѣтила алчный, напряженный взглядъ его расширенныхъ глазъ и вздрогнула: „Бѣги, бѣги!“ прошепталъ ей внутренній голосъ. „Бѣги, пока не поздно!“ Но она стиснула зубы и, подумавъ: „трусость трусость! одинъ пустой, ничего не стоящій поцѣлуй—и все кончено!“ выговорила, не спуская съ него глазъ:

— И вы мнѣ обѣщаете, что если я васъ... поцѣлую, все прекратится? Не будетъ больше писемъ, сплетенъ?

У Макса запрыгало сердце; но онъ и на этотъ разъ сдержался и довольно спокойно отвѣтилъ:

— Насчетъ писемъ—ручаюсь... Что же касается до разныхъ тамъ глупыхъ выдумокъ, то вы сами должны понять, что прекратить ихъ не въ моей власти. Этого сдѣлать нѣтъ не можете. Могу лишь обѣщать, что раздувать ихъ, поддерживать—нѣтъ больше не будетъ, и, вонечно, пройдетъ двѣ-три недѣли—и все стихнетъ само собою, забудется.

— Въ такомъ случаѣ я согласна.—И быстрыми шагами, словно боясь одуматься, она подошла къ Максу и, вся зардѣвшись, поставила ему лобъ.

Изъ груди Макса вырвался тяжелый вздохъ. Онъ обхватилъ ее сильными руками и началъ покрывать ея лицо жадными поцѣлуями.

— Что вы дѣлаете?! Пустите, пустите! — растерянно закричала Вѣра, тщетно стараясь вырваться.

Но Максъ притягивалъ ее все ближе и ближе, и, продолжая цѣловать, шепталъ безсвязно, задыхаясь:

— Пустить!.. Я ждалъ тебя два года... наконецъ дождался! Пустить... Никогда!.. Да перестань... не бейся... Все равно, не уйдешь!—И Вѣра чувствовала, что у нея кружится голова, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ. Наконецъ она напрягла всѣ свои силы; ей удалось упереться руками въ грудь Макса, и она выскользнула изъ его рукъ. Съ быстротой молніи кинулась она къ двери; но напрасно дергала она ручку: дверь не отворилась. Тогда она застучала по ней кулаками и громко стала кричать: „отворите!“ но отвѣта не было и, появивъ, наконецъ, что она попала въ ловушку, она стихла и, съ отчаяніемъ заломивъ руки, обернулась къ Максу.

— Пустите... ради Бога, пустите!—взмолилась она.

А Максъ съ северною усмѣшкой стоялъ и смотрѣлъ на нее налитыми кровью глазами.

— Кричи, стучи—все равно: никто не услышитъ, никто не придетъ... Пойми, что ты совсѣмъ, совсѣмъ въ моей власти и... смирись... Я тебя...

— Негодай! О, какой негодай!—вскрикнула Вѣра. Она топнула ногой и глаза ея засверкали.—Подлецъ!

— О, какъ ты хороша! Какъ ты поразительно хороша! Ты сама не знаешь, какъ ты хороша... И зачѣмъ ты не хочешь? Вѣдь я тебя безумно люблю... И что тебѣ стоять! Вѣра, Вѣра!..

И онъ, пошатываясь и вытянувъ впередъ руки, сталъ подходить.

Вѣра заметалась, какъ пойманная въ сѣтку птичка. Она бросилась мимо Макса въ противоположный уголъ комнаты, потомъ забѣжала за письменный столъ и остановилась. И вдругъ ея взглядъ загорѣлся: она увидѣла лежавшій на столѣ револьверъ. Она быстро его схватила, подняла руку и проговорила, задыхаясь:

— Стойте! Еще одинъ шагъ, и я выстрѣлю.

Максъ поблѣднѣлъ и остановился. „Проклятье! Какъ я не предусмотрѣлъ этого! А можетъ быть, не заряженъ... Тогда хотѣлъ осмотрѣть и забыть... Вотъ глупо-то! Эхъ, все равно, на счастье“...

Онъ криво усмѣхнулся и выговорилъ насмѣшливо:

— Не безпокойтесь, не заряженъ... Бросьте лучше...

— О, Господи!—простонала Вѣра и съ отчаяніемъ опустила револьверъ. Но Максъ опять двинулся; теперь ужъ онъ былъ отъ нея въ двухъ шагахъ, на нее смотрѣло въ упоръ его страш-

ное, обезображенное страстью лицо; онъ уже тянулся, чтобы ее схватить, и она, не сознавая, что дѣлаетъ, опять подняла руку. Раздался выстрѣлъ. Максъ пошатнулся и схватился рукою за грудь.

— О, чортъ! Она меня убила!—Онъ упалъ сначала на одну, потомъ на другую колѣнку, а потомъ свернулся на бокъ.

— Яковъ! Яковъ! — свистящими звуками вырвалось изъ его груди.

Дверь отворилась и появился Яковъ. Остановившись на мгновение, онъ растерянно взмахнулъ руками и бросился къ Максѹ.

Послѣдній сдѣлалъ усиліе, приподнялся на локтѣ и протянулъ къ Вѣрѣ руку:

— Яковъ... Смотри... Эта женщина... моя... любовница... Слышишь?.. И меня... убила... Помни!

— Неправда, неправда!—съ отчаяньемъ крикнула Вѣра, до той минуты стоявшая совершенно неподвижно, въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Она бросилась къ Якову и схватила его за руку:

— Неправда, неправда, онъ лжетъ!

Максъ оскалилъ зубы.

— Такъ... и... скажи...—выговаривалъ онъ съ трудомъ хриплымъ, прерывающимся нѣмой голосомъ.

— Доктора... скорѣй... полицію...—Онъ кинулъ, закатилъ глаза и вытанулся во весь ростъ.

Яковъ съ силой рванулся отъ уцѣпившейся за него Вѣры и выбѣжалъ изъ комнаты.

Вѣра растерянно поглядѣла ему вслѣдъ и потомъ перевела взглядъ на лежавшаго у ея ногъ Макса. Она смотрѣла на него безсмысленнымъ, непонимающимъ взглядомъ, но вдругъ встрепенулась.

„Бѣжать, бѣжать, — скорѣе бѣжать!“—пронеслось у нея въ головѣ, и она бросилась къ двери; но дверь оказалась запертою. Тогда она, брезгливо поднявъ платье, обошла Макса и вышла въ уборную; но и тамъ дверь была заперта; она дальше — въ спальню. Обинувъ взглядомъ большую комнату, она невольно поморщилась: ей кинулась въ глаза неубранная постель, и она быстро вернулась въ кабинетъ.

„Господи, Господи! вотъ ужасъ-то! Что мнѣ теперь дѣлать?!. Вѣдь сейчасъ придутъ... Боже мой, Боже мой!“

Она вздрогнула и обернулась. Въ комнату сразу вошли нѣсколько человѣкъ. Впереди шелъ Яковъ съ околочнымъ, за ними — участковый врачъ съ пакетомъ въ рукахъ. Врачъ подошелъ къ Максѹ и сталъ осматривать его рану, оказавшуюся вполнѣд-

ствіи неопасной, а околоточный остановился передъ Вѣрой и съ любопытствомъ ее оглядывалъ, слушая въ то же время, что ему говорилъ шопотомъ Яковъ.

— Хорошо, хорошо,—проговорилъ онъ.—Сейчасъ и приступимъ.—Онъ сѣлъ за столъ, вынулъ изъ кожанаго портфеля все нужное для письма и приступилъ къ допросу Якова.

— Такъ вы говорите,—произнесъ онъ отчетливо, окончивъ предварительные формальные вопросы:—вы говорите, что, услышавъ выстрѣлъ и крики, вбѣжали сюда и увидѣли вашего барина, барона Ремера, лежащаго на полу, и онъ вамъ сказалъ, указывая на эту барыню: „она моя любовница и она меня убила“?

Вѣра заломила руки и подбѣжала къ столу.

— Неправда! Клянусь вамъ, неправда! Я въ него выстрѣлила, да... но потому, что онъ хотѣлъ... хотѣлъ меня оскорбить... Но любовницей его я никогда не была. Это ложь!

— Успокойтесь, успокойтесь, сударыня! — проговорилъ околоточный.—Я вѣдь и васъ буду спрашивать; тогда все и расскажете.—И онъ снова обратился къ Якову.

Вѣра отошла и бросилась въ кресло. Въ головѣ ея все спуталось и перемѣшалось. Лишь съ какой-то острой, болѣзненной ясностью сознавала она весь ужасъ своего положенія. „Боже мой! Вѣдь судить будутъ... какъ убійцу... какъ его любовницу... И кто повѣритъ, что это неправда... Передъ смертью, умирая, человекъ говоритъ: „она моя любовница“... Никто, никто мнѣ не повѣритъ... И Саша не повѣритъ... Господи, Господи!“

Она вскочила и не сознавая, что дѣлаетъ, направилась къ двери; но ей загородилъ дорогу стоявшій тамъ городовою.

— Пустите, пустите меня! — выговорила она жалкимъ, полнымъ муки голосомъ.

— Успокойтесь! успокойтесь, сударыня! — повторилъ опять околоточный.—Вотъ сейчасъ я васъ буду спрашивать, а потомъ, Богъ дастъ, прійдетъ слѣдователь и васъ отпустить.

Безпомощно поникнувъ головой, Вѣра отошла отъ двери. Вдругъ ея нога обо что-то оступилась. Взглянувъ, она увидѣла лежавшій на коврѣ револьверъ. Она чуть не вскрикнула и нѣсколько секундъ смотрѣла на него пристальнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ и потомъ, оглянувшись кругомъ, нагнулась, схватила его и спрятала за спину. „Вотъ онъ—выходи!—Избавленіе отъ всѣхъ мукъ, страданій... ото всего!“

Она стояла неподвижно, съ остановившимся, устремленнымъ передъ собой взглядомъ, вспоминая еще разъ все, что было,

представляя себѣ то, что будетъ. „Да, другого выхода нѣтъ!“ Она чувствовала, какъ какая-то огромная, черная туча, опускаясь все ниже и ниже, завладеваетъ ее всю непроглядной, удушливой тьмою, и вдругъ повернулась къ околоточному.

— Господинъ офицеръ!—и звенящія, какъ натянутая струна, звуки ея голоса заставили всѣхъ встрепенуться.—Слушайте! Клянусь вамъ всемогущимъ Богомъ, что я никогда не была его любовницей... Такъ и запишите!

— Успо...— началъ было опять околоточный; но вдругъ, зашвырнувъ въ поднятой рукѣ Вѣры что-то блестящее, ахнулъ и приподнялся. Кто-то еще къ ней бросился. Но было уже поздно. Раздался выстрѣлъ—и Вѣра съ глухимъ стукомъ упала на коверъ.

Когда Ржевскій, не безъ труда добившись разрѣшенія перевезти тѣло Вѣры домой, заѣхалъ къ Плетневу и стукнулъ въ дверь его номера, ему отворилъ самъ Плетневъ, весь исключенный и съ безумными, безпокойно бѣгавшими глазами. Увидѣвъ Ржевскаго, лицо его исказилось, и онъ отступилъ назадъ.

— Вѣра опасно больна. Ёдемъ скорѣй!— твердо и рѣзко выговорилъ Ржевскій.

Плетневъ вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ. Но потомъ онъ подозрительно взглянулъ на Ржевскаго.

— Вы лжете...— проговорилъ онъ глухимъ голосомъ. — Заманить меня хотите.

Ржевскій пожалъ плечами.

— Ёдемъ, ёдемъ!

Тогда Плетневъ засуетился и сталъ быстро, растерянно, не находя вещей, одѣваться.

Пока они ѣхали, онъ не говорилъ ни слова, а все только вздыхалъ—глубоко и тяжело. Не раздѣваясь, они прямо прошли въ спальню. Увидѣвъ лежавшую на постели Вѣру, Плетневъ къ ней бросился; но вдругъ остановился и съ искривленнымъ отъ ужаса лицомъ, съ вытянутыми впередъ руками, сталъ пятиться.

— Струйки... Струйки!..— выговорилъ онъ задыхающимся, страшнымъ шопотомъ, устремивъ глаза на високъ Вѣры. Потомъ онъ взмахнулъ руками, повернулся къ Ржевскому и, простонавъ: — Дмитрій... это я... я...— схватился за сердце. На губахъ его выступила розоватая пѣна, и онъ тихо склонился на руки подхватившаго его Ржевскаго.

„Сливки“ общества заволновались. Давно уже не было такой интересной, таинственной драмы. Одни осуждали Вѣру, другіе — Плетнева. Говорили... впрочемъ, говорили такъ много, что всего не передать, да и не стоитъ... Слѣдуетъ лишь отмѣтить, что клевета, рвавшая на клочки съ дикимъ злорадствомъ Вѣру и ея мужа, совсѣмъ не коснулась Макса. Напротивъ, вся эта исторія, казалось, послужила ему въ пользу, окружила его какимъ-то таинственнымъ, загадочнымъ ореоломъ мученичества, и можно полагать не безъ основанія, что благодаря именно ей, этой исторіи, когда Максъ выздоровѣлъ—а онъ выздоровѣлъ и даже довольно скоро,—ему удалось въ очень непродолжительное время пріобщить къ своему, и безъ того пышному, лавровому вѣнку побѣдителя сердцецъ такіе два новые листика, что подлѣ нихъ остальной вѣнокъ казался блѣднымъ и незначительнымъ.

С. Фонвизинъ.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ СИНДИКАТЫ

Учреждение синдикатовъ представляетъ собою самоновѣйшее явленіе экономической жизни Европы и Америки, которое въ сравнительно короткій періодъ получило весьма широкое развитіе. Это теченіе не осталось чуждымъ и нашей юной обрабатывающей промышленности. Даже напротивъ: нѣкоторымъ нашимъ синдикатамъ, по продолжительности ихъ дѣйствія и размѣрамъ охваченныхъ ими отдѣльныхъ производствъ, принадлежитъ весьма видное мѣсто въ ряду подобнаго рода организацій, наблюдаемыхъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Въ настоящее же время мы, быть можетъ, находимся наканунѣ образованія грандіознѣйшаго промышленнаго синдиката международнаго характера, въ составъ котораго войдутъ русскіе и американскіе нефтепромышленники, пришедшіе къ мысли о полезности замѣнить нынѣшнюю взаимную конкуренцію полюбовнымъ размежеваніемъ рынковъ. Такимъ образомъ, вопросъ о синдикатахъ и ихъ роли въ экономической жизни пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе и для нашего отечества.

До сихъ поръ въ экономической наукѣ не сдѣлано точнаго опредѣленія природы промышленныхъ синдикатовъ. Это отчасти объясняется самою непродолжительностью ихъ существованія, при которой результаты подобнаго рода организацій недостаточно пока выяснились. Неудивительно, что и отношеніе къ нимъ существуетъ весьма различное. Одни видятъ въ синдикатахъ простое и прямо вредное проявленіе спекуляціи, съ которымъ слѣдуетъ и можно бороться. Другіе видятъ въ нихъ необходимый и весьма

полезный коррективъ къ достигшей крайнихъ своихъ предѣловъ конкуренціи, выходъ изъ той „анархіи производства“, которая одинаково гибельна въ концѣ концовъ какъ для класса предпринимателей, такъ и для рабочихъ, и даже потребителей. Ничѣмъ не сдерживаемая конкуренція, говорятъ они, порождаетъ періодическіе кризисы, охватывающіе цѣлыя отрасли промышленности. Подъ вліяніемъ ихъ, предприниматели разоряются, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишается заработковъ и масса рабочихъ. Немногія предпріятія, благополучно перенесшія кризисъ, становятся уже въ положеніе монополистовъ, вслѣдствіе чего, за временнымъ пониженіемъ цѣнъ на продукты данной отрасли промышленности, наступаетъ ихъ чрезмѣрное повышеніе, которое уничтожаетъ для потребителя всѣ выгоды, доставляемыя ему кризисами. Съ другой стороны, конкуренція принуждаетъ понижать до положеннаго минимума всѣ издержки производства, въ томъ числѣ и заработную плату. Поэтому она является однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ улучшенію быта рабочихъ. Въ виду такихъ соображеній вторая группа экономистовъ признаетъ образованіе промышленныхъ синдикатовъ дѣломъ чрезвычайно желательнымъ, которое должно встрѣчать себѣ содѣйствіе, но отнюдь не противодѣйствіе. „Картели (такъ называютъ въ Германіи промышленные синдикаты),—писалъ проф. Клейнвахтеръ, еще въ самый первый періодъ ихъ дѣятельности,—преслѣдуютъ двойную цѣль: съ одной стороны, онѣ имѣютъ въ виду установить соотвѣтствіе между всей совокупностью производства и потребления; съ другой же стороны, онѣ прилагаютъ усилія, чтобы общая масса производства была въ извѣстной соразмѣрности раздѣлена между отдѣльными производителями, чтобы никто изъ производителей не работалъ чрезмѣрно и никто не оставался безъ работы“. По его мнѣнію, „самыя тяжкія социальныя бѣдствія являются результатомъ анархическаго состоянія современнаго народнаго хозяйства. Вѣчное перепроизводство и, какъ результаты его, переполненіе рынка и приостановка въ сбытѣ, шаткое положеніе предпринимателей и страданія рабочихъ—таковы неизбежныя послѣдствія отсутствія единства и плановѣрности въ веденіи хозяйства. Очевидно, обѣ преслѣдуемыя картелями цѣли полезны для общества“.

Въ послѣднее время аналогичныя взгляды на такое благотворное значеніе синдикатовъ начинаютъ проникать и въ русскую экономическую литературу. Такъ, М. И. Туганъ-Барановскій, въ своемъ изслѣдованіи о промышленныхъ кризисахъ въ Англіи, между прочимъ, признаетъ образованіе синдикатовъ чуть ли не единственнымъ средствомъ, способнымъ избавить народы отъ

этого бѣдствія „конца вѣка“. Въ свое время, говоритъ онъ, свободная конкуренція была великимъ прогрессивнымъ принципомъ; подъ знаменемъ свободной конкуренціи крупная промышленность разбила оковы средневѣкового хозяйственного строя, задерживавшаго экономическое развитіе и бывшаго тормазомъ всякаго матеріальнаго и культурнаго прогресса. Но теперь роль свободной конкуренціи сыграна; индивидуалистическое, неорганизованное хозяйство оказывается не въ силахъ справиться съ лежащими на немъ задачами утилизованія колоссальныхъ производительныхъ силъ, которыми располагаетъ современное человечество“. Неудивительно, что „сама жизнь,—заключаетъ г. Туганъ-Барановскій,—ощупью начинаетъ искать новые пути. Возникаютъ новыя формы хозяйственныхъ предпріятій, очень несовершенныя, но предназначенныя къ устраненію того зла, отъ котораго болѣе всего страдаетъ современная промышленность—анархіи производства“¹⁾.

Наконецъ, третья группа экономистовъ, становясь на историческую точку зрѣнія, находятъ, что синдикаты открываютъ самыя широкія и отрадныя перспективы. По мнѣнію этихъ экономистовъ-философовъ, синдикаты представляютъ собою дальнѣйшій и весьма крупный шагъ на пути къ такъ-называемому „обобществленію труда“. Въ этомъ отношеніи имъ будетъ принадлежать та же роль, которую въ значительной мѣрѣ уже выполнила крупная капиталистическая форма производства, убившая единоличныя самостоятельныя груды и соединившая рабочихъ въ ассоціаціи. „Alles ist hier im Werden“—говоритъ о синдикатахъ Штейнманъ-Бухеръ. Хотя они находятся еще въ зародышномъ состояніи, но при всемъ томъ имѣется нѣкоторая возможность того ряда эволюцій, черезъ который ихъ проведетъ дальнѣйшее движеніе въ данной области. Наиболѣе примитивной формой синдиката, говорятъ экономисты-философы, служитъ простое соглашеніе, заключенное между отдѣльными предпринимателями, по которому участники его, подъ угрозой штрафовъ, не имѣютъ права продавать своихъ товаровъ ниже известной, установленной соглашеніемъ цѣны. Но осуществленіе подобной задачи оказывается возможнымъ при установленіи „нормировки“ самого производства, предложеніе продуктовъ котораго не должно превышать наличнаго спроса на нихъ. Затѣмъ конкуренція съ предпринимателями иностранными или отечественными, но стоящими виѣ синдикатовъ, порождаетъ необходимость въ весьма сложныхъ торговыхъ операціяхъ, совер-

¹⁾ Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причина и вліяніе на народную жизнь. Спб. 1894 г.

шаемыхъ за общій счетъ цѣлой группы хозяйствъ предпріятій. Въ районахъ, напримѣръ, гдѣ имѣется конкуренція, товары продаются даже ниже стоимости ихъ производства, пока конкурентъ не будетъ убитъ; потери же возмѣщаются повышеніемъ цѣнъ въ другихъ районахъ, гдѣ конкуренція отсутствуетъ. Вслѣдствіе этого вся организація сбыта товаровъ постепенно переходитъ изъ рукъ самихъ предпринимателей въ руки администраціи синдикатовъ, въ которыхъ они принадлежатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраиваются общіе синдикальные магазины, склады, агентуры и другія приспособленія въ интересахъ расширенія сбыта и улучшенія его условий. Последнее обстоятельство служитъ и наиболее дѣйствительнымъ орудіемъ въ дѣлѣ борьбы съ конкурентами, такъ какъ отдѣльные предприниматели не могутъ располагать столь значительными матеріальными средствами, затрачиваемыми для пониженія накладныхъ расходовъ по сбыту, какими обладаютъ синдикаты. Но при организаціи продажи за общій счетъ дѣлается уже необходимымъ установить контроль за качествомъ продукта, производимаго отдѣльными членами синдикатовъ. Съ теченіемъ времени внимательство принимаетъ настолько широкіе размѣры, что послѣдніе вовсе перестаютъ быть дѣйствительными хозяевами принадлежащихъ имъ предпріятій. Въ концѣ же концовъ синдикаты какъ бы выкупаютъ у нихъ предпріятія, уплачивая стоимость своими акціями. Это превращеніе членовъ синдиката въ простыхъ его акціонеровъ, съ переходомъ всѣхъ предпріятій въ общую собственность, является послѣдней эволюціей въ данномъ прогрессѣ „обобществленія труда“. Затѣмъ остается совершить еще одинъ актъ—экспроприровать эти грандіозныя акціонерныя предпріятія въ пользу государства. Сдѣлать подобный шагъ заставить и то чрезвычайное могущество, которыми будутъ располагать синдикаты, поглотившіе отдѣльныхъ предпринимателей.

Такимъ образомъ, наблюдающееся теперь повсюду стремленіе къ учрежденію синдикатовъ является, по мнѣнію третьей группы экономистовъ, послѣднимъ этапнымъ пунктомъ на пути къ осуществленію доктрины государственнаго социализма. Но это между прочимъ. Мы имѣемъ въ виду рассмотреть значеніе синдикатовъ съ точки зрѣнія того, что они даютъ въ настоящемъ, а не въ обѣщанномъ и болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, наши синдикаты возникали при условіяхъ нѣсколько исключительныхъ, при наличности которыхъ вопросъ объ ихъ роли, въ качествѣ извѣстнаго момента въ исторіи экономическаго развитія, пріобрѣтаетъ для насъ характеръ чисто академическій. Поэтому, въ дополненіе къ приведенной

теоріи ограничимся пока указаніемъ, что дальнѣйшее „обобщеніе труда“ въ формѣ образованія синдикатовъ наблюдается лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. По самому характеру своему эта форма пока доступна только тѣмъ изъ нихъ, которыя заняты производствомъ болѣе или менѣе однородныхъ въ своей массѣ продуктовъ—каменнаго угля, желѣза, болѣе грубыхъ изъ него издѣлій (провода, рельсы), керосина, сахара и т. д. Что же касается отраслей промышленности, вырабатывающихъ товары весьма разнообразныя по ихъ роду, качествамъ и цѣнамъ (обширная промышленность хлопчато-бумажная, шерстяная и многія другія), то въ этой области соединеніе предприятий въ синдикаты является дѣломъ крайне затруднительнымъ, вслѣдствіе чего въ практикѣ подобныя попытки почти не встрѣчаются. Индивидуальность, которую сохраняетъ здѣсь каждая даже разновидность товара, въ зависимости отъ матеріала и способовъ производства, не позволяетъ сколько-нибудь точно регламентировать ихъ продажныя цѣны. Отсюда очевидно, что и гипотеза о предстоящемъ конечномъ „обобщеніи труда“ на почвѣ сліянія отдѣльныхъ предприятий въ синдикаты, по меньшей мѣрѣ, не можетъ быть распространена на всѣ отрасли современной индустріи.

Но не менѣе вѣскія возраженія можно сдѣлать аргюи и противъ положеній тѣхъ экономистовъ, которые, не заглядывая въ отдаленное будущее, видятъ въ нынѣшнихъ синдикатахъ, нормирующихъ цѣны и размѣры производства для каждаго отдѣльнаго предприятия, якорь спасенія противъ анархіи въ производствѣ, порождаемой крайностями конкуренціи. Для всякаго очевидно, что значеніе послѣдней въ качествѣ самостоятельнаго фактора, порождающаго „анархію“, не особенно значительно. Сама конкуренція, такъ сказать, пытается непрерывно измѣняющимися условіями промышленной жизни, какъ въ области производства, такъ и сбыта. Открытіе, напримѣръ, новыхъ мѣсторожденій какаго-нибудь продукта въ одномъ районѣ и истощеніе ихъ въ другомъ—обязательно вызываетъ конкуренцію, при чемъ первый районъ усиливаетъ свое производство, а для второго наступаетъ кризисъ. То же происходитъ при постоянно измѣняющихся условіяхъ транспорта, ставящихъ одни предприятия въ болѣе выгодное положеніе въ данному рынку, чѣмъ другія. Наконецъ, кромѣ такихъ постоянно совершающихся измѣненій въ условіяхъ промышленной жизни въ этой области наблюдаются и цѣлыя перевороты, которые и служатъ главной причиной общихъ кризисовъ въ той или другой отрасли производства. Сюда можно отнести замѣну одного продукта другимъ, служащимъ для той же цѣли, рѣзко усилившейся

привозъ дешеваго иностраннаго продукта и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ синдикаты окажутся либо вовсе неспособными справиться съ „анархіей“ и устранить періодическіе кризисы, либо они должны обречь промышленную жизнь на полный застой; послѣднее не только, конечно, нежелательно, но, пожалуй, и невозможно. Поэтому за регулирующимъ вліаніемъ синдикатовъ нужно признать весьма ограниченную сферу дѣйствія. Оно доступно имъ лишь до тѣхъ поръ, пока промышленная жизнь находится въ положеніи полной устойчивости, т.-е. техническіе приемы производства измѣняются слабо, условія транспорта также, продуктивность отдѣльныхъ предпріятій и спросъ со стороны рынковъ вошли въ извѣстныя нормы. Но коль скоро синдикаты идутъ далѣе и стремятся создать эту устойчивость искусственно, то значеніе ихъ является уже абсолютно вреднымъ не только съ точки зрѣнія интересовъ потребителей, но и самого промышленнаго прогресса.

II.

Насколько значительно развитіе, котораго въ послѣднее время достигло образованіе промышленниковъ-синдикатовъ,—лучшимъ и наиболее нагляднымъ примѣромъ этого движенія служитъ Германія. Изученіе же ихъ дѣятельности здѣсь облегчается тѣмъ, что мѣстные законы не преслѣдуютъ образованія этого рода „союзовъ“, вслѣдствіе чего не было надобности избѣгать гласности. Въ Мюнхенѣ подъ редакціей д-ра Штейманъ-Бухера издается еженедѣльная газета—„die Industrie“, специально служащая интересамъ синдикатовъ и обзорѣнію ихъ дѣятельности. Затѣмъ къ этой организаціи примкнули даже государственные горные и металлургическіе заводы, такъ что она получила и какъ бы нравственную санкцію правительства. Возникновеніе въ Германіи синдикатовъ началось послѣ тяжелаго кризиса 1873 г.,—кризиса въ видѣ перепроизводства, объясняемаго въ свою очередь приливомъ въ страну массы капиталовъ въ видѣ полученныхъ изъ Франціи миллиардовъ, значительная часть которыхъ употреблена была на устройство новыхъ фабрикъ и заводовъ, а также расширенія производства старыхъ. Для самозащиты представители разныхъ отраслей промышленности и прибѣгли къ организаціи синдикатовъ. Къ 1887 г. въ Германіи было уже 42 синдиката или „картели“, какъ ихъ здѣсь называютъ, направленныхъ къ ослабленію взаимной конкуренціи предпринимателей и дальнѣйшему пониженію цѣнъ на товары въ наиболѣе пострадавшихъ отрасляхъ промышленности. Въ 1891 г.

число картелей возросло до 137. Наибольшее число ихъ приходится на химическія производства — 32 картели; желѣзодобывательныя — 30; по обработкѣ камня и земли — 29; добычѣ каменнаго угля — 9.

О характерѣ операцій германскихъ картелей можетъ дать понятіе дѣятельность синдиката фабрикантовъ искусственныхъ удобреній. Къ 1886 году конкуренція между ними до того усилилась, что владѣльцы акцій этого рода фабрикъ вовсе перестали получать дивиденды. Мѣстные окружныя синдикаты оказались не въ состояніи улучшить ихъ положеніе. Тогда восемь мѣстныхъ картелей образовали въ 1888 г. одинъ общій синдикатъ. Администрація его установила: стоимость производства, продажныя цѣны, въ составъ которыхъ, сверхъ первой, вошли процентъ на капиталъ и предпринимательская прибыль, и наконецъ, количество продукта, которое можетъ выпустить каждая фабрика, что опредѣлялось на основаніи производительности, въ послѣдніе два года передъ заключеніемъ соглашенія. Каждый изъ членовъ синдиката обязанъ представлять его администраціи ежемѣсячныя отчеты о количествѣ проданнаго товара. При этомъ фабрикантъ оставляетъ у себя изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ только установленную синдикатомъ стоимость производства, а разница между нею и продажною цѣною вносится въ синдикальную кассу. Если количество проданнаго товара превышаетъ установленную по разверсткѣ норму, то кромѣ указанной разницы вносится 10 пф. съ каждаго излишняго центнера. Одинаково 10 пф. съ центнера получаютъ фабрики за недопроданный противъ нормы продуктъ. Установленную общую продажную цѣну выдаютъ фабрикантамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они, для устраненія конкурентовъ, продавали, съ разрѣшенія синдиката, товаръ по цѣнамъ низшимъ. Затѣмъ прибыль въ концѣ года распределяется въ соответствии съ нормой производительности, назначенной для каждой фабрики, и пропорціонально количеству дѣйствительно проданнаго товара. Изъ общей прибыли отчисляется 10 проц. на содержаніе администраціи синдиката и покрытіе разныхъ расходовъ. Всѣ члены синдиката созываются два раза въ годъ на общія собранія, которыя и устанавливаютъ стоимость производства, продажныя цѣны, и рѣшаютъ разные другіе вопросы, касающіеся текущихъ операцій.

Первое собраніе членовъ синдиката, въ которое вошли фабриканты искусственнаго удобренія, состоялось въ 1888 г. Оно повысило цѣны на продуктъ, установило размѣръ комиссіонной уступки въ пользу торговцевъ и запретило срочныя продажи на будущіе сезоны. Весной 1889 г. синдикатъ купилъ 1.500 тоннъ

удобрения въ Англии, для устранения ея конкуренціи. Убытки по этой операціи приняты были на общій счетъ, и продажныя цѣны еще болѣе повышены. Осенью того же года синдикаты вступили въ соглашеніе съ обществомъ торговцевъ искусственными удобрениями, по которому обѣ стороны обязывались не дѣлать покупателямъ уступокъ противъ установленныхъ сообща цѣнъ. Затѣмъ для всѣхъ торговцевъ были назначены уступки въ двухъ различныхъ размѣрахъ: высшемъ—для торгующихъ только синдикальнымъ продуктомъ, и низшемъ—для всѣхъ остальныхъ. Но такъ какъ значительное число сельскихъ хозяевъ въ Германіи принадлежитъ къ разнымъ союзамъ и покупаетъ удобрение крупными партіями черезъ своихъ агентовъ, то синдикатъ вошелъ съ берлинскимъ земледѣльческимъ товариществомъ въ соглашеніе, по которому оно пользовалось уступками на правахъ торговца, съ своей же стороны не должно было уступать отдѣльнымъ клиентамъ болѣе 1 проц. съ синдикальной цѣны.

Но выполненіе задачи сдѣлаться хозяиномъ рынка, которую поставилъ себѣ синдикатъ фабрикантовъ искусственнаго удобрения, оказалось дѣломъ весьма нелегкимъ. Онъ не могъ охватить всѣхъ наличныхъ фабрикъ, которыя, имѣя „свободныя руки“¹⁾, пользовались плодами усилій синдиката, направленныхъ къ повышенію цѣнъ, хотя и не участвовали въ общихъ расходахъ на это. Несмотря на всѣ отмѣченные нами выше способы борьбы съ конкурентами, они все-таки существовали. По мѣрѣ же того, какъ однѣ фабрики привлекались къ синдикату, на мѣсто ихъ возникали другія. Немалыхъ хлопотъ и расходовъ стоитъ также борьба съ конкуренціей Англии. Затѣмъ и далеко не всѣ члены синдиката свято выполняютъ заключенный договоръ, хотя нарушеніе его и карается штрафомъ въ 100 марокъ. Въ виду этого рѣшено ограничить право дѣлать расходы по борьбѣ съ внѣ-синдикальными фабриками. Съ другой стороны, члены синдиката пришли къ за-

¹⁾ Свѣденія объ операціяхъ синдикатовъ въ различныхъ странахъ взяты нами изъ слѣдующихъ источниковъ: Syndykaty Przemysłowe. Stanisław Piotrowski. Warszawa. 1884 г.—H. Babled. Les syndicats de producteurs et detenteurs de marchandises. Paris. 1893 г.—„Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft“, издаваемый Шмоллеромъ.—Торгово-промышленныя стачки. Д. Пихно. Киев. 1885 г.—„Вѣстникъ финансовъ и промышленности“, „Торгово-промышленная газета“, а также мѣстныя газеты „Кіевлянинъ“, „Кіевское Слово“, „Южный Край“, „Каспій“, „Нов. Обозрѣніе“, „Кавказъ“, изъ которыхъ взяты свѣденія о синдикатѣ сахарозаводчиковъ и подготовительныхъ манипуляціяхъ по образованію синдиката керосинозаводчиковъ.—Кн. Щербатовъ: „По поводу вновь проектируемой сахарозаводчиками юго-западнаго и привисласскаго края правительственной нормировки всего русскаго сахаропроизводства“. Харьковъ. 1893 г.

ключенію, что дальнѣйшее его существованіе окажется возможнымъ при полной передачѣ всего дѣла сбыта продуктовъ въ руки синдикальной администраціи. Наконецъ, практика показала, что и повышеніе цѣнъ, въ которому стремился синдикатъ, не всегда остается безнаказаннымъ. Оно вызываетъ значительное сокращеніе спроса на самый продуктъ. Поэтому въ 1890 г. цѣны были нѣсколько понижены. На томъ же съѣздѣ были расторгнуты договоры съ обществомъ торговцевъ и берлинскимъ земледѣльческимъ товариществомъ, такъ какъ оказалось, что они не выполняютъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Нѣсколько иную организацію получили синдикаты углепромышленниковъ, возникшіе также около 1887 г. Изъ нихъ самый крупный— „Dortmunder Kohlen-Verkaufstelle“ (дортмундское общество продажи угля) представляетъ собою акціонерную компанію съ капиталомъ 80.000 марокъ. Акціи ея, по 200 р. каждая, суть именные и не могутъ быть продаваемы безъ особаго разрѣшенія администраціи. Компанія заключила контрактъ съ союзомъ углепромышленниковъ на покупку продукта всего ихъ производства, который они лишены права продавать въ другія руки. На общихъ собраніяхъ устанавливаются номинальныя цѣны, по которымъ копи сбываютъ синдикату свой продуктъ. Разница между ними и дѣйствительными продажными цѣнами идетъ прежде всего на покрытіе расходовъ синдиката и отчисленіе 5 проц. въ запасный капиталъ; остальное дѣлится пополамъ между владѣльцами копей и владѣльцами акцій. Такимъ образомъ, хотя углепромышленники и получаютъ весь барышъ отъ продажныхъ операцій, но одна половина его дѣлится между ними пропорціонально количеству выработаннаго продукта, а другая—пропорціонально числу акцій или размѣру капитала, внесеннаго каждымъ изъ нихъ въ общее предпріятіе; по сбыту его администрація товарищества наблюдаетъ, чтобы владѣльцы копей не продавали угля въ другія руки, всякое же нарушеніе этого пункта карается, согласно договору, штрафомъ въ размѣрѣ отъ 500 до 100 марокъ съ двойного проданнаго вагона. Кромѣ того администрація товарищества предоставлено право: заключать договоры съ другими синдикатами шахтовладѣльцевъ и торговцевъ, ограничивать производительность шахтъ до извѣстной нормы и продавать продуктъ ниже установленной цѣны, если того потребуетъ необходимость вытѣснить съ рынка конкурента. Администрація составляетъ ежемѣсячные отчеты о состояніи оборотовъ товарищества, а шахтовладѣльцы пользуются помимо того правомъ контроля черезъ своихъ делегатовъ. Тѣ же начала положены и въ основу организаціи

нѣсколькихъ другихъ дѣйствующихъ въ Германіи „картелей“ углепромышленниковъ.

Весьма широкое развитіе получило дѣло образованія картелей и въ области желѣзодѣлательной промышленности, чему способствовало сосредоточеніе предпріятій въ рукахъ крупныхъ акціонерныхъ обществъ. Около 1866 г. учрежденъ былъ первый вестфальско-вадрейскій синдикатъ чугуноплавильныхъ заводовъ, операціи котораго постепенно расширялись и усложнялись. Вслѣдъ затѣмъ начали возникать и синдикаты заводчиковъ, перерабатывающихъ желѣзо. Договоры охватили чуть не всѣ отдѣльныя отрасли и даже самыя мелкія изъ нихъ—выдѣлку жести, трубъ, проволоки, типографскихъ принадлежностей, замковъ и т. д., вплоть до кофейныхъ мельницъ и дѣтскихъ колясокъ. Имъ удалось значительно повысить цѣны на свои продукты. Но это въ свою очередь вызвало возникновеніе массы новыхъ фабрикъ и заводовъ, необходимость понизить цѣны подъ влияніемъ усилившейся конкуренціи и, наконецъ, распаденіе большинства синдикатовъ въ мелкихъ отрасляхъ промышленности. Но все-таки въ Германіи существуютъ до сихъ поръ синдикаты фабрикантовъ, выдѣлывающихъ лопаты, сошники, кухонныя ложки. Они сумѣли уцѣлѣть, благодаря мудрой политикѣ своихъ руководителей.

Всѣ другія государства западной Европы значительно отстали отъ Германіи на пути „обобществленія труда“, выражающагося сляніемъ отдѣльныхъ предпріятій въ синдикаты. Въ Великобританіи, по счету Штейнмана-Бухера, существуетъ 33 крупныхъ синдиката. Характеризуя въ этомъ отношеніи переживаемый отечественною промышленностью моментъ, „Times“ называетъ стремленіе въ образованію синдикатовъ общею болѣзью, превосходящею по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ даже протекціонную систему. Это стремленіе, по мнѣнію газеты, угрожаетъ вполне уничтожить свободу торговли и производства. Имъ охвачены теперь желѣзныя дороги, морской транспортъ, добыча желѣза, соли, каменнаго угля. Особенное неудовольствіе населенія вызываютъ желѣзно-дорожныя синдикаты, устанавливающіе тарифы по своему произволу и приобретающіе даже въ собственность каналы, чтобы устранить конкуренцію. Что касается чисто промышленныхъ синдикатовъ, то образованы они въ большинствѣ случаевъ по типу германскихъ. Затѣмъ значительная часть ихъ преслѣдуетъ спеціальную цѣль—боротся съ союзомъ рабочихъ (Trades Unions). Во Франціи организація промышленныхъ синдикатовъ также, по видимому, получила широкое развитіе; но такъ какъ законъ караетъ заключеніе всякихъ договоровъ, направленныхъ въ повы-

шенію или пониженію цѣнъ на товары, то всё они существуютъ негласно. Штейнманъ-Бухеръ утверждаетъ, что здѣсь имѣются синдикаты въ областяхъ производства—сахара, чугуна, желѣза въ полосахъ и машинъ. Кромѣ того есть основаніе думать, что „регулированіе цѣнъ“ входитъ и въ задачи многочисленныхъ существующихъ во Франціи синдикатовъ, образованныхъ въ цѣляхъ организациі самопомощи. Въ такихъ тенденціяхъ обвиняютъ, напримѣръ, центральный синдикатъ сельскихъ хозяевъ, взявшій въ свои руки торговлю убойнымъ скотомъ.

III.

Главнымъ препятствіемъ къ проявленію послѣдствій устройства синдикатовъ во всей ихъ силѣ служить для промышленности западной Европы слабое огражденіе ея отъ иностранной конкуренціи. Необходимы огромныя средства, чтобы справляться съ нею. Между тѣмъ капиталисты, опасаясь за успѣшное выполненіе такой сложной задачи, удерживаются отъ широкаго участія въ предпріятіяхъ по образованію синдикатовъ. Они гораздо охотѣе направляютъ свои капиталы въ страны, гдѣ протекціонная система въ значительно большей мѣрѣ ограждаетъ промышленность отъ иностранной конкуренціи. Съ этой стороны наиболѣе благоприятной почвой для осуществленія подобнаго рода предпріятій явилась Америка. При содѣйствіи высокаго таможеннаго покровительства и европейскихъ капиталовъ, дѣло устройства синдикатовъ получило здѣсь самое широкое развитіе. Съ другой стороны, и по своей организациі американскіе синдикаты стоятъ выше европейскихъ. Американскіе „трѣсты“ (trust) не ограничиваются нормировкой цѣнъ и размѣровъ производительности въ данной отрасли промышленности, а стремятся слить всё предпріятіа въ одно общее. Собственно подъ „trustee“ въ англійскомъ правѣ извѣстны опекуны, назначаемые для управленія имуществомъ женщинъ, малолѣтнихъ и вообще лицъ, признаваемыхъ по законамъ граждански-неправоспособными. Институтъ этотъ былъ перенесенъ и въ Соединенные Штаты. Затѣмъ онъ получилъ довольно своеобразное примѣненіе въ области акціонерныхъ предпріятій. Цѣль этого примѣненія заключалась въ томъ, чтобы закрѣпить за извѣстной группой лицъ право управленія предпріятіемъ, независимо отъ измѣняющагося состава акціонеровъ. Послѣдніе передаютъ обыкновенно свои акціи на храненіе отдѣльнымъ лицамъ, получившимъ названіе „trustees“; отъ нихъ же,

въ свою очередь, получаютъ сохранныя свидѣтельства—сертификаты, которые и могутъ быть передаваемы въ другія руки безъ права, однако, голоса на собраніяхъ, остающихся за „трѣстами“. Эта организація чрезвычайно облегчала затѣмъ устройство синдикатовъ путемъ заключенія соглашенія между немногочисленной группой „трѣстовъ“, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ предпріятій одной и той же отрасли промышленности. Вступая въ составъ какого-нибудь „трѣста“, фабрикантъ или заводчикъ, въ сущности, перестаетъ быть собственникомъ своего предпріятія. Онъ дѣлается акціонеромъ одного общаго предпріятія съ замѣной акцій или полной цѣнности предпріятія, если оно было единоличнымъ, сертификатами на соответствующую сумму. При этомъ довольно часто производятся „разводненія“ (watering) капитала, заключающагося въ томъ, что цѣнность входящихъ въ составъ „трѣстовъ“ предпріятій показывается вдвое или даже втрое выше противъ дѣйствительной. Благодаря подобной операціи, „трѣстъ“, имѣющій триста съ небольшимъ тысячъ складочнаго капитала, въ видѣ имущества и наличныхъ средствъ, показывается въ отчетахъ обладателемъ милліона. Въ данномъ случаѣ отчасти имѣется въ виду обмануть биржу, при оцѣнкѣ ея сертификатовъ, увеличить свою кредитоспособность и значеніе въ глазахъ торговаго міра, а отчасти смягчить нерасположеніе къ себѣ публики, вызываемое чрезмѣрными барышами, которые часто извлекаютъ трѣсты, такъ какъ, при разводненіи капиталовъ, 15 проц. прибыли превращаются въ 7½, или даже 5 проц. Чтобы привлечь какое-нибудь предпріятіе въ составъ синдиката, достаточно перехода въ руки его такого количества акцій, которое обезпечивало бы большинство на общихъ собраніяхъ. Затѣмъ чистый доходъ всѣхъ предпріятій поступаетъ въ кассу синдиката и дѣлится между его членами пропорціонально номинальной цѣнности сертификатовъ.

Въ Америкѣ, какъ и въ Англии, на почвѣ заключенія договоровъ въ видахъ устраненія конкуренціи, прежде всего выступили желѣзныя дороги. Въ настоящее время всѣ онѣ составляютъ собственность нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ и синдикатовъ. Хотя въ Америкѣ числится до 3.000 различныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, но изъ 200 т. миль общаго протяженія всѣхъ линій $\frac{3}{4}$ принадлежатъ 16 лицамъ и синдикатамъ. Изъ первыхъ Vanderbilt владѣлъ протяженіемъ свыше 30 т. миль; Jay-Gould—12 т.; изъ 6 синдикатовъ принадлежитъ отъ 6 до 9 т. м. каждому; въ рукахъ 8 лицъ и синдикатовъ сосредоточены остальные линіи. Естественно, что такая монополизациа повела къ самой возмутительной эксплуатаціи собственниками дорогъ всѣхъ товароправителей—

представителей земледѣлія и обрабатывающей промышленности. Тарифы обыкновенно устанавливаются съ такимъ расчетомъ, чтобы въ пользу производителя оставался минимумъ барышей, обеспечивающій лишь возможность ихъ дальнѣйшаго существованія. Отсюда крайнее разнообразіе въ ихъ размѣрахъ, не имѣющихъ никакого отношенія ни къ расстояніямъ, ни въ роду товаровъ. Съ другой стороны, собственники желѣзныхъ дорогъ сплошь и рядомъ становятся участниками въ разныхъ предпріятіяхъ и въ качествѣ таковыхъ стремятся убить своихъ конкурентовъ, устанавливая для нихъ разорительные тарифы. Эти злоупотребленія повлекли за собою изданіе въ 1887 г. закона, которымъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ воспрещается входить между собою въ соглашенія и предписывается устанавливать единообразные тарифы для всѣхъ отправителей. Для наблюденія надъ выполненіемъ этого закона была образована спеціальная коммиссія. Но, какъ видно изъ отчетовъ послѣдней сенату, принятія мѣры не вполне достигаютъ своей цѣли. Въ 1889 г. былъ установленъ штрафъ въ 5 т. долл. и двухлѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ за частныя пониженія тарифныхъ ставокъ для отдѣльныхъ лицъ. Въ настоящее время законъ этотъ чаще всего обходится путемъ примѣненія посредничества агентовъ, которые, получая отъ желѣзныхъ дорогъ коммиссіонное вознагражденіе, уступаютъ часть его въ пользу известной группы товароотправителей. Въ концѣ концовъ законодательная борьба противъ злоупотребленій со стороны желѣзныхъ дорогъ своимъ положеніемъ оказалась почти совершенно бесплодною.

При значительномъ содѣйствіи „тарифной игры“ желѣзно-дорожныхъ обществъ начали возникать и промышленные тресты. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія могущественнѣйшаго и богатѣйшаго теперь въ мірѣ синдиката керосиновозводчиковъ, известнаго подъ именемъ „Standart Oil Trust“. Организация его и характеръ операцій для насъ представляютъ тѣмъ большій интересъ, что теперь идетъ рѣчь объ учрежденіи синдиката русскихъ керосиновозводчиковъ, при чемъ имѣется въ виду не только улучшеніе условій конкуренціи съ американскимъ „Стандартомъ“ на рынкахъ западной Европы, но и возможность полюбовнаго ихъ раздѣла. Попытки къ образованію такого грандіознаго международнаго синдиката, какъ увидимъ ниже, дѣлались не разъ уже, но онѣ терпѣли постоянное фіаско. Основателемъ „Standart Oil Trust'a“ былъ типичнѣйшій предпринимчивый янки, Джонъ Рокфеллеръ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ, имѣя лишь незначительный заводъ, вошелъ съ желѣзными

дорогами въ переговоры о тарифныхъ уступкахъ для крупнаго общества нефтепромышленниковъ, „Sout Improvement“, которое существовало лишь на бумагѣ. Продѣлка эта была разоблачена, а встревоженные нефтепромышленники съ своей стороны заключили договоръ съ желѣзными дорогами, по которому они обязались не устанавливать дифференціальныхъ тарифовъ для нефти. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Рокфеллеръ учредилъ компанію, которой желѣзныя дороги, несмотря на договоръ съ нефтепромышленниками, сдѣлали уступки, выговоренныя для несуществовавшаго „Sout Improvement“. Мало-по-малу къ этому синдикату начали примыкать другіе керосиновозводчики. Въмѣстѣ съ ними онъ велъ энергичную борьбу и съ своими конкурентами. Имъ приобрѣтались всѣ приспособленія для перевозки нефти на станціяхъ, устраивались нефтепроводы и резервуары, построена чуть ли не цѣлая флотилія наливныхъ судовъ и т. д. Благодаря широкимъ матеріальнымъ средствамъ, которыми располагалъ синдикатъ, и тарифнымъ уступкамъ желѣзныхъ дорогъ, получившихъ свою долю барышей въ этомъ предпріятіи, конкуренція съ синдикатомъ сдѣлалась почти невозможной. Это повело отчасти къ продажѣ заводовъ трѣсту менѣе сильными предпринимателями и къ присоединенію болѣе крупныхъ, которые не могли быть поглощены безъ значительныхъ расходовъ. Въ 1882 г. окончательно сформировался „Standart Oil Trust С-у“. Въ составъ его вошло до 40 акціонерныхъ обществъ и нѣсколько крупныхъ капиталистовъ. Въ началѣ цѣнность „сертификатовъ“ синдиката исчислялась въ 70 милл. долларовъ, а въ 1890 г. стоимость всего его имущества исчислялась уже почти въ 150 милл. долларовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ биржевой курсъ сертификатовъ въ 100 долл. колеблется отъ 165 до 225 долл. Въ настоящее время синдикатъ представляетъ собою своего рода федерацію самоуправляющихся акціонерныхъ обществъ, подчиненныхъ въ отношеніи сбыта продуктовъ общей администраціи и получающихъ доходъ изъ общей кассы. Самая администрація состоитъ изъ 9 членовъ, избираемыхъ на общихъ собраніяхъ. Каждый изъ нихъ получаетъ 25 т. долл. ежегоднаго содержанія, а предсѣдатель Рокфеллеръ—30 т. долл. Въ 1892 г., въ виду изданнаго штатомъ Огайо закона, воспреещающаго устройство синдикатовъ, „Standart Oil Trust“ фактивно ликвидировалъ свои дѣла. Онъ выдѣлилъ изъ себя пять крупныхъ акціонерныхъ обществъ, общее управленіе дѣлами которыхъ осталось, однако, въ рукахъ прежней администраціи.

Другимъ выдающимся по своему значенію и по непопулярности былъ синдикатъ сахарозаводчиковъ—„Sugar Trust“. Онъ

образовался въ 1887 г. путемъ сліянія нѣсколькихъ акціонерныхъ товариществъ. Цѣли, достиженіе которыхъ преслѣдовалъ синдикатъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) уменьшеніе расходовъ по администраціи и производству продукта, въ видахъ пониженія цѣнъ на сахаръ до возможнаго минимума, съ урегулированіемъ самыхъ доходовъ отъ предприятий; 2) доставленіе каждому предприятию средствъ для наилучшей постановки производства и свѣдущихъ руководителей; 3) защита предпринимателей отъ противныхъ закону соглашеній рабочихъ; 4) недопущеніе ухудшенія качества сахара; 5) общая защита интересовъ членовъ синдиката всѣми дозволенными способами. Но въ сущности главной задачей сахарнаго трѣста являлась также концентрація сбыта и достиженіе путемъ ея монополизациі рынковъ. Въ этомъ отношеніи трѣстъ практиковалъ тѣ же средства, что и синдикатъ керосиновозводчиковъ: онъ привлекалъ въ свою организацію крупныхъ заводчиковъ, покупалъ предприятия другихъ и давилъ пониженіемъ цѣнъ для извѣстныхъ рынковъ соперниковъ, не желавшихъ добровольно сдаться на капитуляцію. Въ 1892 г. капиталъ синдиката составлялъ около 210 милл. долл. Но затѣмъ онъ также номинально распался, въ виду изданія новыхъ законовъ о трѣстахъ и судебной практики, отказывавшей въ своей защитѣ акціонернымъ предприятиямъ, принадлежащимъ къ синдикатамъ..

Вообще съ начала 80-хъ годовъ Америка переживала своего рода періодъ синдикальной горячки, и „трѣсты“ росли, какъ грибы. Ихъ вліянію нужно въ значительной мѣрѣ приписать и установленіе таможенныхъ тарифовъ Макъ-Кинлэя. По своимъ размѣрамъ они съ большимъ избыткомъ покрываютъ разницу между нормальными цѣнами на товары мѣстные и привозные. Высокіе тарифы установлены даже на такіе товары, по отношенію къ которымъ, по ихъ дешевизнѣ, никакая иностранная конкуренція немислима. Этотъ, такъ сказать, избытокъ покровительства и нуженъ для трѣстовъ, которые, пользуясь имъ, могутъ повышать временно цѣны на свои товары безъ опасенія вызвать немедленно привозъ иностранныхъ продуктовъ. Перечислить всѣ образовавшіеся подъ защитой высокихъ таможенныхъ пошлинъ синдикаты нѣтъ никакой возможности. Назовемъ поэтому лишь крупнѣйшіе. Послѣ синдикатовъ керосиновозводчиковъ и сахарозаводчиковъ первое мѣсто по размѣру оборотовъ принадлежитъ синдикату водочныхъ заводчиковъ („Wiskey-Trust“). Въ составъ этого трѣста вошло до 90 заводовъ. Но администрація закрыла изъ нихъ 79, оставивъ дѣйствующими только 11. Владѣльцы закрытыхъ заводовъ получаютъ, однако, изъ общей кассы дивидендъ на принад-

лежащіе имъ сертификаты. Точно также синдикатъ обязался выдавать пожизненные пенсіи нѣкоторымъ заводчикамъ и торговцамъ, прекратившимъ, по соглашенію съ ними, веденіе своихъ предпріятій. Затѣмъ, въ 1887 г. образовался синдикатъ заводовъ для выдѣлки льняного масла, охватившій 70⁰/₀ всего производства Соединенныхъ-Штатовъ. Благодаря агитаціи этого синдиката, пошлина на привозное масло была значительно повышена по тарифу Макъ-Кинлэя. Наконецъ, синдикаты охватили производство разныхъ издѣлій изъ желѣза и стали, добычу соли, фабрики, выдѣлывающія конверты, клеенку и даже гробы. Въ общемъ можно сказать, что по количеству промышленныхъ синдикатовъ, по ихъ значенію въ экономическомъ отношеніи и размѣрамъ оборотовъ, Америка оставила Европу далеко позади себя.

IV.

Наша промышленность также выступила въ послѣднее время на путь „упорядоченія производства“, т.-е. мѣръ для устраненія конкуренціи и замѣны ея соглашеніями. Первый удачный опытъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ страховыми обществами, выработавшими еще въ семидесятыхъ годахъ такъ называемые конвенціонные тарифы, пониженіе противъ которыхъ не допускается. Условія соглашеній, охватывающихъ всѣ стороны страховых операций, выработывались и продолжаютъ выработываться на съѣздахъ представителей обществъ. Такъ, на первомъ съѣздѣ 1882 г. постановлено было повысить страховую премію для городскихъ имуществъ отъ 20 до 30⁰/₀, и для сельскихъ—на 20⁰/₀. На второмъ съѣздѣ того же года преміи вновь были подняты для различнаго вида городскихъ имуществъ отъ 30 до 60⁰/₀, для сельскихъ—отъ 20 до 50⁰/₀, для фабрикъ и заводовъ—отъ 30 до 50⁰/₀. Но возвышеніе стоимости страхованія въ частныхъ обществахъ вызвало къ жизни организацію взаимнаго городского и земскаго страхованія. На борьбу съ ними и сосредоточилось дальнѣйшее вниманіе съѣздовъ. Прежде всего они примѣнили здѣсь обычный приѣмъ германскихъ картелей и американскихъ трѣстовъ, т.-е. на время значительно понизили размѣръ премій для тѣхъ районовъ, гдѣ начало развиваться взаимное страхованіе. Затѣмъ частныя компаніи воспользовались сравнительною бѣдностью обществъ взаимнаго страхованія и низкими оцѣнками, которыя ими дѣлались. Въ виду такого обстоятельства владѣльцы имуществъ часто прибѣгали къ дополнительной страховкѣ въ частныхъ об-

ществахъ. Но послѣднія постановили на сѣздахъ рѣшительно воспретить подобную операцію. Согласно договорамъ, заключеннымъ на послѣднихъ сѣздахъ, агенты должны уклоняться отъ приѣма на страхъ имущества, уже застрахованныхъ въ одномъ изъ частныхъ обществъ; въ случаѣ же перехода клиента уплачивается штрафъ въ 15% съ преміи въ пользу прежняго общества. Такимъ образомъ, всякая конкуренція въ этой области вполне отсутствуетъ, если не считать взаимнаго и земскаго страхования, обороты которыхъ сравнительно ничтожны.

Заключенію соглашеній между страховыми обществами чрезвычайно способствовало воспрещеніе у насъ производить операціи иностраннымъ компаніямъ. Исключеніе сдѣлано лишь для нѣкоторыхъ специальныхъ видовъ страхования, не существовавшихъ ранее въ Россіи. Аналогичное же покровительство отечественной предпріимчивости или, скорѣе, отечественному капиталу, значительно способствуетъ образованію синдикатовъ съ исключительнымъ характеромъ стачекъ и во многихъ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ этомъ отношеніи наша протекціонная система имѣетъ то же значеніе, что и въ Америкѣ. У насъ также наблюдается избытокъ покровительства, не только защищающій отечественную промышленность отъ конкуренціи иностранныхъ продуктовъ, но и позволяющій ей представителямъ время отъ времени поднимать цѣны противъ нормальныхъ. Въ данномъ направленіи мы пошли даже значительно далѣе Америки. По тарифу Макъ-Кинлэя пошлины составляютъ въ среднемъ около 50% цѣнности обложенныхъ предметовъ—у насъ же онѣ часто выше самой цѣнности. Въ переводѣ на кредитную валюту окажется, наприимѣръ, что сахаръ по нашему тарифу уплачиваетъ пошлину въ 6 р. съ пуда, коксъ—7 к., желѣзо не въ дѣлѣ—90 к., въ полосахъ—1 р. 30 к., издѣлія изъ него—2 р. 50 к. и т. д. Между тѣмъ иностранное желѣзо стѣдитъ безъ пошлины около 60 к., рельсы—75 к. Изъ этого сопоставленія видно, что размѣръ нашихъ пошлинъ иногда превосходитъ въ три слишкомъ раза самую цѣнность облагаемаго товара. Затѣмъ у насъ существуетъ цѣлый рядъ специальныхъ постановленій, совершенно устраняющихъ иностранную конкуренцію. Сюда нужно отнести обязательство, внесенное въ концессіи почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, по которому онѣ не имѣютъ права дѣлать заказы на заграничныхъ заводахъ. Аналогичное постановленіе сдѣлано и нѣсколько разъ подтверждалось для морского и военнаго вѣдомствъ. Все это дѣлаетъ иностранное соперничество для нашихъ заводовъ весьма

мало опаснымъ; въ послѣднихъ же случаяхъ оно почти вовсе устраняется.

О самыхъ размѣрахъ, которые приняло у насъ движеніе въ пользу образованія промышленныхъ синдикатовъ, трудно судить, такъ какъ большинство ихъ можетъ существовать тайно. Последнее обстоятельство объясняется какъ нѣкоторою неопредѣленностью отношенія нашего законодательства ко всякаго рода стачкамъ, такъ и опасеніемъ со стороны предпринимателей, что правительство выступитъ на борьбу съ ними хотя бы путемъ ослабленія мѣръ противъ иностраннаго соперничества. Нашъ законъ караетъ торговцевъ и промышленниковъ за всякую стачку, направленную къ повышенію цѣнъ не только на предметы продовольствія, но и на другіе „необходимой потребности“ товары. Опредѣленіе же понятія о „необходимой потребности“ предоставлено суду или, скорѣе, административной власти, уполномоченной возбуждать судебныя преслѣдованія. Насколько подобныя толкованія произвольны, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ обнаружено было существованіе синдиката винокуренныхъ заводчиковъ, дѣйствовавшаго въ нѣкоторыхъ областяхъ Сибири и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, то хлѣбное вино оказалось продуктомъ первой потребности, и „зачинщики“ стачки понесли довольно суровое наказаніе. Рядомъ же съ этимъ у насъ свободно существуетъ синдикатъ сахарозаводчиковъ, не разъ выражавшій даже притязанія на правительственную поддержку. Естественно, что большинство нашихъ предпринимателей предпочитаетъ тайныя соглашенія. Отдѣльные факты свидѣтельствуютъ, что они нашли себѣ у насъ довольно широкое примѣненіе.

Оффициально существующимъ нужно признать у насъ пока только синдикатъ сахарозаводчиковъ. Исторія его возникновенія и дальнѣйшая судьба весьма поучительны. Въ 1872 г., по случаю неурожая свекловицы, начали быстро расти цѣны на сахаръ. Съ 4 р. 50 к. онѣ дошли до 7 р. 50 к. на пудъ. Въ послѣдующіе годы, благодаря сосредоточенію сахарной промышленности въ рукахъ немногихъ крупныхъ предпринимателей и огражденію отъ иностранной конкуренціи, цѣны удавалось удерживать на этомъ высокомъ уровнѣ. Подобное обстоятельство повело, однако, къ возникновенію массы новыхъ заводовъ, рассчитанныхъ на постоянство высокихъ цѣнъ. Производство сахара начало быстро возрастать. Въ 1881 г. общая производительность всѣхъ заводовъ составляла 16 милл. пудовъ; въ 1883—почти 19 м. п., а въ 1885-1886 она достигла уже 29 милл. пуд. Ря-

домъ съ этимъ и цѣны начали понижаться до прежняго ихъ уровня, т.-е. 4 р. 50 к. за пудъ. „Подобныя нормальныя цѣны, говорить кн. Щербатовъ въ своей брошюрѣ, будучи вполне подходящими для заводовъ землевладѣльцевъ-собственниковъ центральныхъ губерній, пришлось очень горькими киево-варшавскимъ спекулянтамъ“. Но они нашли себѣ состраданіе въ правительственныхъ сферахъ. Оно выразилось въ установленіи вывозныхъ премій, которыя выдавались въ началѣ въ размѣрѣ 1 р., а затѣмъ 80 к. на пудъ. Кромѣ того ассигновано было 5 милл. руб. на отпускъ заводчикамъ ссудъ. Преміи, однако, не разрѣшили „кризиса“, и въ 1886 г. цѣны на сахаръ упали до 2 р. 80 к. Тогда сахарозаводчики пришли въ мысли о необходимости войти въ соглашеніе для сокращенія самыхъ размѣровъ производства и установленія „безубыточныхъ“ цѣнъ. Первоначально они рассчитывали, что инициативу въ установленіи обязательной нормировки возьметъ на себя правительство. Но надежды эти не вполне оправдались, и сахарозаводчики заручились лишь обѣщаніемъ невмѣшательства на случай образованія синдиката въ цѣляхъ установленія нормировки ихъ собственными средствами. Для обсуждения этого вопроса состоялось нѣсколько съѣздовъ въ Харьковѣ и Киевѣ. Наконецъ, на киевскихъ контрактахъ 1887 г. былъ образованъ особый комитетъ, который и выработалъ проектъ соглашенія. Осуществленію онъ подлежалъ при условіи присоединенія къ нему 85 проц. заводовъ съ общою суммою производства въ 17 милл. пудовъ. Въ основаніе проекта положено было обязательство вывезти на заграничные рынки 25 проц. производства 1886-87 года и возможные „избытки“ кампаній двухъ послѣдующихъ лѣтъ. Въ томъ же году учрежденъ былъ и самый синдикатъ, въ составъ котораго вошло 183 завода съ годовымъ производствомъ въ 18 милл. пудовъ. Въ синдиката осталось около 50 крупныхъ заводовъ, производство которыхъ составляло 3.400 т. пудовъ. Большинство неприсоединившихся принадлежало къ заводчикамъ харьковской губерніи, съ покойнымъ Харитоненко во главѣ.

Согласно договору, нормы производства для каждого завода были установлены въ зависимости отъ прежнихъ его размѣровъ. Для ближайшихъ кампаній онѣ должны были равняться среднему производству, считая съ 1881 г., за вычетомъ 5 проц. Затѣмъ заводчикамъ предоставлялось право выбрать и высшую норму своего производства за этотъ періодъ, но съ вычетомъ изъ нея 33 проц. Въ послѣдующіе годы такія нормы могли равномерно для всѣхъ участниковъ измѣняться въ зависимости отъ состоянія

рынка и уровня цѣнъ. Для губерній харьковской, полтавской и курской, въ которыхъ заводы только начали развивать свое производство, установлена норма на 10 проц. выше, чѣмъ въ губерніяхъ юго-западныхъ и царства польскаго. Для остальныхъ внутреннихъ губерній, въ которыхъ, впрочемъ, сахарные заводы почти совершенно отсутствуютъ, норма повышена на 30 проц. Въ общемъ потребность внутреннихъ рынковъ въ сахаръ опредѣлена была отъ 21 до 23 милл. пуд. Остальное должно было вывозиться на заграничные рынки. Въ 1887-88 г., напримѣръ, по отчету комитета синдиката, сбытъ сахара представлялся въ слѣдующемъ видѣ: остатковъ отъ прошлыхъ кампаній—4.836 т. пудовъ, производство заводовъ синдикальныхъ—22.095 т. пуд., виѣ-синдикальныхъ—1.796 т. пуд.; итого, общая наличность сахара—28.727 т. пудовъ. Изъ нихъ на внутренніе рынки поступило—21.324 т. пудовъ, вывезено—4.232 т. п., осталось въ запасѣ—3.171 т. пуд. За невыполненіе условій договора, а въ томъ числѣ и за несвоевременный вывозъ сахара, нарушители подвергаются штрафу до 5 т. р.

При возобновленіи соглашенія въ 1888 г. къ нему присоединилось много новыхъ заводовъ; особенно же было пріятно для синдиката присоединеніе заводовъ Харитоненко, общее производство которыхъ составляло до 2.500 т. пудовъ. Такимъ образомъ, синдикатъ охватилъ уже 88 проц. общаго производства. Наконецъ, въ 1890 г. соглашеніе продолжено до кампаніи 1894-95 гг. включительно. По этому договору норма продукта, выпускаемаго на внутренніе рынки, была повышена на 2 милл. п., которые распределены равномерно между всѣми заводами. Максимальная цѣна на продукты, при которой договоръ обязательенъ, назначена въ 4 р. 65 к. за пудъ сахарнаго песка, считая акцизъ въ 1 р. съ пуда. Затѣмъ количество продукта, подлежащаго вывозу за границу, можетъ быть по усмотрѣнію комитета увеличено, но не свыше $7\frac{1}{2}$ проц., въ продолженіе четырехъ лѣтъ, нормы, назначенной къ выпуску на внутренніе рынки. Этимъ правомъ комитетъ, между прочимъ, воспользовался въ 1891 г., когда къ вывозу предназначено имъ было 3 проц. производства, опредѣленнаго къ выпуску на внутренніе рынки. Свидѣтельства о вывозѣ за границу должны представляться въ комитетъ не позже 15 дней по истеченіи назначеннаго срока. На расходы по управленію каждый заводъ обязанъ вносить по $1\frac{1}{2}$ к. съ пуда назначенной для нихъ нормы производства. Всего въ составѣ синдиката числятся теперъ 196 заводовъ. Вліяніе его дѣйствительно выразилось въ постепенно сокращавшихся размѣрахъ производства са-

хара. Въ 1885-86 гг. общее производство выражалось цифрою — 29.402 т. пуд.; въ 1886-87—26.173 т. п.; въ 1887-88—23.891 т. п. Въ 1888-89 г. производство вновь возросло до 28.600 т. пуд., подъ влияніемъ чрезвычайнаго урожая свекловицы. Но благополучному разрѣшенію этого „кризиса“ помогло послѣдовавшее повышеніе сахарныхъ цѣнъ на лондонскомъ рынкѣ, что позволило вывезти безъ убытка до 7 милл. пуд. Въ кампанію 1889-90 гг. сумма производства уже упала до 24.824 т. п. Въ періодъ кампаніи 1890-91 и 1891-92 гг. производство усилилось до 29 милл. пудовъ. Рядомъ съ этимъ ожидалось уменьшеніе спроса на внутреннихъ рынкахъ, въ виду охватившаго значительную часть Россіи неурожая. Во избѣжаніе кризиса комитетъ распорядился объ усиленіи вывоза даже свыше обычной нормы. Въ общемъ за эти два года вывезено за границу болѣе 10 милл. пуд. Въ 1892-93 гг. послѣдовалъ неурожай свекловицы, и цѣны на сахаръ поднялись до уровня, при которомъ министерство финансовъ получило право понизить пошлины на заграничный продуктъ. Министерство, однако, не воспользовалось своимъ правомъ и, вмѣсто пониженія пошлинъ, поручило международному банку организовать продажу выписываемаго ими изъ-за границы сахарнаго песка. Въ настоящее время въ Кіевѣ происходятъ періодическіе сѣзды сахарозаводчиковъ для разработки условій продолженія дѣйствія синдиката въ наступающей кампаніи 1894-95 гг.

V.

Послѣ синдиката сахарозаводчиковъ заслуживаетъ вниманія исторія попытокъ образованія у насъ синдиката нефтепромышленниковъ и заключенія имъ соглашенія съ американскимъ „Standart Oil Trust Company“ для полюбовнаго размежеванія рынковъ сбыта. Инициаторами этого дѣла всегда являлись фирмы Нобеля и Ротшильда. Но онѣ до сихъ поръ не могли привести къ соглашенію второстепенныхъ фирмы. Сущность затрудненій заключалась въ томъ, что Нобель и Ротшильдъ желали удержать свое нынѣшнее первенствующее положеніе на рынкахъ; второстепенныя же фирмы съ своей стороны не желали сохраненія этого status quo при распредѣленіи долей участія въ снабженіи керосиномъ внутреннихъ и иностранныхъ рынковъ, такъ какъ, оставаясь внѣ синдиката, онѣ рассчитываютъ на возможность усилить свое производство. Въ концѣ 1892 г. состоялся сѣздъ

керосиновозводчиковъ въ Ростовѣ-на-Дону. Согласно выработанному здѣсь соглашенію, фирма Нобеля становилась во главѣ сбыта продукта на внутренніе рынки, а фирмѣ Ротшильда предоставлялось организовать сбытъ на внѣшніе рынки. Для участія въ иностранномъ сбытѣ каждая фирма должна была внести 10 т. р. съ 1 милл. пуд. продукта. Этотъ капиталъ предназначался на устройство складовъ, резервуаровъ и другихъ сооружений, а также на выдачу ссудъ мелкимъ фирмамъ. Участникамъ синдиката предполагалось предоставить право голоса на общихъ собраніяхъ въ зависимости отъ числа паевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ фирма Ротшильда вошла въ переговоры съ представителемъ американскаго „Стандарта“. Предварительное соглашеніе уже было выработано въ Парижѣ, а окончательный договоръ долженъ былъ быть подписанъ въ Чикаго на выставѣ. Но въ этотъ рѣшительный моментъ нѣкоторыя второстепенныя фирмы, и крупнѣйшая изъ нихъ Шиббаева, нашли условія соглашенія для себя невыгодными, вслѣдствіе чего переговоры прекратились. Американскій „Стандартъ“, если вѣрить проникшимъ въ печать извѣстіямъ, выражалъ желаніе уступить въ пользу нашихъ керосиновозводчиковъ до $\frac{1}{3}$ всего сбыта на западно-европейскіе рынки. Затѣмъ онъ требовалъ, чтобъ гарантію выполнения договора, подъ условіемъ крупной неустойки, взялъ на себя парижскій банкирскій домъ Ротшильда.

Потерявъ надежду привести мелкія фирмы къ соглашенію, крупные керосиновозводители обратились за содѣйствіемъ въ министерству финансовъ. Здѣсь мысль объ учрежденіи синдиката для сбыта керосина на иностранные рынки была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ. Для разработки же самаго плана осуществленія ея, въ октябрѣ прошлаго года при министерствѣ созданъ былъ съѣздъ керосиновозводчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ официальномъ органѣ нашего финансоваго вѣдомства — „Торгово-промышленной газетѣ“ — напечатано сообщеніе о положеніи торговли керосиномъ на международныхъ рынкахъ и тѣхъ средствахъ, на почвѣ примѣненія которыхъ условія ея могутъ быть улучшены. Въ сообщеніи, между прочимъ, говорится, что въ послѣднее время „объ убыточности заграничной торговли, вліяющей косвенно и на результаты внутренней, почти всѣ заинтересованныя въ этой отрасли торговли и промышленности лица высказываются согласно“. Далѣе, со словъ „заинтересованныхъ лицъ“, сообщеніе останавливается на тѣхъ печальныхъ результатахъ, въ которыхъ привела конкуренція Америки и Россіи на международныхъ рынкахъ. Оказывается, что промышленность двухъ великихъ странъ изнемогаетъ отъ столь же ожесточенной, сколько и бесплодной (для „за-

интересованных лиц" или для потребителей?) борьбы. Дѣло дошло до того, что въ сущности „какъ нашими, такъ и американскими промышленниками уплачивается премія за честь освѣщать Европу“. „Выгоды соглашенія въ виду столь громадныхъ убытковъ,—продолжаетъ сообщеніе,—очевидны“. Съ другой стороны, „американцы народъ слишкомъ коммерческой, чтобы этого не понять, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не сознавать, что они не въ состояніи самими даже разорительными цѣнами убить нашу промышленность или запрудить международные рынки настолько, чтобы не допустить туда ищущихъ помѣщенія излишковъ нашего производства“. Поэтому „Америка ждетъ первой возможности соединиться съ цѣлю размежеванія рынковъ“. Такое положеніе ея доказывается „той готовностью, съ которою она шла на встрѣчу образовавшемуся въ концѣ прошлаго (1892 г.) года синдикату“. Съ наивною откровенностью „заинтересованные лица“, устами официального органа, говорятъ и о тѣхъ блестящихъ результатахъ, которые получились только въ виду слуховъ объ учрежденіи синдиката. За слухами послѣдовало повышеніе цѣнъ на керосинъ и „рѣзкое затѣмъ пониженіе, лишь только синдикатъ оказался несостоявшимся“. „Вотъ почему,—заключаетъ органъ министерства финансовъ,—многіе нефтепромышленники и высказываются, что все дѣло въ томъ, чтобы въ Россіи образовалось надежное ядро крупныхъ промышленниковъ, которое могло бы служить гарантіей за исполненіе могущаго состояться соглашенія“¹⁾. Но препятствіемъ къ образованію такого ядра является „многочисленность представителей нефтепромышленности“ и „непримиримость ихъ интересовъ“, вслѣдствіе чего „правительственное вмѣшательство является необходимымъ“. Какимъ путемъ правительственное вмѣшательство можетъ примирить непримиримое—объ этомъ сообщеніе умалчиваетъ.

Было бы, конечно, чрезвычайно наивною довѣрять подобнымъ ламентациямъ „заинтересованныхъ лицъ“, тѣмъ болѣе, что неправдоподобность ихъ сообщеній о положеніи торговли керосиномъ на международныхъ рынкахъ совершенно очевидна. Сбытъ русскаго керосина на заграничные рынки постоянно возрастаетъ и достигаетъ теперь 50 милл. п., что въ два раза превышаетъ отпускъ на внутренніе рынки. Естественно, что, уплачивая столь крупную премію „за честь освѣщать Европу“, нефтепромышленники давно бы уже разорились. Между тѣмъ пай и акціи этого рода предпріятій стоятъ на биржѣ выше *al pari*. Точно также весьма достаточный дивидендъ даетъ своимъ акціонерамъ и аме-

¹⁾ „Торг.-пр. газ.“ 1893 г., № 215.

рибанскій „Стандартъ“. Наконецъ, нефтепромышленники не указываютъ и на причины такого страннаго своего поведенія, какъ ежегодное увеличеніе ими добычи нефти, усиленіе производства керосина и вывоза его на заграничные рынки (за періодъ 1888—1892 вывозъ возросъ съ 21 милл. пудовъ до 40 милл. пуд.), чтобы въ результатѣ терпѣть ежегодно возрастающіе убытки.

Во всякомъ случаѣ созданный съѣздъ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента торговли и мануфактуръ, дѣятельно занялся обсужденіемъ способовъ примирить „непримиримые интересы“ представителей нефтепромышленности и довести дѣло соглашенія до благополучнаго конца. На его засѣданіяхъ дѣйствительно были выработаны условія образованія синдиката подъ фирмою „союза русскихъ керосинозаводчиковъ“. Первый пунктъ проекта самаго соглашенія гласилъ, что „вывозъ керосина и продажа его на иностранныхъ рынкахъ производится нами (подписавшими договоръ) не иначе, какъ черезъ посредство пяти членовъ NN и выбранныхъ нами торговыхъ агентовъ NN. За нарушеніе этого основнаго условія нашего соглашенія заводчикъ, допустившій вывозъ какого-либо количества керосина за границу помимо указанныхъ выше лицъ, подвергается взысканію неустойки въ размѣрѣ 15 к. съ пуда вывезеннаго съ нарушеніемъ сего условія керосина“. Слѣдующимъ пунктомъ устанавливается доля участія каждаго изъ заводчиковъ въ общемъ сбытѣ продукта на иностранные рынки. Доля эта вычислена въ соотвѣтствіи съ количествомъ керосина, вывезеннаго фирмами по закавказской желѣзной дорогѣ въ 1892 г. По разверсткѣ на такихъ началахъ львиная доля участія въ заграничномъ вывозѣ досталась Нобелю и каспійско-черноморскому обществу, т.-е. Ротшильду. вмѣстѣ съ тѣмъ представители этихъ фирмъ взяли на себя и всю организацію самаго вывоза. Но примирить непримиримые интересы керосинозаводчиковъ оказалось дѣломъ вовсе не такимъ легкимъ. Едва лишь текстъ договора сдѣлался извѣстнымъ въ Баку, какъ мѣстные мелкія фирмы заволновались и признали для себя принятіе его равносильнымъ коммерческому самоубійству. Онѣ обратились по телеграфу въ министерство финансовъ съ коллективнымъ ходатайствомъ, въ которомъ разъясняютъ всю плачевность создаваемаго для нихъ договоромъ положенія. По разъясненію ходатайствовавшихъ, они уполномочивали своихъ представителей разработать условія образованія простаго акціонернаго общества для вывоза керосина за границу, а никакъ не на учрежденіе синдиката. Затѣмъ они справедливо указали, что договоръ дѣлаетъ гг. Нобеля и Ротшильда хозяевами всего нашего экспорта керо-

сина, что по истечении пяти летъ, на которыя онъ заключенъ, эти фирмы могутъ выйти изъ состава синдиката и, такъ сказать, узурпировать всю организацію въ свою пользу, благодаря торговымъ связямъ, которыя онѣ приобретутъ. Въ заключение протестанты просили разрѣшенія учредить параллельно дѣйствующій другой синдикатъ. Министерство финансовъ согласилось на это, но потребовало, чтобы обѣ группы вошли въ соглашеніе по размежеванію своего участія въ заграничномъ вывозѣ. Только при соблюденіи этого требованія министерство выразило согласіе предоставить въ пользу синдиката нѣкоторыя льготы, которыя, во-первыхъ, помогли бы ему склонить американскій „Стандартъ“ въ соглашенію и, во-вторыхъ, устранили бы возможность конкуренціи со стороны вѣй-синдикальныхъ фирмъ. Повидимому здѣсь предполагалось примѣнить то же средство, какое практикуется американскими „трѣстами“, именно пониженіе для синдиката тарифовъ по казенной закавказской желѣзной дорогѣ, по которой транспортируется весь керосинъ изъ Баку, оставивши прежній размѣръ ихъ для фирмъ самостоятельныхъ. Исторія образованія синдиката нашихъ керосиновозводчиковъ представляетъ собою первый случай непосредственнаго и официальнаго содѣйствія правительства осуществленію такого предпріятія, которое по существу своему носить характеръ промышленной стачки, хотя и направленной *de jure* только противъ иностранныхъ потребителей. Но едва ли можно сомнѣваться, что синдикатъ не замедлитъ распространить нормировку и по отношенію къ сбыту керосина на внутренніе рынки ¹⁾.

Затѣмъ, какъ мы уже говорили, есть много оснований предполагать, что у насъ существуетъ нѣсколько неофициальныхъ промышленныхъ синдикатовъ. Такъ, въ извѣстномъ официальномъ сообщеніи г. военнаго министра прямо указывалось на фактъ существованія соглашенія между нашими желѣзнодорожниками, по которому они распределяютъ между собою казенные и частные заказы, избѣгая взаимной конкуренціи. Въ другомъ

¹⁾ Въ настоящее время нефтепромышленники благополучно приведены къ соглашенію, и самое образованіе союза стало совершившимся фактомъ. Правительство, въ видахъ склоненія къ соглашенію американскаго „Standard'a“, повизало для экспортируемаго керосина на заграничные рынки тарифъ на казенной закавказской желѣзной дорогѣ съ 17 к. до 10 к. за пудъ. Такимъ образомъ, мы какъ бы гораздо болѣе заботимся объ иностранныхъ, чѣмъ о своихъ собственныхъ потребностяхъ, которыя должны оплачивать провозъ того же продукта почти вдвое дороже. Но попытка соглашенія съ американцами все-таки потерпѣла новое фиаско. Керосиновозводчикамъ же остается лишь съ благодарностью положить въ карманъ себѣ тѣ 7 к. съ пуда, которыя прежде поступали въ доходъ казны.

официальномъ документѣ, постановленіе комитета по сооруженію сибирской желѣзной дороги, между прочимъ, говорится, что выдача заводу г-жи П. аванса подъ выполненіе заказа на поставку рельсъ произведена на томъ условіи, чтобы заводъ этотъ не участвовалъ ни въ какихъ существующихъ у насъ синдикатахъ. Наконецъ, нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что ежегодные кризисы въ нашей каменноугольной промышленности, съ чрезвычайнымъ повышеніемъ цѣнъ, являются также продуктомъ соглашеній. Ограниченное число у насъ желѣзнодорожныхъ заводовъ и крупныхъ каменноугольныхъ копей, вмѣстѣ съ высокимъ огражденіемъ отечественной промышленности отъ иностранной конкуренціи, чрезвычайно облегчаютъ заключеніе подобныхъ соглашеній.

VI.

Каковы же практическіе результаты дѣйствія синдикатовъ для промышленной жизни, и чего можно отъ нихъ ожидать въ будущемъ? На эти вопросы пока, къ сожалѣнію, нельзя отвѣтить съ желаемою полнотой. Главная цѣль образованія синдикатовъ, какъ мы уже видѣли, заключается въ „упорядоченіи производства“, въ предотвращеніи тѣхъ кризисовъ, которые, создаваясь на почвѣ перепроизводства, ведутъ за собою усиленную конкуренцію и паденіе цѣнъ на продукты давней отрасли промышленности. Въ первый періодъ дѣйствія ихъ эти цѣли достигаются весьма успѣшно. Вслѣдъ за образованіемъ синдиката въ какой-нибудь отрасли промышленности обыкновенно соблюдается и повышение цѣнъ на продукты ея производства. Такъ въ Германіи значительно повысились акціи всѣхъ предпріятій, охваченныхъ синдикатами. Для предпріятій, напримѣръ, по разработкѣ каменноугольныхъ копей въ Вестфалии и Силезіи это повышение съ 1886 по 1891 г. составило отъ 60 до 70 проц. ихъ цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣна за тонну брикета стояла въ 1887 г. 40 марокъ, въ 1888 г.—52 марки, въ 1889—65 м. и въ 1890 г.—123 м. Точно также значительно повысились и цѣны на желѣзо. Въ доказательство безвредности синдикатовъ съ точки зрѣнія интересовъ потребителей указываютъ обыкновенно на результаты дѣятельности американскаго „Standart Oil Trust'a“, которые привели къ пониженію цѣнъ на керосинъ. Было бы совершенно противоестественно, еслибы синдикатъ понизилъ цѣны по собственной инициативѣ и для удовольствія потребителей. Сдѣлалъ

онъ это отчасти подъ вліяніемъ конкуренціи, а отчасти въ силу удешевленія самой стоимости производства и улучшенія условий сбыта. Но, какъ выяснено особой комиссіей, образованной для изученія дѣятельности „трѣстовъ“, американскій керосинъ на мѣстѣ сплошь и рядомъ продается дороже, чѣмъ на рынкахъ западной Европы, гдѣ онъ встрѣчаетъ конкуренцію русскаго керосина. Относительно синдиката сахарозаводчиковъ („Sugar Trustees“) „New-York Daily Com. bulletin“ вычислилъ, что онъ взимаетъ съ населенія Соединенныхъ-Штатовъ ежегодную дань въ 15.356 т. долларовъ. Синдикатъ повысилъ цѣны на $\frac{3}{8}$ цн. съ каждаго фунта. Затѣмъ синдикатъ водочныхъ заводчиковъ повысилъ цѣны съ 1 д. 5 цн. за галлонъ въ 1889 г., до 1 д. 20 цн. въ 1891 г. Подъ вліяніемъ же образованія трѣста цѣны на растительное масло поднялись съ 41 цн. въ 1887 до 61 цн. въ 1890 г. Въ отношеніи производства рельсъ до образованія трѣста въ 1885 г. разница между ихъ стоимостью и цѣнностью сырого матеріала составляла 10,89 цн. на тонну, а въ 1891 г. она дошла до 13,97 цн.

Тѣ же результаты далъ и нашъ синдикатъ сахарозаводчиковъ. Такъ, въ 1886 г. сахаръ у насъ продавался по 2 р. 85 к. за пудъ съ акцизомъ, а въ 1887 г., вслѣдъ за образованіемъ синдиката, цѣны поднялись до 3 р. 80 к. Еще болѣе значительное повышение цѣнъ наблюдается у насъ въ отношеніи продуктовъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Въ 1889 г. для заваспійской ж. д. казна прибрѣтала рельсы по 90 к. за пудъ; теперь же для сибирской дороги они покупаются по 1 р. 50 к. и по 1 р. 60 к. Несомнѣнно, что значительная часть этого повышения должна быть отнесена на счетъ соотвѣтствующаго повышения пошлины на иностранные рельсы и другія издѣлія изъ желѣза, при которомъ дѣйствующіе у насъ заводы не въ состояніи удовлетворить всему спросу. Но отчасти здѣсь повинно и дѣйствіе соглашеній. Вотъ чтò, напримѣръ, писалъ въ „Кіевлянинѣ“ управляющій юго-западными дорогами, г. Бородинъ, по поводу упомянутаго нами выше приказа г. военнаго министра: „Не только военное министерство, но и все и вся въ Россіи поставлены въ такое же затруднительное положеніе, благодаря покровительственной системѣ фабрично-заводской промышленности и развившейся системѣ промышленныхъ синдикатовъ, въ рабство которыхъ отдана вся Россія... Военное министерство можетъ еще бороться съ заводами и въ случаѣ крайности обращаться съ заказами за границу; другія же учрежденія, какъ желѣзныя дороги, коимъ заграничныя заказы запрещены, *всецѣло отданы въ эксплуатацію группѣ*

заводовъ, которая самопроизвольно диктуетъ и цѣны, и сроки изготовленія“.

Такимъ образомъ, увѣреніе, что дѣятельность синдикатовъ сводится только къ упорядоченію производства и сбыта, къ удержанію цѣнъ на одномъ уровнѣ, не оправдывается на практикѣ. Подобные результаты совершенно противорѣчили бы и основнымъ мотивамъ всякой коммерческой дѣятельности, заключающимся въ томъ, чтобы возможно дешевле купить и возможно дороже продать. Слѣдовательно, если путемъ образованія синдиката, предприятиямъ предоставляется возможность повысить цѣны, то они никогда отъ этого не откажутся. Поэтому и дѣленіе синдикатовъ на „наступательные“ и „оборонительные“ не имѣетъ никакого смысла. Всякій синдикатъ охотно переходитъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Говорятъ, что для рынковъ, потребляющихъ извѣстные продукты и въ особенности для другихъ отраслей промышленности, перерабатывающихъ ихъ, постоянство цѣнъ, достигаемое дѣйствіями синдикатовъ, доставляетъ огромныя удобства. На дѣлѣ, однако, синдикаты увеличиваютъ колебанія цѣнъ и доводятъ эти колебанія до невѣроятныхъ размѣровъ. Конечно, конкуренція внутренняя и иностранная владетъ извѣстный предѣлъ проявленію тенденціи синдикатовъ повышать цѣны на свои продукты. Но эта конкуренція является регуляторомъ, дѣйствующимъ крайне неравномѣрно какъ во времени, такъ и въ пространствѣ. Между тѣмъ синдикаты устанавливаютъ цѣны именно въ зависимости отъ положенія, занятаго соперникомъ въ данный моментъ и въ данномъ районѣ. Отсюда получается на рынкахъ сбыта настоящій кавардакъ. Буде, напримеръ, въ какомъ-нибудь районѣ учреждается внѣ-синдикальное предприятие, то синдикатъ либо склоняетъ его къ присоединенію, либо начинаетъ вести съ нимъ ожесточенную борьбу, понижая цѣны на продукты до совершенной невозможности конкурировать. Когда затѣмъ цѣль достигается, происходитъ такое же рѣзкое повышение цѣнъ, чтобы наверстать понесенные ранѣе убытки. Къ этому присоединяется еще дѣятельность спекуляціи, которая широко пользуется ограниченіемъ выпуска на рынки извѣстнаго продукта, которое устанавливаетъ синдикатъ. Спекуляція, зная, что на рынки не можетъ быть выпущено болѣе извѣстнаго количества продукта, скупаетъ этотъ продуктъ или вѣрнѣе законтрактовываетъ весь остатокъ будущаго производства и распоряжается уже рынками по своему усмотрѣнію. Нѣчто подобное случилось у насъ въ прошломъ году съ сахаромъ. Неудивительно, что въ области тѣхъ отраслей промышленности, которыя охвачены синдикатами,

цѣны на продукты подвергаются такимъ колебаніямъ, какихъ никогда онѣ не испытывали ранѣе, при „анархіи“ производства. Естественное стремленіе къ появленію максимальныхъ барышей отражается и на положеніи рабочихъ. Было бы такъ же невѣроятно, еслибы предпріятія платили рабочимъ столько, сколько они *могутъ* заплатить, а не сколько *принуждены* заплатить. Между тѣмъ синдикатъ значительно облегчаетъ, на почвѣ объединенія предпринимателей, борьбу съ „чрезмѣрными“ требованіями рабочихъ. Эта борьба прямо внесена въ программу задачъ, преслѣдуемыхъ нѣкоторыми промышленными синдикатами. Такъ, на заводахъ, входящихъ въ составъ американскаго „сахарнаго трѣста“, заработная плата на 15 проц. ниже противъ остальныхъ предпріятій. Соглашеніямъ рабочихъ онъ противопоставилъ самую широкую организацію выписки рабочихъ изъ самой Польши и Австро-Венгріи. Очевидно, что и обещанія защитниковъ синдикальной формы производства относительно улучшенія путемъ ея положенія рабочихъ на практикѣ не оправдываются и не могутъ оправдаться.

Наконецъ, синдикаты, усиливая колебанія цѣнъ на продукты внутри страны, вносятъ такую же путаницу и въ область международной торговли. Въ основѣ организаціи большинства ихъ лежитъ вывозъ „избытковъ“ производства на внѣшніе рынки, хотя бы съ продажей ихъ по цѣнамъ прямо убыточнымъ, т.-е. не окупающимъ всѣхъ издержекъ производства. На первый взглядъ можетъ показаться такая операція чрезвычайно невыгодной. На самомъ дѣлѣ это не совсемъ такъ. Коль скоро предпріятіе произвело извѣстныя затраты на инвентарь, коль скоро оно должно содержать извѣстный постоянный контингентъ служащихъ, то полное прекращеніе работы этого дорогого аппарата, съ производствомъ всего опредѣленнаго синдикатомъ количества товара, является крайне невыгоднымъ. Гораздо выгоднѣе дать ему даже такую работу, которая покрываетъ хоть часть издержекъ по его содержанию и погашенію затраченнаго капитала. Это положеніе аналогично съ положеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ періоды ослабленія товарнаго движенія, когда имѣются на лицо полотно, паровозы, прислуга, и когда грузъ выгодно принять по такому тарифу, который, будучи постояннымъ, давалъ бы дорогѣ только убытки. Точно также и значительная часть предпріятій, входящихъ въ составъ синдикатовъ, покрываетъ всѣ расхода по эксплуатаціи сбыта товаровъ на внутренніе рынки, избытки же вывозятся на иностранные рынки, гдѣ и продаются, смотря по обстоятельствамъ—либо съ меньшимъ барышомъ, либо даже съ убыткомъ противъ общей

суммы затратъ на производство. Сбытъ на такихъ началахъ тѣмъ болѣе облегчается, чѣмъ въ высшей мѣрѣ промышленность данной страны пользуется таможеннымъ огражденіемъ отъ иностранной конкуренціи. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ такая возможность существуетъ въ каждой странѣ. Уже самыя издержки провоза и существованіе хотя бы чисто фискальныхъ пошлинъ позволяютъ синдикатамъ установить цѣны на внутреннихъ рынкахъ нѣсколько высшія, чѣмъ онѣ стоятъ на иностранныхъ рынкахъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что германское желѣзо продается въ Россіи дешевле, чѣмъ въ самой Германіи. То же наблюдается въ отношеніи каменнаго угля. Затѣмъ керосинъ западная Европа получаетъ часто по цѣнамъ низшимъ, чѣмъ онъ продается на его родинѣ—въ Россіи и Америкѣ. Но керосинъ сбывается все-таки безъ убытка, такъ какъ вывозъ его на иностранные рынки изъ обѣихъ странъ значительно превосходитъ внутреннее потребленіе. Слѣдовательно здѣсь потери по вывозу очень трудно было бы покрыть барышами по внутреннему сбыту. Въ данномъ отношеніи керосинозаводчики пользуются лишь таможеннымъ огражденіемъ, чтобы получать во второмъ случаѣ высшіе барыши. Совсѣмъ не то происходитъ съ русскимъ сахаромъ. Вывозъ его производится съ значительнымъ убыткомъ. Въ нынѣшнемъ году, на примѣръ, вывозныя свидѣтельства продаются по 1 р. 15 к. съ каждого пуда. Эта цифра и представляетъ собою дѣйствительный размѣръ убытковъ противъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ.

Въ результатъ такой комбинаціи рынки очень часто наполняются иностраннымъ товаромъ, продающимся по цѣнамъ, не окупающимъ даже издержекъ производства и не позволяющимъ мѣстной промышленности конкурировать съ подобной дешевой. Это въ свою очередь побуждаетъ правительства усиливать таможенную защиту въ интересахъ собственныхъ производителей. Можно сказать, что наблюдающееся теперь почти повсюду усиленіе таможеннаго огражденія въ значительной мѣрѣ вызвано желаніемъ оказать противодѣйствіе политикѣ синдикатовъ, заставляющихъ своихъ членовъ вывозить „избытки“ продукта на иностранные рынки и дающихъ имъ возможность покрывать потери по вывозу возвышеніемъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ. Изъ государствъ Европы только одна Великобританія не считаетъ нужнымъ защищаться отъ наплыва дешевыхъ иностранныхъ продуктовъ и, оставаясь вѣрною принципу свободной торговли, благодушнѣйшимъ образомъ откармливаетъ своихъ іоркширскихъ свиней русскимъ синдикальнымъ сахаромъ.

VII.

Настоящее положеніе синдикатовъ и свойства ихъ операцій позволяютъ, наконецъ, весьма сомнѣваться въ томъ, чтобы имъ принадлежало будущее въ качествѣ высшей формы организаціи промышленности. Еслибы этотъ взглядъ на синдикаты соответствовалъ дѣйствительности, то наиболѣе совершеннымъ видомъ ихъ слѣдовало бы признать американскіе „трѣсты“. Здѣсь оставалось бы уже сдѣлать одинъ послѣдній шагъ, чтобы экспроприровать слившіяся въ одну компанію акціонерныя общества отдѣльныхъ отраслей промышленности. Но осуществить эту идею никому пока не приходитъ въ голову. Всѣми признается, что „трѣсты“ представляютъ собою не нормальную эволюцію, а продуктъ простой спекуляціи, нашедшей для себя чрезвычайно благоприятную почву въ высокомъ таможенномъ огражденіи мѣстной промышленности отъ иностранной конкуренціи. Спекуляція и воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы, устранивши внутреннее соперничество, поднять цѣны на товары до возможнаго максимума, при которомъ иностранный товаръ все-таки не можетъ проникнуть въ страну. Огромное большинство трѣстовъ, какъ мы уже говорили, образовалось при помощи англійскихъ капиталовъ, которые ищутъ себѣ выгоднаго помѣщенія. Надо сказать, что въ Англии въ послѣднее время начали возникать особые синдикаты капиталистовъ для осуществленія равныхъ спекулятивныхъ операцій. Стоящіе во главѣ ихъ финансисты зорко слѣдятъ за движеніемъ торгово-промышленной жизни на всемъ земномъ шарѣ, чтобы пользоваться благоприятными для себя комбинаціями. Они нѣкогда приобрѣли, на примѣръ, всѣ фабрики спичекъ въ Швеціи. Точно также ими сдѣлана была попытка монополизировать винокурение въ Чехіи и Швеціи и т. д. Естественно, что Соединенные-Штаты, съ ихъ протекціонной горячкой, не могли не привлечь къ себѣ вниманія этихъ синдикатовъ англійскихъ капиталистовъ, чтобы, пользуясь устраниеніемъ иностранной конкуренціи, монополизировать цѣлыя отрасли промышленности.

На практикѣ, вмѣсто пропаганды выкупа въ пользу государства синдикальныхъ предпріятій, общественное мнѣніе требуетъ отъ законодательства ихъ преслѣдованія. Подъ вліяніемъ такого требованія во многихъ штатахъ дѣйствительно изданъ цѣлый рядъ законовъ, устанавливающихъ кары за устройство синдикатовъ. Наконецъ, въ 1890 г. былъ изданъ общій законъ, предписывающій представителямъ прокуратуры возбуждать преслѣдованіе про-

тивъ лицъ, участвующихъ въ соглашеніяхъ, направленныхъ къ монополизаци сбыта и ограниченію производства, а также предоставилъ право возбуждать противъ нихъ гражданскіе иски. Но всѣ эти законодательныя мѣры не возымѣли должнаго дѣйствія, и „трѣсты“ продолжаютъ существовать, хотя и въ замаскированномъ видѣ. Гораздо болѣе опаснымъ врагомъ синдикатовъ является конкуренція самостоятельныхъ предпріятій, возникающихъ именно подъ влияніемъ повышенія цѣнъ на тотъ или другой продуктъ. До сихъ поръ съ ней не могъ успѣшно справиться даже „Standard Oil Trust“; между тѣмъ ограниченное число мѣсторожденій нефти болѣе всего благопріятствуетъ монополизаци въ этой отрасли промышленности. По послѣднимъ свѣденіямъ, независимымъ фирмамъ принадлежатъ уже $\frac{2}{3}$ всего экспортируемаго изъ Америки керосина, тогда какъ еще въ 1885-86 г. на ихъ долю приходилось не болѣе $\frac{1}{10}$ его ¹⁾. Вообще предпріятія, образовавшія синдикаты, благоденствуютъ только въ первый періодъ послѣ его учрежденія, а затѣмъ уже высокія цѣны начинаютъ соблазнять новыхъ предпринимателей и позволяютъ расширять производство тѣмъ изъ нихъ, которые воздержались отъ участія въ соглашеніи. Сплотъ и рядомъ случается, что мелкія внѣ-синдикальныя предпріятія, оставляя себѣ „свободныя руки“ и пользуясь повышеніемъ цѣнъ, быстро превращаются въ крупныя. То же отчасти случилось и съ нашимъ сахарнымъ синдикатомъ. Такъ, въ 1887-88 г. общая сумма производства внѣ-синдикальныхъ заводовъ составляла 1.796 т. пудовъ, а въ 1890-91 г. она возросла уже до 3.480 т. пудовъ. Синдикатъ поэтому жалуется, что участники его несутъ всякія жертвы для поддержанія цѣнъ, а внѣ-синдикальные заводы получаютъ лишь плоды безъ всякихъ съ своей стороны жертвъ. Губительное влияніе конкуренціи отразилось и на цѣнности акцій американскихъ трѣстовъ, которыя быстро падаютъ. Окончательный ударъ имъ нанесетъ отиѣна билля Макъ-Кинлэя съ пониженіемъ таможенныхъ пошлинъ на иностранные продукты, что въ значительной мѣрѣ вызвано дѣятельностью мѣстныхъ трѣстовъ.

Затѣмъ, о жизнеспособности всякой новой промышленной формы или сбыта можно отчасти судить по тому, насколько она способ-

¹⁾ Въ частности къ заключенію соглашенія съ русскимъ союзомъ послужило препятствіемъ то обстоятельство, что „Standard“ не могъ дать гарантій въ устраненіи съ уступленныхъ нами рынковъ всѣхъ самостоятельныхъ фирмъ. Какія съ своей стороны „союз“ нашихъ керосиновозводчиковъ принялъ мѣры при содѣйствіи финансоваго вѣдомства для предупрежденія возникновенія самостоятельныхъ предпріятій, которыя не пожелали бы признать для себя обязательнымъ произведенный полюбовный раздѣлъ мировыхъ рынковъ,—остается неизвѣстнымъ.

ствуется дальнѣйшему развитію промышленности, выражающемуся въ ростѣ производства и пониженіи его издержекъ. Въ этомъ отношеніи мы видимъ, что пока синдикаты вовсе не представляютъ собою сліянія отдѣльныхъ предпріятій, вызываемаго требованіями техники производства или улучшеніемъ условій сбыта. Они стремятся лишь воспрепятствовать пониженію цѣнъ и въ этихъ видахъ регламентируютъ производство, напоминая нѣсколько собою средне-вѣковые цехи, когда ни одна мастерская не имѣла права выпускать на рынокъ издѣлій свыше извѣстной нормы, или продавать ихъ по вольнымъ цѣнамъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ повидимому американскіе трѣсты, но и здѣсь объединеніе предпріятій имѣетъ чисто механическій характеръ, при чемъ главнымъ образомъ преслѣдуется цѣль поставить участниковъ синдиката въ невозможность дѣйствовать противъ общихъ интересовъ. Только „Standart Oil Trust“ выполнилъ нѣкоторыя значительныя предпріятія на общій счетъ, облегчившія сбытъ продукта на иностранныя рынки. Выгоды объединенія, однако, оказались и въ данномъ случаѣ не настолькоъ значительными, чтобы это устранило всякую конкуренцію со стороны отдѣльныхъ самостоятельныхъ предпріятій, размѣры производства и сбыта которыхъ постоянно растутъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ объединеніе ведетъ къ повышенію издержекъ производства, такъ какъ синдикальное управленіе нѣсколько напоминаетъ „казенную“ администрацію, когда каждый отдѣльный участникъ синдиката становится гораздо менѣе заинтересованнымъ въ лучшей постановкѣ дѣла въ порученномъ его управленію отдѣльномъ предпріятіи. Съ другой стороны, очень дорого обходится и содержаніе правленій синдикатовъ. Лица, стоящія во главѣ ихъ, получаютъ, на европейскую мѣрку, баснословное вознагражденіе. Къ этому присоединяются еще крупныя расходы по монополизациі рынковъ, ради достиженія чего иногда понижаются цѣны до уровня, при которомъ не окупаются издержки производства, приобрѣтаются конкурирующія предпріятія и т. д. Опытные организаторы трѣстовъ сплошь и рядомъ продаютъ свои сертификаты послѣ перваго значительнаго повышения ихъ цѣнности на биржѣ. Что касается вліянія западно-европейскихъ синдикатовъ съ ихъ нормировкой производства и цѣнъ, то оно, конечно, не можетъ отзываться благотворно на успѣхахъ промышленности. Оно служитъ весьма немаловажнымъ тормазомъ при желаніи отдѣльнаго предпріятія воспользоваться открывшимися благоприятными естественными условіями или улучшеніемъ техники, чтобы расширить производство и усилить сбытъ путемъ пониженія цѣнъ на свой продуктъ. Въ нѣкоторыхъ же

отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, въ нашей сахарной промышленности, синдикаты прямо направлены къ охраненію существованія такъ называемыхъ „гнилыхъ заводовъ“, которые при свободѣ конкуренціи были бы обречены на вѣрную гибель. Между тѣмъ участіе въ синдикатахъ далеко не всегда является добровольнымъ. Если люди съ крупными средствами могутъ извлекать извѣстныя выгоды, оставляя за своими предпріятіями „свободныя руки“, то съ мелкими капиталистами синдикаты справляются весьма легко, препятствуя возникновенію новыхъ предпріятій или заставляя уже существующія присоединяться къ соглашенію на самыхъ даже невыгодныхъ для себя условіяхъ.

Даже защитники синдикатовъ, напр. проф. Клейнвехтеръ, признаютъ за ними слѣдующіе недостатки: 1) они болѣе выгодны для крупныхъ предпріятій, чѣмъ для мелкихъ, не успѣвшихъ еще приобрести репутацію на рынкахъ; 2) синдикаты крупныхъ предпринимателей могутъ убить всѣ мелкія предпріятія въ данной отрасли промышленности; 3) они ослабляютъ побужденіе къ техническимъ усовершенствованіямъ; 4) они покровительствуютъ вывозу на счетъ повышенія цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ. Можно сказать, конечно, что и машинное производство убиваетъ мелкія предпріятія. Но тамъ это случается на почвѣ примѣненія высшихъ техническихъ приѣмовъ производства и удешевленія его. Между тѣмъ синдикаты ведутъ борьбу съ конкурентами путемъ чисто финансово-спекулятивныхъ мѣропріятій, въ видѣ временнаго пониженія цѣнъ въ районѣ сбыта конкурирующаго предпринимателя, частнаго соглашенія съ желѣзными дорогами и т. д. Такимъ образомъ здѣсь является возможность затормозить уже возникновеніе предпріятій съ лучшей технической постановкой производства, но не имѣющихъ достаточно резервныхъ средствъ, чтобы успѣшно выдержать борьбу съ соединенными силами остальныхъ предпринимателей, образовавшихъ синдикаты.

VIII.

При достаточно уже выяснившемся значеніи синдикатовъ весьма трудно понять, не только съ точки зрѣнія интересовъ потребителей, но и самаго развитія промышленности, то покровительство, которое склонны оказывать образованію ихъ — руководители нашей экономической политики. Наши сахарозаводчики, какъ извѣстно, неоднократно и при томъ съ значительными шансами на успѣхъ, добивались образованія принудительнаго син-

диката. Затѣмъ, въ дѣлѣ образованія синдиката нефтепромышленниковъ правительство официально взяло на себя инициативу и выразило готовность, ради осуществленія этого предпріятія, поступиться даже доходомъ казны. Въ первомъ случаѣ сахарозаводчики стараются придать предстоящему превращенію „гнилыхъ“ заводовъ чуть ли не характеръ государственнаго бѣдствія, предупредить которое необходимо государственными же мѣрами. Они указываютъ, что вмѣстѣ съ владѣльцами такихъ заводовъ пострадаютъ цѣлыя земледѣльческіе районы, главною основою благосостоянія которыхъ является сбытъ свеклы. Мы не будемъ останавливаться на отрицательныхъ сторонахъ этой связи—на эксплуатаціи, которой подвергаются сельскіе хозяева со стороны монополиста-заводчика при поставкѣ ими свеклы, на крайнемъ истощеніи почвы, въ которому ведетъ однообразная культура въ имѣніяхъ сосѣднихъ съ заводами, и т. д. Въ настоящее время, напримѣръ, отдѣльныя группы сахарозаводчиковъ входятъ въ соглашенія, для устраненія конкуренціи, и при покупкѣ у сельскихъ хозяевъ свеклы. Съ другой стороны, истощеніе почвы ведетъ къ ухудшенію качества свекловицы, понижаетъ въ ней содержаніе сахара, вслѣдствіе чего отчасти старые заводы и находятся, въ отношеніи стоимости производства, въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ сравнительно съ вновь возникающими. Такимъ образомъ, и съ этой стороны обязательныя нормировки только закрѣпили бы за сахарною промышленностью извѣстныя неблагоприятныя условія производства. Допустимъ затѣмъ, что при рѣшеніи даннаго вопроса необходимо принять во вниманіе интересы сельскаго хозяйства. Но въ такомъ случаѣ спрашивается—почему же услуги, доставляемыя земледѣлю сахарными заводами, должны составлять привилегію отдѣльныхъ районовъ, и справедливо ли лишатъ такихъ услугъ земледѣліе всей остальной Россіи путемъ воспрещенія устройства новыхъ заводовъ? Интересы сельскихъ хозяевъ харьковской или тамбовской губерній нельзя же поирать ради интересовъ хозяевъ кievской или каменецъ-подольской губерній?

То же самое отчасти можно сказать и о значеніи синдиката нефтепромышленниковъ. Распредѣленіе всего заграничнаго сбыта между его отдѣльными участниками поставитъ отдѣльныя предпріятія въ совершенную невозможность расширять размѣры своего производства, хотя бы для этого были на-лицо всѣ благоприятныя условія. Въ еще большей мѣрѣ нормировка затруднитъ возникновеніе новыхъ предпріятій. Между тѣмъ въ области нефтепромышленности условія производства измѣняются весьма быстро:

въ однихъ предпріятіяхъ источники нефти временно иссякаютъ, въ другихъ неожиданно открываются новые фонтаны; наконецъ, сплошь и рядомъ отыскиваются цѣлыя новые районы мѣсторожденія нефти. Затѣмъ извѣстно, что какъ добыча нефти, такъ и обработка ея, въ отношеніи техники находятся у насъ въ самомъ первобытномъ состояніи, что и является новымъ тормазомъ для успѣшной конкуренціи нашего продукта съ американскимъ, хотя транспортировка послѣдняго на западно-европейскіе рынки обходится вдвое дороже, а мѣсторожденія нефти въ Америкѣ значительно уже истощены. Слѣдовательно у насъ очень легко могутъ найтись предприниматели, которые пожелають организовать дѣло эксплуатаціи нефтяныхъ богатствъ на болѣе правильныхъ началахъ. Но вывозъ продукта на иностранные рынки окажется для нихъ совершенно закрытымъ. Если даже правительство и не рѣшится установить для синдиката какихъ-либо особыхъ привилегій, то во всякомъ случаѣ для отдѣльныхъ предпринимателей борьба съ соединенными силами синдикальныхъ заводовъ окажется непосильной. Самое соглашеніе предоставляетъ выгоды лишь для тѣхъ крупныхъ фирмъ, которыя развили уже свое производство до возможнаго максимума и желали бы почить на лаврахъ, закрѣпивъ его за собою на почвѣ нормировки. Что же касается мелкихъ фирмъ, то имъ волей-неволей приходится войти въ составъ синдиката, такъ какъ, безъ сомнѣнія, онъ приметъ какія-либо болѣе или менѣе энергичныя мѣры для предупрежденія возможности конкуренціи со стороны самостоятельныхъ предпріятій.

Помимо прямого содѣйствія, образованіе синдикатовъ у насъ, какъ и въ Америкѣ, косвенно поощряется высокими таможенными пошлинами, которыя и послѣ уступокъ, сдѣланныхъ по торговому договору съ Германіей, значительно превосходятъ размѣръ необходимаго покровительства даже съ точки зрѣнія требованій протекціонной доктрины. Менѣе всего потеряло отъ договора покровительство желѣзодѣлательной промышленности, гдѣ пошлины на издѣлія понижены лишь съ 60 к. зол. до 50 к. съ пуда, и гдѣ дѣйствія синдикатовъ, при извѣстныхъ ограниченіяхъ въ правѣ пользованія заграничнымъ продуктомъ, имѣютъ наиболѣе неблагоприятныя послѣдствія для всего народнаго хозяйства. У насъ, напримѣръ, очень много говорятъ о важномъ значеніи устройства подѣздныхъ путей, и отсутствіе ихъ всецѣло приписывается апатичному отношенію населенія въ удовлетворенію своихъ нуждъ. Между тѣмъ вотъ къ какому выводу пришелъ инженеръ Веберъ, когда ему пришлось составить смѣту

для постройки подъездного пути протяженіемъ въ 15 верстъ. Оказалось, что провозъ по грунтовой дорогѣ обходится теперь въ 44 к. съ четверти зерна, провозъ по рельсовому пути при условіи безошлиннаго ввоза рельсовъ обошелся бы въ 33 к., а провозъ по такому же пути при настоящей высокой пошлинѣ обойдется въ 49 к. Другими словами, грунтовая дорога удешевляетъ стоимость провоза на 5 к. съ четверти противъ рельсоваго пути. Очевидно, сооружать подобныя пути у насъ теперь нѣтъ разсчета. Только безошлинный ввозъ рельсовъ могъ бы подвинуть у насъ это дѣло, къ общей выгодѣ всего народнаго хозяйства. Затѣмъ, если примѣненіе крайняго протекціонизма само по себѣ поощряетъ техническую отсталость въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, то образованіе синдикатовъ, устраняя и внутреннюю конкуренцію, доставляетъ предпринимателямъ полную возможность получать огромныя барыши, не думая о какихъ бы то ни было усовершенствованіяхъ. Къ сожалѣнію, у насъ интересы промышленности слишкомъ часто отождествляются съ интересами предпринимателей. Если послѣдніе довольны, получая баснословно высокіе доходы ¹⁾, то и самая промышленность считается „процвѣтающей“. Только на почвѣ подобнаго смѣненія понятій и можно оказывать у насъ прямое и косвенное содѣйствіе образованію промышленныхъ синдикатовъ.

Вл. Бирюковичъ.

¹⁾ Изъ публикуемыхъ балансовъ акціонерныхъ предпріятій видно, напримѣръ, что для большинства сахарныхъ заводовъ дивиденды за 1898 г. колебались отъ 10 до 100 проц. на складочный капиталъ (sic). При такихъ условіяхъ, едва ли можетъ быть въ этой области рѣчь о необходимости правительственной поддержки для борьбы съ кризисами. Эта поддержка превращается въ откровенное пособничество образованію неодобряемыхъ и нашимъ уголовнымъ кодексомъ стачекъ, направленныхъ противъ потребителей.

ИСКРА БОЖІЯ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

I *).

Поездъ желѣзной дороги остановился у полустанка, ютившагося особнякомъ, посреди широкихъ полей, уже пожелтѣвшихъ. Изъ одного вагона выпрыгнулъ на платформу молодой человекъ, одѣтый изысканно. Деревенскій паренъ, въ простенькой сермягѣ, заступилъ ему дорогу и, низко кланяясь, спросилъ:

— Вы, баринъ, не въ Дарновку ли?

Ошибки не могло быть. Онъ одинъ только и высадился здѣсь. Пронзительный свистъ локомотива, уже успѣвашаго помчаться далѣе, мало-по-малу стихалъ.

Новоприбывшій указалъ молча парню на выброшенные на платформу два изящные баула. Минуть черезъ десять сидѣлъ онъ уже въ телѣжкѣ, покрытой клѣтчатымъ коврикомъ, а паренекъ въ сермягѣ взобрался на облучоѣ. Возница замахалъ кнутинкомъ, и пара небольшихъ сытыхъ каштановъ, съ почти бѣлыми челками, старательно зачесанными на лобъ и глаза, побѣжала крупной рысцой.

Экипажъ напоминалъ сѣдоку что-то далекое. — А, да! На тѣхъ же коняхъ, съ тѣмъ же самымъ возницей, уѣзжалъ онъ въ городъ послѣ послѣдней вакаціи, проведенной имъ у дяди, гдѣтъ десять тому назадъ. Совершенно вѣрно: десять... Сколько воды,

*) См. Прологъ—выше: январь, стр. 165.

однако, утекло съ тѣхъ поръ; прошлое представлялось ему какъ бы сновидѣніемъ, между тѣмъ какъ все это отчетливо сохранилось въ памяти. Девятнадцатилѣтнимъ юношей, сбросивъ только-что гимназическій сюртучокъ, ощущалъ онъ въ душѣ великую гордость: онъ облекся тогда впервые въ студенческой мундиръ. Но это самоуслажденіе исчезло безслѣдно въ день отъѣзда. Садясь въ эту же самую повозочку, запряженную тѣми же лошадами, у путешественника съ едва начавшими пробиваться усиками, стояли въ глазахъ крупныя слезы, сдерживаемыя съ превеликимъ трудомъ. Еслибы не стыдно было передъ самимъ собой, расплакался бы непремѣнно...

Кто вѣдаетъ, быть можетъ, онъ немного и поплакалъ объ этой оставляемой имъ деревнѣ, о золотой свободѣ золотого лѣта, а главное — о тѣхъ большихъ сѣрыхъ очахъ, печальный взглядъ которыхъ повстрѣчался съ его взоромъ въ тотъ самый моментъ, когда повозка тронулась отъ крыльца.

А и въ самомъ дѣлѣ, это тѣ же самыя лошади, и возница все тотъ же.

— Послушай, любезный, сколько лѣтъ этимъ конямъ?

Паренекъ повернулъ лицо въ сѣдову.

— Одному, баринъ, по святомъ Егоріѣ пошелъ шестой годокъ, а другому, должно, шесть будетъ на Успенье.

Успенье! Что такое? Название какъ будто напоминаетъ что-то очень пластичное, а вмѣстѣ и неуловимое. И ему показалось, что при солнечномъ блескѣ разносится звонъ, а въ воздухѣ стоитъ какой-то одуряющій запахъ. Не называется ли такъ одинъ изъ праздниковъ?... Отчего же, однако, при воспоминаніи о немъ въ воздухѣ начинается звонъ, чѣмъ-то пахнетъ?

Вотъ оно чтó, лошади похожи только, а вовсе не тѣ,—понятно. Зато возница...

— Послушай, давно ты служишь у моего дяди?

— Я-то? Хи, хи... Стало быть постоянно. И родился въ Дарновѣ. Ну, а что касается кучерской обязанности, такъ это будетъ дѣйствительно годика два тому назадъ, не болѣе, надо полагать на Срѣтенье Господне.

Срѣтенье... Ага! Снѣгъ подъ полозьями скрипитъ, звѣздочки искрятся по небу, народъ начинаетъ поговаривать о волкахъ... Неужели и возница—не тотъ самый? а какъ напоминаетъ прежняго!.. Поля-то ужъ навѣрное тѣ же самыя. Стелются—ровныя, необъятно-широкія; на пожелтѣвшихъ пожняхъ тамъ и сямъ ложатся розоватыя полосы отъ заходящаго солнца. Васильки и лютики отливаютъ цвѣтами дорогихъ каменьевъ, — горять сапфиры

и аметисты, разбросанные горстями по морю золота. Повозочка скользит по бѣлой, словно мукой усыпанной дорогѣ, а по обѣ стороны ярко зеленѣютъ широкіе объѣзды. Тяжко подпрыгиваетъ задній ходъ, попадая поминутно то въ колеи, то на камень; мимо несутся вдаль рѣдкими рядами дикія груши; изрѣдка попадаются овѣ и на пожнѣ. Кое-гдѣ встрѣчаются вразсыпную, маленькими группами боярышникъ, барбарисъ, орѣшина, шиповникъ. Густо усѣянъ барбарисъ и шиповникъ красными ягодами. А на темномъ орѣшникѣ мелькаютъ свѣтло-зеленыя, въ крапинкахъ, гвѣздышки дозрѣвающихъ орѣховъ... Черезъ полчаса ѣзды дорога свернула на поемные луга съ небольшою по срединѣ лужицей. Какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражаются въ ней румяныя и серебристыя облака. Вдоль лужицы раскачивается аистъ съ длиннымъ клювомъ и передвигаетъ степенно свои высовія ноги-ходули. И сколько ихъ тутъ... другой, третій, пятый, десятый... Стоять уткнувшись клювами въ траву, либо ходить по болотинѣ, плюхая тяжело ногами по водѣ, крѣпко о чемъ-то раздумываютъ, — не о скоромъ ли отлетѣ въ дальнія страны... вотъ, вотъ, сорвутся съ мѣста и улетятъ.

„Точь въ точь какъ я! Улетѣлъ, заверну теперь только на минуточку. И снова улечу. Богъ знаетъ, вернусь ли когда-нибудь.. и то развѣ пролетомъ... Воду эту называютъ здѣсь, кажется, болотомъ... какъ же зовутъ это болотце? Когда-то и я зналъ, ходилъ на эту самую луговину стрѣлять какихъ-то птицъ, а какъ ихъ звали — никакъ не припомню. Знаю только, по вечерамъ играютъ здѣсь два оркестра: лягушекъ и птицъ, а какихъ — хоть убей, не помню“..

Послѣднее слово „оркестръ“ напомнило ему циркъ, послѣ годового своего отсутствія вернувшійся въ столицу за два мѣсяца до его отѣзда. Въ этомъ циркѣ и находилась волгижерва Аврора, та самая, которая нѣкогда благоволила къ нему, пока въ одинъ прекрасный вечеръ не отбилъ ее этотъ горбунъ-миллионеръ. Она вернулась опять, случилось съ ней встрѣчаться. Такой стихъ тогда на него нашель: жаждалъ развлеченій, упоеній... Посѣщалъ и циркъ, видѣлся съ Авророй и не тамъ только... Сразу оборвалъ все и уѣхалъ. И зачѣмъ эта Аврора... на ипподромѣ птица, мотылекъ, сверхъестественное почти явленіе, а за ареной... Да ну ее! Вспоминать противно...

Потянуло прохладой отъ лѣсочка, въ которому быстро подвигалась повозка. Съ наслажденіемъ вдыхалъ онъ полною грудью свѣжій аромать березняка и осины. Въ пресыщенной влагой атмосферѣ вупалась развѣсистая ольха, какъ бы расщепленная на множе-

ство пней, умѣстившись на болотистомъ возвышеніицѣ. Тамъ и сямъ повисли на ней, въ видѣ огромныхъ шапокъ, гнѣзда грачей. Въ рѣдкомъ березнячкѣ, чистомъ, ровномъ, скользили по травѣ, по бѣлымъ пнямъ, по лиловымъ горлянкамъ и фіалкамъ свѣтовые лучи, огненные зигзаги и пятнышки.

За березнячкомъ, немного подальше, промежь полей и молодичка мелькали ряды избъ недалеи деревни, видѣлась и другая, подальше. Изъ крупной зеленѣющей заросли стрѣлою поднимались вверхъ высокіе пирамидальные итальянскіе тополи. По этимъ самымъ деревьямъ легко было догадаться, что гдѣ-то тутъ недалеко долженъ быть помѣщичій домъ, а ѣхавшій зналъ даже, какой именно.

— Дарновка, а? — крикнулъ онъ, обратясь къ возницѣ.

— Такъ точно, баринъ, — отвѣтилъ парень, и слегка хлестнулъ сичомъ каштанокъ.

Лошадки припустили еще, и изъ-подъ колесъ взвились цѣлая облака пыли. И эта пыль, вздымавшаяся клубами изъ-подъ колесъ и опять ниспадавшая на землю какимъ-то золотистымъ дождемъ, тоже знакомая. Онъ слышитъ даже какой-то запахъ отъ песку, смѣшаннаго съ глиной, что-то дышетъ на него сухое и горячее. Впечатлѣніе, положимъ, слабое, но даетъ себя знать, напоминаетъ о чемъ-то. Неужели же это правда? Во вьющейся надъ дорогой пыли рѣвуть неосвязаемыя паутины, невидимая почти мошквара, и все это жужжать, вишить воспоминаніями.

Недалекъ отъ дома, окруженнаго пирамидальными тополями, на фонѣ румянящейся на западъ вечерней зари движется неторопливо-темный профиль коня, плуга и идущаго за плугомъ человѣка. Во всей этой шире пространства — единственное человѣческое созданіе. Гдѣ-то, впрочемъ, вдали слышенъ ревъ скота, крики пѣтуха, постукиваніе топора и слабый мотивъ крестьянской пѣсни. Всѣ эти звуки обрываются разомъ тамъ гдѣ-то, у деревенскихъ избъ; круто вздымаются надъ отдаленными крышами жгуты дыма, отражаясь на небосклонѣ блѣдно-золотистыми лентами. Кругомъ залегла полная тишь. Лишь мелкая пташка пощebetываетъ гдѣ-то, усѣвшись на груши по межамъ да на придорожныя вербы.

Эту тишь нарушилъ громкій окрикъ съ поля.

— Стой, Мартьянъ, стой же, тебѣ говорятъ!.. Здравствуй, Ромикъ! Подожди меня, котикъ; не лѣзь, ради Бога, на живо! Такой коверъ не по тебѣ, ну, а я привыкъ, живо добѣгу. Здравствуй, здравствуй!..

На заднемъ фонѣ остается плугъ и пара коней, застывшихъ

неподвижно на недопаханной бороздѣ. Старый пахарь, высокій, плечистый, сѣдой, лысый, въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, держитъ и не выпускаетъ изъ объятій молодого, стройнаго господина въ модномъ пальто и блестящихъ лакированныхъ полусапожкахъ.

Старикъ выпрямился, наконецъ, и крикнулъ парню, продолжавшему сидѣть преспокойно на облучкѣ.

— Поѣзжай-ка, Мартыанъ, домой. Скажи Ванюшкѣ, чтобъ онъ живой рукой убралъ съ поля мой плугъ, а я пойду съ гостемъ.

Съ удивленіемъ взглянулъ Романъ уhradкой на плугъ, а старикъ замѣтилъ ему:

— Удивляешься, что засталъ мсня за сохой? Думаешь: какъ же такъ? Прежде этого не было, а?.. Да, правда. Видишь ли, котикъ, въ старину—ничего не подѣлаешь—я и самъ былъ изъ иного тѣста, знаешь, этакого нѣжнаго, съ изюмчикомъ...

— Нѣтъ, что же особеннаго... въ видахъ гигиены, конечно,—вставилъ Романъ.

Старикъ расхохотался.

— Вотъ именно, котикъ, ради гигиены... ты угадалъ! Именно, это гигиенично, ничего не подѣлаешь... Н-да... оставимъ, однако, объ этомъ. А все-таки ты къ намъ приватилъ,—ничего не подѣлаешь,—все-таки пріѣхалъ...

Они шли къ дому по неширокой аллеѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ тѣнистыми деревьями, и поминутно присматривались другъ къ другу, стараясь, однако, дѣлать это незамѣтно. Ромуальдъ Дарновскій въ эти десять лѣтъ не особенно сильно измѣнился. Тотъ же самый крупный ростъ, мускулистая рука; тотъ же большой лобъ, ставшій еще больше, благодаря значительно увеличившейся лысинѣ; по прежнему сверкаютъ темные глаза изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей.

То же самое веселое добродушіе, не безъ нѣкотораго, однако, оттѣнка лукавства, замѣчалось на этомъ крупномъ, продолговатомъ лицѣ, подернутомъ сильнымъ загаромъ, здоровомъ, хотя и изборожденномъ морщинами. Въ своихъ тяжелыхъ, высокихъ, запыленныхъ сапогахъ, въ казакинѣ изъ домашняго сукна, разсыканномъ Мартыаномъ гдѣ-то на пашнѣ и надѣтомъ на скорую руку, старикъ имѣлъ видъ здороваго, сильнаго земляшца, веселаго и бойкаго простолюдина. Право, онъ почти не измѣнился за эти десять лѣтъ. Но что-то сразу бросилось Роману въ глаза, чего прежде не было или же онъ не замѣчалъ въ немъ. И это его изумило, а отчасти и обезпокоило. Эта работа физическая, эта скромная одежда, руки и лицо загрубѣвшія и загорѣлыя... Неужели владѣлецъ Дарновки въ самомъ дѣлѣ разорился и по необходимости

долженъ теперь нищенски перебиваться?.. Однако, въ старикѣ не было и тѣни угнетенности. Бойко и весело болталъ онъ съ племянникомъ.

— Пріѣхалъ-таки, котикъ! А знаешь что? Получилъ я твое письмо, посылаю за тобой лошадей на станцію и все не вѣрю,—ничего не подѣлаешь! Думаю себѣ: эхъ, въ самую послѣднюю минуту, и вдругъ его что-нибудь да удержать...

Романъ немного свонфузился.

— Виновать, дядя, предъ тобой, самъ понимаю; даже не простительно. Ничего мудренаго, что ты усомнился въ моей привязанности. Повѣрь...

— Еще что не выдумаешь?—замахалъ руками старикъ Дарновскій.—Въ чемъ же твоя вина, котикъ? Ты это про письма, что-ли... рѣдко отзывался, а послѣднія шесть лѣтъ и совсѣмъ пересталъ писать... Эхъ, котикъ! развѣ я не понимаю, какая была этому причина. Извѣстно—свѣтъ, отношенія, разсѣянность, развлеченія, занятія, карьера... forse шажеуге, котикъ... Постой, хорошо ли я помню, что это значить? Forse шажеуге... стало быть, главная пружина, самая требовательная, самая что ни на есть важнѣйшая... такъ что-ли? Ничего не подѣлаешь... А тамъ что касается привязанности, она, котикъ, и была, быть можетъ, тлѣла себѣ на самомъ низу, ничего не подѣлаешь, а ее эта самая forse шажеуге и придавила... А должно быть что-нибудь да было, если, ничего не подѣлаешь, ты прискакалъ... Ну, поздравляю, котикъ, есть чѣмъ похвастаться... Мѣсто досталъ чудесное. О-о! высоко влетѣлъ и, ничего не подѣлаешь, забереешься еще выше! Великолепно, превосходно! Да и то сказать, выбралъ себѣ самую подходящую отрасль науки; она тебя и охранила; грибочкомъ не будешь, тю-тю!.. по этакой-то наукѣ,—да вдругъ грибомъ...

— Какъ это такъ, грибомъ? — спросилъ, улыбаясь, Романъ.

— Да вотъ какъ, примѣромъ будучи сказать, мы... ничего не подѣлаешь, ничтожнѣйшіе грибы. Сидимъ вѣчно на одномъ и томъ же мѣстѣ, тамъ, гдѣ Господь насъ посѣялъ... Ты, братецъ, ничего не подѣлаешь, летишь себѣ листочкомъ съ дерева сорвавшимся, свободно, легко... Еще бы, куда пріятнѣй и милѣй...

Старикъ вдругъ остановился, возрился на какой-то отдѣльный пунктъ и прокричалъ:

— Эй, Ира! Чего ты тамъ въ зелень утонулась? Иди-ка къ намъ поскорѣй, кошечка, поздоровайся, съ гостемъ... Вотъ онъ и пріѣхалъ!

Старикъ обернулся снова къ Роману.

— Видишь ли, котикъ, и они тоже... Стефанъ и Иречка

сначала не повѣрили, что ты въ самомъ дѣлѣ пріѣдешь. И чего онъ тутъ не видалъ?—болтаютъ они.—Что можетъ его заинтересовать здѣсь? И безъ того, ничего не подѣлаешь, ждать его длинный путь...

Впереди ограды и вѣздныхъ воротъ во дворъ, на большомъ огородѣ, отдѣленномъ отъ дороги только низенькимъ заборчикомъ, Романъ вдругъ увидѣлъ женскую фигуру. Идя рядомъ съ дядей, онъ сначала-было ее не замѣтилъ. Изъ-за растущихъ кучею подсолнечниковъ выступила она на плотно утопанную тропинку, вьющуюся между грядами огородной зелени всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ ярко зеленого и оканчивая краснымъ. На громкій, безцеремонный призывъ старика, она двигалась все быстрее къ калиточкѣ забора. Наконецъ, стройная и прямая, съ нѣскольکو наклоненной головой, дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ остановилась передъ нимъ. Корзиночка въ рукахъ вся до верху набита зеленью; красные и темнозеленые листья такъ и выпираютъ, свѣшиваются далеко черезъ край.

Неужели?! Да, она, она! Та же самая Ирена, когда-то такая прелестная и... любимая. Однако, какъ выросла!.. Гораздо выше, чѣмъ была прежде. Гдѣ же косы? Черныя какъ смоль, блестящія какъ шолкъ, онѣ свернуты теперь тщательно позади этой слегка склонившейся головки. Остановившись передъ ожидавшими ее посреди дороги, дѣвушка неторопливо подняла взоры. Придерживая бережно одной рукой корзину, изъ которой буквально повли блестящіе и пахучіе листья, она подала другую гостю. На подобіе загорѣвшей на небѣ вечерней зари залило ее лицо румянцемъ, начиная отъ корней черныхъ волосъ до покрывавшаго шею воротничка ситцеваго платья, испещреннаго голубыми и бѣлыми клѣточками. Лишь на одно мгновенье, замѣтилъ Романъ, сѣрые зрачки ея скользнули по его лицу, а онъ крѣпко сжалъ ее ручку. Она сразу же отдернула и снова удалилась на огородъ.

Старый Дарновскій хохоталъ, какъ сумасшедшій.

— У дѣвочки языкъ отнялся, ей-же ей, ничего не подѣлаешь! Да какъ и не онѣмѣть при видѣ такого свѣтскаго молодца, чуть что не сановника. Присѣла, словно кроликъ, и ускакала... Не удивляюсь нисколько. Не каждый день,—ничего не подѣлаешь,—не часто приходится намъ видѣть здѣсь подобныхъ тебѣ особъ...

— Затѣмъ же насмѣхаться, дядя!—замѣтилъ Романъ. Немного спустя, онъ заговорилъ снова, нѣсколько колеблясь:—Баронесса Ламони передавала мнѣ, что Иреночка не уѣзжала изъ Дарновки... Меня это, признаться, удивило.

— Что же нашелъ ты тутъ удивительнаго, котикъ?

— А... что до сихъ поръ не вышла замужъ...

Старикъ разразился громкимъ и добродушнымъ смѣхомъ.

— Замужъ? За кого же прикажешь, котикъ? Сдѣлай одолженіе, скажи! Не за пѣтуха ли? Ха, ха, ха! Ничего не подѣлаешь! Развѣ что за пѣтуха. У насъ вѣдь тутъ во всей околицѣ никто не женится и не выходитъ замужъ.

— Почему же такъ, дядя?

Старикъ даже изумился.

— И ты въ самомъ дѣдѣ не знаешь? Ничего не подѣлаешь! Ну, узнаешь, вотъ побудь немного у насъ.

Старикъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и болѣе не смѣлся.

— Ну, да это, котикъ, не бѣда. Если въ одномъ краешкѣ не заводятъ семей, стало быть по другимъ мѣстамъ ихъ хоть отбавляй. Родъ людской нисколько не пострадаетъ, и для всемирной экономіи,—ничего не подѣлаешь,—все единственно.

Въ свою очередь и Романъ едва удержался отъ хохота,—до такой степени показалось ему наивнымъ разсужденіе старика.

— Помилуй, дорогой дядя, то, что ты говоришь, нисколько не утѣшительно. Если ужъ такая красивая, одаренная такими крупными достоинствами дѣвушка, какъ моя кузина Ирена...

— Нашелъ красавицу! Много чести!—перебилъ его Дарновскій.—Ты это, я знаю, изъ вѣжливости. Въ большомъ свѣтѣ, небось, много красавицъ видалъ, которымъ наша Иря, ничего не подѣлаешь, и въ подметки не годится. А насчетъ достоинствъ, котикъ,—ты меня извини,—мало ли какія достоинства, бываютъ и глупыя. Иное дѣло—приданое. Ну, а если его нѣтъ,—ничего не подѣлаешь,—надо тогда всѣ эти предрасудки, ты меня понимаешь, по боку, и дѣйствовать волей и инициативой. То-то и бѣда: она у меня, сердешная, съ предрасудочками, а воли и инициативы—ни на грошъ. Могла бы и она, конечно, пуститься въ широкій свѣтъ, гоняться за судьбой и мужемъ. Держалъ я для нея и гувернантокъ, была она у меня и въ пансіонѣ, воспитана, прямо сказать, какъ и всѣ прочія. Всѣ данныя, кажется, на-лицо: и случай подвергивался... ничего не подѣлаешь. А славная предстojала оказія! Шибко понравилась баронессѣ, хотѣла взять съ собой, предлагала большое жалованье, обѣщала вывезить въ свѣтъ...

— Знаю, знаю,—перебилъ поспѣшно Романъ.

— Ага, знаешь? Стало быть, Ламониха и тебѣ передавала. Видишь, котикъ, суди самъ: развѣ не чудачество, развѣ не полное отсутствіе воли и инициативы? Не захотѣла, ничего не подѣлаешь, нечего и разговаривать, коли не хочеть. Хоть волъ ей

на головѣ теши. Чуть что не миллионерша, можно сказать, вся—чистое безъ примѣси золото, и говорить ей: „увидишь свѣтъ, стану рядить, выдамъ замужъ“. А она, словно чечеточка какая—ха, ха, ха! да хи, хи, хи... Смѣется и твердить все одно: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что, ни за что!“ Ну, самъ посуди, котикъ, чѣмъ это пахнетъ? Что это означаетъ?

— Помилуй, дядя, мнѣ кажется... это лучшее доказательство воввышенности чувствъ кухни Ирены... у нея чудное сердце, горячо васъ любящее...

Дарновскій даже вскрикнулъ отъ удивленія.

— Неужели? Вотъ оно что! Не шутишь? Признаюсь,—изумленъ. Ничего не подѣлаешь... Вотъ такъ штука! Странно... карьера предстояла, и еще какая! Поди ты, не захотѣла,—пожелала навсегда остаться, ничего не подѣлаешь, тѣмъ грибомъ, котораго никто не подыметъ...

— Отчего же никто? Почему?—запротестовалъ горячо Романъ.

Старикъ на этотъ разъ ничего не отвѣтилъ. Его блестящія насмѣшливые глаза скользнули по лицу племянника, а уста изподъ сѣдыхъ усомъ глядѣли въ первый разъ сурово и печально.

Они вошли черезъ широкія, растворенныя настежь ворота во дворъ овальной формы. Пахло свѣже сношенной травой. Въ глубинѣ виднѣлся домикъ съ крылечкомъ, четыре столбика котораго горѣли ярко красными лентами подъ лучами заходящаго солнца. Кусты бузины и таволги тянулись по обѣимъ сторонамъ и прикрывали рядъ невысокихъ оконъ. Не торопясь, сошла съ крыльца имъ на встрѣчу худенькая, довольно еще миловидная женщина съ сѣдѣющими уже волосами, а рядомъ съ нею и дѣвочка лѣтъ двѣнадцать. Мужчины, замѣтивъ ихъ, прибавили шагу.

— Посмотри, Паулинка, вѣдь пріѣхалъ. А вы всё твердили: нѣтъ, да нѣтъ. Ничего не подѣлаешь, сердце не камень... привело его еще разъ сюда... быть можетъ, въ послѣдній разъ! Жену-то мою, Ромикъ, узналъ? Прошу любить и жаловать. А это, котикъ, рекомендую—послѣдняя вѣточка, Броня. Ей было годика два, не больше, когда ты гостилъ у насъ передъ своимъ отъѣздомъ въ университетъ. А Леонъ, постарше ея будетъ, сегодня только-что укатилъ опять въ школу послѣ вакацій. Старшаго, Стѣпу, конечно, помнишь. Ничего не подѣлаешь, верзла порядочный, магистръ какихъ-то наукъ, на лугу вмѣстѣ съ работниками косить. Вотъ погоди, вернется,—тряхнете стариной. А пока что, ничего не подѣлаешь, угости-ка, Паулинка, гостя чаемъ...

Худенькая миловидная женщина съ начинавшими сѣдѣть во-

лосами, съ личиомъ довольно незначительнымъ и добродушнымъ, какъ бы чѣмъ-то огорченнымъ, въ скромномъ платьицѣ, бьющемъ однако на эффектъ, все еще не выпускала изъ своихъ худенькихъ желтыхъ рукъ пальцы Романа. Грустно взглянула она на мужа и промолвила жалобнымъ тономъ:

— Ахъ, какой ты, право! вѣдь Иря еще не вернулась съ огорода.

— Ага, безъ Ири не обойдемся, ничего не подѣлаешь. Не хочешь ли, котикъ, пока къ Степѣ? Близѣхонько, сейчасъ за садомъ. Вспомнишь по дорогѣ нашъ садъ... а тутъ, по двору, ухъ какъ гарцовали вы прежде верхами со Степой! Онъ сильно измѣнился, ничего не подѣлаешь. Да вотъ самъ сейчасъ увидишь... Тѣмъ временемъ хозяйки приготовить намъ чай. Маршъ съ нами, Брона!

Словно по командѣ, дѣвочка уцѣпилась за отцовскую руку. Маленькое ея личико, кругленькое и розовое, засвѣтилось отъ удовольствія, голубые глаза смѣялись, но присутствіе гостя видимо ее стѣсняло. Она молчала и серьезничала, а безчисленныя змѣйки золотыхъ кудрей выбивались прихотливо на лобъ и шею. Коротенькая, довольно внушительныхъ размѣровъ коса, по обычаю заплетенная, нисколько не мѣшала непослушнымъ прядкамъ всюду разсыпаться.

Нѣсколько минутъ шли они аллеями и дорожками сада. Передъ Романомъ онъ развертывался постепенно, подобно давно забытой, но хорошо ему известной картинѣ.

На одной дорожкѣ, тянувшейся параллельно забору, съ длиннымъ рядомъ плачущихъ березъ, слышались явственно какіе-то острые, металлическіе ритмичные звуки.

— Что это звенитъ?—спросилъ изумленно Романъ.

Старикъ Дарновскій остановился. Онъ только-что рассказывалъ про перемѣны, которыя онъ съ помощью Ири произвелъ въ саду и еще предполагаетъ сдѣлать.

— Коса звенитъ, котикъ; иступилась у кого-то, вотъ и оттачиваетъ.

Романъ замѣтилъ, что дѣвочка съ золотистыми кудрями всматривается въ него пытливыми, изумленными глазами. Ничего, однако, не сказала и продолжала по прежнему держаться серьезно.

Вошли, наконецъ, на лугъ черезъ продѣланную въ заборѣ калитку. Тамъ и сямъ видѣются отдѣльные деревья и кусты. Узкой длинной полосой тянется поляна, а вдали блеститъ тоненькая излучистая лента поверхности воды. Немного поближе, въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ стахъ шагахъ, свербаютъ ритмичнымъ

темпомъ косы въ рукахъ широко разставленной перенги рабочихъ. Солнце уже зашло, послѣдній отблескъ красноватыхъ лучей освѣщаетъ бѣлыя рубахи косарей и кровавыми пятнами окрашиваетъ подъ ногами у нихъ щавель и мятлики. Подъ деревьями легли уже вечернія тѣни, а надъ вустарнивомъ вьется бѣлый дымокъ, ночное дыханіе насыщенной влагою мѣстности. Старикъ Дарновскій дальше калитки шагу не сдѣлалъ.

— Мы здѣсь переждемъ... Видишь, луговина вся мокрая, гдѣ же тутъ да съ твоими ботинками, вотивъ, ничего не подѣлаешь. Я тебѣ говорю — пропадутъ...

И онъ крикнулъ:

— Степа! Иди-ка сюда, вотивъ! Брось работу, пора и кончать, поздоровайся лучше съ братомъ.

Но еще раньше зова, при первомъ появленіи вышедшихъ изъ сада на лугъ, одинъ изъ косарей спустилъ на землю косу и большими шагами направился къ стоявшей у забора группѣ. Высокій, крѣпко сложенный, подобно отцу, но значительно его тоньше, сильный брюнетъ со смуглымъ лицомъ и темными огненными глазами, какъ и у отца, опущенными соболиной бровью, Стефанъ Дарновскій остановился передъ двоюроднымъ братомъ, но руки ему не подаль.

— Извини, — промолвилъ онъ, — что руки не подаю... Нѣсколько часовъ какъ работаю: она у меня горитъ...

— Огъ работы, ха, ха, ха! Ничего не подѣлаешь, разгорѣлась отъ работы... — разсмѣялся старикъ. — Ладно, исправишь свой туалетъ, тогда и расцѣлуешь, обнимешь его... ничего не подѣлаешь. Идешь, что-ли, вмѣстѣ съ нами домой?

— Мнѣ еще нельзя, отецъ. Приду черезъ четверть часа вмѣстѣ съ ними...

И онъ указалъ на косарей. Глядя повуро, онъ лишь мелькомъ окинулъ взоромъ Романа и тотчасъ же уставился въ землю. Красивыхъ очертаній лобъ, смуглый и гладкій, лоснился отъ пота; мѣстами выступали даже крупныя капли.

Романъ испытывалъ и удивленіе, и разочарованіе. Съ нетерпѣніемъ, жадно выжидалъ онъ встрѣчи со своимъ братомъ, почти роднымъ, когда-то товарищемъ по школѣ. Ровесниками были, вмѣстѣ учились, барахтались, рѣзвились, резонировали, рѣшали — все что угодно, самое неожиданное, — но такой именно встрѣчи Романъ не ожидалъ. Какой у него видъ — совсѣмъ оригинальный; ну, и равнодушіе, которое онъ выказалъ — тоже необычное.

— Такъ черезъ четверть часика? Будь по твоему, вотивъ. Знаю, берешься за все горячо, точь-въ-точь какъ Грабовецкій

въ танцахъ. Ничего не подѣлаешь, братъ и гость можетъ обождать четверть часика... А помнишь ли, Романъ, этотъ лугъ?

Молодой человѣкъ едва припоминалъ, какъ бы сквозь сонъ. Ему пришло въ голову нѣчто иное—другой лугъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ. И онъ спросилъ дядю, не знаетъ ли случайно его названія.

— Что сказали! Всего три версты отъ Дарновки. Градицкій лугъ, вотикъ, Градицкій—такъ прозванъ по имени ближайшей деревушки.

А и въ самомъ дѣлѣ! Да, теперь и Романъ припоминаетъ это названіе. Одного только никакъ не можетъ сообразить—какъ зовутъ тѣхъ птицъ, которыя по вечерамъ, лѣтомъ, вмѣстѣ съ лягушками распѣваютъ громко по лугамъ... формально два оркестра.

— Коростели, вотикъ, надо полагать. Впрочемъ, что я! навѣрное коростели, кому же и быть другому?

Да, да, теперь Романъ отлично знаетъ, что голоса птицъ принадлежать дѣйствительно коростелямъ. И въ эту самую минуту онъ встрѣтился съ устремленными на него съ нескрываемымъ выраженіемъ удивленія взорами, глядѣвшими изъ-подъ высоко приподнятыхъ бровей. На этотъ разъ на губахъ дѣвочки дрожала съ трудомъ сдерживаемая улыбка.

„И чего эта куколка,—подумалъ Романъ,—таращить на меня глазѣнки, и даже, кажется, вздумала надо мной смѣяться! Премиленькое все же существо!“

Въ сырѣющемъ розоватомъ воздухѣ раскатился по лугу дружный хохотъ. Надъ чѣмъ-то косари потѣшались, собирая разбросанную по травѣ одежду и готовясь уйти. Черезъ отверстіе садовой калитки, тамъ, гдѣ стояли еще оба Дарновскіе съ Броней и любовались на лугъ, можно было замѣтить, что Стефанъ, широко размахивая руками, передавалъ что-то своимъ товарищамъ и вдругъ громко, во все горло захохоталъ. Лугъ подхватилъ мужественно широкую гамму веселыхъ тоновъ. Вторили ему хоромъ нѣсколько косарей. Старикъ Дарновскій схватился за усъ, дернулъ его и лихо завернулъ...

Нѣсколько минутъ спустя, въ небольшой гостиной сидѣлъ Романъ вдвоемъ съ своей теткой. Интересной она не была, наводила скорѣе скуку съ своей вѣчной грустью и манерой говорить въ носъ и цѣдить сквозь зубы, что еще болѣе придавало ей видъ постоянного недовольства. Но въ глазахъ ея свѣтилась необыкновенная доброта. Глядя на нее теперь, Романъ припоминалъ отчетливо какія-то давно минувшія ночи, чрезвычайно томительныя. Эти блѣдно-голубые глаза устремлены на него, ды-

шать искреннимъ сожалѣнiемъ, и эти длинныя, уже пожелтѣвшiе пальцы подносятъ къ его запекшимся губамъ лекарство. Былъ онъ тогда еще ребенкомъ, бѣднымъ сиротой, больнымъ, а эта женщина, ухаживавшая за нимъ, вырывала его изъ объятiй болѣзни и даже смерти. Быть можетъ, это самое воспоминанiе и было причиной, что онъ не обращалъ никакого вниманiя на чопорный до смѣшного уборъ и почти несносную манеру ея произношенiя. Не только терпѣливо продолжалъ онъ ее выслушивать, но даже съ нѣкоторымъ удовольствiемъ сталъ отвѣчать на ея вопросы о столицѣ, блескѣ ея, обычаяхъ и развлеченiяхъ. Слушая его, она поминутно охала и раза два, сжавъ судорожно руки, глубоко вздохнула:

— Ахъ, ахъ, ахъ! ахъ, ахъ, ахъ...

Вскорѣ, однако, тетка оправилась и нѣжно потрепала розовыя щечки Броня, принесшей ей и гостю чай. Поставивъ подносы на столъ, дѣвочка утонулась въ колѣни матери и стала ее цѣловать. Потомъ со смѣхомъ вскочила и, подпрыгивая, убѣжала въ столовую за сухарями. Дарновская обратилась къ Роману:

— Много ли тамъ такихъ дѣвочекъ, какъ моя? Ну, нѣтъ, пожалуй, что и не найдется.

И тонкiя, пожелтѣвшiя губы сложились въ широкую улыбку, блѣдно-голубыя зрачки потемнѣли. Минуту спустя, она принялась опять по прежнему вздыхать.

— Ахъ, ахъ, ахъ! Ты не повѣришь, какъ я обожаю театръ! Ахъ, ахъ, ахъ!.. Въ молодости и мнѣ доводилось бывать... давно не была... Никогда, никогда не придется, ахъ, ахъ, ахъ!..

Взглянувъ въ окно, она совершенно другимъ тономъ заговорила:

— Стефанъ идетъ. Броня, Броня!

— Что прикажешь, мамочка?—завенѣлъ въ дверяхъ голосъ подростка.

— Скажи Ирѣ: ужинать надо, поскорѣй, поскорѣй... Стефанъ навѣрное проголодался. Да и папа выходитъ изъ овина, сюда идетъ.

И Романъ тоже увидѣлъ Стефана. Большими шагами прошелъ онъ черезъ дворъ, перекинулся на крыльцѣ нѣсколькими словечками съ выбѣжавшей ему на встрѣчу Броней, потомъ быстро юркнулъ въ домъ. Вскорѣ появился онъ и въ гостиной, отвѣсилъ церемонный, хотя и довольно привѣтливый поклонъ, но въ его обращенiи Романъ не замѣчалъ и тѣни сердечности. Стефанъ усѣлся въ отдаленiи отъ бесѣдующихъ. На сѣрѣющемъ фонѣ сумерекъ, у освѣщеннаго окна, профиль его, съ опущенными вѣками, вырисовывался строгими, почти жесткими линiями.

За ужиномъ, обвинувъ взоромъ столовую, Романъ припомнилъ слова баронессы: „старый домъ, старинная мебель, старосвѣтскіе обычаи“. Все здѣсь осталось по старому, такъ, какъ было лѣтъ десять тому назадъ. Ему некогда было, впрочемъ, присматриваться пристально къ предметамъ и лицамъ, сидящимъ за столомъ. Все его вниманіе поглощено было сразу начатою бесѣдой съ дядей. Накладывая себѣ на тарелку изъ стоявшаго передъ нимъ блюда и вернувшись къ прежнему своему разговору съ племянникомъ, старикъ Дарновскій заговорилъ:

— Полторы тысячи верстъ! фу ты! на самый край свѣта! Ничего не подѣлаешь. Заѣдешь, Ромикъ, далеко, и людской глазъ никогда тебя здѣсь болѣе не увидить.

Романъ заговорилъ съ живостью:

— Отовсюду возвращаются, дядя; ты забываешь о теперешнихъ средствахъ сообщенія. Неслыханное дѣло: осуществилась наконецъ сказка о семимильныхъ сапогахъ. Всякій нуждающійся и ищущій куска хлѣба можетъ свободно ихъ надѣть.

Старикъ пересталъ ѣсть и съ выраженіемъ изумленія, глядя на племянника, заговорилъ:

— Куска хлѣба? И чего ты не выдумаешь, котикъ! Зачѣмъ же такъ унижать самого себя и себѣ подобныхъ! Кусокъ хлѣба! Суцая пустяковина. Эка штука, кусокъ хлѣба! Ничего не подѣлаешь,—всякій можетъ его добыть, если только не калѣва или, прошу извиненія, не дуракъ набитый. Кусокъ хлѣба имѣеть, какъ говорится въ писаніи, тотъ, кто срубаетъ дерево, кто носить воду. По городамъ,—ничего не подѣлаешь,—кто сапоги шьетъ, одежду, кто перецъ взвѣшиваетъ, ну тамъ и еще разныя другія вещи продѣлываютъ. У насъ, по деревнямъ, пашутъ, сѣютъ, молотятъ, мелютъ и тоже кусокъ хлѣба себѣ зарабатываютъ...

— Но какой, спрашивается? — вставилъ Романъ.

— То-то и есть. Какой? Ты правъ, конечно, котикъ,—именно про то, ничего не подѣлаешь, я и хотѣлъ сказать. У насъ хлѣбъ сухой, а въ самомъ лучшемъ разѣ сдобратъ его немножечко домашнимъ масломъ. Не Богъ знаетъ что, понятно, штука не хитрая, для простачковъ и это сойдетъ, ничего не подѣлаешь, но не для высшаго полета людей. Вышіе люди, ничего не подѣлаешь, понимаютъ отлично свое время и его требованія, цѣну себѣ и то, что должно имъ получить на всесвѣтномъ рынкѣ. Какъ же возможно, ничего не подѣлаешь, ограничиваться имъ сухимъ хлѣбомъ, хотя бы и маслицемъ приправленнымъ! Они стремятся выше, все выше; они, котикъ, домогаются... пирога.

Полагая, что какъ-нибудь не дослышалъ, Романъ переспросилъ со смѣхомъ:

— Чего, дядя?

Старый Дарновскій проговорилъ съ важностью:

— Пирого, котикъ...—Но тотчасъ же поправился:—Я говорю такъ только... только... ты понимаешь, *au figuré*. Ира, какъ ты полагаешь: помню ли я, чтѣ значить „*au figuré*“? А?

— Иносказательно, папочка, —завенѣлъ насмѣшливый голосъ дѣвочки-подростка.

На обоихъ лицахъ — одного еще дѣтскаго, напоминавшаго утреннюю зарю, а другого — сложившейся женщины, подобнаго ясному лѣту, —замелькали молніи веселыхъ улыбокъ. Ромуальдъ Дарновскій и не думалъ улыбаться; съ возрастающей важностью и увлеченіемъ онъ продолжалъ далѣе:

— Стало быть, пирогъ понимать надо въ иносказательномъ смыслѣ. Подъ нимъ я подразумѣваю, котикъ, все, чтѣ сотворилъ прогрессъ человѣческаго разума для людей высшихъ, и безъ чего, ничего не подѣлаешь, не можешь обойтись тотъ, кто не желаетъ быть рабочимъ, попросту сказать, осломъ. Гдѣ же мнѣ, простецу, ничего не подѣлаешь, знать все то, въ чемъ нуждается человѣкъ, скажемъ, не крестьянинъ и не оселъ! Могу понимать одно только, что это самое столь же очевидно, какъ дважды-два — четыре, для разумника, человѣка высшаго полета. Онъ стремится всякими подходящими средствами къ тому именно, чтѣ я иносказательно называю пирогомъ. Какъ подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ! Работать для одного куска хлѣба, изнувать свои силы, энергію и разумъ для того только, чтобы съѣсть кусокъ черстваго хлѣба, хотя бы и приправленнаго. Вѣдь это, ничего не подѣлаешь, какое же вознагражденіе? прямо-таки, овчина выдѣлки не стоитъ. Дурачокъ, что-ли, станетъ убиваться надъ наукой, а потомъ изволь работать, спину гнуть. Для того и сидятъ надъ книжками, чтобы потомъ можно было выбрать какую угодно профессію, дѣйствуя всякими возможными средствами, напрягая всѣ силы, чтобы подняться и прогрессировать. Для того и трудятся, ничего не подѣлаешь, чтобы идти постоянно въ гору, приобрѣтать вещи все лучшія и красивѣйшія, возноситься все выше и выше, становиться обяательнѣе... *Excelsior!* Помню ли я, Стефикъ, чтѣ значить *Excelsior!*.. Выше, выше...

— Къ пирогу, — закончилъ за него Романъ, неудержимо хохоча! Но въ то же время онъ почувствовалъ въ сердцѣ какую-то обиду, тяжелую и раздражающую!

Старикъ Дарновскій не обратилъ никакого вниманія на его

вогласъ. Последнее свое слово сказалъ онъ такъ проникновенно, съ такой силой убѣжденія и увлеченія, что его темные глаза стали метать молніи изъ-подъ сѣдыхъ бровей, а на огромномъ, сливающимся съ лысиной лбу, освѣщенномъ свѣтомъ спускавшейся съ потолка лампы, заходили морщины, подобно бурному морю.

Съ нѣкотораго времени хозяйка дома начала выказывать очевидные признаки беспокойства: то взглянетъ на мужа, то на гостя, какъ бы порываясь возражать чему-то, чему-то поддакивать. Наконецъ своимъ обыкновеннымъ грустнымъ тономъ она промолвила немного въ носъ, цѣдя сквозь зубы:

— Это вѣрно, хотя теперь очень трудно сдѣлать карьеру, а стараться все-таки необходимо — иначе человѣкъ съ самымъ лучшимъ образованіемъ не въ состояніи жить хорошо.

Хотѣлось ей продолжать дальше, но, какъ съ нею всегда случалось, пришло въ голову что-то совершенно противоположное. Она завертѣлась тревожно на стулѣ, взглянула на Стефана и умолкла.

Романъ подумалъ: „ясно и вразумительно по крайней мѣрѣ высказалась“, — и заговорилъ съ возрастающимъ раздраженіемъ:

— Конечно, карьера—необходимость... ничего не подѣлаешь! — онъ улыбнулся, замѣтивъ, что машинально повторилъ поговорку дяди. — Однако, — продолжалъ онъ далѣе: — все же, тетя, жить бы не стояло, еслибы единственной цѣлью человѣка былъ выборъ карьеры.

У стараго Дарновскаго даже брови поднялись отъ изумленія. Внимательно сталъ всматриваться онъ въ племянника.

— Не единственная? — переспросилъ дядя. — А какая такая другая, котикъ? Ничего не подѣлаешь, говори, какая же другая?

Романъ ничего не отвѣтилъ. А внутри его отдавалось эхомъ, какъ бы заглохшимъ въ лѣсу: „какая другая? какая другая? какая другая?“

Старикъ Дарновскій продолжалъ свои разсужденія на ту же тему:

— Да вотъ еще любовь, что-ли?... Молодежь вѣчно носится съ этимъ словечкомъ: любовь, любовь! Чудесно, очень даже мило. Влюбиться этакъ въ какую-нибудь замужнюю женщину, актрису... ничего не подѣлаешь, въ Ирму, Аврору... пожалуй и къ алтарю какую-нибудь повальяжнѣе подвести... ничего не подѣлаешь... великолѣпно, даже очень мило! Понятно, тоже цѣль! Но, знаешь, котикъ, вдвинутая на манеръ ящика въ комодъ, сирѣчь трюфель, да еще въ пироги...

Отъ удивленія Романъ не могъ придти въ себя.

— Дядя... Ирма... Аврора!.. И почему ты знаешь?

Дарновскій поднялъ вверхъ палецъ:

— А баронесса? Здѣсь была, разболтала, ничего не подѣлаешь...

Хозяйка погрозила нгриво гостю и заговорила съ одушевленіемъ:

— Какъ же, рассказывала, рассказывала... ахъ, ахъ, ахъ! Какъ я довольна, какъ счастлива, что Стефигъ сидитъ у меня дома!

Теперь только понялъ Романъ, что здѣсь знаютъ про него гораздо больше, чѣмъ онъ предполагалъ.

Старикъ Дарновскій ѣлъ съ аппетитомъ человѣка, никогда не попробовавшаго „пирога“, скушалъ какое-то мясо, довольно первобытнаго приготовленія, и заѣдалъ его кашей на жиру. Продолжая уписывать, онъ обратился къ сыну:

— А какъ же обстоитъ, Стефанъ, съ нашимъ собственнымъ пирогомъ? Кончили косить на лугу? Барометръ идетъ къ дождю. Досадно, если, ничего не подѣлаешь, трюфель нашъ подмочить.

За все время ужина лицо Стефана озарила улыбка, въ первый разъ изъ угрюмаго стало оно свѣжимъ, веселымъ.

— Позволь, отецъ, — заговорилъ онъ: — въ нашемъ пирогѣ поемные луга вовсе не изображаютъ трюфеля, — кусочекъ только тѣста. Трюфели наши — нѣчто другое...

Оба разсмѣялись и принялись толковать сначала о хозяйствѣ, потомъ перешли и къ другимъ предметамъ, тоже для Романа непонятнымъ. Вскорѣ вмѣшались въ ихъ разговоръ Ирена и Броня. Мужчины забросали ихъ вопросами. Вели оживленную бесѣду о какихъ-то ожидаемыхъ откуда-то людяхъ, о какихъ-то бумагахъ, переданныхъ Иренѣ на храненіе, о какихъ-то дѣтахъ, приходящихъ сюда ежедневно, неизвѣстно откуда, цѣлой гурьбой. Когда приходилось говорить дѣвушкамъ подольше, серьезное лицо Ирены преображалось. Ея блѣдныя черты оживлялись, дышали яркой свѣжестью, а переполненные блескомъ сѣрые глаза какъ бы отражали улыбку румяныхъ тонкихъ губъ. И въ эти мгновенія Романъ не въ состояніи былъ оторвать отъ нея взора. Какой-то давній, забытый сонъ — снова воскресалъ. Какъ красива! Гораздо красивѣе, чѣмъ прежде была! Въ полномъ расцвѣтѣ и дивно покойна. Съ изумленіемъ онъ созерцалъ эту ясность, величіе покоя, преобладающихъ во всѣхъ ея движеніяхъ и чертахъ. Не безъ волненія Романъ спрашивалъ себя: неужели она даже не предчувствуетъ всей скуки и опасности своего поло-

женія? Ей ужь двадцать-пять лѣтъ, двадцать-шестой... Страшно подумать, — останется старой дѣвой. И въ чему?

Вереницу его мыслей спутала хозяйка. Забѣтивъ, что гость не принимаетъ съ нѣкоторыхъ поръ никакого участія въ общей бесѣдѣ за столомъ, она обратилась къ нему и стала спрашивать, помнитъ ли онъ хоть немного сосѣдей Дарновки, Росновскихъ?

— Конечно, помню, особенно Богдана и Сигизмунда.

— Ну вотъ, Богданъ гоститъ теперь здѣсь. Съ мѣсяцъ уже какъ живетъ у себя въ Завроцѣ.

— А гдѣ онъ служить?

Ромуальдъ Дарновскій вмѣшался въ разговоръ жены съ племянникомъ.

— Въ бору, котикъ. Въ какомъ-то огромномъ бору поселился, ничего не подѣлаешь, гдѣ-то очень далеко. Онъ лѣсничимъ... умница, что и говорить, малый дѣльный, вполне человекъ высшій... Огромное жалованье получаетъ... чуть-что не сановникъ, ничего не подѣлаешь...

— А Сигизмундъ Росновскій?

— О, да, тоже высшего полета птичка, котикъ, тоже человекъ — мое почтенье, чутьчку поменьше брата, ничего не подѣлаешь. Такъ высоко, правда, еще не вознесся... горный инженеръ, копаетъ что-то гдѣ-то въ горахъ...

Романъ вспоминалъ о послѣдней встрѣчѣ съ Марцелломъ Домунтомъ и спросилъ о Казимирѣ.

— А этотъ сидитъ пока въ Канёвѣ. Катастрофа съ нимъ случилась, — самъ тебѣ, вѣроятно, расскажетъ. Я думаю, ты съ нимъ поводишься?

— Безъ сомнѣнія.

Съ наслажденіемъ помышлялъ Романъ и раньше о встрѣчѣ здѣсь съ двумя любимѣйшими товарищами первой поры молодости.

— А что подѣлываютъ его сестры? Не вышли замужъ?

— Вообрази, ни одна... ахъ, ахъ! Ни одной не удалось, — со вздохомъ произнесла хозяйка. — За кого и выходить?

— За пѣтуха развѣ, котикъ? — звонко разсмѣялся старикъ Дарновскій. — За пѣтуха, одно остается...

— Почему же?

Никто ему ничего не отвѣтилъ.

Пошли новые разспросы. Упоминались разные лица по мѣрѣ того, какъ они приходили ему въ голову или, лучше, сказать, ворочались въ ней. Вдругъ онъ замѣтилъ, что Броня опять смотритъ на него съ изумленіемъ, такъ, какъ было въ саду, когда онъ спрашивалъ о значеніи невѣдомыхъ ему звуковъ, о названіи луга

и коростеляхъ. У хорошенькаго рѣзваго ребенка на личиѣ отпечатлѣлось комическое удивленіе; по устамъ, въ глазахъ, на щекахъ забѣгали молніи улыбокъ. Вотъ-вотъ сольются въ невозможный, неудержимый взрывъ хохота.

И Романа тоже, глядя на нее, такъ и порывало разразиться. „Этотъ пострѣленокъ, надо сознаться, преотервенно насмѣхается надо мной. Не угодно ли! И что наша смѣшного во мнѣ?“

Наблюденія его прерваны были снова тихимъ обращеніемъ въ нему хозяйки. Пользуясь завязавшимся общимъ разговоромъ, выждавъ минуту, когда никто не обращалъ на нихъ вниманія, она шептала ему почти надъ самымъ ухомъ:

— Богданъ Росновскій ухаживаетъ за Ирочкой... Ахъ, ахъ, ахъ! Какъ я рада!.. Такая партія—великое счастье...

И едва успѣла она договорить, какъ снова заломила вдругъ свои худые, желтые пальцы и зашептала:

— Ахъ, ахъ, ахъ! Ты не повѣришь, какъ я этого боюсь! Уѣдетъ далеко, предстоить намъ большое горе... такое горе...

Послѣдняго восклицанія Романъ не дослышалъ; онъ пристально глядѣлъ на Ирену и думалъ:

„Однако... наконецъ-то появляется настоящій женихъ. Что же! Недурно и кстати... Жаль было бы, еслибъ“...

И сердце его сжалось; въ груди закипала глухой, безпричинный гнѣвъ.

„И я, кажется, начинаю заражаться отъ тетушки,— подумалъ онъ,—ея феноменальной непослѣдовательностью“.

Въ эту самую минуту хозяйка встала изъ-за стола, а за ней и всѣ.

Въ небольшой гостиной со старомодной мебелью окно было открыто. Былъ тихій, звѣздный августовскій вечеръ. У окна оставилась Ирена, болтая съ Броней. Къ нимъ подошелъ и Романъ.

— Помнишь ли, кузина, съ какимъ увлеченіемъ вружились мы съ тобой въ этой самой комнатѣ въ вихрѣ вальса?— началъ онъ.

Дѣвушка повела своими большими сѣрыми глазами и спокойно отвѣтила:

— Помню.

— Съ тѣхъ поръ, я полагаю, приходилось зачастую танцовать до упаду?

— Представь себѣ, совсѣмъ бросила.

Сильно озадаченный, онъ пролепеталъ:

— Какъ же такъ?

Она отвѣчала по прежнему спокойно:

— Такъ, не пришлось.

— Возможно ли? — съ еще большимъ изумленіемъ воскликнулъ онъ.

Станъ Ирены судорожно обхватили двѣ тоненькія ручки, и маленькое розовое личико, залитое ливнемъ золотыхъ вудрей, прячась у нея на груди, разразилось громкимъ, неудержимымъ хохотомъ. Наконецъ-то! Всѣ безчисленныя гримасы, скользившія молніями по губамъ, въ глазахъ, на щечкахъ Брони, въ теченіе цѣлаго вечера, слились въ одинъ громкій, неудержимый взрывъ хохота.

Дѣвочка видимо старалась и теперь побороть его, но не смогла и бросилась бѣжать къ дверямъ. Тутъ она обернулась и, глядя прямо въ лицо Роману, крикнула ему что-то бойко, но, сама перепуганная своею выходкой, моментально улетучилась.

II.

Долго обсуждалъ Романъ, сидя у себя одинъ въ комнатѣ, вспоминалъ, удивлялся и приходилъ къ убѣжденію, что онъ тутъ ровно ничего не понимаетъ. Въ этихъ людяхъ, когда-то ему близкихъ, многое ему стало неясно. Хотя бы дядя... Такой еще здоровенный, дѣятельный, съ вѣчно добродушнымъ смѣхомъ на губахъ, со взглядомъ подчасъ и насмѣшливымъ, принялъ, повидимому, очень радушно, даже, можно сказать, сердечно. А какъ расхваливалъ его стремленія и общественное положеніе... „То-то... больно ужъ хвалить. Эти цохвалы какія-то раздражающія, тревожныя... Превеличены до-нельзя, даже возбуждаютъ недовѣріе. Что-жъ, особая манера стариковская, быть можетъ съ маленькой примѣсью чудачества. Ему простительно, впрочемъ, — много пожилъ, ну и опростился въ деревенскомъ незатѣйливомъ обиходѣ. Все же онъ симпатиченъ, связу даже — очень“. Помогали ему, быть можетъ, воспоминанія, сохранившіяся еще съ дѣтства.

Со Стефаномъ дѣло выходитъ потруднѣе: Романъ просто-на-просто не понимаетъ его и въ душу невольно даже завраждается чуть что не обидаетъ... И онъ сталъ вспоминать подробности, одну вслѣдъ за другой.

Все время ужина Стефанъ вѣдъ болталъ съ отцомъ непринужденно, иногда даже весело. А потомъ застылъ, погрузился въ какой-то холодный, отчасти пасмурный индифферентизмъ. Усѣлся за отдѣльный столикъ — и перелистываетъ машинально книжку. Тогда только и очнулся, когда отецъ попросилъ его провести гостя въ назначенную для него комнату.

Съ зажженной свѣчой въ старинномъ бронзовомъ шандалѣ повелъ онъ Романа наверхъ. Поднялись оба по лѣстницѣ, по небольшимъ, узенькимъ ступенькамъ и вошли въ довольно просторную, низенькую комнату. Сразу же пахнуло изъ отвореннаго окна левкомомъ, резедой и свѣже скошенной травой. Поставивъ свѣчу на столъ, онъ внимательно осмотрѣлся кругомъ, все ли на мѣстѣ, что слѣдуетъ. Оказалось все въ порядкѣ. Безукоризненной свѣжестью бѣлыя кровать такъ и манила; тутъ же, рядомъ, поставленъ и платяной шкафъ. Нѣсколько стульевъ весьма удобно разставлены кругомъ стола, а на немъ, рядомъ съ лампой, графиномъ съ водой и кувшинчикомъ съ молокомъ, положено чѣй-то внимательной рукой нѣсколько книжекъ. Стефанъ тотчасъ же сталъ раскланиваться съ двоюроднымъ братомъ.

— Покойной ночи! — проговорилъ онъ и повернулъ къ двери.

Романа кольнуло. Погруженный въ созерцаніе звѣзднаго неба, видѣвшагося изъ окна, онъ быстро обернулся и проговорилъ съ грустью:

— Ты уже уходишь, Стефанъ?

— Что же, помочь тебѣ, что-ли? — отвѣтилъ тотъ холодно-учтиво, стоя у дверей.

— А я думалъ поболтать немного съ тобой. Еще не поздно, мы такъ давно не видались.

— Отчего же, изволь.

И онъ сѣлъ на одинъ изъ стульевъ, разставленныхъ вокругъ стола, и продолжалъ по прежнему упорно молчать.

Романъ подставилъ ему открытую папиросницу. Вещичка оказалась изъ слоновой кости, съ вычурно-пышными инициалами, неподдѣльный и изящный *article de Vienne*.

— Нѣтъ, благодарю, — отвѣчивался Стефанъ: — курю мало и только одинъ сортъ табаку.

— А помнишь, какъ мы въ гимназіи, во время переменъ, черезъ форточку пускали дымовъ? Еще надзиратель разъ накрылъ насъ по горячимъ слѣдамъ.

Все это говорилъ онъ смѣясь, а самъ сталъ вынимать изъ баула платье и мелочи. Сундучки были англійской работы, платье модное. Вся мелочь не помѣщалась на довольно большомъ столѣ у кровати, — надо было завять половину другого стола, за которымъ сидѣлъ Стефанъ. Чего тутъ только не было: дорожное зеркальце, несессеръ, какая-то большая коробка, щеточки всевозможныхъ сортовъ, хрустальные флакончики, вышитыя полотенца, носовые платки съ монограммой, увѣнчанной дворянской короной. Пока разставлялись и раскладывались всѣ эти мелочи, молодые

люди больше помалчивали. Изрѣдка только Романъ что-нибудь спросить или замѣтить, Стефанъ отвѣтитъ отрывисто. Двоюродный братъ одинаково безучастно глядѣлъ и на гостя, и на его бьющую на эффектъ, вязящую обстановку. Романъ это скоро почувствовалъ, сталъ холоденъ, даже нахмурился,

Вдругъ онъ замеръ, вслушивается, пристально глядитъ въ окно. Не то гвѣие, не то громкое стрекотаніе, самъ не знаетъ, какъ и назвать, однимъ словомъ, что-то шумить, ронять, довольно-таки пронзительно, явственно доносится что-то снизу.

— Что это такое?—спросилъ Романъ изумленно.

— Да кузнечики разыгрались въ травѣ,—спокойно объясняетъ Стефанъ.

Романъ расхохотался.

— Вотъ оно что! И какъ я не догадался! Будь тутъ твоя сестричка Броня... Да, да, кузнечики... совсѣмъ изъ ума вонь. Теперь узналъ, припомнилъ.

— Такъ вспомнилъ?—переспросилъ Стефанъ.

И такъ это сказано было просто, чуялась даже какъ будто бы нотка симпатіи.

Романъ сталъ внимательно всматриваться въ собесѣдника, и немного погодя, съ отгнѣнкомъ обиды въ голосѣ, заговорилъ снова:

— Вотъ ты меня осуждаешь за мою короткую память, а зтотъ самый упрекъ скорѣе бы мнѣ слѣдовало сдѣлать—тебѣ.

— Въ забывчивости! Это почему?

— А потому что ты не помнишь о нашей старинной дружбѣ.

По лбу Стефана промелькнула какъ бы тѣнь. Съ минуту онъ колебался, наконецъ заговорилъ, сначала нѣсколько дрожащимъ голосомъ, но звуки постепенно крѣпли.

— Память памяти ровнь. Ты такъ добръ, что еще не забылъ о старинной нашей дружбѣ, и я также многое до сихъ поръ не могу забыть изъ того времени...

— Что же, по твоему, я забылъ?—вставилъ пытливо Романъ.

— Тебѣ лучше знать,—замѣтилъ хмуро Стефанъ.

И поднялся со стула.

— Отецъ станеть меня бранить, что такъ долго не даю тебѣ спать, и мнѣ тоже пора отдохнуть...

— Да, послѣ такого труда, за которымъ засталъ я тебя на лугу, конечно...

Романъ не договорилъ. Онъ приблизился къ брату и, глядя ему прямо въ глаза, спросилъ, понижая голосъ:

— Ужъ не обанкрутились ли вы? Быть можетъ, вамъ при-

надлежитъ теперь не вся Дарновка? Я начинаю припоминать: у дяди были долги... знаю, мнѣ извѣстенъ и источникъ ихъ.

Все это, особенно послѣднюю фразу, проговорилъ Романъ горячо и такъ искренно, что лицо Стефана прояснилось. Въ первый разъ взглянулъ онъ дружелюбно на Романа.

— Ты ошибаешься, — отвѣтилъ онъ. — Успокойся, отецъ давно уже уплатилъ свои долги. Да они вовсе и не были такъ велики. Какъ только я вспомню о нихъ, мое сердце переполняется благодарностью и уваженіемъ, ты знаешь — въ кому. Положительно я дѣлаюсь счастливѣе...

— Спасибо, Стефанъ! — произнесъ растроганный Романъ.

— Повторяю, Дарновка цѣликомъ наша, такъ, какъ была и прежде. Имѣніе, положимъ, не особенно большое, но и не маленькое...

— Въ такомъ случаѣ для чего же, скажи, для чего вы такъ трудитесь, такъ живете? — выговорилъ Романъ, не могшій болѣе сдерживать себя.

Стефанъ улыбнулся.

— Хорошо, что нѣтъ здѣсь этой баловницы Брони...

— Понимаю, обозвала бы опять меня какъ-нибудь. Да, дѣйствительно, вопросы, вопросы безъ конца. Какъ же быть? Такъ давно, такъ далеко былъ...

— Если отвѣчать на твой вопросъ, — придется начать съ Адама. Я боюсь, все это тебѣ наскучитъ, да и едва ли къ чему поведетъ. У насъ, дворянъ средней руки, въ обычаѣ говорить: „по одежкѣ протативай ножки“. Не правда ли, благоразумно? Во всякомъ случаѣ у меня нѣтъ охоты передѣлывать щегленка въ чижа или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

— Стало быть, ты полагаешь, у насъ съ тобой гѣсни равныя.

— Вотъ именно. Ты убѣдишься въ этомъ навѣрное, когда погостишь у насъ подольше, а пока желаю тебѣ покойной ночи. Если тебѣ удобнѣе лампа, — хочешь, сейчасъ же заправлю. Завтра мы едва ли увидимся съ тобою раньше вечера. Надо будетъ ѣхать спозаранку на одну ферму, которую мы строимъ, а потомъ еще завернуть на довольно дальній лугъ.

Не доходя до дверей, онъ повернулся еще разъ къ гостю и сказалъ:

— Если тебѣ понадобится что-нибудь, комната моя напротивъ.

— Вѣроятно, та самая, въ которой ты жилъ и прежде, прѣзжая изъ гимназіи домой.

— Ты угадалъ.

— Помню, помню, — произнесъ Романъ ему вслѣдъ.

Такъ вотъ что тутъ произошло! Усѣвшись у окна, онъ сталъ снова размышлять.—И что это за люди? Въ нихъ что-то для меня совершенно непонятное. Кто они? Оригинальны ли они на самомъ дѣлѣ, или же только одинъ видъ своеобразный прикрываетъ ничтожность помысловъ и чувствъ? Стефанъ, впрочемъ, всегда былъ необыкновенно способнымъ малымъ. Онъ принадлежалъ къ разряду молчаливыхъ, сосредоточенныхъ энтузіастовъ, которые набираютъ и берегутъ силы, какъ бы предвидя и предчувствуя, что придется имъ со временемъ летѣть впереди журавлиной вереницы... Понятно, хмурится фанатикъ... слышалъ другую пѣсню, не ту, которую самъ тянетъ. Чтожъ... фанатизмъ—та же наивность. Положимъ, но наивная мысль преобразилась въ страстную идею. Этого, кажется, никогда не случается при низменномъ уровнѣ понятій. Да и во всѣхъ движеніяхъ, рѣчахъ Стефана проглядываетъ солидно образованный человѣкъ. Какъ же иначе? Не даромъ же онъ магистръ какихъ-то тамъ наукъ... Богъ съ нимъ! Не приходится же мнѣ въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніе изъ-за его необщительности. А я доволенъ, что сюда завернулъ. Это мой долгъ. Быть можетъ, въ послѣдній разъ вижу дядю! Многимъ ему обязанъ. Не вѣрится какъ-то теперь, что столько лѣтъ могъ не думать о немъ. Положимъ, сначала писалъ часто, каждый годъ собирался съѣздить въ Дарновку, потомъ какъ-то затянуло. Все рѣже и рѣже отзывался, о посѣщеніи забылъ даже и думать, упивался подпросту жизнью и свѣтомъ. Вспомнилъ про старину, людей и предметы тогда только, когда мелькнула передъ глазами желанная цѣль. — Отчего же эта радостная вѣсть, это солидное назначеніе на высокой, сверхъ всякаго чаянія, постъ, не освободила его отъ прежняго тревожнаго состоянія? По прежнему все то же недовольство, тѣ же скрытыя муки, необъяснимыя ничѣмъ: однимъ словомъ, то же самое, что уже терпитъ издавна. Ему думалось,—всѣ эти тягостныя ощущенія, прежде всего, продуты несносной медлительности, съ которой онъ подвигается по службѣ, недостаточности денежныхъ средствъ, однообразія занятій и отношеній. Онъ думалъ,—все это исчезнетъ, съ лучшимъ положеніемъ наступитъ и полное удовлетвореніе. Что же, вотъ счастье ему и улыбнулось, онъ достигъ желанной цѣли. Шибко сначала обрадовался, недѣли двѣ носился, какъ въ чаду: приводилъ въ порядокъ дѣла, продавалъ ненужное, дѣлалъ закупки для дальняго вояжа. Надо было подѣлиться также пріятной новостью съ пріятелями—задавалъ завтраки, ужины, пилъ съ ними шампанское. Пѣнилось оно, искрилось, но его настроеніе духа не гармонировало со всѣмъ этимъ шумомъ и весельемъ. Вскорѣ въ этой

завазной веселости сталъ проглядывать изъяснѣ. И самъ онъ не понималъ, откуда взялся этотъ изъяснѣ, сущности его не могъ разобрать, но почувялъ. Какое-то безпокойство, какая-то печаль, какая-то неувѣренность щемили его сердце, отзывались болѣзненно въ мозгу. Какъ будто что-то неизвѣстное, что-то давно забытое силится прорваться въ сознание, но, постоянно оттираемое движеніемъ, шумнымъ вихремъ жизни, не можетъ всплыть на поверхность, копошится безпомощно гдѣ-то въ мрачной глубинѣ, а между тѣмъ продолжаетъ мутить, застилаетъ радость и покой. Все это походило на непрекращающійся неясный шумъ внутри раковины. Что же это такое, откуда навъяно, зачѣмъ? Зачѣмъ именно появляется опять въ ту самую минуту, когда, кажется, онъ достигъ того, о чемъ мечталъ, хлопоталъ, просилъ, чтѣ обезпечиваетъ будущность безъ заботъ и лишеній, удобную и пріятную, быть можетъ, и даже блестящую со временемъ? Руками только разводилъ.

„Опять нервы распалились, — обыкновенно думалъ онъ: — эти несносные нервы!“

Онъ пробовалъ тогда читать, готовился къ предстоящимъ новымъ занятіямъ, заходилъ туда, гдѣ было весело, къ этой шикарной барынѣ съ профилемъ птицы и огненными глазами, къ волтижерѣ Аврорѣ, начавшей снова къ нему благоволить. Шумъ въ раковинѣ понемногу затихалъ, но не надолго. Случалось, скользять безучастно взоры по страницамъ книги, а онъ силится припомнить что-то чрезвычайно важное. Или остановится среди оживленнаго разговора и смѣха, какъ бы почувствуетъ вдругъ недостатокъ чего-то самаго важнаго, необходимаго. Махнетъ рукой и скажетъ: „опять эти глупые нервы!“ Стало даже временами какъ будто и мучить, приходило невольно въ голову: ужъ не болѣзнь ли какая?.. Подолгу, бывало, ворочается въ постели, никакъ заснуть не можетъ. Въ темнотѣ ночной, среди тиши засыпавшаго мало-по-малу города, прислушивается боязливо къ чиканью часовъ. Сначала слышитъ обыкновенное тикъ-такъ, тикъ-такъ, но вскорѣ въ мозгу его звуки начинаютъ перерабатываться, становятся все яснѣе и отчетливѣе. И слышитъ онъ, наконецъ, явственно: „такъ, да не такъ!“ И думаетъ съ улыбкой: „какое ребячество, игра воображенія!“ А его все-таки безпокоятъ эти вопросы. И къ чему, спрашивается, могло бы относиться это утверженіе и отрицаніе? Будетъ ли счастливъ тамъ, на краю свѣта? — Такъ, да не такъ! — Какъ же не такъ? Вѣдь это несомнѣнный успѣхъ, всѣ такъ дѣлаютъ, иначе не могъ и онъ поступить. — Такъ, да не такъ! — О, глупые нервы!

Послѣ, когда ему предстояло вскорѣ отправиться далеко, когда

баронесса рассказала ему кое-что о Дарновкѣ и ея жителяхъ, все чаще начиналъ онъ вспоминать знакомыя мѣста и лица, столь близкія и давно уже забытыя. Дальнѣйшихъ подробностей онъ не успѣлъ разузнать. Вскорѣ затѣмъ, послѣ потери какаду и блестящаго вечера, баронесса уѣхала за границу лечиться отъ ревматизма. Но то, что онъ узналъ, подобно мухамъ, застрывшимъ въ паутинѣ, назойливо звенѣло въ головѣ. Идеаль молодыхъ, скорѣе юношескихъ его лѣтъ, нѣкогда и товарищъ, представлялся ему смутно, неясно, въ образѣ красивой Иреночки. Въ общихъ чертахъ, однако, воображеніе дорисовывало тотъ женскій типъ, парящій гдѣ-то высоко, о которомъ мечтали когда-то и думали: „еслибы встрѣтить такую!“ Его интриговало, почему же не захотѣла она вмѣстѣ съ баронессой посѣщать блестящаго свѣта, отчего не приняла отъ богатой родственницы брилліантоваго браслета? Баронесса вѣроятно права. Кому на бѣломъ свѣтѣ не нужны брилліанты? Странная дѣвушка, дикарка! Ужъ не глупа ли въ самомъ дѣлѣ, или... чистое, гордое созданіе, не нуждающееся ни въ блестящемъ свѣтѣ, ни въ брилліантахъ?!

Но еще чаще, чѣмъ о своей прежней Иреночкѣ, помышлялъ онъ о дядѣ. Воспоминанія дѣтства стали буквально осаждать его. Вотъ тоже и сегодня. Съ самаго начала бесѣды съ дядей промелькнула молніей мысль: а вѣдь любимая поговорка его „ничего не подѣлаешь“ — застряла у него въ головѣ еще тогда... когда Роману было лѣтъ десять съ небольшимъ. Да, она возникла въ ту памятную страшную пору, когда изъ рукъ безпечнаго отца выскользнуло имѣніе, растроченное имъ на всякія излишества и развлеченія. Истощенный пресыщеніемъ, слегъ, подкошенный продолжительной болѣзнью, и самъ неосмотрительный владѣлецъ.

А когда въ этомъ домѣ свили себѣ постоянное гнѣздо нужда и безпорядокъ, когда стѣны его пропитались слезами и нареканіями тѣхъ, которымъ это бѣдствіе грозило также разореніемъ и нищетой, прибылъ издалека братъ больного. Онъ горячо принялся за исправленіе, по мѣрѣ силъ, всего того, что грозило чести брата и будущности его ребенка. Дѣло предстояло не легкое, оказалось даже слишкомъ труднымъ, почти невозможнымъ. Однако Ромуальдъ Дарновскій не уступалъ. Неутомимо вертѣлся, развѣзжалъ, предупреждалъ, приводилъ въ порядокъ. Зачастую, застигнутый невозвѣрными препятствіями, въ виду безысходной бѣды, въ глубокомъ раздумьѣ, съ лицомъ тогда еще молодымъ, но вѣчно нахмуреннымъ, онъ твердилъ безпрестанно: „ничего не подѣлаешь, ничего не подѣлаешь“. И находилъ, однако, выходъ. Заложилъ свою Дарновку, уплатилъ большую часть братниныхъ долговъ, а наконецъ остав-

шагося сиротой ребенка забралъ съ собой. Какимъ-то чудомъ хитроумія и безкорыстія уберечь онъ для мальчика изъ полнѣйшаго разоренія небольшую сумму, которая очень потомъ пригодилась молодому чловѣку. Вотъ онъ каковъ, источникъ долга, тяготѣвшій нѣкоторое время на Дарновѣй! Не даромъ же сказалъ сегодня Стефанъ Роману: „за это питаю къ отцу глубокое уваженіе и признательность“. Конечно; благородно со стороны Стефана. Вотъ и фанатикъ, а какую чудную жемчужину умѣетъ хранить на днѣ души!

Потомъ, гораздо позже, былъ Романъ уже порядочнымъ подросткомъ—не разъ случалось ему слышать, какъ дядя повторялъ безразлично, почти безъ всякаго повода: „ничего не подѣлаешь“. Бывало, онъ со Стефаномъ, да еще нѣсколько товарищей, а между ними и Ирена, пустятся въ резонированіе — тамъ, наверху, на антресолахъ, стануть критиковать, увлекаются, рѣшаютъ напроломъ, весь міръ съ его основъ готовы, кажется, сдвинуть,—а внизу, въ отдаленной комнаткѣ, напоминающей монашескую келью, Ромуальдъ Дарновскій поддерживаетъ обѣими руками съдвѣющую, съ зачатками лысины голову и вторитъ меланхолически: „ничего не подѣлаешь, ничего не подѣлаешь“. И обратилось, наконецъ, у старика это въ поговорку.

Въ этихъ глупыхъ нервахъ, однако, дремлетъ какая-то непреоборимая сила. Подчасъ, кажется, почти что ровно ничего. Проходить дни, годы—не почувствуешь и не услышишь. Вдругъ, невѣдомо съ чего, нѣчто, что дремало въ глупыхъ нервахъ, пробуждается, говоритъ, вѣрнѣе, и не поймешь — какъ и отчего. Подымается въ груди печаль, безпокойство, сверлитъ въ мозгу, являются самые странные, можно сказать, нелѣпые вопросы: „Такъ или нѣтъ? Такъ, да не такъ!“

Что же это такое, шумящее вѣчно на днѣ раковины?

Романъ располагалъ цѣлымъ мѣсяцемъ свободнаго времени. Онъ извѣстилъ письмомъ дядю и укатилъ на родину неожиданно, негаданно для всѣхъ, быть можетъ еще болѣе для себя самого. А того, къ чему такъ жадно стремился, не видитъ и не ощущаетъ. Чего же собственно ему хотѣлось? Очутиться среди своихъ? Конечно, онъ этого именно и желалъ. Полно, свои ли это? Кажется, наоборотъ. Людей этихъ онъ не понимаетъ, они его только тревожатъ. Да и самъ онъ для нихъ вѣроятно чужой. Ну, и пусть! Подождемъ немного. Если ничего успокаивающаго, пріятнаго такъ и не встрѣтится, можно черезъ нѣсколько дней ѣхать дальше, къ себѣ. Къ себѣ... Кажется, ясно: впереди новыя занятія, работы будетъ довольно. Занятія... работа... Къ чему?..

Словно мошквара поднялась, бубнить ему въ ухо: „для пирога“. Улыбнулся. Почтенный, славный оригиналъ! И нужно же было ему такъ выразиться! Не то расхваливаетъ, не то насмѣхается, не поймешь — то ли думаетъ, что говоритъ.

Романъ погасилъ лампу, остановился у открытаго окна и высунулся на половину. Полною грудью вдыхаетъ онъ свѣжій, благоухающій воздухъ тихой ночи. На августовскомъ небѣ искрятся мириады звѣздъ, блѣдетъ полосами млечный путь, кое-гдѣ заслоненный густою тѣнью высокихъ, развѣсистыхъ деревъ. Внизу стрекозинный концертъ, а раскинутые по травѣ цвѣточки мерцаютъ въ звѣздистомъ небесномъ освѣщеніи тусклыми земными звѣздочками.

Болѣе десяти лѣтъ не удавалось ему жить въ деревнѣ. Загородныя виллы баронессы и ея знакомыхъ, гдѣ случалось проводить иногда по нѣсколькx лѣтнихъ дней и недѣль, на нее вовсе не похожи. Толпится куча гостей, необыкновенное оживленіе, столичный лоскъ, суетолова!

И теперь, очутившись въ этомъ укромномъ, тихомъ уголкѣ, онъ погрузился сердцемъ, головой, мыслью въ ночную тишь; вспыхиваютъ однѣ звѣзды да зарницы. Прислушивается чутко къ своимъ собственнымъ внутреннимъ голосамъ, едва различаемымъ, почти оловчатально заглушимъ въ шумѣ, хлопотахъ, стремленіяхъ и вождельніяхъ жизни столичной.

Въ головѣ заходили волны мыслей, принося съ собой все новыя вопросы и соображенія.

Человѣкъ — твореніе необычайно капризное и нелогичное; поэтому-то онъ такъ и несчастливъ. Да, именно потому. Капризенъ и нелогиченъ. Стремится, борется, достигаетъ, а потомъ не умѣетъ довольствоваться тѣмъ, чего добился, что отвоевалъ. Таковъ же и онъ: пока не было увѣренности, что будетъ обезпеченный кусокъ хлѣба, почетное положеніе, возможность поступательнаго движенія все дальше и выше, онъ думалъ: стбитъ только достигнуть всего этого, — и онъ успокоится, станетъ даже счастливымъ. Вотъ и достигъ. А теперь Богъ знаетъ откуда нахлынула опять тревога. Ни спокойствія, ни счастья! Какая-то печаль опять начинаетъ томить, и чувствуется не по себѣ.

Волна мысли продолжаетъ колыхаться нѣкоторое время безъ участія личной воли, въ мозгу непрерывно отдается: „все дальше и выше... все дальше и выше!.. все дальше и выше!“ Наконецъ, все это обращаетъ на себя его вниманіе, и онъ раздумываетъ: „Все дальше и выше!..“ Куда?.. Какъ куда? Понятно, къ лучшей и высшей формѣ жизни. Какой жизни? Какой?.. Разумѣется, соб-

ственной, личной. И только?.. А разумѣется только... Чего же еще больше? Чего еще?..

Съ глазами, устремленными во мракъ, сгустившійся надъ садомъ, какъ бы повѣрялъ онъ кроющимся въ травѣ цвѣткамъ что-то только-что имъ открытое и невеселое, что-то имъ вновь прочувствованное и нерадостное. И какъ бы въ забытьѣ повторилъ нѣсколько разъ подъ радъ:

— Ничего больше... ничего больше... и ничего больше!..

Заколыхалась новая волна мысли и въ мозгу пронеслось эхомъ: „Пустяки! Чего же еще желать? Будущность обезпечена, покойная, пріятная, и значеніе въ свѣтъ“...

И снова два послѣднія выраженія, подхваченныя налету, фиксируютъ вниманіе. Оно перебираетъ ихъ тщательно... Минуту спустя раздался громкій, неудержимый смѣхъ. Романъ обвелъ глазами это звѣздное небо, этотъ широкій млечный путь, подвѣшенный въ безконечныхъ пространствахъ, плавающий въ неизмѣримой толщѣ атмосферы. Глаза скользнули потомъ по темнымъ профилямъ громадныхъ деревьевъ, покрытыхъ, быть можетъ, столбными же листочками, сколько громадныхъ сферъ повисло въ небѣ—и онъ расхохотался еще громче. И онъ смѣетъ разсуждать о значеніи въ свѣтъ! Пылинка въ сравненіи съ міромъ... Какой вздоръ! Ему подобными земля кипитъ; одни, положимъ, значительно выдаются передъ другими, все это такъ. Зачѣмъ же припутывать сюда весь міръ? Придется тогда считать за міръ ту горсточку особой, ходящихъ въ однообразныхъ костюмахъ... А на самомъ дѣлѣ именно это и есть его мірокъ; но онъ очень хорошо знаетъ, какъ тамъ тѣсно, какія потрескавшіяся, мѣстами грязныя стѣны...

Настроеніе совершенно измѣнилось, стало горькимъ, ироническимъ, болѣе чѣмъ когда-либо. Быстрая перемена физической обстановки всего окружающаго сильно взбудорожила его моральный горизонтъ. Произошла общая перетасовка; не тѣ уже размѣры различныхъ пунктовъ, придано имъ совершенно новое освѣщеніе. Объекты недавней привязанности какъ-то умалились; цѣли, надежды потускнѣли. Случалось и раньше относиться къ нимъ полунебрежно, но теперь Романъ убѣждался положительно, что все это лишь красивая раковина, а вмѣщаетъ въ себѣ не Богъ въ стѣ какой чистой воды жемчужину. Такъ и всѣ на свѣтъ раковины вѣроятно одинъ обманъ. „Въ потѣ чела, съ трепетомъ въ сердцѣ, спускаются за ними на дно морское, разыскиваютъ, находятъ, отрываютъ, раскрываютъ, и при свѣтѣ солнечномъ оказывается... капля горько-соленой воды. А если такъ,—къ чему же всѣ эти хлопоты, старанія, труды?.. Пессимисты, быть можетъ, правы,

утверждая, что не стѣдуетъ жить. Не стѣдуетъ... Какъ же такъ? Живущіе живутъ, и не только жаждутъ жить, — прикованы къ жизни истинитомъ, чрезвычайно рѣдко исчезающимъ. Хочу же и я жить! Да еще какъ! И энергіи, и стремленій хватитъ. Не знаю только, на что ихъ обратить. Обладаю несомнѣнно однимъ только — „пирогомъ“, но это меня не удовлетворяетъ. Въ томъ-то и дѣло: одни на этомъ успокаиваются; бываютъ и такіе — набьютъ имъ полонъ ротъ, а остаются по прежнему все тѣми же Уголино. Не то же ли самое происходитъ и со мной? Вѣроятно. Значить, мечтатель!..“ Последнее предположеніе стало сильно его тревожить, приводило почти въ негодованіе. Онъ слышалъ и самъ полагалъ, что склонность къ мечтательности — родъ помѣшательства. Казалось ему до сихъ поръ, онъ былъ слишкомъ далеко отъ этой опасной болѣзни. Напротивъ, всѣ его почитаютъ за человѣка очень практичнаго, онъ и самъ это сознаетъ. Онъ обладаетъ въ совершенствѣ умѣнемъ подлаживаться къ обстоятельствамъ, положенію; онъ весьма ловко ориентуруется въ подыскиваніи и добываніи всяческаго рода облегченій, удобствъ, ради услажденія бытія. А между тѣмъ — онъ это чувствуетъ — что-то несовмѣстное съ практичностью притаилось гдѣ-то на днѣ его души. Какъ будто и замерло, но живеть, — онъ это знаетъ. Въ первый же моментъ жизненнаго перелома оно начинаетъ его тревожить, раздражать, мучить. И Романъ вполне убѣжденъ, что это состояніе непокоя и недовольства не покинетъ его и тогда, когда онъ займетъ положеніе, къ которому такъ сильно влекло его прежде. Вотъ и теперь, при одной мысли, нахлынула на него тоска; да, тоска — самое подходящее опредѣленіе, вѣрно очерчивающее то чувство, которое связано съ мыслью о новомъ положеніи и соединенныхъ съ нимъ занятіяхъ. Заранѣе уже онъ предвкушаетъ тоску. Быть можетъ, тамъ встрѣтять его множество Ирмъ, Авроръ, зрѣлища, музыка, пиршества, почтеніе — все это, конечно, доставитъ нѣкоторое облегченіе, наслажденіе даже... И это счастье? Неужели же искать въ этомъ цѣль? Конечно, нѣтъ. Гдѣ же искать счастье, цѣль? Да и вообще существуютъ ли они дѣйствительно на землѣ? Не есть ли каждое человѣческое существованіе сдѣлкой между стремленіями, которыя невозможно ни удовлетворить, ни даже ясно понять, и дѣйствительностью опредѣленной, тѣсной, желѣзной, неизбѣжной? Что же дѣлать, если иначе нельзя? Жизнь слѣдуетъ брать такою, какою она есть, какою дается, хотя бы она и не успокаивала какихъ-то странныхъ, непонятныхъ желаній. Иначе жить нельзя. А все остальное собери въ горсть и выкинь за окно. Живи такъ, какъ всѣ живутъ, какъ допускаютъ

условія и обстоятельства, среди которых ты родился и обращаешься. Иначе невозможно...

Заснул Романъ поздно. Ночью проснулся. Съ изумленіемъ прислушивался онъ къ какому-то отголоску, отчетливо доходившему сквозъ замкнутое окно откуда-то снизу сада, какъ бы изъ отдаленной пропасти. Слышатся миллионы голосовъ—острые, пронзительные. Словно множество струнъ мелкихъ, дребезжащихъ, перезваниваютъ монотонно, а въ то же время и разнообразно. Что-то пищать, сверлить, поеть, наполняетъ воздухъ миллионами содроганій—звонкими, пронизывающими какъ тонко заостренныя стрѣлочки. Романъ привскочилъ-было и снова опустился на подушку.

— Знаю, кузнечики.

Нѣсколько минутъ еще, пока онъ не заснулъ, изъ низкой увлажненной травы доносилось неумолкаемое стрекотанье кузнечиковъ: „такъ, да не такъ!“...

III.

Золотистыя волны заливали всю комнату, когда онъ проснулся. У кровати сидѣлъ дядя. Онъ уставился на племянника, глядя по своему обыкновенію добродушно и проникательно, а самъ широкоплечій и высокій, въ сбромъ домашнемъ костюмѣ, съ заразительнымъ весельемъ во взглядѣ и усмѣхѣ. Можно было принять его по первому взгляду за олицетвореніе физической силы, здоровой, могучей. Не замѣчалось и тѣни каприза, своенравія настроенія; но въ полномъ свѣтѣ предполуденной поры обозначился на лицѣ цѣлый сонъ морщинъ. Зарождаясь промежъ бровей, перерывали онѣ лобъ поперекъ, расходились вѣерообразно и исчезали у самой лысины, занимавшей всю середину черепа. Эти глубоки морщины, эти впадины на щекахъ и сильно выдающіяся кости нарушали общую гармонію сильной и веселой, судя по первому впечатлѣнію, наружности, придавая ей нѣчто грустное. Но это выраженіе замѣчалось не постоянно, и вообще его довольно трудно было уловить. Откуда-то изъ сокровенной глубины оно вдругъ выглянетъ и быстро исчезнетъ. И снова во всей могучей фигурѣ, на этомъ здоровомъ лицѣ съ крупными чертами, засіяютъ сила и шутивое добродушіе, чуть-чуть приправленные подчасъ насмѣшкой.

— Здравствуй, соня! Пожалуй съ четверть часа здѣсь сижу и думаю себѣ: будить или не будить? Ну, вотъ, самъ проснулся, ничего не подѣлаешь. И чудесно. Приходится разстаться на нѣ-

сколько часиковъ. Извини, ничего не подѣлаешь. Оставляю тебя на попеченіе моихъ бабъ. Стефикъ тоже удралъ. Важное дѣльцо мы затѣяли. Ничего не подѣлаешь, надо приглядывать. Знаешь что? Дѣлимъ Дарновку на части; въ каждой, само собой, возводимъ новыя постройки.

Тѣмъ временемъ Романъ торопливо одѣвался. Заслышавъ, что говоритъ дядя, онъ такъ и застылъ на мѣстѣ съ полотенцемъ въ рукахъ.

— Дарновку дробить? На продажу, что-ли?

— На продажу? Я? Дарновку?..—заголосилъ старикъ и громко расхохотался.—Эка, котикъ, чего не выдумаешь! Ха, ха, ха! Да что бы сталъ дѣлать на свѣтѣ такой, какъ я, работникъ, безъ клочка земли? Ха, ха, ха, ха! Нѣтъ, зачѣмъ же? Предоставимъ людямъ выпшимъ носиться по свѣту и ловить золотыхъ бабочекъ. Ну, а мы, ничего не подѣлаешь, на своемъ комочкѣ земли только и можемъ быть чѣмъ-нибудь, что-нибудь творить... Стефикъ тоже по моимъ слѣдамъ пошелъ. Мы оба, ничего не подѣлаешь, работнички божьи, волю божью исполняемъ, какъ умѣемъ... ни къ чему великому, славному не годимся... А дробимъ Дарновку на части для того, чтобъ удобнѣе отдавать землю по частямъ въ аренду.

— Ну, а вы, дядя, вмѣстѣ со Стефаномъ, что же станете дѣлать?

— Съ нашей привязанностью къ землѣ, ничего не подѣлаешь, останемся на одномъ изъ этихъ клочковъ... Не беспокойся: львиную долю для себя таки приберегли. Еще бы, прежде всего о себѣ подумаешь... ничего не подѣлаешь. Другая часть назначена Льву, когда окончатъ школу или тамъ еще что-нибудь. А на остальныхъ двухъ пусть, ничего не подѣлаешь, сядутся порядочные люди, свой хлѣбъ жуютъ и работаютъ по божескимъ законамъ... ничего не подѣлаешь.

Огненные взоры старика мечтательно устремились куда-то далеко въ открытое окно.

— Что же это выгодно, дядя?—спросилъ Романъ.

Весело поглядѣлъ Домунтъ на племянника и отвѣтилъ съ нѣкоторою важностью:

— По совѣсти, котикъ, могу тебѣ сказать—дѣло хорошее. Миѣ бы его и не придумать,—все Стефикъ. Вотъ еслибы да долги, тогда и думать нечего. И у меня они были когда-то; уплатилъ съ помощью божьей. Ничего не подѣлаешь,—дѣлаю что могу, а дѣло чудесное.

Романъ ничего не отвѣтилъ. Причесывая густыя пряди во-

лось оправленную въ серебро щеточкой, онъ думалъ; если это дѣло такое же чудесное, какъ и то, ради котораго Ромуальдъ Дарновскій надѣлалъ долговъ, будущность сыновей не ахти какъ великолѣпна. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно называть, въ значеніи общепринятомъ, дѣломъ выгоднымъ обремененіе Дарновки долгомъ? Какъ взглянуть, конечно! И здѣсь напрашивается иное толкованіе. Еслибы этотъ самый человѣкъ не обдѣлалъ тогда дѣльцо, лично для себя не особенно удачное, чтѣ бы стало съ Романомъ? Чѣмъ былъ бы онъ теперь? Прежде всего носилъ бы оповоренное, людскими проклятіями запятнанное имя.

Серебряная щеточка полетѣла на столъ, вышитое полотенце выпало изъ рукъ на землю, и молодой человѣкъ бросился стремительно къ дядѣ. Онъ нагнулся и съ силою прижалъ къ губамъ руку старика. А когда его уста прильнули къ шероховатой и темной кожѣ, онъ почувствовалъ на шеѣ прикосновеніе грубаго сукна рубава скюртува, а на лбу жесткую щетину усовъ.

Оба выпрямились быстро въ одно и то же время. Прямо и долго глядѣли они другъ другу въ глаза. Старикъ Дарновскій заговорилъ первый:

— Вылитый отецъ, капля въ каплю!..

Замѣтя однако на лицѣ племянника смущеніе, дядя поторопился добавить:

— По внѣшности и манерѣ. Ростъ, усмѣшка, жесты—тѣ же самыя, ничего не подѣлаешь. Та же сердечность, за которую ему все прощалось... ничего не подѣлаешь... Однако я не про то! Гляжу на тебя, и представляется какъ на яву моя молодость.. молодость моя и его... прекрасная, выпучая, чистая молодость наша, пока... пока... ничего не подѣлаешь...

Старикъ переконфузился, замолѣвъ. На челѣ появился снова снопъ морщинъ, на щекахъ впадины углубились. Лицо приняло страдальческое выраженіе. Взоръ его скользнулъ по разставленнымъ всюду на столѣ бездѣлушкамъ, изящнымъ и блестящимъ, и привычная улыбка освѣтила его губы, появилась въ глазахъ. Спустя немного, продолжая улыбаться и потирая ладонями боленна, онъ заговорилъ громко:

— И не только по наружности, ничего не подѣлаешь, не по одной внѣшности...

— Въ чемъ же еще, дядя?—спрашивалъ Романъ, живо повернувшись отъ шкафа, изъ котораго вынималъ платье.

Старикъ какъ бы не разслышалъ. Широкимъ жестомъ указалъ онъ на туалетныя принадлежности.

— Славныя вещицы!.. одно слово, игрушечки... галантерей-

ная лавка... И какъ все красиво, мило, отшлифовано! Глаза и руки тѣшатъ... На удивленіе сталъ свѣтъ. Чего только не видумають! Къ чему прикасаются, на что глядятъ, чѣмъ пользуются—все чистое золото. Мидасовъ мнѣ, ничего не подѣлаешь, мидасы... Великолѣпно! Понимаю—для человѣка высшаго существуютъ три главныхъ заповѣди: первая—заботься о себѣ; вторая—знай, что тебѣ надлежитъ получить отъ свѣта; третья—требуй подобающее тебѣ безусловно. Ничего не подѣлаешь, хоть тресни!..

Романъ сталъ передъ говорящимъ нѣсколько взволнованный.

— Дядя,—перебилъ онъ его:—зачѣмъ же такъ? Ты какъ будто и переѣвилъ предметъ разговора, а продолжаешь все то же. Отлично понимаю, на что ты намекаешь. Ты сильно ошибаешься, дядя. Увлеченія моего отца отразились дурно не только на немъ, но и на тебѣ. Онъ растратилъ и свое, и чужое — большая неосторожность, великое неумѣнье жить. Меня, дядя, считаютъ всѣ мои знакомые за человѣка съ большимъ тактомъ. Все, что ты видишь здѣсь, приобретено на собственные мои средства. Рисковать личной будущностью, а тѣмъ паче будущностью моего ближняго, я никогда не стану. Надѣюсь, когда узнаешь меня поближе...

— Вѣрю, вѣрю, котикъ. Зачѣмъ же мнѣ еще всматриваться ближе, коли ты и такъ убѣжденъ! — прервалъ его Дарновскій, смѣясь и подымая руки въ видѣ протеста.—Знаю, знаю... ничего не подѣлаешь. Что и говорить, практикъ! Не тратишь ни гроша лишняго. Будущность свою не подвергаешь никакому колебанію... Знаю и хвалю, ничего не подѣлаешь, очень даже хвалю. Весьма меня это радуетъ. Только видишь ли, котикъ, это нисколько не измѣняетъ корня вещей...

— Что такое?.. Какого корня вещей?

— А разумѣется! Видишь ли: одинъ ведетъ свой бюджетъ практически, осторожно, а другой неосторожно. Это, котикъ, одна процедура. Она часто находится въ зависимости отъ темперамента, обстоятельствъ, но корнемъ вещей я называю самую суть процедуры. Стало быть, отецъ твой добивался непрактично, а ты, положимъ, практично, вотъ только не знаю какъ выразиться... ничего не подѣлаешь... ну, какъ же?..

Онъ запнулся. Огненные глаза его неподвижно остановились на лицѣ Романа, замигали, спогъ морщинъ на челѣ замеръ въ видѣ вопросительнаго знака.

Яркая краска разлилась по лицу Романа, и онъ произнесъ:

— „Пирог“?..

Старикъ сразу повеселѣлъ.

— Такъ, такъ, такъ, котикъ! Вотъ именно. Великолѣпно! Ей-же-ей, въ самый центръ попалъ, ничего не подѣлаешь, подсмотриль у меня въ головѣ. Ха, ха, ха! Про это самое я и думалъ. Пирого, конечно, пирога... Все единственно — купленъ ли онъ сразу, цѣною всего имущества и будущности, или же приобрѣтается помаленьку, благоразумно, въ теченіе цѣлой жизни. Разница въ процедурѣ. Одно похуже, другое, конечно, получше — по послѣдствіямъ. Что же касается сути предмета — у обоихъ, котикъ, одно на умѣ. Въ этомъ-то и сходство, ха, ха, ха! котикъ, ничего не подѣлаешь, въ этомъ самомъ.

Смѣхъ какъ-то оборвался сразу. Онъ всталъ, и серьезно, даже рѣзко, повторилъ еще разъ:

— Вотъ въ чемъ сходство.

Затѣмъ старикъ распрощался съ племянникомъ, сталъ выходить, но у самыхъ дверей остановился.

— Если тебѣ надоѣстъ валандаться съ барынями, въ комнатѣ у Стефика найдешь книжки. Двери напротивъ, всегда открыты. А газеты сохраняются у барышень. Иреночка или Броня достанутъ тебѣ изъ ихъ кладовой.

Старикъ удалился. Нѣсколько мгновений простоялъ еще Романъ посреди комнаты. И смѣшно, и досадно — въ сердце закрадывались снова недовольство и тревога. „Корень вещей одинъ и тотъ же, только равная процедура у тебя и у отца твоего. Суть же все та же: пироги!..“ Пожалуй, что и правда... Умница старикъ!

Въ это самое время послышался черезъ окно громкій зовъ. Свѣжій молоденькій голосокъ выкрикивалъ:

— Милости просимъ на завтракъ, кузень... Идите же, кузень, завтракать.

Романъ подскочилъ къ самому окну.

Вокругъ развѣсистой липы раскинулись клумбы. Масса цвѣтовъ переливается пестрой радугой красокъ, кое-гдѣ сверкаютъ капли еще непросохшей росы. Между клумбами стоитъ и Броня, держитъ обѣими руками грабли, уперла ихъ въ землю, а лично обращено къ его окну. Должно быть, только что кончила очищать отъ сорной травы дорожки между клумбами. У самыхъ ногъ ея сверкаетъ желѣзо брошенной на-земь лопаточки.

Перегнувшись за окно, Романъ крикнулъ:

— Объявляю Бронѣ войну. Заладила: „кузень“! Я — братъ. Понимаешь, двоюродный братъ, и требую, чтобы Броня называла меня отнынѣ по имени.

Дѣвочка смѣшалась, опустила голову, но немного погода раздался тоненькій голосокъ изъ облака золотыхъ кудрей:

— Да когда мы еще мало знакомы...

— Пустяки. Ну-ка, Броня, сдѣлай мнѣ одолженіе, крикни: „Ромикъ, иди завтракать“. Иначе я не пойду.

Въ ту же самую минуту изъ-за угла дома раздался другой, чистый, мелодичный голосъ. Послышалось не очень громко, но ясно:

— Кузень правъ. Ты должна, Броня, звать его по имени. Не забывай—онъ тебѣ приходится братомъ.

Звукъ этого голоса возбуждали въ Романѣ чувство удовольствія съ примѣсью грусти. Воспоминанія о веснѣ жизни разомъ налетѣли и затрепетали въ его сердцѣ, подобно умиравшей бабочкѣ. А дѣтскій голосокъ изъ-за цѣѣтовъ, немного погода, снова отозвался:

— Ну, изволь... Иди, Ромикъ, завтракать...

Сходя по узенькой лѣстницѣ въ переднюю, Романъ столкнулся съ входившей другими дверями стройной дѣвушкой; черная ея коса лежала свернутая узломъ позади маленькой головки. Обѣими руками придерживала она большой стеклянный кувшинъ, до верху налитый молокомъ. На простенькое платьице въ клѣточкахъ сѣрыхъ и голубыхъ надѣтъ былъ большой передникъ, спускавшійся съ шеи почти до самыхъ ногъ.

Кивнувъ головой, дѣвушка привѣтствовала дружелюбно:

— Добраго утра, кузень.

— Добраго утра,—отвѣтилъ и онъ. — И зачѣмъ у кузины этотъ противный кувшинъ въ рукахъ?

— Молока кузень не любитъ?..

— Вовсе нѣтъ. Я рассчитывалъ только, что ты протянешь мнѣ ручку при встрѣчѣ.

Она улыбнулась.

— Мы это сдѣлаемъ сейчасъ же, иди за мной.

И онъ весело послѣдовалъ за ней въ столовую. Вскорѣ, усѣвшись за столомъ рядомъ съ пившей кофе теткой, Романъ слѣдилъ жадно глазами за плавными, спокойными движеніями Ирены, наблюдалъ, какъ она ходила кругомъ, наливала, наръзывала, приносила, подавала. Главной характеристикой ея внѣшности было полное спокойствіе. Всѣ ея движенія, даже черты лица отличались невозмутимостью. Улыбка мимолетная, повторявшаяся не особенно часто, всегда свѣжая, отражалась постоянно и въ глазахъ, тотчасъ же становившихся задумчивыми. И странно—игра фizioноміи производила каждый разъ впечатлѣніе какой-то неожиданности: такъ трудно было свыкнуться съ мыслью, что суще-

ство это, столь спокойное, способно озариться такой лучистой и въ то же время такъ быстро пропадавшей улыбкой.

Отпивая неторопливо маленькими глотками кофе, тетя цѣдила слова немного въ носъ и сжавъ зубы, и обращалась почти безъ умолку, къ племяннику, бывшему нѣкогда ея любимцемъ. Старуха разсказывала подробно, какъ въ эти десять лѣтъ окончательно потеряла здоровье, толковала о мучительныхъ мигреняхъ и бессонницѣ, о томъ, что стала неспособной къ занятіямъ по дому и хозяйству. Глядя на ея пожелтѣвшее лицо и высохшій, но до сихъ поръ все еще красивый станъ, легко было повѣрить всѣмъ ея жалобамъ. Ирена проговорила, заботливо пододвигая къ ней тарелку съ сухарями:

— Тета постоянно на себя наговариваетъ. А помнишь, назадъ тому года три, когда Стефикъ заболѣлъ опасно, кто выручилъ? За поясъ насъ всѣхъ тогда заткнула. Какой дѣятельной, расторопной вдругъ стала! Сколько бессонныхъ ночей провела, дорогая, глазъ не смыкая...

Въ померещихъ глазахъ хозяйки засвѣтилось блаженство. Съ умилениемъ глядя она на эту высокую дѣвушку, стоявшую возлѣ нея и съ лаской опустившую руку на ея плечо.

— Ахъ, ахъ, ахъ, ну что!.. пустяки! Случилось разъ... Всегда ты, Иря, меня съумѣешь утѣшить!

— Помню и я, — отозвался Романъ: — какая ты славная, милая попечительница больныхъ, тетя.

Старуха расцвѣла.

— А, помнишь? неужели? Ты былъ серьезно, очень опасно боленъ... Ахъ, ахъ, ахъ, давно это было... Да, твоя правда, не всегда я была такою, какъ теперь. Ромуальдъ хорошо помнить, какъ мы съ нимъ, бывало, вмѣстѣ трудились, а теперь...

И снова наступила нескончаемая іереміада воздыханій о потерянномъ здоровьи. Исхудалыя руки затѣмъ сплелись, Дарновская глубоко вздохнула и лицо приняло прежнее спокойное выраженіе.

— Все это ничего... я довольна... По прежнему Ромуальдъ лучшій и благороднѣйшій изъ людей... А Ирочка... ахъ, ахъ, ахъ! Цѣлительница моя, утѣшительница, выручительница... Положимъ, я больна и недостатки тоже... ахъ, ахъ, ахъ! Многого хотѣлось бы, но признательна Вседержителю за счастье...

Романъ показывалъ болѣе видъ, что слушаетъ, а самъ думалъ: „Какъ бы хорошо узнать покороче эту скромную, дѣятельную, вдумчивую дѣвушку!“ Зналъ ее когда-то, даже любилъ, была она тогда ребенкомъ свободнымъ и веселымъ... Ну, нѣтъ, не была она

вполнѣ свободной, веселой и тогда. Что-то серьезное, грустное, гнѣздилося въ ея дѣтской головкѣ. Любопытно, во что именно превратилась она теперь.

— Помнишь, кузина, — заговорилъ онъ: — дѣтъ десять тому назадъ, читали мы вмѣстѣ съ тобою, сидя подъ липой среди цвѣтовъ, жизнеописанія великихъ мужей Плутарха? Я никогда не забуду, какое сильное впечатлѣнiе производили они на тебя.

Блѣдный румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ и тотчасъ же погасъ.

— Я еще разъ прочла эту книгу дѣтъ года два тому назадъ, — отвѣтила она.

— Это правда. Ирочка всегда читаетъ папашѣ, — защебетала Броня. — Моего чтенiя отецъ не любитъ: говорить, что гоню какъ на почтовыхъ.

— Воображаю! — усмѣхнулся Романъ.

— А ты, пожалуйста, не воображай себѣ, Ромикъ! — всплила дѣвочка. — Читаю же я мамашѣ, и мама мое скорое чтенiе одобряетъ...

— Ага, разсердилась! Наконецъ-то назвала меня, какъ слѣдуетъ, Ромикомъ. Ну и прекрасно!

— Что же тутъ хорошаго, если иногда назову Ромива по имени? Дней черезъ нѣсколько уѣдешь отъ насъ на край свѣта, и всему нашему знакомству наступитъ конецъ.

— Почему же ты такъ думаешь, что именно черезъ нѣсколько дней? — поддразнивалъ ее Романъ. — А, можетъ быть, черезъ нѣсколько недѣль...

— Все равно, — обронила небрежно дѣвочка.

— Это еще что за новость? Нѣсколько дней или недѣль, все равно, по твоему?

— Конечно...

Хотѣла еще что-то прибавить, но вдругъ запнулась.

Романъ взглянулъ украдкой на Ирену, стоявшую у стола со стаканомъ молока въ рукахъ. Вѣки ея были полуопущены, но по устамъ мелькала улыбка, быстро исчезнувшая.

Дѣвушка подняла глаза, направилась къ буфету и стала что-то спѣшно изъ него доставать.

Съ приподнятыми вверхъ руками и застывшими неподвижно станомъ она казалась еще красивѣе. Профиль ея лица, запрокинутого нѣсколько назадъ, отличался необыкновенной чистотой линий и мягкостью общаго выраженiя. Не оборачивая головы, дѣвушка провнесла шутиливо:

— Перестань спорить съ братомъ, Броня. Иди въ нашу комнату, и я скоро приду; пора намъ садиться за уроки...

Хозяйка шепнула Роману:

— Иря занимается съ Броней. Мы съ Ромуальдомъ хотѣли было взять гувернантку. Ты понимаешь?.. Избави насъ Богъ обременять ее. Но она и слышать не хочетъ. Твердитъ свое: „что же я стану дѣлать?“

Романъ опять подумалъ: „Хотѣлось бы знать, что это — напускное спокойствіе или дѣйствительно неподдѣльное?“

Ключница, чтница, гувернантка, забила навѣки въ эту глушь... Незавидная доля для молодой и красивой женщины. Неужели же она не догадывается, сколько въ ней прелести, и что жизнь можетъ доставить ей массу наслажденій?

Завтракъ кончался. Ирена исчезла изъ столовой. Роману хотѣлось тоже бѣжать изъ дому, пуститься по этой дорогѣ, стелющейся отъ воротъ двора и вьющейся по полю къ сосновому лѣсу. Онъ присматривался къ ней чрезъ отворенное окно; бѣлѣющая лента ея скрывалась и снова показывалась изъ-за деревъ. Она манила его къ себѣ, звала, влекла куда-то вдаль. Хозяйка между тѣмъ попросила племянника пересѣсть къ ней поближе, къ самому окну столовой, у котораго она помѣстилась, приготовляясь плести свои нескончаемыя кружева. На столикѣ передъ ней лежала подушечка, вся утыканная булавами, а вдоль правильныхъ ихъ рядовъ протянуты были нити. Худые, желтые пальцы хозяйки, тщательно выхоленные, съ большимъ искусствомъ и сноровкой пропускали между основной коклюшки, обмотанныя тоже нитями.

— Видишь, Ромикъ... ахъ, ахъ, ахъ! ни къ чему-то я больше неспособна, кромѣ вотъ этой самой работы. Впрочемъ она мнѣ очень нравится. А ходить и надсматривать я больше не въ силахъ. За меня все Иря дѣлаетъ... Другой разъ, не повѣришь, приходитъ въ голову: „пора бы на покой“, — такая стала я несчастная и бесполезная... Но потомъ, какъ разсудишь, ахъ, ахъ, ахъ!.. всѣ они такіе добрые, жалѣютъ меня, такъ я ихъ люблю, и не хочется съ ними разставаться... А смерть разлучница...

— Охота вамъ думать о такихъ грустныхъ вещахъ! — поторопился утѣшить Романъ.

Теперь только обратилъ онъ вниманіе на платье тетки. Изъ очень дешевенькой матеріи, оно было все отдѣлано именно этими кружевами, которыя она такъ усердно плела. Вотъ что собственно и придавало ей какой-то забавно-вычурный видъ.

Этотъ странный костюмъ, эти старательно зачесанные свѣтло-пепельнаго цвѣта, замѣтно сдѣвующіе волоса, эта худенькая галія,

довольно еще сохранившаяся, придавали ей наружности что-то нѣжное, хрупкое, болѣзненное и вмѣстѣ смѣшное.

Говорила она неторопливо; слова срывались съ ея губъ подобно струившейся лѣниво водѣ. Она рассказывала Роману, до какой степени опустѣлъ ихъ уголокъ въ окрестностяхъ Дарновки. Сосѣди словно растаяли. Живутъ, конечно, въ своихъ имѣніяхъ владѣльцы, да все большею частью старики. Рѣдко когда попадетъ молодой, даже средняго возраста.

— Я думаю, ты помнишь еще сосѣдей Дарновки. А если забылъ — легко вспомнишь. Вотъ хотя бы Дзевецкіе, по лѣтамъ ровесники тебѣ и Стефану, трое братьевъ... Луціанъ забрался въ Азію, великолѣпной карьеры тамъ добился. Аврелій — натуралистъ, проживаетъ гдѣ-то въ Германіи. Феликсъ поступилъ въ чиновники. Хорошенько не помню, гдѣ служить; если не ошибаюсь — въ Курляндіи. Одни родители остались дома, коротаютъ вѣкъ бобылями. Со стороны можно подумать, что у нихъ никогда и дѣтей не было. Умрутъ старики, сыновья продадутъ навѣрное имѣніе, или же достанется оно тому изъ нихъ, кто наживетъ побольше денегъ и рассчитается съ остальными братьями. Такъ именно поступили и Домунты: Марцеллъ уже расплатился съ братьями. Теперь онъ единственный владѣлецъ Канѣвки; все еще рыскаетъ по свѣту, — говорятъ, куетъ миллионы...

— Хочетъ поселиться въ Канѣвкѣ подъ старость, — вставилъ Романъ.

— Ахъ, ахъ, ахъ! Кто же можетъ рассчитывать, что доживетъ до старости? — вздохнула хозяйка. — О братьяхъ Марцелла, вѣроятно, слышалъ?

— Какая-то катастрофа стряслась надъ Казиміромъ...

Старуха только руками развела, по лицу пошли тѣни.

— Тебѣ рассказать; хочешь, спроси у Стефана... Я не въ силахъ... Ахъ, ахъ, ахъ! Чтѣ только творится на бѣломъ свѣтѣ! Чтѣ дѣлается... А двое младшихъ братьевъ — ничего себѣ...

— Да, имъ не дурно живется, — подтвердилъ и Романъ.

— Видишь?! Кто старается, ищетъ, тѣмъ и хорошо. Приключится иногда, впрочемъ, какъ съ Казей Домунтомъ, ужасное... Нецинскіе тоже не особенно довольны... Ты ихъ помнишь ли?

— Какъ же! Гдѣ они?

— Дорогой мой, развѣ я въ состояніи все упомянуть? Ахъ, ахъ, ахъ, забыла... гдѣ-то далеко... Какъ будто имъ не совсѣмъ повезло... Все жалуются въ письмахъ къ брату.

— Значитъ, одинъ изъ троицъ все-таки дома?

— Да, пока. Собирается тоже въ путь... вышло ему пре-

красное мѣсто съ великолѣпнымъ содержаніемъ, управляющимъ какого-то громаднаго помѣстья у самаго Бѣлаго моря. Залѣсье отдаетъ въ аренду, уѣзжаетъ...

— Затѣмъ же, если...

Хозяйка приподняла свой желтый пальчикъ.

— Громадное содержаніе, дорогой мой! Окладъ превышаетъ доходъ со всего Залѣсья, а имѣніе придется дѣлить еще между троими. Теперь такое ужь время, такой свѣтъ: деньги...

— Ваша правда,—согласился Романъ, и сталъ спрашивать дальше.

— А Росновскіе? Про Богдана я знаю, гостить въ Завроцѣ. Какъ же онъ поживаетъ? А Сигизмундъ?

— О, имъ повезло. Великолѣпная карьера!—заговорила хозяйка оживленно.—Богданъ идетъ въ гору, у цѣли... Умнѣйшій, привѣтливый человѣкъ... даже Ромуальду со Стефикомъ онъ понравился, уважаютъ его не въ примѣръ прочимъ.

— Какимъ же это прочимъ, тетушка?

— А хотя бы Марцеллу Домунту или этому Нецинскому, который черезъ мѣсяць катитъ въ Бѣлому морю. Они, другъ мой,—ты понимаешь, я говорю о Ромуальдѣ и Стефикѣ,—имѣютъ свои особенные принципы и убѣжденія. Они, я тебѣ скажу, необыкновенно честны, благородны, ахъ, ахъ, ахъ, какъ благородны!..

— Я и не сомнѣваюсь; но отчего же они, тетушка, ставятъ Росновскаго выше Марцелла Домунта?

— Видишь ли, дорогой мой, они толкуютъ, что Марцеллъ живетъ для однѣхъ только денегъ, а Богданъ болѣе для науки, несравненно болѣе для науки, чѣмъ для денегъ...

— Правда, разница большая,—согласился Романъ и добавилъ:—надо будетъ непременно повидать Богдана.

— Ахъ, ахъ, ахъ! Какой онъ милый, какой разумный!—восторженно воскликнула хозяйка.—Только одно... какъ тебѣ сказать? Удивительная вещь! У него въ головѣ немного, очень немного, совсѣмъ маленькая придурь...

— Придурь? у Богдана?.. Сколько мнѣ помнится, у него голова такая здоровая, положительная...

— Ахъ, ахъ, ахъ! Великолѣпная голова... То же самое говорятъ и Ромуальдъ съ Стефикомъ. А все-таки съ маленькой придурью...

— Въ чемъ же, скажи.

— Да вотъ на собакѣ...

— Право не пойму, тетушка, что вы такое говорите?..

— Да такъ. Есть у него песь... Свой... кличка такая... Да ты самъ увидишь. Онъ въ намъ въ Дарновку чуть что не важный день заглядываетъ... Поговоримъ лучше о сосѣдяхъ...

И она довольно долго продолжала о нихъ рассказывать. Одинъ — тамъ, тотъ — въ другомъ мѣстѣ. Одному повезло въ высшемъ свѣтѣ, другому такъ себѣ, иному не особенно. Всѣ надѣются, ищутъ, хлопочутъ, добиваются лучшей жизни. Да, лучшей жизни...

— Видишь ли, Ромикъ, еслибы всѣ они подѣлили свои имѣнія, каждому досталась бы самая маленькая кроха, невозможно было бы жить порядочно... Ромуальдъ и Стефикъ доказываютъ, будто это не правда. Гдѣ же мнѣ угоняться за ними! Ахъ, ахъ, ахъ, я не въ состояніи ничего имъ доказать. Но я сама этому не удивляюсь. Что же дѣлать? Хотятъ жить порядочно... Затѣмъ и учились, чтобы до чего-нибудь дойти... И Стефикъ могъ бы, еслибы захотѣлъ; но онъ не хочетъ, у него въ головѣ совсѣмъ другое. Иногда у меня, повѣришь ли, на сердцѣ такъ и заскребеть, заскребеть, когда подумаю хорошенько о томъ, какъ губить онъ время... Ахъ, ахъ, ахъ! Какая же это жизнь! Въ уединеніи, хлопотахъ, въ крестьянской работѣ и... скажу все безъ утайки — въ крестьянскомъ обществѣ. Другого тутъ и нѣтъ... совсѣмъ нѣтъ... Хоть бы капелку развлеченій, увеселеній. Понятно, всѣ ищутъ лучшей жизни. Вотъ хотя бы я: старая, больная, а, кажется, сама бы бросилась съ удовольствіемъ, еслибы могла; а Стефикъ не хочетъ...

Старуха расчувствовалась окончательно. Продолжалось это какія-нибудь нѣсколько минутъ, и вдругъ внезапно въ головѣ ея и сердцѣ зародились совсѣмъ инныя мысли и чувства.

— Хотя, съ другой стороны, знаешь чтò, Ромикъ: какое великое счастье для матери имѣть тутъ же, возлѣ себя, взрослого сына, глядѣть на его трудъ, разумъ, благородство!.. Ахъ, ахъ, ахъ, бѣдная Домунтъ! Какъ заговорить о своихъ сыновьяхъ, всякій разъ проливаетъ горькія слезы. Никогда въ ней они и не заглянуть. Сама видѣла и слышала. У ней, правда, три дочки, да что толку? Вянуть, старѣютъ, о замужствѣ нечего и думать... За кого? Развѣ, какъ болтаетъ Ромуальдъ, за пѣтуха. А матери тяжело смотрѣть. То же самое и со старухой Джевицкой... Вотъ тоже сестра Росновскихъ, вдова, держитъ на арендѣ у братьевъ Завроць и вѣчно хнычетъ. Что-жъ, я блаженствую... Мой при мнѣ, смѣло могу сказать — счастливая мать. Тоже и Броня, воспитывается дома, благодареніе Богу, всѣ при мнѣ...

Подобно блѣднымъ лучамъ осенняго солнца, старуха вся была обвѣяна радостью. Съ минуту промолчала и вздохнула снова:

— Ахъ, ахъ, ахъ! Северно живется Стефику, я ужъ знаю...

Онъ, конечно, никогда и не намекаетъ, да развѣ можетъ быть иначе? Искать же хорошей жизни не хочетъ... не желаетъ...

Навонецъ, старуха орончательно замолчала. Руки ея съ зажатými коклюшками, лежали неподвижно на подушкѣ, утыканной булавками. Она погрузилась въ думу, на лицѣ отражалось изумленіе. Быть можетъ, она силилась помирить разладъ своихъ мыслей и желаній, дивилась, что никакъ не можетъ этого сдѣлать. Свѣся низко голову, глядя упорно на половицы, Романъ тоже молчалъ. Скучная, раздражавшая немного бесѣда съ хозяйкой начинала все болѣе его интересовать.

Названія лѣзутъ гурьбою въ уши—были все это люди хорошо ему знакомые. Всѣхъ ихъ онъ отлично помнилъ. Этого Казю Домунта, котораго настигла какая-то ужасная исторія, онъ когда-то даже очень любилъ. Этотъ Росновскій, у котораго въ головѣ что-то не въ порядкѣ, много его старше, всегда симпатизировалъ ему. Романъ помнитъ отчетливо, какъ раза два, во время вакацій, помогъ онъ ему дружески и весьма удачно приготовиться къ латинскому экзамену. Всѣ они, и тѣ и другіе, принадлежали къ одному и тому же кружку резонеровъ, донкихотовъ, крохотныхъ защитниковъ угнетенной невинности, а Стефанъ и онъ—даже главенствовали. Милыя лица проносились теперь въ его воображеніи цѣлой вереницей смутныхъ видѣній: это были братскія тѣни, будившія печаль. Гдѣ же онъ теперь, куда подѣвалось все, что было,—донкихоты и донкихотизмъ, братья и братство?.. Мыльные пузыри, радужные цвѣта? Отдѣльныя пылинки, блуждающія въ неизмѣримыхъ пространствахъ, листья, летящіе по волѣ вѣтра?.. Все рухнуло разомъ. Наступилъ какой-то великій катаклизмъ, нѣчто подобное опустошенію, производимому смерчемъ, уничтожающимъ все, что ни попадаетъ ему по дорогѣ. Живутъ, положимъ, хорошо. Да, да... Марцелль Домунтъ. Развѣ и самъ онъ не на хорошей дорогѣ?.. Его подмивало расхотаться. Шибко подергивало выскочить изъ окна, броситься по дорогѣ, выходящей по полямъ, идти куда глаза глядятъ и въ тиши полей, безъ помѣхи, думать, думать и думать о чемъ-то необычайно запутанномъ, чрезвычайно серьезномъ, очень грустномъ.

Но тетка обронила нѣсколько словъ, извлекшихъ его изъ раздумья.

— Выйдетъ ли Иря за Богдана Росновскаго? Какъ ты полагаешь, Ромикъ?

Почему же онъ можетъ полагать? Кузина Ирена стала для него теперь чужой, онъ ее совсѣмъ не знаетъ. Каково, однако! Неужели Богданъ добивается ея руки?

— Конечно, — подтвердила тетка, — не подлежит никакому сомнѣнію. Еще раньше, чѣмъ ему пріѣхать, сестра говорила, что онъ собирается здѣсь жениться, потому и взялъ отпускъ, а тоже и для того, чтобы избавиться отъ лихорадки. Гдѣ-то тамъ, у себя, въ болотистой мѣстности пуши, будучи старшимъ лѣсничимъ, онъ схватилъ лихорадку. Доктора посоветовали перемѣну климата. Вотъ онъ и пріѣхалъ на два мѣсяца въ Завроцъ. Казѣ Домунту онъ прямо такъ и сказалъ: „Я здѣсь только для того, чтобы избавиться отъ лихорадки и жениться“. Самъ Казя рассказывалъ объ этомъ у насъ въ Дарновеѣ. Иреночка еще расхохоталась и объявила: „господинъ Росновскій — ловкій поупателъ: даритъ нашей оволицѣ лихорадку, а за нее желаетъ получить живую душу“. Богъ ее знаетъ, чтѣ она хотѣла этимъ сказать. Онъ видѣлъ ее у Домунтовъ, съ тѣхъ поръ часто бываетъ у насъ въ Дарновеѣ. Натурально, для чего же ему пріѣзжать? Всѣ это очень хорошо понимаютъ.

— А она? — спросилъ Романъ.

— Она? По своему обыкновенію вѣжлива съ Росновскимъ, одинаково какъ и со всѣми... А чтѣ дѣвушка думаетъ и чувствуетъ въ душѣ, о томъ никто не вѣдаетъ. Не большая она у насъ охотница повѣрять свои тайны. Что-жъ! Можетъ быть, и выйдетъ... Ахъ, ахъ, ахъ! выйдетъ навѣрное. Отчего же и не пойти за него? Росновскій и пригожъ, и милъ; партія въ тому же великолѣпная... Если только выйдетъ за него, конечно, будетъ счастлива. Заживетъ чудесно. А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не пойдетъ? Не пожелала же она ѣхать съ баронессой. Ромуальдъ и Стефанъ и не думали вмѣшиваться, ничего ей не совѣтовали. Я, признаться, и одобряла, и отсовѣтовала. Правду сказать, и сама не знала, какъ будетъ лучше. Страшно трудно было мнѣ съ нею разстаться... Но когда она рѣшила по своему, Ромуальдъ такъ расцѣловалъ ей руки, что даже лысина у него побагровѣла. Ну, я, конечно, разревилась съ радости, что она насъ не покинетъ... Баронесса страшно оскорбилась. Она мнѣ прямо такъ и сказала: „Знаешь что, сѣге? Ваша Ирена подпросту набитая дура, если не въ состояніи понять, чтѣ значитъ хорошая жизнь“. Быть можетъ она и права отчасти. Впрочемъ нѣтъ, это не такъ. Ируся совсѣмъ, ну, совсѣмъ не глупая, а баронесса все же премилая женщина. И какъ живетъ! Ахъ, ахъ, ахъ! Вотъ это такъ жизнь! Однимъ словомъ, фея изъ тысячи и одной ночи. Она меня постарше будетъ, но какъ сохранилась, прелесть! Какіе костюмы, какое общество, развлечения! Чего добраго, найдутся и такіе, — готовы, пожалуй, влюбиться въ нее. Ахъ, ахъ, ахъ, счаст-

ливица! Вотъ и разсуждай, какая бываетъ огромная разница въ судьбѣ людей здѣсь, на землѣ. А какъ подумаешь, съ другой стороны, право, не желала бы быть на ея мѣстѣ. Говорять, мужъ ее совсѣмъ разлюбилъ, и дѣти тоже нехорошія. Разъ какъ-то проговорила, объявила, что любить больше всего на свѣтѣ какого-то попугая...

— Онъ ужъ умеръ, — замѣтилъ, смѣясь, Романъ.

— Издохъ! Какаду баронессы издохъ! Ахъ, ахъ, ахъ, несчастная женщина! Вотъ такъ несчастье... не желала бы быть на ея мѣстѣ. Хотя, съ другой стороны, подумайте, такая жизнь, такіе салоны, развлечения, всякія удовольствія... рай земной! Ахъ, ахъ, ахъ! Что-то такое, вѣроятно величественное, волшебное... Изъ нашего-то захоlustья какой-то чудной сказкой покажется. Впрочемъ и Дарновка, ничего что захоlustье, имѣетъ въ себѣ очень много плѣнительнаго. Не правда ли? Какія у насъ тутъ старыя-престарыя деревья!..

Долго еще продолжала она болтать, а Романъ по прежнему глядѣлъ упорно въ открытое окно. Изъ-за низкаго заборчика, отдѣлявшаго дворикъ отъ сада, изъ-за деревъ, разбросанныхъ по лужайкѣ, гдѣ-то тамъ, далеко, вырисовывалась группа крестьянокъ: пололи или собирали что-то. Ихъ ярко-красные и желтые платки мелькали низко надъ землей, словно распустившіеся піоны и диски подсолнечника.

Среди этихъ приземистыхъ, рѣзко окрашенныхъ фигурокъ выросъ вдругъ высокій, стройный станъ въ свѣтломъ, ослѣпительно сверкавшемъ на солнцѣ одѣяніи. Блестящее явленіе мелькнуло нѣсколько разъ между работницами и скрылось за кустами. Немного погодя вынырнуло оно снова ближе и тотчасъ же чрезъ двери, ведущія въ садъ, скользнуло къ надворнымъ строеніямъ. Надъ небольшимъ оштукатуреннымъ домикомъ взвивалась изъ трубы лента дыма, ложившагося блѣдно-желтымъ пятномъ на темномъ фонѣ росшей позади липы.

Романъ привсталъ.

— Пойду, посмотрю на разные уголки Дарновки.

— Ступай, Ромикъ, иди съ Богомъ. Послѣ большого свѣта, ахъ, ахъ, ахъ! наша Дарновка покажется тебѣ слишкомъ маленькой... хотя съ другой стороны — чрезвычайно милый уголокъ!.. Ахъ, ахъ, ахъ, милый, любимый!..

„Какъ, бишь, выражается почтеннѣйшій мой дядя: за кого же и выходить, развѣ что за пѣтуха!.. Натурально“. Теперь только уразумѣлъ Романъ значеніе этихъ словъ. „Опять, кажется, на-

чинаю разыгрывать странную роль. Слава Богу, что никого тутъ нѣтъ”.

Онъ шелъ быстро, низко опустивъ голову, со сдвинутыми бровями, по свѣже-скошенной травѣ двора; кое-гдѣ валялись еще гирлянды завядавшихъ вьюнковъ.

Небо отливало синевой и золотомъ. Въ воздухѣ пахло отъ вьюнковъ миндалемъ. Тихо шелестила листва на деревьяхъ, птички щебетали. Въ эту минуту эта синева, это золото, этотъ ароматъ, этотъ восхитительный шелестъ чуднаго дня—все почему-то заставляло его гнуть шею и морщить лобъ. Черезъ тѣ самыя двери, въ которыя юркнула Ирена, вошелъ и онъ въ людскую.

Что-то чрезвычайно оригинальное было во всей ея фигурѣ, охваченной съ двухъ сторонъ свѣтомъ, падавшимъ и отъ пламени громадной печи, и изъ окна, прикрытаго снаружи зеленью, пронизанной золотомъ солнца. Въ большой избѣ, кухнѣ, людской, помѣщалась порядочная кучка народу.

Нѣсколько женщинъ суетилось возлѣ огня; другія, съ дѣтьми на рукахъ, расположились у окна; а въ глубинѣ, за длиннымъ столомъ сидѣли мужчины и ѣли. На порогѣ Романъ подхватилъ нѣсколько словъ, сказанныхъ полшутливо, полнаставительно.

— Ежели вы сами не сдѣлаете этого завтра утромъ,—дождетесь, что приду сама съ Броней. Возьмемся мы обѣ за метлы и выметемъ чистѣхонько все ваше помѣщеніе. Надѣюсь, вы не доведете себя до такого срама.

Относилось это, очевидно, къ стоявшимъ съ дѣтьми поодаль женщинамъ. Ёвшіе за столомъ челядинцы поглядывали на нихъ искоса и улыбались насмѣшливо, а кто помоложе—громко смѣялись. И Романа порывало разсмѣяться; причина была, впрочемъ, иная.

Ирена обернулась быстро и предупредительно спросила:

— Не нужно ли тебѣ чего, кузень?

— Ахъ, да, кухня, одолжи пожалуйста газетъ. Дядя посоветовалъ мнѣ обратиться къ тебѣ, какъ хранительницѣ и распорядительницѣ ими.

— Онъ тамъ, у насъ, въ нашей общей съ Броней комнатѣ. Сейчасъ приду.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ.

— И прекрасно!

Едва успѣли они покинуть жарко-натопленную людскую избу, Романъ обратился къ своей спутницѣ насмѣшливо:

— А вѣдь мнѣ удалось, кухня, накрыть тебя съ полицъ-

нимъ. Какъ же это ты обещаешь, или тамъ пугаешь ихъ, что сдѣлаешь то, чего на дѣлѣ не въ состояннн исполнить?

Дѣвушка взглянула на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ, но тотчасъ же догадалась, про что онъ говоритъ.

— Ты это, вѣроятно, насчетъ подметанія. Почему же кузень воображаетъ, что я не могу исполнить своего обѣщанія, или, если хочешь, угрозы?

— Да развѣ тебѣ случалось когда-нибудь въ жизни подметать?

Она разсмѣялась.

— Что же ты меня за какую-то расслабленную, что-ли, считаешь, чтобъ я такихъ пустяковъ не могла сдѣлать?

— Разумѣется, сама не сзумѣешь.

Въ сѣрыхъ глазахъ ея заискрился смѣхъ. Роману показалось, что съ веселостью соединялась и иронія.

— Вотъ ужъ неправда! отлично умѣю, и каждый день это дѣлаю...

— Зачѣмъ же?

Улыбка исчезла, и она отвѣтила съ привычнымъ ей спокойствіемъ:

— Мы не держимъ много прислуги... Ты видѣлъ, тамъ на кухнѣ рабочіе, а у насъ въ домѣ дѣвочка-подростокъ и мальчикъ—оба также мои ученики. Сами убираемъ.

Ему почти стало жаль ее.

— Чья же это фантазія?—спросилъ онъ грустно.

Печальный тонъ его голоса снова ее разсмѣшилъ.

— Это система, кузень,—отвѣтила она.

— Какая такая?

— Хозяйственная.

Онъ подумалъ немного, взглянулъ на нее и спросилъ:

— И больше ничего?

Своимъ обычнымъ блестящимъ, спокойнымъ взоромъ она взглянула на него и добавила:

— Есть и еще.

Онъ направился—было къ главному входу, но она указала ему на боковыя двери.

— Пойдемъ ближайшей дорогой, черезъ комнату дяди.

— Да я вовсе не тороплюсь, газеты могутъ и подождать,—шутить онъ.

— Броня давно сидитъ за книжкой и ждетъ меня,—отвѣтила она просто.

Черезъ двери, ведущія въ садъ, вошли они въ комнату, за

окномъ которой росли высокіе, негустые кусты акацій. Помѣщеніе походило на тѣсный, набитый до верху ящичекъ; тутъ стояла кровать, большое старосвѣтское бюро, старомодная мебель и глубокое старинное кресло, носившее когда-то названіе вольтероваго.

— Вотъ комната дяди; здѣсь я читаю ему вслухъ, чаще зимой, лѣтомъ рѣже, однимъ словомъ—когда придется... Дядя садится въ свое кресло, а я помѣщаюсь вотъ на этомъ табуретѣ. Священнодѣйствіе происходитъ при лампѣ, и мы читаемъ...

— Плутарха?—вставилъ Романъ.

— Разныя разности... Иногда газеты, повѣсть, случается и Плутарха, библію...

Ирена видимо оживилась. Быстрыми жестами, хотя по прежнему спокойными, она указывала на предметы, о которыхъ говорила, а Романъ не сводилъ съ нея глазъ. Теперь только замѣтилъ онъ на головѣ у нея стебелекъ блѣдно-розоваго левкоя, цвѣтъ котораго красиво выдѣлялся въ черныхъ какъ смоль волосахъ.

— Комната тѣти значительно больше. А наша съ Броней тутъ рядомъ; въ случаѣ надобности дядѣ удобно кинуться.

И она отворила низенькую обѣ одной створѣ дверь, поблѣннующую известію. Въ слѣдующей комнатѣ, куда они вошли, стѣны были тоже выбѣлены. На окнахъ висѣли простенькія бѣлыя занавѣсочки; вдоль стѣны были поставлены двѣ кровати, покрытыя бѣлыми одѣяльцами. Посреди комнаты Броня дѣйствительно сидѣла за столомъ надъ книжкой. Дѣвочка кивнула головою вошедшимъ и снова погрузилась въ чтеніе.

Ирена раскрыла стеклянный шкафикъ, а Романъ подошелъ къ дѣвочкѣ, наклонился и спросилъ:

— Что ты такъ прилежно изучаешь, Броня? Не географію ли?

Она подняла голову разсѣянно.

— Почему же непременно географію?

— А я знаю, ты въ ней далеко ушла, въ пятой части свѣта обрѣтаешься.

— Ты, Ромикъ, чудесно отгадываешь. Твоя правда, учу теперь Австралію...

Романъ повернулся къ Иренѣ.

— И ты, кухня занята?..

— Извини пожалуйста, да... Теперь намъ некогда...

— Вести пустыя рѣчи съ нами, лѣнтяями...

— Да, если хочешь...

И она протянула ему пачку газетъ. Онъ принялъ ихъ съ церемоннымъ поклономъ и съ полъ-минуты все еще не уходилъ.

Оба стояли такъ другъ противъ друга, и вдругъ смутились. Подымались похороненныя въ душѣ воспоминанія вмѣстѣ пережитой весны жизни. Оба они затаили дыханіе, стали серьезны. Въ теченіе полъ-минуты глаза ихъ не разлучались, словно посылая другъ другу улыбки.

Наконецъ, Романъ исчезъ. Ирена все еще стояла обращенная лицомъ къ окну. Броня нѣсколько разъ уже поглядывала на нее, наконецъ крикнула:

— Иря, когда же мы начнемъ заниматься? Продержишь потомъ до самаго обѣда, некогда будетъ и въ голубямъ сбѣгать...

Ирена повернулась. Дѣвочка впилась въ нее своими живыми, пронизательными глазками и заговорила:

— Отчего ты такая грустная, Иря?

Ни разу еще Броня не приходилось видѣть ее такую разстроенной.

Подъ-вечеръ завернулъ Романъ въ комнату Стефана,—онъ вспомнилъ о книгахъ. Обстановка поразила его сразу же, и онъ остался здѣсь долѣе, чѣмъ предполагалъ. Между тѣмъ было тутъ все такъ просто: желѣзная кровать съ убогой постелью, два стола, ломившіеся подъ грудами бумагъ, большой стеклянный шкафъ съ рядами книжекъ. По стѣнамъ висѣло нѣсколько большихъ ландартъ и литографій, снимковъ съ извѣстныхъ картинъ; въ углу виднѣлся громадный крестъ изъ чернаго дерева. Стояло тутъ также нѣсколько креселъ, обитыхъ клѣтчатой ковровой матеріей; большой пукъ полевыхъ цвѣтовъ въ глиняномъ вувшинчикѣ красовался на столѣ. Стѣны бѣлены; потолокъ поддерживали массивные брусья, а за двумя небольшими окнами разстилались широко довольно живописныя окрестности—вотъ и все. Необычайная простота! Но Романъ сразу же почувалъ, что эта простота имѣетъ свои мотивы, придающіе ей особое значеніе. Онъ зналъ, что средства позволяли молодому Дарновскому совершенно иначе устроить свое помѣщеніе. Онъ не ожидалъ, положимъ, роскоши, но рассчитывалъ встрѣтить по крайней мѣрѣ комфортъ. Осматриваясь кругомъ, Романъ думалъ:

„Помѣшался, должно быть, на траппизмѣ, живетъ монахомъ. Развѣ однѣ книги, да куча исписанныхъ бумагъ... Если не траппистъ, во всякомъ случаѣ бенедиктинецъ“.

Особенно заинтриговало его громадное распятіе, помѣщавшееся на самомъ видномъ мѣстѣ. Казалось, оно парило надъ комнатой и служило какъ бы эмблемой. Не разъ посматривалъ онъ на него, наконецъ сосредоточилъ вниманіе на разбросанныхъ на одномъ изъ столовъ бумагахъ. Масса билетиковъ, исписан-

ныхъ четкимъ почеркомъ. Сразу же бросались въ глаза собственные имена, названія деревень, мѣстечекъ, околицъ, фермъ. Тутъ же разбросаны въ безпорядкѣ частью раскрытыя книжки, брошюры, временныя изданія, и все съ замѣтками.

Хозяйственныя счетныя книжки лежали на другомъ столѣ, поближе къ окну. Романъ долго любовался на разстилающійся предъ нимъ видъ. Ничего въ немъ не было величественнаго, ни особеннаго, но масса подробностей, такъ что въ общемъ являлось привлекательное зрѣлище. За садомъ Дарновскихъ тянулся лугъ, тотъ самый, который онъ видѣлъ вчера. Длинной полосой развернулся онъ между синѣющимъ боромъ и полемъ; изрѣдка разбросаны по немъ деревья и кустарники. Прорѣзывала его узенькой ленточкой рѣчка. То скрывается за ольхами и орѣшиной, то снова сверкнетъ тоненькой серебряной виточкой. На темномъ фонѣ бора вырисовываются разнообразнѣйшими оттѣнками зелени лиственные деревья. Тамъ, гдѣ-то на полѣ, бѣлѣетъ въ отдаленіи полоса гречихи; майской свѣжестью зелени отливаетъ клинъ нескошеннаго еще клевера. Тамъ и сямъ на пожелтѣвшихъ поляхъ вѣетъ дымокъ отъ небольшихъ разведенныхъ пастухами костровъ. И надъ всей этой картиной царитъ одинъ пунктъ— большая купа деревьевъ разнообразной высоты, а изъ-за нихъ поднимаются величественныя палаты, облитыя ослѣпительно-бѣлымъ свѣтомъ солнца. Казалось, до нихъ не особенно близко, но и не особенно далеко. Въ воздухѣ первыхъ осеннихъ дней, прозрачномъ какъ хрусталь, привычный глазъ можетъ ясно схватить очертанія прекраснаго строенія и двѣ небольшія башенки, украшавшія его сверху. Идали все это казалось красиво и изячно. Близна особенно привлекала взоръ. Любуясь на ландшафтъ, приходилось поминутно натывать на этотъ замокъ, составлявшій его средоточіе. Казался онъ то вѣстовой башней, то короной.

Романъ никакъ не могъ припомнить, кому принадлежало это имѣніе и кто именно тамъ живетъ, хотя прежде и случалось видѣть его и всегда издалека. Прямыхъ сношеній, насколько онъ помнитъ, никогда не завязывалось между Дарновкой и тѣми дальними сосѣдями. Полубезсознательно опустился онъ въ кресло, стоявшее у окна, глядѣлъ разсѣянно то на комнату Стефана, то на видъ, стелющійся изъ окна. Романъ весь ушелъ въ глубокія думы—словно окаменѣлъ. Представленія, наблюденія, воспоминанія, вопросы заворачивались въ его умѣ вихремъ, беспорядочно, не укладываваясь никакъ въ логическомъ порядкѣ, не давая стройныхъ выводовъ и нагромождаясь въ умѣ какимъ-то подготовительнымъ строитель-

нымъ матеріаломъ. Все зданіе сложится потомъ; въ настоящее время вниманіе и воображеніе скажутъ себѣ своевольно по отдѣльнымъ кирпичикамъ, изъ которыхъ со временемъ возведено будетъ цѣлое.

Ирена красива, и еще болѣе того—мила. Особенно привлекательна ея женственная свѣжесть, давно не встрѣчалъ онъ ничего подобнаго. Этого лица не коснулась еще ни разу буря страстей— оно чистое, свѣжее. И несмотря на покой движеній и чертъ, какая непринужденность въ обращеніи, сколько веселья! Не повѣритъ онъ никогда, что она довольна своимъ положеніемъ и не тревожится предстоящей ей будущностью. Положимъ, ей легко все это измѣнить. Любопытно, отчего отклонила она предложеніе баронессы, а спрашивать онъ не рѣшался. Странная вещь! Предъ этой скромной дѣвушкой онъ чувствуетъ нѣкоторую робость, чего никогда не испытывалъ съ женщинами, занимающими въ свѣтѣ высокое положеніе. Просто не знаешь, съ какой стороны подступиться, боишься, какъ бы не оскорбить.

Вѣдь можно окончательно разойтись, хотя и безъ того Романъ догадывается, что ихъ раздѣляетъ чуть не пропасть,—почти ничего общаго. Какъ же такъ? А прошлое? Эти чтенія, бесѣды, увлеченія, мечты... Помнить ли она что-нибудь? А онъ сознаетъ отлично, что могъ любить ее безъ памяти. Даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, становится она опять близкой. Глядя на нее, онъ испытываетъ возрожденіе прежнихъ чувствъ, стремится къ чему-то, бывшему нѣкогда дорогимъ, куда-то внезапно скрывшемуся. Стоитъ только начать думать о ней—и конца не предвидится. Вотъ и сегодня, когда бралъ изъ ея рукъ газеты, почудилось что-ли ему, будто она взволнована. Вѣроятно, иллюзія... Проклятая самонадѣянность, нѣтъ—наввная слѣпота! Можно ли ждать отъ нея или Стефана чего-нибудь, кромѣ простой вѣжливости, обязательнаго гостепріимства.

Экая досада! А какъ хотѣлось увести съ собой въ далекія страны по крайней мѣрѣ воспоминанія о ихъ дружбѣ! Но они напутствуютъ его одною холодностью туда, далеко,—и подобно горсти песку, развѣяны всѣ прежніе товарищи, друзья.

Двоихъ изъ нихъ, впрочемъ, Романъ можетъ здѣсь увидѣть.

И онъ, вскочивъ съ кресла, раза два быстро прошелся по комнатѣ. Что-то начинало снова его тревожить. Онъ сталъ у окна; взоры его покоились на красивомъ замкѣ, выдѣляющемся вдали яркой бѣлизной на фонѣ темной группы деревъ.

Красивая, должно быть, мѣстность. Вотъ кому хорошо жить!

Уютное гнѣздо—готовая канва. Не отъ чего отречься, не съ чѣмъ разставаться, нечего жалѣть,—живи себѣ пригнѣваючи.

Отъ луговины, дальняго бора, куска поля за лугомъ и небо-склона, задернутаго фіолетовой дымкой дали, вѣяло безконечной свѣжестью. Глубокое затишье залегло надъ всей этой зеленью, синевой, серебристой лентой воды, блѣдножелтыхъ пожней.

Не мѣшало нисколько этому затишью и какъ бы съ нимъ сливался, придавая ему еще большую глубину,—монотонный, глухой стукъ молотилки, едва слышный въ значительномъ отдаленіи. Какъ бы въ отвѣтъ, изнутри дома отзывался какой-то другой шумъ, еще болѣе слабый, тоже монотонный и приглушенный разстояніемъ. Кто-то въ заднихъ комнатахъ шилъ на машинкѣ.

Гдѣ-то на дворѣ вдругъ послышался отрывистый разговоръ двухъ мужскихъ голосовъ, и сразу оборвался. А вотъ свѣжій, чистый женскій голосъ несетъ изъ открытаго окна: „Броня! Броня!“ Романъ поднимаетъ голову и думаетъ:

„Милый, прелестный голосокъ!“

Въ общемъ, въ Дарновкѣ и кругомъ залегла тишина. Животныя пасутся, люди на полевыхъ работахъ—еще никто не возвращался. Отъ пучка растений, стоящаго на столѣ въ кубшинчикѣ, разносится по комнатамъ запахъ лѣса, напоминаетъ о водянистыхъ мхахъ, о соснахъ. Горсточка вереска отливаетъ вѣжнимъ лиловымъ цвѣтомъ, а посреди золототысячникъ, словно мистическая пальма, воздымаетъ высоко свою яркожелтую кисть. Зеленый папоротникъ, отдѣлившись отъ букета, совсѣмъ перевѣсилъ надъ исписаннымъ листомъ бумаги. По его кружевной ткани скользятъ лучъ солнца прихотливой золотой змѣйкой. Нѣсколько такихъ же змѣекъ и кружковъ сверкаютъ по бѣлымъ стѣнамъ, мигаютъ тамъ и сямъ, перемѣщаясь по прихоти вѣтра, шелестащаго въ листьяхъ большаго вяза, растущаго тутъ же, подъ окномъ.

Лѣниво опустился Романъ въ кресло, опираясь обѣими руками, запрокинулъ голову и долго оставался такъ недвижимо. Имъ овладѣла физическая истома, навѣянная всей этой незатѣйливостью и чистотой окружавшей его природы. Отъ синевы, зелени, дымки, задернувшей далекій горизонтъ, торжественнаго молчанія полей, стука машины, умирающаго шелеста листьевъ за окномъ и прихотливыхъ блестящихъ точекъ, прыгающихъ по стѣнѣ, изливалась на него сладость успокоенія, затишье отдыха. Снова оглянулъ онъ комнату Стефана съ любопытствомъ и вниманіемъ. И въ самомъ дѣлѣ какъ все это красиво, въ эту пору яркой синевы, зелени, лиловатыхъ вересковъ и танцующихъ по

стѣнамъ, вѣѣнками и кружками, золотистыхъ лучей! Каково-то здѣсь въ жестокую, суровую и долгую зиму!

И предъ нимъ развертывалось ясно какъ бы видѣніе.

Осенній, зимній вечеръ—все равно! За окномъ—тьма крошечная; въ комнатѣ зажжена лампа; свѣтъ отъ нея тонетъ во мракѣ угловъ. Темень задернула весь ландшафтъ, залитый дождемъ, по поламъ со снѣгомъ. Словно какая-то пропасть, на днѣ которой скопанная меланхолія гудитъ, страдаетъ и вздыхаетъ голосами вѣтровъ. Свѣтъ лампы весь сосредоточенъ надъ столомъ. На рембрантовскомъ фонѣ, въ небольшомъ клочкѣ свѣта, окруженномъ отовсюду мракомъ, вырисовывается голова молодого человѣка, склонившагося надъ бумагой. Рука его быстро скользитъ и заполняетъ обильно бѣлую полосу письменами. Кругомъ разбросаны въ беспорядкѣ карты, книжки, брошюры. Рука не бѣлая, вовсе не изящная. Стоитъ только на нее взглянуть, и сейчасъ же представляются — солнцепекъ, лѣтнія работы. Она все пишетъ безостановочно. За окномъ шумитъ и вздыхаетъ все та же несносная тѣнь, въ домѣ тишина, только кто-то внизу громко читаетъ. Какой-то чистый, свѣжій женскій голосъ читаетъ вслухъ—вотъ и все. Молодой бенедиктинецъ, съ рельефно выступающимъ на обрывкѣ свѣта лицомъ, обруженный мракомъ, какъ токъ въ аккордъ сливается съ остальными тонами—съ тишью, уединеніемъ, зимней порой и ночью. Блестящій свѣтъ, со всѣмъ своимъ шумомъ, горячкой, вихремъ, блесвомъ и наслажденіями, откуда такъ далеко. Можно даже подумать, что темнота, повисшая за окномъ, и есть то неизмѣримое междупланетное пространство, которое отдѣляетъ эти двѣ разнородныя сферы. Онъ отрекся отъ этого свѣта. Онъ могъ бы легко пріобщиться къ его блеску, вихрю, горячкѣ, наслажденіямъ, но онъ не хочетъ.

Почему же не хочетъ? Чтѣ его пригвоздило къ этой тиши, уединенію, зимней порѣ и ночи? Въ одномъ углу комнаты засвѣтилась стальная искра, высѣченная свѣтомъ лампы на левій косы, прислоненной къ стѣнѣ. Въ другомъ мѣстѣ по стѣнѣ выступаютъ изъ мрака линіи большого креста, суровыя и мрачныя.

Романъ провелъ рукой по лбу и глазамъ. Зарождалось въ немъ чувство уваженія, смѣшанное съ изумленіемъ, къ чему-то такому, чего еще онъ не могъ охватить и уразумѣть до самой глубины...

Вдругъ быстро и съ шумомъ раскрылись двери комнаты. Еще раньше могъ бы слышать Романъ торопливые шаги по лѣстницѣ, но онъ весь ушелъ въ свои думы. Теперь только замѣтилъ онъ въ дверяхъ высокаго, весьма тонкихъ очертаній человѣка. Сразу онъ не узналъ его. Не отнимая руки отъ задвижки, вошедшій разгля-

дывалъ нѣкоторое время и тоже не узнавалъ. И вдругъ на его поразительно сѣломъ лицѣ появилась улыбка, а вслѣдъ за тѣмъ раздалось:

— Ромикъ!

И тутъ же онъ прибавилъ тихо:

— Если только не ошибаюсь?..

Романъ поднялся неторопливо съ кресла. А затѣмъ бросился къ вошедшему съ крикомъ:

— Каза Домунтъ!

Эл. Орженшко.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДРУЖИНИНЪ

1824 — 1864 гт.

Окончаніе.

III *).

Творческая дѣятельность Дружинина началась „Полинькой Саксъ“. Повѣсть имѣла огромный успѣхъ, и въ особенности среди дамъ. По свидѣтельству г. Старчевскаго, „не было того семейства, гдѣ бы матери и дочки не засыпали съ этой повѣстью въ рукахъ, не старались всѣми путями и средствами собрать справки: кто таковъ этотъ симпатичный адвокатъ и защитникъ всякой увлекшейся неопытной дѣвушки и женщины. Каждая дама того времени считала за счастье увидѣть Дружинина, хотя украдкой взглянуть на этого милаго человѣка, дорогаго адвоката женскаго сердца, а познакомиться съ нимъ, говорить съ авторомъ „Полиньки“ — для каждой молодой дамы и дѣвицы было верховъ блаженства“¹⁾. Въ настоящее время не много найдется людей, которые бы читали „Полиньку Саксъ“, но самое названіе повѣсти, какъ мы уже сказали разъ, составляетъ почти все, чѣмъ имя Дружинина сколько-нибудь держится въ памяти большинства русской читающей публики.

*) См. выше: январь, стр. 81.

1) „Наблюдатель“ 1865 г., № 4, стр. 115.

Что же кроется въ этой небольшой повѣсти, и почему изъ восьми томовъ ей одной—такое исключительное вниманіе?

Въ небольшомъ количествѣ статей, посвященныхъ Дружинину, есть голоса, настаивающіе на томъ, что Дружининъ несправедливо забытъ, и что должна наступить пора обратнаго, такъ сказать, водворенія его на прежнее высокое мѣсто, которое онъ занималъ въ литературѣ первой половины пятидесятихъ годовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, уже если говорить о несправедливости въ оцѣнѣ Дружинина, то прежде всего нужно начать съ вопроса: былъ ли заслуженнымъ успѣхъ „Полиньки Саксъ“? Собственно говоря, эта повѣсть сама по себѣ замѣчательная, и вообще хороша: написана прекраснымъ слогомъ, дѣйствіе развивается очень гармонично и стройно, характеры намѣчены очень твердо и ясно, а основная идея въ высокой степени симпатична. Все это ни въ малѣйшей степени нельзя отрицать. Но дѣло въ томъ, что на „Полиньку Саксъ“ принято смотрѣть у насъ какъ на первую попытку поставить въ русской литературѣ „женскій вопросъ“; въ ней усматриваютъ необыкновенную литературную новизну и отвагу. „Какъ много нужно было смѣлости,— говорить наиболѣе горячій изъ современныхъ поклонниковъ Дружинина, проф. Кирпичниковъ,— какъ много любви къ истинѣ, чтобы сдѣлать въ 1847 году героемъ свѣтской повѣсти рогатаго мужа, выдающаго свою жену за мужъ за обольстителя“¹⁾. Взглядъ г. Кирпичникова можно назвать всеобщимъ: онъ держится въ литературѣ со временъ Бѣлинскаго, который, указавъ кое-какіе недостатки въ „Полинькѣ Саксъ“, говорилъ въ заключеніе своего отзыва: „несмотря на то, въ повѣсти такъ много истины, такъ много душевной теплоты и вѣрнаго сознательнаго пониманія дѣйствительности, такъ много *самобытности*, что повѣсть тотчасъ же обратила на себя общее вниманіе“. Наконецъ, изъ свидѣтельства г. Старчевскаго мы знаемъ, что и женщины смотрѣли на Дружинина по преимуществу какъ на человѣка, смѣло выступившаго на защиту поправныхъ правъ женскаго сердца.

Вотъ это отношеніе къ „Полинькѣ Саксъ“, какъ къ чему-то необыкновенно *новому и смѣлому*, совершенно незаслуженно. Если по поводу „Полиньки Саксъ“ говорить о смѣлости, то развѣ о той наивной смѣлости, съ которою юный тогда Дружининъ *цѣликомъ взялъ сюжетъ и основные мотивы своей повѣсти изъ Жоржъ-Зандовскаго „Жака“*.

Въ романѣ Жоржъ-Занда дѣйствіе группируется около трехъ

¹⁾ „Истор. Вѣстн.“ 1884 г., № 4, стр. 35.

лицъ: Жака, его жены Фернанды и ея будущаго любовника — Октава. Жакъ — избранная благородная натура, стоящій головою выше окружающей его среды, какъ по умственному, такъ и по душевному своему развитію. Романъ застаётъ его уже немолодымъ; ему тридцать-пять лѣтъ, онъ много жилъ, много думалъ, много испыталъ. Ему уже хочется отдохнуть въ какой-нибудь тихой пристани, и вотъ онъ женится на молодой институткѣ Фернадѣ, существѣ добромъ и чистомъ, которая проникнута самымъ искреннимъ благоговѣніемъ предъ своимъ гордымъ, умнымъ, благороднымъ мужемъ, но именно однимъ только благоговѣніемъ, а не тою равноправною любовью, которая составляетъ основу всякаго нормальнаго брака, явившагоса результатомъ сходства душевныхъ складовъ. Фернадѣ немного жутко и не по себѣ въ обществѣ серьезнаго Жака, огромное превосходство котораго давить ее и не даетъ развернуться ея собственнымъ силамъ. И оттого-то въ душѣ ея есть совершенно свободное мѣсто для любви менѣе возвышенной, менѣе проникнутой уваженіемъ въ любимому человеку, но болѣе богатой живымъ, непосредственнымъ чувствомъ. Когда за нею начинается ухаживать пылкій Октавъ, она сначала рѣшительно отвергаетъ всякую мысль объ измѣнѣ благородному Жаку. Но, мало-помалу, знойное дыханіе молодой любви Октава, его безразсудства, совершенныя подъ вліяніемъ этой любви, жизнесладостное сознаніе, что она, Фернанда, способна внушать такіа сильныя, бурныя чувства, все это непреодолимо захватываетъ молодую женщину, и потокъ страсти ее уноситъ. Жакъ видитъ происходящую въ Фернадѣ мучительную борьбу между долгомъ и чувствомъ, видитъ и то, что, тѣмъ не менѣе, любовь молодыхъ людей приближается къ своему естественному концу. Жгучія страданія раздираютъ ему сердце при этомъ зрѣлищѣ крушенія послѣднихъ его надеждъ на счастье, на женскую ласку; временами его дуршатъ приливы дикой, необузданной ревности. Но все-таки онъ не убиваетъ Фернанду, не подстерегаетъ изъ-за угла Октава, не вызываетъ его даже на дуэль, хотя въ прошлой своей боевой жизни не разъ выходилъ къ барьеру изъ-за причинъ безконечно менѣе серьезныхъ. Совсѣмъ напротивъ, продолжая любить Фернанду и искренно желая ей счастья, онъ рѣшается принести себя въ жертву, отправляется въ Швейцарію и тамъ бросается въ пропасть, при такой обстановкѣ, которая всѣхъ заставляетъ думать, что онъ палъ жертвою несчастнаго случая. Фернанда получаетъ, такимъ образомъ, возможность отдаться своей любви

безъ тѣхъ неудобствъ, которыя соединены со всякою незаконною связью.

Таково содержаніе „Жака“. Основной мотивъ романа — это драма, разыгрывающаяся вслѣдствіе неравенства лѣтъ Жака и Фернанды, но еще болѣе вслѣдствіе духовнаго неравенства супруговъ. *Новизна* же романа — то, что сдѣлало его знаменитымъ, — заключается въ поведеніи Жака: онъ не мечетъ громовъ негодованія на бѣдную Фернанду за то, что въ ней заговорилъ голосъ природы, а напротивъ того, полагаетъ, что чувство свободно, и что только эгоизмъ грубѣйшаго свойства, — хотя онъ въ данномъ случаѣ и освященъ людскимъ обычаемъ, — легъ бы въ основаніе какихъ бы то ни было враждебныхъ съ его стороны дѣйствій противъ влюбленныхъ молодыхъ людей.

Посмотримъ теперь, о чемъ повѣствуется въ „Полинькѣ Саксъ“.

Чиновникъ особыхъ порученій при одномъ изъ министерствъ, Константинъ Александровичъ Саксъ, человѣкъ неподкупной честности и непреклонныхъ принциповъ, только-что женился на очаровательной крошкѣ Полинькѣ, въ которую страстно влюбленъ, несмотря на отдѣляющее ихъ большое разстояніе лѣтъ, взглядовъ и умственнаго развитія: Полинька еле минуло 18 лѣтъ, Саксу за-тридцать; Полинька наивна до ребячества, Саксъ много жилъ, много испыталъ сильныхъ ощущеній и страстно жаждетъ отдохнуть „измученной душой“. Онъ безумно влюбленъ въ свою жену, но никогда не выражаетъ своей любви въ тѣхъ формахъ, въ какія любовь отливается у людей менѣе пожившихъ. „Ни до свадьбы, ни послѣ, — жалуется Полинька своей подругѣ, — не сказалъ онъ мнѣ открыто, что онъ хоть сколько-нибудь въ меня влюбленъ. „Любовь моя не на словахъ, а въ жизни, — говорилъ онъ нѣсколько разъ“. — Чтобъ онъ сталъ цѣловать мои руки, чтобъ онъ становился на колѣни! fi donc! ... Любить ли Полинька своего „холоднаго“ мужа? — „Я не жалѣю, что вышла за Сакса!“ — она съ нимъ не скучаетъ, — вотъ характеристика ея чувствъ къ Саксу, котораго она необыкновенно уважаетъ за его огромныя знанія и благородный характеръ.

Повѣсть начинается описаніемъ стараній Сакса, направленныхъ къ тому, „чтобы оживить эту миленькую статуэтку — Полиньку, — какъ онъ самъ о ней говорить, — и сдѣлать себѣ изъ пустынной институтки достойную спутницу жизни. Но, увы, его усилія далеки, очень далеки отъ успѣха“. Онъ желалъ бы, напримѣръ, привить ей серьезныя эстетическія вкусы, да ничего не выходитъ: въ музыкѣ ей больше всего нравятся польки; хорошія картины совершенно не занимаютъ ее; изъ книгъ она за-

читывается пошлѣйшими французскими романами, а надъ романами Жоржъ-Зандъ зѣваетъ, зѣваетъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не броситъ книги. Саксу, наконецъ, хотѣлось бы превратить этого милого ребенка въ настоящую женщину, съ настоящими жизненными интересами, но и тутъ его постигаетъ рѣшительная неудача. Полинька чуть ли не играетъ въ куклы и полна самыхъ ребяческихъ вкусовъ и желаній. А между тѣмъ у нея есть задатки характера, которые можно бы развить.

Не ему суждено, однако, развить эти задатки. И то, что не удалось умному, благородному Саксу, при всемъ высокомъ полетѣ его души, сразу удается молодому офицеру, князю Галицкому, человѣку нельзя сказать, чтобы совсѣмъ уже заурядному, однакоже, въ общемъ, не идущему ни въ какое сравненіе съ Саксомъ. Но зато въ немъ юношески клокочетъ страсть къ Полинькѣ, которая рвется наружу съ первой же встрѣчи съ нею въ повѣсти, и заставляетъ его дѣлать цѣлый рядъ „безразсудствъ“. Отъ этихъ „безразсудствъ“ Полинькѣ сначала „страшно и совѣстно“, а потомъ хотя тоже и страшно, и совѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и страстно. И вотъ совершается обычная метаморфоза. Нѣсколькихъ недѣль страстнаго ухаживанія достаточно, чтобы задача, надъ которою цѣлый годъ безуспѣшно трудился, хотя и безумно, но въ значительной степени старчески-влюбленный Саксъ, была разрѣшена молодо-влюбленнымъ Галицкимъ, не гнушающимся, подъ диктовку страсти, прибѣгнуть даже къ очень некрасивому способу—значительно отдалить время возвращенія Сакса изъ служебной командировки. Ребенокъ-Полинька сразу превращается въ женщину; лихорадка страсти, пожирающая Галицкаго, зажигаетъ ея сердце, до сихъ поръ не знавшее истинной любви, и если она, какъ и Фернанда въ „Жакъ“, не отдается Галицкому, то душой она вся его, и дрожитъ при мысли, что Саксъ его убьетъ.

Но Саксъ, храбрый Саксъ, имѣющій за собою много лѣтъ боевой жизни на Кавказѣ, хладнокровно убившій на дуэли одного молодчика за то, что тотъ не хотѣлъ извиниться предъ какою-то совершенно даже незнакомою Саксу актрисою, этотъ Саксъ не убиваетъ Галицкаго. Въ первомъ припадкѣ бѣшенства онъ, правда, хочетъ ему мстить. Но такое настроеніе быстро проходитъ. „Не армянинъ же я, чтобы похаживать съ кинжаломъ около „злодѣя“ и „измѣнницы“, — говоритъ онъ въ письмѣ къ другу, и остается вѣренъ своимъ взглядамъ, которые онъ высказываетъ въ началѣ повѣсти, когда между нимъ и Полинькой происходитъ такой разговоръ:

— Скажи мнѣ, что бы ты сдѣлалъ, еслибы я тебѣ измѣнила?

— Э! кто нынче измѣняетъ!

— Ну, а еслибы?

— Какъ бы измѣнила? изъ прихоти?

— Изъ прихоти! Развѣ нельзя представить, что я влюбилась бы въ кого-нибудь изъ твоихъ пріятелей?

— Очень бы влюбилась?

— Да, на всю жизнь, на вѣкъ, безъ ума и безъ памяти.

Глаза Сакса сверкнули такъ страшно, что я (разсказъ ведетъ Полинъка) было-струсила.

— На что же мнѣ жена безъ ума и безъ памяти?.. Я бы поцѣловалъ тебя и уѣхалъ куда-нибудь подальше.

— Ну, а ему-то что же?

— Онъ-то чѣмъ виновать?“

Теперь, когда пришлось на своей шкурѣ примѣнить теорію къ практикѣ, Саксъ говорить то же самое: „Жена моя не нуждается въ оправданіи. Правъ и Галицкій“.

Правда, онъ тотчасъ же съ бѣшенствомъ прибавляетъ: „Да что же мнѣ изъ этого: развѣ въ моемъ положеніи идея о справедливости доступна для меня, развѣ она можетъ получить практическое примѣненіе? Я знаю, и она права, и онъ правъ, и я буду правъ, если жестоко отомщу имъ обоимъ. Раненый солдатъ съ бѣшенствомъ лѣзетъ на неприятельскую колонну: развѣ онъ думаетъ о томъ, что можетъ убить не того человѣка, который его ранилъ? что даже и ранившій его не виноватъ передъ нимъ?“ И вотъ почему въ душѣ Сакса происходитъ мучительная борьба: съ одной стороны, онъ боится, что „можетъ рѣшиться на поворное дѣло“, а съ другой—не увѣренъ въ томъ, что не явится „героемъ великодушія“, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ, — прибавляетъ онъ, — „люди поглупѣе окрестятъ меня графомъ Монте-Кристо, а пламенные юноши почтутъ *новымъ Жакомъ*“.

Беретъ верхъ рѣшеніе стать „новымъ Жакомъ“. Саксъ безъ вѣдома Полинъки и Галицкаго устраиваетъ разводъ, при чемъ вину беретъ на себя. Цѣлый мѣсяцъ провозившись съ какими-то темными личностями, непривычное общеніе съ которыми заставляетъ думать Полинъку, что мужъ ея затѣваетъ какое-то ужасное мщеніе, онъ въ одно прекрасное утро призываетъ трепещущую жену и Галицкаго, убѣжденнаго, что наступаетъ, наконецъ, день дуэли съ Саксомъ, и объявляетъ имъ, что они свободны обвѣнчаться.

Вотъ канва „Полинъки Саксъ“. Всякій согласится, что тутъ трудно говорить о простомъ подражаніи „Жаку“. Подражаніе въ данномъ случаѣ доходитъ почти до совпаденія. Узелъ драмы бук-

важно тотъ же самый. Столь же рѣшительно сходство душевнаго облика и характера обонхъ „рогатыхъ“ — по свѣтской терминологіи мужей, на поведеніи которыхъ сосредоточивается весь общественный и художественный смыслъ какъ „Жака“, такъ и „Полиньки Саксъ“. И ясное всѣхъ сознавалъ это сходство главнаго героя своего съ героемъ повѣсти Жоржъ-Зандъ самъ Дружининъ, откровенно и прямо окрестивъ Сакса „вторымъ Жакомъ“.

Замѣчательно, затѣмъ, что сходство обонхъ повѣстей простирается вплоть до мелочей. Такъ напр., и „Жакъ“, и „Полинька Саксъ“, написаны въ эпистолярной формѣ; и въ „Жакѣ“, и въ „Полинькѣ Саксъ“, оба мужа терпѣть не могутъ родителей своихъ женъ; въ обонхъ повѣстяхъ они люди мелко-пошлые, внушающіе дочерямъ тѣ гаденькія правила „общестія“, отвращеніе къ которымъ составляетъ основную черту высокихъ качествъ души Сакса и Жака. Наконецъ, въ обонхъ повѣстяхъ имѣется по подругѣ, старающейся поссорить молоденькихъ женъ съ ихъ „холодными“ и „старыми“ мужьями. Что касается обстоятельствъ, при которыхъ Фернандъ и Полинька окончателно влюбляются въ своихъ „безразсудныхъ“ молодыхъ ухаживателей, то и они совершенно одинаковы въ обонхъ повѣстяхъ: и Жаку, и Саксу, вдругъ выходить эстренная и неотложная надобность уѣхать на нѣкоторое время, а жены, томимыя предчувствіемъ, что за это время жажда знойной, молодой любви, живущая у нихъ въ глубинѣ души, приведетъ къ роковымъ послѣдствіямъ, всѣми силами стараются отговорить ихъ отъ поѣздки. Мужья сердятся, считаютъ это удерживаніе ребяческимъ капризомъ и уѣзжаютъ. А по пріѣздѣ ихъ уже все кончено: явная измѣна, правда, не совершена, но душевныя связи съ мужьями порваны: и Фернандъ, и Полинька, страшно жаль своихъ благородныхъ и высоко-замѣчательныхъ мужей, которыхъ онѣ и продолжаютъ бесконечно уважать, но любить уже не ихъ.

Нѣкоторую разницу отъ „Жака“ „Полинька Саксъ“ представляетъ только въ самомъ концѣ, въ послѣднихъ пяти страничкахъ повѣсти. У Жоржъ-Зандъ повѣсть кончается смертью Жака, а Октаву и Фернандъ, повидимому, предстоитъ наслаждаться счастьемъ взаимной любви. У Дружинина же развязка иная: Полинька настолько поражена величіемъ поступка мужа, что начинаетъ его любить, и хотя первое время своего второго брака вполне счастлива любовью Галицкаго, но внутри ее гложетъ червь, дѣлающій крайне невыгодныя сравненія между Галицкимъ и Саксомъ. Этотъ червь, вносящій страшный разладъ въ жизнь бѣдной Полиньки, не только подтачиваетъ ея любовь къ Галицкому, но и здоровье

ся. Черезъ годъ послѣ своей второй свадьбы Полинъка умираетъ съ сознаниемъ и признаниемъ, что любитъ она теперь Сакса, а въ Галицкомъ уже чувствуетъ только жалость.

Конечныя пять страницъ „Полинъки Саксъ“, гдѣ Дружининъ желаетъ быть какъ бы независимымъ отъ своего образа, частью мелодраматичны, частью неестественны. Какъ замыселъ, намѣреніе заставить Полинъку вновь полюбить Сакса, не лишено интереса, но замыселъ этотъ еле намѣченъ, брошенъ вскользь и совершенно не разработанъ. А что касается поведенія Сакса послѣ развода, когда онъ въ роли таинственнаго всевидящаго ока слѣдить за каждымъ шагомъ путешествующей четы Галицкихъ, то оно прямо мелодраматично. Въ общемъ, такимъ образомъ, завершительныя страницы, съ ихъ попыткою эмансипироваться отъ „Жака“, не совсѣмъ удачны.

Вотъ почему едва ли возможно усматривать въ „Полинъкѣ Саксъ“ ту „самобытность“, которую въ ней усматривалъ Бѣлинскій. Въ характеристикѣ знаменитаго критика, повидимому, кроется недоразумѣніе, легко, какъ намъ кажется, объясняемое тѣмъ, что изъ всѣхъ многочисленныхъ романовъ Жоржъ-Занда „Жакъ“ почему-то не былъ переведенъ на русскій языкъ, и Бѣлинскому, вѣроятно, былъ пока извѣстенъ только въ самыхъ общихъ чертахъ.

За всѣмъ тѣмъ, отнюдь нельзя отрицать весьма значительныхъ *относительныхъ* заслугъ „Полинъки Саксъ“. Въ русской литературѣ есть цѣлый рядъ весьма громкихъ и видныхъ дѣятелей, только тѣмъ и замѣчательныхъ, что они знакомили русскую публику съ умственными теченіями Запада. Въ ряду этихъ дѣятелей Дружинину несомнѣнно должно быть отведено мѣсто, какъ одному изъ первыхъ *перенесшему* въ русскую литературу вопросъ о „свободѣ сердца“, и притомъ наиболее рѣшительно отвѣтившему на него. Въ появившемся, напр., нѣсколько мѣсяцевъ до „Полинъки Саксъ“, „Кто виноватъ“ — произведеніи, навѣянномъ тѣмъ же самымъ „Жакомъ“, — вопросъ этотъ разрѣшался далеко не такъ опредѣленно.

Но и помимо основной идеи, въ „Полинъкѣ Саксъ“ слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя подробности, которыя указываютъ, что въ самомъ началѣ своей дѣятельности Дружининъ жилъ жизнью и стремленіями лучшихъ кружковъ сороковыхъ годовъ. Широкая освободительная волна, которая всецѣло охватила тогда молодую литературу и заставила лучшихъ представителей ея дать аннибаловскую клятву бороться съ крѣпостнымъ правомъ, захватила и Дружинина. Вотъ какою чертою характера счелъ онъ нужнымъ надѣлать своего любимаго героя — Сакса, и не только Сакса, чело-

вѣка исключительныхъ достоинствъ и исключительной душевной красоты, но и жизнерадостнаго друга его, большого любителя оракула de la Dive Bouteille и вообще „пантагрюэлиста“, какъ его называетъ Саксъ.

„Въ имѣннѣ, которое дали за мною, — сообщаетъ Полинья своей подругѣ: — мой мужъ сдѣлалъ такія переимѣны, что получать съ него мы будемъ вдвое меньше, чѣмъ оно прежде приносило. Папа ужъ добръ, а за это разсердился. „Безъ нужды уменьшать оброкъ, — говорилъ онъ мужу, — значить, давать вредный примѣръ сосѣднимъ мужикамъ, уничтожать весь страхъ и повиновеніе“. А Костя только смѣется и слушать ничего не хочетъ“.

Когда, разставшись съ женою, Саксъ уѣзжаетъ надолго за границу, онъ наказываетъ пріятелю своему:

„Въ отсутствіе мое возьми главный контроль надъ моими управляющими: преобразуй ихъ въ филантропически-пантагрюэлистскомъ родѣ. Денегъ мнѣ нужно меньше, — можно сократить сборы.“

„Имѣннице, которое досталось мнѣ отъ отца, выпусти въ обязанные крестьяне. Я былъ заботливъ, — но служилъ. Пускай, при твоёмъ надзорѣ, у моихъ подданныхъ отрутутъ такіе же животы и растолстѣютъ фізіономіи, какъ у твоихъ“.

Крестьяне пріятеля Сакса, однакоже, далеко не всегда имѣли лоснящіяся фізіономіи. „Главное мое помѣстье, — сообщалъ онъ Саксу въ одномъ письмѣ, — я купилъ у юноши, который прокутился дочиста и совершенно разорилъ мужиковъ. Онъ любилъ понтировать: мужички платились за проигрышъ, не получая съ выигрыша нимадой частички. Когда имѣннѣ продали мнѣ, я пріѣхалъ сюда, зная, что ѣду не въ Эльдorado, зато и рѣшился ни о комъ и ни о чемъ не заботиться.“

„Не успѣлъ я обойти своихъ владѣній, какъ мнѣ сдѣлалось тошно. Въмѣсто деревень торчали какія-то руины, которыя, самъ знаешь, въ Россіи не такъ красивы, какъ на берегахъ Рейна. Фізіономіи тощія, жалкія, поминутно попадались мнѣ на встрѣчу, отвѣшивая низкіе поклоны. *Я потерялъ весь аппетитъ.*“

„Что ты будешь дѣлать? — и долго обѣдалъ я пресъверно. Чуть выйдешь изъ дому, тѣ же руины, тѣ же госпитальныя фізіономіи. Прошло два года, и я уже гуляю вездѣ, и гуляю и ѣмъ съ удовольствіемъ. Въмѣсто развалинъ стоятъ хорошенкіе домики, безъ которыхъ нигуда негоденъ русскій пейзажъ, а рожки-то мнѣ попадаются! радость и веселіе! не повѣришь, какъ скоро разжирѣлъ поджарый этотъ народъ.“

„Итакъ, теперь я совершенно доволенъ своею судьбою. При-

ятно, любезный другъ, ѣсть три раза въ сутки, спать два раза и постоянно видѣть вокругъ себя жирныя фizioноміи съ лоснящимися носами, толстые животы съ колеблющимися стопами“...

Многое въ только-что приведенномъ отрывкѣ отзывается нѣкоторою маниловщиною. Быстрая смѣна госпитальныхъ фizioномій фizioноміями лоснящимися довольно наивна. Но зато въ томъ же самомъ отрывкѣ взята одна такая серьезная нота, которой не взяли даже сверстники Дружинина по „натуральной школѣ“, гораздо выше его стоящіе въ литературной іерархіи. Заставить героя своего потерять аппетитъ отъ вида крестьянской бѣдности — это уже значить перенести вопросъ изъ сферы государственныхъ соображеній на почву личной нравственности и прямо сказать, что вопросъ регулированія крѣпостного права лежитъ не только на обязанности государственной власти, но и на совѣсти каждаго порядочнаго человѣка, именно *каждо* сколько-нибудь порядочнаго человѣка, потому что теряетъ аппетитъ не только самъ Саксъ, „фантазеръ“, „безпокойный человѣкъ“ и вообще „фармазонъ“, а также и человѣкъ средней, самаго жовіальнаго характера.

Чтобы покончить съ общественными тенденціями „Полиньки Саксъ“, отмѣтимъ еще слѣдующее замѣчательное для повѣсти сороковыхъ годовъ мѣсто. Когда Полинька томится рововымъ предчувствіемъ, ни за что не хочетъ пускать мужа въ командировку, Саксъ старается разъяснить ей важное значеніе своей побѣды: она имѣетъ цѣлью раскрыть злоупотребленія нѣкаго статскаго совѣтника Писаренко, укравшаго тысячъ сто казенныхъ денегъ. „Ты знаешь, что такое казенныя деньги,—говоритъ при этомъ Саксъ.—*Ихъ даетъ мужикъ изъ скуднаго своего достатка, ихъ надо беречь и тратить только на дѣло*“.

Такой взглядъ на казенныя деньги былъ рѣшительною новостью въ сороковыхъ годахъ. Дружининъ тутъ опять взялъ ноту необыкновенно важнаго значенія, говорящую о народолюбіи самаго серьезнаго характера. Да и тотъ самый фактъ, что богатый, независимый и презирающій обычное житейское міросозерцаніе Саксъ служить, и служить очень дѣятельно,—чрезвычайно знаменательно. Большинство героевъ произведеній 40-хъ годовъ — люди безъ опредѣленныхъ занятій, помѣщики, живущіе рентою, не знающіе общественныхъ обязанностей. Служать „чинуши“, въ лучшемъ случаѣ Адуевы, т.-е. все-таки люди, гонящіеся за карьерой. Такъ называемый „добродѣтельный чиновникъ“ появился въ нашей литературѣ только во второй половинѣ 50-хъ годовъ. А до тѣхъ поръ добродѣтельные сановники если и фигурировали

иногда въ произведеніяхъ „правой стороны“ литературы и во 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, то только затѣмъ, чтобы воспѣть хвалу существующему порядку. Чиновничество Сакса имѣетъ, конечно, смыслъ совершенно иной. Заставить ревностно служить такого „фармазона“, какъ Саксъ, котораго, къ тому же, нѣтъ никакой возможности подвести подъ справедливо высмѣянный, въ концѣ 50-хъ годовъ, пошловатый типъ надуту-чваннаго „добродѣтельнаго чиновника“ à la Соллогубовскій Надимовъ,—это, безспорно, была большая иллюзія съ точки зрѣнія реальныхъ условий чиновничьей службы 40-хъ годовъ. Но эта иллюзія несомнѣнно имѣла характеръ проповѣди, характеръ призыва не ограничиваться личною жизнью и тѣмъ или инымъ путемъ приобщиться дѣлу общественному.

Такимъ образомъ, въ общемъ „Полинька Саксъ“ должна быть отнесена къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ молодой литературы 40-хъ годовъ, и намъ вполне становится понятнымъ, почему остальные представители нарождавшагося литературнаго поколѣнія такъ радостно приняли талантливаго дебютанта въ свой кругъ и стали многого ждать отъ него.

IV.

Этимъ ожиданіямъ на первыхъ порахъ не было суждено обмануться. „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича“—вторая повѣсть Дружинина, вскорѣ послѣ „Полиньки Саксъ“ напечатанная въ „Современникѣ“, поддержала его возникавшую репутацію.

Впрочемъ, хронологически, по времени написанія, вторымъ произведеніемъ Дружинина была „Лола Монтесъ“—небольшой разсказъ, появившійся въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“, изданномъ Некрасовымъ и Панаевымъ въ 1848 году въ видѣ приложенія къ „Современнику“. „Лола Монтесъ“ скорѣе „бульварна“, и въ особенности конецъ ея, гдѣ выданная противъ воли за стараго генерала дѣвушка, тотчасъ послѣ вѣнчанія, оставшись въ ожиданіи мужа въ спальнѣ, произноситъ такой монологъ:

„Голоса стали утихать... я жду его, каждая минута стоитъ года, я дрожу отъ нетерпѣнія... ни одна любовь въ мірѣ не выказывалась такъ страстно, такъ жарко, съ такою жгучею энергіею, какъ высказывалась моя вражда!

„Я жду тебя, гнусный старикъ!.. Я не убью тебя, не оскорблю тебя, не отвергну тебя. Я не уйду, буду въ твоей власти; ты хочешь хоть на недѣлю, хоть на день быть моимъ мужемъ...

ты будешь моимъ мужемъ на всю жизнь, до твоей или до моей смерти... До моей смерти! Боже мой! не дай мнѣ умереть, пока я не погублю этого человѣка, куда я не отомстила ему.

„Я доберусь до тебя, опутаю тебя моими ласками, буду твоей любовницей, пока не буду имѣть тебя подъ своими ногами. А тогда я безжалостно растопчу тебя.

„Я покрою срамомъ твое имя; ты дорожишь мнѣніемъ свѣта,— свѣтъ будетъ каждую минуту смѣяться надъ тобою... я не дамъ тебѣ минуты отдыха, въ домѣ своемъ будешь ты встрѣчать адъ и несогласіе... Ты любишь богатство—богатство твое растаетъ, я вымучу его изъ тебя, разбросаю его безъ нужды, познакомлю тебя съ грязью, унижительною бѣдностью. И ты все-таки будешь любить меня, въ отчаяніи своемъ будешь жаться ко мнѣ, ползать передо мною изъ-за одной ласки... Не будетъ тебѣ этой ласки, ты встрѣтишь укоръ и презрѣніе. Жалобы мои станутъ будить тебя по ночамъ—я снова выучусь плавать, буду вязать и вопить на всю твою тѣсную комнату, чтобъ не дать тебѣ минуты отдыха.

„Что-жъ ты не идешь ко мнѣ? Клянусь моею враждою,—я выполню все то, что обѣщаюсь. Есть во мнѣ искусство, есть во мнѣ твердость, необъятность моей вражды тому поручую“...

Какъ ни оригиналенъ весь этотъ монологъ,—нельзя, однако, не отмѣтить, что въ основѣ его опять лежитъ серьезная проповѣдь свободы сердца: въ формѣ горячаго протеста противъ браковъ, устраиваемыхъ не по сердечной склонности.

Въ общемъ „Лола Монтесъ“, конечно, то, что называется „бездѣлка“, но она тѣмъ характернѣе, что пронизана серьезною мыслью. Съ наступленіемъ безвременья 1848—1855 гг., серьезность мысли почти совершенно исчезаетъ изъ беллетристическихъ произведеній Дружинина.

Что касается „Разказа Алексія Дмитріевича“,—третьей по времени написанія повѣсти Дружина, настолько восхитившей Бѣлинскаго, что онъ сопоставилъ молодого автора по тонкости душевнаго анализа съ Герценомъ,—то интересъ ея, дѣйствительно, главнымъ образомъ психологическій. Центромъ повѣсти является чрезвычайно характерный типъ дѣвушки, одаренной истинно женскою способностью превращать самоотверженіе и сознаніе долга въ пороки, губительные для нея самой, для всѣхъ, кто ее любить. Всякій, кто близво присматривался въ любящей женщинѣ,—все равно, любящая ли она жена, или любящая мать, дочь, сестра,—вонечно, знаетъ это необузданное стремленіе непременно „приносить жертвы“. Мужчина вого-нибудь любящій

обыкновенно старается осмыслить свою любовь, устроить такъ, чтобы любовь его имѣла цѣль и приносила пользу тому, на кого она направлена. Женщина рѣдко объ этомъ заботится. У нея на первомъ планѣ жажда подвига, жажда самоотверженія ради процесса самоотверженія. Эта характерная черта женской психологіи, знаткомъ которой Дружининъ не безъ основанія считалъ себя, и разработана въ „Разсказѣ Алексѣя Дмитріевича“. Героиня—Вѣра Надежина, красивая, симпатичная дѣвушка, совершенно бесполезно ломаетъ свою жизнь, зарываетъ себя въ деревнѣ, гдѣ отвратительная мачиха терзаетъ и мучаетъ ее душу самымъ гнуснымъ образомъ, отказываетъ всѣмъ женихамъ, къ ней сватающимся, идетъ даже на разрывъ съ человѣкомъ, котораго полюбила. И все изъ-за того, чтобы остаться при престарѣломъ отцѣ, который, въ сущности, совсѣмъ не нуждается въ ее уходѣ, но ухаживать за которымъ она считаетъ высшимъ долгомъ своимъ, какъ любящей дочери.

Помимо характера Вѣры, довольно тонко разработанъ въ повѣсти характеръ самого рассказчика, Алексѣя Дмитріевича, человѣка не зауряднаго душевнаго склада, рѣшительнаго врага всякой пошлости и жаждущаго ощущеній высшаго порядка. По серьезности пониманія цѣлей жизни и вообще по всему духовному облику своему, Алексѣй Дмитріевичъ если и не есть повтореніе Сакса, то во всякомъ случаѣ сдѣланъ изъ одного съ нимъ матеріала. По общественнымъ взглядамъ своимъ онъ, по опредѣленію автора, принадлежитъ къ тѣмъ „иногда восторженнымъ до ребячества, иногда насмѣшливымъ и полнымъ отрицанія людямъ“, которыхъ „вѣчное шатанье и жизнь нараспашку“ „заставили горячо любить тотъ изъ классовъ общества, который болѣе всего нуждается въ сочувствіи и заботливости“.

Не лишены также психологическаго интереса другія лица въ повѣсти — меланхолически-храбрый баронъ Рецель и весь переполненный страстными порывами юноша Костя. Оба они люди отнюдь не банальной душевной жизни, и для того, чтобы разобраться въ ней, несомнѣнно, нужно было незаурядное художественное чувство распознаванія.

Весь вообще „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича“, не имѣя такихъ достоинствъ, которыя дѣлали бы его особенно интереснымъ теперь, 45 лѣтъ спустя, и значительно уступая по интересу общественному „Полиньѣ Саксъ“, — въ чисто-художественномъ отношеніи достоинъ самаго полнаго вниманія. Во всякомъ случаѣ, въ ряду беллетристическихъ произведеній Дружинина, „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича“ съ чисто-художественной точки зрѣнія безспорно

занимает первое мѣсто. Языкъ лучше, чѣмъ въ „Полиньѣ Саксъ“ — колоритнѣе, страстнѣе, блестятъ поэтическими образами и оборотами, элементы повѣсти разнообразнѣе, дѣйствіе разностороннѣе, и на всемъ вообще произведеніи лежитъ печать окончательного-созрѣвшей художественной мысли, что, однакоже, не идетъ въ ущербъ свѣжести. А что всего важнѣе — „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича“ — повѣсть безусловно оригинальная, показывающая, слѣдовательно, что въ началѣ дѣятельности въ душѣ Дружинина жило пониманіе людей, возвышающихся надъ житейскою пошлостью, и особая любовь къ психологіи тонкихъ душевныхъ движеній. Восторгъ Бѣлинскаго и предсказаніе, что изъ него выйдетъ второй Искандеръ, были вполне законны. Отъ 24-лѣтняго юноши, въ теченіе года давшаго такую общественно-важную вещь, какъ „Полинья Саксъ“, и такое художественно-тонкое произведеніе, какъ „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича“, дѣйствительно можно было ожидать многого.

Но ожиданія такъ одними ожиданіями и остались. Въ беллетристической карьерѣ Дружинина „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича“ является поворотнымъ пунктомъ: начиная съ него, онъ, правда, всего менѣе прекратилъ писаніе повѣстей и романовъ, но какъ мало отъ этого выиграла цѣлостность его художественной дѣятельности! Не то, чтобы въ его позднѣйшихъ вещахъ замѣчалось исчезновеніе беллетристическаго таланта, — фактура, хотя бы, напр., въ нравившемся многимъ „Петергофскомъ фонтанѣ“ и др., довольно удовлетворительна, — но содержаніе странное, вычурное, неестественное, не имѣющее никакого отношенія къ живой дѣятельности.

Въ „Разсказѣ Алексѣя Дмитріевича“, написанномъ, такъ сказать, съ благословенія Бѣлинскаго, ярко сказались реалистическая дисциплина. Но со смертью Бѣлинскаго, съ наступленіемъ безвременья 1848—1855 г., съ ослабленіемъ даже въ лучшихъ людяхъ кружка Бѣлинскаго прежняго серьезнаго отношенія къ задачамъ литературы, — струйка водевильности, всегда сидѣвшая въ Дружининѣ, превращается въ цѣлый потокъ литературной безвкусицы, который затопляетъ всѣ беллетристическія его работы періода 1848—1855 гг. Въ эти печальные годы литературнаго безвременья даже Неврасовъ, котораго въ чемъ угодно можно обвинить, но только не въ отсутствіи серьезности, дошелъ до того, что сочинилъ вмѣстѣ съ Панаевой-Станицкимъ извѣстный бульварно-мелодраматическій романъ „Три страны свѣта“. Что же удивительнаго въ томъ, что, предоставленный самому себѣ, Дружининъ сталъ сочинять такія произведенія, какъ „Легенду о кс-

лыхъ водахъ“, „Жюли“ и тому подобныя великосвѣтскія новеллы и новеллеты. Все это произведенія не только совершенно ничтожныя, но и въ значительной степени пошлыя, чуждыя какихъ бы то ни было высшихъ стремленій.

Съ наступленіемъ другихъ вѣяній въ литературѣ, Дружининъ, всего менѣе ставъ поклонникомъ прогресса, все-таки невольно поддается поднятію общаго уровня литературы и во всякомъ случаѣ уже не увлекается великосвѣтскими вычурами. Относящійся въ 1857 г., романъ его „Обрученные“ — въ литературномъ отношеніи достаточно посредственный, но по крайней мѣрѣ онъ хоть по намѣреніямъ своимъ интересенъ, какъ желаніе противопоставить пустоту свѣтской жизни — жизни осмысленной, серьезнымъ взглядамъ на задачи человѣческаго существованія.

Дружининъ, прежде печатавшій по нѣскольку повѣстей въ годъ, послѣ „Обрученныхъ“ беллетристику окончательно забросилъ. Правда, издатели сочиненій Дружинина почему-то въ отдѣлѣ „беллетристики“ отнесли „Прошлое лѣто въ деревнѣ“ (написано въ 1862 г.). Но это недоразумѣніе. Форма дѣйствительно беллетристическая, съ разговорами, описаніями природы и т. д., но по существу это не чтъ иное какъ рядъ корреспонденцій, рядъ анекдотовъ и впечатлѣній человѣка, пріѣхавшаго въ деревню вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ.

V.

Перехода въ послѣдовательномъ порядкѣ многочисленныхъ литературныхъ родовъ, къ которымъ обращался усидчивый и необыкновенно легко писавшій Дружининъ, — отъ беллетристики къ фельетону, — посмотримъ, чтъ имъ сдѣлано въ этой области.

Проф. А. И. Кирпичниковъ въ восторгѣ отъ фельетонныхъ Дружинина. По его мнѣнію, „Дружининъ — царь фельетонистовъ“; „фельетоны Дружинина, собранные въ 8 т. его сочиненій, можно читать съ пользою и удовольствіемъ теперь, столько лѣтъ спустя, читать не одинъ разъ, а 3—4 раза, читать до тѣхъ поръ, пока каждое остроумное сравненіе, каждая свѣжая мысль, врѣжутся въ память, читать почти такъ, какъ мы читаемъ великаго фельетониста древности — Лукіана, или фельетониста въ области просвѣщенія — Вольтера“.

Проф. Кирпичниковъ останавливается при этомъ исключительно на фельетонахъ Дружинина половины 50-хъ годовъ („Петербургскій Туристъ“ въ „С.-Пет. Вѣд.“ 1854—1855 гг.), которые и въ свое

время прошли мало замѣченными, и ничего не говорить о „Сентиментальномъ путешествіи Ивана Чернокужниковъ по петербургскимъ дачамъ“. Онъ только ограничивается засвидѣтельствомъ факта, что „Путешествіе“ „заставило до упаду хохотать нашихъ отцовъ“. А между тѣмъ „Путешествіе“-то и есть центральный пунктъ фельетонной дѣятельности Дружинина, такъ какъ остальное, повторяемъ, прошло и въ свое время совершенно незамѣченнымъ.

Но вотъ образчикъ фельетона изъ „Путешествія“:

Я въ бурной юности моей
 Любилъ дѣвицу Вѣру,
 Но болѣе любилъ я Дрей-
 Мадеру
 Любилъ я Аннушекъ и Лизъ,
 Шатался въ магазины,
 Но болѣе любилъ я изъ
 Долины ¹⁾.
 Есть у меня пріятель Клейнъ,
 Онъ любитъ курить графа,
 А выпить развѣ дастъ вамъ Вейнгъ-
 де-Графа.
 Въ жару восторга моего
 Читалъ я также Стерна,
 Но больше выпивалъ я Го-
 Сотерна.
 Барманъ мой сталъ какъ рѣшето,
 Лишился я профиту,
 Но съ горя выпивалъ Шато-
 Лафиту.
 Разъ чуть меня не дернулъ чортъ
 Проѣхать по Рейну,
 Но выпить предпочелъ я Портъ-
 Вейну.
 Но, развѣзая по Руси,
 Отъ Нарвы до Алтая,
 Всѣхъ чаще испивалъ я Си-
 Вадая.

Мы остановились на этомъ стихотвореніи, потому что при всей дешевизнѣ своего „остроумія“ оно, все-таки, у неприхотливаго читателя способно вызвать улыбку. Остальное „Путешествіе“, занимающее больше ста страницъ, даже и этого смягчающаго обстоятельства за собою не имѣетъ, и, читая его, испытываете рѣшительнѣйшее недоумѣніе. Просто не понимаешь, какъ

¹⁾ Крымское, 32 к. сер. у Шварцкопфа. *Примѣч. Чернокужниковъ.*

могъ писатель съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ такъ долго тянуть такую скучную чепуху. А если повѣрить тому, что „отцы наши хохотали до упаду“ надъ похождениями Чернобнижникова, то придется свидѣтельствовать, что годы безвременья 1848 — 1855 гг. одинаково печально отразились какъ на писателяхъ, такъ и на публикѣ.

Что именно годы безвременья тутъ играли главную роль — можно видѣть изъ сопоставленія „Сентиментальнаго путешествія“ съ позднѣйшими фельетонами Дружинина, относящимися къ второй половинѣ 50-хъ годовъ.

Проф. Кирпичниковъ только „Петербургскимъ туристомъ“ и восхищается, благоразумно ограничиваясь двумя строчками о „Сентиментальномъ путешествіи“. Что же именно ему особенно нравится изъ фельетоновъ, составляющихъ циклъ „Петербургскаго туриста“? „Петербургскій туристъ“, — говоритъ онъ, — „порововъ не казнить и не касаться, а преслѣдуетъ мелкіе недостатки петербургскаго и вообще русскаго человѣка; но зато философія, къ которой онъ располагаетъ читателя, не только веселая, но если можно такъ выразиться, за неперевоимостью нѣмецкаго *gemüthlich*, задушевно-добрая, размягчающая сердце. Какимъ, напр., Диккенсовскимъ юморомъ и душевною теплотою дышетъ незатѣйливый по замыслу рассказъ о томъ, какъ нѣсколько добродушныхъ весельчаковъ, ненавистниковъ хорошаго тона, устроили на масляницѣ импровизированный пивнень въ какомъ-то подгородномъ трактирѣ и мимоходомъ сдѣлали доброе дѣло: отступили у нѣмца, содержателя балагана, полузамерзшихъ танцовщицъ изъ подгородныхъ крестьянокъ и, угостивъ ихъ, отправили домой“.

Мы предпочитаемъ мнѣнію г. Кирпичникова мнѣніе сверстника Дружинина — Д. В. Григоровича, который, охарактеризовавъ холодный темпераментъ своего пріятеля, между прочимъ говоритъ по поводу притязаній Дружинина на юморъ:

„Старанія Дружинина быть веселымъ можно было уподобить стараніямъ птицы, которая хочетъ летѣть съ подрѣзанными крыльями. Природной веселости въ немъ не было на маковую росинку. Онъ (самъ) этому (однакоже) не вѣрилъ; доказательствомъ служатъ нѣкоторые его рассказы и похождения Чернобнижникова, писанные въ томъ убѣжденіи, что читатель не усидитъ на мѣстѣ отъ хохота“.

VI.

Болѣ интересную часть литературнаго наслѣдія Дружинина, для таковаго не столь еще отдаленнаго потомства, какъ современный читатель, представляютъ его работы въ сферѣ исторіи литературы и критики. Но тутъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Репутація Дружинина, какъ свѣдущаго знатока западныхъ литературъ, нѣсколько преувеличена. Превосходно зная три языка, онъ, при своей страсти къ чтенію, конечно, хорошо былъ знакомъ съ современною ему западною литературою. Но кто же изъ сколько-нибудь образованныхъ людей того времени не слѣдилъ усерднѣйшимъ образомъ за всѣми новинками европейскаго книжнаго рынка? По свидѣтельству Герцена, во времена увлеченія московскихъ кружковъ гегелианствомъ „всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходяшія въ Берлинъ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней“.

Впрочемъ, всѣ его компіляціи хотя и не были особенно цѣнны и важны, но ихъ слѣдуетъ поставить Дружинину въ активъ. Уже не будемъ говорить о томъ, что многія изъ нихъ, напр. статью о Краббѣ, можно не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою читать даже и теперь, потому что Краббъ до сихъ поръ не переведенъ на русскій языкъ. Въ свое же время онѣ имѣли болѣе серьезное значеніе. Вспомнимъ тѣ свѣденія о невыносимо-тягостной духовной атмосферѣ безвременья 1848—1855 гг., которыя мы сообщали въ объясненіе пошлости похороненій Чернокнижниковъ и которыя еще понадобятся намъ для „Писемъ Иногороднаго Подписчика“; вспомнимъ, что потребность давать въ одно и то же время и цензурное, и занимательное, довела Некрасова до „Трехъ Странъ Свѣта“,—и значеніе компіляцій Дружинина выяснится само собою. Пусть это и не самостоятельная работа, пусть это порою простое изложеніе и переводъ, но это во всякомъ случаѣ прекрасная литературная пища, удерживавшая читателя, въ критическую эпоху, на высотѣ серьезнаго вкуса, а самого компілятора спасавшая отъ опасности погрязнуть въ литературной пошлости.

Чтобы покончить съ работами Дружинина въ области иностранной или вѣрнѣе англійской литературы, отмѣтимъ еще, что онѣ же втянули его въ Шекспира: онъ прекрасно перевелъ „Лира“, „Коріолана“, „Ричарда III“, „Короля Джона“ и снаб-

диль, кромѣ того, каждый изъ этихъ переводовъ обстоятельными предисловіями, составленными по наиболѣе авторитетнымъ источникамъ „шекспиологіи“.

VII.

Постоянное общеніе съ англійскою литературою оказало самое рѣшительное вліяніе на выработку литературно-критическаго міросозерцанія Дружинина. Вѣрнѣе, впрочемъ, будетъ сказать, что, одинаково хорошо зная всѣ три главныхъ европейскихъ языка, Дружининъ потому именно и специализировался на англійской литературѣ, что она больше всего подходила къ его нравственному складу. Англійская сдержанность и отсутствіе растрепанности особенно пришлись по душѣ холодному, аккуратному и равнодушному Дружинину. Конечно, и въ Англии далеко не все сдержанно и аккуратно. Но Дружининъ не все въ англійской литературѣ и любилъ одинаково. Всего милѣе ему была Англія торійская¹⁾; о лексикографѣ Джонсонѣ онъ говорилъ съ гораздо болѣшимъ увлеченіемъ, чѣмъ о Байронѣ, предъ гениемъ котораго онъ, конечно, преклонялся, но презрѣніе котораго къ англійскому сант'у отнюдь его не восхищаетъ. А вотъ англійскій дэндизмъ вполне соответствовалъ тому эгоизму, который, по вѣрному наблюденію г. Григоровича, составлялъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ духовной природы „Иногороднаго Подписчика“. И сталъ онъ этотъ дэндизмъ пересаживать на русскую почву. „Письма Иногороднаго Подписчика“ представляютъ собою яркое проявленіе такой смѣси погони за мелочами, внѣшняго и внутренняго щегольства, а главное полного безразличія къ вопросамъ морали, которая составляетъ суть дэндизма.

Общій тонъ „Писемъ“—легкая *saute-gie*, перескакивающая съ предмета на предметъ, ничего до конца не исчерпывающая, но все мимоходомъ задѣвающая, а всего болѣе заботящаяся о томъ,

¹⁾ По поводу начала статьи о Дружининѣ въ январьской книгѣ, ми получили копию письма Тургенева о Дружининѣ отъ 8 января 1857 г., съ такимъ же отзывомъ о немъ: „Съ октября мѣсяца,—пишетъ Тургеневъ,—я получаю „Библи для Чит.“, поступившую въ завѣдываніе Дружинина; онъ намѣренъ придать ей консервативный англійскій характеръ и уже написалъ одну статью о Бѣлинскомъ, въ которой бросилъ на него взглядъ сверху; но статья вышла тупая,—точно птица безъ клюва; этимъ ни одной крѣпкоколобой головы не пробьешь. Да откуда взяться консерваторству на Руси? Не подойти же къ гнилому плетню и сказать ему:—ты не плетень, а каменная стѣна, къ которой я намѣренъ пристроивать“.—*Ред.*

чтобы читателю не было скучно, и чтобы предлагаемая ему умственная пища его не утомляла. Авторъ больше всего боится, чтобы отъ его „Писемъ“ не пахло литературой, онъ — человѣкъ „хорошаго“ общества, онъ о свѣтской жизни говорить часто и охотно, и, какъ свѣтскій человѣкъ, онъ весьма недоволенъ большинствомъ повѣстей изъ петербургской жизни, потому что въ нихъ „чуждое дѣло — не замѣтно и слѣда петербургской жизни — жизни озабоченной и шумной, подчасъ веселой и шумной. Если вѣрить повѣствованіямъ, то въ Петербургѣ только и живутъ, что унылые мечтатели, да бѣдняки, тѣснущіеся по угламъ и подваламъ“ (стр. 17): Сотоварища Дружинина по черноокнижю, Панаева, охарактеризовали какъ Ювенала каленборовыхъ манишекъ; „Иногороднаго Подписчика“ въ извѣстной степени можно назвать Ювеналомъ сѣрой бумаги, которую онъ преслѣдуетъ съ неутомимою энергіей. А вотъ стихотворенія Щербинина доставили ему истинное наслажденіе уже однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Они такъ хорошо изданы, что ихъ „не стыдно держать на столѣ въ гостиной“.

Справедливость требуетъ прибавить, что такія прямыя проявленія дэндизма не часты въ „Письмахъ Иногороднаго Подписчика“. Дружининъ даже самъ подчасъ вооружается противъ нѣкоторыхъ проявленій „дэндизма“ и читаетъ ему реприманды. Но съ какой точки зрѣнія? Вникните, напр., въ смыслъ слѣдующаго выговора, который дѣлаетъ Дружининъ Панаеву за его „Львовъ въ провинціи“; прислушайтесь къ серьезности, съ которой преподаются слѣдующія правила:

„Первымъ признакомъ каждаго хорошо воспитаннаго человѣка, — а well-bred gentleman, если угодно — есть совершенная *терпимость* въ дѣлѣ наружныхъ мелочей. Дѣлить людей на существа хорошаго и дурнаго тона (эти самыя выраженія звучатъ весьма *неизящно*) можетъ только человѣкъ *неловкій* и неувѣренный въ своемъ собственномъ достоинствѣ. Безпрестанные толки о туалетѣ и восхищеніе передъ хорошо-повязаннымъ галстукомъ такъ же *средятъ* всякому *порядочному* *человѣку*, какъ повредило бы ему, еслибъ онъ, надѣвъ очень хорошія перчатки, пустился бы скакать по всему городу, упрашивая всѣхъ проходящихъ хоть немножко полюбоваться на его гладко обтавутую руку“ (стр. 611).

Какъ видите, тутъ цѣлый кодексъ; тутъ человѣкъ истинно „порядочный“, человѣкъ дѣйствительно „хорошаго“ тона и ненавистникъ „дэндизма средней руки“, какъ онъ выразился въ другой разъ (стр. 281), даетъ урокъ человѣку „неловкому“. Надо самому носить хорошо-повязанный галстухъ, но не надо

выказывать „нетерпимости“ по отношенію къ людямъ, плохо повязывающимъ галстухъ; важно носить гладко облегающія руку перчатки, но съ полною непринужденностью, ибо эффектъ навязанный слабѣ эффекта самозарождающагося; навязываніе „вредить“ эффекту, репутація „порядочности“ можетъ отъ этого пострадать!

Вотъ какія рѣчи и поученія раздавались теперь съ той самой кафедрой, которую еще такъ недавно занималъ Бѣлинскій. „Первый критикъ“, говорящій о „терпимости“ и „порядочности“ по вопросу о галстухахъ и перчаткахъ — этотъ случай совершенно безпримѣренъ въ исторіи русской критики.

Но какъ ни заураженъ вѣщный дѣндизмъ Дружинина, какъ ни обидно при мысли, что тамъ, гдѣ только-что звучало вдохновенное слово Бѣлинскаго о высшихъ задачахъ жизни, теперь трактовали о томъ, что есть истинный и что ложный хорошій тонъ, — все-таки это мелкое щегольство было только болѣе смѣшно, чѣмъ опасно.

Гораздо опаснѣе былъ внутренній дѣндизмъ „Иногороднаго Подписчика“, его стремленія возвести въ идеалъ литературную бонтонность и безразличіе. Въ основѣ, конечно, лежало то, что въ натурѣ Дружинина не было и капли той страстности, которая одна и создаетъ истинный критическій темпераментъ. Но не только не былъ огорченъ этимъ своимъ недостаткомъ „Иногородный Подписчикъ“, — онъ прямо щеголялъ имъ. Въ одномъ изъ первыхъ же „Писемъ“ онъ отмѣчаетъ, что нѣкоторые читатели упрекаютъ его за „равнодушіе къ отечественной словесности“. Авторъ, однако, ни мало не смущенъ упрекомъ и прямо заявляетъ: „я не имѣю горячей привязанности къ современной литературѣ и смотрю на нее болѣе съ любопытствомъ“. Бѣлинскому былъ дорогъ послѣдній, дрянной романъ, который онъ самъ же разносилъ въ пухъ и прахъ.

Нужно ли удивляться тому, что человекъ, имѣя за душой одно любопытство, долженъ былъ весьма неодобрительно относиться къ полемикѣ. Въ полемикѣ, которая есть душа всякой критики, да и вообще всякаго истинно-убѣжденнаго писанія, „Иногородный Подписчикъ“ абсолютно „не признавалъ пользы“, и протестъ противъ нея проходитъ красною ниткою черезъ всѣ его письма. Съ большимъ удовольствіемъ констатируетъ онъ, что „съ недавней поры критики наши, къ крайнему удовольствію многихъ читателей, рѣже и рѣже впадаютъ въ полемику и литературные споры. Тишина и согласіе готовы воцариться между литераторами старыми и молодыми“. Было чему радоваться! Ти-

шина, конечно, воцарилась, но это была тишина кладбища, а одобрятельно говорить о „согласіи“ между „старыми и молодыми литераторами“, т.-е. между Гречемъ, Булгаринымъ и К^о—съ одной стороны, и съ другой, кружкомъ „Современника“, могъ говорить только такой представитель литературнаго безразличія, какъ Дружининъ періода „Чернонжія“. Когда, въ 1853 г., въ „Современникѣ“ появилась повѣсть Кукольника, это было признакомъ глубокаго паденія; это значило, что вся страстная борьба Бѣлинскаго противъ литературной напыщенности и трескотни сдается въ архивъ. Но „Иногородный Подписчикъ“ этому съ восхищеніемъ аплодировалъ; онъ тутъ съ восторгомъ усматривалъ, что „пора узкой исключительности миновалась“ (стр. 552). Намѣреніе редакціи „Спб. Вѣд.“ „не вступать ни въ какую полемику до крайности похвально“, по мнѣнію „Иногороднаго Подписчика“ (стр. 495). Да, наконецъ, полемика ему просто-на-просто „сучна“ (стр. 86). Обо всемъ онъ говоритъ ровно и спокойно, ничѣмъ не увлекаясь, ни на что не негодуя, гордясь тѣмъ, что не принадлежитъ ни въ одному „кружку“. Горячиться, спорить—да это просто смѣшно. Рисуя свой собственный портретъ, „Иногородный Подписчикъ“ однажды обмолвился такою характеристикю своего глубокаго индифферентизма: „Литераторъ, умѣющій держаться вдали отъ *мизернаго ратоборства*, довольно обезпеченный для того, чтобъ не зависѣть отъ того или другого изданія, довольно лѣнливый для того, чтобъ не терять хладнокровія вслѣдствіе *книжнаго спора*, по неволѣ, отъ избытка самодовольствія, чувствуетъ желаніе поддразнивать людей *съ задорнымъ самолюбіемъ и завистливымъ настроеніемъ духа*. Ему такъ и хочется подшутить надъ однимъ спорщикомъ, выслушать доводы другого и *збунуть* при ихъ окончаніи, объявивъ третьему, что онъ не понимаетъ его поступковъ, и, затронувъ каждаго, укрыться въ свою неприступную позицію“ (стр. 410).

Въ этихъ немногихъ строкахъ сказанъ весь Дружининъ періода „Чернонжія“, съ его великосвѣтской пошлаласе, съ его отношеніемъ къ своей литературной дѣятельности какъ къ прихоти, съ его постояннымъ и неуклоннымъ стремленіемъ показать, что онъ отнюдь не профессиональный литераторъ. Хочу пишу, хочу не пишу, въ гонорарѣ не нуждаюсь, ни отъ какаго изданія не „завишу“ и полемизировать во имя его интересовъ не намѣренъ. А разъ это споръ, забава—такъ изъ-за чего и горячиться! „Книжный споръ“—развѣ изъ-за этого приходятъ въ изступленіе! Такимъ образомъ, правъ былъ Тургеневъ, написавшій на Дружинина въ срединѣ 50-хъ годовъ такую эпиграмму:

Дружининъ корчитъ европейца,
 Но ошибается чужакъ:
 Онъ—труппъ россійскаго гвардейца,
 Одѣтый въ англійскій пиджакъ.

Въ общемъ какъ бы снисходительно ни отнестись къ Дружинину періода „Черновнижія“, т.-е. къ „Иногородному Подписчику“, онъ и близко не подходитъ подъ понятіе о „первомъ критикѣ“. При самомъ лучшемъ къ нему отношеніи, „Иногородный подписчикъ“ — занимательный, нелишенный таланта *рецензентъ* — и никакъ не больше. Его „Письма“, занявшія въ литературѣ своего времени такое руководящее положеніе, даже и малѣйшихъ попытокъ не дѣлали касаться тѣхъ вопросовъ, которые поставили критику сороковыхъ годовъ на такую высоту и сдѣлали ее центральнымъ нервнымъ узломъ журналистики. Критика Бѣлинскаго и членовъ его кружка была средоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедіей русскаго ума и чувства. Отнюдь не въ ущербъ „эстетикѣ“, отнюдь не въ ущербъ глубокому пониманію искусства и его законовъ, она захватывала все, что интересовало развитого читателя, старалась подъ дымкою абстрактныхъ разсужденій отвѣчать на всѣ „проклятые вопросы“, которые возникали въ душѣ чуткаго русскаго человѣка, какъ только онъ начиналъ сознательно относиться къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стремленія передать читателю выношенные въ душѣ идеалы, статьи Бѣлинскаго, его „обзоры“, всегда имѣли въ своей основѣ одну руководящую идею, и оттого они прокладывали новые пути въ литературѣ, создавали школу. А Дружининскія письма—это отмѣтки журнальныхъ явленій,—отмѣтки болѣе или менѣе вѣрныя, болѣе или менѣе остроумныя, но все-таки отмѣтки. Ни общей мысли, ни сколько-нибудь опредѣленнаго чувства вы въ нихъ не встрѣтите, не встрѣтите вообще того, что принято называть „направленіемъ“, если не считать направленіемъ проповѣдь, что, молъ, вовсе и не нужно имѣть никакого направленія. И это былъ „властитель думъ“ своего времени!

Одновременно съ „Письмами Иногороднаго Подписчика“ началъ писать обзоры журналистики Аполлонъ Григорьевъ въ „Москвитинѣ“. Это критикъ, съ которымъ еще труднѣе найти точки соприкосновенія, нежели съ Дружининимъ. Но его обзоры проникнуты такою жаждою истины, въ нихъ столько воодушевленія, столько потрачено душевнаго огня на защиту дорогихъ критику именъ и завѣтовъ, что какаго бы вы ни были сами направленія, вы должны будете зачислить эти беспорядочныя, бессистемныя,

но пламенно призывающія въ высшимъ идеаламъ статьи Григорьева въ лучшимъ проявленіямъ русскаго духа и русскаго исцанія правды. „Обзоры“ Григорьева читаются съ полнымъ интересомъ и теперь; „Письма“ Дружинина въ лучшемъ случаѣ скучны, а читателя сознательнаго это щеголеватое манерничанье, вѣчно пересыпанное анекдотами изъ „великобританской словесности“, прямо раздражаетъ.

VIII.

Винить, однако, всецѣло одного Дружинина за пустоту „Писемъ Иногороднаго Подписчика“ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Какъ только вы отъ VI-го тома Собранія его сочиненій, гдѣ помѣщены „Письма“, переходите къ VII-му, гдѣ собраны критическія статьи Дружинина, относящіяся къ 1856-60 гг., происходитъ удивительнѣйшая метаморфоза: передъ вами точно другой писатель. Вліяніе „безвременья 1848-1855 гг., вліяніе пошлости и пустоты „чернокнижныхъ“ собраній, именно къ этимъ годамъ относящееся, сказалось на Дружининѣ съ какою-то математическою ясностью. То, что онъ писалъ до 1848 г., до смерти Бѣлинскаго и наступленія безвременья, проникнуто серьезною мыслью, благородными намѣреніями и написано во всемъ объемѣ таланта; то, что писано въ годы безвременья, пошло, мелко и гораздо менѣе талантливо; то, наконецъ, что писано съ наступленіемъ новыхъ вѣяній въ русской общественной жизни—именно статьи VII-го тома, снова проникнуто серьезною мыслью, по-своему лучшими намѣреніями и превосходно выражено. Такимъ образомъ дилеттантскія и мелкоплавающія „Письма Иногороднаго Подписчика“ ни въ какомъ случаѣ не отразили всей полноты критическаго таланта Дружинина. Достаточно прочесть первую же большую критическую статью VII-го тома, писанную въ концѣ 1855 г. и посвященную Анненковскому изданію Пушкина, чтобы сразу увидѣть, что вы имѣете дѣло съ очень серьезно-мыслящимъ человекомъ, съ человекомъ самыхъ опредѣленныхъ и отнюдь не великосвѣтско-дилеттантскихъ воззрѣній на задачи литературы. Дружининъ VII-го тома заслуживаетъ самаго полнаго вниманія; это бесспорно самый выдающійся изъ нашихъ защитниковъ „чистаго искусства“ и врагъ весьма опасный критики направленія общественнаго. И если до сихъ поръ намъ приходилось доказывать отсутствіе правъ Дружинина на вниманіе потомства, то по отношенію къ VII-му тому слѣдуетъ провозгласить, что

онъ несправедливо забыть. Да, цѣлыхъ шесть томовъ собранія сочиненій Дружинина могутъ спокойно продолжать лежать на полкахъ букинистовъ, въ особенности томъ съ фельетонами Черновнижникова, защиту котораго взялъ на себя проф. А. И. Кирпичниковъ. Но седьмой томъ долженъ быть у всякаго, мало-мальски интересующагося русскою литературою.

Уже по одному тому достоинъ седьмой томъ самаго пристальнаго вниманія, что онъ обстоятельно трактуетъ о самыхъ выдающихся явленіяхъ русской литературы за цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ. Тутъ встрѣчаются большія статьи о Пушкинѣ, Фетѣ, Щербинѣ, Полежаевѣ, Майковѣ, Гончаровѣ, Тургеневѣ, Писемскомъ, Островскомъ, Щедринѣ, Львѣ Толстомъ, Бѣлинскомъ, и болѣе мелкія о Козловѣ, Веневитиновѣ, Ростопчиной, Полонскомъ, Нивитинѣ, Герберѣ, Давыдовѣ, Марко-Вовчкѣ. А мимоходомъ Дружининъ едва ли оставилъ безъ разсмотрѣнія хотя бы одно сколько-нибудь крупное явленіе русской литературы. Такимъ образомъ, уже одинъ историко-литературный интересъ VII-го тома очень значителенъ, и современный изслѣдователь, изучающій выше перечисленныхъ писателей, сдѣлаетъ крупную ошибку, не справившись съ тѣмъ, что писалъ о нихъ Дружининъ въ періодъ полнаго развитія своего критическаго таланта.

Но и для обыкновеннаго современнаго читателя Дружининъ, какъ авторъ большихъ статей седьмого тома, во всякомъ случаѣ имѣетъ не одинъ только историческій интересъ. У насъ привыкли толковать о быстротѣ россійскаго общественнаго прогресса, о томъ, что у насъ чуть ли не каждая десятъ лѣтъ приноситъ такія же измѣненія въ духовной физіономіи общества, какія на Западѣ требуютъ смѣны цѣлаго поколѣнія. Читая седьмой томъ Дружинина, рѣшительно въ этомъ разубѣждаешься. Сорокъ лѣтъ безъ малаго прошло съ тѣхъ поръ, и хоть бы мы на шагъ подвинулись въ разрѣшеніи такихъ элементарныхъ вещей, какъ вопросъ о цѣляхъ и задачахъ литературы. Въ Европѣ за это время многое произошло: исчезъ романтизмъ, родился и почти завершилъ циклъ своего литературнаго существованія натурализмъ, выступилъ на сцену и завладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ символизмъ, а мы все еще споримъ: „искусство для искусства“, или „искусство для жизни“, и вмѣсто того, чтобы хоть нѣсколько обновить всѣмъ надобвшій запасъ истрепанныхъ литературныхъ тѣмъ, все „пересматриваемъ“ старое: пересматриваемъ шестидесятые годы, пересматриваемъ Бѣлинскаго и даже Гоголя стали пересматривать. Современные проповѣдники „чистаго искусства“, т.-е. такого, котораго никогда и не было, потому что никогда

не было художника „чистаго“ отъ „примѣсей“ такихъ, увы, неотвратимыхъ вещей, какъ условія времени и мѣста, — современные рыцари „вѣчно-прекраснаго“, гордо выступаютъ во всеоружіи своихъ доспѣховъ, которымъ скоро полъ-вѣка. Прислушиваясь къ этому глухому бряцанію, нельзя не пожалѣть, что такъ основательно забыты старыя палладины „чистаго искусства“, — хотя бы Дружининъ, который былъ куда же послѣдовательнѣе нынѣшнихъ единомышленниковъ своихъ, да и гораздо смѣлѣе ихъ, потому что шелъ не за теченіемъ, а противъ него.

Мы вспомнили о современномъ лагерѣ „чистаго искусства“, потому что сопоставленіе его тактики и того, что проповѣдовалъ Дружининъ, очень ярко отбѣиваетъ существеннѣйшіе пункты литературнаго міросозерцанія нашего критика. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ то, что въ настоящее время проповѣдуется жрецами „чистаго искусства“, то какъ мало мы тутъ найдемъ истинной свободы отъ „примѣсей“ самаго временнаго свойства. Не говоря уже о критикѣ лагеря „чистаго искусства“, возьмемъ даже поэтическое творчество писателей, къ нему примыкающихъ. Все это на половину полемика. Вамъ не просто поютъ про трели соловья и „ласку милой“, а демонстративно; вамъ каждой строчкой хотятъ сказать: „вотъ тамъ, въ шестидесятыхъ годахъ, все кричали про „полезное“ искусство, да про „гражданскую“ поэзію, а мы надъ всѣмъ этимъ смѣемся, мы презираемъ „политику“, мы только „чистому“ искусству желаемъ служить. Въ результатѣ получается та же тенденціозность, только къ ней подходятъ съ другой стороны. Узкость фанатиковъ „полезнаго“ искусства состояла въ томъ, что они хотѣли стѣснить свободу творчества и стремились превратить художественное творчество въ орудіе публицистическихъ цѣлей. Но въ такую же узкость впадаетъ и та литературная реакція, которая возникла какъ протестъ противъ крайностей теорій 60-хъ годовъ. Изгоняя „политику“ и считая только „чистое искусство“ удѣломъ художественнаго творчества, мы совершенно въ такой же степени налагаемъ цѣпи на свободу творчества, въ какой ее стѣсняли фанатики „полезнаго“ искусства, требуя исключительно „гражданскихъ“ мотивовъ. Истинный художникъ ничѣмъ не ограничиваетъ своего творческаго полета, чему прекраснѣйшимъ образчикомъ можетъ служить Пушкинъ. Пушкинъ пѣлъ и „брасу небесъ“, и „ласку милой“, а когда его волновала „злоба дня“, онъ ни мало не стѣснялся посвящать ей свое лучшее вдохновеніе и доходилъ до такихъ пьесъ, какъ „Клеветникамъ Россіи“. Представители нашей литературной реакціи очень много говорятъ о воскрешеніи Пушкинскихъ традицій,

а забываютъ главный его завѣтъ — идти „дорогою свободной“, куда влечетъ художника „свободный умъ“, не знающій запретительныхъ надписей: „этого не касайся, ты осквернишься служеніемъ злѣбъ дня“; „туда не ходи—это путь Некрасова“; „сюда не заглядывай—превратишься въ „идейнаго“ поэта 60-хъ годовъ“ и т. д. И оттого-то такъ часто на пронаведеніяхъ современныхъ палладиновъ „чистаго искусства“ лежитъ печать принужденности, чего-то не вполне искренняго, искусственно бодрящагося и какъ бы бросающаго кому-то вызовъ.

Дружининъ отъ этой вывороченной на изнанку тенденціозности совершенно свободенъ. Онъ самъ себя всего чаще титулуетъ представителемъ идей „чистаго“ искусства, но гораздо правильнѣе называть его провозвѣстникомъ искусства свободнаго. Основной его тезисъ тотъ, что художникъ долженъ всегда идти въ ту сторону, куда его влечетъ совокупность свойствъ его духовной природы. Будучи самъ рѣшительнѣйшимъ противникомъ всякаго тенденціознаго искусства, или того, что онъ называлъ „дидактикой“, Дружининъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякому „дидактику“ совѣтовалъ быть такимъ, если онъ искренно проникнутъ стремленіемъ къ дидактизму. Дружининъ создалъ замѣчательно-вѣрную теорію писательской „энергіи“, ставящую вопросъ о „направленіяхъ“ чрезвычайно широко.

„Подъ словомъ энергія,—говорилъ онъ,—мы разумѣемъ не пламенность, не особенную фактуру стиха, дѣлающую стихъ желѣзнымъ и алмазнымъ (любимые эпитеты старыхъ критиковъ), даже не выдержанность манеры, даже не трудолюбіе, такъ необходимое и первокласснымъ гениямъ. Подъ словомъ поэтическая энергія мы разумѣемъ убѣжденіе самого поэта въ томъ, что онъ имѣетъ право жить и пѣть во весь свой голосъ, свершая тѣмъ призваніе, ему данное отъ природы. Для человѣка, одареннаго поэтическою энергіей, слово муза есть не пустая выдумка изъ старой мнѣологии, для него вдохновеніе существуетъ не въ видѣ метафоры, придуманной классиками, а въ формѣ духовнаго ощущенія, и знакомаго, и понятнаго, и уважительнаго. Поэтъ энергическій будетъ всегда твердо стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, каковъ бы ни былъ успѣхъ его пѣснопѣній. Онъ не будетъ выставлять на показъ свою лѣньность, а небрежное обращеніе съ музой станетъ онъ считать почти-что за преступленіе. Въ темѣ, его вдохновившей, такой поэтъ не будетъ подступать неохотно, какъ иногда подходитъ отъ нечего дѣлать иной бальный кавалеръ къ некрасивой дѣвицѣ, нигѣмъ не приглашаемой на танцы. Всякій предметъ, затронувшій его поэтическое чутье, будетъ ему казаться

высокимъ, прекраснымъ, или, по крайней мѣрѣ, живописнымъ до крайностей. Онъ не станетъ двойть своихъ ощущеній и бросаться съ одного пути на другой, но, схвативши извѣстный предметъ, отдастся ему весь, хотя бы на одно мгновеніе. Слѣдя таковой дорогой, поэтъ съ энергіей всегда будетъ имѣть свой вѣсъ и свою цѣну, хотя бы въ общей сложности своего направленія онъ грѣшилъ противъ самыхъ важныхъ законовъ искусства. Жизнь и постоянство, сила и сосредоточенная мысль, способны всюду влить настоящую кровь, всюду высказаться самымъ мѣткимъ способомъ. *Не только поэтъ, поставившій своею цѣлью одно свободное служеніе чистому искусству, — но и поэтъ-сатирикъ, и поэтъ-дидактикъ, будутъ полны значенія, если каждый изъ нихъ пойдетъ по своей тропѣ съ энергіей, про которую сейчасъ говорилось*“ (т. 7, стр. 134).

Всякій долженъ будетъ согласиться, что тутъ принципъ писательской свободы провозглашенъ не всуе; что тутъ нѣтъ и тѣни стремленія подъ прикрытіемъ свободы зажать ротъ людямъ лагеря „полезнаго“ искусства; что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія подвести все и вся подъ свой ранжиръ „чистаго“ пѣснопѣнія.

Вѣрный принципу художественной свободы, какъ основного мѣрила для оцѣнки литературнаго значенія писателя, Дружининъ выше другихъ всегда ставитъ тѣхъ поэтовъ и романистовъ, въ которыхъ замѣчаетъ полную свободу отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ теорій и намѣреній. Любимцы его отнюдь не авторы стихотвореній „къ ней“, какъ можно было бы подумать, судя по современнымъ провозвѣстникамъ „чистаго“ искусства. Правда, онъ въ величайшемъ восторгѣ отъ Фета, но почему? Потому, что Фетъ въ высшей степени оригиналенъ, потому что онъ вноситъ свое собственное освѣщеніе въ тѣ уголки душевной жизни, которые онъ разрабатываетъ. Рядомъ съ Фетомъ, Дружининъ, однако, съ полнымъ уваженіемъ относится къ Некрасову, потому что его „дидактика“ — „сильна“ и „энергична“, и это имъ обоимъ придаетъ „оригинальную красоту“ (стр. 135).

Больше всѣхъ современныхъ писателей Дружинину нравился Толстой. Толстой и Фетъ! Уже одно сопоставленіе этихъ двухъ любимцевъ Дружинина, особенно ему близкихъ, должно показать, какъ далеко нашъ критикъ отъ какой бы то ни было узкости. Оба эти діаметрально-противоположные по всему своему духовному складу писателя, вполне послѣдовательно и гармонично объединены въ симпатіяхъ Дружинина тѣмъ, что каждый изъ нихъ идетъ путемъ совершенно самостоятельнымъ — качество, выше котораго онъ ничего не знаетъ. Кстати будетъ сказать,

что двѣ статьи Дружинина о Толстомъ дѣлають величайшую честь проникательности столь несправедливо забытаго критика. Обѣ онѣ относятся къ 1856 г., когда Толстой былъ авторомъ только „Дѣтства и отрочества“, „Военныхъ разсказовъ“, „Двухъ гусаръ“ и „Метели“. Толстой былъ тогда едва показавшійся на литературной аренѣ дебютантъ. Правда, „Севастопольскіе разсказы“ быстро создали ему популярность, но все-таки никто, кромѣ Дружинина, не примѣнилъ къ нему такихъ уже восторженныхъ похвалъ. Дружининъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы не назвать творческую или, по его терминологіи, „поэтическую“ силу Толстого „великой“. Не остановился онъ и передъ тѣмъ, чтобы отдаться литературному пророчеству относительно своего любимца, и нельзя не признать, что это пророчество блестяще оправдалось.

„Графъ Толстой навсегда останется независимымъ и свободнымъ творцомъ своихъ произведеній. Ему нечего бояться литературной рутинѣ: онъ не будетъ писать сентиментальныхъ диссертацийъ на современные темы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не станетъ изображать какого-нибудь журчанія ручейка, если его собственное настроеніе не повлечетъ его къ журчащему ручью съ непреодолимою силою. Онъ будетъ правъ и искрененъ въ проявленіяхъ своей поэтической фантазіи. Если ему вздумается написать идиллію—никакой авторитетъ не склонитъ его передѣлать идиллію въ сатиру. Если вдохновеніе застанетъ его въ минуты тяжелой для души—графъ Толстой не станетъ насиловать себя для идиллической картины. Весь міръ раскроется передъ нимъ съ своими свѣтлыми и темными сторонами, а онъ не устремится къ той или другой сторонѣ міра по чужому указанію“ (стр. 174).

Все это оправдалось до малѣйшихъ деталей.

Въ тѣснѣйшей связи съ проповѣдью свободного искусства находится другая основная черта критическаго міросозерцанія Дружинина, красною нитью проходящая черезъ всѣ его статьи—борьба съ „дидактикою“. Третье слово у него—подчеркиваніе слабыхъ сторонъ тенденціознаго искусства, вдохновляющагося не тѣмъ, что свободно зародилось въ творческомъ настроеніи, а соображеніями моральнаго или политическаго свойства.

Борьбу съ „дидактикою“ Дружининъ ведетъ съ большимъ искусствомъ. Уже въ одной кличкѣ очень много яду. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, никакой возможности отрицать ея правильности: вѣдь дѣйствительно литература, вѣрная завѣтамъ Бѣлинскаго второй половины его дѣятельности, дѣлаетъ какъ разъ то, что дѣлала поэзія дидактическая, т.-е. прежде всего поучаетъ и обращаетъ

искусство въ средство лучшаго усвоенія „полезнаго“. Такимъ образомъ устанавливается логическая связь съ такимъ антипатичнымъ явленіемъ, о полной нелитературности котораго всего менѣе сталъ бы спорить. Бѣлинскій, пламенно сокрушавшій дидактику въ своихъ обзорахъ старой словесности русской. Сближеніе съ дутой, чопорной и педантической дидактикою столь же не-пріятно для всякаго искренняго приверженца идейнаго искусства, у котораго эта идейность отнюдь не проистекаетъ изъ сухости природы, а напротивъ того, отъ полноты чувства, какъ не-пріятно искреннимъ приверженцамъ принципа: „цѣль оправдываетъ средства“, когда они узнаютъ, что это девизъ іезуитовъ.

Главные доводы Дружинина противъ „дидактики“ не столько касаются вопроса по существу, сколько стараются убѣдить писателей, что, вводя въ свои произведенія злобу дня, они тѣмъ самымъ лишаютъ себя всякой литературной будущности:

„Невыблемо и твердо стоятъ поэты, читатели искусства чистаго, голосъ ихъ раздается изъ столѣтія въ столѣтіе, между тѣмъ какъ голоса дидактиковъ (часто благородные и сильные голоса) умираютъ, едва прокричавши кое-что, и погружаются въ пучину полнаго забвенія. Дидактики-моралисты еще играютъ нѣкоторую роль въ словесности, благодаря *вѣчному* (курсивъ Дружинина) нравственно-философскому элементу въ ихъ дѣятельности, но дидактики, приносящіе свой поэтический талантъ въ жертву интересамъ такъ называемой *современности* (курсивъ Дружинина), вьнутъ и отцвѣтаютъ вмѣстѣ съ современностью, которой служили. Въ великомъ поступательномъ движеніи человѣка и общества—десятки годовъ, составляющіе срокъ жизни цѣлаго человѣческаго поколѣнія,—есть атомъ, минута, вратчайшій срокъ изъ вѣчно-переходной эпохи. То, что сегодня было ново, смѣло и плодотворно,—завтра старо и непримѣнимо, и что еще грустнѣе—не нужно обществу! Горе поэту, промѣнявшему вѣчную цѣль на цѣль временную; горе мореходцу, довѣрчиво бросившему свой единственный якорь не въ твердое дно, а въ наносную отмель безъ устойчивости и крѣпости! И странное дѣло,—и странная сила чистаго генія,—поэты-олимпійцы, поэты такъ невозмутимые, поэты, удалявшіеся отъ житейскихъ тревогъ и не мыслящіе поучать человѣка,—дѣлаются его вождаями, его наставниками, его учителями, его прорипателями въ то самое время, когда жрецы современности теряютъ все свое значеніе! Къ нимъ народы приходятъ за духовною пищею, отходятъ отъ нихъ, про-свѣтлѣвъ духомъ, подвинувшись на пути просвѣщенія. Ихъ чтить потомство, давно забывшее возгласы поэтовъ-дидактиковъ, служи-

телей элемента переходящаго. Ихъ каждое слово умягчаетъ душу смертнаго, съ ними сбывается сказаніе про Орфея, подъ вдохновенныя пѣсни котораго города строились сами, битвы прекращались, люди подавали руки другъ другу и даже дикіе звѣри забывали свою жестокость. Добро, красота и правда, вдохновлявшія этихъ поэтовъ, отражались во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. И произведенія эти, пропѣтыя въ минуту вдохновенія, набросанныя для одного наслажденія, безъ всякой поучительной цѣли, стали зерномъ общаго поученія, основаніемъ нашихъ познаній, нашихъ добрыхъ помысловъ, нашихъ великихъ дѣяній“ (стр. 217).

Мы не станемъ спорить по существу этихъ соображеній. Опровергнуть ихъ не трудно простымъ указаніемъ на то, что рѣка забвенія топить всѣ дѣла людей, и дидактиковъ, и „чистыхъ“ художниковъ, и что какихъ-нибудь десятка два именъ, уцѣлѣвшихъ отъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, никакъ не могутъ ослабить охоту служить современности. „Человѣческое поколѣніе“, конечно, только „минута вѣчно-переходной эпохи“, но для огромнѣйшаго большинства даже очень выдающихся писателей это срокъ достаточно заманчивый, въ особенности если вспомнить, что сказалъ о служеніи современности одинъ изъ немногихъ избранниковъ, пережившихъ свое поколѣніе:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten!

Насъ въ приведенной цитатѣ больше всего интересуеъ широкая постановка вопроса, такъ выгодно отдѣляющая стараго защитника „чистаго“ искусства отъ современныхъ провозвѣстниковъ его. Вамъ не бросаютъ въ лицо упрекъ въ угодничествѣ толпѣ, васъ не заподозриваютъ въ разнуздываніи инстинктовъ, въ оскверненіи идеаловъ и т. д., вамъ даже не говорятъ, что внесеніе „злобы дня“ знаменуетъ собою упадокъ литературы. Съ вами спорятъ во имя троицы: добра, красоты и правды, противъ *гармоническаго* сочетанія которой, — а не такъ, чтобы красота занимала первенствующее мѣсто, — никогда еще не спорилъ ни одинъ самый завзятый защитникъ „полезнаго“ искусства.

Элементы „добра и правды“, вообще, отнюдь не находятся въ такомъ пренебреженіи у Дружинина, какъ можно было бы ожидать отъ человѣка, который всегда любилъ выставять себя эстетикомъ à l'outrance. Въ большое заблужденіе впадетъ тотъ, кто изъ борьбы его съ дидактизмомъ выведетъ заключеніе, что онъ противъ разработки социальныхъ тѣмъ и обнаженія социальныхъ язвъ. Ничуть. Рядомъ съ принципомъ свободы искусства и

ненавистью въ дидактикѣ, у Дружинина есть еще третій основной лозунгъ — требованіе отъ писателей „знанія быта“. Это требованіе опять-таки чрезвычайно выгодно отдѣляетъ Дружинина отъ современныхъ проповѣдниковъ чистаго искусства. „Чистое“ искусство отнюдь не означаетъ для Дружинина описываніе заката солнца и любви въ лунную ночь. Не однихъ „звуковъ чистыхъ и молитвъ“ онъ ждетъ отъ „истинной“ литературы. Для него никакая дѣйствительность не была „грязна“. Казалось бы, что общаго между Дружининимъ и Щедринымъ, при имени котораго всякій современный „эстетикъ“ всегда иронически улыбается. Однакоже, онъ осыпалъ „Губернскіе очерки“ похвалами. За что? За то, что Щедринъ знаетъ „бытъ“, за то, что писатель долженъ схватывать „фактъ, дѣло“. За знаніе „быта“ онъ восторгается также Писемскимъ и Островскимъ. Посмотрите затѣмъ, какія тѣмы даетъ этотъ „эстетикъ“ обличительнымъ литераторамъ конца 50-хъ годовъ, въ которыхъ, вообще говоря, онъ относился крайне неодобрительно за „безплодную возню съ исключительными явленіями, помимо сущности дѣла“ (стр. 574). „Изображалъ ли кто-нибудь изъ нашихъ писателей положеніе цѣлаго селенія, въ которомъ, по вѣтренному или корыстному расчету владѣльца, земледѣліе заброшено и всѣ рабочія силы пожертвованы на какую-нибудь огромную фабрику, расшатывающую нравственность, здоровье и благосостояніе всего населенія? Касались ли наши сельскіе обличители непрерывно повторяющагося факта отдаванія имѣній въ аренду и безконечнаго зла, отъ аренды происходящаго? Знаютъ ли они, что значитъ кабакъ, по безопасности помѣщика или изъ грошовыхъ барышей допущенный въ деревню, гдѣ прежде кабака не было?“ Перечисливъ затѣмъ длинный рядъ явленій деревенской жизни, пропущенныхъ обличительной литературой, оставившейся исключительно на одномъ засѣченіи или изнасилованіи помѣщиками крестьянъ и крестьянокъ, Дружининъ резюмируетъ такъ свои упреки: „Мудрено ли послѣ этого, что наша обличительная литература, слабая во многихъ своихъ проявленіяхъ, не только слаба, но совершенно ничтожна въ отношеніи къ изображенію русской сельской жизни. Наше общество вовсе не алчтъ на писателей, съ знаніемъ дѣла указывающихъ его темныя стороны, — успѣхъ и симпатіи, встрѣтившіе Щедрина, подтверждають слова наши. Но деревенскій нашъ бытъ не имѣлъ своихъ Щедриныхъ“ (стр. 577).

Длинный рядъ тѣмъ, предложенныхъ Дружининимъ для работы, хоть бы самому завязатому народнику задать. Но онъ тутъ дѣйствовалъ не въ угоду каковой бы то ни было изъ полити-

ческихъ теорій, къ которымъ былъ безконечно равнодушенъ, а единственно потому, что всегда стоялъ за правду и отсутствіе напряженности, какъ главную задачу литературы. Вся его вражда къ дидактикѣ основана на томъ, что дидактики подгоняютъ дѣйствительную жизнь подъ узкія рамки своихъ исключительныхъ симпатій и антипатій.

Таковъ Дружининъ въ основныхъ чертахъ своего критическаго міросозерцанія, и нельзя будетъ, безъ явной несправедливости, не признать за этимъ міросозерцаніемъ стройность, искренности и послѣдовательность.

Переходя къ частностямъ седьмого тома, мы должны замѣтить, однако, что въ большинствѣ своихъ статей, которыя почти всѣ относятся къ 1856—1859 гг., Дружининъ не устаетъ прославлять побѣду чистаго искусства и окончательное пораженіе теорій конца 40-хъ годовъ съ ихъ стремленіемъ сдѣлать литературу орудіемъ общественнаго реформаторства. За какихъ-нибудь два, три года до того, когда литературой всецѣло, до крайнихъ предѣловъ увлеченія, завладѣваетъ идейное искусство и почти яростное презрѣніе къ поэзіи, Дружининъ серьезнѣйшимъ образомъ провозглашалъ, что наступила „реакція противъ недавняго ультра-реальнаго воззрѣнія на стихотворцевъ и ихъ значеніе“ (стр. 118).

Крайнее недоумѣніе возбуждаетъ также отношеніе Дружинина къ европейскому „дидактизму“. Относясь съ величайшею враждою къ „молодой Германіи“ и Франціи сороковыхъ годовъ, Дружининъ не только не можетъ равнодушно слушать имена Бёрне, Гудцова, Фрейлиграта, Гервега, Пруца, которые „опозорили“ себя своею враждою къ Гёте, но прямо доходитъ до утвержденія, что дидактики „не выставили ни одного великаго имени“ (стр. 279). А между тѣмъ онъ къ числу завзятѣйшихъ дидактиковъ причисляетъ Гейне, Жоржъ-Зандъ и Виктора Гюго!

Такимъ же партійнымъ ослѣпленіемъ проникнута самая большая статья седьмого тома—о Тургеневѣ. Статья эта во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательна. Она, во-первыхъ, написана съ большимъ воодушевленіемъ, въ особенности въ началѣ—подъ конецъ авторъ видимо усталъ и дотягивалъ ее кое-какъ, — содержитъ много весьма вѣрныхъ отдѣльныхъ замѣчаній, но общая мысль ея не выдерживаетъ самой снисходительной критики, съ какою точки зрѣнія вы къ ней ни подошли бы. По мнѣнію Дружинина, въ Тургеневѣ совершенно напрасно усматриваютъ писателя „общественнаго“, онъ—поэтъ и больше ничего. Онъ вовсе не тѣмъ замѣчателенъ, что изображалъ народъ; сатира его не страшна; въ немъ нѣтъ ничего порицающаго и насмѣшливаго, онъ не

„создатель живыхъ типовъ“ (стр. 297), онъ поэтъ, поэтъ, поэтъ, и ниѣ этого никакого значенія не имѣеть. Нельзя было бы, конечно, отрицать великую поэтическую силу Тургенева, и странно было бы не чувствовать на себѣ чарующее вліяніе его поэтическаго „міровоспріятія“, но столь же явно несообразно не видѣть великихъ заслугъ Тургенева, какъ писателя, съ необыкновенною чуткостью отразившаго важнѣйшія русскія общественныя настроенія послѣдняго полулѣтѣя. Самъ Дружининъ мимоходомъ совершенно вѣрно назвалъ его „поэтическою энциклопедіею послѣднихъ двадцати лѣтъ“ (стр. 297), такъ зачѣмъ же было ему игнорировать такую крупную заслугу? Еще недавно С. А. Андреевскій подвергъ вдумчивому анализу именно поэтическую сторону дарованія Тургенева, но ему ни на одну минуту не приходило на умъ отрицать великое значеніе его общественныхъ типовъ. Правда, Дружининъ писалъ въ 1856 г., когда еще не было ни „Наканунъ“, ни „Отцовъ и Дѣтей“ и т. д., обстоятельство, конечно, нѣсколько смягчающее безспорную критическую вину Дружинина. Но все-таки наканунѣ того, какъ Тургеневъ всецѣло отдается отраженію различныхъ „моментовъ“ общественнаго настроенія, — торжественно зачислить его въ ряды „чистаго“ искусства — такой пріемъ не можетъ быть причисленъ къ блестящимъ страницамъ литературнаго формуляра, претендующаго на проникательность. Но рядомъ съ такими промахами и увлеченіями нельзя, однако, не отмѣтить и при частномъ разборѣ отдѣльныхъ статей седьмого тома рядъ мыслей и замѣчаній, свидѣтельствующихъ о тонкомъ литературномъ пониманіи Дружинина и его умѣнн извлекать изъ разбираемаго существеннѣйшія черты.

Прекрасна, напр., статья о Пушкинѣ, вызванная Анненковскимъ изданіемъ. Здѣсь, между прочимъ, Дружининъ приводитъ чрезвычайно вѣрный взглядъ на высое образованіе Пушкина. Въ настоящее время, послѣ записокъ Смирновой, никто въ этомъ не сомнѣвается. Но въ то время взглядъ на Пушкина, какъ на человѣка исключительно порхаваго въ свѣтлой области поэтическаго созерцанія, не „боря“ надъ книжками, — былъ очень распространенъ даже среди самыхъ искреннихъ поклонниковъ великаго поэта, и много надо было имѣть умственной инициативы, чтобы обосновать на Анненковскомъ матеріалѣ взглядъ диаметрально-противоположный.

Статья Дружинина о Фетѣ, безспорно, можетъ быть названа лучшимъ разборомъ своеобразной музы этого спеціальнаго любимца Дружинина. Вѣрно разобранъ также Огаревъ, Никитинъ, Полонскій. Въ разборѣ „Исторіи русской поэзіи“, Милюкова, Дружи-

нинъ съ большимъ искусствомъ и воодушевленіемъ защищаетъ народную поэзію. Милюковъ рабски слѣдуетъ Бѣлинскому, а незнаніе народной поэзіи, какъ извѣстно, составляетъ одинъ изъ грѣховъ великаго критика.

Большая статья Дружинина объ „Обломовѣ“ не можетъ идти, по глубинѣ проникновенія въ сущность предмета, въ сравненіе съ знаменитою статьею Добролюбова. Но никакой изслѣдователь Гончарова не долженъ пройти и мимо разбора Дружинина, который, во всякомъ случаѣ, по поводу „Обломова“ высказалъ нѣсколько вполне самостоятельныхъ мыслей. Безусловно вѣрно, напр., что „Сонъ Обломова“ ни въ какомъ случаѣ не есть сатира, а вполне любовное воспроизведеніе дорогого автору прошлаго. Болѣе спорно, конечно, утвержденіе Дружинина, что Обломовъ типъ не исключительно русскій, и что при переводѣ романа на „иностранные языки успѣхъ его покажетъ, до какой степени общи и всемірны типы, его наполняющіе“ (стр. 598). Будущее показало, что это невѣрно. Самъ Дружининъ смотритъ на Обломова вполне благожелательно; онъ его ставитъ гораздо выше Штольца и даже Ольги; Обломовъ ему „любезенъ, какъ чудакъ, который, въ нашу эпоху себялюбія, ухищреній и неправды, мирно покончилъ свой вѣкъ, не обидѣвши ни одного человѣка, не обманувши ни одного человѣка и не научивши ни одного человѣка чему-нибудь сверхъ-норму“ (стр. 601).

Истиннымъ украшеніемъ седьмого тома является вторая статья Дружинина о Бѣлинскомъ, написанная по поводу первыхъ томовъ выходившаго въ 1859 г. „Собранія сочиненій Бѣлинскаго“. Съ Бѣлинскимъ Дружининъ воюетъ на протяженіи всѣхъ крупныхъ статей своихъ. Нѣтъ той тѣмы, которую бы онъ затронулъ, нѣтъ того писателя, котораго бы онъ разбиралъ—и при этомъ не коснулся бы родоначальника русскаго дидактизма. Но все это отнюдь не мѣшаетъ ему относиться съ величайшимъ уваженіемъ къ „критику-поэту“, какъ онъ прекрасно называетъ Бѣлинскаго. Дружининъ не принадлежитъ къ людямъ, не помнящимъ родства, и совершенно расходясь съ Бѣлинскимъ въ самыхъ главныхъ пунктахъ литературнаго міросозерцанія, все-таки считаетъ его сочиненія „вѣчно памятными и надолго плодотворными для русской литературы“ (стр. 601). Душевный портретъ Бѣлинскаго, котораго Дружининъ нѣсколько знаетъ, набросанъ замѣчательно вѣрно; рельефно обрисованы лучшія качества его горячей природы и мѣтко указано историческое значеніе критическихъ статей Бѣлинскаго о старой литературѣ русской.

Современный читатель, конечно, не найдетъ въ статьѣ Дружинина ничего новаго. Все это стало уже теперь общимъ мѣстомъ, но въ 1860 г., когда не было еще даже воспоминаній Панаева, съ которыхъ начинается литература о Бѣлинскомъ, статья дѣлала большую честь и уму, и сердцу автора, котораго не даромъ и противники прозвали „честнымъ рыцаремъ“ за истинное джентльменство въ полемикѣ и полное отсутствіе какихъ бы то ни было личностей въ его писаніяхъ. Изъ холодности своего темперамента, изъ своей нелюбви къ полемикѣ, Дружининъ извлекъ, по крайней мѣрѣ, ту хорошую сторону, что ни въ одной его статьѣ вы не найдете ни одного грубаго выраженія, ни одной личности, ни одной рѣзкости по отношенію къ писателямъ живымъ.

IX.

Намъ остается, въ заключеніе, опять задаться вопросомъ: почему же такъ рѣшительно, такъ безповоротно забыть этотъ образованный, прекрасно писавшій и въ періодѣ полного развитія своего столь серьезно мыслившій критикъ?

Отвѣтъ можно найти у самого же Дружинина. Въ статьѣ о Пушкинѣ онъ безусловно вѣрно подмѣчаетъ слѣдующую особенность русской литературы.

„Всѣ почти великіе дѣятели русской словесности были не простыми пѣвцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *учителями* своихъ читателей, принимая слово „учитель“ въ его весьма прозаическомъ смыслѣ. Иначе и быть не можетъ въ обществѣ еще юномъ, еще недавно призванномъ къ образованію. „Пѣть подобно птицѣ“, о которой говоритъ бардъ у Гёте, можно только посреди народа, извѣстнаго давнимъ образованіемъ, немного одряхлѣвшаго и нуждающагося въ одномъ лишь умственномъ развлеченіи. Тамъ, гдѣ масса избранныхъ читателей, по учености своей, сама способна давать совѣты поэтѣ—поэтъ можетъ мыслить только о своемъ талантѣ, приворачивая его къ требованіямъ строгихъ цѣнителей, не уклоняясь въ сторону отъ пути, имъ обусловленнаго. У насъ, въ Россіи, великіе писатели всегда стояли впереди своихъ читателей, сами образовывая общество, поучая тѣхъ, кто жаждалъ познанія, трудясь надъ самымъ органомъ своихъ пѣснопѣнній, то есть надъ русскимъ языкомъ, еще и понынѣ не вполне установившимся. Имъ не приходилось пѣть для самихъ себя и уеди-

няться вдаль отъ русскаго народа, къ вершинамъ Геликона. Ломоносовъ не посвящалъ себѣ всей своей жизни—онъ обрабатывалъ русскую грамматику, набрасывалъ историческія замѣтки, думалъ о русскомъ театрѣ, занимался естественными науками. Карамзинъ не отдавался одному какому-либо роду дѣятельности, но прерывалъ лучшіе труды свои для того, чтобы сѣять вокругъ себя благіе начатки образованія, знакомить современниковъ съ ходомъ иностраннаго искусства, указывать писателямъ новыя пути и руководить ихъ своимъ примѣромъ. Жуковский дѣлалъ то же самое,—своими переводами онъ привлекалъ вниманіе читателя къ чудесамъ нѣмецкой и британской словесности, знакомилъ его съ законами новой драмы,—въ то же время пробуждая нашу дремлющую критику, посредствомъ вопроса о романтизмѣ, какъ его понимали въ то время. Пушкинъ, въ этомъ отношеніи остался совершенно вѣренъ системѣ своихъ предшественниковъ" (стр. 68).

Все это безусловно вѣрно; но не ради одной только грамматики и исторіи русскому писателю приходится отвлекаться отъ непосредственно-писательскаго дѣла. Вотъ уже болѣе полустолѣтія, какъ русская литература, а въ особенности русская критика, учитъ русскаго читателя, какъ жить, не утрачивая образа человѣческаго. Уже болѣе полустолѣтія главнымъ качествомъ, уловляющимъ сердца русскаго читателя, является энтузіазмъ въ исканіи новыхъ путей жизни, способность поднимать читателя на высоту основныхъ вопросовъ разумнаго человѣческаго существованія,—чисто-мистическое исканіе правды, безъ котораго въ Россіи не можетъ обойтись даже такое, повидимому, трезвое ремесло, какъ ремесло критика и литературнаго аналитика. Чтѣ бы тамъ ни говорили проповѣдники „трезвой“ и не-„тенденціозной“ критики, время для нея еще не наступило, мы еще не настолько культурно богаты, чтобы позволить себѣ роскошь раздѣленія умственнаго труда. Въ Россіи всякій писатель—воинъ той небольшой арміи пионеровъ, на долю которой выпало расчистить путь свѣту и правдѣ. Въ Россіи, гдѣ весь запасъ общественныхъ чувствъ всецѣло уходитъ въ литературу, всякій неиндифферентный къ этимъ чувствамъ писатель по неволѣ становится общественнымъ вождемъ, и потому въ основѣ лучшихъ литературныхъ произведеній нашихъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или иныхъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. У насъ писатель долженъ пойти направо или налево, а писатель индифферентный къ „политикѣ“ не имѣетъ у насъ ни вліянія, ни успѣха въ должной мѣрѣ.

Дружининъ не захотѣлъ быть такимъ „учителемъ жизни“, да

и сказать ему было нечего, потому что онъ не имѣлъ интереса къ тому, что переходило за тѣсныя границы непосредственно-литературной жизни. И оттого его написанныя очень тонко и изящно, но лишеныя общественнаго значенія статьи никого не волновали ни при жизни, ни послѣ смерти. Вотъ почему онъ и попалъ такъ скоро въ разрядъ „забытыхъ талантовъ“.

С. Венгеровъ.

ГОСТЬ

изъ

АЛЬТРУРИИ

„A Traveller from Altruria“. A romance, by William D. Howells.

Окончаніе.

VIІ *).

Наша бесѣда, послѣ нѣкотораго молчанія, возобновилась.

— Да! Мы, кажется, всё вынуждены были говорить откровеннѣе и прямѣе, нежели обыкновенно принято у насъ считать пріятнымъ,—замѣтилъ я съ улыбкой.—Но зато, если, по возвращеніи своемъ на родину, м-ру Хомосу вздумалось бы описать свое пребываніе въ Америкѣ, ему нельзя будетъ упрекнуть насъ въ притворствѣ.

— Во всякомъ случаѣ, что бы онъ ни сказалъ про насъ,—полу-задумчиво проговорила м-съ Мэкли:—онъ не можетъ не признать того, что всё мы, безъ различія, — или, вѣрнѣе, несмотря на различіе нашихъ чувствъ и возрѣній въ мелочахъ,—всѣ безъ исключенія „американцы“. Наша родина—Америка; она—наше единое, общее для насъ отечество!

— Ну, не знаю! — съ обидной живостью возразилъ Рюбенъ Кэмпъ.— Не думаю, чтобы она была для всѣхъ насъ общей и единой! Напримѣръ, хотя бы для насъ съ вами. Для васъ слово

*) См. выше: стр. 218.

Америка значить: довольство, развлечения и... пожалуй, и „трудъ“, но такой, который вамъ пріятенъ, а слѣдовательно и не тяготитъ васъ. Для насъ то же слово олицетворяетъ „трудъ“, но трудъ обязательный, постоянный, безконечный,—а слѣдовательно и тяжелый. Въ вашихъ глазахъ Америка является олицетвореніемъ свободы; но, позвольте спросить, свободенъ ли тотъ человѣкъ, который не знаетъ, обеспеченъ ли ему обѣдъ на слѣдующій день? Когда-то давно, когда мнѣ случилось работать на желѣзной дорогѣ, тамъ была стачка, въ которой и я участвовалъ. Люди и сами знали, что они правы; что потерпѣть еще немножко—и наша возьметъ; но дома были голодные дѣти, жена... И большинство, одинъ за другимъ, бралось за работу, покоряясь той непреоборимой силѣ, отъ которой зависѣла ихъ работа, а слѣдовательно и обеспеченный кусокъ хлѣба! Да, м-съ Мэкли: мы всѣ американцы, но отечество у насъ разное! Какъ вамъ покажется, напримѣръ: гдѣ отечество у человѣка съ „волчьимъ“ аттестатомъ?

— Съ „волчьимъ“ аттестатомъ?! Да я не знаю, что это значить?—воскликнула м-съ Мэкли.

— Ну, это значить, что ему нието, ни подъ какииъ видомъ не долженъ давать работы; что его всѣ должны карать, морить голодомъ и холодомъ за его сопротивленіе тѣмъ, кому онъ обязанъ былъ повиноваться; а разъ что онъ ихъ обидѣлъ, пошелъ противъ ихъ воли и возрѣній — такъ оно ему и слѣдуетъ, непокорному! Пусть за это поплатится его семья.

— Простите, м-ръ Кэмпъ, но „волчій“ аттестатъ, кажется, дается исключительно рабочему, который замѣшанъ въ стачкахъ или иныхъ рабочихъ беспорядкахъ.

— Такъ точно,—отвѣчала молодой человѣкъ, повидимому, не замѣтившій въ моемъ тонѣ ничего особеннаго.

— А!.. Ну, въ такомъ случаѣ, едва ли можно ставить это въ укоръ тѣмъ, кто имъ даетъ работу. Такова ужъ человѣческая природа!

— О, Боже!—воскликнулъ альтруріецъ.—Возможно ли, чтобы для американцевъ было естественно вырывать изо рта цѣлой семьи кусокъ хлѣба, если глава ея пошелъ въ разрѣзъ съ ихъ волей или возрѣніями?

— Таково, повидимому, мнѣніе м-ра Тузльмефа, — ядовито замѣтилъ Кэмпъ.—Въ человѣческой ли природѣ, или нѣтъ, портить рабочему аттестатъ,—не все ли равно? А фактъ тотъ, что такой рабочій не можетъ любить и считать своимъ отечествомъ страну, въ которой это съ нимъ можетъ случиться. Какъ бы такой фактъ показался вамъ, альтрурійцамъ?

— О, да, пожалуйста, пусть онъ намъ разскажетъ что-нибудь объ Альтуріи!—просительнымъ тономъ подхватила м-съ Мэкли.— А то всё эти пересуды о рабочемъ вопросѣ такъ ужъ наскучили!.. Не правда ли, м-съ Кэмпъ?

Но старушка не отвѣтила ничего, и альтуріецъ возразилъ ей сыну:

— У насъ, въ Альтуріи, ничего подобнаго не могло бы случиться. Тамъ, каково бы ни было преступленіе, совершенное человѣкомъ, оно не можетъ лишить человѣка возможности заработать себѣ на пропитаніе.

— О, еслибъ это былъ настоящій преступникъ, онъ еще могъ бы найти у насъ средства въ существованію; но рабочий, не совершившій ничего противозаконнаго, не имѣетъ этой возможности, и ему остается только... идти въ бродяги,—вонъ какъ тотъ несчастный!—и Рюбенъ Кэмпъ, подойдя къ окну, откинулъ занавѣску, чтобы намъ было виднѣе.

Передъ крыльцомъ, робко поглядывая на добраго сторожевого пса, стоялъ грязный и оборванный бродяга, до того отталяющей внѣшности, что вся его фигура казалась вопіющимъ диссонансомъ, пятномъ, рѣзко выдѣлявшимся на чистомъ и безмятежно-прекрасномъ фонѣ сельской картины. И отвратительны, и смѣшны были его лохмотья, не совсѣмъ прикрывавшія грязное, нагое тѣло; безносые сапоги, всё въ пыли, выставляли на показъ зако-рузлые пальцы; въ прорѣхи дыривой шляпы торчали космы копно-образныхъ волосъ; грубое, красное лицо, воспаленное отъ вѣтра и зноя, было и принижено, и въ то же время дерзко; щеки и подбородокъ заросли всклокоченной бородою. Онъ будто самъ чувствовалъ, что смотрѣть на него неприятно, и потому какъ бы старался не привлекать нашего вниманія, ступеваться...

— Миѣ кажется, такіе люди подлежатъ аресту, — замѣтила брезгливо м-съ Мэкли.—Было бы слишкомъ неосторожно оставлять ихъ на свободѣ!

Кэмпъ всталъ и вышелъ на крыльцо.

— Вотъ и прекрасно! Рюбенъ пошлетъ его по добру по здорову! — продолжала болтать молодая женщина.—Господи! да онъ, кажется, намѣренъ его накормить!?

И въ самомъ дѣлѣ на то было похоже: Рюбенъ, поговоривъ минуту съ оборванцемъ, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ впередъ, и оба исчезли за угломъ дома.

— Право, м-съ Кэмпъ, это не дѣло! Это просто-на-просто значить потапать бездѣльникамъ! Онъ, пожалуй, еще расположится ночевать у васъ гдѣ-нибудь на сѣновалѣ, да и подожжетъ его

въ знакъ благодарности своей вонючей трубкой... А у васъ въ Альтруриі, м-ръ Хомось, какъ принято поступать съ бродягами?

Но альтруріецъ, повидимому, не слыхалъ ея вопроса и обратился къ м-съ Кэмпъ:

— Вашъ сынъ, кажется, сказалъ, что онъ не всегда жилъ дома? Удовлетворяетъ ли его деревенская жизнь послѣ городского разнообразія и приволья? Изъ книгъ я знаю, что вся ваша молодежь стремится въ города и имъ отдаетъ свои лучшія силы.

— Не думаю, чтобъ ему было непріятно вернуться въ отцовскій домъ,—съ нѣкоторой гордостью и лаской въ голосѣ отвѣчала м-съ Кэмпъ.—Но таковъ былъ естественный ходъ вещей по смерти отца, а до тѣхъ поръ мы не мѣшали сыну учиться и дали ему полную свободу попытать счастья въ городѣ, — какъ это дѣлаютъ всѣ молодые люди и юноши. Сперва Рюбенъ работалъ на мельницахъ, а потомъ перешелъ, по собственному желанію, на желѣзныя дороги... А тамъ и отецъ скончался.

— Да; я думаю, не съ особенно веселой стороны пришлось ему узнать жизнь,—замѣтила м-съ Мэкли съ улыбкой:—можетъ быть, это и было причиной его нѣсколько странныхъ воззрѣній...

— Можетъ быть, — сухо отвѣтила старушка. — Въ нашемъ быту весьма сильное вліяніе имѣетъ личный опытъ. Впрочемъ, къ странностямъ моего сына я привыкла, тѣмъ болѣе, что онъ во многомъ—вылитый отецъ, и я этимъ очень довольна. Отецъ его, напримѣръ, былъ противъ рабства, и ради освобожденія невольниковъ заплатилъ здоровьемъ на войнѣ. Онъ говорилъ, бывало, что негры, дѣйствительно, освобождены, но что рабство еще не уничтожено.

— Вотъ вамъ и разъ! — воскликнула м-съ Мэкли.—Но чтó онъ хотѣлъ этимъ сказать?..

— То, чтó вы врядъ ли поймете такъ, какъ мы это понимаемъ. Послѣ смерти мужа, я было-попробовала одна управлять своей фермой, пока Рюбенъ еще подросталъ и не въ силахъ былъ мнѣ помочь. Но и за это время здоровье мое совсѣмъ расшаталось: я до замужства много работала, много сама кой-чему училась, а тамъ вышла замужъ, потомъ овдовѣла и опять надрывалась въ работѣ, которая и довела меня до паралича. Теперь ужъ недолго мнѣ и жить-то осталось, такъ это и не особенно важно. Но тогда наша земля была чиста отъ долговъ, нигдѣ не заложена. А теперь,—начиная съ послѣднихъ годовъ жизни мужа, — приходится выплачивать по закладной нашему же сельскому банку. Казначей—товарищъ дѣтства мужа и потому относится къ

намъ еще снисходительно: онъ обѣщалъ, пока онъ живъ, не требовать съ насъ капитала...

— Какъ это съ его стороны прекрасно! Счастье ваше, что попали на такого человѣка!—восторгалась молодая женщина.

— Ну, не говорила ли я, что вы не такъ поймете!—замѣтила больная, но безъ раздраженья.

— И много у васъ, по сосѣдству, заложенныхъ земель? — спросила альтруистка.

— Да почти всё. На первый взглядъ мы какъ будто бы ими и владѣемъ, но, въ сущности, онѣ нами владѣютъ!

— Мой мужъ считаетъ, что это самый удобный способъ владѣнія для нашихъ земель,—поспѣшно перебила ее м-съ Мэкли.— Вамъ только придется погашать проценты, а капиталъ все время можетъ у васъ быть въ оборотѣ. Такъ бы и вамъ хорошо поступать, м-съ Кэмпъ. Но скажите, пожалуйста: о какомъ это такомъ рабствѣ говорилъ вашъ мужъ?

Старушка, вмѣсто отвѣта, только молча посмотрѣла на нее. Въ ту же минуту дверь открылась: на порогѣ показался ея сынъ. Подойдя къ столу, онъ сталъ укладывать на тарелку хлѣбъ и все-какіе съѣстные припасы, приготовленные къ обѣду.

— Отчего ты не позвалъ его къ столу?—спросила сестра.

— О, ему неловко показаться: онъ говоритъ, что стѣсняется гостей, и что у него нѣтъ приличнаго костюма; онъ говоритъ, что забылъ свой фракъ въ городѣ...

Молодой человѣкъ засмѣялся, и сестра весело вторила ему. Когда дверь за нимъ затворилась, м-съ Мэкли обратилась къ его матери съ вопросомъ:

— Вѣдь вы, вѣроятно, въ будни заставляете такихъ бродягъ отработывать вамъ ихъ обѣдъ?

— Не всегда; развѣ гости вашего отеля непременно трудятся, чтобы оплатить свое помѣщеніе и содержаніе?

— О, нѣтъ, конечно!—нѣсколько обиженно согласилась молодая женщина.— Но они всегда и непременно платятъ за него.

— Ну, я не думаю, чтобы „заплатить“, за что бы то ни было, значило то же, что и „заработать“: вѣдь деньги, которыми платятъ, могутъ быть заработаны, въ сущности, вовсе не тѣмъ человѣкомъ, который ими расплачивается? Да вотъ хоть бы я, напримѣръ: случись бы мнѣ теперь начинать жизнь сначала, я и вполонину не работала бы такъ усердно, какъ тогда. Мы съ мужемъ поселились здѣсь еще совсѣмъ молодыми и принялись упорно трудиться: мы чувствовали необходимость ощущать на дѣлѣ, что эта земля наша, что ея благосостояніе зависитъ отъ

насъ. Съ утра до ночи трудились мы неустанно, а случалось черѣдко, что и всю ночь напролетъ, когда приходилось очищать почву отъ булыжника, который мы сваливали въ особья, для этого нарочно вырытыя ямы, въ сторонѣ отъ пашни. Наполнивъ ихъ, мы зарывали камни, но вмѣстѣ съ ними, сами того не подозрѣвая, зарывали и свою силу, и молодость, и свои надежды!.. И какая отъ того польза? Ни мужъ мой, ни я, ни наши дѣти не были и не будутъ владѣльцами этой фермы. Вотъ къ чему привели всѣ наши труды и заботы! Иной разъ, по неволѣ, придетъ въ голову вопросъ: да имѣемъ ли мы—или кто бы то ни было другой—право владѣть хотя бы малѣйшей частью вселенной? Но, въ то же время, я возражаю сама себѣ, что вѣдь мужъ мой и я въ потѣ лица своего заслужили свою долю, а между тѣмъ не мы въ дѣйствительности владѣемъ ею, а банкъ, которому принадлежитъ закладная. Не правда ли, какъ это странно?.. Впрочемъ, вы, вѣрно, возразите мнѣ, что банкъ „заплатилъ“ за нее? Что-жъ, можетъ быть: но все-таки банкъ „не заработалъ“ права пользованія ею. Когда мнѣ это приходитъ на умъ, мнѣ всегда кажется, что не тотъ имѣетъ больше правъ на обѣдъ, кто можетъ за него заплатить.

Мнѣ совершенно ясною представлялась софистика старушки, но у мѣня духу не хватало дать ей это замѣтить, хоть я и сочувствовалъ ей. М-съ Мэкли, повидимому, этого не понимала и не чувствовала: она просто-на-просто слушала, что говорилось, и только.

— Конечно,—сказала она:—но если вы будете даромъ кормить бродягъ, развѣ это не будетъ имъ потачкой? Лѣнь, и даже самый видъ лѣнтяя или бездѣльника имѣетъ развращающее вліяніе на другихъ.

— То-есть, на другихъ... деревенскихъ жителей?—переспросила м-съ Кэмпъ.—Ну, имъ къ этому не привыкать стать: всѣ господа, которые живутъ здѣсь лѣтомъ, въ отелѣ, за цѣлый день палецъ о палецъ не ударятъ!

— О, да они же вѣдь и прїѣзжаютъ сюда только для того, чтобы „отдохнуть“! Вы и представить себѣ не можете, до чего усердно и неустанно они работаютъ круглый годъ!

— А можетъ быть, и бродяги тоже „отдыхаютъ“, почему знать? Во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы видъ бездѣльника въ лохмотьяхъ могъ имѣть развращающее вліяніе на дѣльныхъ людей, деревенскихъ жителей, какъ вы говорите. Сколько мнѣ помнится, еще не видано примѣра, чтобы люди уходили бродяжничать и побираться изъ деревни: всѣ они идутъ къ намъ изъ

города; они исключительно продукт городской, — отнюдь не сельской жизни! Если чье бездѣлье и смущает юношей и молодых людей, такъ это бездѣлье полныхъ силъ господъ-горожанъ, которые бродятъ себѣ по горамъ отъ нечего-дѣлать, какъ говоритъ мой сынъ.

Обѣ дамы умолкли; очевидно, договорившись до крайностей и не рѣшаясь продолжать.

— Но вѣдь противъ этого-то рода бездѣлья и возстаетъ, главнымъ образомъ, м-ръ Хомось, — замѣтилъ я, чтобы хоть что-нибудь сказать: — онъ говоритъ, насколько я его понялъ, что въ Альтуріи считается предосудительной и бесполезной тратой времени всякое физическое упражненіе, если имъ занимаются только ради физическаго упражненія, и что такихъ людей принимаютъ чуть-чуть что не за сумасшедшихъ?

Я ожидалъ, что мои послѣднія слова задѣнутъ его за живое, заставить вспылить, но нѣтъ! Онъ даже какъ будто ничего не имѣлъ противъ моей довольно-таки рѣзкой гиперболы.

— Какъ вамъ уже извѣстно, — обратился онъ къ м-съ Кэмпъ: — у насъ, въ Альтуріи, на каждаго приходится извѣстная доля обязательнаго ручнаго труда; но это еще не значитъ, что этимъ ограничиваются ежедневныя физическія упражненія того или другаго лица, еслибы оно пожелало заняться ими долѣе положенныхъ трехъ часовъ въ день. По истеченіи этихъ трехъ часовъ наша молодежь свободно можетъ предаваться играмъ и всякаго рода спорту. Благодаря такого рода порядку, нашимъ альтурійцамъ хватаетъ здоровья въ такой мѣрѣ, въ какой оно необходимо для лица того или другаго темперамента. Можетъ быть, я недостаточно ясно выразился и потому ввелъ въ нѣкоторое заблужденіе м-ра Туэльмефа: мы, дѣйствительно, считаемъ вреднымъ и безнравственнымъ безцѣльную, вѣрнѣе говоря, производительную трату своихъ силъ, такъ же, какъ и ручной непосильный трудъ. Но я хорошо понимаю, что при вашихъ общественныхъ условіяхъ вы не можете заняться ручнымъ трудомъ, не отнимая, такимъ образомъ, средствъ къ пропитанію у другаго человѣка, который живетъ исключительно этого рода работой; понимаю и тѣ, что ваша матеріальная (т.-е. денежная) помощь можетъ избаловать бѣдняка-труженика, пріучить его къ лѣни и бездѣльничанью. У насъ же вполне естественно помогать другъ другу, потому что мы всѣ безразлично рабочіе люди, и потому ни развратить, ни обидѣть наша помощь никого не можетъ...

Рюбенъ Кэмпъ вошелъ въ комнату матери, и это прервало

на время любопытныя разъясненія нашего чужеземнаго гостя; но м-съ Мэкли, съ своей обычной живостью, воскликнула:

— О, пожалуйста продолжайте!—и пояснила молодому человеку:—наконецъ-то онъ рѣшился поразсказать намъ про Альтрурию...

Нашъ альтруриецъ съ улыбкой поглядѣлъ вокругъ, и видя, по всей вѣроятности, что у насъ на лицахъ написано любопытство и нетерпѣнiе, проговорилъ любезно:

— Очень радъ вамъ служить! Но не думаю, чтобы вамъ показалось интереснымъ наше умственное или общественное развитiе, особенно если вы взглянете на него какъ на продуктъ разросшагося чувства „сосѣдственности“, если можно такъ выразиться. Въ сущности, это чувство—дружеское отношенiе къ сосѣду—и лежитъ въ основанiи „альтруризма“. Ну, представьте себѣ, напримѣръ,—обратился онъ къ м-съ Мэкли:—что вы питаете ко всѣмъ людямъ вообще то же чувство, которое вы ощущаете по отношенiю къ своему ближайшему сосѣду, съ которымъ живете дверь въ дверь, на одной площадкѣ...

— На одной площадкѣ?!—воскликнула молодая женщина.— Да почему же я знаю, кто живетъ со мной на одной площадкѣ?.. Помилосердитесь! Насъ всѣхъ въ домѣ семей тридцать-сорокъ—ну, мыслимо ли тутъ знать другъ друга? Я ни души не знаю!

Онъ былъ крайне озадаченъ и съ замѣтнымъ удивленiемъ посмотрѣлъ на нее. Она продолжала:

— Это было бы ужъ слишкомъ тяжело и безпокойно!.. Какъ-то разъ кухарка сказала мнѣ, что у нашихъ сосѣдей умеръ ребенокъ, и еслибъ не она, я такъ никогда и не подозрѣвала бы, что у нихъ былъ ребенокъ. Прислуга какъ-то живо знакомится между собою, на рынкѣ, или на подъемной машинѣ чернаго хода. Я этого не одобряю. Богъ знаетъ, кто такiе ихъ господа!..

— Но все таки,—продолжалъ настаивать альтруриецъ:—вѣдь есть же между вашими знакомыми такiе, которые, по дружбѣ, вамъ близки, какъ сосѣди?

— Ни... нѣтъ!—протянула задумчиво м-съ Мэкли:—у меня есть списокъ лицъ, къ которымъ я ѣзжу съ визитами, или вообще бываю, но ни о комъ изъ нихъ я не подумала бы, какъ о своемъ... сосѣдѣ.

На лицѣ и во всей фигурѣ нашего друга и гостя отразилось такое смущенiе, что я едва могъ удержаться, чтобы не расколотаться.

— Въ такомъ случаѣ,—серьезно проговорилъ онъ:—я, право, затрудняюсь, какъ объяснить вамъ, что такое Альтрурія?

— Ну, если она у васъ построена на духѣ „сосѣдственности“, какъ это понимаютъ въ нашихъ захолустьяхъ, такъ лучше ужъ избавьте меня отъ нея!—легкомысленно воскликнула м-съ Мэгли.—Я люблю независимость и поэтому предпочитаю жить въ столицѣ: тамъ вамъ никто не навязываетъ своего общества!

— Я былъ когда-то и въ Нью-Йоркѣ,—замѣтилъ Рюбенъ Кэмпъ:—и, сколько мнѣ помнится, тамъ всѣ бѣдные люди, повидимому, знакомы другъ съ другомъ.

— Что жъ, развѣ вамъ было бы пріятно жить въ такой тѣснотѣ, какъ они живутъ?—возразила молодая женщина.

— Во всякомъ случаѣ, лучше имѣть многихъ сосѣдей, нежели ни одного, или жить такъ далеко другъ отъ друга, что врядъ ли когда съ кѣмъ и встрѣтишься.

— Конечно, у всякаго свой вкусъ!—возразила м-съ Мэгли.—Только я желала бы знать, какъ вообще живутъ у васъ въ Альтруріи, м-ръ Хомсъ?

— Видите ли, у насъ вовсе нѣтъ рѣзкаго подраздѣленія на городъ и деревню, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно есть у васъ,—началъ онъ.—У насъ нѣтъ такой густоты населенія, но зато нѣтъ и такого безлюдья, какъ въ вашихъ такъ называемыхъ захолустьяхъ. А вы, молодой человекъ, значить, очень жалѣете, что не можете видѣться со своими сосѣдями почаще?—обратился онъ къ Кэмпу.

— Конечно! Я считаю, что люди безъ общества ржавѣютъ, какъ старое желѣзо. Такова ужъ естественная потребность человѣка, что онъ непремѣнно стремится жить въ обществѣ себѣ подобныхъ.

— Но, кажется, вы, м-съ Мэгли, считаете, что люди, наоборотъ, склонны къ уединенію?

— О, нѣтъ! Я говорю вовсе не въ томъ смыслѣ, а просто въ смыслѣ того, что можно и не уединяться, но жить независимо отъ другихъ.

— Такъ мы и пробовали поступать; но, во-первыхъ...

— Простите пожалуйста, м-ръ Хомсъ!—перебила его вдругъ м-съ Мэгли. Какъ ни велико было ея любопытство побольше узнать про Альтрурію, но она, какъ истая женщина, больше любила говорить сама, нежели слушать другихъ.

Альтруриецъ вѣжливо прервалъ свою рѣчь и выждалъ, что она скажетъ.

— Меня, видите ли, занимаетъ вопросъ: что это такое ска-

залъ м-ръ Кэмпъ о бродягахъ, будто бы всѣ люди съ „волчьимъ“ аттестатомъ идутъ въ бродяги?

— Но, м-съ Мэкли! Я не говорилъ ничего подобнаго!—горячо возразилъ молодой фермеръ, въ удивленіи.

— Однако это само собой вытекаетъ изъ факта, что если всѣ бродяги непремѣнно и были...

— Но вѣдь и этого тоже я не говорилъ!

— Ахъ, да не все ли равно? Я вовсе не къ тому веду рѣчь: по моему, если рабочій вредитъ своему хозяину, тотъ имѣетъ право покарать его за это, какъ ему заблагоразсудится...

— Мнѣ кажется, противъ „волчьихъ“ аттестатовъ у насъ нѣтъ закона,—замѣтилъ Кэмпъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, за чѣмъ дѣло стало? Разъ, что права хозяевъ или заказчиковъ не ограничены закономъ, для рабочихъ лучше всего дѣлать свое дѣло и, такимъ образомъ, не подавать повода къ дурному аттестату!—торжествующимъ тономъ, точно изрекая непреложную и неоспоримую истину, провозгласила молодая женщина.—И, потомъ, вѣдь хозяева такъ многимъ рискуютъ!..

— А рабочіе рискуютъ всѣмъ на свѣтѣ: трудомъ рукъ своихъ!—возразилъ Кэмпъ.

— О, но вѣдь нельзя же его сравнивать съ ихъ капиталомъ?

— Нѣтъ, можно!—и глаза молодого фермера загорѣлись; отъ возбужденія онъ плотнѣе стиснулъ губы.

— Вы, пожалуй, скажете еще, что рабочій долженъ получать за свою работу столько же, сколько получаетъ фабрикантъ за свой капиталъ?

— Я именно такъ и скажу!—подтвердилъ Рюбенъ Кэмпъ.

М-съ Мэкли весело разсмѣялась и не безъ ѣдкости прибавила:

— Ну, это что-то ужъ слишкомъ нелѣпо!

— Нелѣпо? да почему же?..—едва сдерживая свой гнѣвный порывъ, спросилъ Кэмпъ.

— Да просто такъ, вотъ и все тутъ!—безапелляціонно рѣшила молодая женщина, и я даже очень радъ былъ, что съ ея стороны не восплѣдовало дальнѣйшихъ разъясненій.

Простые, старинные часы, гудя, начали бить, и м-съ Мэкли ухватила за этотъ предлогъ, чтобы вскопчить съ мѣста, подбѣжать къ больной старушкѣ и поцѣловать ее въ обѣ щеки.

— Прощайте, дорогая! Право, намъ ужъ пора; не то мы опоздаемъ къ завтраку, и мужъ мой будетъ безпокоиться. Да и вашъ обѣдъ, кажется, васъ ожидаетъ... А вотъ и книжки, кото-

рыя, изъ чрезмѣрной скромности, авторъ самъ не рѣшается вамъ вручить!—и съ шаловливой улыбкой м-съ Мэкли бросила взглядъ въ мою сторону.

Послѣ обмѣна рукопожатій и любезностей, мы снова очутились въ экипажѣ, на большой дорогѣ.

VIII.

— Признайтесь, м-ръ Хомось, — начала неугомонная м-съ Мэкли:—что люди, съ которыми вы только-что познакомились, дѣйствительно курьезный народъ! Здѣсь, въ захолустѣхъ, они всѣ „сворачиваются съ пути истиннаго“, получаютъ совершенно прерватныя понятія обо всѣхъ и обо всемъ: ну вотъ хотя бы эта самая м-съ Кэмпъ. Она считаетъ, что банкъ, выдавшій ей деньги подъ залогъ земли, не имѣетъ права на закладную и тѣмъ наносить ей, м-съ Кэмпъ, большой ущербъ; а Рюбенъ если и знакомъ съ жизнью, то понимаетъ ее все-таки превратно, т.-е. по своему. При всемъ томъ, они прекраснѣйшіе и добродушнѣйшіе люди, и я увѣрена, что вы и не могли въ этомъ усомниться. Но не забавно ли, что они считаютъ свои труды пропащими? Я, грѣшный человѣкъ, люблю иногда подразнить Рюбена: право, хоть онъ и думаетъ обо всемъ наыворотъ, но это не мѣшаетъ ему быть славнымъ малымъ и добрымъ, почтительнымъ сыномъ. Мало на свѣтѣ такихъ молодыхъ людей, которые рѣшились бы лучшіе годы своей жизни посвятить работамъ на фермѣ, въ деревенской глуши. По смерти матери онъ, вѣроятно, женится и пойдетъ искать счастья въ другихъ мѣстахъ.

— Отчего вы такъ думаете? Онъ, кажется, вовсе не такого радужнаго мнѣнія о жизни въ другихъ мѣстахъ, какъ вы говорите.

— О, пусть только онъ женится на бойкой горожанкѣ, и вы увидите, что онъ тогда запоетъ! — самодовольно возразила м-съ Мэкли, и на томъ кончилась наша бесѣда.

Послѣ завтрака альтруріецъ куда-то исчезъ и не показывался въ отелѣ вплоть до ужина на другой день. На мои распросы онъ отвѣчалъ, что все это время провелъ у Кэмповъ и съ удовольствіемъ ознакомился съ работами на фермѣ; тѣмъ болѣе, что въ настоящее время онъ и самъ занятъ, у себя на родинѣ, земледѣльческими работами, и его крайне интересуетъ сравненіе ихъ въ Америкѣ и въ Альтруріи.

Нашъ другъ, докторъ, былъ отозванъ въ городъ, къ боль-

ному, но остальные члены нашего маленькаго общества были налицо, и вскорѣ разговоръ оживился.

— Да!—замѣтилъ банкиръ. — Не легко живется земледѣльцамъ, и, право, я ни подъ какимъ видомъ не согласился бы съ ними помѣняться. Имъ, бѣднымъ, приходится держать ухо востро, чтобы только свести концы съ концами.

Профессоръ усмѣхнулся и спросилъ альтруриѣца:

— А ваши новые знакомые ничего не говорили вамъ о тѣхъ ухищреніяхъ, въ которыхъ они прибѣгаютъ, чтобы свести концы съ концами? О своей торговлѣ голосами во время выборовъ?

— Я васъ не понимаю.

— На обыкновенныхъ (очередныхъ) выборахъ кандидаты покупаютъ себѣ голоса по два доллара за голосъ и дороже. Когда возбужденіе партій особенно сильно, тогда и цѣны на голоса дороже. Этотъ побочный доходъ служитъ земледѣльцамъ значительнымъ подспорьемъ въ ихъ хозяйственномъ бюджетѣ.

— Боже мой! значить, они продаютъ свое мнѣніе за деньги? —воскликнулъ въ ужасѣ нашъ гость. —И неужели нѣтъ никакой возможности уладить это дѣло? То-есть, я хочу именно сказать: не тѣ, что люди продаютъ свой голосъ, но ту нужду, тѣ тяжкія условія, которыя вынуждаютъ ихъ на такое ужасное злоупотребленіе? Чтѣ говорятъ объ этомъ люди, покупающіе поселанъ?

— А ничего, ровно ничего!.. И вообще это такое дѣло, о которомъ не принято много говорить, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

— Я думаю, тутъ многое преувеличено, — вмѣшался банкиръ:—но что зло существуетъ на ряду съ добромъ, этого я не могу и не хочу отрицать. Есть у цивилизаціи свои хорошія стороны, но есть и дурныя; и я не хочу кривить душою, называя ихъ хорошими. Какъ бы то ни было, по-моему, тотъ, кто рѣшается на подкупъ, хуже, неизмѣримо хуже того, который поддается соблазну!.. Но у васъ, въ Альтруриі, конечно, нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ?

— О, конечно! У насъ это было бы просто немислимо!—воскликнулъ нашъ гость такимъ тономъ ужаса и негодованія, который и передать невозможно.

Водворилось неловкое молчаніе.

Банкиръ вытнулъ ноги, глубокомысленно посмотрѣлъ на носки своихъ модныхъ сапогъ и проговорилъ:

— Я, знаете, часто встрѣчаюсь здѣсь, въ отелѣ, съ молодыми людьми, только-что окончившими или вончающими курсъ.

говорилъ нашъ пріятель, банкиръ; но альтруіецъ, повидимому, принялъ его слова за чистую монету.

— Право, не знаю. Денежный вопросъ не входитъ въ кругъ нашихъ задачъ. Могу сказать вамъ одно, что не только мы всё живемъ въ довольствіи, но никому изъ насъ даже не грозитъ нужда.

— А! вотъ какъ!.. Ну, что же, это прекрасно! Но намъ самимъ дороже стала бы эта затѣя: она заставила бы насъ отказаться отъ надежды когда-либо пріобрѣсти больше, нежели намъ необходимо!—и банкиръ весело, отъ души разсмѣялся.

— А что, у васъ въ Альтруіи, каковъ идеаль великаго человѣка?—продолжалъ онъ.

Альтруіецъ подумалъ немножко.

— У насъ такъ мало развито стремленіе выдвинуться, отличиться... въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы это понимаете, что на вашъ вопросъ крайне затруднительно отвѣтить. Если же говорить въ отвлеченномъ смыслѣ, то я, пожалуй, могу вамъ приблизительно сказать, что у насъ великимъ человѣкомъ считается тотъ, кто сумѣетъ дать наиболѣе счастья и отрады наибольшему числу людей, какъ-то: артистъ, поэтъ, изобрѣтатель, докторъ.

Нашъ банкиръ такъ серьезно вслушивался въ его рѣчи, что и былъ просто пораженъ.

— Что-жъ, оно и понятно, при вашемъ общественномъ строѣ,—замѣтилъ онъ.—Ну, а у насъ, господа,—обратился онъ къ намъ, американцамъ:—какъ вамъ кажется, каковъ нашъ идеаль?

Никто не рѣшался высказаться, и только фабрикантъ, подумавши, проговорилъ:

— Нѣтъ, ужъ мы лучше попросимъ васъ самого продолжать!

— Пожалуй, господа: тѣмъ болѣе, что я много объ этомъ думалъ. На мой взглядъ, нашъ идеаль въ одномъ и томъ же поколѣніи мѣнялся два раза. До войны, и вообще съ самой революціи, это былъ: политикъ, публицистъ, государственный дѣятель. По мѣрѣ того, какъ мы созрѣвали и начинали жить по своему, развивалась наша умственная жизнь, и немалая доля почестей выпадала на долю представителей литературы. Человѣкъ такого типа, напримѣръ, какъ Лонгфелло, считался у насъ великимъ человѣкомъ.

Затѣмъ настала война—и выдвинула на первый планъ воевателя, борца на полѣ брани. И въ теченіе десяти—пятнадцати лѣтъ идеаль послѣдняго оставался неизмѣнно-привлекательнымъ для

народа. Но миновало и это время; наступилъ періодъ матеріальнаго благоденствія. Одно за другимъ созидались миллионныя состоянія—и герои уже иного рода возбуждали наше удивленіе. Несомнѣнно, въ настоящую минуту идеаль выдающагося американца—милліонеръ. Можетъ быть, не совсѣмъ пріятно въ этомъ сознаться, но отрицать это, какъ совершившійся фактъ,—невозможно! Въ нашей государственной жизни, какъ на скачкахъ, первый призъ дается побѣдителю, а современный побѣдитель непремѣнно—денежная сила!

Альтруріецъ полувопросительно взглянулъ на меня; но банкиръ успѣшилъ замѣтить:

— Гдѣ бы ни сошлись американцы, ихъ вниманіе отъ поэта, художника и литератора не замедлитъ перейти всецѣло на миллионера. И въ этомъ вамъ легко будетъ самому убѣдиться по мѣрѣ того, какъ вы будете знакомиться ближе съ американцами и съ ихъ отечествомъ.

На томъ пока и сталъ нашъ разговоръ; но при первомъ же свиданіи онъ возобновился, благодаря фабриканту, который не давалъ банкиру покоя своими разпросами.

— Должно быть, господа, васъ задѣли за живое!—шутливо обратился къ нимъ обоимъ профессоръ; но шутка его, какъ и всегда, звучала холодно и ѣдко.—Что жъ дѣлать! Повременимъ: можетъ быть, постепенно и дѣловые люди, и торговцы, заживутъ честнѣе; можетъ быть, тогда и торговля представитъ болѣе широкое поле дѣятельности для образованнаго джентльмена.

— Ну, это ужъ крайности,—замѣтилъ банкиръ:—я и не думалъ такъ рѣзко разграничивать торговое, дѣловое сословіе отъ образованнаго. Мнѣ кажется, что вѣрнѣе всего оба они со временемъ придутъ ко взаимному соглашенію и изъ нихъ выработается нѣчто среднее. Не надо забывать, что мы сами—продуктъ новизны, новыхъ вѣяній, и что мы только потому и кажемся уже установившимся фактомъ, что слишкомъ быстро соврѣли. Но въ дѣйствительности мы въ настоящее время менѣе зрѣлы, нежели сорокъ лѣтъ назадъ, въ до-революціонную эпоху. Прежде, до войны, если человѣкъ терялъ одну работу, онъ принимался за другую; если ему не удавалось одно дѣло, онъ брался за другое; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, уходилъ на западъ и тамъ, все-таки, сживался съ тѣми условіями, которыя доставляли ему пропитаніе и съ развитіемъ которыхъ шло его развитіе. Теперь наше отечество уже вполне развилось; общественныхъ земель не существуетъ; всѣ отрасли торговли переполнены дѣятелями, и тѣ, которые прежде, если не удавалось одно, принимались за дру-

гое, ужъ разучились приспособляться къ обстоятельствамъ. Мы положительно находимся въ переходномъ состояніи и, — я увѣренъ, — еслибы люди съ высшимъ образованіемъ умѣли примѣнить его къ торговлѣ, скоро торговля начала вытѣснить бы научныя!

— Слѣдовательно, вы допускаете, что только высшее образованіе было бы способно повысить уровень нравственности торговцевъ?—спросилъ профессоръ.

— Несомнѣнно!

— Ну, что-жъ, *самъ-то*, пожалуй, еще разрѣшается такъ говорить,—замѣтилъ я съ той долей уваженія, которой мы, все-таки, обязаны человѣку съ состояніемъ въ одинъ - два милліона. — Но если ужъ дѣйствительно дѣло такъ плохо, что хорошей торговецъ можетъ разбогатѣть лишь при условіи быть непосвященнымъ въ университетскія науки, я бы просилъ васъ разъяснить нашему гостю, почему въ самыхъ критическихъ и важныхъ случаяхъ у насъ принято прибѣгать за рѣшеніемъ къ общественному мнѣнію, къ тому духу дѣловитости и торговой смѣтливости, который, какъ будто, долженъ непремѣнно служить залогомъ правоты и честности? Предположимъ, что необходимо рѣшить какой-нибудь жизненный вопросъ (не говорю уже о политическомъ, финансовомъ, нравственномъ или общественномъ) и для того пробудить къ нему вниманіе публики. Какой будетъ къ тому первый шагъ? Ну, понятно: созвать собраніе, заручиться подписью вліятельныхъ дѣловыхъ (говоря точнѣе: торговыхъ) людей. Хоть со всего свѣта созовите художниковъ, литераторовъ, артистовъ, богослововъ, юристовъ, докторовъ; пусть они всѣ подтвердятъ свое мнѣніе подписями—и ни на іоту никто не придастъ имъ значенія! Представьте же людямъ лишь нѣсколько подписей, но пусть это будутъ подписи людей компетентныхъ съ точки зрѣнія толпы—крупнѣйшихъ торговцевъ, фабрикантовъ, директоровъ банка, желѣзнодорожныхъ тузовъ и дѣльцовъ вообще,—и вы увидите, что имъ будетъ несравненно больше вѣры, чѣмъ множеству первыхъ. Чтѣ же это значить; чтѣ это „можетъ“ значить? Что Америка—страна исключительно промышленная, дѣловитая; а дѣловитость, какъ средство къ достиженію богатства,—идеаль всякаго американца... Довольно ли ясно я говорю?

— О, совершенно!—проговорилъ нашъ альтруистъ и умолокъ, повидимому, вполне удовлетворенный разъясненіемъ интересовавшаго его вопроса.

— Да!—задумчиво началъ, въ свою очередь, профессоръ. Если дѣти промышленниковъ будутъ и впредь получать высшее обра-

зованіе, то у нихъ, пожалуй, и явится сознаніе въ его необходимости. И, такимъ образомъ, у насъ создастся совершенно новый типъ промышленнаго и дѣльца.

— Тотъ самый, что не умѣетъ нажить деньгу или не особенно будетъ стремиться къ наживѣ при извѣстныхъ условіяхъ?—спросилъ банкиръ.—Что-жь, и это уже не такъ дурно, какъ кажется. Если нашъ новый дѣлецъ будетъ настолько образованъ, что его умственное развитіе не допуститъ его разбогатѣть въ ущербъ другимъ,—такъ и за то спасибо: онъ ужъ на полдорогѣ къ сознанію, что и онъ не изъять изъ общей обязанности трудиться. Тогда и онъ станетъ самъ въ ряды труженниковъ, и дастъ дорогу человѣку съ болѣе низшимъ образоваціемъ; а тотъ, я увѣренъ,—не преминетъ этимъ воспользоваться... Пожалуй, вы правы, профессоръ!

— Итакъ, значить, все зависитъ отъ степени образованности, которая и является, такъ сказать, пропастью между высшими сословіями и толпою?—заговорилъ до тѣхъ поръ молчавшій нотаріусъ.—Было время, когда мы ожидали, что эту пропасть уничтожить наше религиозное чувство...

— Почему знать? Можетъ, и въ настоящее время оно оказываетъ намъ эту услугу?—полу-вопросительно замѣтилъ банкиръ. Да, вотъ, его преподобію это ближе всего должно быть извѣстно, — прибавилъ онъ, обращаясь къ пастору:—и ваша кафедра привлекаетъ больше вѣрующихъ, нежели всѣ другія церкви столицы.

— Не смѣю утверждать; но, конечно, наше общество очень многочисленно,—съ нѣкоторой гордостью, хоть и смиренно согласился тотъ.

— А въ числѣ ихъ много ли людей, живущихъ трудомъ рукъ своихъ?

Пастыръ церкви какъ-то смущенно зашевелился и съ замѣтной грустью проговорилъ:

— Они... у нихъ, я думаю, вѣроятно, есть свои церкви... Я самъ никогда не оправдывалъ сословную рознь и всю жизнь отъ души желалъ сближенія богатыхъ съ бѣдняками; но тѣмъ не менѣе...

— Тѣмъ не менѣе, въ числѣ вашихъ слушателей нѣтъ вовсе труженниковъ, рабочихъ? Вы это хотите сказать? — подхватилъ банкиръ.

— Я что-то... не припомню, — еще печальнѣе согласился пасторъ, — и ни у кого больше не хватало духу къ нему приставать съ разспросами.

— Представьте себѣ: то же самое мнѣ пришлось слышать отъ одного русскаго, поселившагося въ Америкѣ, — заговорилъ нотариусъ, чтобы прервать неловкое молчанье. — Онъ увѣрялъ, что во время его скитаній по Европѣ еще нигдѣ не пришлось ему видѣть такого равнодушія богачей къ бѣднякамъ, какъ у американцевъ! Со стороны же низшихъ слоевъ общества, по его словамъ, онъ не замѣтилъ ни тѣни уваженія къ высшимъ, ни капли снисхожденія высшихъ къ низшимъ, — какъ это обыкновенно водится въ тѣхъ странахъ, гдѣ населеніе держится традицій и старыхъ порядковъ.

— И въ этомъ, пожалуй, можетъ оказаться своя доля правды, — замѣтилъ банкиръ. — И въ самомъ дѣлѣ: замѣчательно, до чего безжалостны могутъ быть преуспѣвшіе люди къ тѣмъ, которые еще не добились (или не начинали добиваться) успѣха! И эти послѣдніе это прекрасно знаютъ.

— А какъ по вашему, что воспослѣдуетъ изъ столкновения? — спросилъ я, въ умѣ уже набрасывая планъ цѣлаго сочиненія на эту тему и сравнивая холодно-ироническія черты лица банкира съ типомъ вождя партіи патриціевъ, котораго въ предполагаемомъ своемъ сочиненіи я поставилъ бы на самое видное мѣсто.

— Мы ихъ побьемъ! — произнесъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ, и ногтемъ мизинца страхнулъ нагорѣвшій пепелъ съ конца сигары.

(Впрочемъ, въ моемъ: „Паденіи Республики“ онъ долженъ былъ отличаться своимъ хладнокровіемъ не какъ простой статскій, а какъ „доблестный служака“: замѣнить въ беллетристическомъ произведеніи одно другимъ — всегда легко и удобно.)

— На какомъ основаніи вы такъ думаете? — спросилъ фабрикантъ.

— Да на какомъ угодно: не все ли равно? Только ужъ это вѣрно. На нашей сторонѣ всѣ орудія побѣды, и мы не дадимся въ обиду! И, наконецъ, на этой почвѣ намъ нѣтъ повода къ борьбѣ: вся цѣль неудовольствій бѣдняковъ — добиться увеличенія задѣльной платы и ограниченія рабочихъ часовъ; дальше этого ихъ требованія не идутъ!

— А между тѣмъ эти неудовольствія могутъ со временемъ отозваться на нашихъ войскахъ, — вмѣшался я. — Нерѣдко случается, что вожди недовольныхъ грозятъ отозвать изъ военнаго строя рабочій людъ, и республиканскому правительству плохо придется, если они когда-либо приведутъ эту угрозу въ исполненіе.

— Пока чтд, а до тѣхъ поръ все дѣло коротко и просто... какъ на ладони! Чуть неповорные возмутятся, — ихъ сперва попро-

буютъ отговаривать отъ стачки и ея ужасовъ; но разъ, что они упрямятся, ихъ усмирять съ помощью военной силы. И первыми сдаются... сами же вожди и зачинщики.

— Ну, положимъ, вовсе это не такъ коротко и просто, какъ вамъ кажется,—возразилъ банкиръ.—Да, впрочемъ, и рабочей-то силы не Богъ знаетъ сколько въ нашихъ войскахъ; мнѣ сдается, что въ нихъ, главнымъ образомъ, пополняютъ строй не рабочими, а писарями, конторщиками и мелкими торговцами. Конечно, я могу ошибаться... И, собственно говоря, къ чему имъ стачки, возмущенія,—этимъ дѣтямъ толпы? Ихъ, рабочихъ, громадное большинство, и сила уже безъ того на ихъ сторонѣ. Чѣмъ лѣзть въ драку, голодать или подставлять лобъ подъ пули, лучше бы они всѣ вопросы, волнующіе ихъ, обсуждали подачею голосовъ! Прошло бы нѣсколько мѣсяцевъ, полгода—и мнѣніе большинства обратилось бы въ законъ. Рабочіе требуютъ восьмичасовой нормы и, чтобъ ея добиться, устраиваютъ стачки, пробуютъ борьбой отстаивать свои права,—ну, словомъ, поступаютъ, какъ слабѣйшее меньшинство. А между тѣмъ они тѣмъ-то и сильны, что они—большинство, и что это большинство съ большимъ успѣхомъ могло бы само постановлять новые законы, нежели нарушать старыя! Еще два, три, четыре года выдержки, терпѣнія—и, стоитъ людямъ только захотѣть,—они весь государственный строй перевернутъ на свой ладъ! Но, видно, они не къ тому стремятся; а если и стремятся, то совершенно иначе, чѣмъ бы слѣдовало: путемъ упрямства и насилія!

— Я полагаю, ихъ смущаетъ посторонній, пришлый элементъ, социалисты и инныя анти-американски настроенныя личности?—полу-вопросительно проговорилъ я.

— Ну, нѣтъ, этого нельзя сказать,—возразилъ банкиръ.—Сколько мнѣ извѣстно, социалисты—единственные между ними, поднимающіе вопросъ о голосованіи и о придачѣ рѣшенію большинства законной силы. То ли еще не по-американски?! Вообще, я не вѣрю тому, что будто бы социалисты побуждаютъ рабочихъ затѣвать стачки, какъ объ этомъ усердно кричатъ газеты. На наше счастье, нашъ рабочій—не социалистъ. Да и тѣ социалисты, о которыхъ толкуютъ въ печати,—нѣчто совершенно отдѣльное отъ такъ называемыхъ анархистовъ. Они, частью сознательно, частью и сами того не зная, додумались до социализма и пришли къ убѣжденію, что всѣ ихъ надежды должны пойти прахомъ, если рабочіе не прекратятъ своей ужасной борьбы и не прибѣгнутъ къ помощи голосованія. Поймите, что я говорю не объ анархистахъ, а о людяхъ, философскія разсужденія которыхъ скорѣе

согласуются съ закономъ, нежели нарушаютъ его, и которые чистосердечно стремятся къ такому справедливому и правильному строю, какой уже нельзя было бы нарушить.

— А какъ вамъ кажется, — тихо спросилъ пасторъ: — къ чему это все приведетъ?

— Да мы ужъ, помнится, говорили объ этомъ наканунѣ. Впрочемъ, я вамъ, пожалуй, готовъ сообщить по этому поводу все, что мнѣ самому показалось интереснымъ. Вотъ хоть бы, напримеръ, небольшой „трактатъ“ Уильяма Морриса (или какъ тамъ онъ его называетъ, — не помню хорошенько). Онъ думаетъ, что если мы будемъ продолжать идти все по той же дорогѣ, то послѣднія условія труда должны неизбежно вернуться къ прежнему своему состоянію.

— О, я не думаю, чтобы это когда-либо могло случиться въ Америкѣ, — поспѣшилъ я возразить.

— Но вѣдь и теперь это уже отчасти признано, — замѣтилъ банкиръ, — только не всѣ это замѣчаютъ. И въ сущности, какой вредъ могутъ принести прежніе порядки? Новыя условія рабства, все-таки, будутъ иныя, чѣмъ прежде. Тогда не будетъ ужъ нужды въ безнаказанномъ истязаніи рабовъ, въ насильственномъ разединеніи семей, въ частной покупкѣ и продажѣ. Пролетаріатъ будетъ, по всей вѣроятности, достояніемъ государства, какъ это было одно время въ Греціи, или большихъ корпорацій, которыя скорѣе всего соответствовали бы духу нашихъ свободныхъ учреждений. Просвѣщенное мнѣніе народа было бы для нихъ достаточной охраной, разъ что оно облечено въ форму закона, ограждающаго отъ злоупотребленій. Но все-таки всѣ будутъ обособлены, и надъ ними будетъ учрежденъ строгій надзоръ. Тогда, по всей вѣроятности, будетъ меньше нужды и страданій, чѣмъ теперь, когда человѣка вынуждаютъ къ покорности нужда и мученія всей его семьи, когда его можно уморить съ голода и прогнать какъ собаку, если съ нимъ нельзя справиться, ни добиться отъ него послушанія... Можете быть увѣрены, что въ будущемъ, въ новомъ рабствѣ ничего подобнаго не будетъ! Недаромъ же мы, вотъ уже девятнадцать вѣковъ, исповѣдуемъ христіанство!..

IX.

Банкиръ умолялъ, и довольно долго не прерывалась водворившаяся тишина, навѣявшая на каждого изъ насъ раздумье.

Вдругъ онъ улыбнулся, обвинувъ своимъ полушутливымъ взглядомъ все собраніе, и... залился добродушнымъ смѣхомъ.

Мы вздохнули свободнѣе и тоже оживились: очевидно, онъ просто подшутилъ надъ нами. Въ этомъ я еще больше убѣдился, когда онъ обратился къ альтрурійцу, положивъ ему руку на плечо.

— Видите? И, кажется, и самъ-то своего рода альтруріецъ! Но почему же бы намъ нельзя было возвести здѣсь новую Альтрурію, новое государство, созданное на высказанныхъ мною основаніяхъ? А вѣдь у васъ никогда не бывало философовъ, или, вѣрнѣе говоря, филантроповъ въ моемъ духѣ?

— О, да, бывали! Но давнымъ-давно, когда мы еще только начали освобождаться отъ системы конкуренціи: то было нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

— Я горжусь тѣмъ, что мысли мои такія передовыя!— шутиливо замѣтилъ банкиръ. — Но какъ вы дошли до того, чтобы утвердить за собой свои мнѣнія, придать имъ силу закона?

— Мы ихъ рѣшили подачей голосовъ.

— Ну, а у насъ рабочіе еще ведутъ за нее борьбу,—и ихъ побѣждаютъ.

Въ тотъ же вечеръ, нѣсколько повднѣе, я опять встрѣтился съ банкиромъ и радушно пожалъ ему руку.

— Мнѣ безгранично пріятна была ваша откровенность съ нашимъ другомъ, альтрурійцемъ! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ хорошо ставить на первый планъ все дурное; но какая польза въ томъ, что вы, такъ сказать, не оставили въ насъ живого мѣста?

Моя смѣлость не только не разсердила его, но даже пришлась ему по вкусу.

— И отлично!.. Не спору; можетъ быть, я и пересолилъ немножко, но зато теперь ужъ не отвертится нашъ альтруріецъ! Онъ у меня въ долгу и будетъ вынужденъ, волей-неволей, платить откровенностью за откровенность.

— Вотъ какъ! Но вѣдь еще вопросъ: удастся ли вамъ убѣдить его высказаться по поводу порядковъ въ его отечествѣ?

— А мы, вотъ, съ м-съ Мэкли, только-что говорили объ этомъ, и у нея уже составленъ планъ дѣйствій...

— Да!—отозвалась она, подвигая къ себѣ пустой стулъ и знакомъ приглашая меня садиться.—Послушайте-ка, чтѣ я вамъ скажу...

И, какъ только я усѣлся, она продолжала:

— Я все это взвѣсила, обсудила и хочу, чтобы вы признали за женскимъ умомъ несомнѣнное преимущество въ практичности, сравнительно съ мужскими выпренными разсужденіями. М-ръ Белліонъ совершенно со мною согласенъ и уже высказалъ это. Такъ вотъ я и хочу, чтобы вы подтвердили мнѣ его слова!

— Совершенно вѣрно, — любезно поддакнулъ банкиръ: — когда дойдетъ до дѣла, одна женщина стоитъ насъ двоихъ!

— Да у насъ, кажется, вѣдь ужъ рѣшено, что настоящіе мужчины у насъ, въ Америкѣ, — не мужчины, а женщины! — подтвердилъ я. — М-съ Мэккли! свидѣтельствую вамъ нижеслѣдующее свое глубочайшее убѣжденіе: безспорно, самая не-свѣтская женщина заткнетъ за поясъ самаго свѣтскаго мужчину; въ практическомъ же смыслѣ мы, мужчины, передъ нею просто фантазеры и неопытные мальчишки!... А затѣмъ, — прошу васъ продолжать!

Но отдѣлаться отъ женщины парюю хотя бы и весьма ясныхъ словъ — вещь невысказанная.

— Вѣдь вотъ вы, мужчины, дѣлаю недѣлю изъ всѣхъ силъ старались добиться отъ нашего гостя чего-либо опредѣленнаго о его родинѣ, Альтруриі, и ничего не добились, предоставивъ слабой и безхитростной женщинѣ разрѣшить эту задачу... Право, мнѣ кажется, вы такъ увлекаетесь своимъ собственнымъ разговоромъ, когда бесѣдуете съ нимъ, что его слова (хоть ихъ почти и не слышно) для васъ уже болѣе не интересны. Вотъ потому-то вы и не даете ему говорить, а слѣдовательно и не узнали до сихъ поръ ничего объ Альтруриі.

Тутъ мнѣ припомнилась та сцена у м-съ Кэмпъ, когда моя собесѣдница сама, въ разговорѣ съ альтрурійцемъ, не давала ему сказать ни слова; но изъ опасенія затянуть еще больше ея разсужденія, я счелъ за лучшее не ставить ей этого на видъ.

— Вы правы, м-съ Мэккли; и если мы хоть что-нибудь знаемъ до сихъ поръ о нашемъ альтрурійцѣ, такъ это единственно благодаря вашему любезному вмѣшательству!

— Хорошо еще, что вы хоть сознаетесь въ этомъ!.. Ну, слушайте же: меня сейчасъ вотъ осѣнило вдохновенье... блестящая мысль! Все, все рѣшительно къ нашимъ услугамъ: и поводъ прекрасный, и многолюдство собранія...

— Ну, ну, договаривайте же скорѣе, не томите!

— Поводъ этотъ — сборъ съ благотворительною цѣлью на возстановленіе когда-то довольно-хорошо отдѣланнаго храма Божія въ сосѣднемъ селѣ. Наши дамы все лѣто только на словахъ собирались что-нибудь устроить: базаръ, спектакль или концертъ, — да такъ и не собрались! Конечно, я не спору: съ базаромъ слишкомъ много хлопотъ и неудачъ; спектакль или концертъ — такая тоска, что не всякій пойдетъ. Подумывали мы и о литературномъ чтеніи; хотѣли пригласить чревоушателя, — но залъ и сами исполнители такъ дорого стоятъ, что мы не могли доду-

маться ни до чего утѣшительнаго: сборъ, пожалуй, не окупилъ бы затратъ!.. Вотъ мы...

— Ну, что же? Вы...

— Мы хотимъ пригласить м-ра Хомоса прочесть публичную лекцію объ Альтуріи. Я увѣрена, онъ не откажетъ, какъ только узнаетъ, что цѣль лекціи—доброе дѣло... Ну, что, хороша моя выдумка?

Я откровенно признался, что хороша.

— Какъ? Только „хороша“, не болѣе того? — воскликнула она восторженно.—Чудесна! Слышите ли вы: „чудесна“!! Этого только намъ и надо!..

— Но, позвольте,—остановилъ я ея восторженный порывъ:— можете ли вы разсчитывать на любопытство публики? Много ли дѣйствительно ея наберется?

— Да что вы говорите! Одумайтесь!—суетливо, но тѣмъ не менѣе съ негодованіемъ въ голосъ проговорила она.—Да есть ли хоть одна ферма, на десять миль вокругъ, гдѣ хоть немного не слышали бы объ Альтуріи? Въ этомъ самомъ отелѣ (да и во всякомъ другомъ) каждый половой, каждая судомойка что-нибудь да знаетъ объ этой дивной странѣ, и желаетъ узнать еще подробности! И, наконецъ, вашъ другъ чаще бывалъ здѣсь, у насъ, въ обществѣ конюховъ и швейцаровъ, нежели въ нашемъ...

Я и самъ понималъ, что она права.

Съ тѣхъ поръ какъ мой гость водворился у насъ въ отелѣ, мы безпрестанно имѣли случай убѣдиться, что для него не существуетъ сословныхъ различій, хотя онъ и знаетъ о ихъ существованіи, — что ясно вытекаетъ изъ нашихъ съ нимъ разговоровъ. Но, въ то же время, замѣтно было, что уразумѣть это ему было очень трудно и даже совсѣмъ невозможно. Удержать его отъ своеобразныхъ и въ высшей степени неумѣстныхъ выходокъ было немислимо; и мнѣ только приходилось терпѣливо смотрѣть, какъ онъ ежедневно пожималъ руки лакеямъ и дворецкимъ, и почтительнѣйше раскланивался съ горничными, вопреки самымъ основнымъ правиламъ приличій. Поклоны его слугамъ были такъ же полны предупредительной любезности, какъ и его привѣтствія при встрѣчѣ съ нами. Какъ-то разъ случилось, что, поднимаясь по лѣстницѣ, онъ наткнулся на дѣвушку съ ведрами воды. Замѣтивъ, какого труда ей стоило нести ведра, наполненные до краевъ, альтуриецъ нагналъ ее и услужливо отнесъ ведра по принадлежности. За нимъ шла смущенная дѣвушка, и такимъ образомъ это комичное шествіе прошло съ полъ-лѣстницы и два-три корридора. Такая, по крайней мѣрѣ, ходила молва по всему отелю;

но это могла быть, конечно, и выдумка для красного словца. Между тѣмъ я самъ былъ свидѣтелемъ его работъ на сѣнокосѣ, на лугу, передъ окнами отеля. Безъ пиджака, засучивъ рукава рубахи повыше за локоть, мой чужеземный гость усердно и довольно ловко взмахивалъ косою, на ряду съ простыми косарями-поденщиками. Онъ говорилъ мнѣ, что движеніе вообще полезно, и что такого рода работа на открытомъ воздухѣ развиваетъ аппетитъ, способствуетъ пищеваренію. Я не могъ удержаться, чтобы не указать ему опять на неумѣстность его новаго фокуса; но на слѣдующій же день онъ выкинулъ другой, — и почище первого! Случайно, какъ бы въ силу какого-то нѣмого соглашенія между гостями отеля, вышло такъ, что та часть площадки, которая отбала домъ и приходилась прямо противъ конюшенъ, совершенно пустѣла отъ завтрака до обѣда. И вотъ на этой-то площадкѣ я увидѣлъ своего альтрурійца въ кучкѣ дѣвушекъ-служанокъ, которыя, какъ и зачастую, сошлись сюда послушать дворецкого; а тотъ, усѣвшись въ тѣни, читалъ имъ что-то такое вслухъ, мѣрнымъ и яснымъ голосомъ... Я посиѣшилъ пройти мимо и сдѣлать видъ, что не замѣтилъ своего гостя-оригинала; но въ тотъ же день, къ вечеру, не вытерпѣлъ и самъ заговорилъ съ нимъ о происшедшемъ.

М-ръ Хомось весьма добродушно выслушалъ мои замѣчанія, и только замѣтилъ, что не ожидалъ отъ своихъ новыхъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ такой ограниченности въ сужденіяхъ и въ литературныхъ вкусахъ: послѣдніе показались ему ужъ слишкомъ тривіальны. Впрочемъ, онъ полагалъ, что романы съ сантиментально-свѣтскимъ содержаніемъ потому и должны особенно ихъ привлекать, что они уносятъ ихъ въ міръ грѣзъ, — міръ свѣтскихъ, недоступныхъ для нихъ интригъ и удовольствій. Онъ надѣялся, что, благодаря образованію, которое они получили, молодыя дѣвушкислужанки и лакеи будутъ разсуждать какъ болѣе развитые люди; а между тѣмъ они способны увлекаться какими-то тамъ фантастическими разсказами о томъ, какъ бѣдная дѣвушка-американка выходитъ за мужъ за англійскаго лорда-милліонера, и тому подобными небылицами! Но все-таки онъ допускалъ, что хоть временно уйти въ этотъ романическій міръ могло имъ быть отрадно, лишь бы уйти отъ будничной, тяжелой жизни, которая имъ такъ мало сулила впереди, а дала — еще меньше...

Нѣтъ! Очевидно, съ моей стороны совершенно неосновательны и бесполезны всякія стремленія вразумить его и дать ему понятъ всю неумѣстность его отношеній къ прислугѣ, какъ къ себѣ равной, — неумѣстность, которая граничила просто съ неприли-

чѣмъ!.. Но хуже всего было то, что странность его обхожденія уже начинала приносить свои плоды — портить людей, которые сначала смотрѣли на его выходки лишь съ полупрезрительной усмѣшкой, затѣмъ, въ изумительно-короткое время они до того съ нимъ освоились, что стали принимать его услуги, какъ должное, и это грозило сильно повредить общему порядку вещей.

Я всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ дворецкѣмъ, и мнѣ казалось, что я смѣло могу подѣлиться съ нимъ своими шутивыми замѣчаніями по этому поводу. Но, къ великому моему изумленію, онъ удивленно возразилъ:

— Да я, право, не вижу причины, почему бы м-ръ Хомось долженъ былъ обращаться съ нами иначе, чѣмъ съ господами? Развѣ онъ не такъ именно обращается съ вами и съ вашими друзьями?

Мнѣ невозможно было отвѣчать ему, и приходилось только молча принять выжидательное положеніе, въ надеждѣ, что авось когда-либо да образумится нашъ альтруріецъ.

Сначала, когда онъ только-что пріѣхалъ, я съ безпокойствомъ ожидалъ, что хозяинъ отеля вотъ-вотъ можетъ попросить его очистить номеръ, который ему нуженъ для другого постояльца; но теперь... О, теперь я почти желалъ, чтобы такъ и случилось. Но нѣтъ! именно альтруріецъ-то и пользовался его благосклоннымъ расположеніемъ: ему даже нравилось, что этотъ человѣкъ, — какъ онъ говорилъ, — „любитъ угождать всѣмъ и каждому“...

— Конечно, я говорю не съ цѣлью осуждать его дѣйствія, — замѣтила м-съ Мэкли: — но у него есть-таки свои странности. Очень можетъ быть, — родился я въ Альтруриі, — и я была бы ничуть не лучше его; но, слава Богу, этого не случилось! А все-таки м-ръ Хомось — ну, просто прелесть! И всѣ женщины поголовно, — съ великовѣтской дамы и до послѣдней горничной включительно, — безъ ума отъ него! Единственно, что можетъ намъ грозить неудачей, такъ это недостатокъ мѣста, способнаго вмѣстить массу слушателей и слушательницъ. Поэтому я предлагаю назначить довольно высокую цѣну за входъ: ну, хоть по одному доллару за билетъ.

— Вотъ вамъ и естественное рѣшеніе этого многотруднаго вопроса! — сказала я: — такая цѣна недоступна для сельскаго населенія ближайшихъ окрестностей, и оно, слѣдовательно, будетъ почти отсутствовать на вашемъ чтеніи. Цѣлый долларъ! Да это вдвое больше, чѣмъ поселянинъ заплатитъ за мѣсто въ церквѣ, и вчетверо противъ обычной платы за входъ!

— Все равно! Я много объ этомъ думала и рѣшила назначить не болѣе и не менѣе, какъ ровно долларъ.

— Ну, и чудесно!.. А на него-то самого какъ у васъ идетъ облава?

— О, это такой пушной звѣрь, что я еще не пробовала его загонять: въ этомъ мнѣ нужна ваша помощь. Не знаю, какъ и приступить къ нему. Какъ вамъ кажется, съ которой стороны удобнѣе всего начать наступательныя дѣйствія?

Банкиръ раскланялся съ нами, предоставивъ намъ дальнѣйшее обсужденіе этого важнаго вопроса, и мы довольно скоро пришли къ заключенію, что для насъ самое лучшее начать атаку вмѣстѣ.

Мнѣ на вѣки будетъ стыдно вспомнить, какъ эта коварная женщина подластилась къ альтруриѣцу, когда мы съ нимъ повстрѣчались на слѣдующее утро. Всѣ уже шли къ завтраку, но нашъ гость отказался за нами слѣдовать, говоря, что уже позавтракалъ, и поджидаетъ только Рюбена Кэмпса, который обѣщаль зайти за нимъ въ отель, проѣвдомъ съ возомъ сѣна.

— Ахъ, кстати, м-ръ Хомось!—начала м-съ Мэкли, не стѣняясь.—Намъ очень бы всѣмъ хотѣлось, чтобы вы приняли къ сердцу одно дѣло, которое тутъ у насъ затѣвается. Здѣсь, на селѣ, строится церковь отъ приходскаго союза призрѣнія нищихъ. Какъ вамъ извѣстно, въ такой церкви всѣ вѣроисповѣданія, поочередно, справляютъ свои требы и богослуженія. Конечно, это можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ; но въ этомъ есть все-таки здравый смыслъ, который прямо говоритъ, что эти люди не въ состояніи,—хотя бы даже въ долгъ,—содержать нѣсколько церквей различныхъ вѣроисповѣданій...

— Да это восхитительно! Это чудо, и какое!—воскликнулъ альтруриецъ. — Я уже слышалъ объ этомъ отъ Кэмпсовъ. Это самая лучшая эмблема дружбы и единства, которая должна быть въ сердцѣ христіанъ. Скажите только, м-съ Мэкли, чѣмъ я могу вамъ быть полезенъ?

— О, я была увѣрена, я знала, что вы одобрите мое намѣреніе!—восторгалась молодая женщина.—Дѣло, просто на-просто, вотъ въ чемъ: бѣдная церковва такъ обветшала, что мнѣ почти совѣстно показываться въ ней. Надо бы ее поправить: подновить въ ней стѣны и живопись, оклентить новенькими обоями. На меня просто какъ бы столбнякъ находить отъ безприглядной бѣлизны оголенныхъ стѣнъ, отъ потрескавшейся штукатурки на закоптѣломъ потолкѣ!.. Какъ вы думаете? Не лучше ли, вмѣсто прежнихъ, хоть и хорошенъкихъ, но болѣе заурядныхъ обоевъ, выбрать

какіе-нибудь поинтереснѣе... ну, хоть въ готическомъ вкусѣ? Эту мысль вполне раздѣляетъ и м-ръ Туэльвмефъ...

Я въ первый разъ слышалъ объ этомъ; но на ея полу-повелительный взглядъ мнѣ оставалось только отвѣтить утвердительно, — что я и сдѣлалъ, промывавъ въ отвѣтъ нѣчто совершенно непонятное. Однако м-съ Мэкли вполне этимъ удовлетворилась и продолжала тараторить, не давая своему собесѣднику, что называется, ни отдыха, ни сроку.

— Итакъ, м-ръ Хомсъ, чтобы не откладывать этого дѣла въ дальній ящикъ, скажу вамъ прямо: надо, чтобы вы добыли намъ сумму денегъ, необходимую для подновленія храма Господня.

— Я?!—въ ужасѣ воскликнулъ альтруріецъ.—Да я въ жизни своей никогда не умѣлъ наживать деньги, и даже... даже считаю это предосудительнымъ!

— Въ Альтруриі — я это еще допускаю; но мы всѣ вѣдь знаемъ, что это за идеальная страна, и тѣмъ болѣе не поймемъ вашихъ колебаній здѣсь, при нашихъ общественныхъ условіяхъ. Сдѣлайте же маленькое усиліе, прошу васъ, вспомните, что вы не въ Альтруриі, и что здѣсь, въ Америкѣ, тотъ, который не добылъ себѣ деньги, не сумѣлъ нажиться, заслуживаетъ отъ всѣхъ лишь невниманіе и пренебреженіе... И, наконецъ, подумайте: какой чудной, святой цѣли вы послужите, если устроите публичное чтеніе объ Альтруриі!

— Объ Альтруриі?! Но какимъ же образомъ это можетъ дать вамъ возможность получить деньги... много денегъ?—въ удивленіи спросилъ нашъ чужеземный гость.

М-съ Мэкли поспѣшила охотно и пространно—даже, на мой взглядъ, „слишкомъ“ охотно и „слишкомъ“ пространно!—изложить ему всѣ свои соображенія,—и это было тѣмъ докучнѣе для меня, что я буквально никуда не годенъ, пока еще не подкрѣпился за завтракомъ чашкой крѣпкаго кофе.

Наконецъ, при первой возможности вставить словечко, нашъ альтруріецъ отвѣчалъ:

— Я почту за счастье исполнить ваше желаніе...

— Неужели?!—вскричала она.—О, какъ я рада! Ну, знаете, что я вамъ скажу? Вы такъ вскользь и неохотно говорили о своей Альтруриі, что я, признаюсь, ожидала безповоротнаго отказа. Вы и представить себѣ не можете, какъ я рада, какъ счастлива! Ну, какой же вы милочка, голубчикъ!

Въ порывѣ восхищенія, м-съ Мэкли трясла его за обѣ руки, и я боялся, что-вотъ-вотъ она бросится его цѣловать.

— Я предложилъ бы вамъ только одно условіе,—началъ онъ.

— О, пожалуйста: хоть тысячу!

— Открыть свободный доступъ на чтеніе всѣмъ; всѣмъ безъ различія сословнаго или матеріальнаго положенія каждаго въ отдѣльности. Это различіе у васъ въ Америкѣ для меня непріятнѣе, чѣмъ даже стремленіе къ наживѣ.

— Такъ я и думала!—воскликнула весело молодая женщина. — Будьте покойны: васъ услышитъ всякій, уплатившій за входъ.

— Прекрасно! — проговорилъ альтруіецъ и не препатствовалъ ей снова трести и пожимать ему руки.

Затѣмъ м-съ Мэкли взяла меня подъ-руку, и мы вмѣстѣ пошли въ столовую.

— Кончено дѣло! Пусть-ка онъ увидитъ теперь на дѣлѣ, много ли его любезнаго „простого народа“ явится слушать про Альтруію, когда узнаютъ, что билетъ за входъ стоитъ одинъ долларъ!.. — ликовала она, и я могъ только внутренно содрогаться при видѣ женскаго притворства и коварства.

Х.

Выдумка м-съ Мэкли, хоть я и не особенно одобрялъ ее, показалась мнѣ довольно забавной, и я не могъ отказать ей въ ея просьбѣ вмѣстѣ съ нею хлопотать по устройству чтенія и по раздачѣ билетовъ, — для чего приходилось печатать и разсылать афиши, ѣздить по окрестнымъ селамъ и мизамъ и иной разъ почти насильно навязывать билеты на чтеніе альтруіейца. Молодая женщина была неумолима, ни передъ чѣмъ не останавливалась, и даже не смущалась, когда нѣкоторые изъ дамъ-провинціаловъ спрашивали ее, кто такой этотъ м-ръ Хомось? Откуда онъ взялся? Вѣрно ли, что онъ не обманщикъ, не самозванный альтруіецъ?..

Въ такихъ случаяхъ она поручала мнѣ давать требуемыя объясненія и убѣждать невѣрующихъ или неубѣжденныхъ, при чемъ мнѣ приходилось начинать съ начала, т.-е. съ того момента, какъ онъ явился въ Америку, чтобы сдѣлаться моимъ гостемъ.

Билеты расходились довольно туго: то они казались слишкомъ дороги; то просто, прямо и откровенно, приходилось выслушивать досадливыя замѣчанія:

— Довольно съ насъ толковъ о вашей пресловутой Альтруіи! Стоитъ еще за это деньги платить! И безъ того надобно!..

М-съ Мэкли говорила, что она этого ожидала, что это люди грубые, необразованные умственно; что она посмотритъ, какъ-то имъ понравится, если она имъ отвѣтитъ такъ же точно, когда они

будутъ, въ свою очередь, предлагать ей на что-нибудь билеты!.. Она призналась мнѣ, что ей досадно на себя, и я замѣтилъ, что она нарочно рисуется своей дружбой съ альтруицемъ въ присутствіи этихъ „невѣжественныхъ женщинъ“. Но вотъ однажды, на третій или на четвертый день нашихъ устроительныхъ хлопотъ, къ ней подошелъ дворецкій и скромно попросилъ разрѣшенія попробовать раздать нѣсколько билетовъ, такъ какъ онъ думаетъ, что у него найдутся желающіе.

Къ моему изумленію, м-съ Мэкли засуетилась и, любезно улыбаясь, проговорила:

— Отчего же? Отчего же? Съ удовольствіемъ!.. — и торопливо полезла въ карманъ, откуда появилась пачка билетовъ.

— Нельзя ли... штукъ двадцать, если у васъ найдутся?

— О, конечно: вотъ вамъ и всѣ двадцать-пять! — отвѣтила м-съ Мэкли, подавая ему всю пачку.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, на площадкѣ передъ отелемъ къ намъ подошелъ Рюбенъ Кэмпъ и предложилъ, что попробуетъ счастья съ раздачей билетовъ на чтеніе нашего гостя.

— Сколько угодно! Пожалуйста! — воскликнула м-съ Мэкли. — Надѣюсь, что вамъ повезетъ больше, чѣмъ мнѣ: народъ у насъ здѣсь все такой противный, непокладливый!

Она вынула изъ кармана — право, онъ показался мнѣ въ эту минуту неистощимымъ! — цѣлыхъ четыре пачки билетовъ и вручила ихъ молодому фермеру.

— Вотъ вамъ еще, и еще, и еще: тутъ ровно сотня!

— Хорошо, — спокойно проговорилъ Кэмпъ. — Посмотримъ, какъ-то пойдетъ дѣло въ кругу провинціального и деревенскаго населенія; а очень бы мнѣ хотѣлось раздать ихъ успѣшно! Впрочемъ, я имѣю кой-какія надежды на желѣзнодорожную прислугу: на этой вѣтви ¹⁾ у меня не мало знакомыхъ, и, я думаю, нѣкоторые изъ нихъ пожелаютъ придти.

— Эти билеты по доллару за штуку, — замѣтила м-съ Мэкли.

— И прекрасно! — проговорилъ Рюбенъ. — До свиданья! — и ушелъ, крѣпко пожавъ намъ руки на прощанье.

— Ну, что-то теперь будетъ? — задумчиво заговорилъ я ей: — Не особенно пріятно будетъ вашимъ дамамъ возсѣдать на чтеніи рядомъ съ желѣзнодорожною прислугою; впрочемъ, это въ такомъ только случаѣ, если ему удастся раздать всѣ билеты.

— Ахъ, да не все ли равно: пріятно имъ или непріятно? — возразила м-съ Мэкли презрительно. — Но вѣдь можетъ случиться,

¹⁾ Желѣзнодорожн. терминъ.

что Рюбенъ продать билеты, да не всё—и лишніе останутся у меня на рукахъ... Пойдите! я знаю, что сдѣлаю. Сейчас пойду и скажу нашимъ дамамъ и барышнямъ, что у меня уже всё билеты распроданы, а нѣсколько билетовъ, которые еще остались у приказчика сосѣдней мелочной лавочки, гдѣ, знаете, вывѣшено объявленіе, будемъ продавать съ надбавкой, по возвышенной цѣнѣ или съ аукціона!..

Изъ лавочки м-съ Мэкли вернулась очень огорченная.

— Ни одного, ни одного не осталось! — сообщила она мнѣ свое горе:—утромъ заходилъ туда какой-то старикъ, изъ простыхъ, и забралъ всё, какіе тамъ еще были. Просто не знаю, что и дѣлать!.. Ахъ, да куда ни шло: буду сама себя набивать цѣну: такъ бы чудесно было заставить этихъ голубушекъ заплатить втрое, вчетверо!.. М-съ Бельхэмъ! м-съ Бельхэмъ!—облинула она свою знакомую, проходившую по террасѣ.—Послушайте-ка, что я вамъ скажу: вѣдь билеты мои всё проданы! Всё—до единого! Я такъ рада, такъ рада, что съ ними развязалась!..

— Всё? Неужели?!

— Всё, до единого.

— Но, позвольте, какъ же это? Кажется, мы съ дочкой просили васъ оставить намъ хоть парочку...

— Можетъ быть; но у меня-то ихъ больше нѣтъ, къ сожалѣнію!—возразила м-съ Мэкли, кинувъ въ мою сторону лукавый взглядъ.—Впрочемъ, если вамъ угодно, я могу оставить вамъ одинъ или два билета, если они навернутся случайно,—но ужъ тогда по возвышенной цѣнѣ. Только прошу васъ сказать мнѣ навѣрное и сейчасъ же,—иначе я пушу ихъ съ молотка.

— Хорошо; пожалуйста, оставьте!—немного подумавъ, проговорила м-съ Бельхэмъ.

— Въ такомъ случаѣ, я позволю себѣ просить съ васъ пять долларовъ за оба! Извините, если это вамъ кажется немножко дорого: я считаю себя обязанной какъ можно больше доставлять средствъ дѣлу благотворительности... Позвольте записать васъ обѣихъ?—и, вся сіяя любезной улыбкой, м-съ Мэкли записала на своихъ карманныхъ табличкахъ имена не особенно довольной м-съ Бельхэмъ и ея дочери. Улыбка эта долго еще не сходила съ ея щечекъ: за какіе-нибудь четверть часа ей пришлось вписать еще до двѣнадцати человекъ самыхъ „невѣжественныхъ“ и неподатливыхъ дамъ!

Меня смущала безцеремонность этой продѣлки, но совѣсть м-съ Мэкли была легка, какъ... какъ воздухъ.

— Ну, если ни Кэмпъ, ни дворецкій, не вернуть мнѣ ни одного

билета, — волновалась она: — я право не знаю, что дѣлать, куда посадить всю эту массу народа?.. Впрочемъ, вотъ что мы сдѣлаемъ: прибавимъ еще стульевъ по бокамъ и за добавочныя мѣста будемъ уже брать не по два съ половиной, а по пяти долларовъ! Восхитительно! Чудесно! Самъ Богъ, кажется, меня надоумилъ на пользу доброму дѣлу...

Однако время шло; шли и къ м-съ Мэкли всѣ дамы въ отель, и она всѣмъ имъ распродала всѣ „случайные“ билеты. Дворецкій распродалъ двадцать-пять штукъ своихъ, а наканунѣ чтенія, т.-е. въ пятницу, вечеромъ, явился Кэмпъ и вручилъ ей свою сотню долларовъ... всю сполна!

— А какъ вы думаете? — обратилась она ко мнѣ: — не продавалъ ли кто изъ нихъ по возвышенной цѣнѣ и не оставилъ ли прибыль у себя?.. Да нѣтъ, нѣтъ! совѣсть имъ этого не позволить!

Какъ ни велика была зала отеля, въ которой не диковинка были концерты и даже спектакли, но о мѣстѣ для многочисленной публики невольно приходилось призадуматься; билетовъ всего было 200 штукъ, да столько же приблизительно продала сама м-съ Мэкли — „простыхъ“ и съ надбавкой. Куда ихъ дѣвать, всѣхъ этихъ любопытныхъ и благотворителей? Единственнымъ утѣшеніемъ для молодой женщины являлась надежда, что большинство или... ну, скажемъ, хоть съ полсотни человекъ не придутъ на самое чтеніе и удовольствуются лишь своимъ добродетельнымъ жертвованіемъ.

Но она жестоко ошиблась въ расчетѣ.

Въ субботу, еще задолго до полудня (чтеніе было назначено въ три ч. popol.), со всѣхъ сторонъ стали подъѣзжать самые разнокалиберные экипажи: одноколки, брички, телѣги, съ цѣлыми семьями фермеровъ и поселянъ, старыхъ и малыхъ, женатыхъ и холостыхъ. Чтеніе нарочно было назначено въ три часа, чтобы весь рабочій и провинціальнѣйшій людъ успѣлъ, по обыкновенію, выспаться у себя дома, пообѣдавъ въ двѣнадцать часовъ. Но всѣ, повидимому, предпочли явиться заблаговременно, и по-просту, безъ затѣй, тутъ же, въ небольшой рожицѣ между станціей и отелемъ, распрягли лошадей, уютно расположились на травѣ и принялись завтракать. Нѣсколько человекъ фермеровъ явились къ намъ въ отель и объяснили, что они, хоть и пріѣхали вмѣстѣ со всѣми, но еще не имѣютъ билетовъ; и м-съ Мэкли пришлось успокоить ихъ обѣщаніями, которыя она и сама не знала, какъ

исполнить. Каждую минуту она забѣгала къ содержателю отеля, чтобы сообща придумать, какъ бы увеличить вмѣстимость залы. И, наконецъ, придумала раскрыть настежь боковыя и главныя двери, чтобы служащіе въ отелѣ и ихъ сосѣди и родные тоже могли присутствовать на интересномъ чтеніи, не стѣсняя господъ.

Этому энергично воспротивился нашъ лекторъ:

— Если у васъ будутъ какія-то тамъ подраздѣленія, — сказалъ онъ: — я вовсе отказываюсь читать!

— Но, Боже мой! что же намъ остается дѣлать? — жалобно проговорила молодая женщина.

— Да вы за всѣ билеты получили деньги? — спросилъ онъ.

— О, да! И даже больше, чѣмъ бы слѣдовало: нѣтъ чело-
вѣка, который не принесъ бы въ жертву по меньшей мѣрѣ дол-
лара, чтобы послушать васъ. О, милый м-ръ Хомось! Не будьте
же такъ разборчивы и не обижайте бѣдныхъ! Подумайте: вѣдь
вы для нихъ хотѣли потрудиться!..

— Въ такомъ случаѣ, я думаю, мои слова никому не мо-
гутъ быть обидны, — возразилъ альтруріецъ: — и вотъ что я пред-
лагаю: соберемся всѣ подъ открытымъ небомъ, на просторѣ, на
чистомъ воздухѣ, какъ это дѣлается у насъ, въ Альтрурін...

— Самое лучшее!.. Да, это самое лучшее! — обрадовалась
м-съ Мэкли. — Ну, кто бы подумалъ, что вы такой практичный
человѣкъ? Нѣтъ, м-ръ Хомось, мнѣ не вѣрится, что вы альтру-
ріецъ: вы — чистокровный янки!..

Нашъ лекторъ не отозвался ни словомъ на этотъ компли-
ментъ и пошелъ прочь; но и м-съ Мэкли не осталась у него въ
долгу: она исчезла въ противоположную сторону чуть ли не
раньше его.

Мигомъ весь отель былъ на ногахъ: изъ всѣхъ оконъ и две-
рей вытаскивали стулья и скамейки, которыми быстро заперстрѣла
ровная просторная площадь lawn-tennis'a; въ переднемъ концѣ
ея (ближайшемъ къ отелю) долженъ былъ помѣщаться лекторъ,
а первые ряды стульевъ, само собою, наполнились чистою публи-
кой, т.-е. постояльцами отеля, дачниками и ихъ сосѣдами изъ
другихъ отелей.

Было пріятно посмотреть, какъ, инстинктивно слѣдуя прави-
ламъ вѣжливости, простой народъ и прислуга дали господамъ
усться, а затѣмъ ужъ сами размѣстились, кому и какъ при-
шлось, по краямъ площадки и у опушки рожицы, которая на-
чиналась рядомъ съ нею. Мнѣ очень хотѣлось обратить на этотъ
любопытный фактъ вниманіе альтруріца; но его нигдѣ не было
видно, а когда я увидѣлъ его впереди, передъ толпою, онъ уже

стоялъ на своемъ ораторскомъ мѣстѣ и выжидалъ, пока стихнетъ толпа, чтобы начать говорить.

Шумъ замираетъ постепенно, и еще красивѣе, пестрѣе показалась мнѣ переставшая колыхаться масса зонтиковъ и шляпъ. Изыщество и простота, темныя и свѣтлыя платья женщинъ, широкополныя шляпы мужчинъ—все это смѣшивалось особенно пріятно для глаза на синемъ фонѣ лѣтнаго неба и зеленой, шелестящей рощи.

Но вотъ собраніе затихло, затихъ и шелестъ зеленой листвы...
Чтеніе началось.

— „Я не могу приступить къ самой цѣли моего сообщенія (началъ лекторъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ), не упомянувъ о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находились до „переворота“.

„Повидимому, вымирание,—дѣйствительное или только кажущееся,—есть несомнѣнная потребность всего, что только существуетъ въ природѣ и что снова должно возвратиться. Умирающее въ тлѣніи—воскресаетъ въ нетлѣніи. Сынъ Человѣческой страждетъ и умираетъ на крестѣ, и лишь по воскресеніи Его мы узнаемъ, что Онъ воистину—Сынъ Божій.

„Такъ было и съ Его явленіемъ міру, съ Его святымъ завѣтомъ, который мы восприняли съ глубокой древности, какъ идеалъ первыхъ христіанъ и ихъ ученія: любить другъ друга и все дѣлить сообща. Одинъ изъ апостоловъ, выброшенный на берегъ Альтурии, привлекъ къ себѣ наши сердца разказами объ этихъ христіанскихъ общинахъ, — объ этомъ прообразѣ идеальной республики. Онъ былъ основателемъ нашего государственнаго строя, который сложился на мирѣ и взаимномъ доброжелательствѣ, т.-е. на тѣхъ же началахъ, какъ и его прототипъ—христіанская община. Но этотъ государственный строй былъ у насъ разрушенъ, и вслѣдъ за этимъ разрушеніемъ потекли цѣлые вѣка гражданскихъ и экономическихъ распрій и борьбы за существованіе, въ которой правъ былъ сильнѣйшій, въ которой каждый не щадилъ ближняго и не любилъ его, „какъ самого себя“, а напротивъ того—ненавидѣлъ. Вѣра и религиозное чувство вообще перестали озарять земной міръ надеждой на лучшее будущее и ограничивались лишь неопредѣленными обѣщаніями награды въ мірѣ небесномъ.

„Мракъ, непріязнь, маловѣріе окружали насъ непроглядною тьмою безнадежности. Мы много вѣковъ провели въ тяжкомъ,

почти хаотическомъ состояніи, прежде чѣмъ свѣтъ снова озарилъ наше темное царство.

„Первые проблески его были крайне рѣдки и слабы; но и ихъ подмѣтили люди,—и горсточками, ничтожными кучками группировались вокругъ нихъ; одни люди, прилѣпившіеся къ свѣту, привлекали, за собою слѣдомъ, и другихъ. Возникъ новый порядокъ вещей, новые обычаи, новые законы,—лучше предъидущихъ, но все же немногимъ лучше прежней тьмы и хаоса. Настало время распрей, междоусобной брани, лукавства, неурядиць. Это былъ поединокъ, полный разнузданности и безобразія,—поединокъ, въ которомъ побѣдителемъ оставалась грубая сила; но и это былъ все-таки болѣе мирный и сравнительно краткій періодъ. Краткій—если считать его по степени его продолжительности въ исторіи, и невыразимо долгій — въ сравненіи съ той массой человѣческихъ существованій, которыя онъ унесъ въ могилу.

„Но и это время миновало. Мало-по-малу изъ толпы сталъ выдѣляться сильный человѣкъ, подчинявшій себѣ остальныхъ; и такіе сильные люди управляли толпою. Постепенно число сильныхъ стало все меньше и меньше, и они, въ свою очередь, преклонились передъ однимъ общимъ, всемогущимъ властелиномъ. Такой порядокъ (или „безпорядокъ“, какъ мы назвали бы его теперь) сдѣлался общимъ для всей страны и держался въ ней нѣсколько вѣковъ подрядъ. Люди рождались, жили и умирали въ тщетной борьбѣ и надеждѣ на лучший порядокъ вещей.

„Наконецъ, миновалъ и этотъ ужасный кошмаръ. Мы вырвались на свободу. Намъ показалось, что теперь-то и настало среди насъ царство небесное; что равенство и братство, любовь и миръ восторжествовали; что насъ уже ничто не разлучитъ другъ съ другомъ, не разъединитъ нашихъ интересовъ. Мы твердо вѣрили въ свое будущее благоденствіе, въ изобиліе плодовъ земныхъ и временъ мирныхъ. Мы возстановили у себя республику по образцу прежней, апостольской, насколько мы имѣли о ней понятіе по смутнымъ преданіямъ и древнимъ, неполнымъ лѣтописямъ. Мы воображали, что теперь-то и настанетъ всемірное счастье и блаженство. Лишь очень немногіе предугадывали истину и пророчили, что не быть добру отъ неограниченной безправной свободы и самостоятельности. Промышленная и общественная дѣятельность возросли до гигантскихъ размѣровъ. Никогда еще не бывало столькихъ изобрѣтеній, и они съ изумительною быстротой слѣдовали одно за другимъ. Ради сбереженія труда, придумали и усовершенствовали машины; быстроты и дешевизны

производства достигли просто баснословной. Деньги, казалось, чуть не изъ земли выростали; въ самое короткое время создавались сказочныя состоянія: богатство отовсюду „струилось, словно воздухъ“... какъ говорить вашъ поэтъ Мильтонъ.

„Сначала мы и не подозрѣвали, что такое матеріальное довольство, такое стремленіе и любовь къ деньгамъ—гибельны для насъ, какъ исчадіе ада, что эта всеобщая любовь къ наживѣ—корень людской злобы и человеконенавистничества. Долгое время мы беззаботно радовались своимъ преуспѣяніямъ и не подозрѣвали, что тѣ самыя машины, которыя мы привѣтствовали, какъ средства облегченія изнурявшаго насъ ручного труда, не благодѣтельницы наши, сохраняющія намъ здоровье, а чудовища, которыя безжалостно пожрутъ нашихъ женъ и дѣтей, и насъ самихъ, изнуренныхъ работой, лишенныхъ возможности прокормить семью!..

„Да, надъ нами тяготѣла новая, еще неизвѣстная сила, о которой мы, въ сущности, и не подозрѣвали хорошенько, хотя и называли ее „преуспѣяніемъ“. Мы говорили, что оно даетъ намъ хлѣбъ; а между тѣмъ оно дерзко напоминало миллионамъ тружениковъ, чтобы они остерегались: придеть, молъ, время, когда эта сила совершенно отниметь у нихъ и послѣдній кусокъ хлѣба. А пока всѣ рабочія силы провинціи продолжали мало-помалу стекаться въ города,—и это грозило разореніемъ хлѣбопашеству и скотоводству,—земля оставалась безъ работниковъ, кормильцевъ семьи. Въ провинціи царило бездѣйствіе и запустѣніе; въ городахъ и промышленныхъ центрахъ выростали роскошныя зданія, проводились желѣзныя дороги. Богатые люди жили въ полномъ довольствѣ въ своихъ гигантскихъ дворцахъ; бѣдные, умирая съ голоду, жались въ убогихъ, зловонныхъ углахъ и лачугахъ.

„Затѣмъ, когда преуспѣяніе достигло высшей степени своего развитія, людямъ вдругъ бросилось въ глаза все, что было въ такомъ усиленномъ скопленіи производства ложнаго, вреднаго, насильственнаго. Сначала оно требовало полной свободы труда, неограниченнаго соревнованія,—или такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. А между тѣмъ на дѣлѣ такое соревнованіе,—вѣрнѣе говоря: соперничество,—было непремѣнно выгодно лишь для одного изъ соперниковъ, т.-е. для того именно, на чьей сторонѣ оставалась побѣда. Такимъ образомъ, выходило, что все-таки торжествовало не коллективное начало, а монополія; а слѣдовательно, и богатство, и благоденствіе, и преуспѣяніе принадлежали не всѣмъ вообще, а лишь одному единичному лицу.

„Тогда, спохватившись, всѣ рѣшили сплотиться. Возникли

желѣзнодорожные союзы; торговля предпріятія пошла мирно, безъ ссоръ, соперничества и задора. Но и тутъ обошлось не безъ бѣды: случалось такъ, что амбары ломились отъ хлѣба, выростить хлѣбопашцу который стоило неимовѣрныхъ трудовъ, и въ то же время по улицамъ бродили голодные оборванцы, умирающіе отъ недостатка хлѣба! Случалось, что подобно зерну, бесполезно гнившему въ амбарахъ, въ торговыхъ складахъ залеживались товары и становились достояніемъ сырости и моли... Наступилъ голодъ, и ни за какія деньги ужъ нельзя было вернуть хоть часть того избытка, который былъ еще недавно дѣломъ зауряднымъ, а теперь исчезъ — невѣдомо какъ и почему? И даже деньги стали исчезать безслѣдно, безвозвратно и... безпричинно, какъ безпричинно прежде массой появлялись. Финансовые и промышленные кризисы шли скачками. Экономическихъ законовъ у насъ вовсе не было. Мы, смотря по необходимости, пользовались тѣмъ или другимъ закономъ, который подходилъ къ данному случаю, и... поддеупали его — въ старину, въ народныхъ собраніяхъ, а позднѣе — въ лицѣ законодательной власти или судебныхъ учреждений. Но эти злоупотребленія были еще ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, чтѣ произошло, когда пришла пора соединить всѣ учрежденія подъ одной общей властью; когда явилась настоятельная необходимость оформить и утвердить законы и постановленія. Тогда дѣло дошло до смѣшного...»

— Довольно!.. довольно!.. — раздался чей-то рѣзкій, носовой голосъ, перебившій стройную рѣчь альтруіида, голосъ котораго былъ особенно красиваго, грудного звука.

Изъ публики приподнялась тощая фигура старика, повидимому фермера, который потянулся къ оратору, заложивъ руки въ зарманы:

— Когда же, наконецъ, доберемся мы до Альтруіи? Про Америку-то намъ и безъ того все извѣстно!

Прокричавъ такимъ образомъ, старикъ въ негодованіи сѣлъ на мѣсто, и еще секунду царило общее молчаніе, а затѣмъ вдругъ бурнымъ порывомъ пронесся надъ толпою искренній хохотъ восторга и шумныя проявленія и возгласы веселья.

— Ай да старикъ!.. Молодчина!.. Чудесно!.. Превосходно!.. — загоготали разомъ десятки, сотни голосовъ.

— Ну, не поворъ ли это?! — воскликнула м-съ Мэкли. — Хоть бы вы, господа, приняли мѣры противъ такого безчинства!..

Но и мы не могли удержаться отъ улыбки, а банкиръ (какъ мнѣ ни обидно за него въ этомъ признаться!)... даже смѣялся.

Выждавъ немного, чтобы утихъ общій гвалтъ, лекторъ спокойно проговорилъ:

— „Я васъ не понимаю...“

Старикъ-фермеръ опять вскочилъ на ноги:

— Ну, такъ поймите: я заплатилъ долларъ, чтобы послушать про страну, гдѣ нѣтъ соперничества, нѣтъ ни подкуповъ, ни монополій, а вы мнѣ приподносите какую-то тамъ притчу, вмѣсто настоящихъ фактовъ. Про то, что у насъ *здесь* творится, я и самъ знаю... и получше васъ...

— Иди на мѣсто!.. На мѣсто!.. Пусть его говорить еще!.. — раздались голоса. Старикъ замахали руками, и онъ, среди общаго шума, смѣха и гама, услыся опять, но долго еще долетало до меня его ворчанье: — Видь, очень мнѣ нужно слушать всякую чепуху про соперничество и монополіи: мало у насъ и безъ того этой дряни!..

„Мнѣ было бы очень жаль, еслибы вы приняли мои слова за притчу или за плодъ воображенія, а не за простой, безхитростный пересказъ того, что было у насъ въ дѣйствительности, — началъ снова свою рѣчь альтруриецъ. — Оборони васъ Боже отъ тѣхъ бѣдъ, которыя пришлось намъ пережить, пока не установился у насъ нынѣшній государственный строй!.. Мнѣ вѣжется, что вамъ будетъ легче уяснить себѣ, что именно я хочу сказать, если я скажу, что владычество „общественнаго союза“ утвердилось у насъ не сразу и не безъ борьбы. Сначала рабочіе сплотились небольшими (а затѣмъ большими) кучками для противо-дѣйствія тѣснѣншей ихъ власти; затѣмъ, слѣдуя ихъ примѣру, соединились отдѣльные виды промышленности и искусствъ, образуя сначала простыя общества, кружки, а затѣмъ конгрессы федераціи. Въ концѣ концовъ, всѣ они слились въ одинъ общій „рабочій союзъ“, въ составъ котораго вошли, безъ изъятія, всѣ лица, не имѣвшія выгоды или необходимости въ „общественномъ союзѣ“. Но это великодушное и благотворное сообщничество слабыхъ на пользу и защиту слабѣйшихъ достигло окончательнаго своего развитія лишь позднѣе, а именно — послѣ того, какъ общественный союзъ, повинувся своимъ пагубнымъ инстинктамъ, превратилъ всѣ монополіи въ одну общую, обширнѣйшую, и такъ повелъ это превращеніе, что во время его сильнѣйшіе изъ представителей той или другой монополіи уничтожили слабѣйшихъ. Тогда во главѣ всѣхъ и вся оказался одинъ, единственный, общій представитель власти, у котораго было все, что составляетъ принадлежность автократа, безъ всякаго титула!

„Между тѣмъ общественный союзъ, успѣшно проводя свою систему подкуповъ, не доглядѣлъ, что еще существуетъ выборное начало; когда же центральная власть окрѣпла, голосованіе и бал-

лотировка остались по-прежнему, но власть на свой ладъ вертѣла выборными представителями, понимая, что лишь она сама сильна и единодушна, хотя бы и явилась въ видѣ своихъ представителей: президента, мэра и т. п.

„Хоть я и говорю теперь, для большей ясности, сравненіями, — надѣюсь, никто изъ васъ не ошибется и не приметъ моихъ словъ на счетъ Америки?“ — заключилъ альтруистъ.

— О, нѣтъ! — возразилъ, привставъ, все тотъ же старикъ-фермеръ. — Дó этого пова мы еще не дошли.

— Да и не нужно, — подхватилъ рабочій-желѣзнодорожникъ. — Все въ свое время... Ну, говорите дальше! — обратился онъ къ альтруисту. И тотъ продолжалъ:

„Почти съ самаго начала основанія общественнаго союза, между нимъ и пролетаріатомъ не прекращалась борьба: союзъ громкогласно заявлялъ, что онъ — первѣйшій другъ пролетаріата, а самъ доносилъ на него, изобличалъ его въ печати, которая находилась подъ его контролемъ; друзья же пролетаріевъ и они сами, въ лицѣ ихъ вождей, были убѣждены, что союзъ относится къ нимъ враждебно. Такое убѣжденіе вытекало прямо изъ фактовъ, одинъ изъ которыхъ повторялся каждый разъ въ періоды перепроизводства. Чѣмъ бы озаботиться дать работу бѣднякамъ или просто поддержать ихъ, чтобы они не умирали съ голода, ихъ отставляли отъ дѣла или давали такую пустую плату, которая не могла предохранить ихъ отъ голодухи; и несчастнымъ оставалось только надѣяться на частную благотворительность. Общественный союзъ всячески стремился къ сокращенію задѣльной платы; общественный союзъ утверждалъ законы, которыми можно было обуздать стачки и стачниковъ; суды и судьи открывали заговоры, обвиняли рабочихъ людей и вводили на нихъ небылицы; истомывали имъ во вредъ такіа статьи и постановленія, которые могли бы прямо и неоспоримо отстаивать ихъ права... Свобода и независимость обратилась у насъ въ звукъ пустой; истина и справедливость стали посмѣшищемъ народа.

„Власть общественнаго союза разрослась такъ ровно, такъ безпрепятственно, что ему и въ умъ не приходило опасаться подачи голосовъ, которую онъ оставилъ народу, потому что сумѣлъ всесторонне ограничить, парализовать ее. Баллотировка представлялась ему неопасной, — разъ что стачки и заговоры прекратились. Въ дѣйствительности же, глухая, непримѣтная струя вражды медленно, но твердо дѣлала свое дѣло, подтачивая основы тяжелаго гнета, который тяготѣлъ надъ всей страной. Сначала тихимъ

ручейкомъ струилась она въ захоlustяхъ; затѣмъ захватила села и деревни и раздувшимся потокомъ затопила города...

„Не буду вамъ подробно говорить о томъ, какъ это все случилось, да это и не идетъ къ самой сути моего разсказа; скажу только, что та самая подача голосовъ, баллотировка, которой не боялись власти, провалила ихъ на выборахъ большинствомъ голосовъ тѣхъ самыхъ пролетаріевъ, которыхъ онѣ угнетали, и правительство вынуждено было возвратить парламенту всѣ права, незаконно отнятыя у него общественнымъ союзомъ...“

— Къ дѣлу! Къ дѣлу! — раздался чей-то нетерпѣливый голосъ.

„Дѣло передвиженія легкихъ и хрупкихъ владѣй было теперь поручено почтовому вѣдомству, а всѣхъ вообще — возвращено правительству, которое и всегда-то было неособенно безупречно, но, въ сравненіи съ общественнымъ союзомъ — оказалось ангеломъ чистоты и невинности.“

„Такъ какъ всѣ управленія, всѣ дѣла и судопроизводства были во власти общественнаго союза, то правительству и не представилось никакого труда перенести эту власть въ свое вѣденіе: стоило только измѣнить одну (главную) статью устава.“

„Словомъ, когда общественный союз спохватился, было уже поздно. Одно время думали, что онъ будетъ отстаивать свои права съ помощью военной силы, но этого не случилось.“

„Такимъ образомъ, не проливъ ни капли крови, совершился нашъ государственный переворотъ и заложено было основаніе перваго великаго политическаго братства, — государства „Альтрури!“

XI.

„Мнѣ очень жаль, что невозможно подробно разсказать вамъ, какъ это такъ постепенно случилось, что люди, жившіе до тѣхъ поръ *на* счетъ одинъ другого, стали жить другъ *для* друга.“

„Ну, а затѣмъ, послѣ этого необходимаго вступленія, которое оказалось, къ сожалѣнію, длиннѣе, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось, я бы желалъ дать вамъ возможно болѣе ясное и опредѣленное понятіе о государственномъ и общественномъ строѣ той страны, откуда я явился къ вамъ гостемъ...“

— Давно бы пора! — громко проворчалъ въ носъ своимъ сильнымъ голосомъ старикъ-фермеръ. — За все, что ты до сихъ поръ говорилъ, я не далъ бы и полцента! Слишкомъ ужъ это все сма-

живаетъ на наши собственные порядки, на то, что намъ самимъ пришлось перетерпѣть!..

Общій хохотъ покрылъ его небольшую рѣчь, но альтруистъ будто и не замѣтилъ этого взрыва всеобщей веселости.

„Итакъ, я вамъ сейчасъ начну говорить объ Альтруизмѣ — такой, какою она оказалась теперь; но, чтобы понять ее хорошенько, вамъ необходимо отрѣшиться отъ сопоставленія ея съ цивилизаціей... т.-е. цивилизаціей въ томъ именно видѣ, въ какомъ вы ее понимаете.“

„Первое время все у насъ шло, снаружи, по прежнему шаблону, въ прежнихъ рамкахъ, а именно: мы продолжали жить въ густо-населенныхъ городахъ, выбиваться изъ силъ, чтобы еще увеличивать производство и помогать товарамъ гнить и откармливать моль въ гигантскихъ владовыхъ. Первое время еще продолжалось производство дешевыхъ и яко бы полезныхъ, прочныхъ вещей, но которыя, на первый взглядъ, казались такими же точно красивыми и прочными, какъ и дорогія. Такъ, на примѣръ, въ былое время пролетаріатъ въ своей средѣ работалъ и распространялъ башмаки, которые были на видъ и прочны, и красивы, но которыхъ въ сущности хватало едва-едва на недѣлю, и, благодаря ихъ крайней дешевизнѣ, простолудинъ наражался каждое воскресенье въ новые, такъ-что ихъ даже прозвали...“

— Знаю, знаю: „субботники“! — вмѣшался опять все тотъ же неугомонный старикъ. — Мои дочки и посейчасъ еще покупаютъ такіе точно, и тоже по субботамъ. У насъ имъ цѣна полдоллара, да они и того не стѣбуютъ!

„Ну, такъ вотъ въ такомъ-то ложно-экономическомъ духѣ и велась у насъ нѣкоторое время вся торговля, пока, наконецъ, не произошла основная реформа: мы созвали всеобщее экономическое собраніе и всенародно, торжественно отказались отъ производства дешевой и непрочной, такъ сказать, „дутой“ обуви и т. п. вещей...“

— Но, позвольте спросить, — перебилъ профессоръ: — что же случилось съ тѣми тружениками, которымъ это производство давало пропитаніе?

„Имъ дали работу, но дали тачать не дрянные, а настоящіе, прочные башмаки; а такъ какъ на пару прочныхъ башмаковъ приходилось тратить столько же времени, сколько и на пару непрочныхъ, то башмачное производство или, вѣрнѣе, затрата труда на него, сразу понизилась и стала несравненно ограничениѣе. Вся масса людей, работавшихъ, чтобы производить нигуда негодные товары, теперь получила работу въ общемъ“

и полезномъ дѣлѣ, и чѣмъ больше было число работниковъ, тѣмъ меньше времени приходилось каждому изъ нихъ трудиться: на что прежде нужно было двѣнадцать часовъ работы, тамъ теперь довольно было одного. Такимъ образомъ явилась возможность освободить отъ фабричнаго труда тѣхъ изъ земледѣльцевъ, которые вынуждены были, изъ-за хлѣба насущнаго, бросить свою землю на произволъ судьбы, и теперь охотно снова становились хозяевами у себя, надъ своей землею.

„Намъ предстояла важная задача украшать и обогащать нашъ материкъ, смягчить, по возможности, его климатъ и сгладить рѣзкость перехода отъ одного времени года къ другому, — приходилось заняться, такъ сказать, исправленіемъ цѣлой метеорологической системы, приходилось начинать разныя общественныя работы и сооружения, которые кормили массу нуждающихся труженниковъ... Я положительно затрудняюсь дать вамъ хотя бы самое слабое понятіе о той обширности и разносторонности предпріятій, которая наступила у насъ съ началомъ новой, благодатной эры въ жизни Альтруриі. Нагляднымъ тому примѣромъ можетъ служить хотя бы сѣверо-западный берегъ нашего материка, искони вѣковъ отличавшійся суровостью климата, такъ какъ онъ находился подъ вліяніемъ ледяныхъ, сѣверныхъ вѣтровъ и холоднаго теченія. Нашъ первый президентъ придумалъ совершенно отрѣзать эту часть материка отъ полуострова, который выдавался на сѣверо-западѣ и мѣшалъ этимъ берегамъ пользоваться благотворнымъ вліяніемъ экваторіальнаго теченія. Работы по прорытію пространства шириною въ 20 миль, а длиною въ 93 м. начались еще при немъ, но окончились лишь къ концу перваго десятилѣтія (декады) Альтруриі. Съ той поры вся эта часть нашихъ береговъ подверглась значительному измѣненію къ лучшему въ своемъ суровомъ климатѣ: теперь къ ней былъ открытъ свободный доступъ теплomu, экваторіальному теченію.

„Это и подобныя ему другія предпріятія дали возможность честнымъ трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ не только продавцамъ всякой дряни, но и другимъ господамъ, которые до тѣхъ поръ промышляли некрасивыми или нелѣпыми дѣлами. Масса подобныхъ нелѣпостей и безобразій, численностью своей, по меньшей мѣрѣ, равнялась массѣ обмановъ...“

Съ минуту я ничего не могъ разслышать: мнѣ помѣшалъ профессоръ, который наклонился ко мнѣ и прошепталъ прямо въ ухо:

— Это онъ изъ Уильяма Морриса!.. Вотъ увидите: онъ и самъ-то не настоящій альтруриецъ! Можетъ быть, онъ Альтруриі и въ глаза не видалъ!..

Долженъ признаться, что и я былъ отчасти смущенъ, но до поры до времени, все-таки, принявъ твердое рѣшеніе не вывести изъ своихъ сомнѣній никакого окончательнаго заключенія...

„Итакъ, — продолжалъ нашъ лекторъ, — время промышленной горячки, соперничества и наживы на чужой счетъ миновало. Работа пошла безъ спѣши, безъ желанія трудиться безъ усталости, но все-какъ, лишь бы обогнать ближняго, во что бы то ни стало! Осмысленность и неторопливость благотворно отразились на качествѣ работы: выиграло искусство, артистическое дарованіе, выиграла всевозможная промышленность. Всѣми чувствовалось, что спѣшить не надо и не слѣдуетъ: артистъ имѣлъ время совершенствоваться, живописецъ могъ спокойно ожидать вдохновенія, не боясь конкуренціи; предметы промышленности принимали красивый и прочный видъ, благодаря тщательной выдѣлкѣ. На желѣзныхъ дорогахъ головоломные и рукомомные сворные поѣзда вовсе отмѣнены. Ихъ цѣль — опередить другого, успѣть выгоднѣе продать или подкупить кого слѣдуетъ — уже не имѣла смысла. Девять-десять желѣзнодорожныхъ вѣтвей отошло въ казну, которая успѣшила совершенно уничтожить большинство бессмысленно соперничавшихъ между собою линій, сохранивъ лишь только самыя необходимыя, какъ пути сообщенія. Тѣ города, которые быстро возникали на линіи желѣзныхъ дорогъ, не въ силу естественной потребности окрестныхъ жителей именно тамъ и основаться, благодаря благоприятнымъ условіямъ климата или этнографическаго положенія, а лишь въ силу того, что мимо этого мѣста пролегла желѣзная дорога, — тѣ города, на-скоро построенные, скоро и разрушились, съ закрытіемъ движенія по упраздненнымъ линіямъ. Часть матеріала, изъ котораго были возведены ихъ общественныя зданія и частныя дома, пошла на постройку большинства усадебъ фермеровъ и земледѣльцевъ; послѣдніе теперь стали предпочитать сельскую жизнь городской, и въ настоящее время альтруіицевъ почти нѣтъ въ городахъ, гдѣ населеніе не представляетъ прежней, подавляющей численности, доходившей, бывало, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до полу-милліона, а въ столицѣ и до цѣлаго милліона. Мы гордились ими, мы считали ихъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ высокой степени нашего процвѣтанія, а между тѣмъ они кишѣли голодающими бѣдняками на ряду съ богачами-милліонерами, которымъ просто денегъ дѣвать было некуда. Но около этихъ богачей группировались и льстецы-прихлебатели, дрянненькіе, подленькіе людишки, нагло обиравшіе бѣдныхъ довѣрчивыхъ милліонеровъ и даже управлявшіе ими по своему произволу.

„Тотчасъ же послѣ переворота, въ ясномъ свѣтѣ, которымъ озарилъ все бывшее новый строй мысли и государственнаго управления, особенно рѣзко выступила непригодность и даже зловредность многочисленныхъ и зловонныхъ городовъ. Часть ихъ разрушилась сама собою, часть была предана огню, а часть просто-на-просто снесена съ лица земли. Мѣста, гдѣ нѣкогда возвышались ихъ десяти- и двѣнадцати-этажныя зданія, заглохли, поросли травой и служатъ убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ. Впрочемъ, въ одномъ изъ наименѣе зловонныхъ городовъ нарочно еще до сихъ поръ сохранилась и поддерживается въ неприкосновенности та часть его, которая могла служить самымъ краснорѣчивымъ изображеніемъ столицы того „процвѣтанія“, каковымъ, по мнѣнію людей того отдаленнаго времени, отличалась Алтрурія. Здѣсь можно видѣть (въ разрѣзѣ) городскую улицу, съ ея домами и фундаментами, подземными трубами и грязными стоками, газопроводами и телеграфными проволоками, электрическими приводами и кабелями. Все это и понинѣ составляетъ предметъ тщательнаго изученія археологовъ, какъ зловредное явленіе, котораго слѣдуетъ тщательно избѣгать и опасаться.

„Въ настоящее время въ Алтруріи лишь столько городовъ, сколько областей, т.-е. по одному городу на каждую область, и въ нихъ-то сосредоточено все областное государственное управление. Туда стекаются дѣти и юноши для полученія образованія и подготовки къ своей дальнѣйшей дѣятельности. А такъ какъ города являются главнѣйшимъ средоточіемъ науки и искусства, то въ нихъ чаще всего заглядываютъ преимущественно поэты и художники, скульпторы и артисты, зодчіе и ученые. Даже въ полевыхъ или иныхъ ручныхъ трудахъ мы не хотимъ стѣснять духъ свободнаго творчества и предоставляемъ ему полную свободу. Всѣ наши города полны академій, университетовъ, музеевъ, консерваторій и т. п. научныхъ и художественныхъ учреждений. У насъ вездѣ и во всемъ естественное стремленіе въ красоту и изящество. На улицахъ—чистота, тишина и опрятность. Последнее прямо объясняется тѣмъ, что способомъ передвиженія является не лошадь, а электричество. Во всѣ стороны, изъ города и въ городъ, ходятъ электрическіе поѣзда, сообщающіе его съ селами и деревнями, расположенными радіусомъ вокругъ него. Эти поѣзда, дѣлающіе по 150 миль въ часъ, даютъ возможность художникамъ, артистамъ и ученымъ, живущимъ въ самой отдаленной отъ города мѣстности, въ возможно кратчайшій срокъ добраться до города, куда его призываетъ обязанность отработать установленные три часа ежедневнаго ручного труда, а затѣмъ хоть все

остальное время дня посвящать осмотру интересныхъ для нихъ учреждений, или же, если онъ предпочитаетъ бывать въ городѣ лишь разъ въ недѣлю или даже въ двѣ недѣли разъ, на его обязанности лежитъ, за время своего пребыванія тамъ, отработать все, полагающееся за это время число часовъ, дабы не нанести ущерба общему порядку работъ. Въ случаѣ, еслибы его личный трудъ, плодъ его таланта или гениальныхъ способностей, требовалъ особенно непрерывнаго и усидчиваго вниманія, созывается собраніе, цѣль котораго—посредствомъ подачи голосовъ дать свое разрѣшеніе: оно можетъ освободить его на это время отъ обязательнаго ручнаго труда. Но къ такой процедурѣ никто не любитъ прибѣгать, тѣмъ болѣе, что ручной трудъ служить полезнымъ для здоровья отдыхомъ отъ сидячей работы.

Конечно, наименованія—поэта, ученаго, художника, артиста, и т. п. существуютъ у насъ, какъ и вездѣ, но мы не говоримъ о нихъ, какъ объ отличительномъ признакѣ того или другого человѣка. Это объясняется тѣмъ, что любой поэтъ, силою личнаго желанія или обстоятельствъ, можетъ у насъ завтра же сдѣлаться такимъ же хорошимъ башмачникомъ, и наоборотъ: хорошій башмачникъ можетъ обратиться въ такого же хорошаго поэта. Мы уважаемъ трудъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ; если же который-либо изъ этихъ видовъ пользуется у насъ особымъ уваженіемъ, такъ это—общій и обязательный для насъ всѣхъ,—земледѣіе.

Мы убѣждены, что, предаваясь ему искренно, не какъ раба, т.-е. по неволѣ, а свободно и сознательно, мы невольно приближаемся къ Божеству, Которое ниспосылаетъ намъ благодать въ изобилии плодовъ земныхъ, пробуждаетъ въ человѣкѣ благоговѣнное чувство, привязанность къ его кормилицѣ—сырой землѣ и любовь къ своему полю, къ своему дому, къ своему семейному очагу.

Семейный очагъ—вотъ главная основа,—краеугольный камень всей государственной системы Альтруріи, и мы въ настоящее время уже твердо стоимъ на этой, прежде довольно зыбкой почвѣ. Бывало, семьянинъ и вся его семья почти весь день проводили въ разлукѣ: каждый отправлялся съ утра по своимъ дѣламъ, а то и надолго разставался съ остальными членами семьи. Въ то время всѣ вели какую-то непокойную, суетливую жизнь: если кто не имѣлъ занятій внѣ дома, тотъ ѣздилъ съ визитами по роднымъ и знакомымъ,—и этого рода люди давали наибольшій доходъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ наше же время не рѣдкость, чтобы человѣкъ родился, жилъ и умеръ въ одной и той же мѣст-

ности и обстановкѣ, окруженный все однимъ и тѣмъ же кругомъ родныхъ и знакомыхъ. О семьѣ и говорить нечего: у насъ признають и любятъ отношенія семейныя, братскія и сосѣдскія — т.-е. все такія, которыя лежали въ основѣ нашей первой христіанской республики.

„Ежегодно всѣ мы сходимся въ главномъ городѣ каждой области, чтобы повидаться со всѣми родными и знакомыми, а въ четыре года разъ ѣздимъ въ столицу, въ памятный для насъ день переворота. Мы не боимся лишиться своего патріотическаго чувства; оно въ насъ живо, съ нами родилось, — но съ нами не умереть, а перейти къ нашимъ дѣтямъ. Мы любимъ свою родину, какъ мать родную, и понимаемъ, что при быломъ порядкѣ государственнаго строя ее нельзя было любить, какъ не любятъ мачиху или злую свекровь.

„Денегъ у насъ не существуетъ; — или, по крайней мѣрѣ, не существуетъ ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы привыкли съ ними имѣть дѣло. У насъ люди работаютъ не одинъ на другого, а слѣдовательно и не платятъ другъ другу: каждый исполняетъ свою часть работы на общую пользу и получаетъ одинаковую для всѣхъ свою долю пищи, одежды и помѣщенія. Если вы легко можете себѣ представить безпристрастное и равноправное отношеніе всѣхъ членовъ семьи другъ къ другу, вамъ будетъ совершенно легко понять социальныя и экономическія условія альтрурійцевъ: собственно говоря, мы представляемъ собою скорѣе большую семью, нежели народъ, подобный вашему, американскому народу.

„Живемъ мы совершенно особнякомъ отъ другихъ, иностранныхъ государствъ (чему, отчасти, способствуетъ географическое положеніе Альтруріи, какъ отдѣльнаго материка) и не имѣемъ никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, отъ котораго мы отрѣзаны совершенно, и въ которомъ, по правдѣ сказать, вовсе не нуждаемся. Въ предѣлахъ Альтруріи у насъ есть все, что намъ нужно, какъ для дѣла, такъ и для развлечения; и насъ, тѣмъ болѣе, не тянетъ въ знакомство съ вашимъ холоднымъ міромъ эгоистовъ.

„Иногда, впрочемъ, мы и не прочь воспользоваться кой-какими интересными назиданіями въ смыслѣ успѣховъ вашего развитія, и тогда... тогда нашъ развѣдчикъ (эмиссаръ) возвращается изъ чужихъ странъ, напримѣръ, — съ извѣстной суммой денегъ, употребленіе которыхъ, равно какъ и хитроумные обороты съ ними объясняются тогда подробно студентамъ національнаго университета. Случилось однажды, что у насъ даже захотѣли ввести

деньги въ употребленіе, но такъ и не ввели, признавъ ихъ слишкомъ опасною стихіей.

„Развѣдчики у насъ есть всегда и, съ этой цѣлью, имѣютъ постоянное свое жительство за границей—инногито; изъ людей же, не обязанныхъ въ этому службой, я—первый, получившій дозволеніе открыто посѣтить чужіе края.

„Ничто такъ не забавляетъ моихъ соотечественниковъ въ разсказахъ нашихъ эмиссаровъ (развѣдчиковъ), какъ частыя переимѣны въ дамскихъ модахъ, и то пагубное вліяніе, которое любовь въ нарядахъ зачастую оказываетъ на людей за границей, т.-е. за границами Альтуріи. У насъ въ платьѣ (какъ и въ помещеніи) преслѣдуется главнымъ образомъ простота и удобство. Мы всѣ, мужчины и женщины, носимъ только такія платья, покрой которыхъ одинаково заимствованы у древнихъ: онъ простъ и удобенъ, и отступленія отъ него были бы сочтены капризомъ или сумасбродствомъ. Наши дома, —простые и удобные, —строятъ намъ общество, и лишь въ памятникѣхъ или общественныхъ учрежденіяхъ, на которыя всѣ имѣютъ одинаковое право любоваться, допускается значительная роскошь отдѣлки...“

— Ишь вѣдь: такъ и хватаетъ, такъ и хватаетъ прямо изъ „Утопіи“, изъ „Новой Атлантиды“, изъ „Города Солнца“!... Нѣтъ, какъ вамъ покажется?! — волновался профессоръ. — Онъ просто краснобай-обманщикъ!

— Ну, такъ и уличите его, пока еще не поздно! — подзадоривалъ его банкиръ, и профессоръ выкрикнулъ нетерпѣливо:

— Нельзя ли предложить нашему почтенному лектору одинъ вопросъ?

— О, конечно; пожалуйста! — былъ ровный и любезный отвѣтъ.

— Нельзя ли поворочеч! — громко замѣтилъ Кэмпъ: —мы не для вашихъ разсужденій собрались сюда!

Профессоръ пренебрежительно пропустилъ эти слова мимо ушей.

— У васъ вѣдь не только посылаютъ своихъ эмиссаровъ въ иностранцамъ, но и ихъ эмиссаровъ принимаютъ у себя? —спросилъ онъ.

— Конечно. Въ такомъ случаѣ они прямо высаживаются на берегъ, —если это просто выселенные изъ родной земли, —или же мимоѣздомъ запасаются прѣсной водой и продовольствіемъ, —если это просто иностранныя суда.

— А какъ имъ нравится вашъ государственный строй?

— Самый лучший отвѣтъ на это тотъ, что они, большей частью, отказываются отъ насъ уѣзжать!

— А!—воскликнулъ профессоръ:—Точь въ точь, какъ говорить Бэконъ!

— „Вы хотите сказать: въ „Новой Атлантидѣ“?—подсказалъ альтруриецъ.—Да: удивительно, какъ вѣрно они оба—и Бэконъ, и сэръ Томасъ Моръ, въ своей „Утопш“,—схватили нѣкоторыя выдающіяся направленія въ развитіи нашей политикѣ и цивилизаціи!... Но всѣ эти фантазёры, указывавшіе на насъ въ своихъ мечтаньяхъ, понимали идеалъ государства безъ его отношеній къ предъидущей системѣ соперничества. Вы, можетъ быть, лучше меня поймете, если я вамъ скажу, что вашей Америкѣ можно напророчить, судя по ея большому сходству съ нашимъ отечествомъ, что она будетъ второй Альтруріей. Я знаю, нѣкоторымъ изъ васъ моя родина можетъ показаться сущимъ вздоромъ, вымысломъ; но отчего бы не допустить, что хоть половина этого вымысла у насъ уже обратилась въ дѣйствительность? Вѣдь допускаетъ же это Томасъ Моръ въ своей сказкѣ объ „иномъ мірѣ“, гдѣ люди поступали другъ съ другомъ ласково и справедливо и жили дружно, какъ одна семья? Онъ съ отвращеніемъ говоритъ о томъ, что въ Англіи, въ его время, вѣшали людей за простую кражу. Ну, а вы вотъ уже давно не казните преступниковъ; вы даже съ отвращеніемъ вспоминаете и самый законъ, который повелѣвалъ ихъ казнить. Мы же съ одинаковымъ ужасомъ и негодованіемъ смотримъ на то, что для насъ,—осуществившихъ мечту „Утопш“ о мирѣ, равенствѣ и братствѣ,—непостижимо: это ваше подраздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ, на господъ и прислугъ, на образованныхъ и необразованныхъ.

„Но мы не жалѣемъ о томъ, что довело насъ до сознательнаго отношенія къ новому строю, т.-е. ни о соперничествѣ, ни о монополіи. Мы вполне разсудительно принялись за дѣло, уже понимая свои настоятельныя нужды: работы въ магазинахъ, на фермахъ и на мельницахъ ведутся обществомъ рабочихъ; въ поляхъ и лѣсахъ у насъ нѣтъ той пустынности, которая, насколько я могу сообразить, и есть главная причина столькихъ ненормальностей у васъ.

„Нехорошо быть человѣку одному“, сказалъ Господь (Быт., II, 18), и мы слѣдуемъ на дѣлѣ этой великой истинѣ. Въ своей семьѣ мы свято сохраняемъ свою обособленность, но истиннѣе обществу до того въ насъ развитъ, что мы любимъ какъ можно чаще сходиться для бесѣды сообща; любимъ обѣдать за общимъ столомъ, въ большихъ, многолюдныхъ общественныхъ сто-

ловыхъ, и хоть не такъ много читаемъ, какъ вы, но вмѣстѣ, всѣмъ собраніемъ, слушаемъ, какъ намъ читаетъ вслухъ одинъ изъ насъ; мы любимъ поболтать и дорожимъ остроумной, находчивой бесѣдой“.

— Гм! Похоже на Спарту!.. — пробурчалъ себѣ подъ носъ профессоръ.

Лекторъ выпилъ глотокъ воды и продолжалъ:

„Тѣмъ не менѣе, во всемъ, что не можетъ причинить вреда или помѣхи другимъ, мы придерживаемся того мнѣнія, чтобы каждый, по возможности, жилъ какъ ему самому пріятнѣе. Хочетъ ли кто стирать отдѣльно, — хорошо! Никто и не станетъ его принуждать пользоваться общественной кухней, только заботы о стиркѣ ужъ придется взять тогда на себя; частной службы у насъ не существуетъ; — обходись самъ, какъ знаешь, или пользуйся общественнымъ достояніемъ. Впрочемъ, весьма немногіе предпочитаютъ отчуждаться отъ общества, такъ какъ большинство интересныхъ для всѣхъ насъ вопросовъ обсуждается за общимъ обѣденнымъ столомъ, который бываетъ всегда полонъ, по окончаніи ежедневныхъ обязательныхъ работъ. Такое стремленіе къ общественности мы считаемъ вполне естественнымъ. Впрочемъ вѣдь было же время, когда у насъ считалось „естественнымъ“ надуть и обобрать, обидѣть человѣка. Однако, дошли же мы до того, что признали это совершенно неестественнымъ и позорнымъ. Теперь у насъ считается естественнымъ: быть честнымъ, веселымъ, работающимъ, чуткимъ и отзывчивымъ на горе и на радость ближняго своего, котораго каждый изъ насъ любитъ, „какъ самого себя“. Если вы мнѣ простите нѣкоторую откровенность, я вамъ могу, пожалуй, объяснить это нѣсколько нагляднѣе, но, съ другой стороны, я боюсь, чтобы вы не приняли моихъ словъ на свой счетъ, а васъ обидѣть мнѣ бы не хотѣлось!..“

— Вздоръ!.. Пустяки!.. Валай дальше!.. Ну, говори же!.. — раздались со всѣхъ сторонъ громкіе возгласы.

„Каждый изъ насъ, прежде всего, долженъ быть, что называется, настоящимъ джентльменомъ, въ полномъ смыслѣ слова; но это понятіе, какъ понятіе о степени порядочности человѣка, совершенно исключаетъ всякую мысль о соперничествѣ, а слѣдовательно и враждебности. Вѣдь настоящій джентльменъ долженъ прежде всего думать о другихъ, а затѣмъ уже и о себѣ“.

Слушатели притихли, и только постепенно стали между ними прорываться громкіи смѣхъ и заглушенные шутки.

— О какомъ такомъ соперничествѣ и враждѣ онъ говоритъ? — въ недоумѣніи обратилась ко мнѣ м-съ Мекли.

— Ну, да о нашемъ, конечно,—отвѣчалъ я.

— А!..—протянула она.—Такъ, по моему, м-ръ Хомость и самъ-то поступаетъ не по-джентльменски, если говорить такія вещи про Америку въ присутствіи американцевъ!

— Постойте!—вдругъ спохватилась м-съ Мэгли:—спросимъ-ка его, приложимо ли его разсужденіе о джентльменствѣ и къ женщинамъ?

Я всталъ и громогласно повторилъ этотъ вопросъ, обращаясь къ лектору.

— Нѣтъ!—нѣсколько подумавъ, отвѣчалъ альтруриецъ.—Несомнѣнно: наши женщины, сколько мнѣ извѣстно, были альтруистками, на словахъ и на дѣлѣ, еще съ тѣхъ самыхъ поръ, когда нашъ государственный и общественный строй былъ весь основанъ на эгоизмѣ, и даже въ то отдаленное время, помимо всякихъ сословныхъ и матеріальныхъ различій въ положеніи, каждая женщина могла быть настоящею лэди. Инстинкты ея были несебялюбивы, и ея первая мысль была прежде всего о другихъ и только затѣмъ уже и о себѣ.

М-съ Мэгли вскочила съ мѣста и, вытянувшись во всю ростъ, захопала въ ладоши, выше головы поднимая свои маленькія ручки:

— Bravo! Bravo, м-ръ Хомость!—вскаричала она, и ея крикъ, ея аплодисменты подхватили всѣ женщины, увлеченныя ея примѣромъ. Хлопали также, и вполне чистосердечно, ихъ мужья и братья. Едва только шумъ начиналъ утихать, м-съ Мэгли снова начинала хлопать и кричать, и снова надъ собраніемъ стономъ стоялъ восторженный гулъ.

ХІІ.

Немыслимо передать, хотя бы приблизительно, всѣ интересныя подробности лекціи альтрурийдца. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его родина и соотечественники начинали казаться намъ все болѣе и болѣе сказочными, неправдоподобными.

На чей-то вопросъ о войнѣ въ Альтруриі онъ отвѣчалъ:

„Уже изъ самаго наименованія нашего отечества — „Альтруриа“, вытекаетъ полное отсутствіе воинственности. Въ моментъ Переворота мы находились въ такомъ же отношеніи къ остальнымъ государствамъ нашего материка, какъ и вы—въ отношеніи другихъ племенъ и народовъ сѣверо-американскаго материка. Нашъ народъ вооружился весь, поголовно, и недостатковъ воен-

ной выправки покрыло съ избыткомъ чувство любви къ роди́нѣ и неустрашимости. Достигнувъ своей цѣли, мы зажили въ мирѣ и доброжелательствѣ съ нашими сосѣдами, и постепенно они всѣ къ намъ применили, такъ что весь материкъ образовалъ одно общее государство — Альтрурию. Дольше всего намъ пришлось поддерживать береговую охрану; но и это уже давнымъ-давно стало излишнимъ: мы твердо держимся убѣжденія, что той странѣ, гдѣ за жизнь одного гражданина порукой жизнь другого; гдѣ жизнь каждаго — наилучшій залогъ общественной безопасности, — нечего опасаться внѣшнихъ, чужеземныхъ враговъ.

„Въ этомъ возрѣвнн, какъ и во всемъ остальномъ, мы считаемъ себя прямыми послѣдователя ученія Христа, — ученія, по которому Онъ и Самъ поступалъ, и которое мы стремимся сдѣлать основою всей нашей жизни. У насъ есть нѣсколько формъ священныхъ обрядовъ, но ни подь одну опредѣленную форму вѣроисповѣданій не подойдутъ наши вѣрованія въ благія стороны всего, чтò для насъ доступно въ природѣ. Мы любимъ дѣйствительный мнръ, и потому мы судимъ о человѣкѣ, какъ о вѣрующемъ, скорѣе по его поступкамъ, чѣмъ по его убѣжденіямъ.

„Вы, вотъ, все разспрашивали меня о благотворительности, о помощи нуждающимся. Но, какъ я вамъ уже сказалъ, въ Альтрурии ихъ вовсе нѣтъ — и по той простой причинѣ, что у насъ въ сильнѣйшей степени развито чувство взаимопомощи. Вы находитесь въ совершенно иныхъ условіяхъ: вы ими связаны. Вы не *вольны*, когда и какъ вамъ вздумается придти на помощь ближнему: вы *обязаны* прежде позаботиться о своей семьѣ! Но вотъ еще вопросъ, къ которому я затрудняюсь приступить...“

— Ахъ, нѣтъ! Пожалуйста, не затрудняйтесь: говорите смѣло! — перебило его нѣсколько голосовъ, въ томъ числѣ и голосъ моего пріятеля-банкира.

Послѣ нѣкоторой заминки, лекторъ продолжалъ:

„Вотъ въ чемъ дѣло. Дойдя до того, чтобы праведно жить на землѣ (или, по крайней мѣрѣ, тò, что мы называемъ: „праведно“), переставъ отвергать существованіе Божіе, какъ бывало, въ уставахъ и постановленіяхъ закона, мы перестали, какъ это было прежде, бояться смерти. Ея таинственность сгладилась для насъ уже настолько, что мы безъ содроганія видимъ ея справедливую и естественную неизбѣжность. Теперь, когда недоброжелательства въ насъ самихъ не существуетъ, мы уже не можемъ считать смерть тѣмъ самымъ зломъ, какимъ она тогда намъ представлялась. Если мы еще и не постигли всецѣло значеніе смерти, все-таки мы увѣрены, что Творецъ вселенной далъ намъ

ее, какъ милость и несокрушимое благо. Мы не беремъ утверждать, что наши покойники отошли въ лучшій міръ; мы не рыдаемъ надъ ними, потому что мы не эгоисты, и потому еще, что мы лучшимъ изъ міровъ— „христіанскимъ“ міромъ—считаемъ свою Альтрурію: намъ кажется, что никто не могъ бы съ нею разстаться безъ того, чтобъ его снова не тянуло къ ней. Присутствіе Христа въ нашей ежедневной жизни для насъ наилучшее доказательство того, что никто не перестаетъ существовать, и что мы когда-нибудь да свидимся со своими умершими. Я не могу хорошенько вамъ это объяснить, но я это чувствую...”

Слова альтрурійца звучали такъ просто, благоговѣнно и торжественно, что въ собраніи водворилась благоговѣнная тишина.

Всѣ жадно слушали, затаявъ дыханіе.

— О, неужели... неужели! еслибъ и мы всѣ такъ жили, Богъ привелъ бы мнѣ увидаться съ моей дочурочкой?!— всхлипывая, воскликнула одна женщина.

— Что жъ! Весьма вѣроятно,—отвѣчалъ альтруріецъ.

Вдругъ, къ моему несказанному изумленію, фабрикантъ, сидѣвшій поодаль отъ насъ, всталъ и тревожно проговорилъ:

— И что же, вы имѣли сношенія съ... съ загробнымъ міромъ? Видѣли матеріализацію духовъ умершихъ?..

Профессоръ нахмурился и только кивкомъ головы показавъ м-съ Мэкки на своего пріятеля. Я взглядомъ выразилъ удивленіе.

— Да развѣ вы не слышали?—шепнула мнѣ на ухо молодая женщина:—бѣдняга скоронилъ сына и съ тѣхъ поръ сдѣлался ярымъ спиритомъ...

„Намъ и не нужно никакихъ такихъ доказательствъ,—продолжалъ нашъ лекторъ:—мы и безъ того, по здѣшнему, земному міру можемъ составить себѣ понятіе о „томъ“ мірѣ—загробномъ, и въ насъ настолько сильна наша вѣра, что она же и помогла намъ совершить все тѣ, чего мы просили у Бога...”

„Убийствъ и грабежей не было теперь и помину. Разъ, что нужды не существовало, перестала существовать и вѣчная борьба людей за кусокъ хлѣба, за деньги, на которыхъ можно его купить. Не было больше денегъ—не было ни убійствъ, ни грабителей.

„Всѣ были навормлены, напоены, обуты; мужчинамъ больше не приходилось поступаться своей совѣстью, а женщинамъ—стыдливостью, чтобы только не умереть съ голоду. Люди жили теперь безъ особой роскоши, но зато въ полномъ довольствѣ. Дома у нихъ были высокіе, свѣтлые, прекрасно вентилированные, въ красивой, здоровой мѣстности, — совершенно непохожіе на тѣ,

которыми загромождены были прежде всѣ зловонныя улицы нашихъ многолюдныхъ городовъ.

„Тогда, благодаря страху остаться безъ гроша, благодаря умственному и физическому хаосу, въ который, все-таки, попадавъ всякій мало-мальски способный человѣкъ, желающій развиваться,—у насъ была такая масса сумасшедшихъ, что лечебницъ не хватало. Теперь же ихъ такъ мало и они настолько (сравнительно) здоровы, что они, пожалуй, живутъ и бесѣдуютъ вмѣстѣ съ нами, а мы этого и не замѣчаемъ.

„Случайностей для насъ нигдѣ и ни въ чемъ—не существуетъ! Отъ случайности, бывало, зависѣла бѣдность или богатство,—че бы то ни было, — но теперь мы совершенно устранили ее въ экономическихъ дѣлахъ. Отъ случайности можетъ теперь зависѣть только ростъ, здоровье или сила альтруи́йца, — его счастье или несчастье въ любви, его частная жизнь и ея обстановка. Эти мелочные и будничные интересы не могутъ насъ интересовать и отъ насъ зависѣть, и такого рода порядковъ у насъ водворился съ тѣхъ поръ, какъ телеграфы, желѣзныя дороги, копи и фабрики перешли въ завѣдываніе общества. Это сразу подорвало недостойныя спекуляціи и мошенничества частныхъ предпринимателей, банковъ и биржевиковъ, и тутъ уже окончательно прекратилось всякое вліяніе случайности на какія бы то ни было торговныя или иныя дѣла. Съ уничтоженіемъ же денежнаго обмѣна, государственное управленіе Альтруи́и надѣялось и совершенно изгладить самое воспоминаніе о прежнихъ бѣдствіяхъ и неурядицахъ...“

— Экая скука! — пробормоталъ профессоръ.— Не понимаю, чего ради мы обязаны выслушивать отъ этого господина всю эту чепуху?! Какъ будто мыслимо цивилизованной странѣ существовать безъ денегъ и торговыхъ спекуляцій!? — И онъ настолько громко продолжалъ свои разсужденія на эту тему, что вызвалъ негодующія замѣчанія ближайшей группы слушателей.

— Дайте же ему кончить!.. Не мѣшайте, пусть онъ сначала выскажетъ свое!..

— Гоните его вонъ!—раздался, наконецъ, чей-то голосъ и, вслѣдъ за тѣмъ, общій добродушно-насмѣшливый хохотъ: буквально „вонъ“ изъ аудиторіи на чистомъ воздухѣ нельзя было выгнать никого, и это-то обстоятельство особенно забавляло недовольныхъ. Когда шумъ утихъ, до меня долетѣли слова альтруи́йца:

„...А относительно нашей общественной жизни могу только повторить вамъ то, что я уже сказалъ выше: инстинктивное стремленіе къ общенію съ себѣ подобными у насъ настолько

развито, насколько можно и даже должно этого желать. Мы трудимся, ѣдимъ, бесѣдуемъ и развлекаемся всё вмѣстѣ, сообща. Обмѣнъ мыслей о вкусахъ, объ идеалахъ въ литературѣ, музыкѣ, наукѣ и живописи служить теперь людямъ не только не во вредъ, но даже въ пользу къ достиженію успѣха. Заранѣ назначенный балъ, вечеръ или тому подобное удовольствіе считается у насъ совершенной нелѣпностью: все это выходитъ гораздо лучше и чистосердечнѣе, когда складывается само собою, безъ предвзятаго намѣренія.

„Въ общемъ, наша жизнь носить основательный, серьезный отпечатокъ, и вполне счастливымъ чувствуетъ себя только тотъ изъ насъ, кто посвятилъ себя служенію общему благу и принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи государствомъ. Нашимъ идеаломъ являются не „права“, а „обязанности“...

— Слышите? Маццини!—шепнулъ намъ профессоръ.

„Единственный для насъ способъ отличиться — это придумать что-либо новое и хорошее на благо общества; да и то мы считали бы неприличнымъ со стороны изобрѣтателя ожидать за это награды.

„Мы далеки отъ того, чтобы считать наше развитіе совершеннымъ и вполне законченнымъ; но мы твердо увѣрены въ совершенствѣ нашихъ гражданскихъ идеаловъ. Намъ уже удалось водворить полный и постоянный миръ и согласіе на всемъ нашемъ материкѣ; мы основали экономическія начала, при которыхъ нѣтъ мѣста нуждѣ и голоду; мы уничтожили политическое и общественное тщеславіе; мы вывели изъ употребленія деньги и освободились отъ пагубнаго вліянія случайностей. Мы водворили у себя великое братство людей и побѣдили гнѣть и боязнь смерти!..“

Вдругъ альтруріецъ умолкъ и сѣлъ на мѣсто среди всеобщей напряженной тишины. Онъ, дѣйствительно, долженъ былъ чувствовать себя крайне усталымъ: его лекція была несравненно длиннѣе и подробнѣе, нежели можно о томъ судить по моей, сравнительно очень сжатой, передачѣ.

Многія изъ дамъ утомились и еще задолго до конца рѣчи ушли въ отель; но простой народъ и большинство слушателей, какъ ни было для нихъ необычно таковаго рода утомленіе, оставались на мѣстѣ до самаго конца.

Затѣмъ вдругъ поднялся крикъ и шумъ; едва можно было различить отдѣльные возгласы:

— Продолжайте же!.. Продолжайте!.. Ну, что же дальше?.. Говорите намъ все сполна!..

У меня на глазахъ Кэмпъ вскарабкался на плечи къ какому-

то рослому малому, который стоялъ поближе къ альтруриѣ, и замахалъ на толпу руками, чтобы не шумѣли:

— Не можетъ онъ больше говорить: усталъ!.. А если кому кажется, что онъ еще мало получилъ за свой долларъ, пусть тотъ пойдетъ въ кассу, и продавшие билетовъ вернутъ ему деньги.

Толпа загоготала отъ восторга и съ громкимъ хохотомъ пере-межалась кривы:

— Ай да Рюбенъ!.. Молодчина!.. Ступай самъ, коли хочешь!..

Кэмпъ, между тѣмъ, продолжалъ, не слушая ихъ:

— Но нашъ другъ съ удовольствіемъ пожатъ руку всякому, кто пожелалъ бы съ нимъ говорить, и даже не потребуетъ, чтобы вы предварительно вытерли ее объ траву... Онъ — „человѣкъ“! А вотъ я вамъ что скажу: онъ цѣлую недѣлю прогоститъ у насъ, въ домѣ моей матери, и мы оба будемъ очень рады видѣть васъ у себя!..

Вся толпа, всѣ грубые труженики — земледѣльцы и фабричные — подняли восторженный ревъ, и долго еще звенѣло у всѣхъ въ ухахъ ихъ протяжное, оглушительное: „урр... ра“!

Господа тихо пошли обратно, по направленію къ отелю.

— Ну, слыхивалъ ли кто подобное переливанье изъ пустого въ порожнее? — воскликнула м-съ Мэкли, обращаясь къ окружающимъ, невольно остановившимся вокругъ нея.

— Да, надобно признаться, что съ помощью описаній фантастическаго государственнаго строя, — описаній, ведущихъ свое начало еще съ Платона, и кончая Моромъ, Бэкономъ и Кампанеллой, а изъ новѣйшихъ — Беллами и Моррисомъ, — нашъ чужеземный гость построилъ самое шаткое зданіе, какое только мыслимо сложить изъ старыхъ грапокъ и соломы!.. — подтвердилъ профессоръ.

— А все-таки забавно это у него вышло, когда онъ изъ всѣхъ этихъ мыльныхъ пузырей создалъ и изобразилъ нѣчто прочное! — вмѣшался фабрикантъ.

— Чудесно! Восхитительно! — подхватила молодая женщина съ своимъ обычнымъ увлеченіемъ. — А скажите-ка, господа: почему вы не догадались предложить собранію выразить ему свои признательность за интересное чтеніе? — спохватилась она.

— Для меня лично, — проговорилъ банкиръ: — это было бы довольно затруднительно: его лекція сдѣлала для меня неѣроятнымъ самымъ фактъ существованія Альтрури! Я не сомнѣваюсь, что онъ — настоящій альтруриецъ, но весьма сомнѣваюсь: откуда онъ явился, — и есть ли вообще такое мѣсто, откуда онъ дѣйствительно могъ бы явиться?.. А жаль! Мы ужъ такъ было-сжились

съ мыслью объ Альтруриі и такъ прекрасно удѣлили ей мѣсто въ нашихъ географическихъ чертежахъ и картахъ! Газеты тоже начали такъ усердно о ней говорить...

— И въ самомъ дѣлѣ: онъ говорилъ очень занимательно. Хотя впору было—ему самому денегъ предложить за такое прекрасное развлеченіе!—замѣтилъ м-ръ Белліонъ.—Но ему, впрочемъ, пришлось бы оставить ихъ здѣсь, при отъѣздѣ въ Альтрурію.

— Точь-въ-точь, какъ это дѣлается и у насъ, при отъѣздѣ... въ царство небесное!—пошутилъ я; но взглядъ, который бросилъ на меня банкиръ, напомнилъ мнѣ о присутствіи тутъ же, чуть не рядомъ со мною, служителя алтаря.

— Н-да,—согласился банкиръ:—не мѣшало бы выразить лектору, хоть частнымъ образомъ, нашу признательность.

И всѣ мы вернулись въ тому мѣсту, гдѣ все еще стоялъ альтруріецъ, окруженный фермерами и простымъ народомъ.

Ему горячо пожимали руки и обмѣнивались двумя-тремя словами привѣта. Кто-то изъ желѣзнодорожныхъ служителей спросилъ между прочимъ:

— А чтѣ, у васъ нѣтъ прямого сообщенія съ Альтруріей?

— Нѣтъ, въ намъ надо очень долго ѣхать моремъ.

— Что-жъ, я съ удовольствіемъ готовъ бы отработать на пароходѣ свой проѣздъ, лишь бы знать навѣрное, что меня не прогонятъ оттуда, если я захочу остаться тамъ навсегда.

— О, вамъ вовсе нѣтъ нужды туда ѣздить!—улыбаясь своей загадочной улыбкой, возразилъ м-ръ Хомось.—Пусть лучше Альтрурія сама явится къ вамъ!—и его лицо снова озарилось тѣмъ самымъ выраженіемъ, которое меня плѣнило съ перваго же взгляда.

— Да! Вотъ, чтѣ называется, славно сказано! Здѣсь у насъ водворить Альтрурію—это дѣло!

Старикъ-фермеръ тоже захотѣлъ вставить свое слово:

— А знаете, какъ вы заговорили о деньгахъ, что ихъ будто вовсе нѣтъ въ Альтруриі,—такъ это вѣрно! У насъ здѣсь и теперь ужъ настоящая Альтрурія! Вотъ хоть бы у меня—и за весь годъ-то не перебиваетъ и полусотни долларовъ!..

Громкій смѣхъ подхватилъ его шутку; но едва замѣтила насъ веселая толпа, какъ всѣ расступились, чтобы дать намъ дорогу.

М-съ Мэкли подбѣжала къ альтрурійцу, и въ послѣдности, чтобы протянуть ему обѣ руки, разронила дорогой свой вѣеръ и зонтикъ, платокъ и флакончикъ съ уксусомъ.

— О, м-ръ Хомось!—пѣвучимъ, нѣжнымъ голосомъ восклицала она:—что за восторгъ! Что за прелесть! Каждое ваше слово—

совершенство! Я была въ упоеніи; я чувствую, что все это такъ же вѣрно и правдиво, какъ оно умно и прекрасно. Всѣ вокругъ меня затаили дыханіе, чтобы еще больше углубиться, еще внимательнѣе слушать... Я не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою искреннюю благодарность!..

— О, да!—счелъ своимъ долгомъ подтвердить профессоръ, и его глаза лукаво свергнули на альтруїйца съвозъ большіе блестящіе очки:—О, да! ваше чтеніе казалось такимъ чуднымъ, страннымъ повѣствованіемъ...

— Конечно, все это такъ прекрасно,—подхватилъ банкиръ:— что легко могло показаться слишкомъ хорошимъ для дѣйствительной жизни!

— Да,—согласился задумчиво и самъ лекторъ:—съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда уѣхалъ, съ тѣхъ поръ, какъ меня окружаютъ совершенно инныя условія, мнѣ иной разъ даже чудится, что все мое прошлое было чуднымъ, несбыточнымъ сномъ,— что Альтруїя—плодъ моихъ грѣзъ, моего пылкаго воображенія!

— Значить, вы можете уяснить себѣ то чувство страннаго сомнѣнія, въ которомъ я долженъ вамъ признаться?—вѣжливо и скромно замѣтилъ нотаріусъ.—Во всякомъ случаѣ, это было крайне любопытно!

— Царство Господне на землѣ,—заговорилъ пасторъ:— это не должно казаться людямъ невѣроятнымъ; но, зная человѣческую природу, какъ я ее знаю, простиительно усомниться въ томъ, что она когда-либо можетъ водвориться на землѣ...

— Ну, а на небѣ? Вы допускаете, что тамъ души людей могутъ творить Его волю?—продолжалъ альтруїецъ.

— Конечно; но тѣ „духовные“ люди находятся вѣдь въ совершенно иныхъ условіяхъ...

— А еслибы они и здѣсь на землѣ находились въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и тамъ?..

— Полноте!—перебила ихъ м-съ Мэккли.—Не могу же я допустить, чтобы такіе хорошіе люди, какъ вы оба, углубились въ богословскій споръ!.. М-ръ Хомось! вотъ вамъ писатель, который горитъ нетерпѣніемъ пожать вашу руку и наговорить тьму любезностей своему просвѣщенному гостю!—и она подтолкнула меня къ нему.

— О, м-ръ Хомось и безъ того знаетъ, что я думаю о его интересныхъ рѣчахъ и убѣжденіяхъ,—осторожно замѣтилъ я.—Но мнѣ грустно такъ скоро лишиться его общества!

— Въ этомъ я виноватъ, м-ръ Туэльвмефъ,—вмѣшался въ разговоръ Рюбенъ Кэмпъ.—Мы заранѣе такъ условились съ м-ромъ

Хомосомъ, и онъ самъ долженъ былъ васъ предупредить; но стгоряча вышло такъ, что я первый выболталъ...

— Ну, что же дѣлать?—радушно проговорилъ я, пожимая руки имъ обоимъ.—Зато для м-ра Хомоса будетъ весьма приятно и удобно поближе ознакомиться съ жизнью американцевъ, и, конечно, онъ нигдѣ не могъ бы увидѣть ее съ болѣе благопріятной стороны, какъ въ вашемъ обществѣ, милый Кэмпъ!

— Мнѣ, знаете ли, хочется проѣхать съ нимъ по окрестностямъ холмистой полосы послѣ уборки сѣна; а затѣмъ мы отправимся въ одинъ изъ главныхъ фабричныхъ городовъ.

И въ самомъ дѣлѣ онъ, кажется, все это привелъ въ исполненіе, но потомъ мой альтруріецъ на зиму все-таки уѣхалъ въ Нью-Йоркъ.

Мы съ нимъ расстались друзьями; я даже предложилъ ему свою рекомендацію къ нѣкоторымъ изъ моихъ нью-іоркскихъ знакомыхъ, но меня самого, признаться, его общество ужъ начинало тяготить, и я былъ не прочь съ нимъ распротиться. Его слабость къ обществу низшаго сословія была неизлечима, и я радъ былъ, что освободился отъ своей отвѣтственности передъ другими за несообразныя выходки моего гостя.

Онъ, кажется, такъ и продолжалъ пользоваться большою извѣстностью въ кругу простонародья, какъ сословія, которое ему было наиболѣе по душѣ. При отъѣздѣ его въ Альтрурію, на вокзалъ, проститься съ нимъ, пришли цѣлыя толпы его поклонниковъ и поклонницъ—рабочихъ и служанокъ; и въ ихъ средѣ онъ оставилъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе.

Эти люди были чистосердечно убѣждены, что такое государство, какъ Альтрурія, дѣйствительно есть на свѣтѣ, и что онъ самъ дѣйствительно былъ настоящій альтруріецъ. Что же касается образованныхъ американцевъ, которымъ пришлось съ нимъ встрѣчаться, они продолжали держаться самыхъ противоположныхъ мнѣній, одинаково допуская какъ то, такъ и другое.

ТЕОРІЯ

И

ПРАКТИКА ЗАКОННОСТИ

П *).

Существуетъ громадная разница между теорією государственнаго управленія, какъ она установлена въ законахъ, и дѣйствиємъ правительственнаго механизма на практикѣ, въ жизни; лучшимъ примѣромъ того служить Англія.

„Многіе весьма удивились бы, — пишетъ одинъ изъ комментаторовъ англійской конституціи, — еслибы узнали, сколько королева можетъ сдѣлать своею властью, безъ совѣщанія съ парламентомъ... Помимо многоаго другого, она можетъ распустить армію, дать отставку всѣмъ офицерамъ, начиная съ главнокомандующаго, отпустить всѣхъ матросовъ, продать всѣ военные корабли и всѣ морскіе запасы, купить миръ цѣною уступки Корнваллиса и начать войну для завоеванія Бретани; она можетъ сдѣлать перомъ каждаго гражданина Соединеннаго королевства, какъ мужчину, такъ и женщину; можетъ сдѣлать любую приходскую школу университетомъ, можетъ уволить большинство гражданскихъ чиновниковъ, можетъ простить всѣхъ преступниковъ. Однимъ словомъ, королева могла бы въ силу своей прерогативы парализовать всякую дѣятельность правительства во внутреннихъ дѣлахъ, заключить миръ на казихъ угодно основаніяхъ или предпринять ненужную войну и, распустивши всѣ военныя силы, какъ морскія, такъ и сухо-

*) См. выше: январь, стр. 317.

путныя, оставить страну безъ защиты противъ иностранныхъ націй“.

Въ дѣйствительности эти обширныя законныя права короны осуществляются не иначе какъ черезъ посредство министровъ, зависящихъ отъ палаты общинъ, которая въ свою очередь подчиняется требованіямъ избирателей и выражаетъ собою такъ-называемое общественное или народное мнѣніе. На практикѣ правительственная власть принадлежитъ кабинету, и привилегіи короны служатъ интересамъ народа, облегчая возможность проведенія извѣстныхъ реформъ, невыгодныхъ или нежелательныхъ для палаты лордовъ. По смыслу британской конституціи, „король въ парламентъ“ сосредоточиваетъ въ себѣ неограниченное верховное владычество въ государствѣ; парламентъ, по выраженію Делольма, можетъ сдѣлать все, кромѣ лишь превращенія мужчины въ женщину или наоборотъ, а на дѣлѣ мы видимъ господство отдѣльныхъ выдающихся личностей, въ родѣ Питта старшаго (лорда Чатама), Пила, Пальмерстона, Биконсфильда, Гладстона, не предусмотрѣнныхъ никакимъ конституціоннымъ закономъ и однако покоряющихъ себѣ парламенты, народныя массы и самую корону. Но каковы бы ни были формальныя или фактическія полномочія правительства, парламента и отдѣльныхъ парламентскихъ вождей, они могутъ быть примѣняемы съ успѣхомъ только въ духѣ требованій и ожиданій общественнаго мнѣнія, которое одно даетъ реальную силу политическимъ дѣятелямъ и поддерживаетъ или явзвергаетъ кабинеты. Британская конституція не устанавливаетъ никакихъ особыхъ гарантій для огражденія частныхъ и общественныхъ правъ отъ правительственной власти, и тѣмъ не менѣе принципъ законности нигдѣ не пользуется такимъ всеобщимъ и безспорнымъ признаніемъ, какъ въ Англіи. Достигается это господство права весьма простыми и скромными средствами. Въ Англіи, — говоритъ профессоръ оксфордскаго университета, Дайси, — „всякое должностное лицо, начиная съ перваго министра и кончая послѣднимъ констаблемъ или сборщикомъ податей, подлежитъ таковой же отвѣтственности предъ судомъ, какъ и всякій другой гражданинъ, за проступокъ, не оправдываемый закономъ. Въ судебныхъ отчетахъ есть масса дѣлъ о чиновникахъ, которые привлекались къ суду и подвергались въ качествѣ должностныхъ лицъ наказаніямъ или уплатѣ издержекъ за поступки, совершенныя при исполненіи служебныхъ обязанностей, но превышающіе ихъ законную власть. Губернаторъ колоніи, министръ, офицеръ и всѣ подчиненные, даже если они исполняютъ приказанія начальниковъ, такъ же отвѣтственны за всякій противозаконный поступокъ,

какъ и всякое частное и не-должностное лицо^а, и притомъ отвѣтственны предъ обыкновенными общими судами, безъ какихъ бы то ни было отступленій или изъятій¹⁾. Оттого англійская нація, не имѣя точно формулированной конституціи, чувствуетъ себя болѣе обезпеченною въ своихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ, чѣмъ другіе народы, снабженные самыми обстоятельными и усовершенствованными конституціями.

Еслибы достоинство управленія зависѣло лишь отъ существованія хорошихъ законовъ или отъ добрыхъ намѣреній правителей, то и въ Турціи, и въ Персіи, и въ Китаѣ, могли бы легко водвориться самые лучшіе порядки, ибо въ каждой изъ этихъ странъ центральная власть несомнѣнно жаждетъ достигнуть прочнаго государственнаго могущества и благосостоянія. Но въ упомянутыхъ восточныхъ монархіяхъ господствуетъ убѣжденіе, что авторитетъ и обаяніе власти не позволяютъ стѣснять органы ея положительными обще-обязательными нормами, и что полная свобода рѣшеній и дѣйствій необходимо принадлежитъ сановнику, призванному управлять какою-нибудь областью страны или завѣдывать извѣстнымъ кругомъ дѣлъ. Идеаломъ хорошаго правителя считается твердая распорядительность, способная внушить спасительный страхъ населенію. Въ Персіи, какъ рассказываетъ англійскій наблюдатель, докторъ Уильсъ, мѣстные губернаторы весьма энергично исполняютъ свои правительственныя и судебныя функціи, руководствуясь единственно личнымъ вдохновеніемъ. Когда въ одномъ городѣ, по случаю голода, булочники нашли невозможнымъ продавать доброкачественный хлѣбъ по предписанной имъ цѣнѣ и стали примѣшивать разные суррогаты, то губернаторъ призвалъ булочниковъ и сказалъ имъ слѣдующее: „друзья мои, если такъ будетъ продолжаться, я одного изъ васъ изжарю въ его собственной печкѣ“. Онъ, конечно, сдержалъ бы свое обѣщаніе, и, по словамъ Уильса, это никого не удивило бы. Испуганные такою неприятною перспективою, булочники поспѣшили скрыться изъ города²⁾. Способы, къ какимъ прибѣгаютъ персидскіе начальники для утвержденія благополучія въ своихъ провинціяхъ, довольно несложны. Новый губернаторъ, вскорѣ послѣ прибытія на мѣсто, начинаетъ освобождать тюрьмы отъ заключенныхъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, признаваемыхъ виновными или не могущихъ откупиться, подвергаютъ смертной казни; остальныхъ бьютъ палками, отбираютъ у нихъ деньги и выго-

¹⁾ Основы государственнаго права Англій, перев. подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Спб., 1891, стр. 145—6.

²⁾ Современная Персія, доктора Уильса, въ переводѣ И. Коростовцова. Спб., 1887, стр. 44 — 5.

няютъ на всѣ четыре стороны. Продѣлавъ такое очищеніе тюремъ, губернаторъ телеграфируетъ шаху: „всюду полнѣйшее спокойствіе, тюрьмы пусты“. И шахъ увѣренъ, что положеніе дѣлъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Расправа съ обывателями бываетъ коротка; наказаніе палками практикуется въ широкихъ размѣрахъ. „По убѣжденію персовъ, — говоритъ Уильсъ, — порядокъ безъ палокъ немислимъ. Несостоятельнаго должника наказываютъ палками; воръ, невѣжда, грабитель, пьяница, провинціальный губернаторъ, утаившій часть доходовъ, — для всѣхъ нихъ, безъ различія пола, возраста, положенія, одно наказаніе — палки; разница только въ количествѣ ударовъ, а не въ ихъ качествѣ, — кромѣ случаевъ, когда осужденному удается подкупить палача“. Даже при проѣздѣ шаха по улицамъ, сопровождающіе его служители, „чтобы удержать добродушную, ливущую толпу, бьютъ палками по ногамъ и спинамъ ближайшихъ, часто настолько сильно, что громкіе крики жертвы убѣждаютъ въ дѣйствительности наказанія“. Съ человѣкомъ, попавшимъ почему-либо въ руки полиціи, поступаютъ по обычному рецепту: „вздутъ его и отпустить“; разбирательство происходитъ быстро, а иногда совсѣмъ не происходитъ, и серьезнѣйшіе вопросы правосудія рѣшаются въ ту или другую сторону, смотря по распоряженію начальства. Въ уголовныхъ дѣлахъ губернаторъ часто постановляетъ приговоры однимъ взмахомъ руки; имѣя предъ собою обвиняемаго въ какомъ-либо преступленіи, онъ „съ значительнымъ видомъ проводитъ рукою по своей шеѣ и прибавляетъ: „уберите его“, и черезъ пять минутъ человѣкъ не существуетъ болѣе“. Рѣшеніе гражданскихъ споровъ зависитъ отъ размѣровъ взятки, полученной съ обонхъ тяжущихся; апеллировать можно только къ шаху, но это случается очень рѣдко, ибо участники процесса очень хорошо знаютъ, насколько мало вѣроятна отиѣна приговора губернатора, подчерпленнаго мѣнѣями мѣстныхъ духовныхъ и судебныхъ властей ¹⁾. Престижъ власти охраняется такимъ образомъ очень строго, и никто не смѣетъ разоблачать даже самыя возмутительныя злоупотребленія и насилія правящихъ лицъ, пользующихся довѣріемъ шаха; губернаторы и министры должны бояться только одного — неудовольствія своего повелителя, а это неудовольствіе вызывается чисто личными и случайными причинами, которыя не всегда возможно предвидѣть и опредѣлить. Шахъ, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы губернаторы были честные и добросовѣстные; но онъ не можетъ имѣть о нихъ другихъ свѣденій,

¹⁾ Тамъ же, стр. 18 и слѣд., 50—60 и др.

кромѣ официальныхъ и придворныхъ, представляющихъ роль персидской администраціи въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Населеніе страны бѣдствуетъ подѣ гнетомъ распорядителей, которые всѣ продажны; но голосъ народа рѣдко доходитъ до „дара царей“.

„Въ сущности, — замѣчаетъ Уильсъ, — управленіе шаха имѣетъ отеческій характеръ. Недавно жительницы Тегерана отправились in cogroge къ шаху съ жалобой на кофейни, которыя, по ихъ мнѣнію, отвлекаютъ мужей отъ работы и отъ семейныхъ обязанностей, приучая ихъ къ бездѣльничанью и къ куренію. Шахъ принялъ въ сердцу жалобу тегеранскихъ женъ и издалъ приказъ, коимъ закрывались всѣ столичныя и провинціальныя кофейни. Приказъ былъ исполненъ. Представьте себѣ такой порядокъ въ цивилизованной странѣ; въ Персіи между тѣмъ никто не возропталъ. Женщины, конечно, ликуютъ, а посѣтители кофейенъ, къ которымъ можно причислить почти все мужское населеніе Персіи, — въ отчаяніи“. Иногда удается разоблачить предѣ шахомъ преступныя дѣйствія какого-нибудь сановника, когда дѣло касается вліятельныхъ лицъ, имѣющихъ связи и протекцію; въ этихъ случаяхъ шахъ поступаетъ чрезвычайно сурово и рѣшительно: были примѣры, что губернаторы присуждались къ „кнпаченію заживо въ котлѣ“. Однако строгія мѣры обрушиваются только на людей наименѣ ловкихъ и не затрогиваютъ болѣе крупныхъ и опытныхъ хищниковъ, разоряющихъ страну; аккуратное доставленіе доходовъ въ казначейство всегда признается заслугою, хотя бы оно соединялось съ явнымъ воровствомъ. Подданные вообще не имѣютъ доступа къ представителямъ высшей власти и не могутъ заявлять имъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ; они чувствуютъ себя совершенно безправными предѣ мѣстными правителями, и народу остается только смиренно терпѣть всякія невзгоды, даже безъ надежды на лучшее будущее. Беззаконіе составляетъ такимъ образомъ нормальный порядокъ вещей въ Персіи, и противъ этого факта бессильна вся власть персидскаго шаха. Здѣсь мы видимъ прямую и рѣзкую противоположность англійскому „господству права“, при которомъ частныя и народныя интересы охраняются сами собою, безъ ущерба для авторитета правительства и короны.

Англія и Персія — два крайніе полюса, по отношенію къ системамъ управленія: въ одной неограниченно господствуетъ начало законности, а въ другой — оно совершенно отсутствуетъ. Результаты такого коренного различія бросаются каждому въ глаза и не нуждаются въ особыхъ поясненіяхъ. Намъ могутъ замѣтить, что въ Персіи нѣтъ въ сущности никакой системы управленія, а

есть только беспорядочный, ничѣмъ не регулируемый произволъ, на почвѣ жалкаго варварства и невѣжества. Но въ этомъ беспорядочномъ произволѣ именно и выражается отсутствие того чувства законности, безъ котораго нельзя себѣ представить сознательную правительственную систему. Предположимъ, что кака-нибудь европейская держава завладѣла Персією;—туземные порядки измѣнились бы тогда радикально, и населеніе впервые призвано было бы къ настоящему человѣческому существованію, даже оставаясь при своихъ азіатскихъ нравахъ и понятіяхъ. Огромная переимѣна произошла бы во всемъ бытѣ страны только отъ введенія твердой законности въ организацію судебныхъ и административныхъ властей. Убѣдительный примѣръ представляетъ Индія, которая до водворенія въ ней британскаго владычества находилась въ такихъ же несчастныхъ условіяхъ, какъ современная Персія. Жители долго не могли привыкнуть къ мысли, что подкупы вышли изъ употребленія, и что личный произволъ уступилъ мѣсто точнымъ общеобязательнымъ правиламъ; не разъ богатые туземные владѣтели, заинтересованные въ исходѣ какаго-нибудь спорнаго дѣла, предлагали англійскимъ чиновникамъ крупныя суммы и обнаруживали полное недоумѣніе, встрѣчая отказъ. Сто лѣтъ тому назадъ, такія попытки подкупа повторялись постоянно, хотя большею частью безуспѣшно. Чиновнику, посланному съ порученіемъ въ Лукновъ, было предложено мѣстнымъ набобомъ до полумилліона рублей на наши деньги, и онъ отвергъ этотъ великолѣпный подарокъ, къ крайнему удивленію набоба. Когда сэръ Артуръ Веллеслей, знаменитый впоследствии герцогъ Веллингтонъ, велъ переговоры по дѣлу, касавшемуся низама Гайдерабадскаго, онъ получилъ отъ послѣдняго предложеніе ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ (около милліона рублей) только за передачу копии секретныхъ инструкцій, данныхъ ему англо-индійскимъ правительствомъ. Первый министръ низама общалъ при этомъ Веллеслею свято хранить тайну этихъ инструкцій, на что англійскій генералъ отвѣтилъ, что и онъ считаетъ себя способнымъ хранить довѣренныя ему секреты ¹⁾. Мало-по-малу въра въ продажность правительственныхъ органовъ исчезла, и прочно утвердилось въ Индіи сознаніе, что новый порядокъ основанъ на законахъ и идеяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ прежними. Теперь британская Индія, по свидѣтельству одного изъ лучшихъ знатоковъ ея, сэра Генри Мэна, „принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ странъ, гдѣ человѣкъ средняго ума, умѣющій читать,

¹⁾ Les Anglais et l'Inde, par E. de Valbezen, v. I, Paris, 1857, p. 19 и слѣд.

можетъ при всякомъ обстоятельствѣ текущей жизни опредѣлить, какой законъ существуетъ для данного случая". Индія имѣетъ стройное и цѣльное законодательство, какого нѣтъ въ самой Англій, — она имѣетъ превосходно составленные кодексы уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, уставы уголовного и гражданского судопроизводства. Англійское правосудіе, одинаковое для всѣхъ и пронизанное твердыми нравственными принципами, „служитъ самымъ могущественнымъ орудіемъ объединенія“ разрозненныхъ индійскихъ народностей и областей. Благодаря англійскимъ законамъ и судамъ, въ населеніи распространяются новыя нравственныя понятія, и даже „въ новѣйшей туземной литературѣ обывденная мораль замѣтно приближается къ христіанской, которая гораздо глубже проникла въ народъ, чѣмъ догматы христіанства“. Право обсуждать и критиковать дѣйствія правительства на публичныхъ сходкахъ столь же свободно и общедоступно въ Индіи, какъ и въ Великобританіи; а право критики въ печати даже менѣе стѣснено, чѣмъ въ метрополіи; потому что нѣтъ спеціального закона противъ „мятежныхъ памфлетовъ“¹⁾. Чувство личной и общественной безопасности открываетъ широкій путь къ умственному и культурному развитію, къ постепенному росту благосостоянія, и въ настоящее время британская Индія, по своимъ внутреннимъ порядкамъ, представляетъ несравненно больше сходства съ Англією, чѣмъ съ Персією. Весь этотъ прогрессъ былъ бы немислимъ, еслибы англійскимъ чиновникамъ предоставлено было поступать съ туземцами по личному усмотрѣнію и произволу, на подобіе турецкихъ пашей, безъ соблюденія извѣстныхъ общихъ началъ права и законности.

Великое значеніе принципа законности освѣщается какъ нельзя яснѣе печальною судьбою всѣхъ реформаторскихъ усилій и предпріятій въ Турціи. Относительно турецкой имперіи нельзя уже сказать, что въ ней не было серьезныхъ попытокъ произвести значительныя внутреннія преобразованія въ современномъ духѣ, — какъ это можно еще сказать относительно Персіи. Находясь въ центрѣ сложнаго соперничества великихъ культурныхъ державъ и подвергаясь постоянному ихъ воздѣйствію, Турція вынуждена была, въ интересахъ собственнаго самосохраненія, приспособляться къ обстоятельствамъ и требованіямъ европейской политической

¹⁾ См. интересный обзоръ успѣховъ, достигнутыхъ въ британской Индіи въ пятидесятилѣтіе царствованія королевы Викторіи (съ 1837 г.), въ юбилейномъ сборникѣ Т. Humphry Ward'a (London, 1887, 2 vol.); французскій переводъ этого этюда въ „Etudes sur l'histoire du droit“, par sir Henry Sumner Maine, Paris 1869, pp. 507—631.

жизни. Съ конца прошлаго вѣка болѣе дальновидные государственные люди оттоманской имперіи сознавали необходимость крупныхъ реформъ и приступали по возможности къ ихъ осуществленію, но встрѣчали каждый разъ упорное сопротивленіе въ придворныхъ, административныхъ и духовныхъ сферахъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи стараго порядка или, вѣрнѣе, безпорядка. Селимъ III поплатился жизнью за свои преобразовательные планы; Махмудъ II приобрѣлъ названіе „гаура-падишаха“ и едва избѣгнувъ смерти, которая постигла его великаго визиря; Абдуль-Меджидъ успѣлъ издать два важные акта, которые можно назвать конституціонными,—гатти-шерифъ 1839 года и гатти-гумаюнъ 1856 года, но эти акты остались, какъ извѣстно, мертвой буквой. Эдиктъ 1839 года, прочитанный въ торжественномъ собраніи всѣхъ высшихъ сановниковъ государства, въ присутствіи султана и дипломатическаго корпуса, заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ смѣлыхъ заявленій и предположеній, достойныхъ всякаго сочувствія.

„Прежнее могущество имперіи, — связано было въ этомъ эдиктѣ, — превратилось въ слабость и бѣдность, такъ какъ государство теряетъ свою устойчивость при упадкѣ уваженія къ законамъ. Эти соображенія неизмѣнно находились въ нашемъ умѣ, и съ самаго дня вступленія на престолъ мы не переставали думать объ общемъ благѣ, объ улучшеніи состоянія нашихъ провинцій и объ облегченіи народныхъ тягостей. Чтобы доставить нашей имперіи и ея областямъ необходимыя блага хорошаго управленія, мы признали своевременнымъ ввести новыя установленія, касающіяся трехъ слѣдующихъ предметовъ: во-первыхъ, гарантій, обезпечивающихъ поданнымъ полную безопасность жизни, чести и собственности; во-вторыхъ, правильнаго способа распредѣленія и собранія податей, и въ-третьихъ, системы набора рекрутъ и опредѣленія срока военной службы. Въ самомъ дѣлѣ, — говорится далѣе, — не являются ли жизнь и честь драгоцѣннѣйшими благами нашего существованія? Какъ ни враждебно относился бы человѣкъ къ насилию, но можетъ ли онъ воздержаться отъ употребленія силы и отъ причиненія этимъ вреда правительству и странѣ, если жизнь и честь его подвергаются опасности? Когда же, напротивъ, онъ пользуется совершеннымъ спокойствіемъ въ этомъ отношеніи, онъ не забудетъ своихъ обязанностей и будетъ всѣми своими дѣйствіями способствовать успѣхамъ правительства и благосостоянію согражданъ. Не имѣя безопасности для себя и своихъ имуществъ, люди равнодушно относятся къ голосу монарха и страны; никто не заботится объ общей пользѣ, когда всѣ поглощены своими собствен-

ными опасеніями и замѣпательствами. Необходимо, чтобы въ будущемъ каждый подданный облагаемъ былъ податью соотвѣтственно своему состоянію, и чтобы ни съ кого не взыскивалось что-либо лишнее, сверхъ положеннаго. Всякое уголовное дѣло должно быть разбираемо публично, и никто не можетъ подлежать казни, пока не состоялся о немъ правильный судебный приговоръ. Нашъ совѣтъ правосудія, при участіи министровъ и почетныхъ лицъ имперіи, будетъ собираться для выработки основныхъ законовъ по различнымъ вопросамъ, относящимся до обезпеченія жизни и собственности и до распредѣленія налоговъ. На этихъ совѣщаніяхъ каждый будетъ свободно выражать свои взгляды и высказывать свои заключенія. Такъ какъ настоящія установленія имѣютъ только цѣлю возродить и поднять религію, государственную власть, народъ и государство, то мы обязываемся не дѣлать и не предпринимать ничего противнаго означеннымъ правиламъ. Въ подтвержденіе нашего обѣщанія, мы намѣрены положить настоящій эдиктъ въ помѣщеніе, гдѣ хранятся священныя реликвины пророка, и затѣмъ дать торжественную присягу, въ присутствіи всѣхъ улемовъ и сановниковъ, которые также поклянутся соблюдать предписанія эдикта“.

Составители этого акта дѣйствовали вѣроятно вполне искренно, ибо они не остановились даже предъ мыслью о нѣкоторомъ ограниченіи личной воли падишаха; но, возвѣщая свою рѣшимость признать за подданными извѣстныя права, они оставили населеніе безъ законныхъ путей къ дѣйствительному обезпеченію этихъ правъ отъ произвола и насилій многочисленныхъ непосредственныхъ начальствъ. Турецкіе паши, распорядившіеся въ провинціяхъ и въ столицѣ, были тѣ же самые, какъ и прежде, съ тѣми же обширными полномочіями, позволявшими заглушать самыя справедливыя жалобы. Малѣйшая попытка протеста или неудовольствія могла послужить поводомъ къ обвиненію въ дурныхъ политическихъ чувствахъ и замыслахъ, а подобное обвиненіе или подозрѣніе, какъ бы ни было оно произвольно, сразу рѣшало судьбу человѣка. Не было такого суда, къ которому можно было бы съ успѣхомъ обращаться противъ распоряженій и дѣйствій турецкихъ пашей; всякій понималъ, что хорошія слова гатти-шерифа не помогутъ тому, кого захочетъ погубить „вали“ или „каймакамъ“.

Полная вѣротерпимость, равенство всѣхъ передъ государственною властью, безъ различія происхожденія, религіи и языка, введеніе порядка во всѣ отрасли управленія, участіе представителей общинъ въ правительственныхъ совѣщаніяхъ по извѣстнымъ вопросамъ, устраненіе всякихъ злоупотребленій, продажности и про-

извола, — все это очень краснорѣчиво обѣщано и подтверждено въ позднѣйшемъ актѣ султана — въ гатти-гумаюнѣ 1856 года. Султанъ опять торжественно выразилъ желаніе „увеличить благосостояніе народа, сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ, которые всѣ равны въ его глазахъ и всѣ ему одинаково дороги“. И на этотъ разъ результаты были не лучше прежнихъ: добрая воля падишаха не могла идти далѣе общихъ заявленій и оказалась совершенно безсильною противъ традиціонныхъ источниковъ безправія. Одинъ изъ выдающихся сановниковъ Турціи, Фуадъ-паша, въ трогательномъ предсмертномъ посланіи къ султану Абдуль-Азису, въ началѣ 1862 года, умолялъ его для спасенія имперіи открыть свободный просторъ общественному и умственному прогрессу и „вести тѣ великія учрежденія, безъ которыхъ ни одна держава не можетъ существовать въ Европѣ“. Фуадъ-паша вѣрилъ еще въ возможность коренныхъ улучшеній и преобразованій, способныхъ создать новую эру для Турціи; въ послѣдствіи эта вѣра исчезла, и теперь уже нигдѣ не говорятъ серьезно о турецкихъ реформахъ. Правительственная система оттоманской имперіи окончательно упрочила за собою славу самаго худшаго и негоднаго режима, о поправленіи котораго бесполезно и думать ¹⁾. Между тѣмъ преобразовательныя мѣры принимались неоднократно, и не было недостатка въ хорошихъ законахъ и предположеніяхъ; — не существовало только почвы для чувства законности.

Если имѣть въ виду факты, а не условныя формулы, то придется заключить, что общепринятое мнѣніе о неограниченной власти турецкаго султана или персидскаго шаха противорѣчитъ дѣйствительности, и что политическія права и привилегіи англійской короны несравненно шире мнимаго всемогущества восточныхъ монарховъ. Въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, обычная теорія грѣшатъ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ формальнымъ, внѣшнимъ признакамъ, безъ анализа фактической ихъ основы. Власть султана или шаха, при всей своей теоретической полнотѣ, поставлена въ весьма тѣсныя границы въ дѣлахъ законодательства и политики; она прежде всего связана предписаніями и традиціями религіозными, истолкователи которыхъ контролируютъ ее съ ревнивымъ усердіемъ; она ничего не можетъ предпринять противъ интересовъ и понятій господствующаго класса, изъ котораго по неволѣ выбираетъ своихъ совѣтниковъ и слугъ; она закрыта отъ внѣшняго міра, отъ желаній и настроеній народа, вѣриво

¹⁾ Ср. Lewis Farley, *Turks and christians*, London, 1876; chap. IV—V и IX, а также прилож. II—III; Eugène Poujade, *Chrétiens et Turcs*, P., 1859; C—te d'Escaugas de Lanture, *De la Turquie et des États musulmans en général*, P., 1858, и др.

сплоченною оградою, внутри которой кажущаяся свобода личных прихотей и страстей исчерпывается удовольствиями и интригами гарема. Личная воля султана или шаха не въ силахъ измѣнить даже гаремный режимъ, имѣющій свои стойкія преданія и правила;—на фактическое управление страной она не оказываетъ замѣтнаго вліянія, и всѣ ея порывы въ самостоятельнымъ дѣйствіямъ теряются какъ бы въ пустомъ пространствѣ. Дѣйствительное безсиліе прикрывается внѣшнимъ блескомъ и всеобщимъ преклоненіемъ, и искусственный міръ фантазіи создается на почвѣ жалкаго народнаго прозябанія подъ гнетомъ ничѣмъ не стѣсненныхъ хищниковъ. Сравнительно съ этимъ положеніемъ турецкой ничѣмъ неограниченной власти, замѣнутой какъ бы въ золотую клѣтку, роль англійской короны представляется чрезвычайно высокою и самостоятельною. Оставивъ въ сторонѣ культурныя и политическія различія обоихъ государствъ, очень не трудно рѣшить, чье положеніе вліятельнѣе, почетнѣе и независимѣе, — самовластнаго ли повелителя правобѣрныхъ въ Турціи, или конституціоннаго монарха въ Англіи. Сколько силы и значенія имѣютъ королевскія прерогативы въ британскомъ государственномъ строѣ, можно видѣть изъ многихъ фактовъ новѣйшей англійской исторіи, — напр. изъ энергической дѣятельности Георга III, изъ нѣкоторыхъ эпизодовъ царствованія королевы Викторіи, при жизни ея супруга, принца Альберта, и позднѣе, при началѣ восточныхъ замѣшательствъ, во время борьбы между туркофильскою политикою Дизраэли и человѣчно-либеральными стремленіями партіи Гладстона. Ошибочна вообще самая точка зрѣнія, съ которой обыкновенно судятъ о предѣлахъ монархической власти: обязательное единеніе съ націею въ Англіи не есть ограниченіе правъ короны, а составляетъ, напротивъ, ихъ жизненный смыслъ, выражая тамъ наглядно необходимую органическую связь между полномочіями главы государства и правильными функціями и интересами государственной жизни. Дѣйствовать въ согласіи съ желаніями и мнѣніями народа или передовыхъ его элементовъ, для удовлетворенія общихъ потребностей страны, — въ этомъ огромная сила власти. Антагонизмъ между стремленіями власти и народными интересами и желаніями является уже аномаліею, возможною лишь при завоевательномъ происхожденіи государственной власти (въ Эльзасѣ), или при узурпаторскомъ характерѣ правительства (какъ, напр., въ имперіи Наполеона III). Обязательное согласіе короны съ большинствомъ гражданъ, участвующихъ въ избраніи членовъ парламента, есть только внѣшняя, точно опредѣленная форма того единенія, которое всегда подразумѣвается въ современныхъ западныхъ монар-

хіяхъ. Такое единеніе тамъ не ограничиваетъ, а укрѣпляетъ власть, при нормальномъ ходѣ дѣлъ. Странно было бы утверждать, что конституціонный прусскій король и германскій императоръ пользуется въ государствѣ меньшею политическою властью и меньшимъ могуществомъ, чѣмъ турецкій султанъ въ своей имперіи, съ его фивитивнымъ полновластіемъ. Точно такъ же никто не скажетъ, что англійское или германское правительство, подвергающееся публичному контролю парламента и печати, обладаетъ меньшимъ авторитетомъ въ глазахъ общества и народа, нежели турецкіе паши, свободные отъ критики и контроля. Стѣсненіе произвола администраціи на западѣ не означаетъ еще ограниченія власти. Въ Турціи и Персіи существуетъ неограниченный произволъ, но власть стѣснена и иногда совершенно безсильна. Въ Англии или Германіи нѣтъ мѣста произволу и беззаконію, но власти предоставлено широкое и благодарное поле.

III.

Въ основѣ законнаго порядка лежить охрана личныхъ и частныхъ правъ, а не какая-либо опредѣленная политическая организація: послѣдняя есть только средство, а не цѣль. Всѣ англійскія вольности выработались путемъ настойчиваго и послѣдовательнаго огражденія личной неприкосновенности и свободы каждаго; главная статья „великой хартіи“ касается такого второстепеннаго, повидимому, предмета, какъ регулированіе права ареста обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ въ чемъ-либо лицъ. Знаменитое правило „*Nemo capitur sine iudicio*“, признаваемое краеугольнымъ камнемъ британской конституціи, постановляетъ нѣчто весьма скромное и незначительное, — что никто не можетъ быть арестованъ безъ судебного предписанія, и что относительно всякаго задержаннаго можетъ быть предъявлено требованіе о немедленномъ представленіи его въ судъ. Въ извѣстныхъ „комментаріяхъ“ Блэкстона важнѣйшія конституціонныя начала изложены въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Права частныхъ лицъ“.

Мелкія съ перваго взгляда дѣла частныхъ лицъ играли большую роль въ политической и конституціонной исторіи Англии. Нарушенія правъ какихъ-нибудь заурядныхъ обывателей возводились на степень событій, благодаря энергіи и твердому гражданскому чувству отдѣльныхъ лицъ, и изъ ряда кажущихся мелочей, доведенныхъ до суда, образовалась стройная система законности. Въ 1627 году, по распоряженію королевскаго совѣта, арестованы

были разные лица за отказъ въ уплатѣ денежнаго сбора, назначеннаго правительствомъ на содержаніе арміи. Нѣкоторые изъ числа арестованныхъ рѣшили защищать свои права судебнымъ порядкомъ; они обратились въ судъ „королевской скамьи“ съ просьбою провѣрить законность ихъ ареста, въ силу акта о „*Habeas corpus*“. Лучшие англійскіе юристы приняли участіе въ этомъ дѣлѣ; судъ не постановилъ окончательнаго рѣшенія, въ виду происходившей тогда борьбы между дворомъ короля и парламентомъ. Дѣломъ Дарнеля и другихъ занялась палата общинъ; она вызвала судей, обсуждавшихъ дѣло, и посвятила этому предмету продолжительныя пренія, въ которыхъ участвовали знаменитѣйшіе законовѣды и ораторы. Резолюціи, принятыя палатою, были затѣмъ подтверждены „петиціею о правахъ“. При сборѣ корабельной подати, не одобренной парламентомъ, въ 1635 году, надлежало по раскладкѣ получить съ богатаго землевладѣльца, Джона Гемпдена, ничтожную сумму въ 20 шиллинговъ! Гемпденъ отказался исполнить это требованіе, какъ незаконное, и довелъ дѣло до суда. Процессъ длился почти двѣ недѣли, но не привелъ къ благоприятному для Гемпдена результату: судьи незначительнымъ большинствомъ голосовъ высказались противъ него, чѣмъ еще болѣе усилили его популярность. Известно, что Гемпденъ и родственникъ его, Оливеръ Кромвель, собирались послѣ этого покинуть отечество и водвориться окончательно въ Америку, но корабль ихъ былъ задержанъ, по распоряженію короля. Въ 1676 году арестъ лондонскаго вупца, Франсиса Дженкса, за „возмутительную“ рѣчь въ городской ратушѣ, способствовалъ ускоренію принятія известнаго акта 1679 года, имѣвшаго цѣлью обезпечить за подданными болѣе надежное примѣненіе указовъ „*Habeas corpus*“¹⁾. Только въ 1816 году закончено было и получило послѣднюю свою формулировку установленіе цѣлесообразныхъ судебныхъ гарантій противъ произвольнаго ареста. При помощи „*Habeas corpus*“ англійскіе судьи имѣютъ возможность прямо или косвенно вліять на дѣйствія администраціи и высказываться о степени законности ея распоряженій. „Акты о „*Habeas corpus*“, — говоритъ Дайси, — сдѣлали для свободы англичанъ больше, чѣмъ можно было бы сдѣлать какимъ угодно провозглашеніемъ правъ. Не будетъ слишкомъ смѣло даже сказать, что эти акты имѣютъ не только больше значенія, чѣмъ деклараціи о правахъ человѣка, какія часто дѣла-

¹⁾ См. Историческій очеркъ развитія англійской конституціи въ книгѣ покойнаго проф. Градовскаго, „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ (Спб., 1886, т. I), стр. 35—362.

лись въ иностранныхъ государствахъ, но даже больше, чѣмъ „петиція о правахъ“ или „билль о правахъ“; притомъ и эти знаменитые акты, подобно актамъ о „Habeas corpus“, доказываютъ, что англійское конституціонное право есть въ сущности право, выработавшееся путемъ судебной практики“.

Охрана личныхъ правъ послѣдняго изъ подданныхъ или иностранцевъ, въ предѣлахъ британской территоріи, считалась въ Англій дѣломъ настолько же важнымъ, какъ и защита основныхъ политическихъ правъ націи. Судебные процессы возбуждались всякій разъ, когда обнаруживалось лишеніе кого-либо свободы безъ правильнаго суда, хотя бы оно признавалось законнымъ съ точки зрѣнія правительства или администраціи. Въ половинѣ прошлаго вѣка произошелъ такой случай, что морской офицеръ, приговоренный на островѣ Ямайкѣ военнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ и привезенный затѣмъ въ Англію, не только былъ выпущенъ на свободу, но добился ареста осудившихъ его лицъ, несмотря на ихъ офиціальное положеніе, и, между прочимъ, вліятельный адмиралъ былъ арестованъ по предписанію суда, при выходѣ изъ засѣданія, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ. Судебно-морское вѣдомство заявило формальный протестъ, который переданъ былъ совѣту адмиралтейства для представленія королю. Пререканія окончились тѣмъ, что протестовавшіе адмиралы должны были просить извиненія у лорда-главнаго судьи въ коллективномъ письмѣ, которое было прочитано въ публичномъ собраніи суда общихъ тяжбъ. Главный судья приказалъ занести это письмо въ судебные протоколы, „какъ предостереженіе будущимъ временамъ о томъ, что всякій, кто вздумаетъ считать себя выше закона, будетъ неизбежно обманутъ въ своихъ расчетахъ“. Англійскіе суды не останавливались предъ соображеніями политики, когда дѣло шло о защитѣ правъ личности. „Въ 1854 году нѣсколько русскихъ матросовъ бродили по улицамъ Гильдфорда, не имѣя, повидимому, никакихъ средствъ къ существованію; они были признаны русскимъ морскимъ офицеромъ за дезертировъ съ одного русскаго военнаго корабля; тогда, по его указаніямъ и при помощи начальника полиціи, они были отправлены въ Портсмутъ для водворенія снова на русскомъ кораблѣ. Явилось сомнѣніе въ законности этого дѣла. Спросили совѣта у юристовъ, которые выразили мнѣніе, что „выдача русскихъ матросовъ лейтенанту и помощь, предложенная полиціей для того, чтобы доставить ихъ обратно на русскій корабль, были противны закону“. А между тѣмъ распоряженіе сдѣлано было администраціею, и во всякой другой странѣ, напр. во Франціи, судъ не могъ бы въ подобномъ

случаѣ выпустить задержанныхъ на свободу. Англійскому суду подвластны чиновники и министры на такихъ же основаніяхъ, какъ и частныя лица, и никакой исполнитель правительственнаго распоряженія не можетъ избѣгнуть личной отвѣтственности предъ судомъ за убытки, причиненные частнымъ лицамъ, если распоряженіе окажется въ чемъ-либо несогласнымъ съ законами. Ссылка на предписаніе начальства не служитъ оправданіемъ предъ судомъ. Въ Англійи нѣтъ специальныхъ судилищъ для какихъ-нибудь особыхъ преступленій; нѣтъ административной юстиціи, нѣтъ извѣстій и привилегій для представителей власти: судъ для всѣхъ одинъ, какъ и законы для всѣхъ одинаковы. Это всеобщее господство закона и суда не только не умаляетъ авторитета правительства, но возвышаетъ общее уваженіе и довѣріе къ органамъ администраціи и полиціи въ Англійи.

Публичныя права англійскихъ гражданъ вытекаютъ изъ твердаго сознанія правъ личности и изъ того общаго принципа, что общественные и національные интересы суть въ то же время личныя интересы каждаго. Все, что не запрещено, предполагается дозволеннымъ, и всякій обыватель, не совершившій преступленія или проступка, признается честнымъ и благонамѣреннымъ, пока не будетъ доказано противное. Свобода сходокъ и народныхъ собраній не установлена никакимъ законодательнымъ актомъ; она основывается просто на правѣ отдѣльныхъ лицъ идти куда угодно, а это право не измѣняется отъ одновременнаго желанія другихъ лицъ идти въ то же самое мѣсто. Сборища не возбраняются, пока они никому не причиняютъ ущерба и не нарушаютъ ничьихъ правъ; они становятся незаконными только тогда, когда препятствуютъ уличному движенію или сопровождаются безпорядками и насиліями. Говорить на митингахъ можно на такомъ же основаніи, какъ и въ частномъ кружкѣ или у себя дома; только клевета и оскорбленіе влекутъ за собою отвѣтственность предъ закономъ. Еслибы правительство запретило какую-нибудь сходку и прибѣгло къ принудительнымъ мѣрамъ для разогнанія ея, то всякій, подвергшійся насилію или аресту, могъ бы предъявить въ судѣ искъ о вознагражденіи съ виновныхъ полицейскихъ агентовъ и ихъ начальниковъ, и суду пришлось бы рѣшить вопросъ о законности принятыхъ мѣръ. Такъ же точно свобода печати въ Англійи не провозглашается и не регулируется никакимъ статутомъ, а существуетъ только потому, что нѣтъ закона, запрещающаго или ограничивающаго обнародованіе какихъ-либо мнѣній путемъ печати. Делольмъ рассказываетъ, что онъ долго разсказывалъ параграфы о свободѣ прессы въ англійскихъ юридическихъ

сборникахъ и трактатахъ и былъ очень удивленъ полнымъ отсутствіемъ постановленій о столь важномъ предметѣ, ибо онъ не могъ себѣ представить такое значительное и общепризнанное право безъ соотвѣстнаго положительнаго закона. Впослѣдствіи Делольмъ убѣдился, что англійская свобода печати держится на отсутствіи запрещеній и на общемъ принципѣ дозволенности всего, что не составляетъ проступка или преступленія¹⁾. Дѣйстви- тельно тому назадъ, въ 1695 году, парламентъ отказался возобно- вить дѣйствіе закона, который подчинялъ типографіи и книжную торговлю строгому правительственному контролю въ интересахъ монополіи лондонскаго цеха книгопродавцевъ, и съ тѣхъ поръ фактически установилась полная свобода печати. Ошибочно было бы однако думать, что англійскіе писатели и публицисты свободны отъ законной отвѣтственности за злоупотребленія печатнымъ сло- вомъ; они отвѣчаютъ предъ судомъ за пасквили противъ прави- тельства и частныхъ лицъ, за богохульство и отрицаніе христіан- ской вѣры, такъ какъ эти проступки предусмотрѣны особыми законами и подлежатъ суду присяжныхъ. Всякій можетъ печатать что угодно, подъ страхомъ судебного наказанія за нарушеніе законовъ. Безъ нарушенія законовъ нѣтъ отвѣтственности, а безъ суда нѣтъ наказанія:—это правило примѣняется одинаково во всѣхъ сферахъ англійской жизни.

Свободныя политическія учрежденія сами по себѣ не обезпе- чиваютъ законности: въ республиканской Франціи личныя и обще- ственныя права гораздо менѣ ограждены, чѣмъ въ монархической Англій. Французская демократія, обладающая въ теоріи верхов- ною властью, совершенно безсильна на практикѣ предъ чиновни- чествомъ, администраціею и полиціею. Полноправные граждане, распоряжающіеся парламентомъ и правительствомъ посредствомъ избирательныхъ бюллетеней, оказываются для префекта только „управляемыми“ (*ses administrés*, по принятой официальной терминологіи); случайно собравшаяся толпа „сувереннаго народа“ можетъ внезапно подвергнуться грубѣйшему нападенію полицей- скихъ силъ, соблюдающихъ понынѣ старые приемы Наполеонов- ской атаки въ дѣйствіяхъ противъ уличныхъ сборищъ, и никакой судъ не приметъ иска или жалобы противъ виновниковъ неза- конной расправы. Не только произвольные аресты, но и убійства, совершаемыя при подобныхъ способахъ водворенія порядка, — какъ это было, напр., въ Парижѣ при первомъ министерствѣ

¹⁾ *Constitution de l'Angleterre*, par De Lolme (P., 1822), v. II, p. 201—2; ср. также Дайси, гл. VI и VII; Pagehot, *La constitution anglaise* (P., 1869), и др.

Дюпюи, или въ каменноугольныхъ копяхъ Кармю, гдѣ солдаты стрѣляли въ рабочихъ, — остаются безъ всякихъ послѣдствій для исполнителей, хотя и даютъ матеріалъ для горячихъ парламентскихъ прервій и приводятъ иногда къ паденію кабинета. Низверженіе министерства является единственнымъ средствомъ протеста противъ незаконныхъ или чрезмѣрныхъ насилій второстепенныхъ или даже самыхъ мелкихъ органовъ полицейской власти, и оттого кабинетные кризисы происходятъ во Франціи несравненно чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ, и по болѣе ничтожнымъ и случайнымъ поводамъ; но перемѣна министерства составляетъ, конечно, слишкомъ слабое утѣшеніе для потерпѣвшихъ, лишенныхъ возможности привлечь виновныхъ къ отвѣтственности и взыскать съ нихъ вознагражденіе за понесенный ущербъ. Для оцѣнки дѣйствій должностныхъ лицъ существуетъ особый путь административной юстиціи, и вопросъ о законности сдѣланныхъ распоряженій рѣшается не общимъ судомъ, а специальными административными совѣтами, въ которыхъ засѣдаютъ чиновники, обыкновенно вполне солидарные съ традиціями и взглядами администраціи. Если чиновники будутъ разбирать дѣйствія чиновниковъ относительно частныхъ лицъ, пользуясь особою судебною властью, то этимъ оберегается, по французскимъ понятіямъ, великое начало раздѣленія властей: администрація сама себя судитъ и слѣдовательно проявляетъ свою независимость отъ общаго суда и отъ общихъ законовъ, тогда какъ высшее правительство республики зависитъ даже отъ случайныхъ общественныхъ настроеній и отъ перемѣнчивой группировки парламентскихъ группъ. Въ результатѣ, среди заботъ о мнимомъ разграниченіи властей, страдаютъ частные и публичные интересы гражданъ.

Недавно еще мы видѣли наглядное подтвержденіе практическихъ неудобствъ этой французской системы: споръ о толкованіи конвенцій, заключенныхъ правительствомъ съ нѣкоторыми желѣзнодорожными компаніями, — споръ чисто гражданскій, касающійся денежныхъ обязательствъ казны на многіе милліоны, — рассматривался не общими судебными мѣстами и не высшимъ кассационнымъ судомъ, съ обычными гарантіями безпристрастнаго процесса, а разрѣшенъ окончательно, въ одно засѣданіе, административнымъ учрежденіемъ (*conseil d'état*), безъ права апелляціи. По жалобѣ желѣзнодорожныхъ компаній, совѣтъ призналъ неправильнымъ толкованіе министра публичныхъ работъ и подтвердилъ безсрочность данной правительствомъ гарантіи, вопреки многимъ фактическимъ и логическимъ доводамъ, которые были указаны затѣмъ въ палатѣ депутатовъ. Такъ какъ глава министерства не нахо-

диль возможнымъ отрицать обязательную силу состоявшагося рѣшенія и усмотрѣлъ даже въ простой критикѣ этого рѣшенія посягательство на принципъ раздѣленія властей, то неудовольствіе парламента противъ conseil d'état получило свой обычный исходъ — въ низверженіи кабинета, за которымъ послѣдовала и отставка президента республики. Никакихъ подобныхъ осложненій и конфликтовъ не могло бы произойти въ Англии, ибо тамъ все дѣло о толкованіи желѣзнодорожныхъ конвенцій разбиралось бы въ обыкновенныхъ судахъ, по общимъ началамъ права. Подчиненіе всѣхъ частныхъ и должностныхъ лицъ однимъ и тѣмъ же законамъ и судамъ было бы для Франціи болѣе крупною политическою реформою, чѣмъ всѣ конституціонныя перемѣны, предлагшіяся за послѣднія двадцать лѣтъ.

Въ противоположность англичанамъ, французы считаютъ дѣйствительнымъ правомъ только то, что прямо дозволено и формулировано закономъ; имъ кажется, что они не имѣли бы свободы прессы безъ подробнаго положительнаго закона о печати; они подозрительно относятся ко всякому ограничительному постановленію, хотя бы самому естественному и справедливому; они склонны видѣть покушеніе на свободу мнѣній въ простомъ запрещеніи нарушать чужія или общія права путемъ клеветы или воззваній къ преступнымъ дѣйствіямъ. И въ то же время, легко увлекаясь наиболѣе широкими политическими формулами, французы придаютъ слишкомъ мало значенія тѣмъ элементарнымъ правамъ личности, которыя всегда занимали и волновали англичанъ, и которыми въ концѣ концовъ опредѣляется весь характеръ политическаго и общественнаго быта націи. Вторая имперія оставила глубокіе слѣды въ понятіяхъ и нравахъ французскаго общества, какъ и въ учрежденіяхъ и порядкахъ всего правительственнаго механизма. Власть, возникшая изъ узурпаціи и поддерживаемая беззаконіемъ, не могла воспитать въ обществѣ довѣріе къ власти и уваженіе къ закону; самые законы бывали произвольные, исключительные, и часто служили лишь орудіями борьбы противъ общественнаго мнѣнія. Правителямъ второй имперіи ничего не стоило ссылать людей въ Кайенну безъ суда за предполагаемыя враждебныя чувства къ узурпаторамъ и за неблагонадежный образъ мыслей относительно насилій и несправедливостей тогдашней администраціи. Республика уничтожила произволъ въ отношеніяхъ правительства къ гражданамъ, но далеко еще не искоренила недоувѣрія къ власти и къ закону. Это недоувѣріе ко всякому данному правительству или министерству соединяется съ привычкою ждать всего отъ государства, — привычкою, выработанною вѣками

правительственной опеки. Организациа мѣстнаго и центральнаго управленія сохранилась во Франціи въ томъ же видѣ, какъ была при Наполеонѣ III; бюрократія крѣпче держится традицій и рутинны, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы. Республиканцы не рѣшаются ослабить эту крѣпкую организациу, ибо борьба съ реакціонными партіями еще не закончилась, и могущественныя орудія власти, унаслѣдованныя отъ прежняго режима, могутъ еще пригодиться республикѣ. Передовые прогрессисты готовы иногда жертвовать личными и общественными правами гражданъ, чтобы нанести ударъ приверженцамъ павшихъ династій или подрвать значеніе клерикализма. Шумная политическая жизнь сосредоточивается на поверхности, не затрогивая основъ управленія и администраціи; личная свобода каждаго не пользуется еще прочными гарантіями,—она какъ будто поглощается общимъ увлеченіемъ свободою политическою. Незадолго до послѣдняго кризиса, судился предъ судомъ присяжныхъ журналистъ за грубое оскорбленіе личности Казимира Перье въ печати; присяжные признали его виновнымъ, и журналистъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію, на точномъ основаніи законовъ. Дѣло это возбудило горячіе протесты, неустанно обсуждалось въ газетахъ, дало поводъ къ парламентскимъ спорамъ и завершилось избраніемъ виновника въ палату депутатовъ. Этотъ характерный эпизодъ показываетъ, что и судъ присяжныхъ, и общіе уголовные законы, и принципъ ответственности за оскорбленія личности могутъ вызывать у французовъ такую же рѣзкую оппозиціу, какъ въ былое время произвольныя распоряженія власти. Между законностью и произволомъ не дѣлается различія, когда въ дѣло замѣшанъ политическій антагонизмъ, и этотъ недостатокъ чувства законности, сохранившійся отъ прошлыхъ временъ, составляетъ истинную причину неустойчивости правительства и перемѣнчивости парламентскаго настроенія въ современной Франціи.

IV.

Въ Россіи съ давнихъ поръ сознавалась необходимость установить твердыя начала законности въ государственномъ управленіи и въ отношеніяхъ власти къ подданнымъ. Всѣ наши ученые спеціалисты по государственному праву сходятся въ томъ, что господство права лежитъ въ основѣ нашего государственнаго устройства и законодательства. Въ этомъ согласны и проф. Градовскій,

и проф. Романовичъ-Славатинскій, и проф. Сокольскій, и проф. Коркуновъ, и проф. Куплеваскій.

„Вся система учрежденій Петра Великаго, — говоритъ Градовскій, — имѣла въ виду одну главную цѣль — обезпечить законность въ управленіи. Этой цѣли удовлетворяли мѣры двоякаго рода. Во-первыхъ, преобразователь старался утвердить законность въ управленіи посредствомъ хорошей организаціи правительственныхъ установленій; этимъ объясняется его привязанность къ коллегіальной системѣ, такъ какъ въ единоличномъ управленіи онъ видѣлъ условіе произвола; этимъ же объясняется его стараніе организовать систему надзора при коллегіяхъ. Во-вторыхъ, онъ, равно какъ и его преемники, стремился къ кодификаціи законовъ, какъ условій безостановочнаго отправленія правосудія и правильной администраціи. Еватерина II возвела это стремленіе на истинно философскую высоту“. Въ знаменитомъ „Наказѣ“ она „ясно выразила мысль, что законность управленія есть первое условіе безопасности гражданъ и виѣсть съ тѣмъ правомѣрности самого государства“. При Александрѣ I предприняты были преобразованія, имѣвшія цѣлью „посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию сей власти болѣе достоинства и силы“ (слова Сперанскаго). „Всякое право, а слѣдовательно и право самодержавное, — писалъ Сперанскій, — потомуку есть право, потомуку основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончится правда и гдѣ начинается неправда, кончится право и начинается самовластіе“. Наши основные законы, по мнѣнію Градовскаго, „устанавливаютъ юридическій, правомѣрный характеръ русскаго государственнаго устройства, въ отличіе отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ“.

Начало законности, по словамъ г. Коркунова, не явилось у насъ результатомъ какаго-нибудь одного законодательнаго постановленія, а сложилось какъ плодъ постепеннаго развитія государственной жизни. „Самоограниченіе власти правомъ составляетъ необходимое условіе каждаго сколько-нибудь развитого государственнаго быта. Прежде всего, самое могущество государственной власти можетъ окрѣпнуть и утвердиться только подъ условіемъ подчиненія власти началамъ права, такъ какъ только тогда въ гражданахъ можетъ развиваться чувство законности, дѣлающее для нихъ повиновеніе власти долгомъ. Деспотическая власть, при всей суровости виѣшняго проявленія, никогда не можетъ быть достаточно сильною и твердою, именно потому, что она опирается только на физическую силу, а не на сознаніе нравственнаго долга ей повиноваться. Сознаніе долга дѣйствуетъ всегда и постоянно,

а физическое принужденіе не можетъ быть непрерывнымъ“. Чувство законности „составляетъ одно изъ надежнѣйшихъ обезпеченій силы и прочности государственной власти, а чувство это можетъ развиваться въ гражданахъ только при томъ условіи, если сама власть въ своей дѣятельности будетъ имъ являть примѣръ строгаго уваженія къ праву“. Хотя идея законности у насъ, — замѣчаетъ съ своей стороны проф. Куплеваскій — „далеко еще не можетъ считаться осуществившеюся, но стремленіе къ ея осуществленію всегда считалось лучшими представителями государственной власти главной задачей въ государственной дѣятельности“¹⁾.

Если принципъ законности заключается въ огражденіи правъ личности отъ произвола и въ равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, то дѣйствительной законности не было и не могло быть въ жизни до-реформенной Россіи, при крѣпостномъ правѣ и при старыхъ порядкахъ суда и управленія. Только освобожденіе крестьянъ и введеніе новаго суда, равнаго для всѣхъ, сообщили жизненную реальность тѣмъ началамъ права, которыя издавна высказывались и подтверждались въ нашихъ законахъ. Въ судебныхъ уставахъ 1864 года впервые формулированы нѣкоторые общія положенія, напоминающія англійскіе статуты о „Habeas corpus“ и повторяющіяся въ томъ или другомъ видѣ во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ. Эти положенія не оставляютъ желать ничего лучшаго по своей ясности и опредѣленности. „Никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ“ (ст. 8 устава угол. судопроизводства). „Требованіе о взятіи кого-либо подъ стражу подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава“ (ст. 9). Каждый судья и каждый прокуроръ, который въ предѣлахъ своего участка или округа удостовѣрится въ задержаніи кого-либо подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы (ст. 10). Судья или прокуроръ, до свѣденія коего дошло, что въ предѣлахъ его участка или округа кто-либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ (ст. 11). Никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе и проступокъ, подлежащіе судебному

¹⁾ Начала русскаго государственнаго права, А. Градовскаго, т. I, Спб. 1875, стр. 3—7; Н. М. Коркуновъ, Русское госуд. право, т. I, Спб. 1893 (изд. 2), стр. 163—4; Н. О. Куплеваскій, Р. госуд. право, т. I, Харьковъ, 1894, стр. 58—9.

вѣдомству, иначе какъ по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу (ст. 14). Словомъ, охрана личной свободы обставлена въ нашихъ судебныхъ законахъ не хуже, чѣмъ въ Англии. Но небольшое примѣчаніе въ первой же статьѣ устава значительно ослабляетъ силу всѣхъ этихъ законныхъ гарантій личной неприкосновенности обывателей. „Къ судебному преслѣдованію,—сказано въ этомъ примѣчаніи,—не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими административными властями, для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ въ порядкѣ, установленномъ законами“. Въ комментаріяхъ пояснено, что органы полиціи и администраціи „въ дѣйствіяхъ своихъ по симъ предметамъ должны сообразоваться съ правилами, какія установлены или будутъ впредь опредѣлены въ учрежденіи полиціи и другихъ подлежащихъ уставахъ“; слѣдовательно, независимо отъ судебного порядка, основаннаго на уваженіи къ личнымъ правамъ каждаго, сохраняется прежній административный способъ воздѣйствія, основанный на особыхъ правилахъ, въ которыхъ большую роль играетъ усмотрѣніе мѣстныхъ начальствъ. Такъ какъ кромѣ преступленій и проступковъ, преслѣдуемыхъ судебнымъ порядкомъ,—говорится далѣе въ комментаріяхъ,—„могутъ быть случаи, въ которыхъ административная власть вынуждена будетъ прибѣгнуть къ задержанію неповинующихся ея распоряженіямъ и вообще такихъ лицъ, которыхъ невозможно оставить на свободѣ въ видахъ предупрежденія и пресѣченія нарушеній установленнаго порядка и общаго спокойствія, то осторожность требуетъ не ограничивать задержаніе подѣ стражею случаями, въ семъ уставѣ указанными, но выразить ту мысль, что никто не можетъ быть задержанъ подѣ стражею иначе какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ. Что же касается до воспрещенія содержать арестуемыхъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ, то правило это, за недостаточностью у насъ мѣстъ заключенія, принято съ указаніемъ на законы о существующихъ у насъ тюремныхъ помѣщеніяхъ и о томъ, какъ надлежитъ поступать въ случаѣ недостатка мѣстъ въ тюрьмахъ“. Аресты, производимые полиціею по особымъ правиламъ, на основаніи частныхъ свѣденій и предположеній, безъ выслушанія заподозрѣнныхъ лицъ, не подлежатъ контролю суда, даже еслибы обнаружена была ошибка въ личности арестованнаго. По разъясненію сената, „въ случаѣ, если имѣется постановленіе подлежащей власти о задержаніи заключеннаго, судья не въ правѣ производить дальнѣйшее изслѣдованіе правильности задержанія и входить въ обсужденіе основательности и законности такого постановленія, а также предпринимать про-

вѣрку самоличности подвергнутаго аресту, хотя бы о томъ заявлено было сомнѣніе въ данномъ мировому судѣ прошеніи“. Въ административнымъ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленій отнесены настоящія и очень строгія кары, равносильныя иногда лишенію всѣхъ правъ состоянія, и эти мѣры примѣняются именно въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ признаковъ какого-либо опредѣленнаго проступка и преступления. Съ одной стороны, у насъ существуетъ законъ, по которому „никто не можетъ быть лишенъ правъ состоянія или ограниченъ въ сихъ правахъ иначе, какъ по суду за преступленіе“ (ст. 9 т. IX свода зак.); а съ другой стороны, органамъ администраціи предоставлено, „безъ формальнаго производства суда“, фактически отнимать эти права, воспрещать обывателямъ жительство въ столицахъ и въ другихъ мѣстахъ, высылать ихъ изъ этихъ мѣстъ, учреждать надъ ними полицейскій надзоръ, сопряженный съ чрезвычайными стѣсненіями, или назначать для жительства опредѣленную мѣстность Европейской или Азіатской Россіи, съ обязательствомъ безотлучнаго пребыванія въ ней въ теченіе извѣстнаго срока, подъ строгимъ контролемъ мѣстныхъ начальствъ. Если прибавить къ этому примѣняемое въ массѣ сельскихъ обывателей тѣлесное наказаніе по усмотрѣнію волостныхъ и полицейскихъ властей, нерѣдко за несостоятельность въ уплатѣ налоговъ, то тѣ утѣшительныя основныя положенія нашего законодательства оважутся вообще мало соответствующими дѣйствительному положенію дѣлъ.

Очевидно, весь узелъ вопроса о значеніи у насъ начала законности лежитъ въ этомъ коренномъ противорѣчїи между принципомъ охраны личныхъ правъ по судебнымъ уставамъ и старою системою обширныхъ карательныхъ функцій административно-полицейскихъ органовъ. Можно было ожидать, что наши теоретики государственнаго права отнесутся съ особеннымъ вниманіемъ въ этому отдѣлу нашихъ законовъ и направятъ свои усилія на старательный юридическій разборъ постановленій, расширяющихъ область усмотрѣнія въ ущербъ законности, чтобы по крайней мѣрѣ указать точныя границы и условія ихъ примѣненія на практикѣ, въ связи съ общими началами права, — подобно тому какъ это дѣлали въ подобныхъ случаяхъ ученые юристы въ западной Европѣ. Ничего этого мы не находимъ въ трудахъ нашихъ специалистовъ по государственовѣденію. Въ курсѣ проф. Градовскаго говорится объ „обезпеченіи правъ личности“ въ небольшой главѣ, посвященной главнымъ образомъ изложенію хорошихъ правилъ судебныхъ уставовъ, а противоположныя правила административно-полицейской юстиціи упомянуты только мимоходомъ,

въ нѣсколькихъ строчкахъ (стр. 317—318). Въ курсѣ проф. Куплеваскаго вератцѣ приведены существующія постановленія, безъ всякаго ихъ анализа (стр. 278—282). Проф. Коркуновъ, въ спеціальному трактатѣ объ „Указѣ и законѣ“, совершенно обошелъ вопросъ объ административныхъ полномочіяхъ и распоряженіяхъ, ограничивающихъ законное пользованіе личными и общественными правами, а въ своемъ курсѣ онъ излагаетъ и сопоставляетъ дѣйствующіе по этому предмету законы, не вдаваясь въ обстоятельную юридическую ихъ оцѣнку; но зато онъ высказываетъ нѣкоторыя общія замѣчанія, заслуживающія полнаго вниманія и сочувствія. Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ указываемъ на эти замѣчанія, что намъ не разъ приходилось говорить о недостаткахъ изслѣдованій г. Коркунова, о нѣсколькихъ доктринерской отвлеченности и схоластичности его разсужденій.

„Постановленія нашего законодательства,—говоритъ г. Коркуновъ,—весьма мало обезпечиваютъ подданныхъ отъ произвольныхъ ограниченій свободы. У насъ не только не установлено надлежащихъ средствъ обезпеченія того, чтобы личное задержаніе по распоряженію административной власти допускалось лишь въ случаяхъ дѣйствительной необходимости и не длилось дольше того, чѣмъ это необходимо, но административная власть сверхъ того вооружена правомъ устанавливать такія ограниченія свободы, которыя отнюдь не могутъ быть оправданы необходимостью. Ограниченіе личной свободы внѣ условій уголовного правосудія можетъ быть оправдано только настоятельной необходимостью, когда требуется предотвратить непосредственную опасность или положить предѣлъ незаконнымъ дѣйствіямъ. Но для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей достаточно предоставить право наложенія полицейскаго ареста. Для немедленнаго достиженія ни одной изъ этихъ цѣлей не можетъ быть необходимости въ административной ссылкѣ или въ установленіи полицейскаго надзора. Оба эти вида ограниченій личной свободы — мѣры длительныя, рассчитанныя на отдаленныя послѣдствія, непригодныя къ достиженію немедленнаго результата. Между тѣмъ наше законодательство предоставляетъ администраціи даже дискреціонную власть, т. е. власть по своему свободному усмотрѣнію ссылать неблагонадежныхъ лицъ во всѣ мѣста Европейской и Азіатской Россіи, и подвергать ихъ полицейскому надзору съ крайне стѣснительными ограниченіями свободы, доходящими почти до полнаго безправія“. Вообще законы, касающіеся правъ гражданской свободы, „представляются крайне устарѣлыми и неудовлетворительными“. Относящіяся къ этимъ правамъ постановленія „содержатся главнымъ образомъ въ уставѣ

о предупрежденіи преступленій, одномъ изъ самыхъ устарѣвшихъ отдѣловъ нашего законодательства. Только о печати имѣется особый уставъ, также не отличающійся современностью. Въ основѣ его лежитъ цензурный уставъ 1828 года, да временныя правила 1865 года, представляющія собою сколокъ, во многомъ искаженный, съ постановленій французскаго законодательства временъ второй имперіи "... „Теперь,—продолжаетъ г. Коркуновъ,— когда уничтожено крѣпостное право, долгое время тяготѣвшее надъ русскимъ народомъ, когда введенъ гласный, народный судъ, когда мѣстное общество призвано къ самоуправленію, страннымъ анахронизмомъ, совершенною несообразностью представляется безправіе личности предъ административнымъ произволомъ, и полное отсутствіе хотя бы малѣйшей свободы общественной дѣятельности. Сказывающееся за послѣднее время все съ болѣею и болѣею силою пробужденіе интереса къ вопросамъ нравственности и религіи, настоятельно требуетъ расширенія рамокъ, тѣснящихъ до сихъ поръ у насъ свободу слова и свободу совѣсти. Въ настоящее время вѣтъ вопроса болѣе настоятельнаго, болѣе неотложно требующаго реформы, какъ вопросъ объ обеспеченіи за русскимъ обществомъ правъ гражданской свободы... Всякое безправіе—существенная помѣха упроченію и развитію государственнаго порядка. Поэтому сильная и дѣятельная власть не можетъ мириться съ безправіемъ, чему лучшимъ доказательствомъ въ нашей исторіи служить великій актъ освобожденія крестьянъ. Но человѣку мало—не быть только вещью. Чтобы устранить безправное его положеніе, надо обеспечить ему право личной свободы, право свободного выраженія своихъ мнѣній, свободного исповѣданія своихъ вѣрованій, свободного общенія съ другими людьми“.

Останавливаясь на свободахъ личной, свободѣ печати и свободѣ религіи, г. Коркуновъ замѣчаетъ, что „какъ ни скудны гарантіи, устанавливаемыя закономъ въ этомъ отношеніи, какъ ни узки рамки, поставляемыя этимъ видамъ гражданской свободы, но все-таки законодательство признаетъ ихъ въ принципѣ. Что же касается свободы общенія, то законъ нашъ ее вполне отрицаетъ. Ни временныя публичныя собранія, ни постоянные союзы и притомъ съ какою бы то ни было цѣлью, хотя бы въ цѣляхъ промышленныхъ или просто развлеченія, не допускаются у насъ иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія администраціи, пользующейся въ этомъ отношеніи вполне безконтрольною, дискреціонною властью. Домашнія собранія, хотя бы только для забавы и увеселенія, такъ же не изъяты отъ подобнаго контроля полицейской власти. Законъ возлагаетъ на полицію обязанность слѣдить

даже за тѣмъ, во чтѣ при этомъ одѣты присутствующіе“. Между тѣмъ,—какъ далѣе поясняетъ авторъ,—обеспеченіе гражданской свободы необходимо даже въ интересахъ прочности и развитія государственнаго могущества. „Всѣ силы государства сводятся въ концѣ концовъ къ личнымъ силамъ составляющаго его населенія, а силы эти, конечно, не могутъ развиваться, если будетъ подавлена личная свобода, а съ нею и личная инициатива. Государственное властвованіе опирается не столько на матеріальную силу, сколько на нравственное сознаніе долга подчиняться требованіямъ мирнаго государственнаго порядка. Чувство же долга можетъ быть сколько-нибудь сильно развито только въ нравственно развитой личности, съ сознательно выработанными и твердыми нравственными убѣжденіями. А безъ свободы не можетъ быть нравственнаго развитія, нравственной крѣпости. Рабство не можетъ воспитать не только героевъ, но и вообще нравственно стойкихъ людей. Государственная дѣятельность требуетъ людей, привыкшихъ общее ставить выше своего частнаго, личнаго, интересующихся общественными вопросами, умѣющихъ дѣйствовать сообща, другъ друга знающихъ и другъ другу довѣряющихъ. Если же общественная жизнь въ государствѣ стѣснена, если подданные не могутъ свободно обмѣниваться мыслями и знаніями, свободно сходиться другъ съ другомъ, не могутъ заключать союзовъ для совмѣстной дѣятельности, они невольно замыкаются въ рамки узкаго эгоизма, пріучаются чуждаться другъ друга, дѣлаются неспособны ко всякой сколько-нибудь энергичной и плодотворной общественной дѣятельности“¹⁾.

Жизнь не всегда, конечно, идетъ такъ, какъ предписано ей идти „уставомъ предупрежденія и пресѣченія“, и не все, что сказано въ этомъ уставѣ, слѣдуетъ принимать буквально, какъ склоненъ, повидимому, думать г. Коркуновъ. Запрещенія, не сопровождаемыя угрозою опредѣленнаго взысканія, могутъ не имѣть обязательной силы на практикѣ, точно такъ же какъ и нравственныя правила и сентенціи, излагаемыя нерѣдко въ видѣ законовъ. Въ указанномъ уставѣ содержатся, напр., предписанія о томъ, что „всѣмъ и каждому вмѣняется въ обязанность жить въ незазорной любви, въ мирѣ и согласіи, другъ другу по достоинству воздавать почтеніе, послушнымъ быть кому надлежитъ“; что „полиція имѣетъ попеченіе, чтобы молодые и младшіе почитали старыхъ и старшихъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги господамъ и хозяевамъ“; что „запрещается всѣмъ и каж-

¹⁾ Русское госуд. право, т. I, 2-ое изд., стр. 324 слѣд.

дому пьянство" и т. п.;—и едва ли это станетъ утверждать, что эти положенія имѣютъ характеръ обязательныхъ постановленій. Относительно запретительныхъ и ограничительныхъ правилъ и распоряженій многое зависитъ отъ того, какъ ихъ истолковываютъ юристы и судебныя мѣста; а противорѣчія и неясности въ этой важной области нашего законодательства давали бы богатый матеріалъ для защиты началъ законности путемъ надлежащаго логическаго толкованія и примѣненія законовъ. Но самыя законы не пользуются всеобщимъ авторитетомъ, когда одни изъ нихъ парализуются или уничтожаются другими, и когда съ ними успѣшно соперничаетъ свободное усмотрѣніе исполнителей. Поэтому необходимо возвысить и утвердить значеніе общихъ законовъ, подчинивъ имъ одинаково и судъ, и администрацію, чтобы чувство законности получило реальную почву и не оставалось чѣмъ-то чуждымъ большинству населенія.

Нѣкоторые наши публицисты хотятъ увѣрить читателей, что водвореніе твердой законности связано съ ограниченіемъ правительственной власти; они какъ будто полагаютъ, что власть не можетъ имѣть цѣлью общее благо, къ которому относится и обезпеченность всѣхъ и cadaго въ личныхъ правахъ. Странно говорить о соблюденіи законныхъ правъ обывателей, какъ о чемъ-то неудобномъ или стѣснительномъ для какихъ-либо органовъ администраціи; и, разумѣется, само правительство никогда не раздѣляло у насъ такого рода оригинальныхъ взглядовъ на задачи власти. Подчиненіе всѣхъ однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ никакъ не можетъ умалять власть, отъ которой исходятъ законы; а достоинство самаго содержанія законовъ зависитъ отъ того живого единенія между властью и лучшими умственными силами страны, которое всегда сопутствуетъ благимъ преобразовательнымъ намѣреніямъ правителей. Наименьшее значеніе, какъ намъ кажется, имѣютъ въ этомъ отношеніи формальныя различія между разными категоріями законовъ и указовъ, исходящихъ отъ верховной власти, — различія, которыя такъ подробно изслѣдованы г. Боркуновымъ въ книгѣ „Указъ и законъ“.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Хорошо умереть безъ страданій и муки,
Съ чистымъ сердцемъ, съ спокойной душой,
И въ минуту таинственной съ жизнью разлуки
Не жалѣть ничего за собой.

Утомленное трудною жизни дорогой,
Позабывши земную судьбу,
Это сердце, что билось съ такою тревогой,
Успокоится мирно въ гробу.

Хорошо умереть, когда кончена страда,
Когда выполненъ жизни урокъ,
Хорошо умереть, догорѣвъ, какъ лампада,
Доцвѣтя, какъ осенній цвѣтокъ.

II.

Онъ долго брелъ дорогой каменной.
Тяжелый путь на верхъ горы всплывалъ
И тамъ, за гребнемъ скалъ, темнѣющій и мгlistый,
Изъ утомленныхъ глазъ, вѣся, исчезалъ.
Онъ шелъ впередъ. Привѣтными лучами
Съ вершины огонекъ, колебляся, свѣтилъ;
И, бодро двигая усталыми ногами,
Надеждой окрыленъ, онъ въ гору все спѣшилъ,

Туда, къ вершинамъ скалъ, царящихъ надъ скалами,
Куда огонь заманчиво манилъ.

И много дней прошло, и путникъ, въ утомленьѣ,
Задумался, поникнувъ головой:

„Что, если этотъ свѣтъ, мерцавшій въ отдаленьѣ
Мнѣ путеводною, желанною звѣздой,—
Не свѣтъ, а лишь блудящій огонекъ?“

А вѣрилось и ждалось такъ много,

А путь къ нему такъ темень, такъ далекъ,

Такъ утомительна пустынная дорога!“

И понялъ онъ, отъ мукъ изнемогая,

Что длинный путь напрасно совершень,

Что тамъ, вверху, все та же тьма нѣмая,

Что за миражемъ гнался онъ;

И онъ созналъ, что то, къ чему любовь

Была въ груди, въ душѣ горѣла вѣра,

Что поднимало духъ, что волновало кровь,—

Была обманчиво-прекрасная химера.

И онъ воззвалъ... Лишь эхо отвѣчало.

Онъ вновь воззвалъ... Все тотъ же былъ отвѣтъ.

И онъ рыдалъ—и все кругомъ рыдало...

А пламя лживое по прежнему мерцало,

И звалъ къ себѣ колеблющійся свѣтъ.

III.

Спать земля истомы сномъ мятежнымъ,

Но не спать надъ нею небеса:

Въ стройный хоръ въ просторѣ ихъ безбрежномъ

Свѣтлыхъ звѣздъ слился голоса.

Въ ихъ взгляды мерцающіе лики,

Ихъ рѣчамъ нѣмымъ душою ты внемли:

Что предъ ихъ покоемъ вѣчнымъ крики,

Скорби, гнѣвъ и радости земли?

И тогда, всмотрясь въ лицо вселенной,

Передъ тайной жизни міровой,

Ты поймешь душою вдохновенной,

Что юдоль твоя—не только путь земной,—

И на мигъ сольешься съ неизмѣнной

Міровой, всеобщей душой.

IV.

Есть въ жизни чудныя мгновенья,
Когда, на мигъ пробуждена,
Душа, въ порывъ вдохновенья,
Отбросивъ прежнія сомнѣнья,
Ливуетъ, радости полна.

Кругомъ все то же; но, согрѣта
Какимъ-то внутреннимъ огнемъ,
Она полна тепла и свѣта,
И ей улыбкою привѣта
Миръ улыбается кругомъ.

Таеъ въ ночь осеннюю, порою,
Раздвинулъ вѣтеръ стаю тучъ,—
И вотъ блистаетъ надъ землею
И освѣщаетъ все собою
Луны колеблющійся лучъ,—

И, луннымъ свѣтомъ залита,
Земля—не та.

К. СЕЛАВРИ.

ВОДВОРЕНІЕ

НОВЫХЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ФОРМЪ

Первая половина XVIII-го вѣка.—Повѣсть, драма, лирика.

Съ проблесками новаго міровоззрѣнія, которое хотя отрывочно, но категорически заявлено было въ преобразованіяхъ Петра В., въ первый разъ нашло прочную опору сближеніе русской литературы съ литературами западной Европы. Какъ мы говорили раньше, потребность въ новомъ образованіи проявлялась отдѣльными характерными фактами еще задолго до Петра В.; но великое нравственное значеніе его дѣятельности заключалось въ томъ, что она именно дала ту санкцію, безъ которой этому движенію пришлось бы, безъ сомнѣнія, пролагать свой путь цѣною тяжелыхъ усилий: предстояла бы трудная борьба, которая не могла обойтись безъ жестокихъ преслѣдованій со стороны упрямаго и невѣжественнаго застоя. Сила общественная, которая могла бы поддержать новое движеніе, не существовала; оно могло бы опереться только на одну изъ двухъ санкцій—власть церкви или власть царскую. Мы видѣли, какъ стоялъ вопросъ образованія въ рукахъ церковной іерархіи наканунѣ Петра В. Два послѣднія патріаршества, Іоакима и Адріана, не подавали никакой надежды на сколько-нибудь здравую постановку дѣла: не говоря о томъ, что не было въ тѣ времена никакой мысли о допущеніи свѣтской науки, само церковное образованіе упорно держалось на

мертвой средневѣковой схоластикѣ; даже долго спустя, несмотря на усилія Теофана, она удержалась въ церковной школѣ въ теченіе цѣлаго XVIII вѣка и съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ даже дольше... Могла быть надежда только на царскую власть. Дѣйствительно, Петръ В. исполнялъ эту надежду и мы видѣли, какое безконечное поклоненіе внушалъ онъ тѣмъ, кто жилъ идеями новаго образованія и понималъ его жизненную необходимость: возвеличеніе царскаго авторитета, передъ которымъ должна была склоняться церковная власть, еще недавно столь могущественная, это возвеличеніе, въ словахъ и писаніяхъ Теофана, указывало, что только въ этомъ авторитетѣ видѣли защиту новаго образованія, для котораго не было другой опоры въ массѣ, издавна враждебной ко всему новому, въ томъ числѣ и къ невѣдомой наукѣ. При Петрѣ В. прямо и рѣшительно заявлена была необходимость свѣтской реальной науки, которой прежде такъ боялись, — и явились первыя школы и первыя книги, посвященныя этой наукѣ, хотя бы на ея пока элементарныхъ ступеняхъ; Петръ В. даже не ставилъ вопроса (который по всей вѣроятности явился бы при другихъ условіяхъ), были ли эти науки „благословенны“: этотъ вопросъ для него не существовалъ, потому что человѣкъ долженъ пользоваться даннымъ ему отъ Бога умомъ и здравымъ смысломъ. Не только не было поставлено этого вопроса, но и прямо отвергнуто, даже рѣзко осмѣяно то старое суевѣріе, которымъ преисполнена была московская старина, которымъ она дорожила, какъ самую истинную, и которое держало умы въ туманѣ, порождая мрачный фанатизмъ. Петръ В. совершалъ неслыханное дѣло, когда намѣренно окружилъ себя „латиною“ и „люторами“, самъ отправился учиться въ ихъ земли, собралъ иноземныхъ учителей и наконецъ задумалъ основать въ новой столицѣ даже цѣлое учрежденіе, которое должно было стать рассадникомъ новой науки: то, что съ суевѣрнымъ страхомъ проклинали старые учителя, получало официальное государственное значеніе. Въ книгахъ времени Петра В. открыто принималось ученіе Коперника или „Гюенса“, Теофанъ восхвалялъ въ стихахъ (правда, латинскихъ) Галилея, его питомецъ переводилъ Фонтенеля и т. д.

Правительственное признаніе науки открыло просторъ для *любезности*. Наличная школа, пока еще крайне бѣдная, далеко не питала этой любви къ знанію; но мы видѣли, что даже внѣ вліяній школы любовь къ знанію начинаетъ увлекать живые умы, которые собственными силами и на свой страхъ жадно ищутъ иноземныхъ познаній, и уже въ первомъ поколѣніи являются столь оригинальные и по своему времени смѣлые писа-

тели, какъ Татищевъ. Любознательные люди появляются во всѣхъ слояхъ общества: посылки за границу въ ученые, самостоятельныя путешествія (какъ на примѣръ то, какое предпринялъ даже Тредьяковскій) вводили людей молодого поколѣнія прямо въ среду иноземной жизни, гдѣ наука была такъ изобильна. Если кто изъ нихъ учился дома по старому схоластическому образцу, эта шелуха тотчасъ спадала передъ настоящимъ реальнымъ знаніемъ и живыми впечатлѣніями западной литературы; быстро приобрѣталось совсѣмъ иное настроеніе мысли и впервые получилъ возможность развитія вкуса въ художественному и поэтическому, который дома былъ издавна заглушенъ книжническимъ аскетизмомъ. Тредьяковскій, попавши въ Парижъ, такъ увлекся легкой литературой, что поспѣшилъ передать одно изъ ея произведеній въ своихъ стихахъ, на первый разъ весьма дубовыхъ; Ломоносовъ, занимаясь въ Германіи химіей и горнымъ дѣломъ, прислалъ въ Петербургъ знаменитую оду, которая поразила невиданной красотой языка даже людей, мало заботившихся о литературѣ.

Это было знаменательное начало. Впослѣдствіи привыкли говорить, что съ началомъ этихъ западныхъ вліяній русская литература рабски имъ подчинилась и забыла преданія своей народности. Въ этомъ взглядѣ, который, повидимому, такъ убѣдительно подтверждается множествомъ фактовъ и литературныхъ и бытовыхъ, есть однако большая ошибка. Какъ дальше увидимъ, никто изъ писателей, которые увлекались произведеніями западной литературы и невольно имъ подражали, никто не думалъ, что наносить этимъ ущербъ своей національности или измѣняетъ ей; напротивъ, всѣ они были глубоко убѣждены, что именно служить ея достоинству, приносить пользу согражданамъ, украшаютъ и обогащаютъ русскій языкъ. Послѣдующее развитіе русской литературы, при всей ея подражательности, дѣйствительно представляетъ постоянный рядъ успѣховъ, какъ въ содержаніи, такъ и въ языкѣ: эта подражательная литература послѣдовательно привела отъ Симеона Полоцкаго и Кантемира къ Жуковскому и Пушкину. Съ другой стороны, чему она измѣнила? Старая письменность, въ ея основномъ теченіи, въ старинномъ „книжномъ почитаніи“, была не въ состояніи доставить основу для новой литературы, когда отличительною чертою послѣдней стала пробудившаяся мысль и стремленіе познакомиться съ обширнымъ запасомъ западнаго поэтическаго содержанія, когда другою чертою ея стало сильное, органическое и вполне законное стремленіе ввести въ книгу живую общественную рѣчь вмѣсто тяжелого искусственнаго языка старинныхъ книжниковъ. Новая литература

отдѣлилась отъ старой глубокимъ различіемъ въ самомъ содержаніи, и этимъ содержаніемъ она не могла бы поступиться, не отказываясь отъ всѣхъ своихъ научныхъ и поэтическихъ стремленій. Новый литературный языкъ опять отдѣлился отъ старой книжной рѣчи всею сущностью своего характера, потому что эта книжная рѣчь была въ концѣ концовъ только языкомъ церковной книги и языкомъ одного сословія: естественно было ввести въ книгу живую, именно русскую рѣчь. Уступать было нельзя, и новая литература была не имѣной народности, но именно стремленіемъ развить ея силы въ болѣе широкомъ горизонтѣ мысли и въ болшемъ богатствѣ языка. Первые шаги этой литературы были угловаты, какъ бывають первые неумѣлые опыты: была угловатость въ передачѣ новыхъ понятій, при чемъ непривычная мысль не находила себѣ выраженія въ живой рѣчи или искала этого выраженія въ старомъ церковно-приказномъ языкѣ; во многихъ случаяхъ этотъ языкъ, уснащенный кромѣ того грубо прилаженными иностранными словами, и новое содержаніе, противорѣчившее старому обычаю, могли казаться нарушеніемъ народности, но очень часто это была только новизна, прежде незнакомая, но которая вовсе не могла противорѣчить духу народности, когда это было только новое научное знаніе или новая черта культурнаго общежитія. Наконецъ, неровности столкновения были неизбежны, когда новому содержанію приходилось отвоевывать себѣ мѣсто въ умственной и бытовой средѣ, которая встрѣчала все новое, каково бы оно ни было, съ недоумѣніемъ или даже злобою школы Аввакума, оплакивавшего „послѣднюю Русь“ уже во времена царя Алексѣя Михайловича. Наконецъ эти угловатости новаго движенія въ значительной мѣрѣ происходили потому что, собственно говоря, оно въ области общественнаго образованія шло почти стихійнымъ образомъ, предоставленное самому себѣ: Петръ В. намѣтилъ только извѣстныя государственнопользныя стороны его, но послѣ Петра его дѣло или едва влачилось, или было заброшено и въ области образованія и литературы держалось только единичными разбросанными силами стихійно, благодаря могущественному впечатлѣнію дѣятельности Петра В. и встрѣчая уже на первыхъ порахъ всякія противодѣйствія и помѣхи, которыя въ существѣ были отраженіемъ той же старины.

Въ такихъ смутныхъ условіяхъ должно было происходить возникновеніе новой литературы. Если, какъ мы видѣли, оно было дѣломъ естественнаго инстинкта людей, ни мало не отрывавшихся отъ народности, какъ на примѣръ Татищевъ или Ломоносовъ, то съ другой стороны оно не было совершенною новиз-

ной. Въ положеніи новаго образованія, усвоеніе иноземной западной науки было тогда вполнѣ естественно,—другого пути не было; точно также не было другого пути и для развитія литературы поэтической: неизбежно было воспріятіе новыхъ литературныхъ формъ. Но какъ въ первомъ отношеніи интересъ къ западной наукѣ возникалъ еще до Петра В. и независимо отъ него, такъ задолго до него возникаетъ, или независимо отъ его школы совершается также исцаніе новыхъ литературныхъ формъ. Первые признаки этого исцанія восходятъ къ письменности XVII или даже XVI вѣка; для объясненія этого мы должны возвратиться нѣсколько назадъ.

Эти признаки можно замѣтить прежде всего въ исторіи древней русской повѣсти. Говоря объ ея исторіи ¹⁾, мы указывали, что особенно во второй половинѣ XVII вѣка замѣчается сильный наплывъ повѣсти западной, которая приходила всего болѣе черезъ польское посредство, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, восходящихъ къ XVI вѣку, западная повѣсть проникала къ намъ сложнымъ путемъ—изъ итальянскаго источника черезъ сербскіе и бѣлорусскіе переводы. Эта западная повѣсть явилась какъ нѣчто необычное въ старой русской письменности: на мѣсто прежняго типа повѣсти съ чудесными героическими дѣяніями, мудрыми загадками и наставленіями, съ легендарной мифологіей и т. п., приходилъ специально рыцарскій романъ, съ любовными исторіями, шутливая бытовая повѣсть въ тонѣ фавло и Декамерона и т. п., для чего въ старомъ „книжномъ почитаніи“ не было никакого antecedenta. По нѣкоторымъ чертамъ новая повѣсть сближалась однако съ прежнею и читатель встрѣчалъ знакомый интересъ въ богатырскихъ подвигахъ, чудесныхъ приключеніяхъ; но другое было ново, какъ, на примѣръ, самый образъ западнаго рыцаря, его служеніе дамѣ своего сердца, обиходъ рыцарскаго быта. Мы указывали, что на первый разъ (да и долго послѣ) эти новыя черты были въ славянской, а затѣмъ и русской средѣ совершенно непонятны ²⁾. Мы замѣчали, что въ славянской и русской письменности эти элементы рыцарской поэзіи приняты были только внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ: едва ли понятые вполнѣ съ самаго начала, они остались неразвитыми и не оставили въ нашей письменности никакого слѣда. Наша повѣсть все еще гораздо больше смотритъ на эти исторіи какъ на рядъ богатырскихъ и курьезныхъ приключеній, мало или совсѣмъ не чувствуя

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1894, апрѣль, май.

²⁾ „Вѣстн. Европы“ 1894, май, стр. 291 и слѣд.

новый тонъ настроенія, для котораго часто она не находила и словъ. „Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній,—замѣчаетъ г. Веселовскій ¹⁾:—ихъ заслуга въ починѣ, не въ завершеиіи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей“. Эти мотивы повторяются потомъ въ переводной повѣсти XVII и начала XVIII вѣка, но до извѣстной степени бросили корень въ нашей литературѣ только гораздо позднѣе, въ томъ видоизмѣненіи, какое идеализація женщины получила въ псевдо-классической и сентиментальной шкোলѣ.

За итальянскими Бово, Тристаномъ и Ланцелотомъ послѣдовалъ длинный рядъ другихъ рыцарскихъ и иныхъ повѣствованій, источникомъ которыхъ была западная средневѣковая литература и которыя приходили къ намъ преимущественно, если не исключительно, черезъ Польшу. Для русской письменности это была несомнѣнно новость и въ томъ отношеиіи, что здѣсь повѣсть имѣла новый характеръ, непохожій на старыя византийскія сказанія, и въ томъ, что являлся новый источникъ литературнаго заимствованія, тотъ самый латинскій и люторскій, котораго въ другихъ отношеиіяхъ такъ страшились благочестивые московскіе книжники. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали эти рыцарскія повѣсти и средневѣковыя новеллы, какъ „Римскія Дѣянія“, повѣсть объ Аполлоніи королѣ Тирскомъ, повѣсть о Брунцвигѣ королевичѣ чешской земли, повѣсть о преславномъ римскомъ вesarѣ Оттонѣ, о Мелюзинѣ, о Петрѣ Прованскомъ (или Петрѣ Златыхъ-Ключахъ) и королевнѣ Магелонѣ и т. п. Судя по тому, что всѣ эти повѣсти извѣстны въ большомъ количествѣ списковъ, заходящихъ и въ XVIII столѣтіе, онѣ были очень любимымъ чтеніемъ. Въ библиотекѣ князя В. В. Голицына въ числѣ другихъ иностранныхъ книгъ латинскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ были и иностранныя книги въ русскихъ переводахъ, напримѣръ: „Како царица Олунда близнatzъ породы и како ихъ сиекровь ея, мать цесарева, хотя погубити“, „книга съ польскаго письма съ исторіи о Магилонѣ кралевнѣ“ ²⁾. Еще больше это чтеніе было распространено въ менѣе высокихъ кругахъ и, какъ извѣстно, популярность ихъ была, наконецъ, столь велика, что многія изъ этихъ повѣстей вошли въ число наиболѣе любимыхъ народныхъ книгъ, какъ Бова Королевичъ, Петръ Златые-Ключи и пр. ³⁾,

¹⁾ Издавшій съ обширнымъ комментариемъ текстъ, XVI вѣка, Бово и Тристана.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, М. 1864, стр. 99; тамъ же упоминаются „четыре книги письменныя о строеніи комедіи“.

³⁾ См. объ этихъ повѣстяхъ въ моемъ „Очеркѣ“, Спб. 1867, стр. 228 и т. д.; у Веселовскаго въ Исторіи русской словесности, Галахова, изд. 2. Спб. 1880, I, отдѣлъ первый,

какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, съ того же времени перешли въ народную письменность, а затѣмъ въ любочныя картинныя шутливыя анекдоты западнаго происхожденія, „польскіе жарты“ и т. п. Новый вкусъ, очевидно, установился очень прочно, потому что на переходѣ отъ XVII на XVIII столѣтіе мы встрѣчаемъ цѣлую обширную „письменность“ беллетристическаго характера, на которую до сихъ поръ почти не было обращено вниманія, и которая однако очень характерна, какъ посредствующая историческая ступень между старой и новой литературой. Мы разумѣемъ ту массу рукописныхъ повѣстей, сказокъ и подобныхъ произведеній, которая распространена въ рукописяхъ, особливо первой половины XVIII вѣка и представляетъ намъ до сихъ поръ почти неизвѣстную русскую повѣсть первой половины прошлаго вѣка ¹⁾.

Она любопытна исторически именно своимъ переходнымъ характеромъ, близко примыкая съ одной стороны къ рукописному XVII вѣку, съ другой — къ печатной литературѣ второй половины прошлаго столѣтія и къ народной книгѣ, живущей до сихъ поръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отражая на себѣ книжные вкусы и бытовыя черты своего времени. Въ цѣломъ эта повѣсть представляетъ собою особый обширный отдѣлъ старой письменности, заслуживающій вниманія историковъ литературы или, еще больше, историковъ быта и нравовъ.

Это — довольно разнообразная масса переводнаго романа, повѣсти, поэмы, волшебной сказки и т. п. Здѣсь находится болѣе ста названій отдѣльныхъ произведеній, въ большинствѣ переводныхъ, но частію представляющихъ русскіе опыты и подражанія, а число рукописей ²⁾ восходитъ до трехъ сотъ.

Эта литература наглядно представляетъ тѣ посредствующія

стр. 488 и далѣе. Шлякинъ, „Св. Дмитрій Ростовскій“. Спб. 1891, стр. 72 и далѣе, собралъ данія о распространеніи въ Москвѣ въ XVI и XVII вѣкѣ латинскихъ и польскихъ книгъ и ихъ русскихъ переводовъ.

¹⁾ Мы останавливались на ней въ „Сборникѣ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ“. М. 1891: „Для любителей книжной старины. Библиографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка“, стр. 199—276, 541—556 (и отдѣльно, М. 1888). Приводимъ отсюда общія замѣчанія объ этой литературѣ.

²⁾ Съ прибавкою тѣхъ, какія стали намъ извѣстны послѣ упомянутаго изслѣдованія 1888—1891 г. Новые сообщенія были намъ сдѣланы А. А. Титовымъ и Н. П. Лихачевымъ. Указанія рукописей см. также въ „Описаніи рукописей Имп. Общества любителей др. письменности“, Лопарева. Спб. 1892—1893; и въ „Систематическомъ описаніи славяно-росс. рукописей собранія гр. А. С. Уварова“, архивъ Леониды (четыре части). М. 1894.

явленія, которыя именно связываютъ московскую книжную старину съ новѣйшей литературой и устраняютъ обычное до сихъ поръ представленіе о перерывѣ литературной традиціи и наступленіи совсѣмъ новой литературы послѣ Петра. Мы уже видѣли раньше, что въ дѣйствительности между двумя періодами не было такого рѣзкаго дѣленія, и эта рукописная масса еще разъ подтверждаетъ присутствіе посредствующаго звена. До самой второй половины XVIII столѣтія мы видимъ съ одной стороны прямое продолженіе тѣхъ книжныхъ преданій и обычаевъ, какіе жили въ XVII вѣкѣ, съ другой—новые, медленно возникающіе вкусы, полное развитіе которыхъ принадлежитъ уже болѣе позднему времени, именно второй половинѣ столѣтія. При Петрѣ и послѣ литература продолжаетъ жить по старинному, въ рукописяхъ, печать долго еще остается дѣломъ непривычнымъ, и достойными ея считаются только вещи церковныя и официальныя. Довольно взглянуть на описанія нашихъ рукописныхъ собраній, чтобы видѣть, до какой степени крѣпко продолжается въ XVIII вѣкѣ старое содержаніе нашей письменности: здѣсь все еще по прежнему ведутся въ рукописяхъ и старыя церковныя книги, и лѣтописи, и хронографы, историческія сказанія, житія и старинныя повѣсти—нравоучительныя, чудесныя, рыцарскія, богатырскія, смѣхотворныя и т. д. Для средняго, а тѣмъ болѣе народнаго читателя XVIII вѣка не прерывалась эта старая цѣпь популярной письменности: онъ не переставалъ питаться старою книгой, т.-е. рукописью, и то, что являлось вновь, какъ будто только продолжало старую книжную традицію. Многое и въ самомъ дѣлѣ продолжало ее: новыя повѣсти, присоединившіяся къ старому запасу, подбирались въ томъ же прежнемъ вкусѣ, писались тѣмъ же языкомъ—полународнымъ, съ церковною и приказною примѣсью, такъ что по внѣшней формѣ иногда трудно опредѣлить, принадлежитъ ли иная повѣсть и „гисторія“ къ XVII вѣку, или была новѣе. Въ этой старинѣ весьма постепенно присоединяются потомъ, *не вытѣсняя ея*, новыя переводныя произведенія съ ясною печатью Петровскаго времени: въ рядъ со старыми королевичами являются болѣе новые принцы и кавалеры; ихъ дѣянія состоятъ не только изъ одного богатырства, но также изъ приключеній новаго рода, и наконецъ, мы видимъ настоящіе романы съ любовными исторіями, съ запутанными похождениями, съ нравоучительною тенденціей и т. д., а новыя черты содержанія требуютъ новаго языка—со множествомъ иностранныхъ словъ, какія расплодила Петровская эпоха. Но, какъ бывало въ старину, такъ и теперь эти произведенія ходятъ только въ ру-

кописяхъ и являются безыменными: очень рѣдко указывается, съ какого языка переведена исторія, но имена автора и переводчика и время перевода почти всегда остаются неизвѣстны.

Къ старымъ рыцарскимъ повѣстямъ и шутивнымъ новелламъ, приходившимъ въ XVII вѣкѣ главнымъ образомъ въ переводахъ съ польскаго, присоединяется теперь новый и весьма разнообразный запасъ „гисторій“, которыя переводились уже и съ другихъ языковъ, особливо съ французскаго и нѣмецкаго. Начавъ незамысловатыми „гисторіями“, источники которыхъ иногда трудно опредѣлить и которыя брались, повидимому, изъ мало извѣстныхъ теперь уголковъ западной народной литературы, эта повѣсть представляетъ въ концѣ концовъ самую разнообразную форму западно-европейскаго романа XVII-го и первой половины XVIII вѣка и доходитъ даже до нѣкоторыхъ знаменитыхъ произведеній тогдашней литературы. Въ своей русской формѣ нѣкоторыя изъ этихъ рыцарскихъ и волшебныхъ исторій остались до настоящаго времени въ ряду нашихъ народныхъ книгъ. Такъ за Бовой, рыцаремъ Петромъ Златыхъ-Ключей, Мелкушиной, слѣдуютъ исторіи съ такими же рыцарями, принцами, королевичами, кавалерами (или просто шляхтичами): „Евдонъ и Берва“, „Альфонсъ Рамиръ“, „Король Ефродитъ и рыцарь Максіонъ“, „Францель Венціанъ“, „Египетскій царевичъ Полиціонъ“, „Гипшанскій шляхтичъ Долторъ“ и т. д. Затѣмъ, рядъ переводовъ извѣстныхъ романовъ XVII столѣтія, какъ „Азіатская Баниса“ (Die asiatische Banise, Циглера, 1689), „Калеандръ“ (итальянскій подлинникъ Дж. Марини, 1644; нѣмецкій переводъ 1651), „Алкеменесъ“ (эпизодъ изъ романа „Клеопатра“, Кальпренеда, 1647—1648), „Ариана“ („Ariane“, Демаре де-Сенъ-Сорлена, 1632) и т. д. съ разнаго рода чудесными и романтическими приключеніями, новѣйшаго и уже народнаго происхожденія. Далѣе, романы сентиментально-нравоучительные, въ родѣ „Гисторіи Жанетты“ или „Добродѣтельной Сицилианки“, или „Ипполита и Жуліи“ (Histoire d'Hippolyte, г-жи д'Оне, 1690), или „Карла Орлеанскаго“. Наконецъ, встрѣчаемъ въ этой литературѣ одинъ изъ популярнѣйшихъ романовъ XVIII вѣка — знаменитаго „Телемака“, переведеннаго нѣсколько разъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка и ходившаго въ рукописяхъ задолго до перевода Тредьяковскаго ¹⁾. Здѣсь начинались

¹⁾ „Телемахида“ Тредьяковскаго вышла въ 1766 году. Раньше издано было „Похожденіе Телемака“ въ 1747, и переводъ помѣченъ 1784 годомъ. Въ рукописяхъ отмѣчается переводъ 1724 года и, повидимому, также другой переводъ Петровскаго времени: „Случай Телемаховн сына Улиссова“ и т. д. Тредьяковскій въ предисловіи къ Телемахидѣ (стр. LVII—LX, изд. Смирдина, т. II), упоминаетъ о прежнихъ переводахъ, которыми онъ былъ недоволенъ.

уже болѣе серьезные литературные вкусы: неизвѣстные (почти всегда) переводчики руководятся уже болѣе высокими требованіями, и въ рукописяхъ являются знаменитыя произведенія европейской литературы, какъ „Погубленный Рай“ Мильтона, какъ „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго, какъ „Локонъ волосъ“ Попа и проч., наконецъ, „Иліада“ и „Энеида“, въ рукописяхъ, задолго опередившихъ печатныя изданія.

На эти переводы полагалось не мало труда: многіе романы чрезвычайно длинны. Такъ, наприм., „Исторія Аріаны“, „Исторія Жанетты“, „Азиатская Банива“, „Гедвига“—представляютъ громадные фоліанты мелкаго письма, одна переноска которыхъ, не говоря о переводѣ, требовала долгой усидчивой работы.

Если неизвѣстны эти усердные переводчики, то трудно также съ точностью указать, какою былъ кругъ читателей этой рукописной литературы. Единственнымъ почти свидѣтельствомъ остались записи о принадлежности рукописей. Судя по нимъ, эта публика была очень разнообразна. „Гисторіи“ списывались людьми всякихъ сословій; рукописи принадлежали людямъ по-тогдашнему образованнымъ—гвардейскимъ и армейскимъ офицерамъ, мелкимъ военнымъ чинамъ (какіе проходили тогда и дворяне), чиновникамъ (между прочимъ, иностранной коллегіи), затѣмъ купцамъ, посадскимъ людямъ, наконецъ, крестьянамъ; книги переходили изъ рукъ въ руки, что и записывалось внутри переплетовъ, иногда съ выраженіемъ впечатлѣній отъ „зѣло полезнаго“ или умиленнаго чтенія и съ заклятіями противъ покражи.

Сличая составъ этой письменной беллетристики съ тою печатною литературой, которая непосредственно слѣдуетъ за нею во второй половинѣ столѣтія, приходимъ къ довольно любопытному наблюденію: первые *печатные* романы, во второй половинѣ вѣка, продолжаютъ то направленіе вкуса, которое намѣчено было рукописными переводами. Многіе изъ романовъ, извѣстныхъ по рукописямъ, иногда въ томъ же самомъ текстѣ, иногда въ новомъ переводѣ, попали теперь въ печать („Евдонъ и Береза“, „Калеандръ“, „Исторія Карла Орлеанскаго“, „Честный человекъ и плутъ“), какъ, съ другой стороны, романы печатные списывались и ходили въ рукописи, по рѣдкости книгъ и старому обычаю. Такимъ образомъ печатная литература романовъ прошлаго вѣка примыкаетъ къ той рукописной, которая господствовала въ первой половинѣ столѣтія. Какъ переводъ, эта „письменность“ имѣетъ литературное значеніе только по своему отношенію къ исторіи нравовъ, образованія, а также и литературныхъ формъ. Это было по преимуществу чтеніе популярное, распространенное по

всѣмъ слоямъ тогдашняго грамотнаго люда и, послѣ книжности XVII вѣка, было подготовленіемъ къ той болѣе серьезной литературѣ, которая возникала съ распространеніемъ правильной школы и образованія. Здѣсь, въ неумѣлыхъ самодѣльныхъ попыткахъ мы можемъ наблюдать зачатки различныхъ направленій нашей литературы прошлаго столѣтія, — зачатки еще грубые, впоследствии совсѣмъ забыты въ болѣе образованномъ кругу, но успѣвшіе сдѣлать свое дѣло: они развивали любовь къ чтенію, вводили новыя книжныя вкусы, подготовляли къ новымъ нравственнымъ интересамъ и даже давали проблески самобытности среди подражанія. Писатели второй половины столѣтія подсмѣивались уже надъ этими „славными исторіями“, которыя тогда для нѣсколько образованныхъ людей уже устарѣли, казались грубыми и площадными, но онѣ надолго, даже до нашихъ дней, остались въ обиходѣ народнаго чтенія. Отсюда ведутъ свое начало тѣ героическія исторіи, которыя въ огромныхъ массахъ расходились въ народной публикѣ — въ извѣстныхъ рыночныхъ, печатныхъ и лубочныхъ изданіяхъ — и долго оставались въ числѣ любимѣйшихъ народныхъ книгъ, какъ „Францель Венціанъ“, „Англійскій милордъ Георгъ“, „Египетскій царевичъ Полиціонъ“ и т. д. Иныя изъ этихъ исторій забылись, вышли изъ употребленія: по свидѣтельствамъ XVIII вѣка, въ то время были, напр., очень популярны „Евдонъ и Берелъ“, „Петръ Золотые-Ключи“, „Арзасъ и Размира“ и т. д.; но теперь онѣ уже отсутствуютъ въ народной литературѣ. Къ сожалѣнію, осталось мало указаній о томъ, какъ складывалась эта литература и какъ она принималась читателями; но, судя по разнымъ намекамъ, надо думать, что она возбуждала въ свое время живѣйшій интересъ. Съ одной стороны большое распространеніе рукописей, изъ которыхъ романы переходили въ печать или, наконецъ, въ лубочное изданіе ¹⁾ въ видѣ сказокъ, съ другой громадный трудъ, который положенъ былъ переводчиками на такія произведенія, какъ огромная „Азіатская Баниза“, „Гисторія о Коронатѣ“ и др., наконецъ, замѣтки нѣкоторыхъ читателей указываютъ, что эта литература читалась съ великимъ увлеченіемъ. Видимо, это была очень интересная новизна, къ которой привлекали не только удивительныя приключенія героевъ и героинь, но и новыя непривычныя изображенія чувства. Однимъ изъ такихъ читателей, въ самомъ началѣ второй половины столѣтія, былъ извѣстный Болотовъ.

¹⁾ Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, укажемъ, на примѣръ, что лубочная „Исторія о принцѣ Адольфѣ и о островѣ вѣчнаго веселья“ составляетъ эпизодъ изъ упомянутаго романа г-жи д'Оне (d'Aulnoy, Histoire d'Hippolyte и пр. 1690); см. Веселовскаго: „Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка“. Сиб. 1887.

Онъ такъ разсказываетъ о своей „чрезвычайной охотѣ“ къ чтанію книгъ: „За охоту къ тому обязанъ я книгѣ „Похожденія Телемака“. Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мнѣ пользу! Я... не могъ довольно ей начитаться. Сладкій питическій слогъ плѣнилъ мое сердце и мысли и влилъ въ меня вкусъ къ сочиненіямъ сего рода, и вперилъ любопытство къ чтенію и узнанію дальнѣйшаго. Я получилъ чрезъ нее понятіе о миеологіи, о древнихъ войнахъ и обыкновеніяхъ, о троянской войнѣ, и мнѣ она такъ понравилась, что у меня старинные брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались непрерывно въ головѣ, къ чему много помогали и картинки, въ книгѣ находившіяся. Словомъ, книга сія служила первымъ камнемъ, положеннымъ въ фундаментъ всей моей будущей учености, и куда жаль, что у насъ въ Россіи было тогда еще такъ мало русскихъ книгъ, что въ домахъ нигдѣ не было не только библіотекъ, но ни малѣйшихъ собраній, а у французскихъ учителей того меньше. Литература у насъ тогда только-что начиналась“¹⁾... Этотъ „сладкій питическій слогъ“ Болотовъ нашель въ томъ первомъ печатномъ переводѣ Телемака, которымъ остался недоволенъ самъ Тредьяковскій: такъ мало еще замѣчали нескладность языка и такъ увлекательна была новость содержанія. И въ другой разъ Болотовъ упоминаетъ о своемъ тогдашнемъ чтеніи. Одинъ знакомецъ принесъ ему однажды „рукописную книгу“ и совѣтовалъ прочесть: „Книга сія была для меня очень любопытна, и какъ я сего рода книгъ нивогда еще не читывалъ, то въ немногіе дни промолоть я ее всю, а не удовольствуясь однимъ разомъ, прочелъ и въ другой разъ и могъ ему пересказать все по пальцамъ“. Знакомецъ былъ такъ доволенъ его вниманіемъ, что подарилъ ему книгу. „Я обрадовался тому до чрезвычайности и не зналъ какъ возблагодарить ему за оную. Составляла она переводъ одного французскаго и прямо, можно сказать, любовнаго романа подъ заглавіемъ „Эпаминондъ и Целеріана“ и произвела во мнѣ то дѣйствіе, что я получилъ понятіе о любовной страсти, но со стороны весьма нѣжной и прямо романтической, что послѣ послужило мнѣ въ немалую пользу“²⁾.

Наконецъ, возникала русская повѣсть. Первые опыты русской новеллы восходятъ опять въ XVII вѣкъ. Изъ старой письменности, безъ сомнѣнія, многое не дошло до насъ и по всей вѣроятности

¹⁾ Записки А. Т. Болотова. Т. I. Слб. 1870, стр. 108.

²⁾ Тамъ же, стр. 182. Этотъ „Эпаминондъ и Целеріана“ извѣстенъ теперь въ нѣсколькихъ рукописяхъ библіотеки Общества любителей древней письменности и московскаго Румянцовскаго Музея: переводъ помѣченъ въ нихъ одинаково 1741 г.

не дошло въ особенности то, что не имѣло никакого отношенія къ официальной жизни, было свободнымъ произведеніемъ фантазіи, иногда совсѣмъ выходящимъ изъ рамокъ привычнаго благочестиваго стиля. Такъ могло быть и съ опытами повѣсти, которая вообще извѣстна теперь только по немногимъ произведеніямъ, отрывкамъ и намекамъ. Повѣсть могла зарождаться даже самостоятельно, по условіямъ самой русской письменности XVII вѣка. Остановившаяся на русской поэзіи этого послѣдняго столѣтія старей Руси, г. Буслаевъ отмѣчаетъ въ той эпохѣ странное раздвоеніе. „Съ одной стороны, за эпической, ровный складъ стариннаго разсказа стоитъ сама жизнь, ровная въ своемъ обрядномъ теченіи; съ другой стороны, энергическія мѣры къ истребленію народныхъ суевѣрій лишали эпическую поэзію миѣческой основы ея, колебля вѣру въ миѣческое чудесное. Старинная поэзія развиваться на прежнихъ суевѣріяхъ, столь рѣшительно искореняемыхъ, уже не могла; самая же жизнь, еще не выработавшись для новаго, болѣе согласнаго съ благочестивыми требованіями, органа, смиренно удовлетворялась эпическою сказкой. Потому русскіе люди XVII в., или боязливо потакали своей поэтической слабости, слушая на пирахъ и въ хоровахъ старинныя пѣсни, или же примирали свои эстетическіе вкусы съ требованіями вѣка на стихахъ духовнаго содержанія. И такъ, каково же исходъ могла имѣть въ то время эпическая поэзія, пораженная въ корнѣ, остановленная въ своемъ прежнемъ теченіи?

„Многъ развиваться не могъ. Сказки, переплетенныя небывшими, считались дѣломъ постыднымъ, непозволительнымъ... Многъ смѣнился историческимъ событіемъ... Принявъ въ XVII вѣкѣ историческое направленіе, поэзія хотя и могла оставаться въ предѣлахъ эпическаго склада, но уже самое отклоненіе отъ миѣческой основы даетъ намъ знать, что историческій путь, принятый фантазією, образовался при болѣе положительномъ взглядѣ на дѣйствительность... Наступаетъ время разсужденія, наблюденія надъ тѣмъ, что окружаетъ человѣка и чѣмъ онъ живетъ. Самыя преслѣдованія предразсудковъ и эпическаго чудеснаго заставляютъ образумиться и осмотрѣться.

„При такомъ состояніи умовъ оказалась возможность *поэтики*, какъ вѣрнаго разсказа о томъ, что и какъ въ жизни дѣлается“¹⁾.

Можно было бы нѣсколько видоизмѣнить или дополнить объ-

¹⁾ Буслаевъ, „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“. Спб. 1861, I, стр. 510—511.

ясненіе факта,—такъ какъ мѣры къ истребленію суевѣрій начались, напр., уже съ первыми началами нашей церкви и письменности и безъ сомнѣнія много содѣйствовали тому, что эпическая поэзія не могла проникнуть въ книгу и черезъ это не могла вырости въ литературный памятникъ, способный оплодотворить дальнѣйшую поэтическую дѣятельность,—но въ общихъ чертахъ къ концу стараго періода указанное явленіе окончательно завершилось. Но не только спеціальныя мѣры противъ суевѣрій, а цѣлое теченіе жизни устраняло старую поэзію: начиналось болѣе сложное историческое движеніе, съ которымъ неизмѣнно кончается возможность непосредственнаго эпоса. Такимъ образомъ историческій процессъ въ самой древней Россіи устранялъ первобытную эпическую поэзію: въ то самое время, когда правительственная власть изъ своихъ оригинальныхъ морально-аскетическихъ побужденій преслѣдовала суевѣрія, а съ ними вообще поэтическое преданіе, въ это время, въ сущности (для XVII-го вѣка) уже независимо отъ преслѣдованій старое поэтическое творчество истощалось,—и опыты повѣсти были инстинктивнымъ исканіемъ иныхъ, чѣмъ прежнія, литературныхъ формъ, потому что эти прежнія уже не удовлетворяли нарождавшейся наблюдательности, потребности „образумиться и осмотрѣться“.

Первые опыты старой русской повѣсти выработывались прежде всего на почвѣ легендарной, такъ что въ началѣ лишь немногими чертами дѣлятся отъ настоящей агиографической легенды или полу-апокрифическихъ сказаній о власти демоновъ надъ людьми, о происхожденіи вина, въ которомъ дѣйствуетъ также особый демонъ пьянственный, о рукописаніяхъ, какія бѣсамъ удается получать отъ слабыхъ людей, и т. п. Такъ повѣсть „о бѣсноватой женѣ Соломоніи“ является просто въ формѣ одного изъ чудесъ, совершенныхъ помощью Богородицы и молитвами преподобныхъ Прокопія и Іоанна устюжскихъ ¹⁾; но „повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“, основанная на такомъ же демоническомъ мотивѣ, уже не имѣетъ ни мало житійнаго характера, имѣетъ намѣреніе изобразить бытовой случай, обставляетъ рассказъ точными указаніями мѣста, времени, семьи, событій. Чортъ, воспользовавшись тѣмъ, что Савва однажды пожелала помощи дьявола, явился въ нему въ видѣ друга и брата, ухитрился по его неопытности взять съ него „малое рукописаніе“, затѣмъ служить ему, исполняетъ разныя его желанія, между прочимъ, сопровождаетъ его на войну

¹⁾ Издано у Костомарова, Памятники стар. русской литер., I, стр. 153—161. Пересказъ и объясненіе у Веселовскаго, въ „Ист. словесности“, Галахова, I, отд. I, стр. 482 и слѣд.

(при осадѣ Смоленска, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича), показываетъ даже Саввѣ царство „отца своего“, т.-е. сатаны, и т. д.; Дьявольское навожденіе открывается во время тяжелой болѣзни Саввы, когда онъ на исповѣди рассказываетъ свои приключенія іерею,—тогда бѣсъ напалъ на него, страшно его мучилъ; наконецъ, многими молитвами и защитой Богородицы онъ былъ избавленъ отъ бѣса; въ церкви, во время Херувимской, упало сверху передъ всѣмъ народомъ „богоотметное писаніе“ Саввы, все „заглаженное“. Савва сталъ инокомъ въ монастырѣ Чуда архистратига Михаила.

Въ монастырѣ кончаются и приключенія героя повѣсти о Горѣ-Злочастіи, замѣчательной и въ своемъ родѣ единственной повѣсти XVII-го вѣка, которая примыкаетъ опять къ легендѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ черты чисто народнаго поэтическаго произведенія. „Въ демоническомъ образѣ Горя (которое преслѣдуетъ добраго молодца),—говоритъ г. Веселовскій,—сошлись, не помирившись, двѣ различныя струи. Съ одной стороны народныя фаталистическія представленія о лихой долѣ, прирожденной, навязанной человѣку, не покидающей его до могилы, неизбѣжной, какъ рокъ. Онѣ дали народныя враски изображенію Горя. Какъ въ повѣсти, такъ и въ народныхъ цѣсняхъ, оно „лычкомъ связанное, подпоясанное“, его не избыть, оно всюду слѣдуетъ за горемыкой, въ лѣсъ и поле и сине море, летитъ за нимъ то сизымъ голубемъ, то соловьемъ, то сизой утицей; даже въ церкви оно его не оставляетъ. Но эти народныя черты служатъ въ повѣсти къ характеристикѣ существенно другого образа: демона христіанско-библейской легенды, древняго искусителя, нападающаго на человѣка, когда онъ, преступивъ заповѣдь, открывается вліянію грѣха. Горе-злочастіе потому и овладѣваетъ молодцемъ, что онъ ослушался родителей, пустился на грѣшную похвальбу—и оно отстаетъ отъ него, когда, одумавшись, онъ вступилъ на спасенный путь“¹⁾, т.-е. опять въ монастырь.

Совершенно иной характеръ носитъ повѣсть, написанная по свидѣтельству одной рукописи въ 1680 году: „О російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ“. Содержаніе этой повѣсти довольно извѣстно. Скобѣевъ, молодой плутъ и ябедникъ и человѣкъ небогатый, сзумѣлъ путемъ разныхъ продѣлокъ жениться на дочери богатаго стольника и въ концѣ концовъ умилостивить раздраженнаго тестя и получить за женой хорошее имѣніе. Рассказъ—въ духѣ тѣхъ легкихъ повѣстей, какія стали распространяться у насъ

¹⁾ Веселовскій, тамъ же, стр. 479—480.

съ XVII-го вѣка, но одинаково далекой отъ чего-либо легендарнаго, а также и отъ сатиры: похождения „россійскаго дворянина“ излагаются безъ всякаго разсужденія, можетъ быть, даже съ нѣкоторымъ одобреніемъ ловкости и умѣнья устроить свои дѣла.

Можно указать еще нѣсколько опытовъ старой повѣсти изъ этой промежуточной поры. Въ рукописяхъ Тихонравова находится, напримѣръ, передѣлка „Скобѣева“ подъ названіемъ: „Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобраховѣ“. Тамъ же есть отрывокъ русскаго романа въ виршахъ, гдѣ разсказъ расположенъ по буквамъ азбуки, какъ будто въ подражаніе стариннымъ „толковымъ азбукамъ“: дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, и исторія о томъ, какъ дѣвица слюбилась съ парнемъ, передается съ нѣкоторыми характерными чертами русскаго быта. Небольшая повѣсть „о нѣкоторомъ гостѣ богатомъ и о славномъ о Карпѣ Сутуловѣ и о премудрой женѣ его, како не оскверни ложа мужа своего“, представляетъ анекдотическій разсказъ въ стилѣ польскихъ жартовъ и подобныхъ шутливыхъ исторій, но со всею русскою обстановкой ¹⁾.

Изъ приводимыхъ примѣровъ можно видѣть, что русская повѣсть конца XVII-го вѣка (и, можетъ быть, начала слѣдующаго столѣтія) находилась въ состояніи броженія: въ ней сказывались разныя стихіи, легендарная и бытовая, правоучительная и чисто реалистическая, книжная и народная; но эти стихіи остались неразвитыми, не произвели новой литературной манеры, и вѣроятно—не могли произвести ея. Эта повѣсть лишена была опоры стараго эпическаго творчества, но вмѣстѣ лишена была и всякаго литературнаго опыта; въ то же время складывались новыя

¹⁾ Свѣденіе объ этой повѣсти было намъ сообщено М. И. Соколовымъ. „Сборникъ Общества любителей россійской словесности“. М. 1891, стр. 566.

Содержаніе ея слѣдующее. Богатый купецъ Карпъ Сутуловъ, отправившись на куплю въ литовскую землю, оставилъ своей женѣ, „вѣло прекрасной“, денегъ на „частые нирн на добрыхъ женъ, на своихъ сестеръ“, а въ случаѣ недостатка денегъ поручилъ ей обратиться къ его другу Аванасію Вердову. Когда она дѣйствительно къ нему обратилась, тотъ сталъ дѣлать ей непримичныя предложенія; она пошла за совѣтомъ къ церковному человѣку, одному, а потомъ другому, болѣе высокопоставленному, и отъ нихъ получила тѣ же предложенія, съ обѣщаніемъ все болѣе крупныхъ подарковъ (сто, двѣсти и триста рублей). Она обѣщаетъ каждому исполнить ихъ желаніе, зазываетъ всѣхъ троихъ по одиночкѣ къ себѣ и затѣмъ, нугая каждаго пріѣздомъ мужа, запираетъ всѣхъ раздѣтими въ три сундука и на утро везетъ сундуки къ воеводѣ, который отпустилъ заключенныхъ, взявъ съ купца 500 рублей, съ одного церковнаго человѣка 1000 и съ другого 1500 рублей. Воевода раздѣлилъ деньги пополамъ съ женой Карпа, а когда Карпъ, по пріѣздѣ, узналъ отъ жены всю исторію, то весьма возрадовался и похвалилъ ея мудрость.

явленія жизни, опредѣлялись новые оттѣнки идеальнаго чувства, — и старая повѣсть окончательно замолкла. „Новое идеальное содержаніе внесено было въ русскую повѣсть лишь Петровской реформой: внѣшнее освобожденіе женщины отъ стѣснительныхъ условій обычая повліяло на освобожденіе ея внутренней жизни, выдвинувъ въ ней элементъ личнаго чувства. Это должно было отразиться не только въ смягченіи общественныхъ и личныхъ отношеній между двумя полами, но и въ поднятіи идеальнаго уровня русской повѣсти первой трети XVIII-го столѣтія. Грубость нравовъ уступила мѣсто галантности; красота не вызываетъ грубо-чувственныхъ порывовъ: она осмыслена внутреннимъ чувствомъ, содержаніемъ личности. Это измѣняетъ точку зрѣнія: являются „искатели милостей“, любовь выражается неопредѣленнымъ томленіемъ, смутною тоскою и какимъ-то робкимъ заявленіемъ своего нравственнаго права. Новое откровеніе чувства вызвало и въ извѣстномъ слоѣ общества, открытомъ вѣянію реформы, и въ литературѣ тотъ психическій шаржъ, который отличаетъ лирику и попытки русской повѣсти въ 20—30 годахъ XVIII-го вѣка: чувствительность“¹⁾.

Приводилась въ примѣръ этого „Гисторія о російскомъ матросѣ Василю Коріотскомъ и о прекрасной королеві Иракли флоренской земли“²⁾. „Гисторія“ начиналась какъ будто вполне на русской почвѣ, видимо во времена Петра Великаго. Русскій матросъ Василій отправленъ „въ Голландію для лучшаго познанія наукъ“; тамъ онъ сдружился съ богатымъ голландскимъ гостемъ, т.-е. купцомъ, въ которому былъ поставленъ на квартиру, оказалъ ему услугу по его торговлѣ, и черезъ него самъ весьма обогатился. Пришелъ, наконецъ, срокъ возвращенія въ Россію—матросы должны были „маршировать въ Санктпетербургъ“, въ томъ числѣ и Василій; голландскій гость сталъ „приятно увѣщевать“ его, чтобы онъ остался, и наконецъ, когда матросъ настаивалъ, что долженъ ѣхать, чтобы повидать отца, находящагося „въ древности“, купецъ отпустилъ его, прося потомъ опять пріѣхать въ Голландію, далъ ему три корабля съ товарами и большую сумму денегъ, изъ которой Василій, на всякій случай, зашилъ себѣ тысячу червонцевъ въ вафтанъ. Когда корабли отплыли изъ Голландіи, на седьмой день случилась страшная буря; корабли разсыяло по морю, а тотъ, на которомъ находился Ва-

¹⁾ Веселовскій, тамъ же, стр. 516—517.

²⁾ Она издана была Л. Н. Майковымъ: „Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени“. Спб. 1880.

силій, разбило, люди всё потонули, а Василія выбросило волнами на неизвѣстный островъ. Но здѣсь съ „россійскимъ матросомъ“ начинаются самыя удивительныя приключенія. На островѣ онъ попадаетъ къ разбойникамъ, успѣваетъ увѣрить ихъ, что онъ самъ также замѣчательный разбойникъ, и производитъ на нихъ такое впечатлѣніе, что, наконецъ, они даже выбираютъ его своимъ атаманомъ. Между прочимъ онъ отерылъ, что разбойники скрывали въ тайномъ помѣщеніи на островѣ „дѣвицу зѣло прекрасну, въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту“. Василій палъ отъ ея „лѣпоты“ на землю и узналъ отъ красавицы, что она — Ираклія, дочь короля флоренскаго, что она была похищена этими разбойниками, которые еще спорятъ, кому она должна достаться. Василій съ своей стороны объяснилъ, что онъ — матросъ „изъ російской Европіи“ и тоже захваченъ разбойниками, и обѣщаль освободить ее. Онъ дѣйствительно успѣлъ въ этомъ: онъ услалъ разбойниковъ въ море, нагрузилъ двухъ коней ихъ сокровищами и переправился черезъ море въ пристани, откуда „къ Цесарію почтовые буеры бѣгаютъ“. Переѣхавши въ самую Цесарію, Василій нанялъ тамъ „нѣкоторый министерскій домъ“, устроился тамъ съ такимъ богатымъ уборомъ, что „при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою“. Самъ цесарь узналъ Василія и Ираклію и они жили у него въ великой славѣ, и Ираклія рѣшила ни за кого, не выходить замужъ, кромѣ матроса Василія. Между прочимъ королева прекрасно умѣла играть „на арфіи“, и научила тому же своего любезнаго Василія. Эта „арфія“ пригодилась Василію въ его новыхъ приключеніяхъ, когда пріѣхалъ въ Цесарію флоренскій адмиралъ, которому король поручилъ разыскать свою дочь. Адмиралъ желалъ погубить Василія, но російскій матросъ успѣлъ избѣжать его коварства, между прочимъ при помощи „арфіи“, и въ концѣ концовъ уже въ самомъ флоренскомъ государствѣ адмиралъ былъ казненъ, російскій матросъ вступилъ въ законный бракъ съ королевой Иракліей, — „и было великое веселіе во всей Флоренцы три недѣли“.

Издатель повѣсти, считая ея оригинальнымъ русскимъ сочиненіемъ, находилъ, что хотя мотивы приключеній довольно обыкновенны въ литературѣ сказочной новеллы, но что „въ томъ сочетаніи, въ какомъ представляетъ ихъ фабула „Гисторіи о матросѣ Василіи“, они, кажется, нигдѣ не встрѣчаются“. Оказалось однако, что похождения російскаго матроса съ тѣхъ поръ, какъ онъ попадаетъ на разбойничій островъ и, наконецъ, дѣлается флоренскимъ королемъ, вполне совпадаютъ съ другой „гисторіей“, описывающей приключенія гишпанскаго шляхтича Долторна и

гишпанской королевы Элеоноры ¹⁾, при чемъ многія черты гораздо менѣе ясны и мотивированы въ исторіи матроса Василя, чѣмъ въ исторіи гишпанскаго шляхтича, такъ что послѣдняя можетъ представляться образцомъ для первой ²⁾.

Было еще нѣсколько исторій, въ которыхъ какіе-то невѣдомые писатели пытались подражать распространявшейся на русскомъ языкѣ иностранной повѣсти. Мы указывали, напр., „Гисторію о свиескомъ принцѣ Любимѣ“, „Гисторію королевича Архилабона“, при которой замѣчено, что она сочинена трудами правительствующаго сената дѣйствительнаго коллегіи юнкора Петра Орлова (въ Москвѣ 1750). Одна изъ самыхъ оригинальныхъ исторій этого рода была очень распространенная, но не вполне до сихъ поръ изданная и изслѣдованная „Гисторія о російскомъ дворянинѣ Александрѣ“. Герой ея еще въ „маломъ возрастѣ“ внушалъ удивленіе, „понеже отъ природы данной разумъ въ немъ такъ изострился, что философіи и протчихъ наукъ достиглъ“, но „склонность его была болѣе въ забавахъ, нежели въ уединеніи быть“. Когда Александръ „умѣренную силу въ себѣ позналъ“, то „возревновалъ красоту маловременной жизни свѣта сего зрѣти“ и попросился у отца за границу, „понеже во всемъ свѣтѣ до единого обычай имѣютъ чадъ своихъ обучати и потомъ въ чуждыя государства для обрѣтенія выщей чести и славы отпускають“. Получивъ согласіе и благословеніе родителя, російскій дворянинъ отправляется во Францію, сначала въ Парижъ, потомъ въ „Лилль“ и т. д., и ведетъ „ковалерскую“ жизнь, т.-е. заводитъ любовныя интриги, гдѣ объясняется въ любви „аріями“, дерется на дуэляхъ и т. п., и кончаетъ жизнь, не успѣвъ вернуться домой. Въ разсказѣ есть, между прочимъ, весьма скабрѣзныя подробности ³⁾.

¹⁾ См. въ моемъ изданіи: „Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о російскомъ матросѣ Василя“. Текстъ по рукописямъ XVIII вѣка и введеніе. Спб. 1887 (въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности). Полное заглавіе слѣдующее: „Гисторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, именуемомъ Долторнѣ, и о прекрасной гишпанской королеви Элеонорѣ, вѣло удавленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ и потомъ какъ получили радость и корону цесарства римскаго“.

²⁾ См. дополнительныя объясненія г. Майкова въ новомъ изданіи повѣсти о матросѣ Василя въ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“. Спб. 1889, стр. 163—233.

³⁾ Списки повѣсти указаны мной въ „Сборникѣ Общества люб. рос. слов.“, стр. 270—272.

— Изложеніе содержанія повѣсти и нѣкоторыя выписки въ ст. г. Сухомина, „Библи. для чтенія“, 1858, № 12.

Мы сказали, что это литература, несомнѣнно весьма популярная въ свое время, съ трудомъ можетъ быть приурочена къ какому-нибудь опредѣленному классу ея авторовъ, переводчиковъ и отчасти даже читателей. Относительно первыхъ господствуетъ, за рѣдкими исключеніями, безыменность старой письменности; но изрѣдка переводчики и авторы называютъ себя. Такъ, переводчикомъ „Погубленнаго Рая“, Мильтона, — съ французскаго, — былъ, въ 1745, „дѣйствительный камеръгеръ и ордина святаго Александра Невскаго ковалеръ“ баронъ А. Гр. Строгоновъ; переводчикомъ Энеиды — камеръ-коллегии переводчикъ Санковскій; переводчикомъ „Зеркала восточныхъ принцессъ“ — Шляхетнаго кадетскаго корпуса гефрейтеръ Василій Будаковъ; переводчикомъ „Розъ изъ Вертограда“ Саади (съ латинскаго) — переводчикъ академіи наукъ Ильинскій (въ 1735 г.); авторомъ гисторіи королевича Архилабона былъ сенатскій „юнкоръ“ Орловъ. Читателями этой литературы были грамотные люди всякихъ сословій, отъ гвардейскихъ капитановъ и помѣщиковъ до посадскихъ людей, купцовъ, канцеляристовъ, солдатъ и даже крестьянъ. Многіе изъ переводовъ должны относиться къ Петровской эпохѣ: на это указываетъ, между прочимъ, обиліе иностранныхъ словъ, видимо еще не установившихся въ языкѣ, употребляемыхъ еще въ томъ сыромъ, угловатомъ видѣ, когда онѣ не успѣли сгладиться и обрусѣть до той формы, въ какой извѣстны теперь; другія изъ нихъ не привились къ языку и совсѣмъ вышли изъ употребленія ¹⁾. Изложеніе романовъ доставляетъ любопытныя указанія для исторіи литературнаго языка за первую половину столѣтія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ небезынтересныя черты рѣчи книжно-народной ²⁾.

— Н. И. Петровъ, О вліяніи западно-европ. литературы на древне-русскую, въ „Трудахъ“ кievской дух. академіи, 1872, № 8.

— Л. Майковъ, „Очерки, стр. 194 и д.

¹⁾ Апортаментъ, арія, асамблея, притти въ алтерацію (измѣниться въ лицѣ), банкеть, вогуilterъ, десперація и дисператныя рѣчи, драбантъ, ковалеръ, ковалерія (орденъ), конфуаія, куранты, либерія (ливрея), машваратъ, персона (портретъ, въ этомъ смыслѣ навѣрно еще въ XVII вѣкѣ), пороль (т.-е. пароль, въ смыслѣ даннаго слова, общація), презентъ, сикурсъ, сунгальство, статуи (муж. р.), шурмованіе; наконецъ военная терминологія и т. д.

²⁾ Могли бы быть собраны любопытныя подробности о беллетристическомъ чтеніи прошлаго вѣка изъ мемуаровъ и воспоминаній прошлаго вѣка, какъ записки Болотова, И. И. Дмитріева, замѣтки Карамзина, воспоминанія С. Т. Аксакова и пр. Ср. „Черты изъ жизни русскихъ дворянъ въ концѣ XVIII вѣка“, въ „Моск. Наблюдателѣ“, 1837, ч. XI, стр. 133—147. Прекрасный опытъ подобной работы сдѣланъ въ статьѣ г-жи Щепкиной: „Популярная литература въ среднѣй XVIII вѣка (по запискамъ Болотова)“, въ Журн. мин. просв. 1886, апрѣль, и ея же: „Старинные по-

Какъ по формѣ и языку, такъ и по содержанию всѣ указаннаыя здѣсь произведенія, и переводныя, и попытки оригинальныхъ, носить на себѣ рѣзкую печать переходнаго звена между двумя совершенно непохожими одна на другую эпохами. Подлинная московская старина, поглощенная вопросами душевнаго спасенія и церковнаго правовѣрія, только подъ конецъ едва допустившая по крайней необходимости нѣкоторую тѣнь латинской церковной схоластики, вѣроятно не помышляла даже о возможности такого чтенія, какъ легкая повѣсть съ небывальными, а иногда и нескромными приключеніями: такое чтеніе было бы только предано провлятію, какъ душевредное. Теперь, въ половинѣ XVIII вѣка накопилась цѣлая масса этого чтенія, собравшагося неизвестно какими путями и чьимъ трудомъ. Первымъ источникомъ было, безъ сомнѣнія, то польское вліяніе, которое проходитъ въ разной степени черезъ весь XVII вѣкъ, особенно черезъ Кіевъ, но также и прямо изъ Литвы и Польши, изъ Вильны и Варшавы. Бывалъ въ модѣ польскій обычай, потому что въ немъ являлся болѣе утонченный бытъ; бывалъ въ ходу польскій языкъ, наконецъ приходила и польская книга, а въ ней завлекательныя рассказы ¹⁾, первоначальнымъ источникомъ которыхъ были остатки средневѣковой поэтической литературы, доживавшіе вѣкъ въ народномъ чтеніи. Къ нимъ присоединился мало-по-малу новый запасъ литературы, въ которомъ представлены были, наконецъ, самыя различныя образцы французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго романа, особливо XVII вѣка. Рассказы казались чрезвычайно занимательными: они будили воображеніе, совсѣмъ застывшее въ старомъ „книжномъ почитаніи“, затрогивали чувство, огрубѣвшее въ нравахъ Домостроя, вообще вводили въ новое настроеніе, походившее на поэзію. Какъ мѣшалось старое съ новымъ, можно судить и по внѣшней формѣ этой литературы: книга оставалась безыменною. Въ старину благочестивый книжникъ скрывалъ свое имя по своему смиренію; переводчикъ или сочинитель обыкновенно не выставлялъ своего имени и теперь. Какъ въ повѣстяхъ XVII вѣка, такъ и долго позднѣе, языкъ остается еще подъ вліяніемъ церковнаго склада; а Петровское время вводитъ и въ повѣсть множество иностранныхъ словъ, принятыхъ въ официальномъ языкѣ

мѣщани на службѣ и дома. Изъ семейной хроникѣ (1578—1762)⁴. Слб. 1890 (стр. 177 и далѣе).

¹⁾ Одно время именно польскія книги считались какъ будто специальнымъ источникомъ подобнаго чтенія. Такъ шутливныя повѣсти назывались польскими картами; въ одной рукописи при заглавіи „Шемикина Суда“, давно обрусѣвшаго, отмѣчено: „выписано изъ польскихъ книгъ“.

и частью необходимыхъ, потому что они изображали или неизвѣстные въ русскомъ быту предметы, или отгѣнки чувства, которые еще не успѣли найти себѣ русскаго выраженія: довольно забавно читать, что въ самодѣльной исторіи о російскомъ дворянинѣ Александрѣ, описывающей жизнь „ковалерскую“, т.-е. весьма безпутную, говорится, что герой возревновалъ видѣть „красоту *маловременной* жизни свѣта сего“—въ легкомысленный рассказъ вмѣшалась терминологія стараго аскетическаго поученія. Понятно, что съ позднѣйшей точки зрѣнія, напр. уже во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ содержаніе этихъ романовъ, такъ и ихъ языкъ должны были казаться устарѣлыми и уродливыми, но въ свое время (мы видѣли это изъ рассказовъ Болотова) они очень нравились, напимѣръ, особенно въ томъ кругу начинавшаго учиться дворянства, изъ котораго должны были образоваться позднѣйшіе „читатели“.

Такъ медленно и такими неровными, шероховатыми путями подготовлялось водвореніе новой литературной формы въ видѣ романа и повѣсти. Очевидно, что первыя печатныя произведенія этого рода, какъ „Взда въ островъ любви“ и „Аргенида“, въ переводахъ Тредьяковскаго, какъ первый переводъ Телемака (1747) и т. п., не были уже совершенной новостью для любителей чтенія: почва была уже подготовлена. Подобное происходило и въ другой области—литературѣ драматической.

Старая Русь не знала театра. Элементарные зародыши драмы и здѣсь, какъ вообще въ народной поэзіи, находились въ тѣхъ играхъ и обрядахъ, какими сопровождались народные праздники. Древніе церковно-славянскіе памятники упоминають уже объ особыхъ увеселителяхъ съ нѣмецкимъ названіемъ „шпильмановъ“, которые, быть можетъ, извѣстны были не только на славянскомъ югѣ, но и на Руси. Древніе русскіе памятники много разъ говорятъ о скоморохахъ, а памятники болѣе поздніе хотя не даютъ подробныхъ свѣдѣній, но даютъ намеки на бытъ этихъ народныхъ увеселителей, которые странствовали съ мѣста на мѣсто цѣлыми большими ватагами, а при случаѣ и грабили. Въ позднѣе собранныхъ пѣсняхъ сохранились остатки, которые, безъ сомнѣнія, принадлежали къ репертуару скомороховъ: это были пѣсни веселыя, шутивыя, а частію и не весьма приличныя. Повидимому, давно были извѣстны, кромѣ наряжанія, и маски. Безъ сомнѣнія, издавна проникали въ Москву и скоморохи иностранные; въ первой половинѣ XVII вѣка Олеарій видѣлъ въ Москвѣ кувольную комедію, которая по всей вѣроятности была происхожденія иностраннаго. Были, наконецъ, элементарные зачатки церковной драмы

въ обрядѣ такъ называемаго „пещнаго дѣйства“... Но всѣ эти зародыши, изъ которыхъ въ различныхъ комбинаціяхъ, вмѣстѣ съ вліяніями античной драмы, развился средневѣковой театръ западной Европы, остались у насъ совершенно безплодными. Причина этого лежала прежде всего въ томъ общемъ характерѣ древней русской жизни, который остановилъ развитіе всей народной поэзіи. Мы видѣли прежде, что съ первыхъ шаговъ нашей письменности все народно-поэтическое содержаніе безъ всякихъ исключеній подвергнуто было строгому осужденію: оно было опредѣлено ни болѣе ни менѣе, какъ бѣсовскимъ и поганымъ. Правда, требованіе отъ народа, чтобы онъ отсталъ отъ обычая „треклятыхъ еллинъ“, было слишкомъ несообразно, и народъ сохранилъ надолго, и даже до нашихъ дней многое изъ самой далекой старины; но литературное развитіе народно-поэтическихъ мотивовъ было остановлено. Люди благочестивые принимали запрещенія учительныхъ людей буквально, и во всей древней письменности не было другой рѣчи объ этихъ предметахъ, кромѣ осужденій и проклятій; въ церковнымъ поученіямъ присоединились официальные постановленія Стоглаваго Собора, а при Алексѣѣ Михайловичѣ прямое правительственное запрещеніе всякаго рода народнаго веселья, игры, пѣсни и обряда; въ Домостроѣ добропорядочный бытъ русскаго человѣка былъ опредѣленъ какъ будто по монастырскому уставу... Вслѣдствіе всего этого произошло то странное явленіе, что въ тѣ времена, въ которыя многіе относятъ теперь самую подлинную русскую жизнь, была не только осуждена вся народная поэзія, но и на дѣлѣ была до значительной степени *истреблена*. Дѣйствительно, отъ болѣе старыхъ вѣковъ не осталось ни единой записи народнаго эпоса, и въ литературѣ древняя поэзія не нашла никакого органическаго развитія... Такимъ же образомъ не могли найти развитія и упомянутые зародыши драмы: ни одинъ благочестивый книжникъ не рѣшился бы удостоить вниманія тѣхъ народныхъ забавъ, которыя впередъ осуждены были церковью, какъ забавы бѣсовскія.

Тѣмъ не менѣе потребность въ театрѣ сказалась, и зачатки драматическаго зрѣлища явились еще въ этой старой Руси, потому что человѣческая природа наконецъ возмутилась поголовнымъ аскетическимъ подавленіемъ всякаго движенія чувства и фантазіи. Театръ возникалъ съ двухъ сторонъ: на югѣ въ школьной драмѣ, и въ Москвѣ при дворѣ самого царя Алексѣя. Изъ Польши пришелъ въ Малороссію и Бѣлороссію извѣстный вертепъ, который очень распространился, какъ рѣдкое увеселеніе, и соединялъ съ церковнымъ элементомъ также комическія сцены на-

роднаго характера. Школьная драма явилась вмѣстѣ съ развитіемъ самой схоластической школы, какъ ея принадлежность, и питомцы кievской академіи неизмѣнно приносили эту драму въ Москву, какъ еще Симеонъ Полоцкій, потомъ Димитрій Ростовскій, Теофанъ и пр.; питомецъ той же академіи, Лещинскій, занесъ школьную драму даже въ Сибирь. Независимо отъ того интересъ къ театру возникъ у царя Алексѣя подѣ влияніемъ его собственной обстановки: его ближайшіе довѣренные люди и друзья, какъ бояринъ Матвѣевъ, Ординъ-Нащокинъ, Ртищевъ, передовые люди своего времени, бывали знакомы съ иностранцами нѣмецкой слободы и съ иностранными обычаями; русскіе послы, ѣздившіе за границу, издавна рассказывали о любопытныхъ сценическихъ представленіяхъ; въ самой Москвѣ въ 1664 году была представлена комедія въ посольскомъ домѣ; наконецъ въ 1672 г. Матвѣевъ объявилъ полковнику фанъ-Стадену царскій приказъ ѣхать въ Курляндію, чтобы приговорить тамъ въ царскую службу разныхъ добрыхъ мастеровъ, и въ томъ числѣ такихъ, „которые бы умѣли всякія комедіи строить“. Фанъ-Стаденъ дѣйствительно нанялъ въ Ригѣ нѣсколько человѣкъ актеровъ и между прочимъ такихъ, „которые на всѣхъ играхъ играютъ, чего нивогда впредь сего на Москвѣ не слыхано“. Дѣло однако разстроилось: приглашенные актеры въ концѣ концовъ отказались ѣхать въ Московію, потому что были напуганы рассказами о трудностяхъ пути и о томъ, что въ Москвѣ иностранцамъ грозятъ кнутомъ и Сибирью. Стаденъ вывезъ только трубача и трехъ музыкантовъ. Но царю не терпѣлось. Въ томъ же 1672 году, 4-го іюня, на шестой день по рожденіи Петра Великаго, „царь указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учивити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ Библии книгу Есѣири, и для того дѣйства устроить хоромину вновь“. Этотъ Яганъ Готфридъ, онъ же „мастеръ Григорьевъ мартисбургенской“, былъ Іоганнъ Готтфридъ Грегори, изъ Мерзебурга, одинъ изъ пасторовъ нѣмецкой слободы, ученый человѣкъ, магистръ іенскаго университета: онъ уже довольно давно жилъ въ Москвѣ; въ одной поѣздкѣ въ Германію исполнялъ даже порученіе московскаго правительства, былъ человѣкъ умный и практической и въ свое время имѣлъ конечно возможность познакомиться съ тогдашнимъ нѣмецкимъ театромъ. Пока строилась въ Преображенскомъ комедійная хоромина, Грегори и помощникъ его по нѣмецкой школѣ въ слободѣ Рингуберъ сочиняли пьесу объ Есѣири и Артаксерксѣ на основаніи извѣстнаго имъ нѣмецкаго репертуара, а въ то же время собрали дѣтей разныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, 64 человѣка, и при помощи

русскаго учителя стали учить ихъ театральному дѣлу на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Въ октябрѣ 1672 года происходило первое представленіе „Артаксерсова дѣйства“. Прежде чѣмъ рѣшиться пойти на это зрѣлище, царь совѣтовался съ своимъ духовникомъ, протопопомъ Савиновымъ, и послѣдній далъ ему разрѣшеніе, указавъ примѣры другихъ государей, а особливо греческихъ императоровъ, которые устраивали театральныя зрѣлища въ своихъ палатахъ. Царь былъ въ восторгѣ отъ невиданнаго зрѣлища. Въ слѣдующемъ году пастору поручено было спеціально обучать комедійному дѣлу 26 человекъ мѣщанскихъ и подьяческихъ дѣтей, выбранныхъ въ „его царскаго величества экомедіанты“, такъ что составила первая въ своемъ родѣ театральная школа. Кромѣ „Артаксерсова дѣйства“ поставлены были и другія пьесы; царь зазывалъ въ театръ своихъ приближенныхъ, „въ походъ въ Преображенское“, а наконецъ привелъ въ театръ царицу и царевнѣ, для которыхъ устроена была особая ложа, закрытая частою рѣшеткою. Грегорі главнымъ образомъ „дѣйствовалъ изъ Библии“, т.-е. бралъ библейскіе сюжеты, но трагетовалъ ихъ, по видимому, довольно свободно въ стилѣ такъ называемыхъ англійскихъ комедій, которыя были тогда въ ходу въ Германіи; кромѣ пьесъ серьезныхъ или „жалостныхъ“, были также „прохладныя“ или „потѣшныя“; серьезное дѣйствіе прерывалось комическими эпизодами ¹⁾.

По смерти Грегорі (1675) театръ продолжался, и руководителемъ его былъ нѣкто Чижинскій, „львовскаго повѣту шляхетской сынъ, благочестивыя вѣры греческаго закону“. По смерти царя Алексѣя комедійная хоромина была закрыта, представленія кон-

¹⁾ Первые точныя изслѣдованія объ этомъ старомъ театрѣ сдѣланы только въ послѣднее время; см.:

— Забѣлина, „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII ст.“ М. 1862—1869.

— Пекарскаго, „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи“, въ „Современникѣ“, 1857, кн. I—II; „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“. Спб. 1861, т. I.

— Тихонова, текстъ и статья въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“; „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра“. М. 1872; „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“. Спб. 1874, два тома.

— В. Сахарова, „Очерки церковныхъ дѣйствій и мистерій въ древней Руси“, въ Чтеніяхъ Общ. люб. дух. проsv. 1880—1883.

— П. Морозова, „Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія“. Спб. 1889; „Русскій театръ при Петрѣ Великомъ“, ст. въ „Ежегодникѣ Имп. театровъ“. Сезонъ 1893—1894 г. Приложеніе, кн. I. Спб. 1894, стр. 52—80, явленіе по указанной книгѣ, съ прибавленіемъ портретовъ: Оеодана Прокоповича, царевны Натальи Алексѣевны (1673—1716), царицы Прасковьи (1664—1728), царевны Екатерины Ивановны (1691—1733).

чились, но они оставили свое дѣйствіе: театральное зрѣлище, устроенное по приказу царя, перестало быть въ глазахъ московскихъ людей столь грѣховнымъ дѣломъ, какъ говорили старыя поученія, и хотя въ послѣдніе годы XVII вѣка театръ уже не возобновлялся, но почва для него была готова и онъ могъ открыться снова при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. По старому преданію, царевна Софія любила театръ и въ ея теремахъ разыгрывались въ ея ближайшемъ кругу даже пьесы ея собственнаго сочиненія. Это преданіе повторено было даже Карамзинымъ: „Софія, — говорилъ онъ, — занималась и литературою: писала трагедіи и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ, и думаемъ, что царевна могла бы сравняться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, еслибы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ“. Впослѣдствіи была даже сообщена афиша 1678 года, съ именами участвовавшихъ въ представленіи „благородныхъ дѣвицъ и мужчинъ“. Въ дѣйствительности ничего этого не было, и въ преданіи царевна Софія смѣшана была съ царицею Натальей Алексѣевной, которая позднѣе была дѣйствительно любительницей театра.

Театръ появился снова уже при Петрѣ Великомъ. Во время перваго пребыванія за границей царь увидѣлъ, что театръ можетъ быть хорошимъ увеселеніемъ, и вернувшись домой, сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ въ Россію труппы нѣмецкихъ актеровъ. Послѣ разныхъ хлопотъ и проволочекъ въ Москвѣ была выстроена новая театральная хоромина со всѣми приспособленіями, и первыя представленія даны были, повидимому, на святкахъ въ 1702—1703 году, частію на нѣмецкомъ, частію на русскомъ языкахъ, потому что и этой труппѣ даны были русскіе ученики. Этотъ театръ продержался недолго и въ замѣнъ его устроился театръ въ селѣ Преображенскомъ у царицы Натальи, куда и взято было „уборство“ изъ старой комедіи, а потомъ въ Измайловѣ у царицы Прасковьи Ѳедоровны. Устроился въ Москвѣ и другой театръ въ большомъ госпиталѣ на Лужѣ, гдѣ давали представленія ученики хирургической школы, которыхъ начальство госпиталя старалось набирать изъ питомцевъ славяно-греко-латинской академіи. Когда дворъ переселился въ Петербургъ, въ новой столицѣ также устроенъ былъ театръ, о которомъ позаботилась царевна Наталья: актеры этого театра были природные русскіе, — можетъ быть, учившіеся у нѣмецкихъ актеровъ въ Москвѣ. Во время втораго путешествія за границу, Петръ часто бывалъ въ театрѣ и опять сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ нѣмецкихъ актеровъ: въ Петербургѣ дѣйствительно давали потомъ представленія

нѣмецкіе актеры, былъ упомянутый русскій театръ царевны Натальи, а кромѣ того упоминается и театръ простонародный, гдѣ давались балаганные фарсы. Благодаря сохранившемуся „Описанію комедій, что какихъ есть въ государственномъ посольскомъ приказѣ мая по 30 число 1709 года“, и нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ пьесамъ, мы можемъ составить понятіе о репертуарѣ нашего театра въ первые годы царствованія Петра Великаго ¹⁾.

Такимъ образомъ, начиная съ театра Грегори и до конца царствованія Петра Великаго, наша драма получала свой матеріалъ главнымъ образомъ изъ тогдашняго репертуара нѣмецкихъ странствующихъ актеровъ. Въ приведенномъ спискѣ 1709 года, а также и впоследствии, мы находимъ и нѣмецкія *Haupt-Actionen*, „главныя дѣйства“, и *Nachspiele*, и импровизированные фарсы. Какъ нѣмецкій театръ собиралъ отовсюду свой матеріалъ, такъ и здѣсь мы находимъ слѣды драматической литературы нѣмецкой, французской, итальянской, испанской. Со времени Грегори можно замѣтить, въ болѣе позднемъ репертуарѣ, одну особенность—болѣе свободное отношеніе къ старому литературному преданію.

¹⁾ Въ этомъ описаніи перечислены слѣдующія пьесы:

1. О Фронталинѣ (Фронталисъ?), король Эпирскомъ, и о Мирандонѣ сынѣ его, и о прочихъ.
2. О честномъ извѣнникѣ, въ ней же первая персона ардухъ Фридрихъ фонъ Полей.
3. Донъ Педро, почитанный шляхта, и Амариллисъ, дочь его (О донъ-Янъ и донъ-Педрѣ).
4. Прельщенный любящій.
5. Принцъ Пикель-Гарингъ, или Жюделетъ комедія, самый свой тюрьмовный заключенникъ.
6. О крѣпости Грубстона (?), въ ней же первая персона Александръ Македонскій.
7. Сципіо Африканъ, вождь римскій, и погубленіе Софонизби, королевы Нумидійскія.
8. О графинѣ Триерской Геновелі.
9. Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь.
10. Постоянный Паниньялусъ.
11. Порода (рожденіе) Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитерь.
12. О Балзетѣ и Тамерланѣ.
13. О докторѣ битомъ (Докторъ принужденный), шутовская.
14. О Тенерѣ, Лизеттинѣ отцѣ, винопродацѣ, перечневал, шутовская. Семена Смирнова.
15. О Тонвуртинѣ, старомъ шляхтичѣ, съ дочерью, перечневал, шутовская, Семена Смирнова.

Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ сохранились, именно №№ 2. 8. 5. 7. 11 и 12, и изданы въ сборникѣ Тихомирова. Изложеніе и характеристика этихъ пьесъ у Морозова, стр. 228 и слѣд.

Грегори, какъ мы упоминали, главнымъ образомъ „дѣйствовали изъ Библии“ и придавалъ пьсамъ характеръ правоучительный. Это было естественно, когда впервые вводимое театральное зрѣлище еще нуждалось въ оправданіи среди людей, привыкшихъ только къ поучительному характеру литературы: Грегори, долго жившій въ Россіи, могъ самъ это видѣть. Позднѣйшіе актеры были люди совсѣмъ чужіе русской жизни, и въ новомъ репертуарѣ явилось пестрое собраніе разнородныхъ пьесъ, между прочимъ на сюжеты, совершенно невѣдомые русскому зрителю или прямо ему недоступные. Такъ какъ театръ былъ дѣломъ правительственнымъ, то привозныя пьесы нѣмецкихъ антрепренеровъ переводились въ посольскомъ приказѣ—единственномъ тогда учрежденіи, представлявшемъ подобіе учености; переводы мало помогали дѣлу, и какъ нѣбогда первые русскіе переводчики рыцарскихъ романовъ приходили въ недоумѣніе, когда имъ нужно было передавать невѣдомыя у насъ черты рыцарской доблести и любезности, такъ теперь переводчики драмъ писали нерѣдко нѣчто неподобное. Не мудрено, что этотъ репертуаръ не бросилъ корня въ литературу и уже скорѣе былъ окончательно забытъ. Тихонравовъ объяснялъ это тѣмъ, что комедіальная храмина Петра Великаго не имѣла того, что составляетъ душу театра, не имѣла художественной драматической литературы: „храмина поднялась на Красной площади въ то время, когда преобразованная Россія еще не успѣла создать себѣ литературнаго языка“. Другой изслѣдователь находилъ причины неуспѣха скорѣе въ самомъ содержаніи и характерѣ драматическихъ произведеній, занесенныхъ тогда изъ Германіи. „Эти произведенія, по самой сущности своей, были до такой степени чужды русской жизни того времени, нравамъ и понятіямъ тогдашняго русскаго общества, что интересъ, ими возбуждаемый, могъ быть лишь чисто внѣшній и скоропреходящій. Напыщенная декламація Лоэнштейна и Грифійуса, патетическіе и сентиментальные монологи Чибоньини, трогательныя чувства злополучной графини Геневеы были совершенно необычны и непонятны для русскаго человѣка, воспитаннаго въ иной обстановкѣ, привычнаго мыслить и чувствовать совсѣмъ на другой ладъ. Чего нѣтъ въ жизни, того нѣтъ и въ языкѣ,—и неудивительно, что переводчики посольскаго приказа изнемогали подъ непосильнымъ бременемъ, не имѣя средствъ для сколько-нибудь вразумительной передачи нѣмецкаго текста, а русскіе актеры „за недознатіемъ въ рѣчахъ“ дѣйствовали „не въ твердости“¹⁾. Но главное, по

¹⁾ Морозовъ, стр. 262.

условіямъ образованія и литературы того времени невозможно было и ожидать ни выработки литературнаго языка, ни какихъ бы ни было иностранныхъ драматическихъ произведеній, которыя оказались бы въ пору тогдашней публикѣ. Передъ тѣмъ не было никакой литературы на живомъ языкѣ общества, самый этотъ языкъ представлялъ даже въ практическомъ употребленіи пеструю смѣсь церковнаго и народнаго (Тредьяковскій послѣ говорилъ, что во время своего ученья онъ въ обыкновенномъ разговорѣ употреблялъ церковно-славянскій языкъ!); во времена Петра прибавился пестрый техническій языкъ, но не было никакихъ средствъ выраженія ни для извѣстныхъ теоретическихъ понятій, ни для различныхъ оттѣнковъ чувства, котораго старые русскіе люди не вѣдали. Поэтому при первой встрѣчѣ съ болѣе высокимъ литературнымъ уровнемъ и были неизбежны упомянутыя недоумѣнія переводчиковъ посольскаго приказа. Повидимому, наиболѣе понятную долю этой старой драмы представляли комическія интермедіи, которыя своимъ балаганнымъ шутовствомъ могли быть близки къ старымъ скоморошнымъ играмъ и между прочимъ отличались особеннымъ цинизмомъ. „Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является *гаеръ* ¹⁾, русское воплощеніе Гансвурста; содержаніемъ служатъ въ высшей степени циничныя приключенія гаера съ старухой, молодой, пьянымъ мужемъ, сцены молодежи съ шляхтичемъ, продажа гаера цыганомъ купцу и т. д. Читая эту сцену, удивляешься, какъ могли быть представлены публично изображаемая въ ней дѣйствія, и какою беззащитностью отличалась публика, передъ которою можно было разыгрывать подобныя вещи. Интермедіи написаны точно такую же риёмованною прозою, какъ и тексты нашихъ народныхъ картинокъ; на послѣднихъ въ старое, безцензурное время нерѣдко изображались подобныя же сцены, и Д. А. Ровинскій не безъ основанія предполагаетъ, что нѣкоторые изъ описанныхъ имъ „потѣшныхъ листовъ“ являются именно иллюстраціями интермедій. Подобныя же представленія перешли и въ куольную нашу комедію, и наконецъ слѣды ихъ остались чуть ли не до настоящаго времени въ тѣхъ приговорахъ, которыми рашникъ поясняетъ картинки, показываемыя „избранной“ публикѣ и за особую плату“ ²⁾. Въ связи съ подобными пьесами, съ силлабическимъ стихомъ и вѣроятно съ еще болѣе старымъ складомъ пословицы и поговорки образовалась та риёмованная проза, которая стала принадлежностью народныхъ разсказовъ и лубочныхъ картинокъ.

¹⁾ Съ вѣмецкаго Geiger.

²⁾ Морозовъ, тамъ же, стр. 288.

Кромѣ этихъ комическихъ интермедій, какія имѣли мѣсто и въ школьной схоластической драмѣ и какія обыкновенно спускались отъ героическаго или священнаго дѣйствія въ простонародную среду, были конечно понятны болѣе простымъ драматическія положенія, а также и тѣ пьесы, которыя были уже знакомы по своей темѣ. Любопытно, что между прочимъ передѣланы были для сцены и нѣкоторыя изъ тѣхъ романическихъ исторій, о которыхъ мы говорили выше. Такъ въ числѣ пьесъ, которыя разыгрывались въ Москвѣ студентами славяно-греко-россійской академіи вмѣстѣ съ придворными служителями, была пьеса „Евдонъ и Бероа“, „Индрикъ (Генрихъ) и Меленда“, комедія о Калесандрѣ цесаревичѣ греческомъ, и Неонильдѣ, цесаревнѣ трезизондской. Эти послѣднія пьесы были, повидимому, собственнымъ издѣліемъ нашихъ любителей театра и, слѣдовательно, первыми опытами свѣтской драмы.

Между прочимъ въ старомъ репертуарѣ встрѣчаются пьесы, переведенныя не въ посольскомъ приказѣ, какъ напр. „Амфитріонъ“ Мольера и переводъ его же „Précieuses ridicules“. Какъ мы уже замѣчали, эти первые опыты переводнаго драматическаго мастерства были очень тяжелы и угловаты; переводчики нерѣдко или совсѣмъ не понимали подлинника, или никакъ не умѣли передать понятій незнакомыхъ и недоступныхъ языку,—но верхъ уродства представляетъ переводъ „Précieuses ridicules“, которыя и въ заглавіи переведены бессмысленно: „Драгья смѣяныя“ или „Дражайшее потѣшеніе“. „Трудно найти другую пьесу Мольера,—говорить г. Морозовъ,—которая была бы менѣе доступна для передачи на руссій языкъ того времени и по своему содержанію такъ мало подходила бы къ русской жизни и понятіямъ начала прошлаго вѣка. Этотъ странный выборъ можно объяснить только тою популярностію, какою пользовалась эта комедія на нѣмецкихъ странствующихъ сценахъ конца XVII столѣтія“. Быть можетъ, нѣмецкіе актеры играли ее въ Москвѣ на нѣмецкомъ языкѣ и отсюда она получила извѣстность ¹⁾: около 1708 года, повидимому, предполагалось представить ее въ Новгородѣ, „предъ королемъ самоѣдскимъ“, какъ назывался одинъ изъ шутовъ Петра Великаго. Представленіе вѣроятно однако не состоялось и самый переводъ пьесы не конченъ: пьеса осталась только литературнымъ курьезомъ, въ своемъ родѣ единственнымъ. „Въ самомъ дѣлѣ, „Драгья смѣяныя“ представляютъ величайшую нелѣпость, въ которой, безъ

¹⁾ Хотя французское заглавіе пьесы и въ старомъ нѣмецкомъ переводѣ не было понято: „Die kostbare Lächerlichkeit oder die spitzfindigen, doch aber recht bestraften Mädchen“.

справки съ оригиналомъ, невозможно понять почти ни одного слова. Остроумная и веселая комедія Мольера, такъ мѣтко осмѣивающаго увлеченіе провинціальныхъ барышень парижскимъ великосвѣтскимъ тономъ, въ этомъ переводѣ совершенно неузнаваема; высканная „преціозная“ рѣчи, пародирующія высокой стили романовъ дѣвицы Скюдери, подъ перомъ „самоѣдскаго короля“ утратили всякое подобіе смысла ¹⁾. Положимъ, въ данномъ случаѣ переводчикъ плохо зналъ и французскій языкъ, но конечно даже лучший стилистъ тѣхъ временъ былъ бы не въ состояніи сдѣлать эту пьесу Мольера понятной для русскихъ читателей или зрителей: непонятенъ былъ самый предметъ.

Въ это время процвѣтала и духовная драма, между прочимъ на театрахъ царевны Натальи и царицы Прасковьи и въ московской академіи. Таково было „дѣйствіе о Георгіи и Плакидѣ“, „исторія о царѣ Давидѣ о сынѣ его Соломонѣ Премудромъ“, драматическая обработка притчи о Лазарѣ подъ заглавіемъ: „Комедія Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиroleубѣ и Лазарѣ изображенная, вынѣ же при запустныхъ пиrowаніяхъ, дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ младенцевъ, въ новосіающихъ славено-латинскихъ Аѳинахъ, въ царствующемъ и богоспасаемомъ великомъ градѣ Москвѣ явленная“ ²⁾. Правоученіе передано при помощи

¹⁾ Такъ же, стр. 267—269. Для образчика перевода приводимъ небольшой отрывокъ:

Mascarille (après avoir salué). Mesdames, vous serez surprises sans doute de l'audace de ma visite; mais votre réputation vous attire cette méchante affaire, et le mérite a pour moi des charmes si puissants, que je cours partout après lui.

Madelon. Si vous poursuivez le mérite, ce n'est pas sur nos terres que vous devez chasser.

Cathos. Pour voir chez nous le mérite, il a fallu que vous l'y ayez amené.

Masc. Ah, je m'inscris en faux contre vos paroles. La renommée accuse juste en constant ce que vous valez; et vous allez faire pic, repic et capot tout ce qu'il y a de galant dans Paris.

Маскариль (привѣтствуетъ ихъ). Пресвѣтлѣйшей госпожи! вы будете удивлены, безъ всякаго усомнѣнія, отъ свѣлости моего привѣтствованія; но ваша репутация вамъ прозвѣщаетъ худое упражненіе; заслуженное еще есть можнѣйшее мене, о что авъ стараюсь во всѣхъ дворахъ ипотомъ.

Магдалина. Аще ты ни во что вмѣнаешь наше заслуженное, возможешь бити въ нашихъ краинахъ, иже ты долженствуешь воспріяти.

Катось. Для видѣнія мади не отиѣнно пришею еси само.

Маск. Ва, неложно противъ вашихъ словъ нѣчто напишу. Честь въ правда глаголетъ, исповѣдающе, что вы здравствуете, и вы содѣлаете пѣкъ, репѣкъ и капотъ и разорете всякія удивленія въ Парижн. И т. д.

²⁾ Эта комедія издана г. Шляпкиннмъ, Спб. 1882 (въ изданіяхъ Общ. люб.

цѣлаго ряда аллегорическихъ фигуръ, изображающихъ Слостолюбіе, Прелесть, Милость Божию, Совѣсть, Грѣхъ, Воздаяніе и пр. Рукопись, по которой издана комедія, была очевидно театральнымъ экземпляромъ, потому что на поляхъ сдѣланы подробныя „ремарки“ о ходѣ дѣйствія, устройствѣ сцены и костюмахъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ Слостолюбіе выѣзжаетъ на седмизловомъ змѣ; Милости Божіей потребно сердце горящее, пробитое стрѣлою, и чаша; Истина держитъ мечъ и вѣсы и т. п.

Эта символика, которая такъ сильно господствовала въ тѣ вѣка въ европейскомъ искусствѣ и литературѣ и съ которой мы вообще постоянно встрѣчаемся въ эпоху Петра и еще долго послѣ, была опять нововведеніемъ, параллельнымъ съ новыми литературными вѣсами. Руководство для ея примѣненія, между прочимъ театральнаго, давали цѣлыя сборники символовъ и эмблемъ, которые, появившись съ XVI-го вѣка, были особенно распространены въ XVII и XVIII-мъ. Сборники объясняли, какъ примѣнить аллегорическій рисунокъ въ выраженію нравственныхъ сентенцій и вообще остроумныхъ изреченій. „Казалось недостаточнымъ выразить мысль въ ея голой простотѣ, — говорилъ г. Буслаевъ по поводу иллюстраціи стихотвореній Державина: — надобно было облечь ее въ фигуру, придать ей фигуральный оборотъ, изворотить ее на новый манеръ, сдѣлать ее манерною, превратить ее въ замысловатую фразу, въ загадку, облеченную въ эти символы и эмблемы... Всѣ первоначальныя идеи, изъ которыхъ когда-то, по внутренней потребности, органически возникали художественныя формы и греческой мѣологии, и христіанской символика, и средневѣковаго мистицизма, — измельчали и обезсмыслились въ этихъ сборникахъ символовъ и эмблемъ, будучи приняты въ ихъ внѣшнихъ выраженіяхъ только какъ знаки разныхъ отвлеченныхъ мыслей“¹⁾. Въ числѣ первыхъ книгъ Петровскаго времени были изданы въ 1705, въ Амстердамѣ „Символы и Емблемата“, заключающіе до 840 аллегорическихъ рисунковъ, съ объясненіями на нѣсколькихъ языкахъ, при чемъ русскія объясненія вообще очень темны по неумѣлости переводчика²⁾. Эта мода на символы проявилась теперь въ разныхъ

древней письменности). Въ рукописи, при перечисленіи дѣйствующихъ лицъ, названы и имена исполнителей и среди неизвѣстныхъ именъ, вѣроятно учениковъ академіи, приведены князь Баратинскій, Хованскій, Григорій и Иванъ Лобановъ, Андрей Апраксинъ, Александръ Салтыковъ, Вутурлицъ, Лопухинъ.

¹⁾ Буслаевъ, „Моя досуга“, М. 1886, стр. 80 и далѣе; Морозовъ, тамъ же, стр. 308 и далѣе.

²⁾ Пекарскаго, „Наука и литература“, II, стр. 112—115. Это изданіе „Символовъ“, съ дополненіями и съ подновленіемъ языка, повторено было въ 1788 и 1811.

примѣненіяхъ, которыми Петръ пользовался для своихъ цѣлей. Уже въ 1697 году, по случаю взятія Азова устроена была огненная потѣха съ различными аллегорическими фигурами: тутъ были уже эмблемы, которыя стали потомъ принадлежностью Петровскихъ триумфовъ—орелъ, терзающій луну, „седми скованныхъ мужей начертанія“, означавшія взятіе семи турецкихъ городовъ и т. п. Въ 1702 году представлено было „Страшное изображеніе второго пришествія Господня на землю“, гдѣ послѣ извѣстной въ школьныхъ драмахъ аллегоріи царства земного и царства небеснаго, и явленія карающей смерти вставлены эпизоды современнаго политическаго содержанія, а именно изображеніе самоволія и гордыни, терзающихъ Польшу и торжествующаго Марса Роксолянскаго, и въ заключеніе совершается страшный судъ. На новый 1703 годъ была опять устроена огненная потѣха, а 16 января въ академіи представлено новое триумфальное дѣйство подъ названіемъ: „Торжество міра православнаго“ съ новыми символами, гдѣ являются опять російскій Марсъ, Злочестіе, Фортуна, Мужество, Слава и т. д. Въ 1703 шла война въ Ингерманландіи, 16 мая основанъ Петербургъ и въ началѣ ноября происходилъ торжественный вѣздъ въ Москву, для чего сдѣланы были трое триумфальныхъ воротъ и одни изъ нихъ устроены были „учительнымъ собраніемъ“ академіи: описаніе ихъ напечатано было особой книжкой, съ объясненіемъ символическихъ фигуръ, украшавшихъ ворота и служившихъ къ прославленію російскаго Геркулеса: „Торжественная врата, вводящая въ храмъ безсмертнаго славы, непобѣдимому имени новаго въ Россіи Геркулеса, великаго побѣдителя Эрава, грома, поражающаго свѣтскую силу, плѣнителя Ижерскія земли, устрашитъ всяя вселенныя, предыдущаго вѣка чудесе, отечества же своего всероссійскаго обновителя красоты и славы“ и т. д.

Такимъ образомъ въ одномъ тонѣ сливались и тогдашняя панегирическая проповѣдь, какъ мы видѣли раньше, напр. у Стефана Яворскаго, и школьная драма, поставлявшая триумфальныя дѣйства, и огненная потѣха и триумфальныя врата съ символическими фигурами, и наконецъ стихотворство. Очевидно, что упомянутыя „Символы и Емблемата“, изданныя въ Амстердамѣ, были по тому времени совершенно необходимы. Въ этихъ школьныхъ торжественныхъ дѣйствахъ любопытно странное соединеніе аллегорій и символовъ, совершенно противоположныхъ, а именно библейскихъ и мифологическихъ, т.-е. языческихъ. Въ восхваленіяхъ побѣды Петра Марсъ является поборникомъ православія, Фортуна украшаетъ російскаго орла, тутъ же является Иисусъ

Навинъ, изображающій Петра, а въ то же время Петръ является Геркулесомъ, побѣждающимъ льва, Персеемъ, освобождающимъ Андромеду, и пр. Это была не у насъ изобрѣтенная, а только перенятая манера школьной іезуитской реторики и піятики, противъ которой такъ возставалъ Теофанъ Прокоповичъ, полагавшій, что христіанскій поэтъ „не долженъ вмѣшивать языческихъ боговъ или богинь въ какое-либо дѣло нашего Бога или героевъ, олицетворяющихъ собою какія-либо добродѣтели“. Школьные драматурги московской академіи не стѣснялись этимъ смѣшеніемъ и исключеніе сдѣлано было только для торжественныхъ вратъ, гдѣ употреблялись одни мѣологическія изображенія. Это различіе между драматическимъ представленіемъ и „торжественными вратами“ было специально объяснено самимъ префектомъ академіи, іеромонахомъ Іосифомъ Туробойскимъ въ предисловіи къ описанію торжественныхъ вратъ, устроенныхъ въ декабрѣ 1704, послѣ взятія Дерпта и Нарвы. Сущность объясненія состоитъ въ томъ, что торжественныя врата относятся къ дѣлу свѣтскому, гдѣ, по мнѣнію префекта, къ божественнымъ писаніямъ обращаться не подобаетъ. Онъ говоритъ: „Мню, удивившися, православный читателю, яко торжественная сія врата не отъ божественныхъ писаній, но отъ мірскихъ исторій, не святыми иконами, но отъ мірскихъ историковъ или отъ стихотворцевъ вымышленными лицами и подобіями, отъ звѣрей, птицъ, деревьевъ и прочихъ, вещь намѣренную изображаемъ. Вѣдати же тебѣ подобаетъ, яко сія не суть храмъ или церковь во имя нѣкоего отъ святыхъ созданная, но политическая, сіестъ гражданская похвала труждающимся о цѣлости отечества своего... Растетъ бо всякому благодушному кавалеру къ мужественнымъ дѣламъ усердіе и дерзость, егда дѣла и труды своя съ древнихъ отъ всея вселенныя почтенныхъ кавалеровъ дѣлами зрѣть равночестна или тѣмъ уподобляема“. По словамъ префекта, въ то время во всѣхъ христіанскихъ странахъ, свободныхъ отъ варварскаго ига, славнымъ побѣдителямъ, возвращающимся торжествомъ отъ брани, благодарные подданные, особливо въ академіяхъ и всякихъ школьныхъ собраніяхъ, гдѣ не только духовное, но и политическое ученіе сіяетъ, привыкли составлять похвальные вѣнцы отъ обоихъ писаній, а именно: отъ божественныхъ—въ церквахъ или другихъ прибранныхъ на то мѣстахъ, а отъ мірскихъ исторій—на торжищахъ, улицахъ и другихъ мѣстахъ приличныхъ всенародному зрѣнію. А такъ какъ въ московской академіи повелѣно наставлять русскихъ юношей не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ мірскихъ исто-

рiяхъ и всякихъ политическихъ обыкновенiяхъ, то учителя ея, хотя и люди духовные, стараются исполнять оба эти дѣла ¹⁾).

Затѣмъ устроено было по разнымъ случаямъ еще нѣсколько торжественныхъ вратъ, и въ академiи исполнено нѣсколько торжественныхъ дѣйствъ, въ устройствѣ которыхъ потребовались труды московскихъ риторовъ. Упомянемъ изъ нихъ дѣйство отъ божественныхъ писанiй, представленное въ февралѣ 1710 года, подъ заглавiемъ: „Божiе уничижителей гордыхъ уничиженiе“, гдѣ исторiя Давида и Голиаѳа примѣнена къ событiямъ шведской войны и въ частности къ Полтавской побѣдѣ и измѣнѣ Мазепы. Полагаютъ, что тема этихъ аллегорiй была дана самимъ Петромъ; по его приказу Теофилактъ Лопатинскiй, тогдашнiй ректоръ академiи, сочинилъ благодарственную церковную службу, которая представлена была Петру, и онъ сдѣлалъ къ ней любопытныя поправки. Въ одной пѣсни находились слова: „Воистину крестъ твой, Господи, оружiе непобѣдимое есть, симъ бо врагъ нашъ и посмѣятель силы креста низложися, мы же побѣдители явихомся“; Петръ замѣтилъ на это: „Сiю пѣснь всю перемѣнить, понеже бо не идетъ о законѣ, а горда была (Швецiя): война не о вѣрѣ, но о мѣрѣ; такожь и у нихъ (шведовъ) крестъ есть во употребленiи и почитанiи. А кажется прилично вмѣсто сего взять слова Голиаѳа гордя къ Давиду, а отъ Давида уповательныя на Бога, что праведнѣе, сходнѣе сiе исторiи будетъ“ ²⁾. Недавно издано было еще одно торжественное дѣйство временъ Петра Великаго, подъ названiемъ: „Слава Россiйская“; пьеса написана была по случаю „торжественнаго всероссiйскаго триумфа коронованiя“ Екатерины I, и разыграна была (или „дѣйствiемъ персональнымъ изображена“) въ маѣ 1724 года „въ московской гошпиталѣ“. Пьеса написана силлабическими стихами по обычнымъ правиламъ, и на сценѣ являются Истина, Мудрость, Марсъ, Нептунъ или олицетворенная Россiя, Полонiя, Турцiя, Швецiя и пр. ³⁾ Московская академiя привѣтствовала прiѣздъ въ Москву Петра II въ началѣ 1728 года торжественнымъ представленiемъ, „комедiей“ о Езекии царѣ израильскомъ. За время Анны Ивановны нѣтъ извѣстiй о представленiяхъ московской академiи, но въ собственномъ дворцѣ Анны представлено было „дѣйство“ объ Иосифѣ, въ постановкѣ, а можетъ быть и въ сочиненiи котораго принималъ участiе Тредьяковскiй. Во время пребыванiя своего

¹⁾ Морозовъ, стр. 321 и далѣе.

²⁾ Тамъ же, стр. 327—328.

³⁾ „Слава Россiйская“ издана М. И. Соколовымъ въ „Чтенiяхъ моск. Общ. ист. и древн.“, в отдѣльно. М. 1892.

въ московской академіи (1723-1726) Тредьяковскій, по его словамъ, написалъ двѣ драмы: „Язонъ“ и „Титъ, Веспасіановъ сынъ“, которыя представлены были въ академіи, но потомъ затерялись и любопытны тѣмъ, что взяты были уже не изъ Библии, а изъ мифологии и мірской исторіи.

За отсутствіемъ театра, въ царствованіе Анны Ивановны, явились въ Петербургѣ нѣмецкіе „вунштмастеры“ съ театромъ маріонетокъ, о которомъ объявлялось, между прочимъ, въ афишахъ такимъ образомъ: „Извѣстно чинится, что недавно прибывшіе сюда нѣмецкіе показыватели выпускныхъ куколъ смотрѣнія достойную комедію представлять будутъ: о преступленіи прародителей Адама и Евы, гдѣ показаны будутъ виды неба, ада и краснаго рая, съ различными звѣрями и пріятнымъ пѣніемъ птицъ“. Кромѣ Адама и Евы здѣсь изображались цѣломудренный Іосифъ, распятіе Христово („которое состоитъ изъ девяти фигуръ, движеніе глазами и руками дѣлающихъ, что не чрезъ стекло, но просто видимо будетъ“), Есѣиръ и Агасѣиръ, „Житіе и смерть Донъ-Жана, или зеркало злочинной юности“, принцъ Флоріанъ и прекрасная Банцефорія (изъ извѣстнаго стариннаго романа) и т. д. Наконецъ, устроился театръ при дворѣ, гдѣ дѣйствовали нѣмецкіе и особенно итальянскіе актеры, и такъ какъ императрица по-итальянски не знала, то извѣстный Штелинь долженъ былъ составлять для этихъ пьесъ нѣмецкія либретто, которыя переводились на русскій языкъ Тредьяковскимъ ¹⁾. Судя по заглавіямъ „камедіевъ“ и „интермедіевъ“, это была почти сплошь арлекинада народнаго итальянскаго театра; по всей вѣроятности она живо разыгрывалась, но вкусъ ея былъ не перваго сорта. Въ 1736 году при дворѣ появилась итальянская опера; Тредьяковскій былъ опять переводчикомъ либретто. Есть извѣстіе, что русскіе спектакли устроивались тогда приближенными цесаревны Елизаветы Петровны. Последнимъ заявленіемъ школьной академической драмы въ Москвѣ, была, кажется, драма „Стефанотокось“, написанная силлабическими стихами по обычнымъ приѣмамъ школьнаго дѣйства съ библейскими и аллегорическими дѣйствующими лицами, а также и съ политическимъ намекомъ. „Стефанотокось“ значитъ: рожденный въ коронѣ; лишенный пре-

¹⁾ Длинный реестръ комедіямъ, напечатаннымъ при академіи наукъ, приведенъ у Покарскаго, Исторія академіи наукъ, II, стр. 59. Тредьяковскій получалъ объ этомъ приказъ такого рода: „по приказу обрѣтающаго командира (т. е. президента академіи), дѣйствительнаго камергера, барона фонъ-Корфа *вельмо тебѣ* камедіановъ съ ректора Аволія взять нѣсколько камедіевъ и интермедіевъ для перевода заблаговременно“.

стола происками рабовъ и пришлыхъ иноземцевъ, онъ долженъ былъ изображать Елизавету и освобожденіе Россіи отъ ига иноземцевъ при ея воцареніи. Подъ видомъ злобнаго иноземнаго гонителя Амана подразумѣвался, безъ сомнѣнія, Биронъ, и рѣчи различныхъ дѣйствующихъ лицъ должны были указывать на положеніе Россіи во время его правленія. Въ аллегорическомъ анти-прологѣ на сцену выходятъ два мальчика и пускаютъ мыльные пузыри, которые лопаются, затѣмъ одинъ изъ мальчиковъ бросаетъ на землю стаканъ, разбиваетъ его на мелкія части и восклицаетъ: „Тако совѣты нечестивыхъ!“ Далѣе, дается объясненіе: „Примѣръ сей подлежащему нынѣшнему дѣйствию, аки заглавіе или надписаніе, того ради положить умыслихомъ, да всякъ можетъ чувствами своими осязати сіе, что коварные челоуѣцы, сколь боліе, хитрыхъ ради своихъ пронырствъ и злокозненныхъ зломышленій, бѣсовскимъ гордымъ вѣтромъ надменны возносятся, толь скорѣе среди коварствъ ихъ просѣдшеса исчезаютъ“. Самъ Стефанотокосъ,

„...лишенный напрасно,
Родительска престола,—ахъ! спомнить ужасно!
Бѣдствуетъ въ гоненіи, скорбѣ и печали,
Пришельцы бо и рабы на него возстали“.

Иноземные насильники, гнавшіе Стефанотокоса, пользовались его наслѣдіемъ:

„Иже иностранные придоша къ намъ нищи,
Достоинствъ не имуща, ни дневныя нищи,—
Уже обильно живутъ въ богатствѣ и славѣ,
Что, диващеса, видятъ вси народы явѣ“.

А съ другой стороны сыны отечества страдаютъ:

„Богатство и честь даютъ льстителемъ безвѣрнымъ,
А намъ, отечества сыномъ и всѣмъ слугамъ вѣрнымъ,
Аки псы, послѣднее изъ рукъ вырываютъ,
Безвинныхъ же многихъ и самыхъ погубляютъ“.

Благочестіе жалуется на угнетеніе церкви: иноземцы —

„Возстаютъ дерзновенно на самаго Бога...
Уничтожиша церкви святыя уставы,
Ни во что ставятъ уже Божій законъ правы;
Говоритъ намъ о вѣрѣ нѣсть уже свободы;
Смѣются, ругаются намъ ужъ вси народы...
На сіе-ли на крестѣ есмь искушенны,
Да врагамъ креста будемъ днесь порабощены?“

Драма кончается благополучною побѣдой надъ врагами, и

Стефанотокось восходитъ на престолъ вмѣстѣ съ Благополучіемъ и Славой. Любопытно, между прочимъ, что когда Слава возвѣщаетъ въ мірѣ наступленіе золотого вѣка и всѣ четыре части свѣта приходятъ на поклонъ къ Стефанотокосу, то олицетворенная Европа говорить о себѣ такъ:

„Всякому добру могу нарециса мати,
Ибо отъ мене всяко добро истекати
Обыче, ученія славная сіяють
Во мнѣ, во мнѣ народомъ пользы прозабають.
Домы и грады красны, гдѣ архитектуры
Моя созда десница; аще-жь мерватуры
Размножити кто хочеть, къ общей царству пользѣ, —
Научу въ мало время, чего бы надолзѣ
Ищущій не обрѣзъ онъ“, и т. д.

Драма написана по всей вѣроятности вскорѣ послѣ вступленія Елизаветы на престолъ, но неизвѣстно, была ли она представлена; неизвѣстно также, кто былъ авторомъ: судя по нѣкоторымъ чертамъ языка и стиха, это былъ южно-русскій уроженецъ ¹⁾.

Таковъ былъ характеръ этой драматической литературы. Чужая по происхожденію, непривычная по формѣ, тяжелая и угловатая по языку, эта школьная драма имѣла однако свое историческое образовательное значеніе. „Въ архаическихъ формахъ московской школьной драмы Петрова времени, — говоритъ Тихонравовъ, — выражалось живое сочувствіе просвѣтительной дѣятельности царя; авторитетомъ церкви старалась академія оправдать начинанія и реформы, въ коихъ старина думала видѣть вѣяніе нечистаго духа. Ея сцена вводила въ умы молодого поколѣнія „политичныя мнѣнія“ образованныхъ народовъ. Она зародилась „при начатіи рощенія русскійской славы и введенія добрыхъ порядковъ“; она не только привѣтствовала это „рощеніе“ и „добрые порядки“, но и посильно имъ содѣйствовала“ ²⁾. Новѣйшій историкъ стараго русскаго театра приходитъ къ такому общему выводу о цѣломъ его составѣ: „...Результатъ получается скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный. Въ драматической литера-

¹⁾ „Стефанотокось“ былъ напечатанъ Тихонравовымъ по рукописи Публичной библиотеки, и долженъ былъ войти въ приложенія къ второму тому упомянутаго сборника старихъ драматическихъ произведеній; но такъ какъ вся книга своевременно не была издана, то это приложеніе осталось незаконченнымъ и совсѣмъ не вышло въ свѣтъ; оно уцѣлало лишь въ немногихъ корректурныхъ экземплярахъ. Изложеніе драмы у Морозова, стр. 350 и далѣе.

²⁾ Разборъ книги Галахова, въ XIX отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, стр. 87.

турѣ мы долгое время только подбирали то, что на Западѣ уже бросали. Въ то время, когда западно-европейская сцена уже пережила эпоху высшаго своего расцвѣта, когда по ней уже прошли, оставивъ за собой яркій слѣдъ, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Мольеръ, Кальдеронъ, Лопе де-Вега,—мы робко выступили въ роли нищаго Лазаря, на долю котораго достались жалкія крохи, случайно упавшія съ этой роскошной трапезы... Но и въ этомъ скудномъ и жалкомъ литературномъ мусорѣ, среди этихъ отбросовъ европейской сцены, все-таки уцѣлѣло и пробилось на свѣтъ Божій здоровое зерно, — животворное начало народности. Въ литературѣ вообще только то живетъ и движется, и растетъ, и приноситъ плоды, что органически связано съ живою дѣйствительностью... И наша сцена съ первыхъ же своихъ шаговъ инстинктивно стремилась приблизиться къ окружающей ее дѣйствительности, вложить въ живую и подвижную драматическую форму живое національное и народное содержаніе. Въ этомъ стремленіи къ народности заключался завѣтъ нашего стараго театра новому¹⁾.

Это заключеніе должно однако провѣрить мнѣніемъ самихъ современниковъ: дѣйствительно, имъ ярче представлялся смыслъ нововведенія. Въ самой ранней статьѣ о театрѣ, которая подъ заглавіемъ: „О позорищныхъ играхъ“ явилась въ 1733 году въ „Историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ примѣчанійхъ“ на „Спб. Вѣдомости“, авторъ считаетъ нужнымъ защитить театръ отъ осужденія приверженцевъ старины и доказываетъ, что театръ не только не противенъ благочестію, но и способствуетъ добрымъ нравамъ. „Хотя и всегда много такихъ находилось, которые всѣ комедіи и трагедіи изъ добрѣ учрежденной, а особливо хрістіанскую вѣру содержащей республики совершенно изкоренить хотятъ; однакожь когда такія позорищныя игры по ихъ намѣренію отправляются и ничего въ себѣ не содержатъ, что бы вѣрѣ и честнымъ поступкамъ противно было, то сіе весьма не праведно быть кажется, ежели бы любители оныхъ такои не виновной забавы лишены были, а особливо что они не только къ увеселенію и ободренію ума, но такжеде къ поощренію разума и къ отвращенію подлыхъ помышленіи выдуманы и въ возвращеніе приведены“. Авторъ уже осуждаетъ представленіе на театрѣ сюжетовъ изъ Библии и изъ истории мучениковъ: это полезно въ чтеніи, но на сценѣ, „въ подобіи игры“, неумѣстно. Здѣсь же въ первый разъ сообщены и теоретическія правила

¹⁾ Морозовъ, тамъ же, стр. 397—398.

драмы по Аристотелю. Въ другой статьѣ того же изданія 1739 года, авторъ говоритъ уже прямо „о пользѣ театральныхъ дѣйствъ и комедій къ воздержанію страстей человѣческихъ“¹⁾. И такъ, дѣло шло еще о самой защитѣ существованія театра, объ элементарномъ введеніи его въ качествѣ невинной забавы, „ободренія ума“ и „отвращенія подлыхъ помысловъ“. На первый разъ эта цѣль болѣе или менѣе была достигнута: театръ получилъ право гражданства не только въ кругу высшаго общества, но и въ средѣ учащагося юношества, наконецъ между людьми средняго состоянія. Исторически знаменателенъ тотъ фактъ, что поводомъ къ правильному установленію русскаго театра было предпріятіе частныхъ любителей въ Ярославѣ въ 1756, откуда были вызваны въ Петербургъ Волковъ и Дмитревскій (Нарыковъ), первые знаменитые дѣятели русской сцены.

Мы подошли къ той порѣ, когда началась дѣятельность перваго плодовитаго драматурга, стоявшаго уже вполне и исключительно на почвѣ французской псевдо-классической драмы, Сумарокова. Дѣятельность его была только завершеніемъ предшествовавшаго хода русскаго театра. Какъ мы видѣли это относительно русской заимствованной повѣсти, которая рядомъ ступеней, отдѣльность которыхъ трудно уловима, переходитъ отъ старинной повѣсти XVII вѣка къ французскому роману половины XVIII-го, постепенно утверждая новый литературный вкусъ и однако все еще оставаясь съ характеромъ „письменности“,—такъ подобное совершилось и въ литературѣ драматической. Первые историки нашей литературы забывали, или совсѣмъ не знали, о той массѣ драматическихъ твореній, которыя только теперь извлекаются изъ старыхъ рукописей, и потому могли видѣть нововведеніе въ той драмѣ, которая является со временъ Сумарокова. Напротивъ, со временъ царя Алексѣя не прерывалась традиція сцены, которая мало-по-малу отъ „Артаксерсова дѣйства“ черезъ школьныя драмы, пьесы нѣмецкихъ актеровъ, итальянскія арлекинады, пьесы Мольера доходила до попытокъ собственнаго производства въ псевдо-классическомъ вкусѣ и до попытокъ изображенія народныхъ сценъ въ интермедіяхъ. Въ концѣ концовъ эта драма была чужимъ растеніемъ, пересаженнымъ на нашу почву: на этой почвѣ оно долго не принималось, не однажды давало уродливые ростки, пока, наконецъ, освоилось съ этой почвой не раньше, какъ у Фонъ-Визина, но во всякомъ случаѣ эта пересадка чужого растенія была въ первый разъ начата еще въ старой московской

¹⁾ Морозовъ, тамъ же, стр. 349—350.

Россіи, и если упрекають XVIII вѣкъ въ забвеніи „народности“, то должно припомнить фактъ, что гонителемъ этой народности (въ видѣ народной поэзіи, игры и т. д., представлявшихся „суетв-ріемъ“) былъ тотъ же царь Алексѣй, который приходилъ въ восторгу отъ драмы, поставленной протестантскимъ пасторомъ изъ нѣмецкой слободы.

Подобнымъ образомъ входилъ новый литературный вкусъ въ области лирики, на первый разъ въ видѣ панегирической оды, потомъ въ видѣ лирической, и именно любовной пѣсни. Генеалогія этой лирики, особливо послѣдней, до сихъ поръ не вполне выяснена, между прочимъ по недостатку рукописей съ хронологическими указаніями. Несомнѣнно одно, что здѣсь происходилъ таковой же процессъ постепеннаго распространенія новой литературной формы и новаго содержанія, какой мы видѣли въ повѣсти и драмѣ. Какъ первымъ ближайшимъ путемъ западной повѣсти былъ польскій, какъ первая школьная драма явилась подъ влияніемъ польско-латинской схоластической школы, такъ изъ этого послѣдняго источника была заимствована первая манера псевдо-классическаго стихотворства, силлабическій стихъ и рима. Въ школѣ южно-русской все это явилось, конечно, съ первыми влияніями латинской науки еще въ XVI столѣтіи или даже раньше: съ правильнымъ установленіемъ школы, латинское, а затѣмъ и церковно-славянское стихотворство входило въ кругъ обычныхъ школьныхъ упражненій и впоследствии распространилось до безконечности ¹⁾). Вслѣдствіе особыхъ условій южно-русской жизни, между прочимъ вслѣдствіе сравнительно большаго распространенія школы, книжное стихотворство не осталось чуждо народу и самой народной поэзіи: „псалмы“ и „канты“ вошли въ обиходъ народнаго обычая, въ думѣ остались слѣды книжнаго воздѣйствія. Иначе дѣло стояло на сѣверѣ. Здѣсь давно уже не было того непосредственнаго участія народной массы въ событіяхъ, какое даетъ силу и матеріалъ для эпическаго творчества; школа явилась слишкомъ поздно и была такъ скудна и ученіемъ и людьми, что производила лишь немногихъ книжниковъ, которые поэтному совершенно терялись въ массѣ и не могли думать о какомъ-либо воздѣйствіи на народное поэтическое творчество; ученая книга была чужда народу, и здѣсь не было того взаимодѣйствія въ стилѣ и языкѣ, какое можно наблюдать, напр., въ малорусской думѣ. Со школой южно-русскаго происхожденія пришелъ силлабическій

¹⁾ См. любопытныя соображенія о школьномъ стихотворствѣ и его отношеніяхъ къ народной поэзіи южно-русскихъ думъ у Житецкаго: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“, Кіевъ, 1898.

стихъ, массу образцовъ котораго оставилъ Симеонъ Полоцкій, которымъ писалъ Кантемиръ и съ котораго еще началъ Ломоносовъ.

Это новое стихотворство, при всей его несладности, имѣло большой успѣхъ; причина этого успѣха заключалась въ томъ, что въ нѣсколько образованномъ кругу чувствовалась потребность въ новой литературной формѣ, а неразвитый вкусъ, вращаясь въ искусственной школьной атмосферѣ, не чувствовалъ уродливости формъ. Первоначальные образцы, по которымъ знакомились съ этой формой, образцы польскіе, построены были (худо или хорошо) по условіямъ своего польскаго языка и были очень выработаны, и первые русскіе стихотворцы, не зная другихъ литературныхъ формъ, думали, что достигаютъ поэтической цѣли, когда повторяли эти самые стихи церковно-славянскими словами. При томъ самое содержаніе, всего чаще напыщенное, риторическое, помогало устранить мысль о возможности пользоваться обычнымъ размѣромъ народной пѣсни.

Принятіе новой формы было темнымъ исканіемъ художественнаго выраженія. Семнадцатый вѣкъ различнымъ образомъ обнаруживаетъ это стремленіе, когда путемъ переводовъ старается расширить прежнія рамки литературы, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ первые опыты записей пѣсни и былины ¹⁾. Когда собственно возникли въ первый разъ опыты усвоенія искусственнаго стиха, пока еще не выяснено: было высказано предположеніе, что эти опыты восходятъ уже въ древнѣйшей

¹⁾ Только въ послѣднее время начаты поиски старихъ пѣсенныхъ записей. Укажемъ ст. Л. Н. Майкова о запискахъ XVII вѣка въ Журн. мин. просв. 1880, ноябрь; его же: „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ“, докладъ на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ „Трудахъ“ этого съѣзда, Казань, 1891, т. II, стр. 159—163; его же, „повѣсть о Михаилѣ Потокѣ“ по рукописи XVII-го вѣка въ „Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ“. Слб. 1891.

— Е. В. Барсовъ, „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка“. Слб. 1881 (изъ „Записокъ академіи наукъ“, т. XL).

— А. Ѳ. Вичковъ, „Свѣденія о рукописяхъ Императорской Публичной библиотеки, содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни“, въ „Трудахъ“ каз. арх. съѣзда, II, стр. 164—192 (описаніе трехъ рукописей изъ собранія С. А. Соболевскаго и одной рукописи собранія гр. Ѳ. А. Толстого).

— А. И. Станкевичъ, „Отрывокъ изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ по списку XVII вѣка“, изъ „Древностей“ московскаго арх. Общества, т. XV.

— Тихонравовъ, старыя записи былинъ и обзоръ старихъ рукописей, заключающихъ былины и пѣсни, въ сборникѣ: „Русскія былины старой и новой записи“. Подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера. Москва, 1894; статья Тихонравова, стр. 69—85.

эпохѣ церковно-славянской письменности ¹⁾, какъ съ другой стороны была догадка, что лѣтописный стиль былъ стилъ пѣсенный. Дѣйствительное введеніе стиха (силлабическаго), утвердившагося въ нашей письменности, относится, какъ мы сказали, къ порѣ польско-южнорусскихъ вліаній, хотя указать съ точностью хронологію этого нововведенія едва ли возможно ²⁾. Мы упоминали раньше, что еще въ первые годы царя Михаила Федоровича извѣстный вольнодумецъ князь Хворостининъ писалъ „на виршь“ всякія укоривны московскимъ людямъ ³⁾, такъ что надо предположить, что эта чужая форма была уже тогда довольно знакома и автору и читателямъ. Какъ нравилась эта форма, можно заключить по указанію Симеона Полоцкаго (въ предисловіи къ его стихотворному переложенію Псалтыри), что къ этому труду побудило его то обстоятельство, что и въ Бѣлой, и въ Малой Россіи, и даже въ Москвѣ многіе полюбили „сладкое и согласное пѣніе полскія Псалтыри, стиховно преложеныя“ и пѣли *польскіе* псалмы, „мало или ничто же знающе и точію отъ сладости пѣнія увеселяющесе духовнѣ“. Полоцкій говоритъ, что всегда желалъ, „да риѣмотворное писаніе распространяется въ нашемъ славенстемѣ книжномъ языкѣ“, какъ оно распространено у другихъ народовъ,—и его желаніе въ достаточной мѣрѣ исполнилось: бывали, наконецъ, риѣмотворцы, писанія которыхъ считались десятками тысячъ стиховъ, какъ Іоаннъ Максимовичъ. Риѣмотворство было въ ходу не только среди ученыхъ книжниковъ; въ массѣ грамотнаго люда распространялись псалмы и канты сначала южно-русскаго происхожденія, а потомъ и собственнаго производства, и ихъ форма отразилась въ народныхъ духовныхъ стихахъ. Школьная латынь познакомила съ разнообразными формами латинскаго классическаго стиха, которымъ подражали русскіе стихотворцы, риѣма становилась привычнымъ украшеніемъ, и мы упоминали, какъ этотъ риѣмованный складъ вошелъ въ народный рассказъ и лубочную картинку. Въ первой половинѣ XVIII вѣка уже значительно распространяются сборники псалмъ и кантовъ, къ которымъ прибавляются уже, въ томъ же стилѣ, стихотворенія свѣтскаго, именно любовнаго характера и на этихъ послѣднихъ можно замѣтить уже нѣкоторое вліаніе народнаго пѣсеннаго склада; а затѣмъ въ этихъ сборникахъ начинаютъ появляться и настоящія народныя пѣсни. Съ теченіемъ

¹⁾ А. Соболевскій, „Церковно-славянскія стихотворенія конца IX—начала X вѣковъ“. Слб. 1892 (изъ журнала „Библиографъ“).

²⁾ Ср. Л. Майкова, „О началѣ русскихъ виршъ“, въ Журн. мин. просв. 1891, июнь.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи (новое изданіе), II, стр. 1873.

времени, число народныхъ пѣсенъ должно было возрастать: онѣ получали право наравнѣ съ искусственными пѣснями, составляя особый отдѣлъ, какъ это было въ тѣхъ сборникахъ, которые во второй половинѣ столѣтія могли быть первообразомъ сборника Чулкова.

Важнымъ моментомъ въ развитіи этого стихотворства было измѣненіе нравовъ во времена реформы, когда женщина въ первый разъ явилась изъ домашняго заключенія по Домострою въ общественную жизнь. Мы указывали раньше, что въ основѣ это освобожденіе женщины совершилось еще ранѣе, и прежде всего въ царской семьѣ, гдѣ сестры Петра Великаго сбросили это обычное иго, искали удовольствій общества и самой власти. Но при Петрѣ, конечно, это освобожденіе приняло гораздо болѣе широкіе размѣры, когда „ассамблея“ стала обязательной: возникали свѣтскіе нравы и съ ними впервые сталъ возможенъ новый стиль любовной лирики. Прослѣдить ея возникновеніе и развитіе довольно трудно за скудостью свидѣтельствъ и самыхъ произведеній, но нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ позволяютъ предполагать и здѣсь постепенное возростаніе новаго интереса, которому уже вскорѣ предстояло занять широкое мѣсто въ литературѣ. Иностранцы, бывшіе въ Россіи при Петрѣ, могли уже отмѣтить, что на придворныхъ собраніяхъ многія молодныя русскія дамы „не уступали нѣмкамъ и французенкамъ въ привѣтливости, тонкости обращенія и свѣтскости“. На первый разъ любовная лирика прибѣгала еще къ старому силлабическому стиху. Извѣстный камергеръ Монсъ, родившійся и воспитавшійся въ нѣмецкой слободѣ, большой поклонникъ прекраснаго пола, писалъ нѣмецкіе и русскіе стихи, но, не зная русской грамоты, писалъ послѣдніе нѣмецкими буквами. Плодовитымъ стихотворцемъ былъ и секретарь Монса, Столѣтовъ, и въ ихъ бумагахъ, сохранившихся въ дѣлахъ тайной канцеляріи, уцѣлѣло не мало стихотвореній Столѣтова въ чувствительномъ родѣ. Извѣстны, наконецъ, лирическія стихотворенія Елизаветы Петровны въ той же силлабической формѣ ¹⁾. Нѣсколько позднеѣе, о нравахъ половины столѣтія упомянутый Болотовъ дѣлаетъ замѣчаніе, много разъ цитированное:

¹⁾ М. Семеvскій, „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллиамъ Монсъ“. Спб. 1884; Л. Майковъ, „Очерки“, Спб. 1889, стр. 210—116. Приведенное здѣсь сопоставленіе пѣсни царевны Ксеніи Годуновой (записанной Ричардомъ Джемсомъ) со стихотвореніемъ Елизаветы Петровны исторически не можетъ имѣть мѣста: пѣсня царевны Ксеніи есть народно-поэтическое причитаніе, только приуроченное къ частному положенію; стихотвореніе Елизаветы Петровны есть чисто личная искусственная лирика, хотя и въ грубой формѣ по условіямъ времени.

въ то время (около 1750-хъ годовъ), говорить онъ, „вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получила свое основаніе и начало. Все, что хорошею жизнью нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народѣ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема“¹⁾. Первое начало этихъ пѣсенокъ мы видѣли еще у Монса и Столѣтова въ первые годы XVIII-го вѣка. До того времени, какое описываетъ Болотовъ, появились уже первыя пѣсни Сумарокова.

Оглядываясь назадъ на литературные факты конца XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка, мы видимъ такимъ образомъ весьма оригинальное явленіе съ явно переходнымъ характеромъ. Трудно сказать, чтобы это была литература въ какомъ-нибудь подобіи того значенія, какое мы соединяемъ съ этимъ словомъ; почти безъ исключенія, это—литература письменная и безыменная по старому обычаю; у нея нѣтъ ни яркаго представителя, ни какого-нибудь органа, нѣтъ даже того средства распространенія, какое доставляетъ печать,—единственнымъ путемъ нѣкотораго распространенія была рѣдкая еще сцена для произведеній драматическихъ; по большей части это—труды единичныхъ любителей, распространявшіеся случайно, но иногда труды громадныя, какъ, напримѣръ, переводы многотомныхъ романовъ. Это было, какъ мы говорили, стихійное броженіе, которое именно тѣмъ любопытно, что совершалось внѣ всякаго руководства и, кромѣ драмы, внѣ всякой школы,—которая, впрочемъ, въ самой драмѣ научала только устарѣлому схоластическому дѣйству; и въ силу этого отсутствія школы и руководства, эта литература выдаетъ передъ нами движеніе инстинктивное, основой котораго была настоящая потребность времени, народившееся въ самой массѣ стремленіе къ новому содержанію и формѣ. Эпоха преобразованій имѣла здѣсь прямое, активное вліяніе только въ отдѣльныхъ явленіяхъ: преобразованію могла непосредственно служить церковная проповѣдь, которая, однако, не всегда ему подчинялась; ему могла служить панегирическая драма, исполнявшая ту же роль, какъ „торжественныя врата“, какъ

¹⁾ Записки Болотова. Спб. 1870, стр. 179.

иллюминація и фейерверкъ, но затѣмъ мимо этихъ практическихъ способовъ привлечь народное вниманіе къ текущимъ событіямъ, которая реформа считала своей побѣдой и къ которымъ желала привлечь народное вниманіе и сочувствіе, реформа не имѣла никакой мысли о вмѣшательствѣ въ чисто литературное дѣло. Такимъ образомъ, „общество“ въ своихъ *литературныхъ* вкусахъ было предоставлено самому себѣ: оно продолжало идти тѣмъ путемъ, какой былъ намѣченъ въ концѣ XVII-го вѣка,—но оно воспользовалось великими умственными и нравственно-общественными возбужденіями реформы. Съ реформой расширилась область литературнаго знанія, увеличилось знакомство съ иностранными языками; съ новыми книгами, которые были очень интересны, литературные вкусы стали разнообразнѣе и мало-по-малу они пришли къ той области, въ которой нашлось, наконецъ, организующее начало. Это былъ извѣстный псевдо-классицизмъ, въ томъ самомъ источникѣ, гдѣ онъ былъ тогда всего сильнѣе—во французской литературѣ. Кантемиръ уже зналъ не только Горация, но и Буало; Тредьяковскій перевелъ уже оба кодекса этой школы, и латинскій и французскій; тѣ же вліянія достигли до Ломоносова черезъ нѣмецкую литературу. Названные писатели были первыми дѣятелями тогдашней литературы, которые прошли болѣе или менѣе правильную школу, и естественно, что они старались внести, наконецъ, извѣстную систему въ свой литературный трудъ. Кантемиръ могъ отдавать этому труду только случайные досуги и не могъ имѣть большого вліянія, живя за границей; Тредьяковскій и Ломоносовъ были официальные ученые и дѣйствовали въ академіи. Они въ первый разъ поставили теоретическіе вопросы о формахъ литературы и о языкѣ, но въ сущности они только завершали уже существовавшее движеніе. И внѣшнимъ образомъ они опять были связаны съ недавнимъ прошлымъ: какъ во времена Петра, и въ первое время послѣ него, было учрежденіе (московская академія), которое обязано было поставлять официальную литературу—ставить на сцену панегирическія дѣйства, сочинять символы и аллегоріи для „торжественныхъ вратъ“ и иллюминацій и т. п., такъ теперь эта обязанность перешла на петербургскую академію наукъ и въ особенности на русскихъ ея членовъ,—между прочимъ, для этой цѣли Ломоносову, который долженъ былъ учиться за границей горному дѣлу, поручалось кромѣ того заниматься и „россійскимъ штилемъ“; еще живя за границей, онъ самъ понялъ эту послѣднюю обязанность, такъ что прислалъ въ Петербургъ торжественную оду. Такія же оды писалъ онъ и потомъ; писалъ Тредьяковскій, Сумароковъ и затѣмъ

цѣлая толпа стихотворцевъ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Наконецъ, если обратить вниманіе на состояніе той среды, на почвѣ которой происходилъ литературный процессъ, то въ половинѣ XVIII-го вѣка мы встрѣтимъ еще крайне низкій уровень образованія. Мы будемъ имѣть случай подробнѣе остановиться на объемѣ этого образованія, но вообще оно было крайне ограничено и случайно. Говорить, какъ это дѣлали прежде, о томъ, что послѣ Петра литература, забывъ преданія старины, была увлечена подражаніемъ европейскимъ образцамъ, было бы болѣе, чѣмъ странно: цѣлые десяти лѣтъ эта новая литература, — которая выросла, какъ мы видѣли, послѣдовательно изъ начатковъ, положенныхъ самою этою стариною, — находилась въ младенческомъ состояніи.

Тѣмъ не менѣе въ этомъ неясномъ броженіи заключались элементы широкаго историческаго развитія въ будущемъ. Эпоха Петра приносила понятія общественныя, нравственныя и образовательныя, которыя въ концѣ концовъ не уничтожали старое національное развитіе, а въ первый разъ возбуждали умственную жизнь, общественные интересы и сознаніе личнаго достоинства. Когда Петръ Великій принималъ мѣры къ внѣшней защитѣ государства и когда вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о „насажденіи“ наукъ, онъ дѣлалъ именно необходимое и великое національное дѣло; по тѣмъ преданіямъ и обычаямъ, какія оставила въ наследство старина (вспомнимъ Аврамова), дѣло образованія шло туго, но въ болѣе дѣятельныхъ умахъ была пробуждена пылкость, которая съ теченіемъ времени должна была только развиваться (вспомнимъ Теофана и Татищева). Усиленная забота Петра знакомитъ массу, — путемъ книгъ, газетъ, реляцій и всенародныхъ торжествъ, — съ знаменательными событіями, которыя онъ считалъ побѣдами своего преобразовательнаго дѣла, содѣйствовала образованію того общественнаго интереса, который долженъ былъ вести рано или поздно къ болѣе широкому, чѣмъ когда-нибудь прежде, общественному и историческому самосознанію. Отрицательныя уничтожительныя имень, которыя прежде налагали на всѣхъ безъ различія одну печать холопства, впервые, послѣ нѣсколькихъ вѣбовъ, возвращала понятіе личнаго достоинства... Тяжелыя матеріальныя жертвы, какихъ стоила реформа, и самое ничтожество послѣдующаго времени не уничтожили ея могущественнаго возбуждающаго вліянія: въ теченіе всего XVIII-го вѣка и почти до нашихъ дней, этотъ великій періодъ нашей исторіи оставался нравственной опорой для труда на пользу русскаго просвѣщенія и національнаго самосознанія; для ближайшихъ поколѣній има

Петра было какъ бы еще живымъ символомъ и защитою всякой дѣятельности на народное благо, какъ, напримѣръ, у Ломоносова.

Съ другой стороны, какъ ни слабы были зачатки новой литературы, завершившіеся, едва только въ половинѣ столѣтія, опредѣленнымъ вліяніемъ западныхъ литературныхъ формъ, введеніе этихъ формъ было чрезвычайно важнымъ литературнымъ фактомъ. Оно впервые давало, во-первыхъ, рамку для литературнаго труда, какой прежде не было; во-вторыхъ, ближайшее знакомство съ литературами западными принесло обильное содержаніе въ произведеніяхъ величайшихъ умовъ и поэзіи западной Европы. Было много говорено о слабыхъ сторонахъ литературы, разившейся у насъ подъ этими вліяніями; но большая доля вины лежала здѣсь на все еще жалкихъ условіяхъ русскаго просвѣщенія и условіяхъ общественныхъ, и для справедливой исторической оцѣнки не должно забыть тѣхъ благотворныхъ вліяній, которыя сказались во множествѣ фактовъ умственной и нравственной жизни русскаго общества въ XVIII столѣтіи и послѣ. Многое въ этихъ формахъ литературы было искусственно и, конечно, вовсе не разсчитано на русскія условія; но здѣсь напелся, наконецъ, путь для развитія русской лирики, драмы и романа. Было дѣломъ самой русской литературы примѣнить эти формы къ русскому содержанію, — какъ другимъ ея дѣломъ должно было быть образованіе литературнаго языка, способнаго впервые явиться въ книгѣ живымъ, правильнымъ и достойнымъ выраженіемъ мысли и поэтическаго творчества. Эти задачи предстояли второй половинѣ XVIII-го столѣтія.

А. Пыпинъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

НА 1895 ГОДЪ.

Въ печати, всякій разъ, когда шла рѣчь о нашей государственной росписи, указывалось при этомъ на недостаточно отчетливое въ ней распределение какъ доходныхъ, такъ и особенно расходныхъ статей по двумъ отдѣламъ этой росписи: отдѣлу обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ—и отдѣлу доходовъ и расходовъ чрезвычайныхъ. Указанный недостатокъ давно уже обращалъ на себя также вниманіе и правительственныхъ учреждений; но лишь въ прошломъ году, Высочайше утвержденнымъ 4 іюня 1894 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, онъ устраненъ, и вновь установленное распределение примѣнено къ росписи на нынѣшній годъ. Сущность произведенныхъ измѣненій и ихъ значеніе подробно излагаются во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи на 1895 годъ.

„Отнесеніе—говорится въ докладѣ—доходовъ и расходовъ къ той или другой изъ этихъ категорій (обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ), произвольное въ росписяхъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, не имѣло и въ нашей росписи достаточно твердыхъ и устойчивыхъ основаній. Цѣлью упомянутыхъ правилъ было возможно строгое разграниченіе чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей отъ расходовъ, направляющихся къ удовлетворенію текущихъ требованій государственной жизни и потому долженствующихъ относиться на обыкновенные источники государственныхъ доходовъ. Къ чрезвычайнымъ расходамъ могутъ относиться,—сверхъ расходовъ, вызываемыхъ дѣйствительно чрезвычайными обстоятельствами, каковы войны и крупныя народныя бѣдствія, и сверхъ уплатъ на досрочное погашеніе займовъ,—лишь расходы на такія потребности, удовлетвореніе которыхъ, способствуя развитію страны, создаетъ въ то же время, на

пользу будущих поколѣній, новыя доходныя предпріятія, могущія собственными доходами возратить производимыя на нихъ затраты. Всѣ остальные расходы—въ числѣ ихъ входившіе по прежнимъ росписямъ въ чрезвычайный бюджетъ расходы на перевооруженіе, на заготовленіе резервовъ продовольствія, на улучшение и усиленіе желѣзныхъ дорогъ и на устройство коммерческихъ портовъ—отнесены къ числу обыкновенныхъ. Къ чрезвычайнымъ источникамъ доходовъ признано необходимымъ относить: вклады въ государственный банкъ на вѣчное время, значительныя единовременныя поступления изъ специальныхъ капиталовъ, обрацаемыхъ въ общія средства государственнаго казначейства, суммы, возвращаемыя частными желѣзнодорожными обществами въ погашеніе выданныхъ имъ ссудъ, и наконецъ поступления отъ займовъ и кредитныхъ операций". „Правила эти—говоритъ далѣе министръ финансовъ—вносятъ въ нашу государственную роспись строгую систему, отсутствующую въ бюджетахъ многихъ европейскихъ государствъ, и, устраняя самую мысль о возможности какого-либо затемненія истиннаго положенія государственнаго бюджета, облегчаютъ сужденіе о степени устойчивости его равновѣсія при помощи простого сравненія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ съ итогомъ соответствующихъ расходовъ".

Вслѣдствіе измѣненій въ составѣ росписи, а также вслѣдствіе внесенія въ роспись 1895 года новыхъ операціонныхъ оборотовъ казны (по желѣзнымъ дорогамъ, вновь присоединеннымъ къ казенной сѣти, по казенной *винной* (т.-е. водочной торговлѣ въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ)—роспись эта, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, является въ такомъ видѣ:

	въ 1894 г.	въ 1895 г.
Обыкновенныхъ доходовъ .	1.004.823.277 р.	1.142.957.006 р.
Обыкновенныхъ расходовъ .	981.222.950 "	1.120.094.938 "
превышеніе въ доходахъ .	23.600.327 р.	22.862.068 р.
Чрезвычайныхъ поступленій.	19.764.940 "	2.000.000 "
чрезвычайныхъ расходовъ .	102.373.576 "	94.283.092 "

Въ прежнихъ обзорѣніяхъ, для сужденія о степени точности цифръ росписи, мы обращались обыкновенно къ сравненію ихъ съ цифрами *исполненныхъ* росписей предшествовавшихъ лѣтъ, но вслѣдствіе указанныхъ измѣненій въ составѣ росписи 1895 года потребовались бы для этого слишкомъ подробныя сопоставленія. По этому остаются только апіористическія сужденія. Роспись одного года составляется обыкновенно на основаніи росписи предшествовавшаго года путемъ нарощенія новыхъ обстоятельствъ; только отчасти принимаются въ соображеніе данныя о дѣйствительномъ исполненіи

последнихъ бюджетовъ, при томъ весьма осторожно—въ случаяхъ выгодныхъ для составляемаго бюджета, и болѣе рѣшительно въ случаяхъ неблагопріятныхъ. Поэтому погрѣшность, оказавшаяся въ росписи одного года, отзывается въ росписи слѣдующихъ лѣтъ. Наши росписи последнихъ шести законченныхъ отчетами лѣтъ, 1888—1893 гг., постоянно отличались слишкомъ скромнымъ исчисленіемъ доходовъ и вслѣдствіе этого бюджетными балансами, оказывавшимися далеко ниже дѣйствительныхъ ¹⁾. Такъ, за три послѣдніе года 1891—1893 гг.—изъ нихъ два первые весьма неудачные—баланси по обыкновенной росписи были сведены съ дефицитомъ въ $9\frac{1}{2}$ м. р. ($+2-25+13\frac{1}{2}$ м. р.), по исполненію же оказалось превышеніе доходовъ надъ расходами въ 194 м. р. ($20\frac{1}{2}+65\frac{1}{2}+108$ м. р.). Почти положительно можно предвидѣть, что неточность въ томъ же размѣрѣ, т.-е. слишкомъ въ 65 м. р. въ годъ, если не больше, окажется въ балансахъ обыкновенной росписи какъ 1894, такъ и 1895 годовъ, т.-е. что избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами окажется за каждый изъ этихъ годовъ не въ 23 м. р., какъ выведено по росписи, а въ суммѣ до 90 м. р.

На невыгодныя послѣдствія такой неточности мы не разъ указывали. Скучно исчисленная роспись побуждаетъ, въ устраненіе возможности дефицита, прибѣгать къ установленію новыхъ налоговъ или къ повышенію существующихъ, въ то время, когда необыкновенно удачное дѣйствительное положеніе бюджетовъ давало и даетъ возможность отмѣнить или понизить нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе тяжелые для населенія. Пониженіе могло бы быть даже временнымъ, съ тѣмъ чтобы отмѣнить его, когда наступитъ въ томъ надобность. Но подвижность системы обложенія въ томъ и другомъ направленіи намъ совершенно неизвѣстна: повышеніе налоговъ—обычное явленіе, пониженіе ихъ является рѣдкимъ событіемъ, да и тутъ пониженный или отмѣненный налогъ тотчасъ восполняется повышеніемъ другого.

За примѣрами повышенія налоговъ, не вызываемаго, повидимому, никакой потребностью, ходить недалеко. Къ концу 1892 года результатъ исполненія росписи этого года, съ избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ въ $65\frac{1}{2}$ м. р., былъ приблизительно извѣстенъ; но это не воспрепятствовало министерству финансовъ именно въ концѣ года ходатайствовать о повышеніи налоговъ по 8 или 9 статьямъ, несмотря на бѣдствія (неурожай во многихъ мѣстностяхъ, холера), перенесенныя въ этомъ году населеніемъ. Еще удачнѣе было исполненіе росписи 1893 года; тѣмъ не менѣе, съ 1894 г. былъ установленъ новый на-

¹⁾ За бѣдственный 1891 годъ доходы оказались вычисленными вѣрно, но балансъ, съ которымъ сведена роспись, все-таки ниже дѣйствительнаго.

логъ — квартирный. Правда, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1894 годъ объяснялось, что этотъ налогъ имѣетъ значеніе „не столько по суммѣ ожидаемаго отъ него дохода, сколько въ качествѣ перваго опыта обложенія, соразмѣреннаго, въ предѣлахъ возможности, съ совокупностью средствъ плательщика“; но еслибы и такъ (а это не совсѣмъ такъ), то позволительно спросить: почему съ установленіемъ налога, вызваннаго не потребностью кассъ государственнаго казначейства, а сторонними соображеніями, не могло послѣдовать пониженіе одного изъ существовавшихъ налоговъ?

По свѣденіямъ „Вѣстника Финансовъ“ о поступленіи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ за девять мѣсяцевъ 1894 года, оно значительно превышаетъ поступленіе за тотъ же срокъ 1893 года, — тѣмъ не менѣе съ конца 1894 года послѣдовало весьма крупное возвышеніе акциза на сахаръ (на 75 коп. съ сахарнаго песка и на 35 коп. съ рафинада) и повышеніе таможенной пошлины на хлопокъ.

О повышеніи пошлины мы говорить не будемъ: это значило бы возобновлять безплодный пока споръ о преимуществахъ свободной торговли надъ покровительственною системою, или наоборотъ. Но на повышеніи акциза съ сахара необходимо остановиться. По исчисленію министерства финансовъ, внутреннее потребленіе сахара опредѣляется за послѣднее время въ 23—24 милл. пудовъ, а потому за исчисленіе суммы акциза оно приняло внутренній расходъ сахара въ 23 м. р. (еще понизивъ ее вслѣдствіе соображеній, о которыхъ скажемъ дальше), а 23 милл. пудовъ на 125-милліонное населеніе — это составляетъ не болѣе 7½ фунта на человѣка въ годъ, т. е. меньше, нежели нужно *съ мысли* на одного человѣка, регулярно потребляющаго чай или кофе, не говоря о сахарѣ, входящемъ въ составъ разныхъ пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ. Такимъ образомъ, изъ населенія въ 125 м. человѣкъ, только не болѣе 10 м. человѣкъ имѣютъ возможность пользоваться имъ въ достаточномъ количествѣ; остальное населеніе лишено его, тогда какъ *русскимъ сахаромъ*, по свѣденіямъ почти официальнымъ, *съ Англии, благодаря норжировки синдикатомъ сахарозаводчиковъ и возврата имъ акциза, откармливаютъ свиней*. Но продуктъ полезный для свиней, не менѣе полезенъ и даже необходимъ для человѣческаго организма, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Недаромъ любой ребенокъ самый неприхотливый леденецъ, даже просто кусокъ сахара предпочитаетъ изысканному фрукту.

Разумѣется, если смотрѣть на сахаръ, какъ на вещество, потребляемое лишь одними зажиточными классами (въ родѣ какао, апельсиновъ или лимоновъ: въ замѣнъ какао для незажиточныхъ есть ячменный кофе, въ замѣнъ лимона — клюква), то болѣе или менѣе высокое его обложеніе акцизомъ не имѣетъ особаго значенія: ны-

нѣшнее его обложеніе въ 1 р. 75 к. съ пуда не превосходить и лишь приблизительно равняется стоимости вещества, тогда какъ акцизъ съ водки въ 7 и 8 разъ превосходить стоимость продукта. Но дѣло представляется въ иномъ видѣ, если доступность сахара только для зажиточныхъ классовъ признать слѣдствіемъ именно его дороговизны, хотя въ дѣйствительности сахаръ весьма дешевый продуктъ. Когда въ 1893 г. казна нашла нужнымъ, въ противодѣйствіе слишкомъ корыстнымъ вожелѣніямъ русскихъ сахарозаводчиковъ, купить сахаръ за границей, онъ, съ доставкой на юго-западные желѣзные дороги, обошелся въ 3 р. 31¹/₂ коп. за пудъ. При этомъ сахаръ купленъ казною не непосредственно. Комиссія эта была возложена на кievское отдѣленіе международнаго банка,—отдѣленіе, гдѣ ведутся всѣ финансовыя операціи мѣстныхъ сахароваровъ. Банкъ въ свою очередь купилъ сахаръ не на сахарныхъ заводахъ, а у англійскихъ или голландскихъ банкировъ. Гдѣ купили сахаръ банкиры, такъ и осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Въ печати тогда же было высказано болѣе чѣмъ правдоподобное предположеніе, что казною купленъ русскій же сахаръ, совершившій небольшую прогулку на границѣ и номинально нѣсколько разъ перешедшій изъ однихъ рукъ въ другія, что, разумѣется, не могло обойтись безъ разныхъ приплатъ. Безъ нихъ этотъ сахаръ стоилъ бы не болѣе 3 рублей за пудъ. Да и это еще высокая плата: по официальнымъ свѣдѣніямъ ¹⁾, стоимость выработки сахара не превышаетъ отъ 2 р. 22 к. до 3 р. за пудъ, т.-е. отъ 5¹/₂ до 7¹/₂ к. за фунтъ,—вдвое и въ два съ половиною раза дешевле нынѣшней рыночной цѣны—въ большихъ городахъ. Въ маленькихъ и въ деревняхъ, особенно при покупкѣ полу—и четвертью фунтами при толстой бумагѣ и обвѣсѣ, цѣна сахара доходитъ до 20—25 коп. за фунтъ.

Сахаръ не только питательное вещество, но и вошедшая въ общее употребленіе, неизбѣжная приправа чая, кофе (и его суррогатовъ—цикорія и пр.), т.-е. наркотическихъ веществъ, большее потребленіе которыхъ непремѣнно должно содѣйствовать уменьшенію въ населеніи потребленія водки, о чемъ такъ хлопочетъ министерство финансовъ, особенно въ послѣднее время. Повидимому, пониженіе, цѣны сахара (вмѣстѣ съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣны на чай) совершенно соотвѣтствовало бы взглядамъ, высказаннымъ министерствомъ финансовъ въ недавнемъ его циркулярѣ акцизному вѣдомству, и мѣрамъ, установленнымъ уставомъ попечительства о народной трезвости, о которыхъ мы скажемъ дальше.

¹⁾ „Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи“, изданіе деп-та торговли и мануфактуръ. Спб. 1893 г. Сахарное производство, отдѣл. XIII, стр. 17.

Цѣна сахара въ розничной мелочной продажѣ, по стоимости производства продукта, можетъ установиться въ размѣрѣ отъ 7 до 9 коп. за фунтъ (послѣднее при наименѣе выгодныхъ торговыхъ условіяхъ). Но для этого необходимы: 1) полная отиѣна акциза на сахаръ, какъ на предметъ первой необходимости, подобно тому, какъ отиѣненъ, въ 1881 г. при министрѣ финансовъ А. А. Абазѣ, акцизъ на соль, что, какъ извѣстно, сопровождалось ликованиями и благословеніями цѣлой страны ¹⁾; 2) настойчивое противодѣйствіе корыстнымъ возжеланіямъ сахарозаводчиковъ. Оно должно состоять въ пониженіи пошлины на заграничный сахаръ и въ рѣшимости правительства преслѣдовать стачку, направленную для возвышенія цѣны *не только предметовъ продовольствія, но и другихъ необходимой потребности товаровъ*, какъ гласить ст. 1180 уложенія о наказаніяхъ, — кѣмъ бы ни велась эта стачка, простою ли шайкой, или шайкой, именующей себя синдикатомъ, а стачку — нормировкой.

Что касается таможенной пошлины на сахаръ, то она по размѣру равносильна запрещенію привоза сахара, такъ какъ установлена въ 3 р. золот. на пудъ сахарнаго песка и въ 4 р. зол. на пудъ рафинада. Весь привозъ къ намъ сахара равняется нѣсколькимъстамъ пудовъ, доставляемыхъ въ Сибирь изъ Китая, а получаемая пошлина не превышаетъ одной или двухъ тысячъ рублей. Насколько бы ни была понижена пошлина, она не понизитъ дохода казны, а можетъ только его увеличить. Но она должна быть понижена весьма значительно для той цѣли, которая нами указана — для противодѣйствія любостязанію сахарозаводчиковъ; она должна быть назначена въ размѣрѣ 20—30 коп. зол. съ пуда, т.-е. въ 10—15 разъ ниже существующей нынѣ пошлины. Несомнѣнно, пониженіе до указываемаго нами размѣра пошлины на сахаръ должно идти въ разрѣзъ процвѣтанію нашей сахарной промышленности или, вѣрнѣе, въ ущербъ огромнымъ барышамъ сахарозаводчиковъ; но есть ли основаніе для пользы ихъ приносить въ жертву интересы населенія? Какъ извѣстно, наши сахарозаводчики получали до сихъ поръ огромные барыши, простиравшіеся до 30 и даже до 80 процентовъ дивиденда на складочный акціонерный капиталъ ²⁾. Разумѣется, на такіе барыши рассчитывать будетъ нельзя, но при умѣломъ веденіи дѣла (понятно, подъ условіемъ отиѣны внутреннего акциза), даже небольшой пошлины, съ присоединеніемъ расходовъ болѣе дальней перевозки, будетъ до-

¹⁾ Какъ извѣстно, нынѣшнее управленіе министерствомъ финансовъ входило съ представленіемъ о возстановленіи солянаго акциза, но проектъ этотъ былъ государственнымъ совѣтомъ отвергнутъ.

²⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1894 г. мартъ: „Сахарная операція казны въ 1898 г.“, стр. 881 и 882.

статочно для того, чтобы наши сахарозаводчики могли не безъ выгоды продолжать свою дѣятельность.

На вопросъ, можетъ ли казна лишиться дохода слишкомъ въ 40 милл. р., доставляемыхъ нынѣ, по росписи 1895 г., акцизомъ съ сахара? По нашему мнѣнію, сахаръ, вслѣдствіе его питательныхъ свойствъ, особенно важныхъ для подроставшаго поколѣнія, вслѣдствіе того, что усиленіе его потребленія должно содѣйствовать уменьшенію потребленія водки (несомнѣннаго яда, вредно вліяющаго на организмъ, помимо опьяненія), составляетъ предметъ первой необходимости, а такіе предметы (хлѣбъ, вода, мясо, овесъ, уксусъ и т. п., наконецъ сахаръ) не могутъ и не должны подвергаться обложенію.

Можно еще возразить, что отиѣна акциза съ сахара окажется болѣе въ пользу зажиточныхъ людей, нежели менѣ состоятельныхъ. Въ общей массѣ—не такъ, особенно въ будущемъ, даже ближайшемъ, когда дешевизна сахара расширитъ его потребленіе.

Въ былое, доброй памяти, время, когда существовалъ акцизъ на соль, въ поощреніе скотоводства, для дачи скоту безъ акциза отпущалась соль, предварительно прихвѣсью дегтя испорченная настолько, что она не годилась въ пищу людямъ (не знаемъ, годилась ли для скота). Эта *денатуризованная* соль была квинтъ-эссенціей абсурда, до котораго можетъ дойти преобладаніе акцизной системы. Нелѣпость довершалась тѣмъ, что умышенно испорченная соль стояла дороже, нежели соль доброкачественная. Къ сожалѣнію, какой-либо способъ денатурализаціи сахара *ad usum plebis* мы предложить не можемъ. Но та большая выгода, какую могли бы получить состоятельные классы отъ безакцизнаго сахара, возмѣстилась бы съ ихъ стороны уплатой большей доли налога, который долженъ бы пополнить недоборъ сахарнаго и другихъ косвенныхъ налоговъ, — налога подоходнаго.

Недостаточное исчисленіе доходной росписи 1895 года доказываетъ не только примѣромъ прежнихъ росписей и сличеніемъ цифръ ожидаемыхъ въ нынѣшнемъ году доходовъ съ дѣйствительнымъ доходомъ предшествовавшихъ лѣтъ, но и непосредственными соображеніями, приведенными въ докладѣ о росписи. Такъ, исчисливъ, весьма скупо, сахарный доходъ въ 42 м. р., министерство и эту сумму понижаетъ на 3 милл. р. въ виду того, что часть акциза за сахаръ, назначенный къ потребленію въ 1895 году, могла, вслѣдствіе способа взиманія, поступить въ 1894 году. Но тотъ же способъ взиманія остается и въ нынѣшнемъ году, слѣдовательно и въ нынѣшнемъ году можетъ поступить часть акциза за сахаръ, выпущенный въ потребность 1896 года. Притомъ такое довременное, какъ и за-

подавшее поступленіе измѣняетъ лишь кассовый счетъ, а не бюджетный. Само министерство финансовъ, при опредѣленіи питейнаго дохода въ 1893 году, прибавляетъ къ нему 15 м. р., поступившихъ, по соображеніямъ министерства, въ концѣ 1892 года за 1893 годъ. Исчисливъ акцизъ со спирта въ 260 м. р., министерство финансовъ изъ осторожности понижаетъ эту цифру на 10 м. р., хотя данныя о поступленіи питейнаго дохода въ 1893 и особенно въ первые десять мѣсяцевъ 1894 года не представляютъ повода къ такому пониженію. То же самое—по многимъ другимъ доходамъ. Таможенный доходъ, напримѣръ, исчисленъ въ размѣрѣ 148 м. р., менѣе цифры поступленія 1893 года на 8½ м. р., хотя на 1895 годъ повышена таможенная пошлина на хлопокъ. Причина столь скромнаго исчисленія въ докладѣ не указывается.

Можетъ случиться, что по той или другой доходной статьѣ *осторожность* окажется вполне уместной, но въ общемъ итогѣ росписи она ведетъ къ недочетамъ, примѣръ которыхъ приведенъ въ началѣ статьи. Слѣдуетъ прибавить, что при составленіи доходной росписи вовсе, повидимому, не принимается въ расчетъ приростъ населенія. Если опредѣлить его въ размѣрѣ хотя бы 1¼% въ годъ, а за два года въ 2½%¹⁾, то на такой крупный доходъ, какъ питейный, этотъ приростъ долженъ бы оказать вліяніе въ размѣрѣ 6—7 милл. р., а по всей доходной росписи—въ размѣрѣ десятковъ милліоновъ.

По питейному налогу приходится остановиться на одномъ обстоятельстве. Какъ извѣстно, съ 1 января этого года въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ: пермской, уфимской, оренбургской и самарской, введена *ex officio* казенная продажа такъ-называемаго вина, т.-е. водки. Что это не болѣе, какъ опытъ, повторено въ очень недавнемъ (22 декабря прошлаго года) циркулярѣ министра финансовъ чинамъ аццизнаго вѣдомства: „съ 1-го января 1895 года—говорится въ циркулярѣ—вводится въ дѣйствіе положеніе о казенной продажѣ питей, *пока, ex officio*, только въ четырехъ губерніяхъ“. Между тѣмъ изъ всеподданнѣйшаго доклада о росписи видно, что для распространенія этой мѣры на другія части имперіи вовсе не признается нужнымъ ожидать результатовъ опыта.

Проектъ казенной продажи вина, какъ вѣроятно всѣмъ памятно, былъ встрѣченъ общимъ недоверіемъ къ выгодной для казны этой продажи и въ финансовомъ, и особенно въ нравственномъ отношеніи. Крайнее сомнѣніе въ его пригодности выражалось не только, почти единогласно, печатью и общественнымъ мнѣніемъ, не только мно-

¹⁾ Роспись составляется обыкновенно на основаніи данныхъ, полученныхъ въ году, предшествующемъ году составленія росписи. Такъ роспись на 1895 годъ составлялась главнымъ образомъ по даннымъ 1893 года.

гми правительственными лицами, но и цѣлыми правительственными учреждениями. Если, послѣ многихъ перипетій, проектъ получилъ законодательную санкцію, то именно потому, что дѣло шло не объ окончательно устанавливаемомъ режимѣ, а объ *опытѣ*. Правда, опытъ еще не доказывалъ ничего окончательно: казенную продажу питей, вводимую въ ограниченномъ районѣ, можно было обставить условіями, несущественными въ большомъ размѣрѣ—особенно тщательнымъ подборомъ агентовъ, строгимъ надзоромъ и пр.,—но, по общему убѣжденію, даже особенно выгодно обставленный опытъ долженъ былъ дать отрицательные результаты: такъ велики невыгоды и затрудненія, соединенныя съ промышленными предпріятіями казны, и при томъ на сумму близкую къ трети всего государственнаго дохода, 300 миліоновъ рублей.

Теперь, въ числѣ суммъ, отпущенныхъ на новыя въ 1895 году расходы, значитъ по министерству финансовъ 10 милл. рублей на подготовительныя мѣропріятія по введенію казенной продажи вина въ 25 западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Слѣдуетъ ожидать, что въ будущемъ году эта продажа будетъ уже введена, и такимъ образомъ казенная торговля спиртными напитками для половины губерній имперіи станетъ свершившимся и пожалуй безповоротнымъ фактомъ: разрушивъ разъ установившійся экономическій строй, трудно бываетъ восстановить его. Прибавимъ, что по наведеннымъ справкамъ, а также по указаніямъ, находящимся въ докладѣ министра финансовъ о росписи, этотъ проектъ получилъ движеніе не въ обычномъ, установленномъ для такихъ проектовъ порядкѣ, а по непосредственному докладу министра финансовъ покойному Государю.

Во всеподданѣйшемъ докладѣ о росписи на 1895 годъ не находится никакихъ указаній на обстоятельства, побудившія министерство финансовъ, не ожидая результатовъ казенной продажи вина въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, немедленно принять мѣры къ введенію такой же продажи разомъ въ 25 западныхъ губерніяхъ. Можно однако догадываться, что поводомъ послужило большое количество обнаруживаемыхъ въ этихъ губерніяхъ случаевъ нарушенія питейнаго устава. Дѣйствительно, количество это, по отчетамъ департамента неокладныхъ сборовъ, весьма значительное въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ (вареніе кумышки и т. п.), еще больше въ западныхъ губерніяхъ, если не по числу, то по размѣру наносимаго убытка казнѣ, такъ какъ въ число этихъ нарушеній входятъ: ввозъ контрабанднаго спирта изъ Пруссіи и Австріи, тайное винокуреніе, безпатентная торговля водкой и пр. Насколько устранился это зло при казенной продажѣ питей, предсказать трудно, тѣмъ болѣе, что казенная продажа питей на выносъ не устраиваетъ распивочной тор-

говли частныхъ лицъ. Она по прежнему будетъ производиться въ трактирахъ, буфетахъ и пр. въ незапечатанной посудѣ и по вольнымъ цѣнамъ. Разница лишь въ томъ, что эти заведенія должны приобрѣтать питія изъ казенныхъ складовъ и лавокъ, что во всякомъ случаѣ облегчитъ надзоръ за доброкачественностью напитковъ и правильностью ихъ отпуска покупателямъ.

При регламентаціи у насъ питейнаго налога, начиная съ замѣны откупной системы акцизною, руководившее этимъ министерство финансовъ задавалось не одною финансовою стороною дѣла, но болѣе или менѣе заботилось о здоровьѣ и нравственности народа и о возможности предохранить его отъ злоупотребленій хищниковъ, торгующихъ водкой. Такая забота лежала въ основѣ питейнаго устава 1885 года, далеко не оправдавшего однако возлагавшихся на него надежды. Было бы несправедливо не признать, что нынѣ министерство финансовъ, рѣшивъ совершенно измѣнить существующій способъ торговли спиртными напитками, вмѣстѣ съ тѣмъ поставило на болѣе широкую почву вопросъ о народномъ здоровьѣ, нравственности и благосостояніи. „Опытъ (казенной продажи вина)—говорится въ упомянутомъ выше циркулярѣ 22 декабря прошлаго года—предпринять для разрѣшенія одной изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ задачъ по улучшенію народнаго быта—для огражденія народной нравственности и народнаго здравія отъ растлѣвающихъ вліяній нынѣшнихъ питейныхъ заведеній, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ причиняютъ народу и неисчислимый матеріальный вредъ, подтачивая въ самомъ корнѣ его благосостояніе“. Далѣе объявляется акцизному надзору, что ему будетъ поставлено въ заслугу, если вмѣстѣ съ уменьшеніемъ питейнаго дохода окажется (какъ слѣдствіе этого) улучшеніе благосостоянія въ населеніи.

Правда, въ циркулярѣ нѣтъ указанія, какъ опредѣлить и возростающее народное благосостояніе, и непосредственную зависимость этого отъ уменьшенія потребленія спиртныхъ напитковъ; но это мѣсто циркуляра не лишено значенія: акцизному вѣдомству, на которое, закономъ 6 іюня прошлаго года, возложена казенная продажа питей, внушается, что оно не должно слишкомъ усердствовать въ преумноженіи казеннаго питейнаго дохода, въ чемъ, какъ извѣстно, оно не разъ погрѣшало до сего времени.

Затѣмъ министерствомъ финансовъ былъ исходатайствованъ, чрезъ государственный совѣтъ, Высочайшее утвержденный 20 прошлаго декабря *уставъ попечительства народной трезвости*. Попечительствамъ предоставляется между прочимъ: а) имѣть, въ интересахъ народнаго здравія и нравственности, надзоръ за тѣмъ, чтобы торговля крѣпкими напитками производилась согласно установленнымъ для сего

правиламъ; б) распространять среди населенія здравыя понятія о вредѣ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, а также изыскивать средства для предоставленія ему возможности проводить свободное время внѣ питейныхъ заведеній, и съ этою цѣлью *устраивать народныя чтенія и собесѣдованія, составлять и распространять изданія, разъясняющія вредъ злоупотребленія крѣпкими напитками, открывать чайныя, народныя читальни и т. п.*

Составъ попечительствъ—и главное, завѣдывающихъ дѣлами ихъ комитетовъ (губернскихъ и уѣздныхъ)—преимущественно изъ должностныхъ лицъ, которымъ болѣе или менѣе сложныя служебныя занятія могутъ мѣшать посвящать дѣламъ попечительствъ достаточно силы и времени. Но на попечительства сверхъ того возлагается „оказывать содѣйствіе учрежденіямъ и частнымъ обществамъ, дѣятельность которыхъ направлена къ достиженію тѣхъ же цѣлей, съ коими учреждаются попечительства“.

Такимъ образомъ, рядомъ съ официальнымъ, до нѣкоторой степени обязательнымъ починомъ, открывается широкая возможность частной инициативы и дѣятельности къ достиженію цѣлей, указываемыхъ уставомъ 20 декабря 1894 года. Прибавимъ, что уставъ о попечительствахъ не связанъ съ казенной продажей вина, такъ-что попечительства, по точному смыслу устава, должны открыться во всѣхъ мѣстностяхъ и при вольной продажѣ питей.

Коснувшись, при обзорѣннѣ росписи, питейнаго дохода, мы имѣли главнымъ образомъ въ виду не порядокъ, какимъ взимается и будетъ взиматься этотъ налогъ (акцизнымъ или казенной продажей), а самый размѣръ налога. Питейный доходъ на 1895 г. исчисленъ въ размѣрѣ 278 милл. р., но слѣдуетъ ожидать, что онъ превзойдетъ эту цифру и поступитъ въ размѣрѣ близкомъ 300 милл. р., если не превзойдетъ эту сумму. Известно, что значительнѣйшая часть этого дохода уплачивается низшими, наименѣе состоятельными классами населенія, которымъ сверхъ того приходится нести на себѣ и дополнителныя оплаты за потребленіе питей независимо отъ ихъ заводской стоимости: расходы и барыши торговцевъ напитками и суммы, равныя акцизу съ вина, не подвергавшагося казенному обложенію; съ перекура, со спирта, ввезеннаго контрабандой или пущеннаго въ обращеніе тайными винокурными заводами. Вообще накладные, за вычетомъ стоимости продукта, на водку налоги, уплачиваемые населеніемъ, не менѣе 450 милл. р.,—налогъ, очевидно, непосильный платежнымъ средствамъ населенія, который, несомнѣнно, составляетъ одну изъ причинъ его обѣднѣнія. Эта повинность должна быть уменьшена или значительнымъ пониженіемъ питейныхъ налоговъ, если общее потребленіе водки признается нужнымъ и желательнымъ, или—

если оно считается вреднымъ—изъятіемъ, по возможности, изъ обращенія напитковъ съ большимъ содержаніемъ алкоголя, преимущественно самаго вреднаго сорта его (такъ называемаго амиловаго), получаемаго отъ перегонки ржи и картофеля. Въ этихъ цѣляхъ мы не разъ указывали на возможность прекратить продажу водки внѣ городовъ, а въ городахъ ограничить ее продажей изъ винныхъ лавокъ (казенныхъ или частныхъ—все равно) только на выносъ, съ воспрещеніемъ распивочной продажи вообще питей, содержащихъ алкоголь въ размѣрѣ болѣе опредѣленнаго (приблизительно 20%).

Мы упоминали неоднократно объ удостовѣряемомъ экономистами свойствѣ косвенныхъ налоговъ доставлять казнѣ лишь часть (иногда мѣншую) сборовъ, уплачиваемыхъ населеніемъ, и примѣромъ питейныхъ, таможенныхъ и другихъ поступленій доказывали это свойство. Между тѣмъ именно косвенные налоги и ихъ постоянное повышеніе издавна составляютъ основаніе нашей финансовой системы. Въ 1881 году косвенные налоги, со включеніемъ таможеннаго, доставили 330 м. р., а въ 1893 году—около 520 м. р., почти на 60% больше; при чемъ, какъ это видно изъ отчета государственнаго контроля ¹⁾, это увеличеніе составляетъ результатъ не экономическаго преуспѣянія страны, даже не прироста населенія, а почти исключительно повышенія размѣра налоговъ. По нашему убѣжденію, теперь предстоитъ идти обратнымъ путемъ.

Свободная наличность государственнаго казначейства къ 1 января 1894 г. достигала 260 м. р.; къ 1 января 1895 г., по расчету министра финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи, она должна была возрасти *по крайней мѣрѣ* до 325½ м. р., а по отчисленіи изъ нихъ 69½ м. р. недобора въ чрезвычайномъ бюджетѣ 1895 г.—составить къ 1 января 1896 года *не менѣе* 256 м. р. Всѣ эти исчисленія сдѣланы, по обыкновенію, очень скромно, что и доказывается приведенными нами словами: *по крайней мѣрѣ* и *не менѣе*. Но еслибы свободная наличность государственнаго казначейства къ 1896 г., т.-е. скопившееся въ послѣднее время превышеніе доходовъ надъ расходами, не превышала даже 256 м. р., то и ея было бы слишкомъ достаточно для того, чтобы устранить самую мысль о надобности дальнѣйшаго скопленія въ кассахъ министерства финансовъ суммъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія.

Года два тому назадъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи была высказана мысль, что вслѣдствіе особенныхъ экономическихъ

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1894 г., 821 стр. и слѣд.

условіи Россіи въ казнѣ ея необходимо скопленіе, въ видѣ страховой гарантіи, излишнихъ средствъ, которыя служили бы источникомъ пособія населенію на случай постигающихъ его невзгодъ. Воззрѣніе это, не совсѣмъ согласное съ господствующими въ западной Европѣ взглядами на задачи государственнаго хозяйства, едва ли и у насъ можетъ считаться правильнымъ. Населеніе несомнѣнно должно, по возможности, доставить все, что нужно для удовлетворенія насущныхъ государственныхъ потребностей, но повышать налоги, или даже оставаться при слишкомъ повышенныхъ налогахъ съ цѣлью скопленія въ государственномъ казначействѣ излишнихъ суммъ—было бы плохимъ расчетомъ. Суммы эти въ кассахъ казны лежатъ бесплодно, между тѣмъ какъ въ обращеніи народа онѣ служатъ къ развитію промышленной предпріимчивости и въ видѣ оборотнаго капитала, съ приложеніемъ труда, безъ этого капитала невозможнаго, могутъ приносить 100 и болѣе процентовъ. Можно идти даже далѣе. Разумѣется, съ постоянными дефицитами, съ хроническимъ недоборомъ средствъ для удовлетворенія текущихъ государственныхъ потребностей мириться нельзя. Но если дефициты являются явленіемъ временнымъ, вызваннымъ исключительными условіями, то выгодаѣе, какъ это и было заявлено двумя послѣдними бывшими министрами финансовъ, обратиться къ займамъ, нежели слишкомъ напрягать платежныя силы населенія. Народный достатокъ—наилучшее обезпеченіе какъ для нуждъ самого населенія, такъ и для чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей.

Но въ настоящее время положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ вполне установилось. Доходный бюджетъ нашъ таковъ, что вполне служить и долго еще будетъ служить достаточнымъ источникомъ удовлетворенія не только текущихъ государственныхъ потребностей, но и крупныхъ чрезвычайныхъ затратъ на капитальныя чрезвычайныя предпріятія. Затѣмъ въ кассахъ государственнаго казначейства къ 1 января 1895 года образовалась, по удостоверенію министерства финансовъ, свободная наличность до 300 м. р., которая, можно надѣяться, и къ 1896 году останется въ томъ же размѣрѣ, несмотря на большую сумму, исчисленную по чрезвычайной расходной росписи настоящаго года. Правда, эта наличность въ значительной степени—результатъ сдѣланныхъ въ послѣдніе годы займовъ, но лишь потому, что избытокъ обыкновенныхъ доходовъ поглощенъ большими желѣзнодорожными предпріятіями; правда, избытокъ доходнаго бюджета, какъ уже сказано, является исключительнымъ результатомъ постоянного усиленнаго повышения налоговъ, но дѣло сдѣлано—и теперь остается воспользоваться выгодами положенія, хотя онѣ и приобрѣтены тяжелою цѣною.

Если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ главная цѣль нашей финансовой политики состояла въ приведеніи въ порядокъ нашего бюджета,—цѣль эта достигнута. Теперь—когда положеніе бюджета даетъ къ этому полную возможность—должны быть поставлены иныя задачи: 1) облегченіе налоговой тяжести, лежащей на населеніи во всемъ его составѣ, отъ мала до велика, съ устраненіемъ дальнѣйшаго накопленія свободной наличности, и 2) въ нѣкоторомъ перемѣщеніи налоговой тяжести.

Мы упоминали о невыгодности косвенныхъ налоговъ, заключающейся въ томъ, что съ населенія, благодаря имъ, взимается несравненно больше, нежели взимается въ казну. Другая невыгода ихъ въ томъ, что они составляютъ налогъ *на потребность или на трудъ*, а не на *достатокъ*, единственный предметъ правильного обложенія. Первый изъ указанныхъ недостатковъ можетъ быть устраненъ замѣной косвенныхъ налоговъ прямыми, по которымъ почти все (за исключеніемъ издержекъ взиманія), уплачиваемое населеніемъ, цѣлкомъ поступаетъ въ казну; второй — однимъ видомъ прямыхъ налоговъ — *налогомъ подоходнымъ*, который у насъ удовлетворилъ бы и второй изъ указанныхъ выше задачъ—перемѣщенію податной тягости въ видахъ большей равномѣрности ея.

Замѣна *всѣхъ* налоговъ однимъ налогомъ подоходнымъ—идеаль финансовой политики большей части экономистовъ — составляетъ не болѣе какъ *pium desiderium* даже для странъ, въ которыхъ этотъ налогъ издавна получилъ видное мѣсто въ ряду налоговъ. Такое же видное мѣсто въ ряду налоговъ онъ долженъ имѣть и въ нашемъ бюджетѣ,—приблизительно то мѣсто, какое нынѣ занимаетъ въ немъ питейный налогъ, доставляющій, если исключить оборотные доходы, въ родѣ дохода казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—около трети государственныхъ доходовъ, т.-е. въ размѣрѣ отъ 200 до 300 милл. рублей.

Выгоды введенія этого налога у насъ весьма велики. По своей эластичности (стоитъ увеличить или уменьшить процентъ взиманія) этотъ налогъ всегда можетъ быть приравняемъ къ потребностямъ государства; далѣе, введеніе этого налога не только даетъ возможность упразднить наиболѣе обременительныя, стѣсняющіе промышленность и имущественныя сдѣлки, косвенные налоги, но и развяжетъ руки по отношенію къ главному изъ нихъ—налогу питейному, къ которому недостаточно опредѣленное отношеніе и вызывается, повидимому, преимущественно крупнымъ доходомъ, доставляемымъ имъ казнѣ.

Напомнимъ, что въ концѣ 70-хъ годовъ существовала коммиссія, подвинувшая весьма далеко разработку вопроса о подоходномъ налогѣ. Добытые ею результаты (которые теперь могли бы быть освѣжены)

въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополнены позднѣйшими работами министерства финансовъ, какъ, напр., изданіемъ въ 1893 году описанія „фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи“. Разумѣется, разработка деталей еще ничего не рѣшаетъ; необходимъ общій планъ, ихъ согласующій и представляющій не мало затрудненій. Такъ, между прочимъ, необходимо сліяніе, въ стройной системѣ, съ подходящимъ налогомъ существующихъ уже прямыхъ обложеній: поземельнаго сбора, сбора съ торговли и промысловъ и т. п. Мы думаемъ, что концепція этого плана не окажется непосильною для нашего времени; если квартирный налогъ, рассматриваемый какъ опытъ въ этомъ направленіи, не оправдалъ, быть можетъ, волагавшихся на него надеждъ, то это не должно быть относимо къ числу возраженій противъ подоходнаго налога: во-первыхъ, срокъ опыта слишкомъ кратокъ, а во-вторыхъ, самое начало, положенное въ основаніе налога—цѣна квартиры, было само по себѣ неправильно, такъ какъ эта цѣна могла часто показывать не зажиточность лица, а обремененіе его семействомъ.

0.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1895.

Пріемъ представителей всѣхъ сословій въ Зимнемъ дворцѣ, 17 и 18 января.— Именной указъ 13-го января.—Проектируемое освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ на содержаніе мѣстнаго управленія.— Сессія сельско-хозяйственнаго совѣта.— Переимѣна въ управленіи министерствомъ путей сообщенія.—Поправка.

17-го января, состоялся Высочайшій пріемъ депутацій отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, прибывшихъ въ С.-Петербургъ для принесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ по случаю Ихъ бракосочетанія. Государь Императоръ обратился при этомъ въ представителямъ всѣхъ сословій съ слѣдующими словами:

„Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, стѣхавшихся для заявленія вѣрноподанническихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ Свой силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный, покойный Родитель“.

Всѣ петербургскія газеты привели уже на своихъ столбцахъ, вслѣдъ за Высочайшими словами, подробное описаніе самаго торжества и приношенія подарковъ Ихъ Величествамъ многочисленными депутаціями, собравшимися со всѣхъ концовъ Россіи; 18-го января послѣдовалъ пріемъ и остальныхъ депутацій, не менѣе многочисленныхъ.

Именной Высочайшей указъ 13-го января представляет собой явление совершенно новое и весьма отрадное въ исторіи нашей литературы. „Въ Монаршемъ попеченіи о вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, посвятившихъ свои дарованія и усиленные труды служенію Намъ и отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати“, — таковы подлинныя слова указа, — „признали Мы справедливымъ отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства денежные средства для оказанія необходимой помощи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ, возложивъ исполненіе сей Нашей воли на Императорскую академію наукъ какъ первенствующее ученое сословіе въ Россійской имперіи. Твердо уповаемъ, что таковая поддержка, оказываемая независимо отъ воспособеній изъ средствъ нынѣ существующихъ съ тою же цѣлью частныхъ учреждений, дастъ названнымъ лицамъ возможность съ еще бѣльшимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ, къ вышшей славы и величію Нашей горячо любимой Россіи“. Кромѣ единовременныхъ денежныхъ пособій, изъ ассигнованной указомъ суммы могутъ быть назначаемы и пенсіи тѣмъ лицамъ, которыя не получаютъ ихъ изъ другихъ источниковъ. Къ участію въ обсужденіи вопросовъ о правѣ на пособіе или пенсію Президенту академіи наукъ разрѣшено приглашать всѣхъ тѣхъ, кто можетъ „быть для сего полезнымъ“. Взаимному соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ и президента академіи наукъ предоставлено выработать и ввести въ дѣйствіе: а) правила для руководства академіи при разрѣшеніи вышеупомянутыхъ вопросовъ, и б) положеніе о порядкѣ ихъ разсмотрѣнія.

Отдѣльные случаи матеріальной правительственной помощи русскимъ литераторамъ и ученымъ встрѣчаются у насъ въ Россіи съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникаетъ русская наука и литература. Особенно частыми они становятся въ первой половинѣ XIX в. (Карамзинъ, Пушкинъ, Гоголь), когда растетъ интересъ къ литературѣ, а число читателей еще не такъ велико, чтобы обезпечить существованіе писателей, даже наиболѣе выдающихся. По мѣрѣ того, какъ раздвигаются рамки читающей публики, повышая гонораръ и другіе виды литературнаго дохода, правительственная поддержка теряла свое прежнее значеніе; ограниченію ея способствовало также усиливавшееся различіе между официальными взглядами и господствующими литературными, а отчасти и научными, теченіями. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что наименьшихъ, сравнительно, размѣровъ она достигаетъ въ царствованіе Александра II-го (если только не считать новыхъ формъ поддержки, особыхъ и по ха-

рактору, и по дѣли, напр. газетныхъ субсидій). Между тѣмъ число лицъ, живущихъ исключительно литературнымъ трудомъ, увеличивалось быстрѣе, чѣмъ число читателей; образовался и расширился литературный пролетаріатъ,—да и крупнымъ, даже гениальнымъ писателямъ (напр. Достоевскому) не всегда удавалось сразу завоевать обеспеченное матеріальное положеніе, или хотя бы только вырваться изъ когтей вопіющей нужды. Литературный фондъ, основанный въ 1859 г., располагаетъ все болѣе и болѣе обширными средствами, но все-таки не въ состояніи помочь въ достаточной мѣрѣ всѣмъ требующимъ и заслуживающимъ помощи. Въ царствованіе императора Александра III опять учащаются случаи правительственной поддержки литературнаго труда (напомнимъ хотя бы увеличеніе пенсій Гончарову, назначеніе пенсій Островскому), но это, по прежнему, только *случаи*, ничѣмъ не объединенные и не регулированные. Главное нововведеніе указа 13-го января заключается именно въ томъ, что создается *система*, а вмѣстѣ съ нею и средства, необходимыя для ея осуществленія. Пока не было ни фонда, предназначеннаго государствомъ на пособія и пенсій ученымъ и литераторамъ, ни учрежденія, призваннаго къ завѣдыванію этимъ дѣломъ, ни руководящихъ по отношенію къ нему правилъ, до тѣхъ поръ правительственная помощь имѣла, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, характеръ *награды*. Отсюда неизбежное ограниченіе круга лицъ ею пользующихся. На милость образца нѣтъ,—никто не имѣетъ на нее *права*, никто, слѣдовательно, не можетъ (или, по крайней мѣрѣ, не долженъ) просить о ней, искать ея. *Награда*, дальше, предполагаетъ предшествующую *услугу*—а услуги, въ обычномъ смыслѣ слова, оказываютъ правительству далеко не всѣ писатели. Совсѣмъ другое дѣло—просить о помощи изъ средствъ, ассигнованныхъ *вообще* на поддержку нуждающихся литераторовъ и ученыхъ, и просить о ней на основаніи точныхъ правилъ, опредѣляющихъ *условія* полученія помощи. Нельзя же допустить, чтобы къ числу такихъ условій было отнесено извѣстное *направленіе* литературной или ученой дѣятельности. Въ указѣ 13-го января идетъ рѣчь о „служеніи наукамъ и отечественной литературѣ“, а не о служеніи тѣмъ или другимъ теоретическимъ началамъ или практическимъ дѣламъ. Намъ много разъ случалось указывать на то, что помощь литературнаго фонда не унижительно для пользующагося ею, такъ какъ въ самомъ ея назначеніи заключается признаніе двухъ обстоятельствъ, изъ которыхъ проистекаетъ *право* на помощь: извѣстной степени нужды и извѣстнаго количества труда на данномъ поприщѣ. То же самое можно будетъ связать и о помощи изъ государственнаго фонда, образуемаго въ силу указа 13 го января. Самое учрежденіе этого фонда—большое благо для

русской науки и русской литературы, а слѣдовательно и для всего русскаго народа, заинтересованнаго въ ихъ развитіи и процвѣтаніи; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы характеръ благодѣанія, со всѣми его неудобными для отдѣльнаго лица сторонами, сохранялъ и каждый частный случай помощи изъ фонда тому или другому ученому или литератору.

Большое вниманіе обратили на себя тѣ мѣста указа 13-го января, гдѣ рядомъ съ наукой и словесностью поставлена *повременная печать*, рядомъ съ учеными и литераторами—*публицисты*. Собственно говоря, примѣнимость указа къ публицистамъ и повременной печати разумѣлась бы сама собою и безъ столь прямыхъ и ясныхъ указаній, такъ какъ нельзя же сомнѣваться въ томъ, что повременная печать—одинъ изъ отдѣловъ литературы, публицисты—одна изъ категорій литераторовъ; вѣдь распространяетъ же на нихъ свою дѣятельность литературный фондъ, хотя онъ, въ силу своего устава, представляетъ собою общество для пособія нуждающимся *литераторамъ и ученымъ*. Определенность выраженій, однако, никогда не мѣшаетъ; особенно полезна она въ столь новомъ дѣлѣ, какъ организованная государственная помощь работникамъ мысли. Въ повременной печати съ особенною яркостью обнаруживается различіе направленій; между публицистами могутъ быть лица, разсуждающія, по временамъ, не вполнѣ согласно съ намѣреніями администраціи. Включеніе ихъ, *ipsis in verbis*, въ область дѣйствія указа обнаруживаетъ съ полною ясностью истинное значеніе новой мѣры, свободной отъ всякой исключительности и односторонности. Въ томъ же смыслѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ понимать и порученіе всего дѣла не одному изъ административныхъ вѣдомствъ—напр., министерству народнаго просвѣщенія,—а „первенствующему ученому сословію“ въ имперіи. Конечно, академія наукъ въ настоящемъ своемъ видѣ и составѣ имѣетъ непосредственное отношеніе не ко всѣмъ видамъ литературы и почти вовсе не связана съ повременною печатью; но существенно важнымъ коррективомъ этого недостатка можетъ служить дарованное Президенту академіи право приглашать къ участію въ ея новой работѣ постороннихъ лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ писателей и съ трудами той или другой писательской группы. Весьма возможно притомъ, что академія не пренебрежетъ содѣйствіемъ литературнаго фонда и его тридцатипятилѣтнею опытностью. Безъ сношеній съ фондомъ и съ кассой литературной взаимопомощи академіи нельзя будетъ обойтись уже и потому, что пенсія она въ правѣ назначать только тѣмъ, кто не получаетъ ихъ изъ другихъ источниковъ ¹⁾.

¹⁾ Замѣтимъ, по этому поводу, что едва ли полученіе пенсій изъ одного источника должно быть рассматриваемо какъ *абсолютное* препятствіе къ назначенію ея

Завязавшись однажды, эти сношенія едва ли сохранять чисто формальный характер. Дѣятельность „частныхъ учреждений“, заботящихся въ настоящее время о помощи ученымъ и литераторамъ, указъ 13-го января оставляетъ неприкосновенною. Это совершенно понятно: нужда между писателями такъ велика, что объ избыткѣ силъ для борьбы съ нею не можетъ быть и рѣчи. Литературный фондъ тратитъ въ настоящее время ежегодно около 25 тысячъ рублей,—но какъ часто ему приходится отказывать въ помощи, за недостаткомъ средствъ, или до крайности уменьшать ея размѣры! Благодаря новому фонду, общая сумма помощи превыситъ 75 тысячъ рублей—и все-таки останется далеко ниже потребности. Весьма важно, поэтому, чтобы ни одинъ рубль не тратился понапрасну, чтобы помощь, изъ всѣхъ источниковъ, шла только туда, гдѣ она необходима, и только въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она необходима.

Чѣмъ желательнѣе совмѣстная и дружная работа на пользу общаго дѣла, тѣмъ прискорбнѣе встрѣчаться, на первыхъ же порахъ, съ попытками противопоставить правительственную помощь общественной и поселить недоувѣріе въ тѣмъ „частнымъ учреждениямъ“, существованіе которыхъ еще разъ признано и подтверждено указомъ 13-го января. Инициативу этихъ мало почтенныхъ стремленій взяла на себя вновь основанная московская газета „Русское Слово“. Она высказываетъ „твердую надежду“, что „отнынѣ пожертвованія частныхъ лицъ, желающихъ придти на помощь бѣдствующимъ труженикамъ мысли, будутъ направляться не въ литературный фондъ, какъ прежде, а прямо въ императорскую академію наукъ, которая несомнѣнно дастъ имъ самое правильное назначеніе“. Въ униссонъ съ новобранцемъ поетъ, конечно, и ветеранъ. „Московскія Вѣдомости“ выражаютъ увѣренность въ томъ, что „помощь Государя въ рукахъ академіи не будетъ распредѣляться такъ либерально тенденціозно, какъ суммы, данныя членами Императорской фамиліи въ распоряженіе литературнаго фонда. Академія, конечно, не послѣдуетъ примѣру кассы взаимопомощи, не признающей правъ на обезпеченіе старости за консервативными писателями, какъ это было весной съ нашимъ сотрудникомъ, г. Тихомировымъ“... Удивительное искусство портить настроеніе и вносить фальшивыя ноты даже туда, гдѣ для нихъ, повидимому, всего меньше мѣста! Старая, сто разъ опровергнутая сказка о тенденціозности литературнаго фонда повторяется какъ разъ

и изъ другого источника. Размѣры пенсій далеко не всегда настолько значительны, чтобы обезпечивать хотя бы самое скромное существованіе. Литературный фондъ, напримѣръ, почти никогда не назначаетъ пенсій въ размѣрѣ болѣе трехсотъ рублей. Полученіе пенсій изъ госуд. казначейства не служитъ, въ глазахъ фонда, безусловнымъ поводомъ къ отказу въ помощи.

тогда, когда эта тенденціозность, еслибы она и существовала, перестала бы быть опасной, найдя противовѣсъ въ основаніи правительственнаго фонда. Указаніе на непринятіе г. Тихомирова въ члены кассы взаимопомощи, о которомъ до сихъ поръ въ печати нигдѣ, если мы не ошибаемся, не упоминалось, пускается въ ходъ какъ разъ тогда, когда оно можетъ повредить отношеніямъ кассы къ вновь созданному фонду. Тщательно умалчивается о томъ, что касса взаимопомощи — *товарищество*, свободно избирающее своихъ членовъ и только передъ ними несущее извѣстныя обязательства. Непринятіе того или другого лица въ составъ кассы вовсе не имѣетъ такого значенія, какъ, напримѣръ, отказъ въ помощи со стороны литературнаго фонда. Литературный фондъ долженъ помочь *всякому* писателю, подходящему подъ дѣйствіе устава фонда, т.-е. дѣйствительно нуждающемуся и достаточно потрудившемуся для науки или литературы; касса взаимопомощи, допуская писателя въ свою среду, вовсе не принимаетъ въ расчетъ его матеріальное положеніе. Между участниками кассы могутъ быть и такіе, которые сами вполне обеспечены матеріально и вступаютъ въ кассу только для исполненія своего долга передъ товарищами по профессіи. Средства обезпечить себя на старость лѣтъ или свою семью—на случай смерти—существуютъ, для писателя, имѣющаго постоянный заработокъ, и помимо литературной кассы взаимопомощи: укажемъ хотя бы на различныя формы страхованія... Что касается до надежды „Русскаго Слова“ на прекращеніе пожертвованій въ литературный фондъ, то она, думается намъ, основана не столько на недоброжелательствѣ, сколько на недомысліи. Газета упустила изъ виду, что государственное учрежденіе не нуждается въ частныхъ пожертвованіяхъ—не нуждается въ нихъ уже потому, что если средства, предоставленныя въ его распоряженіе, окажутся недостаточными, то они всегда могутъ быть увеличены изъ того же источника. Другое дѣло—учрежденіе частное, образовавшееся только благодаря пожертвованіямъ и только благодаря имъ продолжающее дѣйствовать въ границахъ не особенно широкихъ, но постоянно раздвигающихся. Остановить приливъ средствъ въ литературный фондъ не особенно трудно—но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы соразмѣрно съ этимъ возросли спеціальныя средства академіи наукъ. Пожертвованія, сбитыя съ своего обычнаго пути, остались бы, по всей вѣроятности, въ карманѣ жертвователей, и въ результатъ получилось бы только общее пониженіе суммы, идущей на поддержку нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Допустимъ, наконецъ, что пожертвованія будутъ поступать и въ академію наукъ. Необходимо ли, чтобы это было въ ущербъ литературному фонду? Нужно ли желать, чтобы жертвовали въ академію именно тѣ самыя

лица, которыя прежде жертвовали—и, еслибы обстоятельства не измѣнились, продолжали бы жертвовать—въ литературный фондъ? Очевидно—нѣтъ. Категоріи жертвователей весьма различны; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ тяготѣть къ академіи наукъ, другія—къ литературному фонду, и чѣмъ больше будетъ тѣхъ и другихъ, тѣмъ лучше. Припомнимъ недавній опытъ голодныхъ годовъ. Учрежденіе Особаго комитета точно такъ же увеличило общій итогъ помощи голодающимъ, какъ указъ 13-го января увеличить общій итогъ помощи нуждающимся литераторамъ и ученымъ; но развѣ оно остановило приливъ пожертвованій къ частнымъ лицамъ, организовавшимъ помощь на мѣстахъ, въ пострадавшихъ губерніяхъ? Нисколько; частная помощь развивалась и врѣпла на раду съ официальной. *Viribus univitis*—таковъ девизъ всякой борьбы противъ общаго бѣдствія. Нужно надѣяться, что палки подъ колеса частныхъ учреждений, такъ усердно бросаемыя газетами извѣстнаго оттѣнка, окажутся безсильными затормазить движеніе, безпрепятственно продолжавшееся нѣсколько десятилѣтій и достигшее сравнительно-крупныхъ результатовъ.

Когда идетъ рѣчь о помощи литераторамъ и въ особенности дѣятелямъ повременной печати, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что одною изъ причинъ, дѣлающихъ матеріальное положеніе ихъ необезпеченнымъ и неустойчивымъ, служитъ отчасти самое законодательство о печати, составляющее въ настоящее время совокупность „временныхъ“ правилъ (изданныхъ притомъ, большею частью, не въ законодательномъ порядкѣ). Не только запрещеніе періодическаго изданія, навсегда или на время, наноситъ тяжкій, не всегда поправимый вредъ множеству лицъ, жившихъ сотрудничествомъ въ этомъ изданіи, но и самая возможность такого запрещенія—или другой административно-карательной мѣры—понижаетъ авторскій гонораръ, мѣшаетъ напечатанію (а слѣдовательно—и оплатѣ) массы статей, въ сущности безразличныхъ, останавливаетъ изданіе цѣлыхъ книгъ, парализуетъ предпримчивость издателей. Трудность предварительнаго разрѣшенія для основанія новой газеты или новаго журнала также сильно уменьшаетъ число органовъ, въ которыхъ могли бы находить работу труженики печатнаго слова, а получившихъ такую привилегію превращаетъ въ монополистовъ. Болѣе, чѣмъ всякая, хотя и самая широкая матеріальная помощь, улучшилъ бы, поэтому, положеніе нашихъ публицистовъ, литераторовъ и даже ученыхъ, пересмотръ дѣйствующихъ постановленій о печати. Именной указъ 13-го января, провозглашая возможность служенія отечеству посредствомъ печатнаго слова и признавая это служеніе однимъ изъ путей къ вышшей славѣ и величію Россіи, позволяетъ надѣяться на возмож-

ность подобнаго пересмотра; впрочемъ, какъ говорилось въ газетахъ, подобный пересмотръ уже предположенъ для цензуры иностранной.

Почти одновременно съ указомъ 13-го января въ газетахъ появились свѣденія о законопроектѣ, обещающемъ значительную переѣну къ лучшему въ матеріальныхъ средствахъ земства. Въ настоящее время, какъ извѣстно, изъ земскихъ сборовъ оплачивается большая часть стоимости мѣстныхъ судебно-административныхъ учреждений. Все то, что тратилось земствомъ, въ моментъ осуществленія реформы 1889 г., на судебно-мировой институтъ и крестьянскія учреждения, было обращено закономъ въ обязательный расходъ, идущій на содержаніе земскихъ начальниковъ, городскихъ судей, уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій. Въ основаніи этой мѣры лежало, очевидно, не что иное, какъ желаніе избѣжать, въ данную минуту, увеличенія государственныхъ расходовъ. Представители судебно-мирового института избирались земствомъ, отъ котораго зависѣло, до извѣстной степени, опредѣленіе ихъ числа (путемъ ходатайства о сокращеніи или увеличеніи числа мировыхъ участковъ) и размѣровъ ихъ содержанія (повышеніемъ или пониженіемъ его минимальной, обязательной нормы). Отъ земства зависѣло также избраніе непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій, губернскихъ и уѣздныхъ. Ничего подобнаго не предоставлено земству по отношенію къ земскимъ начальникамъ; новое учрежденіе совершенно чуждо земству и во многомъ даже ему противоположно. Рано или поздно, поэтому, должна была пастъ и финансовая связь, искусственно ихъ соединявшая. Область земскихъ расходовъ должна быть ограничена предметами собственной дѣятельности земства. Нѣтъ ни причины, ни надобности обращать земство въ простого сборщика денегъ, которыми не оно будетъ распоряжаться. Чѣмъ многочисленнѣе и серьезнѣе затрудненія, съ которыми сопряжено поступленіе земскихъ сборовъ, тѣмъ менѣе можетъ быть оправданъ такой порядокъ вещей, при которомъ крупная часть собраннаго ускользаетъ изъ рукъ земства. Законопроектъ, внесенный министерствомъ финансовъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, устраняетъ аномалію, созданную введеніемъ въ дѣйствіе положеній 12-го іюля 1889 г.; онъ слагаетъ съ земства большую часть обязательныхъ расходовъ по содержанію мѣстнаго управленія и суда ¹⁾, съ тѣмъ, чтобы освобождающаяся

¹⁾ Кроме расходовъ по мѣстнымъ судебно-административнымъ учреждениямъ, сюда входятъ еще обязательные земскіе взносы на содержаніе губ. статистическихъ комитетовъ.

такимъ образомъ сумма была обязательно расходуема земствомъ на дорожныя потребности. Расходы на дорожную повинность, по закону, обязательны для земства; но такъ какъ законъ не опредѣляетъ ихъ минимальной цифры, то они, въ большинствѣ случаевъ, оказываются весьма скудными. Предполагаемая мѣра сразу и сильно увеличить ихъ сумму и сдѣлаетъ возможнымъ повсемѣстное улучшение земскихъ дорогъ, составляющихъ въ настоящее время, именно за недостаточностью средствъ, одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ земскаго хозяйства. Возьмемъ, для примѣра, хорошо извѣстный намъ уѣздъ одной изъ сѣверныхъ губерній, раскинутый на весьма большомъ пространствѣ и слабо населенный. Уѣздныхъ дорогъ считается въ немъ безъ малаго тысяча верстъ; почва, болѣею частью глинистая, до крайности затрудняетъ ихъ исправное содержаніе; дождливое лѣто дѣлаетъ ихъ почти непроѣздными. Перейдя, лѣтъ шесть тому назадъ, съ натуральной повинности на денежную, уѣздъ постоянно повышалъ свои расходы на дороги и довелъ ихъ, въ настоящее время, до 11 тысячъ рублей, къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще небольшія суммы, добровольно жертвуемыя землевладѣльцами и крестьянами. Многимъ больше тратить на дороги уѣздъ не могъ, въ виду слабой платежеспособности населенія. Между тѣмъ, на содержаніе учреждений, образованныхъ въ силу законовъ 12-го іюля 1889 г., тотъ же уѣздъ долженъ былъ вносить ежегодно болѣе 17¹/₂ тысячъ рублей. Если вся эта сумма будетъ обращена на дорожную часть, средства содержанія дорогъ возрастутъ въ 2¹/₂ раза — и задача, теперь совершенно непосильная для земства, перестанетъ быть неосуществимой. Могутъ быть, однако, и такіе случаи, когда въ увеличеніи средствъ нуждается болѣе всего не дорожная часть, а какая-нибудь другая отрасль земскаго хозяйства; возможно и такое напряженіе платежныхъ силъ, при которомъ всего нужнѣе уменьшеніе земскаго сбора. Законопроектъ, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, предусматриваетъ и то, и другое, разрѣшая министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, удовлетворять ходатайства земскихъ собраний объ обращеніи освободившихся суммъ на другія, кромѣ дорожной, потребности, или на исключеніе ихъ изъ земскаго бюджета, съ цѣлью пониженія земскихъ сборовъ. Само собою разумѣется, что проектируемая перемѣна не устраняетъ необходимость расширенія области земскаго обложенія, т.-е. созданія новыхъ источниковъ земскихъ доходовъ. Помимо путей сообщенія, есть много другихъ предметовъ, на которые земство, вслѣдствіе недостатка средствъ, тратитъ слишкомъ мало: стоитъ только назвать начальное обученіе, всеобщность котораго все болѣе и болѣе становится насущнымъ, очереднымъ вопросомъ, а также и совокупность мѣръ къ поднятію мате-

ріального благосостоянія народа, ожидаемыхъ отъ земства и правительствомъ, и обществомъ.

Съ 7-го января открылъ свои засѣданія сельско-хозяйственный совѣтъ, входящій въ составъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Разныя отрасли администраціи располагаютъ въ совѣтѣ пятнадцатью голосами (десять отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и по одному отъ министерствъ императорскаго двора, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія и путей сообщенія); затѣмъ въ совѣтѣ засѣдаютъ президенты обществъ вольно-экономическаго (гр. А. А. Бобринскій), московскаго сельскихъ хозяевъ (кн. А. Г. Щербатовъ), сельскихъ хозяевъ южной Россіи (Н. О. Сухомлиновъ), полтавскаго сельско-хозяйственнаго (Д. К. Квитка) и лифляндскаго общества поощренія сельскаго хозяйства (Н. А. фонъ-Эссенъ), губернскіе предводители дворянства смоленскій (Н. А. Хомяковъ), новгородскій (кн. Б. А. Васильчиковъ), воронежскій (М. А. Веневитиновъ) и кіевскій (кн. Н. В. Репнинъ), председатели губернскихъ земскихъ управъ московской (Д. Н. Шиновъ) и таврической (А. Э. Стевенъ; послѣдній получилъ, между тѣмъ, административное назначеніе), сенаторъ В. В. Калачовъ (бывшій земскій дѣятель, потомъ губернаторъ, наконецъ директоръ департамента сельскаго хозяйства), егермейстеръ Н. П. Балашовъ, И. А. Звегинцевъ (бывшій губернаторъ), графъ Ф. В. Чацкій и И. І. Шатиловъ. Если причислить къ земскимъ дѣятелямъ и предводителей дворянства, и президентовъ экономическихъ или сельско-хозяйственныхъ обществъ (въ земскихъ губерніяхъ), и бывшихъ земцевъ, и живущихъ на мѣстахъ сельскихъ хозяевъ, то земскій элементъ въ совѣтѣ, по числу его представителей, все-таки окажется болѣе слабымъ, чѣмъ административный. Правда, постановленія совѣта не имѣютъ рѣшающаго характера—но все же указанное нами распредѣленіе голосовъ приближаетъ его къ тому типу обыкновенной смѣшанной комиссіи, роль котораго, въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій, можетъ быть названа крупной только количественно, а не качественно. Еще важнѣе, что изъ всѣхъ земскихъ (въ обширномъ смыслѣ слова) членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта только весьма немногіе создали себѣ болѣе или менѣе прочную извѣстность въ области земскаго или вообще сельскаго хозяйства. „Всѣ виды сельско-хозяйственнаго, промысла—читаемъ мы въ рѣчи, которою министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ открылъ сессію сельско-хозяйственнаго совѣта, — и крупнаго, и мелкаго, и помѣщичьяго, и крестьянскаго, и землевладѣльческаго, и арендаторскаго, должны одинаково составлять предметъ заботъ и попеченія правительства, такъ какъ сельское хозяйство не можетъ быть постав-

лено ни на сословную, ни на капиталистическую почву, а есть дѣло общегосударственное и общенародное". Этимъ прекраснымъ словамъ не вполне соотвѣтствуетъ составъ совѣта. Нѣкоторымъ его членамъ извѣстны, конечно, нѣкоторыя нужды мелкаго землевладѣнія и крестьянскаго хозяйства.— но едва ли онѣ составляютъ для кого-либо изъ нихъ предметъ спеціальнаго изученія и глубокаго интереса. Для губернскихъ земскихъ собраній, еслибы имъ предоставлено было право выбора земскихъ членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта, не трудно было бы найти, въ своей собственной средѣ или рядомъ съ нею, людей соединяющихъ оба послѣднія условія. Таковы, напримѣръ, многіе изъ числа земскихъ статистиковъ, компетентность которыхъ еще недавно была официально признана министерствомъ финансовъ, обратившимся къ ихъ содѣйствію для выясненія причинъ упадка хлѣбныхъ цѣнъ. Даже при настоящемъ способѣ образованія сельско-хозяйственнаго совѣта въ немъ могло бы найтись мѣсто для представителей земской статистики. Когда, около года тому назадъ, было обнародовано новое учрежденіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, мы выразили предположеніе ¹⁾, что правительственное назначеніе въ члены сельско-хозяйственнаго совѣта будетъ падать, болѣею частью, либо на предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, либо на крупныхъ хозяевъ, извѣстныхъ далеко за предѣлами губерніи. Мы ошиблись только въ томъ, что не предусмотрѣли назначеніе губернскихъ предводителей дворянства (подходящихъ, впрочемъ, подъ рубрику „крупныхъ хозяевъ“). Предсѣдатель губернской управы—говорили мы тогда же—„можетъ быть прекраснымъ администраторомъ, но мало опытнымъ сельскимъ хозяиномъ; крупный землевладѣлецъ, именно вслѣдствіе обширности и сложности своего хозяйства, можетъ быть плохимъ судьей мѣропріятій, направленныхъ на пользу мелкаго землевладѣнія“. Противъ приглашенія въ сельско-хозяйственный совѣтъ предсѣдателей губернскихъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ приведены въ послѣднее время весьма вѣскіе доводы въ статьѣ князя В. Кудашева („Новое Время“, № 6771). Мы стоимъ, вообще, за болѣе продолжительный срокъ функцій приглашенныхъ членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта; но на первый разъ законъ, ограничивающій ихъ однимъ годомъ, можетъ оказаться цѣлесообразнымъ, облегчивъ измѣненіе состава совѣта, въ смыслѣ болѣе согласномъ съ министерской программой. Какъ бы несовершенны, однако, ни были приемы привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ обсужденію общехозяйственныхъ вопросовъ, вполне бесплоднымъ оно никогда не остается. Доказательство этому

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 5 „В. Европа“ за 1894 г.

мы видимъ въ преніяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта по вопросу о сельско-хозяйственномъ образованіи. Наибольше выдающееся значеніе имѣла здѣсь, повидимому, рѣчь Н. А. Хомякова, горячо возставшаго противъ попытокъ ввести преподаваніе сельскаго хозяйства въ обыкновенную начальную школу и поддержаннаго, въ этомъ отношеніи, И. И. Шатиловымъ и Д. К. Квиткой. И. И. Шатиловъ указалъ, между прочимъ, на необходимость обязательнаго обученія грамотности, какъ основы для дальнѣйшихъ специальныхъ свѣденій; Н. А. Хомяковъ жаловался на крайнюю недостаточность затратъ, дѣлаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на начальную народную школу. Есть, очевидно, истины безспорныя для всѣхъ, кто знаетъ народную жизнь не изъ прекраснаго далѣка.

За нѣсколько времени до открытія сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ обратилось ко всѣмъ губернскимъ земствамъ съ предложеніемъ высказаться по слѣдующимъ вопросамъ: 1) Какія нужды земледѣлія представляются въ данной губерніи настолько назрѣвшими и неотложными, что требуютъ возможно скорѣйшаго удовлетворенія? 2) Какія именно мѣры признаются въ настоящее время наиболѣе, по мѣстнымъ условіямъ, цѣлесообразными, для удовлетворенія указанныхъ нуждъ? 3) Удовлетвореніе какихъ именно сельско-хозяйственныхъ нуждъ представляется, по мѣстнымъ условіямъ, нынѣ наиболѣе удобоосуществимымъ? 4) Какія, затѣмъ, требованія сельскаго хозяйства, не имѣющія характера неотложности или же встрѣчающіяся съ болѣе или менѣе важными трудностями въ ихъ разрѣшеніи, должны составить задачу будущаго? 5) Какія мѣры на пользу мѣстнаго земледѣлія могутъ быть приведены въ исполненіе самимъ земствомъ, и какія потребуютъ участія или содѣйствія со стороны министерства земледѣлія?.. Весьма можетъ быть, что отвѣты на эти вопросы будутъ даны не тотчасъ же; губернскія земства захотятъ, вѣроятно, выслушать мнѣнія уѣздныхъ земствъ и затѣмъ подробно разработать всѣ собранныя данныя при содѣйствіи особыхъ комиссій или существующихъ теперь во многихъ земскихъ губерніяхъ экономическихъ совѣтовъ. Уже теперь, однако, слышатся въ печати голоса, предостерегающіе земства отъ излишнихъ преувеличеній. Казалось бы, что ни о чемъ подобномъ въ области, затронутой министерствомъ земледѣлія, не можетъ быть и рѣчи—но нашимъ газетнымъ quasi-охранителямъ вездѣ и во всемъ видятся какія-то опасности, и между строками, заранѣе вооружающимися противъ земскихъ отвѣтовъ, нетрудно прочесть неодобреніе министерскихъ вопросовъ. Обращеніе правительства къ земству „Московскія Вѣдомости“ считаютъ законнымъ только тогда, когда „обѣ стороны понимаютъ свою роль и знаютъ чего хотятъ: правительство

въ отвѣтахъ земства ищетъ точныхъ свѣденій о положеніи мѣстныхъ дѣлъ и о мѣстныхъ трудахъ, а не уроковъ государственной мудрости; земство держится вопросовъ исключительно мѣстнаго интереса, а разрѣшеніе общегосударственныхъ задачъ предоставляетъ правительству". Исходя изъ этой точки зрѣнія, московская газета рекомендуетъ особую осторожность въ отвѣтахъ на вопросъ, какъ помочь земледѣлю, находя, очевидно, что лучше было бы вовсе и не ставить такого вопроса. „Земледѣліе,—продолжаетъ газета,—соприкасается со столькими сторонами государственной жизни, что почти нѣтъ органа высшаго управленія, который не былъ бы въ немъ заинтересованъ: политика государства финансовая, желѣзнодорожная, заключеніе торговыхъ договоровъ съ иностранными державами—все это имѣетъ прямое отношеніе къ земледѣлю, во всемъ этомъ замѣшаны его интересы. Но слѣдуетъ ли отсюда, что земское собраніе, получивъ приглашеніе высказаться о мѣрахъ къ поднятію земледѣлія, должно пуститься въ обсужденіе общей политики государства, хотя бы, напримѣръ, по финансовымъ дѣламъ? Очевидно—нѣтъ. Какія оно имѣетъ на то данныя, и какое основаніе имѣло бы, напримѣръ, курское губернскае собраніе обсуждать вопросы, касающіеся владимірской губерніи, о положеніи которой оно не имѣетъ даже никакихъ достовѣрныхъ свѣденій? Между тѣмъ вопросъ: *какъ помочь земледѣлю?* поставленъ настолько широко, что не исключаетъ возможности нѣкоторыхъ увлеченій въ указанномъ выше смыслѣ. Вотъ отъ этихъ-то увлеченій желательно было бы уберечь земство. Пусть земскіе дѣятели помнятъ, что бывшее невозможнымъ вчера не стало возможнымъ сегодня отъ учрежденія новаго министерства; пусть они оставляютъ разрѣшеніе высшихъ общихъ вопросовъ правительству, ограничиваясь доставленіемъ фактовъ и данныхъ, могущихъ способствовать разрѣшенію этихъ вопросовъ". Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ бросается въ глаза, прежде всего, явно—и едва ли случайно—неправильная терминологія. Два или три раза, и весьма настойчиво, земству дается совѣтъ воздерживаться отъ *разрѣшенія* „общегосударственныхъ" или „высшихъ общихъ" задачъ или вопросовъ, всецѣло предоставляя его правительству. Такіе вопросы или задачи никогда не *разрѣшались* земствомъ — но часто и съ успѣхомъ имъ *возбуждались*. Только о *возбужденіи* ихъ и можетъ идти рѣчь въ земскихъ отвѣтахъ на запросы министерства земледѣлія—и заранѣе возставать противъ него могутъ только ничему не научившіеся и ничего не забывшіе сторонники старинной прусской теоріи „*beschränkter Unterthanenverstand*". Вся исторія нашего земства служить живымъ доказательствомъ его плодотворной инициативы не только въ области мѣстнаго хозяйства, но и въ области другихъ, болѣе высшихъ общихъ

вопросовъ. Развѣ не земству принадлежитъ, напримѣръ, первая мысль объ отмигнѣ подушной подати, о государственномъ кредитѣ на покупку земли крестьянами, о необходимости лѣсоохраненія, о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ? Развѣ не оно выдвинуло въ настоящее время на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи? Московская газета указываетъ на несходство условій, въ которыхъ находятся разныя губернія. Ей кажется, что, касаясь общаго вопроса, курское, напримѣръ, земство непременно затронетъ вовсе ему неизвѣстную владимірскую губернію — и наоборотъ. Несостоятельность этого довода совершенно очевидна. Конечно, курское земство поступило бы неосновательно, еслибы стало мотивировать заключеніе свое по тому или другому общему вопросу нуждами губерніи владимірской; но на самомъ дѣлѣ этого никогда и не бываетъ. Возбуждая общій вопросъ, каждое земство руководствуется данными, ему близко извѣстными и прямо его затрагивающими. Одна и та же потребность — напр. въ мелкомъ земельномъ кредитѣ — можетъ существовать въ одно и то же время въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и составлять, такимъ образомъ, вопросъ общій; но это нисколько не мѣшаетъ отдѣльному земству, ее констатирующему, обосновать свое мнѣніе фактами, почерпнутыми изъ жизни своего мѣстнаго населенія. Московская газета негодуетъ при одной мысли о возможности обсужденія земствомъ общихъ финансовыхъ вопросовъ. Но мы не видимъ причины, почему земство не могло бы, напримѣръ, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о пониженіи или повышеніи таможенной пошлины на тотъ или другой товаръ или хотя бы на цѣлый рядъ товаровъ, если оно въ состояніи поддѣржнть вѣскими данными цѣлесообразность этой мѣры съ точки зрѣнія благосостоянія *мѣстнаго* населенія. Напрасно, поэтому, „Московскія Вѣдомости“ стараются сѣзнить кругъ земскихъ отвѣтовъ; напрасно онѣ стараются доказать, что *il n'y a rien de changé — il n'y a qu'un ministère de plus*. Отношеніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ къ земскимъ учрежденіямъ не можетъ не быть нѣсколько инымъ, чѣмъ отношеніе къ нимъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Последнее смотритъ на земство преимущественно какъ на объектъ контроля, а первое видитъ въ немъ своего естественнаго и полезнаго сотрудника въ дѣлѣ поднятія народнаго хозяйства.

Перемѣна въ управленіи министерства путей сообщенія, происшедшая въ концѣ минувшаго года и довершенная, въ началѣ января, назначеніемъ кн. Хилкова на мѣсто А. К. Кривошеина, обратила на себя всеобщее вниманіе, между прочимъ, въ виду прежней

дѣятельности вновь назначеннаго лица. Новый управляющій министерствомъ путей сообщенія прошелъ всѣ ступени желѣзнодорожной службы, начавъ добровольно съ самыхъ низшихъ, и потому приносить съ собою такой запасъ личнаго непосредственнаго опыта, которымъ не располагалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Это тѣмъ важнѣе, чѣмъ меньше до сихъ поръ, за рѣдкими исключеніями, были подготовлены къ своимъ специальнымъ обязанностямъ прежніе министры путей сообщенія.

Поправка. — Говоря, въ одномъ изъ прошлогоднихъ внутреннихъ обзорѣній, о новомъ законѣ, установившемъ правительственный надзоръ за страховыми учрежденіями и обществами, мы выразили мнѣніе, что этотъ законъ ограничиваетъ права и дѣятельность земства въ области взаимнаго страхованія. Объявленіе, обнародованное недавно страховымъ отдѣломъ, убѣдило насъ въ томъ, что мы ошиблись; высшее забѣдываніе взаимнымъ страхованіемъ возложено на вновь открытый страховой комитетъ лишь по отношенію къ губерніямъ, гдѣ не введены земскія учрежденія. Въ кругъ дѣйствій и власти земства законъ 6 іюня 1894 г. не произвелъ никакихъ измѣненій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1895 г.

Политическая дѣятельность Н. К. Гирса и оцѣнка ея за границей и у насъ.—Миролюбіе и воинственный патріотизмъ.—Замѣчанія г. Татищева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—Президентскій кризисъ во Франціи.—Новое министерство въ Венгріи.—Перемѣна кабинета въ Греціи.—Армянскій вопросъ въ Турціи.—Японскія побѣды надъ Китаемъ.

Дѣятельность Николая Карловича Гирса, скончавшагося 14-го января на 75-мъ году жизни, была болѣе извѣстна въ западной Европѣ, чѣмъ у насъ; иностранные кабинеты и дипломаты, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, имѣли гораздо больше положительныхъ данныхъ для правильной оцѣнки его дарованій и заслугъ, его политическихъ взглядовъ и стремленій, чѣмъ наша отечественная публика, знавшая лишь официальную сторону его карьеры. За границей давно привыкли связывать съ его именемъ то миролюбивое, сдержанное направленіе нашей внѣшней политики, которое столь часто подвергалось нападкамъ нашихъ воинственныхъ патріотовъ. Такъ какъ у насъ глава дипломатическаго вѣдомства не есть самостоятельный руководитель международныхъ отношеній Россіи, то трудно опредѣлить въ этой области ту долю заслуги, какая принадлежитъ лично министру; извѣстно, напр., что даже при князѣ Горчаковѣ важнѣйшіе политическіе вопросы далеко не всегда рѣшались въ духѣ его личныхъ взглядовъ и убѣжденій. Между прочимъ, въ 1870 году, передъ началомъ франко-прусской войны, королю Вильгельму I обѣщано было сохранить безусловно сочувственный нейтралитетъ, съ обязательствомъ удержать Австрію отъ вмѣшательства, и это важное заявленіе, по свидѣтельству „Journal de St.-Petersbourg“ (отъ 1 марта 1883 г.), было сдѣлано, будто бы, помимо канцлера, въ виду пребыванія его на водахъ, въ Вильдбадѣ. Не пользуясь авторитетомъ князя Горчакова, Н. К. Гирсъ еще менѣе своего предшественника могъ имѣть и проводить на дѣлѣ свою собственную политическую программу; но, по общему признанію, онъ былъ отличнѣмъ, добросовѣстнымъ исполнителемъ и оставался неизмѣннымъ сторонникомъ мира въ Европѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ практически изучалъ сложныя задачи русской дипломатіи въ центрахъ ея наибольшаго вліянія и значенія: съ 1841 года до крымской войны онъ былъ, послѣдовательно, драгоманомъ консульства въ Молдавіи, дипломатическимъ

агентомъ при арміи, дѣйствовавшей въ Венгріи, первымъ секретаремъ посольства въ Константинополь, завѣдующимъ дѣлами консульства въ Яссахъ и начальникомъ канцеляріи графа Киселева, какъ генеральнаго комиссара въ Дунайскихъ княжествахъ, послѣ занятія ихъ русскими войсками. Съ 1858 до 1863 года онъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Бухарестѣ. Болѣе двадцати лѣтъ провелъ онъ такимъ образомъ въ ближайшей, непосредственной сферѣ восточнаго вопроса. Затѣмъ онъ былъ шесть лѣтъ посланникомъ въ Персіи (съ 1863 года), три года—посланникомъ въ Швейцаріи, три года—посланникомъ въ Швеціи и Норвегіи, послѣ чего былъ переведенъ въ 1875 году въ Петербургъ на постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Будучи помощникомъ князя Горчакова и въ то же время директоромъ азіатскаго департамента, Н. К. Гирсъ съ тѣхъ поръ, въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, принималъ близкое и весьма значительное участіе во всѣхъ дѣлахъ нашей внѣшней политики. Назначенный министромъ въ мартѣ 1882 года, онъ стоялъ во главѣ русской дипломатіи во все минувшее царствованіе и слѣдовательно былъ прямымъ выразителемъ его политическихъ идей и настроеній въ области международныхъ интересовъ Россіи.

Нѣкоторая часть нашей печати обнаруживала сильное недовольство чрезмѣрнымъ, будто бы, миролюбіемъ Н. К. Гирсы и упорно приписывала ему какія-то особыя симпатіи къ Пруссіи и Австро-Венгріи; даже послѣ его смерти въ газетныхъ некрологахъ сообщалось, что онъ былъ убѣжденный сторонникъ союза съ Берлиномъ и Вѣною, что дѣятельность его была „германофильская“, и что онъ только противъ воли согласился на сближеніе съ Франціею, повинувся Высочайшей волѣ и „ясно выраженному общественному мнѣнію“. Наши храбрые патріоты, порывавшіеся воевать поочередно съ Германіею, Австро-Венгріею, Англіею и даже Франціею (изъ-за разгрома ашиновской экспедиціи), старались во что бы то ни стало доказать, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ личными взглядами и чувствами, враждебными „національной“ политикѣ и несогласными съ истинными намѣреніями Государя, которыя имъ, патріотамъ, будто бы ближе и лучше извѣстны, чѣмъ самому министру. Положеніе нашей дипломатіи представлялось въ такомъ видѣ, какъ будто она вполне независима и можетъ поддерживать, напр., свои традиціонныя политическія комбинаціи, въ ущербъ интересамъ и стремленіямъ высшаго правительства. Съ этой точки зрѣнія все то, что не одобряется патріотами, ставится въ вину самостоятельной, никому не подчиненной „официальной дипломатіи“, а все хорошее и похвальное въ политикѣ признается совершившимся помимо участія и даже противъ воли министра иностранныхъ дѣлъ. Такъ, возобнов-

леніе тройственного союза съ двумя сосѣдними имперіями и всѣ старанія поддержать вѣковую дружбу съ Берлиномъ, основанную главнымъ образомъ на родственныхъ династическихъ связяхъ, относятся почему-то всецѣло къ дѣятельности Н. К. Гирса и его дипломатовъ, а сближеніе съ Франціею, начавшееся еще при князѣ Горчаковѣ, состоялось будто бы независимо отъ дипломатическаго вѣдомства и вопреки его скрытымъ тенденціямъ.

Мы рѣшительно недоумѣваемъ, откуда наши патриоты могли почерпнуть свои свѣденія объ этомъ фантастическомъ антагонизмѣ между желаніями высшей власти и публичными дѣйствіями и актами одного изъ непосредственныхъ ея органовъ. Г-нъ Татищевъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ доходитъ до того, что даже свиданія покойнаго государя съ императорами германскимъ и австрійскимъ возлагаетъ на отвѣтственность нашей германофильской дипломатіи, противорѣчившей основнымъ идеямъ минувшаго царствованія. Въ доказательство ошибочности и рутинности воззрѣній нашего дипломатическаго вѣдомства, г. Татищевъ ссылается на циркулярную ноту, разосланную представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ послѣ воцаренія императора Александра III. Въ этомъ документѣ сказано было, что Россія останется „вѣрна друзьямъ своимъ“ и сохранить неизмѣнно „свои освященные преданія симпатіи“... „Ни для кого не тайна,—продолжаетъ дипломатъ „Русскаго Вѣстника“,—кто и что разумѣлось и подъ этими друзьями, и подъ этими преданіями. Друзья—то были Германія и Австрія, преданія—тѣсный съ ними союзъ, и если могло бы существовать на этотъ счетъ какое-либо сомнѣніе, то послѣдовавшія одно за другимъ свиданія въ Данцигѣ, Скерневицахъ и Кремзирѣ окончательно разсѣяли бы его. Даже послѣ того, какъ дѣйствія нашихъ союзниковъ въ Болгаріи окончательно изобличили двоедушіе и лукавство ихъ по отношенію къ Россіи, наше дипломатическое вѣдомство все еще упорно придерживалось традиціоннаго на нихъ взгляда, выражая сожалѣніе по поводу подозрительности, высказываемой русскою печатью къ Германіи, и надежду, что дружественная связь съ нею продлится „на долгіе годы“. Но не прошло и года, какъ связь эта была порвана произволеніемъ самодержавной власти“. Другими словами, дипломатія долго дѣйствовала отъ имени Россіи самовольно, пока, наконецъ, не вмѣшалась въ дѣло высшая власть, положившая предѣлъ одностороннимъ затѣямъ дипломатическаго вѣдомства и порвавшая дружественную связь съ Германіею. Конечно, г. Татищевъ отлично понимаетъ, что никакая дипломатическая нота не могла быть составлена и разослана министерствомъ иностранныхъ дѣлъ безъ предварительнаго согласія и одобренія государя, и что безъ этого одобренія не могъ быть также выска-

занъ въ официальномъ правительственномъ сообщеніи традиціонный взглядъ на важность и желательность германской дружбы. Г-нъ Татищевъ не можетъ также думать, что поѣздки покойнаго государя въ Данцигъ, Сверневицы и Кремзиръ состоялись безъ произволенія самодержавной власти. Знаетъ, конечно, г. Татищевъ и то, что дружественная связь съ Германіею вовсе не была порвана съ прекращеніемъ старыхъ союзныхъ отношеній, и что самый союзъ прекратился не сразу, а разстроивался постепенно, подъ влияніемъ различныхъ обстоятельствъ. Предположить, что въ этомъ распаденіи тройственнаго союза, сильно поколебленнаго со времени берлинскаго конгресса, не участвовала официальная дипломатія—было бы столь же странно, какъ отрицать роль этой дипломатіи въ издавна подготовлявшемся сближеніи съ Франціею. Дипломатическое вѣдомство имѣетъ, безъ сомнѣнія, свои традиции и свою рутину; но въ крупныхъ вопросахъ политики оно не можетъ дѣйствовать иначе, какъ по указаніямъ министра, который съ своей стороны не дѣлаетъ ни одного серьезнаго шага или заявленія безъ вѣдома и согласія верховной власти. Внѣшняя политика гораздо болѣе другихъ отраслей государственнаго управленія находится въ непосредственномъ завѣдываніи государя, и это правило соблюдалось, разумѣется, при императорѣ Александрѣ III не менѣе строго, чѣмъ при Александрѣ II: можно даже сказать a priori, что при Н. К. Гирсѣ оно должно было соблюдаться полнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ при князѣ Горчаковѣ, который вообще поставленъ былъ въ болѣе благопріятныя условія уже въ силу своего личнаго положенія, своей продолжительной дѣятельности при западно-европейскихъ дворахъ и своихъ многолѣтнихъ личныхъ отношеній съ наиболѣе выдающимися государственными людьми запада. Князь Горчаковъ долго былъ посланникомъ въ Германіи и Австріи въ ту эпоху, когда тѣсный союзъ съ кабинетами Вѣны и Берлина считался обязательнымъ и необходимымъ для Россіи; но преемникъ его въ министерствѣ не проходилъ дипломатической службы ни въ Германіи, ни въ Австріи, и не могъ имѣть такихъ впечатлѣній и воспоминаній, которыя побуждали бы его непременно держаться союза съ этими державами. Если же онъ стоялъ за сохраненіе съ ними дружественныхъ связей и за возможно болѣе мягкую и постепенную въ отреченіи отъ прежней системы союзовъ, то въ этомъ случаѣ онъ руководился вполнѣ понятнымъ желаніемъ избѣгнуть столкновеній и обезпечить мирный, спокойный переходъ къ новому принципу свободы дѣйствій и къ новой группировкѣ державъ.

Наши патріоты неоднократно требовали разрыва съ Германіею, и на самое сближеніе съ Франціею они смотрѣли только какъ на

прелюдію къ неминуемой борьбѣ съ нѣмцами; они добивались франко-русскаго союза въ духѣ буланжистовъ и г-жи Аданъ, и всего менѣе стремились къ той мирной платонической дружбѣ, какаѣ оказалась на дѣлѣ. Франко-русское сближеніе, вопреки всѣмъ усиліямъ и мечтаніямъ шовинистовъ, получило вполне миролюбивый и чисто оборонительный характеръ; и въ этомъ нельзя не признать заслуги Н. К. Гирса и его официальной дипломатіи. Теперь г. Татищевъ и его соратники увѣряютъ, что они съ буланжистами и съ г-жею Аданъ ни о чемъ другомъ не хлопотали, какъ именно о подобномъ мирномъ и безобидномъ сближеніи съ Франціею, и что они „и не думали посягать на миръ и искренно его желали“. Если вѣрить г. Татищеву, патріоты даже „никогда не порицали миролюбія“; они были миролюбивы, когда проповѣдовали необходимость кровавой расправы съ Германіею, или когда вызывали на бой Англію и грозили ей захватомъ Индіи; они нисколько не посягали на миръ и искренно его желали, когда настаивали на военномъ занятіи Болгаріи и совѣтовали во что бы то ни стало впутаться въ новую восточную войну, имѣя противъ себя не только Турцію, но и Англію, и Австро-Венгрію, и косвенно Германію, не говоря уже о самихъ болгаряхъ. Всѣмъ памятно еще, какъ настойчиво и усердно дѣйствовала въ этомъ духѣ наша мнимо-патріотическая печать, и какое искусственное злокачественное возбужденіе создавала она въ нашей читающей публикѣ своими фальшивыми возгласами и призывами. Положеніе нашей дипломатіи оказывалось иногда весьма затруднительнымъ и тяжелымъ; систематическія и безцеремонныя нападки „Московскихъ Вѣдомостей“ привели даже къ тому, что Н. К. Гирсъ рѣшился подать въ отставку, и только подтвержденіе полнаго довѣрія къ нему государя заставило его сохранить свой трудный и отвѣтственный постъ, при кажущемся недовольствѣ значительной части общественнаго мнѣнія. Усибное противодѣйствіе воинственнымъ тенденціямъ и порывамъ нашихъ патріотовъ-націоналистовъ было прежде всего дѣломъ Н. К. Гирса и его сотрудниковъ. Въ результатъ достигнуто было то „торжество миролюбія“, которое наши недавніе войнолюбцы, съ свойственною имъ беззаастѣнчивостію, готовы теперь зачислить себѣ въ активъ.

Роль министра иностранныхъ дѣлъ никогда не могла быть безразлична для общаго хода нашихъ международныхъ отношеній, и участіе Н. К. Гирса въ политическихъ событіяхъ перваго періода минувшаго царствованія—періода тройственнаго союза и свиданій монарховъ,—не было инымъ, чѣмъ въ позднѣйшіе періоды колебаний, тревогъ и наконецъ франко-русскихъ празднествъ. Противоположныя увѣренія нѣкоторыхъ публицистовъ основаны на явныхъ

несообразностяхъ, которыя могли казаться правдоподобными только при извѣстныхъ умолчаніяхъ и недомолвкахъ; никто не сталъ бы прямо утверждать, что внѣшняя политика въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велась министерствомъ не въ томъ направленіи, какого желала верховная власть, или обходилась безъ ея контроля и согласія, и что только позднѣе, съ 1891 года, министръ подчинился намѣреніямъ и чувствамъ высшей власти,—а между тѣмъ къ этому нелѣпому предположенію сводится обычная патриотическая критика дѣятельности Н. К. Гирса. Борьба за великіе интересы мира давно уже не требовала такого постоянного вниманія и такой спокойной, терпѣливой энергіи, какъ въ эпоху разгула національно-племенныхъ инстинктовъ и страстей въ газетной публицистикѣ, при всеобщей неудержимой конкуренціи по части воинственнаго патриотизма; миролюбіе само по себѣ объявлялось тогда предосудительнымъ, и обвиненіе въ германофильствѣ, въ защитѣ нѣмецкихъ и австрійскихъ интересовъ, угрожало всякому, кто указывалъ на нелѣпость и безцѣльность предвзятой вражды къ нѣмцамъ и къ Германіи. Покойный министръ иностранныхъ дѣлъ дождался болѣе мирнаго общественнаго и газетнаго настроенія, когда очистилась и разъяснилась отчасти политическая атмосфера Европы, съ отставкою князя Бисмарка, въ 1890 году, и когда сдѣлались возможными торжественныя франко-русскія манифестаціи, удовлетворившія нашихъ патриотовъ. Какова бы ни была доля участія и заслуги Н. К. Гирса въ ходѣ политическихъ дѣлъ минувшаго царствованія, во всякомъ случаѣ одно остается несомнѣннымъ, что онъ былъ убѣжденнымъ приверженцемъ мирныхъ и дружественныхъ способовъ разрѣшенія международныхъ споровъ, и что все свое вліяніе и свою опытность онъ употреблялъ на поддержаніе и сохраненіе внѣшняго мира для Россіи и косвенно для Европы.

Неожиданная отставка президента французской республики Казимира Перье была скорѣе неприятнымъ инцидентомъ, чѣмъ серьезнымъ событіемъ въ политической жизни Франціи. Президентскій кризисъ не былъ вызванъ никакими политическими обстоятельствами и произошелъ единственно лишь вслѣдствіе личнаго неудовольствія и нервнаго настроенія Перье, промѣнявшаго беззаботную жизнь богатаго равнѣе на скучную и тягостную роль официальнаго главы и представителя республики.

Рѣдко случалось кому такъ быстро и основательно опровергнуть свою репутацію, какъ это удалось Казимиру Перье. Кандидатура его на постъ президента была намѣчена заранѣе всѣми умѣренными партіями и подтверждена была самимъ Карно незадолго до его

убійства; Перье казался лучшимъ олицетвореніемъ господствующей буржуазіи и пользовался большимъ авторитетомъ по своей родovitости, богатству, независимому, открытому характеру и выдающемуся социальному положенію. Какъ бывшій президентъ палаты депутатовъ и затѣмъ глава кабинета, онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ вышнія данныя для занятія перваго мѣста въ государствѣ; онъ прошелъ уже предварительныя стадіи высшей государственной службы и дѣятельности въ республикѣ, и ему оставалось только водвориться въ Елисейскомъ дворцѣ, чтобы осуществить новый типъ энергическаго и предприимчиваго президента. Отъ него ждали именно болѣе активной, самостоятельной роли, такъ какъ общественное мнѣніе почему-то приписало ему характерныя черты и наклонности его дѣда, знаменитаго министра короля Луи-Филиппа, человѣка съ желѣзной волей и энергіей. И въ самомъ дѣлѣ, Казимиръ Перье, уже въ силу семейныхъ традицій и своего независимаго общественнаго положенія, могъ бы придать президентству больше блеска и инициативы, чѣмъ скромныя его предшественники, Гриви и Карно. Эти предположенія и ожиданія не сбылись; ничего новаго и оригинальнаго онъ не внесъ въ жизнь Елисейскаго дворца, и въ исполненіи своихъ новыхъ функций онъ далеко не отличался такою старательною и неутомимою аккуратностью, какъ покойный Карно. Перье не успѣлъ также обнаружить ни одного изъ качествъ, которыя благосклонно предполагались въ немъ, и публика все болѣе привыкала къ мысли, что новый президентъ не пойдетъ далѣе полражанія прежнимъ примѣрамъ и образцамъ,—будетъ добросовѣстно расходовать всѣ получаемыя отъ казны средства на роскошныя балы и рауты, будетъ принимать посланниковъ, мѣнять министровъ по рѣшеніямъ палаты и воздерживаться отъ вышатательства въ обычный ходъ парламентскаго механизма. Оказалось, однако, что и эта почетная и хлопотливая роль была не по силамъ Перье. Первый же министерскій кризисъ, который можно было давно предвидѣть, побудилъ президента бросить свои сложныя обязанности и возвратиться къ свободной частной жизни. Никакія просьбы не могли измѣнить его рѣшеніе, ибо мотивы общественно-политическаго свойства имѣли, очевидно, слишкомъ мало силы для человѣка, воспитаннаго въ атмосферѣ чисто личныхъ удовольствій и интересовъ. Казиміру Перье надоѣли постоянныя нападки и ругательства оппозиціонной печати, хотя, живя во Франціи, можно легко привыкнуть къ какимъ угодно рѣзкостямъ газетной полемики. Не найдя еще новыхъ министровъ на мѣсто Дюпюи и его товарищей, въ самомъ разгарѣ кабинетнаго кризиса, Перье покинулъ свой постъ и объявилъ объ этомъ въ крайне сбивчивомъ и неясномъ посланіи къ палатамъ, отъ 15-го января (нов.

ст.). Не выразивъ ранѣе какихъ-либо опредѣленныхъ желаній и не прибѣгнувъ еще ни къ одному изъ установленныхъ конституціей способовъ воздѣйствія на парламентъ и на общественное мнѣніе, онъ жалуется на свое безсиліе, на отсутствіе будто бы у президента законныхъ средствъ практическаго участія и контроля въ общественныхъ дѣлахъ и т. п. Эти ничѣмъ не мотивированныя указанія и жалобы производили на публику впечатлѣніе какого-то дѣтскаго лепета и вызвали рѣзкое и единодушное порицаніе во всей французской печати. Казиміръ Перье, по общему признанію, уничтожилъ себя своимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ, и всѣ политическія партіи, не вдаваясь въ дальнѣйшую оцѣнку его поступка, тотчасъ стали готовиться къ избранію другого президента, съ болѣе крѣпкими нервами и съ болѣе твердымъ совнаніемъ служебно-политическихъ обязанностей.

Конгрессъ обѣихъ палатъ собрался на слѣдующій же день по прочтеніи президентскаго посланія, 17-го января, въ Версали, и выбралъ большинствомъ 430 голосовъ (изъ 800) Феликса Фора, бывшаго морскимъ министромъ въ кабинетѣ Дюпюи, чистокровнаго демократа по происхожденію и занятіямъ, богатаго и предприимчиваго коммерсанта и политическаго дѣятеля, большого знатока финансовъ и колониальныхъ вопросовъ, человѣка вообще съ разностороннимъ образованіемъ, съ изящными манерами и съ испытанною твердостью характера.

Повидимому, выборъ удаченъ, но послѣ исторіи съ Казиміромъ Перье никто не рѣшится уже дѣлать на этотъ счетъ какія-либо предсказанія. Составилось и новое министерство, съ Рибо во главѣ, — умѣренное по составу и примирительное по программѣ, какъ видно уже изъ перваго акта его — предложенія объ амнистіи. Остается ожидать дальнѣйшихъ дѣйствій новаго президента и его министровъ, чтобы судить о практическомъ значеніи правительственной перемѣны, которая столь легко и спокойно совершилась во Франціи.

Президентство Перье продолжалось всего полгода съ небольшимъ (съ 27 іюня истекшаго года) и прошло цѣликомъ въ безцвѣтной и мелкой борьбѣ партій, безъ какихъ-либо серьезныхъ начинаній, безъ законодательныхъ и общественныхъ реформъ, среди общаго равнодушія публики. Тотъ же кабинетъ Дюпюи, который управлялъ дѣлами страны передъ избраніемъ Казиміра Перье, привѣтствовалъ и его преемника, Феликса Фора. Бывшему президенту не пришлось даже имѣть ни одного собственнаго министерства; онъ довольствовался тѣми министрами, какихъ засталъ, и не пытался даже замѣнить ихъ новыми, хотя глава кабинета, Шарль Дюпюи, не былъ ему ни близокъ, ни симпатиченъ. Министерство не успѣло предъ нача-

ломъ года провести въ палатѣ свой бюджетъ на 1895 годъ, и до сихъ поръ не вотированъ еще этотъ бюджетъ въ четыре миллиарда франковъ, такъ какъ крайняя лѣвая постоянно возбуждала пренія по разнымъ мелкимъ и личнымъ поводамъ, отыскивая подходящій случай для низверженія кабинета. Въ сущности рѣшеніе государственнаго совѣта въ пользу двухъ южныхъ желѣзнодорожныхъ компаній нисколько не затрогивало авторитета правительства; еще менѣе касалось это Казимира Перье, и однако изъ-за такого спеціальнаго юридическаго спора разыгрался цѣлый политическій кризисъ. Очевидно, паденіе кабинета Дюпюи послужило для Перье только предлогомъ къ разрѣшенію чисто личнаго вопроса о томъ, удобно ли ему вообще быть президентомъ республики, и онъ разрѣшилъ для себя этотъ вопросъ отрицательно. Способы дѣйствія и контроля, которыми располагаетъ во Франціи глава государства, довольно значительны: онъ можетъ предлагать проекты новыхъ законовъ и наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ существующихъ; онъ можетъ обращаться къ палатамъ съ выраженіемъ своихъ пожеланій и предположеній; онъ выбираетъ и назначаетъ министровъ; онъ можетъ потребовать у сената разрѣшенія распустить палату депутатовъ раньше срока, во всякое время, и предписать производство новыхъ выборовъ. Что касается защиты отъ личныхъ оскорбленій въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ, то отъ президента и его министровъ зависитъ привлекать виновныхъ къ судебной отвѣтственности, какъ это сдѣлано было еще недавно относительно журналиста Жеро-Ришара, который и былъ присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ, по приговору присяжныхъ. Президентъ можетъ, разумѣется, освобождать виновныхъ отъ тюрьмы, по праву помилованія, чтобы не вызывать бесполезнаго раздраженія въ рядахъ оппозиціи; но строгое примѣненіе законовъ о клеветѣ и оскорбленіи въ печати удерживало бы газеты отъ безцеремонно-ругательныхъ выходовъ, которыя такъ огорчали Казимира Перье. Президентъ, такимъ образомъ, обладаетъ достаточно широкими полномочіями и вполне вооруженъ законами для успѣшнаго исполненія своей почетной и вліятельной роли въ государствѣ; нужно только, чтобы онъ имѣлъ выдержку и не терялся при первомъ затрудненіи. Образцомъ добросовѣстнаго и даже самоотверженнаго президента былъ покойный Карно, переносившій съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и достоинствомъ самыя тяжелыя для него лично моменты буланжистской агитаціи. Феликсъ Форъ не имѣетъ основанія быть столь требовательнымъ, какъ Перье, и столь пассивно-терпѣливымъ, какъ Карно; онъ можетъ внести болѣе живой демократическій духъ въ дѣятельность главы республики, и въ немъ уже нельзя будетъ видѣть воплощеніе самодовольной

аристократической буржуазіи. Въ этомъ смыслѣ, какъ замѣчаютъ французскія газеты, новый президентъ является болѣе вѣрнымъ выразителемъ современной французской демократіи, чѣмъ предшествовавшіе ему носители извѣстныхъ историческихъ именъ.

Въ Венгріи давно уже ожидалась перемѣна министерства, такъ какъ либеральный кабинетъ Бекерле, поддерживаемый большинствомъ палаты депутатовъ, не пользовался сочувствіемъ короны и имѣлъ противъ себя всю вліятельную венгерскую аристократію. Наконецъ, 14 января (нов. ст.) подписанъ былъ декретъ о назначеніи новыхъ министровъ, съ барономъ Банфи во главѣ. Банфи былъ до послѣдняго времени президентомъ палаты депутатовъ. Три прежнихъ министра оставлены въ своихъ должностяхъ; остальные такъ же точно принадлежать къ либеральной партіи, и слѣдовательно произошла только перемѣна лицъ, безъ измѣненія общаго характера и направленія правительства. Въ деклараціи, прочитанной въ палатахъ 19 января, министерство Банфи обѣщаетъ позаботиться о добросовѣстномъ примѣненіи трехъ утвержденныхъ церковно-политическихъ законовъ и сохранить основныя начала двухъ проектовъ, отвергнутыхъ палатою магнатовъ,—о полной свободѣ религіи и о признаніи еврейскаго вѣроисповѣданія. Положеніе народностей, подвластныхъ Венгріи,—хорватовъ и румынъ,—остается, повидимому, прежнимъ, хотя новый кабинетъ заявляетъ готовность „удовлетворить всѣ ихъ законныя требованія“. Многіе ждутъ отъ министерства Банфи нѣкотораго поворота вправо, сравнительно съ кабинетомъ Бекерле. Въ составѣ бывшаго венгерскаго правительства находился такой предпримчивый и энергическій прогрессистъ, какъ министръ юстиціи Силаги, возбудившій противъ себя наибольшую вражду въ придворныхъ и аристократическихъ кружкахъ. Венгерская палата депутатовъ, тотчасъ послѣ назначенія новаго кабинета, избрала Силаги своимъ президентомъ и этимъ какъ нельзя яснѣе засвидѣтельствовала свои истинныя чувства, съ которыми барону Банфи придется такъ или иначе считаться.

При томъ политическомъ тактѣ, которымъ славятся венгерскіе дѣятели, и при свойственномъ многимъ изъ нихъ искусствѣ лавиранія, можно сказать заранѣе, что стоящіе на очереди вопросы внутренней венгерской политики будутъ улажены безъ особенныхъ затрудненій и замѣшательствъ. Главныя спорныя пункты либеральной программы получили уже свое официальное признаніе—утвержденіемъ законовъ о гражданскомъ бракѣ, о вѣроисповѣданіи дѣтей при смѣшанныхъ бракахъ и о веденіи метрическихъ книгъ граждан-

скими чиновниками. Poleмика, вызванная этими реформами, затихла, и страстный антагонизмъ между либералами и клерикальной аристократіей все болѣе уступаетъ мѣсто обычному парламентскому духу соглашенія и компромисса. Что касается недовольныхъ хорватовъ и румынъ, то первые все-таки пользуются мѣстнымъ самоуправленіемъ, значительно облегчающимъ законную охрану ихъ правъ и интересовъ, а вторые имѣютъ возможность публично выражать свои требованія и добиваться ихъ удовлетворенія черезъ своихъ представителей въ венгерскомъ парламентѣ. Между прочимъ, въ засѣданіи палаты, 19 января, по прочтеніи министерской деклараціи, румынскій депутатъ Сербанъ указалъ на необходимость принять во вниманіе законныя стремленія румынской національности, и глава кабинета, баронъ Банфи, въ отвѣтъ на это заявленіе, подтвердилъ свою рѣшимость быть справедливымъ ко всѣмъ народностямъ въ предѣлахъ Венгріи, не допуская только дѣйствій и демонстрацій, противныхъ существующимъ законамъ.

Болѣе серьезное значеніе имѣлъ министерскій кризисъ въ Греціи. Кабинетъ Трикуписа дѣйствовалъ крайне неудачно въ области финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ; онъ подорвалъ государственнй кредитъ и возстановилъ противъ Греціи иностранныхъ ея кредиторовъ, прекративъ уплату процентовъ по вѣншимъ займамъ; онъ возбудилъ сильное неудовольствіе внутри страны повышеніемъ налоговъ и ограниченіемъ мѣстнаго самоуправления; наконецъ, онъ не исполнилъ ни одного изъ тѣхъ обѣщаній, съ которыми выступилъ въ началѣ своего министерства. Правительство располагало большинствомъ въ парламентѣ, но сохраненіе этого большинства поддерживалось искусственными и не всегда благовидными мѣрами, при безучастности многихъ независимыхъ или равнодушныхъ депутатовъ, рѣдко присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ палаты. Въ Греціи парламентъ состоитъ изъ одной только палаты, которая въ рѣшеніяхъ своихъ не сдерживается ожиданіемъ пересмотра и критики въ другомъ собраніи, и случайное большинство депутатовъ можетъ всегда считать себя полнымъ хозяиномъ положенія. Это отсутствіе законнаго противовѣса рѣшеніямъ палаты позволяетъ руководителямъ большинства играть роль, недоступную парламентскимъ дѣятелямъ въ другихъ странахъ; такъ и Трикуписъ, опираясь на партію своихъ сторонниковъ, могъ не обращать вниманія на оппозицію и на возроставшее раздраженіе въ разныхъ слояхъ общества. Большинство въ палатѣ заранѣе принадлежало министерству и послушно шло за нимъ; а другого собранія нѣтъ, и недовольная часть населенія не можетъ рассчитывать на противодѣйствіе и контроль другихъ конституціонныхъ учреждений. Населеніе протестовало противъ правительства на

публичныхъ сходкахъ и обращалось къ королю съ петиціями и жалобами, такъ что Трикуписъ счелъ даже нужнымъ принять нѣкоторыя репрессивныя и предупредительныя мѣры противъ недовольныхъ; войска и полиція должны были мѣшать народу собираться для выраженія своихъ чувствъ, и мнимый либеральный режимъ превратился въ какую-то карикатуру на парламентское правленіе. Въ Афинахъ дѣло дошло до того, что народъ, сдерживаемый войсками, былъ избавленъ отъ столкновенія личнымъ вмѣшательствомъ наследника престола, который, въ качествѣ начальника афинскаго корпуса, приказалъ военнымъ и полицейскимъ отрядамъ оставить собравшихся гражданъ въ покоѣ; толпа, конечно, съ восторгомъ привѣтствовала принца, и порядокъ былъ вполне восстановленъ. Трикуписъ усмотрѣлъ въ поступкѣ наследника признакъ недовѣрія короны къ министерству, и въ этомъ смыслѣ изложилъ свои сомнѣнія королю, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о выходѣ своемъ въ отставку; король не возражалъ, и отставка была принята. Паденіе кабинета было встрѣчено публикою съ большою радостью, какъ будто страна освободилась отъ тяжелой обузы; повсюду, съ 22-го января, когда распространилось извѣстіе о случившемся въ Афинахъ, народъ устраивалъ демонстраціи въ честь короля и его наследника.

Разумѣется, нынѣшніе греки склонны преувеличивать недостатки и ошибки правительства или отдѣльныхъ министровъ; они возлагаютъ на министерство отвѣтственность за свои собственные грѣхи и слабости, за общій упадокъ энергіи и предприимчивости, за застои въ торговлѣ и промышленности. Остановка въ культурныхъ и умственныхъ успѣхахъ современной Греціи зависитъ, конечно, не отъ правительства и парламента, а отъ общихъ неблагоприятныхъ условий, которыя далеко еще не выяснены. Новый кабинетъ Дельяниса можетъ поправить или загладить нѣкоторые промахи Трикуписа; но перемѣна министровъ едва-ли измѣнитъ общее печальное положеніе дѣлъ. Такъ какъ отвѣтственнымъ за всѣ неудачи считается министерство, зависящее отъ парламента, то оно одно становится мишенью всякихъ нападеній и обвиненій; оно одно навлекаетъ на себя общественное неудовольствіе и вражду, предоставляя королю благодарную роль высшаго охранителя и защитника народныхъ интересовъ. При всѣхъ политическихъ и парламентскихъ кризисахъ, королевская власть не только не теряетъ, но положительно выигрываетъ въ авторитетѣ и въ популярности; между тѣмъ, по признанію мѣстныхъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ, сама корона находилась бы въ серьезной опасности, еслибы она могла считаться солидарною съ министрами и еслибы послѣдніе были исполнителями королевской воли. Король Георгъ царствуетъ мирно уже болѣе 30

лѣтъ—съ іюня 1863 года, и въ настоящее время положеніе его кажется вѣрнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ когда-либо. Какъ бы ни были плохи министры, за нихъ не отвѣчаетъ король, и это обстоятельство представляетъ несомнѣнно большое удобство для королевской власти въ Греціи.

Въ послѣдніе годы все чаще сообщались въ западно-европейской печати грустныя свѣденія о жестокихъ порядкахъ и расправахъ въ турецкой Арменіи. Во многихъ армянскихъ округахъ безпрепятственно распоряжались вооруженные курды, завѣдомые разбойники и грабители, и всякая попытка сопротивленія со стороны жителей давала поводъ турецкимъ правителямъ создавать мнимые бунты, возбуждать дѣла о государственной измѣнѣ и подвергать массы невинныхъ людей суровымъ карамъ. Когда нѣкій Мусса-бей былъ уличенъ въ цѣломъ рядѣ убійствъ и представители великихъ державъ потребовали суда надъ нимъ, то Порта устроила судебное разбирательство, исходъ котораго былъ опредѣленъ заранѣе: Мусса-бей былъ торжественно оправданъ, а виновными оказались его жертвы и ихъ родственники. Въ октябрѣ прошлаго года, въ одномъ изъ округовъ битлискаго вилайета, было повально истреблено населеніе многихъ армянскихъ деревень, всего, какъ говорятъ, около двухъ тысячъ чловѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей; отряды еурдовъ оцѣпили мѣстность съ разныхъ сторонъ и хладнокровно совершили избіеніе безоружныхъ жителей, согласно распоряженію турецкаго администратора, Зекка-паши. Затѣмъ Высокая Порта наградила Зекка-пашу за примѣрное подавленіе возможнаго возстанія армянскихъ подданныхъ, желавшихъ будто бы присоединиться къ курдамъ для разбоевъ и отказывавшихся притомъ внести податныя деньги.

Дѣло было на этотъ разъ слишкомъ вопіющее, чтобы быть похороненнымъ въ лживыхъ официальныхъ отчетахъ; неслыханныя звѣрства надъ армянами сасунскаго округа дошли до свѣденія англійскихъ консуловъ и корреспондентовъ, и главныя лондонскія газеты, съ „Times“омъ во главѣ, подняли шумъ, напоминавшій отчасти возбужденіе 1876 года по поводу дѣйствій баши-бузукъ въ Болгаріи. Англичане должны были прежде всего почувствовать себя задѣтыми возмутительною турецкою системою управленія въ Арменіи, такъ какъ въ силу кипрскаго конвенціи 1878 года Турція обязалась предъ Англіею ввести въ своихъ мало-азіатскихъ областяхъ необходимыя реформы для обезпеченія безопасности армянъ, а Англія съ своей стороны приняла на себя защиту турецкихъ владѣній, за что получила островъ Кипръ. Сверхъ того, по берлинскому трактату (§ 61) Турція должна была „произвести, безъ дальнѣйшаго отлагательства,

улучшенія и реформы въ администраціи областей, населенныхъ армянами, и обезпечить безопасность послѣднихъ отъ курдовъ и черкесовъ“, при чемъ на Порту возложена была обязанность періодически сообщать великимъ державамъ о принятыхъ для этой цѣли мѣрахъ, примѣненіе которыхъ подлежитъ контролю означенныхъ державъ. Европейскіе дипломаты имѣли поэтому не только нравственное, но и формальное право вмѣшательства въ отношенія турецкихъ властей къ армянскимъ подданнымъ; великія державы взяли на себя нѣкоторымъ образомъ отвѣтственность за порядки въ Арменіи, и англійское правительство съ особенною энергіею добивалось всесторонняго и безпристрастнаго разслѣдованія произведенныхъ въ Сасунѣ злодѣйствъ. Порта долго уклонялась подъ разными предлогами, отрицая даже самый фактъ кровавой расправы курдовъ, но въ концѣ концовъ назначила особую комиссію при участіи западно-европейскихъ делегатовъ, для изученія дѣла на мѣстѣ. Комиссіа до сихъ поръ не отправилась на мѣсто дѣйствія, а въ виду наступившихъ холодовъ возникъ даже вопросъ объ отсрочкѣ экспедиціи до весны, такъ что мѣстныя власти успѣютъ отчасти стереть слѣды совершенныхъ преступленій до начала слѣдствія. Въ сущности подобныя разслѣдованія остаются безъ всякаго практическаго результата: турецкіе приемы и взгляды не измѣнятся, и администрація будетъ по прежнему поручать курдамъ и баши-бузукамъ водвореніе порядка между христіанами. Пока турецкіе армяне будутъ подвластны турецкимъ правителямъ, они не перестанутъ подвергаться беззаконіямъ и насиліямъ, ибо насиліемъ и беззаконіемъ держится вся правительственная система Турціи.

Японцы продолжаютъ одерживать побѣды надъ китайцами на сушѣ и на морѣ; они завладѣли уже двумя важными приморскими пунктами на противоположныхъ берегахъ Печилійскаго залива, — укрѣпленными портами Портъ-Аргуръ и Вей-хай-вей; они постепенно подвигаютъ впередъ свои войска въ предѣлахъ китайской территоріи и обнаруживаютъ намѣреніе добраться до Пекина. Правители Китая сначала представляли всѣ пораженія и неудачи своихъ генераловъ въ видѣ сознательныхъ, необыкновенно тонкихъ и дальновидныхъ комбинацій; даже потеря Портъ-Артура объяснялась желаніемъ завлечь японцевъ въ опасную для нихъ мѣстность и удержать ихъ подалеже отъ столицы имперіи. Вислѣдствіи, подъ усиленными ударами непріятелей, китайцы вынуждены были отказаться отъ бесполезныхъ выдумокъ и признать печальные факты, которыхъ нельзя было ничѣмъ замаскировать — они заговорили о мирѣ. Китайское правительство послало своихъ делегатовъ въ Японію для пере-

говоръ о прекращеніи войны, но едва-ли оно способно предложить или принять такія условія, какія назначены будутъ побѣдителями. Война имѣетъ шансы продлиться до весны и до лѣта, если великія державы не возьмутъ на себя посредничества между противниками. Китай великъ по пространству и объему и можетъ долго терпѣть пораженія, а Японія настойчива и энергична и не отстанетъ, пока не добьется своего. Въ Японіи взяло верхъ воинственно-патріотическое настроеніе, и чѣмъ далѣе продолжается война, тѣмъ болѣе она дѣлается серьезною и упорною. Флоты великихъ европейскихъ державъ присутствуютъ при совершающейся работѣ опустошенія и кровопролитія и не выходятъ изъ роли безучастныхъ свидѣтелей,—роли не совсѣмъ подходящей для представителей культурныхъ и могущественныхъ націй.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1895 г.

— Антоній Радивилловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія его сочиненій и обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей его языка). Съ приложеніемъ неизданныхъ проповѣдей изъ рукописныхъ „Огорода“ и „Вѣнца“. М. Марковскаго. Кіевъ, 1894.

Исторія нашей литературы до сихъ поръ далеко не обладаетъ тѣмъ матеріаломъ, который былъ бы необходимъ для ея нѣсколько полнаго изложенія: для исторіи литературы новѣйшей есть не мало фактовъ и цѣлыхъ сторонъ историческаго движенія, объясненіе которыхъ остается неудобно даже по внѣшнимъ препятствіямъ; для исторіи старой письменности все еще остается много матеріала неизвѣстнаго, не извлеченнаго изъ рукописей и не обработаннаго даже внѣшнимъ предварительнымъ образомъ. Поэтому за послѣднее время, когда замѣчается особенная ревность къ историческому изслѣдованію, является не мало работъ по старой письменности, основанныхъ главнымъ образомъ на матеріалѣ рукописномъ. Таковъ и трудъ г. Марковскаго объ Антоніи Радивилловскомъ, одномъ изъ извѣстнѣйшихъ южно-русскихъ писателей второй половины XVII-го вѣка, той поры, когда южно-русская образованность начинала водворяться въ Москвѣ и совершала въ старой русской письменности переломъ, послѣднимъ результатомъ котораго было возникновеніе новой русской литературы.

Радивилловскій былъ однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей этой литературы, а именно схоластической проповѣди, и безъ сомнѣнія заслуживалъ спеціальнаго изслѣдованія. Авторъ, сочиненіе котораго было отвѣтомъ на тему, поставленную историко-филологическимъ факультетомъ кіевскаго университета, — отнесся къ своей задачѣ весьма внимательно: онъ пересмотрѣлъ литературу предмета и нашелъ особенное подспорье для своей работы въ томъ, что ему удалось воспользоваться тремя громадными рукописными томами

проповѣдей Радивиловскаго, которые оставались неизвѣстны прежнимъ изслѣдователямъ: въ этихъ томахъ нашлось много неизданныхъ проповѣдей, а тѣ, какія были имъ самимъ изданы, представляютъ въ рукописи значительные варианты.

Вышняя біографія Радивиловскаго, повидимому, была не богата фактами. Въ сороковыхъ годахъ XVII-го вѣка онъ учился въ киево-могилянской академіи и былъ впоследствии игуменомъ Никольскаго монастыря въ Кіевѣ; въ 1676 году онъ издалъ первый сборникъ своихъ проповѣдей подъ названіемъ „Огородовъ Маріи Богородицы“, въ 1688 послѣдовалъ второй сборникъ подъ названіемъ: „Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ (розовыхъ) сплетенный“, и въ томъ же году Радивиловскій умеръ. Собравъ немногія біографическія данныя о писателѣ, авторъ посвящаетъ особую главу польской проповѣди XVII-го вѣка, которая служила для южно-русскихъ проповѣдниковъ главнѣйшимъ образцомъ; даетъ потомъ историческій обзоръ проповѣди южно-русской, затѣмъ (въ 4-й главѣ) опредѣляетъ содержаніе и литературныя особенности проповѣдей Радивиловскаго, при чемъ (въ 5-й главѣ) специально останавливается на томъ легендарно-повѣствовательномъ матеріалѣ, какой наши проповѣдники того вѣка вводили въ проповѣдь по схоластическому преданію среднихъ вѣковъ; наконецъ (въ 6-й главѣ) дѣлаетъ подробный разборъ языка въ сочиненіяхъ Радивиловскаго. Въ приложеніяхъ приведено изъ рукописей нѣсколько неизданныхъ проповѣдей Радивиловскаго, посвященныхъ различнымъ историческимъ событіямъ того времени, напр. проповѣди въ годовныя памяти смерти Петра Могилы, на посвященіе печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля, проповѣди во время войны, побуждающія христіанскихъ воиновъ на борьбу съ турками и татарами. Въ приложеніяхъ помѣщено также нѣсколько такъ называемыхъ прикладовъ, анекдотическихъ исторій, какія проповѣдники того вѣка вставляли иногда въ свои церковныя поученія.

Въ разборѣ проповѣдей Радивиловскаго авторъ отмѣчаетъ различныя черты ихъ содержанія, его взгляды церковныя, его понятія политическія, его отношеніе къ современнымъ событіямъ, наконецъ его литературную манеру, которая, какъ мы сказали, можетъ вообще служить типомъ южно-русской проповѣди второй половины XVII-го вѣка. Общее историческое положеніе Радивиловскаго и другихъ проповѣдниковъ этой школы авторъ опредѣляетъ такъ. Научившись по польскимъ образцамъ, эти южно-русскіе писатели „доставили южно-русскому обществу свои домашнія средства для удовлетворенія тѣхъ умственныхъ запросовъ, какіе въ немъ существовали. Послѣ Радивиловскаго южно-русскому читателю не было надобности обращаться

къ польскимъ проповѣдникамъ: въ нихъ онъ не могъ найти для себя ничего новаго, интереснаго. Затѣмъ, труды южно-русскихъ ученыхъ XVII-го вѣка являются первыми научными произведеніями во всей Россіи: они написаны съ соблюденіемъ логики и были, конечно, первыми образцами правильнаго логическаго мышленія. Наконецъ, въ нихъ мы находимъ популяризацию данныхъ средневѣковой науки, которая проникла и въ среду простаго народа. Въ этомъ заключается историческая заслуга южно-русскихъ ученыхъ^а. Но была и обратная сторона дѣла. Южно-русские проповѣдники далеко не сравнялись съ своими польскими образцами въ жизненномъ значеніи своей проповѣди, въ ея народности. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что они остались только учениками (т.-е. подражателями), „мало сохранивъ связей съ первымъ періодомъ южно-русской проповѣди и не сумѣвъ внести новыя народныя элементы въ кругъ своего изученія“. Дѣло въ томъ, что въ чисто схоластической учености эти южно-русскіе писатели имѣли весьма узкій умственный горизонтъ. „Подчинившись въ 30-хъ годахъ XVII-го в. реакціонному польскому вліянію, южно-русскіе ученые и въ концѣ XVII-го в. не могли выйти изъ его закодированнаго круга. Напротивъ того, къ концу XVII-го в., въ то время, какъ въ Москвѣ шло уже новое просвѣтительное движеніе къ усвоенію тѣхъ реальныхъ знаній, безъ которыхъ немислима самая жизнь человѣческая,—мракъ средневѣковья, какъ это мы видѣли на Радивилковскомъ, все болѣе и болѣе сгущался надъ кievскими учеными и окутывалъ ихъ съ головы до ногъ. Онъ совершенно закрылъ отъ нихъ реальный свѣтъ Божій и тѣмъ еще болѣе усилилъ въ нихъ нерасположеніе къ дѣйствительному знанію. Это нерасположеніе южно-русскіе ученые перенесли съ собою и на сѣверъ, и только лишь Ѳеофанъ Прокоповичъ, подъ вліяніемъ мощной природы Петра Великаго, сумѣлъ понять великое значеніе его реформы. Оттого-то, присоединившись всей душой къ реформаціоннымъ планамъ Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ и отнесся такъ сурово, какъ вообще къ южно-русской образованности, такъ и въ частности къ южно-русской проповѣди, и сдѣлался такимъ скептикомъ, каковымъ онъ выступаетъ въ своемъ „Регламентѣ“. Стефанъ же Яворскій, сохранивъ всѣ особенности южно-русской образованности, по необходимости долженъ былъ стать во враждебныя отношенія къ Петровской реформѣ“.

Но въ свое время на эту схоластическую проповѣдь потрачено было множество труда. Южно-русскіе проповѣдники владѣли вообще большою начитанностью: они знали, конечно, восточныхъ отцовъ церкви (хотя нерѣдко, кажется, по латинскимъ переводамъ), но знали также и западныхъ церковныхъ писателей и усердно изучали средне-

вѣковыхъ схоластическихъ писателей, какъ это указывалъ имъ образецъ ихъ, польская проповѣдь; наконецъ, Радивиловскій, какъ и другіе южно-русскіе проповѣдники, знаетъ классиковъ греческихъ и римскихъ. Какъ мы замѣтили, авторъ обратилъ особенное вниманіе на тотъ легендарно-повѣствовательный матеріалъ, который по тому же образцу нашелъ мѣсто въ проповѣдяхъ Радивиловскаго. Манера вводить въ проповѣдь свѣтскіе рассказы съ цѣлью сдѣлать ея содержаніе нагляднѣе и занимательнѣе, принадлежитъ еще среднимъ вѣкамъ; переняли ее по примѣру той же польской проповѣди, и рядомъ съ безконечной литературой католическихъ схоластиковъ, матеріаломъ для южно-русской проповѣди стали и средневѣковые повѣствовательные сборники; Радивиловскій цитируетъ „Римскія Дѣянія“, „Великое Зерцало“, затѣмъ Троицкія сказанія, исторію о Варлаамѣ и Иосафатѣ, наконецъ басни и одинъ польскій сборникъ. По этой славѣ занимательнаго чтенія „Римскія Дѣянія“ и „Великое Зерцало“ были переведены въ XVII столѣтіи и на русскій языкъ. По замѣчанію автора, ни одинъ изъ южно-русскихъ проповѣдниковъ не пользовался подобными рассказами въ такой мѣрѣ, какъ Радивиловскій, и авторъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что его писанія могли быть однимъ изъ тѣхъ путей, которыми эти средневѣковыя повѣсти переходили въ народное обращеніе. Эти изслѣдованія и новые тексты изъ рукописей Радивиловскаго дѣлаютъ вообще книгу г. Марковскаго цѣннымъ вкладомъ въ исторію южно-русской литературы XVII столѣтія.

— Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Подъ редакціей правителя дѣлъ. Томъ XXV. Иркутскъ, 1894.

— Объ открытіи Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія При-Амурскаго Отдѣла Император. Русск. Географическаго Общества. Иркутскъ, 1894.

Въ „Извѣстіяхъ“ мы находимъ, какъ обыкновенно, изслѣдованія по физической природѣ страны, по археологін и этнографіи, которыя мало-по-малу увеличиваютъ все еще небогатый научный матеріалъ по изученію Сибири; но особенно мы обратимъ вниманіе на воспоминанія, которыми Восточно-Сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества почтилъ память Н. М. Ядринцева и А. В. Потаниной. Кончина Ядринцева была великой потерей для сибирскаго общества, въ которомъ онъ такъ энергически будилъ просвѣтительные интересы, и для науки, которой онъ ревностно служилъ своими разнообразными трудами. Соотечественники уже посвятили ему много теплыхъ и благодарныхъ воспоминаній, которыя живо рисуютъ этотъ благородный характеръ, эту, юную до старыхъ лѣтъ, преданность своему труду и

своему идеалу. Таковы и воспоминанія И. И. Попова, который съ именемъ Ядринцева соединилъ другое достойное имя—Александры Викторовны Потаниной, покойной жены и сотрудницы извѣстнаго путешественника по внутреннему азиатскому Востоку, Г. Н. Потанина. Какъ извѣстно, г-жа Потанина кончила жизнь во время послѣдней экспедиціи, внутри Китая.

„Въ лицѣ Ядринцева,—говорить г. Поповъ,—Сибирь потеряла разносторонняго изслѣдователя ея и самаго вѣрнаго, преданнаго ей сына, всю жизнь чутко прислушивавшагося къ нуждамъ матери-родины, всю жизнь искренно болѣвшаго и скорбѣвшаго о нихъ, до сѣдыхъ волосъ вѣрою и правдою, беззавѣтно и самоотверженно служившаго ей своими силами. Истый сибирякъ по своему рожденію и воспитанію, Н. М. посвятилъ себя всецѣло нуждамъ и интересамъ Сибири, избравъ еще въ юности своей цѣлью широкое изслѣдованіе вопросовъ сибирской исторіи и современнаго экономическаго и нравственнаго общественнаго быта какъ русскихъ, такъ и инородцевъ... Онъ былъ одновременно историкомъ, этнографомъ, археологомъ, экономистомъ, виднымъ дѣятелемъ по народному хозяйству и образованію, публицистомъ и литературнымъ работникомъ. Изучая Сибирь, Н. М. совершилъ цѣлый рядъ опасныхъ путешествій по сибирскимъ дебрямъ и горнымъ высотамъ. Алтай въ лицѣ его имѣлъ одного изъ лучшихъ его изслѣдователей; на Орхонѣ онъ открылъ развалины когда-то знаменитаго и затеряннаго современными историками Каракорума. Путешествіе Ядринцева и послѣднее, совмѣстное съ Радловымъ, изслѣдованіе Орхона обогатили историческую географію и археологію цѣнными данными малозвѣстной мѣстности. Заслуги его на этомъ поприщѣ признаны всѣмъ ученымъ міромъ“...

Биографія А. В. Потаниной представляетъ еще рѣдкій у насъ примѣръ женскаго участія въ трудныхъ научныхъ предпріятіяхъ, каковы были экспедиціи Г. Н. Потанина въ глубинѣ средней Азии. „Дѣятельность ея была мало замѣтна..., но и ея заслуги передъ наукой не малы: ея работы по этнографіи бурятъ, другихъ инородцевъ и китайцевъ представляютъ цѣнный научный матеріалъ... Въ экспедиціяхъ своего мужа она вела метеорологическія наблюденія, собирала ботаническія коллекціи и проч. Не мало ея труда вложено и въ самостоятельныя работы самого Потанина. Она была первая (русская) женщина, вступившая въ предѣлы нагорной Азии съ цѣлью научныхъ изысканій... Участіе ея въ экспедиціи имѣло чрезвычайно благотворное воздѣйствіе на туземцевъ и не мало содѣйствовало богатству собраннаго матеріала. До Потанина, да и при немъ, экспедиціи Пржевальскаго, Пѣвдова и др. были скорѣе похожи на военные отряды, чѣмъ на ученныя экспедиціи. Туземцы къ нимъ относились съ боязнью

и опаской. Но имъ нечего было опасаться той экспедиціи, гдѣ участвовала женщина, гдѣ не было никакого военного конвоя; имъ было ясно, что подобная экспедиція преслѣдуетъ научныя цѣли, а не военную задачу. Благодаря такому отношенію туземцевъ, Потанинъ спокойно проходилъ среди буйныхъ тангутовъ, бесѣдовалъ съ фанатиками-тибетцами, проходилъ области, куда не вступала нога европейца, и каждый разъ вывозилъ богатый матеріалъ для научныхъ работъ. Въ экспедиціяхъ Потанина, благодаря близкому общенію съ туземцами, преобладаетъ этнографическій матеріалъ, а у Пржевальскаго и др.—географическій. Участіе А. В. въ экспедиціяхъ еще болѣе содѣйствовало разнообразію собраннаго Потанинымъ матеріала: передъ ней отворялись двери тамъ, куда не могъ проникнуть мужчина; она обращаетъ вниманіе и замѣчаетъ тѣ стороны жизни, которыя легко ускользаютъ отъ мужчины, и, работая рука объ руку съ мужемъ, она дополняла работы послѣдняго“.

Дѣятельность Географическаго общества въ Сибири еще расширяется. Въ началѣ прошлаго года основанъ въ Хабаровскѣ новый Отдѣлъ подъ названіемъ При-Амурскаго; открытіе Отдѣла сопровождалось Высочайшими пожалованіями: кромѣ единовременнаго пособия Отдѣлу, была назначена ежегодная субсидія; отъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ Государя Императора, пожертвовано рѣдкое собраніе книгъ изъ Его библиотеки; отъ Великой Княгини Александры Іосифовны—драгоценная библиотека покойнаго предсѣдателя Географическаго Общества, В. К. Константина Николаевича; наконецъ, при содѣйствіи В. К. Николая Михайловича, нынѣшняго предсѣдателя Географическаго Общества, получены изданія всѣхъ отдѣленій Академіи Наукъ. Новому отдѣлу дано кромѣ того право открывать мѣстные музеи и частныя отдѣлы, и одинъ изъ такихъ частныхъ отдѣловъ основанъ уже лѣтомъ того же 1894 года въ Кяхтѣ, гдѣ мысль объ этомъ учрежденіи существовала и раньше. При городской библиотекѣ собирались уже ранѣе коллекціи, которыя теперь приняты были въ завѣдываніе Отдѣла и заключаютъ въ себѣ предметы, относящіеся къ естественной исторіи, антропологии и этнографіи, археологій, наконецъ промышленности и сельскому хозяйству; организовался наконецъ личный составъ Отдѣла. Въ рѣчахъ, которыя говорились при открытіи Отдѣла, высказывается большая и несомнѣнно искренняя радость, что въ далекомъ крайнемъ пунктѣ, какой представляетъ Кяхта, основалось учрежденіе, которое можетъ поддержать научные интересы въ небольшомъ кругѣ мѣстнаго общества, и выражаются надежды, что „музей въ Кяхтѣ, на границѣ двухъ смежныхъ между собою цивилизацій, передъ которою простирается необъятное пространство невѣдомыхъ восточныхъ странъ, съ ихъ особымъ культомъ

и отдѣльнымъ кругозоромъ понятій, намъ мало еще доступныхъ и мало изученныхъ, пріобрѣтаетъ высокое, чуть не общечеловѣческое значеніе не только для Сибири и Россіи, но со временемъ, при сочувствіи со стороны мѣстнаго общества, можетъ занять подобающее себѣ мѣсто и среди европейскихъ музеевъ“.

Нѣтъ сомнѣній, что мѣстные музеи, особливо въ пунктахъ съ такимъ своеобразнымъ положеніемъ, могутъ становиться чрезвычайно важными для науки собраніями матеріала; но условіемъ для самаго развитія ихъ и тѣмъ болѣе для научной разработки должно быть и достаточное число научно пригтовленныхъ лицъ, слѣдовательно, большее распространеніе высшаго образованія.

— Якутскіе рассказы. Вацлава Сѣрошевскаго (Сиро). Спб. 1895.

Авторъ говоритъ въ предисловіи: „Интересъ, который возбуждаетъ въ настоящее время Сибирь и особенно далекія ея окраины, побудилъ меня собрать въ одно эти рассказы, касающіеся Якутской Области и печатавшіеся разновременно въ польскихъ и русскихъ журналахъ. Въ концѣ я приложилъ три самыя законченныя изъ записанныхъ мною якутскихъ преданій, безъ всякаго измѣненія, какъ образцы рассказовъ о самихъ себѣ описуемыхъ мною людей“.

За послѣднее время сибирская жизнь дѣйствительно вызвала больше, чѣмъ когда-либо прежде, не только научныя изысканія, но и художественныя или проще беллетристическія изображенія. Въ ряду послѣднихъ были не только картины собственно русской, именно промышленной жизни, особливо изъ золотопромышленнаго міра (какъ, напр., недавно романъ г. Михеева), или живые очерки публицистическаго характера (какъ книга покойнаго Астырева), но очерки самыхъ далекихъ и глухихъ захолустьевъ съ полудикимъ населеніемъ инородцевъ. Всѣмъ памяты высоко-художественные рассказы В. Г. Короленка; менѣе извѣстны, но опять замѣчательны рассказы г. Елпатьевскаго; въ польской литературѣ въ параллель имъ явились высоко-талантливые очерки (Szkice) г. Шиманскаго, частью переведенные и на русскій языкъ. На половину польскимъ, на половину русскимъ писателемъ является и г. Сѣрошевскій: его рассказы безъ исключенія посвящены якутамъ и тунгусамъ. Они читаются съ большимъ интересомъ и вводятъ въ фантастическое міровоззрѣніе и первобытныя нравы этихъ туземцевъ восточной Сибири. Нельзя не замѣтить, однако, манеру другой литературной школы. Польскій писатель вообще, а также и въ данномъ случаѣ, сильно отличается отъ русскаго: въ то время какъ у послѣдняго стала почти необходимой чертой писательской

манеры большая или меньшая доля реализма, унаследованнаго отъ великихъ мастеровъ нашей литературы, у перваго сохраняется еще наклонность къ романтической окраскѣ изображенія. Быть можетъ, существо дѣла не страдаетъ отъ этого въ томъ отношеніи, что и этими средствами можно достигнуть одной цѣли — передачи общаго тона, настроенія, — которыя иной разъ могутъ, напротивъ, ускользнуть отъ слишкомъ буквального реалистическаго изображенія; но съ другой стороны есть и опасность, что могутъ затеряться опредѣленные черты факта. Такое впечатлѣніе можетъ произвести, напр., рассказъ „Въ жертву богамъ“, именно эпизодъ шаманскаго волхвованія. Но вообще рассказы г. Сѣрошевскаго даютъ любопытныя картины изъ инородческаго быта дальняго сибирскаго востока. — Т.

— Ек. Бекетова. Стихотворенія. Посмертное изданіе. Спб. 1895 г.

Е. А. Краснова, рожденная Бекетова, дочь извѣстнаго профессора-ботаника А. Н. Бекетова, выступила въ печати съ первыми стихотвореніями еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда появились первые ея поэтическіе опыты, между прочимъ, и въ „Вѣстникѣ Европы“: „Ожиданіе“, „Gondellied“ и нѣкоторые другіе („Вѣстн. Европы“, 1879 г.); вскорѣ послѣ своего литературнаго дебюта, Бекетова совсѣмъ сошла съ журнальной арены, но это не значило, что ея поэтическое чувство заглохло, — напротивъ, какъ можно видѣть изъ изданнаго нынѣ сборника, чувство это значительно развилось съ теченіемъ времени. Не появляясь болѣе на страницахъ журналовъ, она не бросила пера и находила исходъ для своихъ поэтическихъ трудовъ отчасти въ составленіи чисто лирическихъ пьесъ, болшею частью до настоящаго изданія нигдѣ не опубликованныхъ, отчасти въ сочиненіи стихотвореній для дѣтей. По объему сборникъ Ек. Бекетовой очень невеликъ: въ немъ всего 66 стихотвореній, но поэтическое достоинство собранныхъ въ немъ стиховъ нельзя не оцѣнить. Стихотворенія, какъ напр.: „Цвѣтущая весна такъ много совершила“; „На Pointe“; „Память о веснѣ“; „Когда несетса вихрь и рветъ и гонитъ тучи“; „Соловей“; „Пестро и ярко“ — свидѣтельствуютъ о тонкой наблюдательности автора и о глубокомъ сочувствіи ея окружающей природѣ. Въ стихотвореніяхъ для дѣтей Ек. Бекетова правится женственностью своего чувства. Она тепло и радостно относится къ дѣтамъ, рада раздѣлить ихъ веселое настроеніе, рада доставить имъ какъ можно болше свѣтлыхъ минутъ жизни. Ея рождественскія стихотворенія оригинальны, разнообразны и чужды ли-

цемѣрныхъ иногда поученій, безъ которыхъ у насъ рѣдко обходятся сочиненія для дѣтей.

Чувству любви посвящены весьма немногія изъ стихотвореній Ев. Бекетовой (всего 9 изъ 66, напечатанныхъ въ сборникѣ), да и въ нихъ говорится объ этомъ чувствѣ въ самыхъ возвышенныхъ выраженіяхъ; въ одномъ („Ночью“) описаніе сцены любви, очевидно, главное по замыслу содержанія, отодвигается на второй планъ предъ поэтическимъ описаніемъ красоты природы, и самая любовь признается даже чувствомъ слишкомъ слабымъ въ сравненіи съ чувствомъ, вызываемымъ природою. Вообще поэзія Ев. Бекетовой отличается дѣвственною чистотою воображенія и главнымъ образомъ посвящена описанію природы, красоты которой передаются ею образно, въ изящныхъ, мягкихъ стихотворныхъ формахъ.

Изданъ сборникъ тщательно. Въмѣсто предисловія, сообщаются краткія біографическія свѣденія о покойной и обзоръ ея литературной дѣятельности. — L.

Въ теченіе января поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Амучинъ, Д. Н.—Предварительный отчетъ по изслѣдованію верховьевъ Западной Двины. Спб. 94. Стр. 63.

Лулей, Луцій.—Золотой осель. Перев. съ лат. Н. М. Соколова. Спб. 95. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

Луштинъ, А. Н.—Сочиненія. Т. I и II. Изд. 4-е. Спб. 95. Стр. 404 и 308. Ц. за 2 т. 5 руб.

Баръ, Ф.—Коренное преобразование крестьянскаго хозяйства и общиннаго землевладѣнія. М. 94. Стр. 123. Ц. 1 р. 25 к.

— Крестьянское общинное землевладѣніе въ аграрномъ и социально-политическомъ отношеніяхъ. М. 94. Стр. 43.

Бельтовъ, Н.—Есть вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Барѣву и К°. Спб. 95. Стр. 287. Ц. 2 р.

Бертело, М.—Практическое руководство по термохиміи. Съ предисл. Н. Бекетова, перев. С. Танатара. Од. 94. Стр. 147. Ц. 1 р. 25 к.

Богословскій, Евгеній, преподаватель тифл. 1-й гимназій. — Тургеневъ о Левѣ Толстомъ. 75 отзывовъ (матеріалы). Тифлисъ, 1894. 18°. Стр. 79. Ц. 30 к.

В. В. — Мелкое производство въ Россіи. I. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб. 1895. Мал. 8°. Стр. 200. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи (Роль рынка. — Что такое цѣнность. — Капиталистическая эволюція промышленности. — Русскій марксизмъ). Спб. 95. Стр. 319. Ц. 2 р.

Ветуховъ, А.—Языкъ, поэзія и наука. Харьк. 94. Стр. 32. Ц. 25 к.

Вилкинъ, капит.—Морской путь въ Сибирь Карскимъ моремъ. 1874—94 г. Спб. 95. Стр. 18.

Гамбургцевъ, В.—Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій. вѣдавшихъ строительное дѣло и обученіе ему. М. 94. Стр. 57. Ц. 40 к.

- Гатиужь, А.*—Крестный календарь на 1895 г. М. 95. Стр. 63. Ц. 15 к.
- Гутмакеръ, И. М.*—Таганрогскіе мотивы. Харьк. 94. Стр. 318. Ц. 1 р.
- Дамилевскій, В. Я., проф.*—Чувство и жизнь. Харьк. 95. Стр. 48. Ц. 50 к.
- Ельницкій, К.*—Основы законовѣденія. М. 94. Стр. 151. Ц. 50 к.
- Жбанковъ, Д. Н.*—Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. 1894 г. Вып. 1. Смоленскъ. Стр. 248+38.
- Коссель, Г.*—Леченіе дифтеріи кровяною сывороткою. Перев. съ нѣм. П.: Дроздовскаго. Спб. 95. Стр. 44. Ц. 40 к.
- Кошутичъ, Радованъ.*—Писма изъ Петрограда. Београд, 1895 (на сербскомъ яз.). XIV и 255 стр.
- Крафтъ-Эбинъ, Р.*—Судебная психопатологія. Перев. съ 3-го изд. А. Черемшанскій. Спб. 95. Стр. 672. Ц. 5 р.
- Крыловъ.*—Васни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями (Два портрета, виды памятника и могилы Крылова и 27 рисунковъ въ текстѣ). Спб. 1895. Изданіе Суворина. XLII, 264 стр.
- Липитъ, В.*—Вліяніе мѣди на чугуны, желѣзо и сталь. Спб. 95. Стр. 69.
- Луговой, А.*—Сочиненія. Т. III: Стихотворенія, повѣсти и рассказы. Спб. 95. Стр. 616. Ц. 2 р.
- Луцкиій, И. В.*—Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. Бѣевъ, 94. Стр. 42.
- Максимовъ, А. Я.*—На далекомъ Востокѣ. Рассказы и были изъ жизни на отдаленной окраинѣ Россіи. Т. II. Спб. 95. Стр. 236. Ц. 1 р. 50 к.
- По, Эдгаръ.*—Баллады и фантазіи. Перев. съ англ. К. Бальмонта. М. 95. Стр. 172. Ц. 1 р. 25 к.
- Покотиловъ, Д. Д.*—Корея и японо-китайское столкновеніе. Съ картою Кореи. Спб. 95. Стр. 68.
- Поминовскій, М. Б.*—Мечты. Вторая книга стихотвореній. Од. 95. Стр. 152. Ц. 75 к.
- Пржевальскій, В. В.*—Объединеніе уголовного законодательства въ Швейцаріи. Спб. 94. Стр. 124.
- Пругавинъ, А. С.*—Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Изд. 2-е. Спб. 95. Стр. 547. Ц. 2 р.
- Пулята, Д. В.*—Китай. Съ 16-ю чер. Спб. 95. Стр. 265 и 83. Ц. 3 р.
- Реклю, Элизе.*—Земля. Описаніе жизни земного шара. Перев. А. В. Мезіеръ. Вып. 2: Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Спб. 95. Стр. 311. Ц. 1 р. 30 к.
- Салтыковъ, М. Е.*—Благонамѣренныя рѣчи (1872—76 г.). Культурные люди (1876 г.). 3-е изд. Спб. 95. Стр. 594. Ц. 1 р. 75 к.
- Сетловъ, В.*—Золочена богема. Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 95. Стр. 324. Ц. 1 р. 25 к.
- Столтцовъ, А. Г., проф.*—Гельмгольцъ и современная физика. М. 95. Стр. 2^о.
- Стукаличъ, В. К.*—Мальцевскіе заводы. Витебскъ, 1894. Стр. 17.
- Тарасовъ, И. Т.*—Учебникъ науки полицейскаго права. Вып. 3. М. 95. Стр. 635—939. Ц. 2 р.
- Толстой, гр. А. Б.*—Драматическая трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳеодоръ. III. Царь Борисъ. Т. III. Спб. 95. Стр. 558. Ц. 2 р. 50 к.
- Трахтенбергъ, Г. И.*—Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшен. уголовн. кассац. и общ. собр. кассац. деп. прав. сената. 1878—1883 г. Изд. 6-е. Спб. 95. Стр. 322. Ц. 1 р. 50 коп.

Флоринскій, Тимофеев. — Лекціи по славянскому языкознанию. Часть первая. I. Введение. II. Юго-западные славянские языки (болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій). Киевъ, 1895. X и 526 стр. Ц. 3 р.

Фриманъ, Л. — Исторія крѣпости въ Россіи. Ч. I: до начала текущаго столѣтія. Спб. 95. Стр. 238, съ планами и чертежами.

Целлеръ, М. — Римскія государственныя и правовыя древности. Компендіумъ для студентовъ и учителей гимназій. Перев. И. Семенова. М. 94. Стр. 300. Ц. 3 р.

Зварницкій, Д. И. — Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. II. Спб. 95. Стр. 624. Ц. 4 р.

— Алтайскій Сборникъ. Вып. 1. Томскъ, 94. Стр. 230. Ц. 2 р.

— Альманахъ-Ежегодникъ П. О. Яблонскаго 1895 г. Календарь и сборникъ свѣденій, полезныхъ и необходимыхъ каждому въ ежедневной жизни. 14 картъ, 12 таблицъ и 107 чертежей. Спб. 95. Стр. 561.

— Дешевая Библіотека. № 315 и 316: Ч. Диккенсъ, Замогильныя записки Пиввикскаго клуба, 2 т., ц. 1 р. № 314: Марко проклятый, А. П. Стороженко, поэма на малоросс. яз. ц. 15 к. № 318: Басни Крылова, полн. собр., съ біогр. и примѣч., ц. 15 к. № 181: Плутархъ, т. 9, вып. 1: Артаксерксъ, Аратъ; ц. 15 к. № 266: Сто великихъ людей: бл. Августинъ, Бернардъ Клерво, Францискъ Ассиз. Ц. 20 к.

— Матеріалы по вопросамъ преподаванія естествознанія въ средней и низшей школь. М. 94. Стр. 130. Ц. 1 р.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 91: Реформація—Ріадъ. М. 94. Стр. 4239—4270. Ц. 40 к.

— Памяти Императора Александра III. Сборникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (Извѣстія, статьи, перепечатки). М. 94. Стр. 403.

— Программы домашняго чтенія на 1894—95 г. М. 94. Стр. 118. Ц. 25 к.

— Саратовская сельско-хозяйственная и торгово-промышленная земская Недѣля 1894 г. Прилож. къ Сборн. Саратовск. земства. Стр. 57+10.

— Сборникъ Пермскаго земства. 1894 г. № 4. 1894 г.

— Сборникъ правовѣденія и общественныхъ знавій. Труды Юридическаго Общества при Имп. Моск. Унив. и его Статистическаго Отдѣленія. Т. IV. Спб. 95. Стр. 295+186. Ц. 2 р. 50 к.

— Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составл. по порученію Спб. Комитета грамотности, специальною комиссіею. Отдѣлъ по русскому языку: обученіе грамотѣ, грамматика и литература. Изд. 2-е. Спб. 95. Стр. 416. Ц. 1 р.

— Указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и иныхъ пассажирскихъ сообщеній. Зимнее движеніе 1894—95 г. Сиб. 94. Стр. 358. Съ картою.

— Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. Изд. журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 94. Стр. 84.

— Энциклопедическій Словарь, Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. XIII, а. Сиб. 94. Стр. 481—960 (Историческіе журналы—Калайдовичъ).

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

La politique. Par *Charles Benoist.* Paris, 1894. Стр. 266. Ц. 4 фр.

Въ литературѣ французской все чаще появляются сочиненія, анализирующія современную политическую жизнь, какъ она есть, независимо отъ ходячихъ общихъ формулъ, хотя бы самыхъ прогрессивныхъ и заманчивыхъ. Установленныя политическія понятія, считавшіяся неизблемыми, подвергаются тщательному пересмотру; господствующія теоріи и доктрины провѣряются разборомъ фактическихъ условій, на которыхъ онѣ выросли и держатся; прежнее пристрастіе къ обобщеніямъ уступаетъ мѣсто скептицизму и анализу. Въ этомъ отношеніи существуетъ прямая противоположность между теоретиками французскими и нѣмецкими; какъ первые избѣгаютъ отвлеченностей и стремятся къ ясности и простотѣ понятій, такъ вторые, напротивъ, вдаются въ абстракціи и увлекаются общими опредѣленіями, удаленными отъ реальной жизни. Послѣ туманной схоластики нѣмецкихъ ученыхъ трактатовъ, французскія книги по предметамъ государственнаго права и политики производятъ отрезвляющее впечатлѣніе и могутъ принести дѣйствительную пользу читателю.

Книга Шарля Бенуа составляетъ начало цѣлой серіи научно-популярныхъ сочиненій по вопросамъ политическимъ и социальнымъ, подъ общимъ названіемъ: „*La vie nationale*“. Цѣль этого литературнаго предпріятія—дать публикѣ рядъ общедоступныхъ руководствъ, въ которыхъ практическія свѣденія освѣщались бы теоретическимъ знаніемъ по разнымъ отраслямъ національной жизни. Отдѣльные томики этой полезной бібліотеки будутъ составлены специалистами по соответственнымъ наукамъ, подъ общою редакціею Шарля Бенуа и Андре Лиесса. Первая книжка, посвященная политикѣ, вполне отвѣчаетъ своему назначенію; она написана ясно и толково, содержитъ въ себѣ много историческихъ и теоретическихъ указаній, и даетъ довольно полный и въ то же время краткій обзоръ существующихъ во Франціи учреждений, вмѣстѣ съ критической ихъ оцѣнкою. Не имѣя характера научнаго изслѣдованія, трудъ Бенуа однако совершенно свободенъ отъ обычнаго недостатка популярныхъ политическихъ сочиненій—фразерства, преобладанія общихъ мѣстъ,

а напротивъ, отличается самостоятельностью и логическою основательностью сужденій. Въ первой части изложены и разобраны основныя понятія и свѣденія объ обществѣ, націи, государствѣ и правительствѣ, о власти и ея историческихъ формахъ, о раздѣленіи властей въ теоріи и на практикѣ, о послѣдовательномъ развитіи конституціонной жизни во Франціи съ конца прошлаго вѣка до послѣднихъ временъ; вторая часть касается специально государственнаго и административнаго строя нынѣшней французской республики. Въ концѣ книги приложены тексты дѣйствующихъ теперь во Франціи конституціонныхъ законовъ. Шарль Бенуа находитъ, что идея народнаго верховенства нисколько не выражается въ современномъ республиканскомъ устройствѣ; что составъ и дѣятельность парламента соотвѣтствуютъ лишь интересамъ и направленіямъ высшихъ и среднихъ классовъ французскаго общества; что функціи парламентскія и правительственныя плохо разграничены между собою, и что много предстоитъ еще сдѣлать въ будущемъ для приспособленія государственныхъ и административныхъ порядковъ къ потребностямъ большинства народа. Нѣкоторыя теоретическія разсужденія и замѣчанія автора представляютъ интересъ далеко не для однихъ французскихъ читателей. — Л. С.

II.

Gedichte von M. J. Lermontoff. Im Vermaass des Originals, von Fr. Fiedler.

Фр. Фидлеръ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ переводовъ нашихъ классиковъ на нѣмецкій языкъ; особенно выдѣляется среди нихъ переводъ Кольцова и сборникъ „Der russische Rapnas“—антологія произведеній 48 русскихъ лириковъ, начиная съ Ломоносова и кончая Надсономъ, Минскимъ и Мережковскимъ. Теперь онъ даетъ полное собраніе лирическихъ стихотвореній Лермонтова (безъ поэмъ). Этотъ новый трудъ г. Фидлера имѣетъ существенное значеніе, несмотря на то, что является далеко не первой попыткой ознакомить нѣмецкую публику съ поэзіей нашего великаго поэта.

Большинство лучшихъ стихотвореній Лермонтова были переведены, какъ извѣстно, Боденштедтомъ; но талантливый авторъ „Мирза-Шаффи“ не всегда ограничивался ролью переводчика и налагалъ на многія стихотворенія отпечатокъ своей собственной индивидуальности. Такимъ образомъ, несмотря на поэтическія достоинства переводовъ Боденштедта, неточная передача и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже искаженіе текста—давали основаніе желать болѣе полнаго и

болѣе точнаго перевода. Переводъ Ашарина, вышедшій въ Дерптѣ въ 1877 г. (Dichtungen von Puschkin und Lermontoff in deutscher Uebersetzung von Andreas Ascharin), далеко не исправилъ недостатковъ Боденштедтовской передачи текста; его переводы изобилуютъ такими фантастическими стихами, какъ заключеніе Ангела, переданное слѣдующими стихами:

Und auf der Welt da tönte die Weis'
 Noch lange im Herzen ihr leis'
 Und rief wie ein verlornes Glück
 Das Lied des Engels zurück.

Преимущество новаго перевода г. Фидлера заключается прежде всего въ его точности. Владѣя въ одинаковой степени нѣмецкимъ и русскимъ языкомъ, онъ никогда, конечно, не впадаетъ въ ошибки, искажающія многіе переводы съ русскаго на иностранные языки (какъ, напр., встрѣчающійся у Боденштедта переводъ выраженія „сырыя кости“—„feuchte Knochen“). Большинство стихотвореній крайне близки къ тексту, и между такими мы въ особенности отмѣчаемъ „Небо и звѣзды“, сохранившее въ переводѣ г. Фидлера всю простоту этого глубокаго стихотворенія. Вполнѣ точно переданъ внутренній характеръ и внѣшняя форма стиховъ: „Тѣмъ я несчастливъ“ и т. д.

Das ist mein Unglück:
 Himmel und Sterne sind—Himmel und Sterne,
 Ich aber bin nur ein sterblicher Mensch.

Также удачно переданъ конецъ стихотворенія къ А. О. Смирновой (Es wäre gar zu lächerlich,—Wenn es nicht gar zu traurig wär“), исказенный до неузнаваемости у Боденштедта, который заканчиваетъ второе четверостишіе стихами: „Es käme mir zur Lachen vor—Müsst' ich mich nicht darüber schämen“.

Не только въ переводѣ отдѣльныхъ стиховъ замѣчается стремленіе Фидлера оставаться близкимъ оригиналу, общій характеръ стихотвореній—въ особенности болѣе длинныхъ—гораздо болѣе сохраненъ у новѣйшаго переводчика, чѣмъ у его предшественниковъ. Такъ, напр., тоскующая Лермонтовская „Русалка“ превращается у Боденштедта въ водяную фею западной мифологіи „танцующую съ развѣвающимися волосами“ (Und es flattert ihr Haar, und sie schwingt sich im Tanz), и воспѣвающую морскую глубину, гдѣ „сердце ея чувствуетъ себя здоровымъ“. Фидлеръ гораздо ближе подошелъ къ національному характеру стихотворенія и поэтично воспроизвелъ переходы отъ страсти къ непонятной тоскѣ у выплывшей на поверхность русалки.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, болѣе близкихъ по духу Боденштедту, чѣмъ другіе, его переводы имѣютъ конечно, поэтическія достоинства, съ которыми никакія другія попытки не могутъ сравниться. Такъ напр., „Дары Терека“ переданы Боденштедтомъ съ совершенствомъ истиннаго поэта; его „Gaben des Terek“ такъ же ярко и тонко рисуютъ страсти и нѣгу въ жизни стихій, какъ это дѣлаетъ самъ Лермонтовъ съ своимъ романтическимъ пантеизмомъ. Но такихъ переводовъ у Боденштедта мало; онъ талантливый поэтъ, но несомнѣнно неудовлетворительный переводчикъ. Сборникъ Фидлера является поэтому первымъ полнымъ переводомъ лирическихъ произведеній Лермонтова. Можно сказать, что нѣмецкая публика имѣетъ теперь возможность ознакомиться съ нашимъ поэтомъ по прекраснымъ переводамъ, дающимъ вѣрное и полное представленіе о его поэзіи и соединяющимъ крайнюю добросовѣстность въ передачѣ оригинала съ легкостью стиха и законченностью формы. — В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1896 г.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ полтавскомъ и московскомъ земствѣ.—Предубѣжденія, могущія помѣшать его дальнѣйшему движенію.—Столѣтняя годовщина дня рожденія Грибоѣдова.

Вопросы, какъ и книги, „имѣютъ свою судьбу“. Было время, когда въ дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій главную роль играла забота о народномъ образованіи. Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ впервые выработывается типъ земской начальной школы. Огромное большинство земствъ принимается за устройство, потомъ — за улучшение училищъ. Основываются земскія учительскія школы, устраиваются земскіе учительскіе сѣзды; къ участію въ школьномъ дѣлѣ усиленно привлекаются сельскія общества; рядомъ съ чисто-земскими школами появляются и быстро множатся школы земско-общественныя. Къ концу семидесятыхъ годовъ это движеніе нѣсколько ослабѣваетъ—отчасти въ виду другихъ назрѣвшихъ потребностей, сосредоточившихъ на себѣ вниманіе земства, отчасти вслѣдствіе непомернаго (или казавшагося непомернымъ) напряженія земскихъ платежныхъ силъ, отчасти, наконецъ, подъ вліяніемъ утомленія или разочарованія. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ области земскаго школьнаго дѣла становится замѣтнымъ новое теченіе, обѣщавшее крупныя результаты: дѣлаются попытки связать земскую школу съ школами грамотности, путемъ снабженія послѣднихъ учителями, окончившими курсъ въ земской школѣ и остающимися подъ ея дружескимъ руководствомъ и контролемъ. Распространеніе этого теченія замедляется вслѣдствіе изданныхъ 13-го іюня 1884 г. правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, подчиняющихъ школы грамоты исключительно духовенству. Земская школа, послѣ того, не только останавливается въ своемъ поступательномъ движеніи, но и теряетъ увѣренность въ прочности своего существованія; кое-гдѣ возникаетъ и даже осуществляется мысль о добровольномъ прекращеніи его, посредствомъ передачи всѣхъ земскихъ школъ въ духовное вѣдомство. Этотъ упадокъ духа—конечно, не повсемѣстный—продолжается недолго. Около 1890 г. почти вездѣ начинается возрожденіе интереса къ земской школѣ и къ начальному обученію вообще; значительно усиливаютъ его неурожайные годы. Увеличеніе числа школъ, вмѣстѣ съ растущимъ сознаніемъ вреда, приносимаго

все-таки еще слишкомъ медленнымъ распространениемъ грамотности, наводитъ на мысль о возможности и своевременности всеобщаго обученія. Больше чѣмъ когда-либо эта мысль, подхваченная и ярко освѣщенная въ печати, выдвигается на первый планъ въ послѣднихъ сессіяхъ земскихъ собраній. Прежде чѣмъ указать на нѣкоторые новыя фазисы вопроса, необходимо остановиться на двухъ предубѣжденіяхъ, могущихъ помѣшать правильному его разрѣшенію.

Чѣмъ больше силъ, работающихъ на пользу школьнаго дѣла, тѣмъ быстрѣ растетъ число школъ—а чѣмъ больше школъ, тѣмъ ближе переходъ къ всеобщему обученію. Эти простыя, азбучныя истины упускаются изъ виду или игнорируются тѣми органами печати, которые, не возражая противъ всеобщаго обученія, продолжаютъ сѣять недобѣріе къ одному изъ главныхъ рычаговъ его—къ земской или вообще свѣтской школѣ. Въ минувшемъ мѣсяцѣ состоялось Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 700 тысячъ рублей въ воспособленіе церковно-приходскимъ и другимъ училищамъ, состоящимъ въ вѣденіи св. синода. Вполнѣ достаточно было бы, повидимому, привѣтствовать эту мѣру, какъ новый шагъ впередъ къ расширенію школьной сѣти. Иначе думаютъ „Московскія Вѣдомости“; онѣ пользуются случаемъ, чтобы возобновить атаку противъ земской школы, какъ будто бы только на ея развалинахъ возможно было торжество школы церковно-приходской. „Пресловутое (!?) движеніе въ пользу народнаго просвѣщенія,—читаемъ мы въ № 18 московской газеты,—охватившее наше „общество“ (кавычки въ подлинникѣ) послѣ освобожденія крестьянъ, не только ни разу не вспомнило о нашей древней исторической церковной школѣ, но даже отвергло (!?) и религію, какъ основу низшаго школьнаго обученія“. Упомянувъ, дальше, о „систематическомъ замалчиваніи известной частью нашей печати“ дѣятельности С. А. Рачинскаго и назвавъ церковно-приходскую школу *всечьло* созданиемъ покойнаго Государя, газета утверждаетъ, что „пропагандисты всеобщаго обученія открыто имѣютъ въ виду повсемѣстное распространеніе школы ничѣмъ не связанной съ церковью, школы чисто свѣтской“, и желали бы привлечь къ этому дѣлу и государственное казначейство. По истинѣ, удивительная безцеремонность въ обращеніи съ фактами, какъ менѣе важными, такъ и самыми крупными! Совершенно невѣрно, что „известная часть печати“ замалчивала дѣятельность г. Рачинскаго: „Вѣстникъ Европы“, наприимѣръ, часто отзывался о г. Рачинскомъ съ большимъ уваженіемъ и отдавалъ справедливость его послѣдователямъ, напр. г. Горбову ¹⁾. Отвергать религію, какъ основу начальнаго обученія, „обще-

¹⁾ См., напр., Общественныя Хроники въ № 6 „Вѣстн. Европы“ за 1884 и № 11 за 1885 г.

ство" или земство не могло уже потому, что всегда и неуклонно дѣйствовало на основаніи положеній, отводившихъ подобающее мѣсто преподаванію Закона Божія и обеспечивавшихъ вліятельную роль священника-законоучителя въ начальной школѣ. Не можетъ оно, по той же, прежде всего, причинѣ — хотя, конечно, и не въ силу только ея одной — стоять и теперь за распространеніе въ настоящее время школы „ничѣмъ не связанной съ церковью“. Несчетное число разъ были приводимы безспорныя данныя, свидѣтельствующія о полной возможности достиженія въ земской школѣ блестящихъ результатовъ по части религіознаго воспитанія и церковныхъ навыковъ (пѣнія и чтенія въ церкви, знанія церковно-славянскаго языка, знакомства съ Евангеліемъ, псалтыремъ и часословомъ) — и о столь же полной возможности отсутствія такихъ результатовъ въ церковно-приходской школѣ. Несчетное число разъ было указываемо на то, что вспомнить о „древней исторической церковной школѣ“, въ моментъ вступленія земства на путь устройства начальной школы, было невозможно, въ виду отсутствія школъ этого типа или уклоненія ихъ отъ его преданій. Самое созданіе церковно-приходской школы, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, *всечьло* велѣніемъ Верховной власти, служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что въ народной жизни „древняя“, церковная школа давно уже обратилась въ одно воспоминаніе. Болѣе чѣмъ странно, наконецъ, удивляться тому, что „пропагандисты всеобщаго обученія“ желаютъ привлечь къ этому дѣлу „государственное казначейство“. Начальное обученіе народа — задача общегосударственная, одинаково важная для всѣхъ областей государственной жизни и государственнаго управленія. Министерство *народнаго* просвѣщенія немислимо безъ заботы о просвѣщеніи *народа*; понятны ожиданія, возлагаемыя на него друзьями начальной школы, а участіе его въ ея развитіи равносильно участію въ немъ государственнаго казначейства. *Одно* министерство не можетъ справиться съ огромнымъ и сложнымъ дѣломъ начального народнаго обученія — но столь же очевидно, что *безъ него* это дѣло не можетъ двинуться впередъ съ тою быстротою, которой все больше и больше требуютъ обстоятельства.

Второе предубѣжденіе, коренящееся въ совершенно другихъ сферахъ, гораздо болѣе почтенно по своимъ источникамъ и мотивамъ, но, быть можетъ, не менѣе опасно для дѣла. Весьма опредѣленное выраженіе его мы находимъ въ статьяхъ кн. В. Долгорукаго: „По школамъ“, напечатанныхъ въ прошлогоднихъ книжкахъ „Недѣли“ (№№ 7 и 8). Исходная точка уважаемаго автора столь же симпатична, какъ и многія изъ его отдѣльныхъ разсужденій. „Государство, — говоритъ онъ, — заинтересовано имѣть какъ можно больше молодыхъ людей

хорошо подготовленныхъ, получившихъ не одно церковное образованіе съ умѣньемъ пѣть въ церкви: нуженъ грамотный солдатъ, утѣрь-офицеръ, нуженъ грамотный рабочій, понимающій то, что ему говорятъ, и вѣряющій въ авторитетъ науки, создавшей такъ, а не иначе ту или другую машину, которую ему довѣряютъ; нуженъ селянинъ, къ которому въ любую минуту правительство непосредственно могло бы обратиться, будучи увѣрено, что его слова не переиначать, не исковеркаютъ. Никакихъ, ни земскихъ, ни епархіальныхъ или еще какихъ-либо наименованій школъ не должно существовать, а должна быть одна лишь государственная первоначальная школа, съ одной же всему государству программой. Вѣдать этой школой надлежитъ не одному сословію дворянскому, землевладѣльческому, духовному, купеческому, мѣщанскому или чиновничьему, а сообща *всѣмъ*—т.-е. представителямъ отъ всѣхъ сословій и отъ земства, вмѣстѣ съ инспекторомъ отъ правительства. Каждый уѣздъ, по мнѣнію кн. Долгорукаго, долженъ быть обложенъ, на одинаковыхъ основаніяхъ, поземельнымъ школьнымъ налогомъ. Теперь „каждое уѣздное земство хозяйничаетъ по своему со школами; довольно часто училищные совѣты существуютъ лишь на бумагѣ, а суммы, ассигнуемыя на школы, находятся въ прямой зависимости отъ того или другого состава гласныхъ... Могутъ сказать, что внимательство правительства въ хозяйство уѣзда уничтожитъ принципъ земскаго самоуправленія; врядъ ли это серьезный аргументъ, но съ нимъ во всякомъ случаѣ согласиться нельзя, когда дѣло идетъ о школахъ и объ уничтоженіи произвола“. Врядъ ли, скажемъ мы въ свою очередь, можно считать серьезнымъ столь поверхностное опроверженіе—или, лучше сказать, отрицаніе—аргумента, затрогивающаго самую сердцевину вопроса. Именно потому, что рѣчь идетъ о *школахъ*, т.-е. о растеніи нѣжномъ, требующемъ не только посадки, но и заботливаго ухода, нельзя не цѣнить чрезвычайно высоко *свободное* участіе земства въ школьномъ дѣлѣ. Еще важнѣе количества школъ, въ нашихъ глазахъ, ихъ жизненность и жизнеспособность, гарантіей которыхъ служить, прежде всего, *добровольное* ихъ учрежденіе. Одно дѣло—отпускать *требуемая* суммы на устройство и содержаніе школъ; другое дѣло—отрывать и содержать школы по собственному убѣжденію въ ихъ необходимости, рассматривая ихъ какъ свое созданіе, лелѣя ихъ какъ свое любимое дѣтище. Можно и даже должно опредѣлить закономъ *минимальную* сумму затратъ cadaго уѣзднаго земства на начальныя земскія школы—но не слѣдуетъ идти дальше и обращать земскія школы въ государственныя, съ низведеніемъ земства на степень *одного изъ многихъ* факторовъ, совокупно вѣдающихъ школу. Стоитъ только установить таковой порядокъ—и огромное большинство земствъ огра-

ничится исполненіемъ законныхъ требованій власти, ничего не прибавляя къ *минимальному* обязательному взносу и мало заботясь о способѣ его употребленія. Наоборотъ, сохраненіе за земствомъ самостоятельности въ школьномъ дѣлѣ—даже той условной, ограниченной самостоятельности, которая принадлежитъ ему теперь,—обеспечить дальнѣйшій ростъ школьнаго бюджета и живую связь между школой и мѣстнымъ населеніемъ. Взаимодѣйствіе всѣхъ учреждений, сословій, общества и отдѣльныхъ лицъ представляетъ, въ настоящее время, гораздо лучший залогъ развитія начальной школы, чѣмъ сосредоточеніе ея въ рукахъ одного вѣдомства. Оставаясь на почвѣ дѣйствительности, можно, притомъ, сказать съ полною увѣренностью, что такое сосредоточеніе, теперь предпринятое, все-таки не было бы доведено до своего логическаго конца: государственная школа поглотила бы школу земскую, но не церковно-приходскую.

Въ какой степени цѣнно и незамѣнно широкое и активное участіе земства въ школьномъ дѣлѣ—лучшимъ доказательствомъ этому служатъ послѣдніе труды нѣкоторыхъ земствъ, напр. полтавскаго и московскаго. Въ полтавской губерніи надъ выясненіемъ школьнаго вопроса работала особая коммиссія, въ составъ которой, кромѣ губернской управы, входили представители уѣздныхъ земствъ, директоръ народныхъ училищъ, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, завѣдующій губернскимъ земскимъ статистическимъ бюро и авторъ изслѣдованія народнаго образованія въ полтавской губерніи, Ю. В. Яцевичъ (Будаговская). Всѣ заключенія этой коммиссіи приняты какъ губернской управою, такъ и губернскимъ земскимъ собраніемъ. Основная цѣль полтавскаго губернскаго земства—подготовить почву для введенія въ полтавской губерніи всеобщаго обязательнаго обученія. Губернской управѣ поручено составить въ 1895 г., при участіи уѣздныхъ земскихъ управъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ, проектъ *нормальной сѣти школъ*, удовлетворяющихъ школьнымъ потребностямъ всего населенія губерніи, и выработать мѣры къ скорѣйшему осуществленію этой сѣти, на соединенныя средства губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Чтобы уменьшить затраты на такую организацію школьнаго дѣла, рѣшено выработать типы школъ *упрощеннаго*, какъ для удовлетворенія образовательныхъ нуждъ хуторнаго населенія (школы грамотности и передвижныхъ школъ), такъ и для болѣе крупныхъ поселеній (филиальныя отдѣленія главной земской школы и т. п.). Отсюда само собою вытекаетъ ходатайство о разрѣшеніи земству открывать подобныя упрощенныя школы, съ подчиненіемъ ихъ введенію уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и съ распространеніемъ на нихъ права (предоставленнаго нынѣ лишь школамъ, состоящимъ въ

вѣденіи епархіальнаго училищнаго совѣта) допускать къ занятіямъ лицъ, не имѣющихъ, по своимъ познаніямъ, права самостоятельнаго школьнаго преподаванія, подъ условіемъ ближайшаго и непосредственнаго надзора за преподаваніемъ въ этихъ школахъ со стороны полноправныхъ учителей земскихъ начальныхъ школъ. Въ московской губерніи вопросъ о всеобщемъ обученіи также былъ рассмотрѣнъ въ особой подготовительной комиссіи, выработавшей нормальную сѣть школъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы не было ни одного поселенія, которое отстояло бы отъ школы дальше, чѣмъ на три версты. Большую роль въ этой сѣти должны были играть филиальныя отдѣленія земскихъ школъ, т.-е. школы „упрощеннаго типа“. Губернская управа предлагала собранію теперь же одобрить эту сѣть; но губернское собраніе, въ засѣданіи 20 января, предпочло передать весь вопросъ на предварительное рассмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній.

Чрезвычайно любопытны данныя, имѣвшіяся въ виду полтавскаго земства при обсужденіи вопроса о всеобщемъ обученіи. Если принять продолжительность школьнаго возраста у насъ въ Россіи въ 3½ года (такъ какъ большинство дѣтей учится три года, но нѣкоторыя—четыре года или пять лѣтъ), то въ полтавской губерніи одно училище земское или министерское приходится на 346 дѣтей, а одно училище вообще (считая церковно-приходскія школы и школы грамотности)—на 177 дѣтей школьнаго возраста. Всего больше, относительно, земскихъ и министерскихъ школъ въ пирятинскомъ уѣздѣ (одна школа на 238 дѣтей школьнаго возраста), всего меньше—въ кобелякскомъ уѣздѣ (одна школа на 620 дѣтей). Въ школы (принимая въ расчетъ *все* начальныя училища, не исключая и школъ грамоты) остается 39,3% мальчиковъ и 90,1% дѣвочекъ школьнаго возраста. Если считать на каждую школу по 55 учащихся и изъ нихъ, въ виду слабаго, покажѣсть, наплыва дѣвочекъ въ начальную школу, только 15 дѣвочекъ, то къ существующимъ 657 министерскимъ и земскимъ школамъ пришлось бы присоединить еще 297; если же включить въ составъ учащихся *все* дѣвочекъ школьнаго возраста, то новыхъ школъ понадобилось бы 1768, или, за вычетомъ существующихъ уже школъ церковно-приходскихъ—1464 (школы грамоты, какъ крайне неустойчивыя, въ расчетъ не приняты). Изъ всѣхъ 2.722 школъ, существующихъ и намѣчаемыхъ въ будущемъ, 1.744 помѣщались бы въ болѣе крупныхъ поселеніяхъ (съ числомъ жителей выше 500), 978—въ менѣе крупныхъ. Содержаніе школы обходится въ полтавской губерніи, въ среднемъ, въ 347 рублей; слѣдовательно для 1.464 новыхъ школъ понадобилось бы 508.008 рублей (по 18 коп. на одного жителя или по 12 коп. на десятину облагаемой земли). Въ московской губерніи число школъ,

открытие которыхъ признается необходимымъ для организаціи всеобщаго обученія, не такъ велико, какъ въ полтавской: оно не превышаетъ 340 (238 полныхъ школы и 102 филиальныхъ отдѣленій). Отлагая до другого раза разборъ всѣхъ этихъ данныхъ, приведемъ изъ полтавскихъ матеріаловъ еще нѣсколько интересныхъ свѣдѣній. Въ полтавскихъ земскихъ школахъ число учителей и учительницъ, получившихъ достаточную подготовку (т.-е. окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ или въ средне-учебныхъ заведеніяхъ), сравнительно съ другими губерніями невелико, составляя около $53\frac{1}{2}\%$; но въ полтавскихъ церковно-приходскихъ школахъ отношеніе это еще менѣе благоприятно (изъ 372 учащихся — 89, т.-е. около 24%). Въ церковно-приходскихъ школахъ оканчиваетъ курсъ, съ свидѣтельствомъ, въ среднемъ 2,5 чел., въ земскихъ — 7,4. Среднее число учениковъ въ каждомъ изъ земскихъ и министерскихъ училищъ—71, въ церковно-приходской школѣ — 39. Всѣ эти цифры не мѣшало бы запомнить черезъ-чуръ равностнымъ и одно-стороннимъ приверженцамъ церковно-приходской школы.

Въ началѣ минувшаго января исполнилось столѣтіе со дня рожденія Грибоѣдова. Объ этомъ днѣ вспомнили въ столичныхъ думахъ; его чествовали въ театрахъ, по поводу его писались газетныя статьи, устраивались литературныя собранія. Не обошлось, конечно, и безъ фальшивыхъ нотъ, прямо не приуроченныхъ къ празднеству, но раздавшихся на весьма близкомъ отъ него разстояніи. Одна изъ нихъ имѣетъ на своей сторонѣ преимущество полнѣйшей откровенности. Она прозвучала въ мало извѣстномъ, спеціальному изданіи („Педагогическомъ Еженедѣльникѣ“, выходящемъ въ Ревелѣ), но была подхвачена, какъ „раритетъ“, столичными газетами. По мнѣнію „Педагогическаго Еженедѣльника“, „Горе отъ ума“, какъ воспитательное сочиненіе, не только никуда не годится, но прямо вредно. „Согласитесь, — говоритъ авторъ, — что заучиванье наизусть учениками извѣстнаго монолога: *А судьи кто?*.. т.-е. протеста молодого Чацкаго противъ отцовъ, о которыхъ онъ отзывается: „что старѣе, то хуже“, — можетъ произвести только разлагющее вліяніе въ юношескихъ сердцахъ. „Горе отъ ума“, какъ и „Ревизоръ“, на которыхъ съ такою любовью и такъ долго останавливаются гимназическіе учителя, должны быть совершенно исключены изъ класснаго разбора. Въ русской литературѣ имѣются три произведенія, на которыхъ нужно воспитывать юношество: „Тарасъ Бульба“, „Война и миръ“ и „Князь Серебряный“; между тѣмъ до сихъ поръ главными произведеніями, на которыхъ останавливались въ гимназіяхъ, были: „Евгеній Оне-

гиня", съ однимъ положительнымъ типомъ—Ленскимъ, но надъ которымъ Пушкинъ отчасти иронизируетъ; „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“—собрание самыхъ отрицательныхъ и пошлыхъ типовъ". Какова живучесть рутинны и предрассудка! Какова осторожность, заставляющая видѣть въ нападеніяхъ на „отцовъ“ двадцатыхъ годовъ нѣчто опасное для дѣтей конца вѣка! Повторяемъ, однако, еще разъ: протестующій педагогъ очевидно искрененъ; онъ высказываетъ, не мудрствуя лукаво, свою задушевную мысль и даже проявляетъ нѣкоторую смѣлость, посягая на школьные „прецеденты“ и общепризнанные авторитеты. Несмотря на несомнѣнное родство съ педагогическими взглядами Фамусова и Хлестовой, внягнни Тугоуховской и Скалозуба, приведенная нами тирада, именно вслѣдствіе ея наивности, вызываетъ только насмѣшливую улыбку.

Совсѣмъ иное чувство возбуждаетъ попытка обратить безсмертную комедію въ орудіе партійной злобы, завербовать Грибоѣдова въ число противниковъ „либерализма". Эта попытка не нова; она была сдѣлана въ первый разъ лѣтъ девять тому назадъ, въ предисловіи къ одному изъ изданій „Горя отъ ума" ¹⁾, и повторена затѣмъ, въ болѣе обостренной формѣ, тѣмъ самымъ писателемъ, который возобновляетъ ее въ настоящее время. За мѣсяць до Грибоѣдовскаго юбилея г. Ю. Николаевъ помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 330) фельетонъ подъ названіемъ: „Нѣсколько замѣчаній о комедіи *Горе отъ ума*", воспроизводящій иногда почти буквально прежнія его статьи на ту же тему. Въ свое время мы подробно возражали г. Николаеву ²⁾; изъ его новаго фельетона мы считаемъ вполне достаточнымъ привести нѣсколько тирадъ, особенно характеристичныхъ. „Чацкій есть протестъ противъ *всякой* пошлости, будь она либеральная или консервативная—это все равно. А такъ какъ теперь именно либеральная пошлость даетъ тонъ жизни, такъ какъ теперь всѣ Фамусовы, Молчалины — и особенно Молчалины,—всѣ Загорѣцкіе и Скалозубы придерживаются либеральнаго образа мыслей, то въ *современности* Чацкій и есть протестъ именно противъ этого либерализма толпы. Неужели непонятно, что теперь Молчалинъ, эта гадина, готовая приспособиться ко всему—готовая угождать собакѣ дворника,—прямо приспособилась къ уличному либерализму и угождаетъ именно съ этой стороны? Неужели непонятно, что Скалозубъ, который говоритъ: „чтобы чины добыть, есть многіе каналы", въ настоящее время избралъ самый широкій каналъ—каналъ либерализма, уклончиваго, готоваго погнуться туда и сюда? Неужели непонятно, что Загорѣцкій въ настоящее время ли-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 5 „В. Европа" за 1886 г.

²⁾ См. Общественную Хронику въ №№ 2 и 3 „В. Европа" за 1890 г.

бераль изъ либераловъ, мечтающій о конституціи; ибо онъ отлично знаетъ, что при конституціяхъ для его мошенничествъ не будетъ уже предѣла?.. Княжны не сдѣлались ничѣмъ инымъ отъ того что стали сплетничать на болѣе современныя и „прогрессивныя“ темы, и если Софьи увлекаются теперь не только Молчалинымъ, но и женскимъ образованіемъ, то отъ этого онѣ не перестали быть Софьями“.

И все это сказано въ декабрѣ 1894 г.!..... Чтобы довершить характеристику фельетониста, приведемъ еще его отзывы о Бѣлинскомъ и Гончаровѣ. „Бѣлинскій... но что же могъ сказать этотъ человекъ „интеллигентной“ толпы, этотъ ея излюбленный выразитель о великой комедіи, о великомъ произведеніи человѣческаго духа? Онъ и посмотрѣлъ на произведеніе Грибоѣдова съ точки зрѣнія толпы своего времени. Писалъ о *Горь отъ ума* Гончаровъ—этотъ выразитель петербургскихъ чиновничьихъ мыслей и чувствъ. Чацкій у него оказался чѣмъ-то въ родѣ Райскаго изъ *Обрива* — глупенькаго, бравирующаго, праздношатающагося, который на устарѣвшихъ провинціальныхъ чиновникахъ показываетъ силу своего либерализма, поднятаго на улицѣ“... Говоря о Бѣлинскомъ, г. Николаевъ забылъ, между прочимъ, что главная статья великаго критика о *Горь отъ ума* написана въ самый разгаръ увлеченія его гегельянствомъ, т.-е. въ эпоху наибольшаго отдаленія его отъ точки зрѣнія „интеллигентной толпы“. Что касается до Гончарова, то именно въ „Милліонѣ терзаній“ онъ меньше чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо является выразителемъ „чиновничьихъ чувствъ и мыслей“. Припомнимъ хотя бы слѣдующія мужественныя, правдивыя его слова, представляющія такой поразительный контрастъ съ разсужденіями г. Николаева: „Чацкій—поклонникъ идеала свободной жизни, сломленной количествомъ старой силы, но нанесшій ей, въ свою очередь, смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей... Чацкій неизбѣженъ при смѣнѣ одного вѣка другимъ. Чацкіе повторяются вездѣ, гдѣ длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ. Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго. Кто бы ни были дѣятели, имъ не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: съ одной стороны — *соотъ учиться на старшихъ глядя*; съ другой — жажда стремиться впередъ и впередъ, отъ рутинны къ свободной жизни“...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

I. Съ 24 октября по 26 декабря 1894 года Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 4 засѣданія, въ коихъ разсмотрѣно было 109 дѣлъ. На этихъ засѣданіяхъ назначены были:

- 1) Пенсія въ 300 р. въ годъ одному писателю.
- 2) Срочная ссуда въ 125 р. на 2 мѣс. одному писателю.
- 3) Безсрочныя ссуды: одному пис. въ 200 р., одному пис.—125 р., двумъ пис. по 50 р.

4) Продолжительныя пособія: по 15 руб. въ мѣс.: одному писат. на 3 мѣс., вдовамъ двухъ пис. на 6 мѣс.; по 5 руб. въ мѣс. одной писательницѣ на 6 мѣс., матери одного покойнаго писателя и вдовѣ одного пис. на годъ.

5) Единовременныя пособія: два въ 100 р. одному пис. и одной писательницѣ; одно въ 60 руб. вдовѣ одного пис.; пять въ 50 руб. тремъ пис., семьѣ одного пис. и одной писательн.; одно въ 30 руб. одному пис.; шесть въ 25 руб. тремъ пис., семьѣ одного пис., вдовамъ одного писателя и одного ученаго; два въ 10 руб. двумъ писателямъ.

6) Платы за обученіе: одна въ 45 руб. за дочь одного писат. и три въ 30 р. за трехъ сыновей одного пис. Затѣмъ, за дочь одного покойн. пис. рѣшено платить до окончанія курса, а дочь одного пис. помѣщена на бесплатную вакансію.

Кромѣ того, по разнымъ дѣламъ было совершено три ходатайства, не считая одного случая посредничества съ одною газетою по вопросу объ уплатѣ гонорара одному писателю.

Отказано было всего въ 23-хъ просьбахъ: въ 19-ти случаяхъ—въ пособіяхъ, въ 4-хъ—въ ссудахъ.

II. Съ 1 января по 20 декабря отчетнаго года поступило въ капиталы Общества:

Неприкосновенный	100 р. — коп.	
Именные ¹⁾	19.156 „ 05 „	
Расходный ²⁾	24.047 „ 77 ¹ / ₄ „	
Ссудный (возвратъ ссудъ):	1.625 „ — „	
На счетъ переходящихъ суммъ	3.277 „ 44 „	48,206 р. 26 ¹ / ₄ к.
За то же время выдано изъ капиталовъ:		
Именныхъ (на памятникъ Г. Е. Елисееву).		
Г. Е. Елисееву).	774 „ — „	
Расходнаго	24.128 „ 69 „	
Ссуднаго	2.220 „ — „	
Со счета переход. суммъ.	5.903 „ 43 „	33.136 „ 12 „
Перерасходъ расходнаго капитала, бывший къ 1 января въ 1.047 р. 74 к., составилъ къ 20-му декабря		
		1.128 „ 65 ³ / ₄ „
Свободный остатокъ ссуднаго капитала представлялъ		
		143 „ 40 „
Въ долгахъ по ссудамъ числилось		
		2.856 „ 60 „
Наличныя же средства Общества заключались:		
Въ процентныхъ бумагахъ на номин. сумму	289.325 „ — „	
На текущихъ счетахъ и въ кассѣ Общества	11,263 „ 90 ¹ / ₂ „	

¹⁾ Въ именныхъ капиталахъ 10,000 руб. (въ капиталъ имени М. Е. Салтыкова), а въ расходномъ 5,000 руб. поступили отъ г-жи Левисъ офъ Меноръ по сделкѣ съ нею Общества.

II.—ВОЗВЪЗАНІЕ О ПОЖЕРТВОВАНІИ НА СООРУЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ВЪ Г. ТАГАНРОГѢ.

Два вѣка тому назадъ мудрый гѣній незабвеннаго Преобразователя Россіи Императора Петра Великаго, въ своемъ вдохновенномъ прозрѣніи будущихъ великихъ судебъ нашего дорогаго отечества, соединилъ всѣ свои державные помыслы на пересозданіи внутренней жизни Россіи въ связи съ расширеніемъ и укрѣпленіемъ ея границъ; опорой которыхъ на сѣверѣ и югѣ должны были служить морскія воды. На доли Азовскаго моря выпало историческое счастье быть первою колыбелью новорожденнаго русскаго флота, который принялъ боевое крещеніе подъ стѣнами турецкой крѣпости на Таганьемъ-рогѣ, и, одержавъ блестящую побѣду, покоришь въ подножію престола Таганій-рогъ съ его побережьемъ, послужившимъ первою тропкою къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ Азовскаго и Чернаго морей, а тѣмъ самымъ и къ дальнѣйшему развитію могущества Россіи на всемъ ея нынѣ необъятномъ пространствѣ земель и морей. Овладевъ Таганьимъ-рогомъ, Петръ Великій заложилъ на немъ, въ благодарность Всевышнему, храмъ во имя Св. Троицы и крѣпость того же имени, а затѣмъ въ 1698 году учредилъ Троицкую губернію съ городомъ Троицкомъ на Таганьемъ-рогѣ, каковой городъ впоследствии, послѣ цѣлорада политическихъ и историческихъ событій, былъ переименованъ въ Таганрогъ, существующій благополучно донынѣ.

Признательные современные граждане гор. Таганрога, желая увѣковѣчить въ памяти потомства неоцѣнимые для Россіи подвиги и дѣянія Императора Петра Великаго, предположили воздвигнуть въ Таганрогѣ, ко времени двухсотлѣтія съ основанія этого города, памятникъ незабвенному преобразователю Россіи, вблизи того священнаго мѣста на берегу Азовскаго моря, гдѣ Великій Петръ возносилъ молитвы о будущности Россіи, предвидя своимъ гѣніемъ, что этотъ уголокъ азовскаго побережья послужитъ родоначальникомъ приморскихъ южныхъ странъ державы російской.

Благодарное стремленіе таганрогскихъ гражданъ удостоилось Высочайшаго одобренія Государя Императора, и Его Императорское Величество, въ 5-й день іюня 1893 года, Всемилостивѣйше соизволило на сооруженіе въ г. Таганрогѣ памятника Императору Петру Великому и на разрѣшеніе таганрогской Городской Думѣ открыть для сего повсемѣстную по Имперіи подписку съ тѣмъ, чтобы проектъ памятника былъ предварительно представленъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе.

Эта высокая царская милость краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываетъ историческое значеніе будущаго памятника Петру I, каковой народный памятникъ долженствуетъ служить выразителемъ признательности благородныхъ сыновъ Россіи ея Великому Преобразователю.

Насколько могучій образъ Петра запечатлѣнъ въ русскихъ сердцахъ яркимъ сіяніемъ славы и величіемъ совершенныхъ имъ дѣлъ по обновленію, расширенію и укрѣпленію нашего отечества, настолько

возможна надежда, что современное русское общество, дружно и щедро откликнется на настоящій призывъ таганрогскаго городского обществннаго управленія и тѣмъ вновь докажетъ непоколебимую преданность и любовь Россіи къ ея державнымъ вѣнценосцамъ.

Осуществленіе размѣровъ и характера предполагаемаго памятника будетъ, разумѣется, зависѣть отъ размѣра матеріальныхъ средствъ, которыя поступятъ на его сооруженіе, а потому о всѣхъ пожертвованіяхъ и о всѣхъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ по настоящему патріотическому дѣлу таганрогское городское общественное управленіе почтетъ своимъ долгомъ оповѣщать во всеобщее свѣденіе.

Всѣ пожертвованія имѣютъ быть адресуемы: „Въ г. Таганрогъ, Городской Управѣ, для комитета по сооруженію памятника Императору Петру Великому“. Въ полученіи пожертвованій будутъ выдаваемы или высылаемы установленныя квитанціи.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1895.

Книга первая. — Январь.

	СТР.
Святая пора.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	5
Бранже и его пьесы.—АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО	7
Слѣтня.—Повѣсть.—I.—С. ФОНВИЗІНА	38
А. В. Дружининъ.—1831-1864 гг.—I-II.—С. ВЕНГЕРОВА	81
Ходокъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая: I-XVI.—П. Д. БОБОРЬКИНА	101
Искра Вожя.—Повѣсть, съ польскаго.—I.—ЭД. ОРЖЕШКО	165
Стихотворенія.—I. Два пѣвца.—II. Триумфаторъ.—СЕРГѢЯ МАМОНТОВА	207
Гость изъ Альтрури.—„A Traveller from Altruria“. A romance, by W. D. Howells.—I-VI.—А. В-Г.	218
Первое время послѣ Петра Великаго.—Феофанъ.—Авраамъ.—Кантемиръ.—Татищевъ.—Начатки русскаго псевдоклассицизма.—А. Н. ПЫПИНА	269
Теорія и практича законности.—„Указъ и законъ“, изслѣдованіе Н. М. Коркунова, въ двухъ томахъ.—I.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	317
Изъ „романа трагическаго“, Деконтъ-де-Лилъ.—1. Небесная лампада.—2. Умирающему поэту.—3. Безсмертное благоуханіе.—4. Альбатросъ.—5. Послѣдній олимпіецъ.—6. Тайна битія.—О. Н. МИХАЙЛОВОЙ	382
Народность съ нравственной точки зрѣнія.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	337
Хроника.—Обороты и операція казны въ 1893 г., по отчету государственнаго контроля.—О.	356
Внутреннее Овозрѣніе.—Новый годъ.—Постановленіе о штрадахъ и отношеніе его къ закону 3 мая 1883 г.—Общій вопросъ о порядкѣ обсужденія и выданія законовъ.—Новыя предложенія относительно раскольничьихъ.—Сфера примѣненія положенія 14 августа 1881 г.—Два циркуляра.—Постановленіе гжатскаго дворянства.—Приказъ ген. М. И. Драгомирова	374
Иностранное Овозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Настоящее положеніе дѣлъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи	395
Литературное Овозрѣніе.—Сочиненія Г. С. Сквороды, изд. проф. Д. И. Багалъемъ.—Критическіе очерки Н. К. Михайловскаго.—Описаніе Амурской области, Г. Е. Грумъ-Гржимайло.—Т.—Русскіе символисты, вып. 2.—ВЛ. С.—Новыя книги и брошюры	407
Объясненія на поправки къ статьѣ: „Послѣднія времена московской Руси“.—А. П.	427
Новости Иностранной Литературы.—I. The work of John Ruskin, its influence upon modern thought and life, by Charles Waldstein.—3. В.	429
Замѣтка.—Изъ исторіи нашей „культурности“.—Поправка къ двумъ сообщеніямъ г. С. Южакова о погребеніи И. С. Тургенева въ 1883 году	436
Изъ Общественной Хроники.—Новая организація общественнаго призанія въ Москвѣ.—Станный взглядъ на благотворительность.—Значеніе благотворительности для самихъ благотворителей.—Характеристичные процессы.—Земства грайворонское и весьегонское.—Любопытныя статистическія данныя.—Забавныя недоразумѣнія въ печати	441
Извѣщенія.—Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному воспитанію	456
Видеографическій Листокъ.—Промышленные синдикаты, И. И. Янжула.—Объ умѣ и познаніи, Ипп. Тэна—Всеобщая исторія литературы, В. О. Корша, вып. 1.—Путешествіе по Туркестану, Сѣверцова и Федченки, излож. М. А. Лялиной.—Древняя исторія народовъ Востока, Ж. Масперо	
Объявленія.—I-XVI стр.	

Книга вторая. — Февраль.

	стр.
Стихотворения. — I. Ночь на Рождество. II. Сайма зимой. III. Сумерки надъ Иматрой. — ВЛ. СОЛОВЬЕВА	457
Ходокъ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть первая: XVII-XXXII. — П. Д. БОРОЫКИНА	459
Институтъ международного права и юридическаго общества. — ИГН. А. ИВАНОВСКАГО	522
Силетия. — Повесть. — II. — Окончаніе. — С. ФОНВИЗИНА	541
Промышленные синдикаты. — ВЛ. ВИРЮКОВИЧА	581
Искра Божія. — Повесть. — Съ польскаго. — I-III. — ЭД. ОРЖЕШКО	618
А. В. Дружининъ. — 1824-1864 гг. — III-IX. — Окончаніе. — С. ВЕНГЕРОВА	672
Гость изъ Альтрури. — A traveller from Altruria, by W. Howells. — VII-XII. — Окончаніе. — А. Б-Г.	710
ТѢОРИЯ И ПРАКТИКА ЗАКОННОСТИ. — II-IV. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	783
Стихотворенія. — I-V. — К. СЕЛАВРИ	795
Водвореніе новыхъ литературныхъ формъ. — Первая половина XVIII-го вѣка. — Повесть, драма, лерика. — А. Н. ПЫПИНА	796
Хроника. — Государственная роспись на 1895 годъ. — О	846
Внутреннее Овозраженіе. — Приемъ представителей всѣхъ сословій въ Зимнемъ дворцѣ, 17 и 18 января. — Именной указъ 18 января. — Проклѣваемое освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ на содержаніе мѣстнаго управленія. — Сессія сельско-хозяйственнаго совѣта. — Переимѣна въ управленіи министерства путей сообщенія. — Поправка	861
Иностранное Овозраженіе. — Политическая дѣятельность Н. К. Гирса и оцѣнка ея за границей и у насъ. — Мироелюбіе и воинственный патриотизмъ. — Замѣчанія г. Татищева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. — Президентскій кризисъ во Франціи. — Новое министерство въ Венгріи. — Переимѣна кабинета въ Греціи. — Армянскій вопросъ въ Турціи. — Японскія побѣды надъ Китаемъ	876
Литературное Овозраженіе. — Автопій Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII-го вѣка, М. Марковскаго. — Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. XXV. — Объ открытіи Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія При-Амурскаго отдѣла И. Р. Георг. Общества. — Якутскіе рассказы, В. Овровскаго. — Т. — Стихотворенія Ек. Бекетовой, посмертное изданіе. — L. — Новые книги и брошюры	891
Новости Иностранной Литературы. — I. La Politique, par Charles Benoist. — II. Gedichte von M. Lermontoff, im Vermaass des Originals, von Fr. Fiedler. — В.	902
Изъ Общественной Хроники. — Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ полтавскомъ и московскомъ земствѣ. — Предубѣжденія, могущія помѣшать его дальнѣйшему движенію. — Столѣтняя годовщина для рожденія Грибоѣдова	906
Извѣщенія. — I. Изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — II. Воззваніе о пожертвованіи на сооруженіе памятника Императору Петру Великому въ г. Таганрогѣ	915
Библиографическія Листовыя. — Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, А. Д. Градовскаго. — Основные моменты въ развитіи новой философіи, Н. Я. Гротъ. — Земля, Эл. Реклю, вып. 1. — Эгонистъ, ром. Дж. Мередитъ. — Историко-философскіе этюды, Н. Карѣва. — Положеніе о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ. — Маленькій разносчикъ, А. Женневръ	
Объявленія. — I-XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Государственное право важнейшихъ европейскихъ державъ. Лекція, читанная въ 1886 году А. Д. Градовскимъ. Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. Сиб., 1895. Стр. 528. Ц. 3 р.

Курсъ, читанный покойнымъ проф. Градовскимъ, десять лѣтъ тому назадъ и напечатанный теперь подъ редакціей и съ примѣчаніями г. Коркунова, заключаетъ въ себѣ догматическое изложене конституціоннаго права главныхъ западно-европейскихъ государствъ. Историческая часть содержится въ первомъ томѣ, вшедшемъ при жизни автора въ 1885 году. Извѣстно и говорить, что книга проф. Градовскаго, по старательной обработкѣ и богатству матеріала, заслуживаетъ полного вниманія всѣхъ, интересующихся вопросами политической жизни Запада. Многочисленные примѣчанія г. Коркунова вносятъ въ изложеніе тѣ перемены, которыя произошли въ иностранныхъ законодательствахъ за послѣднее десятилѣтіе.

Н. Я. Гротъ. Основныя моменты въ развитіи новой философіи. Москва. 1894. Стр. 256. Ц. 60 к.

Въ рядѣ очерковъ, написанныхъ замѣчательно живо и интересно, излагаются идеи, вѣрныя, характеризуются авторомъ главными философскія системы, начиная съ Джордано Бруно и кончая Кантомъ. Любопытные факты изъ жизни отдѣльныхъ мыслителей придаютъ изложенію ту занимательность, подъ прикріемъ которой легче всего усвоиваются публиковъ полезныя знанія по означеннымъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи книжка проф. Н. Я. Грота представляетъ образецъ, достойный подражанія.

Элизе Реклю. Земля. Описаніе жизни земного шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія А. В. Мельера. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. А. Рубакина. Выпускъ I. Земля, какъ планета. — Горы и равнины. Съ 26 рисунками и 4 картами. Сиб. 1895. Стр. 229. Ц. 90 к.

Популярное сочиненіе знаменитаго географа, „La Terre“, обладаетъ всеми достоинствами серьезной и легко читаемой книги, и можно только одобрить предпринятый г. Рубакинымъ трудъ перевода этой книги на русскій языкъ. Въ приложеніи къ первому выпуску напечатаны цѣлый отдѣлъ примѣчаній, разъясняющихъ въ алфавитномъ порядкѣ встрѣчающіеся въ текстѣ научныя термины и собственныя имена (стр. 186—218); нѣкоторыя изъ этихъ разъясненій весьма обстоятельны, и въ нихъ указываются также главныя руководства и пособія на русскомъ языкѣ, по каждому данному вопросу. Сверхъ того, въ концѣ помѣщены списки популярно-научныхъ книгъ по астрономіи, минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Все изданіе должно состоять изъ шести выпусковъ и будетъ окончено, вѣроятно, въ скоромъ времени.

Ж. Меркдуть. Эгоистъ. Романъ. Переводъ съ англійскаго З. А. Венгеровой („Моя библиотека“, изд. Ледерзе и К°). Сиб. 1894. Стр. VII, 552 + 7. Ц. 1 р.

Какъ объяснить переводчица въ предисловіи, мало извѣстный у насъ Джорджъ Меркдуть

считается въ Англіи лучшимъ изъ современныхъ англійскихъ беллетристовъ „по оригинальности и глубинѣ творчества въ области психоаналитическаго романа“. Самое выдающееся его произведеніе, „Эгоистъ“, можетъ дать читателю достаточно точное понятіе о главныхъ свойствахъ и особенностяхъ его художественнаго таланта. Тонкій юморъ, ясная психологическая наблюдательность и замѣчанія, живой интересъ къ разсказу и впечатлительное изящество формы — выделяютъ романъ Меркдуть изъ ряда обыкновенныхъ произведеній англійской беллетристики.

Н. Карѣвъ. Историко-философскія и социологическія этюды. Сиб., 1895. Стр. 293. Ц. 1 р. 25 к.

Новая книга проф. Карѣева представляетъ собою сборникъ статей, написанныхъ авторомъ въ разное время и напечатанныхъ въ изданныхъ нашихъ журналахъ. Содержаніе „этидовъ“ относится главнымъ образомъ къ области вопросовъ философіи исторіи, которые авторъ давно уже разрабатываетъ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Между прочимъ, перепечатанная теперь большая статья „объ экономическомъ материализмѣ въ исторіи“ (стр. 162—238) была помѣщена еще очень недавно въ „Истинной Карони“ (іюль—сентябрь за истекшій годъ).

Положеніе о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществахъ, съ дополнительными изложеніями. Изданіе страхового отдѣла при коалиціонномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Сиб. 1894. Цѣна 50 к.

Въ настоящей брошюрѣ къ тексту положенія о страховомъ надзорѣ присоединены дословныя выписки упоминаемыхъ въ немъ статей свода и полного собранія законовъ, и отдѣльно изданныхъ административныхъ распоряженій. Въ особомъ приложеніи помѣщены впервые опубликованныя официальныя правила отчетности и контроля отчетовъ резервнаго фонда и формы операций обществъ „Нал-Горь“, „Эквитабъ“ и „Урбенъ“. Новое изданіе предназначено облегчить многочисленнымъ справкамъ, связаннымъ тѣсною связью положенія о страховомъ надзорѣ съ прочими отдѣлами законодательства. Въ виду важнаго значенія самаго учрежденія правительственнаго надзора за страховымъ дѣломъ, брошюра представляетъ не только практическій, но и теоретическій интересъ.

А. Женевръ. Маленькій разносчикъ. Съ французскаго М. Гранстрема. Съ 26 рисунками Жоффруа. Сиб., 1894.

Въ этой изящно напечатанной книгѣ разсказана трогательная исторія, способная заинтересовать вниманіе читателей. Бездомный мальчикъ, торгующій спичками, вопреки честному старому инавалду и нашедъ въ немъ надежнаго покровителя и друга; захватъ оныхъ поступаетъ въ армию, участвуетъ въ франко-прусской войнѣ и возвращается офицеромъ, востъ чего женится на подружѣ дѣтства. Участие героя въ войнѣ даетъ поводъ къ изображенію нѣкоторыхъ военныхъ эпизодовъ и къ характеристикѣ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій. Текстъ украшенъ, по обыкновенію, красивыми иллюстраціями и вѣтками.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ до- ставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. го- родахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ новышенія годовой цѣны подписки.

Съ 1-го января открыта подписка на годъ; полугодіе и первую четверть 1895 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Ципзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Щечковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

